

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

СТЕФАНОВИЧ Пётр Сергеевич

**ЗНАТЬ И ВОЕННЫЕ СЛУГИ
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
В X – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора исторических наук**

Москва 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Историография и источники	26
§ 1. Обзор научной литературы по теме исследования	26
§ 2. Использованные источники и методы работы с ними	60
Глава II. Понятие дружины в историографии	73
§ 1. «Германская» дружина	75
§ 2. «Славянская» дружина	101
§ 3. Выводы	127
Глава III. Древнее слово <i>дружина</i>	131
§ 1. <i>Дружина</i> в древнейших славянских памятниках	134
1.1. Тексты кирилло-мефодиевского круга	137
1.2. Древнеболгарские тексты	151
1.3. «Чешско-церковнославянские» тексты	153
§ 2. <i>Дружина</i> в древнерусских источниках	167
2.1. Древнейшее летописание	170
2.2. Летописи и другие источники XI–XIII вв.	199
§ 3. Выводы	218
Глава IV. Княжеские военные слуги: отроки/гридь	221
§ 1. «Большая дружина» – воины на содержании правителя	223
1.1. Древняя Польша	223
1.2. «Империя» Кнуда Великого	231
1.3. Другие регионы	239
§ 2. «Большая дружина» на Руси	248
2.1. X–XI вв.: от зарождения до кризиса	248
2.2. Гридь	271
§ 3. Выводы	283
Глава V. Формирование знати как социальной группы	287
§ 1. Слово <i>бо(л)ярин</i>	288
§ 2. Знать в договорах Руси и греков X в.	298

§ 3. Бояре в XI – первой трети XII в.	342
3.1. Летописные данные	344
3.2. Несторово Житие Феодосия Печерского	356
3.3. Боярские военные слуги: отроки	364
§ 4. Бояре – часть элиты древнерусского общества	369
4.1. Бояре и городская верхушка	369
4.2. Местная знать?	379
4.3. Вопрос о привилегиях боярства и «Русская Правда»	385
§ 5. О численности боярства	401
§ 6. Выводы	410
Глава VI. Отношения бояр и князей	412
§ 1. Верность	414
1.1. Князь и «муж»: установление отношений и разрыв	417
1.2. Сравнение со средневековой Европой	442
1.3. Верность: условная и безусловная	456
§ 2. Боярские «карьеры» и «генеалогии»	465
§ 3. Выводы: служба, преемственность и статус	495
Заключение	507
Библиография	516
Список источников и литературы, использованных в работе	516
Список принятых в работе сокращений для некоторых изданий	551
Список сокращений для летописных памятников	553

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Общество обращается к собственным истокам в далёком прошлом, чтобы найти причины и обоснование своей исторической судьбы, и это прошлое служит самоидентификации и самолегитимизации. В этом смысле древнейший период истории Руси¹, с которым связывается зарождение русской государственности, культуры и цивилизации, остаётся актуальной темой для современной общественной мысли России. В научной литературе этот период вызывал и вызывает дискуссии и разноречивые мнения.

Особенно спорными и сложными являются проблемы социально-политического строя средневековой Руси². Помимо скудости источников – обстоятельства естественного, но неизменно отмечаемого с сожалением историками, – это связано и с другими факторами. В изучение этих проблем привносятся абстрактные схемы, исторические данные оцениваются с позиций, априорно принятых из соображений не исторических, а философских, идеологических и т. д. Долгое время отечественная историография развивалась в отрыве от мировой, и это привело к пробелам, прежде всего, в разработке теоретико-методологических подходов к познанию прошлого. Свой отпечаток накладывает неоднозначное взаимодействие русской (российской), украинской и белорусской историографических традиций, которые рассматривают историю Руси домонгольского периода как общее наследие, но далеко не всегда под одним углом зрения.

Представления о феодализме, которые сложились в науке XVIII–XIX вв. и в рамках которых традиционно осмысливается средневековая история, в настоящее время подвергаются серьёзной ревизии. Причём пересматриваются не только теории марксистского толка, но и «классическое» политико-правовое учение о феодализме³. Что касается древнерусской истории, концепция феодализма, принятая в советской историографии, очевидно, не удовлетворяет современному состоянию научных знаний, но наблюдается явный дефицит иных концептуальных подходов.

Трудности в осмыслении средневекового, а в особенности раннесредневекового, во многом архаичного, общества связаны и с тем, что можно назвать разрывом или

¹ Слово *русь* используется в работе для обозначения государства и его территории с прописной буквы, для обозначения этноса – со строчной.

² Ср.: «Проблемы социально-политического строя в целом и Древней Руси в частности относятся к числу наиболее сложных в исторической науке» (*Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. Отв. ред. А. А. Горский и В. А. Кучкин. М., 2008, с. 7 («Предисловие» к книге)).

³ Широкое обсуждение «проблемы феодализма» на рубеже XX–XXI вв. было спровоцировано книгой Сьюзан Рейнолдс (*Reynolds S.* *Fiefs and vassals: the medieval evidence reinterpreted.* Oxford etc., 1994), резко критической по отношению к традиционным представлениями о феодализме. Ср. дискуссию «Феодализм перед судом историков» в журнале «Одиссей: человек в истории. 2006» (М., 2006). Отдельное более полное издание материалов дискуссии: *Феодализм: понятие и реалии.* Под ред. А. Я. Гуревича, С. И. Лучицкой, П. Ю. Уварова. М., 2008.

разногласием в языке источника и языке (дискурсе) современного учёного. Социальная структура в раннее Средневековье была размыта и аморфна. Юридические и институциональные градации, зафиксированные в документах, происходящих из разных регионов Европы, носили часто более или менее случайный и в отдельных случаях особенный характер, были неустойчивы и непоследовательны. Привычные для историков сословные или классовые определения, сложившиеся в более позднее время, не применимы или применяются с натяжкой к этим обществам. До сложения сословного строя в позднее Средневековье общественная иерархия строилась и определялась под воздействием не столько письменно зафиксированных юридических норм, сколько общепринятых обычаев, представлений и практик и фактического соотношения сил. И в источниках мы не найдём последовательных обозначений правового характера для общественной иерархии; терминология есть, но она случайна и непоследовательна, исходит из разных принципов названия социальной реальности и не соответствует или плохо соответствует привычным нам способам рационально-систематического (научного) описания и определения действительности.

Вместе с тем, нельзя думать, что раннесредневековое общество было настолько размыто и неструктурировано, что не имело вовсе иерархии и представляло собой некую «общинность», как утверждают некоторые историки «славянофильского» направления. Такой взгляд противоречит массе данных, которые накоплены в разных научных дисциплинах и которые заставляют смотреть на древние общества как на более или менее сложно стратифицированные и иерархизированные.

Как показывают исследования этнологов (социальных антропологов), даже в обществах, где властные государственные институты и структуры только начали формироваться, коллективно-уравнительные (общинные) отношения не всеохватывающи, они «расщеплены» на разные уровни и не могут подавить или поглотить имущественную дифференциацию, стремление отдельных личностей к власти над другими и т. п. тенденции. Эгалитарные общества, жившие или живущие в некоем «первобытном коммунизме», исторической науке вообще не известны, да и у этнологов идут споры, применимо ли это понятие и в какой мере к современным «примитивным» обществам⁴. Общества, которые можно назвать (хотя и всё равно условно) эгалитарными, фиксируются лишь в весьма специфических природных условиях отдельных областей Африки и Азии⁵.

Сравнительно-типологические теории современных социологии и политологии подчёркивают неизменность элитарных тенденций в человеческом сообществе. В западноевропейской науке в конце XIX – первой половине XX в. была развита целая

⁴ Например, известный этнолог (антрополог) А. Бетейль заключает очерк развития идей и дискуссий об «эгалитарных/неэгалитарных» обществах в XIX–XX вв. следующим выводом: «большинство антропологов сегодня скептически настроены относительно существования всеобщей стадии примитивного коммунизма (most anthropologists are nowadays skeptical about the existence of a universal stage of primitive communism)» (*Béteille A. Inequality and equality // Companion Encyclopedia of Anthropology. Ed. by T. Ingold, London-NY, 1994, p. 1012*).

⁵ Ср.: *Крадин Н. Н. Политическая антропология. Изд. 2-е. М., 2004, с. 149 и след.*

«теория элит» (у её истоков стояли В. Парето и Г. Моска)⁶, которая стала своего рода реакцией на два направления мысли в науке XVIII–XIX вв. С одной стороны, традиционно в центр исторических событий и процессов ставили правителей и героев. Их блеск затмевал серую массу населения, им подчинённого и ими ведомого, им приписывались все государственные деяния. В сущности, эта мысль идёт из глубокой древности. В древнерусских летописях, например, князя – и даже, точнее, князя одной династии Рюриковичей – персонифицируют власть и несут ответственность за подданных перед высшим Судом, и на них замыкаются так или иначе все общественные явления и движения. Другую мысль развивали учёные XIX в. Фигуры одиноких гениев, героев или помазанников божьих отошли на задний план, а вперёд выдвинулись структуры, массы, институты и объективные условия в историческом процессе. Решения лидеров и правителей, какими бы самостоятельными и оригинальными они ни выглядели, на самом деле, как утверждала наука, выражают интересы и волю более или менее широких кругов лиц – от класса до нации.

В настоящее время «теорию элит» в социологии и политологии оценивают по-разному, но вклад её в науку очевиден, и никто не будет отрицать важнейшую роль некоей верхушки общества (элиты) в управлении этим обществом и её сильное влияние на его развитие. Далеко не всё население и даже не большинство того или иного государственного или общественного образования имеет возможность (и желает) влиять на политический процесс. Реальная власть принадлежит сравнительно узкой и немногочисленной верхушке общества. В разных исторических условиях эта верхушка может по-разному выглядеть, но присутствует она практически во всех обществах, известных науке. И элита выполняет некоторые важные общественные функции. Развитие общества может замедляться, если не происходит обновления или даже перерождения элиты (то есть начинается «стагнация элиты»), но без неё общество просто не может обойтись.

Нельзя также игнорировать перспективу современной археологии. И с этой точки зрения раннесредневековое общество предстаёт перед нами сегодня совсем не «общинным», а с ярко выраженным неравенством. В частности, накоплена масса данных об имущественной дифференциации и концентрации объектов социального престижа и исправления власти на территории Восточной Европы, вошедшей в состав Древнерусского государства, уже в IX–X вв. «Одним из существенных аспектов культурной трансформации», который фиксирует современная археология на этой территории в это время, являются «символическое обозначение власти и социальной иерархии, появление особых форм престижного потребления, особых категорий статусных вещей и выделяющихся по своему характеру погребальных памятников, призванных служить знаками властных отношений и особого положения социальной

⁶ См. об этой теории: Дука А. В. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. № 1 (62). М., 2009, с. 136-153.

элиты»⁷. Осмысление такого рода данных в свете письменных источников – давно назревшая необходимость.

Наконец, и опыт западноевропейской медиевистики свидетельствует о том же: раннесредневековое общество было гетерогенным и иерархичным, однако эту иерархичность трудно «уловить» и выстроить в определённую систему по единым критериям, ориентируясь на более поздние социально-правовые разграничения. В современной медиевистике никто не сомневается в самом наличии стратификации в обществе раннего Средневековья и, в частности, в существовании некоей социальной верхушки или правящего слоя, для которого в разных историографических традициях применяются разные, но схожие названия (*upper class*, *ruling group*, *classe dirigeant*, *class dominante*, *Oberschicht*, *politische Elite* и т. д.). Проблема состоит в том, как определить признаки этого слоя и связать его с сословием знати (рыцарским сословием), оформившемся в позднее Средневековье. Многие учёные, особенно в XIX – первой половине XX в., вообще отрицали наличие здесь какой-либо связи.

Второй том классического труда Марка Блока «Феодальное общество» начинается с утверждения, что относительно строгое упорядочивание общественных классов заметно только со «второго феодального периода» по терминологии Блока, то есть приблизительно с начала XII в. С этого времени, по мнению историка, можно говорить о знати как особом социальном слое, привилегии которого определены юридически и передаются по наследству. В раннее Средневековье стержень социальной иерархии составляли отношения личной зависимости, и господствующий класс (*classe dominante*) постоянно обновлялся лицами, продвигавшимися по социальной лестнице в силу личной предприимчивости, обогащения и т. д.⁸ Такое понимание общества иногда называют меритократией – «властью достойных» (от латинского *mereo* ‘заслуживать, зарабатывать, быть достойным’).

Однако уже тогда, когда писал Блок, был сформулирован совсем другой подход, признававший за знатью не только ведущую общественную роль, но и преемственность на протяжении всего Средневековья. В середине XX в. в немецкой медиевистике произошло явное и решительное смещение акцента на знать/аристократию как системообразующий элемент средневекового общества. Эта подвижка была следствием пересмотра взгляда, принятого в XIX в., на древнее «племенное» общество германцев как «демократию». Вместо «германской свободы» была выдвинута идея «господства знати» – *Adelsherrschaft*. «Средневековый мир был аристократический мир. Над государством, церковью и обществом господствовала знать», – таким программ-

⁷ Макаров Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Отв. ред. Н. А. Макаров. М.-Вологда, 2012, с. 449.

⁸ «A partir du second âge féodal on vit les classes s'ordonner de plus en plus strictement». «Assurément les sociétés de l'ère féodale n'eurent rien d'égalitaire. Mais toute classe dominante n'est pas une noblesse». «...la noblesse ne fut, en Occident, qu'une apparition relativement tardive... Le premier âge féodal tout entier, avec l'époque immédiatement antérieure, l'avait ignorée» (*Bloch M. La société féodale*. Paris, 1968 (1-e изд.: 1939-1940 гг.), p. 393-396). Ср. русский перевод, не точный и стилистически далеко не блестящий: Блок М. Феодальное общество. М., 2003, с. 276-278.

ным заявлением начиналась работа Генриха Данненбауэра, одного из вдохновителей этой идеи ⁹.

Теория «господства знати» была поддержана в последующей историографии далеко не во всех пунктах и аспектах, но она, несомненно, дала мощный импульс изучению средневековой знати ¹⁰. Общий тренд европейской медиевистики второй половины XX в. состоял в демонстрации наличия и особой роли знати в раннее Средневековье, то есть и до сложения сословного строя (несмотря на естественные расхождения в таких вопросах, как состав и преемственность этого слоя, суть, происхождение и формы его доминирования и т. д.). Конечно, этот тренд соответствовал тому акценту на элите, который стали делать в социологии со времён Парето и Моски. Сегодня едва ли кто-нибудь станет говорить о раннесредневековом обществе как о меритократии или тем более демократии.

Но различие между знатью раннего Средневековья и рыцарским сословием XII–XV вв. очевидно, и остаются трудности в определении признаков этой знати, которая не обладала письменно зафиксированными привилегиями, передававшимися по наследству. По этой причине в англо- и франкоязычной медиевистике, например, разделяют два понятия – *знать* и *аристократия*. Первое относится к слою с законодательно закреплёнными привилегиями, второе, подразумевая значительный уровень социальной мобильности, указывает на тех лиц, которые выдаются в социальном отношении и обладают властью *de facto* ¹¹.

Даже если признать удачным это разделение двух понятий, остаётся вопрос, как обозначать другие социальные слои и группы, отдельные от знати/аристократии, но также имевшие повышенный социальный статус, обладавшие властными полномочиями и т. д. Необходимым оказывается какое-то более общее понятие, охватывающее не только собственно знать, но и вообще социальную верхушку.

В качестве такого понятия в литературе могут употреблять выражение *господствующий класс*, принятое, в частности, в марксистской науке. Однако в современной историографии к нему прибегают всё реже, потому что оно подразумевает слишком жёсткие разграничительные линии между неким слоем, захватившим господство в обществе, и остальным населением (классовый антагонизм). В действительности в Средние века каналы и механизмы социальной мобильности пронизывали практически всё общество с верху до низу и, как правило, активно функционировали. В то же

⁹ «Die Welt des Mittelalters war eine aristokratische Welt. Staat und Kirche und Gesellschaft werden vom Adel beherrscht» (*Dannenbauer H. Adel, Burg, und Herrschaft bei den Germanen // Historisches Jahrbuch. Bd. 61 (1941), S. 1.*)

¹⁰ Историография этого направления весьма обширна. Краткий, но содержательный обзор её дал английский медиевист немецкого происхождения Тимоти Рейтер (Timothy Reuter): *Reuter T. The Medieval Nobility in Twentieth-Century Historiography // Companion to Historiography. Ed. by M. Bentley. London, New-York, 1997, p. 177-202.* См. также сборник франко- и немецкоязычных работ по истории раннесредневековой знати 1960-70-х гг. в переводе на английский язык с очень дельным и полезным введением Рейтера: *The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century. Edited and translated by T. Reuter. Amsterdam, New York, Oxford, 1979.*

¹¹ *Reuter T. The Medieval Nobility in Twentieth-Century Historiography, p. 179.*

время отношения господства и подчинения были слишком разнообразны и связывали людей слишком разных, чтобы можно было, ориентируясь на эти отношения, чётко разделить население на классы, различающиеся по социально-экономическим, политическим или правовым критериям.

Всё более популярным в медиевистике становится понятие *элиты*. Совсем недавно завершился масштабный международный исследовательский проект, инициированный французскими медиевистами Парижского университета и поддержанный на уровне Европейского Союза, который был посвящён разностороннему изучению элит в раннее и высокое Средневековье (V–XI вв.). Результатом работы по проекту, озаглавленному «*Les élites dans le haut Moyen Âge occidental. Formation, identité, reproduction*», стали шесть томов, каждый из которых посвящён тому или иному аспекту темы¹². Руководитель проекта известный историк Режин Ле Жан определяет объект исследования, отталкиваясь от ставших уже классическими определений Парето и Моски: элита – это «меньшинство, которое управляет, концентрирует богатства и престиж... Элиты состоят из всех тех, кто имеет социально возвышенное положение, кто выделяется не только обладанием имущества, властью и специальным знанием, но также признанием со стороны других людей (*une minorité qui dirige, qui concentre les richesses et le prestige... Les élites se composent de tous ceux qui jouissent d'une position sociale élevée, qui passe non seulement par la détention d'une fortune, d'un pouvoir ou d'un savoir, mais aussi par la reconnaissance d'autrui*)»¹³.

К этому определению присоединились Л. Фелле, Ф. Депре и К. Уикхэм, в чём-то уточнив его, но согласившись, что основными являются три критерия – 1) власть (господство) над людьми, 2) богатство (капитал, имущество, имения) и 3) престиж (авторитет)¹⁴. Применительно к раннесредневековому обществу совокупность всех вместе этих признаков, особенно если идёт речь об обладании не просто властью, но властью политической (публичной), указывает на знать. Но к элите можно причислить и те группы и слои, которые обладают всеми тремя указанными признаками не в

¹² 1) *Les élites au haut moyen âge. Crises et renouvellements*. Ed. par F. Bougard, L. Feller, R. Le Jan. Turnhout, 2006; 2) *Les élites et leurs espaces. Mobilité, rayonnement, domination (du VIe au XIe siècle)*. Ed. par P. Depreux, F. Bougard, R. Le Jan. Turnhout, 2007; 3) *Hiérarchie et stratification sociale dans l'Occident médiéval (400-1100)*. Ed. par F. Bougard, D. Iogna-Prat, R. Le Jan. Turnhout, 2009; 4) *Les élites et la richesse au Haut Moyen Âge*. Ed. par J.-P. Devroey, L. Feller, R. Le Jan. Turnhout, 2011; 5) *La culture du haut moyen âge, une question d'élites?* Ed. par F. Bougard, R. Le Jan, R. McKitterick. Turnhout, 2009; 6) *Théorie et pratiques des élites au Haut Moyen Âge. Conception, perception et réalisation sociale / Theorie und Praxis frühmittelalterlicher Eliten. Konzepte, Wahrnehmung und soziale Umsetzung*. Ed. par F. Bougard, H.-W. Goetz, R. Le Jan. Turnhout, 2011.

¹³ *Le Jan R.* Introduction // *L'historiographie des élites dans le Haut Moyen Âge*, 2003, p. 1 (<http://lamop.univ-paris1.fr/IMG/pdf/introduction.pdf>, дата обращения: 15.03.2013).

¹⁴ *Depreux Ph.*, *L'historiographie des élites politiques // L'historiographie des élites dans le Haut Moyen Âge*, 2003, p. 6 (<http://lamop.univ-paris1.fr/IMG/pdf/depreux.pdf>, дата обращения: 15.03.2013); *Feller L.*, *Introduction. Crises et renouvellements des élites au haut Moyen Âge: mutations ou ajustements des structures? // Les Élités au haut Moyen Âge. Crises et renouvellements...*, p. 6; *Wickham Ch.* *The Changing Composition of Early Élités // Théorie et pratiques des élites au Haut Moyen Âge...*, p. 8.

равной степени, а в разной – например, преимущественно двумя и только в незначительной степени одним.

Важно иметь в виду, что *элита* – это научно-абстрактная категория. Люди, которых можно зачислить в эту категорию, необязательно должны сами осознавать свою принадлежность к ней как некий маркирующий признак. Определяющей для их социального самосознания (самоидентификации) является принадлежность к более малочисленным и конкретным группам, которые могут быть очень разными в тех или иных условиях – знать (причём разного рода – например, придворные чиновники или землевладельцы), те или иные городские круги (например, финансисты-ростовщики или торговцы), сельские богатеи, церковные прелаты и т. д. и т. п. В социологических терминах об элите надо говорить как о социальной категории, но не социальной группе. Отчасти по этой причине, отчасти в силу истории и специфики употребления самого термина *элита*¹⁵ можно использовать его довольно гибко, уточняя дополнительными определениями, о какой именно элите идёт речь – экономической и политической, городской и сельской, интеллектуальной и церковной и т. д.

В исследованиях по истории средневековой Руси применяются понятия *знать*, *господствующий класс*, и *элита*.

Использование первого из этих понятий не вызывает вопросов и сомнений, потому что оно сравнительно узко и точно и, кроме того, ему составляет прямое соответствие аутентичный термин источников – *бояре*. Правда, об этом соответствии можно говорить лишь для времени до XV в., когда слово *боярин* стало приобретать вторичные смыслы в новых социально-политических условиях – как придворный чин-звание при дворе московских великих князей и как слой мелких землевладельцев в Великом княжестве Литовском. Спорным остаётся в литературе, обозначало ли слово *бо(л)ярин* представителя знати до XII в., и этот вопрос будет специально обсуждаться в главе V данной работы.

В работах западноевропейских и американских учёных нескольких последних десятилетий установился консенсус относительно того, что к средневековой Руси и России раннего Нового времени (XVI–XVII вв.) применимо, хотя и с некоторыми оговорками, то же понятие *знать*, какое употребляется относительно других обществ Европы¹⁶.

¹⁵ См. об этом: Дука А. В. Ук. соч., с. 136-153.

¹⁶ Оговорки касаются той особенности русской знати, которая особенно бросается в глаза в сравнении России XVI–XVII вв. и европейских государств того времени, – обязанности нести «государеву службу» и зависимости привилегированного статуса от этой службы. На эту особенность указывают даже сами названия исследований: книга Роберта Крамми (*R. Crummeу*) называется «Aristocrats and Servitors» («Аристократы и слуги», 1983 г.), книга Хартмута Рюсса (*H. Rüß*) – «Herren und Diener» («Господа и слуги», 1994 г.). Андрэ Берелович с долей иронии указывает на сходство двух названий (*Berelowitch A. La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d’Ancien Régime, XVIe–XVIIe siècles. Paris, 2001, p. 14*), но сам тоже делает акцент на эту особенность русской знати в XVI–XVII вв., в названии книги отсылая только не к самой идее службы, а к идее равенства всех знатных в обязанности нести эту службу – «Иерархия равных».

Выше говорилось уже о недостатках понятия *господствующий класс*, которое широко употреблялось в советской историографии в связи с марксистской теорией формаций (соответственно, в феодальной формации господствующим являлся «класс феодалов») ¹⁷. В работах последнего времени, посвящённых истории Древней Руси, всё чаще можно встретить понятие *элита*, но в его использовании нет определённости – авторы не объясняют его понимания либо используют его с дополнительными пояснениями, сужающими его смысл, но не всегда адекватными в применении к реалиям древнерусского общества.

Характерным примером могут служить разделы, посвящённые истории Руси IX–XV вв., в коллективной монографии «Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.». Авторы этих разделов М. Б. Свердлов и Л. И. Ивина упоминают об *элите* или *элитных слоях*, но фактически оперируют терминами *дружина*, *двор*, *служилые люди*, *знать*, *сословие*, а Ивина не отказывается и от понятия *господствующий класс* (не поясняя при этом, как оно соотносится с *элитой*). «Правящую элиту» – людей, занимающих «командные высоты» в государственном управлении, согласно определению, данному в «Предисловии» к книге, ¹⁸ – авторы применительно к середине XII в. фактически приравнивают к боярству как «(служилой) знати» (М. Б. Свердлов), или «аристократии» (Л. И. Ивина) ¹⁹.

Такой подход едва ли можно признать удачным, и он только запутывает дело. Если говорится о «правлящей элите», то встаёт вопрос (который в книге не ставится), что представляла собой элита не-правлящая. С другой стороны, применительно к средневековой Руси выделение некоей «правлящей элиты» и фактическое отождествление её с боярством мало что даёт для объяснения социальной структуры и механизмов управления. Даже если не считать княжеских и боярских слуг и холопов, причастных к управлению государством (хотя иногда эти люди фактически располагали немалой властью), Свердлов и Ивина не учитывают, что в Древней Руси, как известно, важнейшие государственные вопросы могло решать вече – собрание свободных граждан. Если неясно, по каким признакам выделяется элита, а определение «правлящий» может быть применено по отношению к разным слоям и группам, естественно усомниться в том, надо ли было вообще вводить новое для исследований по древнерусской истории понятие *правлящая элита*.

В отечественной историографии, ещё со времён Н. М. Карамзина, сложилась традиция использовать для обозначения верхушки древнерусского общества аутентичные термины источников. Применительно к домонгольской Руси прибегают к двум понятиям – *дружина* и *служилые люди*. Эти обозначения оказываются удобны-

¹⁷ Ср., например, относительно домонгольского периода: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 194 и след.

¹⁸ Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории. Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006, с. 5.

¹⁹ *Свердлов М. Б.* Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв. // Правящая элита Русского государства..., с. 61, 64 и след.; *Ивина Л. И.* Правящая элита Русского государства конца XIV – первой половины XVI вв. // Там же, с. 109-110.

ми, когда историки хотят указать вместе и на знать (бояр), и на группы, которые были связаны с князьями и боярами службой, преимущественно военной, и, как правило, занимали в каких-то отношениях более выдающееся и/или привилегированное положение по сравнению с горожанами и сельским населением. В Западной Европе в раннее Средневековье этим группам отчасти соответствуют люди, которых называют «подвассалами». В позднее Средневековье «подвассалы» вместе с министерялами (несвободными слугами) составили слой «низшей знати»²⁰.

Однако применение обоих выражений к домонгольскому времени вызывает сомнения. Понятие *служилые люди* восходит к эпохе Русского государства конца XV–XVII вв. и подразумевает строй военно-служебных и земельных отношений, который в домонгольский период ещё не сложился. Сложнее со словом *дружина*. Оно известно старославянским и древнерусским памятникам, но, с другой стороны, как уже не раз отмечалось в литературе, в этих памятниках оно выступает в разных и довольно расплывчатых и неопределённых значениях.

В целом, таким образом, исследователь социально-политической структуры Древнерусского государства оказывается в очень сложной историографической ситуации, обусловленной и объективными трудностями в работе с древними источниками, и концептуальным кризисом современной исторической науки. Пересмотр исторических свидетельств – с учётом новых, выявленных в последнее время, данных – в такой перспективе актуален, прежде всего, в отношении верхов древнерусского общества, которым в отечественной историографии традиционно уделялось недостаточно внимания, либо их роль трактовалась односторонне. В рамках «славянофильского» направления русской историографии, как уже говорилось, отдельным группам населения в двучастной схеме «народ (община) vs. правитель» места не находилось. В традиции, идущей ещё от Н. М. Карамзина и «государственной школы», в центре внимания стояло складывание централизованной власти, и на социальные группы, приближенные к правителю, смотрели как служебные, вспомогательные. Наконец, в советской историографии знать («класс феодалов») выступала как деструктивная антицентрализаторская сила.

Необходимость понять структуру общества, которое отделяет от нас тысяча лет, в свете новых данных и новых подходов, а с другой стороны – пересмотреть и общие понятия, в которых следует осмысливать реалии этого общества, определяет **научную проблему** исследования. Кто именно, какие люди составляли в древнейший период истории Руси слой, который выделялся среди прочих, нес прежде всех прочих ответственность за политические решения и поддерживал власть правителя, а с другой стороны – на кого опирались эти люди и как осуществляли господство? Какими словами эти люди обозначались в источниках и как правильнее определить их в научных терминах современной науки? Когда и в каком виде эти люди выступают как

²⁰ См. об этих группах из новой литературы обзорного характера: *Hechberger W. Adel, Ministerialität und Rittertum im Mittelalter. München, 2004, S. 27-34, 91-99.*

отдельная социальная группа (или группы) и какую эволюцию эта группа (группы) претерпел(и) в процессе становления Древнерусского государства? От этих вопросов отталкивается исследование.

Разумеется, в древних обществах обладание властью и ресурсами происходило, в конечном счёте, из военного превосходства – господствовал тот, кто был сильнее. Военные и политические характеристики и функции находились в неразрывной связи, а общественные (и экономические) так или иначе от них зависели. Поэтому в центр исследования необходимо поставить две социальные группы, которые в древнерусском обществе, как и в других раннесредневековых обществах (по крайней мере, Европы), должны были занимать ведущее положение – знать и (профессиональные) воины, которые служили как правителю, так и другим знатым и богатым людям, способным оплачивать услуги этих воинов и нуждавшимся в их поддержке.

Объект исследования – эти две социальные группы древнего государства Руси, которые имели первостепенное значение в высокой степени милитаризированном раннесредневековом обществе и были причастны в большей степени, чем остальные группы и слои, к установлению и функционированию власти. **Предмет исследования** – свойства и характеристики знати и воинов, состоявших на службе князей и знатных людей, как социальных групп на Руси в X – первой трети XII в., их положение в социальной иерархии, отношения друг с другом и с носителями высшей светской власти (князьями) и, тем самым, их роль в политическом процессе и, отчасти, в общественной жизни.

Собственно княжеский род Рюриковичей, из которого происходили правители Руси домонгольского периода, не рассматривается, так как его следует считать особым элементом социально-политической структуры Древнерусского государства, отдельным от знати, хотя и тесно связанным с ней. Не рассматриваются и люди, принадлежавшие к церковной организации, также представлявшей собой особую часть общества (хотя, конечно, высшие лица церковной иерархии были тоже тесно связаны со знатью). Кроме того, исследуются не столько военные, политические, экономические и административные институты и процессы, сколько группы, так или иначе задействованные в этих институтах и процессах, и целью является внешнее «структурное» описание этих групп с фиксацией трансформации их положения и, отчасти, взаимодействия их друг с другом на протяжении сравнительно длительного времени (около двух столетий). Эти вопросы исследуются, с одной стороны, в динамике (с учётом разного рода изменений в развитии Древнерусского государства на протяжении более двухсот лет), а с другой – с учётом участия этих групп в политическом процессе и государственном управлении.

Хронологические и территориальные рамки исследования.

О государстве Руси мы располагаем сравнительно ясными свидетельствами приблизительно с конца IX – начала X в. Понятие государства в данной работе используется в том широком смысле, в каком о государстве принято говорить в рус-

скоязычной историографии, – то есть для обозначения некоей (пусть элементарной) относительно централизованной политической системы, которая охватывает население на определённой территории некими обязательствами по фиску, суду и управлению. Разумеется, применительно к Средневековью нельзя вести речь о государстве в его теперешнем понимании – публичная всеохватывающая система власти и контроля, письменное систематическое законодательство, бюрократия, представления об общем благе и т. п. В раннесредневековых политических образованиях (политиях) монополия общепризнанной власти²¹ и представления об этнополитическом и культурном единстве населения, воспринимающего эту власть как легитимную и даже как символ единства, лишь начинали складываться. Неоправданным оказалось применение по отношению к Средневековью марксистского понимания государства, ставящего во главу угла разделение общества на экономические антагонистические классы²².

Данные, относящиеся к предыстории Руси в IX в., весьма скудны, их интерпретация вызывает большие трудности с источниковедческой точки зрения и постоянные споры и сомнения в литературе. Дискуссионна и неопределённа даже географическая локализация руси IX в. Отрывочные и неоднозначные данные о политической организации и социальных отношениях руси в IX в. (главным образом, из сообщений арабских географов)²³ свидетельствуют о наличии некоторой иерархии в её среде, но не позволяют составить сколько-нибудь внятное представление об отдельных группах населения, в том числе социальной верхушке. Они в работе не используются.

В течение X в. формируется Древнерусское государство со столицей в Киеве (Киевская Русь). Первоначальным ядром этого государства была территория в Среднем Поднепровье, которая в источниках называлась «Русской землёй» и которую современные историки называют «поднепровской Русской землёй» или «Русской землёй в узком смысле», чтобы отличать от той «Русской земли», которой во второй половине XI – середине XIII в. называли всю территорию подвластную Рюриковичам. К началу XI в. государство со столицей в Киеве занимает территорию, на которой позднее развиваются древнерусские княжества и земли и которая объединяла восточнославянские, угро-финские, балтские и тюркские народы-«племена»²⁴. Настоящее ис-

²¹ Именно на этот признак – монополия власти с соответствующим легитимным принуждением – делал акцент Макс Вебер в определении государства, ставшим классическим: «государство – это такое сообщество людей, которое внутри определённой области претендует (и с успехом) на монополию легитимного физического насилия (Staat ist diejenige menschliche Gemeinschaft, welche innerhalb eines bestimmten Gebietes das Monopol legitimer physischer Gewaltamkeit für sich (mit Erfolg) beansprucht)» (*Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. Studienausgabe. 5. Aufl., Tübingen, 1980 (1-е изд.: 1921-1922 гг.), S. 822*).

²² Ср. об этом: *Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998, с. 160-169.*

²³ Ср. новейший обзор достоверных данных о руси, восходящих к IX в.: *Назаренко А. В. Русь IX в.: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама..., с. 12-35.*

²⁴ См.: *Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история та-*

следование построено на данных, происходящих из разных частей этого полиэтничного и полицентричного государства, но всё-таки подавляющее большинство свидетельств происходит из центров, связанных со Средним Поднепровьем – прежде всего, Киева – а также Новгорода, который, по крайней мере, уже к X в. признавал власть киевских князей.

Верхняя хронологическая граница исследования определяется коренными изменениями в политическом и социально-экономическом строе Древней Руси. В литературе со времён М. С. Грушевского принято относить начало «раздробленности» единого Киевского государства к смерти в 1132 г. киевского князя Мстислава Владимировича «Великого». Датировка эта, конечно, условна, и далеко не все историки с ней согласны²⁵. Центробежные и центростремительные тенденции можно обнаружить практически на всём протяжении домонгольского периода древнерусской истории в той или иной форме и степени. Но, вне всякого сомнения, приблизительно с середины XI-го и до середины XII-го в. центробежные процессы в экономике (рост новых центров производства и перераспределения ресурсов, хозяйственное освоение подвластной территории) и политико-династической сфере (разделение наследства Владимира Святославича Святого представителями размножившегося рода Рюриковичей) нарастают и всё более преобладают, подавляют центростремительные и приводят в конце концов к тому, что множественность политических центров на Руси воспринимается как нечто естественное и современниками, и позднейшими историками. Во второй трети–середина XII в. ясно обнаруживаются черты своеобразия в этих политических центрах (ср., например, события 1136 г. как важный этап в складывании «республиканского» строя Новгородской земли).

Есть и другие причины для выбора верхней хронологической границы исследования. Как показывает само это исследование, на начало XII в. приходятся важные изменения и в социальной структуре Древнерусского государства, которые явно соответствуют политическим и экономическим переменам. Имеется в виду, прежде всего, трансформация и положения, и роли важного элемента военно-политической элиты Руси – воинов, состоявших на жалованье у князей. Кроме того, для периода до начала–середины XII в. крупные разногласия вызывает объяснение сущности боярства, тогда как его положение как высшего общественного класса (знати) с середины XII в. представляется подавляющему большинству учёных бесспорным. Наконец, хронологические рамки работы в значительной степени определяются опорой на данные важнейшего памятника начального летописания Руси – «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), составленной в 1110-х гг. Погодное летописание продолжило ПВЛ, но известия, сравнительно подробные и информативные в отношении социально-

тарской политики на Руси. СПб., 2002 (1-е изд.: 1951 г.), с. 27 и след.; *Кучкин В. А.* Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // ОИ. 2003. № 3, с. 75.

²⁵ См.: *Кучкин В. А.* О времени существования Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012, с. 126-132.

политического строя, появляются только как раз с 1130–40-х гг., обозначая и новый период в развитии древнерусского летописания.

Вместе с тем, исследование в ряде случаев выходит за обозначенный рубеж, и привлекаются данные XII–XIII вв. Обращение к этим данным необходимо отчасти для полноты анализа того или иного социального термина, употреблявшегося не только в X–XI в., но и позднее, отчасти для прояснения сущности и позднейшей судьбы явлений, корни которых уходят в глубокую древность. С другой стороны, исследование слова *дружина*, заставляя обратиться к старо- и церковнославянским текстам, уводит и в более древнее время и в другие страны, где существовала церковнославянская письменность.

Цель исследования – всесторонне описать и определить в научных категориях формы, состав и отношения с центральной властью верхушки древнерусского общества в X – первой трети XII в., особенно той её части, которая участвовала в принятии важнейших военных и политических решений. В соответствии с поставленной целью были определены **задачи исследования**:

- пересмотреть категории и понятия, с помощью которых историки XVIII – начала XXI в. пытались определить и систематизировать элементы социально-политической структуры общества Древней Руси. Особенно важно, учитывая современную историографическую ситуацию, оценить понятийный аппарат, принятый в отечественной (русскоязычной) историографии, в контексте развития западноевропейской медиевистики, главным образом, с 1920-30-х гг.;
- выявить и последовательно проанализировать слова и термины, которыми в источниках обозначались социальные группы и слои Древнерусского государства, выделявшиеся, прежде всего, по их военному и политическому значению. Особое внимание следует уделить понятию *дружина*, которое широко представлено не только в древнерусских текстах, но и в старо- и церковнославянских и которое в то же время часто используется в научной литературе для характеристики социально-политической структуры Древней Руси;
- оценить полученные результаты лексического и терминологического анализа с исторической точки зрения в сопоставлении с иными свидетельствами древнерусских источников и на широком сравнительно-историческом фоне с привлечением данных, происходящих из раннесредневековых обществ Европы;
- описать, опираясь на этот исторический анализ, процесс формирования и эволюции важнейшей социальной группы средневекового общества – знати – и оценить её роль и место в социально-политической структуре Древнерусского государства. Следует также оценить значение военного фактора в становлении Древнерусского государства и роль людей, профессионально занятых военным делом, в развитии централизованной политической власти;

- продемонстрировать связь социальных процессов и социальной структуры с развитием институтов власти (прежде всего, княжеской власти) в древнейший период истории Руси.

Степень изученности темы.

Те или иные суждения и высказывания о социально-политической структуре Древней Руси можно найти практически в любой более или менее обширной работе, посвящённой древнерусской истории, начиная с трудов В. Н. Татищева. Но лишь немногие из этих суждений и высказываний обоснованы собственными изысканиями авторов по первоисточникам и носят не общий оценочный характер, а оригинальный аналитический, внося вклад в научную разработку темы.

Целенаправленные исследования социально выдающихся групп и категорий Древнерусского государства стали предприниматься с 40-х гг. XIX в., и они продолжают и сегодня. Можно наметить несколько этапов в развитии этих исследований. В 1840–1880-е гг. происходили накопление и ввод в научный оборот данных о тех людях, которые, с одной стороны, были причастны высшему государственному управлению и составляли непосредственное окружение князей, а с другой – выделялись в среде «простого народа». Этих людей пытались различить как «дружинных» и «земских» бояр, но в любом случае их роль не оценивали высоко, делая акцент на взаимодействии монархического начала и «общины» во главе с вечем. В 1880-1910-е гг., главным образом, в трудах В. И. Сергеевича, В. О. Ключевского, Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова было указано на важную историческую роль знати в образовании Древнерусского государства и в позднейшей истории Руси; были предложены последовательные концепции, раскрывавшие роль знати. Эти концепции знаменовали качественный сдвиг в изучении темы, но во многом – и в сути, и в деталях – расходились между собой, оставляя ряд принципиально важных вопросов открытыми и прежде всего вопросы, когда сформировалась знать как отдельная социальная группа в Древнерусском государстве и кто именно входил в эту группу, а также какие группы, кроме знати, можно отнести к социальной верхушке, на каких условиях знать служила князьям. В 1930-х гг. в трудах С. В. Юшкова и Б. Д. Грекова была сформулирована теория, которая, исходя из постулатов марксизма, определяла древнерусское общество как феодальное. Корень могущества знати («класса феодалов») виделся в землевладении, значительное развитие которого относилось ко времени не позднее рубежа X–XI вв. Позднее этот тезис был оспорен, и с 1970-х гг. в западной историографии, а с 1980-х гг. и в русскоязычной формирование и роль социальных верхов Древнерусского государства стали оценивать, возвращаясь к теориям второй половины XIX – начала XX в. В настоящее время в историографии представлены разноречивые суждения. Некоторые историки разрабатывают понятие дружины (А. А. Горский), другие делают акцент на феодальных отношениях (М. Б. Свердлов и др.), а некоторые вообще отрицают наличие элитарных социальных групп на Руси вплоть до

XIII–XIV вв. (И. Я. Фроянов). Зарубежные учёные пытаются осмыслить социальную иерархию Древней Руси в европейском контексте.

К настоящему времени в историографии введены в научный оборот многочисленные данные источников, прямо относящиеся к теме, и предложены разные подходы для её раскрытия. Вместе с тем, до сих пор ни в одной работе не был осуществлён исчерпывающий подбор источников по теме с всесторонней оценкой относительной достоверности соответствующей информации. С другой стороны, ни один из применённых методических и теоретических подходов не дал ясной и последовательной картины складывания и изменений верхушки Древнерусского государства в X – первой трети XII в. Сильные различия в оценках разными авторами роли и происхождения знати происходят во многом во многом из-за разного понимания факторов социальной дифференциации, то есть того, что, собственно, придавало неким людям повышенный статус. Кроме того, сконцентрировав внимание на знати (боярстве), историки гораздо меньше исследовали группы населения, не настолько выдающиеся, как знать, но также имевшие повышенное военное и политическое значение. Формирование и динамика изменений социальной верхушки Древнерусского государства является спорным и относительно слабо разработанным аспектом истории средневековой Руси; исследование этих вопросов на современном этапе историографии представляется обоснованным и целесообразным.

Источниковая база.

В диссертации исследуются письменные источники разных видов – нарративные и документальные. Использованные нарративные источники – летописи и исторические сочинения, а также литературные памятники, среди которых преобладают агиографические произведения. Это тексты как оригинальные древнерусские, так и переводные. Корпус документальных источников составляют законодательные памятники (прежде всего, «Русская Правда»), международные договоры (договоры Руси и Византии 911, 944 и 971 гг.), акты и тексты личного происхождения (например, новгородские берестяные грамоты). К последней категории примыкают памятники эпиграфики – надписи, оставленные частными лицами на стенах соборов Киева и Новгорода.

Исследование построено на максимально возможном круге источников, содержащих релевантную для темы информацию, однако привлекаются только те тексты, которые, согласно новейшим специальным источниковедческим исследованиям, восходят ко времени, очерченному хронологическими рамками работы, или которые близки этому времени, но в любом случае были созданы не позднее конца XIII в. Такой подход диктует строгий отбор источников по степени их надёжности и достоверности. Ряд памятников летописания (например, Никоновская летопись) был сознательно отвергнут именно из-за того, что происхождение известий, в них содержащихся, не может быть надёжно возведено к периоду до указанного рубежа. В основе исследования лежат известия так называемого «начального летописания», сохранив-

шиеся, главным образом, в составе Новгородской 1-й летописи старшего и младшего изводов, Лаврентьевской и Ипатьевской летописей (и близких им), а также отчасти летописей группы «Новгородско-Софийского свода» – Новгородской Карамзинской, Софийской 1-й и Новгородской 4-й – и некоторых других. Важнейший и наиболее известный памятник начального летописания – ПВЛ, свод, созданный в 1110-х гг. и дошедший до нас в двух основных редакциях.

Помимо источников собственно древнерусского происхождения привлекаются тексты, созданные в других странах и регионах. Во-первых, это обусловлено компаративным методом, который широко применяется в работе. Так, например, в рамках сравнительного анализа рассматриваются сообщения римского историка Публия Корнелия Тацита (I в. н. э.) о германской дружине, данные раннесредневековых сборников права («варварских правд»), свидетельства разного рода польских, чешских, венгерских и скандинавских источников XI–XII вв. Во-вторых, относительно древнейшего периода истории Руси (до начала XI в.) очень важны показания источников иностранного происхождения, по времени создания близкие к зафиксированным в них фактам и позволяющие верифицировать сообщения древнерусского летописания, восходящие ко времени не ранее начала XI в. Среди этих источников следует назвать, прежде всего, трактаты византийского императора Константина Багрянородного (середина X в.) и сообщения арабских географов и путешественников X в. (ибн Фадлана, Ибрагим ибн Якуба и др.). В-третьих, для исследования семантики древнего слова *дружина* привлекаются тексты старо- и церковнославянской письменности, в которых упоминаются это слово и этимологически связанное с ним слово *друг*, – памятники кирилло-мефодиевского круга (в том числе жития славянских первоапостолов) и церковнославянские произведения, созданные в Болгарии и Чехии в X–XI вв.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, научной объективности и системности. Принцип историзма требует рассматривать и оценивать социальные реалии в историческом контексте. В данном случае положение групп знати и военных слуг в социально-политической структуре, их взаимодействие с другими группами и институтами и их динамика объясняются в зависимости от конкретных условий и обстоятельств формирования и развития Древнерусского государства в X–XII вв. Научная объективность предполагает непредвзятый учёт всех предложенных в научной литературе подходов к изучению социально-политической структуры Древнерусского государства. Комплексный анализ максимально возможного количества источников, содержащих достоверную информацию по теме, обеспечивает исследованию необходимую системность.

Важную методологическую проблему практически любой работы, затрагивающей социальную историю Руси в древнейший период, является оценка достоверности тех или иных сведений письменных источников, особенно летописей – важнейшего «поставщика» исторической информации. Большинство текстов, созданных в домонгольский период, дошло до нас в рукописях позднейшего времени – XIV, XV и даже

последующих веков. Летописи представляли собой, как правило, своды – то есть собрание разного рода текстов, в том числе летописных произведений предшествующего периода. С течением времени древние тексты претерпевали разного рода правку и искажения, и выявить их оригинальный вид бывает часто чрезвычайно трудно. Кроме того, и летописцы, и другие авторы были людьми своего времени. В изложении событий прошлого и событий им современных они не только зависели от тех источников информации, которые были в их распоряжении, но и руководствовались политическими пристрастиями, идеологическими соображениями, личными интересами, наконец, просто «картиной мира», сложившейся в их головах. В литературе давно уже обращалось внимание на эти трудности, встающие на пути историков, и в последние годы даже высказываются суждения, крайне скептически оценивающие познавательные возможности современных исследователей.

Признавая и трезво оценивая эти трудности, данное исследование исходит, однако, из того, что есть способы их преодолевать или, по крайней мере, ограничивать их действие. Во-первых, приоритет следует всегда отдавать тем источникам, которые сохранились в наиболее исправном виде, объективность которых можно выше всего оценивать и время создания которых наиболее близко стоит ко времени описываемых в них событий.

Во-вторых, в науке уже разработаны специальные источниковедческие методики, позволяющие приблизиться к оригинальному виду того или иного текста, искажённого позднейшими вмешательствами, и установить условия его создания, чтобы оценить степень достоверность его информации. Среди этих методик важнейшее место занимает текстология, и в данной работе она активно используется, особенно применительно к сообщениям начального летописания. При этом автор опирается, прежде всего, на фундаментальные труды А. А. Шахматова, заложившие основы летописеведения, а также учёных, развивавших позднее его идеи и методы.

Наконец, в-третьих, надо использовать любые возможности «перекрестной проверки» той информации, которую несёт один источник, сведениями, почерпнутыми из других источников, максимально расширяя исследовательскую перспективу. С этим подходом связано применение ретроспективного и компаративного (сравнительно-исторического) метода. Ретроспективный метод подразумевает сопоставление данных о каком-либо явлении в один исторический период с данными об этом же явлении в более раннее или более позднее время. Компаративный анализ уместен, с одной стороны, в тех случаях, когда свидетельства древнерусские и иностранного происхождения дополняют друг друга, позволяя описать и осмыслить то или иное явление во всей его полноте. С другой стороны, он заставляет обращаться к зарубежной историографии, соотнося характеристику важнейших элементов древнерусского общества с общепринятыми в мировой науке категориями и понятиями.

Следует оговориться, что и ретроспективный и компаративный методы имеют свои недостатки, на которые в литературе уже неоднократно обращалось внимание, и

применяются они в работе умеренно и осторожно. Ретроспективный подход должен опираться на принцип историзма, избегая анахронизмов, то есть учитывая, что социальные явления меняются во времени. А подбор исторических аналогий опасен тем, что часто ведёт к реконструкции из данных, происходящих из разных стран и времён и возникших в конкретных, каждый раз особенных, условиях, некой модели, которая как будто всё объясняет, но которая на самом деле, как показывает дополнительная проверка, едва ли где-то в реальности существовала. На такую опасность указывали недавно критики интересной книги польского историка Кароля Модзелевского, в которой данные из славянских регионов X–XII вв. сравниваются со скандинавскими данными приблизительно того же времени, а также свидетельствами о раннесредневековых германских *gentes* («племенах») ²⁶.

Не следует, однако, впадать в крайности, и данное исследование поддерживает подход польского историка. Модзелевский обосновывает возможность сравнения в «антропологически схожей ситуации», то есть в том случае, когда в тех или иных обществах сопоставимы условия жизни и их восприятие в культуре. В таком случае сравнение приводит не к созданию абстрактных конструкций, а с помощью правильно подобранных аналогий и учётом «категорий» архаического сознания помогает выявить некие базовые, общие для разных народов и регионов, принципы и механизмы адаптации человека к среде, перераспределения ресурсов и социально-политической организации. Такое сравнение не нивелирует уникальное, а наоборот, заставляет осмыслить его как в локальном, так и в общечеловеческом контексте.

Научная новизна исследования заключается в оригинальной постановке научной проблемы, в новом подходе к отбору источников и методике работы с ними, в полученных результатах, новых для отечественной историографии.

В работе выявлены и обобщены наиболее достоверные данные, включая целый пласт социальной терминологии, о тех слоях общества Руси X – первой трети XII в., которые имели большее по сравнению с остальным населением политическое влияние, военное значение и социальное положение. Комплексный анализ этих данных, впервые проведённый в историографии, привёл к описанию этих слоёв, данному со всей возможной полнотой, и показал их значение как ведущего, наиболее динамичного и мощного элемента средневекового общества. Обращение к опыту европейской медиевистики, накопленному за последние десятилетия и мало известному в русскоязычной историографии, и стремление, последовательно проведённое в работе, поставить данные древнерусского происхождения в широкий сравнительно-исторический контекст позволили по-новому осмыслить место этих слоёв в социально-политической структуре Древней Руси и дать им соответствующие определения.

²⁶ Книга Модзелевского: *Modzelewski K. Barbarzyńska Europa*. Warszawa, 2004. См. рецензии П. Гири (*P. Geary*) и С. Гаспарри (*S. Gasparri*) на итальянский перевод книги в журнале «L'Indice dei libri del mese» (nr. 11, 2008). Ср. ответ Модзелевского критикам в интервью, опубликованном в журнале «Reti Medievali», в т. XI (2010/1), с. 39-44.

Осуществлён пересмотр понятий, в которых описывалась до сих пор верхушка общества Руси, и предложен принципиально новый взгляд на социально-политическую структуру. Впервые было последовательно обосновано применение понятия *элита* относительно древнерусского общества, введено новое для отечественной историографии понятие *большая дружина*, причём существенно уточнено и ограничено содержание древнерусского слова *дружина* и соответствующего современного научного понятия. Обоснована принципиальная сопоставимость древнерусского и европейских раннесредневековых обществ, особенно в Центральной и Северной Европе.

Уже в X в. общество Руси предстаёт сложным и иерархично организованным, далёким от «общинности», которую в нём видят некоторые историки. Элита этого общества состояла из знати, военных слуг и торгово-финансовой верхушки городского населения. Удалось проследить определённую эволюцию знати и военных слуг – важнейших элементов элиты в рассматриваемый период – как социальных групп, то есть с учётом их статуса и отношений со светской властью (князьями). Фиксация этой эволюции позволяет лучше понять изменения, которые переживало динамично развивавшееся государство Руси, переходя от военно-данических механизмов управления и эксплуатации к более совершенным.

Научно-практическая значимость работы.

Материалы исследования, применённые методики и полученные результаты могут быть использованы в научной и преподавательской деятельности, в частности, при дальнейшей научной разработке истории средневековой Руси, создании учебных и лекционных курсов, а также написании научно-популярных работ по истории России и Европы. Новое исследование важнейших элементов социально-политической структуры Древней Руси в общеевропейском контексте может быть использовано специалистами разного профиля, задавшимися вопросом о месте и роли России в европейской и мировой истории, и станет вкладом в изучение процессов и механизмов государствообразования и социальной динамики в до-индустриальную эпоху.

Апробация результатов исследования.

Диссертация обсуждалась в Центре по истории Древней Руси Института российской истории РАН и была рекомендована к защите. По теме диссертации опубликованы монография (издание поддержано грантом РГНФ), раздел в коллективной монографии (издание поддержано грантом РГНФ) и 39 научных публикаций общим объемом 87,5 а. л. на русском, английском, немецком и чешском языках. В период между 2000 и 2012 гг. ход и результаты исследования излагались в научных докладах автора и обсуждались в Институте российской истории РАН, в Кёльнском Университете им. Альберта Великого (в Семинаре по восточноевропейской истории), на 14 международных конференциях в Москве, Новгороде, Ижевске и Париже, 4 общероссийских конференциях в Москве, Новгороде и Нижнем Новгороде, а также на ряде научных семинаров, круглых столов и заседаний научных обществ в России и за рубежом. На основе данного исследования был разработан спецкурс «Элита Древнерус-

ского государства (X–XIII вв.)» (Исторический факультет МГУ им. Ломоносова, весенний семестр 2012 г.).

На защиту выносятся следующие **основные положения диссертационного исследования**:

1. Общество Руси в X – первой трети XII в. представляло собой сложную и в то же время цельную иерархичную систему с социально и функционально дифференцированными элементами. В нём можно выделить элиту согласно следующим критериям: 1) преимущественный доступ к публичной власти и господство в частноправовом порядке, 2) концентрация имуществ и богатств (капитала), 3) обладание социальным авторитетом (престижем).

2. Совокупность всех вместе этих признаков указывает на знать (другие группы в элите обладают лишь одним–двумя признаками). На Руси знать оформилась в конце X – начале XI в. как социальная группа под названием бояр. Помимо знати (бояр) к элите Руси X – начала XII вв. можно причислить также княжеских военных слуг (отроков/гридей) и торговую верхушку горожан (купцов/гостей). В этой элите военные функции выполняли, главным образом, бояре и гриди, а политические – преимущественно одни только бояре. Можно сказать, что в диссертации речь идёт о военно-политической элите Руси.

3. Понятие *элита* предпочтительнее понятия *дружина*, которое широко используется в отечественной историографии в описании социально-политической структуры Древней Руси. Термин *дружина*, если отталкиваться от принятого в мировой исторической науке словоупотребления и сравнительно-исторических аналогий, подходит скорее для обозначения архаических военизированных объединений в до- и предгосударственную эпоху, в которых иерархические отношения лишь намечались, но ещё не стабилизировались. Он может использоваться ещё в словосочетании «большая дружина», указывая на специфическую форму военной организации, которая выросла из архаических «частных» или «домашних» дружин, но приобрела особые черты в условиях раннегосударственных трибутарных отношений (то есть системы господства, основанной на данническом подчинении в результате завоевания).

4. В X в. слой знати на Руси чётко ещё не выделился; не было и терминологической устойчивости в его определении. Во многом это было связано с тем, что не оформилась ещё централизованная политическая организация Руси. В XI в. единственными легитимными правителями Руси стали князья, представлявшие уже только одну династию Рюриковичей, а знать оформилась как социальная группа под названием бояр. Эту группу составили, в основном, люди, которые были связаны служебными обязательствами с Рюриковичами. Личные отношения с князем, без которых доступ в правящий слой не был возможен, понимались как взаимная поддержка по соглашению, а не безусловная верность в силу неких идеальных (религиозных) принципов и императивов. Бояре сохраняли известную самостоятельность по отношению к князьям, и, в частности, об этом свидетельствует наличие собственных военных

слуг в их распоряжении. Уже с конца X в. фиксируется наследственность в передаче служебного и социального положения в среде знати, хотя боярский статус можно приобрести и с помощью княжеского патроната. Этот статус в X–XII вв. не гарантировался письменными законами, но держался в силу обычноправовых привилегий и фактического могущества.

5. Вторым по значимости элементом элиты Древнерусского государства в X–XI вв. были княжеские военные слуги, для которых существовал специальный термин – *гридь*. Содержание правителями такого рода корпусов профессиональных воинов, которых и называют «большой дружиной», было распространённой практикой в государствах северной и центральной Европы X–XI вв. Роль этих воинов была велика на этапе, когда политические структуры развивались из трибутарных отношений, но в XII в. они исчезают или перерождаются. Процесс их трансформации хорошо прослеживается на древнерусских источниках XII–XIII вв.

6. Эволюция элиты Древнерусского государства отражает и помогает лучше понять эволюцию самого этого государства. На раннем этапе размытость и аморфность элиты соответствует незавершенности политической структуры. Оформление слоя знати и подъём значения корпуса княжеских военных слуг совпало – очевидно, неслучайно – с важным этапом становления государственных институтов в конце X – начале XI в. в правление Владимира Святославича. В течение XI в. «трибутарные» отношения ещё сохраняли значение, и с ними сохраняли значение княжеские гриди/отроки. К концу XI в. наблюдается явный кризис этих отношений и, соответственно, распад военных корпусов на содержания князей. В XII в. боярство, которое и до того было главной социально-политической силой в древнерусском обществе, ещё усиливается, и это усиление стоит в прямой связи с изменением механизмов сбора, концентрации и распределения ресурсов, ростом новых центров и политическим распадом Киевской Руси.

Структура исследования.

Данное диссертационное исследование состоит из введения, шести глав, заключения, библиографического списка и списка сокращений летописных памятников. В введении ставится проблема исследования и определяются основные понятия и подходы для её решения. В главе I предлагаются обзор историографии темы и обзор использованных источников. Первые две исследовательские главы посвящены анализу тех смыслов и представлений, которые стоят за современным понятием *дружина* (глава II) и за соответствующим древним словом (глава III). Что надо понимать в научном смысле под дружиной как явлением, свойственным разным народам в разные исторические моменты? Какие именно люди на Руси в древнейший период обозначались этим словом? В какой мере это понятие, широко используемое в русскоязычной историографии, может соответствовать таким общепринятым в медиевистике терминам, как *элита*, (*господствующий*) *класс* или *знать*? С этих вопросов начинается исследование, а в главах IV и V оно приводит к «структурно-социологическому» анали-

зу двух частей элиты древнерусского государства, важнейших в военном и политическом отношениях, – воинов, состоявших непосредственно на княжеской службе, и боярства, связанного с князем (правителем), но и сохранявшего некоторую независимость от него. Глава VI посвящена отношениям знати с князьями. Разбирается, как понималась верность между ними, как на практике складывалась преемственность в службе бояр и боярских родов князьям или отдельным ветвям княжеской династии Рюриковичей, как служба влияла на статус боярства. В Заключение подводятся общие итоги исследования.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

§ 1. Обзор научной литературы по теме исследования

В данном параграфе излагается развитие научных взглядов и представлений о роли знати (боярства) и, отчасти, других социально возвышенных слоёв в Древней Руси в X–XII вв. Это изложение даётся в общих чертах. Суждения учёных по тем или иным частным вопросам или относительно конкретных известий источников приводятся в соответствующих частях исследования. Подробный историографический обзор посвящён понятию *дружина* (глава II).

Историки XVIII в. мало интересовались тем, что теперь мы называем социальной историей. На общество древности они смотрели как некую более простую и элементарную модель того общества, в котором жили сами. Любопытство историков, занимавшихся древнерусской историей, возбуждал вопрос о происхождении известных им придворных чинов и званий, но изыскания в этой области не уходили глубже начала – середины XVI в. Само же наличие «аристократии» уже в древнейшее время подразумевалось как вполне естественное и не требующее особых пояснений. В Древней Руси эту аристократию видели в боярах (называя их также «знатными», «вельможами») и службу князьям считали само собой разумеющимся и естественным их занятием¹.

Г. Ф. Миллер определял древних бояр так: «первенствующие великих князей Российских служители». «Управляли они не токмо гражданскими делами, но и в войне служили главными полководцами. До Петра Великого имя *боярина* заключало в себе все качества совершенного для пользы общества человека, в одной голове соединенные»². Примерно так же о боярах писал И. Н. Болтин: «первоначальное наше Дворянство, разумея слово сие в том смысле, в каком оно ныне приемлется, были бояре: они-то были у нас, что в Риме Патриции, во всём пространстве их могущества и знаменитости». Кроме них, Болтин замечал в источниках упоминания гридей и считал их низшей знатью на службе князей³.

Н. М. Карамзин тоже смотрел на социальную иерархию с точки зрения «чиноначалия» и признавал высшую её степень в боярах, а более низкие – в отроках и гридях. Он объединял эти категории одним понятием *дружина*, которое заимствовал из древнерусских источников и которым его предшественники практически не пользовались. Противопоставляя «княжескую дружину» остальному населению, Карамзин

¹ См., например: *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. 1: От начала до кончины великого князя Ярослава Владимировича. СПб., 1770, с. 212-213, а также далее *passim*.

² *Миллер Г. Ф.* Известие о дворянх [российских] // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. Составление, статья А. Б. Каменского, примечания А. Б. Каменского и О. М. Медушевской. М., 1996, с. 180-225 (написано в 1776 г., впервые издано в 1790 г.), с. 202.

³ *Болтин И. Н.* Ответ на письмо князя Щербатова, сочинителя «Российской истории». Изд. 2-е. СПб., 1793 (1-е изд.: 1789 г.), с. 96. Ср.: *Он же.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. 1. СПб., 1788, с. 441.

считал возможным сопоставить её с древней германской дружиной и ссылался на знаменитое описание этой последней в труде римского историка I в. Публия Корнелия Тацита «Germania» (главы 13 и 14 – см. ниже в главе II)⁴.

В трудах историков XIX в. обозначение людей на службе князьям *дружиной* становится общепринятым, и сохраняется идея о государственно-служилом характере боярства. Были замечены упоминания в летописи «старшей» и «младшей» дружины, и бояр стали приравнять к первой, а остальные «чины» и «звания» относить ко второй. Впервые таким образом градации людей на службе князьям последовательно представил М. П. Погодин, труды которого имеют выдающееся значение в изучении социально-политической структуры Древней Руси.

Погодин подчёркивал экономическую и политическую несамостоятельность боярства в домонгольской Руси и их подчинённо-служебное положение по отношению к князьям. Этот тезис играл важную роль в его противопоставлении сильного монархического начала в Древней Руси европейскому «феодализму». Ещё в 1832 г. в одной из ранних работ Погодин заявлял: «...у нас не было укреплённых замков, наши города основаны другим образом, наши сословия произошли не так, как прочие европейские», «...наше дворянство не феодального происхождения..., оно почтеннее и благороднее всех дворянств европейских в настоящем значении этого слова, ибо приобрело свои отличия службою отечеству»⁵.

Погодин был, видимо, первым или одним из первых историков, кто прямо связал два вопроса: место России в Европе и наличие/отсутствие феодализма в древней истории Руси. Оба эти вопроса обсуждались ещё во второй половине XVIII в., но они не имели общественно-политической остроты. В единстве исторических путей Европы и России едва ли кто-то мог сомневаться, если оно утверждалось самой монаршей волей – знаменитый «Наказ Уложенной Комиссии» Екатерины II начинался словами: «Россия есть европейская держава»⁶. Феодализм понимался вслед французским энциклопедистам середины – второй половины XVIII в. как строй политических, юридических и социальных отношений характерный для Франции и других западноевропейских стран в Средние века. Во Франции Средневековье выставлялось как мрачная эпоха дикости и невежества, а пережитки феодализма были главным объектом нападок. В России никакого политического звучания это понятие не имело и использовалось как чисто научный термин. Под ним понимался распад центральной власти и всеобщий партикуляризм, а происхождение его связывалось с германскими народами, расселившимися в Европе после распада Римской империи. Возможным считалось применять это понятие и к истории России до складывания московского единодержавия.

⁴ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Том I. М., 1989 (1-е изд: СПб., 1816), с. 163, 166-167, 304.

⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891, с. 74–76.

⁶ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Изд. под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907, с. 2 (Наказ впервые издан в 1767 г. с переводом на латинский, французский и немецкий языки).

вия (то есть до конца XV – середины XVI в.). Феодализмом определялся распад Киевской Руси на ряд земель-княжеств под властью отдельных ветвей рода Рюриковичей (уделы), а корни его видели во влиянии варягов-скандинавов, прививших славянам «германское начало». В таком духе высказывались, в частности, А. Л. Шлёцер и Н. М. Карамзин. Однако, ни для них, ни для других историков конца XVIII – начала XIX в. понятие феодализма не играло существенной роли ⁷.

Резкий поворот в осмыслении русской истории произошёл в 30–50-е годы XIX в. со складыванием оригинального русского направления философской, богословской и исторической мысли, за которым закрепилось название «славянофильство» (хотя крайне неудачное и не отражающее реальное содержание выдвинутых идей). Идеи «славянофилов» были созвучны самым разным общественным и политическим настроениям того времени, и – будь то в либеральной интерпретации классиков «славянофильства», будь то в интерпретации официальной пропаганды (так называемая теория официальной народности) – поразительно быстро стали органической частью русского общественного самосознания. И одной из главных идей стало противопоставление исторических путей Западной Европы и России, подразумевающее дихотомию: «там» – феодализм, «у нас» – его отсутствие.

С 40–50-х годов XIX в. важнейшей чертой «народного начала» стали считать коллективизм, который обозначали по-разному – в зависимости от политического и идейного «направления», как выражались тогда, – «соборность», «общинность», «земство» или даже «социализм». Общий взгляд такого рода позволял уживаться либеральным тенденциям (стремление опереться на «демократические» традиции в русской истории) и официальному противопоставлению русского и западного обществ («у нас» – единение народа и власти, «там» – конфликты, дух буржуазной наживы и революционная зараза).

Погодин, в сущности, лишь озвучил мысли, которые витали в воздухе и обсуждались в салонах Москвы и Санкт-Петербурга. Отсутствие на Руси независимых городов, сословий, а особенно аристократии как социальной и политической корпорации, вассальной иерархии, связи землевладения с вассальной службой и др. – обо всём этом писали в 30–40-е годы XIX в. уже как о нечто само собой разумеющемся самые разные люди, в том числе, например, такие разные, как П. Я. Чаадаев и С. С. Уваров. Оцениваться отсутствие феодализма в России могло диаметрально противоположно (в официально-придворной и верноподданнической риторике – положительно, у либералов-«западников» – отрицательно), но с этого времени этот тезис стал общепризнанным.

Погодин развивал официальную теорию «официальной народности» и указывал на всевластие знати и политическую анархию в Европе, превознося зато всена-

⁷ См. подробнее: *Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996, с. 37-57. В этой книге предлагается подробный обзор взглядов русских историков на феодализм с конца XVIII до конца XX в., хотя и несколько односторонний, потому что его автор исходит из собственного – и далеко не бесспорного – понимания феодализма.

родное единство на Руси под дланью князей и царей. На Руси «не могло образоваться никакой значительной аристократии, и продолжалась только служебная, малочисленная, наборная, подчинённая князьям, не имевшая мысли состязаться с ними и выступать из своих пределов повиновения, службы и жалованья»⁸.

Однако, исторические труды Погодина важны не только идеологическими или политическими тезисами, но и массой ценных конкретно-исторических выводов и наблюдений. В главном труде по истории Древней Руси «Исследования, замечания и лекции о русской истории» он собрал из летописей «все места о боярах самих по себе, отношении их к князю, к земле, к народу, к государству»: в 3-м томе «Исследований» относительно «норманского периода» (до начала XI в.), в 7-м – относительно «удельного» (XI–XIII вв.). Он составил списки бояр (по землям) и должностей, которые они занимали, отметил «переходы» дружинников от князя к князю, владение ими имуществом, в том числе сёлами, наследственность «званий боярских и детских» и др.

В частности, Погодину принадлежат первые серьёзные наблюдения относительно того, как складывались служебные «карьеры» отдельных представителей знати или даже знатных родов домонгольской эпохи. В статье, опубликованной в 1850 г., он составил списки «дружинников», упомянутых в летописях (наряду с древнейшими, известными к тому времени, историк обращался также к Воскресенской и Никонской летописям) и в Киево-Печерском Патерике, с целью «восстановить, сколько возможно, нашу древнюю боярскую генеалогию и вместе подтвердить наследственность званий в их родах». Подтвердив «наследственность званий» в боярской среде (то есть тот факт, что статус боярина не жаловался князем, а передавался из поколения в поколение), Погодин пришёл также к выводу, что «бояре служили большею частью у одних князей, то есть после отцов детям», хотя иногда ему были «приметны и переходы боярские»⁹. Ряд случаев «переходов» в домонгольское время, указанных в этой статье, историк пополнил в 7-м томе «Исследований». Он также повторил основной вывод о тесной связи дружинников с их князьями и «преемстве» боярских родов и снова отметил, что в то же время бояре «имели право, или укоренившийся обычай, со времени первого водворения норманнов у нас, оставлять князя, когда им было угодно...» (в другом месте он также добавляет: «к кому угодно»)¹⁰. Происхождение этого права от скандинавов Погодин ещё раз подчеркнул в более поздней работе, связав «первоначальный обычай перехода» с норманнской традицией «удалых походов на промысел»¹¹.

Погодин тем самым поддержал и развил мысль Карамзина о том, что с глубокой древности «Княжеские Бояре пользовались каким-то правом независимости» и

⁸ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VII. М., 1856, с. 141, ср. с. 61-141; ср.: т. III. [М., 1846], с. 501-503.

⁹ Погодин М. П. О наследственности древних санов (1054 – 1240) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Изд. Н. В. Калачов. Кн. I. М., 1850. Отделение I, с. 77–78, 94–95.

¹⁰ Погодин М. П. Исследования... Т. VII, с. 76, 139.

¹¹ Погодин М. П. Древняя русская история до Монгольского ига. Т. II. М., 1871, с. 415–416.

что это право выражалось, прежде всего, в «законную свободу Бояр переходить из службы одного князя к другому...» – то есть «праве отъезда». И Карамзин, и вслед за ним Погодин опирались на известную формулу договорных грамот князей XIV–XVI вв. «а боярам и слугам межи нас вольным воля». Падение этой независимости Карамзин связывал с усилением «власти Государевой» в Москве и объединением русских земель: боярам «надлежало или повиноваться Государю, или быть изменником, бунтовщиком: не оставалось средины и никакого законного способа противиться Князю. Одним словом», – заканчивал историограф пассаж об «изменении гражданского порядка» в XIV–XV вв., – «рождалось Самодержавие»¹².

Погодин развил также компаративные сопоставления Карамзина. В устройстве «княжеской дружины» в X – первой половине XI в. на Руси он усматривал полную аналогию скандинавским дружинам, какими их представляла наука того времени по исландским сагам¹³.

Во многом на основе трудов Карамзина и Погодина в середине XIX в. сложилась так называемая «государственная школа» в исторической науке России, представителями которой считают С. М. Соловьёва, А. Д. Градовского, К. Д. Кавелина и других учёных. Эта «школа» уже исходила из разности исторических судеб России и Европы, и движущую силу общественного развития России она видела в монархической власти. Феодализм мыслился как специфическая черта западноевропейского Средневековья, чуждая Древней Руси. В «удельном» строе, который подразумевал политическую раздробленность и вызывал ранее аналогии с партикуляризмом в Западной Европе, видели теперь либо следствие семейно-родовых отношений князей Рюриковичей (С. М. Соловьёв), либо самостоятельность отдельных общин-волостей (А. Д. Градовский). На древнерусское боярство и другие слои, причастные государственному управлению, смотрели как некий придаток государственной власти, которую олицетворяли князья. К. Д. Кавелин, исходя из тезиса, что «вся русская история, древняя, а также новая, является прежде всего историей государства», считал отсутствие «аристократии» характерной особенностью Древней Руси в сравнении с Западной Европой¹⁴. С. М. Соловьёв писал о боярах, что они всегда в источниках выступают «только с характером правительственным», а не «владельческим»¹⁵.

Среди историков «государственной школы» Соловьёв внёс наиболее значительный вклад в конкретно-историческое изучение социально-политической структуры Древней Руси, уделив внимание и «дружине». В диссертации, где он впервые из-

¹² Карамзин Н. М. История... Т. V. М., 1993 (1-е изд.: СПб., 1816), с. 205. Ср. пересказ договора Михаила Тверского и Дмитрия Донского с комментариями историка: Там же, с. 27.

¹³ Погодин М. П. Исследования... Т. III, с. 228–232. Ср.: Стриннгольм А. Походы викингов. Пер. с немецкого языка А. Шемякина. Прил. и прим. К. Фриша. Предисл., комм. А. Хлевава. М., 2002 (1-е изд. на шведском языке в 1835 г., на русском в 1861 г.).

¹⁴ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Он же. Собрание сочинений. Т. 1: Монографии по русской истории. СПб., 1897 (1-е изд.: 1847 г.), с. 6.

¹⁵ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 1 // Он же. Сочинения. Кн. I. М., 1988 (1-е изд.: 1851 г.), с. 217–218.

ложил теорию «родового быта» Руси, он отказывал древнерусской знати в самостоятельном значении: «На Руси дружинники благодаря непрерывному переходу князей из одной области в другую, не могли нигде основаться в качестве постоянных землевладельцев, нигде не могли приобрести аристократического характера с особым словесным интересом», они – лишь «побочные деятели при князе». «Отмены против» этого общего правила он обнаруживает только в Новгороде и Галиче эпохи раздробленности (с середины XII в.)¹⁶.

В «Истории России с древнейших времен» Соловьёв не столь последователен и однозначен – возможно, потому, что богатый фактический материал, им собранный, не давал повода для однозначных суждений. В 1-м томе историк, ставя в центр своего исследования истории России смену «родового» начала «государственным», признаёт, что «дружина княжеская могущественно действует на образование нового общества тем, что вносит в среду его новое начало, сословное, в противоположность прежнему, родовому». Однако, затем, сравнивая Русь и европейские страны в Средние века, он, как и в диссертации, настаивает на вспомогательной роли дружины при князе и её зависимости от него, что резко отличает древнерусский «быт» от порядков в Западной Европе. Бояр он выделяет как лучших, старших дружинников и советников князя¹⁷. При этом мнении Соловьёв остаётся во 2-м томе, рассматривая явления всего периода до монгольского нашествия. Он говорит, что «бояре по-прежнему оставались боярами князей, а не боярами княжеств, действовали из личных выгод, тесно связанных с выгодами того или другого князя, но не из выгод сословных». Некоторое противоречие Соловьёв допускает и в анализе отношений дружины с князем. С одной стороны, эти отношения были основаны на принципах «товарищества», князь с дружиной жил «в братском, задушевном кружку», но в то же время царили «неоседлость дружины» и «полная свобода перехода» дружинников¹⁸. Как сочетались «задушевность» «товарищества» и постоянная текучесть «дружин», остаётся неясным.

Соловьёв, отметив ряд ошибок и неточностей в списках статьи Погодина 1850 г., представил в первых двух томах «Истории России с древнейших времён» свою выборку имён, упомянутых летописью. Правда, видимо, из-за того, что вопрос о составе княжеских дружин представлялся историку маргинальным, его выборка, едва доведённая до конца XII в., получилась далеко не полной. На основании собственных наблюдений Соловьёв сделал заключение, что выводы Погодина о наследственности боярской службы «противоречат фактам». По его мнению, в Древней Руси «вследствие перемещений княжеских» дружины не имели «оседлости». «Но если так част и так необходим был переход дружины из одной волости в другую и от одного князя к другому, – развивал свою мысль историк, – то легко понять, что не было возможности

¹⁶ Соловьёв С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома // *Он же*. Сочинения. Кн. XIX. Дополнительная. М., 1996 (1-е изд.: 1847 г.), с. 96–97.

¹⁷ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 1..., с. 217–220.

¹⁸ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 3 // *Он же*. Сочинения. Кн. II. М., 1988 (1-е изд.: 1852 г.), с. 16–20, 305.

для точного определения отношений её к князю; дружинник имел полную свободу переходить из службы одного князя в службу другого...». «В силу обстоятельств обычай перехода скоро должен был превратиться в право», делал вывод Соловьёв и указывал на позднейшую формулу княжеских договоров, приведённую выше¹⁹.

Таким образом, в трудах Соловьёва явно ощущается противоречие между тезисом (скорее абстрактно-теоретического происхождения) о «служебно-вспомогательной» роли «дружины» (знати) в Древней Руси и выводом (скорее основанном на конкретных данных) о древнем происхождении права отъезда, ставшего основой формирования «вольной» боярской службы и «договорных» отношениях князя и бояр. Соответственно, противоречивы высказывания о «сословном начале», которое вроде бы присуще «дружине», но утверждение которого в Древней Руси, по Соловьёву, так и не произошло. Это противоречие должно было решить уже следующее поколение историков второй половины XIX – начала XX в.

«Государственной школе», оформившейся в исторической науке России в середине XIX в., противостояло «славянофильское» направление. Обычно делают акцент на различиях в теориях и подходах этих течений общественной и научной мысли, но на самом деле, как уже было выше отмечено в связи с тезисом об отсутствии «феодализма» на Руси, у них были общие истоки и общие принципиальные тезисы.

Для обоих течений мысли были общими, прежде всего, два взаимосвязанных принципиальных положения, которые рассматривались образованными людьми того времени едва ли не как само собой разумеющиеся: с одной стороны, утверждение об «особом пути» России, а с другой – признание в л а с т и и н а р о д а как двух ведущих сил её исторического развития. Для своего времени такое понимание исторического процесса было вполне объяснимым и закономерным. В XVIII в. внимание было сосредоточено на деяниях правителей и правящих династий, а в XIX в. в сферу интереса попал «народ». За этим поворотом интереса стояло и влияние романтических идей («поиск корней», идеализация «простодушного селянина» и т. п.), и «славянофильские» искания, и «открытие» русской общины в середине XIX в., и воздействие Великих Реформ, и другие факторы. Русская наука при этом держалась в русле общеевропейских тенденций, и прежде всего сказывалось влияние передовой тогда немецкой медиевистики, для которой в первой половине XIX в. центральными стали понятия *Volk* ('народ') и *Gemeinschaft* ('общность, община'). Все эти факторы придали парадигме «власть (государство) и народ» большую устойчивость, и в тех или иных формах она живёт и в современных научных и околонучных идеях, концепциях и интерпретациях.

В разных концепциях только по-разному расставлялись акценты в общем для всех осмыслении исторического развития России как взаимодействия двух начал – властного (государственного) и народного (общинного). Одни (как правило, либералы или народники-социалисты) делали упор на самоуправлении и общинных традициях,

¹⁹ Там же, с. 16–18, 305.

– и так оформилась общинно-вечевая или земско-вечевая теория. Другие (придерживавшиеся государственных воззрений в духе Карамзина) подчёркивали организующую роль самодержавия, – и так возникла концепция «закрепощения сословий», согласно которой самодержавная власть в России целенаправленно и последовательно подчиняла разные группы населения, наделяя их служебными функциями общественного (публичного) характера: крестьяне несли тягло, дворянство – военную службу, купцы торговали, ориентируясь на потребности казны, и т. д.

В Древней Руси рупор гласа народного находили в вече, а олицетворение государственного начала – в княжеской власти. «Государственная школа» делала акцент на «власти», историки, настроенные в славянофильско-народническом духе, – на «народе», но тезис, что знать в Древней Руси не составляла привилегированный наследственный слой и не играла самостоятельную роль в социально-политической жизни, был общим для обоих течений мысли. Просто историки второго направления (например, К. С. Аксаков, И. Д. Беляев, Н. И. Костомаров) относили знать не к «государству», а к «земству». Некоторые из них соглашались, что могли быть какие-то «дружинные» бояре, другие таких и вовсе в источниках не замечали, но в любом случае главную роль все они отводили неким «земским» или «городовым» боярам – то есть «местной» знати вне княжеских дворов, сила которой была в её связи с городской экономикой и вечевой общиной и в давнем землевладении²⁰.

С середины XIX в. идея о существовании «земских» бояр в Древней Руси завоёвывает всё бóльшую популярность и становится едва ли не такой же общепринятой, как идея о «княжеской дружине» как объединении разных категорий «служилых» людей. Большинство историков второй половины XIX в. совмещали эти две идеи, только по-разному расставляя акценты – кто-то считал важнее «земскую аристократию»²¹, кто-то – «дружинную»²². Некоторые пытались соблюсти баланс, не отдавая предпочтения какой-либо из двух этих «аристократий»²³. Большинство склонялось также к признанию, что ещё в домонгольский период, примерно в XII в., «зем-

²⁰ Одним из первых стал широко употреблять термин «земские (городовые) бояре» И. Д. Беляев. См., например: *Беляев И. Д.* О дружине и земщине в Московском государстве // *Временник Общества истории и древностей Российских*. Кн. 1. М., 1849, с. 1-20; *Он же.* Русская земля перед прибытием Рюрика // Там же. Кн. 8. М., 1850, с. 48 и др.

²¹ См., например: *Хлебников Н. И.* Общество и государство в до-монгольский период русской истории. СПб., 1872, с. 215-221 и др.

²² Так скорее у Загоскина: *Загоскин Н. [П.]* Очерки организации и происхождения служилого сословия в до-петровской России. Казань, 1875, с. 49-50. Ср. также: *Порай-Кошиц И. А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII в. 862-1796. СПб., 1874, с. XXII, 2 и след. Некоторые готовы были даже говорить о древнейшем периоде истории Руси как «дружинном» – ср., например: «Киевский период – по преимуществу дружинный или, говоря языком нового времени, аристократический» (*Белов Е. А.* Об историческом значении русского боярства до конца XVII в. СПб., 1886, с. 10).

²³ М. Т. Яблочков, например, строго пополам делит свое исследование боярства Древней Руси. Отдельно он пишет о «служилом» боярстве, которое было связано с князем, отдельно – о «земском», которое было «до известной степени» наследственно (дружинное боярство ненаследственно) и основной доход извлекало из «частной поземельной собственности» (которой у дружинников не было): *Яблочков М. [Т.]* История дворянского сословия в России. СПб., 1876, с. 2–64.

ские» и «дружинные» бояре «сливаются» в один класс боярства, наследственный, но не замкнутый, который «обладал обширным влиянием на княжеское управление и местное общество и в основе своего богатства имел землевладение»²⁴.

Среди тех историков, кто отдавал предпочтение «дружинной» знати перед «земской», весьма популярными становятся представления об особой «интимной», «домашней» или «товарищеской» связи князя и его «дружинников». Например, Н. П. Загоскин много писал об отношениях «особого рода» между «дружиной» («старшую» часть которой, по его мнению, составляют бояре) и князем: князь любит и ценит «дружину», она платит ему личной преданностью. Хотя в основе этих отношений лежит «договорное начало» и «дружинник» пользуется определёнными правами, в том числе правом отъезда, его нельзя рассматривать как наёмника, так как его связь с князем носит очень тесный характер, – «дружинники» практически «не были отделены от личности князя»²⁵. Одна из наиболее показательных сторон близких взаимоотношений князя и «дружины» – это их совместные совещания, дума²⁶.

Выводы и высказывания о «вольной боярской службе», об образовании ещё в домонгольское время некоего «влиятельного боярского класса» и т. п. уже обозначали отход от парадигмы «народ и власть», и они отражали, конечно, накопление знаний о древнерусском обществе. Стало ясно, что и *государство* – это понятие условное, и *народ* – не нечто цельное, а целый ряд самых разных групп и слоёв. Конкретно-исторические исследования выявили в древнем, когда-то казавшемся «примитивным», обществе значительную социальную и функциональную дифференциацию и, прежде всего, особую роль тех, кому принадлежали властные прерогативы, богатства (капитал) и земля. У этих людей были, очевидно, вес, влияние и собственные интересы, отличные от княжеских или «народных».

Вместе с тем, процесс образования «боярского класса» на Руси в древнейшее время, то есть приблизительно до начала-середины XII в., оставался неясным. С. М. Соловьёв не развил собственные высказывания о «новом сословном начале», которое несла «дружина». Модель, предполагавшая существование двух видов знати – «дружинных» и «земских» бояр, – не объясняла, как они взаимодействовали, какой вклад внесли в процессы развития государственных, социальных и экономических институтов, а также почему и как, собственно, они «слились» в один «класс». Наиболее серьёзные и вдумчивые историки конца XIX – начала XX в. пытались найти те или иные пути решения встававших вопросов.

Так, В. О. Ключевский противопоставлял «дружине» («военной аристократии») не «земских» бояр, а «торговую аристократию», сосредоточенную в городах. Оба этих элемента вышли, по его схеме, из некоего «военно-промышленного класса», который стоял у истоков государства руси в IX–X вв. Однако, в XII в. историк видит

²⁴ Довнар-Запольский М. В. Дружина и боярство // Русская история в очерках и статьях. Т. 1. СПб., 1904, с. 300–307.

²⁵ Загоскин Н. П. Ук. соч., с. 20–28.

²⁶ Там же, с. 28–44.

уже один «класс бояр», который «был везде служилым по происхождению и значению, создан был княжескою властью и действовал как ея правительственное орудие»²⁷. При каких обстоятельствах, по каким причинам и в силу каких факторов «древняя городская знать» переродилась в этот «класс», из схемы Ключевского не ясно. Следуя логике этой схемы, надо предполагать в XI в. какие-то особые действия княжеской власти, направленные на ограничения могущества «торговой аристократии» и «создание служилого класса», но конкретных данных древнерусских источников о таких действиях историк не приводил.

Заглавие известного труда В. И. Сергеевича, вышедшего в 1867 г., «Вече и князь» отсылало ещё к указанной выше парадигме «народ и власть». Однако, в более поздних трудах историк уже отошёл от понимания народного самоуправления и монархической власти как главных или даже единственных движущих сил русской истории. Большое внимание в фундаментальном труде «Древности русского права» он уделил боярской думе, организации военной службы, боярскому землевладению и тому подобным вопросам. Не разделяя боярство на «дружинное» и «земское», Сергеевич считал, что сила этого «класса» выросла в древности из богатства, а значит, вне прямой зависимости от службы князю. «Звание боярина в древнейшее время является... не чином, раздаваемым князем, а наименованием целого класса людей, выдающегося среди других своим имущественным превосходством»²⁸. Основная характеристика боярства в политическом плане – это вольная служба князю на определённых, хотя и неписанных, условиях. Другое дело – это «класс придворных слуг»: по происхождению личные слуги князя, часто несвободные (например, тиуны), они привлекаются к исполнению «публичных функций», то есть государственному управлению, и составляют двор князя. В позднейшее время, к XVI в., понятие двора расширяется и поглощает бояр²⁹. Понятие дружины Сергеевич использует ограниченно – только в смысле войска, которое могло объединять разные категории людей на княжеской службе³⁰.

Сергеевич, пожалуй, наиболее ясно и последовательно изложил теорию «вольной» службы и «договорных» отношений бояр и князей, фактически отказавшись от тезиса «государственной школы» о зависимо-вспомогательном значении знати/«дружины». Отличая «вольную» службу бояр от тяглой других разрядов населения, он тоже ссылаясь на формулу межкняжеских договоров XIV–XVI вв. «а боярам и слугам межи нас вольным воля» и считал, что она «точно» выражала «старинные свободные отношения бояр к князьям». «Предоставляя свободу службы боярам и слугам, – комментировал он этот пункт договоров, – князья предоставляют им тем самым и

²⁷ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. М., 1902 (1-е изд.: 1882 г.), с. 15-70, особ. 38-42, 47-51; *Он же*. Курс русской истории. Часть I // *Он же*. Сочинения в девяти томах. Под ред. В. Л. Янина. Т. I. М., 1987 (1-е изд.: 1904 г.), с. 174-175, 250-253.

²⁸ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. М., 2007 (1-е издание: 1890 г. под заглавием «Русские юридические древности»), с. 403.

²⁹ Там же, с. 454, 458.

³⁰ Там же, с. 604-610.

право свободного перехода со службы одного князя на службу другого. Это право обозначается в памятниках словом «отъезд»³¹. По источникам XIV–XV вв. Сергеевич восстанавливал некоторые условия действия этого права. Например, он заметил, что «отъезду обыкновенно предшествовал о т к а з от службы, то есть предварительное извещение о намерении отъехать» (разрядка автора). Кроме того, «отъезд допускался по отношению к таким только служилым людям, которые не совершили преступления», то есть не были виновны перед князем в измене (иначе это «не отъезд, а бегство»). Обращал внимание учёный также на то, что бояре и князья могли по-разному смотреть на право отъезда (естественно, отъезды наносили ущерб интересам князя) и что по-разному могла решаться судьба тех земельных владений, которые отъехавший имел в том княжестве, какое покидал³². Уточняя общее заключение Карамзина, Сергеевич связал исчезновение этого права не просто с изменением «гражданского порядка», а с целенаправленной политикой московских князей, стремившихся, как он считал, к установлению принципа обязательности службы.

Развивая идею о «вольной» боярской службе, Сергеевич утверждал, что изначально в Киевской, а затем «удельной» Руси бояре и «вольные слуги» «в качестве свободной военной силы» по своему усмотрению не только покидали князей (пользуясь «правом отъезда»), но так же и поступали («приказывались») на службу тому или иному князю. Процедура поступления на княжескую службу, по мнению историка, включала клятву верности князю в форме крестоцелования: «приказываясь на службу, бояре и слуги вольные давали клятвенное обещание верности», причём «бояре, целуя крест, обещали князю, конечно, верную службу и обязывались защищать его». Со своей стороны, «и князь принимал на себя некоторые обязательства по отношению к своим боярам и слугам вольным... Князь, надо полагать, обещал им жаловать их всякими милостями и льготами». Согласно Сергеевичу, клятва верности боярина была собственно частью некоего договора между ним и князем. В основе «вольной службы», таким образом, лежало «договорное начало»³³.

Суждения Сергеевича о порядке поступления и ухода бояр со службы князьям (соответственно, присяга верности и «отказ»-«отъезд»), а также сама идея о «договорных» отношениях правителя и знати в Древней Руси получили позднее очень широкое распространение в историографии. Например, подобные суждения повторял с некоторыми небольшими дополнениями М. А. Дьяконов, который также исходил из того, что в древности «отношения между князем и дружинниками были совершенно свободными и определялись их взаимным соглашением и доверием»³⁴.

Рассуждения и выводы Сергеевича, в самом деле, выглядят убедительно, однако у них есть один существенный недостаток – в целом, его заключения сделаны на

³¹ Там же, с. 411–412.

³² Там же, с. 416–429.

³³ Там же, с. 414–415.

³⁴ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005 (1-е изд.: 1907 г.), с. 78–79.

источниках XII–XV вв., а данные древнейшего времени он практически не использует, или только изредка иллюстративно. Например, утверждение, что боярами в древности назывались люди, выдающиеся своим «имущественным превосходством», конкретными свидетельствами не обосновано. Этот недостаток ставит под сомнение многие его выводы ретроспективного характера, когда позднейшая практика даёт ему основания для заключений о происхождении или сущности того или иного явления.

В теории «договорных отношений» князя и боярства очевидным слабым моментом является отсутствие в источниках данных о договорах в настоящем смысле слова, которые содержали бы взаимные обязательства князя и служилого человека и сопровождались бы какими-либо клятвами. В ряде летописных известий, на которые ссылались Сергеевич и некоторые другие авторы, вообще не говорится о клятве как таковой, и они дают основания лишь для заключения об общих принципах отношений князя и дружины – «любовь» князя, доблесть дружины в защите князя и т. п. Отсутствие такого рода данных в древнерусских источниках – обстоятельство, которое прежде всего требует объяснения в том случае, если как исходный принимается тезис о «договорном начале» в отношениях князя и знати. Однако, в последующей историографии, вплоть до сегодняшнего дня, попытки такого рода объяснения не предпринимались.

Некоторое развитие от ранних трудов к поздним претерпели взгляды Н. П. Павлова-Сильванского. Сначала он придерживался обычной в то время точки зрения о параллельном существовании «служилого» и «земского» боярства³⁵. В позднейших трудах, посвящённых доказательству феодального характера древнерусского общества, он древнейшими считал «дружинные отношения», которые только со временем, с ростом землевладения боярства, стали перерастать в вассальные (и тем самым боярство стало «местным» землевладельческим классом)³⁶. Именно на «вассальных» отношениях бояр и князей концентрирует своё внимание Павлов-Сильванский, относя их расцвет к «удельной» эпохе, то есть XIII–XV вв. При этом историк, в сущности, последовательно развивает идею «вольной боярской службы», базировавшейся на свободном договоре и праве отъезда, с опорой на труды В. И. Сергеевича. Однако, в отличие от последнего Павлов-Сильванский решительно отождествляет «древнерусский вассалитет» с западноевропейским. По его мнению, «служебный вассальный договор» русских бояр с князьями был «тождественен по своей природе» западноевропейскому вассалитету и «закреплялся у нас и на Западе сходными обрядностями». Оммажу (*hommage, homagium*) соответствовало на Руси челобитье, а клятве верности (*foi, fidelitas*), которую на Западе приносили на Евангелии или на мощах, – крестоцелование. Как на Западе, так и на Руси «вступление в вассальную зависимость» («приказаться», на древнерусском юридическом языке) и «разрыв вассального договора»

³⁵ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. М., 2001 (1-е изд.: 1898 г.), с. 3-14.

³⁶ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси // *Он же. Феодализм в России*. М., 1988 (1-е изд.: 1910 г.), с. 425-429. Ср. подробнее о его взглядах ниже в главе II.

(«отказаться») совершались «открыто, публично, с торжественной присягой» или «открытым заявлением» об отказе от обещания верности³⁷.

Значение трудов Павлова-Сильванского состоит, главным образом, в том, что он поставил под вопрос тезис предшествующей историографии об отсутствии или слабых отголосках феодализма на Руси и попытался систематически разработать проблему «русского феодализма». Наперекор устоявшимся воззрениям он целенаправленно выявлял «феодальные» явления в средневековой Руси, и в конце концов количество этих явлений он посчитал достаточным для того, чтобы характеризовать в целом общественный строй как феодализм. Основные феодальные элементы он видел в боярском землевладении, разрушавшем древнюю общину, договорно-вассальных отношениях князя и служащих ему людей, а также в частных служебных отношениях типа патроната или клиентелы (рядовичи, закладники и т. п.). Расцвет феодализма он относил к XIII–XV вв. – периоду политической раздробленности и упадка вечевых институтов. В трудах Павлова-Сильванского была предпринята попытка последовательно представить аналогии в общественном строе в Европе и на Руси в Средние века, подобных которой историография не знает.

Однако, социально-политические отношения на Руси в древнейшее время Павлов-Сильванский специально не изучал, удовлетворяясь указанием на то, что «вассальные» отношения выросли из «дружинных». Разработке этих последних («дружинных» отношений) посвящены работы А. Е. Преснякова – историка, принадлежащего тому же поколению, что и Павлов-Сильванский, и готового во многом воспринять его теорию «русского феодализма».

Пресняков делал особый акцент на «дружинном» происхождении боярства и вообще всех социальных слоёв и институтов, связанных с государственной (публичной) властью. В центре его концепции стояла идея «княжого права» – то есть комплекса норм, институтов и представлений, который постепенно охватывает и «осваивает» население, живущее древним «родовым» и «общинным» устройством. В этой концепции «гипотеза о земских боярах» обнаруживает «ненужность для объяснения каких-либо явлений исторической жизни»³⁸. Зато особенную силу Пресняков придал понятию дружины, которая у него предстаёт главным элементом «княжого права». Из «дружины» вырастает боярство, которое лишь в XII в. получает некоторое самостоятельное, независимое от князя значение, смыкаясь с городской «стихией» и обзаводясь вотчинами.

Идеи Преснякова выросли из «государственной школы» русской историографии, но они и преодолевали её. «Государственная школа» смотрела на знать как на

³⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси // *Он же*. Феодализм в России. М., 1988 (1-е изд.: СПб., 1907), с. 97 и след., особ. 101–102.

³⁸ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий // *Он же*. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. Подготовка текста, статьи и примечания М. Б. Свердлова. М., 1993 (1-е изд.: 1909 г.), с. 209, примечание 231.

элемент, подчинённый власти правителя, в той или иной связи с концепцией «закрепощения сословия». Пресняков отошёл от характеристики знати с точки зрения её обязанностей и «инструментально-вспомогательного» характера и в центр поставил идею «дружинного единства» князя и его людей, однако, коренным образом переосмыслив её по сравнению с рассуждениями историков XIX в. об «интимном товариществе» князя и «дружинников» и поставив её в сравнительно-исторический контекст. Об этой идее подробнее говорится во II-й главе данного исследования в контексте научных представлений о дружине. Интересная концепция Преснякова (который во многом ориентировался на идеи современной ему западной медиевистики) оказывает влияние на историков и сегодня.

В советское время первоначально сказывалось влияние блестящих «формул» В. О. Ключевского, и школа М. Н. Покровского развивала концепцию торгового капитализма на Руси (с важной ролью рабовладения и т. п.). Однако, в 1930-40-е гг. эти идеи были оставлены, и центральной стала разработка марксистской теории «формаций», в которой древнерусское общество интерпретировалось как феодальное. В этой концепции, разработанной главным образом трудами Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова³⁹, знати было уделено место «господствующего класса», и в этом отношении ей придавалось большое значение.

В каком-то смысле выделение знати как «господствующего класса» в советской историографии соответствовало общеевропейской тенденции в медиевистике. В «Введении» к данной работе уже отмечалось, что как раз в середине XX в. в немецкой медиевистике была предложена концепция, по-новому объяснявшая происхождение социального неравенства и властных институтов – теория «господства знати» (*Adelsherrschaft*). Разумеется, соответствие теорий «русского феодализма» и *Adelsherrschaft* было весьма относительным – лишь постольку, поскольку шла речь вообще о *господстве*. Могущество знати и его сущность эти теории представляли совсем по-разному. Немецкие медиевисты середины XX в., работая ещё в рамках традиционной немецкой юридической школы (*Verfassungsgeschichte*), выводили господство знати из древних архаических корней, увязывая его с «прирождёнными» правами, харизмой и т. п.⁴⁰ Советские историки, встав на позиции «исторического материализма», основу могущества «господствующего класса» видели в землевладении. Зарождение боярского вотчинного (сеньориального) землевладения на Руси относилось к самым древним

³⁹ См., прежде всего: Греков Б. Д. Киевская Русь. Отв. редактор Л. В. Черепнин. [6-е изд.] М., 1953 (1-е изд.: 1939 г.); Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939.

⁴⁰ Разумеется, сегодня такой подход едва ли имеет сторонников. В «антропологически» ориентированной истории, воспринявшей импульсы французской историографии, политико-юридические методы и построения уже оставлены (см., например: Pohl W. Staat und Herrschaft im Frühmittelalter: Überlegungen zum Forschungsstand // Staat im frühen Mittelalter. Hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006, S. 16-27). Механизмы практического воплощения доминирования знати представляются в гораздо более сложном и многостороннем виде, чем некая природённая харизма (см., например, обсуждение теории *Adelsherrschaft* в контексте современной историографии: Hechberger W. Adel im fränkisch-deutschen Mittelalter. Zur Anatomie eines Forschungsproblems. Ostfildern, 2005, S. 34-69).

временам, и с ним связывалось образование государства. Этих древних бояр-землевладельцев обозначали терминами, принятыми в историографии XIX – начала XX в., – «земские бояре» или «местная знать».

Другим важным тезисом концепции Грекова-Юшкова было признание «прогрессивной» роли за знатью лишь на начальном этапе становления государства, на Руси – до конца XI – середины XII в. В последующий период русской истории её роль оценивалась уже только в негативном ключе – как деструктивная, реакционная, эксплуататорская, анти-централизаторская и т. д. Такие оценки получили особенное развитие в работах Б. А. Рыбакова. По его мнению, в XI–XII вв. происходящее из племенной знати «местное боярство» «явственно становится заметной и самой крупной силой в стране», охваченной «феодальной стихией». Именно интересы боярства были главным фактором в установлении политической («феодальной») раздробленности на Руси в начале – середине XII в. До этого времени между князьями, олицетворявшими государственное начало, и боярством был «мир», а уже сыновья Юрия Долгорукого, Изяслава Мстиславича и Ярослава Осмомысла «бились не на живот, а на смерть с боярством своей земли», опираясь на «младшую дружину» (дворян) и на города⁴¹.

Вместе с окостенением и идеологизацией концепции Грекова-Юшкова такого рода оценки стали преобладать, и изучение «класса феодалов» в советской историографии не поощрялось и ограничивалось источниковедческими проблемами. В то же время ещё в рамках этой историографии наметился отход от некоторых принципиальных положений теории «феодальной формации», и, в частности, большинство учёных фактически отказались от тезиса о раннем зарождении землевладения сеньориального типа на Руси⁴².

В советской историографии концепция «вольной» боярской службы была в общих чертах воспринята, но именно в связи с идеей о том, что отношения князей и представителей служилой знати строились на вассально-ленных принципах, то есть договор «вольного» боярина с князем трактовался как «вассальный» на условиях «лена». С этой точки зрения предпринимались некоторые попытки уточнить сущность «права отъезда» и боярской присяги.

⁴¹ См., например: *Рыбаков Б. А.* Боярин-летописец XII в. // ИСССР. 1959, № 5, с. 56-57; *Он же.* Киевская Русь; Русь в эпоху «Слова о полку Игореве». Обособление самостоятельных русских княжеств в XII – начале XIII в. // История СССР с древнейших времён до наших дней. В двух сериях в двенадцати томах. Первая серия. Тома I–VI: с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. I: Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь (до начала XIII в.). Редакторы: С. А. Плетнёва, Б. А. Рыбаков. М., 1966, с. 530, 532, 549, 574-580; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982, с. 428-430, 448, 469-479.

⁴² Критика этого тезиса является общей для учёных разных школ и направлений. Ещё в советскую эпоху тезис критиковали и Л. В. Черепнин, выдвинувший теорию «государственного феодализма», и И. Я. Фроянов, взявший на вооружение для понимания общества Древнюю Русь идею А. И. Неусыхина об «общинности без первобытности», и учёные, работавшие за пределами СССР и ориентировавшиеся на классическую русскую дореволюционную историографию.

Так, например, В. Т. Пашуто попытался дать комплексную характеристику «политической структуры» домонгольской Руси как «вассалитета подвластной знати». Правда, едва ли эту характеристику можно признать сколько-нибудь удачной и убедительной. Пашуто, заявляя в общем плане, что на Руси в XI–XIII вв. как «вассалы» рассматривались «представители всех групп собственников земли (включая вотчинников – князей, бояр, а кое-где и епископов)», на деле проигнорировал службу бояр, а объектом своего внимания оставил только отношения между князьями правящей династии Рюриковичей. На основе такого подхода советский историк определяет все «докончания», «ряды» и прочие соглашения между князьями как «вассальные договоры», а крестоцелование, которым, как известно, скреплялось большинство княжеских соглашений, объявляет «вассальной присягой – устойчивой формой феодального права»⁴³. Даже если признать тезис (впрочем, далеко не бесспорный) о вассалитете в среде Рюриковичей и отвлечься от того, что из рассуждений Пашуто остаётся совершенно непонятно, как же характеризовать отношения русских князей со всеми теми, кто так или иначе служил им, весьма проблематичным кажется сравнение внешней обрядовой стороны межкняжеских соглашений с вассальными ритуалами. Можно допустить сравнение крестоцелования с *foi*, но для оммажа и инвеституры Пашуто никаких аналогий не даёт. В этом смысле его интерпретации являются шагом назад относительно сравнительно-исторических изысканий Н. П. Павлова-Сильванского.

О праве отъезда Пашуто не пишет, но, упоминая мельком несколько случаев перехода бояр от князя к князю или, напротив, сохранения ими верности князю, для их оценки находит обтекаемые и неопределённые формулировки, включающие каждый раз магические слова «вассал» и «вассалитет». Перечисляя несколько казусов, но никак не объясняя, почему, собственно, надо вести речь о вассалитете, Пашуто заключает раздел мало что объясняющей сентенцией: «жизнь была сложна, форм зависимости существовало множество»⁴⁴. В целом, рассуждения Пашуто не убеждают, и за ними ясно просматривается стремление подогнать данные источников под определённую схему.

На общем фоне невнимания отечественной историографии после 1917 г. и до начала XXI в. к проблемам организации боярской службы и порядка взаимоотношений князя и служилой знати выделяются труды крупнейшего знатока русского Средневековья С. Б. Веселовского. Его наблюдения вносят важные дополнения и коррективы в картину отношений князя и бояр, нарисованную В. И. Сергеевичем. Хотя они основаны на материалах XIV–XV вв., о них стоит сказать подробнее, потому что выводы и общие представления историка подразумевают, что явления позднего времени можно проецировать на более раннее.

⁴³ Пашуто В. Т. Черты политического строя // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 7, 58, 61–62, 72.

⁴⁴ Там же, с. 72–73.

К сожалению, – очевидно, в силу внешних обстоятельств – Веселовский не сумел изложить свои взгляды в развёрнутом виде, и теперь ознакомиться с ними можно только по неоконченной статье, которая была написана в тезисной форме и опубликована уже после его смерти. В этой статье он высказался в пользу пересмотра традиционной концепции о «неоседлости» дружин удельных князей, «текучести» их состава и «вольном» принципе службы. Ссылаясь, в частности, на наблюдения М. П. Погодина, Веселовский утверждал, что и в XI–XIII вв. служба дружинников князьям была нередко наследственной, а «уже в XIV в. бояре и слуги вольные князей, как общее правило, служили своим князьям наследственно, а отъезды бояр и слуг были редким исключением». Двор московских князей, исследованию которого Веселовский посвятил многие годы и который он был склонен рассматривать как типичный в основных чертах для удельного времени, представлялся ему «медленно складывающимся и крепким организмом, а отнюдь не случайным сбродом случайных людей». В этом организме место и «честь» каждого служилого человека были обусловлены заслугами не столько его личными, сколько его рода, и являлись результатом наследственной службы ряда поколений. Кроме того, служилых людей, особенно не самых выдающихся и знатных, привязывали к определённому княжеству и землевладельческие интересы: «и не только в XV, но и в XVI в. мы видим, что основная масса средних и мелких землевладельцев служила обыкновенно тому князю, в уделе которого находились их вотчины». В этих условиях, по мнению Веселовского, право отъезда не могло иметь того принципиального значения, которое ему традиционно приписывается историками ⁴⁵.

Развивая мысль об условности прокламируемого княжескими договорами права отъезда, историк указывал и на другие существенные ограничения, которые накладывали на него практические обстоятельства. Во-первых, оно действовало только между союзными князьями. «Нет никакого сомнения, – утверждал Веселовский, – что не только в XIV–XV вв., но и раньше отъезд к князю, не связанному с покидаемым князем договором, и тем более отъезд к князю враждебному, находившемуся в “розмирье”, т. е. в состоянии войны, всегда считался изменой и навлекал на отъехавшего боярина самые суровые наказания». Во-вторых, Веселовский представлял отъезд как сложную юридическую процедуру. Будучи убеждён в договорном характере отношений князя и дружинника, он считал, что «отъезд был юридическим актом, или, выражаясь точнее, практическим выводом из юридического акта – расторжения дружинником договора о службе князю» ⁴⁶. Для расторжения такого договора нужны были очень веские основания («обида»), и на него служилый человек шёл только в том случае, если был уверен, что за ним нет никакой «вины». «На немотивированное и одностороннее расторжение договора дружинник решался пойти только в тех случаях, ес-

⁴⁵ Веселовский С. Б. Очерк образования московского боярства // *Он же*. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 466, 468, 469.

⁴⁶ Там же, с. 471.

ли не видел других путей отстоять свои права и интересы. Нормальным путем защиты своих прав были челобитье князю и просьба о суде и исправе». Если князь, согласно неписанному «служебному договору», имел право «в вине» боярина «опалиться» на него, наложить на него свой «гнев» и «казнить» его по своему усмотрению, то боярин имел право прибегнуть – как к крайнему средству – к отъезду⁴⁷.

Таким образом, в изображении Веселовского отъезд предстаёт исключительной мерой, на которую решались очень немногие и, видимо, только в крайнем случае. Значение права отъезда было не в том, что оно служило фундаментом вольной боярской службы, а в том, что оно – признаваемое больше теоретически, нежели реализуемое на практике – служило неким противовесом (на стороне боярина), обеспечивающим относительное равноправие того договора, который подразумевался в отношениях князя и служилого человека.

Однако, пересматривая тезис о фундаментальном значении права отъезда, Веселовский оставался верен идее о договорном принципе отношений князя и служилой знати на Руси. Более того, он попытался подкрепить эту идею, предложив новый взгляд на клятву верности служилых людей. В отличие от Сергеевича, опиравшегося на летописные известия как свидетельства боярской присяги в виде крестоцелования, Веселовский для подтверждения существования клятвы, скреплявшей договор боярина и князя, сослался на так называемые крестоцеловальные записи конца XV – конца XVI вв. Этими записями закреплялось обязательство служилых князей и бояр, заподозренных в намерении «отъехать» из Москвы, служить московскому государю «до своего живота», и в их тексте фиксировалось крестоцелование опального сановника «крепости деля», то есть для подкрепления данных обещаний. Записи были хорошо известны русским дореволюционным историкам благодаря публикации в «Собрании государственных грамот и договоров», однако они рассматривались как одно из средств в арсенале московских князей для борьбы с традиционной «вольной службой» и «правом отъезда» бояр и вольных слуг⁴⁸. В частности, так оценивал значение записей Сергеевич, а вслед за ним и Дьяконов⁴⁹.

Таким образом, если, например, Сергеевич считал записи новацией великого князя Ивана Васильевича, то Веселовский, наоборот, видел в них продолжение традиций глубокой древности. На основании сохранившихся крестоцеловальных записей, а также извода (образца) такой записи, сохранившегося в митрополичьем формулярнике⁵⁰, он признавал обычай приносить клятву верности до живота исконным, ха-

⁴⁷ Там же, с. 476–477.

⁴⁸ Наиболее подробный анализ записей был предпринят Загоскиным, см.: *Загоскин Н. П.* Ук. соч., с. 116–122.

⁴⁹ *Сергеевич В. И.* Ук. соч. Т. 1, с. 387–389. Дьяконов расценивал записи как «прямую меру против свободы отъезда всяких вольных слуг»; по его мнению, ими «создавалось понятие верности службы до живота, а наказание за отъезд приобретало правомерный характер» (*Дьяконов М. А.* Ук. соч. С. 198).

⁵⁰ Этот формулярник был известен С. Б. Веселовскому благодаря его архивным изысканиям, а опубликован только в кон. XX в. Извод записи Веселовским датировался «первой половиной XV в.».

рактерным для дружинного строя. Дело выглядело так, что отъезды – это исключение из общего правила, а крестоцеловальные записи – прямое отражение традиционной формы присяги служилых людей⁵¹.

Однако и такой ход мысли не позволил учёному полностью избежать противоречий и неясностей. Веселовский, считая службу наследственной и основанной на принципе верности, не отрицал и договорного начала в отношениях князя и служилого человека. Между тем, крестоцеловальные записи ясно говорят об одностороннем характере обязательств. Веселовский не мог не заметить этого и был вынужден делать оговорки. С одной стороны, по его мнению, крестоцеловальные записи *предполагали*, что «князь, принимая присягу дружинника, принимал одновременно известные обязательства». С другой стороны, он признавал, что настоящие письменные договоры с крестоцелованием заключались лишь с владетельными и иногда служебными князьями. «С рядовыми боярами и слугами князя не писали договоров, но это не значит, что князь, принимая к себе на службу боярина или слугу, не принимал никаких обязательств. Не было надобности в особом договоре, т[ак] к[ак] общие обычаи определяли права и обязанности и князя, и его слуги. Если бояре при поступлении в службу присягали и давали на себя запись за крестным целованием, то это было религиозным подкреплением договора о службе»⁵². В конечном счёте, в отсутствие бесспорных данных Веселовскому снова приходилось ссылаться на «общие обычаи» и гипотетически предполагать устные договорённости между князем и боярином.

Некоторые высказывания современных историков относительно «вольности» боярской службы и, в частности, применимости права отъезда в древнейшее время, то есть в X–XII вв., опираются больше на историографическую традицию, чем на самостоятельные разыскания. Традиционно отмечается, что отношения князя и знати строились на принципе верности (часто пишут: «дружинной верности»). Эти отношения часто характеризуются как «вассалитет», хотя смысл этого понятия не разъясняется, а иногда оно намеренно употребляется в широком и неопределённом смысле вообще некоей службы и зависимости. Примером может служить работа Л. В. Мининковой, которая построена, в основном, на историографии и в которой данные источников (главным образом, летописей), привлекавшиеся для обоснования тезиса о «вольной» боярской службе, трактуются как свидетельства «отношений сюзеренитета-вассалитета»⁵³.

М. Б. Свердлов в труде обще-концептуального характера признаёт большое значение «права отъезда» (хотя специально не разбирает источники по этому поводу).

а ныне относится к 1448–1471 гг. (Русский феодальный архив. Ч. 1. М., 1986. № 46, с. 175–176). Публикаторы формулярника в комментарии к изводу записей безоговорочно принимают точку зрения Веселовского, заявляя, что записи содержат «договор об условиях службы» князю (Русский феодальный архив. Ч. 5. М., 1992, с. 990).

⁵¹ Веселовский С. Б. Ук. соч., с. 251, 466.

⁵² Там же, с. 471–472.

⁵³ Мининкова Л. В. Отношения сюзеренитета-вассалитета домонгольской Руси: Историография. Источники. Право. Социокультурный феномен. Ростов-на-Дону, 2005.

По его мнению, с феодализацией Руси в XI–XIII вв. «дружинный кодекс чести» становится «детерминирован не морально-этическими нормами верности», как «в родоплеменном обществе», а материальными интересами. Среди новых «феодалных форм отношений князя и вассалов» называется «отъезд как разрыв вассальных отношений»⁵⁴. В более специальной работе, пытаясь проследить судьбу отдельных боярских родов в домонгольский период, Свердлов приходит к выводу о стабильности положения боярства – как в службе князьям (на протяжении «3–6 поколений»), так и в сохранении своего общественно-экономического статуса при перемене князя⁵⁵. Вывод о преемственности боярской службы в принципе повторяет заключение М. П. Погодина, а вопрос о значении «права отъезда» остаётся открытым, поскольку известные случаи боярских переходов не разбираются в деталях.

К другой историографической тенденции ближе И. Я. Фроянов, который опирается на заключения С. М. Соловьёва (несогласные с выводами М. П. Погодина, как было отмечено выше). Он утверждает, что «не так уж редко» «дружинники оставляли князя, поскольку были людьми свободными, пользовавшимися правом служить кому хотели». Правда, право отъезда Фроянов признаёт не за всей дружиной: по его «предположению» (не подкреплённому данными источников) этого права были лишены «отроки»⁵⁶.

Вообще концепция социально-политического устройства Древней Руси, которую развивает Фроянов, стоит особняком в историографии последних десятилетий. Согласно этой концепции, строй Древней Руси представлял собой «общинность без первобытности» (сам этот термин был предложен А. И. Неусыхиним), и в этой «общинности» не было знати как особого социального слоя⁵⁷. В этой концепции легко различимы отголоски «общинно-вечевой» теории второй половины XIX в.

Если не считать работ Фроянова и некоторых его учеников, в работах большинства других современных историков явно прослеживается возврат к идеям А. Е. Преснякова и других представителей «государственной школы», которые не представляли себе элиты в Древней Руси вне «дружинно-служилой» организации. В этой парадигме идея боярской «вольности» и «договорных» отношений князя и знати отступает на задний план, и подчёркиваются централизация власти и служебные обязанности всей «дружины» по отношению к князю.

А. А. Горский не признаёт никакой знати, кроме служилой; бояре для него – только верхушка «дружины» («старшая дружина»). С Пресняковым он сходится в

⁵⁴ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 215.

⁵⁵ Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI–XIII вв. // ВИД. Т. XI. Л., 1979, с. 237.

⁵⁶ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 72, 93.

⁵⁷ См. также: Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999 (та же книга в сокращённом виде выходила в 1974 г. под заглавием «Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории»); Он же. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.-СПб., 1995; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; и др.

том, что лишь в XII в. знать приобретает заметную политическую самостоятельность, но расходятся они в том, как понимать основы этой самостоятельности: Пресняков указывал на связь «влиятельного боярского класса» с «городской вечевой стихией», а Горский считает основой боярского могущества развитие вотчинного землевладения⁵⁸. В последнем пункте с Горским солидарен М. Б. Свердлов, который тоже видит причину образования боярского «привилегированного сословия» в XII в. в развитии его землевладения, хотя в отличие от Горского он допускает существование в X–XI вв. некоей «местной знати», помимо «княжских мужей»⁵⁹. Н. Ф. Котляр пишет о Руси X–XI вв. как «дружинном государстве», в котором «дружинники» выступают прежде всего государственными чиновниками⁶⁰. В. М. Рычка и П. П. Толочко рассматривают знать не столько как социальный слой, сколько как элемент государственного управления, выстроенного по вертикали во главе с князем⁶¹.

Акцент, который А. А. Горский и М. Б. Свердлов делают на землевладении знати как основе её самостоятельности, соединяет их с концепцией феодализма в трактовке Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова, но решительно разрывает с концепцией «торговых городов» В. О. Ключевского, которую учитывал в своих построениях А. Е. Пресняков. Между тем, хотя теория Ключевского о «торгово-промышленном» становлении древнерусского государства, конечно, в каких-то пунктах устарела, в главном своём тезисе она оказывается созвучна современным исследованиям, особенно археологическим, которые подчёркивают фактор торговли в ранний период этого государства⁶².

В этом смысле ближе к построениям А. Е. Преснякова оказывается Б. Н. Флоря, который приходит к выводу, что в XII в. «боярство ещё не превратилось в земледельческую знать, интересы которой уже заметно расходились бы с интересами посадского населения». Анализ летописания этого периода показывает «существование в общественном сознании тесной связи между боярством и населением главного центра земли»⁶³. С другой стороны, он признаёт и сохранение в XII в. «традиционных норм» «отношений дружины и князя», подразумевавших заботу князя о «дружине» и

⁵⁸ См.: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989, особ. с. 82-88; *Он же*. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004, с. 105-114.

⁵⁹ См.: Свердлов М. Б. Генезис и структура..., с. 194-222; *Он же*. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003, с. 169-180 и др.; *Он же*. Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории. Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006, с. 10-98.

⁶⁰ См., например: Котляр М. Ф. Княжа служба в Київській Русі. Київ, 2009.

⁶¹ Рычка В. М. Княжий двір Києва // Котляр М. Ф., Рычка В. М. Княжий двір Південної Русі X–XIII ст. Київ, 2008, с. 6-180; Толочко П. П. Власть в Древней Руси. X–XIII века. СПб., 2011.

⁶² Ср., например: Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-восточной Европе (Постановка проблемы) // ДГ: 1992-1993 гг. М., 1995, с. 16-33; Носов Е. Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. (Новые материалы и исследования) (=Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XVIII). СПб., 2005, с. 8-32.

⁶³ Флоря Б. Н. Правитель и знать в древнерусском летописании XII века // СР. Вып. 8. М., 2009, с. 77, 80.

верность ему с её стороны. Содержание этих норм Б. Н. Флоря понимает скорее в духе А. Е. Преснякова и В. И. Сергеевича, считая, что их можно понимать как «своеобразный неписанный контракт между дружиной и князем»⁶⁴. В другой работе историк отмечает, что до XII в. эта «дружинная мораль» преобладала в отношениях князя и знати и что отдельные упоминания о проявлении некоторой политической инициативы со стороны боярства «нельзя рассматривать как свидетельство [его] силы и политической самостоятельности»⁶⁵.

* * *

В зарубежной историографии тема данного исследования затрагивалась лишь в связи с обсуждением более общих вопросов – таких, например, как проблема «русского феодализма», или обсуждение корней русского самодержавия – и, как правило, из перспективы более позднего времени (XIV–XVII вв.). Большое внимание в западноевропейской и американской литературе по истории средневековой Руси уделялось критике принятого в советской историографии марксистского понимания древнерусского общества как феодального, причём за основу критики принимались положения русской дореволюционной историографии и работ историков, эмигрировавших из Советской России и продолжавших заниматься исследованиями русской историей за рубежом. Критики советской историографии указывали, прежде всего, на отсутствие или незначительную роль боярского землевладения до XIV в., а позднее на отсутствие связи этого землевладения с княжеской службой, на большое значение городской экономики на Руси в X – начале XIII в. и на размытость юридических различий между разными группами населения.

Большое влияние на западную, особенно англоязычную, историографию оказали труды Г. В. Вернадского, начинавшего научную деятельность в России, но эмигрировавшего из Советской России в 1920 г. Классическим изложением древнерусской истории на английском языке считается книга Вернадского «Киевская Русь»⁶⁶. Начинается она с утверждения о принадлежности России «исторически и культурно» к Европе, хотя Русь была её своеобразной частью: в целом, «на протяжении долгого времени в русской и европейской истории наблюдались не только различные, но и сходные процессы, и во внимание следует принимать как те, так и другие». Признавая аналогии в общественно-политическом строе Киевской Руси и западно-европейских средневековых государств (в организации княжеского управления, обычном праве и др.), Вернадский находит и принципиальное различие: «в отличие от Запада не феодальное поместье, а город был главным фактором экономической и социальной эво-

⁶⁴ Флоря Б. Н. Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII в.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2012, с. 19, 22, 24.

⁶⁵ Флоря Б. Н., Турилов А. А. Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2009, с. 53.

⁶⁶ Vernadsky G. *Kievan Russia*. New Haven, 1948. Русский перевод (не очень удачный): Вернадский Г. В. *Киевская Русь*. Тверь-Москва, 1996.

люции страны»; «и князь на Руси, и король на Западе должен был делить власть с могущественной аристократией, но в Киевской Руси существовал ещё и третий важный политический компонент, которого не было на Западе: город»⁶⁷.

В главе «Социальная организация» Вернадский отмечает наличие социального расслоения задолго до образования государства на Руси и допускает существование в Киевской Руси аристократии, кроме служилой, «по праву», хотя постепенно обе её категории сливаются в боярство – класс отделённый от остального населения не юридически, но социально и экономически (на основе земельных владений и городской торговли)⁶⁸.

Проблему феодализма на Руси Вернадский обсуждает в заключении к книге⁶⁹ и, более подробно применительно также к периоду XII–XV вв., в специальной статье⁷⁰. Он признаёт достижения советских историков в выявлении роста крупного землевладения в Киевской Руси, однако считает, что феодализма там не было – ни в марксистском понимании термина (чисто экономическом: феодализм – это строй, основанный на сеньории, в рамках которой посредством внеэкономической эксплуатации изымается рента от непосредственного производителя в пользу представителей господствующего класса⁷¹), ни в классическом (согласно трём признакам, которые им выделяются по книге Отто Хинтце⁷²). Доказывая отсутствие феодализма в Киевской Руси, Вернадский указывает, прежде всего, на боярское землевладение, черты которого (вотчинное, то есть аллодиальное, право владения; применение труда рабов; относительно небольшое значение в общем производстве и др.) не позволяют его сблизить с западноевропейской сеньорией.

Среди суждений историков-эмигрантов относительно концепций «русского феодализма» интерес представляют высказывания П. Б. Струве. В специальном очерке «Существовал ли в Древней Руси феодальный правопорядок?», впервые опубликованном в 1929 г.,⁷³ Струве последовательно критикует все положения теории Н. П.

⁶⁷ Вернадский Г. В. Ук. соч., с. 15-16.

⁶⁸ Там же, с. 144 и след.

⁶⁹ Там же, с. 179–189.

⁷⁰ Vernadsky G. Feudalism in Russia // Speculum. Vol. 14 (1939). № 3, p. 300-323.

⁷¹ Поясним, что Вернадский имел в виду марксизм в его классическом (хотя и несколько упрощённом по сравнению с идеями самого Маркса) изложении, как он был представлен в концепции Грекова-Юшкова о «феодальной формации» в России. В момент написания книги Вернадский, естественно, не мог быть знаком с более поздней теорией «государственного феодализма», согласно которой не сеньория (вотчина) является основой феодализма, а государственная эксплуатация непосредственного производителя, то есть крестьянства (при этом «рентой» объявляется государственной налог в той или иной форме – дань, кормление и т. д.).

⁷² Hintze O. Wesen und Verbreitung des Feudalismus. Berlin, 1929. 1-й признак – политический: раздробление власти по иерархической лестнице; 2-й – экономический: сеньория, в рамках которой статус крестьян юридически ограничен и разделены права пользования и владения одной и той же землей; 3-й – «феодальные узы»: нераздельное единство личных и территориальных прав, когда владение землёй вассалом обусловлено его службой сеньору.

⁷³ Струве П. Б. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952, с. 221–289. Струве во многом опирался на критику работ Павлова-Сильванского, раздававшуюся ещё в дореволюционной историографии. Обзор этой критики и интересные мысли по поводу возможностей сравнения обще-

Павлова-Сильванского. Он делает акцент на отличии древнерусского строя отношения князя и знати от вассально-ленных отношений: при западно-европейском «феодальном правопорядке» владение землёй было неразрывно связано с обязанностью службы (в этом сущность фьефа), а в Древней Руси службы была «вольной» с правом отъезда, и вотчинное боярское землевладение было не условным, а аллодиальным. Критикуя Павлова-Сильванского, Струве пишет: «вольная служба русских привилегированных слуг социально, то есть юридически и экономически, представляет столь разительное отличие от феодального правопорядка, что непонятно, как можно было измыслить и поддерживать теорию русского феодализма» именно применительно к ней ⁷⁴. Историк готов признать наличие лишь отдельных феодальных элементов в общественных отношениях Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. В позднейшей книге Струве обобщающего характера в разделе о Киевской Руси не нашлось места обсуждению роли древнерусской знати, он только отмечает, что при второстепенном значении юридических разграничений категорий населения «основным социальным делением» в ту эпоху было деление на «господу» и «смердь» ⁷⁵.

В суждениях Г. В. Вернадского сказывается влияние концепции «торговой Руси» В. О. Ключевского, а рассуждения П. Б. Струве находятся в русле идей «государственной школы». Эти два направления русской исторической мысли и являются той основой, на которой работают западные исследователи истории Древней Руси.

В современной англо-американской историографии преобладает тенденция рассматривать именно город как конститутивный элемент древнерусского общественного устройства (вместе с княжеской властью). И, например, американская исследовательница Дж. Мартин ⁷⁶, и английские авторы Дж. Шепард и С. Франклин ⁷⁷ видят в боярстве только часть городского населения, а дружина предстаёт в их трудах лишь как один из вспомогательных инструментов князя в решении политических и административных задач. Показательно, что даже в более обстоятельной книге англичан из почти четырёхсот страниц текста знати специально уделено всего 4-5 страниц, зато городской жизни – отдельная глава.

Одной из удачных работ на английском языке по истории Киевской Руси следует признать небольшую статью Пола Бушковича ⁷⁸. Сопоставляя свидетельства письменных источников с данными археологии по трём русским землям (Киевской, Смоленской и Новгородской), он приходит к выводу о преимущественно городском образе жизни боярства в XI–XII вв. Более или менее крупные сельские резиденции знати появляются в XII в. и находятся недалеко от города. Лишь в XIV в., по его мне-

ственного строя Западной Европы и Руси см.: *Кареев Н. И.* В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910.

⁷⁴ Струве П. Б. Ук. соч., с. 117–118.

⁷⁵ Там же, с. 60 и след.

⁷⁶ *Martin J.* Medieval Russia, 980–1584. Cambridge, 1995, p. 57–89.

⁷⁷ *Franklyn S., Shepard J.* The Emergence of Rus: 750–1200. London, New York, 1996, p. 194–197, 291.

⁷⁸ *Bushkovitch P.* Towns and Castles in Kievan Rus': Boiar Residence and Landownership in the 11th. and 12th. Centuries // *RH.* Vol. 7 (1980), issue 1, p. 251–264.

нию, началось массовое «движение бояр из города в их сельские поместья», что совпало с монастырской колонизацией и изменениями в агрикультуре. Городская жизнь давала возможность «киевской аристократии» находиться в непосредственной близости к князю и «на базе очень скудных экономических ресурсов поддерживать и защищать большое государство и заложить основы восточно-славянской цивилизации так, как это вряд ли могло бы сделать изолированное сельское боярство».

В немецкоязычной историографии тоже ощущается влияние русской дореволюционной науки, но не настолько сильно, как в англоязычной, и сказываются традиции и подходы немецкой медиевистики. В частности, сравнительно немало писалось о *дружине* в Древней Руси, потому что соответствующее понятие (нем. *Gefolgschaft*) имеет большое значение в немецкой историографии. Об этих работах говорится подробнее в главе II.

Книга датского историка К. Р. Шмидта написана в русле позитивистской традиции немецкой науки и издана на немецком языке ⁷⁹. Работа направлена на изучение конкретных терминов по нескольким классическим памятникам домонгольской Руси. Автор не вдаётся в теоретические дискуссии о феодализме и не предлагает оценок общественного строя Древней Руси в целом, хотя и выражает готовность признать некоторые тезисы советской историографии (главным образом, работ Б. Д. Грекова).

Шмидт поставил целью определить смысл и содержание 175 «социальных» терминов, упоминаемых в «Повести временных лет» (ПВЛ), Новгородской 1-й летописи старшего извода, «Русской Правде» и некоторых других юридических документах Древней Руси, а также в «Слове о полку Игореве», исходя исключительно из контекста их употребления в том или ином памятнике. Анализ конкретных известий вместе с прилагаемым списком и таблицами всех упоминаний полезен как отправная точка дальнейших терминологических изысканий, однако отсутствие какой-либо последовательной концепции общественного строя Древней Руси и отказ от текстологической оценки текстов, привлечённых к исследованию, часто ставит под вопрос те или иные отдельные интерпретации. Целый ряд толкований, предложенных Шмидтом, даже на самый поверхностный взгляд выглядит сомнительным или просто неверным. Например, фраза ПВЛ, что бояре по смерти Владимира Святославича плакали по нём «акы заступника их земли», служит доказательством существования земельных владений бояр, которые они получили от князя в лен или собственность (историк здесь поддерживает тезис Грекова о раннем зарождении землевладения на Руси) ⁸⁰. При этом многозначность древнерусского слова *земля* игнорируется. По мнению Шмидта, боярская дума для времени до начала XIII в. – «анахронизм», так как не встречается соответствующий термин ⁸¹. То обстоятельство, что институт мог существовать, обозначаясь как-то иначе, датский историк не учитывает.

⁷⁹ Schmidt K. R. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964.

⁸⁰ Ibidem, S. 47, 536.

⁸¹ Ibidem, S. 533.

Шмидт первым последовательно отстаивал мысль, взятую на вооружение некоторыми современными историками (С. В. Завадской и др.), что бояре не составляли особый класс или слой населения до середины XII в. Термин *бо(л)ярин* в его ранних упоминаниях (в том числе в договорах Руси с Византией X в.) он считает «импортированным, учёным обозначением»⁸². Эта мысль критически разбирается в главе V данного исследования.

Влияние традиционной немецкой историко-юридической школы (*Verfassungsgeschichte*) и учения о «господстве знати» сказалось в работах немецких историков второй половины XX в., которые, опираясь на русскую дореволюционную науку, скорее противопоставляют социально-политическое развитие Руси и западноевропейских стран. Так, М. Хельман в серии статей 50-х годов XX в. последовательно развивал тезис о фундаментальном отличии древнерусской «вольной службы» не только от западноевропейского вассалитета, но и от принципа верности, лежащего, как считали в немецкой исторической науке с XIX в., в основе дружинного строя у германцев. В славянских странах, по мнению Хельмана, не сложилось политически активной и экономически независимой знати со своим самосознанием⁸³. Характерной для восточного славянства была «добровольная служба», покоившаяся только на материальной заинтересованности сторон. Наиболее ярким свидетельством такого рода службы М. Хельман называет «право боярского перехода», которое возводит к древнейшим временам⁸⁴. В древнерусской дружине он подчёркивает элемент господства: по его мнению, она «покоилась в значительно большей степени на принуждении к подчинению и послушанию господину с расчётом на соответствующее материальное вознаграждение, чем на моральном и в конечном счёте религиозно обоснованном отношении дружбы и верности»⁸⁵.

Восходящие к историографии XIX в. (прежде всего, В. И. Сергеевичу) воззрения о «вольной службе» на Руси, отличной от западноевропейского вассалитета, проводятся в работах ряда авторов – Г. Алефа, Г. Штёкля, К. Хеллера, К. Любке и др.⁸⁶

Однако в последние десятилетия наметилась тенденция пересмотра устоявшихся мнений: общественный строй Руси и европейских стран Средневековья рассматривается как, в целом, аналогичный, и в частности, находятся параллели в роли знати и системе отношениях правителя и знати. Подробнее стоит остановиться на двух моно-

⁸² Ibidem, S. 472, 524.

⁸³ *Hellmann M.* Grundfragen der slawischen Verfassungsgeschichte des frühen Mittelalters // JGO, Neue Folge. Bd. 2 (1954), S. 404.

⁸⁴ *Hellmann M.* Probleme des Feudalismus in Rußland // Studien zum mittelalterlichen Lehnswesen. Vorträge gehalten in Lindau am 10.-13. Oktober 1956. Lindau, Konstanz, 1960, S. 242-247.

⁸⁵ *Hellmann M.* Herrschaftliche und genossenschaftliche Elemente in der mittelalterlichen Verfassungsgeschichte der Slawen // Zeitschrift für Ostforschung. Bd. 7 (1958), S. 328, 331–332.

⁸⁶ *Alef G.* Das Erlöschen des Abzugsrechtes der Moskauer Bojaren // FOG. Bd. 10. Berlin, 1965, S. 7–74; *Stoekl G.* Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 3., erw. Auflage. Stuttgart, 1973; *Heller K.* Russische Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Bd. 1: Die Kiewer und die Moskauer Periode (9.–17. Jahrhundert). Darmstadt, 1987, S. 17–21, 84–99; *Lübke Ch.* Fremde im östlichen Europa: von Gesellschaften ohne Staat zu verstaatlichten Gesellschaften (9.–11. Jahrhundert). Köln etc., 2001, S. 300–310, 314.

графиях, которые по своей научной значимости ярко выделяются среди зарубежной литературы по истории средневековой Руси: «Русский княжеский двор до 16 в. Сравнительное исследование политической лексикологии и институциональной истории Древней Руси» Уве Хальбаха (1985 г.) и «Господа и слуги. Социальный и политический менталитет русской знати. 9–17 вв.» Хартмута Рюсса (1994 г.).

Свою исследовательскую задачу Хальбах определяет как описание центральных дворцовых должностей (то есть при дворе правителя; не включая территориальные с местным аппаратом) в контексте «общей атмосферы» княжеского двора, а также его «места в политической культуре и социально-экономических и государственных структурах» Киевской Руси, земель Северо-Восточной Руси (до начала XVI в.) и Галицко-Волынского княжества (до начала XIV в.)⁸⁷. Важным аспектом работы является сравнительно-исторический: в первой главе книги рассматриваются (на основе вторичной литературы) королевские дворы Западной Европы, княжеские дворы Польши, Чехии, Венгрии, Хорватии, Сербии и Болгарии и императорский двор Византии, причём упор сделан именно на организации управления через должностных и уполномоченных правителем лиц.

Анализ древне-русского княжеского двора в широком европейском контексте, а также при учёте теоретически-правовой разработки дворцового устройства и государственного управления, начатой западными юристами ещё в Средние века, позволил Хальбаху систематизировать деятельность княжеского (королевского) двора как административно-властного центра, выявить и попытаться объяснить отсутствие одних из них в Древней Руси и истоки других. С другой стороны, сужение круга исследования (анализируются только должности, да и то не все, а только дворцовые) выглядит неоправданным, потому что автор искусственно расчленяет цельное явление. Двор средневекового правителя состоял не из должностей, а из *людей*, и общественная жизнь вокруг правителя, при его дворе, слагалась не столько из их должностных обязанностей, сколько вообще их судьбами, поведением, стремлениями и интересами.

Хальбах постоянно ссылается на недостаток источников, особенно в сфере «репрезентации власти» и церемониала, в частности, на отсутствие чинов приёма иностранцев при дворе (имея в виду исследования культуры франкского и византийского дворов на основе подобного рода документов). Действительно, мы ничего не знаем о дипломатическом и придворном этикете в Древней Руси, но ведь о порядке и формах (само)легитимации власти и нормах и правилах поведения людей, причастных к власти, можно судить и по другим источникам.

Наконец, невозможно решить проблемы, связанные с функционированием власти, без учёта её организующей силы, то есть центральной фигуры самого правителя. Между тем, это вопрос для Хальбаха явно второстепенный, и он затрагивает его мельком, отмечая, что в Киевской Руси теоретически обязанностью князя было давать

⁸⁷ Halbach U. Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert: eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Ruß. Stuttgart, 1985, S. 15.

суд и защищать веру, а на практике его деятельность сводилась исключительно к войне, относительно же «удельного» периода (приблизительно с середины XII в., по его хронологии) выделяет оседлость князя и хозяйственное освоение князьями своих «волоостей»⁸⁸.

Вследствие изначально ограниченного (или даже скажем: не совсем корректно выбранного) угла зрения автору не удаётся показать именно то, что от него ожидается в первую очередь (и что отчасти им обещано) – функционирование двора как средоточия власти и её самосознания, как социально-культурной системы, в которой взаимодействовали разные социальные и политические группы и реализовались, сложно переплетаясь, разные интересы. В книге содержатся ценные наблюдения о сущности и эволюции ряда придворных должностей и институтов, особенно, например, воеводы (которому Хальбах придаёт большое значение, называя его *alter ego* князя) и кормильца («дядьки»), дворян и слуг «под дворским», о формировании системы «путей»; в связи с участием клириков в княжеском управлении интересно обсуждается проблема «древнерусской канцелярской системы» и др. Но в целом, подход автора скорее формально-юридический в традиции немецкой *Verfassungsgeschichte* (может быть, за исключением описания быта на княжеском дворе в Киеве), и этот традиционный, идущий из науки XIX в., подход заставляет автора возвращаться в круг уже давно поставленных проблем и идти проторенными путями, с неизбежными повторами и эклектичными выводами.

Более того, этот формально-юридический подход Хальбаха к освещению темы не позволил ему должным образом оценить то сопоставление древнерусского двора с дворами европейских правителей, которое он сам же проводит. Сравнивая устройство аппарата управления и систему должностей на Руси и в остальной Европе, он приходит к выводу, что древнерусский княжеский двор развивался автономно, практически не испытывая внешних влияний (в том числе византийских), сформировался как таковой только в «удельный» период (с «оседанием» дружины) и имел, главным образом, хозяйственное значение, был крайне прост и незатейлив в своих формах и самосознании и тем самым резко отличался не только от византийского двора, но и от западноевропейских, особенно имперских (каролингской, затем германской империй)⁸⁹. Признавая простоту устройства княжеского двора в Древней Руси (что, в общем, вполне естественно, особенно для эпохи татаро-монгольского ига), едва ли следует, однако, преувеличивать его отличия от западноевропейского. Если посмотреть не формально, с точки зрения внешних форм и терминологии, а с точки зрения *принципов* складывания придворной среды и общения внутри неё, то окажется, что очень многое их сближает (об этом см. в главах IV–VI настоящего исследования).

Кроме того, важно сопоставлять явления стадияльно и структурно близкие. Едва ли оправданно сравнение, предложенное Хальбахом, трактата архиепископа Рейм-

⁸⁸ Ibidem, S. 60–61, 172–174.

⁸⁹ Ibidem, S. 169–171, 347–348.

ского Хинкмара «De ordini palatii» (IX в.) и «Поучения Владимира Мономаха» (начало XII в.) с точки зрения устройства двора: в одном случае ученый латинский монах специально излагал *идеал* такого устройства, ориентируясь на Римскую империю, а в другом – князь Руси делал акцент, прежде всего, на отношениях князей Рюриковичей, упоминая лишь мельком об управлении, порядке замещения дворцовых должностей и т. п. Если вести речь о Западной Европе, то сравнивать надо не с тем общим образом королевского двора, как он сложился к XII–XIII вв. (причём именно в германской империи), как это делает Хальбах, а с ранним Средневековьем, и обратить внимание на те регионы, где меньше сказывалось наследство античности – англо-саксонские и скандинавские королевства (упущенные в его компаративном обзоре). И оказывается, что западноевропейские раннесредневековые королевские дворы ничуть не организованней и представительней древнерусского⁹⁰; видим похожую систему принятия решений (на разного рода собраниях знати), такие же принципы административных, политических и прочих поручений (высшая знать имеет право на высшие посты – *honores*, а более низкие посты занимают *vassi* и несвободные княжеские слуги), такие же наказания за неисполнение обязанностей и предательство (удаление с поста, ссылка, лишение собственности и казнь) и т. д.⁹¹ В то же время, например, англо-саксонские материалы ярко демонстрируют, насколько бесперспективно сравнение отдельных должностей или социальных категорий англо-саксонской знати (эрлы, тэны, гезиты и т. д.) с таковыми Древней Руси – и терминология, и социально-правовые формы и разграничения имеют мало общего. Сравнение отдельных институтов, юридических норм, культурных форм, идей и т. д. не должно быть изолированным и неподготовленным предварительным тщательным изучением социального контекста объектов, выбранных для сравнения – этот контекст должен быть достаточно близким, чтобы позволить сравнение. Явления внешне сходные могут нести совершенно разную социальную функцию и семантическую нагрузку в рамках конкретно-исторической культурной среды.

Более удачным получилось сравнение у Хальбаха древнерусских порядков с центрально-европейскими. Это сравнение привело его, в частности, к описанию так называемой «служебной организации» в княжествах Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. Хальбах считает, что этот институт отсутствовал в Киевской Руси, когда государство не было «патримониальным» (в отличие от Пястовской Польши, Чехии при Пржемысловичах и Венгрии при Арпадах), и развился только в условиях «вотчин-

⁹⁰ Бедны и непрезентабельны были дворы англо-саксонских королей, а в Ирландии у короля вообще не было постоянного окружения, ср., например: *Wormald P. Celtic and Anglo-Saxon Kingship: Some Further Thoughts // Sources of Anglo-Saxon Culture. Ed. by P. Szarmach with V. D. Oggins. Kalamazoo, MI, 1986, p. 151-183.*

⁹¹ Ср., например: *Nelson J. L. Politics and Ritual in Early Medieval Europe. London, 1986; Idem. Kingship and Royal Government // The New Cambridge Medieval History. Vol. II. Cambridge, 1995, p. 408 et seq.*

ных княжений» в рамках системы «путей»⁹². Насколько эти рассуждения верны, должны показать специальные исследования вопроса⁹³.

В книге Х. Рюсса делается акцент на более поздний период (XIV–XVI вв.), однако также используется сравнительно-исторический метод и, кроме того, применяются некоторые новые взгляды к изучению древнерусской знати, и в этом состоит её важность и ценность для темы данного исследования.

Рюсс считает основными чертами древнерусской знати мобильность, «ориентированность на город» (прежде всего в экономическом смысле) и тесную связь с князем и княжеским двором. Боярство сформировалось не как наследственное звание, не по происхождению, а «через службу князю, то есть через свою функциональную общественную роль», и с самого начала было «кастой воинов». Отличительными чертами древнерусской знати, проявившимися уже в Киевский период, была социальная «проницаемость» и ярко выраженные военные обязанности, которые приобрели характер не «культурного времяпровождения», как на рыцарском Западе, а черты постоянной «перегрузки»⁹⁴.

Другой важный фактор, по Рюссу, который также проявился уже в древнейший период истории Руси и сохранял силу в течение всего до-петровского периода, – это своеобразный «дружинный этос», сотрудничество, основанное на «консерватизме», во взаимоотношениях правителя и знати. Этот момент принципиален для всей концепции Рюсса, которую он противопоставляет двум основным мнениям о роли знати в до-петровской Руси. Первое берёт начало в теории «государственной школы» и не признаёт за знатью самостоятельного значения, так как движущей силой русской истории является государственная власть; знать была слабой и не обладала сословным самосознанием. Второе представляет советская историография: знать, а точнее «класс феодалов» представлял собой реакционную силу и в политическом плане в Средние века противостоял государственной централизации. Рюсс придерживается мнения, сложившегося в современных исследованиях роли знати в средневековой Западной Европе, что «сотрудничество и напряжение (Kooperation und Spannung) были генеральным конститутивным признаком взаимоотношений князя и знати в ранней европейской истории»⁹⁵. В до-петровской России, хотя «отличительной чертой» знати была «служба и связанная с ней социальная и политическая ориентация на *центр*, а не корпоративная и анти-централистская отстранённость на сословно-региональной основе», в то же время «знать и монарх были политически, материально, ментально и идейно теснейшим образом друг с другом скованы и друг от друга зависимы. Общая тенденция была такова, что они находились в общем *контексте господства*

⁹² Halbach U. Op. cit., S. 264–272.

⁹³ Ср.: Флоря Б. Н. «Служебная организация» и её роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // ОИ. 1992. № 2, с. 56–74.

⁹⁴ Rüß H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9–17 Jh. Köln, Weimar, Wien, 1994, S. 19–20, 41, 45, 105–106.

⁹⁵ Ibidem, S. 16, vgl. 9–15.

(Herrschaftskontext). Определяющими для их отношений было *традиционные* общие представления о *политической кооперации* и сотрудничестве» (курсив автора) ⁹⁶.

Соответствующим образом решает Рюсс и вопрос об отношении русских явлений к европейским. Он не отвергает сравнительного метода, но дистанцируется от «односторонности, абсолютизирующей западную перспективу и поэтому часто оценивающую русские явления как ‘некачественные’». Исходя из того, что есть общие принципы, «конститутивные» моменты в общественном развитии всех европейских стран, включая Россию (в том числе он особое значение, в рамках своей темы, придаёт организующей роли княжеского/королевского двора), он настаивает на том, что «русская история представляет собой не некое перманентное отсутствие или неразвитость» явлений, состоявшихся где-то ещё, но «приняла такой ход, какой в общем и целом соответствовал и был соразмерен условиям», заданным природой и конкретными историческими обстоятельствами ⁹⁷. Отрицание наличия «феодализма» в России ⁹⁸ и признание своеобразных черт древнерусской знати не ведёт обязательно к признанию её «особого пути» отличного от пути других европейских стран.

Главную идею, предложенную для характеристики отношений знати и правителя в допетровской Руси, Рюсс развивает, в частности, на примере вопроса о праве отъезда в Киевской и «удельной» Руси. Вслед русской дореволюционной историографии Рюсс критически относится к попыткам найти аналогии западным вассально-ленным отношениям на Руси. Разбирая зафиксированные в источниках XIV–XV вв. случаи боярских отъездов, он вслед Веселовскому подчёркивает их исключительный характер, настаивает лишь на «относительной свободе переходов знати (relative adlige Freizügigkeit)» и заявляет, что «существование абсолютного, полностью независимого от согласия князя и договора с ним права знати на свободный отъезд является с давних пор повторяемым научным мифом. Этот миф покоится на допущении когда-то существовавшего идеального состояния совершенно свободного и в любой момент реализуемого выбора знатью того или иного князя»; такого права «никогда в русской истории не существовало» ⁹⁹.

Не о вольности бояр следует говорить, по мнению Рюсса, а о свойственном дружине во всех её известных европейских вариантах (прежде всего германском) «отношении верности (Treuverhältniss) к вождю дружины или князю, которое утверждалось клятвой верности при поступлении представителя знати к нему на службу или при его смене»; этот принцип верности он считает возможным возводить к древнейшему периоду русской истории и даже к общеславянским корням ¹⁰⁰. Формулу

⁹⁶ Ibidem, S. 472–473.

⁹⁷ Ibidem, S. 9, 17.

⁹⁸ Отталкиваясь от общепринятой классической интерпретации феодальных отношений, Рюсс не находит на Руси ни сеньории (Ibidem, S. 102, 153–156), ни вассально-ленных отношений (ср. его критику теорий В. Т. Пашуто в разделе коллективного труда: *Ruß H. Das Reich von Kiew // Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 1. Hrsg. von M. Hellmann, G. Schramm, K. Zernack. Stuttgart, 1981, S. 361*).

⁹⁹ *Ruß H. Herren und Diener...*, S. 263, 275–276, 284–285.

¹⁰⁰ Ibidem, S. 275.

межкняжеских договоров «а бояром и слугам между нас вольным воля» Рюсс расценивает, указывая на постоянные династические конфликты и переделы, как подтверждение неприкасаемости земельных владений бояр и вольных слуг и как «взаимную гарантию нерушимости служебных отношений»¹⁰¹. Признавая, снова вслед С. Б. Веселовскому, крестоцеловальные записи XV–XVI вв. продолжением древней традиции клятвы верности дружинника князю, Рюсс заключает: «идеология политического согласия, гармонии и единства в отношениях правителя и знати закреплялась в клятвах, которые с древности приносились в устной форме, с христианизацией – посредством крестоцелования и перед евангелием с поднятой правой рукой»¹⁰².

Работа Рюсса нова не только своим подходом к рассмотрению отношений знати и князя. Интерес представляет также его исследование таких аспектов исторической жизни древнерусской знати, которые практически не изучались – религиозность знати, роль женщины в боярском доме, «барский» образ жизни в городе и в деревне и т. п. В целом, книга представляет собой значительное достижение зарубежной русистики. Однако, Рюсс лишь мельком и иллюстративно привлекает источники ранее XIV в.

Исследования У. Хальбаха и Х. Рюсса оказывают влияние на современную немецкую историографию. Под влиянием их выводов известный немецкий историк, автор только что вышедшей в свет фундаментальной истории России периода до Октябрьской революции 1917 г. М. Хильдермайер в разделе, посвящённом истории Киевской Руси, пишет, что сущностными чертами древнерусской «дружинной знати (Gefolgschaftsadel)» были «личная привязанность» к правителю и исполнение службы в его пользу и что с этим связано отсутствие у неё корпоративных самосознания и органов самоуправления¹⁰³. Признавая типологическую близость в историческом развитии Руси и средневековых государств Европы, Хильдермайер при этом отвергает «феодальную парадигму» и соответствующие аналогии устанавливает вне её¹⁰⁴.

* * *

В целом, развитие исторических взглядов по теме данного исследования можно представить следующим образом. В науке XVIII – первой половины XIX в. признавалось наличие некоей знати или аристократии на Руси практически с момента зарождения государственности, то есть, как тогда считали, с момента установления монархического правления, объединившего разные «племена» на территории Восточной

¹⁰¹ Ibidem, S. 281–282.

¹⁰² Ibidem, S. 277. В специальной статье о клятве в Древней Руси в авторитетном издании «Lexikon des Mittelalters» Рюсс излагает проблему, опираясь в основном на суждения Дьяконова. Он тоже признаёт, что в древнерусской дружине существовала практика заключать договоры, скреплённые клятвой верности, хотя «письменно зафиксированные договоры об объёме и условиях вольной службы не сохранились». Рядом с такими клятвами ставится «клятвенное обязательство пролить свою кровь ради правителя и не жалеть жизнь на службе князю», но оно «касается только военной службы» (*Ruß H. Eid: Altrußland // Lexikon des Mittelalters. Bd. III. München etc., 1986, Splt. 1691*).

¹⁰³ *Hildermeier M. Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München, 2013, S. 84-88.*

¹⁰⁴ Ibidem, S. 121-122, 231-232.

Европы. Однако, лишь в работах с 1840-х гг. заметно более пристальное внимание к этой знати и вообще социальной верхушке Древней Руси. Историки, работавшие в 1840-1870-х гг., стали пытаться осмыслить социально-политическую структуру Руси X–XII вв. в подробностях, выявляя её своеобразие и аналогии со структурой европейских средневековых обществ.

В этих работах для характеристики высших социальных слоёв Древней Руси, приближенных к князьям, широко применялось понятие *дружина*, введённое в научный оборот ещё Н. М. Карамзиным. Была выдвинута мысль об изначальном существовании «дружинных» бояр и «земских», которые лишь со временем – приблизительно в XII в. – сливаются в одну группу (класс). Общественное развитие Древней Руси рассматривалось с точки зрения взаимодействия власти (правителя) и народа (общины). «Государственная школа» делала больше акцент на «власти» и с этой точки зрения рассматривала все социальные слои, в том числе и высшие, как служебные по отношению к правителю. Историки, настроенные в славянофильско-народническом духе, «креативное» начало приписывали «народу», но тезис, что знать в Древней Руси не составляла привилегированный наследственный слой и не играла самостоятельную роль в социально-политической жизни, был общим для обоих течений мысли.

Развитие исторической науки в конце XIX в. поставило под сомнение эти схемы, и историки стали прибегать к новым понятиям и моделям. Например, В. О. Ключевский ввёл понятие «торговой аристократии» или «военно-промышленного класса», который, по его мнению, стоял у истоков государства руси в IX–X вв. и только постепенно переродился в боярский класс. В. И. Сергеевич, фактически отказавшись от понятий «дружинной» и «земской знати», разделял боярство, поступавшее на «вольную службу» к князьям, как самостоятельную общественную силу, и «класс придворных слуг», которые были в зависимости от своих господ – князей. Он наиболее последовательно разработал идею «вольной боярской службы» и договорных отношений князя и боярства, которые определяли эту службу. Н. П. Павлов-Сильванский впервые попытался систематически представить древнерусское общество как феодальное, в котором вассально-ленные отношения развились из дружинного принципа верности. А. Е. Пресняков попытался разработать научное понятие дружины. Он представлял её как общеевропейское явление, из которого развились государственные институты. Эти институты на Руси он описывал понятием «княжое право».

В советской историографии в 1930-40-е гг. центральной стала разработка марксистской теории «формаций». В концепции, разработанной главным образом трудами Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова, Древняя Русь зачислялась в «феодальную формацию», в которой боярство представало «господствующим классом». Основу могущества этого «класса феодалов» видели в землевладении, зарождение которого относилось к самым древним временам. Роль боярства в Средние века оценивалась, в основном, в негативном ключе – как эксплуататорская и анти-централизаторская.

Позднейшая историография не поддержала такого рода оценки и, в особенности, тезис о раннем зарождении вотчинного землевладения. Если не считать особой точки зрения И. Я. Фроянова, который вообще не признаёт в домонгольской Руси знати как особого социального слоя, в большинстве русскоязычных работ последних десятилетий (А. А. Горского, Б. Н. Флори, М. Б. Свердлов, П. П. Толочко и др.) наблюдается возврат к идеям А. Е. Преснякова и других представителей «государственной школы» и, прежде всего, к мысли о «дружинно-служилом» характере древнерусской знати. В современной зарубежной историографии тоже сказывается влияние схем русских дореволюционных историков, однако, в большей степени не «государственной школы», а идей Ключевского, и, кроме того, учитываются подходы и идеи западноевропейской медиевистики середины–второй половины XX в.

На настоящий момент высказывания разных историков по тем или иным аспектам темы данного исследования далеки от консенсуса. Практически все вопросы, поставленные в исследовании как центральные для темы, остаются дискуссионными: кем, собственно, были бояре древнейшего времени и когда сформировался слой боярства; следует ли различать в их среде неких «служилых/дружинных» и «земских»; как они соотносились с другими общественными элементами, состоящими в элите или причастными к ней; на каких принципах строились отношения знати и князей. Нельзя сказать, что старые схемы, к которым возвращаются или которые продолжают эксплуатировать современные историки, вовсе исчерпали свой познавательный ресурс, но они явно уже не могут дать убедительные ответы на эти и другие вопросы, возникающие при более пристальном обращении к источникам.

Концепция «торговой городской Руси» В. О. Ключевского или, например, концепция «княжого права» А. Е. Преснякова – всё это, безусловно, яркие и интересные идеи, но они принадлежат своему времени. Сегодня, во многом благодаря археологическим исследованиям, представления об образовании и развитии городов в Древней Руси отличаются от тех, которые существовали во времена Ключевского. Пресняков, подчёркивая роль дружины в древнейшее время на Руси, отталкивался, в основном, от современных ему работ немецких и французских медиевистов (конца XIX – начала XX в.). Многие тезисы и выводы этих работ были позднее в западноевропейской историографии пересмотрены. В современной западноевропейской литературе дружина если вообще и рассматривается как инструмент господства, то скорее не правителя, а вообще знатных людей (как элемент «господства знати»). Многие авторы вслед Карамзину и Преснякову сопоставляют классическое описание германской дружины у Тацита и сообщения древнерусских летописей о «дружинах» князей Руси XI–XII вв. Какие-то сходства, конечно, можно разглядеть, но всё-таки возникает большое сомнение, можно ли вести речь об одном и н с т и т у т е. Обращение к английской, немецкой, скандинавской, польской и чешской историографии убеждает, что сравнение скорее надо вести не с Тацитом, а с синхронными раннегосударственными образова-

ниями центральной и северной Европы IX–XII вв. (на этом делается акцент в главе IV данной книги).

В современных русскоязычных исследованиях, так или иначе затрагивающих положение и роль знати/элиты в раннем государстве Руси, вообще явно недостаточно учитывается европейская историография, в которой отразились и результаты конкретно-исторических исследований, и новые подходы. Настоящая работа нацелена как раз на то, чтобы вписать, хотя бы отчасти и в некоторых аспектах, русскоязычную историографию XVIII – начала XXI в., посвящённую военно-политической элите Древней Руси, в контекст развития европейской медиевистики. Выполнение этой задачи тесно связано со стремлением, о котором говорилось выше, прояснить некоторые базовые понятия, употребляемые в этой историографии (прежде всего, понятие *дружина*).

§ 2. Использованные источники и методы работы с ними

В данной работе используются самые разные письменные (нарративные и документальные) источники. При анализе тех или иных конкретных известий и упоминаний в соответствующих разделах основной части диссертации приводятся все необходимые сведения о происхождении и содержании тех источников, откуда происходят эти известия и упоминания. В этом параграфе предлагается лишь сжатый обзор использованных источников с акцентом на летописании и методике работы с ним.

Исследование построено на анализе текстов. Задачи этого исследования, нацеленного на изучение социально-политической структуры, предполагают довольно широкий охват текстов разного происхождения, потому что при отсутствии документов, в которых более или менее систематически, а особенно с правовой точки зрения, отражена социальная иерархия, историк вынужден следовать просто за упоминаниями тех или иных социальных категорий во всех доступных источниках. В каждом случае требуется не только тщательная источниковедческая оценка того или иного упоминания, возникшего при определённых условиях и поставленного в определённый контекст внутри соответствующего памятника. Необходимо также отдавать себе отчёт, что действительность, отражённая в этих свидетельствах, происходящих из глубокой древности, была чужда той рационализации и систематичности (и в организации, и в терминологии), к какой мы привыкли или какую ожидаем в современном обществе. Невозможно представить себе эту действительность, если не учитывать не только сохранность и происхождение того или иного текста, но и его литературные особенности, взгляды, мировосприятие, идеологию его автора и прочие многочисленные обстоятельства его создания и бытования в социально-культурной среде.

В некоторых терминологических работах, к сожалению, эти обстоятельства учитываются далеко не всегда, и подбор упоминаний тех или иных слов и терминов приобретает, так сказать, накопительно-механический характер, не сопровождаемый анализом текстов, из которых они происходят, и исторических условий, которые по-

родили и тексты, и соответствующие слова. Этот недостаток терминологических работ часто связан с другим, который можно назвать «терминологическим фетишизмом» или, как выражается автор недавней рецензии на одну из таких работ, «абсолютизацией терминологического подхода»¹⁰⁵ – то есть когда некий социальный факт признаётся исторически реальным только в том случае, если в источниках фиксируется некоторое ожидаемое (принятое) обозначение для него. Такой подход ведёт часто к полной несурзаице. Например, он диктовал бы, что на Руси отсутствовала традиция совета князя с высшей знатью вплоть до XV в., когда впервые в источниках появляются упоминания «боярской думы» (ср. выше о работе К. Р. Шмидта). Давно уже выяснено, что, хотя именно это выражение не фиксируется в более ранних памятниках, сама по себе практика такого рода совещаний сложилась в древнейшее время и она обозначалась либо просто словами «дума» и «совет», либо даже другими словами и выражениями, в том числе и описательными глаголами типа *речи*, *сдумати* и т. п.¹⁰⁶

Преодолеть эти недостатки, в общем, нетрудно – терминологический анализ просто должен быть не самоцелью, а только предварительной «вспомогательной» работой для исторического обобщения, которое исходит из того, что реальность всегда шире и многообразнее, чем случайные отражения её в случайно сохранившихся источниках. Именно поэтому в данной работе посвящён, например, специальный раздел (в главе V) анализу данных «Русской Правды», хотя в этом памятнике почти не упоминаются слова *дружина* и *бояре* – важнейшие социальные термины, анализу которых уделяется львиная доля работы. Ведь ясно, что эти данные в любом случае имеют первостепенное значение для труда, направленного на изучение социальной стратификации, поскольку этот правовой кодекс даёт некий, более или менее последовательный (хотя, как будет подчёркнуто далее, односторонний) взгляд на общественную иерархию.

Такой же «вспомогательный» характер носят и другие аналитические методики, которые применяются в отдельных местах книги, – например, сравнение данных древнерусских источников со свидетельствами, происходящими из других стран и регионов. Сравнительно-историческая перспектива предполагается и общим подходом данной работы (прояснение общих понятий, обращение к зарубежной историографии), но особенно уместен компаративный анализ в тех случаях, когда свидетельства древнерусские и иностранного происхождения дополняют друг друга, позволяя описать и осмыслить то или иное явление во всей его полноте.

Разумеется, этот анализ тоже имеет свои недостатки, на которые в литературе уже неоднократно обращалось внимание, – прежде всего, опасность реконструировать из данных, происходящих из разных стран и времён и возникших в конкретных, каждый раз особенных, условиях, некую модель, которая как будто всё объясняет, но

¹⁰⁵ Лукин П. В. Терминологический анализ: плюсы и минусы (по поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // СР. Вып. 6. М., 2009, с. 238.

¹⁰⁶ См.: Ключевский В. О. Боярская дума..., с. 15 и след.; Горский А. А. Древнерусская дружина..., с. 61-64.

которая на самом деле, как показывает дополнительная проверка, едва ли где-то в реальности существовала. Такого рода модели создавали, например, историки немецкой политико-юридической школы (*Verfassungsgeschichte*) XIX – первой половины XX в., пытаясь реконструировать некое древнее «германское» устройство, но ни одна из них не выдержала критику позднейшей историографии, которая иронически называла их «пангерманистскими» (ср. в главе II, например, о построениях Г. Бруннера). Об этой опасности говорилось выше во «Введении» и указывалось на книгу К. Модзелевского «Варварская Европа» как удачный пример компаративного исследования, где эта опасность преодолевается благодаря избранному методу сравнения фактов, состоявшихся в «антропологически схожей ситуации»¹⁰⁷.

Одна из главных трудностей в исследовании начальной истории Руси состоит в том, что мы обречены смотреть на эту историю через призму раннего летописания и, прежде всего, «Повесть временных лет». ПВЛ – единственный источник сравнительно древнего происхождения, который даёт связное и довольно подробное изложение истории Руси с конца IX до начала XII вв. Именно на информации ПВЛ и других летописей построено большинство бытующих в историографии концепций древнерусской государственности. Однако, можно ли и, если можно, то в какой степени доверять этой информации?

Древнерусские летописи донесли до нас тексты, которые претерпели редакторскую правку (иногда очень значительную) на разных этапах их бытования в древнерусской книжности вплоть до позднего средневековья. Так, ПВЛ была создана в начале XII в., но дошла до нас в разных видах в летописных списках, самый ранний из которых датируется 1377 г. (ЛаврЛ¹⁰⁸). С другой стороны, её создание отстоит от древнейших событий истории Руси конца IX – середины X в. на полтора-два столетия. Разумеется, в описании этих событий в ПВЛ можно подозревать и легендарность, и всякого рода неточности.

Кроме того, летописцы, в том числе и автор или авторы ПВЛ, были людьми своего времени. В изложении событий прошлого они не только зависели от тех источников информации, которые были в их распоряжении, но и руководствовались политическими пристрастиями, идеологическими соображениями, личными интересами, наконец, просто «картиной мира», сложившейся в их головах. Имея в виду цели данного исследования, важно также отметить, что авторы, причастные к древнейшему летописанию, стояли на ярко выраженной княжеско-династической точке зрения. Цель их работы состояла в демонстрации избранности одной династии (Рюриковичей), которой предопределено свыше править «Русской землёй», и никакой альтернативы ни сути, ни форме такого политического порядка не мыслилось. В этой перспективе всем другим обстоятельствам и событиям, кроме истории династии, отношениям

¹⁰⁷ *Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.*

¹⁰⁸ Здесь и далее см. сокращения, условно принятые для некоторых памятников древнерусского летописания, в списке в конце работы.

между её представителями и правителями других государств и т. п., уделялось мало интереса и внимания, а с другой стороны, эти события и обстоятельства оценивались и выставлялись только в свете, выгодном или, по крайней мере, нейтральном для этой династии. Взгляд этих древних авторов был безусловно «монархическим», а «демократическое» и «олигархическое» начала, которые в реальности, конечно, существовали, на страницах летописи отражались лишь обрывочно и искажённо.

Сложности в интерпретации данных начального летописания были уже, в основном, осознаны в историографии в конце XIX – начале XX в., особенно после того как фундаментальные труды А. А. Шахматова убедительно показали, с одной стороны, тенденциозность древнерусского летописания, а с другой – его весьма непростую историю. Можно даже сказать, что в каком-то смысле Шахматов скомпрометировал летописи как источник по истории Руси, особенно для древнейшего периода до начала–середины XI в. Неслучайно, что уже непосредственный ученик Шахматова М. Д. Присёлков предпринял первую попытку опереться в изучении этой истории на источники независимые от летописи и по времени создания более близкие к засвидетельствованным в них фактам. Он прямо писал, что ПВЛ и «предшествующие ей летописные своды» в повествовании до начала XI в. – «источник искусственный и малонадёжный», и ставил своей задачей «положить в основу изложения» источники «современные событиям», «проверяя факты и построение “Повести [временных лет]” их данными»¹⁰⁹.

В определённых случаях – прежде всего, тогда, когда не-летописные источники просто более надёжны и подробны по сравнению с летописью – подход М. Д. Присёлкова оказывается вполне применим и оправдан¹¹⁰. В данной работе привлекаются помимо летописи разные источники X–XI вв., в том числе иностранного происхождения, но первое место в их ряду занимают древнейшие международные договоры Руси – заключённые с Византией в 911, 944 и 971 гг. (раздел в главе V). По данным, содержащимся в договорах, о тех людях, которые представляли русь в договорном процессе, мы можем составить представление о составе её правящей верхушки.

Использование сведений договоров требует особой внимательности и осторожности. Договоры дошли до нас в составе ПВЛ в виде переводов с греческого языка. В разных летописных списках, включающих ПВЛ, есть пропуски в текстах договоров или расхождения в передаче отдельных слов и выражений. Реконструкция оригинального текста договоров на церковнославянском (или древнерусском) языке и (как следующий этап) их греческого оригинала – это актуальная научная проблема, пока далёкая от разрешения. Когда был сделан перевод договоров с греческого языка – во-

¹⁰⁹ Присёлков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учёные записки Ленинградского государственного университета, № 73 (1940). Серия исторических наук. Вып. 8. Л., 1941, с. 215-216.

¹¹⁰ Подход имеет сторонников в современной историографии, в том числе и весьма радикальных, которые сознательно почти полностью абстрагируются от летописей в изложении древнейшей истории Руси (Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750-1200. Перевод Д. М. Буланина и Н. Л. Лужецкой. СПб., 2009 (1-е изд. на английском языке: 1996 г.)).

прос спорный и неясный; датировки колеблются от времени составления самих договоров до включения их в состав в ПВЛ (то есть от X в. до начала XII в.). В настоящей работе учитываются все летописные версии договоров (в летописях ЛаврЛ, ИпатЛ, РадзЛ и МосАкЛ, а также летописях группы «Новгородско-Софийского свода» – НовСофС) и критические издания договоров¹¹¹, причём в каждом конкретном случае предпочтение тому или варианту текста отдаётся с учётом разных лингвистических, текстологических и исторических обстоятельств.

Сведения договоров сопоставляются в данном исследовании с известиями о Руси в практически современных им трактатах византийского императора Константина Багрянородного (года жизни: 905-959) «De Ceremoniis» («О церемониях») и «De Administrando Imperio» («Об управлении империей»), и это сопоставление заставляет во многом по-новому смотреть на древнейшую историю Руси и с меньшим доверием воспринимать сведения начального летописания. Оба трактата имеют критические издания и переводы на русский язык¹¹². В работе с ними тоже возникают некоторые трудности источниковедческого плана, и они отмечаются в соответствующих разделах исследования.

Привлекаются также древнерусские не-летописные тексты, которые восходят к XI в. Из этих памятников преобладают литературные произведения, в которых мало говорится о социальных отношениях и структурах. Но одно из них оказывается всё-таки весьма информативным в этом смысле – это Житие Феодосия, написанное знаменитым Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря в конце XI или, может быть, в самом начале XII в. Житие дошло до нас в довольно исправном списке середины XII – начала XIII в. (в составе знаменитого «Успенского сборника»), и представляет уникальный источник по истории Руси в XI в.¹¹³ Житие позднее было включено в состав Киево-Печерского Патерика, куда вошли также рассказы о вкладчиках и подвижниках монастыря второй половины XI – начала XII в., записанные в начале XIII в.¹¹⁴ Эти рассказы используются в работе как исключение, потому что в принци-

¹¹¹ Если не считать публикаций договоров в составе летописей, то имеется два критических издания договоров со сверкой по рукописям. Издание А. А. Зимина учитывает не только основные списки ПВЛ, но и летописи группы НовСофСв, снабжено переводом на современный русский язык и комментарием: Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XIII вв. Составитель А. А. Зимин. М., 1952. Недавно вышедшее российско-итальянское издание договоров сделано по спискам ПВЛ в ЛаврЛ, РадзЛ и ИпатЛ (подготовка А. А. Горского), снабжено переводом на итальянский язык и комментарием: I trattati dell'antica Russia con l'Impero romano d'Oriente. A cura di A. Carile e A. N. Sacharov. Roma, 2011.

¹¹² См., прежде всего: *Константин Багрянородный. Об управлении империей*. Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991 (1-е изд.: 1989 г.). Перевод трактата «О церемониях» А. Ю. Виноградова пока не опубликован, но опубликованы разные варианты главы 15-ой книги II, где речь идёт о приёме княгини Ольги. См., прежде всего: *Новиков Н. Е.* Константин Багрянородный, «О церемониях», кн. II, гл. 15 (перевод, комментарий) // KANISKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. Редакторы М. В. Грацианский, П. В. Кузенков. М., 2006, с. 318-363.

¹¹³ Успенский сборник XII–XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971, с. 71-135.

¹¹⁴ См.: Киево-Печерський Патерик. Д. І. Абрамович – вступ. текст, примітки. Київ, 1930.

пе привлекаются те древнерусские не-летописные тексты, создание которых относится ко времени внутри хронологических рамок исследования, то есть до второй трети XII в. Среди этих текстов следует ещё особенно отметить памятники «Борисоглебского цикла» – «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба», «Сказание чудес святому страстотърпцю Христову Романа и Давида», летописную «Повесть о убиении Бориса» и «Чтение о житии и погублении блаженую страстотърпцю Бориса и Глеба»¹¹⁵. Соотношение этих текстов вызывает споры в литературе¹¹⁶, но все они относятся ко времени не позже конца XII в., а летописная «Повесть» (видимо, древнейший текст цикла) – существенно старше. Первые два из этих произведений тоже содержатся в «Успенском сборнике».

Большую ценность, как уже говорилось, имеют данные «Русской Правды»¹¹⁷. Настоящая работа опирается на те общепринятые классификацию и датировки разных её видов и частей, за которыми стоит мощная исследовательская традиция XVIII – начала XXI в. и которые в наиболее законченном виде представлены в работах М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина¹¹⁸. «Краткая Русская Правда» или «Краткая редакция Русской Правды» рассматривается как юридический свод, возникший в конце XI – начале XII в., а «Пространная редакция», включившая «Устав Владимира Мономаха» 1113 г. (статьи 53-66), – как свод, восходящий ко втор. полов. XII – началу XIII в.¹¹⁹

Обращение к не-летописным источникам помогает преодолеть «летописецентричное» восприятие древнерусской истории, но, разумеется, не нужно и невозможно отказываться совершенно от летописи как источника по истории Руси в X–XI вв. Важно только сознавать особенности этого источника и, прежде всего, иметь в виду сложную текстологию начального летописания. Однако, в этом отношении в науке было сделано немало, и сегодня можно опереться на определённые положительные результаты, достигнутые многочисленными специальными исследованиями.

Главные достижения в изучении раннего летописания связаны с именем А. А. Шахматова. К реконструкции его истории учёный пришёл через глубокое и всестороннее исследование максимально доступного количества сохранившихся летописей

¹¹⁵ Лучшее издание: Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Подг. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916.

¹¹⁶ См.: Назаренко А. В. Борис и Глеб // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003, с. 44–49, а также: Борисо-Глебский сборник/Collectanea Borisoglebica. Ред. К. Цукерман. Вып. 1. Paris, 2009.

¹¹⁷ Правда Русская. Под ред. Б. Д. Грекова. Т. I: Тексты. М.-Л., 1940; т. II: Комментарии. М.-Л., 1947.

¹¹⁸ См.: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.-Л., 1941; Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953 (1-е изд.: 1941 г.); Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. Ср. последние работы в русле этой традиции: Baranowski G. Die Russkaja Pravda – ein mittelalterliches Rechtsdenkmal. Frankfurt-a.-M. etc., 2005; Feldbrugge F. Law in Medieval Russia. Leiden, Boston, 2009, p. 33-58.

¹¹⁹ Попытка коренным образом пересмотреть эту схему, предпринятая недавно А. П. Толочко (см.: Толочко А. П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. Київ, 2009 (=Ruthenica. Supplementum 2)), представляется мне неубедительной (хотя, вместе с тем, в работе и содержатся интересные мысли и наблюдения по истории текста «Русской Правды», древнерусской денежной системы и др.).

и воссоздание вообще всей истории древнерусского летописания вплоть до позднейших его этапов в XVI–XVII вв. Метод Шахматова подразумевал системность и последовательность текстологического анализа. Его схема соотношений летописных сводов зиждилась на принципе наиболее логичного и экономного объяснения *всей совокупности* фактов летописания и истории, а не только отдельного факта или некоторой группы фактов (как у других учёных, работавших до него или критиковавших позднее его построения). Об этом совершенно справедливо писал Д. С. Лихачёв уже более полувека назад: оппоненты Шахматова, «выбирая из системы два-три аргументы, забывали об остальных. Так, скажем, акад[емик] В. М. Истрин и акад[емик] Н. К. Никольский критиковали гипотезу А. А. Шахматова о существовании Начального летописного свода (что было особенно легко, так как А. А. Шахматов не дал в своих работах заключительного обзора этой своей концепции) и забывали при этом, что не одна только система древнейших сводов Повести временных лет рушилась с отменой этой гипотезы, но и вся система позднего русского летописания...»¹²⁰.

В таком же духе высказывался Я. С. Лурье: «Поставив перед собой с самого начала величественную и заманчивую цель – восстановить древнейшее русское летописание – А. А. Шахматов пошёл при этом самым трудным путём. Он подверг исследованию и сопоставлению все доступные ему (в небольшой части изданные, а в большинстве неизданные и неизвестные науке) летописи, чтобы определить более древние своды, к которым эти летописи восходили». До тех пор пока не было издано его фундаментальное исследование большого количества летописей¹²¹, «масштабы этого титанического труда оставались в значительной степени неизвестными современникам учёного», но этот труд позволил Шахматову «добраться в конце жизни до конечной цели – древнейшего летописания» и совершить «открытие Начального свода – основного протографа “Повести временных лет”»¹²².

Итоговые и важнейшие заключения Шахматова применительно к раннему летописанию можно свести к трём положениям. Он убедительно показал, что ПВЛ дошла до нас в разных версиях и что эти версии отражают несколько её редакций. Учёный насчитывал три таких редакции: Первая 1111 г., Вторая 1116 г. и Третья 1118 г.¹²³ Первая редакция, по его мнению, не сохранилась, Вторая и Третья сохранились в летописях, донесших до нас в наиболее полном и последовательном виде ПВЛ – в

¹²⁰ Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л. 1947, с. 16.

¹²¹ Шахматов А. А. Обзорение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. II. СПб., 2011 (1-е изд. под заглавием «Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв.»: 1938 г.).

¹²² Лурье Я. С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1975. М., 1976, с. 90-91, 93.

¹²³ См. «Вводную часть» к работе: Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания // Он же. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003 (1-е изд.: 1916 г.), с. 528 и след.

ЛаврЛ, РадзЛ, МосАкЛ (Вторая редакция)¹²⁴ и в ИпатЛ, представленной несколькими списками (Третья)¹²⁵. Редакция ПВЛ по ЛаврЛ, РадзЛ и МосАкЛ восходит к владимирскому летописанию конца XII – начала XIII в., а редакция ИпатЛ дошла до нас через Киевский свод 1198 г. К редакции ЛаврЛ очень близка была, по всей видимости, ПВЛ в Троицкой летописи, которая сгорела в московском пожаре 1812 г., но которая поддаётся частичной реконструкции¹²⁶.

Кроме того, Шахматов обосновал идею, что ПВЛ – это более поздний этап летописания по сравнению с летописным сводом, который был создан в 1090-е годы в Киеве и отразился в начальной части НЛм¹²⁷. Этот свод он условно назвал «Начальным» (НС). Другая идея, продолжая первую, утверждала существование и других этапов летописания, предшествующих НС¹²⁸. Однако эти этапы Шахматову пришлось реконструировать, исходя лишь из отдельных известий, сбоев и расхождений текста в списках ПВЛ по указанным летописям и в НЛ, а также, отчасти, в летописях группы «Новгородско-Софийского свода» (НовСофС)¹²⁹ и некоторых других. В сколько-нибудь полном и последовательном виде в сохранившихся летописях эти этапы не представлены.

Несмотря на критику идей Шахматова, которая началась ещё при его жизни (ср., например, упомянутую Лихачёвым полемику с Истриным), но раздаётся и сегодня, они, как и в целом шахматовский подход к изучению древнерусского летописания, получили многостороннее развитие в работах исследователей, воспринявших подход Шахматова, – М. Д. Присёлкова, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, Д. С. Лихачёва, Я. С. Лурье, О. В. Творогова и др. По-новому аргументированы и подкреплены эти идеи были в недавних работах А. А. Гиппиуса, который ставит целью «стратификацию» текста начального летописания (то есть выделение в нём разных хронологическо-редакционных «слоёв») на основе сочетания методов традиционной текстологии и лингвистического анализа, направленного на выявление языковой гетерогенности летописных текстов.

Вместе с тем, далеко не все из тех или иных отдельных соображений или наблюдений Шахматова были позднее поддержаны, и в особенности это касается схемы

¹²⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1 Лаврентьевская летопись. 2-е изд. / Е. Ф. Карский. Л., 1926 (Московская Академическая летопись – в вариантах); т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / А. А. Шахматов. СПб., 1908.

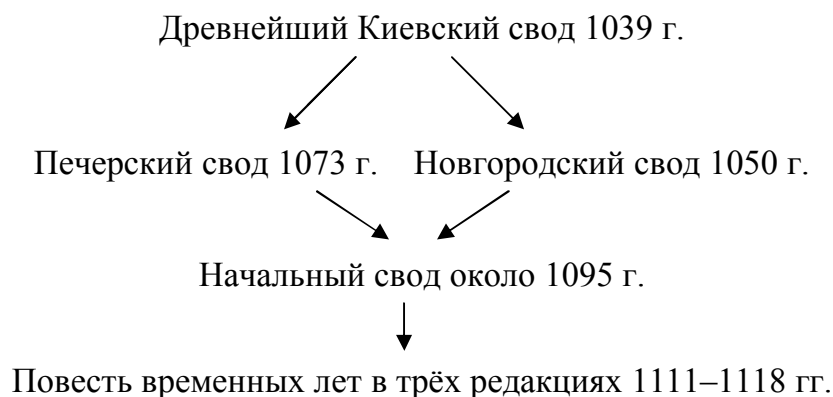
¹²⁶ См.: Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002 (1-е изд.: 1956 г.).

¹²⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

¹²⁸ Идею о «Начальном своде» А. А. Шахматов выдвинул уже в ранних работах и продолжал развивать и в самых последних, написанных незадолго до смерти в 1920 г. См., например: Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде // *Он же. История русского летописания*. Т. I. Кн. 2, с. 31-70 (1-е изд.: 1897 г.); Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. [И Начальный свод] // Там же, с. 428-464 (1-е изд.: 1947 г.; написано в 1916-1920 гг.).

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 4. Часть 1. Новгородская 4-я летопись. Вып. 1-3. Пг.-Л., 1915-1929; Т. 5. Софийская 1-я летопись. Вып. 1. Изд. 2-е. Л., 1925; Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000; Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

древнейшего летописания, которую он предложил в знаменитой работе «Разыскания о древнейших русских летописных сводах»¹³⁰. Начало летописания учёный относил ко времени единоличного киевского правления Ярослава Владимировича, а заключительный этап представляли три редакции ПВЛ. Схема выглядела так:

Точно в этом виде практически никто из указанных исследователей – возможно, за исключением лишь Присёлкова – не поддержал эту схему. Обсуждались самые разные аспекты, вопросы и детали начального летописания, ставившие под сомнение или уточнявшие те или иные пункты или связи в этой схеме. Для целей данного исследования достаточно отметить несколько важнейших узловых моментов, не углубляясь в детали шахматовской реконструкции начального летописания и споры вокруг неё (весьма оживившиеся в последнее время) и ориентируясь на недавние работы А. А. Гиппиуса, где даётся её наиболее современная и глубокая на сегодняшний день оценка¹³¹.

Много споров было относительно редакций ПВЛ, и высказывались сомнения относительно и количества этих редакций, и их датировки. Итоги дискуссий послед-

¹³⁰ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Он же*. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2002 (1-е изд.: 1908 г.).

¹³¹ Ср. также, например, несколько крупных работ, помимо трудов Гиппиуса, которые вышли только с 2000 г. и в которых исследуется раннее летописание с историко-литературной точки зрения (хотя с существенными различиями в подходах и заключениях): *Timberlake A. Redactions of the Primary Chronicle* // *Русский язык в научном освещении*. 2000. № 1, с. 196-218; *Русинов В. Н.* Летописные статьи 1051–1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. Серия История. 2003. Вып. 1 (2), с. 111-147; *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003; *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004; *Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // *Борисо-Глебский сборник/Collectanea Borisoglebica*. Ред. К. Цукерман. Вып. 1. Paris, 2009, с. 183-306; *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011; *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012. Ср. также два новых издания ПВЛ, принятых зарубежными учёными: 1) *The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis*. Editor and collator Donald Ostrowski, with David Birnbaum and Horace G. Lunt, in 3 volumes (=Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. X, parts 1-3). Cambridge, MA, 2004; 2) *Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademiceskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja und ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller* // *Handbuch zur Nestorchronik*. Hrsg. von L. Müller. Bd. IV. München, 2001.

них лет были подведены в обширной статье А. А. Гиппиуса¹³², который в целом поддержал соображения А. А. Шахматова, но существенно их развил и уточнил, учтя предложенные в литературе поправки и наблюдения. В частности, Гиппиус опирается на мысль, высказанную впервые М. Х. Алешковским¹³³, что непосредственным источником и предшественником ПВЛ был не просто сам НС начала или середины 1090-х гг., а его текст вместе с анналистическим продолжением (приписками) за последующие годы. Эта мысль вкупе с другими соображениями заставляет отнести создание «оригинала ПВЛ» ко времени после смерти киевского князя Святополка в 1113 г. (о ней упоминает расчёт годов правления князей в начале ПВЛ). В то же время эта оригинальная («Первая») редакция ПВЛ не могла быть создана до написания копии ПВЛ в 1116 г. Сильвестром, игуменом киевского Выдубицкого монастыря (впоследствии, с 1 января 1118 г., епископа Переяславского), о чём говорится в его записи, помещённой в ЛаврЛ сразу после статьи 6617 (1110) г. В ЛаврЛ здесь происходит обрыв повествования по сравнению с ИпатЛ, и в дальнейшем текст летописей сильно расходится. Кроме этого разрыва между «лаврентьевской» и «ипатьевской» версиями ПВЛ есть и другие различия, прежде всего, наличие в ИпатЛ ряда дополнительных по сравнению с ЛаврЛ известий за 1076-1110 гг. Эти различия в науке объяснялись по-разному, но Гиппиус остаётся при точке зрения Шахматова, что в ИпатЛ отразилась редакция 1117 г. (он уточняет датировку Шахматова на один год – вместо 1118 г.), а в ЛаврЛ мы видим редакцию «оригинальной» ПВЛ, но существенно правленной с учётом дополнений и изменений редакции 1117 г. и без окончания за 1110-1117 гг.

К этим выкладкам надо добавить, что следы пользования особой версией ПВЛ сохранились в НЛМ и в летописях группы НовСофС. А. А. Гиппиус полагает, что ПВЛ привлекалась новгородскими сводчиками на ранних этапах формирования новгородского владычного («Софийского») летописания около 1115 г. и в 1167 г. Истории новгородского летописания он посвятил целый ряд статей, где представления А. А. Шахматова об этом летописании на протяжении XI–XV вв. также сильно модифицируются¹³⁴.

В целом, построения А. А. Гиппиуса выглядят вполне убедительно и не вызвали пока серьёзной критики. Но даже вне зависимости от того, как решать вопрос о складывании ПВЛ, ясно, что те разночтения в её списках, на которых построена концепция о разных её редакциях, весьма существенны и должны учитываться в истори-

¹³² Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5, с. 20-44; К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2, с. 3-24.

¹³³ См.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.

¹³⁴ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 [16]. СПб., 1997, с. 3-72; Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись и её авторы XII–XIV вв. (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004-2005. М., 2006, с. 114-251; Гиппиус А. А. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // ДР. 2011. № 1 (43), с. 18-30; и др.

ческом анализе. ПВЛ не является неким целостным текстом, невредимо дошедшим до нас. Этот памятник искусственно выделяется из разных летописей, в которых он сохранился далеко не в однообразном виде.

Идея «Начального свода», предложенная Шахматовым, также подвергается критике вплоть до настоящего времени¹³⁵. Тем не менее, большинство учёных признают её суть – а именно, тот факт, что в Н1Лм, по крайней мере, в начальной её части до статьи 6523 (1015) г. отразился летописный текст более ранний, чем ПВЛ. Датировка свода, предшествующего ПВЛ, началом 1090-х гг. и определение его происхождения как киевского зависели во многом от выяснения происхождения так называемого «Предисловия к НС» – поучения, помещённого во введении к летописному тексту в начале Н1Лм. Работа А. А. Гиппиуса окончательно и вполне убедительно подтвердила правоту Шахматова, относившего этот текст к Киеву и считавшего его введением к НС¹³⁶. Этот текст специально анализируется в данной работе (в главе IV). В ряде других недавно вышедших работ также подтверждается мысль об отражении НС в Н1Лм.

Большую научную проблему составляет происхождение текста, представленного в Н1Л обоих изводов (старшего и младшего) в статьях за XI в., а также в известиях за XI в. в тех списках князей, посадников и церковных иерархов, которые помещены отдельно в Н1Лм¹³⁷. Ясно лишь, что в этих текстах за XI в. летописание, предшествующее ПВЛ, отразилось не более чем в отрывках, и здесь возможности реконструкции первоначального текста сильно ограничены, так что приходится опираться, в основном, на ПВЛ. Но, в любом случае, повествование до начала XI в. представлено в Н1Лм и списках ПВЛ в двух версиях, которые явно связаны друг с другом, но при этом во многих местах существенно расходятся. Как бы не объяснять происхождение этих двух версий, ясно, что они отражают так или иначе летописание XI в., а значит, их сравнительный анализ является необходимым элементом описания древнейшей истории Руси. В данной работе такого рода сравнение наиболее последовательно проводится в одном из разделов главы III, где терминологический анализ отталкивается от шахматовской схемы начального летописания (и в итоге не находит оснований в ней сомневаться).

Важно также оговориться, что признание первичности текста Н1Лм перед списками ПВЛ в части до 6523 г. совсем не подразумевает автоматически, что в отдельных словах или выражениях ПВЛ не могла сохранить текст, более близкий к оригиналу НС, чем Н1Лм. Разумеется, в некоторых местах списки ПВЛ, из которых древнейший ЛаврЛ датируется 1377 г., могут давать лучшие чтения, чем списки Н1Лм,

¹³⁵ См., например: *Ostrowski D.* The Načal'nyj Svod Theory and the Povest' Vremennyx let // *Russian Linguistics*. Vol. 31 (2007). № 3, p. 269-308.

¹³⁶ *Гиппиус А. А.* Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // *Русский язык в научном освещении*. 2010, № 2 (20), с. 143-199.

¹³⁷ См. последние работы об этих текстах: *Вилкул Т.* Новгородская первая летопись и Начальный Свод // *Palaeoslavica*. Vol. 11 (2003), p. 5-35; *Гимон Т. В.* События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ: 2010 г. М., 2012, с. 584-703.

восходящие самое раннее к 40-м гг. XV в. На это обращал внимание и сам Шахматов, который отмечал, что текст НС по Н1Лм «дошёл до нас не в первоначальном виде, а в сильной переделке в отношении лексическом и стилистическом», и противопоставлял «простоту Лавр[ентьевского] и других списков» «неуклюжей напыщенности» Комиссионного списка Н1Лм¹³⁸.

Что касается летописания ещё более древнего, чем НС, то те современные учёные, которые вообще признают возможность составить о нём хоть какое-то, пускай даже приблизительное, представление, тоже вносят существенные поправки в шахматовскую схему. Наиболее сомнительным звеном этой схемы оказалась идея об особом новгородском своде, который влился в киевское летописание ещё до НС. На этапы до НС стали смотреть скорее как на нарастание киевского летописания. В то же время, помимо главной идеи о первичности НС по отношению к ПВЛ, ряд учёных поддерживали эту схему ещё в двух пунктах, высказавшись в пользу существования, во-первых, свода 1070-х годов как непосредственного предшественника НС, и во-вторых, некоего древнейшего повествования об истории X в. и, возможно, начала XI в. Всё убедительнее звучат в последнее время утверждения, что это повествование не имело (или почти не имело) абсолютных датировок и носило в целом более светский характер, чем последующее летописание. Создание его относят к рубежу X–XI вв.¹³⁹ или 1016–1017 гг.¹⁴⁰

Одним из оснований предполагать существование некоего новгородского свода в XI в. для Шахматова было наличие ряда известий за XI в. в упомянутых выше списках князей, посадников и церковных иерархов, которые помещены отдельно в Н1Лм, а также в отчасти совпадающих с этими известиями, но более многочисленных уникальных сообщениях в летописях группы НовСофС – Новгородской Карамзинской (НовКЛ), Софийской 1-й (С1Л) и Новгородской 4-й (Н4Л). Как показывают современные исследования, протограф этой группы летописей представлял собой общерусский свод, доведённый до второго десятилетия XV в., и ближе всех к нему стоит, вероятно, 1-я выборка НовКЛ¹⁴¹. Некоторые современные учёные возводят эти известия к отдельному новгородскому своду конца XI в., который, между тем, совсем обязательно должен был взаимодействовать с киевским летописанием в XI в.¹⁴², а авторы двух совсем недавних работ считают их происходящими из тех или иных киев-

¹³⁸ Шахматов А. А. Обзор летописей и летописных сводов..., с. 277.

¹³⁹ Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // *Он же*. Русское летописание. М., 1979 (1-е изд.: 1960 г.), с. 64; Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама...*, с. 49-61.

¹⁴⁰ Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // *Борисо-Глебский сборник/Collectanea Borisoglebica*. Ред. К. Цукерман. Вып. 1. Paris 2009, с. 189 и след.; Михеев С. М. Ук. соч., с. 122.

¹⁴¹ См.: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001, с. 93-165; Милютенко Н. И. Южно-русская летопись в общерусском летописании начала XV в. // *Летописи и хроники. Новые исследования*. 2008. М.-СПб., 2008, с. 11-51.

¹⁴² Ср.: Кучкин 1995б; Милютенко Н. И. Новгородский свод 1078 г. в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи // *ТОДРЛ. Т. LVIII*. СПб., 2007, с. 586-606.

ских сводов, предшествующих ПВЛ, но не вошедшими в этот памятник¹⁴³. В любом случае, в древности и достоверности этих известий нет причин сомневаться, и некоторые из них используются в данной работе (в главах V и VI).

В целом можно заключить, что основные тезисы А. А. Шахматова выдержали проверку временем. В настоящее время они входят в рабочий инструментарий разных учёных, хотя дискуссии по многим принципиальным и частным вопросам истории древнерусского летописания не завершены. Данное исследование исходит в анализе данных «начального летописания» из этих тезисов и учитывает их развитие и переоценку в современной литературе. Главным образом, используются данные древнейших летописей, донесших до нас ПВЛ в более или менее полном и сохранном виде – это, с одной стороны, ЛаврЛ и близкие ей, а с другой – ИпатЛ и близкие ей, а также Н1Лм, донесшая в части до статьи 6523 г. НС. Кроме того, учитываются летописи группы НовСофС, а также другие летописи, сохранившие в том или ином виде и в тех или иных частях «начальное летописание» (московские и ростовские своды конца XV в., Тверской сборник, летопись Авраамки и др.).

В работе учитывается и летописание XII и даже XIII в., следующее за ПВЛ, – южнорусское летописание в ИпатЛ и ЛаврЛ, владимирское в ЛаврЛ за вторую половину XII в., новгородское в Н1Л. Известия этого летописания после 1130-х гг. используются несистематически, главным образом, для ретроспективного освещения явлений, выявленных в более раннее время, или для выявления судьбы этих явлений в последующий исторический период. При этом я опираюсь на специальные исследования этого летописания – помимо трудов А. А. Шахматова, прежде всего, в работе А. Н. Насонова¹⁴⁴ – и ориентируюсь на схему развития древнерусского летописания, предложенную С. Я. Лурье, которая в целом сохраняет значение, хотя в отдельных деталях и требует уточнения в виду современных работ¹⁴⁵.

В целом источники, на которых основано данное исследование, достаточно разнообразны и репрезентативны. Несмотря на то что подавляющее большинство из них давно введено в научный оборот, их информативность далеко не исчерпана. Добыть из них новую информацию позволяют как новые вопросы, обусловленные новым подходом, принятым в данной работе, так и применение различных методик работы с ними, в особенности анализ летописных сообщений в свете специальных летописеведческих исследований.

¹⁴³ Гиппиус А. А. К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012, с. 45-48; Гимон Т. В. События XI – начала XII в...., с. 584-703.

¹⁴⁴ Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.

¹⁴⁵ См.: Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985, с. 190-205. Среди поправок, в которых теперь нуждается стемма Лурье (там же, с. 196), укажу на важнейшую с точки зрения дальнейшего исследования. Работа А. А. Гиппиуса (Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи...) показала, что списки Н1Л отражают одну, хотя и меняющуюся с течением времени, летопись – «новгородскую владычную».

ГЛАВА II. ПОНЯТИЕ ДРУЖИНЫ В ИСТОРИОГРАФИИ

В русскоязычной историографии, когда речь идёт о Древней Руси, слово *дружина* часто принимается как нечто само собой разумеющееся. Дружина – это ближайшие соратники князя, люди на его службе, и в то же время правящий социальный слой или господствующий класс. Обычно утверждается преемственность древнерусской дружины от (обще)славянской: организация или даже «корпорация» людей на службе древнерусских князей выросла из древней «домашней» дружины вокруг «племенных» вождей¹.

Такое представление уже давно и прочно вошло не только в научную литературу, но и в учебники, и многим кажется вполне естественным и приемлемым. Естественность такого представления во многом происходит из самих наших источников и, прежде всего, древнейших летописей, которые очень часто упоминает «дружину», описывая те или иные события домонгольской эпохи: князь советуется с «дружиной», призывает (созывает) её на войну, поручает ей те или иные задания. «Дружина» в изображении летописцев – это второй по значению (после династии князей Рюриковичей) элемент общественно-политической жизни Руси.

Дружина, таким образом, является и аутентичным словом источников, и научным понятием. Казалось бы, нет ничего плохого в том, что научная терминология совпадает со словоупотреблением источников. Мы не навязываем источникам свои понятия, чуждые той отдалённой эпохе, и совпадаем в наших определениях с современниками, избегая недоразумений, – «вещи называются своими именами».

Однако, удобство такого рода совпадений часто бывает обманчивым. Употребляя древнее слово, мы часто не задумываемся над его первоначальным содержанием и над тем, насколько современные значения слова соответствуют значениям древним и тем реалиям, которые описывались этим словом. И слово *дружина* – это как раз тот случай, когда от исследователя требуется сугубая осторожность. Присмотревшись к летописи, мы увидим, что слово, во-первых, имеет несколько значений, а во-вторых, эти значения довольно широки и расплывчаты. В то же время, обратившись к трудам историков, которые писали о дружине, увидим, что в массе тех или иных конкретных деталей – когда именно существовала дружина, кто именно входил в её состав, каково было её военное и политическое значение и т. д. и т. п. – их мнения расходятся чрезвычайно сильно, а иногда просто взаимоисключающим образом. На деле оказывается, что язык источника и язык (или, если угодно, дискурс) современного учёного расходятся, теряя общие смысловые опоры и оказываясь в разных понятийных плоскостях.

Научные понятия и представления – продукт весьма сложного и неоднолинейного познавательного процесса. То понятие дружины, которое сложилось в науке, – не исключение. Историки XIX в., описывая события древнерусской истории – а в

¹ См., например: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989, с. 3, 13-14, 25-38; Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998, с. 101 и след.

сущности, лишь пересказывая и комментируя летопись, – ей вслед говорили: князь посоветовался со своей дружиной, князь отправился в поход с дружиной и т. д. Вопросы, что это за дружина, откуда она взялась, из кого именно состояла и в каких отношениях её члены стояли к князю и различным социальным слоям, долго не вставляли – всё казалось ясным и естественным и оставалось «неотрефлексированным». Отсутствие интереса к этим вопросам объяснялось также и тем, что русскую науку XIX в. интересовали не столько люди в окружении князя, сколько сначала само становление монархического начала, а затем его отношения с народом – «общиной» или «вечем». Однако, постепенно это – как будто бы само собой ясное – слово обростало в научных трудах новыми смыслами. О дружине говорили уже в связи со становлением сословий, со спорами о «служилой» и «земской» знати и т. д. (см. в главе I).

Необходимость концептуально осмыслить это понятие назревала, и в 1909 г. вышла в свет работа А. Е. Преснякова «Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий», которая представляла собой первую попытку разработать научное понятие дружины. И в этой работе лежат во многом корни тех представлений о дружине, которые распространены сегодня. О ней пойдёт речь ниже, пока отмечу только одно обстоятельство. Пресняков отталкивался от трудов западноевропейских, главным образом, немецких медиевистов конца XIX – начала XX в., в построениях которых дружине отводилось одно из центральных мест. В ведущей и наиболее авторитетной в то время немецкой историко-юридической школе (*Verfassungsgeschichte*) дружине придавалось важное историческое значение как основополагающему социально-правовому учреждению в истории германских народов от античности до высокого Средневековья.

Разумеется, Пресняков определённым образом приравнивал выводы и схемы медиевистов, разработанные на западноевропейских материалах, к древнерусской истории. Однако, в формулировке главных тезисов он опирался на западную историографию, а не на русскую. Именно поэтому с точки зрения задач данной работы, прослеживая истоки концепта дружины, очень важно чётко уяснить и обозначить, о чём писали изначально авторы тех идей, которые легли в основу работы Преснякова. Не менее важно также проследить судьбы этих идей историков конца XIX – начала XX в. в разных историографических традициях последующего времени вплоть до сегодняшнего дня². На этом фоне яснее станет развитие русскоязычной историографии, посвящённой соответствующим проблемам, и её современное состояние.

² Сравнительно подробные обзоры литературы, посвящённой «германской дружине», см.: *Bazelmans J. Conceptualising early Germanic political structure: a review of the use of the concept of *Gefolgschaft* // Images of the Past. Studies on Ancient Societies in Northwestern Europe. Eds. N. Roymans, F. Theuws. Amsterdam, 1991, p. 91-130; *Lübke Ch. Fremde im östlichen Europa: von Gesellschaften ohne Staat zu verstaatlichten Gesellschaften (9.-11. Jahrhundert). Köln etc., 2001, с. 251 и след.* Во второй работе учтена литература только до 1995 г., зато приняты во внимание суждения о дружине у славян и даже тюркских кочевников. Ср. ниже подробнее о работах Й. Базельманса и К. Любке.*

§ 1. «Германская» дружина

Русскому слову *дружина* в современном немецком языке соответствует слово *Gefolgschaft*, которое является сравнительно поздним порождением учёной мысли. Это слово создали историки XIX в., прибавив суффикс к известному с XVII в. слову *Gefolge* (спутники, свита, сопровождение; от глагола *folgen* – следовать). Оно быстро вошло в научный обиход, прежде всего, потому, что в нём нашло соответствие латинское слово *comitatus*, которое использовал Публий Корнелий Тацит в знаменитом трактате «О происхождении германцев и местоположении Германии» (называемом также кратко «Germania»; 98 г. н. э.) – описании нравов, обычаев, верований и общественного устройства древних германских «племён» (народов). В то время как в немецкой исторической науке *Gefolgschaft* стало общепринятым специальным термином, во многих других национальных историографических традициях латинское *comitatus* не получило одного какого-либо специального соответствия и часто употребляется без перевода. В исторических работах на славянских языках *comitatus* обычно передаётся общеславянским древним словом *дружина*, и я в дальнейшем придерживаюсь этого соответствия (хотя, как будет видно из дальнейшего изложения, это соответствие должно рассматриваться как условное и требующее всякого рода пояснений и оговорок).

Уместно привести здесь же отрывок из трактата Тацита (главы 13–14), где даётся описание «германской дружины»³:

«13. Любые дела — и частные, и общественные — они (германцы — П. С.) рассматривают не иначе как вооружённые. Но никто не осмеливается, наперекор обычаю, носить оружие, пока не будет признан общиной созревшим для этого. Тогда тут же в народном собрании кто-нибудь из старейшин, или отец, или родичи вручают юноше щит и фрамею: это — их тога, это первая доступная юности почесть; до этого в них видят частицу семьи, после этого — племени. Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже ещё совсем юным доставляют достоинство вождя; все прочие собираются возле отличающихся телесною силой и уже проявивших себя на деле, и никому не зазорно состоять их дружинниками (*inter comites*). Впрочем, внутри дружины (*comitatus*), по усмотрению того, кому она подчиняется, устанавливаются различия в положении; и если дружинники (*comitum*) упорно соревнуются между собой, добиваясь преимущественного благоволения вождя, то вожди — стремясь, чтобы их дружина (*comites*) была наиболее многочисленной и самой отважной. Их величие, их могущество в том, чтобы быть всегда окружёнными большой толпой отборных юношей, в мирное время — их гордостью, на войне — опорой. Чья дружина (*comitatus*) выделяется численностью и доблестью, тому это приносит известность, и он прославляется не только у себя в племени, но и у сосед-

³ Тацит Корнелий Публий. О происхождении германцев и местоположении Германии. Перевод и комментарии А. С. Бобовича под ред. М. Е. Сергеенко // *Он же. Анналы. Малые произведения. История.* М., 2001 (1-е изд.: 1969), с. 465-466.

них народов; его домогаются, направляя к нему посольства и осыпая дарами, и молва о нём чаще всего сама по себе предотвращает войны.

14. Но если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине (*comitatu*) не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, — бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, — первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники (*comites*) — за своего вождя. Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлечённым в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться, да и содержать большую дружину (*comitatum*) можно не иначе, как только насилием и войной; ведь от щедрости своего вождя они требуют боевого коня, той же жаждущей крови и победоносной фрамеи; что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалованья. Возможности для подобного расточительства доставляют им лишь войны и грабежи. И гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, — лень и малодушие».

Неизвестно, имел ли термин, выбранный Тацитом, какое-либо соответствие в языке (или языках) тех древних германских народов, которые ему были знакомы и о которых он писал. Само слово *comitatus* является производным от латинского же *comes* ('спутник, товарищ, провожатый'), которым римский историк обозначала членов «дружины». Есть некоторые предположения, склоняющие к тому, что латинское слово соответствовало определённому германскому⁴. Однако, сильны аргументы и против того, что такое соответствие имело место.

Во-первых, специальные исследования трактата Тацита, предпринятые в XX в., приводят к заключению, что описание германского общества, предложенное римским историком, имело слишком обобщённый, «моделирующий» характер. Предлагая некую законченную и внешне как будто непротиворечивую картину «быта и нравов» германских «племён»-народов (сразу всех вместе!), Тацит во многом упрощённо-абстрактно (а может быть, иногда и превратно) толковал явления, которые в реальности должны были быть разнородны и разнообразны в зависимости от разных конкретно-исторических условий. Его описание — это описание *вообще*, то есть некая схема или модель, нацеленная на синтез, а не на дифференциацию, и его труд ни в коем случае нельзя воспринимать как точные зарисовки, сделанные непосредственно «с натуры». Поскольку при внимательном анализе текста между его «моделью» германской дружины, данной в главах 13 и 14, и сведениями в других частях трактата обнаруживаются разного рода несоответствия и даже противоречия, появляются большие

⁴ Ср. ниже о работе Д. Грина (D. Green).

подозрения, что тацитовский «*comitatus*» – это не прямое отражение, не снимок или отпечаток действительности, а как раз продукт его обобщений и упрощений. Некоторые учёные вообще не видят возможности увидеть в картине Тацита реальные черты, указывая ещё на возможную идеологическую нагрузку его описания, «спекулятивный» характер его рассуждений и т. д. Другие (таких пока как будто большинство) не сомневаются в достоверности многих сведений, которые приводит Тацит, но в любом случае никто не воспринимает его данные как отражение реальности, *wie es eigentlich gewesen ist*, без учёта, что они стоят в той или иной зависимости от античных традиций историописания и восприятия «варваров», от воззрений и вкусов самого автора, а также от политической ситуации в Империи и на её границах на момент написания трактата⁵.

Во-вторых, из тех данных о разных германских народах, которые имеются для более позднего времени (эпохи раннего и высокого Средневековья VI–XII вв.), вытекает, что эти народы по-разному обозначали то, что в науке принято называть дружиной: ср., например, латинизированные обозначения у лангобардов *gasingii* и у франков *antrustio*, древнеанглийские *gesith* и *dryht*, несколько слов в древнескандинавских языках (см. ниже о работе Дж. Линдоу) и т. д.⁶ Разнообразие обозначений как будто аналогичного явления в позднейшее время заставляет предполагать, что единства не было и во времена Тацита.

Помимо трактата Тацита, есть и другие источники, на которых основывались и основываются научные представления о дружинах древних германских народов⁷. К сведениям Тацита примыкают свидетельства других античных и раннесредневековых писателей (Цезаря, Аммиана Марцеллина, Прокопия Кесарийского и др.). Отдельный комплекс источников составляют латиноязычные раннесредневековые хроники, законы и т. д. Данные этих источников разрознены по времени и происхождению, кратки и неопределённые, в них отсутствует какая бы то ни было терминологическая после-

⁵ Ср. новейшую работу о *Germania*: *Timpe D. Die Germania des Tacitus. Germanische Ethnographie und römische Zeitgeschichte // Feindliche Nachbarn: Rom und die Germanen. Hrsg. von H. Schneider. Köln etc., 2008, S. 167-200*. Ещё в 1929 г. А. И. Неусыхин призывал очень осторожно относиться к данным Тацита, отмечая штампы в его изложении, вольное пользование источниками, морализаторство, стилизацию, схематизацию и пр.: *Неусыхин А. И. Общественный строй древних германцев. М., 2001 (1-е изд.: 1929), с. 39-44*. Работы Неусыхина – это лучшее из того, что написано об общественном строе древних германцев на русском языке (о дружине см.: там же, с. 223-229). Его книга 1929 г. во многом предвосхитила развитие немецкой историографии. Особенно это касается тезиса о ведущей роли нобилитета у германских народов первых веков нашей эры (см. с. 212-247, 261-275). В 1929 г. Неусыхин убедительно отстаивал этот тезис, который в конце 1930-х–40-е гг. займёт важное место в концепции «господства знати» (*Adelsherrschaft*), разработанной немецкими медиевистами и ставшей заметной вехой в историографии XX в. (см. ниже).

⁶ Современный обзор лексики германских языков, которую считают возможным возводить к «дружинной» сфере (как реконструируемые термины, так и зафиксированные в источниках), и соответствующих лингвистических проблем см. в специальной статье в фундаментальной энциклопедии, посвящённой древним германцам: *Landolt Ch. Gefolgschaft: Sprachliches // Reallexikon der germanischen Altertumskunde (RGA). Bd. X (1998), S. 533-537*.

⁷ Об источниках сведений о германских дружинах см. в той же энциклопедии: *Timpe D. Gefolgschaft: Historisches // RGA. Bd. X (1998), S. 537-546*.

довательность (слова *comes* и *comitatus* приобрели в это время другие значения⁸; известны и разные другие латинские и латинизированные термины – ср. ниже о работе Г. фон Ольберга). По этим причинам в интерпретации едва ли не каждого конкретного известия всегда остаётся широкое поле для мнений относительно социально-правового облика той или другой группы лиц, в которой вроде бы можно признать «дружинные» черты. Не случайно, что эти относительно более ранние данные историки часто пытаются прояснить и систематизировать с помощью сведений из более поздних, но как будто более подробных и красноречивых источников, то есть прибегают к методам ретроспекции и компаративистики. Разумеется, применение этих методов всегда в той или иной степени рискованно, а выводы, полученные с их помощью, часто вызывают большие сомнения и возражения.

Такого рода относительно поздние источники составляют англосаксонские данные (главным образом, эпическая поэзия и прежде всего «Беовульф») и скандинавские – прежде всего, исландские саги. Большое преимущество этих источников, помимо их информативности, в том, что они написаны на оригинальных языках, а не на латыни. Основная проблема в том, что по времени и месту создания они слишком далеко отстоят и друг от друга, и от тех древних германцев, о которых писал Тацит: «Беовульф» сложился как цельное произведение, видимо, в VIII–IX вв., а саги начали записывать только в начале XIII в. Среди скандинавских данных больше значение имеют также два законодательных памятника, посвящённых специально регулированию отношений внутри военно-служебных объединений в подчинении правителя. Сборник законов, регулирующих организацию норвежской служилой знати («Hirdskra»), известен в редакции 1270-е гг., но в нём ясно прослеживается отпечаток континентальной рыцарской культуры и развитой вассально-ленной системы, и относительно поздние явления не просто «накладываются» на некие архаичные «дружинные» отношения, но и часто смазывают и даже скрывают их. Правда, другой аналогичный правовой памятник – законы датской дружины (в датском названии «Vederlov») – приблизительно на сто лет старше, но его интерпретация также наталкивается на разные исторические и источниковедческие трудности.

Уже в XIX в. немецкие историки, которые опирались, главным образом, на трактат Тацита, признали дружину в качестве одного из элементов общественного строя древних германцев, хотя и отводили ей второстепенное, починённое положение. Не без влияния романтически-либеральных идей своего времени они представляли этот строй как «германскую свободу», то есть демократический по существу, а главную роль в своих построениях уделяли «народу» – свободным гражданам, организованным в общины, а в военное время составлявшим «народное ополчение». Большое, едва ли не определяющее, значение придавалось «народному характеру», важнейшей чертой которого виделась «германская верность (*germanische Treue*)». Та-

⁸ См.: *Borgolte M. Comitatus // Lexikon des Mittelalters. Bd. 3. München, 2002 (1-е изд.: 1986), Splt. 78-79* (ср. здесь же статью «Comes»).

кого рода идей придерживался, например, Георг Вайтц, один из первых давший систематическое описание германской дружины. Его определение основных характеристик дружины (добровольное объединение под началом вождя, взаимная верность, вступление с принесением клятвы и т. д.) сохраняет значение и сегодня, хотя общая её оценка как вспомогательной военной силой, которая предоставлялась выборным князьям (такowymi он считал тех, кого римляне обозначали как *principes*) так сказать по должности («*Amtsgefolge*»), сейчас имеет лишь историографическое значение⁹.

В традиционном для рубежа XIX–XX вв. духе были выдержаны воззрения Генриха Бруннера. Ему дружина представлялась институтом, имевшим, в общем, только военное значение и отчасти административное. В высокопарных выражениях, характерных для историков эпохи подъёма немецкого национализма, он характеризовал дружину германцев как «школу воспитания военной доблести и навыков государственного управления» и как систему «отношений службы и верности, характерных для германцев (*ein den Germanen charakteristisches Dienst- und Treuverhältnis*), которая оставила в песне и саге по сравнению с другими установлениями их общественной жизни самые яркие и прочные следы»¹⁰. Реконструируя дружину как «юридический институт (*Rechtsinstitution*)», характерный для всех германцев на этапе племенного строя, Бруннер широко использовал англосаксонские и скандинавские материалы, пытаясь выделить общее и дополняя пробелы в источниках, происходящих из одного региона одной эпохи, за счёт данных, почерпнутых из источников, созданных в другом месте в другое время. Так, например, если историк не находил у Тацита прямого указания на клятву, которую молодой человек должен был приносить вождю при вступлении в дружину, он обращался к норвежской «*Hirdskra*», находил там упоминание о такого рода клятве и делал вывод не только о том, что присяга была необходимым элементом института германской дружины, но и что вассальные обряды (оммаж и пр.) восходят к этой дружинной присяге¹¹. Такого рода реконструкции, основанные на довольно прямолинейно применённом компаративном методе, типичны не только для Бруннера, но и для других немецких историков юридической школы, которые пытались найти одну общую для всех германцев модель эволюции общественного строя от племени до национального государства.

Среди суждений по поводу германской дружины, высказанных или поддержанных Бруннером, два, связанные между собой, имели особое значение в немецкой историографии. С одной стороны, историк утверждал, что дружинные отношения древних германцев стали одним из «зародышей вассально-ленных». С другой, тем основополагающим принципом, который и обеспечил эту преемственность, и, главное, цементировал сам дружинный строй, были особые отношения верности, характерные

⁹ *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte: Die Verfassung des deutschen Volkes in ältester Zeit. Bd. 1. Darmstadt, 1953 (4-е издание последнего прижизненного, вышедшего в 1879 г.; 1-е изд.: 1844 г.), S. 46-47, 371-401.

¹⁰ *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1. Leipzig, 1906 (1-е издание: 1892 г.), S. 185-186.

¹¹ *Ibidem*, S. 180-195.

для германцев. Идея «германской верности», наряду с идеями о «германской свободе» и тому подобными, способствовала формированию представлений о неких базовых, специфически германских началах общественной организации, определивших историю немецкого народа, и стала частью «великого мифа» о национальном характере немцев. Она была разработана в целую теорию в 30-е годы XX в. и была активно и широко использована идеологами национал-социализма. По словам современных историков, уже отстранённо оценивающих развитие немецкой историографии в период до II-й Мировой войны, верность понималась «(мета)психологически» как специфически германская добродетель и как «всеобщий принцип немецкого права»¹². Эта идея повлияла на многих историков, в том числе и не связанных с политикой и идеологией Третьего рейха и работавших и после его падения.

Акцент на принципе верности привёл к выдвижению дружины в число структурообразующих элементов в эволюции общественного строя германцев, и к расширению самого понятия дружины. Так, один из видных представителей немецкой исторической науки середины XX в. Генрих Миттайс, подчёркивая особый характер средневековой государственности (основанной на личных отношениях, а не формально-юридических), связал его именно с дружинными отношениями верности. Не только вассалитет связывался напрямую с германской дружиной¹³, но и признание населением власти короля интерпретировалось как дружинная верность, и предлагалось выделить особый тип государства – «дружинное государство» (*Gefolgschaftsstaat*)¹⁴. Эту идею пытался развить Й. О. Пласман, который, опираясь на «Деяния саксов» Видукинда Корвейского и «Хронику» Титмара Мерзебургского, доказывал, что королевство Оттонов X в. было «дружинным государством»¹⁵.

Другой известный немецкий медиевист Вальтер Шлезингер, работавший уже в основном в послевоенное время, также уделял дружине особое место в эволюции форм господства (*Herrschaft*), рассматривая её как специфически германское явление. В статье, опубликованной впервые в 1953 г., он предложил институционально-юридическую разработку понятия германской дружины, которая хотя и вызвала критику и оживлённые дискуссии, закрепила его «классический» вариант. В трактовке Шлезингера понятие дружины было тесно увязано с концепцией «господства знати» (*Adelsherrschaft*), к разработке которой больше других приложил усилия Генрих Данненбауер и которую так или иначе поддержали Отто Бруннер, Теодор Майер, Герд Телленбах и другие медиевисты середины XX в. (которых иногда объединяют под на-

¹² Pohl W. Die Germanen. München, 2000, S. 70; Kroeschell K. Die Treue in der deutschen Rechtsgeschichte // *Idem*. Studien zum frühen und mittelalterlichen deutschen Recht. Berlin, 1995 (1-е изд.: 1969 г.), S. 158; Kroeschell K. Führer, Gefolgschaft und Treue // *Ibidem*, S. 183 et seq. (1-е изд.: 1994 г.).

¹³ «Die Treue ist der entscheidende Beitrag des germanischen Rechtes zum Aufbau des Lehnswesens» (Mitteis H. Der Staat des hohen Mittelalters. Grundlinien einer vergleichenden Verfassungsgeschichte des Lehnzeitalters. 4. Auflage. Weimar, 1953 (1-е изд.: 1940 г.), S. 67).

¹⁴ *Ibidem*, S. 10, 45 et seq.

¹⁵ Pflaßmann J. O. Princeps und Populus. Die Gefolgschaft im ottonischen Staatsaufbau nach den sächsischen Geschichtsschreibern des 10. Jahrhunderts. Göttingen, 1954, passim.

званием «*Neue Deutsche Verfassungsgeschichte*») ¹⁶. Суть этой концепции сводилась к идее, что социально-политическое и экономическое господство знати в средневековых германских политических образованиях было не новым явлением относительно мифической «германской свободы», а продолжением господствующего положения знати и в германских племенах эпохи Цезаря и Тацита («германский континуитет»).

Шлезингер признал дружину следующей после семьи-дома (*Haus*) формой осуществления одним человеком господства над другими людьми, которые при этом не теряли личной свободы. Традиционно используя данные Тацита в сопоставлении с англосаксонскими и отчасти скандинавскими материалами, он пытался показать, что первоначальными в дружине были «добровольность подчинения» и черты «домашнего товарищества (*Hausgenossenschaft*)», и давал своё определение дружины: «отношения между господином и человеком, в которые вступают добровольно, которые основаны на верности и которые обязывают этого человека к совету и (военной) помощи, а господина – к защите и “милости”» ¹⁷.

Дружинные отношения, принимая разные формы, носили всеобщий характер – от объединения «крестьян» во главе с кем-либо из их среды в качестве вождя (*großbäuerliches Gefolgschaftswesen*) до всего «племени» ¹⁸. Но для знатного человека обладание дружиной было одним из «отличительных моментов» его «положения господина (*Herrenstand*)» (наряду с происхождением, достатком и т. д.). В эпоху Великого переселения народов дружина переживает своеобразный расцвет и способствует становлению власти «военных князей» (*Heerkönige*). «Военные князья», будучи первоначально предводителями объединений дружинного характера, становятся общепризнанными правителями, когда эти объединения, пережив под их начальством войну и переселение, оседают на какой-то территории. С принятием христианства власть правителя получает новое, религиозное, обоснование – как богоустановленная «по должности». Однако, «дружинные представления» не теряют своей силы. И Шлезингер пытается выявить и в каролингском законодательстве идею о короле как «дружинном вожде (*Gefolgsherr*)» всех свободных подданных, которые выступают в качестве его дружины (здесь Шлезингер присоединяется к Миттайсу и Пласману) ¹⁹.

¹⁶ Термин *Adelsherrschaft* фигурировал в работах немецких историков ещё с 1920-х гг., но соответствующую концепцию впервые последовательно изложил Данненбауер в работе 1941 г. Оценку и немецкой *Verfassungsgeschichte* XIX в., и «*Neue Deutsche Verfassungsgeschichte*» из современной перспективы см.: *Schneidmüller B. Von der deutschen Verfassungsgeschichte zur Geschichte politischer Ordnungen und Identitäten im europäischen Mittelalter // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Bd. 53 (2005), S. 485-500.*

¹⁷ «ein Verhältnis zwischen Herrn und Mann, das freiwillig eingegangen wird, auf Treue gegründet ist und den Mann zu Rat und (kriegerischer) Hilfe, den Herrn zu Schutz und “Milde“ verpflichtet»: *Schlesinger W. Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte // Idem. Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Bd. I: Germanen, Franken, Deutsche. Göttingen, 1963 (1-e изд.: 1953 г.), S. 18-19.*

¹⁸ «im Grunde war der ganze Stamm oder, wenn man lieber will, das ganze Volk gefolgschaftlich gegliedert» (*ibidem*, S. 22).

¹⁹ *Ibidem*, S. 22, 28-35.

Вассалитет сам по себе, согласно Шлезингеру, не мог быть опорой королевской власти, и его появление объясняется лишь как трансформация в новых условиях германской дружинной верности, «поглощавшей» галло-романские элементы. Наконец, и развитие частного землевладения в раннее Средневековье выводится немецким историком из власти знатного господина над домашними и дружиной: «и зависимые крестьяне должны были считаться скорее дружинниками их господина». За этим заявлением следует общий вывод: «власть знати (*die Herrengewalt des Adels*) над землёй и людьми... выросла из власти в доме и в дружине», а альтернативные объяснения происхождения этой власти (право частной собственности, узурпация королевских прерогатив и др.) отвергаются²⁰.

В этой концепции институт германской дружины становится ключом, открывающим двери к разгадке происхождения не только вассально-ленной системы, но и едва ли не всех отношений господства-подчинения, известных в Средние века. И хотя Шлезингер существенно расходился с немецкими учёными XIX – начала XX в. в том, какое значение придавал этому институту, но его общий подход в сущности лежал в русле традиционной немецкой *Verfassungsgeschichte*. Однако, во второй половине XX в. такой подход уже не мог не вызвать критики.

В 1956 г. с возражениями Шлезингеру в статье с характерным названием «Границы германской дружины» выступил лингвист и филолог-скандинавист Ганс Кун, который поставил своей задачей «проследить терминологию дружинного строя и прояснить её происхождение, применение и отношение к лексике родственных сфер». Кун упрекнул Шлезингера в слишком широком определении дружины, так как оно подразумевало, с одной стороны, вообще практически любое объединение воинов под начальством одного вождя, а с другой – и разного рода работников (свободных и не-свободных), которые выполняли невоенные функции. К тому же, по мнению Куна, Шлезингер на деле не соблюдал «границы» своего и без того широкого определения, и в итоге понятие теряло содержание и «расплывалось». Вот определение дружины, данное Куном: «союз свободных мужчин на постоянной, но, как правило, не пожизненной, службе какому-либо более могущественному человеку, которые принадлежат его дому, функция которых состоит только в военной службе и репрезентации и которые находятся в почётном положении и в отношениях взаимной верности с их предводителем»²¹. Принципиальным новшеством в рассуждениях лингвиста был отказ от идеи специфической германской верности.

С лингвистической точки зрения Куну удалось показать большое разнообразие и крайнюю неоднородность в обозначениях служебно-договорных отношений и разного рода военных объединений у континентальных германцев в разное время, англосаксов в Британии в VI–X вв., датчан и норвежцев в X–XIII вв. Но ни одно из этих

²⁰ Ibidem, S. 38-39, 48.

²¹ Kuhn H. Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung. Bd. LXXIII (1956), S. 12.

обозначений не может, по выражению Куна, возводиться «к седой древности», то есть ко времени раньше первых заимствований в германские языки из кельтских²². Это обстоятельство Кун использует в ряду аргументов в пользу тезиса, что институт дружины был ненамного старше свидетельств Тацита и возник под влиянием кельтов.

Рассуждая как историк, Кун приходил к заключению, что дружина (в его определении) существовала – или, по крайней мере, сколько-нибудь надёжно фиксируется – среди германцев до эпохи Великого переселения только у тех племён, с которыми сталкивались более всего римляне (то есть южных), а затем только у викингов в IX – первой половине XI в. Причём преемственности между первой и второй формами дружины не было – они возникли независимо друг от друга в силу похожей констелляции нескольких факторов (обогащение за счёт грабежа более развитых и культурных земледельческих обществ, наличие ярко выраженного слоя знатных воинов и др.). Вообще же, по мнению Куна, для архаического общества значительно важнее дружины была служба разных несвободных зависимых людей (*unfreie Dienstmannschaft*). Службу такого рода он выявляет в разных формах как у германцев, так и кельтов, подчёркивает связь с ней вассалитета (отрицая, соответственно, преемственность вассалитета с германской дружиной) и настаивает на её всеобщем характере²³.

С другой аргументацией против Шлезингера выступил чешский медиевист Франтишек Граус²⁴. Его возражения пересеклись с доводами Куна в одном: как и немецкий лингвист, чешский историк отказывался видеть в дружине древних германцев специфически германское явление. Но, в отличие от Куна, ссылавшегося на кельтов, Граус опирался на данные о дружинах некоторых славянских народов. Дружина у славян не только типологически представляла собой аналог германской, но и сыграла, по мнению Грауса, такую же генерирующую роль в становлении новых форм власти и господства и в этнических процессах. Ничего «типично» германского он не видел и в идее верности. Он считал, что в древности она «в примитивном виде» была как у германцев, так и у славян, а полнокровное развитие получила только с христианизацией. Именно христианство, связывая «верность» с «верой», наполняет эту идею высоким морально-религиозным содержанием, а верность правителю получает новое содержание благодаря теории богоустановленности власти, и понятие *fides* развитого феодального общества уже не имеет ничего общего ни с германской, ни с какой бы то ни было другой дружинной верностью²⁵.

Шлезингер ответил на критику Куна и Грауса, защищая как теорию об особой германской верности, отличной от похожих этических представлений у других наро-

²² Ibidem, S. 77.

²³ Ibidem, S. 78-83.

²⁴ Граус, еврей, родился и жил в Чехии до 1968 г., а после «пражской весны» эмигрировал сначала в Германию, потом в Швейцарию. Писал он одинаково свободно на немецком и чешском языках.

²⁵ *Graus F. Über die sogenannte germanische Treue // Historica. T. I (1959), s. 104.* Взгляды Грауса о верности и дружине см. также в работах: *Graus F. Deutsche und slawische Verfassungsgeschichte // HZ. Bd. 197 (1963), S. 265-317; Idem. Herrschaft und Treue // Historica. T. XII (1966), s. 5-44.* Ср. также ниже его суждения о славянских дружинах.

дов, так и свою концепцию об особой институциональной роли дружины. По его словам, для него было важно определить «основные понятия “идеологии” дружины», каковыми были, по его мнению, «добровольность и верность»²⁶. Таким образом, Шлезингер в конечном счёте признал, что можно вести речь о разных формах дружины, но настаивал на неких её базовых принципах, и это делало его понимание дружины предельно широким.

Признание возможности по-разному понимать дружину – в более узком и более широком смыслах – позволило некоторым историкам примирить позиции Шлезингера и его критиков. Наиболее последовательно различие узкого и широкого понятий дружины провёл Райнхард Венкус, автор фундаментального исследования «Формирование и устройство племени: становление раннесредневековых *gentes*», одна глава которого посвящена германской дружине. По мнению Венкуса, то, что имел в виду Кун, когда говорил о дружине в собственном смысле слова, подпадает под понятие *Hausgefolgschaft* – «домашняя дружина», то есть небольшая дружина «тацитовского» типа. Однако, историк указывал на то, что сам термин *Gefolgschaft* (дружина) – современный, сконструированный искусственно, и поэтому считал возможным употреблять его как «собирательное понятие» (*Sammelbegriff* или *Oberbegriff*). Под это собирательное понятие он подводил и другие формы, родственные тацитовской дружине – например, «крестьянскую дружину (*bäuerliches Gesinde*)», военное объединение широкого состава (*Heerhaufen*), а также, при определённых оговорках, и выросшее из такого объединения новое «племенное» образование раннегосударственного характера. Более того, признавая заслугу Куна в указании на зависимых слуг в кельтских и германских обществах, Венкус полагал, что тот, разделяя те или иные термины как относящиеся к сферам несвободной службы или дружины, неправомерно разделяет соответствующим образом реальные явления: на самом деле, как термины могли в разных условиях наполняться разным содержанием, так и в реальности отношения зависимости и службы могли переплетаться с дружинными, основанными на добровольности и взаимности. Понятие служебной зависимости не может служить критерием различия, «важнее критерий взаимного обязательства, который выражается в признании общности: общности в борьбе и общности за столом»²⁷.

В вопросе о происхождении германской дружины Венкус также отчасти согласился с Куном в отрицании особой «германской верности» и кельтском влиянии. Признавая, что «дружина в общем смысле является одним из тех базовых социальных типов, которые при известных условиях могут возникать независимо друг от друга в разных местах», Венкус допускает, что у кельтов и германцев независимо друг от друга существовали определённые дружинные «ранние формы» приблизительно до

²⁶ *Schlesinger W.* Randbemerkungen zu drei Aufsätzen über Sippe, Gefolgschaft und Treue // *Idem.* Beiträge..., S. 300, 313-315.

²⁷ *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen *gentes*. Köln etc., 1961, S. 348, 353-354.

рубежа новой эры²⁸. Среди тех «ранних форм» дружины, которые Венкус предполагает у германцев, он подчёркивает службу чужаков могущественным вождям (правителям) других племён и народностей. Он фиксирует разные варианты такой службы, в том числе привлекая данные о славянских народах раннего и высокого Средневековья, и считает её важным инструментом усиления власти вождя²⁹.

Окончательное образование дружины у германцев Венкус связывал с явлением, названным им «галльско-западногерманской “революцией”», то есть появлением в I в. до н. э. – I в. н. э. вождей нового типа – «военных князей» (*Heerkönige*), распадением старых племенных общностей и началом масштабных людских перемещений, которые в конце концов вылились в Великое переселение народов и образование новых германских народностей. И именно дружинам он придавал решающее значение в укреплении власти *Heerkönige*. Правда, в описании этой «революции» и других социально-политических и этнических процессов в первой половине I тысячелетия н. э., Венкус уже реже употреблял термин *Gefolgschaft* и писал более неопределённо об «объединениях с этосом, происходящим из сферы дружинных отношений (*Verbände, die mit dem aus dem Bereich des Gefolgschaftswesen stammenden Ethos erfüllt waren*)»³⁰. Историк, таким образом, фактически признал, что не было некоего одного «института германской дружины», а были разные явления, которые можно только более или менее условно собрать под зонтиком одного «*Sammelbegriff*». В ходе социально-политических и этнических пертурбаций, пережитых германскими народами в эпоху поздней античности, эти «объединения» сыграли решающую роль в становлении новых форм власти и господства. «В какой бы значительной степени отношение между господином (*Heerrn*) и знатными дружинниками ни было основано на добровольности и взаимных обязательствах, действие его вовне несло власть (*nach außen wirkte es machtvoll*)», – писал историк и тут же добавлял: «эта властная составляющая, разумеется, была сильнее выражена там, где в дружинах преобладали слуги и воины-чужаки (*Dienstmannen- und Reckentum*)»³¹.

Таким образом, Венкус пытался сочетать идеи Шлезингера с доводами его критиков, особенно Куна. Однако, безусловно противившись с наследством национальной романтики, в главном Венкус был всё-таки скорее на стороне Шлезингера: понимание дружины как «собирательного понятия» давало возможность сохранить за ней ключевую роль в становлении власти и господства у германцев и сохраняло её важным элементом теории «господства знати» (*Adelsherrschaft*). Работа Венкуса существенно способствовала тому, что эта теория сохранила значение до сегодняшнего дня как некая, пусть и условная, основа, от которой можно отталкиваться. Именно в таком плане высказывается Вальтер Поль: «В целом, развитое в 40-е годы институциональное учение (*verfassungsgeschichtliche Lehre*) всё ещё, хотя и с оговорками,

²⁸ Ibidem, S. 355-356, 360.

²⁹ Ibidem, S. 365-373.

³⁰ Ibidem, S. 427.

³¹ Ibidem, S. 374.

признаётся. Разумеется, после десятилетий фундированной критики теория господства знати (*Adelsherrschaft*) у древних германцев – господства, которое было основано на наследственной харизме, крепилось дружиной и обеспечивало защиту и покровительство в обмен на верность, – едва ли сохраняет силу как модель. Но ведь совершенно отсутствует альтернативная теория. Правда, относительно эпохи динамического общественного развития любая попытка поиска “сути” германского “строения (Verfassung)”, – поиска, который бы дал возможность восстановить то, о чём молчат источники, – с самого начала обречена на провал»³².

Под «фундированной критикой» Поль имел в виду не только работы Куна и Грауса, но и исследования ещё целого ряда учёных, посвящённые самым разным вопросам истории германцев. Из них в данном случае будут отмечены только несколько, в которых прямо затрагивается проблема дружины. Для них характерны две связанные между собой тенденции: во-первых, углублённое изучение значения аутентичных слов и понятий древнего происхождения и верификация в свете этого анализа современных научных терминов и представлений, и во-вторых, стремление рассмотреть сведения одного источника в контексте той культурно-исторической ситуации, в какой он был создан, отрешившись от тех «подсказок» и «параллелей», которые как будто бы могут дать источники другого рода и происхождения. Нетрудно заметить, что эти тенденции лежат в русле тех направлений современной науки, которые называют «историей понятий» или «лингвистический поворот» (*linguistic turn*)³³, и спровоцированы проблематичными обобщениями, в том числе компаративными, историков юридически-институциональной школы в поисках той самой «сути германского строения», о которой писал Поль.

Неслучайно, что в новой историографической ситуации особую ценность приобрело слово лингвистов и филологов и появилась целая серия терминологических исследований. Так, Клаус фон Зее на древнескандинавской лексике, относящейся к сфере права, попытался проверить идею о германской верности как своего рода моральном императиве. В частности, он рассматривает пару слов, обозначающих разные аспекты понятия мира, установленного по договору, – *grið* (перемирие, безопасное пребывание или доступ и т. п.)³⁴ и *tryggð* (доверие по некоему твёрдому договору, стабильный мир). Второе из них родственно древнескандинавским словам *trú* (верить) и *traust* (доверие), современному немецкому *Treue* (верность) и принадлежит группе слов, восходящих к древнегерманскому корню **treu-*. Таким образом, оно могло бы выражать искомое немецкими историками понятие верности, в том числе дружинной. Однако, фон Зее делает акцент на строго юридическом значении этого

³² Pohl W. Op. cit., S. 72.

³³ По истории исторических понятий см. фундаментальную энциклопедию: *Geschichtliche Grundbegriffe: historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bde. 1-8. Stuttgart, 1972-1997. Любопытно, кстати, что в этой энциклопедии отсутствуют статьи как «Gefolgschaft», так и «Treue». О «лингвистическом повороте» см., например, на русском языке: *Копосов Н. Е. Как думают историки*. М., 2001, с. 284-294.

³⁴ Об этом слове, с которым связано древнерусское *гридь*, см. в главе IV.

слова («договор о безопасности, договорные отношения доверия») и указывает, что «общего понятия “верности” с этическим содержанием (Tugendbegriff) из него не развилось». Только в источниках второй половины XIII в. (прежде всего, в норвежских «Королевском зеркале» и «Hirðskra») появляется достаточно разработанная терминология верности, в основном лексемы, производные от глагола *trú*, но это обстоятельство фон Зее связывает с «церковным и государственно-теоретическим идейным достоянием высокого Средневековья», пришедшим в Скандинавию с континента³⁵.

Таким образом, фон Зее однозначно поддержал Куна и других критиков теории «германского континуитета», выражавшегося и в преимуществах всеобщей идеи верности. Более осторожную позицию в этом споре занял английский исследователь Дэннис Ховард Грин, попытавшийся реконструировать древнейшее семантическое «поле» нескольких общегерманских слов, употреблявшихся в значениях «властитель, господин». Возражая Куну, он усматривал в древних социально-правовых германских понятиях и терминах отражение представлений о некоей верности и взаимных обязательствах (хотя, разумеется, при этом ни о каком «Tugendbegriff» речи у него не шло). Возводя староверхненемецкие слова *truht* (группа, банда) и *truhtin* (господин, вождь), происходящие от того же корня **treu-*, к древнегерманскому **druhtiz*, он это последнее считал соответствием латинскому *comitatus*³⁶.

Общий вывод Грина о значении термина **druhtiz* поддержал американский лингвист Джон Линдоу, сосредоточившийся преимущественно на древнескандинавской лексике. Он считал возможным возводить к этому слову скандинавское слово *drótt*, известное по древней скальдической поэзии, и отвергал распространённое мнение о возможном соответствии германского **gasiþia* («спутники, сопровождение») латинскому *comitatus*³⁷. В то же время им было хорошо показано разнообразие скандинавской лексики для обозначения воина, военного объединения и чести воина, только частично восходящей непосредственно к неким общегерманским корням с похожей семантикой. В частности, весьма характерным представляется то обстоятельство, что в Скандинавии X–XII вв. для обозначения военных объединений дружинного характера не было одного слова – кроме *drótt*, употреблялись ещё слова *lið*, *verðung* и *hirð*. Причём последнее из этих слов, к XIII в. ставшее более или менее общепринятым обозначением королевской дружины, является заимствованием из древнеанглийского (от *hīred* – «домашнее хозяйство, члены семьи, дома»)³⁸.

³⁵ von See K. Altnordische Rechtswörter. Philologische Studien zur Rechtsauffassung und Rechtsgesinnung der Germanen. Tübingen, 1964, S. 214, 220-221.

³⁶ Green D. H. The Carolingian lord: semantic studies on four Old High German words: balder, frô, truhtin, hërro. Cambridge, 1965, p. 59-401. Некоторые наблюдения и выводы, изложенные в этой книге, Грин в дополненном и скорректированном виде развил в книге: Green D. H. Language and History in the Early Germanic World. Cambridge, 1998, esp. p. 106-116.

³⁷ Lindow J. Comitatus, Individual and Honor: Studies in North Germanic Institutional Vocabulary. Berkeley etc., 1976, p. 10-41.

³⁸ Ibidem, p. 42-70.

Терминологические разыскания лингвистов были поддержаны историками. Карл Крёшелл, сопоставляя термины, относящиеся к домашней сфере и характеризующие носителей власти и господства, в законодательных памятниках раннего Средневековья, опровергал исходный тезис Шлезингера о происхождении отношений господства из власти хозяина дома³⁹. Анализируя понятия *fides* и *fidelitas* у античных писателей и в раннесредневековых источниках, Крёшелл приходит к выводу, что ни в одном случае в них нельзя найти отражение этического принципа взаимной верности. Первое из них, когда употреблялось в сфере человеческих отношений, обозначало либо обязательства патрона по отношению к его клиентеле (античное понимание), либо верность человека господину, но уже выстраиваемую «по образцу христианского доверия по вере (*Vorbild vertrauender christlicher Gläubigkeit*)». Второе обозначало взаимное обязательство, но не этического, а «строго формального характера» (то есть по договору)⁴⁰.

В обширном труде Габриеле фон Ольберг наглядно представлено разнообразие слов и терминов, которые употреблялись в «варварских правдах» германцев для обозначения социальных слоёв и групп (в частности, обсуждаются слова из «дружинной» сферы – *gasindius*, *antrustio* и др.)⁴¹. Скандинавские понятия из семантического поля ‘верность, преданность, лояльность’ проанализированы по сагам и правовым кодексам XIII–XIV вв. в недавней работе Ганса Якоба Орнинга в контексте исследования отношений верности между правителем и разными слоями населения в Норвегии в конце XII–XIII в.⁴²

На 80-е – начало 90-х годов XX в. пришлась волна интереса к тацитовскому описанию древних германцев. Вышли два новых издания «Германии», подготовленные учёными ФРГ и ГДР, с новыми переводами на немецкий язык и комментариями⁴³. Появились и новые исследования.

Работа датской исследовательницы Анне Кристенсен представляет собой попытку рассмотреть данные Тацита о германской дружине, так сказать, сами по себе, без сопоставления с другими источниками. В интерпретации этих данных Кристенсен в качестве исходного принимает тезис о тождественности «*comites*», из которых, по утверждению Тацита в главах 13 и 14 «*Germania*», состоял германский «*comitatus*», с теми «*comites*», которых римский историк упоминает в главе 12 как членов сотен, окружающих «*principes*» при исправлении последними суда на местах (в «*pagus*»). Такое

³⁹ *Kroeschell K.* Haus und Herrschaft im frühen deutschen Recht // *Idem.* Studien zum frühen und mittelalterlichen deutschen Recht. Berlin, 1995 (1-е изд.: 1968 г.), S. 113-156.

⁴⁰ *Kroeschell K.* Die Treue..., bes. S. 178.

⁴¹ *von Olberg G.* Die Bezeichnungen für soziale Stände, Schichten und Gruppen in den Leges barbarorum. Berlin-New York, 1991.

⁴² *Orning H. J.* Unpredictability and Presence. Norwegian Kingship in the High Middle Ages. Leiden-Boston, 2008, esp. p. 51-56, 118-123.

⁴³ Издание Аллана Лунда вышло в ФРГ: *Tacitus. Germania.* Interpretiert, herausgegeben, übertragen, kommentiert und mit einer Bibliographie versehen von Allan A. Lund. Heidelberg, 1988. Издание Герхарда Перля – в ГДР: *Tacitus. Germania.* Hrsg. von Gerhard Perl. Berlin, 1990.

отождествление даёт ей возможность далее утверждать, что и в главе 6, посвящённой военной тактике германцев, Тацит имел в виду дружину, когда писал, что войско германцев состояло из всадников и пехотинцев, набранных по сотням. В конце концов она приходит к выводу, что дружина фактически совпадала с сотнями, которые составлялись из молодёжи племени, а её состав и начальство того или иного *princeps* над нею утверждались на тинге всем племенем⁴⁴. Принципиальным новшеством в оценке дружины Кристенсен по сравнению с Вайтцем (ср. выше) и другими её предшественниками, также сопоставлявшими дружину с сотнями и видевшими в ней публично-правовой институт, было отнесение дружины к категории так называемых «мужских союзов».

Понятие «мужские союзы» (*Männerbünde*) было введено в науку ещё в конце XIX в. немецким этнологом Г. Шурцом, который изучал половозрастные подразделения у некоторых африканских и меланезийских племён⁴⁵. Это понятие прочно вошло в научный обиход этнологов, которые понимают под «мужскими союзами» «территориальное объединение молодёжи мужского пола со своими отдельным культом и социальными функциями», причём принятие в это объединение (нередко военизированное) и исключение из него осуществляются посредством специальных обрядов инициации⁴⁶. Лили Вайзер и Отто Хёфлер применили это понятие к древнегерманским материалам, выдвинув тезис, что германские дружины (если не все, то многие) по происхождению были именно такими «мужскими союзами»⁴⁷. В современной науке далеко не однозначно решается вопрос, подпадают ли в действительности под это понятие древнегерманские явления (ср. ниже). В любом случае, попытка Кристенсен представить «тацитовскую» дружину «мужским союзом» не может быть признана удачной. Датская исследовательница исходила из публично-правового характера той дружины, которую она реконструировала по данным Тацита, и делала акцент на том, что между вождём (*princeps*) и молодым человеком, вступающим в дружину (*comes*), устанавливались отношения «патронажа» или «шефства» (*Initiationspatenschaft*), характерные для «мужских союзов». Однако, ей приходилось оговариваться, что по

⁴⁴ Kristensen A. K. G. Tacitus' germanische Gefolgschaft. København, 1983, S. 23-70, bes. 53-57.

⁴⁵ Schurtz H. Altersklassen und Männerbünde: Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Berlin, 1902.

⁴⁶ Hasenfratz H. P. Der indogermanische „Männerbund“: Anmerkungen zur religiösen und sozialen Bedeutung des Jugendalters // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. Bd. 34 (1982), S. 149. Ср. также в принципе аналогичные, но несколько более обтекаемые формулировки Ю. И. Семёнова: Семёнов Ю. И. Союз мужской // Свод этнографических понятий и терминов. [Вып. 1:] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986, с. 192.

⁴⁷ Weiser L. Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde: ein Beitrag zur deutschen und nordischen Altertums- und Volkskunde. Buhl, 1927; Höfлер O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. Frankfurt/M., 1934. Хёфлер был членом НСДАП, и идея о «мужских союзах» древних германцев была использована нацистами как идеологическое обоснование «арийской модели» военизированной общественной организации.

описанию Тацита дружина германцев не обнаруживает черт ни культового объединения, ни возрастного класса⁴⁸.

Выводы Кристенсен вызвали у немецких историков и филологов критические замечания, итог которым был подведён Венкусом в статье в объёмном сборнике работ, посвящённых «Германии» Тацита. Венкус, в частности, указал на те противоречия, которые обнаруживаются в свидетельствах Тацита, если принимается отождествление «*comites*» и «*centeni*», а также вообще признал неправомерным изначальное стремление Кристенсен рассматривать эти свидетельства изолированно от других источников⁴⁹.

С другой стороны, в этой работе Венкус решительно высказался против скептического подхода некоторых учёных, которые, пытаясь преодолеть пороки традиционной немецкой институционально-юридической школы, обратились к постмодернистской теории. По их мнению, «цивилизационная пропасть» между германцами и Тацитом была настолько большой, а цели и способ изложения материала римским историком настолько специфическими, что у нас нет возможности объективного познания той реальности, которую наблюдал и описывал римский историк. Так, например, Дитер Тимпе писал в статье 1988 г., что дискурс «Германии» строится не посредством «связи содержательных блоков, а через ассоциативную связь значений», и что вместе с традиционными топосами и схематикой античной этнографической литературы в этом произведении преобладает «спекулятивное». Он расценивал тацитовское описание дружины как «непропорциональное» и «перегруженное смыслом» по сравнению с реальностью, которую трудно, если вообще возможно, распознать за этим «конструктом»⁵⁰. Возражения Венкуса сводились к тому, что именно понимание специфики работы римского историка и его связи с античной этно- и историографической традицией даёт возможность отсеять «зёрна от плевел», то есть отделить те достоверные данные, которыми он, вне сомнения, располагал, от абстракций и стереотипов.

Одним из главных аргументов, которые развивал Венкус в полемике с Тимпе и с другими исследователями, было также указание на специфику общественных отношений архаического общества, которые складывались не как юридические или политические институты, связанные в некую рациональную систему, а на основе личных связей, обычного права и традиционных представлений, обеспечивавших «социальное принуждение (*sozialer Zwang*)». Неслучайно и поиск такого «института», как дружина, потерпел в конце концов крах. Реальное явление, которое Тацит обозначил словом *comitatus*, было, по мнению Венкуса, разнообразным и текучим в своих фор-

⁴⁸ *Kristensen A. K. G. Op. cit.*, S. 61-70.

⁴⁹ *Wenskus R. Die neuere Diskussion um Gefolgschaft und Herrschaft im Tacitus' Germania // Beiträge zum Verständnis der Germania des Tacitus. Bericht über die Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Nord- und Mitteleuropas im Jahr 1986 und 1987. Hrsg. von H. Jankuhn und D. Timpe. Teil II. Göttingen, 1992, S. 323-325.*

⁵⁰ *Timpe D. Zum politischen Charakter der Germanen in der "Germania" des Tacitus // Timpe D. Romano-Germanica. Gesammelte Studien zur „Germania“ des Tacitus. Stuttgart, Leipzig, 1995 (1-e изд.: 1988 г.), S. 162-167. Ср. более новую работу Тимпе: Timpe D. Die Germania des Tacitus...*

мах. Попытки понять его сущность в рамках абстрактных теорий вроде противопоставления начал «господства» и «товарищества» (*Herrschaft vs. Genossenschaft*) или в поиске одного точного «узкого» определения для него историк считает обречёнными на неудачу. Более перспективными, с точки зрения Венкуса, является использование наблюдений этнологов, которые обнаруживают «объединения, организованные по дружинному принципу», прежде всего у народов, вступивших в контакт с более развитыми культурами (*Randvölker von Hochkulturen*), и расценивают эти объединения «в качестве предпосылки процессов “государствообразования”»⁵¹. Отталкиваясь от разработок антропологов, Венкус предлагает в оценке общественного строя древних германских (и не только германских) народов исходить из «модели (*Denkmodell*)», названной им *Vorrangordnung* – строй, основанный на «преимущество»⁵². В основе этого строя лежит принцип *primus inter pares*, противоречивый с точки зрения новоевропейских юридических представлений, но действенный в условиях архаического общества, поскольку позволял сочетать выдающиеся способности (харизму) отдельной личности и эгалитарно направленные «социальное принуждение». Дружину Венкус считает как раз примером выражения этого принципа.

Развивая свой давний тезис, что кельтские или германские дружины могли включать и служебно-клиентельные отношения разного рода, Венкус предлагает понимать дружину как историческое явление очень широко, ориентируясь в сущности на один главный определяющий признак: «такого рода отношение к одному человеку, возможно, но не обязательно родственнику, которое имеет эмоциональный характер и которое с течением времени приобретает институциональные черты (*die emotional gestützte Beziehung zu einer Person, die nicht notwendig ein Verwandter ist, wobei im Laufe der Zeit diese Beziehung institutionell geprägt wird*)». Впрочем, тут же историк оговаривается, что этого признака, который он сам относит к сфере «менталитета», недостаточно для характеристики дружины как «идеального типа». Для создания нового «идеального типа» дружины, по его мнению, требуется объединение усилий специалистов разного профиля, что остаётся пока в области *desiderata*⁵³.

Эта статья Венкуса стала практически последним словом в немецкой традиции концептуального изучения «германской дружины». В этой статье хорошо видны новые вопросы и проблемы, которые обозначились перед медиевистами во второй половине XX в. Отталкиваясь от проблемы дружины, Венкус поднимает вопросы более широкие и далёкие от традиционной политико-юридической проблематики – как, оставив в стороне «институты» и юридические схемы, распознать ментальные «матрицы» и общественно-правовые нормы, которые регулировали поведение человека и

⁵¹ *Wenskus R. Die neuere Diskussion...*, S. 327.

⁵² Эта идея была развита Венкусом ещё в выше упомянутой книге и, насколько я могу судить, вне связи с теорией американских «нео-эволюционистов» (прежде всего, антрополога Мортон Фрида) о «ранжированном обществе (*rank-society*)». В этой статье Венкус упоминает теорию Фрида, однако замечает о ней, что «историк во многом выражался бы по-другому и в отношении самого понятия, и частности» (*ibidem*, S. 312).

⁵³ *Ibidem*, S. 330.

под воздействием которых складывались каналы и формы коммуникации и выстраивались иерархические связи⁵⁴. В общем, в таком направлении развивается творчество Герда Альтхоффа, которые начинал с критики подходов *Verfassungsgeschichte* и в 1990-е годы развил (ныне очень влиятельную) теорию «символической коммуникации», ритуалов и правил «политической игры» в Средние века⁵⁵.

Современные авторы очень осторожно подходят к данным Тацита и даже отказываются в интерпретации его трактата от самого понятия *Gefolgschaft*, поскольку оно подразумевает слишком «высокую степень институционализации»⁵⁶. Сегодня исходят из множественности и текучести форм военно-служебных или военно-товарищеских объединений не только у германских, но и других народов древности и у тех «первобытных» народов, которые были описаны этнологами XIX–XX вв.; предпочитают говорить об элите, военном классе и военных объединениях (*Kriegertum*, *Kriegergruppen*, *Kriegerbanden*), иногда допускается, что эта элита была организована на дружинных началах (*gefolgschaftsartige* или *gefolgschaftlich organisierte*), но само слово *gefolgschaftlich* («дружинный») берётся в кавычки⁵⁷. Автор подробной статьи о дружине в новейшей энциклопедии, вынужденный самим жанром дать определение предмету, прибегает к «узкому пониманию» дружины в духе Куна (то есть то, что Венкус относил к типу *Hausgefolgschaft*) и высказывается скептически о попытках расширить смысл и значение этого понятия. Но при этом и относительно даже этого узкого понимания отмечается, что хотя «концепция (германской дружины – П.С.) представляет большое историческое и социо-этнологическое значение, она оставляет основные вопросы открытыми и поэтому во многих пунктах спорна»⁵⁸.

Таким образом, в современной немецкой историографии произошёл отказ от национально-романтических идей дружины и дружинной верности как специфически германского явления. В работах, касающихся развития отношений господства и властных структур, дружинам, если о них вообще и заходит речь, отводится чисто техническая и ограниченная роль. Концепт дружины, наиболее последовательно разработанный Шлезингером в рамках «*Neue Deutsche Verfassungsgeschichte*» в связи с теорией *Adelsherrschaft*, оказался невостребованным в работах, исследующих древне-

⁵⁴ На возможность применения этно-антропологических подходов к средневековой истории Венкус указывал и в более ранней работе: *Wenskus R. Probleme der germanisch-deutschen Verfassungs- und Sozialgeschichte im Lichte der Ethnozoologie // Historische Forschungen für Walter Schlesinger. Hrsg. von Helmut Beumann. Köln, 1974, S. 19-46.*

⁵⁵ См. в книге Альтхоффа, вышедшей почти одновременно со статьёй Венкуса (*Althoff G. Verwandte, Freunde und Getreue. Zum politischen Stellenwert der Gruppenbindungen im früheren Mittelalter. Darmstadt, 1990*), аналогичные рассуждения о Таците (S. 18-22), в том же духе критика идей о «господстве» и «товариществе» и указание на модель «франжированного общества» (S. 144-155).

⁵⁶ *Dick S. Der Mythos vom „germanischen“ Königtum : Studien zur Herrschaftsorganisation bei den germanischsprachigen Barbaren bis zum Beginn der Völkerwanderungszeit. Berlin, New York, 2008, S. 202.*

⁵⁷ Ср. также, например: *Pohl W. Die Germanen, S. 30.*

⁵⁸ *Timpe D. Gefolgschaft..., S. 537.*

германские и раннесредневековые общества из «антропологической» перспективы⁵⁹. В общем, конечно, естественно, что в этой перспективе политико-юридическим построениям *Verfassungsgeschichte* не находится места, хотя нельзя не пожалеть, что попытка Р. Венкуса «вписать» в эту перспективу вопрос о дружине также не находит в немецкоязычной историографии никакого отзвука и продолжения.

Последнее обстоятельство тем более странно, что в литературе на английском языке «антропологический» подход в изучении «германской дружины» – или, наверное, правильнее: объединений дружинного типа у германцев – получил развитие. О двух работах, развивающих этот подход, будет подробнее сказано ниже после нескольких общих замечаний об англоязычной литературе по поводу «германской дружины».

* * *

Понятно, что интерес к «германской дружине» и вообще к древним германцам в других, помимо немецкой, историографических традициях сравнительно невелик. Например, французские историки не используют понятия дружины и не говорят о ней как об особом институте. Так, Фюстель де Куланж придавал существенное значение частным военным объединениям у франков в своей картине раннесредневековой истории Франции, но в рамках общего явления патроната и в связи со становлением феодализма – недаром о них речь идёт в разделе под характерным заглавием «*Les origines du système féodal: le bénéfice et le patronat pendant l'époque mérovingienne*»⁶⁰. Марк Блок тоже в разделе о становлении вассалитета говорит как об одном из его корней о «домашних воинах (*guerriers domestiques*)», которые существовали повсеместно в раннесредневековой Европе, а Жорж Дюби ещё более неопределённо и мельком упоминает о «соратниках» (*combattants*) «вождей» (*chefs*)⁶¹.

В английской медиевистике влияние *Verfassungsgeschichte* не было, конечно, настолько сильным, как в немецкой, и теории вроде идеи германской верности не имели значения и распространения, особенно после того, как они были подняты на щит нацистской идеологией. И н с т и т у т дружины никогда не становился частью каких-либо универсально-исторических или историко-юридических построений; в

⁵⁹ См. программную статью В. Поля с обзором современных тенденций в изучении раннесредневековых государств: *Pohl W. Staat und Herrschaft im Frühmittelalter: Überlegungen zum Forschungsstand // Staat im frühen Mittelalter. Hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006, особенно с. 16-27 об «anthropologische Wende».*

⁶⁰ См.: *Фюстель де Куланж Н. Д. История общественного строя древней Франции. Т. 5: Начала феодального строя (бенефиций и патронат в Меровингскую эпоху). СПб., 1910 (русский перевод оригинального издания 1875—1892 гг. в 6 томах: *Fustel de Coulanges N. D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*).*

⁶¹ *Bloch M. La société féodale. Paris, 1968 (1-е изд.: 1939-1940 гг.), p. 217-224 (ср.: Блок М. Феодальное общество. М., 2003, с. 149-154); DUBY G. Guerriers et paysans. VIIe-XIIe siècle. Paris, 1973, p. 141. Ср., например, в специальных штудиях – из старой литературы: *Guilhiermoz P. Essai sur l'origine de la noblesse en France au Moyen Âge. Paris, 1902, p. 5-77, и из новой: Le Jan-Hennebicque R. Satellites et bandes armées dans le monde franc (VIIe-Xe siècles) // Le combattant au moyen âge. Paris, 1995, p. 97-110 (1-е изд.: 1991 г.).**

английском языке (как и во французском) отсутствует и соответствующий общепризнанный термин (чаще используют слова *retainers* и *war-band*)⁶².

Тем не менее, в ряде работ второй половины XIX – начала XX в. влияние немецкой медиевистики (передовой на тот момент) всё-таки сказывалось, да и военно-патриотические представления об «англосаксонском духе», в русле романтического поиска «национальных корней», вдохновлялись во многом героическими идеалами «Беовульфа», «Битвы при Мэлдоне» и других произведений древней английской литературы. И тогда, и в недавнее время имели место попытки установить ту или иную связь – иногда косвенную и ограниченную эпохой «вторжения» англов и саксов на Британские острова, но иногда прямую и непосредственную преемственность, которая сказывалась вплоть до X–XI вв., – между этими идеалами и реалиями раннесредневековой Англии, с одной стороны, и тацитовским *comitatus*, с другой⁶³. Относительно недавним примером является книга американского историка Стивена Эванса, который в модель тацитовского *comitatus* вписывает германские и кельтские дружины раннесредневековой Англии, опираясь, главным образом, на героический эпос (англосаксонский, валлийский и ирландский)⁶⁴. Один из рецензентов книги, известный английский историк Патрик Вормланд отметил описательный характер книги, которая даёт обзор (“a neat resumé”) исторических свидетельств о военных объединениях англосаксов и кельтов, покоящихся на личных отношениях между вождём и его непосредственным окружением, но не приносит ничего нового в аналитико-методологическую и теоретическую разработку темы⁶⁵.

Такая оценка книги Эванса говорит не только о ней самой, но и об историографической ситуации. Историков теперь интересует больше уникальное, чем общее, важнее внутренняя логика локальной динамики и отличия от неких давно известных и описанных «моделей», а не сходства с ними. Тогда, когда познавательные возможности той или иной теории или схемы исчерпаны и накапливается всё больше данных, которые не вписываются в неё или просто противоречат ей, возникает закономерный вопрос – а стоит ли её придерживаться?

⁶² Характерно, например, что Х. М. Чадвик, автор классической работы об «институтах» англосаксонского периода, такого института, как дружина, не знает: *Chadwick H. M. Studies on Anglo-Saxon Institutions*. Cambridge, 1905. Неслучайно и отечественная исследовательница социально-политической структуры англосаксонской Англии говорит не о «дружине», а о «патронате» и «покровительстве»: *Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия*. Л., 1977, с. 20-21, 42-43.

⁶³ Среди старых работ см., например, в классических: *Kemble J. M. The Saxons in England*. Vol. I. London, 1876 (1-е изд.: 1846 г.), p. 162-181; *Chadwick H. M. The Heroic Age*. Cambridge, 1912, p. 348-355, 376-377; *Stenton F. M. Anglo-Saxon England*. Oxford, 1971 (1-е изд.: 1943 г.), p. 298-302; *Whitelock D. Beginnings of English Society*. Harmondsworth, 1974 (1-е изд.: 1952 г.), p. 29-47.

⁶⁴ *Evans S. S. The Lords of Battle: Image and Reality of the Comitatus in Dark Age Britain*. Woodbridge, 1997.

⁶⁵ *Wormland P. Review: Evans S. Lords of Battle // EHR*. Vol. CXIV, No. 457 (1999), p. 673.

Характерной для современной тенденции критического пересмотра традиционных представлений является статья Роузмэри Вулф⁶⁶. Отправной точкой для рассуждений Вулф стало традиционное сопоставление утверждения Тацита в гл. 14 «Германии» о том, что для дружинника «выйти из боя, в котором пал вождь, – бесчестье и позор на всю жизнь»⁶⁷, и эпизода известной англосаксонской поэмы кон. X – нач. XI в. «Битва при Мэлдоне», в котором описывается героическая гибель двух дружинников Вульфмера и Эльфтнота, отказавшихся покинуть поле битвы, когда исход её уже был ясен, после смерти своего предводителя Бюрхтнота⁶⁸. Обычно в историографии это сопоставление служит доказательством преемственности «идеала дружинника, погибающего вместе со своим вождём», в германской традиции от Тацита до высокого Средневековья. Вулф взяла на себя труд пересмотреть все свидетельства о такого рода «добровольном самоубийстве» дружинника в сочинениях античных писателей и пришла к выводу, что лишь в одном случае такое свидетельство (в «Истории» Агафия Схоласта VI в.) подтверждается реальным историческим фактом и речь надо вести о литературном «бродячем сюжете» (топосе).

С другой стороны, она показывает, что в древнеанглийской литературе обычными способами поведения дружинников после гибели их предводителя является совсем не гибель в том же бою, а либо месть за него (осуществление которой может растягиваться на многие годы), либо договор с победителем. Подчёркивая также различия между германскими дружинниками Тацита и англосаксонской знатью X в. в социальном плане (главным образом, то, что представители последней уже имели собственные земли, состояли в сложных отношениях с правителем и его двором и т. д.), исследовательница заключает, что между ними не могло быть и преемственности в идеалах. Эпизод же с Вульфмером и Эльфтнотом она объясняет влиянием на английскую поэзию скандинавской, а именно примером древней датской поэмы «Речи Бьярки» («*Vjarkamál*»), где центральный сюжет составляет гибель в бою двух дружинников Бьярки и Хьялти у тела их убитого вождя Хрольфа Краки. С точки зрения Вулф, английский поэт воспринял этот сюжет как «экзотический» вариант идеи верности, не имея никаких пропагандистских или морализаторских целей: такие сцены, пишет она, «ни возводят в образец, ни отрицают некое моральное обязательство, но скорее иллюстрируют героическую сторону человеческой воли»⁶⁹.

Выводы Вулф были поддержаны в работе Стивена Фаннинга, который подвергает ещё более резкой критике и концепцию «германской дружины», включающую героический идеал верного дружинника, и попытки увязать с ней англосаксонские данные. В его заключительных замечаниях ключевым является слово *fiction* – ‘вы-

⁶⁶ *Woolf R.* The Ideal of Men Dying With Their Lord in the *Germania* and in *The Battle of Maldon* // *Anglo-Saxon England*. Vol. 5. Cambridge etc., 1976, p. 63-81.

⁶⁷ *Taцит.* О происхождении германцев..., с. 465.

⁶⁸ Русский перевод см.: Древнеанглийская поэзия. Издание подготовили О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров. М., 1982, с. 137-156.

⁶⁹ *Woolf R.* Op. cit., p. 81.

думка, вымысел, фантазия'. «Fiction» он считает и «...обычное современное представление о дружине (war-band), описанной Тацитом», и то, что «дружины (war-bands and retinues), фиксируемые в Англии англосаксонской эпохи, похожи на *comitatus* Тацита», и то, что описания этих дружин в древней литературе «отражают современное им общество в таком виде, какой историк может признать относительно достоверным», и вообще *comitatus* – это «миф»⁷⁰.

Очевидно, статьи Вулф и Фаннинга пересекаются с дискуссией, развернувшейся в немецкоязычной историографии по поводу «германской верности» и вообще «германского континуитета». Хотя статьи Вулф и Фаннинга, возможно, слишком полемически заострены и само существование у германских народов (по крайней мере, некоторых) идеала дружинника, готового умереть за вождя, вряд ли может быть поставлено под вопрос⁷¹, вполне оправданы как критика расхожих представлений о преемственности и распространённости определённых идей или институтов, так и призыв к осторожному подходу в компаративных исследованиях и к вниманию к деталям и уникальным особенностям каждого конкретного явления, фиксируемого в определённом месте в определённый момент. Во всяком случае, авторы целого ряда работ, самых разных по подходам и конечным выводам, в изучении героических идеалов древнеанглийской литературы и их взаимодействия с христианскими идеями и представлениями вполне обходятся не только без особой концепции дружины, но и без самого этого понятия⁷².

* * *

На фоне господствующего среди историков скепсиса по отношению к теории «германской дружины» смелыми и неожиданными выглядят попытки «спасти» эту теорию, наполнив её новым содержанием, со стороны исследователей, обратившихся к культурно-антропологическим идеям и методам. Мне известны две работы такого рода: книги американского историка Майкла Энрайта и голландского историка Йоса Базельманса.

Исходным для исследования Энрайта под названием «Дама с кубком мёда: ритуал, пророчество и власть в европейской дружине от культуры Ла Тен до эпохи викингов» является наблюдение об особенной роли жены предводителя дружины во время дружинного пира. Наиболее ярко, по мнению автора, эта роль видна в известном эпизоде «Беовульфа», когда Беовульф прибывает в Хеорот к королю данов (дат-

⁷⁰ Fanning S. Tacitus, *Beowulf*, and the *Comitatus* // The Haskins Society journal: studies in medieval history. Vol. 9. Woodbridge, 1997, p. 35.

⁷¹ Ср., например, критические замечания Дж. Харриса на статью Вулф: Harris J. Love and Death in the *Männerbund*: An Essay with Special Reference to the *Bjarkamál* and *The Battle of Maldon* // Heroic Poetry in the Anglo-Saxon Period: Studies in Honor of Jess B. Bessinger Jr. Ed. by Helen Danico and John Leyerle. Kalamazoo, MI, 1993, p. 77-114.

⁷² См., например: Cherniss M. D. Ingeld and Christ: Heroic Concepts and Values in Old English Christian Poetry. The Hague, 1972; Surber-Meyer N.-L. Gift and exchange in the Anglo-Saxon poetic corpus: a contribution towards the representation of wealth. Genève, 1994; Hill J. M. The Anglo-Saxon Warrior Ethic: Reconstructing Lordship in Early English Literature. Gainesville etc., 2000.

чан) Хродгару, его приглашают на пир и этот пир начинается с того, что жена Хротгара Вальхтеов подносит первый кубок мёда своему мужу. В этой церемонии подношения кубка с тем или иным алкогольным напитком женой дружинного предводителя (короля) своему мужу Энрайт видит отражение определённого религиозного культа, связанного со становлением дружинной организации, а также иерархии внутри этой организации. Книга призвана продемонстрировать этот тезис как на материале письменных источников от сочинений античных авторов до исландских саг, так и на археологических данных от эпохи кельтской культуры Ла Тен (ок. 6–1 вв. до н. э.) до рубежа 1 и 2 тысячелетий н. э.

Автор, хорошо ориентирующийся в дискуссиях вокруг германской дружины, предлагает своё понимание сути этого явления. По его мнению, первоначально групповая солидарность дружины (*Genossenschaft* – «товарищеское начало», по терминологии немецкой *Verfassungsgeschichte*) основывалась на имитации родственных связей (так как именно они в архаическом обществе рассматривались как наиболее надежные), но «горизонтально организованная *Gefolgschaft* постепенно теряла элемент непосредственного равенства между господином и дружинником и превращалась в вертикальные отношения, основанные на службе». Присоединяясь к критикам идеи верности как фундаменте дружины, Энрайт также скептически оценивает и значение дара как средства сплочения предводителя и дружинников между собой: «даже если дар был дан щедро и свободно (без ясно обозначенных условий), это было обычно пожалование только до смерти получателя и его держание было обусловлено милостью господина». Настоящей основой групповой солидарности дружины был, по мнению Энрайта, религиозный культ бога Водана (заместившего кельтского бога Луга) и его спутницы (супруги) богини Росмерты, а актуализировалась и обновлялась эта солидарность на пиршественном собрании всех членов военного объединения дружинного типа, которое (собрание) «было нацелено на создание связей верности, не обусловленных родством, а алкоголь использовался как средство достижения экстаза и общения со сверхъестественным»⁷³. Особая роль в культе и, следовательно, в укреплении дружинной солидарности, принадлежала супруге предводителя, которая в церемонии подношения кубка выражала идею превосходства вождя-господина и, кроме того, играла роль своеобразного медиатора в преодолении внутренних конфликтов в дружине, особенно в период после смерти одного предводителя и до признания власти следующего (как правило, женившегося на вдове умершего). В церемонии подношения кубка автор видит древнейший ритуал инаугурации предводителя в сан короля.

По всей видимости, Энрайт во многом справедливо заострил внимание на том, что военно-дружинные объединения, которые иногда рассматриваются исключительно как мужские группы и даже как специфические «мужские союзы», не могли суще-

⁷³ *Enright M. J. Lady with a Mead Cup: Ritual, Prophecy and Lordship in the European Warband from La Tène to the Viking Age. Dublin, Portland, 1996, p. 1-38, 188.*

ствовать без женщин, а некоторые женщины могли даже иметь важное «функциональное» значение в этих объединениях. Подчёркивая значение пира и употребление алкоголя как средств укрепления солидарности, автор удачно обобщает наблюдения по этому поводу, накопленные в литературе, и обильно использует археологические данные, демонстрируя преемственность кельтской традиции ритуального застолья и германской ⁷⁴. Но сомнительной выглядит идея о религиозных корнях власти дружинного вождя и дружинной солидарности. Особенно натянуто выглядит попытка проследить корни религиозно обоснованного участия женщины в дружине. По мнению Энрайта, оно появилось в определённый момент, а именно в I в. до н. э., в результате сложения нескольких традиций и обстоятельств. Традиционным было участие женщин в военных делах древних германцев. Кроме того, сказалось влияние военных достижений и городской культуры Римской империи. Но решающим было влияние кельтских культов бога Луга/«Меркурия»/Хранно и богини Росмерты. В результате сложилась связь дружинный лидер–прорицательница (его жена), скреплявшая дружинный союз. Первым примером такой связи («прототипом») Энрайт считает сотрудничество вождя батавов Юлия Цивилиса, прославившегося как предводитель восстания против римлян в 68-70 гг., и прорицательницы Веледы ⁷⁵. Однако, доказательства Энрайта здесь состоят из ряда допущений и предположений, имеющих очень шаткое основание в источниках ⁷⁶. Особенно сомнительным выглядит сохранение «конститутивной пары» вождь/прорицательница в условиях христианизации.

Мысль о кельто-германской преемственности кажется разработанной недостаточно и недифференцированно. Если религиозное влияние, в частности, в связи с традицией совместных трапезы и питания, можно допустить, то проблематичным выглядит сопоставление социальной организации военных объединений кельтов и германцев. Автор утверждает их принципиальное сходство, резко возражая устоявшемуся мнению о их различии ⁷⁷. Он сам заявляет, что первоначальная германская дружина носила «домашне-семейственный» характер и что в неё входили только свободные люди, но с другой стороны признаёт, что два основных слоя кельтской военной организации составляли *soldurii* – свободные и знатные люди и *ambacti* – их несвободные или полусвободные клиенты или слуги (функцией которых было не столько воевать, сколько обеспечивать логистику – нести оружие и т. п.). Очевидно, в социальном плане это были две разные организации, на что неоднократно обращалось внимание в литературе (например, в работе Г. Куна). Попытки Энрайта решить это противоречие не убедительны (якобы указание античных писателей на то, что *ambacti* были рабами и слугами, – это метафора, а на самом деле речь идет о молодых членах дружины).

⁷⁴ Ibidem, p. 97-168.

⁷⁵ Ibidem, p. 217, 261 et al.

⁷⁶ Например, о взаимодействии Веледы с Цивилисом известно только, что он часто прибегал к её предсказаниям, но нет решительно никаких данных ни об их браке, ни об её участии в дружинных или племенных пирах и т. п., ср.: Ibidem, p. 92-93.

⁷⁷ Ibidem, p. 142 et seq., 200-204.

Конечный вывод американского историка о континуитете дружинной организации от эпохи Ла Тен до Средних веков звучит весьма смело: «героический этос и воинственная религиозность были стержнем германской культуры около тысячелетия от Цивилиса до Беовульфа и продолжали быть таковыми и после распада Каролингской державы. Феодализм был не более чем мутацией принципа *comitatus*... Утверждение может показаться несколько парадоксальным, но не бессмысленным: раннесредневековая культура начинается с культуры Ла Тен»⁷⁸. Попытка Энрайта дать синтетическую теорию происхождения, сущности и форм германо-кельтской дружины плохо согласуется с преобладающим ныне скептическим отношением к широким обобщениям и ставит его работу скорее в ряд с построениями Шлезингера, хотя она осуществлена с уже совсем иных методологических позиций.

Подход голландского историка и археолога Йоса Базельманса основан на антропологической модели, которую разработали французский антрополог Луи Дюмон и его последователи, отталкиваясь от знаменитого труда Марсея Мосса «Очерк о даре» и исследуя, главным образом, разного рода кастовые системы, известные у разных народов древности и современности⁷⁹. Исходя из тезиса, что связь через дары обеспечивала единство архаического (догосударственного) общества, Дюмон развил идею, что обмен дарами связывал не только людей, но и мир предков и даже, возможно, всякого рода других потусторонних существ и богов, которые таким образом становились интегральной частью «общества в целом» («холистический» подход). При этом сам дар не рассматривался отчуждённо, то есть как объект, а сохранял непосредственную связь с субъектом, то есть с человеком или, например, предком, владевшим им. Более того, каждая вещь, включённая в обмен как дар, несла определённую «составляющую» или «качество» личности, и приобретение этого «качества» мыслилось необходимым для каждого человека, чтобы не только включиться в социальное общение, но и самому перейти из одного этапа жизненного цикла в другой. Так, например, приобретение человеком при рождении такого «качества», как «тело», обуславливалось соответствующим обменом дарами (с родственниками, предками, соседями и т. д.), разумеется, при соблюдении определённых обрядов.

Эту модель историк пытается подтвердить на материалах «Беовульфа», углубляясь также предварительно в давно и многосторонне обсуждаемый вопрос о соотношении христианских и не- или дохристианских элементах в поэме. В исследовательских главах он изучает «социальное пространство» «Беовульфа» (то есть, кто действует и где: конунг, дружина, соседние народы, чудовища, бог – пиршественная зала, пещера с сокровищем и т. д.), обращая особое внимание на «обряды перехода» (*rites de passage*), отмечавшие фазы жизненного цикла, – прежде всего, погребальный

⁷⁸ Ibidem, p. 287.

⁷⁹ Ср. в русском переводе: Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. М., 2001 (впервые на французском языке: 1971 г.); Мосс М. Очерк о даре // Он же. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996 (1-е изд. на французском языке: 1925 г.), с. 83-222.

ритуал, – и на те вещи, о которых в произведении говорится как о дарах. В итоге Базельманс находит в англо-саксонской Англии следующие «составляющие» человеческой личности в смысле модели Дюмона: «тело», «жизнь», «ум» (*mind*), «ценность, достоинство или ценностный статус» (*worth*) и «душа». Важнейшей для знатного англосакса являлась связь «жизни» и «тела» с «ценностным статусом». Обеспечивалась эта связь, «конституировавшая» личность, посредством обрядов жизненного цикла и обмена дарами, которые, как подчёркивает голландский учёный, нередко и называются в тексте поэмы либо прямо «жизнью», либо подобным образом. «Анализ “Беовульфа”, – делает вывод исследователь – показывает, что эти последовательные обряды составляли важную сторону жизни *Gefolgschaft*, организуя её “хронологию”, и что дружинники, вожди и короли были вовлечены в грандиозный ритуальный цикл, в котором они выполняли взаимодополняющие роли: дружинники проходили этапы становления “личности” от ребёнка до взрослого, а умерший вождь или король превращался в предка. Хитросплетения отношений в среде дружинников между собой, между дружинниками и королями и между самими королями, которые привлекают такое большое внимание современных учёных, не могут быть поняты в отрыве от этого всеохватывающего ритуально-космологического контекста»⁸⁰.

Таким образом, Базельманс, признавая англосаксонскую дружину одной из форм германской *Gefolgschaft*, считает, что принципом, основополагающим для отношений вождя (конунга, короля) и дружинников внутри неё, были не культурно-идеологические или социальные факторы – например, идеал верности или материальная заинтересованность, – а их «ритуально-космологическая» взаимозависимость. Вождь, предоставляя дары дружиннику и приобщая его к ценностям, аккумулированным, главным образом, в результате обмена же дарами, давал ему возможность приобрести свой «ценностный статус» (*worth*) и тем самым завершить набор «составляющих» его личности, а кроме того, служил «посредником» между ним и миром предков-героев. Идея, что вступление молодого знатного человека в дружину было шагом необходимым для формирования его личности и обретения своего статуса и своей «репутации», ярко выражается, по мнению исследователя, в словах поэмы, вынесенных им в заглавие книги, которыми характеризуется Беовульф, выступающий во главе своей дружины: «*by weapons made worthy*» – «*wærnum geweorðad*» в оригинале (249b-251a), – то есть «обретший достоинство оружием» (где под «оружием» понимается не только военные подвиги, но и первоначальное обеспечение молодого воина оружием со стороны вождя)⁸¹. Дружинники же были необходимы королю для того, чтобы они после его смерти обеспечили ему переход в мир предков посредством вы-

⁸⁰ *Bazelmans J. By Weapons Made Worthy. Lords, Retainers and Their Relationship in Beowulf. Amsterdam, 1999, p. 189-190.*

⁸¹ Ср. безликий русский перевод В. Г. Тихомирова, потерявший многозначность ёмкого выражения древнего поэта: «... не видел витязя сильней и выше, чем ваш соратник – не простолюдин в нарядной сбруе...» (Беовульф. Переводчик В. Г. Тихомиров // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975, с. 27-180, с. 41). Непонятно, откуда взялась в переводе какая-то «сбруя».

полнения определённых погребальных обрядов, часть которых понималась как своеобразный обмен дарами между этим миром и тем⁸².

Базельманс видел смысл своей работы в преодолении того тупика, в который зашла немецкая историко-юридическая школа в изучении «германской дружины»⁸³. Такое движение исследовательской мысли – от институциональных построений к критике в духе «лингвистического поворота» и антропологически ориентированным подходам – в общем прослеживается и в изучении дружинных объединений, известных на славянской почве.

§ 2. «Славянская» дружина

На славянских материалах тоже были попытки придать дружине важное (концептуальное) значение в объяснении процессов становления власти и государственной организации. В наиболее последовательных и оригинальных попытках такого рода сказывались импульсы из западной историографии, особенно немецкой. Видимо, из-за того, что само существование дружины позволяют из славянских стран предполагать только источники чешско-моравского, польского и древнерусского происхождения, труды, разрабатывающие проблему дружины, принадлежат авторам, писавшим по-чешски, по-польски и по-русски. Некоторые замечания по этому поводу можно найти в работах немецких историков.

Первые попытки описать «славянскую дружину» как определённый институт и вписать её в определённые схемы развития властно-государственных отношений были сделаны в русской дореволюционной историографии в начале XX в. под влиянием немецкой литературы направления *Verfassungsgeschichte*. В более оригинальном ключе пытался применить идеи этого направления А. Е. Пресняков, и скорее механический перенос их на древнерусскую почву осуществил Н. П. Павлова-Сильванского. Русских историков интересовала прежде всего древнерусская дружина, и опирались они на древнерусские источники. Разумеется, и до этого некоторые историки отмечали, что по данным древнерусских летописей и других источников отношения князей с их приближёнными во многом напоминают тацитовский *comitatus* и «дружинные» порядки, прослеживающиеся по скандинавским источникам. Особенное внимание обращалось на сходства со Скандинавией, но эти сходства важны были историкам не столько с точки зрения устройства древнерусского общества (или государства), сколько для демонстрации прочных и разносторонних связей руси со скандинавами⁸⁴. Только в трудах А. Е. Преснякова и Н. П. Павлова-Сильванского дружина была представлена как определённый и при том важный институт средневековой Руси.

⁸² *Bazelmans J. By Weapons...*, p. 167-168, 188.

⁸³ Ср. его историографический очерк, не вошедший в книгу: *Bazelmans J. Conceptualising early Germanic...*

⁸⁴ См., например, у М. П. Погодина: *Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории*. Т. III [М., 1846], с. 228-232.

Для Преснякова дружина была краеугольным камнем системы, которую он назвал «княжое право». Возводя эту систему к седой древности, он видел в ней фундамент государства, сложившегося на древнерусской почве, и противопоставлял её «народному вечевому быту». Она выросла, по Преснякову, из княжеского дома, «огнища», и во многом сохраняла такой «частноправовой» характер и в XII–XIII вв., лишь постепенно обретая формы общественного учреждения. Прямо ссылаясь на Г. Брунера, Пресняков принимает его постулат, признавая дружину в качестве *Hausgenossenschaft*: «дружина, по существу, ни у нас, ни у германцев – не учреждение политического строя; это явление частного быта, притом исключительное и стоящее вне обычного течения народной жизни и потому живущее по-своему, лишь внешне соприкасаясь с укладом общинноправового народного быта. Искать определения дружины особо на русской почве нет основания: это явление общеевропейское...» Пресняков даёт такое «общеевропейское» определение дружины: «дружину можно назвать частноправовым, личным союзом, построенным на общности очага и хлеба господина со слугами, союзом, выделяющимся из общего уклада народной общины в особое, самодовлеющее целое. Она имеет и свой строй, свою организацию, как дом, двор господина». В древнерусских источниках Пресняков различал два значения слова *дружина* – более широкое («спутники, соратники») и более узкое. Именно второе, «более техническое значение» описывало «дружину в собственном смысле слова», то есть в том самом «общеевропейском» – «круг лиц, постоянно состоящий при князе, живущий при нём, разделяя все его интересы»⁸⁵. Эта дружина была главным элементом системы «княжого права», организацией, которая служила опорой княжеской власти и пользовалась её особым покровительством.

Преснякову удаётся привести много убедительных свидетельств особо близких отношений князя и дружины в Древней Руси, тем более что по этому поводу в русской историографии XIX в. уже достаточно писалось («любовь» князя к дружине, материальная зависимость её от него и т. д.)⁸⁶. Однако, вместе с тем, акцентирование этих отношений приводит историка в конце концов к определённому противоречию, которое так и не находит разрешения в его работе. В начале своих рассуждений о дружине Пресняков вслед за немецкими историками того времени признаёт, что основная тенденция развития дружинных отношений заключалась в смене их феодальными, когда дружинники обзаводятся собственными имуществами и землями. И хотя он тут же замечает, что особенностью Древней Руси, сближавшей её и с древней Польшей, и с англосаксонской Англией (но различавшей, например, с меровингской Францией), было долгое сохранение зависимости дружины от князя, но в конце кон-

⁸⁵ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий // *Он же*. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. Подготовка текста, статьи и примечания М. Б. Свердлова. М., 1993, с. 186, 189–190, 192–193.

⁸⁶ См., например: Загоскин Н. [П.] Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской России. Казань, 1875, с. 20–50; Довнар-Запольский М. В. Дружина и боярство // *Русская история в очерках и статьях*. Т. 1. СПб., 1904, с. 290–311.

цов он всё-таки заключает, что со временем, в течение XI–XII вв., из боярства как высшего слоя дружины развился «влиятельный класс». Этот «класс» стал «во главе общественных сил» отдельно от княжого двора, и его разрушительное действие на дружинную организацию было настолько сильным, что «едва ли даже правильно говорить о политическом и общественном значении дружины в её целом» в XII в.⁸⁷ В то же время он наблюдает и новое перерождение термина *дружина*, который к концу XII в. снова становится «широким» по значению, но теперь охватывая «влиятельные верхи общества и всю военную силу княжества»⁸⁸.

Таким образом, историк как будто признаёт перерождение дружинных отношений в какие-то как будто подобные феодальным. Однако тут же его рассуждения уходят от этого тезиса. С одной стороны, из этих рассуждений (довольно сбивчивых и неясных к концу раздела о дружине) выясняется, что бояре, отрываясь от дружины, не превращались в магнатов-землевладельцев – их «втягивала в себя» «городская вечевая стихия в XI–XII вв.». Но с другой стороны, оказывается, что не устранялся и «особый характер дружинных отношений, влияние которых на положение князя среди населения, чем дальше, тем больше его преобразовывало, подготавливая превращение князя в вотчинника удела, политической единицы, в которой все отношения будут определяться личным отношением к князю составных её элементов». Историк, как будто забывая собственные слова в начале о боярстве как «влиятельном классе», утверждает: «боярство до конца рассматриваемого периода (то есть, как следует понимать, до начала XIII в. – П. С.) оставалось, несмотря на глубокие перемены в его положении, классом княжих мужей»⁸⁹.

В заключении ко всей книге Пресняков уже твёрдо стоит на том, что «с падением вечевого строя» «сила князя», опирающаяся на «принцип специальной княжеской защиты», развилась в удельно-вотчинный строй. Не находя в XI–XII вв. «признаков связи боярского землевладения с началами вотчинной юрисдикции», историк отводит этому землевладению второстепенное значение; вся позднейшая служилая система оказывается, таким образом, по происхождению частным «огнищем» князя⁹⁰. На закономерно возникающий вопрос «куда же подевался тот самый влиятельный боярский класс, который вышел из дружины?» автор ответа не даёт. Начав с западно-европейских аналогий, Пресняков вернулся к общепринятым в конце XIX – начале XX в. в русской науке воззрениям о «князе-вотчиннике», служебно-зависимом положении знати и т. д., которые исключали всякий разговор о феодальных отношениях.

Подход Павлова-Сильванского отличался от работы Преснякова. Последний брал только одну идею из западной историографии и развивал её на древнерусских материалах, приспособляя к собственным идеям и схемам. Первый же заимствовал целиком определённую «модель» развития средневекового общества, пытаясь встро-

⁸⁷ Пресняков А. Е. Ук. соч., с. 201, 203.

⁸⁸ Там же, с. 214.

⁸⁹ Там же, с. 225, 228.

⁹⁰ Там же, с. 246-247, 249.

ить в неё или, точнее, подогнать под неё древнерусские данные. Этой моделью была теория феодализма в политико-юридическом его понимании, и Павлов-Сильванский заимствовал её из трудов современных ему западных, в основном, немецких медиевистов. Поскольку в той модели *Gefolgschaft* занимала важное место, аналогичный институт надо было найти и в Древней Руси, и эта аналогия приобретала уже принципиальный характер. Ссылаясь на труды Г. Вайтца и Г. Бруннера, Павлов-Сильванский выдвигал тезис, что в средневековой Руси, как и на Западе, «вассальные отношения развились из дружинных»: «вассалитет – это отделившаяся от князя, оседлая, землевладельческая дружина»⁹¹. Таким образом, дружина для Павлова-Сильванского была важна постольку, поскольку она служила истоком вассальных отношений.

Сегодня логика рассуждений и доказательств Павлова-Сильванского уже не представляется сколько-нибудь убедительной. Во-первых, едва ли современная наука может признать адекватной саму феодальную модель, которую он взял на вооружение. В частности, по меньшей мере упрощением считается утверждение о прямом происхождении западноевропейского вассалитета, как он начал складываться в каролингское время, от «германской дружины» (если существование последней вообще признаётся)⁹².

Во-вторых, не выдерживают критики и те методы, которыми русский историк пытался применить эту модель к древнерусским материалам⁹³. Так, если Бруннер отличал «домашнее товарищество» от других видов военно-дружинных объединений, то Павлов-Сильванский, сначала отмечая именно «домашний» характер древнерусской дружины (со ссылкой на «огнище» и т. п.), далее сравнивал её уже без всяких оговорок и с другими формами военных объединений германцев, выводя за скобки лишь «народное ополчение». Из характеристики германской дружины Вайтцем русский историк выделяет идею о фундаментальном отличии дружинников от знати (древнерусскую знать он видит в «земском боярстве»). Однако при этом Павлов-Сильванский проигнорировал тот факт, что для Вайтца дружина не была ни в коем случае явлением частного («домашнего») происхождения. Немецкий историк указывал на публично-правовой характер дружины, выполнявшей функции органа государственного управления при выборных *principes* (ср. выше). О том, что как для Вайтца, так и для Бруннера и сам институт дружины, и трансформация его в вассалитет были

⁹¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988 (1-е изд.: 1910 г.), с. 425-429.

⁹² Современные взгляды на происхождение вассалитета см., например: *Schulze H. K. Grundstrukturen der Verfassung im Mittelalter. Bd. 1: Stammesverband, Gefolgschaft, Lehnswesen, Grundherrschaft. 3. Auflage. Stuttgart etc., 1995 (1-е изд.: 1985 г.), с. 54-94; Goetz H.-W. Social and Military Institutions // The New Cambridge Medieval History. Edited by R. McKitterick. Vol. II: с. 500-с.700. Cambridge, 1995, p. 472-473. О вассалитете см. также в книге Сьюзан Рейнолдс (*Reynolds S. Fiefs and vassals: the medieval evidence reinterpreted. Oxford etc., 1994*), резко критической по отношению к традиционным представлениями о феодализме, которая спровоцировала широкое обсуждение «проблемы феодализма» на рубеже XX–XXI вв.*

⁹³ Ср. также критику его попытки найти древнерусские аналогии западноевропейскому оммажу в главе VI данной работы.

типично и исключительно германским явлением, поскольку покоились на специфически германской верности, Павлов-Сильванский не упоминает вовсе. Его компаративный метод сводится к иллюстративному подбору данных источников и выводов исследователей, вырванных из контекста и удобных для доказательства собственного тезиса. Сглаживая острые углы, обходя дискуссионные вопросы (существовавшие, конечно, и среди немецких историков в конце XIX – начале XX вв.) и отбрасывая «ненужные» детали и подробности, Павлов-Сильванский получал красивую картину, состоящую как будто только из убедительных аналогий.

Несмотря на определённые противоречия, недоговорённости или прямолинейные заключения труды Преснякова и Павлова-Сильванского имели большое значение, потому что впервые предложили понимать древнерусскую дружину как институт, сыгравший важную историческую роль в становлении древнерусской государственности и при этом аналогичный подобным институтам в других средневековых обществах. По вопросу об историческом значении дружины русская наука даже в каком-то смысле опередила немецкую. Пресняков, идя вразрез с господствующим мнением тогдашней немецкой историографии, совершенно правильно исходил из того, что дружина – это «общеевропейское» явление. Не обращал внимания на «германскую верность» и Павлов-Сильванский. Если Вальтер Шлезингер только в середине XX в. признал дружину за важнейшую форму происхождения и утверждения *Herrschaft*, то Пресняков уже в 1909 г. писал о ней как главном элементе «княжого права». Конечно, Шлезингер и Пресняков имели в виду не совсем одно и то же: первый, например, говорил о происхождении власти, другой – о её инструменте; первый – о дружинах у всех знатных, второй – о дружине княжеской. Но в главном их мысль была схожа – они подчёркивали, что дружина стоит в тесной и даже неразрывной связи с укреплением власти и господства.

Не случайно, что работы Преснякова и Павлова-Сильванского оказали значительное влияние на последующую литературу по истории Древней Руси – как на советскую историографию, ставшую на позиции марксизма, так и на работы историков, работавших вне СССР. В «официальной» советской концепции древнерусской истории была воспринята, прежде всего, идея о перерастании «дружинных» отношений в «феодальные», которую Павлов-Сильванский, заимствовав из немецкой *Verfassungsgeschichte*, пытался применить к Древней Руси. Отталкиваясь от этой идеи, Б. Д. Греков и С. В. Юшков предложили трактовку роли знати и дружины в древнерусской истории, которая стала «канонической» для советской историографии.

В этой трактовке главный акцент был перенесён на явление, отмеченное Пресняковым, но не получившее в его рассуждениях последовательной оценки, – образование «влиятельного класса» боярства, во многом независимого от князя и княжеской власти. Юшков вслед Преснякову говорит о «дружине в тесном смысле слова», о том, что «она может быть признана не только всеевропейским институтом, но институтом, существовавшим и в других частях света на определённой стадии общественного

стройка», о том, что её «основными признаками» были «бытовая и хозяйственная общность с князем, нахождение дружины на содержании князя и, следовательно, невозможность для дружинника владеть своим имуществом, домом, землёй». Однако, важнее для Юшкова была не столько характеристика самой дружины, сколько фиксация процесса её «разложения», когда «дружинники превращаются в землевладельцев, в феодалов, когда разрушается хозяйственная и бытовая общность князя и дружины»⁹⁴. В этом с ним был солидарен Б. Д. Греков: «история дружины... заключается в том, что, начав свою жизнь в качестве членов княжеского или боярского двора на иждивении своих хозяев, дружинники постепенно превращаются в землевладельцев – сначала на праве бенефиция, потом феода, в связи с чем меняется и их политическое значение»⁹⁵. Именно тезис об образовании класса крупных землевладельцев («феодалов») был центральным в советской концепции феодализма, которая стремилась доказать общность путей развития русской истории и европейской.

Феодальное общество, по Юшкову, складывается на Руси уже в XI в.; «разложение дружины» закончилось уже в правление Ярослава Мудрого⁹⁶. Греков хотя и уклоняется от точной датировки процесса «оседания» и «разложения дружины», относит начало складывания «феодального землевладения» уже к IX–X в. В «феодалов»-«вассалов», обязанных князю службой, но и диктующих ему свои условия, превращался собственно только «верхний слой дружинников» – бояре, которые в летописи могли выступать под названием «старшая дружина», а «низший слой» – «младшая дружина» – превращался в «министерялов». Важным пунктом построений Юшкова и Грекова было утверждение, что «класс феодалов» сложился на Руси не только из бояр как «верхнего слоя дружины», но и из «родоплеменной знати», то есть местной, не-киевской, знати, не включённой в систему княжеского управления («земского боярства», как предпочитали говорить в XIX в.). Эта местная знать тоже владела землёй с зависимыми людьми, и в таком качестве землевладельцев вошла в «господствующий класс крупных феодалов-сеньёров» Киевского государства⁹⁷. Греков и Юшков тем самым возвращались к тезису о «земских боярах», общераспространённому в историографии XIX в., от которого Пресняков отказался.

Таким образом, в трактовке Грекова-Юшкова понятие дружины отходило на второй план. Образование государства и феодального общества мыслились как две стороны одного процесса (потому что государство – это инструмент насилия в распоряжении господствующего класса, то есть феодалов, и пока нет этих последних, нет и государства), а институт дружины отодвигался в эпоху «доклассового общества», хо-

⁹⁴ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939, с. 144.

⁹⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. Отв. редактор Л. В. Черепнин. [6-е изд.] М., 1953 (1-е изд.: 1939 г.), с. 345.

⁹⁶ Юшков С. В. Ук. соч., с. 35, 230.

⁹⁷ Греков Б. Д. Ук. соч., с. 341-345; Юшков С. В. Ук. соч., с. 31-35, 144-159.

тя и на последней его стадии – «военной демократии»⁹⁸. Согласно такой логике, в древнейших письменных памятниках по истории Руси, относящихся к X–XI вв., историки должны были видеть уже совсем не какие-то древние дружины (от них сохранились только «отголоски» и «реликты»), а зарождающийся «класс феодалов».

Такой подход советских марксистов был по сравнению с рассуждениями Преснякова несомненно ближе исходным схемам немецкой *Verfassungsgeschichte*, в тесной связи с которой стояли, естественно, и построения самого Маркса. Этот подход был более логичен, потому что объяснял появление и силу того «влиятельного класса боярства», о котором Пресняков выражался как-то невнятно. Однако, советская концепция феодализма имела свои проблемы, хотя они лежали скорее не в плоскости формальной логики, а в собственно исторической – главный изъян этой концепции был в том, что она имела весьма шаткую опору в источниках. Очевидным слабым звеном её был главный тезис о раннем зарождении крупного частного землевладения, которое якобы стало главным источником экономической и политической силы боярства. На то, что этот тезис не находит подтверждения в источниках, было обращено внимание сразу же в дискуссиях, развернувшихся вокруг первых работ Грекова⁹⁹. Позднее именно этот тезис был отвергнут в теориях «государственного феодализма» Л. В. Черепнина и «общинного» строя Древней Руси И. Я. Фроянова.

Неясность остаётся и в трактовке дружины. Прежде всего, рассуждения Юшкова и Грекова оставляют без всякого ответа следующий вопрос: почему, несмотря на то что институт дружины принадлежит эпохе «доклассового общества» и он «разлагается» уже в X – начале XI в., само слово *дружина* в древнерусских источниках широко употребляется и в XI, и в XII, и даже в XIII вв.? Кроме того, источники и этих веков, и даже более позднего времени свидетельствуют, что знать гораздо теснее была связана с князем, в том числе и материально, чем это следовало бы предполагать, если приписывать ей крупное землевладение, вассальные договоры и т. п.

Эти и другие противоречия и неясности «грековской» концепции русского феодализма заставляли историков уже в 1970-80-е гг. в том или ином пункте её корректировать. Не исчезло со страниц работ (в том числе учебных и популярных), посвящённых истории Древней Руси, и понятие дружины, задвинутое Грековым, казалось бы, совсем на задний план. При том, что образование «класса феодалов» с момента зарождения древнерусского государства и само существование феодализма и в средневековой Руси никем не ставились под сомнение, о дружине продолжали говорить применительно ко всему домонгольскому периоду. Грековская концепция не за-

⁹⁸ Понятие «военная демократия» было предложено Льюисом Генри Морганом. В марксистской науке, вслед за Энгельсом, «военной демократии» было придано универсальное значение как этапу развития первобытного общества, предваряющему образование классов и государства, см.: *Перицы А. И.* Демократия военная // Свод этнографических понятий и терминов. [Вып. 1:] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986, с. 47-48.

⁹⁹ См., например: *Бахрушин С. В.* К вопросу о русском феодализме // Книга и пролетарская революция. 1936. № 6, с. 48; *Бахрушин С. В.* Некоторые вопросы истории Киевской Руси. [Обсуждение книги:] Греков Б. Д. «Феодальные отношения в Киевском государстве» // ИМ. 1937. № 3, с. 169.

прещала применять понятие дружины для «доклассового» («родоплеменного») общества, но фактически дружину понимали также и как форму организации «феодалов» на Руси в X–XIII вв. и тем самым возвращались к «само собой разумеющемуся» (то есть вслед летописи) пониманию дружины в историографии XIX в., о котором говорилось в начале главы. Только если раньше к дружине приравнивали такие понятия как знать, аристократия и т. д., то в советской историографии таким тождественным понятием всегда было – должно было быть – «(господствующий) класс феодалов». Долгое время такое понимание фигурировало в исторических трудах как будто принятое «по умолчанию», и впервые, если не ошибаюсь, ясно его сформулировал только в 1983 г. М. Б. Свердлов: дружина «в XI–XIII вв. была не отрядом воинов, лично преданных князю, как в родо-племенном обществе..., а сложный по составу социальный коллектив, который представлял собой организацию господствующего класса, осуществляющую управление феодальным государством, военную службу и личную вассальную службу князю, связанную с княжеским двором»¹⁰⁰.

Сохранению этого понятия в обиходе историков способствовало, помимо летописной терминологии, ещё одно важное обстоятельство – его популярность в среде археологов. Со времён заметки А. В. Арциховского под названием, говорящим само за себя: «Русская дружина по археологическим данным»¹⁰¹, в археологической литературе определение «дружинный» – одно из самых употребительных и даже в каком-то смысле «знаковых». Выражение «дружинные курганы» стало уже едва ли не специальным термином; но в публикациях можно встретить, например, и такие выражения, как «дружинная культура»¹⁰², «дружинные древности»¹⁰³ и даже «дружинное сословие»¹⁰⁴. Речь при этом идёт, в сущности, об одном явлении – богатых захоронениях (преимущественно курганах) второй половины IX – начала XI в., которые фиксируются в нескольких пунктах на территории будущей Древней Руси и в которых в той или иной степени прослеживается скандинавский культурный элемент (иногда, правда, к этим захоронениям присоединяют и другие, более поздние¹⁰⁵). Трудно сказать, почему для характеристики этого явления – безусловно, яркого и в разных отношениях выдающегося, но, с другой стороны, весьма многообразного и разнохарактерного – археологам так полюбилися понятия *дружина* и *дружинный*. Возможно, дело в том, что в условиях идеологического давления на историческую науку в СССР оно оказалось наиболее обтекаемым и нейтральным: о «феодалах», захороненных в

¹⁰⁰ Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 215.

¹⁰¹ Арциховский А. В. Русская дружина по археологическим данным // ИМ. 1939. № 1, с. 193–195.

¹⁰² Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978, с. 12, 142.

¹⁰³ Ср., например, сборник под таким заглавием: Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця 17–20 липня 2003 р.). Гол. ред.: П. П. Толочко. Чернігів, 2003.

¹⁰⁴ Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002, с. 551 и след.

¹⁰⁵ См., например: Аleshковский М. X. Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. 1960. № 1, с. 73–90.

курганах, было бы говорить всё-таки слишком смело, но, с другой стороны, как-то ведь надо было согласовывать раскопанные материалы и с феодальной теорией, и с теорией раннего зарождения древнерусского государства (по Б. Д. Грекову и Б. А. Рыбакову, эти «дружинные древности» уже приходились на эпоху государственности у восточных славян) – тут и подошёл термин *дружина*, который позволял связать «доклассовую» эпоху и «классовую»-«феодальную» в нечто неопределённо переходное (то ли «военная демократия», то ли «раннефеодальное государство»).

Однако, каково бы ни было возникновение историографической традиции, надо признать, что все эти «дружинные» обозначения не очень удачны. Историки понимают под дружиной всегда некий социально-политический или даже социально-правовой институт – будь то архаическое объединение «тацитовского» типа («домашний союз» и т. п., то есть в том смысле, как писали А. Е. Пресняков и Б. Д. Греков), будь то «организация господствующего класса», как выразался М. Б. Свердлов. Между тем, археологические материалы, по самой своей сути не могут служить свидетельством присутствия или отсутствия тех или иных политических или правовых институтов. Гнёздовские, черниговские и прочие курганы и захоронения многое, конечно, могут сказать о социальной дифференциации, хозяйственных занятиях, культурных или даже этнических характеристиках лиц, в них захороненных (и отчасти их соорудивших), но не о том, были ли они, грубо говоря, «дружинники» или «феодалы». Не может здесь служить критерием и скандинавский элемент – скандинавы в ту эпоху проявляли себя, конечно, весьма воинственно, но совершенно очевидно, с одной стороны, что далеко не всякий скандинав появлялся (и погребался) в Восточной Европе в качестве воина, а с другой – что не всякое военное действие совершалось именно и только дружинами (что бы под этим словом ни понималось и особенно – если не очень понятно, что надо под ним понимать).

Вполне справедливо недавно говорилось о запрограммированности «интерпретации археологических реалий», когда «определение “дружинный” становится универсальным ключом. Любой археологический артефакт “норманнского” или “норманноидного” свойства, коль скоро он рассматривается как признак повышенного статуса лица, его оставившего, почти неизбежно получает такое определение. “Дружинникам” принадлежат мечи, весы и гирьки, камерные захоронения и проч. от Ладоги до Киева и от Ярославского Поволжья до Волыни, дружинными оказываются курганы и целые некрополи, дружинным становится, наконец, само государство X в.»¹⁰⁶.

Стоит заметить, что в западной археологической литературе господствует весьма и весьма осторожное отношение к определению тех или иных возможных следов дружины (как и вообще политико-правовых институтов). В частности, вопрос об отражении социальных различий и институтов типа дружины в археологических ма-

¹⁰⁶ Назаренко А. В. «Слы и гостие»: о структуре политической элиты Древней Руси в первой половине – середине X века // ВЕДС. Чтения XIX: Политические институты и верховная власть. М., 2007, с. 171.

териалах особенно остро встал в немецкой историографии, когда в середине XX в. пересмотр традиционного тезиса о «демократическом» устройстве древнегерманского общества совпал с заметным ростом масштабов археологических разысканий и развитием их методов и техник. Сегодня ответ на этот вопрос более чем сдержанный. «Археологические возможности увидеть дружины ограничены», – утверждает Вальтер Поль¹⁰⁷. Показательно как отражение представлений, принятых в западной литературе, что С. Франклин и Дж. Шепард, обобщая археологические данные X в., не употребляют слова «дружина», «дружинный» и говорят в обтекаемых формулировках об элите, военных занятиях и т. п.¹⁰⁸.

Известный немецкий археолог Хайко Штойер высказывается по этому поводу так: разбирая вопрос о дружине, «со стороны археолога лучше либо вообще воздержаться от каких-либо высказываний, либо надо допускать относительно много указаний на возможное существование дружины, каждый раз со всевозможными разъяснениями и оговорками»¹⁰⁹. В специальной работе, в которой Штойер попытался обобщить возможные критерии идентификации дружинных объединений по центрально-европейским материалам с эпохи бронзового века до рубежа I–II тысячелетий н. э.¹¹⁰, он заключает, что хотя имущественное расслоение в той или иной степени просматривается практически всегда, принципиально невозможно определить, о какого рода «знати» идёт речь (соответствующее немецкое слово *Adel* всегда употребляется им в кавычках). Археологические материалы не дают возможности выявить ни институциональные формы социальной жизни, ни правовое положение людей, в частности свободный/несвободный статус, ни формы зависимости населения хозяйственных комплексов. Штойер выделяет несколько видов археологических объектов, которые свидетельствуют о группах воинов и/или группах слуг или клиентов вокруг одного господина или вождя и которые *могут* рассматриваться как свидетельство дружины (так называемые «кладбища воинов» – *Männerfriedhöfe*, специально маркированные предметы вооружения, культа и жертвоприношений, роскоши и др.), но возможности такой интерпретации всегда ограничены, а заключения могут быть легко поставлены под сомнение¹¹¹.

¹⁰⁷ Pohl W. Die Germanen..., S. 71.

¹⁰⁸ Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750-1200. Перевод Д. М. Буланина и Н. Л. Лужецкой. СПб., 2009 (1-е изд. на английском языке: 1996 г.), с. 197 и след.

¹⁰⁹ Steuer H. Gefolgschaft: Archäologisches // RGA. Bd. X (1998), S. 546.

¹¹⁰ Steuer H. Interpretationsmöglichkeiten archäologischer Quellen zum Gefolgschaftsproblem // Beiträge zum Verständnis der Germania des Tacitus. Bericht über die Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Nord- und Mitteleuropas im Jahr 1986 und 1987. Hrsg. von H. Jankuhn und D. Timpe. Teil II. Göttingen, 1992, S. 203-257. Ср. также в более общем контексте выделения социальных структур: Steuer H. Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa: eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials. Göttingen, 1982, особ. выводы на с. 517-532.

¹¹¹ В недавней работе Х. Штойер предлагает свою модель эволюции «племенных» обществ в раннегосударственные, в которой важнейшее место он отводит военному фактору и военно-дружинным объединениям, но при этом он оговаривается: «The movement from warrior band to empire or territorial government always follows a pattern of which the individual stages cannot — or at best in some stages only — be archaeologically recognized. It is only the final goal, the completed occupation of land and new set-

Итак, в позднесоветской историографии наметилась существенно иная трактовка древнерусской дружины по сравнению с грековской концепцией. Логическое завершение этот пересмотр получил в работах А. А. Горского. Историк использует понятие «дружина» фактически так же, как и М. Б. Свердлов и многие другие историки второй половины XX – начала XXI в. – очень широко применительно и к славянским «догосударственным общностям» VI–VIII вв., и для характеристики элиты древнерусского государства всего домонгольского периода: «дружина представляла собой организацию военно-служилой знати на последнем этапе родоплеменного строя и в раннефеодальном обществе»¹¹². «Разложение» древнерусской дружины вследствие её «оседания», то есть развития землевладения «дружинников», Горский относит ко второй половине XII в. За терминологией – то есть применением понятия «дружина» и к догосударственному периоду, и к древнерусскому домонгольскому – стоит принципиальный тезис о преемственности в самом институте, хотя эта преемственность понимается Свердловым и Горским по-разному. Для Свердлова, отстаивающего концепцию «неземельных феодалов», важно, что уже в славянской дружине были «генетически “запрограммированы” феодальные отношения», лишь развившиеся в Древней Руси в X–XII вв.¹¹³ Горский же подчёркивает «государственно-служебное» начало в институте дружины, которое сначала (на «родоплеменном» этапе) служило мотором государствообразования, а позднее, уже в рамках древнерусского государства, сплачивало знать вокруг центральной княжеской власти¹¹⁴.

С акцентом на «государственно-служебном» характере дружины связан важный для Горского тезис, что в Древней Руси не было никакой другой знати, кроме «служилой», объединённой в княжескую дружину. Если в более ранней работе он ещё допускал значительную роль знати у славянских народов VI–VIII вв. и не исключал «существование родоплеменной знати в X в. в восточнославянских обществах», хотя её роль и тогда ему представлялась «несравненно менее значительной, чем знати

lements completed with an ethnogenesis (tribalisation), which leaves its traces in the archaeological material» (*Steuer H. Warrior bands, war lords and the birth of tribes and states in the first millennium AD in Middle Europe // Warfare and society: archaeological and social anthropological perspectives. Ed. by Ton Otto. Aarhus, 2006, p. 234.*)

¹¹² Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 86.

¹¹³ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003, с. 77, 264-265. Сущность дружинно-феодальных отношений между вождём (правителем) и его дружинниками Свердлов описывает выражением «дружба-служба верных» и распространяет свою схему не только на Русь, но и на другие славянские государства – ср.: Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997, с. 34 и др. Критику концепции Свердлова о «неземельных феодалах» см.: Лукин П. В., Стефанович П. С. Рецензия на: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. СПб., 2003 // СР. Вып. 6. М., 2006, с. 371-402.

¹¹⁴ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 25-27, 82-85; Он же. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004, с. 109-114. Ср. также: Он же. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. М., 1999, с. 178-179; Он же. Древнерусская дружинная терминология в свете международных связей Руси // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Матеріали міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів—Шестовиця, 20–23 липня 2006 р.). Чернігів, 2006, с. 53.

служилой», то в работе 2004 г. он пришёл к выводу, что «племенной знати» не было уже и в «Славиниях» VI–VIII вв., а применительно к Древней Руси ни о какой «местной» знати речи быть не может¹¹⁵. Князья и их «служилая» знать – вот, собственно, и вся элита как славянских «племён», так и древнерусского государства; дружина – организация этой знати. «В целом институт дружины в Киевской Руси предстает как возглавляемая князем корпорация, в которую была объединена вся светская часть господствующего слоя», – пишет историк¹¹⁶.

Вне зависимости от определения того, что надо понимать под «дружиной», о которой пишут русские летописцы, тезис о преемственности этой последней с дружинами, существование которых предполагается у славянских народов, упоминаемых в византийских и латинских источниках VI–IX вв., является самым слабым звеном концепции, представленной в трудах М. Б. Свердлова и А. А. Горского. Неважно, идёт ли речь о «запрограммированности» феодальных отношений или «служилом» характере отношений князя и знати, всё-таки очень трудно, соглашаясь с авторами, признать, например, что в социально-культурном облике киевского боярина XII в. есть хоть что-то общее с обликом какого-нибудь славянина, терроризировавшего окраины Византийской империи в VII в. Логика рассуждений А. Е. Преснякова и Б. Д. Грекова с С. В. Юшковым, которые разделяли собственно древнюю «дружину» как «домашний союз» от «влиятельного класса» боярства, явно и бесспорно распознаваемого в древнерусских источниках, представляется предпочтительнее.

Разумеется, у славян, в том числе восточных в VIII–XI вв., был какой-то слой людей, выдающихся в имущественном плане, а может быть и в плане власти и авторитета, велика была роль войны как фактора социально-имущественной мобильности – но признавать у них какой-то конкретный «институт дружины», да ещё определённым образом связанный с той «дружиной», о какой говорят нам русские летописи XII в., – это явная схематизация. Не имея нашего «славянского Тацита», мы в ещё большей мере, чем историки германских *gentes*, обречены на то, чтобы говорить не о какой-то одной определённой дружине («*die Gefolgschaft*»), а более неопределённо о «военно-дружинных объединениях» и т. п. (ср. «*gefolgschaftlich organisierte Verbände*» в приведённых выше высказываниях В. Поля и других немецких учёных).

В главе V будет ещё подробно обсуждаться дискуссия о «земских» и «служилых боярах». Здесь пока только отмечу, что крайняя позиция, занятая в этом вопросе А. А. Горским, даже с чисто теоретической точки зрения кажется неубедительной. Признание «служилого» характера за социальной верхушкой славянских народов («племён») и русью X–XII вв. подразумевает, что в этих обществах не было никаких других каналов и механизмов социальной мобильности кроме службы вождю/правителю. Однако, как показывает исторический опыт, такая ситуация может возникать только в условиях развитой и даже гипертрофированной централизации,

¹¹⁵ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 38; *Он же*. Русь: от славянского Расселения..., с. 14-19.

¹¹⁶ Горский А. А. Русь: от славянского Расселения..., с. 112.

обеспечиваемой жёсткими государственно-бюрократическими механизмами. Тогда социальная иерархия совпадает с иерархией должностей в государственном аппарате, а продвижение по иерархической лестнице возможно только при занятости в этом аппарате. В советском обществе такой порядок, допустим, преобладал¹¹⁷, но невозможно представить себе такую ситуацию применительно к архаическим обществам раннего Средневековья, где монополия центральной власти едва начала формироваться.

В литературе уже неоднократно указывалось и на конкретные данные источников, свидетельствующие, что в ранних славянских государствах была некая элита, которая могла состоять в неких отношениях с правителями, но вовсе необязательно «служебных» или «служилых», и которая, возможно, уходила корнями в догосударственные-«племенные» общности. обстоятельное сравнительно-историческое исследование П. В. Лукина показало, что для обозначения этой элиты в разных областях расселения славян используется «возрастная» терминология (старцы, старейшие и т. п.)¹¹⁸. «Старцы», «старосты», «нарочитые мужи» и т. п. обозначения, которые встречаются в древнерусских источниках, при всей их неопределённости и даже, возможно, «книжно-литературном» происхождении (на чём делает акцент А. А. Горский) не были бессодержательны и в некоторых случаях указывали на эту элиту (ср. далее в главах III и V). В своё время об этом совершенно справедливо писал Х. Ловмянский: можно согласиться, что термин «“старцы градские” был литературного происхождения, из чего не вытекает, что он не отражал действительные атрибуты этой социальной категории»¹¹⁹.

Внимание, которое продемонстрировали М. Б. Свердлов и А. А. Горский к дружине, свойственно и многим другим работам по истории Древней Руси последних двух-трёх десятилетий. Правда, к сожалению, практически никто из авторов не считает нужным оговаривать, что он/она понимает под этим понятием/термином, и, как правило, «по умолчанию» подразумевается и институт «догосударственный», и знать древнерусского государства. Особенно обращается внимание на роль княжеских дружин в укреплении княжеской власти и образовании структур господства, то есть в «переходный период» от «племенных» общностей к государственно-территориальным образованиям. Е. А. Мельникова, указав на неадекватность понятия «военная демократия», предложила для характеристики этого «переходного периода» понятие *дружинное государство*¹²⁰. Хотя сама Е. А. Мельникова делала акцент не на дружине, а на международной торговле как главном факторе образования древнерусского государства, некоторые историки, опираясь, в частности, на работы А. А. Гор-

¹¹⁷ Ср.: *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991 (1-е изд. на немецком языке: 1980 г.), с. 110 и след.

¹¹⁸ *Лукин П. В.* «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // *Славяноведение*. 2010. № 2, с. 12-30.

¹¹⁹ *Ловмянский Х.* О происхождении русского боярства // *Восточная Европа в древности и средневековье*. Сборник статей. М., 1978, с. 97, 99 прим. 23.

¹²⁰ *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-восточной Европе (Постановка проблемы) // *ДГ: 1992-1993 гг. М., 1995*, с. 22-23.

ского, считают возможным говорить о государстве на Руси в IX–XI вв. как «дружинном», предшествовавшем «феодальному»¹²¹.

Как эти историки, так и Е. А. Мельникова, говоря о «дружинном государстве», совсем не имеют в виду *Gefolgschaftsstaat*, о котором писали Миттайс и Пласман в середине XX в. (см. выше). Подразумеваются разные вещи: в первом случае (Мельникова) – укрепление центральной власти при помощи военных групп в прямом подчинении носителя этой власти (князя), во втором (Миттайс) – особые отношения верности между правителем и его «подданными», выстроенные по подобию «дружинных» отношений.

* * *

Как уже было замечено выше, русскоязычная историография тоже не осталась в стороне от попыток привлечь этнологические/антропологические материалы и идеи для интерпретации славянской/древнерусской дружины. В нескольких работах развивается идея о дружине как «мужском союзе». Об этой идее уже заходила речь в связи с работой А. Кристенсен. Опираясь главным образом на фольклорные данные, авторы – в основном, этнологи – пытаются в таком духе интерпретировать известия летописей и других древнейших источников. Впервые идея о том, что древнерусская дружина была органически связана с «мужским союзом» (хотя и не тождественна ему), была высказана Р. С. Липец в 1969 г.¹²² Последовательно идею развил в серии статей В. Г. Балушок¹²³. В. М. Михайлин развивает мысль, что русский мат – «пёсья лая» – происходит из ритуальной лексики «воинского мужского союза, члены которого не только называли, но и считали себя псами/волками»¹²⁴.

¹²¹ Котляр Н. Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в. // ДГ: 1992-1993 гг. М., 1995, с. 45-47; *Он же*. Древнерусская государственность. СПб., 1998, с. 54, 129; Никольский С. Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // СР. Вып. 4. М., 2003, с. 41. Автор последней из указанных работ пытается выявить также особое «дружинное право» по русско-византийским договорам X в. и Древнейшей Русской Правде (там же, с. 25, 40-48). Ср. скорее скептическое отношение самого Горского к понятию *дружинное государство*: Горский А. А. Русь: от славянского Расселения..., с. 114. Ср. также попытку сравнения русских и западнославянских дружин X–XI вв. в работе: Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009 (1-е изд.: 2003 г.), с. 288-298. Автор пытается уточнить понятие *дружинное государство* и находит образец такового в «среднеевропейской модели» государственного развития, которую предложили чешские учёные для описания чешского, польского и венгерского государств X–XII вв. (об этом см. ниже). По-видимому, автор (знакомый с работами этих учёных на русском языке, вышедшими на рубеже 1980-1990-х гг.) основывается на том, что в этой модели придаётся важное значение так называемой «большой дружине» в ранний период развития этих государств в X в. Однако, как бы ни была важна эта «большая дружина», она была только относительно кратковременным эпизодом в истории западнославянских государств и, по мысли авторов «среднеевропейской модели», предшествовала этой последней и вовсе не была её частью. Сами эти авторы понятие *дружинное государство* никогда не используют.

¹²² Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969, с. 98-99.

¹²³ Балушок В. Г. Исцеление Ильи Муромца: древнерусский ритуал в бытине // СЭ. 1991. № 5, с. 20-26; *Он же*. Инициации древних славян // ЭО. 1993. № 4, с. 57-66; *Он же*. Инициации древнерусских дружинников // ЭО. 1995. № 1, с. 35-44; *Он же*. Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // ЭО. 1996. № 3, с. 92-98.

¹²⁴ Михайлин В. М. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005, с. 335 и след., особ. с. 404-410. Какие корни эти «воинских

В наиболее серьёзной работе этого направления, рассматривающей проблему с исторической точки зрения, автор (А. В. Коптев) пытается связать славянскую «княжескую дружину» с архаическими индоевропейскими «мужскими союзами», которые объединяли молодых мужчин, прошедших обряды инициации: «Княжеская дружина, значение которой существенно выросло в славянском обществе VI – IX вв., генетически впитала многие черты ритуала инициаций. Находившиеся в “ином мире” члены союза иницируемых в общественном сознании, напитанном мифологическими образами, рассматривались как волки-оборотни либо как служители хтонического божества, представлявшего в образе Змея...» Сопоставляя известия арабских географов X в. и рассказы ПВЛ с былинами и сказками, Коптев приходит к выводу, что древнерусская дружина представляла собой «мужской союз», только несколько видоизменённый «в условиях формирования государства»¹²⁵.

Несмотря на некоторые интересные наблюдения (ср. в главе IV), в целом аргументация и основные выводы Коптева представляются частью сильным преувеличением некоторых действительных явлений архаической славянской культуры, а частью – просто фантастикой. В поисках мифологических, ритуальных и религиозных корней и «архетипов» автор явно увлекается и находит такие корни и в «господстве руссов над славянами», и в убийстве Игоря древлянами, и в среде княжеских отроков («иницируемой молодежи»)... Например, наложницы князя Владимира Святославича интерпретируются как «составная часть его дружинной организации»: «девушки попадали в „мужской союз“» как своего рода «дань» с «местных общин», собираемая во время «полюдья». Пребывание девушки «у князя, олицетворявшего верховное божество, рассматривалось как аналогия мифа о Священном Браке между богами». «Налог девушками» «продолжал оставаться одной из форм, приспособившей древний обычай к необходимости удовлетворения сексуальных потребностей дружинников»¹²⁶.

Автор, пытаясь опереться на сравнительные данные и историографию германской дружины, напрасно выдаёт теорию «мужских союзов» общепризнанным достижением западной науки и признаёт доказанным тезис о «генетической связи дружины с “мужскими союзами”». Достаточно ознакомиться с энциклопедическими статьями «тайные союзы», «военные союзы» и «мужские союзы», которые обобщают результаты отдельных – на поверку оказывающихся далеко не многочисленных – исследований в этой области¹²⁷. Как выясняется, в современной науке преобладает дифференцированный подход в оценке этого явления, действительно общего для многих (и да-

мужских союзов», автор почему-то забыл указать. Поскольку мысль о происхождении русского мата из тюркских языков он отмечает, приходится думать, что корни – древнеславянские или древнерусские.

¹²⁵ Коптев А. [В.] Fornicator immensus – о «гареме» киевского князя Владимира Святославича // RH. Vol. 31 (2004), Nos. 1-2, p. 15.

¹²⁶ Ibidem, p. 32-36.

¹²⁷ Timpe D., Scheibelreiter G., Daxelmüller Ch. Geheimbünde // RGA. Bd. X (1998), S. 558-565; Eggers M., Ebel E. Kriegerbünde // RGA. Bd. XVII (2001), S. 343-348; Meier M. Männerbund // RGA. Bd. XIX (2001), S. 105-110.

леко не только индоевропейских) народов на до- или предгосударственной стадии развития. Из данных, относящихся к древним германцам, в таком духе можно интерпретировать известия о хаттах и гариях Тацита (главы 31 и 43 «Germania»), известия о «песьеголовых» воинах лангобардов Павла Диакона, скандинавских берсерках и некоторые другие. У этих воинских объединений, действительно, прослеживаются отличительные признаки религиозно-мифологического характера; но важно, что у разных объединений – разные признаки: например, у одних это может быть отдельный тотем, у других – особые обряды инициации, отдельный культ предков или бога Одина, половозрастные ограничения и т. д. Однако, такого рода данные слишком разрозненны и неоднородны и позволяют говорить лишь о «структурно обусловленных параллелях», фиксируемых у разных народов, но недостаточных для того, чтобы утверждать «всемирно-историческое» значение явления. Признавая, что в отдельных случаях объединения типа «мужских союзов» могли пересекаться с военно-дружинной организацией, авторы указанных статей всё же настаивают на их принципиально разных сущности и происхождении. Достаточно указать на данные, свидетельствующие, что дружинные объединения существовали параллельно с «мужскими союзами». Так, приводится пример из саги о Хрольве Жердинке, где рассказывается об одном объединении берсерков, которые называли себя «волками», но при этом говорится о них отдельно от дружинников конунга («karrar» vs. «hirðmenn») ¹²⁸. Уже в 1985 г. Ганс Шульце относил теорию о происхождении германской дружины «из более древних форм военных или культовых мужских союзов» к «старым воззрениям» ¹²⁹. М. Энрайт и Й. Базельманс всерьёз теорию «мужских союзов» не берут ¹³⁰.

* * *

По сравнению с русскоязычной литературой во многом иначе развивались взгляды относительно славянских, в том числе древнерусской, дружин в польской и чешской историографиях. Немецкие историки Ostforschung или Ostkunde первой половины-середины XX в., если вообще говорили о дружинах, то в основном в рамках уже сложившихся схем. Стоит отметить лишь несколько попыток сравнения германской и древнерусской дружин в немецкой историографии, а затем обратимся к работам чешских и польских историков.

Манфред Хельман, о работах которого уже заходила речь в главе I, пытался оценить главные черты общественного строя средневековой Руси в свете «вопроса о русском феодализме» и построений немецких историков школы *Verfassungsgeschichte*. Хельман настаивал на своеобразии общественных отношений на Руси и лишь относительно поздней их некоторой, частичной «феодализации» (в связи с развитием поместно-вотчинной системы). В частности, отличной от герман-

¹²⁸ Eggers M., Ebel E. Op. cit., S. 346.

¹²⁹ Schulze H. K. Op. cit., S. 52.

¹³⁰ Энрайт, например, отмечал, что «мужские союзы» связаны с племенным родством и не предполагают резкого отделения военной организации от племенной: Enright M. Op. cit., p. 105, 203.

ской он считал и древнерусскую дружину, исходя из тезиса о германской верности. По его мнению, если на ранних этапах русской истории и обнаруживаются какие-то следы идеи верности в отношениях между князем и дружиной, то это лишь отголоски того влияния, которой на Русь принесли скандинавы, и в любом случае они быстро исчезают. Характерной же для восточного славянства была «добровольная служба», покоившаяся только на материальной заинтересованности сторон. Позднее на Руси эта служба стала обязательной, и возросло «принуждение к подчинению и послушанию» правителю¹³¹. В славянских странах, по мнению Хельмана, не сложилось политически активной и экономически независимой знати со своим самосознанием¹³². Не находя в позднесредневековой Руси ни ленов, ни иммунитета и выделяя кормление как основную форму вознаграждения служилых людей, Хельман видит перерождение дружинных отношений при московском единодержавии не в феодальные, а в «очень своеобразные и характерные формы служебного права»¹³³.

По-видимому, вследствие того, что Хельман ориентировался на традицию *Verfassungsgeschichte*, многие положения которой позднее были пересмотрены или отброшены, современные немецкие исследователи, касающиеся древнерусской дружины, скорее критически воспринимают его выводы. Так, Хартмут Рюсс, отвергая тезис о «вольной боярской службе», именно верность полагает основанием отношений князя и знати в средневековой Руси и считает возможным возводить её к общеславянским корням¹³⁴. Кристиан Любке в книге о «чужаках» (*Fremden*) в раннегосударственных образованиях на территории Восточной Европы в IX–XI вв. решительно отвергает идею «германской верности» и считает, что о «дружине» (это понятие он использует в кавычках) позволяют говорить только прямые указания источников на «“группу”, члены которой осознают принадлежность к ней как свою идентичность, а себя самих преимущественно как воинов на службе, доставляющей им материальный достаток»¹³⁵.

Любке, таким образом, делает акцент на групповой «солидарности» и самоидентификации и понимает дружину скорее в «узком смысле». Теоретически такой подход может быть в каких-то случаях и полезен, поскольку позволяет более чётко

¹³¹ *Hellmann M.* Herrschaftliche und genossenschaftliche Elemente in der mittelalterlichen Verfassungsgeschichte der Slawen // *Zeitschrift für Ostforschung*. Bd. 7 (1958), S. 328-332; *Hellmann M.* Probleme des Feudalismus in Rußland // *Studien zum mittelalterlichen Lebenswesen. Vorträge gehalten in Lindau am 10.-13. Oktober 1956 (=Vorträge und Forschungen 5)*. Lindau, Konstanz, 1960, S. 242-247.

¹³² *Hellmann M.* Grundfragen der slawischen Verfassungsgeschichte des frühen Mittelalters // *JGO*. Bd. 2 (1954), S. 404.

¹³³ *Hellmann M.* Probleme des Feudalismus..., S. 258.

¹³⁴ *Rüß H.* Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9–17 Jh. Köln, Weimar, Wien, 1994, S. 275.

¹³⁵ *Lübke Ch.* Fremde im östlichen Europa..., S. 261: «daß es um eine „Gruppe“ geht, die identitätsstiftend wirkt, wobei die Mitglieder ihr Selbstverständnis ganz überwiegend aus dem Dienst mit der Waffe beziehen, der ihnen zugleich ihren Lebensunterhalt sichert». Автор предлагает ценный обзор данных с учётом современной историографии о «дружинных» объединениях у франков и саксов, скандинавов, славян, венгров, кочевых народов причерноморских и среднерусских степей, а также о скандинавах на службе византийских императоров в IX–XI вв. – *Ibidem*, S. 261-325.

обозначить явление, покрываемое понятием «дружина» (поэтому, например, Любке выводит за рамки этого явления «большую дружину», о которой писал Ф. Граус, – см. чуть ниже ¹³⁶). Но с другой стороны, оказывается, что автору очень трудно применить этот подход на конкретных данных – ведь в источниках до периода позднего Средневековья мы практически не располагаем свидетельствами, ясно отражающими социально-политическую самоидентификацию групп и отдельных личностей. Источники просто не позволяют автору осветить тот вопрос, который он сам поставил как центральный, подчёркивая важность самоидентификации, – что же объединяло дружинников между собой и отделяло их от остальных. И в итоге так и остаётся неясным, например, от чего зависело восприятие того или иного пришлого человека (чужака) как человека, особым образом связанного с правителем (князем), или наёмника. Странно также, что автор, хотя рассматривает «дружинные» объединения на широком сравнительном фоне, отдаёт дань старым представлениям. Так, даже не обсуждая возможность, что аналогии между «дружинами» у германцев и древнерусской могут быть структурно обусловлены, Любке высказывается в пользу скандинавского влияния. Это влияние он усматривает не только в целом в формировании на Руси «дружинной идеологии» (а что это за «идеология», не объясняется) ¹³⁷, но и, в частности, в том значении, которое приобрела на Руси система полюдья, и в утверждении здесь своеобразной формы сеньората ¹³⁸.

Значительно плодотворнее оказалось восприятие импульсов из дискуссий о германской дружине применительно к славянским материалам в чешской и польской историографии. Приблизительно до середины XX в. польские и чешские историки, в общем вполне традиционно, выражались в том смысле, что надо предполагать существование дружин у славян до IX в., опираясь на аналогии с германцами по Тациту. Повышение роли этих дружин связывали с немецким влиянием (у западных славян) и скандинавским (на Руси), но попыток связать с ними происхождение определённых форм государства, как это делали Пресняков («княжое право») или Павлов-Сильванский (перерастание дружинных отношений в феодальные) не предпринималось ¹³⁹. Однако, в послевоенное время появились публикации, обращающие внимание на важную, если не определяющую, роль дружин в образовании славянских государств и отрицающие при этом какое-либо внешнее воздействие ¹⁴⁰.

¹³⁶ Ibidem, S. 321.

¹³⁷ «Eine Gefogenschaftsideologie, wie sie in der Ruś als Folge des steten Zusammenhangs mit den nordischen Gesellschaften entstand» (Ibidem, S. 314).

¹³⁸ Ibidem, S. 300-310.

¹³⁹ Ср., например: *Нидерле Л.* Славянские древности. Перевод с чешского: Т. Ковалёва, М. Хазанов. Под ред. А. Л. Монгайта. М., 2000 (1-е изд.: М., 1956; перевод с оригинального издания: *Niederle L.* Slovanské starožitnosti, t. 1-4, Praha, 1902—1934; *Život starých slovanů*, t. 1-2, Praha, 1911—1925), с. 406-407.

¹⁴⁰ См., например: *Vaněček V.* Les “družiny” (gardes) princières dans les débuts de l’État tchèque // СРН. Т. II (1949), s. 427-448.

Наиболее последовательно этот взгляд развил Ф. Граус, работы которого в связи с критикой теории «германской верности» уже упоминались выше. Опираясь на западноевропейские аналогии и критически оценивая немецкую историографию, Граус признал бесперспективным поиск некоей одной «славянской дружины» и исходил из множественности форм дружинных отношений¹⁴¹. Вместе с тем, взяв за основу чешские и польские данные X–XI вв. (главным образом, латинские и славянские жития св. Вацлава-Вячеслава), он предложил схему развития дружин у чехов и поляков. Он выделял 4 типа дружин, сменяющих друг друга. Первый – это «дружины древнего типа», «малые», в сущности, военно-грабительские банды. Для обозначения второго типа он использует термин, предложенный Шлезингером, – *Gefolgsheer*, «дружинное войско»: нечто среднее между «малой дружиной» и войском, которое характерно для «племён», вовлечённых в масштабные миграции (Эпоха великого переселения, славянское расселение). Третий тип он называет «большой» или «государственной дружиной» (по-чешски: *velkodružina*, в публикации Грауса на немецком языке – *Staatsgefolge*¹⁴²). Это – сравнительно крупные военные объединения, которые фактически охватывали всю или большую часть элиты и которые использовали польские и чешские правители в X – первой половине XI вв. для утверждения своей власти и управления подчинёнными территориями. Четвёртый тип выделяется для периода XI–XII вв., когда «большая дружина» «феодализируется», то есть из неё выделяется знать, которая приобретает земельные владения и доминирующие позиции, и следы дружинных отношений остаются лишь отчасти в среде низшей знати, отчасти в мелких частных свитах и клиентах¹⁴³.

Основное внимание он уделял этой «большой дружине», считая, что чехи называли её собственно словом *дружина* и в этом случае оно может рассматриваться как *terminus technicus*¹⁴⁴. С ней он связывал успехи в развитии древнечешского государства в X в., в том числе завоевательные. Указывая на «дружинника» князя Вячеслава Подивена, Граус считал, что эта дружина крепилась на принципе «верная служба за дары и отличия», и не видел никакой необходимости предполагать связь с «германской верностью»¹⁴⁵.

Именно это понятие *velkodružina*, наиболее разработанное Граусом, прочно вошло в чешскую историографию. Более спорным оказался его тезис о «феодализации дружины» – по той же причине, по которой не выдержала критики теория Грекова: данных о крупном землевладении, тем более на ленном праве, нет и на чешском материале вплоть до середины-конца XII в. Также трудно доказуемым является его тезис об уничтожении старой («племенной») знати правителями, опиравшимися на

¹⁴¹ *Graus F. Raně středověké družiny a jejich význam při vzniku států ve střední Evropě // ČČH. Rok XIII (1965), číslo 1, s. 1–18, ср. на с. 13 критику описанных выше взглядов Хельмана.*

¹⁴² *Graus F. Die Entstehung der mittelalterlichen Staaten in Mitteleuropa // Historica. T. X (1965), s. 39–46.*

¹⁴³ *Graus F. Raně středověké družiny..., s. 4–5 et seq.*

¹⁴⁴ *Ibidem, s. 8.*

¹⁴⁵ *Ibidem, s. 9–10, 14.*

свои «большие дружины». Такую сознательную политику Граус приписывал князю Болеславу II, искоренившему род Славнивовцев, а знать XI в. он считал новой, вышедшей из «разлагавшейся» «большой дружины»¹⁴⁶. На самом деле, это чисто гипотетическая конструкция, и данных, чтобы рассуждать о континуитете/дисконтинуитете древнечешской знати, просто нет¹⁴⁷.

Чешские учёные Д. Тжештик и Й. Жемличка, в работах которых наиболее последовательно изложена «среднеевропейская (центральноевропейская) модель» ранних славянских государств XI–XII вв., принимают понятие *velkodružina*¹⁴⁸. При этом уточняется, что содержание «большой дружины» было весьма обременительным и окупалось только в условиях постоянных внешних завоеваний, способных обеспечить многочисленное объединение профессиональных воинов. Такая система мобилизации и распределения ресурсов называется иногда «трибутарной» (от латинского слова *tributum* – ‘дань’)¹⁴⁹. Как только возможности завоеваний были исчерпаны, должен был последовать кризис этой системы, а следовательно, и всего государства. Этот кризис Тжештик и Жемличка вслед за Барбарой Кжеменьской видят в смутах начала XI в. в Чехии и чуть позже в Польше и Венгрии¹⁵⁰. В результате этого кризиса, по мнению чешских учёных, и образовалась «среднеевропейская модель». Главными элементами этой модели были: существование элиты (которая образовалась в резуль-

¹⁴⁶ *Graus F.* À propos de l'évolution de la noblesse en Bohême du IXe au XIIIe siècle // *L'Europe aux IXe–XIe siècles: Aux origines des États nationaux*. Sous la direction de T. Manteuffel et A. Gieysztor. Varsovie, 1968, p. 207-209.

¹⁴⁷ Ср.: *Kalhous D.* Čeští velmoži 10. věku // *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity, C, Řada historická*. 52 (2005), s. 5-13.

¹⁴⁸ Одна из последних публикаций, где учёные изложили своё видение этой «модели» – критический отзыв на работы Либора Яна: *Třeštík D., Žemlička J.* O modelech vývoje přemyslovského státu // *ČSN. Rok 105 (2007), číslo 1*, s. 122-164. Здесь же см. полный список работ польских и чешских авторов, внесших вклад в разработку «модели»: s. 122-124. См. также на немецком языке: *Krzemieńska B., Třeštík D.* Wirtschaftliche Grundlagen des frühmittelalterlichen Staates in Mitteleuropa (Böhmen, Polen, Ungarn im 10.-11. Jahrhundert) // *APH. T. 40 (1979)*, s. 5-31 (одна из первых работ, в которых представлена «среднеевропейская модель»); *Žemlička J.* Das Reich des böhmischen Boleslavs und die Krise an der Jahrtausendwende // *Archeologické rozhledy. T. XLVII (1995)*, s. 267–278; *Žemlička J.* Gemeinsame Züge der mitteleuropäischen Staaten // *Europas Mitte um 1000*. Hrsg. von Alfried Wiczorek und Hans-Martin Hinz. Bd. 1. Darmstadt, 2000, S. 830-833. На русском языке в статьях: *Тжештик Д.* Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей*. Отв. ред.: Г. Г. Литаврин. М., 1987, с. 124-133 (здесь, правда, автор не говорит о «большой дружине» и очерчивает только главные контуры «модели»); *Жемличка Й., Марцина Р.* Возникновение и развитие раннефеодальных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)*. М., 1991, с. 167-189 (о «государственной дружине» говорится на с. 168).

¹⁴⁹ См.: *Перишц А. И.* Данничество // *Свод этнографических понятий и терминов*. [Вып. 1:] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986, с. 45-46.

¹⁵⁰ *Krzemieńska B.* Krize českého státu na přelomu tisíciletí // *ČSN. Rok 18 (1970)*, s. 497-532; *Жемличка Й., Марцина Р.* Ук. соч., с. 169; *Žemlička J.* Das Reich des böhmischen Boleslavs...; *Žemlička J.* Čechy v době knížecí (1034–1198). Praha, 1997, с. 50-51; *Třeštík D.* “Eine grosse Stadt der Slawen namens Prag” (Staaten und Sklaven in Mitteleuropa im 10. Jahrhundert) // *Boleslav II. Der tschechische Staat um das Jahr 1000. Internationales Symposium Praha 9.-10. Februar 1999*. Hrsg. von Petr Sommer. Praha, 2001 (=Colloquia mediaevalia Pragensia 2), s. 128.

тате «глубокой системной трансформации» «большой дружины»¹⁵¹) не за счёт частного землевладения, а за счёт участия в сборе и потреблении «государственных» доходов, то есть поборов и налогов со свободного населения в пользу князя; «градская организация» – управление территорией через княжеских людей (чиновников), «базирующихся» в укреплённых поселениях; «служебная организация» – сеть поселений, население которых выполняло специализированные работы по удовлетворению разных потребностей княжеского (королевского) двора; *jus ducale* – «княжеское право», то есть сфера права, в которой жило большинство населения, формально под юрисдикцией правителя (князя), а фактически во многом автономно внутри локальных «общин»-«волостей» («ополья»). Падение этой системы относят к XIII в., когда удельный вес частного землевладения, защищённого иммунитетом, в социально-экономической сфере становится преобладающим и сказывается сильное влияние из Западной и Центральной Европы (привносятся элементы вассально-ленных отношений, начинается немецкая колонизация и т. д.)¹⁵².

В польской историографии взгляды Грауса и «среднеевропейская модель» в общем воспринимаются сочувственно, тем более что польские учёные внесли значительный вклад в построение этой «модели»¹⁵³. Идея о «большой дружине» хорошо объясняет сообщение из известного рассказа арабо-еврейского путешественника Ибрагима ибн Якуба о трёх тысячах воинов польского князя Мешка I. Польские историки сопоставляют с этим сообщением известие о войске Болеслава Храброго (сына

¹⁵¹ *Žemlička J. Čechy v době knížecí...*, s. 141. В этой работе Жемличка для обозначения высшего социального слоя Чешского государства XI–XII вв. использует такие слова как «элита», «франья шляхта», «вельможи» и «nobiles». В более ранней работе на русском языке он писал о «группе, которую мы бы могли назвать дружинной аристократией, нобилитетом или раннефеодальным дворянством», а также «слой “благородных”», «вельможи» (*Жемличка Й., Марсина Р. Ук. соч.*, с. 170, 172). Позднее слова «дружинный» и «(ранне)феодальный» уже чешскими учёными не употреблялись, см., например: *Třeštík D., Žemlička J. Op. cit.*, passim.

¹⁵² В последние годы «среднеевропейская модель» подверглась критике со стороны ряда чешских историков. В частности, высказывались сомнения в существовании «большой дружины» и вообще применимости понятия «дружины» к Чехии, подчёркивалась значительная роль знати и независимость её от правителя и раздаваемых им должностей в Чехии в XI–XII вв. и др. См., например, статьи Мартина Выходы (M. Wihoda), Либора Яна (L. Jan) и Вратислава Ваничека (V. Vaníček) в интересном сборнике, посвящённом чешской и польской средневековой знати: *Šlechta, moc a reprezentace ve středověku*. Ed. M. Nodl, M. Wihoda (=Colloquia mediaevalia Pragensia 9). Praha, 2007.

¹⁵³ Разработке этой «модели» во многом способствовали работы Кароля Модзелевского, см. особенно его книгу: *Modzelewski K. Chłopi w społeczeństwie polskim*. Wrocław, 1987. На польских материалах хорошо прослеживаются «служебная организация», *jus ducale* и «градская организация». Вместе с тем, в польской историографии не был поддержан важный тезис теории «среднеевропейской модели», предполагающий, что эта «модель» восходит через Великую Моравию к каролингским институтам. Ведь если применительно к Чехии и Венгрии ещё можно как-то говорить о «каролингском наследстве», то к Польше – это абсурдно. Очевидно, этот тезис – одно из самых слабых звеньев теории Тржештика и Жемлички. Этот тезис не был поддержан и археологами, которые не увидели следов какого-либо из элементов «среднеевропейской модели» в раскопанных поселениях Великой Моравии, см.: *Macháček J. Středoevropský model a jeho archeologické testování // ČČH. Roč. 106 (2008), číslo 3, s. 598-626.*

Мешка) из хроники Галла-Анонима (см. об этих данных в главе III)¹⁵⁴. Некоторые видят в этих данных свидетельство того, что «большая дружина» размещалась по городам (как бы гарнизонами). Для обозначения такой размещённой по городам дружины в польской историографии используется термины *družyna rozproszona* или *rozlokowana* («рассеянная») или *dalsza* («дальняя»). Собственно дружину как узкий круг людей, состоящих на службе вождя, князя или магната, называют *družyna przyboczna* или *ścisła* («личная») – то есть речь идёт о «классической» «домашней» дружине. Обычно считается, что она была известна у славян на до-государственном этапе и сохранялась после распада «большой дружины» к середине XI в. ещё в течение второй половины XI–XII в.¹⁵⁵

Мысль о размещении княжеской дружины по городам развивается в двух работах польских историков, исследующих специально данные древнерусских источников, в первую очередь ПВЛ. Тадеуш Василевский относил это размещение к концу X–XI вв. и пытался проследить по археологическим данным. Согласно его выводу, киевские князья размещали дружинные «заставы» в крепостях главным образом к западу и югу от Киева на правобережье Днепра¹⁵⁶. Василевский также предложил, отмечая многозначное и разнообразное употребление слова *дружина* в летописи, понимать под ней как «научным термином» собственно окружение князя, то есть *družyna przyboczna*. Такую дружину в Киевской Руси он видел в гридях и других категориях населения, которых часто историки включают в «младшую дружину»¹⁵⁷. Менее интересен по подходу и выводам обзор данных о военной организации Киевской Руси, который предлагает Казимир Скальски. Историк следует летописной терминологии и опирается во многом на существующую литературу (среди польских авторов, главным образом, на работы Х. Ловмянского – ср. ниже, среди русскоязычных – на работы Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина). Хотя Скальски довольно много места уде-

¹⁵⁴ Идея «большой дружины» принимается, например, уже в работе: *Bardach J. L'État polonais aux Xe et XIe siècles // L'Europe aux IXe–XIe siècles: Aux origines des États nationaux. Sous la direction de T. Manteuffel et A. Gieysztor. Varsovie, 1968, p. 296-297.* Обзор польской литературы по поводу возможности применения понятия «большая дружина» к Польше см. в одной из последних работ: *Jurek T. Geneza szlachty polskiej // Ślechta, moc a reprezentacja..., s. 70.*

¹⁵⁵ См., например, относительно недавние работы: *Labuda G. Przeobrażenia w organizacji polskich sił zbrojnych w XI wieku // Pax et bellum. Red. K. Olejnik. Poznań, 1993, s. 87-110; Skalski K. Družyna przyboczna władców zachodniosłowiańskich // Fasciculi historici novi, II: Z dziejów średniowiecznej Europy Środkowo-wschodniej: zbiór studiów. Red. J. Tyszkiewicz. Warszawa, 1998, s. 17-34; Bogacki M. Przemiany w wojskowości polskiej od połowy X wieku do 1138 roku. Kształt i organizacja armii. Toruń, 2007.* Как и в чешской историографии, в польской в последнее время всё чаще высказываются сомнения в применимости понятия «дружина» к социальным и военным институтам и общностям средневековой Польши – см., например: *Ginter K. Problem družyny wczesnośredniowiecznej w Polsce // Kopijnicy, szyprowie, tenutariusze. Red. B. Śliwiński (=Gdańskie Studia z Dziejów Średniowiecza, Nr 8, 2002). Gdańsk, 2002, особенно стр. 66, 72-73.* Суждения польских историков, начиная с конца XIX в., по военно-социальному устройству Польши XI–XII вв. подробно представлены в указанных работах Михала Богацкого и Кароля Гинтера.

¹⁵⁶ *Wasilewski T. Studia nad składem społecznym wczesnośredniowiecznych sił zbrojnych na Rusi // Studia wczesnośredniowieczne. T. IV. Wrocław-Warszawa, 1958, s. 308 et seq.*

¹⁵⁷ *Ibidem*, s. 307, 351-352.

ляет обсуждению разных летописных обозначений для людей на княжеской службе – отроки, чадь, кметы, младшая и старшая дружина и др., – удивительным образом ему оказалась неизвестна книга А. А. Горского, посвящённая именно этому предмету¹⁵⁸. Историк полагает, что на Руси размещение дружины по городам, как и в Польше и Чехии, послужило началом процесса «оседания дружинников» и что этот процесс завершился в течение XI в.¹⁵⁹

Особо следует отметить фундаментальный труд «Начала Польши» Хенрика Ловмянского, в котором предложен оригинальный подход к пониманию дружины у славян. Ловмянский также отводил дружинам определённую роль в процессе образования государства у славян, однако, в отличие от Грауса, польский учёный строго и последовательно различал служебные отношения, с одной стороны, в рамках собственно дружины и, с другой – между вождём/правителем и знатью («рыцарством»). В первом случае эти отношения носили отпечаток подчинения и зависимости, во втором – имели более равноправный договорно-«вассальный» характер¹⁶⁰.

Опираясь на историографию германской дружины, Ловмянский присоединяется к тем, кто не считал дружину специфически германским явлением, и даёт ей своё определение «в классическом понимании», ориентируясь на тацитовское описание. Дружина, по его мнению, должна была иметь четыре черты: 1) «функциональную, выразившуюся в военной деятельности»; 2) «экономическую» – обеспечение дружинников вождём; 3) «организационную, вытекавшую из постоянной готовности к войне по приказу вождя»; 4) «идеологическую» – «верность или искренняя преданность» дружинников друг другу и вождю и забота и покровительство над ними со стороны вождя. Понимание дружины, предложенное Шлезингером, Ловмянский отверг как неоправданно широкое. Его собственное определение дружины – конечно, значительно более конкретное и «узкое» – давало ему возможность отвести ей весьма ограниченное место в судьбе германских и славянских народов и перенести акцент именно на «вассальную службу» «рыцарства», которая, по мнению польского историка, «развивалась одновременно другим путём независимым от дружины». «На славянской почве» эти «вассальные» отношения Ловмянский видел как «военную службу, выполняемую на основе добровольного соглашения, однако без вступления в собственную дружину, предполагающую “домашнюю общность” с предводителем». С обзаведением дружинников собственными имуществами, прежде всего землями, начинался процесс «дезинтеграции» дружины, которая «растворялась в общем явлении вассалитета»¹⁶¹.

¹⁵⁸ Горский А. А. Древнерусская дружина....

¹⁵⁹ Skalski K. Rus' Streitkräfte im 10.-11. Jahrhundert // QMAN. Vol. XI: Arms and Armour. W., 2006, s. 342-347.

¹⁶⁰ Lomwiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. IV. Warszawa, 1970, s. 163-164. Ср. здесь же на с. 166 примечание 474 с критикой Грауса именно за путаницу этих двух видов служебных отношений.

¹⁶¹ Ibidem, s. 165-170.

Более или менее гипотетически расцвет дружины у славян Ловмянский относил к VI в., а в более позднее время наблюдал уже «дезинтеграцию». В отличие от Грауса, он усматривал в чешских и польских источниках X в. не свидетельства о «большой дружине», а отражение «вассально-рыцарской» службы и допускал лишь какие-то слабые следы небольших собственных княжеских дружин (*družyn przymocnych*). «Дезинтеграцией» и поглощением дружины «вассалитетом» историк объяснял многозначность и неопределённость древнерусского слова *дружина*.

Подробно разбирая древнерусские данные, Ловмянский поддержал мысль Василевского, заключая, что собственно институт дружины представляли лишь относительно небольшие группы гридей и отроков в непосредственном окружении князей, а служба бояр и прочих вольных людей была «вассалитетом». Образование и укрепление государственной власти, а позднее безопасность государства зависели как раз не столько от этих «домашних» дружин «отроков», сколько от «вассальной» службы знати (а также традиционно сохранявшего значение «народного ополчения») ¹⁶². В конце концов, Ловмянский признаёт «рыцарей»-«вассалов» древних славянских государств за носителей феодального начала, которое расцветает после окончательного исчезновения дружин приблизительно к XII в. Важным тезисом историка было утверждение преемственности знати (в том числе и генеалогической) от догосударственной эпохи к развитым славянским обществам XI–XII вв. (здесь тоже в явном несогласии с Граусом) ¹⁶³.

Нельзя не обратить внимания на то, что стремление польского учёного поставить институт дружины в довольно узкие рамки и вместе с тем подчеркнуть значение аристократии вполне соответствуют тому пониманию раннесредневекового общества, которое мы находим в работах западных медиевистов последних десятилетий. О дружинах, если и говорится, то как о явлении более или менее второстепенном.

Хотя не все польские историки настолько же скептически относятся к роли дружин (и в частности значению «больших дружин») в истории раннеславянских государств, как Ловмянский, в целом в польской историографии дружина никогда не понимается в качестве организации всей элиты Пястовской Польши, и всегда последовательно разделяются знать (магнаты-«можновладцы») как высший социальный слой и дружины как свиты или клиентелы в подчинении князя и отдельных представителей той же знати ¹⁶⁴. Попытки Василевского и Ловмянского применить такой же подход к древнерусским материалам представляют несомненный интерес, хотя, к сожалению,

¹⁶² Ibidem, s. 170-178.

¹⁶³ Этот тезис Ловмянский развивал и в небольшой статье на русском языке о древнерусских старцах-старостах и боярах: *Ловмянский Х.* О происхождении русского боярства..., особ. с. 96.

¹⁶⁴ См., например, статьи «Družyna» и «Możni» в издании *Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII.* Pod red. W. Kowalenki i in. (тома 1 и 3) и разделы «Możnowładztwo» и «Družyna i kler» Б. Зентары в обзорно-энциклопедическом издании по социальной истории Польши: *Zientara B.* Społeczeństwo polskie X–XII wieku // *Ihnatowicz I., Mączak A., Zientara B., Żarnowski J.* Społeczeństwo polskie od X do XX w. Warszawa, 1988, s. 42-50.

в русскоязычной историографии до сих пор не получили никакого отклика. Менее удачным кажется обозначение, которое Ловмянский выбрал для этого высшего социального слоя (элиты) – «рыцари» и «вассалы». Применение этой «феодальной» терминологии едва ли уместно по отношению к ранним славянским политическим образованиям, и недаром оно не было поддержано в польской историографии. Возражения вызывает и тезис о преемственности знати славянских государств от «племенной аристократии», поскольку ясно, что складывание государственных структур и утверждение правящих династий – по крайней мере, в Польше, Чехии и на Руси – не шло гладко, а сопровождалось масштабными кризисами, применением насилия, уничтожением политических противников и т. д.¹⁶⁵

Недавно вышла книга польского историка Павла Жмудзкого, построенная отчасти на данных ПВЛ¹⁶⁶. Хотя заглавие книги обещает сравнение «древнейшей историографии Польши и Руси», на самом деле речь всё-таки больше идёт о хронике Галла Анонима, и русское летописание – почти исключительно ПВЛ – привлекается для сравнения, в общем, наравне с хроникой Козьмы Пражского и отдельными западноевропейскими произведениями историографического жанра. Кроме того, автор практически не затрагивает проблемы летописной текстологии и фактически рассматривает ПВЛ как цельное произведение (что одно само по себе, конечно, ставит под большой вопрос все его изыскания). Его подход лежит в русле направления, набравшего силу в последние десятилетия в медиевистике, которое сомневается в возможности познать реалии прошлого и делает акцент на изучении текстов как таковых (это направление называют по-разному, часто условно: «герменевтика», «нарратология», «постмодернизм» и т. д.). Жмудзкий с самого начала заявляет, что его интересует не историческая реальность, а лишь «нарратив», то есть сюжеты, фабулы, способы изложения, стереотипы и конструкции, которыми описывалась эта реальность в хрониках и летописях. И автор в самом деле выделяет некоторые мотивы, сюжеты и «топосы», общие для разных историографических памятников, – например, образ идеального правителя-воина и отрицательного («тирана»), выделение молодых воинов-храбрецов в окружении правителя (*juvenes*), шаблоны в описании военных действий и др. Но в каком отношении описанные автором нарративные стратегии и конструкции находятся с действительными явлениями, он решительно отказывается судить. «Нарративный и компаративный анализ (предпринятый автором – П. С.) текстов источников не опровергает реконструкций прошлого, предпринятых историками, но и не подтверждает их». В нарративных источниках автор отказывается увидеть разницу между дружинами древности и эпохи ранних славянских государств, дифференцировать разные виды дружин и их эволюцию и т. д. По его мнению, «образ “*comitatus*” в четырнадцатой главе *Germania* построен из тех же самых элементов, какими представ-

¹⁶⁵ См., например: *Labuda G. Pierwsze państwo polskie*. Kraków, 1989, s. 57-60.

¹⁶⁶ *Żmudzki P. Władca i wojownicy. Narracje o wodzach, drużynie i wojnach w najdawniejszej historiografii Polski i Rusi*. Wrocław, 2009.

лены группы людей, близких к правителю, в ПВЛ или у Галла Анонима»; «сочинение Анонима и ПВЛ, представляя приближённых правителя, принадлежат к тому же самому кругу идей, что и известие Ибрагима ибн Якуба/ал-Бакри о государстве Мешка, описание германских обычаев, данное Тацитом, или заметки Аммиана Марцеллина о разных типах варваров»¹⁶⁷. Вся эта литература – лишь набор общих мест и шаблонов, за которыми распознать реальность невозможно.

Опыт рассмотрения данных о вожде или правителе и его окружении в таком ключе в каком-то смысле поучителен, но автор этих строк исходит из «традиционной» точки зрения, утверждающей, что памятники литературы и историографии стоят в тесной связи с историческими условиями, в которых они были созданы, и в той или иной мере, тем или иным образом отражают эти условия. Нет необходимости в данном случае специально защищать эту точку зрения, поскольку за последние десятилетия в исторической науке, в том числе и в медиевистике, уже накопилось немало примеров полемики между «постмодернистами» и «традиционалистами»¹⁶⁸. Отмечу только, что в самой польской историографии преобладают, в целом, всё-таки подходы, отличающиеся от идей П. Жмудзкого. В частности, К. Модзелевский на тех же приблизительно материалах – нарративные памятники XI–XIII вв. Центральной Европы – пришёл к заключению, что совсем не обязательно отказываться в исторической ценности свидетельствам «литературного» происхождения, если понять, во-первых, историко-культурный контекст их создания, а во-вторых, сравнить их с данными из источников другого рода, в том числе совершенно независимых (например, археологическими данными, юридическими памятниками, свидетельствами иностранцев, сохранившимися в другой культурной традиции и т. д.), или с аналогичными явлениями в других обществах и культурах¹⁶⁹. Разумеется, никто не будет сегодня отрицать роли литературных установок, наличия «бродячих топосов» и т. п. и защищать наивное использование свидетельств античных и средневековых писателей как «непосредственного отражения» действительности. Но надо отдавать себе отчёт в том, что пессимистично-безысходный нигилизм в оценке этих свидетельств ставит под вопрос сами гносеологические основы исторической науки¹⁷⁰.

¹⁶⁷ Ibidem, s. 460, 463, 464-465.

¹⁶⁸ См. опыт «постмодернистского» подхода на русском языке применительно к Древней Руси: Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009 (1-е изд. под заглавием: «Людь» и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв. Киев, 2007), и критическую рецензию на эту работу под характерным заглавием Лукин П. В. Деконструкция деконструкции. О книге Т. Л. Вилкул по истории древнерусского веча // *Scrinium*. Т. 4: *Patrologia Pacifica*. Selected papers presented to the Western Pacific Rim Patristics Society 3rd Annual Conference (Nagoya, Japan, September 29–October 1, 2006) and other patristic studies. Edited by V. Baranov and B. Lourié. СПб., 2008, с. 403-434. Ср. выше критику Р. Венкуса на статью Д. Тимпе.

¹⁶⁹ *Modzelewski K. Barbarzyńska Europa...*, главы I и II.

¹⁷⁰ Надо отметить, что такого рода нигилизм последовательно выразился лишь в указанной книге П. Жмудзкого. В более ранних работах он всё-таки не отказывался от возможности увидеть в нарративах реальность. Так, в статье 2005 г. интересный анализ известия Ибрагима ибн Якуба о «воинах» Мешка I не дал поводу Жмудзкому усомниться ни в «историчности» «военного объединения, организованного Мешком», ни в том, что оно на самом деле «функционировало согласно принципам, описанным

§ 3. Выводы

Как видно из обзора, одного общепринятого понятия или концепта дружины в современной историографии не существует, хотя попытки его разработать предпринимались. Одна из наиболее интересных и последовательных попыток такого рода состоялась в немецкой историографии середины XX в. в связи с отказом от взгляда, принятого в XIX в., на древнее «племенное» общество германцев как «демократию». Вместо «германской свободы» была выдвинута идея «господства знати». Вместе с пересмотром подходов *Verfassungsgeschichte* во второй половине XX в. были внесены определённые коррективы в эту идею, но в целом она сохраняет значение и в настоящее время. Для современной историографии характерны оценки в духе высказываний В. Рёзенера: «...знать и формы её господства (*seine Herrschaftsformen*) были в числе существенных структурных элементов общества старой Европы на протяжении более тысячи лет... Господство знати было больше чем просто система принуждения и эксплуатации; это был скорее строй господства (*Herrschaftsordnung*), который носил глубокий отпечаток патернализма и породил собственную культуру, находившую выражение в отличительных символических формах (*eine eigene Kultur mit vornehmlich symbolischen Ausdrucksformen*)»¹⁷¹.

Немецкие учёные, стоявшие у истоков модели «господства знати» – прежде всего В. Шлезингер и Р. Венкус – придавали большое значение дружине в этнических процессах и государствообразовании, но в их трактовке понятие расплылось. Добровольность и верность, по Шлезингеру, служба-поддержка с эмоциональной связью, по Венкусу – под эти критерии можно подвести практически любые взаимоотношения между людьми. Не случайно, довольно быстро было указано на «границы» понятия дружины. Как и со многими другими понятиями, – например, феодализма – выяснилось, что при расширительном его использовании в конце концов оно утрачивает конкретно-историческое содержание, а также инструментальную и познавательную ценность. Формы клиентельно-покровительственных отношений, подразумевающих добровольность и эмоциональную связь, известны в самых разных культурах от архаических до современных и могут очень разнообразны¹⁷². В этом спектре понятие дружины тонет и теряется.

Ибрагимом ибн Якубом» (*Żmudzki P. Mieszko I i amazonki. Wsplónoty wojownicze i normy życia rodzinnego w relacji Ibrahima ibn Jakuba // Tekst źródła – krytyka, interpretacja. Red. B. Trelińska. Warszawa, 2005, s. 126*). Ср. в книге: «подробности описания Мешковой дружины, рассмотренные вне [нарративной] структуры, которую они выстраивают, не имеют информативной ценности» (*Żmudzki P. Władca i wojownicy..., s. 385*).

¹⁷¹ *Rösener W. Adelsherrschaft als kulturhistorisches Phänomen. Paternalismus, Herrschaftssymbolik und Adelskritik // HZ. Bd. 268 (1999), S. 30-31*. Ср. также: *Werner K. F. Adel – „Mehrzweck-Elite“ vor der Moderne? // Werner K. F. Einheit der Geschichte. Studien zur Historiographie. Hrsg. von W. Paravicini. Sigmaringen, 1999, особенно стр. 132*. Ср. также статьи Т. Рейтера, особенно: *Reuter T. Nobles and Others: The Social and Cultural Expression of Power Relations in the Middle Ages // Nobles and Nobility in Medieval Europe. Concepts, Origins, Transformations. Ed. by A. J. Duggan. Woodbridge, 2000, p. 85-100*.

¹⁷² См., например, обзор такого рода отношений в разных культурах: *Eisenstadt S. N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge, 1984*.

Естественным на этом фоне выглядит скепсис в отношении понятия дружины. Роль дружины в становлении форм господства или государствообразовании теперь расценивается далеко не столь высоко, как раньше. Сегодня едва ли кто-то в западной историографии станет говорить о «дружинном государстве» (в каком бы то ни было смысле). Характерно, что в недавних объёмных сборниках работ авторитетных специалистов по раннему Средневековью на тему «Государство в раннее Средневековье» говорится о чём угодно, но только не о дружинах ¹⁷³.

Вместе с тем, в этом скепсисе явно ощущается некоторая предубеждённость. Многочисленные исследования, в том числе не только исторические, но и лингвистические, и даже отчасти археологические, всё-таки не дают повода сомневаться вообще в наличии в древней Европе неких групп, объединённых военной деятельностью и особыми целями и даже идеалами. Даже самые крайние «постмодернисты» признают, что эти группы не являются абстрактной выдумкой учёных Нового времени и что об их существовании свидетельствуют соответствующие представления в античной и средневековой литературе. Понимая это и опасаясь как бы «с водой не выкинуть и ребёнка», некоторые учёные пошли по пути более чёткого определения дружины. Оставить за этим понятием более узкое, зато более ясное и конкретное значение – такой подход позволяет сохранить за ним эвристическую ценность.

Однако формулировка этого «узкого» определения оказалась тоже делом нелёгким. Мнения учёных, решившихся на такие формулировки, расходятся (ср., например, определения дружины Г. Куна, К. Тимпе и Х. Ловмянского). Призывы дать определения, опираясь на самоидентификацию членов этих групп, к сожалению, едва ли помогут. В источниках раннего Средневековья, с которыми приходится иметь дело, самоидентификация людей либо вообще не отражается, либо в самой общей форме (вроде «мы от рода русского», как в договорах руси и греков X в.). Трудности во многом связаны с тем, что данные в нашем распоряжении отрывочны и слишком разнородного происхождения – из разных эпох, регионов и т. д.

Видимо, правы те учёные, кто не отвергают понятия «дружина», но уклоняются от точных определений и говорят об «объединениях дружинного типа», понимая под этим нечто близкое к тацитовскому описанию и имея в виду архаические общества. В основе этих объединений лежала бытовая близость вождя и членов группы между собой или «домашний союз», а целью их была военно-грабительская деятельность. Труднее понять и определить, как сочетались иерархические отношения, которые возникали внутри этих групп, с идеалами «товарищества». Некоторые подходы к решению этой проблемы кажутся интересными и эффективными (ср., например, модель *Vorrangesellschaft*, предложенную Р. Венкусом), но и они решают далеко не все трудности (ср. дискуссию об идеале смерти дружинника со своим вождём). Во всяком случае, эта дружина «в собственном (узком, научном) смысле слова» распадается или

¹⁷³ Staat im frühen Mittelalter. Hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006; Der frühmittelalterliche Staat – Europäische Perspektiven. Hrsg. von W. Pohl und V. Wieser. Wien, 2009.

кардинально перерождается тогда, когда размытые и неустойчивые иерархические отношения, ещё не подавившие уравнивательные принципы и представления, начинают укрепляться и стабилизироваться (и это соответствует развитию государственных структур, разделению сфер «публичного» и «частного» права и т. д.).

Антропологически ориентированные исследования, которым специально было уделено большое внимание в обзоре (работы Й. Базельманса и М. Энрайта), хорошо показывают, в каком контексте надо рассматривать архаические дружины – не развитых государственных форм, а архаических («примитивных», «первобытных») обществ. Эти модели, выстроенные с учётом материалов и достижений мировой этнологии (антропологии), акцентируют всеобщую связь членов дружины и дух коллективизма. Именно в том, что в дружине горизонтальные связи всё-таки не менее важны или даже важнее, чем иерархические (служебные), состоит разница между клиентами и дружинниками (ср. концепцию Г. Куна). Патрон–клиент – это иерархическая зависимость, и отношения выстраиваются скорее *tête-à-tête*, дружина – это «товарищеский» этос, и первостепенное значение имеют групповые отношения. Конечно, здесь могли возникать разного рода смешанные и переходные формы, но всё-таки надо их различать как разные явления и, соответственно, понятия.

Возникновение дружин приходится, как правило, на момент контакта относительно менее развитого общества с более «цивилизованным» и богатым соседом. Вместе с тем, эти элементарные архаические формы могут латентно, на уровне частного общения или в маргинальной среде, существовать и в развитых обществах и актуализироваться в разные моменты исторического развития. Так, в русской истории дружинные черты можно различить в казацких объединениях или бандитских «группировках», в том числе и в наше время. Но это всё маргинальные явления для обществ позднего Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Ориентируясь на тацитовское описание, надо в то же время осознавать, что в нём отразились отдельные реалии, но далеко не полностью и совсем не обязательно в том сочетании, как это было в действительности у разных народов Европы в раннее и высокое Средневековье. Сравнить эту ситуацию можно с другим соотношением: реальная система связей правителя, знати и разного рода служебных категорий населения в Средние века и та модель вассалитета, которую дали средневековые февдисты и на которую ориентируются учёные, рассуждая о феодализме. Эта модель, конечно, охватила многие реальные явления и помогает их обобщить и осмыслить, но всё-таки на самом деле эти явления были гораздо разнообразнее политико-юридических определений и постановлений (именно в этом и состоял пафос упоминавшейся выше работы С. Рейнолдс о «феодализме»). Как и всякие теоретические обобщения, модель Тацита может быть полезна, особенно для понимания того общества, к которому она относится, но только до некоторого предела – реальность оказывается всегда шире и многообразнее любых моделей.

Такая дружина (пусть и обозначенная только в общих чертах) – явление интернациональное, универсально-историческое, как подтверждают исследования этнологов¹⁷⁴. Конечно, было бы наивно видеть в ней предмет социально-культурного «импорта», какой выставляли древнерусскую дружину некоторые учёные (М. М. Погодин, М. Хельманн), указывая на присутствие скандинавов на Руси. И подкрепить этот взгляд не могут предположения о заимствовании самого славянского слова *дружина* из германских языков¹⁷⁵.

Эта «домашняя» дружина является элементарной общественной формой, которая может возникнуть независимо в разных местах на разных стадиях общественного развития. Исходить надо из того, что аналогии – вполне возможные, учитывая именно этот элементарный характер явления – обусловлены структурно, а не представляют результат заимствований. Заимствования, разумеется, тоже нельзя исключать, но для них должны быть приведены конкретные и ясные доказательства (лексические заимствования, определённые исторические обстоятельства с контактами и т. д.).

Очерченное таким образом понятие дружины «в узком (научном) смысле» заставляет крайне осторожно и внимательно подходить к древнерусским источникам, которые часто говорят о «дружине». Ведь эти упоминания относятся к относительно позднему времени, когда мы имеем дело уже с довольно сложными социальными и политическими (государственными) структурами и организационными механизмами. Между тем, дружина, как её предлагает понимать современная наука, представляя собой объединение «домашнего» или «товарищеского» характера, должна характеризоваться как явление архаичное, догосударственное – и в дальнейшем, употребляя слово *дружина* как научный термин, я буду иметь в виду именно это явление. Разрешить это противоречие, разобраться и попытаться осмыслить то, о чём говорит источник, в научных терминах и понятиях – задача следующих глав.

¹⁷⁴ См., например: *Hess H. Die Entstehung zentraler Herrschaftsinstanzen durch die Bildung klientelärer Gefolgschaft. Zur Diskussion um die Entstehung staatlich organisierter Gesellschaften // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Jg. 29 (1977), S. 762-778. Ср.: «дружина – универсально-исторический институт» (Дрэгер Л. Дружина // Свод этнографических понятий и терминов. [Вып. 1:] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986, с. 53).*

¹⁷⁵ Так, Д. Грин предполагал источник заимствования в древнегерманском **druhtiz* (см. обсуждение вопроса с библиографией: *Green D. H. Language and History...*, p. 108-112). Однако, предположения такого рода не подтверждаются лингвистами. Если какая-то связь и была, то она восходит к древним индоевропейским корням с самым общим значением – ‘вести-следовать’ (так у О. Н. Трубачёва: ЭССЯ. Вып. 5. М., 1978, с. 132) или ‘связывать-соединять’ (так у Ф. Славского: *Slawski F. Common Slavic drugъ and Its Derivatives (Methodological Observations) // Slawski F. Slavica: wybrane studia z językoznawstwa słowiańskiego. Wrocław, 1989, s. 61-64 (1-е изд.: 1982 г.)*). Военные коннотации в словах, образовавшихся от этих корней, у германцев и славян появляются относительно поздно и независимо друг от друга.

ГЛАВА III. ДРЕВНЕЕ СЛОВО *ДРУЖИНА*

Историки уже давно и неоднократно отмечали неопределённость и широту значений древнерусского слова *дружина*. Однако они старались выделить некое специфическое значение для указания на княжеских служилых людей¹. В начале XX в. М. А. Дьяконов писал: «в широком смысле дружиною называлось всякое большое или малое сообщество или товарищество. В этом смысле дружиною может быть названа совокупность населения». Но сразу он уточнял, что этим словом обозначалась и «княжеская дружина», которая представляла собой «совокупность ближайших сотрудников князя по делам государственного управления и домашнего хозяйства», и далее говорил только о ней².

Современные историки придерживаются в точности такого же подхода. Признавая в вводных замечаниях широту семантики этого слова, они, приступая к описанию социального строя и военно-политической организации Древней Руси, исходят из того, что в большинстве летописных известий *дружина* выступала, по словам И. Я. Фроянова, в «специфическом или, если можно так выразиться, техническом значении ближайшего окружения князя, его помощников и соратников на войне и в мирных делах»³. М. Б. Свердлов, хотя кардинально расходится с Фрояновым в оценках общественного строя Древней Руси, тоже в начале указывает на «два направления» в семантике слова – «социально нейтральные указания различных социальных коллективов и разные виды объединений княжеских служилых людей», – но затем говорит о дружине только как определённом «институте», а именно группе «служилых людей князя»⁴.

Такой же оговоркой об узком и широком значениях слова А. А. Горский начинает специальную работу о древнерусской дружине. Но характерным образом об узком значении слова историк более или менее подробно говорит лишь мельком в конце исследования и заключает, что в этом значении *дружиной* обозначалась «совокупность людей, близких князю», «в большинстве случаев, включая бояр», «реже» – исключая их⁵. «Совокупность людей, близких князю», причём то с боярами, а то без них – это весьма неопределённый круг лиц. О какой именно «близости» идёт речь, автор не поясняет. Между тем, автор убеждён, что древнерусское слово *дружина* было «термином», а заключает работу выводом, что дружина в Древней Руси представ-

¹ См., например: *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. III. [М., 1846], с. 219; т. VII. М., 1856, с. 61-68; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. 1 // *Он же.* Сочинения. Кн. I. М., 1988, с. 222; *Порай-Кошиц И. А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII в. 862-1796. СПб., 1874, с. 2-3; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 1. М., 2007, с. 610.

² *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005, с. 75-76.

³ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 66, 71.

⁴ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003, с. 262-264 и след., ср. с. 410-419, 531-540, 587-588 и др.

⁵ *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989, с. 80.

ляла собой «институт» или «организацию» «всего господствующего класса» и в то же время «корпорацию» княжеских «служилых людей»⁶. В итоге получается некий зазор или даже разрыв между семантикой древнего слова и научным понятием: автор признаёт, что даже в «узком» значении слово *дружина* указывало (да и то приблизительно) лишь на сферу занятости или проживания неких лиц («совокупность людей, близких князю»), а как научный термин он использует его во вполне определённом (можно сказать, социологическом) смысле для обозначения конкретной общественной группы и её институциональной организации.

Фактически происходит следующее. Учёные употребляют слово древнего языка, обращая внимание, собственно, только на одну сферу его применения – в отношении некоего окружения князя, – и не слишком задумываясь о том, что в этом отношении интерес их, современных историографов, совершенно совпадает с интересом летописцев–историографов древности. В то же время, как признаётся в литературе, эта сфера не только часто чётко не отделена от других областей применения слова, но и сама довольно широка и расплывчата – ведь князь имел самых разных «соратников» и «помощников», от видного боярина до какого-нибудь дворового или вотчинного холопа, которые в реальности могли не иметь между собой ничего общего. Однако, уже определив это семантическое «поле», историки хотят видеть здесь за словом *дружина* «техническое значение», которое указывает на определённый институт или социальную группу. Затем, как бы само собой (замечания о многозначности забываются), происходит обратный поворот мысли, который уже никак не оговаривается, – приняв за аксиому, что институт или группа существовала и обозначалась словом *дружина*, историки уже за каждым упоминанием этого слова в связи с князьями (а то и без них) принимают «по умолчанию» именно этот «терминологический» смысл.

Сомнения в правомерности такого подхода, высказанные некоторыми польскими историками, услышаны не были. Уже более полувека тому назад Т. Василевский совершенно справедливо указывал на то, что нельзя идти вслед словоупотреблению источников, а вначале «необходимо дать научное определение слову „дружина“»⁷. Позднее Х. Ловмянский отмечал, что интерпретации учёных, писавших о дружине в Древней Руси, «ограничены летописным понятием „дружина“», которое «непригодно» в качестве «критерия распознавания соответствующего института»⁸.

Однако, к сожалению, ни Т. Василевский, ни Х. Ловмянский не предприняли последовательного терминологического изучения ни летописных, ни других древнерусских источников, чтобы аргументировать свою позицию и выяснить, могло ли иметь древнее слово *дружина* хотя бы в каких-то отдельных случаях какое-либо «техническое» значение. О *дружине* писали А. С. Львов, Ф. П. Сороколетов и К. Р. Шмидт в специальных терминологических исследованиях, но их выводы строились

⁶ Там же, с. 82-83.

⁷ *Wasilewski T.* Studia nad składem społecznym wczesnośredniowiecznych sił zbrojnych na Rusi // *Studia wczesnośredniowieczne*. Т. IV. Wrocław-Warszawa, 1958, s. 305, ср. на стр. 387 в русском резюме.

⁸ *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. Т. IV. Warszawa, 1970, s. 171.

на выборочных примерах и опирались во многом на принятые в историографии суждения (подробнее см. ниже). Вместе с тем, эти работы поставили вопрос о семантике слова в контекст старо- и церковнославянских памятников, и это требует теперь дополнительного изучения.

В последние годы в русскоязычной историографии всё яснее чувствуется необходимость переосмысления ключевых понятий, которые используются современными учёными и которые употреблялись в изучаемых ими источниках. В этом отношении наша историография следует общей тенденции мировой науки, которую называют «историей понятий» или *linguistic turn* и о которой говорилось уже в главе II.

В русле этой тенденции следует оценивать недавнюю работу Т. Л. Вилкул, которая, занимаясь древнерусским вечем, коснулась и дружины. Можно понять её критику распространённого подхода, который видит в источниках прямое отражение действительности. Слова, понятия и выражения древних источников рассматриваются как последовательная и устоявшаяся терминология, указывающая на правовые нормы, политические институты и социальные структуры. Скептически оценивая такой подход, Вилкул отмечает многозначность слова *дружина* и подборкой многочисленных примеров показывает, что оно употреблялось в источниках по отношению к разным группам населения⁹. Справедливо исследовательница призывает учитывать и сложносоставной характер наших летописей – основного «поставщика» социальной лексики.

Однако автор в критике предшествующей историографии и в отрицании вообще какой-либо возможности разглядеть реальность прошлого заходит явно слишком далеко. Вилкул отказывается от каких-либо заключительных обобщений своих подборок упоминаний слова *дружина* в разных памятниках и летописях, но из отдельных её утверждений следует, что она вообще не видит в нём какое-либо реальное социальное содержание¹⁰. В её изложении слово расплывается совершенно и становится бесконечно полисемантическим, указывая просто на «любые виды социальных групп»¹¹. Между тем, даже поверхностно ознакомившись с древнерусскими источниками и словарями древнерусского языка, легко убедиться, что слово *дружина* имело всё-таки определённые значения (пусть и не одно, а несколько, пусть и не очень точные и кон-

⁹ Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009, с. 72–88.

¹⁰ Так, Т. Л. Вилкул соглашается с мнением, что словом ‘дружина’ могли называть «любые виды социальных групп» – «как насельников монастыря, так и банду разбойников» (Там же, с. 72); тут же она замечает, что проследить эволюцию значений слова в старославянских и древнерусских памятниках практически невозможно (с. 73); далее указывается на летописные формулы с этим словом, на то, что «частое использование его в летописных повестях XII в. не является показателем реального функционирования» (с. 87; о функционировании чего и где идёт речь, остаётся неясно) и что летописная терминология вообще «отражает не сложность социальных процессов, а сложную картину редактирования» (с. 83)

¹¹ Там же, с. 72. При этом, правда, странным образом Вилкул продолжает называть слово *дружина* «термином». Но ведь если говорить о слове как термине, то надо видеть в нём узкое и точное (терминологическое) значение – а именно в этом историк и отказывает *дружине*.

кретные), а преимущественно было связано именно с князьями и военным контекстом, по крайней мере, в летописях.

Вилкул всё время настойчиво подчёркивает, что то или иное слово или тот или иной термин имел общеславянское или заимствованное происхождение и употреблялся помимо летописей и документальных источников ещё в литературе, особенно переводной. Действительно, во многих терминологических работах на это обращалось недостаточное внимание, а летописи воспринимались не как явления литературного процесса, а словно прямое отражение устной речи. И, в самом деле, словоупотребление отдельных авторов могло быть обусловлено в значительной мере литературными установками, а не общепринятым узусом. Но это не значит, что самого этого узуса не существовало и что нам не суждено определить его хотя бы в общих чертах. Впадая в «постмодернистский» пессимизм, Вилкул уже не считает нужным заниматься обычной «черновой» работой историка. Главное, чего она не делает и отсутствие чего ставит под сомнение все её выводы, – это простой анализ словоупотребления в каждом конкретном тексте с учётом его сохранности, происхождения, бытования, цели и смысла. Вместо этого предлагаются длинные списки упоминаний того или иного слова, встреченных автором в разнородных источниках, и обрывочные пояснения, смысл которых в конечном счёте сводится к одному – убедить читателя в том, что на самом деле всё это не имеет значения.

Таким образом, вопрос, который ставит исследование в этой главе, формулируется следующим образом: имело ли древнее слово *дружина* какое-либо узкое значение, которое можно понимать терминологически и использовать для научных определений?

Для выработки научного понятия необходимо, помимо учёта предложенных подходов и пониманий в историографии (этому посвящена глава II), разобраться в исходных значениях слова в древних источниках. Методика, которая применяется в настоящей работе, основана именно на изучении значений слова в каждом отдельном случае в конкретном контексте. Семантика слова *дружина* исследуется сначала по упоминаниям в старо- и церковнославянских текстах, а затем по древнейшим данным древнерусского летописания. В работе не только предпринимается последовательный анализ всех древнейших упоминаний слова *дружина*, но кроме того, впервые делается попытка провести этот анализ с учётом результатов текстологического изучения древнерусских летописей.

§ 1. *Дружина* в древнейших славянских памятниках

Большим пробелом в существующих терминологических исследованиях является «предыстория» тех или иных древнерусских слов в старо- или церковнославянской литературе, которая стала общим наследием многих славянских народов. И это в полной мере применимо к слову *дружина*. Сам факт, что оно было известно в глубокой древности, начиная с кирилло-мефодиевских текстов, и в других славянских язы-

ках, помимо древнерусского, стал уже давно очевиден и зафиксирован в трудах по лексикографии. Однако, каким образом соотносится употребление слова в этих языках, – вопрос, который, если и затрагивается, то мельком, и практически только в работах филологов, но не историков.

Высказывались только суждения общего характера, например, что слово должно было эволюционировать в семантическом содержании: от древнейшего значения с широким смыслом к более узкому и специальному. Так, по мнению Ф. П. Сороколетова, поддержанному А. С. Львовым, общеславянским и первоначальным было значение ‘товарищи, спутники’, «но в военном значении, в значении ‘приближенное к князю постоянное войско’ (и во вторичных военных значениях) термин дружина является принадлежностью только древнерусского языка»¹². Такого рода рассуждения внешне выглядят логично, но действительные показания источников далеко не всегда столь однозначны. Например, в древнейших пластах летописи (а на древнерусском летописном материале, главным образом, указанные авторы и работают) все значения (и «общеславянское», и «военные») присутствуют вместе, и нельзя установить, какое из них первоначально. Возможно, эта эволюция применима к материалам старо- и церковнославянским, но такого рода проверки ещё не производилось, авторы опираются лишь на отдельные примеры, не замечая те из них, которые не подтверждают теорию. Неслучайно при этой неопределённости было недавно высказано мнение, которое, противореча приведённому, предполагает глубокую древность (восходящую чуть не к праславянскому единству) значения ‘объединение служилых людей’ за словом *дружина*¹³.

Моя задача состоит в том, чтобы проверить, насколько подтверждаются эти суждения, уточнить, дополнить и, возможно, пересмотреть их. В центре стоит исследование происхождения и эволюции слова *дружина* в общеславянском контексте. Значения этого слова надо фиксировать и оценивать с учётом сфер его распространения как в литературе, так и в живом языке, потому что, очевидно, в условиях использования церковнославянской письменности в разных странах и в разные периоды эти сферы могли существенно расходиться.

Особого внимания заслуживает вопрос о связи слов *друг* и *дружина*. В исторических трудах весьма распространено, едва ли не общепризнано мнение, что первое из них употреблялось с древнейшего времени в смысле ‘дружинник–член дружины как военного объединения при князе’. В поддержку этого мнения ссылаются на пару примеров из церковнославянских текстов и на очевидную этимологию слова *дружина*

¹² Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). М., 2009 (1-е изд.: 1970 г.), с. 75; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 16, 281.

¹³ Горский А. А. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. М., 1999, с. 180–189; Горский А. А. Древнерусская дружинная терминология в свете международных связей Руси // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Матеріали міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів—Шестовиця, 20–23 липня 2006 р.). Чернігів, 2006, с. 53–56.

– от слова *друг*¹⁴. Между тем, при этом как-то забывается, что древнейшее наиболее распространённое значение слова *дружина* как ‘товарищи, спутники’ связано со словом *друг* в смысле ‘приятель, товарищ’ – то есть дружина является, собственно, друзьями/ приятелями¹⁵. Значения ‘военное объединение’ за словом *дружина* и ‘воин-дружинник’ за словом *друг* можно, допустим, в том или ином случае предполагать, но для того, чтобы считать их древнейшими, нужно выдвигать какие-то очень веские доводы, потому что само по себе (с точки зрения этимологии и словообразования) это совсем не естественно и не логично. По законам словообразования естественно такое развитие: *друг* в значении ‘приятель, товарищ’ > *дружина* как ‘объединение, группа приятелей’ > *дружина* как какая-то особая (в том или ином отношении) группа > *дружинник* как член такой группы. А такая эволюция выглядит неестественной и даже просто невозможной: *друг* в значении ‘приятель, товарищ’ > *дружина* как ‘объединение, группа приятелей’ > *дружина* как какая-то особая (в том или ином отношении) группа > *друг* как член такой группы. Итак, предстоит рассмотреть и примеры употребления слова *друг*.

Методика исследования предлагается следующая. Значение слова выявляется прежде всего по контексту его употребления, а также – в случае, если речь идёт о переводном произведении и доступен в той или иной форме оригинальный текст, с которого был выполнен перевод, – в зависимости от параллели в этом оригинале. Большое значение для прояснения первоначального употребления слова имеет история текста, в котором оно использовано. Текстология разных памятников старо- и церковнославянской письменности разработана в разной степени; её результаты учитываются во всех случаях, когда это возможно. Исходной для анализа была подборка упоминаний лексики *дружина* в старославянских памятниках, предложенная в соответствующей словарной статье чехословацкого «Slovníku jazyka staroslověnského» («Словаря старославянского языка»). Необходимо, однако, учитывать, что эта подборка отражает отнюдь не полностью корпус старославянских текстов (что бы не понималось под этим выражением). Словарь включил материал «памятников, принадлежащих к так называемому канону классических текстов (имеются в виду древнейшие славянские рукописи X–XI вв. – П. С.), далее библейских, литургических, агиографических, гомилетических, правовых и т. п. текстов, возникших в первый период переводческой деятельности славянских апостолов и их учеников..., и так называе-

¹⁴ С точки зрения словообразования дружина в качестве собирательного существительного выглядит вполне естественно (от «другъ» путём присоединения суффикса *-ина*) – см: Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имён существительных в русском языке. М., 1975, с. 57 и след. Ср. также: Львов А. С. Ук. соч., с. 281.

¹⁵ Ввиду дальнейших изысканий следует заметить, что старославянское слово *дрѹгъ* в качестве существительного имело значение ‘приятель, товарищ’, а в качестве местоимения – ‘второй, следующий’ (отсюда современное *другой*). «Праслав[янское] **drugъ* ‘приятель, товарищ’ и ‘иной, другой; второй, следующий’», является «единым этимологически» и восходит к очень древним корням (ЭССЯ. Вып. 5. М., 1978, с. 132, статья «**drugъ(ь)*»); ср.: Słownik prasłowiański. Pod red. F. Sławskiego. T. 4. Wrocław etc., 1981, s. 269–271). К каким именно корням – по этому поводу выдвигались разные предположения, см. выше в главе II.

мых чешско-церковнославянских текстов»¹⁶. Наиболее существенное ограничение словаря в том, что в нём не отражены древнеболгарские тексты, не сохранившиеся в древних рукописях, но созданные в начальный период существования славянской литературы. Правда, характер употребления слова *дружина* в этих текстах в общих чертах довольно ясно вырисовывается из совокупности тех примеров, которые приведены в словаре, и некоторых дополнительно привлечённых данных. В то же время отбор источников, произведённый составителями, позволяет более тщательно проследить употребление в текстах моравско-чешского происхождения. Особенно важны произведения на славянском языке, созданные в X–XI вв. в Чехии, где бытование и семантическая эволюция слова представляет больше всего проблем, но и наибольший интерес с исторической точки зрения. Среди этих произведений значительное место занимают переводы с латыни. Надо оговориться, что даже при максимально возможном расширении круга памятников по сравнению с теми, которые были отобраны для «Словаря», нельзя претендовать на исчерпывающий учёт всех упоминаний в текстах ни кирилло-мефодиевских, ни моравско-чешских (не говоря о болгарских). Тому есть две причины: во-первых, на сегодняшний день корпус этих текстов определён далеко не окончательно и однозначно, во-вторых, лексический состав не всех из них обработан с должной полнотой и тщательностью. В том или ином конкретном случае эти обстоятельства могут иметь значение, и на них обращается внимание.

1.1. Тексты кирилло-мефодиевского круга

Из текстов кирилло-мефодиевского круга важнейшими являются жития славянских первоучителей. Житие Константина-Кирилла было написано вскоре после его смерти (869 г.), скорее всего Мефодием при участии учеников братьев. Житие Мефодия написал также вскоре после его смерти (885 г.) кто-то из его непосредственных учеников; тогда же, по-видимому, было подвергнуто некоторой редакции Житие Константина, которое и дошло до нас в таком отредактированном виде¹⁷.

Дружина упоминается однажды в Житии Константина в рассказе о его хазарской миссии. Одним из эпизодов этой миссии было нападение венгров на Константина, прибывшего в Херсонес. Венгры двигались, видимо, с востока вдоль черноморского побережья в Центральную Европу. Из повествования, правда, не совсем ясно, когда и где точно произошла эта встреча: то ли во время одной из отлучек миссионера из Херсонеса (где он пребывал довольно длительное время) для того, чтобы защитить от хазарского нападения некий христианский город, то ли уже после того, как он окончательно покинул греческую колонию и направился собственно в Хазарский каганат. Как бы ни понимать это место, ясно, что Философ двигался самостоятельно (сказано, что он «възврати ся въ свои путь») и перед угрозой со стороны венгров ока-

¹⁶ ССЯ. Т. 1. СПб., 2006 (1-е изд.: 1958 г.), с. XI («Введение» Й. Курца).

¹⁷ См. изложение итогов исследования памятников на конец 1970-х гг.: Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2000 (1-е изд.: М., 1981), с. 82 и след.

зался беззащитен. Житие сообщает, что сначала венгры были настроены враждебно и даже хотели убить Философа, но потом «по божию повелѣнью укротѣша» и «отпустиша ѿ съ вѣсею дружиною»¹⁸.

Кто составлял эту «всю дружину»? Вероятнее всего, – вне зависимости от определения того, когда и где именно произошло нападение, – Константин был в сопровождении членов того посольства, которое, согласно Житию, он возглавил по поручению византийского императора. По Житию, посольство направлялось в Хазарию с миссионерскими целями. Современные историки считают, что посольство состоялось в 861 г. и имело также политические цели¹⁹. В начале рассказа о хазарском путешествии приведён разговор императора и Константина, из которого следует, что последний был снаряжён «честно съ цесарскою помощию». Этими словами подчёркивался официальный характер миссии Философа. Потом упоминается ещё, что Константина в путешествии сопровождал его брат (об этом говорится и в Житии Мефодия). Вероятно, в посольстве участвовал ученик Мефодия Климент, который, согласно его житию, всегда, ещё и в византийский период деятельности братьев, сопутствовал своему учителю²⁰. Очевидно, под *дружиной* имелись в виду члены посольства, их помощники и слуги, может быть, также какие-то люди – охрана и/или проводники, – предоставленные Константину как императорскому посланнику византийской администрацией Херсонеса. Наличие вооружённых людей в составе посольства теоретически следует предполагать, но всё-таки в целом оно не должно было носить характер военного отряда, и неслучайно, что в Житии ничего не говорится о попытках оказать сопротивление венграм.

Переводчики Жития Константина на современный русский язык передают слова «съ всею дружиною» как «со всеми сопровождающими» или «со всеми спутниками»²¹. Такое понимание «дружины» Константина и Мефодия вполне подходит по контексту. Не менее важно также, что значение ‘спутники’ фиксируется за словом и в переводных памятниках, которые восходят к творчеству солунских братьев и их непосредственных учеников.

В ряду примеров из переводных произведений сошлюсь прежде всего на один случай использования слова в переводе Евангелия. В Евангелии от Луки (II, 44) рас-

¹⁸ Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности (=Труды славянской комиссии АН СССР. Т. I). Л., 1930, с. 12–13. Ср. то же по новгородскому списку, который ныне признаётся как будто за более близкий первоначальному тексту: Житие Константина-Кирилла. Подготовка текста и перевод Л. В. Мошковой и А. А. Турилова, комментарии Б. Н. Флори // БЛДР. Т. 2. СПб., 1999, с. 36, 493.

¹⁹ О византийско-хазарских отношениях и миссии солунских братьев см.: *Dvornik F. Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Prague, 1933, p. 176 et seq.*; *Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 324–335.* Ср. также исторический комментарий к Житию: *Флоря Б. Н. Ук. соч., с. 221–222, 228.*

²⁰ Пространное Житие Климента Охридского. Введение и перевод С. А. Иванова, комментарии С. А. Иванова и Б. Н. Флори // *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2004, с. 200-201.*

²¹ *Флоря Б. Н. Ук. соч., с. 150; Житие Константина-Кирилла..., с. 37.*

сказывается об одном эпизоде из отрочества Иисуса. Иисус с родителями ходил каждый год в Иерусалим на Пасху. В один год случилось так, что когда после праздника они стали отправляться из Иерусалима домой в Назарет, родители разлучились с Иисусом. Иосиф с Марией ушли из города и «думали, что Он идет с другими», а на самом деле отрок Иисус остался в Иерусалиме. Фраза, процитированная по синодальному переводу, в греческом оригинале выглядит так: νομίσαντες δὲ αὐτὸν εἶναι ἐν τῇ συνοδίᾳ. Славянский перевод Кирилла и Мефодия даёт: **мьнѣвъша же ѿ въ дружинѣ сжштѣ**²². Практически так же передаётся фраза в евангелии апракос, например, в Остромировом: **мьнѣвъша же ѿ въ дружинѣ сжщѣ**²³. Перевод в данном случае почти дословный. Греческое слово συνοδία, переведённое как *дружина*, обозначает ‘спутники, сопровождение’. Смысл старославянского слова, таким образом, здесь совпадает с тем, в каком оно употреблено в жизнеописании Константина Кирилла.

В таком же смысле слово часто выступает в месяцесловах евангелий и апостолов в заголовках при указании празднования памяти тех или иных святых. Оно используется для обозначения группы святых, которые прославились (обычно как мученики) с каким-то одним выдающимся святым (или с несколькими такими), но в отличие от него не называются по имени: например, память св. Калистрата и «дружины его»²⁴, страсть свв. Алфею, Александру, Зосиме «и дружинѣ ихъ»²⁵ и т. п. Это выражение соответствует греческим συνοδία или οἱ σὺν αὐτῷ в византийских месяцесловах. Очевидно, значение слова дружина здесь самое общее, близкое к ‘спутники, сподвижники’ и т. п. и даже просто ‘другие, прочие’. Об этом говорит и лексическая вариативность: так, в Слепченском апостоле указана память св. Акиндина «и дружины его», а в Охридском – «и инѣхъ», в то время как в греческом здесь: καὶ τῶν σὺν αὐτῷ²⁶. Однажды слово употребляется в Синайском евхологии (содержащем тексты

²² Ягич И. В. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883, с. 200 (л. 83). Ср. то же в Зографском: Quattuor evangeliorum. Codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Ed. V. Jagić. Berolini, 1879, p. 85. Согласно новейшей гипотезе, первым Кирилл и Мефодий перевели именно евангелие тетр (а не апракос): Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999, с. 149–150.

²³ Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А. Х. Востокова. М., 2007, л. 256об. Ср. практически то же в Савиной книге: Савина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Подготовили О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. Ч. 1. М., 1999, с. 619 (л. 144об.). В апракосах это место из Евангелии от Луки находится в месяцесловной части в январских чтениях (на Обрезание).

²⁴ См., например: Остромирово евангелие..., л. 226; Ильинский Г. А. **Слѣпченскій апостолъ XII вѣка**. М., 1912, с. 94.

²⁵ Кульбакин С. М. Охридская рукопись Апостола конца XII века. София, 1907, с. 95. Здесь же целый ряд подобных примеров. Календарь в этой рукописи моравского происхождения, с явным латинским влиянием.

²⁶ См. подбор вариантов этой памяти и из других рукописей в словарной статье «*дружина*»: ССЯ. Т. 1, с. 519.

великоморавского происхождения) в том же значении: «Освѣщеи Павла ап(осто)ла твоего на пути по срѣдѣ дружины его»²⁷.

Очевидно, со словом *дружина* в текстах кирилло-мефодиевского круга проблем не возникает – за ним фиксируется одно устойчивое значение²⁸. Несколько сложнее дело обстоит со словом *друг*, в котором многие историки хотят видеть определённый социальный смысл, а именно – член дружины как военного объединения под властью (предводительством) князя. Посмотрим, насколько оправдан такой взгляд.

Наиболее известный пример, на который часто ссылаются, – это упоминание некоего «друга» в Житии Мефодия. Агиограф, прерывая рассказ о деятельности своего героя в Моравии в качестве архиепископа (после 873 г., как выясняется из сопоставления Жития с данными других источников), сообщает о его пророческом даре и приводит три примера сбывшихся предсказаний (эти сообщения выделяются в современных публикациях в отдельную главу под номером XI). Этот раздел начинается словами: «Бѣ же и пр(о)рочьска бл(а)г(о)дать въ немь...» Далее рассказывается о предсказании Мефодием насильственного крещения некоего языческого князя, затем об обещании победы над врагами, которое святой дал моравскому князю Святополку, если тот посетит «мъшю», то есть мессу (литургию). В третьем случае речь идёт о неканоническом браке, которому противодействовал Мефодий. Начало такое: «Етерь другъ богатъ зѣло и съвѣтъникъ оженися купетрою своею рекъше ятръвью» (то есть: женился на куме). В следующей фразе говорится, что Мефодий, «много казавъ и учивъ и утѣшавъ», не мог «развести» мужа и жену, потому что тех поддерживали представители немецкого духовенства «имѣния ради». Заканчивается рассказ сообщением о внезапной «напасти», обрушившейся на супругов, которая толкуется как божественное наказание за отступление от правил церковного брака²⁹.

Вопрос состоит в том, кто был тот человек, который – противно канонам – женился на своей куме, и даже точнее: как интерпретировать слово *друг* во фразе, начинающей рассказ о третьем предсказании Мефодия. В литературе существует мнение, что это слово употреблено в данном случае в «техническом» смысле как обозначение

²⁷ Frček J. Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction français // Patrologia Orientalis. T. XXIV, fascicule 5. Paris, 1933, p. 728-729 (молитва над теряющим зрение; греческий оригинал неизвестен). Любопытно, что этот же пассаж далее в той же молитве повторяется в немного другом виде и с заменой слова *дружина*: «и прикрывъ очи его по срѣдѣ братрия его». Таким образом, синонимом слова *дружина* выступает слово *братрие*. В московском словаре (Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994, с. 197), видимо, вслед пражскому «Slovníku», указывается, что слово содержится ещё в Рыльских листках (сохранивших отрывки Паренесиса Ефрема Сирина), однако это указание ошибочно – на самом деле слово в этом памятнике не упоминается, см. издание со словоуказателем: Гошев И. Рилски глаголически листове. София, 1956.

²⁸ Ср.: Львов А. С. Ук. соч., с. 280.

²⁹ Лавров П. А. Ук. соч., с. 75–76. Житие Мефодия опубликовано по древнейшему списку из знаменитого Успенского сборника XII в. с вариантами (очень незначительными) по более поздним спискам.

члена княжеской дружины – ‘дружинник’. Впервые это мнение высказал мельком А. Вайан. Он перевёл фразу так: «un certain ami, un conseiller très riche, épousa sa commère», сопроводив её комментарием: «**ДРОУГЪ** doit avoir ici le sens spécial de **ДРОУЖИНИКЪ**, ‘membre de la *družina*’; la *Vie de Méthode* est traduite du grec, et **ДРОУГЪ** rend ἐταῖρος au sens de ‘membre de l’ἐταιρεία’. Les conseillers du prince étaient choisis dans la *družina*»³⁰. Опираясь на мнение французского лингвиста, такой перевод фразе даёт Б. Н. Флоря: «Некто из дружины, очень богатый и советник (князя), женился на своей куме...»³¹ Похожий перевод предлагает Й. Вашица: «jeden člen knížecí družiny, velký boháč a rádce...»³² Так же понимает дело М. Б. Свердлов, а А. А. Горский уже без ссылок утверждает, что «единственное число от понятия дружина – друг» «встречается в великоморавском памятнике», то есть в Житии Мефодия³³. В чешской историографии также утвердилось понимание «друга» в житии как «дружинника»³⁴.

Однако, бесспорным мнение А. Вайана назвать никак нельзя. Во всяком случае, сколько-нибудь веских аргументов он не привёл. Замечание о греческом соответствии аргументом считать нельзя, поскольку сама мысль о том, что Житие Мефодия якобы было переводом с греческого, не обоснована³⁵, и догадка о греческой параллели данному конкретному слову является чистой абстракцией. Указание на слово **ДРОУЖИНИКЪ** является просто недоразумением: судя по написанию, Вайан имел в виду старославянское слово, но на самом деле такого слова в старославянском языке не зафиксировано. Слово *дружинник* известно только в русском языке с начала XVI в., причём в XVI–XVII вв. в значениях ‘помощник или наёмный работник в вотчин-

³⁰ «**ДРОУГЪ** должно иметь здесь специальный смысл **ДРОУЖИНИКЪ**, ‘член дружины’; Житие Мефодия переведено с греческого, и **ДРОУГЪ** передаёт ἐταῖρος в смысле ‘член ἐταιρεία’. Советники князя выбирались в *дружину*»: Vaillant A. Une homélie de Méthode // RÉS. T. 23. Fascicules 1-4. Paris, 1947, p. 41.

³¹ Флоря Б. Н. Ук. соч., с. 191 (перевод), 315 (ссылка на работу Вайана в комментарии). Перевод, кстати, неточен. Если принимать толкование Вайана, то надо переводить именно «некий дружинник», – о «дружине» как таковой речь не идёт.

³² Vašica J. Literární památky epochy velkomoravské, 863–885. Praha, 1996 (1-е изд.: 1965 г.), s. 285.

³³ Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997, с. 93; Горский А. А. Древнерусская дружинная терминология..., с. 53.

³⁴ Ср., например: Havlík L. Morava v 9.-10. století. K problematice politického postavení, sociální a vládní struktury a organizace. Praha, 1978, s. 68, 79; Idem. Slovanské státní útvary raného středověku. Praha, 1987, s. 75, 180.

³⁵ Мысль о том, что оба «паннонских жития» являются переводом греческого оригинала, высказывалась ещё в XIX в., в частности, А. Д. Вороновым. Его аргументация подверглась критике П. А. Лавровым, доводы которого развил В. Погорелов, см.: Погорелов В. На каком языке были написаны так называемые Паннонские жития? // BSl. Ročník IV. Praha, 1932, s. 13–21. Позднее к этой мысли возвращались некоторые учёные, но лингвистические исследования Н. ван Вейка (о Житии Константина) и Х. Бирнбаума (о Житии Мефодия) убедительно показали, что жития были составлены изначально на славянском языке (хотя, конечно, отдельные грецизмы и переводные тексты в них присутствуют), см.: van Wijk N. Zur sprachlichen und stilistischen Würdigung der Vita Constantini // Südost-Forschungen. Bd. 6. München, 1941, S. 74–102, bes. 96–98; Birnbaum H. Zur Sprache der Methodvita // Cyrillo-methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863–1963. Hrsg. von M. Hellmann, R. Olesch, B. Stasiewski, F. Zagiba. Köln–Graz, 1964, S. 328–361.

ном хозяйстве»³⁶, а значение «член (княжеской) дружины» – плод научного творчества XIX в. (как немецкое *Gefolgschaft*)³⁷.

Сколько-то серьёзно сомотрится лишь «исторический» довод Вайана: о «советнике» князя можно, действительно, предположить, что он входил в дружину в смысле объединения людей, служащих на тех или иных условиях князю. Однако, этот довод может иметь силу, только если допустить, что такие объединения в самом деле существовали у моравян в конце IX в. и что в данном случае в самом деле речь идёт именно о княжеском советнике. Возможны ли эти допущения?

Большинство историков предполагает существование дружин у моравских князей, хотя они сталкиваются по крайней мере с двумя сложными проблемами: что понимать под дружиной и как интерпретировать те скудные, разрозненные и смутные данные (большой частью иностранных писателей на не-славянских языках) о славянских обществах IX–X вв., которые мы имеем³⁸. Не углубляясь в эти проблемы, разумно будет, исходя хотя бы из типологических аналогий, допустить, что какие-то военно-дружинные объединения славяне знали. Другое дело, что совершенно не обязательно принимать как аксиому, во-первых, что «советники» непременно должны были входить в эти объединения, и во-вторых, что эти объединения должны были непременно называться дружинами, а их члены – друзьями.

«Советник», конечно, имелся в виду именно Святополков. Во всех примерах пророческих предсказаний Мефодия речь идёт о том времени, когда тот жил в Моравии, где трудно предположить каких-то иных советников, кроме советников князя. Во втором примере пророчества Мефодия собственно и упоминается моравский князь Святополк. Из рассказа о неканоническом браке ясно следует, что этот «советник» был хорошо знаком Мефодию, причём, вероятно, на протяжении более или менее длительного времени. Поскольку по поводу брака развернулась борьба с немецким духовенством, очевидно, что речь идёт именно о Моравии³⁹. Само слово *советник* нередко употребляется в кирилло-мефодиевских текстах. Как **свѣтъникъ** обычно

³⁶ СРЯ. Вып. 4. М., 1977, с. 363–364. Ср.: *Сороколетов Ф. П.* Ук. соч., с. 68–69.

³⁷ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 7. СПб., 1992, с. 17–18.

³⁸ Ср., например: *Lowmiański H.* Op. cit., s. 150 et seq.; *Třeštík D.* Počátky Přemyslovců. Vstup čechů do dějin (530–935). Praha, 1997, s. 287–296; *Горский А. А.* Славянское расселение..., с. 180–183. Характерно, что каждый из названных исследователей придерживается своего особенного понимания дружины и, естественно, допускает те или иные отличия в интерпретации конкретных данных по истории Великой Моравии. Ловмянский говорит о «классической» дружине («домашней», тацитовского типа), Тржештик – о «большой дружине», Горский – об объединении всех «служилых людей князя» (ср. в главе II).

³⁹ На таком понимании текста основано сопоставление этого места «Жития» с одним пассажем в так называемой «Анонимной гомилии» Клоцова сборника, авторство которой Й. Вашица убедительно атрибутировал Мефодию. Автор «Гомилии», то есть Мефодий, как раз специально обращает внимание на неканоничность браков с кумами, давая понять, что кто-то из заключивших такого рода брак пользуется поддержкой князя. Очевидно, речь шла о Святополке и представителях моравской знати – вероятно, прежде всего том самом «советнике», о котором говорит Житие. См.: *Вашица Й.* Кирилло-Мефодиевские юридические памятники // Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М., 1963, с. 21–27; *Флоря Б. Н.* Ук. соч., с. 315–316.

переводилось греческое *σύμβουλος* или *βουλευτής*⁴⁰. В частности, в Житии Константина в рассказе о хазарской миссии несколько раз упоминается «первый советник» хазарского кагана, причём всегда без пояснения «его» или «кагана»⁴¹.

Но если даже признать, что речь идёт о «советнике» моравского князя – очевидно, Святополка – из этого отнюдь не следует, как уже было сказано, что этот «советник» должен был входить в «дружину» Святополка (даже если таковая существовала). Правильнее было бы не гадать о каких-то в о з м о ж н ы х смыслах слова *другъ* в данном случае, а исходить из двух его значений, многократно зафиксированных словарями: 1) ‘товарищ, приятель’ и 2) в качестве местоимения – ‘другой’.

Если мы принимаем первое значение, можно думать, что после слов «етерь другъ» просто пропущено указание, ч е й это был приятель или товарищ. Именно в таком направлении размышлял, например, Ф. Миклошич – он считал, что после этих слов подразумевалось имя Святополка, о котором говорилось в предыдущем примере сбывшегося «прорицания» Мефодия⁴². Однако, можно также думать, что в том месте подразумевалось имя не Святополка, а самого Мефодия, и речь шла о человеке, с которым Мефодия связывали приятельские отношения. Сообщение о том, что этого человека архиепископ долго «наставлял» и «уговаривал», может как раз указывать на такие отношения. Пропуск имени Мефодия контекстом допускается: автор Жития Мефодия вообще редко упоминает имя своего героя, часто заменяя его местоимениями и опуская при глаголах (в главе XI славянский первоучитель по имени вообще не называется, так что переводчикам на русский язык приходится несколько раз вставлять в текст <Мефодий>, чтобы избежать смысловой путаницы).

Наконец, слово *дроугъ* в этом месте Жития можно понимать и как местоимение в значении ‘другой, следующий, ещё один’. Местоимение *етерьъ* (‘некий’) в старославянском языке часто употреблялось с другими местоимениями – например, *всьякъ етеръ, етеръ кѣто, етеръ кыи, инъ етеръ, етеръ чѣто* и т. п.⁴³ Известны сочетания его и с *дроугъ*. Так, в переводе с латыни (произведённом, вероятно, в Чехии или Хорватии в X–XI вв.) апокрифического «Евангелия Никодима» (так называемая Полная редакция) латинское *quidam alius* несколько раз передаётся как «други етеръ»⁴⁴. В такого рода сочетаниях возможны были вариации. Характерно, например, как в древнейших славянских Евангелиях передаётся одно место из Матф., XVIII, 12: *ἐὰν γένηται τι ἀνθρώπῳ*. Саввина книга: *аще вждетъ единому чл(овѣ)коу*, Маринское евангелие: *етероу чл(о)в(ѣ)коу*, Зографское: *етероу*, Ассеманиево: *оу етера*

⁴⁰ См.: ССЯ. Т. 4. СПб., 2006 (1-е изд.: 1997 г.), с. 245.

⁴¹ Лавров П. А. Ук. соч., с. 14, 23. В других памятниках «пръвыи съвѣтъникъ» передавало греч. *πρωτοσύμβουλος*.

⁴² *Vita Sancti Methodii russico-slovenice et latine*. Edidit Fr. Miklosich. Vindobonae, 1870, p. 18, 29.

⁴³ Подбор вариантов с примерами см. в словарной статье «етерьъ»: ССЯ. Т. 1, с. 584.

⁴⁴ *L'Évangile de Nicodème. Texte slave et texte latin*. Éd. André Vaillant. Genève–Paris, 1968, p. 20–23.

чл(овѣ)ка, и наконец Остромирово евангелие даёт: етероу другоуоумѣ
чл(о)в(ѣ)коу⁴⁵.

При этом понимании перевод словосочетания в Житии должен быть таков: «некий другой» с подразумеваемым далее «человек». Этот вариант, обоснованный с лингвистической точки зрения, вызывает меньше всего вопросов и с точки зрения смысла, поскольку снимается неясность, о чём друге идёт речь, и не приходится прибегать к сомнительной гипотезе о «дружинниках». Такое понимание этого места предлагали в своих переводах виднейший знаток кирилло-мефодиевской проблематики и старославянской литературы П. А. Лавров и – в недавнее время – О. А. Князевская⁴⁶. Оно представляется наиболее простым, логичным и убедительным.

Помимо этого сложного места Жития Мефодия в древнейших славянских текстах есть и другие упоминания слова *друг*, которые как будто могли бы свидетельствовать в пользу значения ‘дружинник, человек на службе князя’. Так, недавно А. А. Горский попытался подкрепить толкование этого места, предложенное А. Вайаном, обратив внимание на одно разночтение в редакциях «Закона Судного людем».

«Закон судный людем» – правовой памятник древнеморавского происхождения, который был составлен, как показывают современные исследования, скорее всего самим Мефодием⁴⁷. Текст «Закона» представляет собой перевод греческого юридического сборника «Эклоги» (VIII в.) и известен в трёх редакциях – Краткой, Пространной и Сводной. Установлено, что Краткая редакция (сохранившаяся в древнейших списках) наиболее близка оригиналу, Пространная является переработкой, принятой «на Руси не позже середины XIV в., предположительно в первой половине этого столетия», вероятно, в Новгороде или Пскове⁴⁸, а Сводная представляет собой ещё более позднюю компиляцию. Разночтение между Краткой и Пространной редакциями, подмеченное А. А. Горским, находится в 3-й главе «Закона», устанавливающей порядок дележа военной добычи.

Это установление выглядит в Краткой редакции (где глава названа «О полонѣ») так:

«...Та же б(ог)у дающе побѣду, шестую часть достоинъ взимати князю, а прочее все число взимати всѣмъ людемъ, в равную часть разделить великаго и малого, довлѣть бо жюпаномъ часть княжа и прибытокъ оброку людскому имъ. Аще ли

⁴⁵ Подбор вариантов к этой евангельской фразе см. в статье «кдинѣ»: ССЯ. Т. 4, с. 980.

⁴⁶ Перевод Лаврова: «некто другой, один богатый советник князя...» (Пространные или так называемые Паннонские жития святых Кирилла и Мефодия в переводе П. А. Лаврова // *Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад, 2005* (1-е изд. перевода Лаврова: 1898 г.), с. 309). Перевод Князевской: «Один человек, очень богатый, и советник <князя> женился на своей куме...» (Житие Мефодия. Подготовка текста и перевод О. А. Князевской, комментарии А. А. Алексеева // БЛДР. Т. 2. СПб., 1999, с. 77). К сожалению, ни Лавров, ни Князевская никак не обосновали свои варианты.

⁴⁷ См.: *Максимович К. А. Законъ суднын людемъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004*, с. 53-56.

⁴⁸ Закон Судный людем пространной и сводной редакций. Подготовили М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961, с. 21 (введение М. Н. Тихомирова «Пространные списки Закона Судного людем»).

обрящутс(я) етери от тѣхъ дързнувше, или кметици или простыхъ люди, подвигы и храборство сдѣявше, обрѣтаяся князь или воевода в то время от реченаго урока княжа да подаеть, яко и лѣпо, да подъемлетъ ихъ. По части, еже обрѣтающимся на брани бываетъ, и часть останущимъ на стану [тъ]»⁴⁹.

Текст, если его правильно разделить знаками препинания, не представляет больших трудностей для понимания и построен совершенно правильно, кроме одной ошибки в конце, где слова «на стану» каким-то переписчиком были поняты как глагол и к ним прибавлено окончание «тъ», превратившее «на стану» («в лагере») в «настануть» («настанут») и лишившее фразу смысла. Это просто случайная ошибка. Перевод на современный русский язык следующий:

«Когда бог даст победу, шестую часть (добычи) должен взять князь, а остальное берут все люди, разделив поровну между большим и малым, ибо жупаном⁵⁰ довольно и (того, что они получают из) части, которую берёт князь, и части от налогов, собираемых с людей. Если же найдутся некие из них, проявившие смелость – кмети⁵¹ или простые люди – (и) совершившие подвиги и храбрые деяния, князь или воевода, присутствующий (там) в то время, от указанной княжеской части пусть даст им, как (покажется) уместно, и пусть (тем самым) отличит их. В соответствии с частью, которая придёт на долю участвовавших в сражении, (дать) часть и тем, кто оставался в лагере»⁵².

Пространная редакция меняет заголовок («О бранѣхъ») и несколько меняет текст:

«...Б(ог)у дающему побѣду, плѣна же шестую часть достоить взимати кн(я)земь, и прочее число все всимъ людемъ в равну часть дѣлится от мала и до велика, достоить бо кн(я)земь часть кн(я)жа, а прибытокъ людем. Аще обрящеться етери и

⁴⁹ Цитирую по списку (древнейшему) Новгородской Кормчей: Закон Судный людем краткой редакцией. Подготовили М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961, с 36; ср. с. 105.

⁵⁰ Жупаны – знатные люди. В греческом оригинале стоит слово ἄρχων. Ср. комментарий к упоминанию жупанов Константином Багрянородным в главе V.

⁵¹ О происхождении, истории и значении слова *кметь* в славянских языках мнения специалистов расходятся, но очевидно, что в «Законе судном людем» это слово обозначало выдающихся воинов, богатырей, имевших, возможно, и повышенный социальный статус. См.: *Добродомов И. Г.* Ещё раз: *куряне сведоми кѣмети* «Слова о полку Игореве» // Вопросы языкознания. 1997. № 3, с. 53-62; *Bogucki A.* Termin “kmięć” w źródłach polskich XIII i XIV wieku // *Spółeczeństwo Polski Średniowiecznej. Zbiór studiów*. Т. VIII. Warszawa, 1999, s. 131-154; *Максимович К. А.* Ук. соч., с. 58-68.

⁵² Перевод сделан мной с учётом перевода на чешский язык Й. Вашицы: *ММФН*. Т. 4. Brno, 1971, s. 180-181. Здесь же см. реконструкцию первоначального текста и греческий оригинал. Надо сказать, автор старославянского «Закона судного людем» (то есть, вероятно, Мефодий) переводил греческий оригинал («Эклогу») довольно свободно, допуская те или иные отклонения от него. Например, Мефодий внёс предложение искать храбрецов в среде всех «людей», включая «простых». В греческом оригинале «Эклоги» храбрецы предполагаются не среди всего войска, а только среди «архонтов», то есть знатных (обозначенных в славянском переводе как «жупаны»): εἰ δὲ εὐρεθῶσι τινες ἐκ τῶν ἀρχόντων ἀνδρείως φερόμενοι, ὁ εὐρισκόμενος στρατηγός... и т. д. (см. также русский перевод «Эклоги»: *Эклога. Византийский законодательный свод VIII века*. Перевод Е. Э. Липшиц. М., 1965, с. 75). Таким образом, Мефодий не слепо копировал греческие законы, а адаптировал их к реалиям моравского общества конца IX в. Такой подход обнаруживается и в других местах «Закона». Ср.: *Максимович К. А.* Ук. соч., с. 43.

от тѣхъ друзей, или кмѣтищищъ или простыхъ людий, подвигъ и храборство сдѣять обрѣтаются(я), обрѣтаяся князь или воевода в то время от урочнаго урока кн(я)жа да подается, яко же лѣпо есть, да емлеться по части, иже обрѣтається на брани, да бываетъ часть и остають на стану, да бываетъ тако»⁵³.

Из сопоставления двух текстов совершенно очевидна испорченность того из них, который представляет Пространная редакция. Редактор то ли не понял, то ли не разобрал текст Краткой редакции, на который явно опирался, и попытался, внося собственную интерпретацию, сделать его более понятным, – однако это ему плохо удалось. Например, он заменил древнее слово, уже малопонятное на Руси в XIV в., *жупаны* на *князи*, но в результате получил тавтологию, так как о князьях уже было только что сказано. В результате этой правки также стало неясным, о каком «прибытке» идёт речь, и редактор упростил текст, предлагая понимать под «прибытком» то «число» людям, о котором сказано было выше. В конечном счёте пояснение про жупанов утратило первоначальный смысл и превратилось в бессодержательное повторение уже сказанного. Следующая фраза построена грамматически неправильно и даёт дважды повторы, обнаруживающие непонимание редактором текста: «обрѣтаются(я) обрѣтаяся» и затем «да бываетъ часть... да бываетъ тако». Из-за ошибок трудно понимаема первая часть фразы (до слов «лепо есть»), но вторая её часть (от слов «да емлеться по части...») просто лишена смысла, хотя очевидно, что автор Пространной редакции имел, по крайней мере, в одном месте более исправный текст, чем мы имеем сегодня в списках Краткой редакции, так как он дал правильное чтение последних слов: «на стану» (вместо «настануть»). Эта часть текста Пространной редакции «Закона Судного людем» ярко подтверждает общий вывод М. Н. Тихомирова, что Пространная редакция вторична по сравнению с Краткой и в содержательном плане «не имеет значения для истории болгарского или чешского права» (то есть не даёт сведений, которые помимо Краткой редакции можно было бы возвести к древнему чешскому или болгарскому оригиналу)⁵⁴.

Между тем, А. А. Горский, заметив, что вместо «от тѣхъ дързнувше» Краткой редакции в Пространной редакции читается «и от тѣхъ друзей», отдаёт предпочтение как более исправному и первоначальному (то есть восходящему к Мефодию) именно второму варианту и, ссылаясь на разобранный выше место в Житии Мефодия, утверждает, что «друг» здесь «может трактоваться только как обозначение члена дружины»⁵⁵. Думаю, что оценка Пространной редакции – в частности, и 3-й главы, где текст явно испорчен, – как вторичной по отношению к Краткой даёт уже более чем достаточное основание для того, чтобы признать чтение «и от тѣхъ друзей»

⁵³ Цитирую по древнейшему Пушкинскому списку: Закон Судный людем пространной и сводной редакций..., с. 33-34. Ср. в других списках: Там же, с. 58, 85-86.

⁵⁴ Закон Судный людем краткой редакции..., с. 21.

⁵⁵ Горский А. А. Славянское расселение..., с. 189.

позднейшей правкой, обусловленной не реальным словоупотреблением, а какими-то случайными обстоятельствами рукописно-книжной традиции.

Но даже если отвлечься от общей оценки соотношения редакций «Закона судного людем», всё-таки аргументы историка в пользу первоначальности этого чтения не выглядят убедительными. Таких аргументов у него два. А. А. Горский, во-первых, считает, что исправление «от тѣхъ дързнувше» в «и от тѣхъ друговъ» не могло состояться на Руси, так как «древнерусским источникам» слово *друг* в значении ‘член дружины’ «неизвестно». Этот аргумент заставляет сразу же возразить: а почему здесь вообще надо предполагать значение ‘член дружины’? Речь ведь идёт вообще о неких воинах-героях из числа «людей», отличившихся только мужеством на поле боя, но ничем более; специальное уточнение о происхождении этих героев – «или кметици или простыхъ люди» – подразумевает, что ими могли быть и «кметы», и «простые люди». Само же слово *друг* «древнерусским источникам» было хорошо известно на протяжении всего средневековья в его основном значении ‘приятель, товарищ’ и т. п.

Во-вторых, А. А. Горский считает, что в контексте 3-й главы «Закона» по Пространной редакции указание на храбрецов «от тѣхъ друговъ» несовместимо с предшествующим указанием на князей, которым полагается их «часть» добычи: под «теми друзьями» по контексту должны пониматься князья, а так назвать князей древнерусский редактор никак не мог. Следовательно, делает вывод историк, чтение «от тѣхъ друговъ» должно было соответствовать в предшествующей фразе не «князьям», а «жупанам», так как этих последних, по его мнению, вполне можно было назвать «друзьями», – а значит, это чтение принадлежит той редакции (первоначальной), где речь шла о жупанах⁵⁶.

Иными словами, А. А. Горский принимает в целом как первоначальный текст 3-й главы «Закона» по Краткой редакции с упоминанием «жупанов», но в одном месте предлагает «подправить» этот текст с помощью варианта из Пространной редакции («друговъ» вместо «дързнувше»). Очевидна искусственность такой операции. С точки зрения соотношений редакций «Закона» она не соответствует принципам текстологической реконструкции, так как вариант «от тѣхъ дързнувше» представляет собой *lectio difficilior* и не обнаруживает к тому же никакой неясности или порчи. Но она не обоснована и по смысловому контексту 3-й главы по Пространной редакции. А. А. Горский справедливо замечает, что древнерусский редактор XIV в. не мог назвать князей «друзьями», но при этом почему-то совершенно не допускает возможности того, что этот редактор под «друзьями» здесь имел в виду вовсе не «князей», а «людей», о которых тоже говорится в предшествующей фразе. Между тем, именно такое понимание текста находит опору в Краткой редакции, где храбрецы, проявившие мужество, предполагаются из числа не только жупанов, но и всех «людей», принявших участие в сражении, – будь то «кмети» или «простые люди». Получается, составитель Пространной редакции сохранил в этом месте смысл текста по Краткой редакции, но

⁵⁶ Там же, с. 189, см. также сноску 210 (с. 217).

по каким-то причинам изменил лишь слово «дързнувше» на «друговъ». Наиболее вероятной причиной для такого изменения кажется неисправность протографа, с которым работал книжник XIV в., разобравший в слове «дързнувше» только две-три буквы (например, «д», «р», «в») и предположивший здесь слово «друговъ». Неисправность протографа объясняет и общее непонимание редактором XIV в. древнего текста.

Таким образом, попытка А. А. Горского на основании одного чтения Пространной редакции «Закона судного людем» обосновать мысль, что в старославянском языке слово *друг* имело значение ‘член (княжеской) дружины’, не представляется убедительной. Понимание «друга» моравского князя Святополка как «дружинника» в Житии Мефодия, предложенное А. Вайаном, не находит подтверждений в текстах кирилло-мефодиевского круга.

Правда, в лексике этих текстов есть ещё одно довольно загадочное слово, о котором нельзя не упомянуть в связи со старославянским *дрѹгъ*. Это слово появляется в одном месте паримийных чтений и выглядит как *дрѹгъ* или *дрѹгъ*.

Создание славянского Паримийника современные учёные относят к первоначальной переводческой деятельности Кирилла и Мефодия⁵⁷. Некоторые лингвистические данные, правда, говорят о том, что этот перевод был выполнен скорее после переводов Евангелия и Псалтыри. Однако, в любом случае, создание Паримийника должно было быть непосредственно связано с переводом ветхозаветных книг Мефодием (о чём говорит его житие в гл. XV) – оно либо предшествовало ему (что значительно более вероятно, так как паримейник – книга необходимая для богослужения), либо очень скоро последовало за ним.

Упоминание этого странного слова содержится в чтениях из Исхода, гл. XIV, стихи 5 и 8. В разных рукописях написание его варьируется. Согласно реконструкции древнейшей редакции Паримийника, предложенной А. А. Пичхадзе, соответствующие фразы выглядят так: «и преврати ся с(е)рдце фараоново и друговъ его на люди» (Исх. XIV, 5) «и ожести г(оспод)ь с(е)рдце фараонови ц(е)с(а)ря егуптьска и друговъ его» (Исх. XIV, 8)⁵⁸. В греческом оригинале словам «и друговъ его» соответствует *καὶ τῶν θεραπόντων* (то есть: «и слуг»). Пичхадзе опиралась на русский список XIII в., но другие списки в качестве вариантов к «друговъ» дают «дърговъ» (а также соответствующую пару в другом падеже: «другомъ»/«дъргомъ»), а в ряде списков мы имеем вообще другие слова, например, «болѣрь», как в Лобковском паримийнике (одном из древнейших).

На первый взгляд можно как будто предполагать в этом случае за словом *дрѹгъ* («друговъ» в тексте) некое социальное значение – то есть ‘слуга правителя

⁵⁷ Пичхадзе А. А. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991, с. 147–148; Алексеев А. А. Ук. соч., с. 152 и след.

⁵⁸ Пичхадзе А. А. Книга Исход с древнеславянском паримейнике // Ученые записки Российского православного университета св. ап. Иоанна Богослова. Т. 4. М., 1998, с. 47–48.

(царя)’ или собственно ‘дружинник’. И тогда можно видеть здесь подтверждение такого значения в разобранным примере из Жития Мефодия.

Однако, такое предположение было бы неверно. Как указала недавно Э. Благова, чтение «дроуговь» здесь вторично и ошибочно⁵⁹. Во-первых, это чтение, по её замечанию, «аномально» в качестве родительного падежа множественного числа от **дроугъ**. Правильный gen. pl. в старославянском языке должен был бы быть **и дроугъ его**, которого, однако, не даёт ни один из списков. Во-вторых, Благова обратила внимание на варианты «дърговъ» и «дъргомъ», которые присутствуют в нескольких списках и представляют собой *lectio difficilior*. Она пришла к выводу, что именно они-то (скорее «дърговъ», то есть в родительном падеже, как в греческом оригинале) и были более ранними по сравнению с «друговъ» и «другомъ», которые явились результатом более позднего осмысления уже неясного слова как общепонятного **дроугъ**. По мнению Благовой, в данном случае мы имеем дело с лексемой **дрьгъ**, которая известна по нескольким примерам в древних памятниках южнославянского происхождения. Она либо была в первоначальном («мефодиевском») тексте, либо попала в Паримийник на каком-то этапе правки и обновления «мефодиевского» перевода (и тогда оригинальным является чтение Лобковского паримийника **волѣрь**).

Происхождение и точный смысл этой лексемы остаются, между тем, не разъяснёнными. Ещё Ф. Миклошич, выделяя в словаре отдельную статью «**Дрьгъ**», от определения смысла слова уклонился, отметив лишь: «*vox obscura*»⁶⁰. Фактически открытым вопрос оставила и Благова. Недавно болгарская исследовательница Т. Славова обобщила упоминания слова в древних памятниках (таких упоминаний ещё несколько помимо паримийных чтений) и предположила, что речь идёт о заимствовании от протобулгар – от тюркского *dar(i)ga/daruga*, обозначавшего знатных и сановных людей⁶¹. Хотя ясно, что слово, действительно, означало людей повышенного социального статуса и связанных с военной деятельностью, этимология, предложенная Славовой, не кажется вполне убедительной⁶². Но я не буду вступать в дискуссию по

⁵⁹ Bláhová E. Lexikální specifika staroslověnského parimejníku // Slavia. Ročník 68, seš. 2, 1999, s. 248.

⁶⁰ Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865, p. 177. Правда, Миклошич в этой словарной статье отсылал к слову **дръгарь** (передача византийского должностного титула *δρογγύριος*), очевидно, подразумевая, что это последнее могло быть первоначальным, а **дрьгъ** – его видоизменением. Ясно, из чего он исходил: «юс» вполне мог превратиться в «ер», так как с деназализацией носовых звуков, происходившей у большинства славянских народов в X–XII вв., в Болгарии эти звуки превращались в редуцированные и соответствующим образом передавались на письме. Но так же ясна и проблема такой этимологии: непонятно исчезновение суффикса *-арь*, который в грецизмах подобных **дръгарь** был вполне устойчив – ср., например, **сакеларь** и т. п. (см. о суффиксе и соответствующих существительных в старославянском языке: Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI веков. София, 1986, с. 163–168.).

⁶¹ Славова Т. Неизвестен старобългарски сан // Palaeobulgarica/Старобългаристика. Т. XXXIII (2009), 1, с. 3–15. Слово *daruga* известно, в частности, в грамотах монгольских ханов русским князьям XIII–XIV вв. и летописях.

⁶² Для объяснения превращения *dar(i)ga/daruga* в форму **дрьгъ/дръгъ** Славовой приходится прибегать к явным натяжкам. Кроме того, отмечу, кстати, что список упоминаний слова, составленный Славовой, далеко не исчерпывающ – так, пример в паримийнике ей остался неизвестным. На мой

этому вопросу. Для целей данного исследования в общем не так важно происхождение загадочного слова **дрьгъ**. Главное для меня зафиксировать, что оно никак не было связано со словом **дрюгъ**⁶³ и что эти лексемы смешивались только в более позднее время, когда слово **дрьгъ** было уже никому непонятно⁶⁴. При этом, если следовать соображениям Благовой, **дрьгъ** в Паримийнике нельзя возводить к переводу Мефодия и его учеников.

Таким образом, текстам кирилло-мефодиевского круга хорошо известно слово *дружина*. Оно имеет значение ‘спутники, товарищи’, а значения ‘военное объединение’ или ‘люди на службе правителя’ за ним не фиксируются. Мнение, что слово *друг* могло обозначать члена (княжеской) дружины, эти тексты не подтверждают. Спорное место Жития Мефодия с упоминанием «етерь другъ» надо понимать по лингвистическим соображениям и по смыслу как сочетание местоимений, а не как указание на некоего «друга» моравского князя Святополка. «Други», появившиеся под пером русского редактора «Закона судного людем» в XIV в., не имеют никакого отношения к Моравии IX в. А слово **дрьгъ/држгъ** не имеет никакого отношения к слову **дрюгъ**.

взгляд, путь, намеченный Миклошичем, правильнее, тем более что в ряде упоминаний слова некоторые списки дают наряду с формами **дрьгъ** или **дрюгъ** также вариант именно с юсом: **држгъ**. Только логичнее было бы вести происхождение слова не от указанного Миклошичем **држгарь-δρουγγάριος**, а от того греческого слова, от которого произошло само **δρουγγάριος** – то есть от **δρουγγος**. Это последнее было заимствовано в латинский (*drungus*) и греческий языки, как считается обычно, из какого-то германского языка (вероятно, готского; ср. современное нем. *dringen/drängen*) не позднее IV в. и первоначально обозначало «способ конного строя для атаки кучей» (Кулаковский Ю. А. Друнг и друнгарий // ВВ. Т. 9. Вып. 1-2, с. 12–14; ср. также: *Он же*. Византийский **δρουγγος** и славянская дружина // Чтения в Историческом Обществе Нестора летописца. Кн. 15. Вып. 4. Киев, 1902, с. 82–85). Правда, недавно была выдвинута мысль, что заимствование произошло из кельтского языка: *Rance Ph. A Gallicism and Continuity in Late Roman Cavalry Tactics // Phoenix. Vol. 58 (2004), p. 96-130* (здесь же см. литературу). Так или иначе, в Византии уже с V–VI вв. оно обозначало определённое военное подразделение. Может быть, неслучайно в этой связи, что во всех известных на сегодня упоминаниях слова **дрьгъ/дрьгъ/држгъ** оно приводится во множественном числе.

⁶³ О том, что никакой связи между ними не было, лучше всего свидетельствует один случай одновременного употребления обоих слов в одном выражении. В «Мучении св. Климента» слова греческого оригинала *πολλοὶ τῶν περιφανῶν καὶ φίλων Νέρωνα τοῦ βασιλέως* славянский переводчик передал следующим образом: **мнози дрьгови и дрюзи Нерона цара** (по сербской рукописи XIV в.; цит. по: *Славова Т.* Ук. соч., с. 7)

⁶⁴ Это смешение заметно в большинстве случаев фиксации лексемы **дрьгъ/дрьгъ**, когда тот или иной памятник известен по нескольким спискам. Например, подобная история наблюдается ещё в одном памятнике – толковом переводе Книги пророка Ионы (в так называемых Книгах XII малых пророков). Толковый перевод считается древнеболгарским, выполненным во время расцвета Преславской книжной школы при царе Симеоне. В гл. III, стих 7 мы находим два основных варианта передачи греческого *παρὰ τῶν μεγιστῶν*: «от болѣрь его» (в древнейшей болгарской рукописи конца XIV в.: *Златанова Р.* Книга на дванадесетте пророци с тълкования (=Старобългарският превод на Стария завет. Под общ. ред. Св. Николова. Т. 1). София, 1998, с. 187) либо знакомые уже вариации – «от дрьговъ», «от дреговъ», «от држговъ», «от друговъ» (в русских рукописях конца XV в.: Книги XII малых пророков с токованиями в древнеславянском переводе. Подготовил Н. Л. Туницкий. Вып. I: Книги Осии, Иоила, Амоса, Авдия и Ионы. Сергиев Посад, 1918, с. 74). Последний вариант является несомненной позднейшей правкой (ср. такой вывод публикатора Н. Л. Туницкого: там же, с. III).

1.2. Древнеболгарские тексты

В церковнославянских текстах болгарского происхождения слово *дружина* употребляется сравнительно часто. Основное его значение то же, что и в текстах кирилло-мефодиевского круга – ‘товарищи, спутники’. Однако, в некоторых случаях за ним можно разглядеть и новые смысловые оттенки. В ряде случаев слово приобретает военные коннотации и приближается к тому значению, которое хорошо известно по древнерусским источникам (см. ниже), – ‘войско, военный отряд’. Среди древнейших рукописей с такими коннотациями слово употребляется в Супрасльской рукописи.

Супрасльская рукопись – памятник наиболее объёмный в ряду всех «классических» старославянских памятников и имеет сложный состав, объединяя 48 житийно-патериковых текстов. Среди них исследователи с большей или меньшей вероятностью выделяют моравские переводы, есть часть, где переводы разного происхождения контаминированы (Житие 40 Севастийских мучеников), но бóльшую часть составляют болгарские переводы, возникшие «в Преславской школе»⁶⁵.

Дружина встречается в этом сборнике неоднократно. В большинстве случаев слово имеет то значение, которое характерно для него в старославянских текстах (‘спутники, товарищи’), и переводит соответствующие греческие слова (*συνοδία* и т. п.). Именно такое словоупотребление мы видим уже в заглавиях некоторых житий, например: «Мучение Феодора, Константина, Феофила, Калиста, Васоя и *дружины их*» (4-я часть рукописи). Однако, в некоторых случаях слово употребляется в военно-героическом контексте и выступает уже с несколько иным смыслом – как объединение людей вооружённых и/или с воинственными намерениями. Следуя указаниям пражского «Slovníku», находим слово в этом смысле в упомянутом «Мучении Феодора» и прочих, а также в «Житии Кондрата» (часть 7 рукописи). Правда, надо оговориться, что в словаре подборка упоминаний слова *дружина* по Супрасльской рукописи далеко не исчерпывающа и не ясно, чем руководствовались составители словаря, предпочитая одни упоминания другим. Вот примеры из этих двух текстов с греческими соответствиями:

Мучение Феодора и прочих. Группа мучеников, противостоящая мучителям, описывается как доблестное Христово воинство, и в частности приводится обращение одного из них, Васоя, к остальным: он «дрожинѣ своей рече: станѣте добре, о братия, и мужьскы за Х(рист)а» – πρὸς τοὺς συναθλητὰς ἔφη⁶⁶.

Житие Кондрата. Кондрат говорит о себе римскому проконсулу, который преследовал христиан: «яко Х(ри)с(т)ови есмь воини», я сам пришёл на казнь и мучения,

⁶⁵ Благова Э. Лексика Супрасльской рукописи и лексика Иоанна Ексарха // Проувания върху Супрасльския сборник, старобългарски паметник от X век. Доклады и разисквания пред Първи международен симпозиум за Супрасльския сборник, 28–30 септември 1977, Шумен. София, 1980, с. 120. Ср. также: Благова Э. Гомилии Супрасльского и Успенского сборников // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 77–87.

⁶⁶ Супрасльски или Ретков сборник. Т. 1. София, 1982, с. 62.

«прѣдборникъ бывъ дружинѣ свои» – ὅτι Χριστοῦ ὡμεν στρατιῶται... πρόμαχος γενησόμενος τῶν συστρατιωτῶν μου⁶⁷.

Слово в обоих случаях использовано для характеристики мучеников, которые предстают героями в борьбе за истинную веру; *дружина* здесь – это объединение «христовых воинов». В этом символическом уподоблении мучеников воинам слово *дружина*, очевидно, обозначает просто некое военное объединение; об этом ясно говорят и греческие слова, которые оно переводит.

Очень интересно одно место с упоминанием дружины в «Беседах» Козьмы Пресвитера, полемическом произведении, направленном против богомилов. Этот памятник принадлежит к числу оригинальных, непереводаемых болгарских текстов. Автор, ведя воображаемый спор со своим собеседником, приписывает тому следующее высказывание: «нѣс(ть) мощно въ мирѣ семь живуше сп(а)сти ся, понеже пеци ся есть женою, дѣтьми, силою (*вар.*: челядью), еще же и работы настоять вл(а)д(ы)ки земных и от дружины пакость всяка и насилья от старѣиших»⁶⁸.

В этом перечислении всяких страданий и напастей, которые ожидают человека «в мире сем», *дружина* выступает, возможно, даже не столько в военном, сколько в социально-иерархическом контексте. Во всяком случае, её упоминание оказывается между указанием на повинности, которые приходится нести в пользу «владык земных», и угнетения со стороны «старейших». Можно, конечно, трактовать «пакость», которую причиняет «дружина», как разорение вследствие военных действий, и тогда *дружина* здесь – просто ‘войско’. Но всё-таки контекст заставляет связывать «дружину» каким-то образом с «земными владыками». Логичнее всего понимать эту связь в том смысле, что «владыки» обязывают население к «работе», то есть к разным налогам и повинностям, а их «дружина», взимая эти налоги и повинности, творит «пакость всяку». Тогда надо думать, что имеются в виду обычные для средневековья злоупотребления лиц, уполномоченных центральной властью к осуществлению суда и управления на местах, по отношению к местному населению⁶⁹. Эти лица, обозначенные как «дружина», являются в каком-то смысле «друзьями» и «спутниками» для тех, кому они служат, то есть для «владык», и в этом отношении здесь можно видеть развитие древнего значения слова. Но с другой стороны – ведь речь идёт о власти и господстве, и *дружина* обозначает уже не просто группу товарищей, а некий социальный слой или группу,строенную во властно-иерархические отношения, в которых главой этой «дружины» оказывается не просто какой-то лидер или начальник, а глава государства – «владыка земной».

Разумеется, не стоит искать в этих словах Козьмы Пресвитера какой-то особой точности и пытаться придать слову *дружина* специальный технический смысл – ав-

⁶⁷ Там же, с. 99.

⁶⁸ Бегунов Ю. К. Козьма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, с. 352.

⁶⁹ Именно в этом смысле употребил слово *пакость* князь Владимир Мономах, наказывая своим детям в «Поучении» (начало XII в.): «не дайте пакости дѣяти отрокомъ ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх» (ПСРЛ. Т. 1. Стл. 246).

тор пишет в более или менее общем смысле о социальном угнетении, и недаром заканчивает свой пассаж упоминанием вообще «насилий от старейших». Но всё-таки смысловое наполнение слова здесь уже, видимо, несколько отстоит от того, какой мы видели в предыдущих примерах, и приближает нас к древнерусским текстам.

3.1. «Чешско-церковнославянские» тексты

Корпус текстов, созданных в Чехии в X–XI вв. на славянском языке и записанных глаголицей (но сохранившихся в значительной своей части в русских кириллических списках), был в основном выявлен и систематизирован уже к началу XX в., во многом благодаря усилиям А. И. Соболевского. Разностороннее изучение этих текстов (активно продолжающееся и сегодня) в своё время сильно повлияло на научные представления о развитии старославянского языка, о судьбах христианизации и славянской письменности в западнославянских странах, заставило обратить внимание на историю и деятельность центров этой письменности (прежде всего, Сазавского монастыря), литературные связи славянских стран, породило большую дискуссию по вопросу о том, осуществлялась ли богослужение на славянском языке в Чехии. Многие в этой проблематике остаётся спорным и неясным, в частности, по-разному оценивается происхождение некоторых текстов, близких чешской «рецензии» церковнославянского языка.

Всего текстов чешской «рецензии» выделяется на сегодняшний день около двадцати (не считая глосс и надписей) – разных жанров, объёма, степени сохранности и т. д.⁷⁰ Их можно разделить на три части (конечно, оговариваясь о возможности альтернативных интерпретаций в отношении каждого произведения или памятника): 1) тексты, возможно восходящие к великоморавской эпохе, 2) собственно чешские и 3) такие, которые относят к чешско-церковнославянским с той или иной степенью сомнения. В первой и в третьей группах слово *дружина* не фигурирует, и соответствующие тексты здесь не рассматриваются. Вторая группа, если оставить в стороне литургические, молитвенные и церковно-правовые тексты, где *дружина* также не встречается, распадается на две «подгруппы»: 1) более древние произведения – так называемое «Первое (1-е) старославянское Житие св. Вячеслава (Вацлава)», оригинальный памятник древнечешской литературы, и «Мучение св. Вита» (перевод с латыни; древнейший список в известном Успенском сборнике XII в. вместе со списком Жития Мефодия), 2) более поздние агиографические и гомилетические сочинения (все – переводные с латыни).

В 1-м Житии Вячеслава (как и в Мучении св. Вита) нет слова *дружина*. Однако, оно интересно в данном случае тем, что в одной из его редакций упоминаются «друзи» для обозначения людей, состоящих в окружении князя. Это упоминание истории

⁷⁰ См. классический обзор текстов: *Mareš F. V. Církevněslovanské písemnictví v Čechách // Mareš F. V. Cyrilometodějská tradice a slavistika. Praha, 2000, s. 256–327* (1-е изд.: 1970 г.). Ср. с учётом новой литературы, но с теми же принципиальными выводами: *Hauptová Z. Církevněslovanské písemnictví v přemyslovských Čechách // Jazyk a literatura v historické perspektivě. Ústí n. L., 1998, s. 5–42.*

часто сопоставляют с рассказом о «етере друге» в Житии Мефодия, и эти свидетельства, подкрепляя друг друга, позволяют им выделять для соответствующего славянского слова значение ‘дружинник, член дружины’⁷¹.

1-е Житие Вячеслава является, как считает сегодня подавляющее большинство специалистов, древнейшим памятником чешской литературы, созданным в первые годы после гибели князя (которая произошла в 935 г., согласно последним исследованиям)⁷². Оно сохранилось в трёх редакциях – хорватской и двух русских: Востоковской (по имени А. Х. Востокова, который ввёл её в научный оборот), и минейной (потому что большинство списков происходят из миней). Хорватская редакция представлена хорватскими глаголическими конца XIV–XV в. Востоковская редакция, несколько более пространная, представлена русскими кириллическими списками начала XVI–XVII в. Минейная редакция (списки середины XVI–XVII в.) очень близка, почти тождественна, Востоковской, однако содержит, с одной стороны, поновления языка и несколько вставок явно позднейшего происхождения, но с другой – ряд чтений, сближающих её с хорватской редакцией, в том числе явно более исправных по сравнению с Востоковской редакцией.

По лингвистическим параметрам хорватская редакция выглядит архаичнее, и на этом основании ряд учёных считали её более близкой первоначальному тексту, чем Востоковскую⁷³. Однако, последняя содержит несколько более исправных чтений, а главное – некоторые фактические данные, которые отсутствуют в глаголических списках, но по своей сути не могут быть объяснены как дополнения, сделанные на русской почве. Эти данные надо расценивать либо как восходящие к оригиналу, а значит сокращённые в хорватской редакции (которая таким образом предстаёт переработкой оригинала), либо как дополнения, сделанные по дополнительному источнику ещё в Чехии (следовательно, до конца XI в., когда с реформой Сазавского монастыря в 1096 г. славянская письменность прекратила существование в Чехии). Автор последней работы, посвящённой 1-му Житию, конкретных доводов в пользу того или иного решения не приводит, но призывает исходить из равноценности, по крайней мере, двух

⁷¹ Ср., например: Горский А. А. Славянское расселение..., с. 183-184.

⁷² В историографии существует точка зрения, что 1-е Житие было создано позднее – до конца X в. – и что в его основе лежал некий латинский текст. До последнего времени эту точку зрения защищал видный чешский медиевист Д. Тржештик, который обобщил аргументы «скептиков» против раннего и оригинального происхождения 1-го Жития, а также против существования славянского богослужения и сколько-нибудь значительного распространения славянской письменности в древней Чехии (обычно эти вопросы у «скептиков» выступают взаимосвязанными) в работе: *Třeštík D. Slovanská liturgie a písemnictví v Čechách 10. století. Představy a skutečnost // Svatý Prokop, Čechy a střední Evropa*. Ed. P. Sommer. Praha, 2006, s. 189–218. Что касается создания жития, эта аргументация построена, в основном, на доводах *ex silentio* или фактах, которые не допускают однозначной интерпретации, и в виду целого ряда специальных филологических и лингвистических работ, противоречащих ей, она не представляется убедительной.

⁷³ Отметить следует прежде всего М. Вейнгарта, посвятившего языку 1-го Жития специальное исследование: *Weingart M. První česko-církevněslovanská legenda o svatém Václavu. Rozbor filologický // Svatováclavský sborník. Na památku 1000. výročí smrti knížete Václava svatého. I: Kníže Václav svatý a jeho doba*. Praha, 1934, s. 863–1088.

(хорватской и Востоковской) редакций относительно отражения ими первоначально-го текста ⁷⁴.

Интересующее меня упоминание содержится в рассказе об убийстве Вячеслава. Согласно житию, Болеслав, младший брат Вячеслава, задумав убийство брата, позвал его к себе в гости в свой «удельный» город – Болеславль. Прибыв к брату, Вячеслав в первый день устроил на его дворе нечто вроде воинского состязания или турнира, во время которого ему сообщили о коварных замыслах Болеслава. В Востоковской редакции об этом говорится так: Вячеслав «и въсѣдъ на конь нача играти и веселитися съ други своими на дворе Болеславле. Тѣм же мнимъ, яко повѣдаша ему на дворѣ и рекоша: хочеть тя убити Болеславъ» ⁷⁵. Минейная редакция сообщает об этом эпизоде, упоминая вместо «другов» «слуг»: «и въсѣдъ на конь свои начать играти со слугами своими на дворѣ Болеславли. Тѣм же мнимъ, яко повѣдаша ему на дворѣ и рѣша ему служи его: княже Вячеславъ, хочеть тя убити Болеславъ» ⁷⁶. В хорватских списках текст передан в более кратком виде, но близком минейной редакции: «всѣдъ на конь начеть играти са слугами своими. Ту же мнимъ, да (вар.: яко) п(о)в(ѣ)дѣше ему рекуще, ѣко хочеть те брать Болесл(а)въ убити» ⁷⁷.

Таким образом, одна редакция указывает в окружении Вячеслава «другов», а две другие – «слуг», причём минейная редакция повторяет это слово дважды, уточняя, что именно «слуги» князя сообщили ему о злоумышлениях брата. Совпадение хорватской редакции с одной из двух русских говорит скорее в пользу их варианта, но всё-таки выбрать уверенно, какой из двух вариантов – «други» или «слуги» – первоначальный, в настоящий момент нельзя, поскольку не выяснены происхождение и соотношение редакций 1-го Жития Вячеслава. Можно только прибегать к внетекстологическим соображениям и наблюдениям.

Согласно житию, Вячеслав прибыл в город Болеслава во время поездки «по градомъ». Остаётся неразъяснённым, в чём смысл этой поездки. Автор только сообщает, «бяху же с(вя)щение ц(е)рквамъ въ всѣхъ градѣхъ» ⁷⁸, но почему освящение церковей или храмовые праздники (если понимать *священие* в смысле ‘праздник’) вдруг стали происходить одновременно «во всех градах» и почему Вячеслав должен

⁷⁴ *Konzal V. První slovanská legenda václavská a její “Sitz am Leben” // Studia mediaevalia pragensia. T. I. Praha, 1998, s. 115–116.*

⁷⁵ *Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmile. Uspořádal J. Vajs. Praha, 1929, s. 17. Текст издан Н. И. Серебрянским. Ср.: Житие Вячеслава Чешского. Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Турилова // БЛДР. Т. 2. СПб., 1999, с. 170.*

⁷⁶ *Sborník staroslovanských literárních památek..., s. 25. Текст издан Н. И. Серебрянским. Так же по другому списку: Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. Предисловие, комментарии и перевод А. И. Рогова. М., 1970, с. 62.*

⁷⁷ *Sborník staroslovanských literárních památek..., s. 40. Текст издан Й. Вайсом. Чтение «слугами своими» дают все три опубликованных списка этой редакции (однако, известны и другие, неизданные).*

⁷⁸ *Цит. по Востоковской редакции, ср. в хорватской: «бывающимъ же свещениемъ црѣквенимъ въ всѣхъ градѣхъ» (Ibidem, s. 17, 39).*

был везде появиться, непонятно ⁷⁹. Кто сопровождал его в этой поездке, не говорится. Ясно лишь, что напасть на него сразу, как только он прибыл в Болеславль, младший брат и его окружение не решились, – очевидно, Вячеслав имел какую-то защиту, – и им пришлось дожидаться утра следующего дня, когда князь один пошёл в церковь к заутрене. Житие сообщает ещё, что после убийства Вячеслава Болеслав и его подручники «убиша же в томъ градѣ с нимъ Мьстину единого, а иныя мужи идоша вборзѣ» ⁸⁰, из чего следует, что в Болеславле с Вячеславом был некий Мьстина и «иныя мужи». В других местах агиограф под «мужами» имеет в виду свободных людей, которые – или по крайней мере часть которых – служат князю (у Вячеслава свои «мужы», у Болеслава – свои). Помимо «мужей» упоминаются ещё «свѣтѣтники» в окружении обоих братьев, когда сообщается о подготовке князем каких-либо политических действий – очевидно, так называются те из «мужей», кто пользовался его особенным доверием и с кем он советовался по важнейшим делам (ср. выше о «свѣтниках» в текстах, связанных с Кириллом и Мефодием). В конце жития по Востоковской и минейной редакциям в сообщении о перенесении мощей Вячеслава в Прагу говорится, что перенос осуществили «слуги» раскаявшегося в убийстве Болеслава ⁸¹.

⁷⁹ Насколько я знаю, в литературе ещё не высказывалась мысль, что речь может идти о празднике освящения церкви, который в католической церкви, а особенно в Германии, празднуется в один день осенью. По-немецки этот праздник называется *Kirchweihe* (дословно: ‘церковосвящение’). Высказываю эту мысль как гипотезу, не углубляясь в вопрос, существовал ли этот праздник в Германии в X в. и если да, то в каком виде.

⁸⁰ Ср. в хорватских списках: «убише же т(а)кое в томъ градѣ и Мьстину етера частна м(у)жа Вещеслава, проче же гнаше в Прагъ» (*Sborník staroslovanských literárních památek...*, s. 18, 41). Этот вариант, сообщающий не просто о бегстве «мужей», а уходе их именно в Прагу, считается более правильным (см.: *Ibidem*, s. 18, примечание Н. И. Серебрянского).

⁸¹ *Ibidem*, s. 19; Сказания о начале Чешского государства..., с. 64. Учёные, переводившие Востоковскую редакцию на современный русский язык, понимали как социальный термин также «младенцев», которых, согласно житию, «избиша» в Праге после убийства Вячеслава: Сказания о начале Чешского государства..., с. 54, 57; Житие Вячеслава Чешского..., с. 173. Однако, это явное недоразумение, основанное на ошибочном чтении Востоковской редакции, которая говорит «младенци избиша его», как будто речь идёт о младенцах Вячеслава. Поскольку детей-младенцев у Вячеслава на момент смерти не могло быть, это слово понимается как указание на «слуг» или «отроков» на службе у Вячеслава (с опорой на позднейшее значение слова *mladenec* в чешском языке ‘молодой человек, парень’). Впервые так понял текст А. Х. Востоков: «младенцы значит здесь, по-видимому, пажей или отроков княжеских, каковыя были и при русских князех под названием молодых. Слово *mladenec* имеет сие значение и в нынешнем богемском языке» (*Востоков А. Х. Сказание об убиении св. Вячеслава кн. Чешскаго с примечаниями // Востоков А. Х. Филологические наблюдения. Издал И. Срезневский. СПб., 1865. [Отдел IV], с. 95, ср. также с. 107*). На самом деле, слово *mladenec* употреблено здесь в соответствии с его единственным значением в старославянском языке – маленький ребёнок (см.: ССЯ. Т. 2), и имеются в виду дети «мужей» Вячеслава. Об этом прямо говорит редакция хорватских списков: кого-то из «мужей» «избише», кто-то «разбѣгошесе, младенце же издавише». На правильность чтения хорватской редакции в примечании указывал Н. И. Серебрянский (*Sborník staroslovanských literárních památek...*, s. 18). Агиограф вскоре после сообщения об убийствах вспоминает об этих детях, сравнивая их с теми «младенцами», которые были убиты по приказу Ирода при рождении Иисуса (сравнение есть в обеих редакциях: *Ibidem*, s. 19, 43). Об убийстве детей знатных людей, служивших Вячеславу, говорят латинские жития. Тжештик полагал, что детей убивали, опасаясь кровной мести (*Třeštík D. Počátky Přemyslovců. Vstup česků do dějin (530–935). Praha, 1997, s. 433*).

Таким образом, из повествования вытекает, что Вячеслав прибыл к брату в сопровождении верных ему людей, среди которых были «мужи». Больше ничего определённого контекст не позволяет сказать. Теоретически допустимо, что этих людей или кого-то из них могли назвать равным образом и «слуги», и «друзи» (в том или ином смысле). Но как первоначальный вариант «слуги» выглядит, может быть, несколько более предпочтительно, потому что это слово встречается здесь же в 1-м Житии Вячеслава, а в Мучении св. Вита, сопоставимом по древности и происхождению с Житием, оно используется для перевода латинского *miles*, обозначавшего воинов или, более специально, вассалов⁸². Слово *слуга* имело в старославянском языке несколько более широкий смысл, чем, например, в современном русском, без уничижительного оттенка, и обозначало людей, которые просто выполняли ту или иную службу, в том числе военную⁸³.

Вариант «друзи» можно допускать с двумя смыслами. Конечно, автор мог употребить его, имея в виду просто друзей, приятелей князя⁸⁴. Но в этом случае трудно объяснить наличие в хорватской редакции альтернативного варианта «слуги» – ведь значение этого слова, каким бы широким оно ни было, всё-таки не пересекается со значением ‘приятель, товарищ’. Вне зависимости от того, какой вариант был первоначальным, трудно представить себе, что какой-то позднейший редактор (неважно, в Чехии или на Руси) мог заменить «друзи» в значении ‘приятели, товарищи’ на «слуги» или наоборот.

По-другому выглядит дело, если допустить, что «друзи» было употреблено в Востоковской редакции жития с иным смыслом. Дело в том, что чешским источникам с начала XIII в. известен термин *друг*, причём в значении очень близком именно к старославянскому ‘слуга’. Он обозначал лиц, находившихся на частной службе у знатных и могущественных людей и обладавших статусом, близким западноевропейским мелким вассалам (подвассалам) или, быть может, министриалам. Впервые термин упоминается в своде правовых норм, известном как «*Iura suprapotum*» или «Конрадовы статуты» (составлен в правление Конрада Оттона между 1186 и 1192 гг., но известен по подтверждениям, изданным в 1222 и 1229 гг.), в очень характерном контексте. В статье 9 оговаривается возможность для знатного человека представить вместо себя на суд своего *ruer* (слугу), но при этом в одном из подтверждений уточняется, что такое право имеет именно знатный человек, а не «друг» – *aliquis nobilis vir*

⁸² *Соболевский А. И.* Жития святых в древнем переводе на церковно-славянский с латинского языка. СПб., 1904, с. 12. Также переводится *miles* и в Никодимовом евангелии, переведённом, вероятно, именно в Чехии (*L'Évangile de Nicodème...*, p. 28–29 et seq.).

⁸³ Ср. об отроках, младенцах и слугах: *Цейтлин Р. М.* Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы. М., 1996, с. 62–80.

⁸⁴ Именно так предлагают понимать это место в русском переводе А. И. Рогов, а вслед за ним А. А. Турилов – «съ друзи своими» как «со своими друзьями» (Сказания о начале Чешского государства..., с. 54; Житие Вячеслава Чешского..., с. 171).

et non druho⁸⁵. В данном случае подчёркивается незнатное происхождение «друга». По другим источникам известно, что эти *druhones* (именно так их обозначали во множественном числе) могли быть наделены от своих господ (в том числе, видимо, и князей) властными полномочиями и иметь некоторый достаток. Весьма вероятно, что эти люди входили в число тех, кого источники с конца XI в. обозначают под более общим названием «*milites secundi ordinis*»⁸⁶.

Смешение слов *слуги* и *други* представляется гораздо вероятнее в том случае, если второе из них было употреблено для обозначения такого рода мелких слуг-вассалов (низшей знати). Такое смешение не могло произойти на русской почве, так как на Руси такое значение за словом *друг* не зафиксировано. Значит, «други» в 1-м Житии Вячеслава либо присутствовали изначально, либо заменили оригинальный вариант «слуги» ещё под рукой какого-то чешского редактора. Во втором случае правку надо относить ко времени до 1096 г., когда традиция церковнославянской книжности в Чехии прервалась. Учитывая, что *druhones* как особый социальный слой появляются точно не позднее начала XIII в., а скорее гораздо раньше, такая правка представляется вполне логичной и естественной – редактор, опуская устаревшее и расплывчатое «слуга», просто приближал текст к реалиям своего времени.

Именно существование специального термина *druhones* в древней Чехии кажется мне решающим аргументом в пользу того, чтобы отрицать за словом *друг* в Востоковской редакции техническое значение ‘дружинник’, которое пытаются разглядеть в нём историки, сопоставляя древнерусские данные о княжеской дружине с упоминаниями из церковнославянских текстов. В других местах текст этой редакции о *дружине* не говорит, зато «слуги» упоминаются. Вследствие неясности текстологической картины приходится допускать как теоретически возможные разные варианты присутствия и смены слов *слуги* и *други* в эпизоде с «игрой» Вячеслава по редакциям 1-го Жития. Однако, в любом случае сама альтернативность *слуги* versus *други* говорит о том, что эти «други» появились в тексте жития (на каком бы этапе его *Sitz im Leben* это ни произошло) в том значении, в каком в древнечешских источниках выступают *druhones*. При этом нет оснований предполагать прямую связь между чешским термином *druz/druh* (в смысле вассала/клиента) и старославянским словом *дружина*⁸⁷. На отсутствие такой связи с точки зрения словообразования указывает тот

⁸⁵ Vaněček V. Prameny k dějinám státu a práva v Československu (chrestomatie). Část I. Praha, 1957, s. 70.

⁸⁶ Так полагает, например, Й. Жемличка (*Žemlička J. Čechy v době knížecí (1034–1198)*. Praha, 1997, s. 172, 200), опираясь на более раннюю работу: *Zháněl S. Jak vznikla staročeská šlechta*. Brno, 1930, s. 107-108. О «*milites secundi ordinis*» ср. также в следующей главе. Среди данных о *druhones* большую роль играет свидетельство одного частного акта начала XIII в. (грамота Грознаты), по которой можно составить довольно детальное представление о таких частных слугах-подвассалах знатных людей, см: *Wolverton L. Hastening towards Prague. Power and Society in the Medieval Czech Lands*. Philadelphia, 2001, p. 71-73.

⁸⁷ Такое предположение высказывается, например, в работах: *Vaněček V. Les “družiny” (gardes) princières dans les débuts de l’État tchèque* // СРН. Т. II (1949), s. 438; *Havlík L. Slovanské státní útvary...*, s. 180-182.

факт, что во множественном числе этот термин звучит не как *дружина*, а именно как *друзи* – *druhones*. Очевидно, смысл слова *друг* как ‘вассал/слуга’ развилось от первоначального значения ‘приятель, соратник, помощник’ и т. п. без какой-либо связи со словом *дружина*.

В литературе (особенно старой) иногда встречается указание, что слово *друг* якобы ещё раз используется в 1-м Житии Вячеслава. Имеется в виду чтение одного из трёх опубликованных списков хорватской редакции – Римского бревиария. В описании самого убийства Вячеслава агиограф рассказывает, что сначала Болеслав хотел сам справиться с братом и напал на него один, но Вячеслав вырвался. После этого на помощь Болеславу подбежали трое его мужей, имена которых в житии указываются. Первым из них на помощь своему князю пришёл некий Тужа. В Востоковской редакции об этом сказано так: «Тужа притекъ удари в руку (Вячеслава)». Однако из хорватских списков лишь один – в Новлянском бревиарии – сообщает это же имя: «Тужа же етерь притекъ...» Другие два списка вместо имени говорят неопределённо: «слуга же етерь...» (Люблянский бревиарий) и «ет(е)рь дружа...» (Римский бревиарий)⁸⁸. Именно этот последний вариант и даёт ещё одно упоминание слова *друг*. Разумеется, сам факт появления этого слова в одном из списков хорватской редакции 1-го Жития Вячеслава свидетельствует об употребительности его в XIV–XV вв. в смысле ‘слуга’ (ср. вариант Люблянского бревиария). Однако, для восстановления первоначального чтения Жития этот вариант ничего дать не может – он, очевидно, вторичен и возник в результате непонимания или порчи оригинального имени *Тужа*, которое сообщают Востоковская редакция и лучший из списков хорватской редакции. Ошибочность чтения Римского бревиария уже давно установлена⁸⁹.

Обращаемся теперь к переводным текстам, создание которых относят к XI в. В двух из них встречаются слово *дружина*. Во-первых, в переводе латинского Жития св. Вацлава, написанного мантуанским епископом Гумпольдом. Этот славянский перевод называют «Вторым (2-м) старославянским Житием св. Вячеслава». И во-вторых, в также переводном труде гомилетического жанра «Беседы на Евангелие» папы Григория Двоеслова. С языковой точки зрения эти памятники очень близки между собой. Как отмечают современные исследователи, они «несомненно принадлежат одной и той же переводческой школе»⁹⁰. Сопоставление лингвистических данных и некоторых наблюдений историко-филологического характера делает почти несомненным, что эта школа работала в стенах Сазавского монастыря. К датировке 2-го Жития и «Бесед» второй половиной или даже концом XI в. (то есть незадолго до ликвидации славянских богослужения и библиотеки в монастыре в 1096 г.) лингвистов склоняет сочетание «большого числа божественных» и слов и выражений, происходя-

⁸⁸ Sborník staroslovanských literárních památek..., s. 41. Ср. «етерь другъ» в Житии Мефодия.

⁸⁹ См., например: Weingart M. Op. cit., s. 889.

⁹⁰ Благова Э., Икономова Ж. Лексические совпадения Бесед Григория Двоеслова и Второго Жития Вячеслава с лексикой Иоанна Экзарха // Palaeobulgarica/ Старобългаристика. Т. XVII. № 3. София, 1993, с. 13.

щих «из других славянских областей и до этого времени неизвестных в чешской церковнославянской продукции»⁹¹. В частности, обнаруживаются совпадения в лексике и некоторых чертах синтаксиса с болгарской литературой («Шестодневом» Иоанна Экзарха). Переводчики, работавшие в Сазавском монастыре, явно были знакомы «с широким кругом церковнославянской письменности». Как с полным основанием предполагает Э. Благова, реализоваться это знакомство могло прежде всего благодаря связям монастыря с другими центрами славянской письменности. Из таких связей документально засвидетельствованы контакты с Киево-Печерским монастырём, а также пребывание монахов, выгнанных из Сазавы, в 1056–1061 гг. в одном из православных монастырей Венгрии, скорее всего, в вышеградском монастыре св. Андрея, который, как предполагают, был основан по инициативе или при участии Анастасии, русской жены венгерского короля Андрея⁹². Отсюда следует заключить, что сазавские монахи познакомились со славянской литературой во многом «через русское посредство»⁹³.

Эти наблюдения и выводы позволяют правильно оценить и словоупотребление во 2-м Житии и «Беседах». Трудно найти иное объяснение появлению в этих текстах таких слов, как, например, *бо(л)ярин*, неизвестного древнечешскому языку⁹⁴, кроме как в контактах с Русью или Болгарией и заимствовании из литературы, там распространённой. То же самое объяснение применимо и к *дружине*: хотя само слово было, конечно, известно в древней Чехии, но значения ‘люди в окружении (на службе) князя’, в котором оно выступает во 2-м Житии (см. ниже), словарь древнечешского языка за ним не фиксирует⁹⁵. *Дружину* в этих текстах нельзя назвать в настоящем смысле слова «книжным заимствованием», потому что слово *дружина* было известно в древнеморавском и древнечешском языках. Вероятно, надо вести речь о специфическом словоупотреблении в церковнославянском языке, когда он уже оторвался от живых славянских языков и функционировал как «литературный» (ср. дискуссию о «диглоссии» в Древней Руси). Такие слова как *бо(л)ярин* или *дружина* в Чехии человеку с определённым уровнем образования и/или кругозора были понятны и даже могли им использоваться в книжно-литературной работе, но в то же время в живой речи либо само слово, либо слово в определённом значении не употреблялись. В текстах они использовались редко или только в определённых контекстах, имели синонимы, употребительные в данной языковой среде или в литературной традиции. Именно такие примеры мы видим во 2-м Житии. Труднее продемонстрировать такое словоупотребление в «Беседах», так как к этому весьма обширному тексту нет словоуказателя,

⁹¹ Bláhová E. Literární vztahy Sázavy a Kyjevské Rusi // Svatý Prokop, Čechy..., s. 228.

⁹² См.: Сказания о начале Чешского государства..., с. 12–14 (вводная статья А. И. Рогова).

⁹³ Благова Э., Икономова Ж. Ук. соч., с. 23–24.

⁹⁴ Слово не зафиксировано в словаре древнечешского языка: Gebauer J. Slovník staročeský. Díl I. Praha, 1970 (1-е изд.: 1900 г.).

⁹⁵ Слово употреблялось в древнечешском языке в своём древнем значении «приятели, спутники, товарищи» в самом общем смысле, и, как свидетельствуют глоссарии XV в., им переводились такие латинские слова, как *consortis, comitatus, collegium* и т. п.: Ibidem, s. 844.

и приходится пользоваться только кратким словником А. И. Соболевского, учитывающим далеко не все упоминания⁹⁶.

В основу «2-го старославянского Жития Вячеслава» положено Гумпольдово Житие Вацлава, и текст его переведён почти полностью, однако в некоторых местах славянский перевод отстывает от него и/или дополняет его. Считается, что автору славянского текста не было известно «1-е старославянское Житие Вячеслава», и он следовал другому источнику, но также латинскому – этот источник отчасти отразился в «Легенде Кристиана», «Crescente fide» и более поздних сочинениях, посвящённых св. Вячеславу/Вацлаву, но для большей части дополнений и аналогий не отыскивается⁹⁷. Стиль этих дополнений отличается от остального текста – перевод здесь проще и понятнее и не так слепо следует латинскому оригиналу. Любопытно, что два упоминания *дружины* из пяти приходятся как раз на эти дополнения.

Наиболее характерное, на мой взгляд, употребление слова *дружина* обнаруживается в 13-й главе 2-го Жития. Здесь это слово упоминается вместе со словом *боляры*, которое, как уже было выше сказано, не было известно древнечешскому языку и было в церковнославянских текстах, созданных в древней Чехии, своего рода «литературным импортом». В 13-й главе рассказывается о том, как Вячеслав начал христианизацию страны. Сначала он собрал знать и своих приближённых и предложил им креститься. Сообщение об этом вводится словами: «Въ единъ от днии съзва вся боляры своя и дружину въ полату, нача к ним съ сваром г(лаго)лати: о дружино вѣрнаа, но не въ Х(рист)ѣ!...»⁹⁸ У Гумпольда мы видим: «die quadam militum et amicorum contione in palatio facta... o amici et fideles utinam Christi!»⁹⁹. Очень похоже на то, что Гумпольд, вообще не чуждый стилистическим изыскам, в данном случае использовал особую стилистическую фигуру – гендиадис, то есть обозначение предмета или понятия двумя существительными, дополняющими друг друга по смыслу, а реально он имел в виду одну и ту же группу людей – воинов-рыцарей, приближённых князя и верных ему. Поскольку речь шла о решении важнейшего вопроса – принятии

⁹⁶ Соболевский А. И. Словарный материал, извлечённый из Бесед Григория Двоесловца // Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 54-81 (1-е изд.: 1900 г.). В настоящее время выходит критическое издание «Бесед». Опубликованы первые два тома с текстом памятника, но третий том со словоуказателем ещё не вышел: *Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na Evangelia v českocírkevněslovanském překladu. K vydání připravil V. Konzal. Díl I. Homilie I–XXIV. Praha, 2005. Díl II. Homilie XXV–XL. Praha, 2006.*

⁹⁷ Наиболее подробное сравнение латинского оригинала Гумпольда и «2-го старославянского Жития» осуществил Н. К. Никольский, открывший для науки текст 2-го Жития (который поэтому называется также «Легендой Никольского»): *Никольский Н. [К.] Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переводе. СПб., 1909, с. VII и след. Ср. также: Weingart M. Op. cit., s. 950–956 и вводную статью Й. Вашицы к публикации 2-го Жития: *Sborník staroslovanských literárních památek...*, s. 71–83.*

⁹⁸ *Никольский Н. [К.] Ук. соч., с. 34-35.* Это издание остаётся лучшим, так как текст издан по двум спискам (оба XVI в.). Тот список, который издавался впоследствии (Соловецкий), хотя несколько более ранний, кажется менее исправным. Здесь везде цитаты приводятся по Пафнутьевскому списку.

⁹⁹ *Gumpoldův život Václava knížete českého // Prameny dějin českých/Fontes rerum bohemicarum. Díl I: Životy svatých a některých jiných osob nábožných. Sv. 2. Praha, 1873, s. 155.*

христианства, – очевидно, имелись в виду наиболее выдающиеся представители знати в окружении Вячеслава.

Перестановка *amicī* на первое место во втором словосочетании (в словах Вячеслава) и замена *militēs* на *fideles* тоже объясняется стилистически: автор хотел обыграть двойное значение *fideles* – и как верные князю, и как верные Христу (верующие). Переводчик в первом случае, видимо, понял словосочетание *militum et amicūm* не как речевой оборот, а буквально, и перевёл *militēs* как «вся бояры своя», имея в виду знатных рыцарей, а *amicī* как «дружина», исходя из соответствия значений (*amicī* – друзья). Во втором же словосочетании он уловил стилистическую манеру Гумпольда и удачно передал гендиадис через сочетание «дружина верная». И в том, и в другом случае чешский переводчик использовал слово *дружина* в самом общем смысле, понимая под ним предельно широко всю совокупность людей, служащих князю и зависимых от него – вообще окружение князя, его соратников, приближённых и т. д. Правда, при этом у него получилось, что в первом случае бояре оказались противопоставлены дружине, а во втором к ним как к «дружине» обратился Вячеслав, и таким образом, одно и то же слово (*дружина*) в одном случае обозначает как будто некую отдельную от бояр категорию призванных, а в другом – уже всех вместе (то есть используется метонимически). В результате только одно из слов сохранило свой точный смысл – *боляры* как ‘знать, рыцари на службе князя’, а другое (*дружина*), напротив, не имеет точности (терминологичности), и значение его расплывается. Вместе с тем, сам факт, что слово *дружина* употребляется для обозначения людей в окружении князя, позволяет увидеть связь между чешским памятником и болгарскими текстами (см. выше). Всё-таки переводчик передаёт *amicī* не буквально как «друзья», а именно как «дружина».

Те же тенденции в использовании слова *дружина* прослеживаются и в остальных упоминаниях его во 2-м Житии: с одной стороны, широкий и довольно неопределённый смысл, а с другой – применение именно к окружению князя. Глава 10 сообщает о видении во сне Вячеслава. Рассказ о видении вкладывается в уста самого князя и открывается его обращением «къ всѣмъ», когда он проснулся и решил поведать о своём видении: «милаа моа дружино и иж(е) от отрок моих слуги!». У Гумпольда: «*dulces amicī vosque o familiares clientulī!*»¹⁰⁰. Хотя трудно сказать точно, кого под *amicī* имел в виду Гумпольд (от итальянского епископа вообще нельзя ожидать точности в передаче социальных категорий чешского общества), но вероятным выглядит, что речь идёт о тех, кого Гумпольд в главе 13 обозначил как *militēs*. Наверное, имеются в виду наиболее близкие князю представители знати, и неслучайно, что в этой фразе из рассказа о видении Вячеслава они противопоставляются домашним слугам и награждаются эпитетом *dulces*¹⁰¹. Понял ли это переводчик или нет, для нас останется

¹⁰⁰ Никольский Н. [К.] Ук. соч., с. 30–31; Gumpoldův život Václava..., s. 154. Текст неправильно понят в переводе А. И. Рогова: Сказания о начале Чешского государства..., с. 92.

¹⁰¹ Так и предлагает понимать эту фразу Х. Ловмянский: *Lowmiański H.* Op. cit. T. IV, s. 188.

загадкой, так как он решил пойти более простым путём следования прямому соответствию латинского и славянского слов – как и в 13-й главе, он переводит *amicī* как *дружина*. В результате у него получается, что в этой главе *дружина* отделяется от тех, кто назван «от отрок слуги», а в 13-й – от «боляр». Конечно, речь не идёт о какой-то социальной категории или институте – мы имеем дело просто со словом, имеющим самое общее значение ‘товарищи, соратники, помощники’ и т. д., но применённом для людей в окружении правителя; в результате получилось значение ‘княжеские люди, соратники, окружение’, которое в зависимости от контекста может сужаться и указывать на совсем разных людей.

В главе 18 о дружине заходит речь в тексте дополнительном по отношению к оригиналу Гумпольда. Этим словом обозначены те люди, с которыми Вячеслав затеял «игру». Эпизод имеет аналогию в сообщении 1-го Жития о «другах», разобранным выше. Можно было бы думать, что автор 2-го Жития просто передаёт здесь это сообщение, переделав «други» в «дружину». Однако его изложение этого эпизода имеет ряд фактических расхождений, и учёные пришли к выводу, что в основе этого места 2-го Жития лежит всё-таки латинский источник (который, впрочем, сам мог передавать как раз сообщение 1-го Жития, хотя и с некоторыми отличиями). Одно из расхождений состоит в том, что во 2-м Житии эту «игру» Вячеслав устраивает не в Болеславле (как в 1-м Житии), а ещё у себя в Праге, после того как он получил приглашение от брата на пир в Болеславль. Контекст не позволяет здесь определить точное значение слова и кто именно имелся в виду. Агиограф пишет, что Вячеслав догадался о готовящемся покушении на него, но открыто пошёл на смерть и, собрав своих людей на «игру», даже показал им свою доблесть, чтобы они не думали, что он не способен на сопротивление: «...абие причинився съ дружиною своею, и всѣд на конь нача играти, гоняся пред ними по двору своему, г(лаго)ля к ним: “азъ ли бых не умѣл с вами, чехи, на комони обрѣсти противникъ наших, но не хочу”»¹⁰². *Дружина* здесь обозначает просто людей в окружении Вячеслава, и неопределённость их социального облика только подчеркнута обращением князя к ним просто как к «чехам».

Такой же самый общий смысл слово имеет в начале 19-й главы в отрывке, тоже не имеющем латинского соответствия. Передаются переговоры Болеслава со «своими», и в этих речах о людях, которые прибыли с Вячеславом в Болеславль, говорится «дружина его»¹⁰³. В другом месте 19-й главы мы имеем латинский оригинал Гумпольда. Описывая борьбу Вячеслава с напавшим на него Болеславом, автор говорит, что Болеслав стал звать на помощь своих людей. Сначала говорится, что князь «велми възопи, на помощь себе своа зовыи» (*in auxilium sui socios vocat*), а затем сообщается о приходе подмоги: «и единою дружина великом гл(а)сом призвани притекоша» (*moti socii magno clamore vocati accurrunt*)¹⁰⁴. Как видим, у Гумпольда в обоих случаях упот-

¹⁰² Никольский Н. [К.] Ук. соч., с. 48–49.

¹⁰³ Там же, с. 52–53.

¹⁰⁴ Там же, с. 54–55; Gumpoldův život Václava..., s. 160.

реблено одно слово – *socii*, а переводчик в одном случае передаёт его как «своя», а в другом – «дружина». Очевидно, в слово *дружина* вкладывается снова самое общее значение ‘свои (люди), товарищи’ и т. п., но применяется к княжеским людям.

Последнее упоминание – в главе 20. Латинский оригинал говорит о приказании Болеслава убить всех близких Вячеславу людей: «*clericos et amicos, necnon servicio eius familiariter iunctos*». Все вместе в начале той же фразы они обозначены как *catervas fidelium*. Однако, фраза эта длинная и синтаксически сложная, и так как это обозначение, данное в обороте *ablativus absolutus*, и перечисление людей оказались разнесены в разные её части, в славянском переводе вышла неясность – по вине то ли слишком буквально придерживавшегося оригинала переводчика, то ли переписчиков, – и под *fidelium* были поняты не верные Вячеславу люди, а он сам. В результате фраза «*saevitiaque eius (Болеслава – П. С.) in catervas fidelium furente, non multo post beati viri necem... clericos et amicos, necnon servicio eius familiariter iunctos subita mortis sententia damnavit*» была передана: «и лютостью его на вѣрнаго дружину немного по убиении с(вя)того послав Прагъ погуби вся его приязни и клирики и слуги его измавь вся исѣче»¹⁰⁵. «Дружина» здесь передаёт *catervas* и обозначает, таким образом, всех в целом «приязней, клириков и слуг» Вячеслава. Слово употреблено для самого широкого обозначения лиц, так или иначе связанных с князем; в круг этих лиц включены даже «клирики». Видимо, поскольку в начале предложения переводчик уже прибегнул к слову *дружина*, то далее в перечне верных Вячеславу людей он передал *amicos* как «приязни», отвергнув вариант перевода по «буквальному соответствию» ради стилистической гладкости.

В «Беседах» Григория Двоеслова в случаях, отмеченных А. И. Соболевским, слово *дружина* используется только в значении ‘спутники, товарищи, сотрудники’ и переводит латинское *socii*¹⁰⁶.

Таким образом, слово *дружина* среди всех старославянских текстов «чешской рецензии» представлено фактически только в двух произведениях, близких по языку и связанных общим происхождением, а именно с «переводческой школой» Сазавского монастыря середины – второй половины XI в. Чешские переводчики, безусловно, свободно пользовались этим словом, в сущности употребляя его в том смысле, в каком оно выступало в текстах кирилло-мефодиевского круга – то есть ‘спутники, товарищи’ и т. п. Однако, в славянском переводе Гумпольдова Жития св. Вацлава («2-м старославянском Житии св. Вячеслава») оно последовательно применяется к окружению князя. В этом отношении характер и контекст использования слова соответствует тому, что мы наблюдали в древнеболгарских текстах. Это соответствие надо объяс-

¹⁰⁵ Никольский Н. [К.] Ук. соч., с. 56–57; Gumpoldův život Václava..., s. 161. Указание на Прагу (как и другие фактические детали в этом сообщении) славянским переводчиком заимствованы из других источников. Русский перевод Рогова снова некорректен – он представляет собой контаминацию славянского и латинского вариантов, сглаживающую, но никак не объясняющую действительные смысловые противоречия текста: Сказания о начале Чешского государства..., с. 97.

¹⁰⁶ Čtyřicet homilíí Řehoře Velikého... D. II, s. 842 (л. 196), 894 (л. 209об.).

нять, по всей видимости, литературными контактами книжников Сазавского монастыря и просто влиянием болгарской и русской традиций церковнославянской книжности. Вместе с тем, слово *дружина* во 2-м Житии не имело терминологической точности, не указывая на какую-то определённую социальную категорию или институт. Оно обозначало предельно широкий круг людей: вообще всех тех, кто был в тот или иной момент при князе, или тех, был с ним как-то связан и т. д. «Другов», упомянутых в Востоковской редакции «1-го старославянского Жития Вячеслава», правильное было бы, на мой взгляд, понимать как обозначение особой социальной категории древнечешского общества XI–XIII вв., известной под латинизированным обозначением *druh/druhones*.

* * *

Общие заключения этого параграфа сводятся к следующему.

Слово *дружина* – общеславянское и фиксируется в древнейших памятниках на славянском языке. Первоначально оно имело довольно широкий смысл – спутники, товарищи, сотрудники, соратники, приятели, помощники. В таком значении оно фиксируется и в древнейших оригинальных и переводных текстах кирилло-мефодиевского круга, и затем во многих текстах, созданных или «усвоенных» практически во всех областях распространения славянской письменности. Более узкое значение ‘военное объединение, войско, отряд’ оно получает в Болгарии X в.¹⁰⁷ В одном случае (в «Беседах» Космы Пресвитера) *дружина* связывается с «владыками земными», обозначая, возможно, людей, состоящих на службе у этих последних.

В таком «властно-иерархическом» или «государственном» контексте, а именно для указания на людей в окружении князя, слово *дружина* встречается также в памятнике древнечешской литературы – «2-м старославянском Житии св. Вячеслава» (перевод латинского жития Гумпольда). Ф. Граус считал, что здесь слово выступало как *terminus technicus*, обозначая «большую дружину» (ср. выше в главе II)¹⁰⁸. Однако, с ним согласиться нельзя¹⁰⁹. Какую бы дружину как институт или организацию ни иметь в виду, употребление старославянского слова *дружина* в этом памятнике нельзя расценивать как терминологически точное. Смысловое наполнение слова здесь широко и расплывчато, его используют либо для обобщённого обозначения людей, сопровождавших или поддерживавших князя, причём часто отталкиваясь от латинского слова *amici*, стоящего в оригинале, либо для обозначения одной какой-либо группы среди этих людей, причём в разных случаях – разных групп. Во втором случае мы имеем дело с метонимией – указанием на часть с помощью обозначения целого.

¹⁰⁷ Ср. мнение, что такое значение свойственно только русским источникам: *Сороколетов Ф. П.* Ук. соч., с. 75. Ср., с другой стороны, мнение, что в таком смысле и даже точнее: в смысле военно-служилой организации при князе – слово употреблялось уже в IX в. практически у всех славян: *Havlík L.* *Morava v 9.-10. století...*, s. 79.

¹⁰⁸ *Graus F.* *Raně středověké družiny a jejich význam při vzniku států ve střední Evropě // ČČH. Roč. XIII (1965), číslo 1, s. 7–8.*

¹⁰⁹ Это мнение Грауса уже подвергалось справедливой, хотя и краткой, сделанной мельком, критике Х. Ловмянским: *Łowmiański H.* *Op. cit.* T. IV, s. 188.

Появление *дружины* в этом памятнике наиболее логично и естественно связать с литературно-церковными контактами, которые засвидетельствованы между Сазавским монастырём, где вероятнее всего и был осуществлён перевод, и русскими культурными центрами.

Прямой связи слов *дружина* и *друг* в старославянских текстах не прослеживается. «Етеръ другъ» в Житии Мефодия следует объяснять не как указание на дружинника Святополка, а как сочетание двух местоимений и переводить как «некий другой». Никаких дружинников нет и в мефодиевском переводе «Закона суднаго людем».

Слово *друг* существовало в древнечешском языке как социальный термин, но обозначало оно не члена дружины правителя (князя) как военно-социальной организации, а зависимого человека на частной службе – вассала-министериала. В таком смысле, на мой взгляд, надо понимать это слово, упомянутое во множественном числе в одном месте Востоковской редакции «1-го старославянского Жития св. Вячеслава».

Стоит отметить, что в древнерусском языке значение слова *друг* известно только одно главное – ‘приятель, товарищ’¹¹⁰. Несмотря на то, что древнейшие русские источники несравненно более многочисленны, чем тексты на других славянских языках, а в частности, более обильны и по упоминаниям социальной терминологии, на Руси это слово не фиксируется в значении ‘член дружины’. Конечно, в живом языке ощущалась связь между словами *друг* и *дружина* (ведь второе из них – собирательное, производное от первого), и в определённых контекстах или ситуациях «други» (во множественном числе) могли быть взаимозаменяемы с «дружиной». Так, в древнерусском переводе «Пчелы» (XII – начало XIII в.) греческое φίλοι (‘друзья’) девять раз передаётся как *дрѹжина*, хотя в большинстве случаев (более десятка) – как *дрѹзи*¹¹¹. Характерно, что почти во всех случаях первого рода речь идёт об окружении правителей – значит, слово *дружина* казалось уместным именно в таком контексте, и это свидетельствует о его определённой семантической спецификации. Эта спецификация, вполне соответствующая тенденции, зафиксированной в болгарских памятниках и во «2-м старославянском Житии Вячеслава», будет показана ниже на летописном материале.

Вместе с тем, было бы неправильно придавать таким случаям взаимозаменяемости слов *дрѹзи/дрѹги* и *дрѹжина* какое-то решающее значение. Контекст, в котором она происходила, мог быть самый разный. Эти два слова сближались также, например, под влиянием церковно-религиозной литературы, в которой люди, связанные

¹¹⁰ Из этого главного значения можно, конечно, выделить некоторые более специфические – например, «сторонник, приверженец» и т. п., см: СДРЯ. Т. 3. М., 1990, с. 85-87.

¹¹¹ См.: «Пчела». Древнерусский перевод. Издание подготовили А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. II. М., 2008, с. 97, 555. М. Н. Сперанский отметил три случая перевода φίλοι как *дрѹжина*: один раз в рассказе о персидском царе Кире и дважды в рассказах об Александре Македонском (*Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты.* М., 1904, с. 297). Он расценил такой перевод как «русизм».

единством веры, особенно в иноверном враждебном окружении, нередко именовались «дружиной» (ср. выше примеры из старославянских житий и месяцесловов) и в которой, с другой стороны, тот *ближний*, к которому христианство призывало относиться с милосердием и любовью, нередко обобщённо именовался «другом»¹¹². Так, например, в НПЛм в сообщениях о посольствах новгородцев в Швецию под 6856 (1348) и 6858 (1350) гг. одни и те же люди – члены посольства – обозначаются сначала как «Аврам со своими другы», а потом «Аврам и Кузма и дружина их»¹¹³. Именование новгородского посольства именно таким образом, очевидно, объясняется контекстом: здесь же указывается цель посольства – спорить с Магнусом, королём шведским, «коя вѣра лучши», – и о решении новгородцев защитить православие сообщается в приподнято-торжественном духе. В данном случае более обычным и естественным было употребление слова *дружина* ('спутники, товарищи'), но пафос сообщения вызвал появление слова, привычного в церковно-религиозном контексте – *друг*. В «Пчеле», наоборот, более простым был прямой перевод *φίλοι* > *дру҃ги*, но в описании отношений правителя с его окружением переводчик посчитал более подходящим или выразительным слово *дру҃жина*. Выбор из двух этимологически связанных слов диктовался, таким образом, лишь стилистическими соображениями, но совсем не тем, что они должны были быть связаны в строго определённом (терминологическом) значении: *дружина* как объединение людей на службе князя, а *друг* как член такого объединения (дружинник). До научно-исторических штудий в России в XIX в., когда такое значение получило слово *дружинник*, иного слова для определения члена дружины просто не существовало (как до сих пор и не существует во многих славянских языках).

§ 2. Дружина в древнерусских источниках

Главный вопрос, от которого отталкивается исследовательский поиск в данном разделе, вытекает из предшествующего анализа и может быть сформулирован так: прослеживается ли бóльшая точность и терминологичность слова *дружина* в древнерусских памятниках по сравнению со старо- и церковнославянскими текстами? В древнеболгарских и древнечешских памятниках это слово обнаруживает некоторое сужение самого общего первоначального значения 'спутники, товарищи'. Привела ли эта семантическая спецификация на древнерусской почве к тому, что слово стало обозначать конкретные социально-политические структуры и институты?

¹¹² Ср., например, ссылку в «Повести временных лет» на евангельскую максиму: «Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя» (Ин. XV, 13) в рассказе о смерти Изяслава Ярославича в 1078 г.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 203. Ср. также в Изборнике 1076 г.: «даже не умьреши добро сътвори другу» (Изборник 1076 года. 2-е издание, переработанное и дополненное. Подготовили М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голыщенко. Под редакцией А. М. Молдована. Том I. М., 2009, с. 362 (л. 167об.)).

¹¹³ НПЛ 1950, с. 359, 362.

В специальной литературе этот вопрос уже ставился, и хотя ответы на него были разные, после работы Ф. П. Сороколетова стали обычно отвечать на него положительно. Сороколетов, предложив внушительную подборку примеров употребления слова *дружина* не только в летописях, но и в древнерусских литературных памятниках, попытался выделить три главных значения слова. Его наблюдения, вне сомнения, заслуживают внимания, хотя они не были вполне последовательными и их нельзя назвать во всём убедительными. Первым (и древнейшим) он считал «общеславянское» значение ‘товарищи, спутники’ и т. п. Вторым «основным значением» «в оригинальной светской письменности» (древнерусской) он называл в одном месте ‘княжеское постоянное войско’, а в другом – ‘войско вообще’¹¹⁴. Заколебавшись в отношении второго значения, учёный обнаружил ещё большую неопределённость, пытаясь выделить третье, более специальное. Исходным посылом его рассуждений была мысль, что слово *дружина* «в своей семантике отражает сложную картину организации не только военной, но и социально-политической на определённой стадии развития славян, и восточных славян прежде всего», и что «дружина была не только постоянным войском князя и знати, но и организацией (или органом), на которую князь опирался в политическом управлении». Выдвинув этот постулат, Сороколетов исходил из чисто теоретических соображений и лишь ссылался на труды известных историков (С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского, Б. Д. Грекова). Фактически он не смог привести ни одного примера, который бы ясно обозначал контуры этой «организации» или «органа», и лишь отмечал, что её «основным признаком» было функционирование как «постоянного войска, окружавшего князя»¹¹⁵. Сосредоточившись на случаях употребления слова *дружина* с уточняющими эпитетами (молодая, большая, передняя и т. д.) или в противопоставлении с более точными терминами (бояре, гридь и пр.), Сороколетов в итоге, уже в конце раздела, посвящённого этому слову, говорит лишь о его «военных значениях». Он только осторожно замечает, что «дифференцирующие признаки, выделяющие дружину как особый вид воинской организации из ряда других (*полкъ, рать*)» состояли в «приближенности к князю, участии, по крайней мере верхушки дружины, в обсуждении и решении различных вопросов с князем и постоянности и немногочисленности состава»¹¹⁶.

Таким образом, попытка Ф. П. Сороколетова более конкретно определить социально-политическое содержание древнерусского слова *дружина* по сравнению со значением ‘войско’ привела лишь к одному уточнению: в ряде случаев, особенно в летописи, может иметься в виду не просто некое войско, а ‘приближенное к князю постоянное войско’. Практически так же определял значение слова и А. С. Львов по данным «Повести временных лет» (ПВЛ): ‘постоянное воинское соединение, находящееся при князе’¹¹⁷. Но ясно, что хотя это значение и более узко по сравнению со

¹¹⁴ Сороколетов Ф. П. Ук. соч., с. 57, 72.

¹¹⁵ Там же, с. 58-59.

¹¹⁶ Там же, с. 74-75.

¹¹⁷ Львов А. С. Ук. соч., с. 280, 289.

‘спутники’ или ‘войско, военные силы вообще’, оно недостаточно конкретное, чтобы видеть в нём какие-то социальные группы или политические институты. Войско под началом князя или даже военная организация, функционирующая более или менее на постоянной основе, могли ведь состоять из самых разных социальных элементов и имели весьма опосредованное отношение к процессам и механизмам принятия политических решений. Очень разными могли быть и отношения, связывавшие с князем людей, состоящих в войске.

На противоречивость высказываний Ф. П. Сороколетова в дальнейшем не было обращено внимание, и тезис, выдвинутый им, но не подкреплённый данными источников, об особом третьем значении лексемы был признан без всяких оговорок даже в авторитетных словарях. Например, «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» таким образом определяет это особое значение: «ближайшие люди князя, княжеский совет и княжеское постоянное войско в древней Руси»¹¹⁸. Здесь, правда, не говорится, как у Сороколетова, об «организации» и «органе», но указание на «совет» и «постоянство» подразумевает как будто институциональную оформленность дружины, хотя возникает сразу вопрос, что же создавало эту оформленность, если связь «ближайших людей князя» и его «совета» со всем «княжеским войском» (естественно, весьма разнородным) была более или менее условной и опосредованной.

Нетрудно заметить, что стремление «терминологизировать» слово *дружина* и увидеть в нём прямое отражение некоего не только военного, но и социально-политического института восходит к устойчивой историографической традиции XIX–XX вв. (ср. ссылки Сороколетова на историков). Если при этом у лингвистов и филологов наблюдаются ещё некоторые колебания, то историки, как правило, более однозначны и прямолинейны. Характерным примером в этом отношении может служить работа датского историка Кнуда Рабека Шмидта, суждения которого вполне укладываются в эту традицию, а формулировки часто удачно выражают то, что только подразумевается в трудах классиков этой традиции. Шмидт, опираясь, главным образом, на данные ПВЛ, даёт такое определение дружины (в основном, по его мнению, значении древнерусского слова, помимо ‘спутники’ и ‘войско’): «постоянное учреждение (*eine feste Einrichtung*), состоящее из мужчин, которые связаны с киевскими князьями тесными (личными) узами; они (или некоторые из них) действуют как личная охрана князя и живут за его счёт; другие получают (как и сами князья) долю из взимаемой

¹¹⁸ СДРЯ. Т. 3, с. 91–92. Первым и вторым значениями даются ‘товарищи, спутники’ и ‘войско’. Этот словарь, вслед «Словарю русского языка XI–XVII вв.» (СРЯ. Вып. 4, с. 362), выделяет ещё одно значение слова – ‘община’, и видит таковую в *дружине*, упомянутой в статье «Русской правды» о головничестве (ст. 5 «Пространной редакции»). Однако, очевидно, этот дополнительно выделяемый смысл является лишь частным случаем значения ‘товарищи, свои (люди)’. Существование общины в Древней Руси выглядит крайне проблематичным, и толкование свидетельства «Русской Правды» именно в таком смысле по меньшей мере рискованно.

дани и имеют земельные владения вокруг Киева»¹¹⁹. Это определение выглядит крайне странно: трудно представить себе, что это может быть за «постоянное учреждение», которое объединяет столь разнородные социальные группы, как личных охранников князя на его содержании и, с другой стороны, землевладельцев, имеющих доступ к распределению государственных доходов (дани). Историк как будто лишь точно следует летописи, но картина в результате получается противоречивой и неясной. Может быть, был прав Х. Ловмянский, который, как раз критикуя работу Шмидта, указывал на «непригодность» летописного обозначения в качестве научного понятия (ср. выше во введении к данной главе)?

Для ответа на поставленный в начале раздела вопрос предлагается следующая методика. Для последовательного подробного анализа содержания слова *дружина* берётся только некоторая часть летописного текста древнейшего происхождения. Затем результаты, полученные из этого анализа, сравниваются с некоторыми другими примерами в древнерусских памятниках, и этого будет вполне достаточно, чтобы выяснить главное в семантике и употреблении этого слова. Отталкиваться я буду от значений, уже выясненных мной выше по старо- и церковнославянским памятникам, с учётом наблюдений и выводов специальных терминологических работ.

2.1. Древнейшее летописание

Текст, который анализируется в этом подразделе, – это часть Новгородской Первой летописи младшего извода (Н1Лм) до 6504 (996) г., в которой, согласно схеме летописания А. А. Шахматова, отразился свод, предшествующий ПВЛ, – так называемый «Начальный свод» (НС) – и сохранился тем самым в целом более древний летописный пласт (см. о шахматовской схеме в главе I).

Обращение к этому тексту обусловлено исходной целью последовательно учитывать достижения летописной текстологии. До сих пор такой подход не пользовался популярностью в терминологических исследованиях. Ни Ф. П. Сороколетов, ни А. С. Львов практически не использовали Н1Л. К. Р. Шмидт анализировал ПВЛ и только Синодальный список Н1Л (Н1Лс), который, как известно, не имеет начала и излагает события с конца статьи, предшествующей статье 6525 (1018) г. Сравнение ПВЛ с Н1Лм, которое могло бы показать, какие изменения претерпевает употребление того или иного термина в летописных текстах разного происхождения, он не провёл. Автор, издавшая ряд статей об обозначениях лиц, принадлежавших к элите древнерусского общества, только в одной статье (где не касается *дружины*) последовательно разделяет терминологию в ПВЛ и Н1Л¹²⁰. Таким образом, в терминологических работах не использованы возможности увидеть трансформацию текста, а значит, и со-

¹¹⁹ Schmidt K. R. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240), aus dem Dänischen übersetzt von W. Krämer. Kopenhagen, 1964, S. 475-476, ср. также стр. 64-73, 109-123.

¹²⁰ Завадская С. В. «Болярин»–«боярин» в древнерусских письменных источниках // ДГ: 1985 год. М., 1986, с. 89-94.

ответствующих терминов, в ПВЛ по сравнению с предшествующим этапом летописания, и, тем самым, проверить, развить или дополнить гипотезу Шахматова о НС.

Разумеется, вопрос о древнейших этапах летописания на Руси может решаться по-разному, но в любом случае часть Н1Лм до 6504 г. – это удобный текст для терминологического разбора, поскольку он чётко отделён от повествования о событиях XI в. и представлен одной группой списков, расходящихся между собой только в отдельных чтениях. Все упоминания слова *дружина* в этой части летописи анализируются далее каждое в соответствующем контексте, и предлагается, насколько это возможно, определение происхождения этого контекста согласно представлениям об истории начального летописания Шахматова и его последователей.

Надо только сделать одну важную оговорку. Для анализа берётся текст летописи, который рассказывает о событиях, весьма отдалённых от его автора или, точнее, авторов (поскольку речь идёт о нескольких летописных слоях). Разрыв может составлять от одного-двух десятилетий (если взять, например, древнейший текст, описывающий правление Владимира Святого) до одного-двух столетий (если берётся текст НС, касающийся событий конца IX–X в.). Летописцы часто опирались не столько на собственные впечатления, сколько на легенды и предания, и представляли историческое сочинение, а не дневник событий. Оставляя пока в стороне вопрос о достоверности самой информации, сообщаемой летописцами (об этом см. в главах IV–VI), надо отметить, что их словоупотребление было ориентировано прежде всего на их современников и на реалии, им современные. Нельзя, конечно, отрицать, что тот или иной автор мог писать, осознавая отдалённость событий и подразумевая, что в древности общественная жизнь была устроена иначе, нежели в его время, а значит, его понимание исторического процесса или просто историческая интуиция заставляли либо приближать словоупотребление к реалиям того прошлого, которое он описывал, либо эпически абстрагировать его, отрывая от конкретных обстоятельств. Но всё-таки в целом надо исходить из того, что мы будем реконструировать словоупотребление летописца, а не участников описанных им событий (для многих из которых, как можно предположить, родным языком был вообще не древнерусский, а древнескандинавский), и оно будет отражать, грубо говоря, реалии не X-го, а скорее XI-го века.

* * *

Слово *дружина* употребляется в части Н1Лм до 6504 г. тридцать пять раз.

1. Два упоминания содержится в «Предисловии» к НС, а точнее в поучении, обращённом к «стаду Христову» и предваряющем изложение истории Русской земли в хронологическом порядке¹²¹. Из трёх основных списков Н1Лм текст «Предисловия» сохранился только в позднейшем Толстовском, который в нескольких местах явно неисправен (в Академическом и Комиссионном списках начальные листы утрачены). Однако, благодаря работе, недавно предпринятой А. А. Гиппиусом, можно теперь

¹²¹ НПЛ 1950, с. 104.

опереться на сравнительно надёжно реконструированный оригинальный текст¹²². В этой работе также подкреплены аргументы А. А. Шахматова и приведены новые в пользу датировки этого текста серединой 1090-х гг.

Автор «Предисловия» призывал современников следовать примеру «древних князей и мужей их». Эти князья не собирали «многа имѣннѣя», не злоупотребляли штрафами, но взимали только «правые виры» и давали их «дружиинѣ на оружье». Далее автор описывал образ действия «древней» дружины и противопоставлял его современному ему реалиям: «А дружина его (то есть князя – П. С.) кормяхуся, воююще ины страны и бьющесе и ркуще: братие, потягнем по своем князѣ и по Руской землѣ, [не жадяху: мало ми е, къняже, 200 гривнь]»¹²³. Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ в серебряныхъ. И расплодили были землю Русскую».

В главе IV ещё будет разбираться это интересное рассуждение древнего публициста, чтобы прояснить, кого именно из своих современников он с таким осуждением процитировал и против кого направлена его критика. Пока можно ограничиться только фиксацией значения, в котором здесь выступает слово *дружина*. К этому тексту вполне подходит то значение, которое Ф. П. Сороколетов и А. С. Львов выделили как специфически древнерусское и часто встречающееся в летописи – ‘княжеское постоянное войско’. В самом деле, речь идёт о войске (виры предоставляются на вооружение), оно функционирует более или менее постоянно (его члены «кормятся» за счёт военной добычи), и наконец, оно состоит под началом князя, от которого получает выплаты и которого называет «своим». Важно, что в представлении автора текста дружина на Руси существовала издревле и существует как будто и в его время, по крайней мере в какой-то форме, может быть, трансформированной (причём эта трансформация и вызывает его неудовольствие). Очевидно, в дружину входят «мужи», о которых летописец упоминает сначала, но это обозначение носит слишком общий характер, чтобы делать какие-то выводы о составе дружины.

Рассмотрим оставшиеся тридцать три упоминания, следуя летописной хронологии.

2. О дружине говорится в рассказе о призвании Рюрика в Новгород, который помещён в НЛМ в статью 6362 (854) г. Согласно летописи, славянские и угро-финские племена решили «поискать» князя, и по их приглашению из «варяг» пришли «3 брата с роды своими и пояша со собою дружину многу и предивну и приидоша к Новугороду»¹²⁴.

¹²² См.: Гиппиус А. А. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010, № 2 (20), с. 143-199.

¹²³ Текст в месте, взятом в квадратные скобки, и в Толстовском списке, и в других рукописях испорчено, и приводится его реконструкция по Гиппиусу: Гиппиус А. А. Ук. соч., с. 165.

¹²⁴ НПЛ 1950, с. 106. Текст приводится по Комиссионному списку, в Академическом здесь не достаёт листов.

Легендарный контекст упоминания очевиден. Легендарность подчеркнута эпитетами, описывающими дружину Рюрика и его братьев: «многа и предивна». Правда, в Н4Л и С1Л из двух прилагательных присутствует одно: «дружину многу»¹²⁵. А. А. Шахматов этот вариант считал первичным, а слово «предивну» «вставленным по недоразумению». Он опирался на чтение Троицкого списка Н1Лм, где сказано «и пояша с собою дружину многу и прииде к Новугороду» и где глагол «прииде» был согласован со следующей фразой: «и сѣде старѣишеи в Новѣгородѣ» и т. д.¹²⁶ Первоначально, по Шахматову, после слов «дружину многу» шло «и приде в Новѣгородѣ старѣи Рюрикъ», и таким образом, как следует понимать мысль учёного, «и предивну» получилось при переписывании из «и приде в Новѣгородѣ»¹²⁷. Это мнение недавно поддержал А. А. Гиппиус, предположив, что изначально в тексте была формула «многу и храбру» (аналогичная другим подобным парным формулам в древнейшем летописном слое)¹²⁸.

Для данной работы не так важно, шла ли речь в оригинальном тексте о дружине «многой», либо «многой и предивной», либо «многой и храброй». В любом случае ясно, что она имеет здесь неопределённый и расплывчатый характер. Поскольку для летописца нечто отдельное от дружины представляли «роды» братьев, можно только исключить наиболее общее значение слова *дружина* ‘спутники, товарищи’, позволяющее как раз объединить родственников с друзьями, воинами или зависимыми людьми. Лучше подходят значения ‘войско’ или более специфично – ‘княжеское войско/окружение’.

Благодаря легендарной туманности и неопределённости контекста составитель ПВЛ смог существенно изменить смысл фразы, лишь убрав указание про дружину. По его версии, вместо «дружины» варяги «пояша по собѣ всю русь»¹²⁹. Правка вполне понятная как развитие идеи автора ПВЛ о германо-скандинавском происхождении руси¹³⁰.

Текст «Сказания о призвании варягов» надо, видимо, считать весьма древним. Шахматов относил его создание к творчеству новгородских летописцев и считал, что он попал в киевское летописание из предполагаемого им новгородского свода середины XI в. Однако у учёного не было убедительных текстологических аргументов в пользу вставного характера рассказа, он, главным образом, исходил из убеждения о

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1, с. 11; Т. 6. Вып. 1, стл. 14.

¹²⁶ НПЛ 1950, с. 514.

¹²⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 1. СПб.: «Наука», 2002, с. 218, примечание 1; Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб.: «Наука», 2003, с. 944.

¹²⁸ Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореву...–3. Ответ О. Б. Страховой (Ещё раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. Vol. XVII, No. 2 (2009), с. 271, сноска 25.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 20.

¹³⁰ См.: Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?* // ДГ: 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012, с. 513-582.

новгородском происхождении самой идеи призвания князя¹³¹. Мысль о существовании некоего новгородского свода середины XI в., отразившегося в НІЛ и ПВЛ, позднее в науке, как уже говорилось в главе I, не была поддержана. Современные учёные склоняются в пользу принадлежности легенды древнейшему слою начального летописания¹³².

3. Следующее упоминание – в рассказе, который Шахматов возводил к «Древнейшему Киевскому своду», о захвате Киева Игорем и Олегом. Рассказ в НІЛм в той же статье 6362 г. начинается с сообщения, что Игорь, сын Рюрика, вырос и что у него был воевода Олег. Комиссионный список представляет далее текст таким образом.

Игорь и Олег «начаста воевати и налѣзоста Днѣпру рѣку и Смолнескъ град. И оттолѣ поидоша внизъ по Днѣпру, и приидоша къ горам кыевским, и узрѣста городъ Кыевъ и испыташа, кто в немъ княжить, и рѣша: два брата, Аскольдъ и Дирь. Игорь же и Олегъ, творящая мимоидуца, и потаистася въ лодьях, и с малою дружиною излѣзоста на брегъ, творящая подугорьскими гостями, и съзваста Асколда и Дира. Слѣзъшима же има, выскакаша прочии воины з лодѣи Игоревы на брегъ; и рече Игорь ко Асколду: вы нѣста князя, ни роду княжа, нь азъ есмь князь, и мнѣ достоить княжити. И убиша Асколда и Дира и абие несъше на гору, и погребоша и Асколда на горѣ, еже ся нынѣ Угорьское наричетъ...»¹³³.

В ПВЛ текст видим в статье 6390 г., причём с существенными изменениями. Главное из этих изменений состоит в том, что главная роль отводится не Игорю, как в НС, а Олегу. Игорь представлен младенцем, а Олег превращён из его воеводы в самостоятельного князя «от рода» Рюрика. Узнав об Аскольде и Дире, Олег «похорони вои въ лодьях, а другия назади остави, а самъ приде нося Игоря дѣтска, и приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Диру». Далее приводятся те же слова к Асколду (и Диру), которые в НІЛм были вложены в уста Игоря и которые ПВЛ приписала Олегу, и сообщается об убийстве Аскольда и Дира с модифицированным указанием о появлении скрытых воинов: когда эти двое пришли на берег, «и выскакав же вси прочии изъ лодья»¹³⁴.

Соотношение текстов НІЛм и ПВЛ в этом месте представляет известные сложности. Шахматов в ранней статье думал, что текст первой первичен по отношению к тексту второй и отражает древнейшую версию. Превращение Олега из воеводы в единоличного правителя он объяснял тем, что составитель ПВЛ ориентировался на «южные (киевские) предания», в которых Олег фигурировал в качестве самостоятельного князя, и на договор руси с греками 911 г., заключённый от имени «Олга, великого

¹³¹ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 203 и след.

¹³² Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI – начала XII в. // ДГ: 2005 г.: Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008, с. 73-75.

¹³³ НПЛ 1950, с. 107.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 1, стл. 23.

князя рускаго»¹³⁵. В «Разысканиях» Шахматов уже предположил, что в Н1Лм дошёл текст НС, сильно изменённый и дополненный, в том числе и вмешательством позднейших новгородских редакторов (XII–XV вв.), по сравнению с первоначальной версией «Древнейшего Киевского свода». По его мнению, именно в этой первоначальной версии единственным законным правителем (князем) Руси был выставлен Олег, а в НС Игорь был представлен князем и Олег «понижен» в воеводы. Составитель ПВЛ, хотя и использовал текст НС, вернулся к изначальной идее о единоличности правления и действий Олега. Такой ход рассуждений позволял Шахматову в реконструкции текста «Древнейшего Киевского свода» опираться как на Н1Лм, так и на ПВЛ, составителю которой, как считал учёный, была известна первоначальная версия¹³⁶. Современные учёные развивают эти соображения Шахматова в том смысле, что списки ПВЛ вообще лучше передают оригинальный текст или, по крайней мере, оба варианта рассказа – по Н1Лм и ПВЛ – надо считать равнозначными в смысле отражения некоего древнего летописного текста¹³⁷.

Между тем, на мой взгляд, главная идея Шахматова об отражении в Н1Лм текста свода, предшествовавшего ПВЛ, заставляет и в данном месте исходить из первичности текста, представленного в Н1Лм. Его мысль о первичности версии единоличного правления Олега не опирается на внутреннюю критику текста в данном случае. То, что составитель ПВЛ отверг версию о воеводстве Олега и представил его самостоятельным князем, вполне объясняется тем фактом, что в его распоряжении попали договоры руси и греков, в том числе и договор 911 г. Все остальные отличия Н1Лм и ПВЛ вполне можно объяснить так же, как сам Шахматов сначала объяснял расхождения между первой и второй, – то есть как плоды «историко-литературного» творчества составителя ПВЛ¹³⁸.

Шахматова смущали явные неисправности, которые присутствуют в тексте Н1Лм, но их можно объяснить как относительно незначительные ошибки переписчиков, возникшие в течение долгой истории древнейшего текста, пока он не был зафиксирован в дошедших до нас списках. Так, например, одну из наиболее заметных неисправностей Шахматов видел в перебивке двойственного и множественного чисел в повествовании о походе Игоря и Олега с севера к Киеву. В Комиссионном списке Н1Лм, на основе которого Шахматов в «Разысканиях» судил о НС, первая фраза рассказа логично даёт двойственное число, поскольку только что были представлены Игорь как законный преемник Рюрика и Олег как воевода Игоря: «и начаста воевати и налѣзоста Днѣпръ рѣку и Смолнескъ град». Но далее среди форм двойственного

¹³⁵ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2 (1-е изд.: 1904 г.), с. 229.

¹³⁶ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 203, 218-223, 361-362.

¹³⁷ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Том I (Древняя Русь). Составители А. Д. Кошелев, В. Я. Петрухин. М., 2000, с. 142 и след.; Мельникова Е. А. Ук. соч., с. 54-57; Шайкин А. А. Олег и Игорь в Новгородской первой летописи и «Повести временных лет» // ТОДРЛ. Т. LVIII (2008), с. 610-611.

¹³⁸ См. подробнее: Стефанович П. С. Ук. соч.

числа появляются формы множественного: «поидоша», «приидоша», «испыташа». Последнее из перечисленных слов нарушает, к тому же, стилистику фразы, в которой оно находится. Справедливо была отмечена здесь «несогласованность»: «грамматически однородные глаголы “испыташа” и “реша”... относятся к разным действующим лицам»¹³⁹.

Порчу можно подозревать и в последующем пассаже: «Игорь же и Олегъ, творящая мимоидуша, и потаистася въ лодьях, и с малою дружиною излѣзоста на брегъ, творящая подугорскими гостьми, и съзваста Асколда и Дира». Во-первых, опять сталкиваемся со стилистической неловкостью: дважды употреблено слов «творящаяся» – сначала в обороте «творящаяся мимоидуша», затем «творящаяся гостьми». Во-вторых, в последнем из двух оборотов появляются некие «подугорские гости», о которых ничего из других источников неизвестно.

Можно ли объяснить эти неисправности, признавая, что Н1Лм более или менее адекватно отразила древнейший пласт начального летописания?

Перебивка форм множественного или двойственного чисел объясняется как индивидуальная ошибка Комиссионного списка. Дело в том, что другие списки Н1Лм более последовательно выдерживают двойственное число. Наиболее последователен в этом смысле Троицкий список Н1Лм, который во всех случаях использует в этом рассказе двойственное число: вместо «поидоша» – «поидоста» и т. д. Шахматов считал, что Троицкий список (более поздний – 60-х гг. XVI в.) являлся копией Комиссионного и испытал позднейшую правку по другим летописям (из группы летописей «Новгородско-Софийского свода» и др.). Однако, в настоящее время на происхождение манускрипта смотрят иначе, и А. А. Гиппиус в нём видит прямое отражение «Новгородской владычной летописи» в редакции 1434 г.¹⁴⁰

В рассказе о походе Игоря и Олега к Киеву этот список, помимо сохранения правильного двойственного числа, не упоминает и «подугорских гостей». Текст здесь выглядит так:

«Начаста воевати, налѣзоста Днѣпру реку и Смоленескъ город. И оттуда поидоста внизь по Днѣпру, и приидоста к горам киевскимъ, и узреста городъ Киевъ *сущь спыталъ*, кто в немъ княжит, и рѣша: два брата, Аскольдъ и Дирь. Игорь же и Олгъ, творящая мимоидуша, потаистася в лодьяхъ, с малою дружиною излѣзоста на берегъ под угорскими, творящая гостьми, и съзваста Асколда и Диря»¹⁴¹.

Очевидно, в Комиссионном списке «подугорские гости» возникли из-за ошибочной перестановки слов, а в оригинале речь шла об известном киевском урочище Угорское¹⁴². В ПВЛ, где весь рассказ переделан (главным образом, из-за того, что на

¹³⁹ Мельникова Е. А. Ук. соч., с. 55.

¹⁴⁰ Гиппиус А. А. Предисловие к «Софийскому временнику»..., с. 151. Здесь изложены новые данные и наблюдения о составе и тексте списка.

¹⁴¹ НПЛ 1950, с. 514.

¹⁴² В Толстовском списке Н1Лм тоже как в Троицком: «...на брегъ под угорскими, творящая гостьми». Значит, речь идёт об индивидуальной ошибке Комиссионного списка.

первый план поставлен Олег), смысл этого места передан правильно: Олег «самъ приде, нося Игоря дѣтъска, и приплу подѣ Угорское, похоронивъ свои своя». Множественное число «угорскими», конечно, тоже ошибочно. Вероятно, букву «и» на конце слова надо относить к последующему обороту: «и творящися гостыми» (или же она просто появилась под пером позднейших переписчиков, не понимавших, о чём идёт речь).

Слова, выделенные в цитате из Троицкого списка курсивом (*сущь спыталъ*), представляются невразумительными. Комиссионный список здесь даёт, как мы видели, неправильное множественное число: «испыташа» – явно позднее исправление. В Толстовском видим: «испытавъ». Очевидно, в протографе списков Н1Лм в этом месте был дефект, который позднейшие переписчики исправляли, кто как мог. ПВЛ вообще иначе передаёт это место: «и увидѣ (ИпатЛ: увѣдѣ) Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита». Это может служить косвенным подтверждением, что в самом НС здесь был какой-то сбой текста. Вполне возможно, что этот сбой привёл и к повтору оборота, начинающегося словом «творящися». По смыслу излишним является именно первый случай его употребления, а первоначальным надо признать второй, когда сообщается, что Игорь с Олегом притворились не просто «мимоидуша», а именно купцами¹⁴³. Именно в этом и был смысл хитрости: если бы они не выдали себя за купцов, к ним не спустились бы Аскольд и Дир.

Так или иначе, вариант рассказа по Троицкому списку Н1Лм не даёт оснований для того, чтобы рассматривать текст, представленный в этой летописи, как более поздний и сильно испорченный по сравнению с ПВЛ. В этом случае слово *дружина*, которое употребляется в этом рассказе по Н1Лм, надо возводить к более древнему тексту, чем ПВЛ и, видимо, даже НС. О смысле его косвенно свидетельствует ПВЛ, где это слово было переправлено на слово *вои*. Очевидно, для составителя ПВЛ, имевшего перед глазами текст НС, *дружина* не представляла ничего больше, чем просто *вои*.

В словах Н1Лм «с малою дружиною» А. А. Шахматов видел поновление и предлагал другое выражение, более древнее с его точки зрения: «съ малъмъ дружины», то есть «с небольшой частью дружины»¹⁴⁴. Такое выражение, действительно, фиксируется в летописи, в частности, как увидим ниже, и в выделенной для анализа части Н1Лм. Вопрос в том, является ли какое-то из этих выражений более древним, чем другое. Шахматов, предлагая такую правку, специально не обосновывал её. А. С. Львов тоже считает выражение «с малом дружины» «по-видимому, первоначальным», но снова без аргументации¹⁴⁵. Между тем, аналогии в летописи есть не только для этого выражения, но и для другого. В разобранном выше рассказе о призвании

¹⁴³ Шахматов из двух оборотов «творящися мимоидуша» и «творящися гостыми» именно второй относил к первоначальному тексту, а первый считал позднейшей вставкой (*Шахматов А. А. Разыскания...*, с. 361).

¹⁴⁴ *Шахматов А. А. Разыскания...*, с. 361.

¹⁴⁵ *Львов А. С. Ук. соч.*, с. 282–283.

варягов мы видели «дружину многу и предивну» Рюрика с братьями. Поскольку по принадлежности древнейшим слоям летописи и стилистике эти рассказы сопоставимы, то возникает вопрос: если можно было сказать о дружине, что она «многая», почему же нельзя – что она «малая»? Не имея внятного ответа на этот вопрос, приходится доверять чтению, сохранённому тремя списками Н1Лм, а также летописями группы НовСофС¹⁴⁶.

По смыслу эти два выражения несколько различаются. В данном контексте «с малою дружиною» означает, что Игорь и Олег вышли на берег Днепра с небольшим отрядом, и этот отряд и был дружиной. «С малом дружины» подразумевало бы, что дружиной является вся совокупность «воинов», которые были в ладях с Игорем и Олегом, а князь с воеводой вышли с небольшой частью («малом») этой совокупности. В любом случае здесь не подходит значение ‘товарищи, спутники’, потому что прямо говорится о «воинах» или «воях», участвующих в военном походе. В этом известии «дружина» означает вообще некое количество воинов под началом князя, то ли небольшой отряд, то ли всё войско – в зависимости от того, какой принимать вариант: «с малою» или «с малом».

4. Шесть раз используется слово *дружина* в рассказе о гибели Игоря.

Этот рассказ А. А. Шахматов относил к «Древнейшему Киевскому своду», но считал, что в Н1Лм сохранилась только начальная его часть, где передаётся речь «дружины» Игоря. Последующее повествование в первоначальном виде заключало в себе, по мнению учёного, рассказ «о нападении на Игоря Мьстиши, сына Свенельда, вместе с Древлянами». Этого Мьстишу, который мельком упоминается в рассказе и гибели Игоря, Шахматов отождествлял с Малом, древлянским князем, и Малком Любечанином, отцом Малуши, матери Владимира Святого, и Добрыни, его дяди, и предполагал, таким образом, целый ряд драматических событий в истории Руси второй половины X в., когда-то изложенный в летописи, но целенаправленно скрытый или превратно представленный позднейшими редакторами. Рассказ об убийстве Игоря Мьстишей/Малом/Малком переиначил составитель НС, представив дело так, что князь погиб из-за собственной жадности и неосторожности¹⁴⁷.

Как и в предыдущем эпизоде с захватом Киева Игорем и Олегом, построения Шахматова надо признать слишком сложными и не обоснованными текстологическими доводами. Его идею о тождестве Мьстиши-Мала-Малка и противостоянии этой «синтетической» фигуры киевским князьям позднейшие исследователи подвергли разносторонней и вполне убедительной критике. Об этом подробнее говорится ниже в главе VI, § 2.1. В то же время основной шахматовский тезис о первичности текста Н1Лм по сравнению с ПВЛ (хотя и не везде, а только на отдельных отрезках) оказывается вполне справедливым. Современные исследования подтверждают этот тезис дополнительными аргументами, в том числе лингвистическими, и показывают, что

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1, с. 13; Т. 6. Вып. 1, стл. 17; Т. 42, с. 26.

¹⁴⁷ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 84-90, 234-257, 364.

именно из текста, который сохранила Н1Лм, отражая здесь НС, можно реконструировать более древний, судя по всему, первоначальный вариант рассказа о гибели Игоря¹⁴⁸. Как и предлагал Шахматов, этот первоначальный вариант можно восстановить, если в начале рассказа удалить хронологическую сетку и дублирующие известия, признав их вставленными позднее. В результате получим согласованное повествование с логично продолженной речью дружины Игоря. Далее приводится рассказ о гибели Игоря по Комиссионному списку Н1Лм, и эта вставка заключается в скобки.

Сообщается о покорении уличей, в том числе взятии их города Пересечена, и передаче Игорем дани с них, а затем и с древлян, Свенельду, его воеводе. «...И рѣша дружина Игоревѣ: се даль если единому мужевѣ много. (Посем скажемъ въ преключившихся лѣтех сих. В лѣто 6431... Далее следует ряд «пустых» годов... В лѣто 6448. В се лѣто яшася уличи по дань Игорю, и Пересѣченьъ взятъ бысть. В се же лѣто дасть дань на нихъ Свѣнделду. В лѣто 6449. В лѣто 6450. Въдасть дань деревьскую Свѣнделду тому же. В лѣто 6451. В лѣто 6452. В лѣто 6453. В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревѣ) Отрочи Свѣнльжи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы нази. А поиди, княже, с нами на дань, а ты добудеши, и мы. И послуша ихъ Игорьъ, иде в данѣ, и насиляше имъ и мужи его, и возмъ дань, поиде въ свой град. Идущу же ему въспять, размысливъ, рече дружинѣ своеи: идѣте с данью домовъ, а язъ возвращуся и похожю еще. И пусти дружину свою домовѣ, съ малою дружиною възратися, желая болшаго имѣннѣ. Слышавше древляне, яко опять идет, сдумавше же древляне съ княземъ своимъ Маломъ: аще ся волкъ въ овця ввадит, то выносит все стадо, аще не убьют его, тако и сеи, аще его не убьемъ, то все ны погубит. И послаша к нему, глаголюще сице: почто идеши опять, поималь еси всю дань. И не послуша Игорьъ, и изшедше древлянѣ из града Корестеня противу, и убиша Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало»¹⁴⁹.

Как нетрудно заметить, одно упоминание *дружины* приходится на вставку (осуществленную, видимо, в НС) во фразе, написанной повторно из-за необходимости продолжить рассказ, разорванный вставным текстом («В лѣто 6453. В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревѣ»). Оно не имеет самостоятельной ценности. Оставшиеся пять упоминаний приходятся на текст, который, видимо, восходит к древнейшему пласту летописи.

Из этих пяти упоминаний три первых указывают как будто приблизительно на одних и тех же людей – близких к князю и участвующих вместе с ним в полюдье (а именно полюдье подразумевается под этим походом «на дань»). В начале «дружина» обращается к Игорю как к своему князю, с которым они вместе собирают и потреб-

¹⁴⁸ Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Т. XXX (1976), с. 18-20; Гунтуус А. А. Ркоша дружина Игоревн... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25 (2001), No. 2, p. 156-159; Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011, с. 105-106.

¹⁴⁹ НПЛ 1950, с. 109-110.

ляют дань. В сообщении о походе к древлянам, видимо, эти люди или, по крайней мере, частично они же обозначаются как «мужи его», то есть Игоря. К ним же далее обращается Игорь как к «дружине своей» с наказом возвращаться домой, и тут же уточняется, что вслед за этими словами он, действительно, отпустил «дружину свою домови».

Два других упоминания имеют в виду более узкий круг лиц. Отпустив «свою дружину» домой, Игорь вернулся к древлянам «с малою дружиною». Кто именно состоял в этой «малой дружине», не уточняется. Последнее упоминание также имеет в виду именно этот отряд, который перебили древляне. О нём сказано: «дружину его» – с притяжательным местоимением. Обозначение произведено таким же способом, как и выше «мужей» Игоря («своя дружина»), и тем самым подразумевается, что речь всё время идёт о людях Игоря.

В списках Н1Лм и в Н4Л четвертое упоминание содержится в выражении «с малою дружиною»¹⁵⁰, а из древнейших летописей, имеющих в составе ПВЛ, ЛаврЛ, МосАкЛ и ИпатЛ дают здесь чтение: «съ маломъ дружины»¹⁵¹. Как и в рассказе о захвате Киева, один вариант предполагает за словом *дружина* значение просто некоего небольшого отряда («с малою дружиною»), а другой подразумевает, что люди, оставшиеся с Игорем, составляли часть («маль») той «дружины», которая заставила Игоря пойти с ней за данью к древлянам. Совпадение ЛаврЛ и ИпатЛ делают более вероятным архаичный вариант «съ маломъ дружины», который предполагает, что везде в рассказе речь идёт об одной «дружине» – только в начале она была вся с Игорем, а потом с ним осталась её небольшая часть («маль»).

Эти мелочи – притяжательное местоимение («дружину его»), вариант «съ маломъ дружины» – свидетельствуют о том, что автор рассказа использует слово в каком-то самом общем значении типа ‘люди князя’ или ‘войско князя’. Ведь получается, что в каждом «микроэпизоде» своего более или менее легендарного и эпически лапидарного рассказа автор отсылает к одной и той же «дружине». Между тем, в том или ином случае (при возмущении обогащением Свенельда, в походе к древлянам, возвращении к ним Игоря) это не могли быть строго и последовательно одни и те же люди, а напротив, разные лица (хотя и все из окружения князя) должны были предпринимать разные действия – более узкий круг лиц мог позволить высказать свои претензии князю, более широкий круг отправился в полюдье, ещё отдельная группа потом осталась и погибла с князем.

Таким образом, отсылая читателя к нижеследующей части исследования, здесь ограничусь утверждением, что из тех значений слова *дружина*, которые уже были выявлены, в рассказе о походе Игоря к древлянам к нему более всего подходят ‘(постоянное) княжеское войско’ или ‘княжеское окружение’.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1, с. 37.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 54; Т. 2, стл. 43.

5. Ещё шесть раз используется слово *дружина* в рассказе о «третьей мести» Ольги древлянам и примыкающему к нему рассказу об окончательном покорении древлян¹⁵². А. А. Шахматов подробно не рассматривал этот отрезок текста НПЛ и лишь предположил, что всё повествование о возмездии древлянам является вставкой, произведённой в НС в 1090-е годы. При этом он ссылаясь главным образом на несогласованность конца рассказа об отношениях Ольги с древлянами и сообщения об окончательном их покорении, начинающегося с заголовка «Начало княженья Святославля»¹⁵³. Однако, даже если признать эту несогласованность, объяснить её можно по-разному, не отвергая принадлежности рассказа или какой-то его части древнейшему летописному слою, предшествовавшему НС.

После того, как Ольга в Киеве сожгла «лучших мужей» древлян в бане (это была её вторая месть), она послала весть к древлянам, что уже идёт к ним и что они должны подготовить тризну по Игорю. Затем она действительно отправилась к ним, «поимши мало дружины и легко идущи». Несколько ниже становится ясно, кто именно составлял это «мало дружины»¹⁵⁴. Ольга оплакала мужа, была насыпана его «могила» (курган), устроена «тризна», а потом «сѣдоша пити Древлянѣ, и повелѣ Олга отрокомъ своимъ служити пред ними». Таким образом, «мало дружины», которую взяла с собою Ольга, – это были частично или даже исключительно её «отроки».

Это – важное свидетельство, которое снова говорит нам о семантической широте слова *дружина*. Если в выше разобранном рассказе о гибели Игоря «дружиной», среди прочего, именовались люди, которые осмеливались упрекать князя в излишней благосклонности к Свенельду, то есть явно не просто близкие князю, но и обладавшие большим авторитетом и значением, то здесь это же слово применяется к отрокам – личным слугам княгини. Древнерусское слово *отрок* обозначало слуг, то есть лиц в той или иной степени зависимых, выполнявших разного рода служебные функции. Это значение слова (помимо более распространённого и, видимо, исходного значения ‘ребёнок’) фиксируется как в старославянских текстах, так и в древнерусских памятниках¹⁵⁵. Отроки Ольги – такие же её личные слуги, как отроки Свенельда, упомянутые в летописи чуть выше.

Далее, по летописи, усевшиеся «пити» древляне спросили Ольгу: «гдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тебе?»¹⁵⁶. В этой фразе *дружина* выступает в

¹⁵² НПЛ 1950, с. 112–113. В ПВЛ эти тексты переданы практически без изменений. Вставлен лишь рассказ о четвёртой мести Ольги, то есть её походе на Искоростень. *Дружина* в этом рассказе не упоминается, хотя говорится, что Ольга в походе имела «воев своих» и «мужей своих» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 59).

¹⁵³ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 90–91.

¹⁵⁴ В списках ПВЛ так же: «мало дружины».

¹⁵⁵ См.: Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 203–205; Горский А. А. Древнерусская дружина..., с. 50–54. Подробнее об отроках см. в главе IV.

¹⁵⁶ В ИпатЛ вместо «дружина наша» – «друзѣ (вар.: друзи) наши» (ПСРЛ. Т. 2, стл. 46). Разумеется, это не указание на то, что членами «дружины» были «друзи», а просто ошибка, возникшая при переписке (легко объясняемая палеографически). То, что этот вариант («друзи») был в принципе допус-

своём наиболее общем и древнем значении – ‘свои, товарищи, спутники’ и т. д.¹⁵⁷ Предположение, что речь идёт о «дружине» древлянского князя Мала в смысле воинов на его службе¹⁵⁸, не выглядит убедительно. Во-первых, слова эти приписаны древлянам в целом, а не их князю, и сказано: «послахом» и «наша дружина». Если бы речь шла о людях, служащих непосредственно князю, то следовало бы ожидать иного определения («дружина князя нашего» и т. п.). Во-вторых, выше о тех древлянах, которые были посланы к Ольге и которые здесь обозначены «нашей дружиной», было сказано, что это были «мужи нарочиты», «иже держаша Деревьскую землю». Древляне «избраша» их для посольства, как подразумевается, из своей среды. Если бы это были люди князя, он бы их и выбирал, и посылал.

На вопрос древлян Ольга отвечает: «идуть по мнѣ с дружиною мужа моего». В этих словах *дружина* имеет уже явно другой смысл. Очевидно, здесь имеются в виду не личные слуги Ольги (отроки), которые пришли с ней, а те люди, которые служили Игорю и, очевидно, были обозначены как «дружина» и «мужи» в рассказе о его походе за данью к древлянам. Их Ольга оставила в Киеве, собираясь идти к древлянам «легко». Кто именно это был, контекст не позволяет сказать однозначно и подразумевает за словом *дружина* тот смысл, который и был выше выявлен применительно к рассказу о гибели Игоря: ‘княжеское войско’, ‘люди князя’.

Тут же далее слово употребляется ещё раз. «И яко упишася древляне, – продолжает летопись, – и повелѣ отроком своимъ пити на нѣ, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ сѣчи древляны, и иссѣскоша ихъ 5000. А Олга възратися в Киевъ и пристрой вои на прокъ ихъ». Повествование, которое вообще носит легендарный характер, в этом месте обретает уже совершенно фантастические черты. Не гадая о том, как в действительности могло происходить общение Ольги и древлян, можно лишь попробовать понять логику нарратива, и тогда, возможно, прояснится, кого рассказчик имел в виду под «дружиной», которая якобы «иссекла» такое огромное количество несчастных древлян.

Значение ‘свои люди, спутники, товарищи’ в данном случае едва ли можно предполагать, учитывая княжеский статус Ольги – она должна была, по крайней мере в изображении позднейшего летописца, держать некоторую дистанцию по отношению к людям, её окружавшим, и «товарищами» они для неё едва ли могли быть (на это указывает и употреблённое летописцем слово «повеле»).

Можно предполагать, что здесь имеется в виду та «дружина», о которой Ольга сказала, что якобы с ней идут из Киева посланцы древлян. На самом деле эти посланцы были уже сожжены ею, и «дружина мужа моего» пришла без них. Отроки, таким образом, задерживали древлян и поили их, а для их «иссечения» уже подошла главная

тим по контексту и, видимо, не осознавался как ошибка, свидетельствует лишь о том, что между словами *дружина* и *друг* чувствовалось этимологическое родство (см. выше об этом).

¹⁵⁷ Ср.: Сороколетов Ф. П. Ук. соч., с. 57. Именно так трактовал известие ещё Соловьёв: Соловьёв С. М. Ук. соч., с. 222.

¹⁵⁸ Горский А. А. Славянское расселение и эволюция..., с. 183.

ударная сила – войско киевского князя. Однако, тогда неясно, почему тут же говорится, что Ольге пришлось возвращаться для сбора «воев» – зачем их «пристраивать», если войско уже пришло? Кроме того, всё-таки о приходе Игоревых «мужей» прямо не сообщается (и вообще неясно, вышли ли они в действительности или Ольга, говоря об их приходе, тоже обманывала древлян).

Скорее надо думать, что под «дружиной» имеются в виду те люди, которые пошли изначально с Ольгой из Киева к древлянам, то есть её отроки. Можно представить себе логику рассказа так: отроки поили древлян, но сами не пили (или пили мало) и, дождавшись, когда те будут уже не способны оказать сопротивление, перебили их, несмотря на их численный перевес. Тогда получается, что слово *дружина* уже второй раз употребляется для обозначения личных слуг княгини.

Такое использование слова в этом месте летописи очень напоминает словоупотребление, с которым мы столкнулись выше во «2-м старославянском Житии св. Вячеслава». Там в одном случае как *дружина* были обозначены знатные советники князя отдельно от тех, о ком Вячеслав сказал: «иж(е) от отрок моих слуги», а затем это же слово указывало на всяких людей в окружении князя, *кроме* «боляр». В летописи мы видим, как сначала *дружиной* обозначены люди, выдвигающие претензии князю (очевидно, знатные), а затем это же слово применяется по отношению к отрокам. Очевидно, значение за словом во всех случаях остаётся примерно одно и то же – ‘люди князя’, ‘войско князя’, – но оно, так сказать, «плавает», в зависимости от контекста расширяясь, сужаясь или метонимически перемещаясь с обозначения одной группы в среде этих людей на другую.

После этого рассказа следует текст, который А. А. Шахматов без сомнения относил к «Древнейшему Киевскому своду». В тексте повествуется о походе Ольги на древлян с «вои многы и храбры» и успешной для неё битве, которую начал Святослав, ещё ребенок, бросив копьё. Это символическое начало битвы имеют в виду слова, вложенные летописцем в уста Свенельда и Асмуда, кормильца Святослава: «князь уже потягль, потягнѣмъ, дружино, и мы по князѣ». Такого рода призыв военачальников к воинам в решающий момент перед битвой высказывается, конечно, в торжественном тоне для выделения доверительно-равноправных отношений всех «братьев по оружию», и в слове *дружина* надо видеть значение ‘товарищи, друзья’. Позднейшие переписчики, видимо, так и понимали текст, поэтому в Академическом и Толстовском списках Н1Лм в начале этих слов прибавлено дублирующее обращение, ещё более подчёркивающее этот смысл: «братъе, князь уже потягль» и т. д.

После покорения древлян и возложения на них «дани тяжкой» Ольга «иде по Деревьстѣи землѣ съ сыномъ своимъ и с дружиною своею, уставляючи уставы и урокъ». В этом контексте трудно определить, кто имеется в виду под «дружиною». Может быть, подразумевается вообще неопределённо княжеское войско, а может быть, «дружина», названная здесь «своею» для Ольги, обозначает людей, о которых ранее говорилось, что эта «своя дружина» Игоря, а которые затем в рассказе о «треть-

ей мести» Ольга были обозначены в её словах как «дружина мужа моего». В представлении летописца после окончательной победы над древлянами княгиня как бы обрела полноту власти, стала во главе Русского государства, и княжеские люди «формально» перешли под её начало.

Весь этот фрагмент летописи, в целом, демонстрирует семантическую текучесть слова *дружина* и легкость его метонимического употребления. Даже если его разделить на две части, предполагая, что каждая из них отражает разные слои летописи, – рассказ о «третьей мести» Ольги и рассказ о покорении древлян, – внутри каждой из этих частей слово не используется только в одном каком-либо его значении. В зависимости от контекста «дружиной» могут обозначаться и некое (княжеское) войско или вообще люди, служащие князю (или княгине), и группа слуг, и просто «братья по оружию». Где-то точное значение слова трудно или невозможно определить, и создаётся даже впечатление, что летописцы, работая в эпически-легендарной стилистике и избегая излишней конкретики, намеренно использовали эту неопределённость и неустойчивость значения слова. Такая же картина прослеживается и в последующем тексте Н1Лм.

6. Рассказ о крещении Ольги явно распадается на две части, одна из которых содержит, по выражению А. А. Шахматова, «духовные, церковные элементы», а другая – «сказочные, народные». Шахматов считал первичной (в составе «Древнейшего Киевского свода») «церковную» часть¹⁵⁹. Его поддержал Д. С. Лихачёв и отнёс этот фрагмент к «Сказанию о первоначальном распространении христианства на Руси» – условно названному тексту, который он выделил как первоначальную основу летописи¹⁶⁰. Позднее были выдвинуты доводы в пользу большей древности «народного предания»¹⁶¹. А. А. Гиппиус считает, что «церковно-агиографические элементы вторичны» по отношению к легендарно-фольклорным, но и этот легендарно-фольклорный пласт в свою очередь был наложен на древнейший текст, вообще не содержащий рассказа о крещении Ольги¹⁶².

Согласно Н1Лм, Ольга, просвещённая крещением, «учаше креститися» сына Святослава, но тот отказывался, говоря: «како азъ хошу инъ законъ принять единый, а дружина смѣются начнуть и ругатися»¹⁶³. Здесь более или менее широкое значение «княжеское войско/окружение» подходит по контексту к слову *дружина*, но в то же время нельзя исключать, что автор имел в виду некую более узкую и конкретную

¹⁵⁹ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 92–93.

¹⁶⁰ Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л. 1947, с. 43, 62–76; Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва, под ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., исправл. и дополн. Подготовка М. Б. Свердлов. СПб., 1996 (1-е изд.: т. 1–2, М.—Л., 1950), с. 304–306.

¹⁶¹ См.: Мюллер Л. Рассказ «Повести временных лет» 955 г. о крещении Ольги // Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000 (1-е изд.: 1988 г.), с. 43–59. Ср. также критическое отношение к идее Лихачёва: Баловнев Д. А. Сказание «о первоначальном распространении христианства на Руси». Опыт критического анализа // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000, с. 5–46.

¹⁶² Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревы..., с. 168, 178 прим. 38.

¹⁶³ НПЛ 1950, с. 116.

группу лиц – например, какое-то ближайшее окружение князя. Нельзя не заметить, что поведение этих лиц, которые могли себе позволить смеяться над князем (а он с ними считался), очень похоже на то, как держали себя те, кто в своё время возмущались богатством Свенельда и требовали от Игоря, отца Святослава, позаботиться о них. По-видимому, надо предполагать, прежде всего, неких знатных лиц, ближайших советников и сподвижников князей.

7. Слово *дружина* встречается дважды в рассказе о нападении печенегов на Киев в статье под 6476 (968) г.¹⁶⁴ А. А. Шахматов, пытаясь опереться на текстологические наблюдения, в составе этой статьи выделял краткое сообщение о нападении печенегов в отсутствие Святослава и срочном возвращении князя и обширный рассказ о подвиге некоего киевского «отрока» (здесь, вероятно, в смысле юноши, а не слуги). Краткое сообщение он возводил к «Древнейшему Киевскому своду», а пространный рассказ считал позднейшей вставкой¹⁶⁵. Нельзя сказать, что его аргументы по этому поводу были бесспорны, но их критика выглядит, пожалуй, ещё менее убедительно¹⁶⁶. *Дружина* упоминается как в рассказе о подвиге отрока, так и в кратком сообщении.

В рассказе о подвиге юноши говорится, что когда он выбрался из осаждённого города и, пробравшись между печенежскими станами к Днепру, поплыл через реку, то с другого берега «людие оная страны Днѣпра», «преихавше в лодьи, превезоша ѥкъ дружине». Эти «люди» на другой стороне Днепра пришли на помощь киевлянам под начальством некоего воеводы Претича. «Дружину» здесь можно толковать и как ‘войско’ (причём в данном случае ведомое не князем), но и просто как ‘свои, остальные’.

В конце этой статьи в той части, которая восходит, по Шахматову, к первоначальному тексту, говорится о возвращении Святослава в Киев: «то слышавъ Святославъ, вборзѣ сѣдши на коня съ дружиною своею, прииде Киеву и цѣлова мать свою и дѣти своя, съжалися о бывшимъ от Печенѣгъ, и собра воя и прогна Печенѣгы в поле...» Здесь «дружина своя» как ‘постоянное княжеское войско’ весьма характерным образом отделяется от «воев», которые собираются только на разовые военные мероприятия.

8. О «дружине» Святослава ещё неоднократно заходит речь в сравнительно обширном повествовании о его деяниях в Болгарии (в статье 6479 (971) г.)¹⁶⁷. В основном этот текст восходит, видимо, к древнему пласту летописи, хотя возможность его позднейшей переработки нельзя исключать. А. А. Шахматов придерживался взгляда, что составитель «Древнейшего Киевского свода» заимствовал рассказ из какой-то не дошедшей до нас болгарской хроники. Эта идея чисто абстрактная, и она не нашла

¹⁶⁴ НПЛ 1950, с. 118–119.

¹⁶⁵ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 100–101.

¹⁶⁶ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова в области древне-русской летописи. Разделы I–IV // ИОРЯС. Т. 26 (1921). Пг., 1923, с. 52–53.

¹⁶⁷ НПЛ 1950, с. 121–123.

поддержки в литературе. Более убедительным выглядит выделение как вставного эпизода с испытанием Святослава дарами ¹⁶⁸. О дружине, впрочем, в этом эпизоде не упоминается.

Повествование начинается с описания «сечи» Святослава с болгарам у Переяславца. Когда болгары начали «одолевать», Святослав обратился к «воем своим»: «уже намъ здѣ пасти, потягнемъ мужескы, о братье и дружино» ¹⁶⁹. Обращение это аналогично словам Свенельда и Асмуда к войску, и смысл слова *дружина* здесь, очевидно, тот же: ‘товарищи, друзья, соратники’. Сочетание «братье и дружино» надо рассматривать как плеоназм эпическо-фольклорного характера. Взяв Переяславец, Святослав собирается идти на греков, те предлагают ему взять с них дань «на дружину свою» и просят сказать, «колико есть васъ, да въ[да]мы по числе на главы». Князь отвечает: «есть насъ 20 тысяць», увеличивая реальное число «воев» на десять тысяч. Из этого обмена репликами ясно, что «дружина» означает всё войско, которое было в распоряжении Святослава.

Хотя Святослав победил греков в открытом бою и взял с них дань, но потерял слишком много людей. «Видѣвъ же мало дружинѣ своя, – повествует летопись, – и рече к собѣ: да како прельстивше, избють дружину мою и мене. Бѣша бо мнозѣ избиеиѣ на полку. И рече: поиду в Русь и приведу болши дружинѣ». Очевидно, и здесь имеется в виду всё войско русского князя, которое сильно поредело «на полку» и пополнить которое князь собирался на Руси. Далее рассказывается, что Святослава предупредил его воевода Свенельд об опасности прохода через днепровские пороги, где могут напасть печенеги, и что князь погиб на пути в Киев, причём говорится, что переяславцы предупредили печенегов о его движении: «идеть вы Святославъ в Русь, вземъ имѣние много у грѣкъ и полонъ бещисленныи с маломъ дружины». Здесь впервые в Н1Лм употребляется архаическое выражение «с малом дружины», которое А. А. Шахматов и А. С. Львов считали единственно возможным в древнем тексте. Поскольку только что выше речь шла о всём войске Святослава, этот смысл должно иметь слово *дружина* и в данном случае, то есть подразумевается, что князь пошёл с небольшой частью того войска, которое у него осталось после болгарской кампании.

9. В оставшейся части текста Н1Лм до 6504 г. о «дружине» говорится только в связи с деятельностью князя Владимира Святославича.

Однажды встречается «дружина» в рассказе, который А. А. Шахматов возводил к «Древнейшему Киевскому своду», о борьбе Владимира с братом Ярополком за Киев (под 6488 (980) г.). В начале рассказа упоминается, что Владимир пошёл на Ярополка «съ многыми вои». После описания осады Киева и ухода Ярополка в Родню сообщается, что Ярополк по совету своего воеводы Блуда, предавшего его, отправляется в Киев, уже занятый Владимиром, «творить мир» с братом. Владимир, предупреждённый Блудом, «то слышавъ и вшед паки в теремныи дворъ отень, о нем же преже ска-

¹⁶⁸ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 104.

¹⁶⁹ Так же и в ПВЛ. Ср., например: ПСРЛ. Т. 1, стл. 70.

захомъ, сѣде ту с вои своими и с дружиною [вар.: с вои и с дружиною своею]»¹⁷⁰. Очевидно, речь здесь идёт о «дворѣ теремстѣмъ внѣ града», в котором, согласно рассказу о возмездии Ольги древлянам, княгиня принимала древлянских послов¹⁷¹. По-видимому, по мысли рассказчика, этот двор, не защищённый городскими стенами, был тогда специально использован для переговоров на «нейтральной территории». Если летописец считал в принципе возможным, что на дворе вырыли яму достаточную для того, чтобы погresti в ней ладью с двадцатью послами, он представлял себе этот двор не таким уж маленьким. Тем не менее, каким бы большим ни был княжеский двор, трудно представить себе, что Владимир пришёл туда с «воями», о которых вначале было сказано, что они были «многие». Тем более тогда, когда предполагались переговоры с его противником и, вероятно, было согласовано заранее, что Владимир обеспечит безопасность. Иначе и «лесть» Блуда не имела никакого смысла: зачем устраивать какие-то хитрости и ловушки, если Ярополк и так оказывался на дворе перед лицом не только «дружины», но и «воев»?

Эти размышления наталкивают на мысль, что упоминание про «воев» в приведённой цитате лишнее. Между тем, появление их здесь легко объяснить палеографически: слово «своею», которое нужно предполагать перед «дружиною» вполне могло быть понято как «с вои», а затем уже добавляли «своими» (или после «дружины» «своею»). В этом случае первоначальным надо предполагать чтение «сѣде ту съ своею дружиною». Возможно и чтение ЛаврЛ «сѣде ту съ дружиною своею», которое как правильное принимает и Шахматов¹⁷². Так или иначе, с Владимиром, пришедшим на княжеский двор «вне града» для переговоров с Ярополком, должно было быть относительно немного людей, но зато это должны были быть наиболее близкие и доверенные лица. Кто именно они были, неясно. В рассказе упоминается только, что Ярополка убили два варяга – возможно, наёмники, – значит, они были в составе «дружины». Таким образом, либо автор рассказа имел в виду какую-то специфическую группу людей в окружении князя (какую именно, сказать по контексту нельзя), либо он употребил слово *дружина* в неопределённом смысле ‘княжеские люди (воины)’, лишь отделив их от всего войска («воев»). Второй вариант, если иметь в виду легендарный характер текста и уже деланные выше наблюдения об употреблении слова *дружина*, представляется более вероятным.

Один раз упоминается «дружина» в статье 6495 (987) г., где рассказывается об «испытании вер и служб». Владимира сначала уговаривали обратиться в свою веру послы от болгар, «немцев», хазар и греков, а затем он решил «пождать еще мало», «хотя испытати о всѣх вѣрахъ». Статья 6495 г. начинается с описания его совета со «своими боярами» и «старцами градскими». Князь сообщает о приходе послов-

¹⁷⁰ НПЛ 1950, с. 127. Вариант приводится по Толстовскому и Троицкому спискам. В Академическом в этом месте не достаёт листа.

¹⁷¹ НПЛ 1950, с. 111.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 1, стл. 78; Шахматов А. А. Разыскания..., с. 374.

миссионеров и спрашивает совета: «да что ума предасте и что отвѣщаете?». Бояре и старцы советуют князю избрать «мужей» и послать их к болгарам, «немцам» и грекам «испытати» их богослужение. «И бысть любя рѣчь князю и всѣмъ людем», – продолжает летописец. Избрав десятерых послов, князь отправляет их в разные страны, а когда те возвращаются в Киев, он снова созывает собрание, о котором говорится следующим образом: «И созва князь бояры своя и старца, и рече Володимерь: се приидоша мужи, послании нами, да слышимъ от них бывшее, и рче имъ (то есть послам – П. С.): скажете пред дружиною». Далее передаются рассказ послов об их путешествии и впечатлениях, а сразу после него – слова бояр, которые звучат явно некстати: «отвѣщавше же бояре и ркоша: аще бы лихъ законъ грѣческъ, то не бы баба твоя прияла Олга его, яже бѣ мудрѣиши всѣхъ человекъ». Заканчивается статья вопросом Владимира, очевидно, уже склонившегося в пользу христианства, где ему следует принять крещение, и ответом бояр: «гдѣ ти любо». Эти реплики служат, очевидно, переходом к статье под следующим 6496 (988) г., где рассказывается о походе Владимира на Корсунь (Херсонес) ¹⁷³.

Непоследовательности в летописном изложении подготовительных мер Владимира к крещению и самого крещения бросаются в глаза, и едва ли можно сомневаться в том, что текст в этой части НІЛм, в частности и в статье 6495 г., неоднороден. А. А. Шахматов делал акцент на заключительном пассаже данной летописной статьи и связывал основное её содержание, то есть рассказ о посольствах с целью испытания вер, с «Корсунской легендой», то есть повестью о походе Владимира на Корсунь и крещении его там. Эту «Легенду» он считал вторичного происхождения и относил к творчеству составителя НС, а вместе с ней и рассказ о посольствах. «Смысл статьи 6495 года», по его мнению, был в том, чтобы «оттянуть принятие веры до взятия Корсуны», продемонстрировав колебания и сомнения князя. К древнейшему пласту летописи («Древнейшему Киевскому своду») Шахматов возводил из этой статьи только первое обращение Владимира к боярам и старцам, заканчивающееся вопросом, и ответ бояр с напоминанием о крещении Ольги ¹⁷⁴.

Выделение из текста статьи ответа бояр, не согласованного с непосредственно предшествующим текстом, выглядит вполне естественным, однако решение учёным проблемы соотношения фрагментов статьи в смысле их первичности/вторичности трудно признать обоснованным. Прежде всего, странно выглядит предположение, что редактору, вставлявшему «Корсунскую легенду» в первоначальную летопись (которая относилась, по Шахматову, крещение Владимира к Киеву), понадобилось «оттягивать принятие веры до Корсуны». Чтобы вставить рассказ о крещении в Корсуне, совершенно необязательно нужно было прибегать к выдумке рассказа об «испытании веры». Одно с другим по смыслу никак не связано. С другой стороны, Шахматов не показал ничего в рассказе об «испытании веры» и в его текстовом «сопровождении», что

¹⁷³ НПЛ 1950, с. 148–150.

¹⁷⁴ Там же, с. 114–117.

могло бы указывать на его вставное происхождение. С лингвистической точки зрения вторичным выглядит как раз не сам рассказ, а фрагмент с речью бояр, ссылающихся на Ольгу¹⁷⁵.

Таким образом, отвергая точку зрения Шахматова о соотношении разных частей данной летописной статьи, мы не должны относить ту часть, где содержится упоминание «дружины», ко времени составления НС. Рассказ об «испытании вер» не является вставным и принадлежит древним пластам летописи¹⁷⁶. В этом случае упоминание «дружины» надо увязывать с контекстом всего предшествующего текста статьи, который является единым связным текстом. Из этого следует, что фраза в начале статьи, которая сообщала о созыве Владимиром собрания «бояр» и «старцев градских», принадлежит тому же автору, который несколько ниже обе эти группы людей охватил понятием *дружина*. В данном контексте бояре и старцы градские – это и есть дружина. А кто такие были эти бояре и старцы?

Относительно бояр не приходится сомневаться, что это была знать, высший социальный слой (см. в главе V). Как выяснено, словосочетания «старцы градские» (которые ещё однажды появляются в летописи в статье 6504 г. также в паре с боярами¹⁷⁷) и похожее «старцы людские» (одно упоминание в «Речи Философа»¹⁷⁸) – связаны с переводной литературой¹⁷⁹. Смысл их довольно неопределённый, и в науке предлагались разные их толкования. Учёные сопоставляли их также со словами одного и того же этимологического гнезда *старцы*, *старейшины*, *старосты* и другие подобные, которые ещё несколько раз упоминаются в Н1Лм, ПВЛ и некоторых других древних нелетописных памятниках. Из ряда этих слов в части Н1Лм до 6504 г. «старейшины» упоминаются шесть раз: один раз в статье 6504 г. в описании пиров Владимира (вместе с боярами и посадниками «по градом»), дважды в «Речи Философа», три раза в статье 6362 г. в рассказе, явно легендарного характера, о хазарской дани, причём здесь те же лица названы «старцами»¹⁸⁰. «Старцы» помимо рассказа о хазарской дани

¹⁷⁵ Гиппиус А. А. **Рёкоша дружина Игоревн...**, с. 160–161, 166. Ср.: *Он же*. Крещение Руси в Повести временных лет: К стратификации текста // ДР. 2008. № 3 (33), с. 21–22.

¹⁷⁶ Ср. так же: Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008, с. 245–255. Впрочем, недавно С. М. Михеев высказался в пользу того, что в первоначальном летописном слое вообще не было сообщений о принятии христианства на Руси (Михеев С. М. Ук. соч., с. 53, 109–110, 233). Однако, такая мысль – как бы при этом ни решался вопрос о происхождении рассказа об «испытании вер» (Михеев относит его к вставкам НС) – представляется весьма сомнительной.

¹⁷⁷ НПЛ 1950, с. 166. Ср.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 124 (здесь «старцы людские»); Т. 2, стл. 109 («старцы градские»).

¹⁷⁸ НПЛ 1950, с. 145. Ср. так же: ПСРЛ. Т. 1, стл. 102; Т. 2, стл. 89. «Речь Философа» – особый текст в составе летописи, и, может быть, вставленный в неё на каком-то этапе редактуры. Но в любом случае «Речь Философа» претерпела, как предполагается, некоторую правку уже в составе летописи до ПВЛ (ср.: Гиппиус А. А. **Рёкоша дружина Игоревн...**, с. 159–160; *Он же*. Крещение Руси..., с. 21).

¹⁷⁹ См.: Строев В. Н. По вопросу о «старцах градских» русской летописи // ИОРЯС. Т. XXIII. Кн. 1. Пг., 1919, с. 63–64; Завадская С. В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 101–103.

¹⁸⁰ НПЛ 1950, с. 105–106, 135, 144, 166.

фигурируют в статье 6491 г. (в «Сказании о варягах-мучениках», вместе с боярами) и в статье 6504 г. (в сообщении о законодательстве Владимира о вирах)¹⁸¹.

Какие именно люди или группы лиц имеются в виду под тем или иным словом из этого ряда в том или ином случае, надо, разумеется, выяснять каждый раз в зависимости от контекста. Было бы неправильно, на мой взгляд, отрицать вообще какое-либо реальное значение за этими словами¹⁸². В каких-то случаях, возможно, имелась «племенная» или «местная» знать догосударственного происхождения¹⁸³, в других – тогда, когда эти слова прямо связывались с городами (как «старцы градские», «старейшины по градом» и т. п.) – можно предполагать торгово-ремесленную верхушку городов уже эпохи государственной (X–XI вв.)¹⁸⁴. Но в принципе ясно, что речь шла о людях повышенного социального статуса, авторитет которых не столько происходил из военного превосходства и полномочий, делегированных внешней (публичной) властью, сколько был укоренен в общепринятой морали и обычном праве и связан с повышенным материальным достатком. О старцах никогда не говорится, что они «свои» для кого-либо, в том числе для киевского князя; они не упоминаются на военной службе князю и вообще в связи с военными событиями и занятиями.

Возвращаясь к «дружине» в статье 6495 г., надо признать, что наличие в её составе «старцев (градских)» исключает указание на людей приближенных к князю и состоящих в его военной охране или войске. Можно было бы предположить, что под «дружиной» здесь имеется в виду «княжеский совет» (см. такое значение выше в «Словаре древнерусского языка»), куда входили и «старцы». Но в летописном известии говорится крайне неопределённо о тех собраниях, на которых решался вопрос о выборе веры: когда послы возвращаются в Киев, они отчитываются перед боярами и старцами, но вначале, когда только решался вопрос о посольстве, упомянуты «все люди», как будто речь идёт о вече, и бояре со старцами выступают просто ведущими фигурами на этом народном собрании. На мой взгляд, здесь мы снова имеем дело с приспособлением к одной конкретной ситуации первоначального широкого значения слова. Исходно было значение ‘свои (люди), товарищи’, в котором слово *дружина* фигурировало и в словах древлян, интересовавшихся судьбой своих послов. Согласно рассказу об «испытании вер», послы были избраны князем, боярами и старцами из

¹⁸¹ Там же, с. 130, 167.

¹⁸² Так высказывается, например, А. А. Горский, отстаивая идею, что иной знати, кроме «служилой», Древняя Русь не знала, и ссылаясь при этом на указанную выше работу С. В. Завадской (*Горский А. А. Древнерусская дружина*, с. 36; *Горский А. А. Славянское расселение и эволюция...*, с. 183). Однако, в этой работе Завадская говорит лишь, что выражение «старцы градские/людские» имело «литературный» характер и что эта его черта «скрывает реальную сущность стоящего за ним общественного института» (*Завадская С. В. О «старцах градских»...*, с. 103), но всё-таки реальность «общественного института» она не отрицает (хотя и никак не определяет его).

¹⁸³ Так считал А. Н. Насонов, который, сопоставляя древнейшие летописные данные со сведениями о поморских славянах, делал вывод: «без сомнения “старцы” киевских городов – вполне реальный и характерный институт общественного быта» (*Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования*. М., 1969, с. 24–25).

¹⁸⁴ В таком духе рассуждал В. О. Ключевский (*Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси*. Изд. 3-е. М., 1902, с. 16–31), и его суждения отчасти развиваются в данной работе в главе V.

своей среды или во всяком случае из круга людей им известных и надёжных в их глазах. Когда послы вернулись в эту среду, они были восприняты ею как «свои люди». Но, с другой стороны, в данном контексте (в отличие от упоминания «нашей дружины» древлян) актуализируются те «властные» коннотации, которые уже свойственны слову, – ведь речь идёт о некоей верхушке, которой принадлежит право принятия политических решений. Фактически словом *дружина* здесь обозначается политически значимая верхушка, причём из того, что фраза с использованием этого слова вложена в уста Владимира, обращающегося к послам, старцам и боярам, следует, что эта верхушка осознавала себя как группу «своих/наших людей», отделённую от остального населения (или, во всяком случае, летописец допускал за ней наличие такого самосознания). Собственно, это-то сознание собственной причастности процессу принятия политических решений и позволяла таким разным людям, как князь, старцы и бояре, обозначать себя вместе «дружиной».

В следующей годовой статье 6496 г., повествующей о походе Владимира на Корсунь, о «дружине» говорится дважды. В первом случае значение слово ясно, потому что оно выступает синонимом слова «вои». В начале статьи сказано, что Владимир вышел в поход «въ силѣ велицѣ», а потом, когда он осадил город, дважды упоминаются его «вои», из которых, очевидно, состояло его войско. Когда горожане, лишённые воды, сдались, Владимир вошёл в город. Об этом сказано так: «и вниде Володимерь въ град и дружина его»¹⁸⁵. Если даже в город вошли не все «вои», то, во всяком случае, многие из них – очевидно, войско и обозначено здесь как «дружина».

Второй раз о «дружине» говорится уже в описании крещения Владимира. Согласно летописи, последним толчком к принятию окончательного решения креститься для Владимира послужило исцеление его херсонесским епископом от «болезни очима», которая вдруг постигла князя. «Се же видѣвше, дружина его мнози крестишася», – отмечает летописец и переходит к описанию крещения самого князя¹⁸⁶. Какие именно люди здесь имеются в виду, из контекста прямо неясно, – это может быть и какая-то более узкая группа лиц, и те же «вои». Второй вариант выглядит, может быть, вероятнее, поскольку о «дружине» в таком смысле было только что сказано в сообщении о взятии Херсонеса.

Дальнейшее описание крещения киевлян в этой же годовой статье позволяет как будто уточнить, кто были эти «мнози» из «дружины». Владимир, вернувшись в Киев, приказал всем креститься. Передавая реакцию «людей» на этот приказ, летописец вложил в их уста следующие слова: «аще се бы было не добро, не бы сего князь и бояре прияли»¹⁸⁷. Ни о ком другом, кроме князя и бояре, не говорится. Может быть, это значит, что для киевлян ничьё мнение, кроме князя и знати, не было важно, а может быть – что к моменту возвращения Владимира в Киев никто кроме бояре не был

¹⁸⁵ НПЛ 1950, с. 150.

¹⁸⁶ Там же, с. 152.

¹⁸⁷ Там же, с. 156.

ещё крещён. Во втором случае надо отождествить этих бояр с теми «многими» из Владимировой «дружины», которые крестились в Херсонесе, увидев его исцеление. Тогда мы получаем указание, что бояре входили в понятие «дружины», что было бы, впрочем, естественно ввиду разобранных выше известий.

Впрочем, отождествление «многих из дружины» и «бояр» может быть поставлено под вопрос, поскольку есть большие сомнения в принадлежности соответствующих фрагментов текста одному автору, – тогда надо думать, что один автор имел в виду одно, а другой, не согласовав в этой мелочи свой рассказ с предшествующим, подразумевал уже другое. Дело в том, что со времён Шахматова учёные разделяют по происхождению рассказ о походе на Корсунь и крещении Владимира и рассказ о крещении Киева. Шахматов считал первый рассказ частью отдельной «Корсунской легенды», «возникшей при Десятинной церкви» и вставленной только в НС, а второй возводил к «Древнейшему Киевскому своду». К этому выводу его приводили сравнение летописи с историческими записями «Памяти и похвалы Иакова мниха» и общая оценка событий и текстов, связанных с крещением Руси, хотя он оговаривался, что с текстологической точки зрения разделение статьи 6496 г. «затруднительно» и может быть только предположительным¹⁸⁸. В дальнейшем текстологических доводов в пользу этого вывода так и не было выдвинуто, но в целом аргументация Шахматова принимается и развивается некоторыми дополнительными соображениями¹⁸⁹.

10. Шесть раз упоминается слово *дружина* в последней летописной статье из текста, выделенного для анализа, – под 6504 г.¹⁹⁰ Статья неоднородна и состоит из нескольких сообщений: об основании Десятинной церкви, об основании Преображенской церкви в Василеве, о милостыне Владимира, о его пирах для «людей своих», о мире с «князи его окольными» и о его законодательстве о разбоях и вирах. Шахматов возводил в основном текст статьи к «Древнейшему Киевскому своду»¹⁹¹. Позднее никаких принципиальных доводов против древности этого текста высказано не было, хотя указано на особое происхождение сообщения о Десятинной церкви¹⁹². Гиппиусу принадлежит наблюдение о наличии в этом сообщении и в сообщениях о милостыне Владимира и его пирах формы *рекъ* причастия прошедшего времени от глагола *речи*, употребление которой в некоторых случаях пересекается с употреблением формы аориста *рекоша*, что может маркировать более позднее происхождение текста¹⁹³. Однако, для каких-либо твёрдых выводов относительно древности именно этих сообщений

¹⁸⁸ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 109.

¹⁸⁹ В вопросе соотношения летописи, «Памяти и похвалы» и других текстов, связанных с Владимиром и крещением Руси, вообще многое остаётся неясным и спорным. Ср., например: Насонов А. Н. История русского летописания..., с. 27–32; Мюллер Л. Рассказ «Повести временных лет» о крещении Владимира Святославича // Он же. Понять Россию... (1-е изд.: 1985 г.), с. 60-70; Милотенко Н. И. Ук. соч., с. 51 и след., 261-266.

¹⁹⁰ НПЛ 1950, с. 166–167.

¹⁹¹ Шахматов А. А. Разыскания..., с. 121–123, 387–389.

¹⁹² Насонов А. Н. История русского летописания..., с. 26–27. Насонов считал сообщение «долетописного» происхождения, находя следы правки его в летописи.

¹⁹³ Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревы..., с. 168–169.

данного наблюдения не достаточно, оно не развито дополнительными текстологическими или какими-либо другими аргументами.

В рассказе об основании Десятинной церкви *дружина* не упоминается. Поводом для строительства Преображенской церкви послужило спасение Владимира в столкновении с печенегами при Василеве. Говоря об этой «сѣче», летописец сообщает, что «Володимиръ изиде противу имъ (то есть против печенегов – П. С.) с маломъ дружины». Вспоминая предыдущие случаи употребления выражений «с малою дружиною» и «с малом дружины» и учитывая контекст (поход на «сечу»), наиболее естественным следует считать значение слова *дружина* как войска или княжеского войска.

Остальные пять упоминаний находим в сообщении о пирах Владимира. Это сообщение тематически отчасти связано с предшествующими известиями об основании Преображенской церкви и милостыни для нищих и убогих, поскольку в первом из этих известий тоже говорилось о «празднике» для «множества народа», устроенном Владимиром, с питьём мёда и раздачей милостыни, а во втором – о раздаче кун, «питья и ядения» «на потребу» людям. Однако, то были единовременные мероприятия, имевшие особые поводы: в первом случае – спасение князя и строительство церкви, приуроченное к церковному празднику, во втором – воздействие на князя чтения (возможно, имеется в виду проповедь) Библии. В обоих случаях раздачи охватывали самые широкие круги населения, причём раздавалось не только продовольствие, но и деньги. В этом смысле сообщение о пирах стоит особняком. Приведу его полностью:

«И се же пакы творяше людемъ своимъ, по вся недѣлѣ устави пиръ творити на дворѣ въ гридницѣ и приходити бояромъ и гридемъ и сочкымъ и десятичским и нарочитыя мужа, при князи же и безъ князя, бывающе на обѣдѣ том множество от скота мясь и от звѣрины, и бяше изобило всего. Егда же подпивахуся, начаша роптати на князя, глаголюще: зло есть [нашимъ головамъ ¹⁹⁴], даваше бо намъ [вар.: да намъ ¹⁹⁵] ясти деревяными лжицами, а не сребреными. Се слышавъ, Володимиръ повелѣ иськовати лжици сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице яко: сребромъ и златомъ налѣсти не имамъ дружинѣ, а дружиною налѣзу злато и сребро, якоже дѣдъ мои и отецъ мои доискашеса злата и сребра дружиною. Бѣ бо Володимиръ любя дружину, и с ними думая о строении земьскомъ и о ратех и о уставѣ земномъ» ¹⁹⁶.

Пир, о котором идёт речь в этом тексте, – явление другого рода. Он не имеет особенного повода и устраивается каждое воскресенье вне зависимости от присутствия князя. Это именно пир, то есть трапеза, не подразумевающая денежных раздач. Место проведения специально оговорено: гридница на княжеском дворе. Наконец, на эти пиры допущен только ограниченный круг людей, который очерчен в первой части

¹⁹⁴ Дополнение по ЛаврЛ и ИпатЛ.

¹⁹⁵ Так по Академическому и Толстовскому спискам Н1Лм, а также по ЛаврЛ и ИпатЛ.

¹⁹⁶ Ср.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 126; Т. 2, стл. 110–111.

сообщения: это – бояре, гриди, сотские, десятские и нарочитые мужи. Таким образом, текст представляет собой отдельный внутренне связный фрагмент, тема которого лишь очень приблизительно соответствует соседним известиям, оказавшимся, видимо, более или менее случайным образом в одной годовой статье.

В данном случае надо обратить внимание прежде всего на то, что эти люди, которые допущены на пиры, все вместе в начале сообщения обозначены как «люди своя» для князя, а в конце – «дружиной». Из сопоставления этих обозначений следует со всей ясностью, что «дружина» – это доверенные лица князя, его окружение, причём не только ближайшее, но и находящееся в опосредованных отношениях с ним. Поскольку тут же перечисляются разные категории этих людей, так же ясно становится, что смысл слова именно в том, чтобы дать обобщающее обозначение для всех них. «Дружина» здесь – это все вместе княжеские люди, вне зависимости от различий в их статусе и занятиях.

Важно, что перечисление разных категорий лиц в составе «дружины» имеет в виду далеко не только военных. Собственно, только гриди были связаны в основном или в первую очередь именно с военной деятельностью; в сущности, это были профессиональные военные, служившие князю на особых условиях (о них см. в главе IV). Бояре – обозначение знати (см. в главе V). Сотские и десятские, как показали недавние исследования, – должности не военной организации (как иногда предполагается в литературе), а администрации и хозяйства¹⁹⁷. Наконец, нарочитые мужи – вообще люди, выделяющиеся материальным достатком или общественным авторитетом среди остальных жителей. В НІЛм в части до 6504 г. один раз (в статье 6453 г., см. выше) этим выражением были обозначены древляне, которые были выбраны для вторичного посольства к Ольге в Киев (тут же они названы и «лучшими мужами», «иже держаша Деревъскую землю»¹⁹⁸), а другой раз, в статье 6496 г. в рассказе о крещении Руси, сочетание «нарочитая чадь» использовано для обозначения более выдающихся среди всех «людей», признававших власть киевского князя, вне зависимости от их происхождения и местожительства¹⁹⁹. Таким образом, смысл слова *дружина* ‘постоянное княжеское войско’, как предлагали Сороколетов и Львов, здесь не подходит.

С исторической точки зрения нельзя, конечно, пропустить знаменитые слова летописца о недовольстве людей, приходивших на княжеские пиры, тем, что им приходилось есть деревянными ложками, а не серебряными. Эти слова очевидно коррелируют с указанием на «любовь» Владимира к «дружине». Ропот пирующих напоминает недовольство дружины Игоря обогащением Свенельда и опасения Святослава, что его «дружина» будет над ним смеяться. Однако, в известии о пирах нельзя точно

¹⁹⁷ Кучкин В. А. Десятские и сотские Древней Руси // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008, с. 328, 423–425.

¹⁹⁸ НПЛ 1950, с. 112. В Комиссионном списке при сочетании «лучшии мужи» ошибочно повторено «нарочитые». Этого повтора нет ни в других списках НІЛм, ни в ЛаврЛ и ИпатЛ.

¹⁹⁹ «И нача ставити по градом церкви и попы, и людие на крещение приводя по всеѣм градом и селомъ. И пославъ, нача отымати у нарочитои чядѣ дѣти и давати на учение» (НПЛ 1950, с. 157).

определить, кто именно, то есть какая категория лиц имеется при этом в виду. Очевидно, например, что десятские едва ли посмели бы «роптати на князя», но были ли этими недовольными бояре или гриди, уже определить нельзя. Надо думать, что летописец, передавая предание (по всей видимости, устное) о «придворном» быте эпохи Владимира, и не имел в виду какую-то конкретную группу людей, а рисовал обобщённую картину взаимоотношений князя и людей, ему служащих, но рассчитывающих на признание и вознаграждение за их услуги. Этой типизированной или идеализированной картине вполне соответствует и последнее замечание летописца, что Владимир, «любя» «дружину», советовался с ней «о строении земьскомъ и о ратех и о уставѣ земномъ». Летописец здесь явно делает акцент на самом принципе консенсуса, согласия и взаимного уважения между князем и его людьми, и слово *дружина* он употребил не в каком-то узком «социологическом» смысле, а в широком, отталкиваясь от древнейшего значения слова ‘товарищи, соратники’, – чтобы показать, что «любовь» князя распространяется на всех людей в его окружении.

Интересно и ещё одно обстоятельство. Порядок перечисления групп лиц в составе «людей своих»/«дружины» явно иерархизирован и не заканчивается каким-то неопределённым указанием (типа «и прочим», «и инем многим» и т. п.). Это свидетельствует как будто о том, что это перечисление точно и исчерпывающе – именно и только указанные группы и составляли «дружину» князя в смысле людей, служащих ему и так или иначе связанных с ним. Между тем, выше в описании мести Ольги древлянам мы столкнулись с тем, что словом *дружина* обозначались и её отроки. Упоминаются отроки и при Владимире, хотя и в явно вставном рассказе (о сватовстве Владимира к полоцкой княжне Рогнеде²⁰⁰), происхождение которого надо связывать с другим автором, не тем, который писал о пирах²⁰¹.

Это обстоятельство можно объяснять тем, что в определённом контексте слова *отроки* и *гридь* были взаимозаменяемы. Как уже говорилось выше, слово *отрок* имело более широкий смысл, обозначая вообще разного рода лиц со служебными функциями (слуг). Слово *гридь*, как показывается в III-й главе настоящего исследования, относилось только к княжеским военным слугам. Однако, в период конца X – конца XI в. гридь составляли важнейшую, наиболее многочисленную и заметную часть всех княжеских слуг, поэтому применительно к княжескому окружению значения слов *отроки* и *гридь* пересекались, и фактически они указывали примерно на одну и ту же группу людей. В следующей главе разбирается одно летописное свидетельство, в котором отроками обозначены, вне сомнения, те же самые военные слуги князя, о которых в других случаях говорили как о гриди²⁰². В рассказе о пирах Владимира как раз

²⁰⁰ «Отроки володимири» (НПЛ 1950, с. 125).

²⁰¹ Шахматов относил эту вставку к «Новгородскому своду 1050 г.» (*Шахматов А. А. Разыскания...*, с. 130-131, 434). Существование этого свода весьма сомнительно, но вставка очевидна. Возможно, она принадлежит творчеству составителя НС.

²⁰² Известие 1093 г. о 800 отроках Святополка Изяславича.

и идёт речь о княжеских людях, и указание гридей здесь делало уже излишним упоминание отроков.

Конечно, можно предположить, что в среде княжеских слуг была некоторая дифференциация и у князя были и другие слуги с не-военными функциями, которые назывались отроками, но которых данное летописное сообщение, выходящее, в составе его «дружины» не упомянуло. Так, Нестор, рассказывая в Житии Феодосия Печерского о службе юного Феодосия отроком у «властелина» Курска (очевидно, посадника), не упоминает о каких-либо его военных обязанностях, зато сообщает, что однажды будущему святому пришлось «предъстояти и служить» на пиру, когда у «властелина» собрались «града того вельможи»²⁰³. Ясно, что и на пирах Владимира должны были быть такие «предстоящие и служащие» отроки, то есть, собственно, прислуга и охрана. Однако, так же ясно, что летописец в этом сообщении, хотя и указывал довольно точно на состав княжеских людей, всё-таки в первую очередь хотел подчеркнуть особый этос доверительных отношений («любовь») между ними и князем, сглаживая какие-то детали в идеализированной и, значит, до некоторой степени условной картине. Эти люди для князя были (или должны были быть, согласно представлениям летописца) не слугами, а скорее «товарищами» или «братьями по оружию», и отношения с ними не могли быть для князя унижительными, а значит, прежде всего, это должны были быть люди «нарочитые» по сравнению с большинством населения. Лиц, приглашённых на княжеские пиры в гридницу, князь уважал, прислушиваясь к их мнению и удовлетворяя их пожелания – специально для них он изготовил серебряные ложки. Не удивительно, что в таком контексте летописец пренебрёг упоминанием каких-то второстепенных слуг-отроков, которых, впрочем, в ином случае мог тоже зачислить в состав «дружины» – как это было сделано в рассказе о мести Ольги древлянам, где «дружиной» названы все те отроки, которые в тот момент были рядом с ней, которым она «повелѣ» «служити пред» древлянами на тризне и которые, конечно, не все поголовно обязательно должны были быть собственно военные слуги.

Таким образом, не подходя к делу формалистически и учитывая особенности летописи как литературного текста, надо заключить, что слово *дружина* выступает в рассказе о пирах Владимира в значении ‘люди князя’ и в то же время его контекстуальное употребление вполне соответствует тем тенденциям его использования, которые были уже отмечены выше (семантическая текучесть).

В завершение параграфа приведу «статистические» оценки по употреблению слова *дружина* в разных значениях в летописном тексте, который был выбран для анализа. Одно упоминание не имеет ценности, так как содержится во вставке в повторно написанной фразе (в рассказе о гибели Игоря). Из оставшихся 34 упоминаний трижды *дружина* обозначает просто войско (в описаниях болгарского похода Свято-

²⁰³ Успенский сборник XII–XIII вв. Издание подготовили О. А., Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971, с. 78-79.

слава и взятия Корсуня Владимиром). Такое значение можно предполагать за словом и ещё в двух случаях (в рассказе о захвате Игорем Киева, где составитель ПВЛ заменил «дружину» «воями», и в рассказе об осаде печенегами Киева). В «классическом» смысле ‘свои (люди), товарищи, спутники’ слово выступает один раз («наша дружина» древлян), если не считать возможность альтернативного понимания в рассказе об осаде Киева печенегами. Такой смысл проглядывает ещё в тех двух случаях, когда вожди обращаются к войску, но именуются в виду не просто товарищи, а именно соратники – «братья по оружию». В некоторых из остальных примеров можно было бы как будто увидеть в слове *дружина* то значение, которое ранее признавалось главным для него, – ‘постоянное княжеское войско’. Так можно трактовать выражения «Предисловия к НС» и противопоставление «дружины» Святослава «воям», собранным им для войны с печенегами, в рассказе об осаде Киева. Однако, сопоставление этих примеров с остальными примерами, близкими по смыслу, где речь тоже идёт о людях князя, заставляет сомневаться в том, что такое значение можно выделить как сколько-нибудь устойчивое. В одних случаях княжеские люди выступают военными, но совершенно не видно, чтобы они составляли некое «постоянное» учреждение. В других же случаях эти люди, названные *дружина*, составляют уже вовсе и не войско. Наиболее характерны в этом смысле известия об «испытании вер» и о пирах Владимира, где речь идёт о людях, так или иначе связанных с князем, но совсем не обязательно как-то строго организационно-институционально. В «дружине» оказываются и бояре, и «старцы градские», и вообще «нарочитые мужи». С другой стороны, *дружиной* могут быть названы и княжеские отроки, среди которых, видимо, могли оказаться разные люди, далеко не только военные слуги, обладавшие повышенным статусом.

На мой взгляд, правильнее было бы говорить не о «постоянном княжеском войске», а об окружении князя, доверенных лицах князя или людях на службе князя, то есть определить смысл слова *дружина* как ‘войско князя/окружение, люди князя’. В сущности, имелись в виду вообще люди князя, но просто в силу естественных обстоятельств той эпохи эти люди выступали военными *par excellence*.

Проблема в выделении точного значения слова состоит в специфике его употребления. Отталкиваясь от более специфического, хотя и всё равно довольно широкого и расплывчатого смысла ‘войско князя/люди князя’, древние летописцы применяли слово *дружина* довольно свободно то по отношению к одной группе в окружении князя, то – к другой, то есть переносили общее «родовое» обозначение на частные случаи с сужением широкого значения в «видовое» в зависимости от контекста и ситуации. При этом этот более специфический смысл слова всё равно не отрывался окончательно от более общего древнего значения ‘товарищи, спутники’ и, конечно, пересекался и со значением ‘войско/военный отряд’. Достаточно указать на обращение князя или военачальника к войску – «[братья и] дружина», – где можно разглядеть все три значения, и значит, они могли в тот или иной момент по-разному актуализироваться. Семантическая текучесть или неустойчивость и метонимия – вот ос-

новые черты употребления слова *дружина* в тех 34 примерах, которые были разобраны по тексту Н1Лм за X в. И в этой ситуации о какой-либо терминологичности этого слова говорить не приходится.

Нет оснований подозревать (и это покажет ещё дальнейший анализ), что эти черты словоупотребления не были свойственны самому живому языку. И тем не менее, по всей вероятности, как уже отмечалось выше, они провоцировались или усиливались особенностями летописного повествования как литературной формы. Летописцы излагали события более или менее отдалённого прошлого, окутанные легендой, и в то же время создавали свои нарративы, преследуя определенные политические, идеологические и морально-назидательные цели. С другой стороны, изложение того или иного сюжета должно было выглядеть реалистично и достоверно, да и просто занимательно. В ситуации, когда автор не знал наверняка всех деталей того, о чём он рассказывал, но должен был изложить дело так, чтобы в его компетенции не возникло сомнений, и при этом провести «свою линию», терминологическая неопределённость и сознательная или несознательная метонимия были бы вполне естественны и даже неизбежны. Такие общие значения, как ‘товарищи, спутники’ или ‘войско князя/люди князя’ были просто удобны – неопределённость смысла слова позволяла летописцу более гибко и свободно излагать ход событий, известный ему безусловно только по преданию (даже если считать, что этот летописец писал в начале XI в.).

С точки зрения тех отдельных произведений и летописных «слоёв», которые составили выбранную для анализа часть Н1Лл, какой-либо динамики в появлении тех или иных значений или смысловых оттенков слова не обнаруживается – все они присутствуют в текстах, происходящих из разных частей и пластов НС, отразившегося на этом отрезке в Н1Лм. Например, о *дружине* в смысле ‘княжеское войско/окружение’ говорится и в «Предисловии» к НС, составление которого уверенно можно отнести к 1090-м гг., и в известиях о Рюрике, Игоре, Ольге и Владимире, входивших в первоначальное летописное «ядро». С другой стороны, *дружина* как ‘войско’ выступает как в древнем описании походов Святослава, так и во вставной «Корсунской легенде». В целом в летописи, в центре повествования которой деяния князей, естественно, значительно преобладает *дружина* как ‘княжеское войско/окружение’. Но два других значения: ‘свои (люди), товарищи’ и ‘войско вообще’ сохраняются.

В сравнении словоупотребления древнейшей летописи с древнеболгарскими и чешскими текстами каких-то принципиальных отличий не заметно. В этих текстах есть уже примеры, когда помимо первоначального (старославянского) значения ‘свои (люди), товарищи, спутники’ слово *дружина* использовалось в значениях ‘войско’ и ‘люди, окружение князя’. Во 2-м Житии св. Вячеслава два случая использования слова составляют прямую аналогию разобранным примерам из летописи. В 10-й и 13-й главах жития слово *дружина* сначала обозначает ближайших *amici* князя, отделённых от «иж(е) от отрок моих слуги», – то есть указывает на знатных людей, – а затем используется для указания на всех людей в окружении князя, *кроме* знати («боляр»).

Очевидно, это та же метонимия, зафиксированная в летописных известиях об отроках Ольги и сотрапезниках Владимира, когда слово с широким значением приобретает в частных случаях совсем разные смыслы. В 19-й главе 2-го Жития св. Вячеслава об одних и тех же людях, приближённых князя, которые в латинском оригинале обозначаются словом *socii*, сказано «своя» и тут же ниже – «дружина». Ср. в известии о пирах Владимира: сначала «люди свои», потом «дружина».

2.2. Летописи и другие источники XI–XIII вв.

Выводы, полученные на одном отрезке древнейшего летописания, об употреблении слова *дружина* можно, судя по всему, распространить и на другие летописные тексты, и на памятники нелетописного жанра. Во всяком случае, материал, подобранный в специальных терминологических исследованиях (К. Р. Шмидта, Ф. П. Сороколетова и других авторов), этим выводам никак не противоречит. Нет возможности, да и необходимости рассматривать (или пересматривать) каждое упоминание этого слова, но можно привести несколько примеров из источников XI–XIII вв. наиболее ярких и показательных для тех тенденций, которые уже были выявлены. Особый интерес представляет ситуация, когда слово *дружина* выступает в сопровождении дополнительных определений или пояснений.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что и в ПВЛ, и в летописании XII–XIII вв. слово *дружина* продолжает широко использоваться в смысле ‘люди/войско князя’, но при этом в отдельных случаях оно может обозначать и некий более или менее ограниченный круг лиц среди людей князя. В этих случаях часто (особенно в южном летописании XII в., вошедшем в состав Киевского свода конца XII в.) речь идёт о ближайшем окружении князя, с которым он советуется по тем или иным военным и политическим вопросам, и надо предполагать, что имеются в виду в первую очередь бояре²⁰⁴. Однако, нередко бояре и противопоставляются всей остальной «дружине», когда под этим словом подразумеваются вообще всякие люди князя. Такое противопоставление особенно наглядно в выражениях, подобных тому, которое было употреблено впервые в ПВЛ в статье 6621 (1113) г.: «бояре и дружина его вся»²⁰⁵. Такие выражения с отличием боярства от «дружины» встречаются ещё несколько раз в Киевском своде конца XII в.²⁰⁶. В ЛаврЛ несколько раз в описании междоусобия после смерти Андрея Боголюбского бояре тоже перечисляются как будто отдельно от остальной дружины: «съ володимерци и с дружиною своею и что бяше боярь осталось у него», «и дружину его всю изымаша и думци его извяза всѣ», «и дружина их вся изымана и всѣ вельможи ихъ»²⁰⁷. Важно, что такое различие фиксируется и не только в летописи. Так, в статье 91 Пространной редакции Русской Правды (по древней-

²⁰⁴ Так обычно и понимают летопись авторы. Ср., например: *Ключевский В. О.* Ук. соч., с. 55; *Горский А. А.* Древнерусская дружина, с. 80.

²⁰⁵ ПСРЛ. Т. 2, стл. 275.

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 2, стл. 343-4, 358, 380, 638.

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 380, 384, 385. Ср. в этой же летописи далее: ПСРЛ. Т. 1, стл. 398.

шим спискам Синодально-Троицкой группы) бояре и «дружина» упоминаются по отдельности в заглавии: «О заднице боярстей и о дружине» и в первой фразе: «аже в боярех любо в дружине»²⁰⁸.

Некоторые авторы интерпретируют эти примеры с разграничением бояр и «дружины» как свидетельство каких-то социальных, политических или экономических явлений или процессов. С опорой на наблюдения А. Е. Преснякова, который по летописанию XII в., отразившемуся в ЛаврЛ и ИпатЛ, пытался в употреблении слова *дружина* найти отражение определённых изменений в общественном строе²⁰⁹, в таком духе развернулась дискуссия современных историков А. А. Горского и М. Б. Свердлова. По мнению Свердлова, различие бояр и дружины в летописи XII в. связано с тем, что в боярство стала входить «местная неслужилая знать»²¹⁰. По мнению же Горского, это различие связано с тем, что «с развитием вотчинного землевладения бояр их связь с князем становится не столь тесной, как у членов младшей дружины»²¹¹. С другой стороны, такие трактовки полностью отвергает Т. Л. Вилкул, которая видит в тех же самых летописных примерах употребления слова *дружина* «индивидуальную манеру разных летописцев» и «не сложность социальных процессов, а сложную картину редактирования [летописи]»²¹².

Как убеждает настоящее исследование, дело здесь и не в социальных процессах, и не в редактировании, а в особенностях семантики и употребления слова. Отделение бояр от «дружины» в отдельных случаях – это результат той же метонимии, какую мы видели в известиях древнейшего летописания. Бояре, с одной стороны, входили в состав людей, тесно связанных с князем, но с другой – они и выделялись наиболее резко и существенно от всех остальных людей в окружении князя (об этом см. далее в главе V), и поэтому в зависимости от контекста они то называются «дружиной», то от неё как будто отделяются.

В условиях, когда слово употреблялось широко, но часто метонимически, совсем неслучайно и даже весьма показательно, что в некоторых случаях летописцы пытались уточнить содержание слова, присоединяя к нему те или иные определения или пояснения. Особенно ярко такая тенденция проявляется тогда, когда внутри одного рассказа, известия, сюжета и т. д. слово *дружина* меняет значения или может быть по-разному истолковано. Иногда это могут быть пояснения в расширительном ключе, то есть с целью уточнить, что речь идёт именно о всех людях, связанных с князем, и обычно в таких случаях говорится просто «вся дружина» или более «лите-

²⁰⁸ Правда Русская. Под ред. Б. Д. Грекова. Т. I: Тексты. М.-Л., 1940, с. 442.

²⁰⁹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. Подготовка текста, статьи и примечания М. Б. Свердлова. М., 1993 (1-е изд.: 1909 г.), с. 205-214. Ср. выше в главе II.

²¹⁰ Свердлов М. Б. Генезис и структура..., с. 214 и след.

²¹¹ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 111, прим. 37.

²¹² Вилкул Т. Л. Ук. соч., с. 80-83.

ратурно» – «вся дружина от мала до велика»²¹³. Чаще, однако, требовалось не расширять и без того широкое понятие, а наоборот, его сужать и ограничивать, и здесь мы видим целый спектр уточняющих определений.

Ярким (и одним из древнейших) примером такого рода является известный летописный рассказ о походе Владимира, сына Ярослава Мудрого, на Византию в 1043 г. Согласно ПВЛ, флотилия руси была разбита в море бурей, и большинство «воев» Владимира оказались на берегу, а на кораблях остались князь и воеводы. Лишь один из воевод, Вышата, решил разделить судьбу тех, кто оказался без кораблей в трудной и опасной ситуации. Об этом в летописи говорится так: «И быс(ть) буря велика, и разби корабли руси, и князь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабль Иван[ъ] Твоirmiрич[а], воеводы Ярославля. Прочии же вои Володимери ввержени быша на брегъ числомь 6000, и хотяще поити в Русь, и [не] идяше с ними [никто же] от дружины княжее. И реч(е) [Вышата]: азъ поиду с ними, и высѣде ис корабля [к] ним[ъ], [рекъ]: и аще живъ буду, [то] с ним[и], аще погыну, то с друж[и]ною»²¹⁴.

Внутри одного связного фрагмента содержание слова *дружина* здесь разное. На кораблях, с одной стороны, остались воеводы и, видимо, избранная часть войска (они далее оказывают успешное сопротивление «олядиям» греческим), а с другой – на берегу «вои». И к тем, и другим применяется слово *дружина*, поскольку и для тех, и для других подходят значения ‘войско’ или даже ‘войско/люди князя’ (если «воев» в этом контексте рассматривать как людей, тоже связанных с князем – по крайней мере, в качестве военачальника). Однако, в одном случае имелась в виду более узкая группа людей с князем, а в другом – остальное войско, сначала выступавшее под командованием князя, но затем брошенное им. В словах воеводы, решившего остаться с этими «воями», в слове *дружина* проскальзывает, кроме того, отсылка к древнему значению ‘спутники, товарищи’, подразумевающая близость воинов и воеводы как «братьев по оружию». Явное смысловое напряжение, которое образуется в результате двойственности в употреблении слова, автор текста снимает уточняющим определением, поясняя, что те люди, которые сохранили корабли и взяли к себе князя, были «дружиной княжей», тем более что среди этих людей преобладали, видимо, лица более знатные и выдающиеся (воеводы, например). Эта «дружина княжа» – конечно, не какой-то технический термин для особой группы княжеских людей, а просто обусловленное контекстом обозначение тех, кто в т о й с и т у а ц и и оказался вместе с князем, но отдельно от большинства «прочих воев»²¹⁵.

²¹³ См., например: ПСРЛ. Т. 1, стл. 371; Т. 2, стл. 595. На выражение «от мала до велика» как на литературный штамп справедливо обратила внимание Вилкул: Вилкул Т. Л. Ук. соч., с. 73.

²¹⁴ ПСРЛ. Т. 1, стл. 154. В ЛаврЛ текст хуже сохранился, и явные ошибки и пропуски исправляются по ИпатЛ: ПСРЛ. Т. 2, стл. 142.

²¹⁵ Этот рассказ представлен в несколько иной редакции в летописях, отразивших НовСофСв, но слово *дружина* и здесь выступает в тех же двух смыслах (см., например: ПСРЛ. Т. 42, с. 64). О соотношении редакций ПВЛ и НовСофСв учёные спорят.

Такого рода пояснений к слову *дружина* в летописи можно найти не мало, даже если не считать определения с местоимениями «своя», «моя», «его» и пр. Выше мы уже столкнулись с подобными пояснениями. Например, в словах Ольги фигурировала «дружина мужа моего». Такому уточнению соответствуют, например, выражения «дружина отня»²¹⁶ или «вся дружина братня»²¹⁷. Встречались выше выражения «многая дружина» и «малая дружина», – и им в позднейшем летописании находят аналогии²¹⁸. Часто это могут быть отсылки к вполне конкретным реалиям, важным только в одном определённом контексте – например, территориально-географические указания: «дружина руская»²¹⁹, «володимерская дружина»²²⁰ и т. п.

Однако, есть и более устойчивые определения, которые могут подходить в разных случаях и повторение которых в летописи позволяет даже предполагать, что они сложились (возможно, не только в летописи, но и живом языке) как будто в нечто вроде формулы – «добрая дружина», «передняя дружина», «старейшая дружина», «молодшая дружина» и т. п. Историки давно обратили внимание на эти определения и, руководствуясь идеей, что *дружина* – это термин, отсылающий к определённым группам или институтам, пытались в таком же терминологическом ключе трактовать и эти выражения. Именно так ещё в XIX в. утвердилось мнение, что дружина древнерусских князей как институт, объединявший всех людей на княжеской службе, разделялась на две части – старшую дружину и младшую²²¹. В старшую обычно заносят бояр, а кого заносить в младшую дружину, решается по-разному. Такое «институциональное» деление дружины стало со временем едва ли не общепризнанным, в том числе в работах зарубежных и современных историков²²².

Данное исследование не поддерживает такую логику. Во-первых, как выясняется, само слово *дружина* не имеет терминологической точности. Единственное более или менее устойчивое значение, как-то соотнесённое с социально-политическими реалиями, которое за ним фиксируется, – это ‘войско/люди князя’. Но оно весьма широко и расплывчато. Во-вторых, если в летописи встречаются разные определения к этому слову типа «княжа», «отня» или «володимерская», то логичным уже кажется в этот ряд поставить и определения «старшая» и «младшая» и трактовать их не как специальные термины, а как контекстуальные (*ad hoc*) пояснения. И одного этого обстоя-

²¹⁶ Это выражение видим в ПВЛ в повести «О убьении Борисове» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 132). В статье ПВЛ 6601 (1093) г. оно ещё больше уточняется и распространяется, приобретая следующий вид: «большая дружина отня и стрья своего» (ср. ниже).

²¹⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 359.

²¹⁸ «Дружина вся многое множество» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 398) и «дружина многое множество» (ПСРЛ. Т. 2, стл. 413); «с малою дружиною» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 220).

²¹⁹ ПСРЛ. Т. 2, стл. 372, 475.

²²⁰ ПСРЛ. Т. 1, стл. 401.

²²¹ *Погодин М. П.* Ук. соч. Т. VII, с. 64. Ср., например: *Дьяконов М. А.* Ук. соч., с. 76-78.

²²² См., например: *Halbach U.* Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert: eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Ruß. Stuttgart, 1985, S. 104-105; *Lübke Ch.* Fremde im östlichen Europa: von Gesellschaften ohne Staat zu verstaatlichen Gesellschaften (9.-11. Jahrhundert). Köln etc., 2001, S. 309; *Горский А. А.* Древнерусская дружина, с. 40-41.

тельства уже достаточно, чтобы усомниться в постоянном и устойчивом различии некоей дружины на некие две части, которое постулируется историками. Если это были пояснения, годные только для уточнения ситуации в отдельных рассказах и сообщениях, то видеть в них отражение социальной структуры или политических институтов нельзя, то есть, иными словами, они не могли быть терминами – общепринятыми точными (стандартными) обозначениями этих структур и институтов. Но, разумеется, в каких-то случаях вполне можно ожидать, что они всё-таки указывают на какие-то реальные группы и категории. Только это надо выяснять по контексту каждого отдельного употребления этих выражений (так же, как это надо выяснять в каждом случае упоминания и самого слова *дружина*), ожидая, что в каждом конкретном случае под этими указаниями могут скрываться разные группы и категории населения (в зависимости от ситуации, манеры словоупотребления того или иного автора и т. д.).

Историки ещё в XIX в. выявили примеры, когда дополнительный эпитет к слову *дружина* подразумевает как будто какие-то определённые группы в княжеском окружении, – и даже, как подозревали историки, институционально оформленные. Этих примеров оказывается совсем немного. Недавно А. А. Горский составил их уточнённый список²²³. Историк осторожно отнёсся к составлению этого списка, отказавшись от разного рода употребительных в летописи, но явно случайных и неопределённых выражений, таких, например, как «с малом дружины» и подобных («с малою дружиною», «с неколиком дружины» и пр.)²²⁴. Разбор этих примеров приводит его к выводу о «внутридружинной иерархии», то есть разделении древнерусской «дружины» как «корпорации служилых людей» на две части – «старшую дружину» и «младшую» (к первой Горский относит бояр, а ко второй – практически все остальные категории княжеских людей, упоминаемые в источниках, – отроки, детские, гриди и пр.). Однако, на мой взгляд, такая трактовка, даже и основанная на осторожном подходе, нуждается в существенной корректировке, и примеры эти надо оценивать иначе.

Так, по мнению Горского, в довольно пространной статье ПВЛ под 6601 (1093) г. под тремя разными выражениями (два из которых включают слово *дружина*) подразумеваются одни и те же люди – «высший слой киевской служилой знати». Первое упоминание содержится в рассказе о смерти Всеволода Ярославича, когда летописец сообщает, что в последние годы князь «нача любити смыслъ уных, свѣтъ творя с ними. Си же начаша заводити ѿ, негодовати дружины своея первыя и людем не доходити княже правды. Начаша ти унии [*вар.*: тивунѣ] грабити люди и продавати, сему не

²²³ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 39-40. Ср. список Погодина, который включал самые разные пояснения и определения, не вникая в то, имеют ли они какой-то социальный, юридический или политический смысл: Погодин М. П. Ук. соч. Т. 7, с. 61-64.

²²⁴ Именно в этом выражении Х. Ловмянский, вслед за Василевским, пытался усмотреть указание на «домашнюю дружину» (то есть дружину в собственном классическом смысле слова) древнерусских князей, см.: *Lowmiański H.* Op. cit. Т. 4, s. 173. Об ошибочности этого мнения: Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 111, прим. 38. В выше приведённых примерах из начальной части НІЛм видно, что это выражение не имело в виду ничего больше, чем просто указание на малочисленность отряда вокруг князя.

свѣдуще в болѣзнях своих»²²⁵. В переводе на современный русский язык: «...стал любить образ мыслей молодых, советуясь с ними. Те же стали наущать его, чтобы он не считался с дружиной своей первой и чтобы люди не имели доступа к княжескому суду. Начали эти молодые [или: тиуны] грабить людей и штрафовать, а князь был в неведении из-за болезней своих»²²⁶.

Неясно, в каком смысле летописец употребил слово *первая* по отношению к «дружине» – ‘лучшая, выдающаяся’ или ‘прежняя’, причём если в первом смысле, то по какому критерию «дружина» была определена как ‘лучшая’. Горский, очевидно, делает выбор в пользу первого варианта и именно в социальном плане, то есть видит противопоставление «первой дружины» «уным» как отражение «внутридружинной иерархии». Такой взгляд подразумевает, что князь перестал советоваться с боярами и доверился людям более низкого статуса («младшим дружинникам»). Примеры предпочтения князьями в «думе» и в управлении каких-нибудь фаворитов (часто низкого происхождения) известны по источникам XII в. Однако, во всех этих примерах «негодование» (пренебрежение) князя знатю очень быстро приводило к самым печальным для него последствиям, вплоть до изгнания и гибели²²⁷. Всеволод же благополучно правил вплоть до своей смерти, а после неё никакого социального недовольства летопись не отмечает. Можно также обратить внимание на то, что если бы в текст было заложено социальное противопоставление двух групп княжеских советчиков, то ожидалось бы семантическое соответствие слов, их характеризующих: если одна

²²⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 217. В ИпатЛ одно важное разночтение – вместо *ти/оунии* там *тивунѣ*, то есть «тиуны» (ПСРЛ. Т. 2, стл. 208). Шахматов принимал как более правильный вариант ИпатЛ (*Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003, с. 852*). С ним, видимо, надо согласиться, но для меня в данном случае выбор в пользу того или другого варианта не играет большой роли: грабили ли сами «унии» или «тиуны», важно, что князь советовался с «уными».

²²⁶ Перевод Д. С. Лихачёва грешит неточностями. Из них две важнейшие: во-первых, он не передаёт два инфинитива («негодовати» и «не доходити») как однородные члены; во-вторых, подгоняет терминологию под идею «внутридружинной иерархии» (вместо «молодых» – «младшие», вместо «первой дружины» – «старшая»): «...стал любить образ мыслей младших, устраивая совет с ними; они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь того не знал из-за болезней своих» (*Повесть временных лет...*, с. 229-230). Я следую переводу ПВЛ Л. Мюллера на немецкий язык: «Und er begann, die Sinnweise der Jungen zu lieben, indem er mit ihnen Rat hielt. Die aber begannen, ihn irrezuführen, dass er nicht auf seine erste Gefolgschaft hören und dass das Volk keinen Zutritt zur Rechtsprechung durch den Fürsten haben sollte. Und die Tiune begannen, das Volk zu berauben und zu verkaufen, wovon er nichts wusste in seinen Krankheiten» (*Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademiceskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja und ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller // Handbuch zur Nestorchronik. Hrsg. von L. Müller. Bd. IV. München, 2001, с. 256*). Ср. также замечания А. А. Гиппиуса к этому месту летописи: *Гиппиус А. А. Предисловие к «Софийскому временнику»...*, с. 180, примечание 41.

²²⁷ Среди таких примеров можно указать на предпочтение Владимира Мстиславича («Мачешича») боярам своих «детских», на «приятелей», обозначенных как «Чаргова чадь», у галицкого князя Ярослава («Осмомысла»), а также на совещания киевского князя Святослава Всеволодича с неким «милостником» Кочкарём в обход «мужей своих лепших» (ПСРЛ. Т. 2, стл. 536, 564, 614). Во всех этих случаях в летописных сообщениях слова «унии», «младший» и т. п. не употребляются.

часть дружины «первая», то другая – «вторая» (или «последняя» или какая-то ещё в таком же духе), если одни «уныи», то другие «старейшие» и т. п.

В виду этих сомнений тем более важно подчеркнуть, что «социальное» прочтение этого летописного известия далеко не единственно возможное. *Первая* может указывать и просто на более достойных, умудрённых опытом и отличившихся заслугами и т. п. Если же «первую дружину» понимать как «прежнюю», то в ней надо видеть тех людей, которые пришли с Всеволодом в Киев из Переяславля, и тогда киевской знатью надо считать как раз скорее «уных». Тогда слово *уныи* надо понимать просто как ‘молодые по возрасту’, а не как ‘младшие по статусу’²²⁸. В летописи есть прямая аналогия такому пониманию. Пример обвинения молодых советчиков из знати в дурных советах князю видим в Галицко-Волынской летописи под 6797 (1289) г.: волынский летописец с осуждением сообщает о занятии князем Юрием Львовичем Берестья (с нарушением завещания князя Владимира Васильковича) и уточняет, что князь так поступил по «свѣту безумных своихъ боярь молодых»²²⁹.

Употребление *уныи* в смысле ‘молодые по возрасту’ вполне могло сочетаться и с тем, что под «первой дружиной» подразумевались всё-таки виднейшие люди по их социальному положению, – то есть оба элемента этого сопоставления выступали в значениях, не коррелирующих прямо друг с другом, а корреляция могла происходить только во вторичных смыслах и, если она вообще и имелась в виду самим автором, была заложена им в «подтекст» (например, если «уныи» были молодыми боярами, но летописец хотел их представить как менее достойных – во всех смыслах – по сравнению с боярами старшего поколения). Наконец, замечу, что в любом случае ничто не обязывает нас видеть в «первой дружине» именно киевскую знать, как считает Горский, – противопоставления по связи людей с Киевом в тексте нет.

Два других упоминания происходят из той же годовой статьи, но из совсем другого рассказа (может быть, принадлежащего и другому автору) – о вокняжении в Киеве Святополка, пришедшего из Турова, и его борьбе с половцами. Здесь автор, настроенный явно в пользу Владимира Мономаха и скептически к Святополку, сначала сообщает об ошибке Святополка, не заключившего мир с половцами. «Святополкъ же, – читаем в ПВЛ, – не здумавъ с болшею дружиною отнею и строя своего, но свѣтъ створи с пришедшими с нимъ», и посадил половецких послов под стражу²³⁰.

«Большая дружина отня и строя своего» – это указание на тех людей, которые служили Всеволоду, а до него ещё отцу Святополка Изяслава и которые стали служить Святополку. Эпитет «большая» может указывать на их численное превосходство,

²²⁸ Именно так понимал это известие, например, Загоскин, ставя его в ряд с другими примерами противопоставления летописцами княжеских советников по возрасту: *Загоскин Н.[П.]* Очерки организации и происхождения служилого сословия в до-петровской России. Казань, 1875, с. 41. Ему следовал и Грушевский: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 3. К., 1993 (репринт 2-го изд: 1905 г.), с. 305-306.

²²⁹ ПСРЛ. Т. 2, стл. 928.

²³⁰ ПСРЛ. Т. 1, стл. 218.

либо на их более важные роль и значение. Конечно, они как киевляне противопоставляются людям, пришедшим со Святополком из Турова. Но смысл противопоставления здесь не в том, чтобы отличить «большую дружину» как особую высшую часть дружины от «младшей дружины» (таковая здесь и не упоминается), а чтобы противопоставить две группы знати в окружении князя – доставшиеся ему «по наследству» киевляне и пришедшие с ним его люди, которые для него были, конечно, на первых порах более доверенными и надёжными, но худородность которых нет причин предполагать. Это замечание летописца о «большой дружине» из людей, служивших Изяславу и Всеволоду, никак не соотносится с предыдущим известием о предпочтениях Всеволода в выборе советников. Можно, конечно, допускать, что кто-то из этих людей подразумевался и в составе той «первой дружины», но кто именно, все ли или частично – это никак не может быть вычислено.

Этот же рассказ продолжается другим эпизодом. Половцы стали «воевать», а Святополк решил дать им отпор, рассчитывая прежде всего на своих отроков, которых у него было 800 человек (что это за отроки, составляющие столь внушительный контингент, говорится в следующей главе). Однако, в его окружении возникли разногласия, какую политику надо вести: «смыслении мужи» стали его отговаривать от преждевременных самостоятельных действий, а «друзии несмыслении» подталкивать его к войне ²³¹. Горский почему-то считает, что «смыслении» были «противопоставлены отрокам Святополка» ²³². На самом деле противопоставление другое: «смыслении» contra «несмыслении». Хотя далее мы узнаём, что среди «смыслених» был Янь Вышатич, киевский боярин, информатор составителя ПВЛ, из этого совсем не следует, что в с е «смыслении» были именно «киевской служилой знатью», а «несмыслении» были не-киевлянами и не принадлежали к знати. Можно, конечно, предположить, что здесь продолжается критика в адрес людей, пришедших со Святополком из Турова, и они-то и названы «несмысленными», но в любом случае разделения «дружины» на «старшую» и «младшую» в этом эпизоде увидеть нельзя.

Таким образом, из разнородных сообщений статьи ПВЛ (1093) г. делать вывод о «внутридружинной иерархии» (с разделением «служилых людей» князя на две институционально оформленные части) было бы неправильно. Безусловно, эти сообщения свидетельствуют о неоднородности княжеского окружения, которое обозначалось как «дружина», но эта неоднородность вырисовывается совсем не такой, какой её представляет концепция «старшей» и «младшей дружины». Речь идёт не о слоях в «дружинной корпорации», а о предпочтениях князя в выборе советников, разногласиях по конкретным военным или политическим вопросам («смыслении»/«несмыслении»), противопоставлении знати, доставшейся князю «по наследству» от предшественников и пришедшей с ним из другой области. Даже если признать, что под «первой дружиной» в рассказе о Всеволоде имелась в виду именно и только

²³¹ Там же, стл. 218.

²³² Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 39.

знать в его окружении, прямого и последовательного (хотя бы в двух из трёх эпизодов) противопоставления этой знати каким-то другим слоям или группам в летописи разглядеть нельзя. Дополнительные определения к слову *дружина* или другим обозначениям (например, «мужи») каждый раз особенные, то есть делаются *ad hoc*, и, хотя и отражают неоднородность людей в княжеском окружении, совсем не являются устойчивыми определениями и тем более терминами в настоящем смысле слова.

А. А. Горский обращает внимание также на известие киевского происхождения, рассказывающее о борьбе Мономашичей и Ольговичей в 1136 г. В описании одного из сражений говорится, что «дружина лучшая» князей-Мономашичей «погнаша» бежавших с поля битвы половцев, а затем выясняется, что эта лучшая дружина состояла из киевских бояр во главе с тысяцким²³³. Горский делает вывод, что этим выражением обозначался «тот же привилегированный служилый слой, о котором говорится в ПВЛ под 1093 г.»²³⁴. Фактически, конечно, речь шла о киевской знати. Вопрос только в том, можно ли рассматривать выражение «лучшая дружина» как *terminus technicus* для её обозначения. Некоторые соображения заставляют ответить на этот вопрос отрицательно.

С одной стороны, есть случай, когда тем же самым выражением обозначены совсем другие люди: не знатные киевляне, а окружение половецкого князя Итларя, пришедшего на мирные переговоры к Мономаху в Переяславль. В ПВЛ по ЛаврЛ о них сказано: «с лѣпшею друж[и]ною», а по ИпатЛ: «с лучшею дружиною»²³⁵. Разумеется, люди в посольстве Итларя не были какими-то случайными людьми, но ведь и как «привилегированный служилый слой» половецкого общества (противопоставленной некоему «младшему» служилому слою) их нет оснований рассматривать. С другой стороны, можно думать, что выражение «лучшая дружина» в сообщении Киевского свода имело не социальное, а чисто военное приложение, то есть использовалось для обозначения лучшей «ратной» готовности (опыт, снаряжение и т. д.) тех людей, которые погнались за половцами. «Лучшими» в данном контексте (батальные сцены) они были с точки зрения не социальной, а военной (хотя на самом деле это были люди, действительно, знатные и богатые). И в летописи мы находим определение дружины с помощью слова *добрый*, сравнительной степенью от которого было *лучший*. В Галицко-Волынской летописи в уста одного из героев вкладывается похвала войску под рукою князя Даниила Романовича: «Данило, добру дружину держиши, и велици полци твои»²³⁶. Выражение «добра дружина» характеризует просто качество военных сил под командованием князя.

В таком же военном контексте в «Повести об ослеплении Василька Теробовльского», вошедшей в состав ПВЛ, и в Киевском своде конца XII в. под (1150) г. появляется выражение «дружина своя молотшая». В первом случае – в словах Василька,

²³³ ПСРЛ. Т. 1, стл. 304; т. 2, стл. 298.

²³⁴ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 39.

²³⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 227; т. 2, стл. 217.

²³⁶ ПСРЛ. Т. 2, стл. 835.

вспоминавшего о своих военных планах: «реку брату своему Володареви и Д(а)в(ы)д(о)ви: даита мне дружину свою молотшюю, а сама пиита и веселитася. И помыслих на землю Лядскую...»²³⁷. Во втором – в словах Изяслава Мстиславича, обращённых к его брату Владимиру с приказом, как вести военные действия (это был эпизод войны с Юрием Долгоруким): «поѣди ты на Бѣльгородъ передомъ, а мы вси пуцаемъ с тобою дружину свою молодежьшюю...»²³⁸.

В этих словах под «дружиной молодшей» подразумевались прежде всего люди просто менее эффективные в военных действиях, чем та «лучшая дружина», о которой речь шла в предыдущем примере. Кто были люди этой «дружины молодшей» с точки зрения их статуса и происхождения, неясно, но ничто не мешает исходить из прямого смысла слова и думать, что имелась в виду, прежде всего, просто молодёжь. Этот второй вариант понимания выражения кажется более вероятным в виду упоминания в летописных свидетельствах XI–XIII вв. таких слов и выражений, как «молоди», «молодь», «люди молоды», «кметии молодые» и, наконец, «молодци»²³⁹ – во всех случаях речь идёт о военных предприятиях, и имеются в виду просто молодёжь, пылкая и скорая до «рати», но часто недостаточно опытная, а может быть, к тому же, экипированная не по «высшей категории». Где-то о них могли сказать нейтрально – «дружина молодшая» или «люди молоды», но в каких-то контекстах подчеркивались их особый боевитый задор и богатырская удаль (отсюда особый смысл слова *молодец*). На мой взгляд, эти упоминания молодых людей вполне можно рассматривать как отражение реальной ситуации в придворной среде, хотя вполне справедливо недавно П. Жмудзки подчеркнул, что участие молодёжи в военных действиях становится своего рода ходячим образом в средневековых описаниях образа жизни молодых правителей (или наследников престола) и, особенно, в батальных сценах²⁴⁰. Обращая внимание на молодых людей, средневековые авторы смотрели на них, как правило, именно с точки зрения военного этоса, а не социальной, и фактически во многих случаях, насколько можно судить, речь шла совсем не о хундордных «низах», а о знатной молодёжи.

Так или иначе, в приведённых летописных упоминаниях «лучшей» и «молодшей» «дружин» какая-то социальная характеристика, вероятно, заложена, но она явно вторична. Разумеется, среди бояр и боярских отпрысков больше людей, которые могут позволить себе хорошее вооружение, могут содержать сами военных слуг и т. д., и они составят скорее «лучшую дружину» – то есть 'лучшее (княжеское) войско'. Но, с другой стороны, среди боярских отпрысков могли оказаться и люди совсем не богатые. Сначала эти люди отличались просто фактически более скромным положением

²³⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 266; т. 2, стл. 240.

²³⁸ ПСРЛ. Т. 2, стл. 414.

²³⁹ Сороколетов Ф. П. Ук. соч., с. 62-63.

²⁴⁰ *Żmudzki P. Władca i wojownicy. Narracje o wodzach, drużynie i wojnach w najdawniejszej historiografii Polski i Rusi. Wrocław, 2009, s. 89-192.* Об особой роли juvenes в окружении правителя и в войне упоминается в самых разных источниках (от Тацита до Галла Анонима). См. здесь же сопоставление этих данных с некоторыми эпизодами ПВЛ.

и материальным состоянием, но позднее их обозначение стало термином, указывающим на целую социальную категорию (низшую знать), – «дети боярские»²⁴¹. А вместе с тем вполне естественно предполагать (хотя прямых данных у нас нет), что на княжескую службу могли поступать и просто молодые лично свободные люди (например, горожане), которые составляли – по крайней мере, с точки зрения функциональной (то есть с точки зрения их средств и военной экипировки) – одну группу с представителями измельчавших знатных родов. И именно с этой точки зрения, в контексте описания военных действий, где все прочие различия, кроме чисто функциональных, отходят на второй план, все они вместе могли быть обозначены как «дружина молодшая» – то есть ‘второстепенное (княжеское) войско’.

В летописях встречается ещё одно определение «дружины» – «передняя». А. А. Горский приводит два примера с этим определением, но в них как раз не видит «социального содержания» и считает, что имелся в виду «передовой отряд» в военном походе. В одном случае с ним, видимо, надо согласиться – относительно известия о походе Мстислава Андреевича зимой 1171/1172 гг. на волжских болгар²⁴². Но в другом случае социальный смысл выражения кажется совершенно очевидным. В НІЛ сообщается о встрече новгородского князя Ярослава Владимировича с полоцкими князьями в Великих Луках с целью договориться о будущих походах «любо на литву, любо на чюдь» (1191 г.). Встреча имела дипломатический и политический характер. О военном сопровождении ни полоцких князей, ни Ярослава не говорится. Упоминается лишь, что Ярослав на встречу «поя съ собою новъгородецъ переднюю дружину»²⁴³. Это указание вполне понятно, так как планировать крупные военные акции без представителей города новгородский князь не мог. Этими представителями могли быть только знатные люди; они-то и обозначены как «передняя дружина». В таком определении новгородских бояр нет ничего уникального – например, под 6662 (1154) и 6701 (1193) гг. они же названы «переднии мужи»²⁴⁴.

Эти два случая употребления эпитета *передний* со словом *дружина* представляют яркий пример неустойчивости семантики как слова *дружина*, так и выражений с присоединёнными к нему уточняющими определениями. Одно и то же выражение в разных по происхождению летописных отрывках и в разных контекстах наполняется

²⁴¹ Как социальный термин это выражение закрепляется в Северо-Восточной Руси с 30-х гг. XV в. (см.: Кучкин В. А. О термине «дети боярские» в Задонщине // ТОДРЛ. Т. 50 (1996), с. 347-358). Но дети бояр выделялись так или иначе летописцами уже в известиях XIII–XIV вв. В Галицко-Волынской летописи уже под 6789 (1281) г. упоминается «дворнии слуга любимыи» князя Владимира Васильковича «с(ы)нь боярьский Михайлович именовъ Рахъ» (ПСРЛ. Т. 2, стл. 887; ср. об этом известии: Дьяконов М. А. Ук. соч., с. 78). В НІЛм о детях боярских как отдельной группе говорится в статьях 1259, 1386 и 1398 гг. (НПЛ 1950, с. 82, 380, 391).

²⁴² «...И ждаша дружины 2 нед(е)ли и не дождавше ꙗхаше с переднею дружиною» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 364). Ср. в ИпатЛ: «...и ждаша дружинꙗ свои двꙗ нꙗдꙗлꙗ и не дождавша поꙗхаша с передними с дружиною (вар. по Хлебниковскому списку: с преднею дружиною)» (ПСРЛ. Т. 2, стл. 565). Сороколетов видит здесь аналогию выражению «передний полк»: Сороколетов Ф. П. Ук. соч., с. 72-73.

²⁴³ Известие читается одинаково в старшем и младшем изводах: НПЛ 1950, с. 40, 230.

²⁴⁴ Там же, с. 29, 40, 216, 232.

разным содержанием: в одном случае – ‘передовой отряд’, в другом – ‘знать’. Примечательно, что слово *дружина* во втором случае прилагается к знати, которая представляла собой группу независимую от князя и которую «служилой» назвать нельзя. В условиях Новгородской республики, где политическая воля часто исходила от самих горожан независимо от князя, слово *дружина* вообще гораздо чаще употребляется в значениях ‘свои, товарищи’ и ‘войско’, чем в значении ‘княжеское войско, княжеские люди’²⁴⁵.

В двух оставшихся примерах в списке Горского речь идёт о «старейшей дружине», и это выражение, по мнению историка, указывает на бояр. В одном случае это, действительно, так. В сообщении о созыве советников новгород-северским князем Святославом Ольговичем (1147 г.) имеются в виду явно прежде всего или преимущественно бояре²⁴⁶.

Сложнее другое упоминание, которое содержится в рассказе о междоусобице в Ростово-Суздальской земле после смерти Андрея Боголюбского (1174–1177 гг.) по ЛаврЛ. В одном из эпизодов этой междоусобицы летописец передаёт слова князя Всеволода, которого видят своим князем владимирцы, к князю Мстиславу, которого поддерживают ростовцы. Об этой поддержке Всеволод в начале своей речи говорит так: «брате, оже ты привели старѣишая дружина, а поѣди Ростову...», а в конце немного иначе: «...тобе ростовци привели и бояре, а мене былъ с братомъ б(о)гъ привель и володимерци...»²⁴⁷. Сопоставление этих двух отрывков позволяет Горскому отождествить «старшую дружину» с ростовскими боярами. Однако, именно такого тождества здесь нет. Если точно следовать тексту, надо заключить, что к «старейшей дружине» приравниваются не только бояре, но «ростовцы и бояре». В данном случае нет возможности углубляться в исследование вопроса, кто именно имелся в виду под словом ростовцы. Но вне зависимости от того, шла ли речь о горожанах, или о какой-то части горожан, или о низшей знати, или каких-то ещё группах населения, ясно, что выражение «старейшая дружина» очерчивает в данном случае круги более широкие, чем только бояре, и служит характеристике не каких-то составных частей «корпорации» княжеских «служилых» людей, а скорее противопоставлению городских общин – владимирской и ростовской (хотя вторую явно возглавляют именно бояре).

* * *

Из обзора случаев употребления слова *дружина* с дополнительными определениями становится ясно, что эти поясняющие и уточняющие эпитеты не сообщают слову терминологичности. Определения добавляются в зависимости от конкретной

²⁴⁵ См., например, «дружина» для обозначения войска новгородцев под командованием боярина: НПЛ 1950, с. 45, 239 (1200 г.). Ср. «дружина» в обращении одного из членов отряда сборщиков дани к своим товарищам – в известной берестяной грамоте с упоминанием князя Андрея (вероятно, Боголюбского): *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004 (1-е изд.: 1995 г.), с. 350 (ср. также по словоуказателю).

²⁴⁶ Узнав о гибели брата, Святослав «сзва дружину свою старѣишую и яви имъ...» (ПСРЛ. Т. 2, стл. 355).

²⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 380.

ситуации и контекста, а использование выражений, образованных с их помощью, более или менее случайно и несистематично (не «стандартизировано»). Сами по себе эти выражения не были обозначениями каких-либо военных, социальных и политических групп и институтов, хотя могли указывать на них в том или ином отдельном случае. В редких примерах, когда за этими выражениями можно увидеть «социальное содержание», они указывают на верхний социальный слой – знать, боярство. Такая закономерность вполне понятна, естественна и оправдана, поскольку именно эта общественная группа была наиболее заметна и устойчива в своих внешних формах, отличаясь от остальных групп и слоёв. Эта обособленность знати в одних случаях, как отмечалось выше, приводила к тому, что бояре вообще упоминались отдельно от «дружины», а в других – к тому, что, причисляя всё-таки их к ней, их отличали дополнительным определением («старейшая дружина», «передняя дружина»).

Отталкиваясь, таким образом, от словоупотребления, если уж где-то искать «корпорацию», то её надо видеть именно в боярстве. Ни о какой «дружинной корпорации» источники говорить не позволяют. При этом слово *дружина* само по себе совсем не обязательно подразумевало некий «служилый» характер тех людей, к которым относилось. Такие примеры, как упоминание «передней дружиной» новгородцев или «старейшей дружины» ростовцев, показывают, что это слово не утвердилось в одном значении ‘люди/войско князя’, а могло указывать и на группы людей, хотя и приобщённых к власти и выдающихся в социальном отношении, но не связанных прямо с князем.

И в самом деле, на протяжении всего домонгольского периода (и даже позднее) слово *дружина* встречается далеко не только в значении ‘княжеское войско/окружение’. Это значение является основным в летописях просто потому, что они посвящены главным образом князьям и их деяниям. В других источниках и в других контекстах слово может выступать и значениях ‘свои, товарищи, спутники’ и ‘войско вообще’. Более того, есть несколько случаев, когда слово выступает и в других смыслах или, во всяком случае, смысловых оттенках.

На один пример такого рода уже обращалось особенное внимание – когда в рассказе о событиях конца XII в. «передней дружиной» названы новгородские бояре. В это время бояре в Новгороде были уже более или менее самостоятельны по отношению к князьям, которые приглашались в город, и слово *дружина* не могло выступать здесь в значении ‘княжеские люди’. С другой стороны, и о войске в том летописном известии не шла речь. Словом были обозначены, очевидно, все новгородцы в целом (разумеется, свободные полноправные горожане). В данном случае мы имеем дело со значением ‘свои люди, товарищи’, где как ‘свои’ выступали новгородцы. Социальная спецификация развилась в данном случае с помощью дополнительного определения («передняя») из самого общего и широкого значения слова независимо от военных аспектов и от фигуры правителя. Отчасти это сходно с упоминанием *дружины* в эпизоде «испытания вер» при Владимире – этим словом там названа вся полити-

ческая верхушка, включая князя лишь как один (и может быть, в том контексте даже не главный) элемент.

Есть также несколько примеров, когда словом *дружина* обозначается военное или военизированное окружение, но не князя, а частного лица (хотя знатного). Один пример находим в ПВЛ, и он заслуживает специального разбора. В упоминавшейся выше статье 6603 (1095) г. рассказывается о посольстве половецкого хана Итларя к переяславскому князю Владимиру Всеволодичу (Мономаху), которое закончилось печально для половцев – по приказу князя, пошедшего на нарушение «роты» (клятвы), они были перебиты. В летописи описывается совещание князя с его окружением, на котором были принято решение об убийстве Итларя и его людей. Описание начинается с фразы, которая в ЛаврЛ выглядит так: «и начаша думати дружина Ратиборя со князем Володимером о погубленьи [И]тларевы чади». В ИпатЛ несколько иначе: «и начаша думати дружина Ратиборова чадь съ кн(я)земь Володимеромъ о погубленѣ Итларевы чади»²⁴⁸. Разночтение между основными списками ПВЛ касается как раз слова *дружина*, и надо решить вопрос о смысле текста и первоначальности того или другого варианта. С общей текстологической точки зрения редакция ИпатЛ на этом отрезке летописи выглядит предпочтительнее²⁴⁹.

Ратибор – это видный боярин, служивший Всеволоду и Владимиру; он упоминается ещё в ПВЛ, а также в «Русской Правде» (о нём см. в главе VI). Непосредственно перед рассказом о совещании сообщается, что в тот момент в Переяславле оказался киевский боярин Славята, пришедший «к Володимеру от С(вя)тополка на нѣкое орудие». Поскольку Славята далее участвует в уничтожении половецкого посольства, надо думать, что он участвовал и в совещании. Само это совещание описывается довольно подробно, с изложением речей князя и советников, причём эти последние обозначаются просто как «дружина» («отвѣщавше же дружина р[е]коша Володимеру...»). В рассказе об уничтожении половецкого посольства о людях Славяты, выполнявшего одну задачу, говорится так: «...посла Володимерь Славяту съ нѣколикою дружиною и с Торкы», а о людях Ратибора, перед которым была поставлена другая задача, сказано: «пристрои Ратиборъ отроки в оружьи».

Учитывая контекст всего рассказа и эти выражения, вариант начальной фразы об описании княжеского совета по ИпатЛ представляется более правильным. В совещании безусловно должен был принимать участие Славята, с которым, по-видимому, были и какие-то свои люди («неколикая дружина»). Между тем, ЛаврЛ говорит, что «думали» с князем только «дружина Ратиборя». Вариант же ИпатЛ подразумевает,

²⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1, стл. 227; т. 2, стл. 217-218.

²⁴⁹ Шахматов А. А. Повесть временных лет..., с. 863-865, 963-964. Шахматов выявил в этом рассказе лучшие (более правильные) чтения в ИпатЛ. Так, например, в ЛаврЛ: «Итларевы в ту ночь лежащю у Ратибора на дворѣ с дружиною своею», а в ИпатЛ точнее: «лежащю на синици у Ратибора» (то есть на сенях – поднятой террасе). В ЛаврЛ указана полная точная дата убийства Итларя и его посольства, а в ИпатЛ только неделя по церковному календарю, однако при проверке выясняется, что дата ЛаврЛ неверна, а значит, она была вычислена, скорее всего, *ex post*.

что «Ратиборова чадь» была только частью «дружины», собравшейся с князем на совет, хотя, видимо, частью основной. И этот вариант по общему смыслу рассказа более правильный. Текст надо понимать, просто выделяя слова «Ратиборова чадь» как пояснение к слову «дружина»: «начаша думати дружина, [а именно, а точнее, а фактически главным образом] Ратиборова чадь, с князем...» По нормам древнерусского языка в такого рода случаях употребление союзов не было обязательно²⁵⁰. Вполне обычной, как мы видели, является ситуация, когда широкое и неопределённое по смыслу слово *дружина* требовалось пояснять с помощью специальных дополнений и уточнений. Таким уточнением в данном случае и были слова «Ратиборова чадь». Тот факт, что в совещании с князем участвовали какие-то люди из окружения Ратибора, можно объяснить выдающимся положением самого Ратибора и особой его ролью именно в тех обстоятельствах (неслучайно ведь Итларь остановился именно в его городской усадьбе). Были ли это отроки, которых он потом послал убить Итларя, или кто-то другой, судить нет возможности.

Таким образом, вариант ИпатЛ первоначален²⁵¹. В ПВЛ по ЛаврЛ было просто опущено слово «чадь». По-видимому, редактор понял как тавтологию сочетание в одной фразе слов *дружина* и *чадь* (действительно, очень близких в смысле 'группа людей, свои люди'²⁵²) и просто опустил второе из них, не вдумываясь в контекст. В первоначальном варианте имелась в виду «дружина» как окружение князя (в тот момент: собравшиеся на «думу»), в ЛаврЛ она превратилась в боярских людей. Тем не менее, вне зависимости от первичности той или иной редакции текста, для меня важно, что для древнерусского летописца обозначение боярских людей *дружиной* было в принципе допустимым и возможным.

О возможности такого обозначения свидетельствует один пример из киевского летописания XII в. В конце ультрамартовской статьи 6675 (1167) г. ИпатЛ содержит такое известие: «Том же лѣ[тѣ] яша Половци Шварна за Переяславлемъ, а дружину его избиша и взяша на нем искупа множество»²⁵³. Шварн был видным киевским боярином, о котором сохранились и другие сведения²⁵⁴. В данном случае смысл летописи однозначен – под «дружиной» имеются в виду люди боярина.

Можно также усмотреть такой смысл слова в двух сообщениях НІЛ. Под 6675 (1167) и 6677 (1169) гг. здесь дважды говорится о новгородском боярине Даньславе

²⁵⁰ Ср.: Зализняк А. А. Ук. соч., с. 190.

²⁵¹ Этот вариант поддерживают Московский летописный свод конца XV в. и Воскресенская летопись: ПСРЛ, 7, с. 8; 25, с. 388. Шахматов считал испорченным оба варианта – и ИпатЛ, и ЛаврЛ, и реконструировал первоначальное чтение как «начаша думати Ратиборова чадь» (Шахматов А. А. Повесть временных лет..., с. 971). Но такой вариант не учитывает, что Славята тоже должен был принимать участие в совещании. С текстологической точки зрения, реконструкций следует избегать, когда можно признать адекватным сохранившийся текст.

²⁵² См. о слове «чадь»: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1903, стл. 1470.

²⁵³ ПСРЛ. Т. 2, стл. 527.

²⁵⁴ См. о нём: Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь... М., 2008, с. 250-253.

Лазутиниче, который предпринимает те или иные действия «съ дружиною» – сначала он отправляется с ответственной миссией в Киев, а затем за сбором дани «за Волок»²⁵⁵. Вполне вероятно, что в обоих случаях его сопровождали его собственные (зависимые от него) люди. Хотя нельзя также исключать, что в одном случае имелось в виду посольство, а в другом – военный отряд, набранный просто из новгородцев. Боярин князя Василия, сына Александра Невского, по имени Александр упоминается под 6765 (1257) г. с «дружиной его» – возможно, тоже имеются в виду его собственные слуги²⁵⁶.

И всё же летописное известие о Шварне находит вполне ясную и недвусмысленную аналогию. Слово *дружина* используется для обозначения боярских людей в Житии Александра Невского, составленном в течение нескольких лет после его смерти в 1263 г.²⁵⁷. В описании сражения на Неве агиограф перечисляет поимённо 6 героев, отличившихся в битве. Четвёртым в списке фигурирует «новгородец именовъ Миша». О нём сообщается, что он «погуби» три корабля шведов «съ дружиною своею»²⁵⁸. Вне сомнения, речь идёт о новгородском боярине, хотя исследователи расходятся в том, с какими именно персонажами летописи его отождествить. Согласно последней версии, этот Миша тождествен посаднику Михалку Степаничу²⁵⁹, о котором НПЛ говорит в статьях под 6763 (1255) и 6765 (1257) гг., причём в первой из этих статей рассказывается о его противостоянии с посадником Онанием и упоминается, что у Михалка был «свои полкъ»²⁶⁰. Очевидно, «дружина своя» в Житии – это его собственные военные слуги.

Этот список героев Невской битвы вообще интересен с точки зрения состава военных сил, собранных князем. Первые места в нём отданы новгородским боярам. Помимо Миши упоминаются Гаврило Олексич (или Олексинич) и Сбыслав Якунович (на первых двух местах в списке). Такое внимание новгородцам можно объяснить тем, что одна из первоначальных редакций жития была составлена в Новгороде²⁶¹, либо тем, что новгородцы просто составляли большинство в «полку», собранном Александром (что было бы вполне понятно, поскольку князь выступал в тот момент

²⁵⁵ НПЛ 1950, с. 32-3, 220-221.

²⁵⁶ Там же, с. 82, 309.

²⁵⁷ См. о датировке Жития: Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. Вып. 1. М., 1990, с. 36-39.

²⁵⁸ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.-Л., 1965, с. 166-167. Ср.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 480.

²⁵⁹ Гиппиус А. А. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // ДР. 2011. № 1 (43), с. 22, сноска 26, – с опорой на наблюдения А. Е. Мусина: Мусин А. Е. К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 16. Великий Новгород, 2002, особ. с. 85-86. К этому же отождествлению склоняется В. А. Кучкин: Кучкин В. А. Александр Невский – правитель и полководец // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010, с. 117.

²⁶⁰ НПЛ 1950, с. 81-82, 308-309.

²⁶¹ Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце (О новгородском источнике Жития Александра Невского) // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004 (1-е изд.: 1974 г.), с. 250-251.

новгородским князем и защищал Новгородскую землю)²⁶². Остальные, однако, входили явно в число княжеских людей. Третьим в списке упомянут человек, не-новгородское происхождение которого подчёркнуто – «Ияковъ [родомъ] полочанинъ, ловѣцъ (*вар.*: ловчий) бѣ у кн(я)зя». Пятым числится «от молодыхъ людий именем Сава», а шестым – «и от слугъ его именем Ратмиръ». Таким образом, здесь представлены несколько категорий людей, которые вошли в войско, ведомое князем. Надо при этом отметить, что это войско в Житии обозначается равноправно словами «полк» и «дружина»²⁶³.

Эта «дружина» Александра Невского, в самом деле, весьма разнородна, но ни о каких «старшей» и «младшей» её частях здесь не упоминается. Принципиальные «разграничительные» линии среди этих людей здесь собственно две: с одной стороны, между новгородцами и людьми князя, пришедшими с ним в Новгород, а с другой – между знатью (боярами) и прочими людьми. Впрочем, различие между новгородцами и не-новгородцами имеет более или менее относительное значение. Оно было подчёркнуто только в данном случае, и то непоследовательно – в списке героев новгородцы не отделены совершенно от княжеских людей (Яков, ловчий князя, «вклинился» между Сбыславом Якуничем и Мишей). Между тем, мы знаем, например, что потомки Гаврилы Олексича (а может быть, и Миши – в зависимости от того, с какими лицами, известными из других источников, отождествлять его и род Мишиничей) состояли не только в числе новгородской знати, но и дали ветвь, которая закрепилась при дворе московских князей²⁶⁴. И естественно, такое различие между «туземцами» и «чужаками» не было исключительной особенностью Новгорода. Ведь большинство князей домонгольской Руси никогда не сидели только на одном «столе», а переходили из одной земли и «волости» в другую, и наличие у них на службе людей «местных» и «пришлых» было нормальным явлением (ср. выше о людях Всеволода и Святополка в Киеве в конце XI в., а также в главе VI). О том, что происхождение княжеских людей могло быть самым разным, говорит в данном случае замечание жития, что ловчий Александра происходил из Полоцка.

Более существенным, по крайней мере для стороннего наблюдателя, было социальное деление людей в окружении князя. Оно состояло в отличии бояр от прочих людей. Согласно Житию, в Невской битве принимали участие, кроме бояр (к новгородским надо, видимо, прибавить Якова, ловчего Александра), также их «дружины». Выше были приведены данные, из которых следует, что у бояр были свои отроки (у

²⁶² В НПЛс говорится, что с Александром отправились в поход на Неву новгородцы и ладожане: НПЛ 1950, с. 77. Летописное известие, правда, допускает разные толкования. В. А. Кучкин, например, на основании этого известия заключает, что большинство в «полку» Александра в Невской битве составляли его люди, а не новгородцы: *Кучкин В. А. Александр Невский...*, с. 117.

²⁶³ *Бегунов Ю. К.* Ук. соч., с. 165-168. Ср.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 478-480.

²⁶⁴ Это были бояре Акинфовичи (прозвание рода по Акинфу Великому – сыну Гаврилы Олексича), см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 45 и след. Ср.: *Гиппиус А. А.* «До Александра и Исакия»..., с. 21-22 (здесь обсуждается специальная литература, особенно работы В. Л. Янина).

Свенельда и у Ратибора). Очевидно, эти отроки (а может быть, и вообще всякого рода зависимые люди) и составляли боярские «дружины» (см. в главе V). У князя, как и у бояр, тоже были такие зависимые люди, отличавшиеся от знати. В древности они тоже назывались отроками, в XII в. появились разные другие термины (милостники, детские, дворяне и др.), а в Житии о них сказано наиболее общим названием *слуги*, которое в XIII в. закрепилось как *terminus technicus*²⁶⁵. Их представлял последний из героев в списке – некий Ратмир, «от слуг» Александра. Ратмир, кстати, единственный из всех шести перечисленных героев погиб в битве, и это может косвенно свидетельствовать о большей уязвимости «слуг» по сравнению с боярами, которых защищали их «дружины». Видимо, княжеские военные слуги были фигурами более заметными, чем боярские, – во всяком случае, источники, насколько я знаю, не сохранили ни одного имени кого-либо из боярских слуг, возможно, лишь за одним исключением²⁶⁶.

Наконец, в списке был указан Савва, «от молодых людий». Его место впереди Ратмира, но после всех бояр. Если думать, что список был составлен согласно некоей иерархии (а это выглядит вполне естественным и уместным), то «молодые» оказываются статусом ниже бояр, но выше княжеских «слуг». Выше в связи с разбором выражения «молодая дружина» было высказано предположение, что под «молодыми» подразумевались хуже экипированные в военном отношении люди, которые часто или преимущественно и были собственно в молодом возрасте. Вероятно, социальное происхождение их могло быть разным. Упоминание Саввы в Житии Александра Невского этой мысли никак не противоречит. Савва мог быть молодой человек боярского происхождения или просто свободный, сохранявший относительно самостоятельное положение (в отличие от слуг).

Разбор данных Жития о людях, окружавших князя, переводит нас уже из сферы терминологии в область социальной истории, – но об этом речь пойдет в следующих главах. В заключение же этого раздела стоит отметить, что упоминание *дружины* в Житии не является исключительным в ряду памятников XIII в. Это слово употреблялось в летописях и других нарративных памятниках и в эпоху после монгольского

²⁶⁵ См. о слугах, например: *Леонтович Ф. И.* Бояре и служилые люди в литовско-русском государстве // Журнал Министерства юстиции. Год 13-й. 1907. [Часть 1:] № 5, особ. с. 224-225, 263-269; *Сергеевич В. И.* Вольные и невольные слуги московских государей // Наблюдатель. 1887. № 2, с. 41 и след.; *Флоря Б. Н.* Кормленные грамоты XV–XVI вв. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971, с. 110-111; *Назаров В. Д.* О статусе «слуг» в средневековой Руси // [ВЕДС]. Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Тезисы докладов. М., 1992, с. 49-52.

²⁶⁶ Некий отрок оставил надпись на стене Киевского Софийского собора: «Г(оспод)и, помози рабу своему Безуеви Иванъ отроку Дъбрынича, и Мареви съ нимъ» (*Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976, с. 25-30). Отрока звали Безуй, а его господином был Иван Добрынич («Иванъ» здесь – дательный падеж не имени *Иван*, а притяжательного прилагательного *Ивань*). Кем был этот Иван Добрынич, мы не знаем. А. А. Гиппиус предположил, что это был брат Константина Добрынича – известного боярина князя Ярослава «Мудрого» (*Гиппиус А. А.* «Нѣсть се Олегъ, но святыи Димитрии...»: к атрибуции летописного свода 1060-х годов // ВЕДС. Чтения XXV. М., 2013, с. 65-67). В любом случае, отчество на *-вич* указывает скорее на боярский статус.

нашествия. Этот факт обычно игнорируется или затушёвывается историками, которые видят в древнерусском слове *дружина* обозначение организации или корпорации «служилых» людей князя архаического склада и которые делают акцент на широком употреблении слова в летописании конца XI – начала XIII в.²⁶⁷ Между тем, оно присутствует не только в летописании XIII в. (это признаётся и этими историками), но встречается и позднее. Так, в Рогожском летописце, одном из древнейших сохранившихся летописных списков (конец 1440-х гг.), в известиях за XIV в. (московское и тверское летописание) слово *дружина* употребляется около 30 раз (ср. 35 упоминаний в известиях НС за конец IX–X в.), и из них 2 раза в значении ‘люди/войско князя’ (в остальных случаях – значения ‘свои, спутники, товарищи’ и ‘войско, отряд’)²⁶⁸.

Нельзя, конечно, отрицать, что частотность использования этого слова в ПВЛ, в Киевском своде конца XII в. и владимирском летописании конца XII – начала XIII в. наиболее высока и что в этих текстах оно выступает в значении ‘люди/войско князя’ преимущественно, а в более поздних – лишь эпизодически. Однако, объяснить это обстоятельство можно по-разному, и совсем не обязательно с помощью идеи о дружине как институте или корпорации. Если, как выясняется, слово не имело терминологического значения и лишь приблизительно указывало на некий круг лиц (то более широкий, то более узкий) причастных власти и выдающихся в социальном плане, то его активное употребление в текстах конца XI–XII в. говорит, на мой взгляд, о том, что сам этот круг лиц в то время не был устойчивым и ясно оформленным. Простое перечисление разных наименований XI–XII вв. для лиц, которых историки обычно относят к княжеским людям («дружине»), показывает, что они составляли очень разные и даже, видимо, разношёрстные группы и слои. Отроки, гриди, огнищане, детские, пасынки, милостники, дворяне – если перечислить только те из наименований, которые указывали явно на отдельные категории княжеских слуг, но не учитывать обозначения полу- или несвободных слуг (например, тиуны) и названия, которые можно (хотя и не всегда обязательно) трактовать как указания на должность (ябедник, мечник, вирник, староста и др.). В XIII в. большинство этих наименований исчезают, и вплоть до середины XV в. для обозначения княжеских людей довольно последовательно используется формула «бояре и слуги» (причём в разных источниках – как нарративных, так и документальных²⁶⁹), пусть даже и выделяются среди бояр некоторые прослойки, а среди слуг упоминаются, например, слуги вольные или «слуги под двор-

²⁶⁷ См., например: Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 80; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь..., с. 587-596. Тезису о выходе из употребления слова *дружина* в XIII в. следует и Т. Л. Вилкул, хотя она его объясняет изменениями в «литературной традиции» (Вилкул Т. Л. Ук. соч., с. 78, 86).

²⁶⁸ ПСРЛ. Т. 15, стл. 38, 56, 58-59, 65, 73, 80, 93, 106, 108, 113-114, 131, 135, 140-142, 146, 162, 165, 172. В значении ‘люди/войско князя’ под 6870 (1362) г.: Дмитрий московский «сѣде въ Переяславли съ своею братьею и з боляры и съ своею дружиною»; под 6888 (1380) г.: он же на Куликовом поле «похвали похвалами дружину свою» (Там же, стл. 73, 140).

²⁶⁹ Ср., например, эту формулу в заключительной части Галицко-Волынской летописи (ПСРЛ. Т. 2, стл. 851, 856, 876, 877, 899, 901, 908, 928, 937) или в том же Рогожском летописце (ПСРЛ. Т. 15, стл. 48-49, 51, 67, 84, 108, 119, 153, 160 и др.), а также в известном установлении «права отъезда» в межкняжеских соглашениях XIV–XV вв.: «а боярам и слугам межн нас вольным воля».

ским» (потом *слуг* сменяют *дети боярские*). *Бояре* и *слуги* в XIII – первой половине XV в. – это уже, действительно, настоящая терминология, и она, очевидно, указывает на более или менее структурированные слои – очевидно, высшую и низшую знать. Оба этих слоя (особенно в совокупности с какими-то более мелкими и неустойчивыми группами) ещё можно было по старинке назвать «дружиной», но прибегали к этому обобщающему и неточному обозначению относительно редко (ср. только два таких случая в известиях Рогожского летописца). К концу XV в. со складыванием сословно-чиновной организации знати Московского государства обобщающим термином для обозначения этой организации стало слово *двор*²⁷⁰, и слово *дружина* в значении ‘люди/войско князя’ практически исчезло.

§ 3. Выводы

Последовательный терминологический анализ употребления слова *дружина* в церковнославянских и древнерусских текстах подтверждает тот тезис о смысловом расхождении между научным понятием и древним словом, который в своё время высказывали Т. Василевский и Х. Ловмянский и на который обращалось внимание во введении к данной главе. В этом древнем слове нет оснований видеть термин, и ни в одном из значений, которые фиксируются за ним источниками, оно не указывало на какие-то конкретные институты и структуры.

Общая тенденция употребления слова была намечена лексикографами правильно – изначальное широкое значение ‘спутники, товарищи, свои (люди)’, в котором оно выступает в памятниках кирилло-мефодиевского круга, специфицировалось в разных (новых) контекстах. Однако эта тенденция вовсе не была столь прямолинейна, как пытался её представить, например, Ф. П. Сороколетов: ‘спутники’ → ‘войско’ → ‘княжеское войско’ → ‘политическая организация (орган власти) при князе’.

Уже в древних церковнославянских текстах слово означает не просто ‘спутников’, но ‘соратников’ (то есть выступает с военными коннотациями), а также указывает на окружение правителя, тем самым получая некое политическое содержание. У Козьмы Пресвитера оно попадает в контекст рассуждений о социальном угнетении и упоминается в одном ряду с «владыками земными» и «старейшими». В памятнике древнечешской литературы, «2-м Старославянском житии Вячеслава», *дружиной* названы люди в окружении князя. Но это военное или политическое содержание весьма

²⁷⁰ Это слово начинает употребляться для обозначения княжеских людей уже в конце XII в., но в его употреблении не было последовательности, и оно охватывало то более узкие группы лиц (собственно дворян), но более широкие (иногда включая и бояр), подразумевая, видимо, прежде всего лиц, находившихся в ближайшем окружении князя в тот или иной конкретный момент. В нескольких известиях НПЛ за XIII в. слова *дружина* и *двор* в значении ‘люди/войско князя’ оказываются взаимозаменяемыми (НПЛ 1950, с. 58, 79). «Государев двор» как объединение всех высших слоёв, занятых в военной и административной службе государю, упоминается с рубежа XV–XVI вв. См.: *Сергеевич В. И. Древности...* Т. 1, с. 454 и след.; *Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 119-123; Назаров В. Д. Государев Двор // БРЭ. Т. 7. М., 2007, с. 513-515.*

расплывчато и неустойчиво. Слово постоянно как бы возвращается к своему основному, широкому и социально нейтральному значению. С другой стороны, во 2-м Житии Вячеслава при указании на княжеское окружение оно может иметь в виду как вообще всех людей, связанных с князем, так и только какую-то отдельную группу среди них, то есть употребляется метонимически.

Если лексема *дружина* указывала на некую организацию, то надо было бы ожидать появления в источниках какого-то слова, предпочтительно этимологически родственного, обозначающего одного члена-представителя этой организации. В таком духе некоторые авторы пытались трактовать несколько упоминаний слова *друг* в церковнославянских текстах. Лишь в одном случае – упоминание «другов» в Восточковской редакции «1-го Старославянского жития Вячеслава» – эти трактовки имеют, пусть и шаткие, но всё-таки некоторые основания. Однако и это упоминание надо скорее признать либо случайным (ошибочным) чтением, либо обозначением особой категории зависимых людей в Древней Чехии (*druhones*), не связанным с историей слова *дружина*.

Древнерусские тексты тоже не знают никаких обозначений для отдельных представителей *дружины* («дружинников») и в целом подтверждают обозначившиеся тенденции словоупотребления. Лексема выступает собирательным понятием и не теряет древнее значение ‘спутники, товарищи’, однако это значение специфицируется (сужается), и в каких-то случаях можно даже говорить о появлении новых значений. По крайней мере, в летописании XI–XII вв. можно выделить ещё два значения: ‘войско’ и ‘княжеское войско/княжеские люди’.

Насколько устойчивы и широко распространены были эти значения в устной речи, судить трудно. В летописном повествовании, сосредоточенном на деяниях князей, такая спецификация естественна. В новгородских берестяных грамотах домонгольского периода слово фиксируется вроде бы только в значении ‘спутники, товарищи’. Но всё-таки частотность использования слова *дружина* с этими двумя более узкими значениями в ПВЛ и летописных сводах конца XII – начала XIII в. настолько высока, что чисто литературными причинами это явление объяснить очень трудно. Другое дело, что значение слова могло сужаться или приобретать особые смысловые оттенки также и в других, кроме «военно-княжеского», контекстах, но просто по летописям этого не видно или видно плохо. Так, *дружиной* обозначались также люди под началом не только князей, но и бояр. В военном контексте оно не просто служит синонимом слов *вои*, *полк* и т. п., но может использоваться для обозначения воинского братства и товарищества («братья и дружина» в обращении к войску).

Так или иначе, но и в более узком значении ‘княжеское войско/княжеские люди’ слово *дружина* не было «техническим термином» и не обозначало ни институт, ни какие-то структурно оформленные группы. Оно указывало лишь в о о б щ е на людей, связанных с князем или оказавшихся с ним в тот или иной момент, то на всех вместе или на их большинство, а то на какие-то отдельные, каждый раз случайные, их

части. Понять, какие конкретно люди имелись в виду в том или ином упоминании под «дружиной», можно только по контексту этого упоминания, и в разных случаях это могут быть очень разные люди.

Для неопределённости и нетерминологичности слова показательна не только метонимия в его использовании, но и частое употребление слова с дополнительными пояснениями или определениями – «дружина лучшая», «передняя» и т. п. Именно потому, что слово имело слишком широкое и неопределённое значение, его в том или ином отдельном случае надо было пояснять, когда речь шла о каких-то отдельных группах людей, составляющих в том или ином смысле и в той или иной ситуации какое-то единство. В этих пояснениях не прослеживается систематичности и последовательности, и они не отражают единой организации дружины как некоего института древнерусского общества. В частности, определения *старейшая* и *младшая*, несколько раз встречающиеся в летописи, в разных случаях имели разный смысл и не указывали на какие-то структурные части некоей «дружинной организации».

Лишь представители знати – бояре – выделялись так или иначе, и в целом довольно последовательно, в «дружине» (как массе княжеских людей), а иногда и отделялись от неё. Именно к ним и только к ним относятся и случаи употребления слова *дружина* с уточняющими определениями, имеющими социальное содержание, – один раз «старейшая дружина» и один раз «передняя дружина» (не считая одного упоминания «первой дружины» как спорного, допускающего разные толкования). При этом характерно, что в случае с «передней дружиной» речь идёт не о боярах на службе того или иного князя, а о высшем слое (элите) новгородского общества.

Разнообразие этих пояснений указывает и на разнообразие самих людей на службе или в окружении князя. Историки говорят о «старшей» и «младшей дружине», но в реальности масса этих людей была значительно более разномастна, и разделительные линии в их среде были многочисленны и проходили по разным параметрам. Отчасти мы с этим уже столкнулись и видели, с одной стороны, зная, доставшуюся князю «по наследству» от его предшественника на том или ином «столе», а с другой – зная, пришедшую с ним; умудрённых опытом советников и неких фаворитов-временников; молодёжь разного происхождения, но сохраняющую самостоятельный статус, и зависимых слуг. Исторический анализ данных о людях в окружении князя, который предпринимается в следующих главах, призван развить выводы терминологического анализа и прояснить некоторые из этих разделительных линий в верхах древнерусского общества. Группы и структуры, реально существовавшие в этой среде, обозначались не словом *дружина*, а другими более точными и конкретными названиями.

ГЛАВА IV. КНЯЖЕСКИЕ ВОЕННЫЕ СЛУГИ: ОТРОКИ / ГРИДЬ

Анализ, предпринятый в главе III, показал «нетерминологичность» древнерусского слова *дружина*. Это слово даже в более узком значении ‘княжеское войско/княжеские люди’ не обозначало какие-то определённые структуры или институты и только указывало в целом на людей, так или иначе (часто лишь внутри одного контекста или в одной отдельно взятой ситуации) связанных с князем. В среде этих людей выделяются некоторые группы и категории, которые более или менее последовательно и устойчиво обозначались особыми словами (терминами), имевшими, очевидно, более точное и конкретное содержание. Дальнейшее исследование нацелено на выяснение того, что стояло за некоторыми из этих терминов, на которые сами источники указывают как на важнейшие.

И свидетельства древнерусских источников, и общие типологические соображения заставляют предполагать наличие в светской элите древнерусского общества, по крайней мере, двух важных элементов – княжеских слуг и знати. Знать, а также отчасти некоторые другие группы населения, входившие в элиту Древней Руси, рассматриваются в следующей главе. В этой главе речь пойдёт о военных слугах князей, которые обозначались словами *отрок* и *гридь*. Именно к этой группе людей возможно применение понятия *дружина* в том его научном смысле, который был обозначен в итоге историографического обзора в главе II. Но более точным и правильным, на мой взгляд, определением княжеских военных слуг было бы не просто «дружина», а «большая дружина» – термином, который предложил чешский историк Ф. Граус для одной из форм (стадий) дружинных объединений в средневековой Европе. В этой главе обосновывается это определение, за которым, как будет видно, стоит некоторое представление о всей социально-политической организации Древнерусского государства.

На идею чешского историка Ф. Грауса о «большой дружине» (*velkodružina*) обращалось внимание выше в главе II. Граус включился в дискуссии немецких историков о дружине и «господстве знати» и, понимая дружину как общеевропейское явление, предложил свою типологию её форм, переходивших одна в другую. Таких форм он насчитывал четыре, и «большая дружина» была третьей стадией. Все типы дружин, по Граусу, строятся по одному образцу, представляя собой объединение воинов под началом предводителя, который брал на себя их содержание и правовую защиту. Принципиальные отличия «большой дружины» от «древних» и «частных» состояли в том, что она была многочисленна, включая всю или значительную часть общественной элиты, и выполняла важную роль в становлении государства. Многочисленность и «государственные» функции были двумя сторонами одной медали, отражая сущность «варварских» политических образований, – содержать большое количество профессиональных воинов можно было только за счёт «сверхдоходов», которые дос-

тавляли, как правило, грабительские походы в соседние регионы и обложение подчинённого населения данью, но эти последние и осуществляла сама эта «большая дружина». Граус не писал этого прямо, но его логика имела в виду соответствие «большой дружины» определённой стадии становления государства – когда господство, оторвавшись от семейно-родовых форм, выражалось в даннических (трибутарных) отношениях.

Обосновывая эту идею, Граус опирался, главным образом, на источники по истории древнейших государств Польши и Чехии. Чешские источники позволяли Граусу уловить лишь некоторые отголоски дружинных отношений в XI–XII вв. Явственные следы «большой дружины» он находил не в чешских, а в польских источниках, но в целом делал вывод равным образом для Чехии и Польши, что правители этих двух государств в X–XI вв. использовали «большие дружины» как главное средство для утверждения своей власти и управления подчинёнными (завоёванными) территориями.

Не у всех теория Грауса вызвала сочувствие. В частности, Х. Ловмянский сомневался в том, что в рамках «большой дружины» можно было объединить вместе с воинами на содержании правителя представителей знати. Историки следующего поколения (Д. Тржештик и др.), приняв идею «большой дружины», связали её с разработанной ими «среднеевропейской моделью» государства высокого Средневековья, и согласно их представлениям, «большая дружина» и политические формы, ей соответствующие, составляли стадию общественного развития, непосредственно предшествующую этой «модели». Такой подход, однако, вызывает вопрос, была ли эта «большая дружина» специфически «центральноевропейским» явлением. По крайней мере, сам Граус исходил как будто из более или менее общеевропейского характера своей типологии дружинных форм¹.

В данном исследовании предпринимается попытка рассмотреть идею Грауса о «большой дружине» в более широком контексте. До сих пор это не делалось. Между тем, указания на некие особо многочисленные военные контингенты в постоянном распоряжении правителей, при чём как раз в эпоху X–XI вв., происходят из разных регионов средневековой Европы. Такие данные есть и в древнерусских источниках. Эти данные привлекали внимание исследователей, но, как кажется, правильной интерпретации поддаются именно в сопоставлении с европейскими аналогиями. Идея Грауса даёт опору, от которой может отталкиваться анализ этих аналогий, хотя, как увидим, выводы, к которым этот анализ приведёт, в чём-то могут и расходиться с выводами чешского историка. Многочисленность и связь с трибутарными отношениями – это те критерии, которые помогут систематизировать свидетельства из источников разных времени и происхождения.

¹ Таков был исходный посыл его работы, где наиболее подробно излагалась идея «большой дружины», но, правда, в конце статьи он всё-таки делал акцент на «центральноевропейской» специфике: *Graus F. Raně středověké družiny a jejich význam při vzniku států ve střední Evropě // ČSN. Roč. XIII (1965), číslo 1, s. 15-17.*

§ 1. «Большая дружина» – воины на содержании правителя

1.1. Древняя Польша

Среди данных, на которые опирался и Граус, и другие историки, писавшие о «большой дружине», первостепенное значение принадлежит сообщению арабского купца и дипломата Ибрагима ибн Якуба, еврея по происхождению и подданного испанского халифа, который посетил Германию и Чехию в середине 960-х гг. и оставил записки о путешествии. Эти записки содержат важные и интересные данные по истории ранних славянских государств. В сочинении рассказывается, в частности, о славянском государстве на север от Чехии, возглавляемом правителем, имя которого ибн Якуб передаёт как «мшк». В науке общепризнанно, что имеется в виду Мешко I, князь из династии Пястов, при котором Польша сформировалась как государство и приняла крещение (года правления: около 960–992).

Рассказ о государстве Мешка стоит привести целиком, поскольку бóльшая часть рассказа посвящена описанию военной организации под началом князя. В 1878 г. В. Р. Розен перевёл сочинение ибн Якуба с арабского на русский язык, однако с тех пор текстологическое и историческое изучение записок значительно продвинулось вперёд, и перевод Розена устарел ². Классическим считается перевод на польский язык Т. Ковальского ³, а недавно Д. Е. Мишин, опираясь на перевод Розена, перевёл записки на английский ⁴. Русский текст, который я ниже предлагаю, основан на переводе Розена, но учитывает поправки и варианты по двум последним переводам:

«Что касается страны Мешка, то она самая обширная среди их [славянских] стран. Она богата продовольствием, мясом, мёдом и рыбой (вариант: пашнями). Подати собираются им (Мешком) в весовых торговых мерах (*миткал ал-маркатия*) ⁵ и идут на оплату его людей (мужчин–«мужей»). Ежемесячно каждый из них (мужей) получает определенное число их (*миткалей*). У него (Мешка) три тысячи воинов в брони, [разделённых] на отряды. И одна сотня их равняется десяти сотням других (воинов). Он даёт этим мужам одежду, коней, оружие и всё, что им потребуется. И когда у кого-то из них родится ребенок, тотчас по рождении он (Мешко) приказывает выплатить ему деньги, будет ли ребенок мужского или женского пола. Когда ребенок достигнет совершеннолетия, то он женит его, если это мужчина, и выпла-

² Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах. Ч. 1 (статьи и разыскания А. [А.] Куника и барона В. [Р.] Розена) // ЗАН. Т. XXXII, 1878. Приложение № 2, с. 33-57. Перевод перепечатан Ф. Вестбергом с его комментариями и поправками: *Вестберг Ф.* Комментарий на записку Ибрагима ибн Якуба о славянах. СПб., 1903, с. 131-150.

³ *Relacja Ibrāhīma Ibn Ja'qūba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekrīego*, wydał T. Kowalski // *Pomniki/MPH. Seria II. T. I.* Kraków, 1946, s. 50.

⁴ *Mishin D.* Ibrahim Ibn-Ya'qub at-Turtushi's Account of the Slavs from the Middle of the Tenth Century // *Annual of medieval studies at CEU [Central European University, Budapest]. Vol. 2 (1996)*, p. 184-191. Ср. также: *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002, с. 33-37. Есть также переводы на немецкий, чешский и словацкий языки, но в данном отрывке они не дают ничего важного для понимания оригинала.

⁵ Так по Мишину. По Ковальскому: «Собираемые им (Мешком) подати [становятся] весовыми торговыми мерами...».

чивает за него свадебный подарок (вено) отцу девушки. Если же это женщина, то он выдаёт её замуж и выплачивает вено её отцу».

Записки Ибрагима ибн Якуба сохранились в двух основных вариантах (редакциях) – в составе географических трактатов позднейших арабских авторов: ал-Бакри (вторая половина XI в.) и ал-Казвини (вторая половина XIII в.). Более близким оригиналу признаётся вариант ал-Бакри, и по нему в этой части сделаны переводы. Ал-Казвини, правда, последние фразы излагает несколько иначе, добавляя некоторые сведения и комментарий: «...Когда ребенок достигнет совершеннолетия, то он женит его, если это мужчина, причём берёт вено у его отца и передаёт отцу девушки... А женятся у них с ведома их короля (то есть Мешка – П. С.), а не по собственному выбору. Король берёт на себя полное их содержание. На нём также лежат расходы по устройству свадьбы. Он словно заботливый отец для своих подданных»⁶. Неясно, восходят ли эти дополнительные указания к оригиналу.

Таким образом, из рассказа ибн Якуба мы узнаём, что польский князь Мешко в 960-х гг. содержал три тысячи воинов-«мужей». Эта военная организация вызывала, очевидно, повышенное внимание современников – во всяком случае, она заслужила особого упоминания в записках арабского путешественника, а значит, показалась ему или его информаторам (сам ибн Якуб не был в Польше), или и ему, и его информаторам заслуживающим такого упоминания как нечто выдающееся. Поскольку говорится о её боевой мощи («одна сотня их равняется десяти сотням других» воинов), можно догадываться, что процветание «обширной страны» Мешка стояло в какой-то связи – по крайней мере, в глазах современников – с наличием в его распоряжении этих «мужей». Ибн Якуб пишет о них, что они имели доспехи (были «в брони»), что на их содержание шли доходы от податей в пользу князя и что князь не только выплачивал им жалованье ежемесячно, но и давал «одежду, коней, оружие и всё, что им потребуется», а также помогал так или иначе (как именно, зависит от оценки вариантов ал-Бакри и ал-Казвини) в устройстве их семейных дел.

В тексте есть одно не совсем ясное место – там, где говорится о «миткал ал-маркатия». *Миткаль* по-арабски – «мера веса»⁷, *ал-маркатия* указывает на связь этих миткалей с рынком и торговлей (ср. лат. *mercatus*, нем. *Markt*)⁸. Получается, что речь идёт о каких-то торговых мерах веса, но остаётся неясным, почему подати в пользу Мешка то ли собираются в виде этих мер (или, как можно поправить Розена и Мишина, *согласно с ними*), то ли ими становятся (по Ковальскому). В литературе высказывалась мысль, что речь идёт о монетах, которые в то время могли использоваться не только как денежные единицы, но и как меры веса⁹. В Польше в X в., как свидетельствует археология, циркулировали разные монеты, прежде всего, серебряные араб-

⁶ Relacja Ibrāhīma Ibn Ja'kūba..., s. 91.

⁷ В настоящее время миткаль используется как единица измерения веса драгоценных камней.

⁸ На это первым указал Вестберг: *Вестберг Ф.* Ук. соч., с. 24.

⁹ См., например: *Kubiak W.* Zagadnienie “odważników handlowych” u Ibrāhīma ibn Ja'kūba // *Slavia Antiqua*. T. 5 (1956), s. 368-375.

ские дирхемы и европейские динарии¹⁰. Но какие именно имелись в виду монеты и какое их количество составляли меру веса, а тем более сколько их собиралось в виде податей и раздавалось потом воинам – об этом на основании данных ибн Якуба судить невозможно. Не лишено смысла также предположение, что словосочетанием «миткал ал-маркатия» ибн Якуб просто пытался передать многозначный славянский термин *гривна*¹¹. Д. Тржештик предложил видеть в этих податях некий первоначальный «элементарный» налог со свободного населения в пользу правителя, который, как он считал, в Чехии называли «tributum pacis», а в Венгрии «liberi denarii», однако эта догадка обречена оставаться лишь догадкой¹².

В целом, в достоверности информации Ибрагима ибн Якуба нет оснований сомневаться. Разумеется, отдельные детали его рассказа могут быть поставлены под вопрос, тем более что оригинальный текст дошёл до нас только в составе более поздних сочинений (хотя нет никаких признаков, которые заставляли бы полагать, что ал-Бекри или ал-Казвини предприняли кардинальную переработку текста ибн Якуба)¹³. Усомниться можно в цифре, которой обозначена численность Мешковых «воинов». Хорошо известно, что именно указания на количество тех или иных групп и масс людей в средневековье были всегда крайне неточны, да просто носили условный характер. Естественно, нет никакой гарантии, что информаторы ибн Якуба сообщили ему точные цифры и что он точно передал сообщённое ему, и надо скорее всего предполагать, что численность военных сил Мешка была преувеличена¹⁴. Решающее значение здесь имеет сравнение известия арабского писателя с другими данными. Поскольку такие данные есть и они заставляют скорее доверять ибн Якубу (см. далее), большинство польских историков видят именно в описанной им военной организации Мешка объяснение успешной деятельности первого исторически достоверного польского правителя по объединению разных племён и земель под одной властью, что заложило основы будущей Польши. Эта организация была главной ударной силой князя, которая обеспечивала ему военное превосходство над конкурентами в борьбе за

¹⁰ См. новейший обзор данных о монетных кладах, первые из которых на территории Польши датируются примерно 930-ми гг.: *Kara M. Najstarsze państwo Piastów – rezultat przełomu czy kontynuacji? Studium archeologiczne. Poznań, 2009, s. 256-264.*

¹¹ *Żmudzki P. Mieszko I i amazonki. Wspólnoty wojownicze i normy życia rodzinnego w relacji Ibrahima ibn Jakuba // Tekst źródła – krytyka, interpretacja. Red. B. Trelińska. Warszawa, 2005, s. 118.*

¹² См., например, в работе на русском языке: *Тржештик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. Отв. ред.: Г. Г. Литаврин. М., 1987, с. 133.*

¹³ Другое дело, что ставить что-то под вопрос можно тогда, когда есть конкретные основания для сомнений. Сомневаться просто потому, что вообще во всём можно сомневаться – это путь тупиковый. Не очень понятно, чем обоснован скепсис К. Гинтера и П. Жмудзкого относительно известий ибн Якуба, и он кажется гиперкритичным и непродуктивным (*Ginter K. Problem drużyny wczesnośredniowiecznej w Polsce // Kopijnicy, szyprowie, tenutariusze. Red. B. Śliwiński. Gdańsk, 2002, s. 64-66; Żmudzki P. Władca i wojownicy. Narracje o wodzach, drużynie i wojnach w najdawniejszej historiografii Polski i Rusi. Wrocław, 2009, s. 384-391.*)

¹⁴ Именно так полагают авторы новейших работ: *Bogacki M. Przemiany w wojskowości polskiej od połowy X wieku do 1138 roku. Kształt i organizacja armii. Toruń, 2007, s. 114-115; Jurek T. Geneza szlachty polskiej // Ślechta, moc a reprezentacja ve středověku. Ed. M. Nodl, M. Wihoda. Praha, 2007, s. 70.*

власть и позволяла противостоять соседям¹⁵. И именно её имел в виду Ф. Граус, предложив для её обозначения термин «большая дружина»¹⁶.

Сын Мешка Болеслав Храбрый (года правления: 992–1025) успешно продолжил объединительную и завоевательную политику, начатую его отцом, и логично думать, что при нём функционировала та же военная организация. Подтверждение этой мысли видят в сообщении «Хроники польской» Галла Анонима о численности войск Болеслава. Польский хронист (по происхождению француз или итальянец), прославляя Болеслава и его победы, писал о мощи и многочисленности польского войска в то время, но в одном месте (кн. I, гл. 8) даже указал точно, что князь «в Познани имел 1300 рыцарей (*loricati milites*) с 4 тысячами щитников (*clipeati milites*), в Гнезно – 1500 рыцарей и 5 тысяч щитников, в городе Влоцлавке – 800 рыцарей и 2 тысячи щитников, в Гдече – 300 рыцарей и 2 тысячи щитников»¹⁷.

Учёные до сих пор не пришли к единому мнению, откуда взял эти цифры Галл, писавший во втором десятилетии XII в., и насколько им можно верить. Но в целом, по крайней мере в польской историографии, преобладает убеждение в их достоверности. К выводу о достоверности этих данных пришёл Р. Барнат, который посвятил специальную статью этому сообщению Галла¹⁸. Исследователь заключил, что хронист в данном случае черпал сведения либо из каких-то мобилизационных «реестров» XI в., либо из неизвестного ныне агиографического сочинения о св. Адальберте (Войцехе) (на это сочинение ссылается сам Галл, обозначая его как «*Liber de passione martiris*»¹⁹). Но даже если верить этим цифрам, большие разногласия вызывает их толкование. Разные ответы предлагаются на вопросы, были ли это все или хотя бы основные военные силы Болеслава или только их часть, были ли они размещены по указанным городам или эти пункты служили только местом сбора военных частей, кого с социальной и военной точек зрения представляли эти «*loricati*» и «*clipeati milites*» и др.

Несмотря на всю сложность и спорность этих вопросов, давно обсуждаемых в историографии, я решусь высказаться всё-таки в пользу той точки зрения, которая усматривает прямое соответствие между 3 тысячами Мешковых «воинов в брони» и теми «*loricati milites*» (дословно – воинами в панцирях, в брони), то есть тяжеловооружёнными воинами, о которых пишет Галл-Аноним и число которых по его данным

¹⁵ Ср. в классическом разборе известий ибн Якуба, относящихся к Польше (*Labuda G. Ibrahim Ibn Jakub. Najstarsza relacja o Polsce w nowym wydaniu // Roczniki Historyczne. Rocznik XVI (1947), s. 136* и след.) и в современных работах – например, подробнее всего с указанием литературы в недавней работе: *Bogacki M. Op. cit., s. 106-142.*

¹⁶ *Graus F. Op. cit., s. 12.*

¹⁷ *Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum, ed. K. Maleczyński // Pomniki/MPH. Seria II. T. II. Warszawa, 1952, s. 25-26.* Цитируется русский перевод: *Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. Перевод Л. М. Поповой. М., 1961, с. 38.*

¹⁸ *Barnat R. Siły zbrojne Bolesława Chrobrego w świetle relacji Galla Anonima // PH. T. 88 (1997), z. 2, s. 223-235.*

¹⁹ Скорее всего, Галл пользовался особой несохранившейся редакцией жития Адальберта, написанной Бруно Кверфуртским во время его пребывания в Польше, см.: *Plezia M. Najstarszy zabytek historiografii polskiej. Zaginiony żywot św. Wojciecha // PH. T. 43 (1952), z. 2, s. 532-570.*

составляло при Болеславе Храбром 3900 человек. Эта точка зрения была высказана ещё давно²⁰, с теми или иными уточнениями или оговорками её поддержали Х. Ловмянский, Р. Барнат и другие исследователи²¹. При этом, правда, польские историки, как правило, допускают, что в число этих 3900 «loricati» входили не только воины на содержании князя, но и воины из дружин представителей высшей знати (а может быть, даже и какие-то другие силы – наёмники и т. д.), и тогда первые составляли только какую-то часть (пусть и бóльшую) этих 3900 человек²². Можно также думать, что численность военного корпуса польских князей выросла со времён Мешка в правление Болеслава, особенно если допускать, что цифра 3000 в известии ибн Якуба является преувеличением. Это вполне соответствовало бы расширению территории государства и размаху военных предприятий во времена Болеслава Храброго по сравнению с временами его отца.

Как бы то ни было, в известиях Ибрагима ибн Якуба и Галла просматриваются явные переклички, и они вполне подтверждают мысль о наличии некоей «большой дружины» в Польше эпохи Мешка и Болеслава, тем более что сами современники подчёркивали именно многочисленность воинов в их распоряжении. Помимо приблизительного соответствия в численности военных сил надо отметить ещё одну аналогию: арабский писатель упоминал об «отрядах», на которые поделены «воины» Мешки, а польский хронист размещает всех «loricati» по нескольким городам. Эти города были главными опорными пунктами раннепьястовской монархии, и в сопоставлении с археологическими свидетельствами эти упоминания позволяют говорить о системе размещения воинов, бывших на службе и содержании князя, гарнизонами по разным городам (в польской историографии для обозначения такой системы используется термин *drużyna rozproszona* – ср. в главе II)²³.

Вне зависимости от того, как польские историки интерпретируют сообщения ибн Якуба и Галла-Анонима, общепризнанным в польской историографии является тот факт, что организация и двора польских князей, и их военных сил претерпела существенные изменения после кризиса, потрясшего польское государство в 1030-е гг. Данные хроники Галла-Анонима, к сожалению, слишком лапидарны для того, чтобы составить о военной организации Польши ясное представление, но всё-таки понятно, что люди в непосредственном окружении польских князей второй половины XI – начала XII в. принципиально отличались от древних «мужей», для которых князь был

²⁰ См., например: *Labuda G.* Op. cit., s. 138-139.

²¹ *Lowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. IV. Warszawa, 1970, s. 460-462; *Barnat R.* Op. cit., c. 230.

²² Ср., например: *Bogacki M.* Op. cit., s. 187-188.

²³ См. обзор археологических данных (главным образом, захоронения с оружием), позволяющих локализовать пункты размещения военных сил около главных центров раннепьястовской монархии, в работах Михалы Кары: *Kara M.* Siły zbrojne Mieszka I // *Kronika Wielkopolski*. Nr. 3 (62), r. 1992. Poznań, 1993, s. 33-47; *Kara M.* Anfänge der Bildung des Piastenstaates im Lichte neuer archäologischer Ermittlungen // *QMAN*. Vol. V: 10th Century: Roma, Galia, Germania, Sclavinia, 2000, p. 57-85; *Kara M.* Op. cit., s. 309-311.

«словно заботливый отец». Так, в одном месте хроники, рассказывая о молодых годах Болеслава Кривоустого (II, 33), Галл-Аноним описывает сражение Болеслава с поморянами и упоминает, что при князе были 80 человек «pueros et iuvenes», то есть отроки-слуги и юноши, причём среди последних, как выясняется, кто-то (или даже многие) были из знатных родов²⁴.

В другом известии более позднего времени Галл рассказывает о походе Болеслава против чехов 1110 г. (III, 22-23). Непосредственное окружение князя названо «acies curialis» («дворцовая дружина» в русском переводе), и снова в значительной части эта группа состоит из юношей (iuvenes)²⁵. При этом, кроме княжеской «дружины», отдельные отряды войска поляков составляли люди Скарбимира, воеводы (comes palatinus) Болеслава, названные по аналогии с княжеским окружением «acies palatine», какая-то «гнезненская дружина (Gneznensis acies)» – видимо, городской полк, – а также «некоторые знатные и другие храбрые рыцари (cum quibusdam palatinis aliisque militibus animosis)».

Личные слуги и юноши из знатных семейств, для которых служба князю была началом придворной карьеры, – вот те люди, которые окружали князя спустя столетие с небольшим после путешествия ибн Якуба. И их численность измерялась уже не тысячами и даже не сотнями, а десятками. Не только в хронике Галла, но и в других источниках на передний план выступают представители знати – «можновладцы» (типа Скарбимира), которые, как единодушно утверждают исследователи, заняли ведущие позиции в государстве²⁶.

К сожалению, для других государств «среднеевропейской модели» нет столь же ярких и подробных свидетельств о военно-административной организации X–XI вв., которые можно было сравнить с польскими. Особенно скудны данные о раннепшемысловской Чехии. Тем не менее, по ряду отдельных упоминаний и косвенных указаний, а также по общей канве политического развития чешского государства во второй половине X–XI в., видимо, можно говорить об аналогичных, в целом, процессах. Первоначальные успешные завоевания сильной княжеской власти, опиравшейся, очевидно, на нечто вроде «большой дружины», сменились кризисом (в самом начале XI в.)²⁷. За кризисом последовало установление господства знати – тех чехов, которые, по словам чешского хрониста начала XII в. Козьмы Пражского, были «более сильные по оружию, более верные и храбрые во время военных действий, более выдающиеся своим богатством (quos norat armis potentiores, fide meliores, milicia fortiores

²⁴ Galli Anonymi Cronicae..., s. 101-102; *Галл Аноним*. Ук. соч., с. 92-93.

²⁵ Galli Anonymi Cronicae..., s. 149, 151-152; *Галл Аноним*. Ук. соч., с. 128-131.

²⁶ См.: *Modzelewski K.* Comites, principes, nobiles. The Structure of the Ruling Class as reflected in the Terminology Used by Gallus Anonymus // *The Polish Nobility in the Middle Ages. Anthologies*. Ed. A. Gaşiorowski. Wrocław etc., 1984, s. 179-181; *Jurek T.* Op. cit., с. 74.

²⁷ *Graus F.* Op. cit., s. 11; *Krzemieńska B.* Krize českého státu na přelomu tisíciletí // *ČČH*. Roč. 18 (1970), s. 497-532; *Žemlička J.* Das Reich des böhmischen Boleslavs und die Krise an der Jahrtausendwende // *Archeologické rozhledy*. T. XLVII (1995), s. 267-278.

et divitis eminentiores)» и благодаря которым «Чешская страна стоит, стояла и будет стоять вечно»²⁸.

Такая общая схема – резкое сокращение численности военных слуг на непосредственном содержании правителей Польши и Чехии и доминирующая роль знати в XI–XII вв. – в самом деле вырисовывается ясно. Вместе с тем, хотя понятно, что детали и частные особенности этих процессов трудно различить в скудных и разрозненных данных древних источников, всё-таки на один аспект современные польские и чешские историки, как мне кажется, обращают недостаточное внимание. Имея в виду громадную роль, которую сыграла «большая дружина» на первоначальном («трибутарном») этапе становления государства, едва ли можно допускать, что она совершенно бесследно исчезла с переходом к более развитым формам производства и мобилизации ресурсов (будь то «среднеевропейская модель» или что-то другое). Логично и естественно было бы предположить, что и в XI–XII вв. сохранялись в каком-то виде и объёме (пусть и более скромном), например, те «гарнизоны», которые размещались как составные части «большой дружины» по укрепленным пунктам на территории, подчинённой первыми правителями Польши и Чехии. Не воины ли этих «гарнизонов» прежде всего составили в XI–XIII вв. низшие слои привилегированного сословия знати, о которых глухо упоминают польские и чешские источники? В Чехии, например, именно эти слои следует предположить, прежде всего, за обозначением «*milites secundi ordinis*», которое впервые употребляет Козьма Пражский (II, 39), – то есть «воины второго порядка» или «рыцари второго разряда», как в русском переводе Г. Э. Санчука²⁹. О каких-то людях «не из знатного рода, а из простых воинов (*non de nobilium genere, sed de gregariis militibus*)» мельком упоминает Галл (I, 20)³⁰.

Больше известно об этой социальной категории по венгерским источникам, в основном, второй половины XII – первой половины XIII в. В Венгрии эти воины, служившие королю (или назначенным им агентам), назывались *iobagiones castri* – «замковые йобагионы»³¹. Они были «прикреплены» к определённым крепостям-городам (*castri*) и в этом смысле составляли некоторое единство с «замковыми людьми (*castrenses, civiles, cives*)». Но между «замковыми йобагионами» и «замковыми людьми» была принципиальная разница: первые исполняли военную службу, имели

²⁸ *Cosmae Pragensis Chronica boemorum*, hrsg. von B. Bretholz // MGH. SS rer. Germ. N. S. T. 2. Berlin, 1923, p. 78-79 (I, 42). Русский перевод: *Козьма Пражский. Чешская хроника. Вступительная статья, перевод и комментарии Г. Э. Санчука*. М., 1962, с. 98. См. о роли знати по данным Козьмы: *Wihoda M. Kníže a jeho věrní. Kosmas o světě předáků a urozených // Šlechta, moc a reprezentace ve středověku*. Ed. M. Nodl, M. Wihoda (=Colloquia mediaevalia Pragensia 9). Praha, 2007, s. 11-30.

²⁹ *Козьма Пражский*. Ук. соч., с. 156.

³⁰ Ср.: *Modzelewski K.* Op. cit., p. 194-195.

³¹ *Iobagiones* от венгерского *jobbágy* — «светлая голова». См. о них: *Rady M. C. Nobility, Land and Service in Medieval Hungary*. New York, 2000, p. 35-38, 79-81; *Engel P. The Realm of St. Stephen. A History of Medieval Hungary, 895-1526*. Translated by T. Pálófalvi, English edition edited by A. Ayton. London-New York, 2001, p. 70-73. Ср. на русском языке: *Шушарин В. П. Ранний феодализм // История Венгрии в трёх томах*. Т. 1. М., 1971, с. 117-118, 128; *Жемличка Й., Марсина Р. Возникновение и развитие раннефеодальных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.)*. М., 1991, с. 184.

земельные владения и более привилегированный статус, вторые – жили на «замковой земле (*terra castrī*)», занимаясь сельским хозяйством, и их главной обязанностью было поставлять продукты и платить налоги в пользу короля и его людей (в том числе тех же йобагионов). С военной точки зрения «замковые йобагионы» имели в XII в. существенное значение, но в течение XII–XIII вв. параллельно усилению и сплочению знати их слой, наоборот, дифференцировался и расплывался. Ко второй половине XIII в. этот процесс завершился: часть *iobagiones castrī* влилась в сословие знати, а часть превратилась в крестьянство.

В XIII в. сами йобагионы называли себя «*liberi Sancti Regis*» – «свободными Святого короля», то есть Иштвана Святого (года правления: 997–1038). Современные учёные считают, что категории людей, связанных с «замками», действительно, восходят к учреждениям XI в. и что они стоят в тесной связи с военно-административной системой 72 «графств»–комитатов (*comitatus*). Известный венгерский историк П. Энгель прямо связывает «замковых йобагионов» с теми «*milites*», о которых упоминает Иштван Святой в «Наставлениях» сыну Имре как своих воинах³². Хотя никаких данных о их численности этих «*milites*» нет, в виду польских и чешских параллелей можно предположить, что эти военные слуги короля составляли нечто вроде «большой дружины». Мысль о происхождении «замковых йобагионов» от этих «*milites*» заставляет далее предполагать явление типологически сходное: те элементы военной организации, которые находились под покровительством центральной власти в XI–XII вв., генетически связаны с «большой дружиной». Иными словами, не только в Венгрии (где, возможно, эти элементы оказались более заметны благодаря сравнительно сильной милитаризации общества), но и в двух других государствах, которые причисляют к «среднеевропейской модели» (Польша и Чехия), «большая дружина» правителя сохранялась в период функционирования этой модели в трансформированном виде. В этой связи можно также напомнить о роли такого важнейшего элемента «среднеевропейской модели», как «служебная организация» – ведь она обслуживала явно не только собственно княжеский (королевский) двор, но и какие-то военные силы на попечении правителя, причём именно размещённые по градам-замкам. В Венгрии такое соотношение вполне наглядно: «замковые люди», составляющие «служебную организа-

³² Engel P. Op. cit., p. 71. Гл. 4 «Наставлений»: principes, comites, milites... tibi militent, non serviant (Scriptores rerum Hungaricarum. Ed. E. Szentpétery et al. T. 2. Budapest, 1938, p. 623). Ср. не очень точно в русском переводе Т. П. Гусаровой: «знатные и лучшие люди, ишпаны, воины... должны быть военным сословием, а не рабами» (Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. II: Европа V–XVII вв. М., 1999, с. 91–92). Впрочем, есть точка зрения, согласно которой замковые йобагионы происходят не из королевских военных слуг, а из высших слоёв свободного крестьянства (*Жемличка Й., Марсина Р.* Ук. соч., с. 184). Так склонен понимать и происхождение чешских «*milites secundi ordinis*» Й. Жемличка: Там же, с. 173; *Žemlička J. Čechy v době knížecí (1034–1198)*. Praha, 1997, s. 171–172, 200. Теоретически можно, конечно, допустить, что ряды йобагионов пополняли не только собственно потомки тех воинов, которых сделал «свободными» Иштван Святой. Но сути дела это не меняет – важен континуитет самой социальной категории. Также можно допустить, что обозначение «*milites secundi ordinis*» имело общий характер, и под ним объединялись разные люди – например, люди, набранные из крестьян, или военные слуги не только князя, но и представителей знати (те же «*druhones*», о которых шла речь в главе III).

цию», обеспечивают «замковых йобагионов». Наконец, правомерность этих аналогий подтверждают и данные древнерусских источников, которые, как увидим ниже, прекрасно вписываются в такую схему.

1.2. «Империя» Кнуда Великого

Чешские и польские историки, говоря о «большой дружине», имеют в виду всегда Польшу и Чехию. Насколько я знаю, не обращалось внимания на аналогии этому явлению в других странах. Между тем, придерживаясь выше обозначенных критериев явления – многочисленность и связь с трибутарными отношениями, – надо указать на одну яркую аналогию в скандинавском регионе.

Ф. Граус рассматривал Скандинавию как регион, где были распространены только древние «малые» («домашние») дружины и лишь в XIII в. сформировалась королевская *hirð* (см. ниже) – объединение знати и служилых людей, которое он находил возможным назвать «государственной дружиной»³³. По всей видимости, он ориентировался на саги, а также на сообщения о набегах норманнов на Англию и континентальные королевства. В самом деле, судя по сагам, вошедшим в знаменитый цикл Снорри Стурлусона «Круг земной», группы воинов в распоряжении датских, норвежских и шведских конунгов X–XII вв. были по размерам довольно скромны. Их вполне можно назвать словом *дружина* в его «классическом» смысле как обозначении архаического «домашнего» или «товарищеского» объединения воинов во главе с предводителем, выступавшим в роли скорее вождя, чем правителя³⁴.

Слабость центральной власти и ограниченные финансовые возможности не позволяли правителям скандинавских государств содержать многочисленные военные группировки в их прямом подчинении на постоянной основе. Знать была сильна, и её представители, опираясь на свои кланы и своих зависимых людей, далеко не всегда были склонны считаться с конунгом, признавая его верховную власть. Снорри Стурлусон пишет, что в эпоху викингов (то есть до середины XI в.) в Норвегии было много знатных людей, многие из которых называли себя конунгами и дружины которых по численности и боеспособности были вполне сравнимы с дружинами «настоящих» конунгов из рода Инглингов. В «Саге об Олаве святом» (гл. 22) так сказано о типичном представителе знати того времени: «Эйрик ярл не затевал войны с Эрлингом, поскольку у того было много влиятельных родичей и сам он был человеком могущественным и имел много друзей. При нём всегда была большая дружина, такая же, как если бы он был конунгом (*með fjölmenni svo sem þar væri konungshirð*). Часто летом Эрлинг отправлялся в походы и добывал себе добро...»³⁵.

³³ *Graus F. Op. cit.*, с. 13.

³⁴ Здесь и далее это слово употребляется именно в таком смысле (ср. в конце главы II).

³⁵ Снорри Стурлусон. Круг Земной. Издание подготовили А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1995, с. 176. Ср. также не менее ярко в той же саге в главах 10, 46, 74-75, в «Саге о Харальде Серой Шкуре», гл. 2, и в других местах «Круга земного».

Вместе с тем, в тех же сагах ясно прослеживается стремление скандинавских конунгов расширять собственные дружины, увеличивая тем самым своё могущество по сравнению с представителями знати. Для этого применялись разные способы, помимо просто приёма на службу любого удалого молодца по его желанию. Наиболее эффективный способ повысить боеспособность собственных сил и при этом уменьшить сопротивление знати состоял в том, чтобы заманить в свою дружину или принудить к вступлению в неё самих магнатов с их людьми. Разумеется, конунгам (королям) это далеко не всегда удавалось, и здесь возникало немало спорных и даже конфликтных ситуаций. Случаев такого рода упоминается немало в «Круге земном», но вот один из примеров, взятый практически наугад, – рассказ из «Саги о Харальде Суровом» (гл. 49) о том, как датский король Свейн пытался заставить служить себе молодого лендрманна Асмунда, якобы творившего бесчиния. Снорри, в частности, пишет: «при встрече их конунг говорит, что Асмунд должен быть в его дружине (*í hirð hans*), а собственного войска (*enga sveit*) не должен иметь, и Асмунд подчинился конунгу. Однако после того как Асмунд провел с конунгом немного времени, ему не понравилось там, и он однажды ночью убежал и возвратился к своим товарищам (*tíl sveitar sinnar*), и стал чинить ещё больше зла, чем прежде»³⁶. Вне зависимости от реальных обстоятельств дела, важно, что для автора (который, впрочем, явно на стороне конунга) является само собой разумеющимся, что конунг старался привлечь Асмунда к себе в дружину, а тот сопротивлялся (очевидно, расценивая вступление в дружину конунга совсем не как почёт, а скорее как наказание) и опирался при этом на собственную дружину. Снорри выбирает разные слова для обозначения дружин Свейна и Асмунда (королевская дружина – «*hirð*», а люди лендрманна – «*sveitar*»³⁷), но эта его терминологическая дифференциация здесь едва ли уместна – слово *hirð* стало применяться для обозначения объединений людей на службе правителя значительно позднее описанных событий (о происхождении этого слова см. в главе I, а о терминологии ещё ниже). В то время принципиальной разницы между дружинами знатных людей/конунгов не было, и едва ли были какие-то различия в их обозначениях.

В XIII в., когда королевская власть усилилась, эта «централизаторская» тенденция нашла выражение в попытках норвежских королей объединить если не всю, то бóльшую часть знати под своим контролем в своей дружине-*hirð* (оставив в ней, разумеется, и собственно королевских слуг). Основным источником сведений о королевской *hirð* – это её «устав», известный в редакции 1270-х гг. под названием «*Hirðskra*». В этом документе сказалось явное влияние монархической идеологии и западноевропейской рыцарской культуры, и поэтому в этом случае особенно трудно судить, насколько правовые нормы и королевские постановления совпадали с реальной практикой. Тем не менее, с неизбежными сомнениями и оговорками норвежские историки

Здесь и далее оригинальный текст на древнеисландском языке приводится по изданию: *Snorri Sturluson. Heimskringla, Vjarni Adalbjarnarson gaf út, 1–3 // Íslenzk fornrit, 26–28. Reykjavík, 1941–1951.*

³⁶ Снорри Стурлусон. Ук. соч., с. 430.

³⁷ Русский перевод правильной во втором случае – скорее именно ‘товарищи’, а не ‘войско’.

признают, что «централизаторская» тенденция в конце концов, к началу XIV в., привела к сплочению знати в один «класс» с соблюдением определённого баланса интересов в её отношениях с правителем, а эта *hirð* стала своеобразной переходной формой от архаической дружины к единой организации королевского двора и бюрократического аппарата³⁸.

В данном случае важно отметить, что само стремление центральной власти усилить контроль над подчинёнными ей магнатами, включив их в «государственную» иерархию, шло рука об руку с ограничением размеров частных дружин знати. Так, «Hirðskra» постановляет, что количество собственных людей (хускарлов – *húskarlar*, о них см. ниже) у лендрманов (высший ранг королевских сановников) должно быть не более 40. При этом численность свит, с которыми лендрманы появлялись при дворе короля, не должна была быть более 6 человек (у герцогов – не более 4 человек)³⁹.

Сколько людей входили в королевскую *hirð* в XIII в., неизвестно, но вероятно, не более двух-трёх сотен человек. К такой цифре приходят современные историки, отталкиваясь от известных чисел. А точной оценке поддаётся количество королевских чиновников высшего ранга – управителей в местных округах (сюслуманов – *sýslumenn*) – и высшей знати (лендерманов – *lendirmenn*): первых было около 40-50 человек, вторых – 12-15⁴⁰.

Снорри сообщает точные числа о дружинах норвежских конунгов во времена более древние. В «Саге об Олаве святом» (гл. 57) он пишет, что у Олава в дружине (*hirð*) были 60 *hirðmenn* («дружинников») и 30 *gestir* («гостей»), а кроме того 30 своих хускарлов (*húskarlar* – «работники» в русском переводе) и неопределённое число рабов. «У него было шестьдесят дружинников и тридцать гостей. Он сам устанавливал для них законы и раздавал плату. У него было тридцать работников, которые должны были делать в усадьбе все, что требовалось, и доставлять все необходимое, и множество рабов. В усадьбе был большой дом, где спала дружина, и большая палата, где конунг собирал своих людей и решал всякие дела»⁴¹. В XIII в., согласно «Hirðskra», эти *hirðmenn* и *gestir* составляли две категории королевской *hirð*: первая – основную её часть, вторая вспомогательную статусом пониже.

В «Саге об Олаве Тихом» (гл. 4), повествуя о событиях спустя примерно полвека, Снорри приводит уже другие цифры – 120 *hirðmenn* и 60 *gestir*, да ещё 60 хускар-

³⁸ *Imsen S.* King Magnus and his Liegemen's 'Hirdskrå': A Portrait of the Norwegian Nobility in the 1270s // Nobles and Nobility in Medieval Europe. Concepts, Origins, Transformations. Ed. by A. J. Duggan. Woodbridge, 2000, p. 216-220; *Helle K.* The Norwegian Kingdom: succession disputes and consolidation // The Cambridge History of Scandinavia. Vol. I: Prehistory to 1520. Ed. by Knut Helle. Cambridge, 2003, p. 381-383; *Bagge S.* Hirð // Medieval Scandinavia. En Encyclopedia. NY-London, 1993, p. 284; *Bagge S.* From Viking Stronghold to Christian Kingdom: State Formation in Norway, c. 900-1350. Copenhagen, 2010, p. 324 et seq.

³⁹ *Hirdskråen: hirdloven til Norges konge og hans håndgangne menn, etter AM 322 fol.* Ved Steinar Imsen. Oslo, 2000, s. 74-75, 84-85, 88-89.

⁴⁰ См.: *Imsen S.* Op. cit., p. 214 (со ссылкой на подсчёты норвежского историка А. Холмсена (Andreas Holmsen)).

⁴¹ *Снорри Стурлусон. Ук. соч.*, с. 196.

лов (которые теперь на русском языке обозначены как «прислужники»): «У Олава конунга было сто двадцать дружинников, шестьдесят гостей и шестьдесят прислужников, которые должны были доставлять ко двору все, что нужно, или выполнять другие поручения конунга. И когда во время поездок конунга по пирам бонды спрашивали его, почему у него больше людей, чем полагается по закону и чем было у конунгов до него, он отвечал им так: Я не лучше правлю страной и меня не больше боятся, чем моего отца, хотя у меня в полтора раза больше людей, чем было у него. Но вам от этого нет угнетения, и я не хочу вас притеснять»⁴². Что за закон, на который ссылаются бонды, не известно – вероятно, неписанное правило о том, скольких людей разрешалось возить с собой конунгу, отправляясь в объезд по стране, который предполагал право кормиться у населения⁴³.

В Швеции, более богатой и населённой по сравнению с Норвегией, возможности правителя были, видимо, больше. Во всяком случае, в «Саге об Олаве святом» (гл. 198-199) Снорри сообщает, что когда Норвегия перешла под власть Кнуда Великого, Олав, собираясь вернуть её себе, обратился за помощью к шведскому королю Энунду и получил от того в помощь четыре сотни хорошо вооружённых воинов, какую-то часть из которых (какую именно, к сожалению, неясно из текста) составляли собственные люди Энунда⁴⁴. Сопоставляя это сообщение с приведённым выше сообщением о численности дружины Олава (менее сотни воинов во времена, когда вся Норвегия была под его властью), приходится думать, что число воинов на службе шведского конунга достигало нескольких сотен человек⁴⁵. Во всяком случае, Снорри исходил, очевидно, из того, что дружина шведского правителя была более многочисленна.

На этом фоне выглядит неслучайным то, что источники донесли до нас сведения о численности военного корпуса в распоряжении, пожалуй, самого могущественного среди скандинавских правителей раннего и высокого Средневековья – датского короля Кнуда Великого. Пиком его славы и могущества стало объединение под его властью Дании, Англии, Норвегии и, вероятно, даже части Швеции (с середины 1020-х гг. до 1035 г., когда Кнуд умер и его империя распалась). Согласно известию датского историка конца XII в. Свена Аггесена, в распоряжении у Кнуда, когда тот пребывал уже в основном в Англии, было военное объединение в 3 тысячи воинов, для которого Аггесен даже приводит оригинальное датское название – «thinglith», то есть *þinglip* (по-латыни Аггесен называет его в разных местах по-разному: «phalanx», «castrum» и др.)⁴⁶. Аггесен говорит о численности дружины-*þinglip* Кнуда в предисловии

⁴² Там же, с. 465-466.

⁴³ Ср. в «Саге об Олаве Святом», главы 38 и 162.

⁴⁴ Там же, с. 345-346.

⁴⁵ Именно так, рассуждал, например, ещё А. Стрингольм: *Стрингольм А. Походы викингов*. Пер. с немецкого языка А. Шемякина. Прил. и прим. К. Фриша. Предисл., комм. А. Хлевова. М., 2002 (1-е изд. на шведском языке 1835 г., на русском – 1861 г.), с. 401.

⁴⁶ «Cumque phalanx numerosa nouo quodam splendet ornatu, placuit, ut huius turbae numerositas certo calculationis numero subputaretur; cuius summa numeri tria millia militum extitit electorum. Quam cateruam suo idiomate thinglith placuit nuncupari» (Den Danske Rigslovgivning indtil 1400. Udgivet ved E. Kroman.

к пересказу её «устава», известного под названием «Vederlov»⁴⁷. В основе своей этот «устав» восходит, скорее всего, ко временам Кнуда Великого и содержит ряд важных и интересных данных о её внутренней организации (см. также в главе VI, § 1.2).

Саксон Грамматик называет это объединение «clientela» и числит в его составе уже не 3 тысячи, а 6 тысяч воинов, распределённых на 60 кораблях по 100 человек. Однако, цифра Саксона, который писал позже Аггесена, перерабатывая его текст, представляется явно преувеличенной⁴⁸. В сообщении Саксона, которое он приводит тоже перед своим пересказом «Vederlov», говорится, в частности, что Кнуд «содержал» (alere – дословно: ‘кормил’) свою «clientele», выдавая ежемесячно жалование, а также что летом она «защищала государство», а зимой «размещалась по гарнизонам (contuberniis)»⁴⁹.

Далеко не все учёные, конечно, готовы верить цифре Аггесена, не говоря уже о Саксоне. Ведь средневековый сочинитель писал о событиях, отдалённых от него более чем на полтора столетия. Однако и в пользу достоверности (или относительной достоверности) этих данных можно привести доводы. Во-первых, содержание Кнудом многочисленного военного корпуса выглядит вполне вероятным с точки зрения его финансовых возможностей – ведь он получал колоссальные доходы с огромных территорий, прежде всего с экономически развитой и богатой серебром Англии. Во-вторых, на фоне сравнительно небольших дружин скандинавских конунгов XI–XII вв. количество воинов на содержании Кнуда должно было выглядеть просто огромным, и вместе с непревзойдённой славой великого завоевателя сведения об этой его «большой дружине» вполне могли дожить – может быть, вместе с текстом «Vederlov» – и до времени Аггесена, пусть и, допустим, в несколько преувеличенном и «округлённом» виде.

Наконец, в-третьих, есть археологические данные, позволяющие считать, что *binglip* Кнуда возник не на пустом месте, а начал формироваться ещё в Дании при его отце Свейне Вилобородом (года правления: около 985–1014) или даже деде Харальде Синезубом (умер в 985-986 гг.). Речь идёт о четырёх известных на сегодня военных

København, 1971, s. 10). Ср. английский перевод с комментариями: *Christiansen E. The Works of Sven Aggesen Twelfth-century Danish Historian*. London, 1992, p. 33.

⁴⁷ Этому уставу сам Аггесен даёт заглавие «Lex castrensis sive curiae», но сообщает, что оригинальное скандинавское название было «Witherlogh» (дословно: ‘наказание’). Устав Кнудовой дружины дошёл до нас в трёх версиях, записанных в конце XII – начале XIII в.: помимо версии Аггесена, есть пересказ на латинском у Саксона и версия на древнедатском языке, в которой документ назван «Witherlax gæt» («закон о наказаниях»). В историографии документ фигурирует обычно под датским названием «Vederlov». См.: *Riis Th. Les Institutions Politiques Centrales du Danemark 1100–1332*. Odense, 1977, p. 31-47, 232-235; *Strauch D. Vitherlagsret // RGA. Bd. XXXII (2006), S. 461-469*.

⁴⁸ См.: *Larson L. M. The King's Household In England Before The Norman Conquest*. New York, 1969 (1-е изд.: 1904 г.), p. 167.

⁴⁹ *Gesta Danorum*, X, 17, 5: «Ceterum Kanutus tria prememorata regna (выше шла речь о Дании, Норвегии и Англии – II. C.) circuiens clientelem suam sex milium numerum expletem sexaginta nauigiis cultius apparatis eorumque quolibet centenos armatos capiente distinxit. Eandem estate pro tuendo imperio excubantem hyeme contuberniis discretam alere consuevit. Mensibus stipendia nouabantur» (*Saxo Grammaticus. Gesta Danorum=Danmarkshistorien. Latinsk tekst udg. af Karsten Friis-Jensen, dansk oversættelse ved Peter Zeeberg. Bd. 1. København, 2005, s. 668*).

крепостях, построенных приблизительно в одно время в Дании (некоторые причисляют к ним и одну крепость в южной Швеции) – Trelleborg, Aggersborg, Fyrkat и Nonnebakken. Все они построены, несомненно, по одному плану (круглые, с одинаковыми внутренней планировкой, укреплениями и т. д.), видимо, в последние годы правления Харальда или уже при Свейне, и первоначальное население обитало в них относительно недолго (не более 20-30 лет). Из них лучше всего исследована крепость в Треллеборге около Слагельсе на о. Зеландия (Дания)⁵⁰. Её укрепления построены, как показывает дендрохронология, из дубов, срубленных в 980 г. Здесь зафиксированы 16 «длинных домов»: 4 группы-блока по 4 больших дома. Наиболее простая и убедительная интерпретация предполагает, что крепости были военными лагерями, а эти дома были своего рода казармами⁵¹.

С этими данными следует сопоставить упоминание в «Vederlov» «кварталов», на которые делился *þinglip*⁵², и указание Саксона о размещении «clientela» Кнуда по специальным «contuberniis». Как показывают археологические данные, в Треллеборге жили не только мужчины, но также женщины и дети, причём общее число жителей превышало тысячу (около 1200–1300). Собственно milites, жившие в этой крепости, составляли около 200-300 человек. Учитывая количество крепостей и тот факт, что некоторые были больше Треллеборга около Слагельсе⁵³, можно предполагать общее число воинов таким, что цифры Аггесена покажутся уже совсем не «легендарными».

Об этих известиях Аггесена и Саксона и сведениях «Vederlov» часто заходит речь в специальных исследованиях двора и военной организации Кнуда, а также его предшественников и преемников в Дании и Англии. И обычно эти данные сопоставляются со свидетельствами о присутствии каких-то хускарлов в Англии в эту эпоху. Давно уже была высказана и обоснована мысль, что эти хускарлы, о которых в одном из источников говорится, что в окружении Кнуда они были «многочисленны», составляли если не целиком, то бóльшую часть его *þinglip*⁵⁴.

⁵⁰ См. с указанием литературы и обзором интерпретаций статьи в «Reallexikon der germanischen Altertumskunde»: *Arbman H.* Aggersborg // RGA. Bd. I (1973), S. 95-96; *Roesdahl E.* Fyrkat // RGA. Bd. X (1998), S. 295-301; *Olsen O.* Nonnebakken // RGA. Bd. XXI (2002), S. 267-269; *Andersen S. W.* Trelleborg // RGA. Bd. XXXI (2006), S. 157–160.

⁵¹ Спорным в историографии является скорее вопрос о том, для чего были построены эти крепости – для защиты против внешней агрессии, для подавления внутреннего сопротивления или как база для завоевательных походов. См. обзор возможных ответов: *Roesdahl E.* Op. cit., S. 300.

⁵² Статья 4-я датской версии «Vederlov»: «Если король хочет выгнать кого-то из дружины, тогда он должен сперва, послав двух дружинников к тому на двор, объявить ему в присутствии его товарищей и в его “квартале” (i sin fiarthing) о приглашении на дружинную сходку (huskarlastefna – собрание всей дружины) и назначить место и день...» (Den Danske Rigslovgivning..., s. 3). То же слово *fiarthing* приводит Аггесен в своём пересказе «Vederlov» (в статье 9 по его нумерации: *ibidem*, s. 16).

⁵³ Например, в Аггесборге, самой большой крепости, зафиксированы 48 «длинных домов», то есть 12 групп-блоков. В других крепостях тоже зафиксированы захоронения не только мужчин, но и женщин и детей.

⁵⁴ См.: *Larson L. M.* Op. cit., p. 152-171. В этой классической работе обобщены все данные о хускарлах в Англии. Ср. также: *Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. Oxford, 1971, p. 412-413. Ср. на русском языке: *Корьев А. А.* Наёмная гвардия хускерлов короля Кнута Великого (к вопросу о структуре англо-саксонской знати в первой половине XI в.) // Проблемы социальной структуры и идеологии средневе-

Само слово *húskarl* (в английских источниках: *huscarl*) – скандинавское (до-словно ‘человек дома’). Первоначально им обозначались, видимо, разного рода зависимые и полузависимые люди (слуги) в доме-усадебке и в небольших «домашних» дружинах разного рода могущественных людей⁵⁵. Неудивительно, что этот же термин стал применяться и к княжеским дружинникам – ведь дружины конунгов были в принципе такими же «домашними», как и толпы-отряды зависимых людей прочей знати, и лишь при определённых исторических обстоятельствах их численность вырастала на порядок (как у Кнуда). И естественно, что первоначально разницы между воинами в прямом подчинении конунга и дружинами знати не было никакой, кроме именно числа «бойцов».

Видимо, слово *húskarl* всегда имело некоторый отпечаток зависимости (а может быть, и неполноправности), и параллельно с ним в XI–XII вв. в древнескандинавском языке существовали и другие обозначения для членов дружины – *heiðmaðr*, *hemþægi*, *rekkr*, *drengr* и др., некоторые из которых имели скорее «возвышенно-героические» коннотации (типа русского «богатырь» и т. п.), хотя существенных различий в социальном плане, видимо, не отражали⁵⁶. В XIII в. слово ещё употреблялось в значении ‘слуга/воин’ применительно к членам дружин и конунгов, и лендрманов. Но со складыванием в это время королевской *hirð* как организации служилой знати его члены предпочитали уже именоваться не «хускарлами», а «хирдманами»⁵⁷.

Эта перемена ясно засвидетельствована Снорри Стурлусоном. С одной стороны, как мы видели выше, сообщая о численности *hirð* конунгов Олава Святого и Олава Тихого, Снорри хотя и упоминает о хускарлах, но как будто не имеет в виду, что они принадлежали к собственно *hirð*. С другой стороны, в «Младшей Эдде» в специальном замечании о «дружинной» терминологии (гл. 66) он прямо пишет, что *húskarlar* – это устаревшее слово, а в его время оно уступает место слову *hirðmenn*. Слова Снорри в русском переводе М. И. Стеблина-Каменского выглядят следующим образом: «Конунгов и ярлов сопровождают люди, называемые дружинниками (*hirðmenn*) и домашней стражей (*húskarlar*). Лендрманны тоже держат присягнувших им людей (*handgengna menn*), которые зовутся в Дании и Швеции дружинниками (*hirðmenn*), а в Норвегии — домашнею стражей (*húskarlar*). Они, как и дружинники

кового общества. Л., 1980. Вып. 3, с. 21-26. Отождествление хускарлов с *þingliþ* Кнуда – наиболее распространённая точка зрения, но не единственная, существующая в литературе, по поводу их происхождения и места в структуре английского общества XI в. Так, высказывалось мнение, что хускарлы не были постоянным войском и не имели большого военного значения: *Hooper N. The Housecarls in England in the Eleventh Century // Anglo-Norman Warfare. Studies in Late Anglo-Saxon and Anglo-Norman Military Organization and Warfare. Ed. by Matthew Strickland. Woodbridge, 2000, p. 1-16.* Думаю, что интерпретация военной организации Кнуда Великого как «большой дружины» в свете польских и чешских параллелей может стать дополнительным аргументом в пользу традиционной точки зрения.

⁵⁵ См.: *Lindow J. Comitatus, Individual and Honor: Studies in North Germanic Institutional Vocabulary. Berkeley etc., 1976, p. 113-125.*

⁵⁶ *Ibidem*, p. 84-113.

⁵⁷ См.: *Orning H. J. Unpredictability and Presence. Norwegian Kingship in the High Middle Ages. Leiden-Boston, 2008, p. 96-97.*

конунгов, приносят клятву верности. Дружинников (*hirðmenn*) часто называли домашней стражей (*húskarlar konunga*) в старые времена»⁵⁸. Здесь, кстати, мы видим уже третий вариант перевода *húskarl* на русский язык («домашняя стража»); ср. выше – «работники», «прислужники». Русские переводчики явно испытывают трудности в подборе эквивалента этому слову, хотя в древнерусском языке во многом схожим было употребление слова **отрокъ** (о нём см. ниже в сопоставлении со словом **гридь**).

В этом же месте «Младшей Эдды» Снорри упоминает о денежном жалованье, которое выплачивали скандинавские конунги своим людям. Для него это вполне естественное дело, и, приводя соответствующие цитаты из скальдической поэзии, он даёт лишь краткое пояснение: «*heiðfé heitir máli ok gjöf, er höfðingjar gefa*», которое можно перевести примерно так: «жалованье (*heiðfé*), которое дают вожди (правители), называется оклад или дар». Слово *máli* (дословно: ‘данное согласно уговору’, родственное слову *mál* – ‘речь, язык’) лучше всего было бы передать даже не современным русским *оклад*, а древнерусским **урокуъ** (с аналогичной этимологией – от **речи**), которое имело значения и ‘уговор’, и ‘плата’, и ‘жалованье’⁵⁹.

Традиция платить своим людям деньги была в Скандинавии, по-видимому, издревле устоявшейся. О выплатах упоминается неоднократно и в «*Hirdskra*». Несколько источников свидетельствуют о том, что и Кнудовы хускарлы получали какое-то жалованье в денежном виде. Скорее всего, на их содержание шёл специальный денежный налог (фактически дань), которым викинги, вторгавшиеся в Англию, облагали население. Такие налоги упоминаются время от времени с середины IX в., но первый налог, который охватывал население всей Англии, был собран в 991 г. после победы викингов над англичанами в битве при Мэлдоне, и он получил название «датские выплаты» – *Danegeld* (от др.сканд. *gjalda* – оплачивать, вознаграждать). Саксон уточняет, что жалованье воинам Кнуда выплачивалось ежемесячно. Это обстоятельство составляет прямую параллель известию ибн Якуба о Мешковых воинах.

Однако Кнудовых хускарлов отличает одна важная черта. Из актовых источников и английской «Книги Страшного суда» известно, что некоторые из хускарлов в XI в. владели земельными участками (видимо, относительно небольшими). Вероятным выглядит предположение, что эти участки были получены от короля как вознаграждение за службу⁶⁰. И такое развитие в обеспечении хускарлов представляется вполне естественным. «Многочисленных» хускарлов можно было обеспечивать деньгами, пока существовала огромная империя и был стабильным доход в виде *Danegeld*. Но после смерти Кнуда империя распадается, и сборы *Danegeld* становятся нерегуляр-

⁵⁸ Младшая Эдда. Издание подготовили О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. СПб., 2006, с. 88. Здесь и далее оригинальный текст на древнеисландском языке приводится по изданию: Edda Snorra Sturlusonar. Nafnabulur og Skáldatal. Bjó til prentunar Guðni Jónsson. [Reykjavík]: Íslendinga-sagnaútgáfan, 1954.

⁵⁹ Срезневский *Материалы*, стл. 1257-1259. Русский перевод этой фразы, предложенный О. А. Смирницкой, крайне неточен: «Плата охранникам зовется “жалованием” либо “даром правителя»» (Младшая Эдда..., с. 88). Откуда здесь взялись «охранники», вообще неясно.

⁶⁰ Larson L. M. Op. cit., с. 163-164.

ными, а в 1051 г. вовсе прекращаются⁶¹. В то же время в XI в. в Англии уже было сильно развито частное землевладение. В этих условиях в случае, когда казна испытывала затруднения в финансах, выделение земли было самым простым способом удержать по крайней мере кого-то из хускарлов.

Аггесен пишет ещё, что воины в *þinglip* Кнуда были разделены на несколько категорий, и условием допуска в его ближайшую гвардию было наличие своего оружия – топора и меча, причём специальным образом украшенных (позолоченных)⁶². Это условие противоречит порядку, обычному и в Скандинавии, и в Англии, и в континентальных королевствах, что оружие предоставлялось господином/правителем его людям в качестве дара или награды. Однако историки допускают в данном случае исключение⁶³. Вполне естественно думать, что тот, кто выдвигался на службе в *þinglip* Кнуда, обладал не только храбростью, опытом, военной выучкой и пр., но приобретал со временем и богатство – ведь военная служба в условиях того времени предполагала не только жалованье и награды от предводителя/правителя, но и долю от добычи. От этих «гвардейцев» вполне можно было потребовать иметь оружие богаче и красивее оружия остальных воинов.

Преемники Кнуда, правившие в Англии, видимо, не сохранили численности его *þinglip*, поскольку просто не могли его содержать. Правда, хускарлы упоминаются у английских королей и ярлов вплоть до конца XI в., в частности, в качестве элитного подразделения в войске Гарольда Годвинсона в битвах при Стэмфорд-Бридже и Гастингсе в 1066 г. Возможно, генетически с ними связана «домашняя дружина» английских правителей XII в. – «*familia regis*», которая содержалась во многом за счёт прямых выплат из казны⁶⁴. В Дании никаких следов «большой дружины» в XI–XII вв. не обнаруживается, а те воины, которых имели вокруг себя правители, были явно малочисленны и незначительны в военном отношении, напоминая скорее свиты, нежели военные корпуса⁶⁵.

1.3. Другие регионы

Имеющиеся данные о воинах на содержании Кнуда Великого позволяют называть их «большой дружиной», если иметь в виду выше обозначенные критерии этого явления – многочисленность состава и включённость в даннические отношения. Но

⁶¹ Позднее налог был возобновлен Вильгельмом Завоевателем и собирался до 1161-1162 гг., см.: Green J. A. The last century of Danegeld // EHR. No. CCCLXXIX (April 1981), p. 241-245.

⁶² Статьи 1-2: Den Danske Rigslovgivning..., s. 8-9.

⁶³ Larson L. M. Op. cit., c. 158, 162.

⁶⁴ См.: Chibnall M. Mercenaries and the *familia regis* under Henry I // Anglo-Norman Warfare..., p. 84-92; Prestwich J. O. The military household of the Norman kings // Ibidem, p. 93-127.

⁶⁵ См., например: Gelting M. H. Military organization, social power and state formation in Denmark, 11th-13th century // Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1-1300: Papers from an International Research Seminar at the Danish National Museum, Copenhagen, 2-4 May 1996. Edited by A. N. Jørgensen and B. L. Clausen. Copenhagen, 1997, p. 48-54; Skovgaard-Petersen I. The Making of the Danish Kingdom; The Danish Kingdom: consolidation and disintegration // The Cambridge History of Scandinavia. Vol. I, p. 179-183, 359-361.

Кнудовы хускарлы не составляли, конечно, весь элитный слой того государства, которое он создал и возглавлял, и даже лучшие из них (гвардейцы с золочёнными мечами или топорами), вероятно, только приближались к той знати, с которой ему пришлось иметь дело и в Дании, и в Англии. «Большая дружина» Кнуда – это военные слуги правителя в собственном смысле, но не знать. И если говорить о «большой дружине» в таком смысле, то в ряд к уже рассмотренным военным контингентам в распоряжении гнезненских князей и Кнуда можно ещё добавить аналогии из истории раннесредневековой Европы.

Разумеется, не стоит придавать большого значения на первый взгляд разительному совпадению цифр в численности этих контингентов – те же 3000 у ибн Якуба и у Аггесена. Эти цифры, как уже говорилось, не должны восприниматься буквально, а скорее как просто указания на нечто особо выдающееся по своим размерам. Как и в других сообщениях средневековых писателей о количестве, достоверным надо считать не столько сами цифры, сколько их порядок (разумеется, тогда, когда можно вообще предполагать достоверность). В данном случае скажем так: количество людей в этих «больших дружинах» было таким, что их можно было считать, отталкиваясь уже не от сотни как единицы измерения, а от тысячи. Практически это значило, что действительное количество могло быть от 700–800 человек (потому что о них уже можно сказать: «почти тысяча» и т. п.) до 2–3 тысяч (большую численность этих объединений невозможно предполагать, исходя из общих социально-экономических условий). То, что счёт, начатый на тысячи, приводил в конце концов к «сакральной» цифре 3, вполне объяснимо.

Гораздо важнее совпадение не конкретных чисел, а самого принципа организации – то есть содержание на постоянной основе (и прямыми денежными выплатами, и выдачей оружия и обмундирования) профессиональных воинов в количестве значительно превосходящем нормальные для того времени размеры воинских объединений. Как показывают современные исследования, в раннее и даже высокое средневековье отряд в несколько сотен человек уже считался сравнительно большим военным объединением, а «армии» в несколько тысяч воинов можно предполагать только в исключительных случаях, и набирались они, конечно, только на разовые военные предприятия и из самых разнородных социальных элементов⁶⁶.

Очень важно также совпадение условий, в которых возникали и распались эти «большие дружины». Они создавались (вероятно, вполне сознательно) в качестве средства построения политической общности, крепящим элементом которой был сбор дани. Либо сама эта дань (как *Danegeld* с англичан), либо какие-то особые источники доходов, обеспечить которые и была призвана «большая дружина», и были основным источником её содержания. Так, в Чехии, по предположению Д. Тржештика, главным

⁶⁶ Reuter T. The Recruitment of Armies in the Early Middle Ages: what can we know? // Military Aspects of Scandinavian Society..., p. 32-37; Halsall G. Warfare and Battle in the Barbarian West 450-900. London, 2003, p. 119-133.

доходом правителя, за счёт которого он мог содержать корпус собственных воинов, была прибыль от продажи невольников на работорговом рынке Праги. Но невольников добывали ведь те же воины⁶⁷.

Политии, образованные с помощью «больших дружин», представляли собой конгломерат областей и общностей, связанных лишь выплатой дани одному центру, и они не могли быть долговечны. Как только возможности внешних завоеваний или эти особые источники «сверхдоходов» (как выражается Тржештик) иссякали или переставали быть доступными, содержание большого контингента профессиональных воинов (то есть людей, не занимавшихся ничем кроме войны и, значит, не занятых ни в производстве, ни в управлении) должно было ложиться более тяжёлым бременем на тех, кто уже был подчинён, и здесь сказывались и недовольство местных элит, и неразвитость централизованного аппарата контроля и принуждения. Получить большие суммы и при этом в определённый срок (ср. указание на ежемесячные выплаты «дружинникам») было уже трудно, и надо было либо находить другие способы оплаты дорогостоящего «труда» воинов-профессионалов (ср. наделение землёй хускарлов в Англии в XI в.), либо снижать плату (с неизбежным падением качества этого «труда»), либо отказываться от их услуг. Кризисы могли быть, судя по примерам Польши, Чехии и датско-английской «империи», разной степени силы и продолжительности, но в любом случае в итоге они приводили к отказу от первоначальной даннической системы подчинения и эксплуатации. Если эта первоначальная система крепилась во многом на силовом превосходстве и принуждении (обеспечиваемом «большой дружиной»), то после кризиса существенно бóльшую роль для сохранения политического единства должны были играть интересы взаимной выгоды и договорно-согласительные механизмы. Правитель вынужден был сокращать до минимума свою личную охрану-дружину, а основное значение в военном отношении переходило к знати с её дружинами и клиентами и к наборам свободного или полусвободного населения.

Следует подчеркнуть, что все случаи, когда у нас есть основания говорить о «большой дружине» (Польша, Дания/Англия, более предположительно Венгрия и Чехия), относятся приблизительно к одному времени, когда эти регионы были во многом типологически схожи. В X–XI вв. Чехия, Польша, Венгрия и Скандинавия, в тот момент, так сказать, захватившая в свою орбиту Англию, представляли собой как раз те «пограничные народы» (нем. *Randvölker*), о которых часто вспоминают, когда противопоставляют сложившиеся цивилизации и более «примитивные» общности, паразитирующие на окраинах этих цивилизаций, но при определённых обстоятельствах способные со временем обрести собственные политические и культурные формы. Раньше так говорили прежде всего о кельтских и германских варварах, которые сна-

⁶⁷ *Třeštík D.* “Eine grosse Stadt der Slawen namens Prag” (Staaten und Sklaven in Mitteleuropa im 10. Jahrhundert) // *Boleslav II. Der tschechische Staat um das Jahr 1000. Internationales Symposium Praha 9.-10. Februar 1999.* Hrsg. von Petr Sommer. Praha, 2001, s. 128.

чала тревожили северные окраины Римской империи, а затем создали на её обломках собственные государства. Недавно К. Модзелевский предложил – совершенно справедливо, на мой взгляд – расширить понятие «варварской Европы», включив в него те германские, славянские, балтские и финно-угорские народы, которые создали свои политии несколько позже – в IX–XII вв. Справедливость этого подхода подтверждается тем, что и те, и другие варвары обнаруживают массу общих черт в своих общественном устройстве, политическом быте, культурно-правовых формах и т. д. Только если варвары «первой волны» имели дело с Римской империей, то варвары «второй волны» были «пограничными народами», с одной стороны, для Каролингской империи и государств, ей наследовавших, а с другой – для Византийской империи.

Такая типология «варварской Европы» позволила Модзелевскому для объяснения некоторых явлений славянских государств X–XII вв. прибегнуть к данным, известным из других «варварских» обществ, прежде всего древнегерманских, – то есть он использовал исторические материалы о «первой волне» для разъяснения информации, сохранившейся от варваров «второй волны». На мой взгляд, вполне правомерной была бы и обратная методика – то есть применить нечто известное об этих последних к первым. В данном случае можно поставить вопрос о том, насколько универсальной для этих варварских «приграничных» народов была модель «большой дружины» как важнейшего инструмента в образовании трибутарных политий, часто принимавших форму рыхлых и недолговечных «империй».

К сожалению, относительно раннего Средневековья практически нет данных о численности тех или иных военных объединений, упомянутых в источниках. Между тем, именно численность (пусть даже относительная) является важнейшим или во всяком случае наиболее характерным показателем «большой дружины». Тем не менее, некоторые косвенные сведения могут, кажется, указывать на некие особо выдающиеся по силе и размерам военные объединения в подчинении раннесредневековых правителей.

Так, явно неординарное явление представляла собой *trustis dominica* или *trustis regis*, известная в меровингской и каролингской Франции⁶⁸. Это была группа воинов-профессионалов (именовавшихся в качестве её членов также *antrustiones* – антрустионы), которые должны были, прежде всего, воевать и охранять правителя (своего господина), а в мирное время, возможно, также выполнять некоторые поручения полицейского характера. Этимология их обозначения указывает на «дружинные» корни

⁶⁸ См.: Kuhn H., Wenskus R. Antrustio // RGA. Bd. I (1971), S. 360-361; von Olberg G. Die Bezeichnungen für soziale Stände, Schichten und Gruppen in den Leges barbarorum. Berlin–New York, 1991, S. 124-134. Ср. на русском языке: Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956, с. 150 (а также по указателю); Неусыхин А. И. Собственность и свобода в варварских правдах (очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V–VIII вв.) // Неусыхин А. И., Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974, с. 48-49.

(от германского *trōst*, восходящего к древнему корню **true-*⁶⁹). Они находились под особым покровительством короля и были обеспечены повышенным (тройным) вергельдом. Порядок материального обеспечения антрустионов (как и их численность) неизвестен. Но поскольку в раннесредневековой Европе был хорошо известен порядок обеспечения зависимых людей, в задачу которых входило прежде всего ведение войны, жалованьем (или по крайней мере пропитанием), одеждой и оружием, иногда также лошадьми⁷⁰, то предполагают, что этот порядок был принят и в *trustis regis*.

О силе и значении антрустионов в начальной истории Франкского государства свидетельствует тот факт, что Салическая Правда (составленная, скорее всего, как раз вскоре после рождения этой «империи» – при Хлодвиге) предусматривает для них такой же повышенный вергельд. В главе XLI, § 3, согласно древнейшей редакции Правды, устанавливается, что за убийство члена *trustis dominica* придётся платить 600 солидов⁷¹. Это в три раза больше вергельда за убийство свободного франка (200 солидов). Такой же тройной вергельд имеют ещё только королевские графы и сацебароны (глава LIV, § 1 и 3).

Последний раз антрустионы упоминаются в конце IX в. вскоре после распада Каролингской империи. В современной литературе указывается на «экстенсивный» характер развития Каролингской империи, процветание и сила которой во многом зависели от дани и военной добычи⁷². Напрашивается связь между исчерпанием этих источников постоянного дохода, распадом империи и исчезновением *trustis regis*.

Некоторые историки находили возможным сопоставление скандинавских хускарлов и франкских антрустионов с вестготскими гардингами, известными из источников VII–VIII вв. (*gardingi* – от гот. *gard-s*, ‘дом, семья’)⁷³. В вестготской Испании фиксируется множественность патронатно-дружинных отношений разных по происхождению – позднеантичных и готских⁷⁴. Там были известны дружины, возникшие ещё в позднеримской армии – так называемые *buccellarii* (от лат. *buccella* ‘кусочек хлеба’, – то есть ‘нахлебники’), а с другой стороны – готские *saio* или *sagio* (этимология не совсем ясна; может быть, связано с прагерм. **sakō* – ‘тяжба, борьба, су-

⁶⁹ Green D. H. The Carolingian lord: semantic studies on four Old High German words: *balder*, *frō*, *truhtin*, *hērro*. Cambridge 1965, p. 126-131. Ср. также в главе II.

⁷⁰ Ср. выше о жалованье дружинникам в Скандинавии, а также ниже цитату из Тацита.

⁷¹ *Pactus Legis Salicae*. Hrsg. von K. A. Eckhardt // MGH. LL nat. Germ. T. 4. Pars 1. Hannover 1962, p. 156. Ср. русский перевод Н. П. Грацианского, где слова «*qui in trustee dominica*» переведены как «человек, состоящий на королевской службе»: Салическая правда. Перевод Н. П. Грацианского М., 1950, с. 42. См. также противопоставление обычного свободного человека и такого, «*qui in trustee dominica fuerit*», в гл. LXIII.

⁷² Reuter T. Plunder and Tribute in the Carolingian Empire // Transactions of the Royal Historical Society. 5th ser. Vol. 35 (1985), p. 75-94. Ср.: Halsall G. Op. cit., p. 90-91.

⁷³ См. о них на русском языке: Корсунский А. П. Готская Испания. Очерки социально-экономической и политической истории. М., 1969, с. 196-197 (здесь указаны работы К. Маурера, сопоставлявшего гардингов с хускарлами, и К. Санчеса-Альборноса, сравнивавшего их с антрустио), *Вольфрам 1990/2003*, с. 346. Ср. также: Kienast W. *Gefolgswesen und Patrocinium im spanischen Westgotenreich* // HZ. Bd. 239 (1984), S. 67-72; Tiefenbach H., Claude D. *Gardingus* // RGA. Bd. X (1998), S. 441-442.

⁷⁴ См.: Корсунский А. П. Ук. соч., с. 180 и след.

дебное преследование») ⁷⁵. Гардинги были доверенные лица короля; они выполняли его военные и иногда административные поручения, находились под его защитой и пользовались некоторыми привилегиями, но отличались от магнатов, отношения которых с королём регулировались совсем иначе ⁷⁶.

Такую же роль доверенных лиц и охранников короля выполняли лангобардские газинды (*gasindi* – от др.герм. *gisind* ‘спутник’, ср. нем. *Gesinde*, *Gesindel*). Словом *gasindi* обозначались, видимо, вообще военные слуги разных лиц. В источниках зафиксировано выражение «in gasindio», где от слова *gasindus* образовано абстрактно-собирательное существительное (*gasindium*) – подобное старославянскому *дружина* в значении ‘спутники, товарищи’ ⁷⁷. Но королевские газинды отличаются повышенным вергельдом: 150 солидов полагались за убийство рядового свободного, а 200 солидов за «*minimissimus gasindus*» или 300 – за «*maior gasindus*», согласно гл. 62 «Эдикта Лиутпранда» (первая половина VIII в.) ⁷⁸.

Наконец, в ряд этих примеров можно поставить и «архетипическое» описание «германской» дружины, которое дал Тацит в «Германии» (см. в главе II). В этом описании Тацит подчёркивает, что дружины ценились, помимо доблести, именно многочисленностью (*numero ac virtute comitatus emineat*), а в XIV-й главе пишет следующее: «...множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться, да и содержать большую дружину можно не иначе, как только насилием и войной (*magnumque comitatum non nisi vi belloque tueare*); ведь от щедрости своего вождя они требуют боевого коня, той же жаждущей крови и победоносной фрамеи; что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалованья. Возможности для подобного расточительства доставляют им лишь войны и грабежи» ⁷⁹.

В этих словах не только обозначен порядок содержания дружинников, но указана и главная особенность содержания «большой дружины» – «не иначе, как только насилием и войной», то есть только за счёт внешних завоеваний, а не внутренних ресурсов. Граус, судя по всему, когда предложил понятие *velkodružina*, не обратил внимания на эти слова Тацита о «*magnum comitatum*». Между тем, понятие это, как выясняется, можно возвести к самому истоку наших представлений о дружине. Разумеет-

⁷⁵ См.: *Behrends O. Buccelarius* // RGA. Bd. IV (1981), S. 28-31; *Schmidt-Wiegand R. Sakebaro* // RGA. Bd. XXVI (2004), S. 164-166. См. также упоминания буцелариев и сайонов в вестготских законах в русском переводе: Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. Отв. ред. О. В. Ауоров, А. В. Марей. М., 2012, с. 478-479.

⁷⁶ Ср. также: *Halsall G. Op. cit.*, p. 45, 48-49.

⁷⁷ Газинды фиксируются не только у лангобардов, но и франков эпохи Меровингов. См. о них: *von Olberg G. Op. cit.*, S. 113-124; *Шервуд 1992*, с. 153-154.

⁷⁸ *Шервуд Е. А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев)*. М., 1992, с. 86.

⁷⁹ *Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии. Перевод и комментарии А. С. Бобовича под ред. М. Е. Сергеевко // *Тацит Корнелий Публий*. Анналы. Малые произведения. История. М., 2001, с. 465-466.

ся, Тацит не использовал выражение «magnum comitatum» как *terminus technicus*, но он совершенно верно ухватил суть дела: в нормальных условиях дружины не могли быть многочисленны, и их увеличение было возможно только при «сверхдоходах», которые в ту эпоху давали «лишь войны и грабежи».

Так или иначе, вне зависимости от того, насколько применимо понятие «большой дружины» к «варварским» обществам и насколько многочисленны на самом деле были все эти военные слуги-соратники раннесредневековых правителей (*antrustiones*, *gardings*, *gasindi* и пр.), важно подчеркнуть, что они никогда не составляли всю светскую элиту той или иной «варварской» политики. И во франкском государстве, и в вестготских или лангобардских королевствах помимо них в окружении короля или вне его существовала знать, представители которой вступали в те или иные, даже служебные, отношения с правителем, становясь его доверенными лицами (*fideles*), но при этом сохраняли значительную самостоятельность – как экономическую, так и политическую. И одной из выразительных черт этой самостоятельности было наличие у знатного (могущественного) лица собственных слуг, в том числе военных.

В раннесредневековых источниках отчётливо прослеживается противопоставление дружин правителя и дружин «частных» вплоть до складывания вассально-ленных отношений. Об этом противопоставлении много писалось, например, в связи с капитулярием Карла Великого, запрещающим кому бы то ни было, кроме короля, содержать собственные *trustis*⁸⁰. Ранее в немецкой науке горячо обсуждалось, имели ли эта «монополия» короля на содержание дружины древние (германские) корни, насколько она соблюдалась на практике, имело ли в виду постановление запрет знатым людям держать на службе только свободных (а несвободных разрешалось) и т. д.⁸¹

Сегодня эти споры в духе *Verfassungsgeschichte* отошли в прошлое. Нет сомнения, что знатные люди всегда и везде в Средние века (да и позднее) имели или стремились к тому, чтобы иметь свои дружины, свиты, клиентелы, «гвардии» и т. д. – каждый, как писал Ламперт Херсфельдский, «настолько большие, насколько мог (позволить себе)»⁸². И это обстоятельство – в качестве фактора и показателя мощи знати – гораздо важнее, чем то, что под покровительством знатных людей могли оказаться и несвободные люди, и свободные (здесь, естественно, в разных регионах, в разные времена и в разных условиях «варварской» Европы могли быть и разные варианты)⁸³.

⁸⁰ Глава 14 Капитулярия 779 г. (*Capitulare Haristallense*): *Capitularia regum Francorum* // MGH. LL. T. 1. Hannover, 1883, p. 50.

⁸¹ См. обзор мнений: *Hechberger W.* Adel im fränkisch-deutschen Mittelalter. Zur Anatomie eines Forschungsproblems. Ostfildern, 2005, S. 130-131.

⁸² В рассказе о мятеже саксонской знати в 1057 г.: саксонские *principes* двигались, «*pro sua singuli copia magna militum manu stipati*» (*Lamperti monachi Hersfeldensis Opera*. Hrsg. von O. Holder-Egger // MGH. SS rer. Germ. T. 38. Hannover, Leipzig, 1894, p. 71). Ср.: *Lübke Ch.* Fremde im östlichen Europa: von Gesellschaften ohne Staat zu verstaatlichten Gesellschaften (9.-11. Jahrhundert). Köln etc., 2001, S. 266-267.

⁸³ Один яркий пример того, как и из кого складывались отряды или даже войска под командованием знатных людей, даёт тот же Снорри Стурлусон. В «Саге об Олаве святом» в одном из эпизодов (гл. 91) говорится между прочим: «Ярл тут же собрался в дорогу, и с ним поехала Астрид конунгова дочь.

Законодательная инициатива Карла была попыткой уменьшить влияние знати, выбив одну из опор её власти и авторитета, но сам факт, что законы в том же духе издавались и позже (до конца IX в., когда с развитием вассалитета ситуация изменилась), говорит о том, что на практике они не достигали цели⁸⁴. Такие попытки были естественными со стороны центральной власти, но не могли быть эффективны в условиях раннего Средневековья – «частные» дружины и клиентелы были настолько же естественны, и знать не хотела и не могла от них отказаться.

О таком противостоянии дружины правителя (короля) и «частных» дружин магнатов много говорится в лучшей книге по военной истории раннего средневековья последнего времени Гая Хэлсолла. Весьма показательна, что автор, не будучи знаком с моделью «большой дружины» и не обращаясь к периоду высокого Средневековья (поэтому в его обзор не попадают империя Кнуда, скандинавские и центральноевропейские государства), применительно к V–VII вв. делает акцент именно на королевских дружинах как основной военной силе варварских королевств, и тем самым предложенная им общая схема эволюции социально-военной организации раннего средневековья во многом совпадает с той, которая была очерчена выше для Польши, Чехии и Венгрии, отчасти Скандинавии в X–XII вв.⁸⁵ Мощные королевские дружины характерны для первоначальных политических образований трибутарного характера, с распадом последних падает роль первых, и правитель оказывается сильнее зависим от поддержки знати. Уже в IX в. несомненно важнейшая роль в военных предприятиях принадлежала именно дружинам, свитам и клиентелам знатных людей, собиравшихся под знамёнами того или иного короля (правителя). С военно-исторической точки зрения спор может идти фактически лишь о том, имели ли эти силы исключительное значение или определённую роль играла также мобилизация свободного населения⁸⁶.

Таким образом, данные из раннесредневековой Западной Европы не только приводят к констатации важной аналогии в развитии политий «варварской Европы» первой и второй «волн»; в их свете более понятным становится тот исторический контекст, в котором возникали и распадались объединения военных слуг на содержание правителя, достигавшие, как можно думать с той или иной степенью вероятности в разных случаях, внушительных размеров. Эти «большие дружины» создавались не

Ярл взял с собой около ста человек, и все были как на подбор. Среди них были его дружинники и сыновья могущественных бондов. По их оружию, одежде и лошадям было видно, что они снаряжены наилучшим образом» (*Снорри Стурлусон*. *Круг Земной*, с. 234). Фраза, выделенная курсивом, свидетельствует не только о том, что отряды могли состояться как из собственных «дружинников» (в оригинале: *af higrðinni*) знатного человека, так и примкнувших свободных. По самому её тону и месту в рассказе видно также, насколько такая «мобилизация» была делом само собой разумеющимся.

⁸⁴ *Le Jan-Hennebicque R. Satellites et bandes armées dans le monde franc (VIIe-Xe siècles) // Le combattant au moyen âge. Paris, 1995, p. 97-110.*

⁸⁵ *Halsall G. Op. cit., p. 40-110.*

⁸⁶ Ближе к первой точке зрения Г. Хэлсолл, и он, соответственно, считает общие военные силы, которые был способен выставить тот иной раннесредневековый правитель, не очень многочисленными (ср. выше). У тех, кто допускает масштабные наборы из свободных людей, армии получают уже внушительные количества, см., например: *Bachrach B. S. Early Carolingian Warfare. Prelude to Empire. Philadelphia, 2001, p. 180 et seq.*

на пустом месте, а выросли из «частных» («малых», «домашних») дружин, какие могли иметь самые разные люди – лишь бы у них хватало средств и авторитета на их содержание и руководство ими. С другой стороны, с распадом «больших» дружин роль «частных» снова повышалась, хотя уже, разумеется, менялись и общие социальные условия, и облик знати, и, вероятно, сущность этих «частных» дружин, которые теряли черты «товарищества» и приобретали черты вассально-клиентельные. В этой ситуации правитель в значительно большей степени зависел от поддержки знати, и их отношения выстраивались с соблюдением консенсуса и баланса интересов. В то же время правитель искал способы усиления своей власти, ища опоры в других социальных слоях, используя идеологические и религиозные средства и т. д. Конкретные пути и механизмы достижения устойчивости того или иного политического образования, естественно, уже сильно различались в разных регионах Европы в разное время с IX до XII-XIII вв., как свидетельствуют хотя бы те примеры, которые были выше более или менее детально представлены, – «среднеевропейская модель» Польши, Чехии и Венгрии или «модернизация» королевской *hirð* в Норвегии.

В общем, эта схема соответствует той, которую предложил Граус для эволюции дружины: от классической («домашней», «малой», «тацитовской») дружины к «большой», а затем снова к «малой» дружине, занимающей, однако, уже маргинальное место в социально-политическом строе. Но если понимать эту схему в более широком типологическом ключе, в неё надо внести некоторые поправки.

Во-первых, аналогии польской «большой дружине» в «империи» Кнуда и других политиях раннего и высокого Средневековья не предполагают, что эти корпуса военных слуг правителя охватывали всю элиту. Какой-то нобилитет сохранялся (хотя, возможно, в период расцвета «большой дружины» его роль падала, особенно собственно при дворе правителя, то есть в «государственном центре»), и невозможно было запретить представителям этого нобилитета содержать свои собственные дружины и клиентелы. Во-вторых, эти аналогии указывают на более тесную связь многочисленности военных контингентов на содержании правителя и их задействованности во внешней экспансии и трибутарных механизмах эксплуатации – только постоянная война и регулярные поступления дани позволяли содержать по-настоящему «большие» дружины. В-третьих, нет нужды устанавливать какие-либо жёсткие связи зависимости между «большой дружиной» и «среднеевропейской моделью». Многочисленные корпуса военных слуг могли содержать, как выясняется, не только правители Польши, Чехии и Венгрии. С другой стороны, вероятная связь венгерских «замковых йобагионов» с некими «*milites*» Иштвана Святого свидетельствует в пользу того, что «большая дружина» не исчезала совершенно с распадом трибутарного устройства, а трансформировалась. Преемственные ей формы надо видеть в тех или иных военных категориях на попечении правителя, будь то люди в непосредственном окружении князя (его «гвардия») или отряды и гарнизоны, размещённые по городам и крепостям.

С учётом этих поправок идея «большой дружины» находит убедительное – и при этом, пожалуй, наиболее яркое и чёткое среди всех приведённых аналогий – подтверждение в данных древнерусских источников.

§ 2. «Большая дружина» на Руси

2.1. X–XI вв.: от зарождения до кризиса

В историографии не предпринимались ещё попытки применить понятие *большая дружина* к древнерусской истории, за исключением недавней работы Е. А. Шинакова, который допускает существование многочисленных княжеских («больших») дружин на Руси с 960-х до 1030-х гг. Однако рассуждения историка в развитие этого тезиса носят чисто гипотетический характер. Конкретно он ссылается только на указания источников о концентрации в руках князя Святослава Игоревича значительных финансовых средств (добытых военными походами – субсидия греков и добыча от хазарского и болгарского походов), которые теоретически позволяли бы князю содержать многочисленный военный корпус⁸⁷. Эти указания можно расценивать как свидетельство о возможности содержания «большой дружины» (наличие «сверхдоходов»), но доказательством её существования их воспринимать нельзя. На мой взгляд, есть некоторые данные, которые являются таким доказательством, и о них далее и пойдёт речь. Вначале приводятся данные, свидетельствующие о главном признаке «большой дружины», – многочисленности. Затем ставится вопрос о трансформации корпуса военных слуг на службе князей Руси и разбирается специальная терминология, относящаяся к ним.

Древнейшим известием об особой дружине правителя, отличающейся по размерам и статусу от дружин других знатных и могущественных людей, должно считаться сообщение арабского дипломата ибн Фадлана, который посетил с дипломатической миссией в 922 г. Волжскую Булгарию и описал свои путешествие и пребывание в столице болгар в сравнительно просторном и подробном повествовании. Значительную часть его «Записки» составляет знаменитое описание руси, которых арабский путешественник видел в Булгарии, в том числе похороны одного богатого и знатного купца. Его рассказ дошёл до нас хотя и не в первоизданном, но в целом в довольно исправном виде, и оригинал поддаётся реконструкции. Сочинение доступно в прекрасном издании А. П. Ковалевского с русским переводом и комментариями.

Среди разнообразных сведений, которые арабский писатель сообщает о руси, в конце своего рассказа он указывает, что у них есть свой суверенный правитель («царь»). «Один из обычаев царя русов, – пишет далее ибн Фадлан, – тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа бога-

⁸⁷ Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009, с. 295-297. Для Е. А. Шинакова наличие «большой дружины» служит доводом в пользу того, чтобы характеризовать Русь X – первой половины XI в. как «дружинное государство»; ср. об этом в главе II, сноска 121.

тырей, его сподвижников, причём находящиеся у него надёжные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него [или: подвергают себя смерти из-за него]. С каждым из них [имеется] девушка, которая служит ему, моет ему голову, и приготавливает ему то, что он ест и пьёт, и другая девушка, [которой] он пользуется как наложницей в присутствии царя. Эти четыреста [мужей] сидят, а ночью спят у подножия его ложа». «Царь русов» проводит всё время, сидя на высоком троне или ложе и предаваясь всяческому удовольствиям и развлечениям (у него самого 40 наложниц), а все дела ведёт некий его «заместитель»⁸⁸.

В литературе уже неоднократно высказывались сомнения, можно ли верить этому рассказу⁸⁹. Ибн Фадлан приводит его несомненно с чужих слов, поскольку сам он был только в Булгарии и видел только некоторых людей из руси, прибывших туда по Волге. В сообщении о ничего не делающем правителе и реально правящем заместителе явственно просматривается аналогия с политическим устройством Хазарии, где, действительно, приблизительно таким образом распределялись функции между хаканом и шад-беком (или хакан-беком, как его называет ибн Фадлан)⁹⁰. По поводу верных «богатырей», умирающих вместе со своим господином, Ковалевский заметил, что этому сюжету находят многочисленные аналогии в «рассказах арабоязычных писателей о народах юго-восточной Азии», где описывается «самоубийство вслед» правителю его приближённых и где даже фигурируют похожие цифры – 300 или 400 слуг-«самоубийц». С этими рассказами ибн Фадлан «несомненно так или иначе был знаком»⁹¹.

Вероятнее всего, в данном случае мы имеем дело с каким-то смешением достоверной информации и ходячих образов и сказаний, но трудно определить, в какой именно пропорции. Хорошо известно, что Русь в IX–X вв. испытывала сильное и разностороннее влияние Хазарского государства, в частности, её правители присвоили себе хазарский титул «каган». Не было бы ничего странного в том, что и в политическом устройстве русь подражала хазарам (в связи с разделением функций кагана и бека в литературе уже указывалось на пару князь-воевода⁹²). Обычай (само)убийства слуг после смерти своего господина, существовавший среди руси в IX–X вв., подтверждается сообщениями других арабских писателей и археологическими данными (см. в главе IV, § 3.3).

Но во всяком случае, даже если верить известию о службе «царю русов» каких-то особых «богатырей», ввиду указаний Ковалевского об аналогиях в арабской литературе принимать на веру сообщение об их точном числе было бы неосторожно. Ограничимся предположением, что во времена ибн Фадлана (920-е гг.) у правителя руси

⁸⁸ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956, с. 146.

⁸⁹ Ср., например: *Łowmiański H.* Op. cit. T. IV, s. 177.

⁹⁰ См.: *Новосельцев 1990*, с. 134-142; *Голден 1993*, с. 211-233.

⁹¹ Ковалевский А. П. Ук. соч., с. 264.

⁹² Ср. обсуждение этого вопроса (с литературой): *Петрухин В. Я.* «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей. Историко-археологические очерки. М., 2011, с. 101-111.

был в распоряжении некий отряд воинов, отличавшийся чем-то (возможно, численностью или особым этосом) от подобных военно-служебных объединений в подчинении других богатых и влиятельных людей из руси (поэтому какие-то сведения или слухи о его существовании и дошли до арабского путешественника). В этом отряде можно видеть прообраз или первичную форму той «большой дружины», которая нам известна из сравнительных данных, приведённых выше.

Все прочие данные о «большой дружине» древнерусских князей извлекаются из летописи. К сожалению, о численности княжеских людей прямо сообщает лишь одно из летописных известий. Вместе с тем, оно довольно ясно и однозначно по содержанию и, главное, написано бесспорно современником, а значит его информацию можно расценивать как надёжную. Это известие находится в статье ПВЛ под 6601 (1093) г., о которой уже шла речь выше в главе III и которая содержит, среди прочего, рассказ о вокняжении Святополка Изяславича в Киеве и его попытках противостоять половцам. Много внимания в этом рассказе уделяется разногласиям среди князей, в окружении Святополка и даже в среде киевлян. В одном из эпизодов говорится, в частности, что князь начал «сбирати вое» (воинов) для войны с половцами, а «мужи смыслении» в его окружении (ниже выясняется, что это были некие киевские бояре во главе с Янем Вышатичем, информатором летописца) стали отговаривать его от войны, ссылаясь на недостаток собранных сил: «яко мало имаши вои». Далее приводится реплика Святополка, за которой следуют разные советы, данные ему «смыслеными» и «несмыслеными». Текст по ЛаврЛ: «Он же реч(е): имѣю отрокъ своихъ 700, иже могутъ противу имѣ стати. Начаша же друзии несмыслении гл(агола)ти: поиди, княже. Смыслении же гл(агола)ху: аще бы пристроилъ и 8 тысячь, не лихо то есть, наша земля оскудѣла есть от рати и от продажъ. Но послися к брату своему Володимеру, да бы ти помогль»⁹³. Таким образом, согласно летописи, неразумные советники подталкивали князя к войне, а мудрые удерживали и рекомендовали обратиться за помощью к Владимиру Мономаху – двоюродному брату Святополка, занимавшему тогда переяславский престол (их совету киевский князь и последовал в конце концов).

Д. С. Лихачёв переводит речь «смысленных» бояр на русский язык следующим образом: «Если бы выставил их и 8 тысяч, и то было бы худо: наша земля оскудела от войны и от продаж...»⁹⁴. Исследователь отступает от текста ЛаврЛ в двух пунктах: в одном случае оправданно, в другом – нет. Во-первых, он вставляет местоимение «их» в первой части фразы. Поскольку по смыслу текста это слово вполне подходит и оно присутствует в ИпатЛ и других списках ПВЛ, то эту поправку надо принять⁹⁵. Во-

⁹³ ПСРЛ. Т. 1, стл. 218-219.

⁹⁴ Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва, под ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., исправл. и дополн. Подготовка М. Б. Свердлов. СПб., 1996 (1-е изд.: т. 1–2, М.–Л., 1950), с. 230.

⁹⁵ Шахматов тоже здесь следует ИпатЛ: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003 (1-е изд.: 1916 г.), с. 854.

вторых, он опускает отрицание «не» при слове «лихо» во второй части, понимая это слово здесь в смысле 'худо, зло'. Однако, отрицание стоит во всех списках ПВЛ. И кроме того, есть возможность интерпретировать эту речь и без такой правки текста, не предполагая какой-то порчи в ПВЛ. Можно просто иначе понимать смысл слова *лихо*. Правильнее представляется понимание текста, предложенное Л. Мюллером, который исходит из того, что «лихо» здесь употреблено в значении 'чересчур, очень много' (ср.: *лихва, лишний, слишком* и т. д.)⁹⁶. Немецкий перевод Мюллера выглядит так: «Wenn du ihrer auch 8000 aufstellen würdest, ist das dir nicht übermäßig viel. Unser Land ist arm geworden vom Krieg und von Abgaben...»⁹⁷. Следуя его трактовке, можно предложить такой перевод фрагмента с пояснениями: «(Вот) если бы ты выставил их (имеется в виду: отроков) 8 тысяч, это было бы (совсем) не лишним – (ведь) наша земля оскудела от войны и от штрафов. Но (имеется в виду: поскольку ты этого не можешь) пошли (лучше) за помощью к своему брату Владимиру».

Пропуск местоимения «их», а также некоторые другие особенности списка ПВЛ по ЛаврЛ на этом отрезке текста, говорят о том, что он, хотя и древнейший из всех списков ПВЛ, совсем не обязательно должен давать лучшие чтения по сравнению с другими летописями. Так, в параллельном тексте по ИпатЛ (за ней следуют также РадзЛ и МосАкЛ) есть одно существенное отличие от ЛаврЛ: численность отроков в словах Святополка указывается не 700, а 800 (цифрой вместо буквы Ѩ «пси» – Ѡ «от»)⁹⁸. В литературе уже высказывалось предпочтение в данном случае в пользу варианта ИпатЛ, так как цифра 800 соотносится с приведённой ниже в словах киевских бояр цифрой 8000⁹⁹. Мнение это вполне справедливо – очевидно, слова бояр приведены автором сознательно как полемический ответ на легкомысленное заявление князя, и начальная цифра 800 увеличена на порядок.

Из этого сообщения ПВЛ, таким образом, следует, что киевский князь в последнем десятилетии XI в. имел в своём распоряжении отряд «отроков» численностью в 800 человек, который он считал способным не просто вести некие военные

⁹⁶ См. статью «Лихо2» в словаре древнерусского языка: СДРЯ. Т. IV, с. 407.

⁹⁷ Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademiceskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja und ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller // Handbuch zur Nestorchronik. Hrsg. von L. Müller. Bd. IV. München, 2001, S. 258.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 2, стл. 209. Та же цифра и во всех других списках ПВЛ, так что чтение ЛаврЛ стоит совершенно одиноко.

⁹⁹ *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 204. Чтение ИпатЛ как более правильное принимал и Шахматов: *Шахматов А. А.* Ук. соч., с. 854. Оба автора, правда, не указывали, как вообще могла возникнуть ошибка. Палеографически трудно представить себе, как из буквы Ѡ получилась Ѩ (ср. ниже реальный вариант искажения букв в рукописной традиции: буква є превратилась в с – сноска 130). Другое дело, если предположить, что первоначально цифры были записаны словами, и тогда превращение «осмь соть» в «семь соть» можно представить как вполне вероятное. Ср. точно такое же расхождение в цифрах – 800 или 700 – между списками в известии о «наложницах» Владимира, которое разбирается ниже. Большинство списков указывает число жён Соломона (который своим «женолюбием» сравнивается с Владимиром) в семь сотен, а два – РадзЛ и МосАкЛ – «осмьсоть» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 80).

действия, но даже противостоять половцам. Правда, эта способность отроков – очевидно, военных слуг князя – поставлена под сомнение летописцем, излагающим споры князя и киевских бояр. В словах киевских бояр выражена мысль, что 8 тысяч отроков и могли бы противостоять половцам, но 800 на это не способны. Сложно теперь судить, насколько самонадеянным был в действительности князь и насколько справедливо было возражение бояр. Некоторые наблюдения, приведённые ниже, склоняют скорее к тому, чтобы видеть в этих словах недовольство со стороны знати княжескими военными слугами. Это, впрочем, не исключает и того, что летописец использовал это возражение как риторический приём, чтобы продемонстрировать необходимость вести скоординированные князьями действия против половцев и считаться с умудрённой опытом киевской знатью. Но в любом случае нет никаких оснований предполагать, что автор текста – современник описанных событий – преуменьшил или преувеличил численность княжеских отроков.

Такой контингент военных слуг в распоряжении князя надо рассматривать как аналогичный по сути тем военным корпусам при правителях раннесредневековой Европы в VII–XI вв., о которых говорили приведённые выше иностранные источники, и особенно тем, которые упоминались при польских князьях и Кнуде. Так же, как и в прочих случаях, это – довольно многочисленное объединение в прямом подчинении правителя и отдельное от знати и каких бы то ни было народных «ополчений». И в этом смысле его можно назвать «большой дружиной». Само его наименование («отроки») говорит о том, что по своей сути оно аналогично тем отрядам и группам, которые формировали вокруг себя богатые и знатные люди (ср. упоминавшихся выше отроков Ратибора и Свенельда, подробнее см. в главе IV, § 3.3). Разница состояла, видимо, только (или прежде всего) в том, что княжеская «дружина» была многочисленнее – она была «большой». В то же время, разница эта всё-таки была весьма существенна, и во всяком случае её было уже достаточно для того, что бы для обозначения княжеских военных слуг в употребление вошло специальное слово **гридь** или **гриди**, которое употреблялось синонимично слову **отрокъ**, но именно для обозначения к н я ж е с к и х военных слуг, и о котором ещё пойдёт речь.

Численность «большой дружины» Святополка в 800 человек в общем соответствует тем цифрам, которые приводились выше, и составляет нечто среднее между одной-двумя сотнями человек, которыми располагали норвежские конунги, и несколькими тысячами в распоряжении Кнуда Великого или Болеслава Храброго. Надо только учитывать, что Святополк занимал хотя и важнейший «стол», но был далеко не единственным правителем на Руси. Кроме того, мы не знаем, как складывалась судьба княжеских отроков тогда, когда происходила смена правящего князя. Надо думать, что свои отроки были у Всеволода, предшественника Святополка на киевском престоле. Во всяком случае, один из них по имени Дмитр оставил в 1093 г. на память потомкам надпись (граффити) на стене киевского Софийского собора, сообщая о по-

ложении раки умершего князя в соборе¹⁰⁰. Но перешли ли они после смерти Всеволода на службу к Святополку и в полном ли составе – этого мы не знаем и даже не можем предположить, поскольку не знаем общих правил на этот счёт. Может быть, 800 отроков достались «по наследству» от Всеволода, а может быть, этот внушительный корпус получился из слияния военных слуг последнего и собственных слуг Святополка, которых тот держал при себе ещё в бытность туровским князем.

Так или иначе, теоретически надо исходить из того, что князья, прямая власть которых распространялась на бóльшую территорию, располагали и бóльшими возможностями в содержании военных слуг. Из предшественников Святополка на киевском престоле больше возможностей по сравнению с ним имели, прежде всего, Владимир Святославич (Святой), который единовластно распоряжался землями, разделёнными впоследствии между его потомками, и его сын Ярослав («Мудрый»), который в конце жизни распоряжался всеми землями, кроме Полоцкой. И численность «больших дружин» Владимира и Ярослава в бытность их киевскими князьями надо предполагать больше 800 человек – возможно, до тысячи-полутора человек. Надёжных подтверждений этим предположениям в источниках мы не найдём, но некоторую пищу для размышлений в этом направлении отдельные летописные известия дают.

В ряду этих известий стоит несколько странный на первый взгляд рассказ о наложницах Владимира Святославича, которые тот имел, будучи ещё язычником, «побѣжень похотью женскою». Это известие содержится в летописных списках, имеющих в составе ПВЛ, а также в НІЛм, донесшей НС, в статье под 6488 (980) г. Согласно летописи, у Владимира были «водимыя» жёны числом 5, а также было «и наложницъ у него 300 въ Вышегородѣ, 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣмъ в сельци, еже зовут и н(ы)нѣ Берестовое»¹⁰¹.

А. А. Шахматов относил этот отрывок к особой повести о крещении Руси, которую он называл «Корсунской легендой» и вставку которой в летопись он относил только к этапу НС. Текст в статье 6488 г., действительно, неоднородный и обнаруживает следы редакторской правки, но в пользу связи известия о жёнах и наложницах с «Корсунской легендой» А. А. Шахматов выдвигал лишь чисто теоретические соображения¹⁰², которые ещё Д. С. Лихачёв назвал «малоубедительными»¹⁰³. Возможно, известие принадлежит и к слоям, предшествующим НС. Углублённое текстологическое исследование статьи ещё предстоит, но во всяком случае в том виде, в каком её донесли до нас летописи, она существовала уже в НС, то есть в середине 1090-х гг.

¹⁰⁰ В надписи Дмитр называет себя как «отрочок» князя: *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966, с. 18-24.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 2, стл. 67. Ср. почти так же: НПЛ 1950, с. 128-129. В ЛаврЛ с дефектами в передаче текста: ПСРЛ. Т. 1, стл. 80.

¹⁰² *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 1. СПб., 2002 (1-е изд.: 1908 г.), с. 107-108.

¹⁰³ Повесть временных лет..., с. 451. Ср. также критическое отношение к идее Шахматова: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001, с. 445, 448-449.

Если воспринимать текст буквально, он вызывает сразу несколько недоумённых вопросов: во-первых, неясно противопоставление пяти «водимых» жён и наложниц – допустим, можно было бы выделить одну жену как «главную» и «любимую», но чем отличались остальные четыре от прочих наложниц? Во-вторых, непонятно, зачем Владимиру надо было держать наложниц в разных других поселениях, а не в Киеве. Наконец, удивление вызывает и общее число наложниц Владимира в восемь сотен: при всём уважении к мужским способностям крестителя Руси трудно представить себе, что он мог воспользоваться услугами всех этих наложниц, рассредоточенных по разным городам, в течение хотя бы года. Неужели князь тратил, как можно догадываться, значительные средства на содержание такого штата лишь для удовлетворения собственных страстей и амбиций? Это был бы пример бесподобный в истории средневековой Европы и сравнимый лишь с легендарными образами – например, библейского царя Соломона, который якобы имел 700 жён и 300 наложниц и которого как раз и вспомнил летописец (возможно, другой – позднейший редактор) в связи с рассказом о «блуде» Владимира ¹⁰⁴.

Поскольку буквальное прочтение текста наталкивается на трудности, учёные предпочитают понимать его как риторическое преувеличение, может быть, отталкивающееся как раз от библейского рассказа о Соломоне ¹⁰⁵. Между тем, интерпретации летописного известия о наложницах в таком духе противоречат его конкретные детали – и сами цифры (в Библии 700 жён и 300 наложниц; здесь же, соответственно, 5 и 800, и наложницы разделены на три группы), и указания на населённые пункты, где содержались наложницы. В пользу того, что в летописи всё-таки представлены достоверные реалии, а не риторические фигуры, высказался А. В. Коптев. Он обратил внимание на то, что указанное в летописи количество наложниц Владимира совпадает с тем, какое получается из указания ибн Фадлана в приведённом выше рассказе о «богатырях» в окружении «царя русов»: согласно арабскому писателю, у каждого из этих 400 «богатырей» было по две «девушки» (одна ухаживает, другая удовлетворяет сексуальные потребности) – всего, значит, те же восемь сотен. Кроме того, он заметил, что Вышгород, Белгород и Берестово представляли собой укреплённые центры вокруг Киева, которые принадлежали к своего рода «домену» киевских князей и которые более всего подходили бы для того, чтобы разместить в них дружину. Эти наблюдения привели историка к выводу, что в летописном сообщении надо видеть на самом деле отражение практики снабжения княжеских «дружинников» жёнами или наложницами ¹⁰⁶.

¹⁰⁴ См. в той же летописной статье о Владимире: «бѣ бо женолюбець, яко и Соломонъ, бѣ бо [жень] у Соломона, реч(е), 700, а наложницъ 300» (ПСРЛ. Т. 2, стл. 67; НПЛ 1950, с. 129). Ср. в Библии: III Царств, XI, 1.

¹⁰⁵ См., например: *Карпов А. А.* Владимир Святой. М., 1997, с. 116; *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004, с. 102.

¹⁰⁶ *Коптев А. [В.] Fornicator immensus – о «гареме» киевского князя Владимира Святославича // РН. Vol. 31 (2004), Nos. 1-2, p. 1-4, 33.* Признавая остроумность этих сопоставлений А. В. Коптева, я, тем

Вывод А. В. Коптева кажется вполне убедительным, если только уточнить, о каких именно «дружинниках» идёт речь. Очевидно, летописец ошибочно назвал «наложницами» Владимира жён или наложниц неких слуг князя, а сам князь имел на самом деле, как и было положено «нормальному» языческому правителю того времени, просто несколько жён (пять, если верить летописцу). В пользу такого понимания летописного известия говорит и сопоставление его с информацией ибн Якуба о войнах польского князя Мешка I. Ибн Якуб сообщает, что князь берёт на себя не только заботы о пропитании, одежде и вооружении своих «мужей», но и платит им деньги за рождение детей, а затем устраивает браки их детей, то есть контролирует их личную жизнь. Не забудем упоминание об «отрядах», на которые были разделены Мешковы «мужи», а затем указание Галла-Анонима о размещении войска Болеслава в нескольких городах. Примечательно также и совпадение числа «девушек» в рассказе ибн Фадлана и числа Владимировых наложниц. Вспомним, что и в упоминании ПВЛ отроков Святополка Изяславича тоже фигурирует цифра 800 (хотя это число военных слуг, а не их жён или наложниц). Вряд ли все эти совпадения случайны. Можно ещё сомневаться в точности данных ибн Фадлана, но соответствие двух летописных известий (принадлежащих, вероятно, перу разных авторов) трудно объяснить иначе, чем отражением одного реального факта. Этим фактом было наличие у киевских князей по крайней мере со времён Владимира (а если верить ибн Фадлану, то и значительно раньше) и до конца XI в. обширного корпуса воинов в их прямом подчинении – «большой дружины».

Вместе с тем, летописное известие о «наложницах» Владимира свидетельствует об определённой трансформации этого корпуса. Ведь автор этого известия, сообщая о самом факте проживания женщин в киевских пригородах, совершенно превратно его истолковал – для летописца это было свидетельством не о войнах киевского князя, а о его «похоти» (ставшей позднее уже, видимо, легендарной). Это говорит о том, что во времена летописца личные и семейные дела княжеских воинов устраивались уже совсем иначе, нежели в конце X в. Возможно, менялась и их численность. Достоверно мы знаем только численность отроков Святополка. Выяснив, что 800 «наложниц» в Вышгороде, Белгороде и Берестовом принадлежали не Владимиру, а его «большой дружине», мы, однако, не можем быть уверенными в том, что эта цифра отражает её численность: даже если отвлечься от сообщения ибн Фадлана, что у одного «богатыря» было две «девушки», ничто не обязывает нас считать, что летописец указал в месте проживания воинов и их «наложниц» – ему могли быть известны только эти три места, а вообще нельзя исключать, что княжеские гарнизоны размещались и в других городах Руси.

Ещё одно свидетельство, позволяющее рассуждать о «больших дружинах» в распоряжении древнерусских князей, – известное летописное сообщение о «гридях»,

не менее, скептически отношусь к теории, которую он развивает в данной работе, относительно того, что якобы древнерусская дружина представляла собой «мужской союз» (ср. в главе II).

которых содержал в Новгороде Ярослав, сын Владимира, ещё при жизни отца. Сообщение важно и упоминанием этого специального термина для обозначения княжеских военных слуг (*гридь*), и тем, что оно позволяет сделать некоторые подсчёты относительно их количества. С него начинается летописный рассказ о смуте, разразившейся после смерти Владимира Святославича. Под 6522 (1014) г. в летописи говорится, что незадолго до смерти Владимира Ярослав, пребывавший в Новгороде, отказался предоставлять в Киев отцу причитающиеся с него деньги: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомъ дающю Киеву двѣ тысячѣ гривнѣ от года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемь раздаваху, а тако даяху посадници новѣгородьстии, а Ярославъ сего не даяше о(т)цю своему»¹⁰⁷.

В данном случае важнейшей в этом известии является фраза «а тысячу Новѣгородѣ гридемь раздаваху», то есть: «а тысячу в Новгороде гридям раздавали»¹⁰⁸. Из неё следует, что из дани, которую Ярослав собирал в Новгороде, одна тысяча гривен тратилась на содержание «гридей» (причём, судя по контексту и глаголу во множественном числе «раздаваху», это была, видимо, традиция, установленная ещё до Ярослава). Поскольку не приходится сомневаться, что словом *гридь* в Древней Руси обозначали княжеских воинов (подробнее об этом слове и его семантической эволюции см. ниже), логично заключить, что речь здесь идёт о той же княжеской «большой дружине». Только в данном случае своих воинов содержит не киевский князь, а его сын, наместничавший в следующем после Киева по значению городе Руси.

Указание суммы, которую тратил Ярослав на содержание подчинённой ему дружины, позволяет, пусть и приблизительно, прикинуть число людей, входивших в неё. Отталкиваясь в этих расчётах можно от имеющихся данных о жалованье наёмных воинов в Восточной Европе в X–XI вв. Такого рода свидетельств у нас два: одно происходит из Скандинавии, другое – из Византии.

Скандинавское свидетельство уже сопоставлялось историками с приведённым рассказом о Ярославовых гридях. Имеется в виду известное сообщение исландской

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 130. Ср.: ПСРЛ. Т. 2, стл. 114-115; НПЛ 1950, с. 168. Текст в разных летописях, имеющих в составе ПВЛ, и в списках НПЛм имеет несколько разночтений. Наиболее существенное из разночтений – между списками ПВЛ и списками НПЛм, и оно касается пояснения о принятой практике выплат. В НПЛм стоит: «и тако даяху въси князи новѣгородьстии» – то есть представителями киевского князя в Новгороде указаны не посадники, как в ПВЛ, а князья. В данном случае ни это разночтение, ни прочие не имеют принципиального значения.

¹⁰⁸ Перевод Лихачёва снова грешит неточностями: «а тысячу раздавал в Новгороде дружине» (Повесть временных лет..., с. 195). На самом деле, «раздаваху» – это множественное число, которое не может относиться к самому Ярославу (на что в своё время справедливо обращал внимание П. Н. Мрочек-Дроздовский, хотя и развивал на основе этого наблюдения малоубедительные идеи: *Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. Приложение ко второму выпуску. М., 1886, с. 28*), а перевод «гриди» как «дружина» привносит слишком большой элемент интерпретации, которая к тому же осталась без всякого комментария, и выглядит тем более странным, что в другом упоминании «гридей» (в статье 6504 (996) г. о пирах Владимира) это слово оставляется без перевода (Повесть временных лет..., с. 193).

«Саги об Эймунде» о службе у Ярослава скандинавских наёмников¹⁰⁹. В этой саге рассказывается, как знатный норвежец Эймунд нанялся со своими людьми на службу к «конунгу Ярицлейву», то есть князю Ярославу, и какие события происходили с ним в «Гардарики», то есть на Руси. Несмотря на ряд легендарных черт и путаницу в сведениях, сага, дошедшая до нас в записи конца XIV в., содержит и достоверные данные, в частности, как считают специалисты, и касающиеся договора, который заключил Эймунд с Ярославом относительно своей службы. В данном случае наиболее интересно условие оплаты службы нанятых норвежцев: каждый из них должен был получать по эйриру серебра в год, а кормчий корабля – полтора эйрира. Это было жалование, выдававшееся помимо обеспечения жильём и пропитанием. Эйрир – скандинавская весовая единица, равная 1/8 марки, то есть около 27 г. Этот вес составлял приблизительно половину древнерусской серебряной гривны¹¹⁰.

Е. А. Мельниковой, специально разбиравшей данные саги, этот «размер денежного вознаграждения представляется вполне реальным» для условий Руси середины XI в.¹¹¹. Однако, сама же исследовательница тут же признаёт, что эта сумма была «не слишком большой». Действительно, полгривны (десяток дирхемов) – это сравнительно небольшая ценность для домонгольской Руси. Для сравнения можно вспомнить сообщение того же ибн Фадлана, что богатство отдельных «руссов» могло составлять десятки тысяч дирхемов¹¹², или свидетельства «Русской Правды»: согласно «Правде Ярославичей» (ст. 36) штрафы в треть или половину гривны были минимальны (взимались за мелкие кражи – например, за кражу домашней птицы), а в одной из дополнительных статей к «Пространной редакции» «Русской Правды» (по спискам Карамзинской группы) указывается норма оплаты сельскохозяйственного труда работницы с помощницей («женки с дчерию») – «по гривне на лето»¹¹³.

Сомнения в известии «Саги об Эймунде» усиливаются, если сопоставить его с данными об оплате наёмников – тех же скандинавов и руси – при дворе византийских императоров в X–XI вв. Правда, данные эти отрывочны и скудны, и по ним нельзя составить полного представления о византийской системе вознаграждения профессио-

¹⁰⁹ Перевод на русский язык фрагментов саги, касающихся Руси, и комментарии см.: Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 289-295.

¹¹⁰ Согласно выводу А. В. Назаренко, представляющемуся вполне обоснованным, древнерусская денежная гривна была в первую очередь счётной единицей и являлась собственно «двадцаткой дирхемов» (Назаренко А. В. Ук. соч., с. 147). Если переводить гривну на вес, получается, что весила она около 50-60 г (вес стандартного дирхема в X в. составлял от 2,5 до 3 г).

¹¹¹ Мельникова Е. А. Ук. соч., с. 293.

¹¹² Это следует из его описания того, какими монистами украшали себя женщины руси: «если человек (из руси – П. С.) владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене один [ряд] мониста, а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два [ряда] мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним [дирхемам], прибавляют [ряд] мониста его жене, так что на шее иной из них бывает много [рядов] монист» (Ковалевский А. П. Ук. соч., с. 141).

¹¹³ Правда Русская. Под ред. Б. Д. Грекова. Т. I: Тексты. М.-Л., 1940, с. 72, 354. Ср. также с комментариями, учитывающими позже вышедшую литературу: Российское законодательство X–XX веков. Под общей редакцией О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси. Ответственный редактор: В. Л. Янин. М., 1984, с. 49, 73.

нальных воинов, потому что она была довольно сложна и в высокой степени коммерциализированна. Например, известно, что прежде чем быть зачисленным на службу императору Византии, наёмному воину приходилось внести определённую сумму в казну в качестве своего рода «страхового взноса»; в итоге выходило, что жалование, которое он позднее, при условии исправной службы, получал, уже не было его чистым заработком и оно возмещало в какой-то своей части его собственные средства, потраченные сначала. Кроме того, судя по всему, из жалования надо было самостоятельно покрывать и расходы на жильё, пропитание и экипировку (по крайней мере, частично) ¹¹⁴.

Как бы то ни было, суммы, которые упоминаются в византийских источниках как выплаты наёмникам, весьма существенно отличаются от того, о чём говорит сага. Так, по расчётам историков, предпринятым по данным трактата Константина Багрянородного «*De Ceremoniis*», годовое жалование одного члена корпуса наёмных «росов», задействованного в кампании 911 г., составляло в среднем около 10 номисм, а в 949 г. – около 28 номисм ¹¹⁵.

Номисма – золотая монета в 4-4,5 г, которая по стоимости равнялась приблизительно (в зависимости от курса золота к серебру) одной гривне. Получается, наёмник византийского императора должен был получать в десятки раз больше наёмника новгородского князя (1 эйрир=1/2 гривны versus 10-30 номисм=10-30 гривен). Конечно, надо учитывать и указанные выше особенности оплаты труда наёмников в Византии, и то, что расходы чужестранца в Византии, а особенно в Константинополе, были гораздо выше, чем на Руси. Естественно было бы и в принципе исходить из того, что служба в Византии была более доходной, чем на Руси. Но всё же такой сильный разрыв трудно допустить.

Учитывая бóльшую достоверность византийских данных, сообщение «Саги об Эймунде» о том, что один эйрир серебра составлял годовое жалование наёмного норвежца в Новгороде эпохи Ярослава Мудрого, надо расценивать как какое-то недоразумение. Если вообще отталкиваться всё-таки от цифры, донесённой сагой, то можно предположить, что изначально имелась в виду плата не за год службы, а только за месяц. Разумеется, в оплате наёмного труда по месяцам не было ничего странного и необычного, это было распространено в средневековой Европе, и ближайшую аналогию составляет указание ибн Якуба о месячном жалованье «мужам» Мешка I. В таком случае годовое жалование воинам Эймунда составило бы 12 эйриров или 6 гривен серебра. Эта сумма уже значительно лучше сочетается с цифрами из трактата Констан-

¹¹⁴ *Blöndal S.* The Varangians of Byzantium. An Aspect of Byzantine Military History. Translated, revised and rewritten by Benedikt S. Benediktz. Cambridge, 1978, p. 26 et seq.

¹¹⁵ *Литаверин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000, с. 89, ср. также с. 126; *Филипчук О. [М.]* Скільки коштував руський найманець у Візантії в X ст.? // *Ruthenica*. Випуск VII. Київ, 2008, с. 14, 17, ср. также с. 24, 29. В XI в. годовой доход в 30 номисм был уже, видимо, чем-то исключительным и для большинства наёмников далеко не достижимым.

тина и других византийских источников, и разрыв из невероятного превращается во вполне правдоподобный.

Сопоставим теперь данные о жалованье наёмникам с летописным сообщением о том, как распоряжался новгородской данью Ярослав. Едва ли гриды Ярослава получали меньше, чем наёмные скандинавы, но и сильно больше они не могли получать – существовали, вероятно, некие общепринятые нормы оплаты профессионального военного «труда» (с учётом региональной специфики, конечно). В сообщении речь идёт о годовой дани – вероятно, соответствующая сумма (тысяча гривен) шла на жалованье за целый год. Отталкиваясь от приведённых выше данных и поправки, предложенной к саге, можно допустить, что собственно жалованье одного гридина Ярослава составляло около 6 гривен или несколько больше, но всё-таки никак не более 10 гривен (ср. 10 номисм, которые в 911 г. получали «росы» в Византии). Употреблённый в летописи глагол «раздаваху» вроде бы подразумевает, что деньги выдавались на руки именно как жалованье. Как и с норвежцами Эймунда, о жилье, пропитании и экипировке договаривались, видимо, отдельно (ср. выше о «мужах» Мешка и хускарлах Кнуда). Упоминание саги о кормчем заставляет предполагать, что размеры жалованья могли быть выше для командного состава.

В итоге надо думать, что на тысячу гривен можно было содержать около 100-150, максимум 200 военных слуг. Если такое число воинов содержал Ярослав в Новгороде, то его отец в Киеве наверняка располагал военным корпусом более внушительным. Об этом намекает и дальнейший летописный рассказ, в котором указывается, что, как только возникла угроза войны с Владимиром, Ярослав посчитал необходимым, «пославъ за море», привести ещё варягов¹¹⁶ (то есть собственно наёмников – тех, о ком рассказывает «Сага об Эймунде») – очевидно, одних гридей Ярославу для борьбы с отцом не хватило бы.

Таким образом, разные летописные данные за период с конца X до конца XI в. сходятся между собой, свидетельствуя о наличии многочисленного («большого») корпуса военных слуг у древнерусских князей, который те держали в своём непосредственном подчинении и на свой счёт. Наибольший размера этот корпус должен был иметь у князей Владимира и Ярослава в бытность их киевскими князьями, превышая, вероятно, тысячу человек. По-настоящему «большими» были контингенты отроков или гридей именно киевских князей, хотя, конечно, своих воинов содержали и другие князья Руси. Если у Ярослава в бытность его новгородским князем «под рукою» отца насчитывалось не более 150-200 гридей, то, наверное, приблизительно такие же цифры надо предполагать для военных слуг и других князей XI в., происходивших из расплодившегося дома Владимира Святого. Уместным здесь будет напомнить рассказ Владимира Мономаха в «Поучении» о его конфликте с Олегом Святославичем в 1093 г. Олег вынудил его покинуть Чернигов, и он уходил из города почти «въ 100 дружинѣ и с дѣтми и с женами». Здесь, правда, неясно, из кого именно состояла эта

¹¹⁶ Статья 6523 (1015) г.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 130; НПЛ 1950, с. 168.

«дружина» Владимира (само слово *дружина*, как было выяснено выше, было весьма неопределённым и расплывчатым), и возможно, имелись в виду и какие-то бояре с их людьми, но всё равно указание на то, что вся она составляла не более сотни человек, показательна¹¹⁷.

Исходя из аналогии, представленной данными по истории древних Польши, Венгрии и Дании, вполне логично предположить, что именно из этих профессиональных воинов формировались гарнизоны крепостей, важных для киевских князей в стратегическом отношении. Даже чисто теоретически трудно представить себе, что военные объединения, состоявшие из нескольких сотен человек, базировались на постоянной основе в одном месте. Понимание, принятое в польской историографии, «большой дружины» как «дружины рассеянной» (*drużyna rozproszona*, см. выше) кажется вполне оправданным. В связи с сообщением о жёнах и наложницах Владимира тогда надо поставить летописные известия об основании киевскими князьями «градов» и «нарубании» в них «мужей» – очевидно, речь шла именно о таких гарнизонах, куда по частям размещались воины, но откуда в случае необходимости они могли быть собраны в одно войско¹¹⁸.

На эти известия обращал внимание ещё Т. Василевский, который настаивал на том, что киевские князья не могли держать «при себе», то есть в непосредственной близости от своего местопребывания, крупные корпуса людей, состоявших у них на военной службе, просто из-за невозможности прокормить их, и должны были их размещать в крепостях на стратегически важных направлениях¹¹⁹. Стоит, кстати, заметить, что исследовательская мысль Василевского, писавшего в 1950-е гг. ещё до появления работ Ф. Грауса о «большой дружине», двигалась, в сущности, в том же направлении. Так, историк тоже сопоставлял свидетельство Ибрагима ибн Якуба о 3 тысячах воинов князя Мешка, с одной стороны, и известия ибн Фадлана о 400 воинах князя руси и ПВЛ об отроках Святополка, с другой. В итоге Василевский оценивал численность всех людей на службе киевских князей конца X–XI в., которых он считал возможным обозначить термином *дружина* в научном смысле (а не летописном), приблизительно в две тысячи человек (при этом отряд, состоявший при князе постоянно, мог насчитывать, по его мнению, не более 200 человек)¹²⁰.

К сожалению, очень мало таких древнерусских свидетельств относительно обеспечения воинов на княжеской службе, которые можно было бы поставить в один ряд с аналогичными сравнительно-историческими данными. Помимо сообщения о раздаче Ярославом собранной дани гридям можно указать только на известный лето-

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 249.

¹¹⁸ По летописи, уже Игорь с Олегом «нача грады ставити» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 23; НПЛ 1950, с. 107). Под 6496 (988) г. летопись сообщает, что Владимир Святославич «нача ставити города» вокруг Киева и «поча нарубати мужѣ лучьшиѣ» в них (ПСРЛ. Т. 1, стл. 121; НПЛ 1950, с. 159).

¹¹⁹ *Wasilewski T. Studia nad składem społecznym wczesnośredniowiecznych sił zbrojnych na Rusi // Studia wczesnośredniowieczne. T. IV. Wrocław-Warszawa, 1958, s. 316-327, 335.* Точка зрения Василевского уже излагалась в главе II.

¹²⁰ Там же, s. 308, 311, 316.

писный рассказ о колебаниях князя Владимира Святославича, отца Ярослава, по поводу способов наказания разбойников в статье 6504 (996) г. Согласно летописи, Владимир, живший после крещения «в страстѣ б(о)жьи», не «казнил» разбойников, «бояся грѣха». Когда «епископи» сказали ему, что как правитель, поставленный от Бога, он вправе «казнити» (хотя и «со испытомъ»), Владимир «отвергъ виры, нача казнити разбоиникуы». Однако, после этого выступили «епископи и старцы» и сказали: «рать многа, оже вира, то на оружьи и на коних буди». «И реч(е) Володимерь: [так о буди]», – завершает рассказ летописец ¹²¹.

Не совсем ясно рассказа, во-первых, имелись ли в виду под словом «казнити» вообще какие-то наказания (телесные, например, или поток и разграбление) или смертная казнь, и во-вторых, вернулся ли после совета епископов и старцев Владимир просто к прежней практике, когда разбойников не «казнили», а взымали только штрафы в пользу князя (виры), или же всё-таки между первоначальной практикой и окончательным решением было какое-то отличие.

В литературе это известие сопоставлялось с постановлениями «Русской Правды» и другими данными и вызывало самые разные интерпретации. Последнее время, следуя толкованию Д. С. Лихачёва, обычно считают, что речь шла о смертной казни и что Владимир, попытавшись ввести какие-то новации, от них просто отказался ¹²². В этом случае, правда, остаётся неясным, зачем надо было вообще в летописи рассказывать о попытках изменить порядок наказания разбойников, если в конце концов всё осталось по-прежнему. На мой взгляд, предположение о том, что в конце концов какие-то новации были внесены, придаёт бóльшую осмысленность тексту: летописец, указывая на влияние христианских идей и представителей церкви, хотел объяснить определённые перемены в юридической практике. Тогда, интерпретируя слова епископов и старцев как предложение брать виру в с л у ч а е н е о б х о д и м о с т и (для покрытия военных расходов), смысл итогового постановления надо видеть в его компромиссном характере: допустимой и даже, может быть, более правильной практикой была признана «казнь» разбойников, но тогда, когда князь и его советники признавали это необходимым, они могли взымать штрафы в казну. В реальности такой порядок был выгоден и удобен князю, поскольку давал ему бóльшую свободу действий – в зависимости от ситуации он мог «казнить» или требовать выкуп.

Так или иначе, в данном случае важно отметить, что средства, собранные от судебных штрафов, шли на покупку оружия и коней, и такой порядок существовал в той или иной форме и до Владимира, и после него. Очевидно, что эти оружие и кони

¹²¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 126-127; НПЛ 1950, с. 167.

¹²² Повесть временных лет..., с. 467. Ср., например: *Милов Л. В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // *Древнее право=Jus Antiquum*. 1996. № 1, с. 201-218; *Живов В. М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема // *Из истории русской культуры*. Том II. Книга 1: Киевская и Московская Русь. Составители А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002, с. 655-656. Автор последней работы возражает (совершенно справедливо, на мой взгляд) попыткам представить этот летописный рассказ как выдумку книжников рубежа XI–XII вв. (там же, с. 733-734).

предназначались не боярам, у которых были свои средства на оружие для себя и своих людей (ср. в летописи об отроках Свенельда – в главе III), и не смердам, которые набирались на военную службу нерегулярно и тоже шли со своими конями и вооружившись кто как мог (ср. летописный рассказ о спорах между Святополком киевским и Владимиром Мономахом о привлечении смердов в поход на половцев¹²³). Князь мог давать оружие и коней только более или менее доверенным и надёжным людям, а таковыми были прежде всего его собственные военные слуги, его отроки или гриди. В этом летописном сообщении надо видеть свидетельство того, что заботу о военной экипировке своих слуг киевский князь – так же, как и польский князь Мешко – брал на себя (если не всегда по абсолютному закону, то по крайней мере в каких-то случаях), а средства могли браться из доходов от исправления суда.

В источниках домонгольской эпохи можно найти разные указания на то, что князья сосредотачивали в своих руках большое количество оружия и коней. Ближайший по времени пример – это упоминание в летописном рассказе о мятеже киевлян против Изяслава Ярославича в 1068 г., что горожане стали требовать от князя «оружье и кони», которыми князь располагал, очевидно, в количестве достаточном, чтобы вооружить многих людей. Киевляне собирались сражаться с половцами, напавшими на Русь¹²⁴. Князь, несмотря на то, что от половцев исходила объективная угроза для всех, в том числе и для него самого, отказался предоставить киевлянам требуемое – очевидно, он им не доверял и считал, что его оружие и кони предназначены совсем не для них.

Историки часто обращали внимание на данные о княжеских арсеналах и табунах, но практически никогда не задавались вопросом, для кого собственно предназначались содержимое этих арсеналов и лошади из этих табунов. Следуя той логике, с помощью которой был истолкован рассказ о наказании разбойников Владимиром, надо думать, что эти данные тоже подразумевают наличие в том или ином случае у соответствующего князя его собственных слуг, которым в случае необходимости предоставлялись его собственные оружие и кони. Такого рода данные имеются вплоть до монгольского нашествия, и это обстоятельство заставляет поставить вопрос о том, сохранялась ли «большая дружина» на протяжении всего домонгольского периода.

Тот момент, когда источники позволяют нам зафиксировать точную численность корпуса военных слуг киевского князя (800 человек в 1093 г.), приходился уже на время упадка этого института на Руси. На мой взгляд, об этом свидетельствует, то, что летописец устами бояр высказывается скептически о военной силе Святополковых отроков и то, что эти скептические высказывания перекликаются с той критикой общественных нравов в «Предисловии» к НС, которая уже цитировалась в предыдущей главе, когда анализировалось значение слова *дружина*. Выше был оставлен от-

¹²³ ПСРЛ. Т. 1, стл. 277.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 1, стл. 170.

крытым вопрос о том, против кого именно были направлены обличения автора «Предисловия». Теперь можно попытаться ответить на этот вопрос, разобрав подробнее текст «Предисловия» в сопоставлении со статьёй 6601 (1093) г. При этом надо исходить из вывода исследований А. А. Шахматова и А. А. Гиппиуса, что автором статьи ПВЛ 6601 г. и «Предисловия» был один человек – составитель НС ¹²⁵.

Как уже отмечалось, в настоящее время мы располагаем предпринятой Гиппиусом реконструкцией первоначального текста «Предисловия», которая опирается на все сохранившиеся списки этого произведения. Интересующий меня отрывок цитируется далее по Толстовскому списку Н1Лм, опубликованному в издании А. Н. Насонова, но в местах, где текст явно неисправен, используются варианты, обоснованные в работе Гиппиуса ¹²⁶.

Автор «Предисловия» обращается в форме поучения к своим современникам и ставит им в пример «древних князей и мужей их»: «Васъ молю, стадо Христово, с любовию приклоните уши ваши разумно: како быша древни князи и мужие ихъ и како отбараху Руския землѣ и ины страны [приимаху] под ся. Тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ вирь, ни продаж въскладаху [на] люди, но [оже] будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны, [бьющеся]: братие, потягнемъ по своемъ князѣ и по Руской землѣ, [не жадяху]: мало ми [е], княже, двусотъ гривень, [не кладяху] на своя жены златыхъ обручей, но хожяху жены ихъ в сребряныхъ, и расплодили были землю Рускую. За наше несытоство навель богъ на ны поганяя, а и скоты наши и села наша и имѣния за тѣми суть, а мы своихъ злыхъ дѣлъ не останемъ...».

В противопоставлении «дружины» «древних князей» и современного автору общества летописец отсылает, очевидно, к одному конкретному случаю недовольства княжеского человека платой, данной ему князем. «Конечно, – писал Шахматов, – это намёк на какой-нибудь общеизвестный современникам факт» ¹²⁷. Не таким конкретным, но всё же довольно ясным намёком выглядит и упоминание о золотых «обручах» (то есть шейных гривнах – монистах, ожерельях), которые некие современники летописца давали своим жёнам, – позволить себе такие роскошные подарки могли, очевидно, лишь люди очень богатые и знатные, то есть бояре.

На первый взгляд, это место, как и сообщение о наложницах Владимира, вызывает недоумение. С одной стороны, непонятно, почему кто-то мог остаться недовольным такой внушительной суммой, предложенной князем (200 гривен). С другой стороны, поскольку сумма столь велика и, к тому же, тут же упоминаются золотые «обручи», напрашивается вывод, что имелся в виду какой-то боярин. Но тогда выглядит

¹²⁵ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2 (1-е изд.: 1909 г.), с. 399-400, 410; Гиппиус А. А. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010, № 2 (20), с. 164, 179-180.

¹²⁶ НПЛ 1950, с. 104; Гиппиус А. А. Ук. соч., с. 165.

¹²⁷ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду..., с. 410.

странным, что этот боярин получает от князя какую-то плату – обычно бояре вознаграждались кормлениями или долями от шедших на имя князя даней, пошлин и других «государственных» доходов (или, может быть, ещё имуществом), но не прямыми денежными выплатами.

Для понимания этого места важно понять его контекст и связь с другими летописными текстами. Прежде всего, очевидно, что описание «нежадных» и «патриотичных» «древних князей и мужей», а с другой стороны, картина современных «повреждённых нравов», которые даёт автор «Предисловия», имеют довольно общий и не самый точный характер. Сведения, которые касаются древности, все почерпнуты из самой летописи, а именно её части, повествующей о X в.¹²⁸ На эти сведения указал Шахматов: о «правой вире» говорится «под влиянием» рассказа о Владимире Святославиче под 6504 (996) г. о попытке отменить виры за разбой (ср. выше); призывы «древних мужей» «потягнуть» по князе и Русской земле находят соответствие в речи Свенельда и Асмуда перед битвой с древлянами и речью Святослава перед битвой с греками в летописных статьях 6454 и 6479 гг.; выражение «росплодили были» соответствуют словам древлян, обращённых к Ольге «а наши князи добри суть, расплодили землю нашу» в статье 6453 г.¹²⁹ При этом автор брал примеры более или менее наугад, не заботясь о точных соответствиях. Например, то, что говорилось о древлянских князьях, оказалось отнесено к князьям Русской земли. В летописи «мужи» готовы были «потягнуть» по своём князе, но призывы защитить Русскую землю в их уста не вкладывались. Рассказ о сборе вир Владимиром тоже привлечён не совсем корректно – там ведь не шла речь о том, «правые» или не «правые» были собираемые виры, и главная проблема рассказа была в том, есть ли в «казни» грех и надо ли вообще прибегать к вирам, а автор поучения делал упор на том, как (справедливо или нет) собирались штрафы в его время.

Имея в виду своих современников, автор обращается вообще к «стаду Христову», пишет вообще о «наших» скотине, сёлах и «имениях». Хотя применительно к «древним» временам летописец употребляет слова «князи» и «дружина», современников, которых он осуждает, он не обозначает ни этими, ни другими словами или терминами. Правда, фраза о князьях всё-таки вполне однозначна – именно они осуждаются за скопидомство и несправедливо наложенные штрафы. Однако, те два кон-

¹²⁸ В литературе часто на вторичный характер этих сведений не обращается должного внимания, и описание «древних» времён в «Предисловии» принимается за свидетельство, имеющее самостоятельное значение, хотя и с «идеализирующей» направленностью (см., например: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003, с. 170, 266-267).

¹²⁹ *Шахматов А. А.* Предисловие к Начальному Киевскому своду..., с. 411. Для Шахматова эти отсылки автора «Предисловия» на последующий летописный рассказ были свидетельством того, что «в распоряжении составителя Начального свода и предшествующего ему Предисловия был более древний летописный свод». Попытка С. М. Михеева пересмотреть этот вывод Шахматова, приписав составителю НС авторство не только «Предисловия», но и самих соответствующих известий, не опирается на серьёзные аргументы и не представляется убедительной (*Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011, с. 111-112).

кретных примера «несытства» людей не княжеского достоинства, которые указывает летописец (недовольство выплатой в 200 гривен и роскошные подарки жёнам), совсем необязательно должны относиться к одной определённой группе людей – социальной, профессиональной или какой-либо другой. Очевидно, автор «Предисловия» критиковал вообще относительно выдающихся и богатых людей Руси своего времени за жадность и своекорыстные устремления, несколько выделяя лишь князей (что вполне понятно, поскольку на них лежит главная ответственность за «правду»).

Никакой узкой или специальной социально-политической направленности не обнаруживает и статья ПВЛ 6601 (1093) г. Выше уже говорилось (см. в главе III, § 2.2), что её автор сначала критикует неких «уных» в окружении умершего князя Всеволода Ярославича, затем людей, пришедших со Святополком в Киев, а затем каких-то «несмыслених» в его окружении, которое составилось к моменту конфликта с половцами. К князьям автор тоже далеко не благосклонен – косвенные упрёки раздаются в адрес Всеволода, прямые – в адрес Святополка. Всё это были люди из правящего класса, но всё-таки разного происхождения, статуса и состояния, а критика затрагивает всех без разбора.

Резонно предположить, что указания на денежную выплату и одаривание жён золотыми монетами, поставленные в контекст публицистических выпадов в адрес «властей предрежащих», тоже имели в виду не одного человека или одну группу людей, но разных. Второе указание, очевидно, относилось к боярам – кого, как не вельмож и сановников, упрекать в стремлении к роскоши и излишествам? Но первое указание, как уже было сказано, едва ли могло относиться к боярину. Пример, на который сослался автор «Предисловия», подразумевает наёмно-коммерческий характер отношений князя и человека, неудовлетворившегося выплатой в 200 гривен. Между тем, для отношений князя и бояр такой характер всё-таки был несвойственен, и даже если какая-то подобная размолвка и случилась бы между князем и боярином, вряд ли летописец стал бы вспоминать о ней в качестве яркого и показательного примера для описания современного ему общества. О ком же шла речь?

Важный шаг к объяснению этого места сделал А. А. Гиппиус, который, решив ряд непростых вопросов истории текста «Предисловия» и предложив реконструкцию его первоначального вида, справедливо заметил, что сумма в 200 гривен является слишком большой для каких-то выплат княжеским людям, и предположил, что её указание в тексте ошибочно¹³⁰. Он склонен предполагать искажение в буквах, которыми в древнерусском письме передавались цифры (цифири). Буква «с», которой обозначалась цифра 200, могла легко появиться по ошибке на каком-то этапе переписывания древних рукописей из первоначальной «о» или «е», которые обозначали, соответственно, цифры 70 и 5 (подобные примеры в древнерусской палеографии известны). 70 гривен – это всё равно сумма слишком большая для каких-то выплат лю-

¹³⁰ Гиппиус А. А. Ук. соч., с. 183-184.

дям на службе князя. Более реальной выглядит цифра в 5 гривен¹³¹, которая оказывается очень близка сумме годового жалованья, предположительно вычисленной выше применительно к норвежским наёмникам Ярослава «Мудрого» (6 гривен). Это приводит к выводу, что тот княжеский человек, недовольство которого послужило летописцу примером «несытоства», имел в виду годовое жалованье, которое ему предлагал князь. А на жалованье жили, как было выяснено, военные слуги князя, его отроки или гриди.

При таком понимании «Предисловия» становится яснее его связь с теми сомнениями в военных способностях княжеских отроков, которые находим в статье 6601 (1093) г. в речи бояр, обращённой к Святополку. Летописец не привёл бы этой речи, если бы не сочувствовал ей. Тот же автор критически высказывается в адрес тех же отроков – только теперь эти высказывания видим не в заключительной статье его свода, а в самом начале, в «Предисловии». Будучи осведомлён о недовольстве одного из отроков своим жалованьем, летописец сослался на этот случай в поучении к «стаду Христову» как на характерный пример алчности, распространившейся в обществе его эпохи. Вельможи погрязли в роскоши, солдаты требуют жалованья, а справедливость и процветание Родины никого не заботит – вот смысл сетований книжника конца XI в., и такое их настроение находит столько аналогий в истории человечества, что нельзя не признать появление их и в домонгольской Руси не только вполне естественным, но даже и в чём-то закономерным.

Разумеется, такого рода сетования, как хорошо известно из аналогичных случаев, обычно несколько сгущают краски и вольно или невольно, сознательно или бессознательно искажают явления действительной жизни. Нам теперь трудно проверить обоснованность филиппик летописца. Но, по крайней мере, его гнев по поводу требования одного из княжеских людей выплатить больше 5 гривен, был, видимо, всё-таки не совсем оправдан. Если допускать, что жалованье скандинавских наёмников Ярослава составляло 6 гривен, то недовольство кого-то из княжеских военных слуг в конце XI в. жалованьем в 5 гривен не станет удивлять.

В то же время те же аналогии не дают оснований рассматривать эти сетования и как чисто риторические упражнения. Пусть и утрируя действительность, древнерусский критик «повреждённых нравов» всё-таки отталкивался от неё. Сопоставление известия статьи 1093 г. и «Предисловия» к НС позволяет утверждать, что одной из тех реальных проблем, которые отразили высказывания летописца, был кризис института «большой дружины». Существование многочисленного корпуса княжеских военных слуг стало в конце XI в. осознаваться как некая общественная проблема. Содержание этого корпуса обходилось, видимо, недёшево, результат его действий удовлетворял не всегда, а со временем стало нарастать напряжение между профессио-

¹³¹ Из двух вариантов исправления ошибочной цифры (с – 200) Гиппиусу «наиболее вероятным» представляется именно вариант, предполагающий первоначальное €; «поскольку утеря язычка € — самый элементарный из возможных дефектов» (там же, с. 184, примечание 44).

нальными военными, жившими за счёт «казённого» жалованья, и потомственной знатью, претендовавшей на контроль над «государственными» финансами. Из летописного рассказа о последних годах правления Всеволода Ярославича и начале киевского княжения Святополка со всей очевидностью вытекает, что боярство претендовало тогда на ключевую роль в государстве, и естественно, что боярам должно было быть не по нраву, если князь пытался им противопоставить какие-то другие силы.

В середине – второй половине XII в., когда Русь представляла собой около дюжины фактически независимых земель-княжеств, крупных военных соединений на службе князей уже не видно. Князья, правившие этими землями, очевидно, были просто не в состоянии содержать на постоянной основе корпуса до нескольких сотен и более воинов, должным образом вооружённых и обученных. Общевропейской тенденцией IX–XII вв. были повышение роли тяжеловооружённой кавалерии и удорожание военного снаряжения, которое становится доступным относительно узкому кругу лиц¹³². Сил не только политических, но и военных, которые могли бы составить альтернативу усилившемуся боярству, не заметно. Боярские военные слуги выступают теперь иногда даже под обозначением «полки». Это обозначение используется, например, в летописном рассказе о конфликте галицких бояр с их князем Владимиром в 1188-1189 гг. Весьма показательным в этом рассказе является противопоставление княжеских и боярских сил: бояре собрали «полки своя», а князь, неспособный им противостоять, бежал с личной (очевидно, немногочисленной) «дружиною»¹³³. Определяющее значение имеют силы, ведомые ростовскими боярами, в междоусобице, разгоревшейся после смерти Андрея Боголюбского во Владимиро-Суздальской земле в 1174-1177 гг.¹³⁴. В Новгороде посадник Михалко Степанович в 1255 г. выставил против новгородского веча «свой полк»¹³⁵.

Ещё более показательным описание военных сил, собравшихся вокруг владимирово-волынских князей Даниила и Василька, тогда ещё детей, когда они пришли из Польши на Русь с польским князем Лешком Белым (1213 или 1214 г.): по сравнению с «воями» других русских князей «бѣ бо вои Данилов[ы] болши и крѣплѣши – бяху бояре велиции отца его вси у него». Превосходство «воев» Даниила в числе и боеспособности напрямую связывается с тем, что к нему пришли «велики бояре» его отца, князя Романа Мстиславича. Именно бояре и их военные слуги имеют решающее значение в военных силах, собранных князем. И это обстоятельство явно и очевидно всем окружающим – летописец после этих слов тут же добавляет: «видивъ бо Лестько се, и поча имѣти любовь велику ко кн(я)зю Данилу и брату его Василку»¹³⁶.

¹³² Ср., например: Блок М. Феодальное общество. М., 2003, с. 150-152, 284-286.

¹³³ ПСРЛ. Т. 2, стл. 660.

¹³⁴ См.: Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987, с. 86-87, 99 и след.

¹³⁵ НПЛ 1950, с. 81, 308.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 2, стл. 729-730.

Вместе с тем, князья XII–XIII вв., конечно, сохраняли в своём распоряжении некоторое количество преданных слуг, на которых они могли положиться в суде и управлении и которые при случае могли защитить их от бояр или горожан. В XII в. они могли называться ещё по старине «отроками» или «дружиной» (ср. выше в только что приведённом примере «дружина» галицкого князя Владимира), но появились и новые термины – *детские*, *милостники* и *дворяне*; употребительно было и самое общее обозначение *слуги*, которое, однако, в XIII в. получает более конкретное значение, указывая на низшую знать на княжеской службе (ср. в конце главы III). Об их численности приходится догадываться лишь по косвенным данным. Так, новгородские летописи в XII–XIV вв. упоминают при князьях, приходивших в Новгород по призыву веча, «дворян»¹³⁷. Судя по тому, что эти дворяне всегда упоминаются при князе, перемещаются вместе с ним в полном составе, помещаются все или в большинстве своём на княжеском дворе (по словам летописи: «всѣ дворяны», «съ всемъ дворомъ своимъ» и т. п.¹³⁸), их численность не могла превышать нескольких десятков человек.

Одно известие Галицко-Волынской летописи упоминает отроков в окружении Даниила Романовича, тогда князя галицкого и владими́ро-во́лынско́го. Рассказывая о подготовке Даниилом похода на Перемышль в 1231 г., летописец сообщает, что галицкие бояре лишь притворно поддерживали князя, а фактически он, готовясь к походу, соби́рал вече в Галиче, «оставъшуся въ 18 отрокъ въѣрнихъ и съ Дѣмьяномъ тысяцкымъ своимъ»¹³⁹. В данном случае вся совокупность военных слуг князя составляет всего лишь 18 человек. Правда, это были времена сложные для Даниила, когда он не располагал полновла́стно Галицкой землёй, а значит, его источники дохода были ограничены. В другие времена, когда его власть твёрдо закрепи́лась и над Влади́миро-Во́лынским, и Галицким княжествами, численность его отроков, наверное, была больше, но всё равно счёт шёл скорее на десятки людей, чем на сотни.

Автор «Летописца Даниила Галицкого» – произведения в составе Галицко-Волынской летописи – называет военных слуг князя не только отроками, но и «оружниками»¹⁴⁰. То, что под этими обозначениями скрываются одни и те же люди, хорошо видно в статье 6764 (1256) г., где воины в непосредственном окружении Даниила названы сначала «отроками оружными», а затем «оружниками»¹⁴¹.

¹³⁷ Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, особ. с. 108-115; Halbach U. Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert: eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Ruß. Stuttgart, 1985, S. 175, 193 и след.

¹³⁸ НПЛ 1950, с. 40, 61 и др.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 2, стл. 763–764.

¹⁴⁰ Слово *оружники* несколько раз употребляется в переводных произведениях XII–XIV вв., в частности в переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, в основном для перевода греч. ὀπλίται: СДРЯ. Т. 6, с. 154; «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Подготовили А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. II. М., 2004, с. 201.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 2, стл. 832-833. Ср. ещё одно упоминание оружников во Владимире-Волы́нском – они оставлены для защиты города в отсутствие князя (там же, стл. 765). В статье 6737 (1230) г. оружни-

О содержании этих людей, как и в X–XI вв., должен был заботиться сам князь, хотя в середине XIII в. размер и формы этого содержания, по-видимому, существенно изменились. Это следует из описания событий 1241 г., когда в отсутствие Даниила, но от его имени Галицкой землёй управляли галицкие бояре. Главный среди них, Доброслав, отдал «бес повеления княжа» другим боярам в управление и кормление «коломыскую соль», то есть поселение Коломыю, где добывалась соль. Из возмущённых речей княжеского посла, переданных летописцем, мы узнаём, что Даниил и его брат Василько «держат сию Коломыю на роздавание оружникомъ»¹⁴². Эти слова можно толковать и так, что князь даёт своим оружникам Коломыю в кормление, и так, что они передают доходы с этого кормления в виде жалованья. На мой взгляд, второй вариант выглядит более естественным¹⁴³, потому что трудно представить себе некое коллективное кормление не для двух-трёх людей, а целой группы. Употреблённое летописцем слово «роздаванье» заставляет вспомнить и выражение начального летописания: князь в Новгороде «раздаваху» тысячу гривен гридям. Коломыйское кормление давало, видимо, по сравнению с другими кормлениями доход больше именно деньгами (а не натуралиями), так как это были, вероятно, либо доходы с княжеских солеварен, либо отчисления с торговли солью, которую вели жители.

Так или иначе, в этом эпизоде отразилось функционирование той же, в сущности, системы – правитель содержит за счёт своих доходов собственных военных слуг. Только совершенно несопоставимы масштабы затрачиваемых средств. В древности на эти цели шла часть совокупного денежного дохода князя, составлявшая некую определённую величину (например, 1000 гривен «от года до года»). И величина эта была очень значительна: Ярослав отдавал на это чуть ли не все наличные средства (если считать, что эти тысяча гривен составляли треть всей собираемой дани, помимо двух третей, шедших в Киев). В XIII в. выделяется только одна статья дохода, дающая, вероятно, каждый следующий год суммы далеко не постоянные (особенно, если доход составлялся с налога от продажи соли – объёмы продаж, естественно, колебались). И статья эта была, судя по всему, лишь одна из целого ряда – ведь речь шла только об одном кормлении. На доход даже от нескольких таких кормлений, как Коломыя, содержать сотни воинов было невозможно – в лучшем случае несколько десятков.

Стоит добавить, что не только во времена «древних мужей», о которых с такой ностальгией вспоминал составитель НС, но и в XII–XIII вв., и в более позднее время сохранял значение такой источник доходов, как военная добыча. И постольку, поскольку князь выступал в большинстве военных предприятий «главнокомандующим», его военные слуги практически всегда могли рассчитывать на свою долю до-

ками названы некие воины (но явно не знать) в войске венгерского короля, пришедшего походом в Галицкую землю (там же, стл. 761). Не имел ли летописец в виду *jobagiones castrī* – наследников «большой дружины» в Венгрии?

¹⁴² ПСРЛ. Т. 2, стл. 790.

¹⁴³ Так понимает слова летописи Пашуто, хотя не разбирает их подробно: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 174. Ср. также: *Wasilewski T.* Op. Cit., S. 334.

бытого «ратным трудом». НПЛ донесла до нас любопытное известие о разделе добычи князем Мстиславом Мстиславичем «Удалым», полученной в качестве дани от чуди, на которую он ходил походом с новгородцами: «и Мъстиславъ же князь възя на нихъ дань и да новгородьцемъ двѣ чясти дани, а третьюю чясть дворяномъ»¹⁴⁴. Вполне в соответствии с тем принципом раздела, который обнаружил себя в рассказе о новгородской дани Ярослава, Мстислав две трети добытых ценностей отдаёт новгородцам, а одну оставляет себе для раздачи своим военным слугам. Но конечно, на эти доходы содержать на постоянной основе многочисленные контингенты «дворян» или других слуг в XII–XIII вв. уже было невозможно – эпоха, когда «дружина кормяхуся, воююще ины страны», безвозвратно прошла.

В XII в. и позже князья должны были так же, как и прежде, держать так называемые «засады» в городах – гарнизоны. Из летописных данных неясно, по какому принципу распределялись по городам такие «засады» и насколько они были многочисленны¹⁴⁵. Но состояли они из людей, которые получали жалованье, а также, вероятно, продукты, производившиеся «служебной организацией», или даже небольшие земельные наделы. Трудно точно определить их значение с военной точки зрения, но по крайней мере по сравнению с древней «большой дружиной» степень их боеспособности и профессионализации, видимо, упала. Как и детских, дворян, оружников и прочих военных слуг, составлявших постоянное окружение, охрану или своего рода гвардию при князьях, эти гарнизоны можно рассматривать как отголосок «большой дружины».

Именно для тех слуг и доверенных лиц, которые составляли непосредственное окружение князей, и отчасти для тех воинов, которые сидели в «засадах» по крепостям, но могли быть призваны в любой момент на какую-либо военную операцию, и держали князья арсеналы, табуны лошадей и вообще запасы разнообразных материальных ценностей, о которых упоминают источники домонгольской поры. С упоминанием об «оружии и конях», которых требовали киевляне у Изяслава в 1068 г., следует поставить в ряд одно показательное летописное известие, которое относится ко времени спустя столетие¹⁴⁶. У Андрея Боголюбского, как говорят летописи, были свои «милостники» (по новгородской летописи, они принимали участие и в его убийстве). В рассказе о событиях, развернувшихся после убийства, «Повесть об убиении Андрея» отмечает, в частности, что заговорщики, ограбив княжеский дворец, водрузили княжеское «любимое имение» на «м(и)л(о)стыныѣ (вар.: м(и)л(о)стниковы) конѣ», «а сами воземьше на ся оружья княже м(и)л(о)стное»¹⁴⁷. Очень выразитель-

¹⁴⁴ Под 1214 (6722) г.: НПЛ 1950, с. 52-53, 251.

¹⁴⁵ Ср.: Пауто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 49-50.

¹⁴⁶ На известие обратил внимание И. Я. Фроянов: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 95.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2, стл. 589.

ны слова летописи: «оружья княже милостное» – то есть оружие княжеское, но предназначенное для его слуг-милостников.

2.2. Гридь

Таким образом, есть основания утверждать, что с конца XI в. на Руси началась трансформация «большой дружины», подобная той, о которой шла речь выше применительно к чешским «*milites secundi ordinis*» и венгерским «*jobagiones castri*». Весьма показательна для такой трансформации семантическая эволюция слова *гридь*, отразившая перемены в положении той группы людей, которая им обозначалась, в источниках XI–XIII в. Разумеется, нет ничего странного в том, что одна и та же группа лиц могла называться разными словами – где-то гридью, где-то оружниками, а где-то отроками. Социальная терминология в древности не была устоявшейся, строгой и последовательной. Выбор тех или иных слов зависел от ситуации, литературного контекста и других факторов; значения разных слов могли пересекаться. Но всё-таки в ряду разных слов, которыми обозначались княжеские люди, *гридь*, как видно по уже разобранным летописным свидетельствам, употреблялось как специальный термин (*terminus technicus*) для обозначения именно княжеских воинов («большой дружины»). Вообще всякие разные слуги назывались на Руси словами *отрок* и *слуга*.

На эти два последних слова уже обращалось внимание выше при разборе летописных свидетельств в главе III. Оба они весьма древнего происхождения¹⁴⁸. Слово *отрок* этимологически объясняется как ‘бессловесный’ (*от-рок*, где корень происходит от глагола *речи*), и в некоторых славянских языках (например, чешском) значит ‘раб’. В древнерусском языке оно, помимо основного и, видимо, исходного значения ‘ребёнок’, широко употреблялось также в значениях ‘слуга’ и ‘работник’¹⁴⁹. Имелись в виду лица в услужении и в подчинении у кого-либо – будь то князь, будь то боярин или кто-либо ещё – и с самыми разными функциями, даже занятые в сельском хозяйстве (в данной Варлаама Хутынского 1192-1210 гг. на землю, пожертвованную им в монастырь, упоминается отрок на этой земле¹⁵⁰). В летописи упоминания отроков содержатся уже в древнейших известиях о борьбе киевских князей и древлян: в описании гибели князя Игоря отроками названы военные слуги Свенельда, а чуть ниже в рассказе о мести Ольги упоминаются её отроки. Упоминания боярских и княжеских отроков были уже давно собраны историками¹⁵¹.

В древнейшее время слова *отрок* и *слуга* могли употребляться синонимично. Так, в летописной «Повести об убиении» Бориса в статье под 6523 (1015) г. одни и те же лица в окружении князя называются равным образом «отроки» и «слуги». Сначала

¹⁴⁸ См.: Цейтлин Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы. М., 1996, с. 62-80.

¹⁴⁹ СДРЯ. Т. VI, с. 208-209.

¹⁵⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Подготовили В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыздзевская. Под ред. С. Н. Валка. М.-Л., 1949, с. 161.

¹⁵¹ Мрочек-Дроздовский П. Н. Ук. соч. Вып. 2. М., 1885, с. 223-226. Ср. также: Свердлов М. Б. Генезис и структура..., с. 203-205; Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989, с. 50-54.

говорится, что Борис после уходы «дружины отней» остался «съ отроки своими», а затем при описании собственно убийства князя упоминается отдельно об убийстве его любимого «слуги» Георгия и добавляется: «и избиша же и ины отроки Борисовы многы»¹⁵². Но всё-таки слово *слуга* употреблялось и в старославянском, и в древнерусском языках без уничижительного оттенка, как в современном русском, и указывало именно на функцию службы, а не на подчиненное положение, как слово *отрок*. В то время как слово *отрок* в значении ‘слуга’ в XII в. употребляется чаще по отношению к боярским слугам, а к середине XIII в. исчезает, *слуга* приобретает специальный социальный смысл, обобщённо указывая на разные группы на княжеской службе статусом ниже бояр. Выше в главе III (§ 2.2) уже говорилось о сложении к концу XIII в. своего рода формулы «бояре и слуги (вольные)», указывающей на высшую и низшую знать. Последние упоминания слова *гридь*, как увидим ниже, тоже относятся как раз к середине XIII в.

Древнерусское *гридь* представляет собой существительное с собирательным значением, то есть обозначает группу людей, объединённых неким общим признаком. В древнерусском языке известны производные от него, обозначающие людей, – *гридин/гриди* и *гридьба*¹⁵³. Само слово и эти производные встречаются дважды в переводной «Хронике Георгия Амартола», дважды в разбиравшихся выше известиях начального летописания (пиры Владимира и сбор дани Ярославом в Новгороде), четыре раза в летописании конца XII – первой половины XIII в., по одному разу (в статье, толкующей один и тот же предмет) в «Краткой» и в «Пространной редакции» «Русской Правды», в одной берестяной грамоте конца XII в. и однажды в граффити на стене новгородского Софийского собора конца XII – первой половины XIII в.

Другие производные известны следующие. В «Хронике Георгия Амартола» однажды упоминается глагол *гридити* для перевода греческого *στρατεῦσθαι* – ‘воевать’¹⁵⁴. В переводном «Мучении Артемия» употребляется существительное *гридьствие* с абстрактным значением ‘дружба, верность, любовь для перевода греческого слова *ἔταρῖα* (ἔταρῆῖα)¹⁵⁵. Греческое слово в данном случае в оригинале было употреблено в значении ‘дружба’, но, кроме того, оно имело и более специальное второе значение – ‘объединение друзей, соратников, воинов’ и т. п. (ср. «гетерии» в Древней Греции и в новой истории Греции). Довольно широко употреблялись в древнерусском языке

¹⁵² ПСРЛ. Т. 1, стл. 132, 134.

¹⁵³ Ср.: СДРЯ. Т. 2, с. 389.

¹⁵⁴ *Истрин В. М. Книги времени и образы Георгия Мниха*. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг., 1920, с. 361. Автор, последний раз коснувшись вопроса о славянском переводе «Хроники Георгия Амартола», рассматривает фигурирующие здесь слова *гридь* и *гридити* как «бесспорный русизм» (*Пичхадзе А. А.* О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2001. М., 2002, с. 247).

¹⁵⁵ Цит. по: *Пичхадзе А. А.* Ук. соч., с. 247.

вплоть до XVI в. слова *гридница* и *гридня* для обозначения сравнительно большого помещения, предназначенного для собраний, суда, пиров и т. п.¹⁵⁶

Нет сомнений, что *гридь* является заимствованием из древнескандинавского языка. В старой литературе высказывалась мысль, что источником заимствования было скандинавское слово *hirð*, обозначающее королевскую дружину (см. выше)¹⁵⁷, однако специальные изыскания лингвистов, предпринятые с середины XX в., указали на другое слово – *grid*¹⁵⁸. Неразъяснённым остаётся, в каком именно значении это слово перешло в древнерусский язык в виде *гридь*. *Grid* известно в двух значениях: в единственном числе – ‘убежище в доме или право на проживание в чьём-то доме (часто связанное с работой и услугами)’, во множественном числе (слово не меняет формы во мн. ч.) – ‘мир как перемирие, временное согласие конфликтующих сторон на неприменение насилия, безопасность’¹⁵⁹. На мой взгляд, исток надо видеть в первом значении – речь шла о «людях дома», находящихся под покровительством некоего господина (*mundium*, если использовать понятие древнегерманского права). Только в Древней Руси имелись в виду люди именно княжеского дома, лица под покровом «княжого права» (по выражению А. Е. Преснякова).

В таком случае следует отказаться от допущения К. Торнквист (которой следовал М. Фасмер), что заимствовалось не само слово *grid*, а его производные – *gridi* или *gridmaðr*. Торнквист выдвигала это предположение, потому что ей казалось странным окончание (мягкий согласный) древнерусского *гридь* при том, что скандинавское *grid* такого смягчения не имеет. Однако, такое окончание можно объяснить уже на древнерусской почве – заимствованное слово с обобщённо-собирательным значением подстраивалось под модель типа **молодь** (если взять слово, уже фигурировавшее выше – см. в главе III, § 2.2); ср. в современном русском: *капель*, *голь* и т. п. На древнерусской почве слово эволюционировало дальше: сначала для обозначения одного представителя группы стали использовать то же слово *гридь* и новообразование *гри-*

¹⁵⁶ См.: СРЯ. Т. 4, с. 136-137. Древнейшее упоминание слова – в известии летописи о пирах Владимира: пиры происходили у князя «на дворѣ въ гридницѣ» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 126). Слово часто встречается в былинах, ср.: *Лунец Р. С. Эпос и Древняя Русь*. М., 1969, с. 153-194.

¹⁵⁷ Из относительно недавних работ эта этимология принимается в книге К. Любке: *Lübke C. Op. cit.*, S. 260. Автор опирается на Х. Ловмянского, который принимал эту этимологию в т. 4 труда «Начала Польши», однако упускает из виду, что сам же Х. Ловмянский в т. 5 уже исходит из этимологии от слова *grid*: *Łowmiański H. Op. cit.* Т. V, s. 175.

¹⁵⁸ *Thörnqvist C. Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen*. Uppsala, 1948, S. 46-51; *von See K. Altnordische Rechtswörter. Philologische Studien zur Rechtsauffassung und Rechtsgesinnung der Germanen*. Tübingen, 1964, с. 166-173. Ср.: *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырёх томах. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачёва*. Т. 2. М., 2007, с. 458 (1-е изд. на немецком яз.: 1950–1958 гг.); *Strumiński B. Linguistic Interrelations in Early Rus': Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries)*. Roma, 1996, с. 232.

¹⁵⁹ Оба значения развились из одного первоначального древнего корня – шаг, поступь, путь (ср. гот. *griþs* – шаг); затем – свободный доступ, проход, безопасность, откуда уже – безопасность проживания или перемирие (*von See. Op. cit.*, S. 168). Ср.: *Voe A. Grid // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid*. Band 5. Malmö, 1960, s. 463-464.

дин, а для многих – множественное число *гриди*, а затем уже возникла новая форма собирательного – *гридьба*.

На военные занятия и связь гридей с князем так или иначе указывают древнейшие упоминания этого слова в переводе «Хроники Георгия Амартола», в начальном летописании и «Русской Правде». Очевидно, это и был тот признак, который позволил этих людей обозначить собирательным *гридь*. Использование слова в «Хронике» для перевода греческого *ἐτολρεῖα* в значении ‘военный отряд, гвардия’ говорит само за себя¹⁶⁰. Давно уже было замечено, что «понимание под гридью и гридьбой воинов, сделавших себе ремесло из военного дела», «даёт совершенно удовлетворительный смысл» слову¹⁶¹.

Упоминания гридей в двух известиях начального летописания выше были истолкованы как указания на воинов в прямом подчинении и на содержании князя. Остановимся на свидетельстве «Русской Правды».

В так называемой «Древнейшей Правде» или «Правде Ярослава», составление которой относят ко времени правления Ярослава Владимировича (1015/1016–1054 гг.) и которая вошла составной частью в «Краткую редакцию» «Русской Правды», фигурирует «гридин» в 1-й статье в списке отдельных категорий людей, за убийство которых полагалась вира в 40 гривен:

«Убить мужь мужа, то мьстѣть брату брата, любо сынови отца, а любо отцю сына, любо братучада, любо сестериню сынови; аще не будет кто мьстя, то 40 гривенъ за голову; аще ли будет русинь, или гридѣнь, любо купцѣ, или ябетникъ, или мечьникъ, аще ли изгой будет, любо словенинь, то 40 гривенъ положити за нь»¹⁶².

Основное содержание статьи сводится к фиксации общего порядка мести и общей нормы виры для свободных людей. Список отдельных категорий людей как бы прикладывается дополнительно к этой общей норме (его можно выделить и отдельной статьёй). В науке остаётся спорным, какая логика была положена в основание этого списка и насколько он первоначален в сохранившемся виде¹⁶³. Однако, вне зависимости от решения этого вопроса, ясно, что «гридин» здесь стоит в одном ряду с людьми, так или иначе связанными с князем и даже выступавшими его агентами, – «купец», «ябедник», «мечник».

Ябедник и мечник – должностные лица, главные функции которых были связаны, видимо, с судом и сбором дани, то есть сферой княжеской компетенции. О купцах хорошо известно, что они на Руси (да и не только на Руси) часто выступали доверенными лицами правителя, особенно во внешних сношениях, и на них возлагались те или иные «государственные» функции (разумеется, в обмен на те или иные вознаграждения).

¹⁶⁰ *Истрин В. М.* Ук. соч. Т. 1, с. 529, 543.

¹⁶¹ *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 1. М., 2007, с. 457, сноска 1.

¹⁶² НПЛ 1950, с. 176; Правда Русская... Т. I, с. 70, 79.

¹⁶³ Правда Русская. Т. II, с. 16-57; Российское законодательство... Т. 1, комментарий на с. 49-51. Ср. также: *Никольский С. Л.* О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // СР. Вып. 4. М., 2004, с. 26-32.

ждения или привилегии) – об этом свидетельствуют самые разные документы, от договоров руси и греков 911 и 944 гг. до Уложения 1649 г. М. Н. Тихомиров писал о купцах: «В городском населении именно купцы или гости... составляли наиболее почитаемую группу, находившуюся под непосредственной княжеской защитой... Упоминание купчины в первой статье Краткой Правды показывает, что в эпоху появления этой статьи купцы состояли под непосредственным покровительством князя наряду с дружинниками (мечником, гридем и ябедником)»¹⁶⁴.

В «Правде Ярославичей», представляющей уже следующий этап древнерусского законодательства (согласно наиболее обоснованному предположению, составление её надо относить к 1072 г.), о гридине уже не говорится, зато появляется огнищанин. При этом обновлен весь список княжих людей – не упоминаются также купцы, ябетники и мечники, а вместе с огнищанином выстраивается другой ряд: «подъездной княжий», «тивун княжий», «конюх старый» (по контексту ясно, что тоже княжеский), княжеские «сельский староста», рядович и смерд¹⁶⁵. Очевидно, что причина упоминания княжеских людей и в «Древнейшей Правде», и в «Правде Ярославичей» одна и та же – князья озабочены их правовой защитой. Просто тот список, который даёт второй памятник, носит иной характер – специально и подробно говорится о категории княжеских людей, которая была занята преимущественно в хозяйственной сфере. Ставка виры для огнищанина, подъездного, тиуна и старого конюха определена «Правдой Ярославичей» в 80 гривен, то есть в два раза больше, чем за гридина и прочих по «Древнейшей Правде». При этом, к сожалению, остаётся неясным, надо ли распространять это повышение и на другие категории княжеских людей. Составитель «Пространной редакции» «Русской правды», давая в 1-й и 2-й статьях обзор истории законодательства о наказаниях за убийство (здесь ещё раз упоминается и «гридь» или, по другим спискам, «гридин»), как будто исходит из того, что 80 гривен надо платить за убийство всякого «княжа мужа или тиуна княжа», но ниже в статье 11 предусматривает относительно княжеских отроков, конюхов и поваров виру в 40 гривен¹⁶⁶.

В науке эти постановления о вине для разных лиц по-разному интерпретируются, и ниже в главе V они ещё будут обсуждаться. В данном случае достаточно ограничиться констатацией того, что от «Древнейшей Правды» к «Правде Ярославичей» происходит перенос акцента в защите княжеских людей – с военных слуг (гридей), купцов, мечников и ябедников на слуг и чиновников, занятых в хозяйстве. Такое перемещение интереса законодателей вполне понятно в виду изменений в общем развитии Киевской Руси с начала XI-го века к его концу – переход от военно-захватнической политики к «окняжению (освоению) земли» и внутреннему экономическому развитию.

¹⁶⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956, с. 154.

¹⁶⁵ НПЛ 1950, с. 177-178; Правда Русская... Т. I, с. 71-72, 80.

¹⁶⁶ Правда Русская... Т. I, с. 402-403; Российское законодательство... Т. 1, с. 64-65.

Таким образом, гридь и огнищане в «Краткой редакции» «Русской Правды» – разные категории княжеских людей: первые, очевидно, выполняющие преимущественно военные функции, вторые – больше административно-хозяйственные. По происхождению слово *огнищанин* по сути аналогично слову *гридь* – от «огнища»-очага как символа дома, – то есть имелись в виду «люди очага», люди под покровительством хозяина, господина дома (тот же *mundium* со стороны *pater familiae*, если прибегать к западной терминологии) ¹⁶⁷. Славянское слово было использовано для обозначения княжеских людей, занятых преимущественно в хозяйстве и управлении, а скандинавское – для тех, кто выполнял военные функции. В общую картину складывания древнерусской государственности такая схема укладывается как нельзя лучше.

Хотя в литературе неоднократно сравнивались данные «Русской Правды» о защите людей, находившихся под княжеским покровительством, с аналогичными данными в «варварских правдах», на одно важное обстоятельство обращалось недостаточно внимания. «Варварские правды» Западной Европы фиксируют повышенный вергельд для этих людей (ср. выше об антрустионах и газиндах). «Древнейшая» же Правда устанавливает равную ставку виры для свободных людей и для княжеских, и только Ярославичи повышают эту ставку вдвое для последних. Очевидно, «Древнейшая Правда» отражает более ранний, архаический этап социальной стратификации и свидетельствует о том, что выделение, в том числе и юридическое, сферы, связанной с княжеским домом-покровительством, шло лишь постепенно. Более того, не будет большой смелостью предположить, что на ещё более раннем этапе княжеские люди не только не были равны по статусу свободным полноправным «мужам», но были ниже их, поскольку рассматривались так же, как и все прочие частнозависимые люди – «слуги» и «отроки». Иначе в чём вообще был смысл упоминания гридина и прочих людей, связанных с князем, дополнительной отдельной строкой в фиксации общей нормы для свободных? Как свидетельствует происхождение слов *гридь* и *огнищанин*, эти люди были сначала не более чем «домашними» людьми князя (его *familia*) – такими же, как «домашние» слуги других богатых и знатных людей. Лишь с развитием представления о князе как главе государства и публичного права княжеские слуги сначала сравниваются в статусе с полноправными людьми, а затем получают даже большую юридическую защиту.

¹⁶⁷ Такое понимание огнищан как социальной категории распространено в литературе, но не является единственным. Наиболее последовательно его развивал С. В. Юшков, считая огнищан верхушкой «дворцовых слуг» или «министерииалитета»: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 251-253. Как «главу княжеского господского хозяйства» понимает огнищанина «Русской Правды» М. Б. Свердлов: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь..., с. 402. Ср. ещё характерное выражение в «Пространной Правде» – тиун огнищный (ст. 12, и так же, как за огнищанина по Правде Ярославичей – 80 гривен виры). Об этимологии слова *огнищанин* см.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 585-586, Назаров В. Д. Ук. соч., с. 105; Носов Е. Н. Огнищане и проблема формирования новгородского боярства // История и культура древнерусского города. М., 1989, с. 49-50.

Такой взгляд на виры для княжеских людей, зафиксированные в «Краткой редакции» «Русской Правды», кардинально расходится с теорией, развитой А. Е. Пресняковым, согласно которой не защита княжеских людей «подтягивалась» под норму виры, принятую для свободных людей, а наоборот, «высокая вира» в 40 гривен, принятая для людей «княжого права», распространялась «на всё население», «уравнивая» его «с кругом мужей княжих»¹⁶⁸. Однако, эта теория является чисто гипотетической конструкцией и противоречит как логике текста самой «Русской Правды», так и эволюции права в раннесредневековой Европе, где правители всегда пытались выделить своих людей из общих норм теми или иными привилегиями.

Как свидетельствуют новгородские источники, ещё в конце XII – начале XIII в. гриди существовали как некая группа, причём в тесной связи с теми же огнищанами. Три известия Н1Лс и Н1Лм упоминают вместе огнищан, гридбу и купцов (или «вящих купцов»). Вокруг этих упоминаний в науке давно идут споры, и, обобщая высказанные суждения, можно выделить две точки зрения по поводу того, что это были за люди/социальные группы¹⁶⁹. Согласно одной точке зрения, речь идёт о представителях основных слоёв новгородского общества, составляющих целостную иерархию: огнищане – знать/бояре, гридь – младшая дружина, купцы – торговоремесленное население¹⁷⁰. Согласно другой, здесь не надо видеть отражение социальной иерархии, а речь идёт об отдельных группах населения Новгорода или Новгородской земли, которых объединяло одно – особо тесная связь с князем¹⁷¹.

Против первой точки зрения говорит уже одно то, что источники не дают ровно никаких оснований считать огнищан боярами. Огнищане – люди князя в смысле его собственных (личных) слуг (принадлежащих его «дому»), и об этом свидетельствуют и этимология, и ясно прослеживаемая по «Правде Ярославичей» их связь с княжеским хозяйством. В «Пространной редакции» «Русской Правды» огнищане ещё раз

¹⁶⁸ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. Подготовка текста, статьи и примечания М. Б. Свердлова. М., 1993, с. 221.

¹⁶⁹ См. последний обзор литературы по этому поводу: Лукин П. В. Вече: социальный состав // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008, с. 123-124.

¹⁷⁰ Наиболее последовательное изложение этой точки зрения: Флоря Б. Н. «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // СР. Вып. 6. М., 2006, с. 66-69. Ср. так же: Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // СА. 1974. № 3, с. 100, 104-105; Горский А. А. Ук. соч., с. 49-50.

¹⁷¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2002 (1-е изд.: 1951 г.), с. 42. Развита эта точка зрения в статье Е. Н. Носова (Ук. соч.), которого поддержали Назаров и Буров (Назаров В. Д. К методике анализа новгородских источников XII–XIII вв. (О стратификации общества Новгородской республики) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва. 18-20 апреля 1990 г. М., 1990, с. 94; Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994, с. 89).

упоминаются в статье 78 о «муке» «без княжа слова» рядом со смердом¹⁷². В Новгороде огнищане проживали в одном квартале поблизости с княжеским двором (на Торговой стороне). Об этом однозначно свидетельствует новгородский «Устав о мостех»¹⁷³. С новгородской знатью они в источниках никак не смешиваются и не сопоставляются; для обозначений высшей прослойки (знати) в Новгороде использовался целый ряд слов и выражений – те же «бояре», а также «лучшие», «вячшие» или «передние» «мужи» и др.

Проблематичной выглядит и трактовка купцов как всего торгово-ремесленного населения Новгорода. К этой точке зрения исследователей склоняет, прежде всего, несомненное участие купцов в сотенной организацией средневекового Новгорода. Но охватывала ли эта организация всё население Новгорода и в каком именно отношении, какие точно категории лиц входили в эту организацию, как она менялась с социальным и политическим развитием города – это всё вопросы сложные и пока далёкие от сколько-нибудь убедительного решения¹⁷⁴. С другой стороны, мы точно знаем, что в XII–XV вв. в Новгороде купцами называли именно и только собственно людей, занятых торговлей (то есть более или менее чётко очерченную профессиональную группу)¹⁷⁵, и история древнерусского (и общеславянского) слова *купец* не даёт никаких поводов думать, что в XII–XIII вв. оно в Новгороде (и только в Новгороде!) обозначало вообще всё торгово-ремесленное население¹⁷⁶. Кроме того, известно, что новгородские сотни были как-то (видимо, прежде всего фискально) связаны с князем¹⁷⁷ и что в Новгороде были купеческие торговые организации, которые находились под патронатом князя (купеческое объединение при церкви Ивана на Опоках). Это говорит скорее в пользу того, что новгородские купцы сохраняли с древних времён особую связь с князем и в каких-то случаях (очевидно, во внешних сношениях и торговых делах) могли выполнять и его поручения.

В русле суждений, близких к первой точке зрения, не удаётся объяснить и статус гриди в Новгороде. Трудно представить себе, что это за «младшая дружина» сидела в Новгороде, если уже во второй половине XII в., как ясно следует из летописи, князья приходили в город и уходили из него со своим «двором» или «дружиной», то есть со своими боярами и/или военными слугами. Другое дело, если вести речь, как

¹⁷² Правда Русская... Т. I, с. 113, 436-437.

¹⁷³ Российское законодательство... Т. 1, с. 236, 238 и комментарий В. Л. Янина на с. 243. На свидетельство «Устава» делает упор Е. Н. Носов: *Носов Е. Н. Ук. соч.*, с. 47-49. Для общего понимания текста «Устава» большое значение имеет статья: *Гиппиус А. А.* К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // *Славяноведение*. 2005. № 4, с. 9–24.

¹⁷⁴ О сотнях в Новгороде: *Буров В. А.* Ук. соч., с. 83-96, 103-105, 114 и след.; *Флоря Б. Н.* Ук. соч..

¹⁷⁵ Относительно времени, к которому относятся известия НЛ, достаточно указать на договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189-1199 гг., где под «купчиной» разумеется именно купец (торговец-коммерсант), а о представителях городского населения Новгорода говорится просто «муж» или «новгородец» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова..., № 28, с. 55-56).

¹⁷⁶ См. об этом слове: *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006, с. 378-382.

¹⁷⁷ Это признаёт Б. Н. Флоря, соглашаясь с В. Л. Яниным в том, что сотни были «созданы княжеской властью для своих военных и административных нужд» (*Флоря Б. Н. Ук. соч.*, с. 79).

предполагает вторая точка зрения, не о социальном слое, а о какой-то особой группе новгородского населения.

Что это была за группа населения, ясно видно по одному из трёх известий Н1Лс/Н1Лм с упоминанием «гридьбы» – в летописной статье под 6742 (1234) г. В известии сообщается о нападении литовцев на (Старую) Русу и, в частности, говорится о сопротивлении, которое было им оказано: «и сташа рушанѣ и засада: огнищанѣ и гридба, и кто купець и гости»¹⁷⁸. Против литовцев «сташа», оказывается, сами жители Русы (рушане), а также «засада», то есть специальный военный гарнизон, защищающий город, а также те люди, кто более или менее случайно оказался в городе, но был способен (и заинтересован) оказать вооружённое сопротивление – те же торговцы-коммерсанты, в данном случае разделённые на две категории: с местным размахом операций (вероятно, жители Новгородской земли) и более широким (прибывшие из других земель Руси, а может быть, и чужеземцы) – соответственно, купцы и гости¹⁷⁹. В состав «засады» входят огнищане и гридьба. Значит, это были группы профессиональных или полупрофессиональных военных.

Летописное известие прямо не говорит о какой-либо связи огнищан и гридьбы с князем. Однако, о такой связи можно думать, если обратить внимание на то, что события разворачиваются именно в Русе. Хорошо известно, что этот город в древности находился в сфере особых интересов князей – здесь были княжеские охотничьи угодья, а также князья получали доходы от разработки соли, которая велась здесь испокон века¹⁸⁰. Последнее обстоятельство заставляет сразу вспомнить галицкую Коломыю – ведь это тоже был центр добычи соли. Едва ли можно объяснить случайностью то, что именно в Русе упоминаются те категории людей, которые, как заставляет думать логика настоящего исследования, составляли в Новгородской земле прямую аналогию «оружникам», известным нам по «Летописцу Даниила Галицкого». Очевидно, обнаруживаются аналогичные порядки: новгородские князья так же, как и галицкие, содержат на доходы от добычи и торговли солью воинов, которые, разумеется, должны были находиться в их прямом и непосредственном подчинении. Именно князь в Новгороде всегда возглавлял военную организацию и военные предприятия.

В чём именно состояло различие между огнищанами и гридьбой, сказать трудно. Поскольку как жители Новгорода упоминаются только огнищане (в «Уставе о мостех»), логично предположить, что гридьба была то ли ниже статусом, то ли проживала не в Новгороде, а по городам и крепостям Новгородской земли. Возможно – если исходить из упоминаний гридей и огнищан в Русской Правде – у двух этих групп была какая-то специализация: огнищане отвечали за княжеские хозяйство и доходы, а гриди выполняли собственно военные функции, поэтому одни находились ближе к князю, другие – несли службу там, где это требовалось военно-

¹⁷⁸ НПЛ 1950, с. 73, 283.

¹⁷⁹ О различии купцов и гостей см.: *Перхавко В. Б.* Ук. соч., с. 381.

¹⁸⁰ «Княжий характер Старорусской области» подчёркивал Насонов: *Насонов А. Н.* Ук. соч., с. 107-108, ср. с. 38.

стратегическими соображениями. Защита огнищан в «Правде Ярославичей» вирой в 80 гривен, а также способ перечисления в летописи – сначала огнищане, потом гридь – намекают на то, что первые статусом были выше вторых.

Так или иначе, уже эти данные о новгородской гриди/гридьбе соответствуют идее о трансформации «большой дружины» в немногочисленные «гвардии» около князей и некие «*milites secundi ordinis*», размещённые по локальным военным центрам. Эта идея получает ещё одно подтверждение в информации, которую можно извлечь из новгородской берестяной грамоты с упоминанием гридей.

Грамота № 788, датируемая по археологическим показателям последней четвертью XII в. представляет собой распоряжение некоего вышестоящего лица нижестоящему с указаниями о распределении дани. От письма сохранился только отрывок, но именно в нём содержится интересующее меня упоминание. Автор письма распоряжается выдать жалованье по определённой схеме: «а гриди польь третьье (гривь)нѣ оклада же» – «а гриди две с половиной гривны жалованья же»¹⁸¹.

Документ не оставляет никаких сомнений в том, что в конце XII в. в Новгороде или Новгородской земле жила какая-то «гридь», получавшая жалованье («оклад»), и тем самым позволяет перебросить мостик к тем самым Ярославовым гридям, получавшим от него тысячу гривен. Сопоставление тем более оправдано, что в берестяной грамоте, по всей видимости, речь идёт о выдаче «оклада» за год – во всяком случае, тут же присутствует распоряжение передать кому-то ещё «лоньскую гривьну», то есть гривну «прошлогоднюю»¹⁸². Очевидно, дань, как и при Ярославе, собиралась – а значит, и раздавалась на жалованье – из расчёта по годам.

Неслучайным в тех связях, которые выстраиваются, оказывается и размер «оклада», который полагался гриди – две с половиной гривны. Это ровно половина тех пяти гривен, которые князь предлагал своему отроку или гридину согласно «Предисловию к НС» (если следовать предложенной выше интерпретации текста). Снижение жалованья княжеским военным слугам в два раза за сто лет с конца XI в. к концу XII в. вполне естественно, если исходить из предложенной схемы трансформации «большой дружины» и видеть её «осколки» в гарнизонах новгородской «гридьбы» (аналогичных галицким «оружникам») конца XII – начала XIII в. Очень скромный размер жалованья заставляет думать, что выплаты наличными занимали в конце XII в. уже незначительное место в обеспечении гридей. Опираясь на позднейшие аналогии (например, порядок обеспечения стрелецкого войска в Московском государстве в XVI–XVII вв.), можно предположить, что бóльшую роль играли выдачи натуральных продуктов из княжеских доходов, привилегии в занятиях торговлей и ремеслом (отсюда, возможно, связь с купцами) и – что для XII в. уже возможно – наделение землёй.

¹⁸¹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004, с. 413-414.

¹⁸² Это наблюдение не позволяет согласиться с А. А. Гиппиусом, который полагает, что в грамоте речь идёт о жалованье не за год, а за месяц: Гиппиус А. А. Предисловие к «Софийскому времени-ку»..., с. 184, примечание 44.

Есть ещё два известия Н1Лс/Н1Лм с упоминанием гриди/гридьбы вместе с огнищанами и купцами. Они короче и менее информативны, чем известие, рассмотренное выше, но ни их содержание, ни контекст не мешают интерпретировать их в соответствии с той точкой зрения, которая представляет гридь и огнищан с купцами элементами княжеской системы управления Новгородской землёй.

В статье под 6674 (1166) г. говорится о встрече представителей Новгорода в Луках с киевским князем Ростиславом, сын которого Святослав в это время правил в Новгороде (в действительности встреча произошла в 1167 г.). В чём был смысл совещания, не говорится, зато раскрывается состав новгородского посольства: «приде Ростиславъ ис Кыева на Луку и позва новгородъце на порядъ: огнищане, гридь, купце вячьшее»¹⁸³. Об этом же событии упоминает киевская летопись в статье ИпатЛ под 6676 г. Здесь сообщается, что Ростислав встречался в Луках с сыном Святославом «и с новгородци», а встреча закончилась тем, что «целоваша новгородци хр(е)сть к Ростиславу на том, якоже имъ имѣти с(ы)на его собѣ кн(я)земъ, а иного кн(я)зя не искати, оли ся с ним см(е)ртью розлучити», то есть новгородцы дали обязательство признавать Святослава своим князем до его смерти¹⁸⁴.

Б. Н. Флоря, сопоставив два летописных известия об одном и том же событии, заключил, что поскольку «речь шла об очень важном политическом соглашении, предусматривавшем пожизненное правление в Новгороде Святослава Ростиславича», то в нём участвовали представители двух важнейших социальных слоёв города – «дружины» (огнищане и гридьба) и «торгово-ремесленных кругов» (купцы)¹⁸⁵. Историк совершенно прав в оценке сути соглашения, только он не учитывает, что соглашение осталось без всяких последствий – о нём нет ни слова ни в новгородских, ни в иных источниках, а уже в следующем 1168-м году между новгородцами и Святославом разгорелся конфликт, и Святослав был вынужден покинуть Новгород (и отправился, кстати, в те же Луки). Не надо ли думать, что «очень важное политическое соглашение» князь заключил далеко не со всеми новгородцами, а только с и х ч а с т ь ю – и именно той частью, которая была больше других заинтересована в стабильности княжеской власти в Новгороде? Тогда станет понятно, почему в известии новгородской летописи специально указывается состав посольства (хотя при этом не упоминается, что на встрече присутствовал и сам новгородский князь) – летописец совсем не имел в виду, что вот-де весь город был представлен на совещании с киевским князем, а как раз, напротив, указывал, что с князем договорились только определённые группы населения. Нельзя полагаться на изложение событий в ИпатЛ, где говорится вообще о «новгородцах», поскольку киевский летописец, естественно, трактовал их в пользу своего князя и старался выставить решение о т д е л ь н ы х групп новгородцев признать династические права Святослава как поддержку в с е х горожан. Весьма пока-

¹⁸³ НПЛ 1950, с. 32, 219.

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. 2, стл. 529.

¹⁸⁵ Флоря Б. Н. Ук. соч., с. 70-71.

зательно и различие в оценке дальнейшего конфликта Святослава Ростиславича и новгородцев между новгородской летописью и киевской: первая, естественно, возлагает вину на князя, а вторая обвиняет «новгородцев» (опять всех скопом, хотя в городе явно были разные партии), что они «невѣрни суть всегда ко всимъ кн(я)земъ»¹⁸⁶.

Наконец, в статье 6703 (1195) г. Н1Лс/Н1Лм упоминает те же три группы населения Новгорода в рассказе о конфликте Всеволода Юрьевича, князя владимирского, и черниговских Ольговичей. Всеволод, чей свояк и ставленник князь Ярослав Владимирович в тот момент сидел в Новгороде, позвал в поход на Ольговичей новгородцев – «и новгородьци не отпърешася ему, идоша съ княземъ Ярославъмъ огнищане и гридьба и купци»¹⁸⁷. По этому известию, которое не с чем сопоставить, нельзя ничего сказать о социальном облике как гридьбы, так и огнищан с купцами. Во всяком случае, вполне естественно думать, что в Черниговскую землю собрался совсем не весь город, а только те группы, которые были теснее связаны с князем, либо просто обязаны были подчиниться его приказу (хотя и согласованному, видимо, с вечем, судя по словам: «и новгородьци не отпърешася ему»).

Не очень информативно и последнее летописное известие, упоминающее гридьбу, которое содержит ЛаврЛ под 6685 (1177) г. в описании борьбы того же Всеволода Юрьевича за Ростово-Суздальскую землю. Здесь сказано, что соперник Всеволода князь Мстислав Ростиславич, собираясь в поход, «приѣха Ростову, совокупивъ ростовци и боляре, гридьбу и пасынки, и всю дружину»¹⁸⁸. Понимание гридьбы как не очень многочисленных и не самым лучшим образом вооружённых воинов, рассредоточенных по городам и находившихся под покровительством и на содержании князей, никак не противоречит контексту. Об их второстепенном военном значении говорит их место в перечислении – после горожан и бояр и перед «пасынками», под которыми надо понимать либо неопытную и небогатую молодёжь, либо, скорее, слуг тех же бояр или богатых горожан¹⁸⁹. «Гридьба», таким образом, была известна и в северо-восточных землях домонгольской Руси.

Последние по времени упоминания слов *гридь/гридьба* можно, видимо, связывать с концом и самого института. Эти упоминания – летописное известие о гридьбе в Русе (1234 г.) и граффити в Софийском соборе Новгорода, датируемое по внешним признакам концом XII – первой половиной XIII в. В надписи на стене храма «гридьба» фигурирует в поговорке или считалке в характерном контексте: «пиро(ге въ) пе-

¹⁸⁶ НПЛ 1950, с. 32-33; ПСРЛ. Т. 2, стл. 537.

¹⁸⁷ НПЛ 1950, с. 42, 234.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 1, стл. 380.

¹⁸⁹ В источниках это единственное упоминание пасынков, и о них нельзя ничего сказать, кроме того, что этимология указывает на их относительно второстепенное и подчинённое положение (подобно отрокам, детским, детям боярским и т. п.). В XIX в. их рассматривали как боярских слуг, ср.: *Загоскин Н. [П.]* Очерки организации и происхождения служилого сословия в до-петровской России. Казань, 1875, с. 57. Свердлов и Горский называют их «княжескими младшими дружинниками» (*Свердлов М. Б.* Генезис и структура..., с. 206; *Горский А. А.* Ук. соч., с. 56).

чи, гридьба въ корабли...»¹⁹⁰. Из образного ряда ясно вырисовывается военный или даже точнее – солдатский характер этой группы.

Показательно, что в известиях начального летописания о пирах Владимира и сборе дани Ярославом в Новгороде ряд летописей, имеющих в составе ПВЛ, заменяют слово *гридь* на другие. РадзЛ и МосАкЛ последовательно дают и в том, и в том другом известии вместо «гридем» – «людемъ»¹⁹¹. Хлебниковский и Погодинский списки ИпатЛ в первом известии просто опускают гридей в перечислении тех, кого звал на пиры Владимир, а во втором известии все списки ИпатЛ дают вместо фразы «а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху» – «а тысячу Новѣгородѣ гривень раздаваху», заменяя «гридей» на «гривны»¹⁹². Совершенно очевидно, что переписчики XV–XVI вв. просто уже не понимали, кто такие были гриди.

§ 3. Выводы

Таким образом, одна группа в слоях древнерусского общества XI в., имевших особое военно-политическое значение, определяется во вполне ясных и выпуклых чертах. Это был корпус профессиональных воинов, которых содержали правители прямыми денежными выплатами и которые насчитывали сотни и даже, возможно, тысячи людей.

Эти воины могли обозначаться словом, которым в Древней Руси обозначали вообще любых слуг – *отрок*, но употреблялся и более специальный термин, обозначавший именно княжеских военных слуг, – *гридь*. Этот термин был заимствован из древнескандинавского языка, видимо, на том этапе, когда дружины князей ещё только начали выделяться в ряду прочих дружин богатых и авторитетных людей (разного рода *great men*). Как показывает значение самого слова («домашние слуги»), тогда это всё были скорее архаические «домашние» дружины. Лишь со временем – возможно, если иметь в виду сообщение ибн Фадлана, к началу X в. – группы княжеских военных слуг на Руси (вероятно, речь шла вообще только о киевских князьях) разрастаются в многочисленные контингенты, и слово *гридь* становится *terminus technicus* для их обозначения. Этим воинов князья содержали на жалованье и заботились об их правовой защите.

Выявить эту группу и понять её социально-политическое значение помогает идея Ф. Грауса о «большой дружине» как определённой стадии в развитии института дружины. Как выяснилось из пересмотра данных, на которые обращал внимание сам Граус, а также из сравнения этих данных с другими свидетельствами из раннесредневековой Европы, его идея вполне оправдана, хотя и нуждается в одной существенной поправке.

¹⁹⁰ Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI–XIV века. М., 1978, с. 148.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 126, 130, варианты; т. 38, с. 56, 58.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 2, стл. 111, 114.

Чешский историк понимал под «большой дружиной» объединение вообще всей знати или политической элиты. Между тем, правильнее было бы говорить о контингентах военных слуг в распоряжении правителя *о т д е л ь н о* от знати и тех дружин и клиентел, которыми располагали её представители. В этом смысле был прав Х. Ловмянский, который последовательно различал на всех этапах общественно-политического развития «дружинные» отношения и отношения между правителем и знатью. Во всяком случае, на Руси княжеские отроки-гриды всегда упоминаются источниками отдельно от знати (бояр) и других элитных групп. Однако Граус и учёные, которые развили его идеи, были правы в выделении двух главных критериев «большой дружины» – многочисленность и задействованность в механизмы даннической (трибутарной) эксплуатации.

Образование сравнительно многочисленного военного корпуса в прямом подчинении правителя руси (киевского князя) можно относить к X в. С полноценным функционированием этого института надо, по всей видимости, связывать завоевательные походы киевских князей Игоря, Святослава Игоревича, Владимира Святославича и его сына Ярослава и тот факт, что каждому из них удавалось удерживать под своей властью весьма обширные области на территории Восточной Европы, разраставшиеся вплоть до правления Ярослава.

Правление этих князей совпадает со временем, когда фиксируются следы «большой дружины» и в других полициях «варварской Европы» «второй волны» (явственное в Польше и в Дании/Англии, с некой степенью предположительности в Чехии и Венгрии), то есть периодом приблизительно с середины X до середины XI в. Это совпадение надо рассматривать как закономерность и связывать его с тем, что все эти полиции переживали один и тот же этап становления – период, когда мотором и в то же время главной формой государственности был поиск и сбор/захват добычи и дани, а отношения между центром и подчинёнными территориями складывались прежде всего как трибутарные. Разумеется, каждое из этих раннегосударственных образований имело своеобразные черты и судьба каждого из них складывалась по-разному, но в определённый момент и в определённом отношении их структуры обнаруживают явные аналогии.

В самой Скандинавии, откуда было заимствовано слово *гридь*, военные слуги правителя и назывались иначе, и, если не считать «империи» Кнуда Великого, не достигли такой численности и такого значения, чтобы их можно было назвать «большими дружинами» в том специальном смысле, который вкладывал в это выражение Граус. Слово *húskarl*, которыми обозначались в Англии воины Кнуда, наверняка, звучало в речи тех скандинавов, которые оказывались или жили в Восточной Европе ¹⁹³. Трудно сказать, почему для обозначения княжеской дружины было заимствовано в

¹⁹³ Ср., например, упоминание хускарлов в рунической надписи на камне первой половины XI в. в память о павшем на Руси: Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации: тексты, перевод, комментарий. М., 2001, с. 312.

древнерусский язык не оно, а слово *grīð*. Возможно, потому, что *húskarl* вошло в употребление позже, чем *grīð*. Возможно, дело в том, что для *húskarl* в славянских языках было более точное соответствие – *отрок*.

На Руси кризис «трибутарной системы» не был столь ярко выражен, как, например, в Англии или Чехии, в частности, видимо, потому, что размеры и ресурсы «империи Рюриковичей» были сравнительно больше и процесс «окняжения» слабо освоенных территорий продолжался и в XI в., и позднее. Киевские князья могли содержать сравнительно многочисленные корпуса собственных военных слуг вплоть до конца XI в. Причиной падения значения этих корпусов были, видимо, не столько исчерпание «сверхдоходов» (хотя с прекращением походов на Византию и изменениями в торговых путях и конъюнктуре эти доходы должны были понизиться), сколько подъём могущества знати (боярства) и рост локальных центров производства и перераспределения ресурсов. Именно в столкновении со знатью обозначается кризис этих княжеских корпусов, как показывает сопоставительный анализ статьи ПВЛ под 6601 (1093) г. и «Предисловия» к НС – текстов, принадлежащих одной руке и одному кругу идей.

Несмотря на эту задержку в распаде «трибутарной системы» развитие древнерусских земель-княжеств в домонгольский период шло, похоже, в целом по путям близким к тем, которые предполагаются «среднеевропейской моделью». В литературе уже обращалось внимание на аналогии между центральноевропейскими странами (Польшей, Чехией, Венгрией) и Русью в некоторых существенных элементах этой модели – например, в так называемой «служебной организации»¹⁹⁴. Но процесс повышения военно-политического значения знати, вытесняющей «большую дружину», был тоже общим для государств этих стран и Руси. Древнерусские материалы ярко обнаруживают эту общность и даже позволяют существенно уточнить детали этого процесса по сравнению с тем, как его представляют обычно чешские и польские историки.

Сначала на примере венгерских «*iobagiones castri*», а затем прослеживая эволюцию древнерусского термина *гридь*, я пытался показать, что «большая дружина» не исчезла полностью и бесследно с прекращением грабительских походов и внешних завоеваний, а трансформировалась и в преобразованном виде продолжала существовать какое-то время рядом с теми элементами, которые составляют «среднеевропейскую модель». Её наследниками в XII – первой половине XIII в. можно, вероятно, в каком-то смысле считать немногочисленные (в несколько десятков человек) объединения военных слуг в непосредственном окружении правителя, но главный её «осколок» – это гарнизоны (по отдельности тоже, видимо, немногочисленные), размещённые в укрепленных пунктах для защиты подвластной территории. Содержались эти

¹⁹⁴ См.: Флоря Б. Н. «Служебная организация» и её роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // ОИ. 1992. № 2, с. 56-74. См. в главе II, § 2 перечисление главных черт «среднеевропейской» (или «центральноевропейской») модели.

объединения уже не только и даже, вероятно, не столько за счёт денежного жалования, сколько благодаря продуктам и услугам «служебной организации» и земельным дачам. Они составляли некоторый противовес знати, но всё-таки в военном отношении имели более или менее второстепенное значение, что хорошо выражено их обозначением в чешских источниках – *milites secundi ordinis* («военные второго разряда»). После середины XIII в. эти воины как в странах центрально-восточной Европы, так и, видимо, на Руси вливаются в низшие слои знати.

* * *

В порядке гипотезы, требующей ещё проверки, можно выдвинуть предположение, что и исчезновение «гридьбы» не было концом «большой дружины» в русской истории или, по крайней мере, не была забыта сама система, когда правитель резко выделял в военном и политическом отношениях корпус военных слуг, существующих за его счёт и лично ему подчинённых. Такое предположение возникает, если задуматься над сутью того, что представляла собой знаменитая опричнина Ивана Грозного. Согласно списку царского «двора» 1573 г., исследованному Д. Н. Альшицем, «дворовое» (опричное) войско состояло из 654 человек – это были собственно воины, состоявшие на жалованье (от обычных пяти до, в исключительных случаях, пятидесяти рублей в год). Кроме них, в состав «дворовых» Ивана входили 1200 человек «специалистов» и «обслуживающего персонала», распределённых по четырём приказам – Бронному, Конюшенному, Сытному и Постельному, которые должны были обеспечить воинам, соответственно, вооружение, коней, продовольствие и проживание¹⁹⁵. И количество людей, задействованных в опричной «дружине» Ивана Грозного, и система их содержания, и даже размер окладов (ср. 5 гривен и 5 рублей) – всё это обнаруживает просто поразительные параллели с древней «большой дружиной», дополненной «служебной организацией». На этом фоне тот хорошо известный факт, что в опричнину были взяты высокодоходные города и области и в первую очередь места разработки соли (в частности, та же Старая Русса), служит уже лишь дополнительным штрихом к общей картине совпадений. В сущности, речь идёт о наиболее простом и доступном для правителя способе усиления своей власти – взять на своё обеспечение воинов, которые служат послушным инструментом осуществления его воли. Но достойно всяческого внимания и удивления, что в Московском государстве второй половины XVI в. этот механизм функционирует в формах, детально соответствующих тем, какие фиксируются источниками X–XIII вв.

¹⁹⁵ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. М., 1988, с. 187-190.

ГЛАВА V. ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАТИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

«Большая дружина» (или её части и «осколки») была важным элементом элиты древнерусского общества, но не единственным и даже не важнейшим. Это были люди подчинённые князю и напрямую зависимые от него; они были его наиболее послушным и надёжным инструментом власти. Однако, власть средневековых правителей никогда не была и не могла быть абсолютной. И той силой, с которой им приходилось считаться прежде всего, была знать. Как можно было заметить из уже разобранных выше данных, на Руси знать постоянно присутствует в непосредственной близости правителя (князя). Если «большая дружина» распадается и трансформируется, то могущество знати, напротив, на протяжении всего домонгольского периода только усиливается. В этом согласны практически все исследователи древнерусской истории при всех различиях в оценках роли и социального облика древнерусской элиты.

Вне всякого сомнения, знать и княжеские военные слуги постоянно находились во взаимодействии, а может быть, даже и взаимопроникновении. В источниках как будто удаётся разглядеть отражение некоего противостояния между ними (критика людей на княжеском жалованье составителем НС), но судя по всему, это противостояние приходится – не случайным образом, естественно, – только на момент кризиса и распада «большой дружины». Но знать взаимодействовала и с другими социальными группами.

Задача нижеследующего исследования – понять, кто собственно составлял знать как социальный слой или класс на разных этапах развития древнерусского общества и в какой связи её представители находились с другими общественными элементами. Разные суждения, существующие по этой проблеме в историографии, обусловлены во многом разным пониманием слова *бо(л)ярин*, смысл которого ясен и бесспорен только для относительно более позднего времени, то есть с XII в. ('представитель высшего слоя древнерусского общества'), но не для X–XI вв. Путеводной нитью дальнейшего исследования, как и в случаях с дружиной и гридью, будут упоминания этого слова.

В то же время это исследование выходит далеко за рамки терминологического анализа. Например, невозможно обойти вниманием такую активно обсуждавшуюся в историографии проблему, как соотношение «дружинной» и «земской» знати. Встаёт важнейший вопрос, что именно сообщало человеку статус знатного, то есть какие факторы и критерии выделяли «сливки общества» из остальной массы людей – богатство, землевладение, юридический статус, исполнение функций публичных суда и управления и т. д. Ключевым фактором социального разграничения были юридические привилегии – обладала ли ими знать Древнерусского государства?

В источниках, относящихся ко времени до начала XII в., данные о представителях знати скуднее и менее определённы, и простор для исторических гипотез и по-

строений открывается значительно больший, чем относительно более позднего времени. Интерпретация этих данных сильнее зависит от общих представлений или концепций тех или иных авторов. Дело осложняется тем, что бояре упоминаются лишь мельком в главном законодательном памятнике Древней Руси – «Русской Правде» (и только в более поздней «Пространной редакции») – и судить о содержании соответствующего слова приходится по литературным памятникам. При этом именно в древнейший период слово *бо(л)ярин* было далеко не единственным обозначением людей, выдающихся в социальном, политическом или экономическом плане, и его соотношение с этими обозначениями, а значит, и с той реальностью, которая за ними стояла, может оцениваться очень по-разному.

§ 1. Слово *бо(л)ярин*

О слове *бо(л)ярин* много писалось в литературе по древнерусской истории. Ещё к началу XX в. среди историков сложился консенсус, что в источниках с начала XII в. и приблизительно до XV в. оно обозначало «лучших людей древнерусского общества», по выражению М. А. Дьяконова, и что оно не было придворным или служебным чином или званием, которое жаловалось князьями¹. Этот консенсус, в общем, сохраняется и сегодня². Однако, «лучшие люди» – это понятие весьма широкое и неопределённое. В каком смысле «лучшие»? – сразу задают вопрос историки, но в попытках ответить на него они приходят к самым разным и весьма противоречивым суждениям.

Если оставить пока в стороне исторические интерпретации и обратиться к историко-терминологическим исследованиям, предпринятым в последние десятилетия, увидим в них две позиции.

Одни исследователи считают, что за словом *бо(л)ярин* не скрывался какой-то определённый социальный слой. Эту точку зрения сформулировала С. В. Завадская, которая трактовала слово как «книжное», «собирающее» и не связанное «до начала XII в. с обозначением представителей конкретных общественных групп»³. Так же пишет М. Б. Свердлов: это слово «не указывает на конкретную по статусу социальную группу». По его мнению, в XI – начале XII в. «понятие *бояре* – ‘люди знатные и богатые’ имело лишь широкое значение и ещё не стало названием высшего сословия»⁴. Т. Л. Вилкул поддержала мнение «о полисемантической слова “бояре”» со ссылкой на работу Завадской, но её собственная позиция не вполне ясна. Тут же Вилкул признаёт, что, «как правило», в летописных текстах домонгольского периода под бояра-

¹ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005 (1-е изд.: 1907 г.), с. 73. Ср.: Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. М., 2007, с. 403.

² Ср., например: Назаров В. Д. Бояре // БРЭ. Т. 4. М., 2004, с. 112-113.

³ Завадская С. В. «Болярин»–«боярин» в древнерусских письменных источниках // ДГ: 1985 год. М., 1986, с. 93-94.

⁴ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003, с. 149, 162, 416; Свердлов М. Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории. Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006, с. 32.

ми «подразумевались “мужи” князя или же наиболее значительные из этих людей»⁵. Но в конце концов историк заключает, что употребление слова в этих текстах определяли «книжные образцы, множественность значений и размытость терминологии»⁶. Фактически близка этой позиции точка зрения И. Я. Фроянова, который тоже не считает бояр особым социальным слоем. По его мнению, бояре были лишь «общинными лидерами»⁷. Правда, он отталкивается не столько от терминологического анализа, сколько от определённых концептуальных установок.

Другую позицию наиболее последовательно отстаивает А. А. Горский. Бояр он определяет как «верхушку дружины», а боярина как «члена наиболее привилегированного слоя дружины». Бояре – это «обозначение служилой знати», «верхний слой служилой знати, членов “старейшей дружины”»⁸. Для историка важнее всего доказать связь бояр с «дружиной» и отсутствие в Древней Руси какой-либо иной знати помимо той, которая служила князьям Рюриковичам. Он спорит с мнением, сложившимся в XIX в., что в боярах надо видеть «лучших людей» «земли»/«земства» или «местную знать» (ср. в главе I).

Не оценивая пока эти суждения по их сути, отмечу только, что в первом приближении аргументация Горского выглядит предпочтительнее. Прежде всего, Горский совершенно прав в том, что бояре никогда не выступали с определениями, подразумевающими какое-либо их «земское» или «общинное» происхождение или значение. Выражение «земские бояре», распространённое в историографии XIX–XX вв., встречается лишь однажды в источниках эпохи средневековья – в одной статье НЛМ середины XIV в. для обозначения финской знати⁹. Критикуя выводы Завадской, Горский совершенно справедливо заметил, что она оставила без объяснения принципиально важные свидетельства договоров руси и греков 911, 944 и 971 гг., а также указал на упущения в её подборке упоминаний слова в летописи¹⁰. Также нельзя не согласиться с историком в том, что в начальном летописании бояре выступают как люди повышенного социального статуса и преимущественно в той или иной связи с властью и государством, которую символизировал правитель. Это очевидно любому непредвзятому читателю ПВЛ.

Однако, и в рассуждениях Горского явно прослеживается некоторая односторонность, связанная с акцентом, который он делает на «дружинной» принадлежности

⁵ Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009, с. 89.

⁶ Там же, с. 89, 99.

⁷ См., например: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 79–84; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988, с. 150–154.

⁸ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989, с. 48; Горский А. А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004, с. 106; Горский А. А. Древнерусская дружинная терминология в свете международных связей Руси // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Матеріали міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів—Шестовиця, 20–23 липня 2006 р.). Чернігів, 2006, с. 54.

⁹ НПЛ 1950, с. 357. Ср.: Горский А. А. Русь: от славянского Расселения..., с. 109.

¹⁰ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 100, прим. 18; Горский А. А. Древнерусская дружинная терминология..., с. 54.

бояр. Что собственно значит «служилая знать»? Историк нигде этого не разъясняет. Можно ли придавать решающее значение тому факту, что бояре иногда (и далеко не всегда и везде) упоминаются в летописи в числе «дружины»? В этом есть основания усомниться. Так, в переводной литературе, бытовавшей в Древней Руси (в том переводе, выполненных собственно на Руси) есть масса примеров, где слово *бо(л)ярин* используется фактически как синоним слова *вельможа* и применяется для обозначения всякого рода сановников в окружении самых разных легендарных и исторических правителей без связи с военной службой и тем более какой-либо «дружиной». Некоторые из этих примеров привела Завадская и логично поставила под сомнение тезис, что это само это слово всегда подразумевало военно-служебные отношения¹¹.

Очевидно, суждения, существующие в современной литературе, требуют уточнений. Эти уточнения следует начать с небольшого экскурса о ранней истории слова *бо(л)ярин* не только в древнерусских, но и в других славянских памятниках. Этот экскурс также прояснит тот фон, на котором надо рассматривать упоминания бояр в русско-византийских договорах. А они ключевые для оценки того, кто составлял элиту Древнерусского государства на самых ранних этапах, и на этом далее будет сделан особый акцент.

Этимология слова *бо(л)ярин* (известного в древнейших формах **богаринъ**, **болгаринъ** или **болѣринъ**) остаётся неясной. Долгое время предпочтительным считалось тюркское происхождение слова, хотя по поводу того, какое именно, единого мнения нет¹². Относительно недавно были предложены скандинавская этимология (малоубедительная)¹³ и тунгусо-маньчжурская (с интересными доводами и соображениями)¹⁴.

Разные мнения высказывались и по поводу того, когда и в какой славянский язык произошло заимствование. Большинство лингвистов указывают на древнеболгарский язык как источник распространения слова в славянских языках, поскольку древнейшие памятники, где оно упоминается, именно болгарские, и только позднее слово появляется на Руси и в Сербии, имевших, как известно, разнообразные историко-культурные связи с Болгарией (из всех славянских языков это слово прочно вошло только в сербохорватский и древнерусский; заимствование слова из русского в литовский и из болгарского в румынский языки произошло уже в позднее средневековье).

¹¹ Завадская С. В. Термин «болярин» в переводных памятниках древнерусского периода // ВЕДС. Чтения VIII: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996, с. 30.

¹² Ср. с указанием литературы: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырёх томах. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачёва. Т. 1. М., 2007, с. 203; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 210-218; Татаринцев Б. И. Тюркский титул *bujla* (К вопросу об этимологии) // Этимология. 1991–1993. М., 1994, с. 166–171.

¹³ Клейнер Ю. А. Боярин: барин – дворянин // ВЕДС. Чтения XIX: политические институты и верховная власть. М., 2007, с. 106-107.

¹⁴ Хелимский Е. [А.] Язык(и) аваров: тунгусо-маньчжурский аспект // *Studia in Honorem Stanislai Stachowski Dicata* (= *Folia Orientalia XXXVI*). Kraków, 2000, s. 144-145. Автор считает, что носители какого-то из тунгусо-маньчжурских языков были в составе Аварского каганата, и от них слово заимствовали славяне.

Высказывалась мысль, что двойственность форм **богаринъ** и **болгаринъ** (**болѣринъ**) происходит от того, что заимствовались разные слова при разных обстоятельствах. А. С. Львов предположил, что слово в форме **богаринъ** было заимствовано восточными славянами и попало в Болгарию из Руси только «не ранее конца X в.» («видоизменившись» в **болѣринъ**). А. А. Горский, развивая эту точку зрения, подыскивает вероятную историческую ситуацию, когда произошло это последнее заимствование – от русских к болгарам, – и находит её в походах Святослава в Болгарию¹⁵.

Последняя точка зрения в любом случае не может быть признана верной. Авторы, придерживающиеся её, опираются на тот факт, что древнейшие болгарские рукописи – Супрасльская рукопись и Енинский апостол (в которых упоминается слово *бо(л)ярин*) – датируются XI в. Однако, датировка рукописей, в которых зафиксирована та или иная лексема, не может служить однозначным показателем того, когда слово появилось в языке. Ясно, что создание текстов, сохранившихся в этих рукописях, может восходить к значительно более раннему времени, чем создание рукописи, и отражать, соответственно, более раннюю языковую ситуацию. Именно это в полной мере применимо, например, к Супрасльской рукописи, о которой речь шла выше (в главе III, § 1.2) в связи со словом *дружина*¹⁶. Можно было бы ещё размышлять о разных вариантах, если бы речь шла только об одном памятнике или тексте. Но ведь слово *бо(л)ярин* сравнительно широко употребляется в многочисленных рукописях и текстах древнего происхождения. Причём, что весьма показательно для истории слова, среди этих текстов есть не только собственно болгарского происхождения, но и такие, которые можно возвести к более древнему «кириилло-мефодиевскому» этапу развития старо- или церковнославянского языка. Например, слово упоминается несколько раз в паримийных чтениях, которые специалисты возводят к переводческой деятельности либо самих славянских первоапостолов, либо их непосредственных учеников¹⁷.

Как уже отмечалось во главе III (§ 1.1), вероятно, к первоначальному тексту Паримийника восходит чтение «с(е)рдце фараоново и болѣрь его» в отрывках из Исхода, гл. XIV, стихи 5 и 8¹⁸. В греческом оригинале словам «и болѣрь его» соответствует *καὶ τῶν θεράπωντων* («и слуг»). В чтениях из Книги пророка Ионы (гл. III, стих 7) речь идёт о проповеди пророка в Ниневии, и говорится, что под её воздействием от

¹⁵ *Львов А. С.* Ук. соч., с. 217-218; *Горский А. А.* Древнерусская дружина, с. 41; *Горский А. А.* Древнерусская дружинная терминология..., с. 54–55.

¹⁶ Свидетельство Енинского апостола не так однозначно. Единственное упоминание «боляр» там происходит из текста, создание которого надо скорее связывать именно с Болгарией: *Мирчев К., Кодов Хр.* Енински Апостол. Старобългарски паметник от XI в. София, 1965, с. 89 (л. 21об.). Другое дело, что вполне возможно, что текст был создан не в XI в., а в X в. Пока не выяснено происхождение этого текста, нельзя на его основе утверждать что-либо о происхождении термина «болярин».

¹⁷ *Пичхадзе А. А.* К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991, с. 147–148; *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999, с. 152 и след.

¹⁸ *Пичхадзе А. А.* Книга Исход с древнеславянском паримейнике // Учёные записки Российского православного университета св. ап. Иоанна Богослова. Т. 4. М., 1998, с. 47-48. По Лобковскому паримийнику.

имени царя и его вельмож был объявлен пост по всей стране. Григоровичев паримейник сообщает об этом так: «и пропеда ся, и реч(е)но быс(ть) въ Невги от ц(еса)рѣ и от болѣрь его гл(агол)ящъ...»¹⁹. Р. Златанова, которая предприняла реконструкцию первоначальной редакции перевода Книги Ионы на основе не только болгарских и русских списков Паримейника, но и хорватских глаголических в бревиариях, принимает этот вариант как первичный²⁰. «От болѣрь» передаёт греческое *παρὰ τῶν μεγίστων* (*μεγίστωνες* – ‘великие (люди), вельможи’).

Если оставаться на почве тюркско-алтайской этимологии и связывать заимствование с древнеболгарским языком, то появление слова в текстах кирилло-мефодиевского круга надо объяснять как свидетельство диалектной гетерогенности в среде учеников славянских первоапостолов. По словам А. А. Алексеева, который отмечает «лексические болгаризмы» в мефодиевских переводах, присутствие «известных языковых различий в переводе столь большого корпуса библейских текстов» «оправдано сообщением Жития Мефодия о “попах-скорописцах”, которые оказывали ему помощь в переводе. Не исключено, что часть перевода была выполнена ими... под надзором или редакцией Мефодия»²¹. Впрочем, нельзя, конечно, не учитывать и случайных правки или ошибок в происхождении тех или иных чтений. Для меня важнее всего отметить смысл слова. В Паримийнике боярин – вельможа, приближённый верховного правителя.

К текстам кирилло-мефодиевского круга примыкают произведения Климента Охридского. Творчество этого писателя приходится на перелом в развитии церковнославянского языка, продолжая великоморавские традиции, но и связывая их с болгарской книжностью. Двойственным образом можно трактовать появление у него слова *бо(л)ярин* – или как кирилло-мефодиевское наследство, или как болгаризм. Оставляя решение в пользу той или иной трактовки лингвистам, укажу на два известных мне упоминания в двух проповедях, связываемых с именем Климента.

¹⁹ Рибарова З., Хауптова З. Григоровичев паримейник. Скопје, 1998, с. 331 (л. 83).

²⁰ Златанова Р. Книгата на пророк Йона и реконструкцията на първоначалния ѝ пълен превод // Мидиевистика и културна антропология. София, 1998, с. 499. Это чтение проникло в другой перевод Книги пророка Ионы, который содержится в толковой редакции – так называемые Книги XII малых пророков. Толковый перевод считается древнеболгарским, выполненным во время расцвета Преславской книжной школы при царе Симеоне (Алексеев А. А. Текстология..., с. 163 и след.). В древнейшей рукописи толковых пророчеств (болгарская XIV в.) также читается «от болѣрь его» (Златанова Р. Книга на дванадесетте пророци с тълкования. София, 1998, с. 187). Однако, любопытно, что толковые пророчества в более поздних русских рукописях (трёх конца XV в.) дают другой вариант: «от дръговъ» или в одной рукописи «от дръговъ» (Книги XII малых пророков с токованиями в древнеславянском переводе. Подготовил Н. Л. Туницкий. Вып. I: Книги Осии, Иоила, Амоса, Авдия и Ионы. Сергиев Посад, 1918, с. 74, ср. во «Введении» с. III). Эти чтения нельзя объяснить как замену первоначального «от болеръ», произведённую русскими переписчиками – на русской почве «бояре» были, конечно, значительно более естественны. Очевидно, мы сталкиваемся здесь снова с загадочным словом *дрьгъ/држгъ*, о котором речь шла в главе III, § 1.1. Выходит, таким образом, что во всех (трёх) случаях, когда в первоначальном тексте паримийника читалось слово *болѣринъ*, оно в некоей позднейшей редакции (вероятно, болгарской) заменялось на *дрьгъ/држгъ*.

²¹ Алексеев А. А. Текстология..., с. 159.

«Слово похвальное на память пророка Захария и на рождество Иоанна Крестителя» принадлежит к числу тех сочинений, которые атрибутируются Клименту практически бесспорно, так как его авторство указано в самом тексте, дошедшем до нас в одной редакции в более чем двадцати списках (самый ранний XIV в.). В конце его автор, призывая слушателей (читателей) отвергнуть «несытьство», напоминает о тленности материальных ценностей: «мнози бо ц(еса)ри и боляре въ б(о)гательствѣ поживъше без вѣры, безъ успѣха умроша и муцѣ вѣчнѣи и повинни ся сътворше погыбу»²². Подозревать здесь вставку нет никаких оснований.

Атрибуция Клименту анонимного «Слова на Рождество Христово», которое сохранилось в единственном списке в сербском Торжественнике XIV в., но содержит явственные мораво-чешские черты и архаизмы, более или менее предположительна²³. Слово *бо(л)ярин* используется здесь в пересказе или в цитате из какого-то апокрифического сказания о рождении Христа, аналогий которому пока не найдено, но ссылки на которое есть в древней славянской письменности²⁴. Согласно этому сказанию, император Август затеял перепись населения (во время которой родился Иисус; см. Лк. II, 1-2) для того, чтобы найти свою дочь, скрывшуюся от него. Решение о переписи он принял после совета с приближёнными, о котором в «Слове» сообщается так: «Августъ же о всемъ томъ туже, събра все боляры свое и старце людьскыи мудрую чедь...»²⁵. Призыв на совещание бояр и старцев заставляет сразу вспомнить аналогичное сообщение о совете Владимира Святого по вопросу о выборе веры²⁶. Не берусь судить, связаны ли каким-то образом русская летопись и древнее поучение. Возможно, это лишь топос раннеславянской литературы, но возможно, и отражение реальности – древнего обычая знати и умудрённых опытом «народных» представителей собираться на совет. Так или иначе, из двух этих упоминаний мы получаем довольно показательный контекст употребления слова: в одном случае с цесарями, в другом – со «старцами людскими». Бояре – это знать, приближенная к правителю и в то же время не связанная с элитой, представляющей «людей».

В древнеболгарских памятниках слово *бо(л)ярин* (преимущественно в формах *болгаринъ* и *болѣринъ*) широко употребляется, в том числе в древнейших преслав-

²² *Климент Охридски*. Събрани съчинения. Т. 2. София, 1977, с. 219.

²³ Об авторстве Климента писал уже первый публикатор «Слова» А. Н. Попов: *Попов А. Н.* Библиографические материалы. № 20. Ч. VI // ЧОИДР. 1880. Кн. 3, с. 307–310. См. высказывания учёных о «Слове»: *Климент Охридски*. Ук. соч. Т. 2, с. 193–196; *Турилов А. А.* После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X – первой половине XIII в.) // *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2004, с. 155. «Слово похвальное на память пророка Захария» и «Слово на Рождество Христово» сближает не только употребление слова *бо(л)ярин*, но и использование одного источника – так называемого Первоевангелия Иакова (буквально совпадающие места в «Слове на Рождество» и «Первоевангелии» отмечены ещё Сперанским: *Сперанский М. Н.* Славянские апокрифические евангелия (общий обзор). М., 1895, с. 29). «Первоевангелие» используется и в других проповедях, приписываемых Клименту, ср.: *Климент Охридски*. Ук. соч. Т. 2, с. 196.

²⁴ *Попов А. Н.* Ук. соч., с. 242–244.

²⁵ *Климент Охридски*. Ук. соч. Т. 2, с. 183.

²⁶ Статья 6495 (987) г.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 106; НПЛ 1950, с. 148–150.

ских текстах. Например, в Изборнике 1073 г., копии рукописи царя Симеона, дважды упоминаются «боляры»²⁷. Это же слово известно «Шестодневу» Иоанна экзарха в очень характерном контексте – описании «князя двора»²⁸. Неоднократно о «болярах» говорит Косма пресвитер в «Беседе» против богомилов (памятник относится ко второй половине X в.)²⁹.

Как уже говорилось выше, несколько раз слово *бо(л)ярин* или его производные встречаются в текстах в составе Супрасльской рукописи: в Мучении Феодора, Константина, Феофила, Калиста, Васоя «и дружины ихъ» (часть 4-я рукописи), Житии Кондрата (7), Житии Исакия Далматского (16), Житии Дометия «и ученикъ его» (18), Житии Иоанна Молчаливого (25), Житии Анина (48). Все эти тексты – преславские, а жития Исакия, Иоанна и Анина (части 16, 25, 48), согласно наблюдениям Э. Благовой, особенно близки по языку произведениям Иоанна Экзарха³⁰. Греческие параллели есть ко всем текстам, кроме Жития Анина (его греческий оригинал неизвестен):

Мучение Феодора и прочих³¹:

некий сарацинский «князь» (называемый далее и «цесарь») христиан «въ роботу даяше своимъ болѣромъ» – ἐαυτοῦ μεγιστάνων;

он же «повелѣ» некому «отъ болѣръ своихъ» – τῶν αὐτοῦ μεγιστάνων;

он же обещает: «сътворю тя одного отъ болѣръ своихъ» – τῶν μεγιστάνων μου;

«болѣре срациньсти рѣшя къ цѣсару» своему – οἱ τὰ πρῶτα φέροντες τῶν Σαρακηνῶν.

Житие Кондрата³²:

мученик обращается к римскому наместнику: «казнь ц(еса)рьску и болѣрьску въскорѣ съкончай о мьнѣ» – το δόγμα τῶν βασιλέων καὶ τῆς συγκλήτου;

он же говорит: «заповѣди кесаровѣ и болѣрьстѣ не повину ся» – τῷ δόγματι τοῦ καίσαρος καὶ τῆς συγκλήτου.

Житие Исакия³³:

византийский император «призъва два болѣрина» – δύο τῶν μεγιστάνων αὐτοῦ;

далее о тех же двух «болѣринахъ» – οἱ δε ἐνδοξότατοι ἄνδρες;

на епископскую должность назначили «мужа именита и доброговѣина кротъка образомъ отъ болѣрьска рода сушта» – συγκλητικοῦ αἵματος.

²⁷ См. в словнике: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 2. София, 1993.

²⁸ Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция. Подготовила Г. С. Баранкова. М., 1998, с. 471 (л. 207об.). Здесь – **болары**. В более древнем сербском списке (1263 г.) слово передано как **волѣры** (там же. С. 31).

²⁹ Бегунов Ю. К. Козьма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, с. 342 и др.

³⁰ Благова Э. Лексика Супрасльской рукописи и лексика Иоанна Экзарха // Проувания върху Супрасльския сборник, старобългарски паметник от X век. Доклады и разисквания пред Първи международен симпозиум за Супрасльския сборник, 28–30 септември 1977, Шумен. София, 1980, с. 121–122, 124–125.

³¹ Супрасльски или Ретков сборник. Т. 1. София, 1982, с. 58, 61, 66.

³² Там же, с. 101, 104.

³³ Там же, с. 195, 198, 202.

Житие Дометия³⁴:

цитируется указ Юлиана Отступника с осуждением христиан: «цѣсару убо на крѣстьяны гнѣваюшту ся и боляромъ и княземъ» – βασιλέως ὀργιζομένου συγκλήτου καὶ ἡγεμόνων.

Житие Иоанна³⁵:

некий человек имел уважение «оть вьсего ныня болѣрьска съвѣта» – παρὰ πάση νῦν τῆ συγκλήτῳ βουλῆ.

Таким образом, из всех 11 случаев 5 раз слово *болярин/болѣрин* (или его производные) переводит греческое *σύγκλητος*, а в 4 случаях, как в паримейном чтении из пророчеств Ионы, – *μεγιστῶνες*. Из всех славяно-греческих соответствий и из смысла контекстов ясно, что обозначение *боляре* относилось к могущественным и знатым людям, особенно и прежде всего таким, которые состояли в ближайшем окружении правителя и были его советниками (ἡ σύγκλητος βουλή – это, собственно, римский/византийский Сенат). Устойчивость соответствия *боляре* – *σύγκλητος*, а может быть, акцент в значении на приближенность к правителю, привели к тому, что в одном случае «боляре» оказались выше статусом «князей». Такую неожиданную для историка Древней Руси иерархию видим в пересказе указа Юлиана в Житии Дометия (в оригинале имелись в виду, соответственно, Сенат и провинциальные наместники). Отметим обозначение «свои бояре» применительно не только к римской знати императора Августа (у Климента), но и к вельможам «сарацинского царя» – оказывается, нет ничего исключительного и специфического в таком применении слова для древнерусского летописания.

Для полноты картины распространения слова *бо(л)ярин* в древнейшей церковнославянской письменности стоит отметить, что оно несколько раз упоминается в двух памятниках древнечешской литературы XI в. – во «Втором старославянском Житии св. Вячеслава» («Легенде Никольского») и «Беседах на Евангелие» Григория Двоеслова. Об этих памятниках уже шла речь выше (глава III, § 1.3), отмечалась как наиболее вероятная их принадлежность переводческой школе Сазавского монастыря и указывалось, что появление как слова «дружина», так и слова *бо(л)ярин* в этих текстах надо объяснять заимствованием из церковнославянской литературы, распространённой на Руси и в Болгарии.

Во 2-м Житии Вячеслава, которое, напомним, представляет собой, в основном, перевод латинского жития пера мантуанского епископа Гумпольда, два из трёх раз употребления слова приходятся на куски текста, не имеющие параллели в латинском оригинале, а в одном случае переводят латинское «*milites*»³⁶. Во всех случаях речь идёт о знати в окружении Вячеслава. В «Беседах» по словоуказателю А. И. Соболев-

³⁴ Там же, с. 216.

³⁵ Там же, с. 281.

³⁶ *Никольский Н. [К.]* Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переводе. СПб., 1909, с. 18-19, 34-35, 44-45.

ского отмечаются два случая употребления слова *бо(л)ярин*. В одном из них слово переводит латинское «dives» ('богатый'), а в другом выражение «кто иже мѣсто боярства държит» соответствует латинскому «qui locum tenet» (речь идёт о должностных лицах)³⁷. Таким образом, боярин здесь выступает представителем элиты, которая отличается богатством и имеет непосредственное отношение к исправлению государственных должностей.

В сербохорватском языке слово *боярин* существует как обозначение члена высшего слоя или сословия общества, знатного и богатого человека. В таком общем значении слово употреблялось в Сербии, Зете и Боснии в XII–XV вв., но преимущественно в неофициальной письменности. Причины его полного исчезновения из официальной документации Сербского государства с середины XIII в. Е. П. Наумов видел в конфликте Сербии с Болгарским царством, разразившемся в это время (что косвенно может свидетельствовать о происхождении слова или во всяком случае о том, как происхождение понимали в середине XIII в.)³⁸. Слово использовалось в сербской церковнославянской письменности конца XII–XIII в., но скорее как «книжно-литературное» понятие общего характера и параллельно с более точной и специфичной местной терминологией (властели, кнезы, воиники и пр.).

Таким образом, краткий обзор некоторых упоминаний слова *бо(л)ярин* в ранних памятниках славянской письменности приводит к двум выводам. Во-первых, слово, которое фиксируется в древнейших источниках по истории Руси, до попадания на древнерусскую почву было в употреблении среди южных славян. Нельзя судить о том, «книжным» было заимствование этого слова на Руси или устно-бытовым. Во всяком случае, если видеть источник заимствования (как наиболее естественный вариант) в древнеболгарском языке, то оба варианта вполне возможны – Русь и Болгарию связывали в IX–XI вв. самые разные контакты.

Во-вторых, уже в южнославянских текстах слово выступает во вполне определённом, хотя и довольно широком, значении, обозначая могущественного и богатого человека, высокое положение которого характеризуется не авторитетом, укоренённым в традиционной морали, не поддержкой местного общества и не одним только имущественным достатком, а исправлением «государственных» должностей и приобщённостью к власти. Греческие слова, которые оно чаще всего переводит – μέγιστος и σύγκλητος (и производные от него). Причём, если первое из них может

³⁷ Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na Evangelia v českocírkevněslovanském překladu. K vydání připravil V. Konzal. Díl II. Homilie XXV–XL. Praha, 2006, s. 842 (л. 196), 894 (л. 209об.).

³⁸ Наумов Е. П. К истории феодальной сословной терминологии Древней Руси и южнославянских стран // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья: Киевская Русь и её славянские соседи. М., 1972, с. 229–230. Ср. в сербском переводе «Прохирона», где *боярин* – один из вариантов перевода греческого ἄρχων (наряду с *кнезь* и *властель*): Бенеманский М. [И.] Ὁ ΠΡΟΧΗΡΟΣ ΝΟΜΟΣ императора Василия Македонянина («**Законы градскаго главы различны в четырёхдесятихъ гранѣхъ**» – **ММ-ага глава II-й части Печатной Кормчей**). Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Вып. 1. Сергиев Посад, 1906, с. 501–502.

также переводиться другими словами (*вельможа* и др.), то для второго альтернативы попадают крайне редко.

Стоит добавить, что в древнейших памятниках переводной письменности, возникших на Руси, для которых мы располагаем греческими оригиналами, такая манера перевода почти в точности сохраняется. Так, например, слово *болярин* дважды употребляется в «Изборнике» 1076 г., составитель которого – древнерусский книжник – «подвергал включаемые в сборник тексты стилистической и языковой правке, лишая их подчеркнутой монашеской ригористичности, русифицируя язык, вводя в текст отдельные слова и выражения, отражающие древнерусский быт»³⁹, и оба раза оно переводит греческое μέγιστος⁴⁰.

В переводе «Хроники Георгия Амартола», над которым трудились болгарские книжники на Руси, видимо, в середине – второй половине XI в. (возможно, вместе с переводчиками-носителями древнерусского языка)⁴¹, несколько десятков случаев употребления этого слова, и чаще всего оно переводит греческие слова ὄρχων и συνκλητικός. Несколько раз здесь фиксируется выражение «боярский чин» для перевода греческого σύνκλητος⁴². Едва ли, конечно, здесь слово *чин* можно понимать в позднейшем смысле социального ранга (чины Московского государства) – имеется в виду скорее должностной чин. Тем не менее, это выражение показательное – оно подразумевает, что высший правительственный уровень должностных лиц «зарезервирован» именно для бояр. По представлениям переводчика хроники состоять в высшем правительственном органе и решать государственные дела – это дело исключительно боярское, это право бояр и их обязанность.

Эти выводы подтверждают мысль, что слово *бо(л)ярин*, вне зависимости от его происхождения и попадания в древнерусский язык (как книжного или некнижного заимствования), обозначало на Руси знать – высший социальный слой. Именно это значение оно имело в старо- и церковнославянских текстах, созданных в разных славянских странах в X–XI вв. В то же время в этих текстах под боярами понимается знать не «родоплеменного» происхождения и не элита вообще, а люди, приобщённые к высшей политической власти (которую символизирует тот или иной правитель) и облечённые «должностными» полномочиями. В этом смысле справедливым является акцент А. А. Горского на том, что древнерусские бояре выступают в источниках вместе с князем носителями «государственного», властного, публичноправового начала.

³⁹ *Творогов О. В.* Изборник 1076 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI–первая половина XIV вв.). Л., 1987, с. 197.

⁴⁰ См. в словоуказателе к изданию: Изборник 1076 года. 2-е издание, переработанное и дополненное. Подготовили М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко. Под редакцией А. М. Молдована. Т. II. М., 2009, с. 103.

⁴¹ *Пичхадзе А. А.* О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2001. М., 2002, с. 244–248.

⁴² *Истрин В. М.* Книги временных и образных Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. III: Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Л., 1930, с. 210.

Вместе с тем, никакого специфического «дружинного» характера за словом *бо(л)ярин* в этих текстах не обнаруживается. Оно может переводить и латинское *miles* («воин, рыцарь»), и греческое *σύνκλητος*, которым в Византии обозначались представители родовой аристократии, занимавшей места в Сенате.

§ 2. Знать в договорах руси и греков X в.

Хотя договоры руси и греков X в. стоят в ряду не оригинальных древнерусских, а переводных памятников, но в этом ряду они занимают, конечно, выдающееся место по своему историческому значению. Договоры датируются 911, 944 и 971 гг.⁴³ и являются первостепенным источником по истории Руси в начальный её период. Их показания чрезвычайно важны для корректировки летописных данных, поскольку восходят ко времени существенно более раннему, чем составление летописи (даже если возводить древнейшие слои начального летописания к первой половине XI в.) и описывают непосредственно реалии древнерусского общества. Договоры являются юридическими документами и по сравнению с летописью представляют собой памятник иного рода и жанра.

По данным, содержащимся в договорах, о тех людях, которые представляли Русь в договорном процессе, – а здесь упоминаются и бояре, – мы можем составить представление о составе её правящей верхушки. Эти данные уже неоднократно исследовались (обзор истории вопроса следует ниже), однако, как представляется, в их интерпретацию можно внести дополнительные штрихи, которые заставляют во многом по-новому смотреть на древнейшую историю Руси и с меньшим доверием воспринимать сведения начального летописания.

В работе с договорами есть свои сложности, главным образом, источниковедческого плана. Но зато показания договора 944 г. – наиболее пространные и интересные в данном случае – можно сравнить с практически современными им свидетельствами о руси в произведениях византийского императора Константина Багрянородного, и получается, что источники независимые друг от друга и совершенно разного характера (актовые и нарративные) дают возможность «перекрёстной» проверки их данных об одном и том же явлении.

Договоры дошли до нас в составе ПВЛ. В разных летописных списках, отразивших ПВЛ в разных видах или редакциях, есть некоторые расхождения и в передаче текстов договоров. Однако эти расхождения касаются отдельных слов и выражений, иногда весьма существенных по смыслу и меняющих содержание той или иной фразы или отрывка, но всё-таки не отрезков текста настолько больших, чтобы можно было говорить о разных редакциях и применительно к договорам. В Н1Лм договоров нет, и это значит, что договоры попали в летопись на этапе пополнения и переработки НС в самом конце XI или в первые полтора-два десятилетия XII в.

⁴³ О датировке договоров см.: *Капитанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996, с. 54–57.

В настоящее время может считаться общепризнанным, что оригинал всех трёх договоров существовал на греческом языке и тот славянский текст, который мы видим в ПВЛ, является переводом с греческого. Об этом свидетельствуют многочисленные «грецизмы» в лексике и в синтаксисе. Относительно недавно Я. Малингуди, опираясь на сохранившиеся тексты договоров Византии с другими государствами (прежде всего, Венецией XII в.), предприняла попытку обратного перевода целых кусков текста на греческий язык⁴⁴.

Однако до сих пор непрояснённым остаётся вопрос, когда были выполнены переводы, сохранившиеся в летописи. Упоминание в договорах двух «харатей», на которых они писались, некоторые общие соображения и выводы наиболее серьёзной лингвистической работы, посвящённой их языку⁴⁵, склоняют к тому, что славянский вариант договоров составлялся сразу в момент их заключения или, по крайней мере, восходит к X в. Высказывались мнения, что переводы были сделаны позже на Руси – возможно, в XI в. и даже непосредственно перед включением их в ПВЛ в начале XII в.⁴⁶ Но с этой точкой зрения трудно согласовать сильные церковнославянские черты (при отсутствии очевидных «русизмов») в текстах договоров, различия в языке и стилистике, а также явные неловкости перевода, появление которых трудно ожидать при переводе всех документов за один раз и в то время, когда при дворе киевского князя (из чьей канцелярии, очевидно, договоры попали в летопись) работала сильная переводческая школа.

Нельзя считать решённым и вопрос о достоверности того текста, который в ПВЛ изложен в статье 6415 (907) г. в виде отдельного соглашения руси и греков (ещё одного – получается, четвёртого по счёту). А. А. Шахматов убедительно показал, что в основе этой статьи лежит летописный рассказ о походе Олега на Византию, читающийся в Н1Лм (=НС), но переделанный составителем ПВЛ в соответствии с его хронологическими выкладками и историческими представлениями. Серьёзными доводами он обосновал тезис, что составитель ПВЛ сам составил текст соглашения руси и

⁴⁴ См.: Малингуди Я. Русско-византийские связи в свете дипломатики. [Часть 1] // ВВ. Т. 56 (81) (1996), с. 68-91; [Часть 2] // ВВ. Т. 57 (82) (1997), с. 58-87 (перевод книги: *Malingoudi J. Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhs. aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994*); *Malingoudi J. Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhds. Aus rechtshistorischer Sicht. Ein erster Deutungsversuch* // BSl. Roč. 58 (1997), č. 2, s. 233-250; *Malingoudi J. Der rechthistorische Hintergrund einiger Verordnungen aus den russisch-byzantinischen Verträgen des 10. Jhds.* // BSl. Roč. 59 (1998), č. 2, s. 52-64. Работы Я. Малингуди представляют собой важнейший вклад в изучение договоров за последние десятилетия.

⁴⁵ *Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками* // *Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку*. М., 1960, с. 99-120 (1-е изд.: 1936 г.).

⁴⁶ *Истрин В. М. Договоры русских с греками X в.* // ИОРЯС. Т. 29 (1924). Л., 1925, с. 391; *Кауцанов С. М. К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет* // ВЕДС VIII: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996, с. 42; *Малингуди Я. Русско-византийские связи...* [Часть 2], с. 86-87; *Свердлов М. Б. Домонгольская Русь...*, с. 147. Ср. также: *Назаренко А. В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «внешняя Русь» Константина Багрянородного* // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14—18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009 (=Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX), с. 416-417.

греков, то есть произвёл искусственную реконструкцию, используя в качестве источников НС и договор 911 г., а может быть, и договор 944 г.⁴⁷ М. Д. Присёлков высказал предположение, что к реконструкции «договора 907 г.» летописца подтолкнул попавший в его руки отдельный лист, оторванный от списка договора 911 г.⁴⁸ К этой точке зрения присоединяется А. А. Горский⁴⁹.

Есть, впрочем, мнение, что у летописца всё же были какие-то данные о соглашении руси и греков в 907 г. Так, Я. Малингуди считает, что в 907 г. имел место первый этап договорного процесса (подтверждение под присягой некоего мирного соглашения общего характера), который завершился официальным заключением договора в 911 г. По её мнению, тексты договоров попали в руки летописца в виде выписки из копийной книги византийской императорской канцелярии. А в такого рода копийных сборниках тексты документов могли сопровождаться историческими справками-«нотциями», сообщавшими об обстоятельствах возникновения этих документов. Из такой «нотции» летописец и узнал о предварительном мире, заключённом в 907 г.⁵⁰

Вне зависимости от решения проблемы «договора 907 г.» не могут подлежать сомнению выводы Шахматова, обоснованные его сравнительным анализом текстов списков ПВЛ, Н1Л и других летописей, что, во-первых, в изложение соглашения в статье 6415 г. составитель ПВЛ включил отдельные фразы летописного рассказа НС о походе Олега и что, во-вторых, он снабдил своими комментариями тексты всех договоров по поводу того, как и при каких обстоятельствах договоры были заключены. Современные исследователи согласны в том, что в любом случае нельзя рассматривать летописные «обрамления» договоров как свидетельства эпохи, когда они заключались, и эти комментарии-«обрамления» «отображают представления книжников начала XII в..., основанные на имевшихся у них источниках – текстах собственно договоров и Начального свода»⁵¹.

Обращаясь к договорам 911, 944 и 971 гг. и оставляя в стороне «договор 907 г.» и летописный контекст, видим, что во всех случаях для описания людей со стороны руси, вступающей в официальные договорные отношения с Византией, используются

⁴⁷ Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества при имп. Петроградском университете. Вып. VIII: Сборник в честь профессора Ф. А. Брауна. Пг., 1915, с. 387 и след.

⁴⁸ Присёлков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учёные записки Ленинградского государственного университета. № 73 (1940). Серия исторических наук. Вып. 8. Л., 1941, с. 229.

⁴⁹ Горский А. А. Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 г.» // Ad fontem / У источника: Сб. ст. в честь С. М. Каштанова. М., 2005, с. 152.

⁵⁰ Малингуди Я. Русско-византийские связи... [Часть 2], с. 78 и след.

⁵¹ Горский А. А. Летописный контекст..., с. 152. Ср. недавнее исследование, доказывающее на основании независимых источников, что летописец, вставивший договоры в летопись, трудился в начале XII в.: Wortley J., Zuckerman C. The Relics of Our Lord's Passion in the Russian Primary Chronicle // ВВ. Т. 63 (88) (2004), с. 67-75. Ср. также: Цукерман К. О введении русско-византийских договоров в текст Начального свода и возникновение Повести временных лет // ДР. 2008. № 3 (33), с. 69-70.

слова «князья» и «бо(л)яре», которые, очевидно, указывают на некую социальную верхушку⁵².

В первой фразе договора 911 г. перечисляются лица, заключающие договор со стороны руси. «Мы от рода рускаго» начинается фраза, затем перечисляются 15 имён, и фраза продолжается: «иже послани от Олга великаго князя рускаго и от всех, иже суть под рукою его свѣтлыхъ [и великих кн(я)зь и ег(о) великих] боярь...» Далее в преамбуле договора об Олеге сказано «наша светлость», о подчинённых ему – «наши князья» (по ИпатЛ) или «наши великие князья» (по РадзЛ) и все, «иже суть подь рукою его сущих руси». И далее в первой из «глав» договора ещё: «от сущих под рукою наших князь свѣтлыхъ», «къ княземъ же свѣтлымъ нашим рускымъ и къ всѣмъ, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего»⁵³.

В преамбуле договора 944 гг. тоже перечисляются те люди, которые представляют сторону руси, но список их здесь выглядит совсем иначе и, главное, значительно пространнее. Первая фраза выглядит похоже, но всё-таки иначе: «мы от рода рускаго съли и гостье», то есть: мы, послы и купцы от «рода рускаго»⁵⁴. Далее сразу начинается перечисление, и первым назван Ивор, посол князя Игоря: «Иворъ соль Игоревъ, великаго князя рускаго». Затем следуют слова «и обьчии сли», то есть «общие послы», и начинается перечисление имён. Сначала указаны 24 имени по форме «такой-то [посол] такого-то» – например, «Вуефастъ Святославль, сын[а] Игорев[а]», то есть «Вуефаст [посол] Святослава, сына Игоря». При этом во всех списках договора есть одна лакуна: пропущено имя пославшего при после по имени «Сфирка» (21-й посол в списке). В том, что здесь именно случайный механический пропуск, согласны как будто все исследователи. После перечисления 24 послов сказано: «купецъ», то есть «купцов», и приведены ещё от 25 до 29 имён (в зависимости от того, как понимать и/или реконструировать текст). Весь список «слов» и «гостей/купцов» заключает обобщающая фраза: «послани от Игоря, великаго князя рускаго, и от всякоя князья и от всѣхъ людии Руския земля».

⁵² В тексте, который можно теоретически относить к «договору 907 г.» (в статье ПВЛ 6415 (907) г.), бояре и не упоминаются. Лишь во фразе, которой вводится одно из условий соглашения: «и реста ц(еса)ря и боярство все...», появляется «боярство», но эта фраза явно принадлежит к пояснениям летописца (ПСРЛ. Т. 1, стл. 31; т. 2, стл. 22).

⁵³ ПСРЛ. Т. 1, стл. 23-24. В этом месте листы в рукописи ЛаврЛ утеряны, и текст договора 911 г. приводится по ИпатЛ с дополнениями и вариантами по РадзЛ: ПСРЛ. Т. 38, с. 20-21. Ср. реконструкцию текста, произведённую Шахматовым, который опирается больше на РадзЛ: *Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания // Он же. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003, с. 611-613. Предпринимались два издания договоров со сверкой по рукописям. Издание Зимина учитывает не только основные списки ПВЛ, но и по НовСофСв, снабжено переводом на современный русский язык и комментарием: Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XIII вв. Составитель А. А. Зимин. М., 1952. Российско-итальянское издание договоров сделано по спискам ПВЛ в ЛаврЛ, РадзЛ и ИпатЛ (подготовка А. А. Горского), снабжено переводом на итальянский язык и комментарием: *I trattati dell'antica Russia con l'Impero romano d'Oriente. A cura di A. Carile e A. N. Sacharov. Roma, 2011.**

⁵⁴ Далее текст приводится по ЛаврЛ с вариантами и дополнениями по ИпатЛ, РадзЛ и МосАкЛ: ПСРЛ. Т. 1, стл. 46-48, 53; т. 2, стл. 35-37, 41. Ср.: *Шахматов А. А. Повесть временных лет...*, с. 629-631, 637-638.

Далее в тексте следует статья с сообщением о клятвенном подтверждении договора. Начинается она со слов: «И великий князь нашъ Игорь [и князи – по РадзЛ, МосАкЛ] и боляре его и людье вси рустии послаша ны къ Роману и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ ц(еса)р(е)мъ гречьскимъ створити любовь съ самѣми ц(еса)ри, со всѣмъ болярствомъ и со всеми людьми гречьскими...»

В первом содержательном постановлении договора говорится о новой практике удостоверения полномочий послов и гостей (купцов), приходящих в Константинополь из Руси. Начинается оно так: «А великий князь руский и боляре его да посылають въ греки къ великимъ ц(еса)р(е)мъ гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми...» Далее сообщается, что ранее «ношаху сли печати злати, а гостье серебряни», «ныне же, – продолжается текст, – увѣдѣль есть князь нашъ⁵⁵ посылати грамоту ко ц(еса)р(с)тву нашему: иже посылаеми бывають от нихъ [посли] и гостье, да принос[я]ть грамоту, пишюче сице, яко послахъ корабль селько, и от тѣхъ да увѣмы [и] мы, оже съ миромъ приход[я]ть». Таким образом, если ранее послы и гости, посланные «великим князем руским» и «его боярами», предъявляли некие золотые или серебряные «печати», то теперь устанавливается, чтобы их обеспечивали грамотами с сообщением «(я) послал кораблей столько-то». «Аще ли безъ грамоты придуть», – говорится далее, – то таких греки имеют право задерживать и даже казнить, «аще ли руку не дадят и противятся».

Далее в договоре об Игоре несколько раз сказано как о «князе руском», а в заключительной части он определяется как «великий князь» или «великий князь руский». Здесь же в конце договора сообщается о клятве руси, и о них в двух случаях сказано с противопоставлением князей и людей: «от страны нашея ли князь, ли инь кто» и «кто от князь или от людии руских», а в одном случае с упоминанием бояр: «от Игоря и от всехъ боляръ и от всех людии от страны руския».

Наконец, в договоре 971 г., который представляет собой собственно клятвенное обязательство Святослава прекратить военные действия против Византии, сторона руси представлена Святославом сначала так: «и иже суть подо мною русь, боляре и прочии», а затем так: «якоже кляхся ко ц(еса)р(е)мъ гречьскимъ и со мною боляре и русь вся». В этом договоре не упоминаются никакие представители «князя руского», поскольку он составлен от его собственного имени, но в самом начале, вместе с датировкой документа, отмечается, что договор заключён «при С(вя)тославѣ велицѣмъ князи рустѣмъ и при Свѣналдѣ»⁵⁶. Из ПВЛ следует как будто, что этот Свеналд был тем самым воеводой отца Святослава Игоря, а затем и сына Святослава Ярополка, который в древнейших летописных списках фигурирует под именами Свѣнел(ь)дѣ/Свѣндел(ь)дѣ/Свѣнгельдѣ/Свинтелдѣ. Впрочем, в достоверности тождества Свенальда договора и летописного персонажа есть основания сомневаться (см. в главе VI).

⁵⁵ Явная ошибка, надо читать: «вашъ» – этот отрывок читается от имени греческих императоров.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1, стл. 72-73; т. 2, стл. 60-61. Ср.: Шахматов А. А. Повесть временных лет..., с. 664-665.

Сопоставив все упоминания «князей» и «бо(л)яр» в договорах между собой и с упоминаниями других лиц и категорий со стороны руси в соответствующих контекстах, легко заметить два взаимосвязанных обстоятельства.

Во-первых, социально-политическая терминология и титулатура беспорядочны. Во всех трёх договорах последовательно только обозначение того князя, который возглавляет русь, как «великого князя (русского)» – Олега, Игоря и Святослава. Однако, в договоре 911 г. это обозначение прилагается и к неким князьям «под рукою» Олега. В этом же договоре используется эпитет «светлый» – преимущественно по отношению к Олегу, но в варианте РадзЛ, как будто более полно, и к тем же «князьям». В варианте ИпатЛ к «боярам» прилагается эпитет «светлые», в варианте РадзЛ – «великие». В договорах 944 и 971 гг. князья и бояре, подчинённые «великому князю русему», величаются без всяких титулов и эпитетов, но при этом ни разу (если не считать варианта РадзЛ и МосАкЛ в договоре 944 г. в первой статье о клятвенном заверении⁵⁷) они не фигурируют вместе в одной фразе или одном выражении – с «великим князем» упоминаются «(все) люди (русти)» (=«русь вся»), а третьим элементом л и б о «князья», л и б о «бояре».

Из последнего наблюдения следует вывод (и это во-вторых), что в реальности, видимо, титулы не имели большого значения, а сторона руси представлялась при заключении договоров тремя важнейшими элементами: 1) князь–глава руси, 2) некие особо выдающиеся лица (элита) – князья и/или бояре и 3) вообще «все люди». Такая трёхчастность стороны руси соответствует трёхчастности с греческой стороны, как она представлена в договоре 944 г.: «...створити любовь съ самѣми ц(еса)ри, со всѣмь болярствомъ и со всеми людьми гречьскими...».

Об условности эпитетов и обозначений в договорах уже неоднократно писалось в специальной литературе. Для самих руси значения не имело, видимо, даже обозначение «великий князь» – его превращение в полновесный и содержательный титул относится к значительно более позднему времени (видимо, не ранее конца XII в.)⁵⁸. И «великий», и «светлый» – это «грецизмы», то есть просто калька греческих слов (μεύας, περιφάνης, λαμπρός и т. п.), принятых в византийском этикете для титулования знатных лиц.

Взаимозаменяемость и синонимичность слов «князи» и «бояре» в договорах 911 и 944 гг. объясняется, по всей видимости, тоже спецификой перевода. Н. А. Лавровский давно уже убедительно обосновал мнение, что оба славянских слова передавали одно греческое ἄρχων⁵⁹. Это мнение было поддержано в литературе⁶⁰, хотя с ним да-

⁵⁷ Этот вариант РадзЛ и МосАкЛ не поддерживается летописями группы НовСофСв, см., например: ПСРЛ. Т. 42, с. 34. А. В. Назаренко расценивает его как вторичное чтение, а именно как результат «сознательной правки составителя протографа Радзивилловской и Академической летописей» (Назаренко А. В. Ук. соч., с. 414).

⁵⁸ Poppe A. Words that serve the Authority. On the Title of “Grand Prince” in Kievan Rus’ // АРН. Т. 60 (1989), p. 179-184.

⁵⁹ Лавровский Н. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853, с. 107.

леко не все исследователи считаются, предпочитая разделять «князей» и «бояр» в договорах как два разных термина, за которыми стояли разные реалии⁶¹.

В пользу мнения Лавровского говорит то, что в целом ряде древних славянских текстов – и древнеболгарских, и древнесербских, и древнерусских (ср. выше) – греческое ἄρχων передаётся равноправно обоими этими словами. Так, исследователи уже неоднократно отмечали, что в болгарской и сербской Кормчих ἄρχων передаётся как *бо(л)ярин* и *князь*, а также *властель*⁶². В «Хронике Георгия Амартола» ἄρχων передаётся как *бо(л)ярин*, *князь*, *властель* и *старейшина*⁶³.

В самих греческих текстах X в., относящихся до руси, то есть главным образом в соответствующих пассажах произведений Константина Багрянородного, для обозначения элиты древнерусского общества используется одно слово ἄρχων⁶⁴. Константин для описания «варварских» народов в окружении Византии использует практически одно только это слово в самом общем значении ‘глава-правитель-вождь’. В известном отрывке из рассказа об истории Далмации он противопоставляет архонтов и «старцев-жупанов» у славянских народов как «государственных» правителей и «родоплеменную» знать⁶⁵. То, что славянские переводчики не воспринимали слова *князь* и *бо(л)ярин* в какой-то строгой иерархии, мы уже видели выше на примере из «Жития Дометия» в Супрасльской рукописи, где «бояре» оказываются выше по статусу «князей».

Разнобой в обозначении этой элиты в трёх договорах соответствует языковой и стилистической гетерогенности этих текстов, о которой было замечено выше. Проще всего объяснить эту гетерогенность можно тем, что каждый из договоров переводился

⁶⁰ Ср., например: *Soloviev A. V. L'organisation de l'État russe au Xe siècle // L'Europe aux IXe–XIe siècles: Aux origines des États nationaux. Sous la direction de T. Manteuffel et A. Gieysztor. Varsovie, 1968, p. 253; Малингуди Я. Русско-византийские связи... [Часть 1], с. 87; [Часть 2], с. 64; Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademiceskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja und ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller // Handbuch zur Nestorchronik. Hrsg. von L. Müller. Bd. IV. München, 2001, S. 57 (Л. Мюллер); Назаренко А. В. Ук. соч., с. 414-415.*

⁶¹ См., например: *Ловмянский Х. О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 98; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 32; Он же. Домонгольская Русь..., с. 148 и след.*

⁶² *Soloviev A. V. Op. cit., с. 253; Завадская С. В. «Болярин»–«боярин»..., с. 94.*

⁶³ *Истрин В. М. Книги временныя... Т. III, с. 33.*

⁶⁴ На это обращалось внимание в связи с оценкой договоров руси с греками, и было замечено, что в них нельзя видеть «отражение подлинной социальной терминологии Руси» X в.: *Платонова Н. И. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС. Чтения IX: Международная договорная практика Древней Руси. М., 1997, с. 70-71.*

⁶⁵ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991, с. 112-113 (глава 29), ср. комментарий о византийском термине архонт на с. 291, 364. О том, что под жупанами Константин в данном случае имеет в виду именно старцев, см.: Лукин П. В. «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // Славяноведение. 2010. № 2, с. 14-16. Если у Константина вместе со старцами-жупанами другой (альтернативной) категорией общественно-государственной элиты выступают архонты, то в древнерусской летописи, как мы видели выше, старцы идут в паре с боярами.*

разными лицами, работавшими в той или иной степени в русле церковнославянской традиции перевода. Разумеется, это обстоятельство не снимает вопроса, почему, собственно, переводчики колебались и передавали одно греческое слово то так, то иначе. Причина, очевидно, в том, что то реальное явление, которое они имели в виду (а может быть, перед глазами) и которое в греческом тексте было обозначено словом ἄρχων, было таковым, что оба славянских слова – князь и бо(л)ярин – с одной стороны, подходили к нему, а с другой – каждое само по себе обозначали не вполне точно. Попробуем выяснить, что это было за явление.

В самом общем виде те лица, которые обозначены как «светлые и великие князья и великие бояре» или «всякая княжия»⁶⁶, или только как «бояре», которые оказываются между «великим князем» и «русью всей», выступают как правящая верхушка древнерусского государства, а слово ἄρχων, которым они обозначались в оригиналах греческих договоров, имело смысл довольно общий и неопределённый. Можно ли как-то более детально охарактеризовать этих лиц по данным договоров?

Меньше всего дополнительных данных можно извлечь из договора 971 г. Упоминание «бояр» там выглядит более или менее формально-этикетно. Хотя князь клянётся от их имени, ясно, что при заключении договора вместе с ним были далеко не все представители знати Древнерусского государства – ведь договор подписывался в Болгарии в походных условиях, кто-то из них был в войске с князем, но многие наверняка находились в Руси. Князь клянётся и вообще за «русью всю», но это не значит, что «вся русь» сидела рядом с ним при составлении договора.

Правда, А. А. Горский высказал мнение, что в сообщении договора о клятвенном его заверении «русью вся» – это войско, бывшее тогда при Святославе, а бояре – «привилегированный слой» этого войска и «служилая знать». Так как из самого текста договора это прямо не следует, историк приводит в качестве аргумента соображение, что, как и при заключении договоров 911 и 944 гг., в 971 г. клясться с князем должны были и его люди, а «клясться вместе со Святославом под Доростолом могли только его дружина и “вой”»⁶⁷. Однако, в договоре 971 г., в отличие от договоров 911 и 944 гг., не упоминается специально ни о каких обрядах (клятва на оружии и пр.), которые Святослав и кто-то вместе с ним совершали бы для подтверждения своих обещаний. Обещания и заклęcia фиксируются только устные. Причём собственно о клятве говорится несколько раз только от имени Святослава в единственном числе: в начале «кляхъся и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою», потом в конце «якоже кляхъся». Даже упомянутый в договоре Свенальд нигде при этом не фигурирует и не подразумевается. Главное языческое заклęcie приводится, действительно, во множе-

⁶⁶ А. В. Назаренко недавно справедливо отметил, что выражение оригинала «всякая княжия» (в родительном падеже) подразумевает исходную форму существительного в женском роде «княжия» (Назаренко А. В. Ук. соч., с. 412, сноска 3) – то есть правильно говорить о «всякой княжии», а не «всяком княжье», как обычно пишут историки и как переводит Д. С. Лихачёв в русском переводе ПВЛ (Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва, под ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. Подготовка М. Б. Свердлов. СПб., 1996, с. 160).

⁶⁷ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 42; Он же. Русь: от славянского Расселения..., с. 106.

ственном числе: «да схранимъ правая съвѣщанья, да имѣемъ клятву от бога, въ его же вѣруемъ в Перуна и въ Волоса скотья бога» и т. д.⁶⁸ Но ничего странного в этом нет: как обещать больше не воевать против Византии, так и заверить это обещание заклѣтиями Святослав мог от имени всех, кто признавал его «великим князем рус-тем», – он был в ответе за «всю русь» вне зависимости от того, находились ли те или иные её представители в тот момент рядом с ним в войске или где-то ещё; и то, что в этих заклѣтиях он переходит на множественное число, вполне естественно, если не подходить к тексту формалистически.

Можно обратить внимание на определённую динамику в употреблении слов «бояре» и «князья» от договора 911 г. к договору 971 г.: в первом договоре говорилось в основном только о князьях, а бояре упоминались только однажды, в договоре 944 г. бояре и князья равноправно фигурируют, а в 971 г. упоминаются только бояре без князей. Но это «вытеснение» князей боярами можно объяснить по-разному. Возможно, это был результат стабилизации терминологии в самой Руси, где к 970-м гг. звание князей закрепилось за членами правящей династии. Если, обращаясь к обстоятельствам заключения договора 971 г., предполагать, что в болгарском походе иные представители правящей династии, помимо Святослава, не участвовали (ни в летописи, ни у византийских хронистов о них не упоминается), можно объяснить и умолчание договора о «князьях». А может быть, дело здесь в усилении того уподобления государственной структуры Руси византийской, о котором было выше замечено, – как применительно к грекам писали о «болярствии», так и о руси постепенно стали говорить только о «болярах». Эти объяснения можно иметь в виду, но надо признать, что они (и возможные иные) гадательны.

Из договора 911 г. складывается впечатление об известном равенстве между Олегом и «князьями»/«боярами». Во всяком случае, они находятся в равном положении в том отношении, что никто из них, включая Олега, не присутствует при заключении договора, но их вместе представляют 15 человек, «послании» от их имени (причём т о л ь к о от их имени – в отличие от договора 944 г., где послы представляют и «всѣхъ людии Руския земля»).

На различие в статусе между Олегом и остальными князьями-боярами намекает как будто то, что в первой фразе договора эти последние указываются «под рукою его». Однако на основе одного этого указания делать далеко идущие выводы о некоей вассальной или какой бы то ни было другой зависимости было бы крайне неосторожно⁶⁹. Слова «сущие под рукою» – такая же калька с греческого слова или устойчивого

⁶⁸ О том, как следует понимать это заклѣтие см.: *Стефанович П. С.* Древнерусская клятва по русско-византийским договорам X века // ДГ: 2004 г.: Политические институты Древней Руси. М., 2006, с. 391-395, 400.

⁶⁹ Ср. интерпретации в таком ключе: *Пауто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 61; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980, с. 164; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь..., с. 159-160. В древнерусских источниках XI–XIII вв. мы находим другие выражения, использовавшиеся для обозначения военно-политической (вассальной) зависимости – «ходить в чью-то руку», «быть (ездить) подле стремени» и др. Известно слово *подручник*, и один раз оно употребляется в Киевском

греческого выражения (ὄπλοχεῖριοι, οἱ ὑπὸ χεῖρα), как и многие другие обороты в договорах⁷⁰. Это выражение употребляется в этом же документе и в самом неопределённом смысле для обозначения вообще всех тех, кто признаёт власть Олега – «иже суть подъ рукою его сущих руси». В другом случае «князья» даже и прямо как будто отделяются от тех, кто состоит «под рукою» Олега: «къ княземъ же свѣтлымъ нашим рускымъ и къ всѣмъ, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего». Но это разделение, конечно, настолько же условно, насколько условно вообще само греческое выражение применительно к руси X в. Последовательности и точности в использовании этого выражения нет, и содержание его, очевидно, самое общее и чисто символическое – имеется в виду лишь признание власти или авторитета Олега. Не случайно, что в договорах 944 и 971 гг. оно не используется, хотя в последнем говорится похоже: «подо мною русь, боляре и прочии».

Значительно более информативен договор 944 г., прежде всего, благодаря подробному списку представителей «от рода рускаго», а главное, той части этого списка, где перечисляются имена тех, кто представил собственных послов. Этот список давно уже привлёк внимание исследователей, во многом потому, что на его основе пытались судить об этническом составе древнерусского государства. В интерпретациях большое значение имеет сопоставление данных договора с сообщениями о руси Константина Багрянородного, главным образом, его описанием приёма княгини Ольги в Константинополе, где говорится о составе её посольства.

Обобщая предложенные интерпретации, можно выделить два подхода в характеристике тех «князей» и «бояр», о которых в договоре 944 г. говорится в общих формулировках и которых исследователи так или иначе сопоставляют с людьми, представившими «слов» для заключения договора⁷¹.

Оба подхода были предложены ещё в XIX в. Согласно первому, «всякая княжия» и «бояре» договора 944 г. – это некая знать или некие местные правители государства Руси, которые признают верховную власть киевского князя. Может быть, «племенные» князья, может быть, люди на службе или наместники-посадники киевского князя (в том числе, и такие, кто находился с ним в каком-то родстве), может быть, и те, и другие. Некоторые учёные идентифицируют тех лиц, которые послали вместе с Игорем и его родственниками своих послов для заключения договора и чьи имена указаны в списке, и с «князьями», и с «боярами», упомянутыми в общих фор-

своде конца XII в. в контексте межкняжеских отношений (ПСРЛ. Т. 2, стл. 573), но многочисленные примеры употребления этого слова в переводных текстах убеждают в том, что оно является калькой того же греческого ὄπλοχεῖριος (см. статьи «Подъручъникъ» и «Подъручъный» в: СДРЯ. Т. 6, с. 556).

⁷⁰ Ср.: *Лавровский Н.* Ук. соч., с. 64, 97-100. Автор отмечает «искусственность» и «неопределённость» смысла этого выражения в контексте договора, однако, при этом пытается всё-таки увидеть в этом выражении «официальное значение, как бы указывающее на степень власти Олега по отношению к подданным» (там же, с. 97-98). Эти попытки исторической интерпретации явно выдают представления, господствовавшие в науке середины XIX в., и на фоне собственных филологических размышлений автора выглядят совершенно необоснованно и неубедительно.

⁷¹ См. обзор мнений по этой проблеме: *Королёв А. С.* История междукняжеских отношений на Руси в 40-е–70-е годы X века. М., 2000, с. 49-52; *Назаренко А. В.* Ук. соч., с. 412-413.

мулировках, другие – только с «князьями». Так толковали данные договора 944 г. Н. М. Карамзин, М. М. Погодин, В. О. Ключевский, М. С. Грушевский и другие учёные XIX – начала XX в.

Другой подход предложил С. М. Соловьёв. По его мнению, все послы посланы членами правящей династии, то есть родственниками «великого князя» Игоря, и это их имена указаны в списке. Упомянутая далее в договоре 944 г. «всякая княжия» – это и есть представители «рода Игорева в разных степенях и линиях, мужской и женской»⁷². Правда, другие последователи этого подхода необязательно следуют второму отождествлению, считая, что «всякая княжия», «князья» и «бояре», упомянутые в общих формулировках договора 944 г., могут и не иметь отношения к лицам, перечисленным поимённо в начале. В таком случае понимание этих князей и бояр зависит уже в основном от общих представлений того или иного автора о том, что могла представлять собой элита Древнерусского государства, поскольку о князьях и боярах уже мало что конкретного можно сказать, – ведь список послов и тех, кто их направил, оказывается с ними никак не связан.

Обосновывая свою точку зрения, Соловьёв выдвинул два аргумента, которые потом преимущественно и использовались в литературе. Во-первых, в её пользу говорят прямые указания на родственников Игоря в списке лиц, пославших «слов». Как уже отмечалось выше, после указания посла самого Игоря идёт перечисление «объчих слов», и первым в этом перечислении указан Вуефаст, посол Святослава, сына Игоря. Вторым идёт Искусеви, посол Ольги, жены Игоря. Третий – Слуды «Игоревъ, нети Игоревъ», то есть посол Игоря, племянника князя Игоря (*нетии* – племянник). Далее идут послы с простым указанием лиц, их пославших, без всяких пояснений. Причём, пятый и шестой послы отправлены женщинами – некими Предславой и Сфандрой. Но десятым указан «Прастѣнь Акунь, нети Игоревъ» – посол Акуна, племянника Игоря. О каком Игоре идёт речь, не поясняется, но ясно, что Акун в любом случае оказывается родственником киевского князя, даже если он племянник не самого князя, а княжеского племянника с тем же именем (упомянутого выше третьим в списке). Далее до конца идут снова имена послов и их пославших без пояснений. Таким образом, из 24 «объчих» послов 4 были посланы, без сомнения, родственниками киевского князя, в том числе двумя ближайшими, о которых мы располагаем разнообразными сведениями, – его сыном Святославом и женой Ольгой. Естественно напрашивается мысль, что хотя лица, пославшие своих послов, указанные на местах с четвертого по девятое, прямо не названы родственниками киевского князя, но поскольку они находятся между княжескими родственниками (Игорем, племянником киевского князя, и Акуном), то и сами являются таковыми.

Во-вторых, Соловьёв обратил внимание на то, что «между именами людей, от которых идут послы», нет «ни Свенельда, ни Асмуда». Между тем, об этих двух лю-

⁷² Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 1 // Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. I. М., 1988 (1-е изд.: 1851 г.), с. 139, 298-299, прим. 193.

дах как видных представителях руси говорит летопись. Свенельд называется воеводой Игоря и Святослава, а также советником Ярополка, сына Святослава. Асмуд показан кормильцем Святослава в момент гибели Игоря у древлян. Если считать, что те, кто посылал послов, – это знать Киевского государства, то отсутствие Свенельда и Асмуда кажется нелогичным. Значит, делал вывод историк, это была не «дружина» правящего князя, а именно и только его родственный клан.

Оба довода в пользу «родовой» интерпретации списка лиц, направивших своих представителей для заключения договора 944 г., имеют значение, но далеко не абсолютное. Споры нет, четыре посла были посланы родичами Игоря, но ведь это только одна шестая часть от общего числа послов. Мысль о принадлежности к роду Игоря всех лиц, перечисленных до Акуна, А. Е. Пресняков называл «слишком смелой»⁷³, но даже и приняв её, мы не имеем никакой уверенности в происхождении прочих 14 человек. Причины умолчания договора о Свенельде и Асмуде можно придумать разные, но главное состоит в том, что об их существовании в момент заключения договора мы знаем только от летописца, писавшего многие десятки лет после событий, в которых они, по его заверению, участвовали.

Все эти сомнения, и прежде всего скепсис, сильно возросший в науке к концу XIX в., в отношении летописного рассказа о древней истории Руси, привели к тому, что к середине XX в. возобладала интерпретация данных договора 944 г. скорее в русле первого подхода. Например, Б. Д. Греков, расценивая мнение Соловьёва как отголосок его теории «родового быта», высказался по поводу списка имён в договоре так: «Никаких “родовых” междукняжеских отношений мы здесь не видим». Люди, направившие своих послов, – «это ведь всё знать, те самые светлые князья и бояре, о которых так часто говорят договоры», писал далее историк, подразумевая ту землевладельческую знать, с которой связывал утверждение феодализма на Руси⁷⁴.

Не принимал подхода Соловьёва и М. Д. Присёлков, хотя он видел в князьях и боярах, от имени которых заключались договоры 911 и 944 гг., совсем не землевладельцев. По его мнению, это были скандинавские наёмники («наёмные ярлы») киевского князя. Киевский князь и «его дружинники, то есть начальники наёмных отрядов», более или менее постоянно имели в Византии своих представителей (послов и купцов), и их имена и перечислены в договоре 944 г. Таких «ярлов» Присёлков насчитывал 14, относя первые десять мест в списке «обчих слов» (до Акуна и его посла Прастена) к родственникам Игоря⁷⁵.

Утверждая скандинавское происхождение «князей» и «бояр», Присёлков опирался на тот факт, что подавляющее большинство имён, указанных в списке послов в договоре 911 г. и в списках послов, лиц, их направивших, и купцов в договоре 944 гг.,

⁷³ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. Подготовка текста, статьи и примечания М. Б. Свердлова. М., 1993, с. 28.

⁷⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. Отв. редактор Л. В. Черепнин. [6-е изд.] М., 1953, с. 298-299.

⁷⁵ Присёлков М. Д. Ук. соч., с. 232-242.

имеет скандинавское происхождение. Этот факт был выяснен ещё В. Томсеном в конце XIX в. и к началу XX в. получил всеобщее признание. В настоящее время в лингвистических интерпретациях Томсена признаются лишь отдельные спорные моменты, и в них вносятся сравнительно незначительные поправки⁷⁶. Действительно, в списке послов договора 911 г. из 15 имён 13 объясняются как скандинавские. Из 25 имён послов договора 944 г. разные исследователи насчитывают от 17 до 21 скандинавских имени. Из 24 имён лиц, направивших послов (одно имя, как говорилось выше, пропущено по ошибке), 17 достоверно скандинавских, 3 славянских (в том числе Святослав) и 4 имени, происхождение которых спорно или неясно, хотя вполне возможно, что тоже скандинавское. В списке купцов не более 5 нескандинавских имён.

Идею Присёлкова о скандинавских ярлах на службе киевского князя развил А. В. Соловьёв, подробно разобрав все списки имён. Однако, если Присёлков считал, что ярлы—«главы отрядов наёмников-варягов» на службе киевского князя базировались в основном в Киеве или окрестностях, а содержание и доходы получали от участия в полюдьё, то Соловьёв ярлов определил как посадников киевского князя в локальных центрах Руси. Кроме того, родственниками Игоря в списке договора 944 г. он считал только тех четверых, кто прямо определён таковыми, и делал акцент на том, что посадниками-ярлами надо считать всех 24 лиц, пославших своих послов (включая Святослава и Ольгу)⁷⁷.

Такая «норманистская» интерпретация не могла, конечно, получить распространения в советской историографии. Советские историки либо в самом общем ключе говорили о «всякой княжии» и «боярах» как «племенных князьках» или «наместниках» киевского князя, обходя вопрос о скандинавских именах в договорах⁷⁸, либо указывали на работу Х. Ловмянского, который развивал «родовую интерпретацию». Логика Ловмянского строилась на строгом разделении лиц, указанных поимённо в списке договора 944 г., и тех бояр и князей, которые фигурируют в общих формулировках как представители руси. Он признавал скандинавское происхождение большинства людей, пославших своих послов, но причислял их всех, как С. М. Соловьёв, к княжескому роду. В таком случае этническая принадлежность «всякой княжии» и «бояр» оставалась неопределённой. Однако, здесь Ловмянский подключал соображения общего характера и определял их преимущественно славянами, приходя в итоге к выводу, что знать Киевского государства X в. была автохтонной, славянской по происхождению⁷⁹.

⁷⁶ См.: *Strumiński B.* Linguistic Interrelations in Early Rus': Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries). Roma, 1996, p. 162 et seq.; *Melnikova E.* The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century // *Studia anthroponymica Scandinavica. Tidskrift för nordisk personnamnsforskning.* B. 22. Uppsala, 2004, s. 5–27.

⁷⁷ *Soloviev A. V.* Op. cit., p. 250-255, 266-267.

⁷⁸ См., например: *Сахаров А. Н.* Ук. соч., с. 237-238; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура..., с. 32-33.

⁷⁹ *Ловмянский Х.* Русь и норманны. Перевод М. Е. Бычковой. Под ред. В. Т. Пашуто, В. Л. Янина, Е. А. Мельниковой. М., 1985 (1-е изд.: 1957 г.), с. 220-224; *Ловмянский Х.* О происхождении русско-го боярства..., с. 97-98.

В последние десятилетия именно такая логика в оценке данных договора 944 г. – то есть не отождествление лиц, поимённо перечисленных в начале, с позже упомянутыми «князьями» и «боярами», а наоборот, принципиальное их разделение – стала набирать сторонников. Кто такие «князья» и «бояре» толкуется по-разному (здесь исследователи уже не опираются на договоры), но по отношению к тем, кто послал послов, сохраняется старая двойственность подходов: часть авторов видит в них некую знать, не связанную кровно с Рюриковичами, а часть – родственников Игоря. Первый подход отстаивают, например, С. Франкин и Д. Шепард, Н. Ф. Котляр, Г. Шрамм и М. Б. Свердлов⁸⁰. Второй – А. В. Назаренко, А. П. и П. П. Толочко, А. А. Горский и Е. А. Шинаков⁸¹. Однако, трудности, с которыми сталкиваются последователи того или другого подхода, остаются прежними и по-прежнему нерешёнными. Так, приверженцы первого подхода фактически оставляют открытым вопрос об умолчании списков договора 944 г. о Свенельде и Асмуде, а вторая группа учёных ничего не может поделать с тем простым фактом, что сам договор говорит как о родственниках Игоря только о 4 лицах (Святославе, Ольге, Игоре-племяннике и Акуне).

А. В. Назаренко, поддержавший «родовую интерпретацию», связал её с мыслью, что первоначальная территория Киевского государства (Русская земля в узком смысле слова) являлась «коллективной собственностью» всего княжеского рода Рюриковичей. В рассуждениях исследователя существенную роль играет критика сопоставлений, предпринятых Г. Г. Литавриным, между данными договора 944 г. и описанием константинопольского приёма Ольги в трактате (обряднике) Константина Багрянородного «*De Ceremoniis*». Литаврин, предложив свой перевод того отрывка трактата, в котором рассказывается о приёме Ольги, сравнил указания о разных лицах в сопровождении Ольги, их численности и суммах денег, которые они получили от императора (эти цифры приводятся Константином), с именованным списком послов, людей, их пославших, и купцов в договоре 944 г. Такого рода сопоставления предпринимались и раньше (М. М. Грушевским, М. Д. Присёлковым, А. В. Соловьёвым, Б. Д. Гре-

⁸⁰ Франкин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750-1200. Перевод Д. М. Буланина и Н. Л. Лужецкой. СПб., 2009 (1-е изд.: 1996 г.), с. 193-194; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998, с. 39-40; Schramm G. Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 2002, S. 415-423; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь..., с. 162, 175; Свердлов М. Б. Становление и развитие правящей элиты..., с. 32-35. Правда, представления каждого из указанных авторов о том, что именно представляла собой эта знать, очень разные. Франкин и Шепард говорят очень общо и туманно о неких «людях высокопоставленных». Котляр видит в лицах, пославших своих послов в 944 г., «правителей» или «вождей племенных княжений». Шрамм говорит о некоей высшей прослойке знати Киевского государства – князьях не-Рюрика рода, проживавших в Киеве и признававших верховную власть Игоря. Свердлов признаёт в этих лицах «княжих мужей».

⁸¹ Назаренко А. В. Ук. соч.; *Он же*. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // ВЕДС. Чтения VIII. М., 1996, с. 58-63; *Он же*. «Слы и гостие»: о структуре политической элиты Древней Руси в первой половине – середине X века // ВЕДС. Чтения XIX: Политические институты и верховная власть. М., 2007, с. 169-174; Толочко О. П., Толочко П. П. Київська Русь. Київ, 1998, с. 69-71; Горский А. А. Русь: от славянского Расселения..., с. 66; Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009, с. 186-189.

ковым и др.), но они носили более или менее иллюстративный характер, а Литаврин попытался с помощью детального анализа числовых соотношений установить дифференциацию в элите Киевского государства X в.⁸²

На мой взгляд, подсчёты Литаврина и его общие выводы не выглядят убедительно, и их критика со стороны Назаренко справедлива. Чтобы разобраться во всех деталях дискуссии, надо обратиться к самому источнику – рассказу Константина о приёме Ольги. Разбор этого текста тем более необходим, что после публикации перевода Литаврина были опубликованы ещё два перевода этого отрывка – на английский и русский языки, – но уже вместе с переводом всей главы трактата, внутри которой помещён этот отрывок (глава 15 книги II)⁸³. Английский перевод М. Физерстоуна учитывает также отрывки текста «De Cerimoniis» в недавно обнаруженных рукописях-палимпсестах и опирается на текстологический и кодикологический анализ. В переводах и в комментариях переводчиков обнаруживаются некоторые расхождения, существенные для данного исследования⁸⁴.

Когда состоялся визит Ольги в Константинополь, описанный в «De Cerimoniis», неизвестно. В трактате Константина даты нет, но, исходя из деталей контекста, учёные относили визит к 957 г. Г. Г. Литаврин выступил против принятой датировки и предложил отнести визит к 946 г. Разразилась интересная дискуссия, в ходе которой выяснилось, что теоретически возможны обе датировки, но всё-таки доводы в пользу традиционной датировки, которые выдвинули А. В. Назаренко и М. Физерстоун (у каждого из них своя аргументация), представляются убедительнее⁸⁵. В пользу датировки 957 г. говорят и общие соображения: борьба с древлянами после смерти Игоря, произошедшей никак не ранее самого конца 944 г. (а скорее даже и го-

⁸² Г. Г. Литаврин опубликовал свой перевод первоначально в статье: *Литаврин Г. Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // ВВ. Т. 42 (1981), с. 42-45. Позднее перевод и статья, построенная на комментариях к нему, были переизданы в составе книги: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000, с. 190-204, 360-364. Перевод в 2000 г. Литаврин переиздал без изменений, а статья была существенно переработана и дополнена, в том числе и ответами на критику Назаренко.

⁸³ Русский перевод: *Новиков Н. Е.* Константин Багрянородный, «О церемониях», кн. II, гл. 15 (перевод, комментарий) // KANISKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. Редакторы М. В. Грацианский, П. В. Кузенков. М., 2006, с. 343-346. Первоначальный английский перевод см.: *Featherstone J. M.* Olga's Visit to Constantinople // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 14 (1990), p. 297–305. Исправленный вариант: *Featherstone J. M.* DI' ENDEIXIN: Display in Court Ceremonial (*De Cerimoniis* II, 15) // *The Material and the Ideal: Essays in Mediaeval Art and Archaeology in Honour of Jean-Michel Spieser.* Ed. A. Cutler and A. Papaconstantinou. Leiden, 2008, p. 75-112.

⁸⁴ Греческий оригинал см.: *Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo.* Rec. J. J. Reiske. Vol. I. Bonn, 1829, p. 594-598. В настоящее время полный перевод «De Cerimoniis» готовит к печати А. В. Виноградов. Автор не только любезно предоставил мне возможность ознакомиться с его переводом этой главы трактата, но и помог с уяснением некоторых трудных мест оригинала, за что я выражаю ему глубокую признательность.

⁸⁵ Обзор дискуссии см.: *Tinnefeld F.* Zum Stand der Olga-Diskussion // *Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur.* Hrsg. von L. Hoffmann. Wiesbaden, 2005, S. 531-567. Позиция Литаврина изложена: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь..., с. 154 и след. Ср.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001, с. 219-310. Важная статья: *Featherstone [J.] M.*, Olga's Visit to Constantinople in *De Cerimoniis* // *РЭВ.* Т. 61 (2003), p. 241-251.

дом-двумя позже), должна была занять у Ольги некоторое время, а кроме того Свято-слав на момент смерти Игоря был малолетен (как говорит летопись), и вряд ли Ольга могла оставить его одного в 946 г.

Константин описывает два приёма княгини в императорском дворце с аудиенцией у императора и торжественными трапезами – 9 сентября и 18 октября. В данном случае важны его указания о составе её сопровождения.

В начале соответствующего отрывка Константин пишет, что на первый приём княгиня («архонтисса Росии» – ἀρχόντισσα Ῥωσίας) пришла не одна. О её сопровождении в греческом оригинале сказано – μετὰ τῶν οἰκείων αὐτῆς συγγενῶν ἀρχοντισσῶν καὶ προκρείτοτέρων θερᾶλαιῶν. На русский язык Г. Г. Литаврин эти слова переводит так: «с её близкими, архонтиссами-родственницами и наиболее видными из служанок». Н. Е. Новиков: «со своими близкими родственницами архонтиссами и самыми приближёнными служанками». Перевод М. Физерстоуна: «with her noble [female] relations and the élite of her [female] attendants».

Не так существенно, как определить служанок Ольги и оставлять ли без перевода слово ἀρχοντισσῶν или переводить его просто как «nobles», – важнее понять, что за «архонтиссы» (или «знатные дамы») помимо Ольги появились в императорском дворце. Но это обстоятельство из текста трактата остаётся не совсем ясным. Дело в том, что хотя далее при описании аудиенции и пира во дворце эти архонтиссы ещё несколько раз упоминаются, о них не сказано в конце при перечислении денежных подарков членам свиты Ольги. Эти перечисления я приведу чуть ниже, а сейчас отмечу неточности переводов Литаврина и Физерстоуна. Физерстоун забывает про слово οἰκείων («близкие»). Литаврин ставит запятую между словами «близкими» и «родственницами», и у него получается, что с Ольгой, помимо служанок и архонтисс, были ещё какие-то «близкие». На самом деле, больше ни о каких «близких» не говорится, и слово οἰκείων надо, конечно, относить к самим архонтиссам, как и предполагает его место между артиклем и словом ἀρχοντισσῶν, к которому артикль относится. Очевидно, подчёркивалось, что архонтиссы состояли не просто в родстве, а именно в тесной («домашней») связи с княгиней.

В тот же день вместе с Ольгой во дворец пришли и другие представители руси, но для них протокол предусматривал отдельный порядок приёма и трапезы. План и замысел мероприятия предполагал (и это ни у кого из исследователей сомнений не вызывает), что с самой Ольгой должны были быть только женщины, а эту отдельную группу составляли мужчины. О них сказано так: οἱ τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας ἀποκρισιάρχοι καὶ πρᾶγματεῦται. Литаврин переводит: «послы и купцы архонтов Росии», Новиков: «послы архонтов Росии и купцы», Физерстоун: «the apokrisiarioi and merchants of the princes of Rus'». Точнее перевод Литаврина и Физерстоуна, потому что артикль οἱ надо относить и к купцам тоже – это были вполне определённые люди, с определённым статусом, пришедшие с определёнными целями, в определённом количестве и т. д., а не просто какие-то забредшие во дворец торговцы. Из этого следует весьма существ-

венный факт, что купцы прибыли не сами по себе, а их, как и послов, послали архонты. Ниже будет ещё специально отмечено, что этот факт следует и из договора 944 г.

Женская группа во главе с Ольгой пирует в обществе венценосной семьи, а мужчины – в отдельном помещении. При сообщении о пире мужчин они называются так: πάντες οἱ ἀποκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας καὶ οἱ ἄνθρωποι καὶ συγγενεῖς τῆς ἀρχοντίσσης καὶ οἱ πραγματευταί. Все переводчики переводят практически одинаково: «все послы архонтов Росии, люди и родственники архонтиссы и купцы». Физерстоун здесь и далее передаёт οἱ ἄνθρωποι на английский как «the retainers».

О денежных подарках, полученных русью в тот день, также говорится по отдельности. Сначала перечисляются суммы для мужской группы, очевидно, более или менее в иерархическом порядке:

- 30 милиарсиев получил некий племянник Ольги (ἀνεψιὸς αὐτῆς);
- по 20 милиарсиев получили 8 οἱ ἴδιοι αὐτῆς – дословно: «свои её». Литаврин переводит: «её люди»; Новиков: «её приближённые»; Физерстоун: «her eight [male] relations»;
- по 12 милиарсиев – 20 послов;
- тоже по 12 милиарсиев – 43 купца;
- 8 милиарсиев – священник Григорий;
- по 12 милиарсиев – 2 переводчика;
- по 5 милиарсиев – «люди Святослава» (οἱ ἄνθρωποι τοῦ Σφενδοσθλάβου)⁸⁶;
- по 3 милиарсия – 6 «людей послов» (οἱ ἄνθρωποι τῶν ἀποκρισιάριων);
- 15 милиарсиев – переводчик архонтиссы.

Потом говорится и о женщинах:

- 500 милиарсиев и золотая чаша были выданы самой Ольге;
- по 20 милиарсиев выдано 6 ταῖς ἰδίαις αὐτῆς («своим её»). Литаврин переводит: «её женщинам», Новиков так же, как и выше: «её приближённым». У Физерстоуна: «her six [female] relations»;
- по 8 милиарсиев – 18 её служанкам (θεραπαίνας αὐτῆς).

О приёме 18 октября говорится очень кратко, и указываются следующие суммы денежных подарков:

- 200 милиарсиев было выдано архонтиссе;
- 20 милиарсиев – её племяннику;
- 8 милиарсиев – священнику Григорию;

⁸⁶ В основных рукописях «De Ceremoniis» число «людей Святослава» пропущено явно из-за механической ошибки, однако, как указывает Физерстоун, в палимпсесте Ватопедийской рукописи стоит число 10 (*Featherstone J. M. DI' ENDEIXIN: Display...*, p. 110). Литаврин, не зная об этой рукописи, пытался вычислить их количество по косвенным данным и получил число 5 (*Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь...*, с. 191).

по 12 милиарисиев – 16 ταῖς ἰδίαις αὐτῆς («своим её»). Новиков переводит опять «её приближённым», Литаврин: «её женщинам», Физерстоун: «the sixteen [female] relations of the princess»;

по 6 милиарисиев – 18 её рабыням (ταῖς δούλαις αὐτῆς);

по 12 милиарисиев – 22 послам;

по 6 милиарисиев – 44 купцам;

по 12 милиарисиев – 2 переводчикам.

Из всех этих данных, в общем, вырисовывается довольно стройная и последовательная «микроструктура» посольства Ольги, которая, по выражению Литаврина, «в известной мере отражала социально-политическую макроструктуру русского общества в середине X в.»⁸⁷.

По большому счёту затруднение вызывает лишь тот (обозначенный уже выше) факт, что в рассказе о приёме 9 сентября Константин упоминает неких архонтисс в сопровождении Ольги, а в реестре денежных выдач о них не говорится. Литаврин, на мой взгляд, верно наметил путь решения этого вопроса, хотя не прошёл этот путь до логического конца. Он сделал вывод, что указанию Константина в начале о присутствии на приёме с Ольгой архонтисс и служанок соответствует указание о выдаче подарков двум категориям людей в «женской группе»: «своим» (6 женщинам по 20 милиарисиев) и служанкам (18 женщинам по 8 милиарисиев). Те родственницы-архонтиссы, о которых упомянул Константин, в реестре указаны как «свои». Объясняется это разногласие в обозначениях, судя по всему, тем, что основной текст трактата писал один автор (сам Константин или редактор трактата, – в данном случае это не важно), а реестр с точными цифрами был вставлен (очевидно, механически, без мысли о соответствии отдельных терминов) из дворцовых протоколов⁸⁸.

Однако какие-то «свои» люди Ольги упомянуты и в реестре выдач «мужской группе» делегации руси на приёме 9 сентября, и в реестре подарков 18 октября. Литаврин видит в восьми «своих» в «мужской группе» 9 сентября именно мужчин, но почему-то зачисляет их уже совсем не в родственники княгини (как «своих» в «женской группе»), а в категорию, подобную «людям (ἄνθρωποι) Святослава». В реестре же 18 октября он считает шестнадцать «своих» женщин опять-таки не родственницами Ольги и не архонтиссами (как тех шестерых на приёме 9 сентября), а какими-то «знатными дамами», может быть, «боярынями». Опираясь на эти выкладки, историк выдвигает ряд предположений о существовании неких «доверенных людей» из «представителей высшей киевской знати», которые составляли при Ольге «совет во время пребывания в Константинополе», неких 6 архонтов-князей (мужей архонтисс), которые возглавляли «6 крупнейших центров» Русской земли, каких-то «15-16 высших бояр других городов русских земель» и т. д. Это ведёт его далее к рассуждениям о различиях в составе свиты на первом и втором приёмах, а также к выводу, что к

⁸⁷ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь..., с. 190.

⁸⁸ Там же, с. 168, 191.

18 октября «добрая половина посольства (включая большинство знатных персон) уже покинула Константинополь»⁸⁹. Эти-то вычисления и построения, опорой которым Литаврин пытается найти и в данных договора 944 г., вызвали справедливые возражения Назаренко⁹⁰.

Между тем, нужды в сложных конструкциях и теориях нет. Как в начале своих рассуждений справедливо сделал вывод Литаврин, 6 «своих» женщин, упомянутых в реестре 9 сентября – это родственницы Ольги. Константин называет их «архонтиссами» и отмечает близкие родственные отношения с самой княгиней. По всей видимости, как раз близкое родство позволило им сопровождать Ольгу на приёме, где женская и мужская части посольства принимались по разному протоколу. Оно же и объясняет, почему Константин называет их «архонтиссами». Конечно, он не вкладывает никакого особенного официального содержания в это обозначение. Физерстоун, выбрав нейтральное слово «noble», совершенно справедливо подчеркнул тем самым, что это совсем не титул (как и слово ἄρχων в договорах руси с греками). Реальный статус этих родственниц был явно совершенно неизмерим со статусом Ольги: они получили только по 20 милиарисиев (Ольга – 500 и чашу). Это меньше, чем получил её племянник, который, очевидно, возглавлял «мужскую группу» на приёме 9 сентября и был вторым лицом после Ольги в свите на приёме 18 октября. Нет никаких оснований думать, что эти родственницы Ольги имели в качестве мужей каких-то могущественных «архонтов» (оставшихся при этом почему-то на Руси – обстоятельство, вытекающее из построений Литаврина, которое вызвало вполне обоснованный сарказм Назаренко).

Далее нет никаких препятствий считать и 8 человек «своих» в «мужской группе» на приёме 9 сентября тоже родственниками Ольги. Физерстоун, выбирая именно слово «relations» и вставляя в скобках пояснение «male», здесь снова совершенно прав. Это были родственники мужского пола – вполне вероятно, что какая-то часть просто мужи тех 6 женщин, которые сопровождали княгиню. Они и получают те же 20 милиарисиев, что и «свои» родственницы-«архонтиссы». О том, что появления каких-то родственников Ольги нам надо ожидать в реестре выдач «мужской группе», прямо говорят слова Константина о пире мужчин: он ведь упоминает, что среди пирующих были, кроме послов и купцов, «люди и родственники архонтиссы». Между тем, кроме одного племянника, в реестре никаких родственников Ольги не указывается – значит, их надо искать под другими обозначениями, а среди этих обозначений и подходят только «свои».

Развивая этот вывод, надо видеть и в «своих», упомянутых в реестре 18 октября, тех же самых лиц – родственников Ольги. Правда, в этом реестре эти «свои» фигурируют в существенно большем количестве – 16 человек, а главное, они указаны с артиклем женского рода, то есть предполагается, что все они были женщины. Полу-

⁸⁹ Там же, с. 193-201.

⁹⁰ Назаренко А. В. Некоторые соображения о договоре Руси..., с. 60-61.

чается явная нестыковка: на приёме 9 сентября присутствовали Ольгины «свои» 6 женщин и 8 мужчин, а на приёме 18 октября – только женщины числом 16 человек.

Некоторые учёные заметили это несоответствие, и выдвигалась мысль о палеографической ошибке. Дело в том, что в Византии (как и потом на Руси) цифры обозначали буквами (ставя над ними или рядом с ними титло – надстрочный знак в виде черты), и цифра 6 передавалась буквой «дзета» (ζ), а 16 – «йотой» (υζ) (указание на десятку) и той же «дзетой» (ιζ). А. Поппэ допускает, что буква «йот» во втором случае относилась к предыдущему слову или просто попала по ошибке какого-то переписчика, а изначально цифра обозначалась одной буквой «дзета» ζ – то есть была та же шестёрка⁹¹. Это значит, что в оригинале реестра к приёму 18 октября стояло число не 16, а 6, и им обозначались те же 6 «своих» женщин, что фигурировали в реестре 9 сентября. Однако, хотя теоретически такой ход рассуждений возможен, проблемы он не решает. Ведь та же логика вполне допускает другой выбор из двух возможных ошибок в цифровых обозначениях – ничто не мешает предположить ошибочность не цифры 16 в реестре ко второму приёму, а цифры 6 в первом реестре (и тогда «своих» женщин Ольги было не шесть, а шестнадцать). Но главное даже не в этом, а в том, что предположение о палеографической ошибке оставляет без ответа вопрос, почему в реестре к приёму 18 октября не упоминаются 8 «своих» мужчин, которые были на приёме 9 сентября.

Очевидно, искать объяснение для этого несоответствия в указаниях о присутствии «своих» людей Ольги на двух приёмах надо в чём-то другом. На мой взгляд, проблема решается при допущении, что в реестре к приёму 18 октября произошла ошибка или недоразумение другого рода – не в цифре, а в артикле.

Дело в том, что этот реестр составлен не отдельно для мужской и женской групп посольства руси, как реестр к первому приёму 9 сентября, а только с учётом тех категорий, на которые делились члены посольства в зависимости от величины денежных подарков, им причитающихся. И эта логика составления списка привела к тому, что, хотя 18 октября тоже были два пира для женщин и мужчин по отдельности, в реестре денежных выдач люди оказались зачислены в одну «статусную» группу, то есть в категорию под обозначением «свои», без учёта их пола – и мужчины, и женщины вместе. Вообще-то по грамматическим правилам греческого языка для обозначения некоего множества людей разного пола используется артикль множественного числа мужского рода. В тексте же *De Ceremoniis* стоит артикль женского рода, а не мужского (ταῖς, а не τοῖς). И на этом основании переводчики считают, что в категории «свои» в этом случае подразумеваются только женщины (ср. выше переводы). Формально они правы, но в обозначении артикля можно, во-первых, тоже (как и с цифрами) подозревать ошибку в написании одной буквы (α вместо ο), а во-вторых, думать и о нарушении грамматических правил просто в силу каких-то более или ме-

⁹¹ *Poppe A. Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslawen in der Zeit vom 10. bis zum 13. Jahrhundert // Österreichische Osthefte. Jahrgang 30 (1988), S. 493.*

нее случайных обстоятельств – например, вследствие сведения составителем реестра к приёму 18 октября выплат женской и мужской группам в один список или просто потому, что среди «своих» Ольги (её родственников, по моей интерпретации) женщины выступали впереди мужчин, поскольку сопровождали саму Ольгу на приёмах.

Такая интерпретация данных второго реестра лучше, на мой взгляд, объясняет цифру 16, приведённую в нём. «Своих» 18 октября было 16 человек – это на 2 лица больше, чем получается, если сложить вместе численность «своих» мужчин и женщин, бывших во дворце 9 сентября (8+6=14). Близость двух цифр 14 и 16 вполне понятна, как раз если предположить, что во втором реестре под отметкой «свои» были просто сведены вместе те мужчины и женщины, которые в рассказе о приёме 9 сентября были указаны по отдельности в «мужском» и «женском» списках. В этом увеличении числа «своих» от первого приёма ко второму нет ничего странного – ведь численность послов и купцов тоже выросла, причём тоже на 1-2 человека.

Но вне зависимости от правильности предложенной интерпретации указания о «своих» в реестре к приёму 18 октября и цифровых соотношений, в данном случае важно подчеркнуть саму мысль, что под обозначением «свои» в реестрах выдачи подарков скрывались родственники Ольги. Только в том случае, если понимать под «своими» именно родственников Ольги (сколько бы точно ни насчитывалось их вместе и мужчин и женщин по отдельности), можно наиболее простым и убедительным образом объяснить логику в обозначении разных категорий лиц в посольстве руси в Константиновом описании двух приёмов Ольги. За этой логикой, как уже говорилось, стояла «микроструктура» посольства, отражавшая «макроструктуру» общества руси. Придерживаясь этой логики и опираясь на новые интерпретации списков денежных подарков, можно выстроить иерархию и численность посольства Ольги следующим образом⁹²:

во главе посольства стояла сама княгиня;

вторым лицом в посольстве был её племянник;

далее шли родственники княгини ($\sigma\upsilon\gamma\gamma\epsilon\nu\epsilon\iota\varsigma$, $\omicron\iota\ \acute{\iota}\delta\iota\omicron\iota\ \alpha\lambda\tau\eta\varsigma$), мужчины и женщины,

всего 16 человек (считая по большему числу на приёме 18 октября);

послы – 22 человека (по числу на приёме 18 октября);

купцы – 44 человека (по числу на приёме 18 октября);

«служанки» или «рабыни» Ольги ($\theta\epsilon\rho\alpha\pi\lambda\acute{\alpha}\iota\nu\alpha\iota\varsigma$ или $\delta\omicron\upsilon\lambda\alpha\iota\varsigma\ \alpha\lambda\tau\eta\varsigma$) – 18 человек⁹³;

«люди Святослава» – 10 (?) человек;

«люди послов» – 6 человек.

⁹² Не учитываются священник Григорий (видимо, духовник княгини) и переводчики (статус которых в данной ситуации был особенным из-за их профессионального мастерства).

⁹³ Литаврин пытается усмотреть какое-то различие между «служанками» и «рабынями» (*Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь...*, с. 198, 200). Но само их одинаковое число говорит о том, что это были одни и те же лица. Тот факт, что они были обозначены разными словами (хотя и весьма близкими по смыслу), не может иметь значения – мы уже видели, что греки относительно людей из руси отнюдь не были последовательны в терминологии.

В порядке и размерах денежных выдач на первом и втором приёмах наблюдаются некоторые различия. Во-первых, на втором приёме не упоминаются две последние категории людей. Это обстоятельство вместе с тем фактом, что размер подарков был на втором приёме понижен по сравнению с суммами, выданными на первом приёме, говорит о том, что во второй раз греки сознательно и существенно сэкономили на этих расходах⁹⁴. Все слуги, кроме слуг самой Ольги, были исключены из числа одаренных.

Во-вторых, на первом приёме купцы по статусу оказываются равны послам, а на втором – ниже их и получают столько же, сколько служанки Ольги. Зато послам на втором приёме были выданы такие же суммы, какие получили и родственники княгини. Это значит, что статус послов был довольно высок – выше, чем у купцов, и приближался к статусу родственников княгини. Вне зависимости от того, сообщало ли им этот высокий статус положение тех, кто их послал, или что-то другое, сами они были люди видные и состоятельные – у некоторых из них были свои слуги, удостоившиеся подарков от императора на первом приёме.

В сравнении данных трактата византийского императора с договором 944 г., прежде всего, бросается в глаза особое выделение главы государства руси в обоих документах. Этот факт важен в виду того, что Олег, как было выше замечено, специально в договоре 911 г. никак не выделялся. Однако, причины этого факта можно предполагать разные. В частности, если Ольга приняла крещение именно во время описанного в «De Ceremoniis» визита, то, конечно, ей греки должны были оказать особое внимание. О статусе правителя руси пойдёт ещё речь ниже.

Не менее выразительным является наличие в свите Ольги тех же самых двух категорий людей, которые отмечаются в договоре 944 г., – послов и купцов. Очевидно, присутствие и эксплицитное указание обеих этих категорий и при заключении союза в 944 г., и в посольстве Ольги не случайно и должно объясняться каким-то их особым значением.

Но главное заключается в том, что данные Константина приближают нас к решению того принципиального вопроса, который разделил современных учёных, – были ли лица, перечисленные в договоре 944 г. как отправители своих «слов», родственным кланом Рюриковичей или же группой, образованной вследствие их значения в политико-правовом отношении. Такой материал дают дальнейшие соответствия между описанием Константина и договором 944 г.

В договоре люди, перечисленные в начале поимённо, обозначаются как «послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людии Руския земля». В «De Ceremoniis» Константин о них говорит как о «послах и купцах архонтов Росии». Если оставить в стороне малосодержательное упоминание «всех людей Руской земли», то оба обозначения вполне соответствуют друг другу и имеют в виду, что послы и купцы были посланы некими вождями, правителями или, как вы-

⁹⁴ В этом Литаврин видит политические причины: там же, с. 202 и след.

ражаются современные историки, «правлящей элитой» Руси. В договоре 944 г. эта «элита» обозначается словами «князья» или «боляре», но за ними, как указывалось выше, надо предполагать одно греческое слово – ἄρχων/ἀρχόντισσα/ἀρχοντες. Константин его и использует. Во главе этой группы людей стоит киевский правитель – Игорь и Ольга в том или другом случае, соответственно. В 944 г. Игорь не присутствовал при заключении договора, и его представлял его собственный «сол» (выделенный особо впереди всех «объчих слов»), а Ольга прибыла в Константинополь лично, и от неё представитель не требовался. Очевидно, купцы представляли коммерческие интересы «архонтов» во главе с киевским князем, а послы – политические.

Таким образом, внимательное прочтение обрядника Константина приводит к выводу, что трёхчастная формула договора 944 г., указывающая на Игоря, князей/бояр и всех людей как главные элементы общества руси, этикетной является только в одной своей части – третьей, то есть упоминании «всех людей». Неслучайно, видимо, в договоре 911 г. о них не вспомнили. К такому восприятию этой формулы подталкивает и соответствующее трёхчастное описание византийского государства – помимо цесарей и «всего боярства», «все люди греческие». Понятно, что «боярство» (то есть высшая чиновная знать) в Византии имело реальные рычаги власти и участвовало в принятии политических решений, а «все люди» присутствовали лишь эфемерно, на словах. Итак, «князья»/«бояре» («архонты») договора – это не некая знать, верхушка, элита, дружина и т. д. древнерусского общества, упоминание которой чисто формально и о которой нельзя сказать ничего конкретного, а это и м е н н о те лица, которые перечислены в начале документа каждый в паре со своим послом.

Понять, кто были эти лица, помогает другое соответствие императорского обрядника и договора 944 г., а именно – поразительное совпадение численности послов. В списках денежных подарков, которые приводит Константин, указаны в первом случае (приём 9 сентября) 20 послов, во втором (приём 18 октября) – 22. Однако надо учитывать, что Ольга и её племянник, статус которого был явно выше всех остальных её родственников и которого вполне можно зачислить в ряд «князей»/«бояр» («архонтов»), не нуждались в представителях, поскольку присутствовали лично. По всей видимости, Святослава представляли его собственные «люди», указанные в первом реестре подарков. Размер денежных подарков этим «людям Святослава» был ниже, чем послам и даже купцам, но надо учесть, что их было несколько человек (возможно, даже десять) и общая сумма, потраченная на них, была явно выше (скорее всего, даже существенно выше) выплаты одному послу. В реестре подарков ко второму приёму они не упоминаются, и, возможно, они уже покинули Константинополь.

Так или иначе, в случае, если бы Ольга и её племянник не присутствовали бы лично при официальной встрече с византийской стороной, то к 22 послам, которые представляли «архонтов», надо было бы, как подсказывает список договора 944 г., прибавить по одному послу от Ольги и её племянника. Кроме того, должны были

быть представлены интересы Святослава – в договоре от его лица действовал один посол, с посольством Ольги прибыли от него несколько человек, но они рассматривались, очевидно, как одна «структурная единица». Условно примем: от Святослава тоже один представитель. Всего, таким образом, получаем: $22+2+1=25$ человек. В договоре же 944 г. фигурируют посол Игоря и 24 «обчих сла», которые представляют, соответственно, всего 25 «князей»/«бояр» («архонтов»). Цифры совпадают в точности.

Такого рода совпадения не могут быть случайными. Очевидно, за совпадающими цифрами стоит один порядок представительства интересов «правлящей элиты» государства руси, который нашёл соответствующее отражение в договоре 944 г. и в описании приёма Ольги в «De Ceremoniis». Эта логика предполагает, что 22 посла, прибывшие с Ольгой в Константинополь, тоже, как и при заключении соглашения в 944 г., представляли каждый одного «архонта». Та последовательность групп лиц в составе посольства Ольги, которая выстраивается в реестре денежных подарков в обряднике, свидетельствует о реальной социально-политической иерархии, в которой послы «архонтов» занимают место, причитающееся самим этим «архонтам» (то есть как бы замещают их по принципу «один в один»). В большем числе купцов в «De Ceremoniis» по сравнению с договором 944 г. нет ничего удивительного – численность этой группы лиц не зависела прямо от политической организации (в отличие от послов архонтов) и естественно могла колебаться, в тот или иной момент быть больше или меньше в зависимости от сезона, интенсивности торговых операций и т. д.

Могли ли эти «архонты» представлять один родственный клан? Анализ императорского обрядника склоняет к отрицательному ответу на этот вопрос. Прежде всего, как выясняется, родственники Ольги составляли отдельную группу в её посольстве, никак не связанную ни с «архонтами», ни с их послами. Этих родственников (обозначенных в реестре денежных подарков «своими» – οἱ ἴδιοι αὐτῆς) было 14 человек на первом приёме, а на втором – 16. Численность вполне достаточная для родственного клана даже по меркам архаического общества, если к тому же учесть, что несовершеннолетние и старики, вероятно, остались на Руси и в это число не попали. Другое дело, что помимо этих «своих» у Ольги были родственники, упоминание которых в обряднике указывает на их особый статус, – это её сын Святослав и некий не названный по имени племянник. Ничто не мешает этих двух причислить к «архонтам», тем более что и в договоре 944 г. помимо Игоря своих послов представили несколько его ближайших родственников, в том числе тот же Святослав. Не исключено, что кто-то из двух «нетиев», указанных в договоре 944 г., и был обозначен как ἀνεψιός (племянник) Ольги в «De Ceremoniis».

Против «родовой интерпретации» списка договора 944 г. говорит и само совпадение численности послов и «архонтов» в договоре и обряднике. Трудно представить себе, что между 944 г. и визитом Ольги в Константинополь, когда бы он не состоялся (а особенно, если принимать как более вероятную позднейшую дату 957 г.), число родственников киевского правителя оставалось тем же самым – те же 24 человек.

Ведь помимо гибели Игоря надо предполагать и другие изменения в их составе, учитывая бурную военную деятельность руси, о которой как раз применительно к 940-м гг. мы располагаем известиями (борьба с древлянами, каспийские походы). Можно допустить, что эти архонты-родственники сидели по локальным центрам, и их число определялось именно количеством центров. Но из этого тогда следует, что на самом деле родственный клан составлял значительно больше, чем 25 человек, потому что схема должна была бы быть такой: как только кто-то из «архонтов» умирал, на его место главы того или иного центра становился другой из очереди родственников, дождавшихся своей доли. Такое допущение заставляет увеличивать этот клан до каких-то уж совсем маловероятных размеров и сильно усложняет и без того шаткую конструкцию.

Как было уже отмечено выше, одной теории, альтернативной «родовой интерпретации», в науке нет. Разные учёные предлагают разные варианты объяснения того, кем были лица, направившие своих послов для заключения договора 944 г. Однако, все они так или иначе сталкиваются с проблемой, которую обозначил ещё С. М. Соловьёв, – умолчание договора о Свенельде и Асмуде, которых летопись рисует первейшими сподвижниками Игоря и Ольги в 940-е гг. Такое умолчание выглядит особенно странно, если предполагать, что отправители послов (все или частично, не так важно) были «дружинниками» или «служилыми людьми» киевского князя. К этому надо прибавить и тот факт, что имена обоих летописных героев без сомнения скандинавские. Но преимущественно скандинавской является и антропонимика именных списков договора – значит, и с «этнической» точки зрения в этом ряду логично было бы ожидать появления Свенельда и Асмуда или хотя бы одного из них.

На эти проблемы недавно указал А. В. Назаренко. Он справедливо отметил, что в любом случае не может быть принята точка зрения, которая предполагает в отправителях послов княжеских «дружинников», потому что среди них мы видим женщин – Передславу и Сфандру, а также, возможно, указанную в конце Уту⁹⁵. Женщины не могли быть княжескими агентами, и статус «архонтов»/«архонтисс», то есть независимых политических фигур (правителей), они могли получить только по частнородовому праву наследства (как Ольга стала княгиней после смерти мужа). Выход из тупика историк нашёл в «родовой интерпретации» Соловьёва⁹⁶. Однако, решение проблемы можно искать и на иных путях, и подсказку снова даёт описание приёма Ольги в «De Ceremoniis».

Выше обращалось внимание на то, что послы «архонтов» руси были, судя по их статусу и по упоминанию их «людей» в реестре денежных подарков, люди сами по себе значительные. Но с политической точки зрения они были всё-таки не самостоятельными фигурами, представляя не собственные, а чужие интересы. Каждый из них выступал как бы заместителем, alter ego «архонта» (или «архонтиссы»), пославшего

⁹⁵ Назаренко А. В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. ..., с. 60.

⁹⁶ Ср.: Назаренко А. В. Территориально-политическая структура Древней Руси..., с. 417-418.

его. Такое положение послов полностью соответствует тому, как в летописи описываются те же Свенельд и Асмуд и прочие соратники и сподвижники князей: они имеют высокий социальный статус, влиятельны, богаты, могут иметь своих собственных слуг (ср. отроков Свенельда), но состоят на княжеской службе. Постольку, поскольку эти люди представляют (или должны представлять) княжеские интересы, они считаются «мужами» князя.

Именно так, по летописи, представился один из этих летописных героев – некий «Прѣтичь», который выступил во главе «людей оной страны Днѣпра» в защиту Киева, осаждённого печенегами, когда Святослав был в болгарском походе. Когда «князь печенѣжский» спросил его: «а ты князь ли еси?», Претич ответил: «азь есмь мужь его и пришель есмь въ сторожѣх, по мнѣ и деть полкъ со княземъ...». После этого диалога летописец описывает заключение мира между печенежским «князем» и Претичем с рукобитьем и обменом дарами⁹⁷. Претич выступает в сущности таким же «словом», каких мы видим в списке договора 944 г. Представляя-замещая князя, он выступает от его имени и защищает его интересы. Претич – «муж» Святослава, но вместе с тем он и в известной мере самостоятелен и значителен, ибо возглавляет некую группу местного населения и обладает достаточным статусом и достатком, чтобы заключать договор с вождём печенегов и одаривать его.

Таким образом, если ожидать появления Свенельда и Асмуда в договоре 944 г., то их место было бы среди послов, а не тех лиц, которые этих послов направили от своего имени. Но то, что оба в списке послов отсутствуют, вполне объяснимо. Ведь у киевского князя на службе состояли не один и не два человека, а многие, и наверняка их обязанности каким-то образом распределялись. «Иворъ соль Игоревъ, великаго князя рускаго», представлял в 944 г. интересы Игоря в Византии. Значит, Свенельд и Асмуд защищали его интересы где-то ещё. Так, собственно, и следует из летописи: Свенельд занят борьбой с древлянами, а задачей Асмуда была забота о молодом Святославе (и именно постольку, поскольку он, «кормилец» княжича, был занят попечением о ребёнке, он и не мог отправиться в Византию – интересы Святослава там представляет другой «княжий муж», некий Вуефаст). Нет ничего странного, что ни тот, ни другой не упоминаются в договоре 944 г.

С этой точки зрения не требует особых разъяснений упоминание «Свѣнальда» в договоре 971 г. Был ли этот Свѣнальд тождественен летописному Свенельду, состоявшему на службе Игоря, или нет, в любом случае, очевидно, он состоял на службе Святослава и выступал гарантом-поручителем заключённого соглашения со стороны руси (как Феофил, «синкел» при василевсе Иоанне Цимисхии, упомянутый с греческой стороны). В тех военно-полевых условиях, в каких оказался князь в Доростоле, Свѣнальд был просто его ближайшим доверенным лицом и одним из предводителей войска, поэтому и был упомянут в договоре с греками.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 65-67. Ср. почти так же: НПЛ 1950, с. 118-119.

Если отправители послов («архонты»/«князья-бояре») не были ни родственниками киевского князя, ни его «мужами»-«дружинниками», могли ли они быть «племенными князьями», подчинёнными киевскому правителю? Едва ли. Если отложить весьма сомнительные данные ПВЛ, то все «племена», которые мы можем подвести «под руку» Игорю и Ольге, – это те, которые упоминает Константин Багрянородный в другом трактате – «De administrando imperio» («Об управлении империей»). В одном месте он говорит как о «пактиотах» руси о «кривитеинах, лендзанинах и прочих славиниях» (то есть кривичах, лендзянах и других славянских народах); в другом он упоминает «славинии вервианов (возможно, древляне), другувитов (дреговичи), кривитов (кривичи), севериев (северяне) и прочих славян, которые являются пактиотами росов»; наконец, в третьем пишет как о «подплатёжных» руси об «ультинах, дервленинах, лендзанинах (уличах, древлянах и лендзянах) и прочих славянах»⁹⁸. Всё это – славянские народы-«племена». Однако в списке отправителей послов договора 944 г. преобладают имена скандинавские. Если говорить о «племенных князьях», то упоминание только трёх славянских имён в этом списке оказывается в совершенном диссонансе с данными Константина, в которых, между тем, нет никакого повода сомневаться.

Облик этих «архонтов» получается довольно загадочным, и вопрос о том, кто они были такие, встаёт теперь даже с большей силой, чем ранее. При сегодняшнем уровне наших знаний мне представляется наиболее убедительным следующий ответ на этот вопрос.

Ещё М. С. Грушевский обращал особенное внимание на совпадение численности «князей-бояр» договора 944 г. и «архонтов» в описании приёма Ольги у Константина и делал вывод, что эти «архонты» представляли собой «провинциальных князей» руси под верховенством киевского князя⁹⁹. Его рассуждения, не вполне последовательные и верные (во многом, вследствие его особенного взгляда на происхождение руси), не получили в науке распространения¹⁰⁰. Между тем, это совпадение численности является ключевым, и оно о многом говорит. Раз численность в разные моменты совпадает, значит, она была устойчивой. Объяснить такую устойчивость можно наиболее естественным образом предположением, что люди, оказывающиеся в разное время в одинаковом числе, представляли некие территории или центры. Разумеется, количество административно-территориальных единиц внутри одного политического образования значительно более стабильно и не меняется так быстро и сильно, как количество людей, составляющих те или иные социальные, родственные, профессиональные и прочие группы. Таким образом, эти 25 «князей»/«бояр» («архонтов») являются относительно самостоятельными правителями неких от-

⁹⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей, с. 45, 51, 157 (главы 9 и 37).

⁹⁹ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. І. Київ, 1991 (репринт 3-го изд. 1913 г.), с. 424.

¹⁰⁰ Лишь А. С. Королёв высказывает близкие суждения: Королёв А. С. История междукняжеских отношений..., с. 36, 73; Королёв А. С. Святослав, с. 42-44, 177.

дельных территорий, которые были, однако, объединены понятием Русь/Русская земля и верховной властью одного из этих «архонтов» – киевского.

Такой вывод вступает в противоречие с той картиной киевского «единодержавия», которую рисует летопись. Летописное повествование сфокусировано на истории одной династии Рюриковичей и альтернативы ей не предполагает. О существовании каких-то князей или бояр, которые управляли где-то на территории Руси локальными центрами по родовому наследственному праву, летопись не упоминает. Тем не менее, в литературе уже неоднократно высказывались подозрения, что в этом отношении летописцам XI–XII вв. доверять нельзя. Для них никакой другой легитимной власти кроме власти Рюриковичей уже, конечно, не могло быть, но реальная политическая ситуация в более раннее время вполне могла выглядеть более «полицентрично».

И в самом деле, намёки на власть, параллельную власти киевских князей, можно разглядеть в случайных летописных замечаниях о каких-то правителях, независимых или полу-зависимых от киевской династии (Рогволод в Полоцке, некий Туры, от которого якобы пошло название города Туры и др.). Поэтому представляется не столь важным, есть ли какие-то расхождения между полученным выводом и составленной *ex post* и тенденциозной летописью. Гораздо важнее проверить, не возникают ли какие-то противоречия между этим выводом и теми источниками, от которых он отталкивается, – то есть договорами и свидетельствами Константина.

Первый вопрос, который возникает, если признать тезис о 25 «архонтах» и «архонтиссах» Руси: что за территории они представляли? К сожалению, ответ на этот вопрос не может быть точным по той простой причине, что мы весьма приблизительно представляем себе территорию и размеры самой Руси в X в., внутри которой должны были находиться эти «архонты», признававшие верховный авторитет киевского князя.

«Русская земля» и «страна Руская» несколько раз упоминаются в договоре 944 г., и как минимум однажды слово *русь* употребляется для обозначения определённой территории («да идти в дома своя в Русь»¹⁰¹). «Русская земля» известна и договору 911 г., а «русь» как обозначение территории – тому тексту в статье ПВЛ 6415 г., который можно теоретически возводить к «договору 907 г.».

Историки уже давно пытались определить местоположение и границы этого государства. В XIX в. отталкивались от данных ПВЛ, но прежде всего от списка «русских городов», который приводит летописец в статье 6415 (907) г. в составе «договора 907 г.». Олег якобы добился от греков согласия «даяти у[к]лады на русские города: пѣрвое на Киевѣ, таже и на Черниговѣ, и на Переяславѣ, и на Польтескѣ, и на Ростовѣ, и на Любечѣ и на прочая города, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подѣ Ольгом суще»¹⁰². Но А. А. Шахматов показал, что этот список является чистой реконст-

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 51.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 2, стл. 22.

рукцией летописца. Само постановление об «укладах» основано на эпизоде рассказа НІЛм о походе Олега на Византию (в статье под 6430 г.). Первые три города в этом списке – Киев, Чернигов и Переяславль – указаны в договоре 944 г. как раз в той статье (о выдаче корма послам и купцам руси, останавливающимся в Константинополе), которая приводится ниже в тексте «договора 907 г.». В этой статье, читающейся в «договоре 907 г.» практически так же, как и в договоре 944 г., только с небольшим сокращением, видим: «и тогда возмут мѣсячное свое, пѣрвое от города Киева, паки ис Чернигова, и Переяславля и прочии городы»¹⁰³. Остальные города (Полоцк, Ростов и Любеч) составитель ПВЛ приписал, «согласуя это с тем, что раньше им было рассказано об объединении городов под властью» Рюрика и Олега (в статьях ПВЛ под 6370 (862) и 6390 (882) гг.)¹⁰⁴.

Но можно ли опираться на этот «краткий» список, состоящий из трёх городов, в «договоре 907 г.» и договоре 944 г. как на аутентичный? Как выясняется, и относительно него возникают большие сомнения. Дело в том, что Переяславль, указанный в списке третьим, ни в 944 г., ни тем более в 907 г. просто ещё не существовал. В литературе давно обращалось внимание на то, что сама же ПВЛ рассказывает об основании Переяславля в конце X в. (в рассказе о битве с печенегами и подвиге некоего отрока в статье 6500 (992) г.), и предлагалось считать упоминание города в договорах вставкой¹⁰⁵. Древнейшие археологические слои в Переяславле относят ко времени не ранее конца X в.¹⁰⁶ Джон Линд сделал вывод, что указание Киева, Чернигова и Переяславля в договорах – такая же конструкция составителя ПВЛ, как и весь «договор 907 г.», потому что эта триада соответствует реалиям Руси конца XI – начала XII в., когда именно в этих трёх городах располагались важнейшие княжеские столы¹⁰⁷.

Недавно А. А. Горский, согласившись с тем, что упоминание Переяславля является недостоверным, высказал убеждение, что, тем не менее, указание Киева и Чернигова восходит к оригиналу договора 944 г. По его мнению, изначально в договоре упоминался третьим какой-то другой пункт, а Переяславль появился под пером позднейшего переписчика, не разобравшего или не понявшего оригинал¹⁰⁸. С историком можно согласиться в том, что само указание на города в статье о режиме пребывания людей из Руси в Константинополе нет оснований считать вставкой летописца, – зачем

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах..., с. 395-296. О вторичности городов в «договоре 907 г.» ср.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2002, с. 29, 45-48; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984, с. 57-58.

¹⁰⁵ Середонин С. М. Историческая география. Лекции. Пг., 1916, с. 166.

¹⁰⁶ См.: Колибенко А. В. До питання про час виникнення Переяславля Руського // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. Київ, 2004, с. 153-158.

¹⁰⁷ Lind J. H. The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus' // Slavonic and East European Review. Vol. 62 (1984). № 3, p. 364-367.

¹⁰⁸ Горский А. А. Об упоминании Переяславля в русско-византийских договорах X в. // ВЕДС. Чтения XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009, с. 82-86.

ему надо было бы вмешиваться в текст договора именно в этом месте и именно таким образом (в то время как следов его вмешательства в других местах на протяжении всего текста договора нет)? Однако, по поводу того, какие города или какой город именно был(и) первоначально указан(ы), можно высказывать разные соображения.

Например, вполне возможно, исходя из контекста договора 944 г., предположить аутентичность упоминания только одного Киева, поскольку в разных статьях этого документа всячески подчёркиваются особое положение и особая роль в отношениях Руси и Византии киевского князя (в том числе как раз в статье, предшествующей постановлению о корме послов и купцов и предписывающей киевскому князю запретить руси творить «бецинья» в Византии). По общему смыслу договора ожидается, что именно и только послы и купцы, посланные киевским князем, должны получить в Константинополе привилегии по сравнению с «объчими слами» и прочими купцами. В таком случае в оригинале это место должно было читаться так: * «тогда возьмут мѣсячное свое, съли слобное, а гостье мѣсячное, первое от города Киева, паки и ис прочих городов» (либо вообще без слов «паки и ис прочих городов») ¹⁰⁹. Появление Чернигова и Переяславля после упоминания Киева надо объяснять как стремление летописца согласовать это место с теми списками городов, которые он сам дал выше в статье 6415 г., конструируя текст «договора 907 г.». А в том, что он помимо первого, расширенного («длинного») списка «русских городов», дал ещё «краткий» (из трёх городов), естественней всего видеть, действительно, следствие ориентации на современное ему положение «Русской земли» (в узком смысле) с тремя центрами – Киевом, Черниговом и Переяславлем.

Как бы то ни было, упоминание городов в договоре 944 г. не может служить надёжным свидетельством. Кроме этого упоминания, в договоре единственным намёком о местоположении Руси являются указания Днепра и «Корсунской страны», с людьми которой русь, видимо, часто сталкивалась. В договорах 911 и 971 гг. «зацепиться» и вовсе не за что, и для определения того, где находилась «страна Руская» договоров, историкам приходится обращаться к другим источникам. В суждениях, к которым в итоге они приходят, нет единства, но всё-таки наиболее убедительной и признанной в науке может на сегодняшний день считаться локализация Руси X века в

¹⁰⁹ Это место даётся с одним разночтением в разных летописных списках (что, возможно, свидетельствует как раз о вмешательстве летописца в текст оригинала в этом месте). Указание после перечисления Киева, Чернигова и Переяславля на «прочии города» отсутствует в ЛаврЛ и летописях НовСофСв: «тогда возьмут мѣсячное свое, съли слобное, а гостье мѣсячное, первое от города Киева, паки изъ Чернигова и Переяславля» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 49). В ИпатЛ, РадзЛ и МосАкадЛ: «...пѣрвое от града Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля и прочии города (РА: и ис прочих городов» (ПСРЛ. Т. 2, стл. 37). Шахматов считал, что в оригинале о «прочих городах» не было речи (*Шахматов А. А. Повесть временных лет...*, с. 632). Но доверять ЛаврЛ и летописям НовСофСв в данном случае совсем необязательно; в ряде случаев в текстах договоров ИпатЛ даёт явно лучшие чтения. К тому же, этот же список городов приводится в статье с «договором 907 г.» именно с упоминанием «прочих городов» – и так по всем спискам (кроме ЛаврЛ, в которой здесь не хватает листов), включая, вероятно, и сгоревшую Троицкую летопись (*Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста.* СПб., 2002 (1-е изд.: 1956 г.), с. 65).

среднем Поднепровье. Наиболее подробно и обстоятельно её обосновал А. Н. Насонов, выделивший в летописании XI–XIII вв. целый ряд указаний на некую территорию в этой области, которая называлась «Русь» и «Русская земля», но отличалась при этом от «Русской земли», обнимавшей всю территорию, подвластную князьям-Рюриковичам¹¹⁰.

Образование этой «Русской земли в узком смысле» Насонов возводил к весьма древним временам (вплоть до IX в.), указывая на различие русина и словенина в Древнейшей Русской Правде и на другие данные. На этой территории, границы которой позднее уточнил В. А. Кучкин, располагались, по летописным упоминаниям XI–XIII вв. 22 пункта и района¹¹¹. Последняя цифра заставляет вспомнить число «архонтов» по договору 944 г. и описанию приёма Ольги Константином, хотя надо признать, что большинство городов из этих 22 пунктов и районов возникло, судя по всему, позднее середины X в.

Большое значение для определения территории, подчинённой киевскому князю и освоенной русью, имеет рассказ Константина Багрянородного о руси в 9-й главе «De administrando imperio». Интерпретация этого текста, явно неоднородного и склеенного из отрывков разного происхождения¹¹², связана с целым комплексом разнообразных и весьма непростых вопросов. Не вникая во все детали и элементы этого комплекса, обращу внимание на два аспекта, важных для целей данного исследования.

Во-первых, из рассказа Константина однозначно и несомненно следует, что он считал столичным центром Руси Киев, но в то же время связывал с русью ещё целый ряд пунктов в Поднепровье (в составе «Русской земли в узком смысле слова» – Чернигов, Вышгород, Витичев и Любеч, плюс Смоленск в верхнем Поднепровье) и Новгород на Волхове¹¹³.

Во-вторых, знаменитое описание «зимнего и сурового образа жизни росов», приведённое в этой главе «De administrando imperio», содержит информацию, которая как будто, на первый взгляд, противоречит тезису об «архонтах» руси как главах локальных центров. Рассказывая о прокормлении «росов» зимой в полюдь, Константин пишет, что все они отправлялись в полюдь именно из Киева и туда же возвращались. Так выглядит этот рассказ: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно – в славинии вервианов, другувитов, кривитов, севериев и прочих славян, которые являются пак-

¹¹⁰ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование..., с. 27 и след.

¹¹¹ Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГ: 1992-1993 гг. М., 1995, с. 95.

¹¹² Ср. последнее текстологическое исследование трактата с рядом интересных и неожиданных заключений: Howard-Johnston J. The De administrando imperio: A Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997. Éd. M. Kazanski, A. Nersessian et C. Zuckerman. Paris, 2000, p. 301-336.

¹¹³ Константин Багрянородный. Об управлении империей, с. 45; ср. комментарии – с. 310-314.

тиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лёд на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию»¹¹⁴.

В этом пассаже Константин снова упоминает «архонтов» «росов». Он говорит о них во множественном числе, и это соответствует тому, что мы видели в «De ceremoniis» и в договорах 911 и 944 гг. Далее обращают на себя внимание слова императора, что «архонты» выходят из Киева «со всеми росами (μετὰ πάντων τῶν Ῥώζ)». В литературе это упоминание «всех росов» вызывает трудности и комментарии, и на этом надо остановиться подробнее.

Дело в том, что буквальное понимание этих слов приводит к явной бессмыслице и явно противоречит тому, что пишет о «росах» сам Константин, отмечая города, из которых они плавают в Византию, упоминая о границах «Росии» с печенегами и т. д. – *все* «росы» никак не могли жить только в Киеве и они не могли *все* покинуть Киев на зиму, уходя к славянам-пактиотам.

Не находя возможности найти какое-то простое понимание этому выражению Константина, учёные ещё в XIX в. склонялись к мнению, что император вкладывал в него не прямой смысл, а метафорический. Наиболее популярной стала мысль, что под «всеми росами» имелись в виду здесь не буквально все представители этого народа, а только определённый его класс – тот, который прежде всего и кормился в полюдьё, то есть военная элита или «дружина». Причём это выражение сопоставлялось с оборотами, которые можно встретить в ПВЛ и в других летописных сводах и текстах. «Чисто русское выражение Константина μετὰ πάντων τῶν Ῥώζ, – писал, например, С. А. Гедеонов, – перевод нашего “вся русь”, “вся земля Русская” и означает всю русскую княжью, весь двор русских князей как представителей Русской земли»¹¹⁵. Позднее эта мысль и сопоставление текста Константина с летописью стали использоваться как аргумент в дискуссии о происхождении самого слова *русь*, и некоторые современные учёные с помощью этого аргумента пытаются доказать, что слово изначально имело «социальный смысл» и обозначало скандинавскую «дружину», пришедшую в Восточную Европу¹¹⁶.

Такого рода аргументы не выдерживают критики. И без специальных разъяснений понятно, что никакой связи между сочинением византийского императора середины X в. и древнерусскими летописями конца XI, XII-го и последующих веков быть не может. И дело не спасает даже как будто бы более серьёзное и научно обоснованное (чем смелые, но наивные сопоставления учёных XIX в.) предположение Д. Оболенского, что «πάντων τῶν Ῥώζ» Константина – это «буквальный перевод славянской

¹¹⁴ Там же, с. 50-51.

¹¹⁵ Гедеонов С. А. Варяги и Русь. Историческое исследование. М., 2005 (1-е изд.: 1876 г.), с. 453.

¹¹⁶ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название *русь* в этнокультурной истории древнерусского государства (IX–X вв.) // ВИ. 1989, № 8, особ. с. 29-30; Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Том I (Древняя Русь). Составители А. Д. Кошелев, В. Я. Петрухин. М., 2000, с. 105 и след.

идиомы *вся русь*»¹¹⁷. Оболенский, обращая внимание на передачу Константином слова *полюдые*, исходил из того, что информатором императора был человек, владевший «славянским» (древнерусским) языком, – от него-то якобы Константин и перенял эту «идиому».

Однако для предположений о каких-то идиомах мы явно не располагаем достаточным материалом. Словосочетание «вся русь» используется собственно в тексте ПВЛ только однажды – в рассказе о призвании варягов, фраза которого с данным словосочетанием, как уже отмечалось в главе III (§ 2.1), принадлежит перу самого составителя ПВЛ, который исправлял НС. Позднейшие летописцы употребляли другое выражение: «вся земля Руская».

Кроме этого места в ПВЛ, словосочетание «вся русь» появляется ещё только в договорах руси и греков, которые, как уже говорилось, попали в летопись на этапе составления ПВЛ. Не нужно исключать того, что составитель ПВЛ в своём рассказе о призвании варягов просто позаимствовал это словосочетание из договора. Появление же «всей руси» в договорах руси с греками X в. понятно по самим цели и смыслу составления этих документов, то есть объясняется дипломатической практикой и «жанром» документа. Мирное соглашение, чтобы быть максимально гарантированным от нарушения, заключалось и с той, и с другой стороны как бы (формально) от лица всего народа или государства, всех «подданных» соответствующих правителей¹¹⁸.

Напомню формулировки договоров. В преамбуле договора Олега с греками говорится, что он заключён не только от его имени, но и «от всѣхъ, иже суть подь рукою его сущих руси»¹¹⁹. Согласно договору Игоря, послы для заключения мира прибыли «от Игоря, великого князя русаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людии Руския земля»¹²⁰. Наконец, в договоре Святослава сказано о клятве Святослава: «яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ и со мною боляре и русь вся...»¹²¹. Всё это – естественные формулы правовых документов внешнеполитического характера, и к тому же не надо забывать, что оригинал этих документов составлялся греками на греческом языке; «славянских идиом» здесь быть не могло. Если уж и допускать какое-то внешнее влияние на текст Константина в этом месте, то следовало бы думать как раз о договорах, один из которых – договор 944 г. – ему был, наверняка, хорошо известен, по-

¹¹⁷ См. в комментарии Оболенского к изданию «Об управлении империи»: Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio*. Vol. II: Commentary by F. Dvornik, R. J. H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. Edited by R. J. H. Jenkins. London, 1962, p. 59.

¹¹⁸ В этом смысле выражения русско-византийских договоров, действительно, сопоставимы с выражениями других международных договоров, на что указывают Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин, ссылаясь, например, на договор Новгорода с Готским берегом конца XII в., который был заключён от имени «всех новгородцев» (Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ: 1990 г. М., 1991, с. 224-225). Но такого рода данные свидетельствуют лишь о характерных и общепринятых формах международной договорной практики; они не могут дать никакой опоры для предположений об «идиомах» или обсуждения соотношения летописных чтений.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 2, стл. 24.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 1, стл. 47.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 73.

сколькx он должен был постоянно обращаться к этому документу в дипломатических сношениях с русью.

Если даже допустить мысль о «славянской идиоме» и вдуматься в текст этой главы «*De administrando imperio*», нельзя не задаться вопросом, почему Константин вообще должен был передавать в своём сочинении эту идиому, услышанную от собеседника. Ведь для того, чтобы выразить простую мысль о движении куда-либо *всех росов*, вполне хватало средств греческого языка (в отличие от обозначения специфического явления полюдья, совершенно неизвестного и чуждого грекам). И, наконец, надо отметить, что Константин пишет не о «всей руси», а именно о «всех росах» (во множественном числе).

Таким образом, мысль о «чисто русском выражении», якобы ненароком проскочившем у греческого венценосного писателя середины X в., следует в любом случае отбросить. Другое дело, что теоретически нельзя исключать отражения в тексте «*De administrando imperio*» некоего особого «социального» значения слова *русь*. Однако, проблема в том, что главным аргументом в пользу идеи о «социальном» значении этого слова, в литературе до сих пор являлось указание как раз на одно это место Константина (во всех других случаях употребления Константином слова Ῥῶς оно у него выступает только как этноним¹²²). Все остальные соображения либо весьма спорны, либо носят крайне расплывчатый и гипотетический характер¹²³, и они теряют всякую силу, если усомниться в соответствующей интерпретации выражения Константина. Многие учёные, высказывая такие сомнения, и не признавали никакого «социального» значения за словом *русь* и видели в нём только этническое и территориально-политическое значения¹²⁴.

Чтобы не попасть здесь в замкнутый круг, где два неизвестных доказываются одно с помощью другого (*circulus in demonstrando*), лучше, если возможно, предложить альтернативное решение проблемы. Такое решение в данном случае, на мой взгляд, есть, и оно было в своё время обозначено Е. А. Мельниковой, хотя и мельком (по ходу рассуждений, направленных на доказательство тезиса о «социальном» зна-

¹²² Ср., например: *Sorlin I. Voies commerciales, villes et peuplement de la Rōsia au X siècle d'après le De administrando imperio de Constantin Porphyrogénète // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997. Éd. M. Kazanski, A. Nersessian et C. Zuckerman. Paris, 2000, p. 344-354.*

¹²³ Ссылаются на происхождение слова *русь*, – но это проблема дискуссионная, где много спорных и неясных моментов, – а также приводят случаи обозначения словом *русь* в разных языках и в разное время тех или иных социальных или профессиональных групп. Однако, во всех приводимых примерах эти обозначения всегда легко объясняются как обусловленные конкретной ситуацией, когда более общим этническим именем определяются те группы людей, с которыми преимущественно имеет дело тот, кто их определяет. Так, в древних арабских источниках «ар-рус» выступают как будто бы только воинами и торговцами – но это и естественно, поскольку арабы сталкивались именно с этого рода представителями народа руси.

¹²⁴ Ср., например, последовательное изложение такого взгляда: *Греков Б. Д. Образование древнерусского государства и происхождение термина «русь» // Очерки по истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Ч. 1: IX–XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. М., 1953, с. 78-79. Из недавних работ: Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкторы. Ижевск, 2007, с. 269.*

чении имени *русь*). Исследовательница, опираясь на замечания А. Я. Гуревича, совершенно справедливо написала, что «отождествление названия племенного союза (позднее – народности) с наименованием его правящей верхушки представляет типичное для раннего средневековья явление». Такое отождествление происходит по хорошо известному принципу (и употребительному далеко не только в раннее средневековье) «приравнивания части и целого как взаимозаменяемых единиц» – *pars pro toto*¹²⁵. Именно так средневековые книжники, когда в описании сражений, переговоров и т. д. писали о «всей Русской земле», о «всех данах», «всех франках», «всех мужах Чешской земли» и т. д., имели в виду, конечно, не буквально всех представителей того или иного народа, а лишь его «лучшую», наиболее выдающуюся и влиятельную (прежде всего, политически) часть – то есть элиту или знать.

Применение этого принципа *pars pro toto* мы и видим в тексте Константина. Употребляя слова «со всеми росами», он – или его информатор – имели в виду лишь некую верхушку руси, которая отправляется кормиться в полюдья. Во главе этой верхушки стояли «архонты», но кто ещё в неё входил, из текста «*De administrando imperio*» не видно. В русскоязычной литературе, правда, часто в этой связи упоминают неопределённо некую «дружину», но в этих упоминаниях нет ничего, кроме отсылки к летописной «дружине» и влияния историографической традиции. Х. Ловмянский, например, понимал «всех росов» как «феодальную знать», противопоставляя её собственно воинам-дружинникам¹²⁶. В любом случае, на основе только самого текста Константина все эти определения будут гадательны, и предполагать какое-то особое значение за самим словом *русь* не нужно – ведь таких значений никто не предполагает за обозначениями «даны», «франки», «чехи» и т. д.

Возвращаясь к тезису об архонтах как главах локальных центров Руси. Естественно, возникает вопрос, как же эти «архонты» могли представлять иные пункты и территории Руси, если из сообщения Константина выходит, что если не «все росы» буквально, то некоторая их «лучшая» часть во главе с архонтами имела местом жительства именно и только Киев. На этот вопрос возразить было бы нечего, если бы можно было признать это заключение из чтения трактата справедливым. Однако, если поставить сообщение императора в контекст прочих сведений о полюдьи и трезво оценить его, то доверие ему сильно поубавится.

Прежде всего, даже если не воспринимать слова «со всеми росами» буквально, остаётся недоумение, как и почему так получилось, что вся «лучшая» часть руси сконцентрировалась в одном только Киеве. Из рассказа Константина ясно, а ещё лучше известно из других источников, что в полюдьи ходило сравнительно много людей – целью было именно прокормить целый большой класс людей, а не только уз-

¹²⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей, с. 307.

¹²⁶ Ловмянский Х. Русь и норманны..., с. 202-203.

кий элитарный слой ¹²⁷. Неужели весь этот класс проживал или базировался только в одной столице?

Кроме того, император пишет, что из Киева «росы» отправляются в полюдья к славянским народам, которые, как мы знаем и от самого Константина, и из летописи, проживали на территориях весьма обширных и лежащих довольно далеко от Киева. Элементарные подсчёты расстояния и времени подсказывают, что одной толпой объехать за одну зиму все эти территории не было никакой возможности. Попытки некоторых историков представить дело как «централизованный» объезд «пактиотов» из Киева в силу некоего «монопольного права» киевского князя на полюдье, оказались неудачны и неубедительны ¹²⁸. Гораздо более вероятной представляется схема, подразумевающая, что объезды по полюдьям совершались не одной, а разными группами по отдельности. Эти «кружения» происходили не из одного центра, а из многих – группы выходили каждая из своего центра и разъезжались каждая в определённый регион, вероятно, ближайший к этому центру ¹²⁹. Напрашивается мысль, что во главе этих групп и стояли как раз те самые «архонты», которые всё-таки должны были находиться в локальных центрах Руси, а не сидеть все вместе в столице.

Таким образом, подразумеваемый текстом Константина порядок, что в полюдье ходили только из Киева, представляется ошибочным. Конечно, «все росы» не могли располагаться в одном только Киеве, но едва ли мог там сидеть и весь их военно-торговый класс, который ходил в полюдья, а затем собирал монокилы в Византию. За сведениями и взглядами, которые отразил трактат василевса, стоит определённый «киевцентризм», вследствие которого общая картина «зимнего и сурового образа жизни» руси при всей её реалистичности и достоверности оказалась искажённой.

Этот «киевцентризм» 9-й главы «De administrando imperii» справедливо отмечает в последних работах А. В. Назаренко и заключает, что Константин, выделяя некую «внешнюю Русь», фактически относил к ней все земли и города «росов», кроме самого Киева ¹³⁰. Историк склонен видеть в таком взгляде автора трактата отражение некоего реального особого политического и правового статуса Киева.

Конечно, Киев выделялся в ряду прочих центров хотя бы как резиденция «главного» среди всех «архонтов» руси. Но всё-таки, учитывая другие данные, приведённые выше, акцент Константина на роли Киева представляется явно преувеличенным. На мой взгляд, этот акцент надо связывать не столько с какими-то реалиями,

¹²⁷ Ср.: *Присёлков М. Д.* Киевское государство..., с. 232 и след.

¹²⁸ Мысль о «централизованном» объезде: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982, с. 316 и след. Критика: *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996, с. 460-461.

¹²⁹ Так рассуждал в своё время М. С. Грушевский: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 1, с. 425-426. Так представляют дело современные историки: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура..., с. 60-62; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь..., с. 167-168; *Горский А. А.* Древнерусская дружина, с. 31.

¹³⁰ *Nazarenko A. V.* Fürstliche Residenz und Hauptstadt in der Alten Rus' (10.-12. Jahrhundert) // Places of Power – Orte der Herrschaft – Lieux du Pouvoir. Hrsg. von C. Ehlers. Göttingen, 2007, bes. S. 279-280; *Назаренко А. В.* Территориально-политическая структура Древней Руси..., с. 418-422.

сколько с тем источником, откуда собственно происходит информация, донесённая до нас Константином. Некоторые черты рассказа о полюдьё в 9-й главе (в первую очередь, сама передача древнерусского слова *полюдьё*) выдают, что источником информации был человек, сам побывавший на Руси и знакомый с древнерусским языком. Обычно предполагают, что это должен был быть какой-то византийский посланец, побывавший на Руси по приглашению и под покровительством киевского князя. Скорее всего, он был именно в Киеве и имел дело с киевлянами. Вполне естественно было бы, что этот человек, рассказывая затем императору или кому-то из греков, кто записал его рассказ для императора, об «образе жизни» руси, сообщал сведения в определённом преломлении – то есть со специфической к и е в с к о й точки зрения.

Такое понимание текста «De administrando imperio» позволяет, в конце концов, удержать предложенный выше тезис, что те люди, которые в сочинениях Константина выступают как «архонты» «росов», а в договорах 911 и 944 гг. как «князь»/«боляре» руси, были в реальности главами отдельных центров Руси. Что ещё можно о них сказать? Данные Константина как будто уже исчерпаны. Можно ещё обратить внимание на один пункт договора 944 г.

Выше уже цитировалась первая из статей договора, толкующих конкретные вопросы отношений руси и греков. Она устанавливает новую практику удостоверения полномочий послов и купцов, приходящих в Константинополь из Руси. Если ранее послы и купцы из Руси предъявляли «печати злати» (первые) или «сребрени» (вторые), то отныне они должны были приносить грамоты. Разные аспекты этой весьма любопытной статьи привлекали внимание учёных, но в данном случае для меня наиболее важным является вопрос, кто, собственно, уполномочивал послов и купцов из руси и ручался за них перед византийскими властями.

Об этом статья прямо говорит в первой фразе: «А великий князь руский и боляре его да посылають въ греки къ великимъ ц(еса)р(е)мъ гречскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми...». Отталкиваясь от результатов проведённого выше анализа, надо думать, что под «великим князем руским и болярами его» имелись в виду те же самые «архонты» во главе с киевским князем. Это выглядит вполне логично и естественно – мы уже видели, что они и в самом деле посылали от своего имени в Византию послов и купцов, каждый своих. Стоит отметить одну деталь в постановлении об удостоверении личности грамотой.

«Ныне же, – читается в договоре, – увѣдѣль есть князь нашъ посылати грамоту ко ц(еса)р(с)тву нашему: иже посылаеми бывають от нихъ [послы] и гостье, да принос[я]тъ грамоту, пишюче сице, яко послахъ корабль селько, и от тѣхъ да увѣмы [и] мы, оже съ миромъ приход[я]тъ». Если исправить ошибочное «князь нашъ» на «князь вашъ», смысл текста прозрачен: «князь» руси решил («увѣдѣль есть»), чтобы послы и гости, посылаемые «от них» – очевидно, от него и «боляр его», которые только что выше были упомянуты, – приходили в Византию с грамотой, в которой должно было

быть написано: «я послал столько-то кораблей». И из этих грамот («и от тѣхъ») греки будут знать, что эти представители руси пришли «с миром».

О том, какие цели какой стороной преследовались в этом переходе на новый порядок, спорят, но ясно, что речь шла о повышении «публичного» или «государственного» контроля над прибывавшими в Византию русью. Современные исследователи видят в отменённых «печатах» золотые и серебряные перстни-печатки, которыми сами же послы и купцы запечатывали документы и товары¹³¹. Если ранее они удостоверяли, так сказать, сами себя, то теперь за них несли ответственность те, кто их послал, – «архонты». Это означало повышение контроля и со стороны «архонтов», и со стороны греков, которые в случае нарушения порядка всегда знали, кому жаловаться – ведь число «архонтов» было стабильно и относительно невелико (меньше, во всяком случае, чем число послов и купцов), а их имена известны. Вместе с тем, очевидно, что указание в грамоте о количестве посланных кораблей было только в интересах греков, – это им было важно, чтобы приходили именно те (торговые) корабли, которые посылались «с миром» из Руси, и к ним не примыкали люди с иными, потенциально опасными для империи, целями.

Любопытная деталь этого постановления заключается в том отношении, которое обнаруживается между «великим князем» («князь вашъ») – очевидно, киевским князем – и «его болярами» (прочими «архонтами»): на первого возлагается решение о перемене способа удостоверения личности приезжающих руси, но при этом грамоты с указанием количества посланных кораблей вторые пишут сами. Надо подчеркнуть, что последний факт следует непосредственно из текста: «князь руский и боляре его» «посылають въ греки» «корабли, елико хотять, со слы и с гостьми», и послы и купцы «посылаеми от них», то есть князей/бояр (архонтов), приносят грамоту – очевидно, каждая группа послов и купцов имеет от своего архонта такую грамоту, составленную от первого лица: «послахъ корабль селько».

В литературе обычно не обращают внимания на эту деталь, подчёркивая высшую власть «великого» киевского князя, который в договоре выступает как будто главным партнёром и контрагентом греческих императоров, отвечая за всю русь «под ним»¹³². В самом деле, в ряде случаев его статус выделен особо в документе. Тут же постановляется, что если кто-то из руси прибудет без грамоты и будет «противиться»

¹³¹ См.: *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006, с. 60-61.

¹³² Наиболее резкие формулировки в таком духе можно найти в работе А. Н. Сахарова, который утверждает, что с 944 г. «любые сношения с империей отныне становятся прерогативой исключительно великокняжеской власти», и оценивает такое усиление «великокняжеской власти» как однозначно прогрессивное явление (*Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси, с. 242). Многие историки – в прямом противоречии с текстом источника – понимают вообще дело так, что грамоты с указанием кораблей выдавал всем только сам киевский князь, см., например: *Памятники русского права*. Вып. 1, с. 42; *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь..., с. 104; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь..., с. 156. В этом отношении едва ли не единственное исключение среди современных историков представляет Г. Шрамм, который обратил внимание на эту деталь, верно отметив, что корабли, послов и купцов посылает не один Игорь, а все «князья/боляре» – каждый от своего имени: *Schramm G.* Op. cit., S. 428.

грекам, то об этом безобразии греки будут писать в Русь «къ князю нашему». Затем приводится постановление общего характера: «да запрѣтитъ князь сломъ своимъ и приходящимъ руси седе, да н[е] творять бещинья...». Далее в фиксации обязательств стороны руси не нападать на «Корсунскую страну» и её готовности предоставлять «воев» по просьбе византийского императора тоже контрагентом указывается один «князь русский» или «великий князь».

К этим упоминаниям надо прибавить и выделение статуса Ивора, посла Игоря, «великого князя русского», которое отмечается в начале договора в списке послов. Ивор выделен впереди отдельно, а далее идёт список «объчих слов». Выражение «объчии слы» переводят как «общие послы» или «прочии послы»¹³³. Я. Малингуди понимает, видимо, «объчий» в смысле современного русского «обычный, привычный» и предполагает в греческом оригинале слова «συνήθεις ἀποκρισίου»¹³⁴. Более вероятным представляется мнение А. В. Назаренко¹³⁵, что в греческом оригинале должно стоять слово κοινός, которое преимущественно на Руси и переводили как *общий/общий*¹³⁶. И тогда в оригинале должно было быть: «κοινοῖ ἀποκρισίου». Правда, Назаренко исходит из более распространённого в античности значения слова κοινός «общий – относящийся ко всем», то есть «общественный». Однако, в византийских памятниках современных договорам (например, сочинениях того же Константина Багрянородного) слово κοινός выступает чаще в значении «общий – свойственный всем или многим», то есть «распространённый, простой»¹³⁷. Отталкиваясь от этого значения, на современный русский язык слова оригинала «κοινοῖ ἀποκρισίου (или πρέσβεις)» надо переводить как «простые/рядовые послы». Посол Игоря, таким образом, был особо выдающийся, а прочие – обычные, простые.

Вместе с тем, историки, на мой взгляд, слишком поспешно приписывают киевскому князю на основании этих данных договора «высший объём государственных,

¹³³ Калька «общие послы» в переводах Д. С. Лихачёва и А. А. Зимины: Повесть временных лет..., с. 160; Памятники русского права. Вып. 1, с. 36. В переводе И. Сорлэн: «les autres ambassadeurs» (*Sorlin I. Les Traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (II) // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Vol. II (1961). № 4, p. 447*). В переводе М. Хелльмана: «die übrigen Gesandten» (*Hellmann M. Die Handelsverträge des 10. Jahrhunderts zwischen Kiev und Byzanz // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil IV: Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit. Bericht über die Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Mittel- und Nordeuropas in den Jahren 1980 bis 1983. Hrsg. von K. Düwel, H. Jankuhn, H. Siems, D. Timpe. Göttingen, 1987, S. 661*). В переводе Л. Мюллера: «die gemeinsamen Gesandten» (*Die Nestorchronik: die altrussische Chronik..., S. 55*). В переводе С. Х. Кросс и О. Шербовиц: «the general envoys» (*The Russian Primary Chronicle. Laurentian Text. Translated and edited by S. H. Cross and O. P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge MA, 1953, p. 73*). В переводе А. Альберти: «messi comuni» (*I tratatti..., p. 85*).

¹³⁴ Малингуди Я. Русско-византийские связи... [Часть 1], с. 86.

¹³⁵ Назаренко А. В. Территориально-политическая структура Древней Руси..., с. 418.

¹³⁶ См., например: СДРЯ. Т. V, с. 568-570; «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Издание подготовили А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. II. М., 2004, с. 190, 630.

¹³⁷ Ср. примеры из средневизантийских памятников, где именно в таком значении выступает слово κοινός, в словарях (*A Greek-English lexicon: With a revised supplement. Compiled by H. G. Liddell and R. Scott. Revised and augmented throughout by H. S. Jones with the assistance of R. McKenzie and with the cooperation of many scholars. 9th ed. Oxford, 1996 и др.*).

социальных и юридических прав»¹³⁸. Не надо забывать, что в интересах прежде всего самих же греков было возложить ответственность за всех представителей руси, с которыми им приходилось сталкиваться, на киевского князя. Грекам было, конечно, удобно иметь дело с кем-то одним, кто отвечал за всех, – одному начальнику писать о бесчинствах кого-то из руси в Византии, у кого-то одного просить военные силы, обвинять, когда нарушались их интересы, кого-то одного за всех и т. д. Но нес ли действительности киевский князь единолично всю полноту ответственности за «всех русских людей» «под ним», – в этом вполне позволительно усомниться.

Указанная деталь постановления о перемене способа удостоверения полномочий руси, приехавшей в Византию, свидетельствует, на мой взгляд, как раз о том, что на самом деле сфера власти и полномочий киевского князя была не беспредельна (она, естественно, и не могла быть абсолютной в условиях того времени) и он делил ответственность за «всех русских людей» с другими «князьями»-«боярами», которые и представили своих послов и купцов для заключения договора, пусть и выделенных как «простые» («объчие»). Решение о переходе с печатей на грамоты приписывается киевскому князю, и возможно, замысел был таков, чтобы как-то централизовать процесс посылки кораблей из Руси в Византию – например, так, что «князья»-«бояре» посылают свои корабли со своими людьми, а грамоту, в которой они указали своё имя и количество кораблей, киевский князь заверяет¹³⁹.

Но вне зависимости от того, каков был замысел и как дело происходило на практике, важно подчеркнуть, что на практике контроль и полномочия киевского князя не были ни абсолютными, ни даже важнейшими – ведь всё равно каждый из «архонтов» сам должен был писать грамоты за посланные от себя корабли и людей, а следовательно, фактически отвечал за них перед византийским императором. Все дальнейшие слова о том, что «князь русский» должен что-то кому-то запрещать и что ему греческие власти на кого-то будут жаловаться, выглядят не более чем благими пожеланиями, действенность которых ничем не гарантируется. Никаких конкретных механизмов практического воплощения этих постановлений, как и вообще совместного контроля греческих и «русских» властей над людьми, курсирующими между двумя государствами, не предусматривается. В статьях, регулирующих проживание руси в Константинополе и устанавливающих порядок уголовных наказания и процессуальные нормы, ни о великом князе, ни о «его боярах», ни об их представителях никаких упоминаний нет.

¹³⁸ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь..., с. 156.

¹³⁹ Практика заверений тех или иных посланий (и вообще документов) со стороны некоей легитимной власти (или власти, выдающей себя за легитимную), естественно, была (и есть) широко распространена. Применительно к Руси X в. сошлюсь на пример такого рода заверения в знаменитом «Киевском письме», отправленном из Киева еврейской общиной (Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Перевод В. Л. Вихновича, редакция, послесловие и комментарии В. Я. Петрухина. Иерусалим, М., 2003, с. 24, 29-31, 62-65). Правда, кто и где именно заверил это послание, в науке остаётся спорным. См. последнее обсуждение вопроса: Zuckerman C. On the Kievan Letter from the Geniza of Cairo // *Ruthenica*. Т. X. Київ, 2011, с. 9-12.

В этом контексте вполне логично выглядела бы предложенная выше реконструкция места, где речь идёт о выдаче «месячины» из императорской казны, с упоминанием одного Киева без Чернигова и Переяславля (вставленных летописцем). Выделение послов и купцов, прибывавших из Киева (от киевского «великого князя»), из ряда остальных послов и купцов, посланных из «прочих городов» (очевидно, от прочих «архонтов»), надо тогда трактовать как привилегию, которую греки дали представителям киевского «архонта» как раз для того, чтобы поднять его статус среди прочих вождей руси, но одновременно и повесить его ответственность за них, чтобы потом, в случае необходимости, к нему и обращаться как к партнёру и контрагенту.

* * *

Обобщу результаты, полученные анализом договоров руси с греками и сообщений Константина Багрянородного. По этим источникам высшую прослойку государства руси X в. представляли люди, которых греки называли «архонтами» (ἄρχοντες). В славянском переводе договоров они фигурируют как «князья» или «бо(л)яре», и оба эти обозначения передают одно и то же греческое слово. В 40-50-е гг. X в. численность «архонтов» руси составляла 25 человек. Они представляли некие отдельные территории внутри политического образования, обозначенного в договорах как Русь или Русская земля, и признавали верховную власть киевского правителя (князя или княгини). Судя по количеству послов, отправленных Олегом и прочими «князьями» руси для заключения мирного соглашения с греками в 911 г., тогда их насчитывалось меньше – 15 человек. Увеличение их числа с 911 до 944 г. надо объяснить территориальным ростом государства и развитием новых локальных центров.

Власть этих территориальных владетелей передаётся по наследству, в том числе и женщинам. Хотя состоя «под рукою» киевского князя, эти quasi-правители от своего имени посылают своих представителей в Византию для заключения договора. Такое двойственное положение «архонтов» руси, возможно, объясняет колебания переводчиков договоров 911 и 944 гг., которые обозначали этих людей то князьями, то боярами. С одной стороны, как самостоятельных территориальных владетелей их можно было назвать *князьями*, с другой – как лицам подчинённым в какой-то степени киевскому князю, но включённым в процесс принятия важнейших политических решений, к ним подходило и обозначение *бояре*.

Какие именно территории и центры представляли «архонты», неясно, и ответ на этот вопрос зависит, прежде всего, от того, как представлять территорию Руси в середине X в. Опираясь на устоявшиеся в историографии взгляды, надо думать, что «архонты» представляли преимущественно города «Руской земли в узком смысле слова», хотя нельзя исключать и представительство отдельными «архонтами» некоторых «эксклавов» типа Новгорода или Смоленска.

И сообщение Константина, и позднейшие летописные известия свидетельствуют о том, что на Руси эпохи Игоря и Ольги, «ядро» которой локализуется в среднем Поднепровье, были разные локальные центры, в том числе города. В свете археологи-

ческих данных этот вывод можно сформулировать и в том смысле, что на этой территории было достаточно локальных центров, в которых могли бы разместиться и главами которых могли считаться «архонты» договора 944 г. и описания приёма Ольги. Только в среднем Поднепровье открыт ряд относительно крупных населённых пунктов, в том числе укреплённых и с явными следами военно-торговой элиты, расцвет которых приходится как раз на X в. Так, например, раскопаны городища по Десне, от Днепра до Чернигова и в районе Чернигова, самое известное из которых – городище у села Шестовицы, где открыты богатые захоронения с многочисленными элементами скандинавского облика. В этом районе насчитывается не менее 7-8 таких городищ¹⁴⁰.

Разумеется, тот факт, что, согласно договорам, и сами «архонты», и их представители, которые направлялись в Византию, носили в основном скандинавские имена, прямо соответствует тому присутствию древностей скандинавского происхождения, которое археологически засвидетельствовано в Восточной Европе с середины IX в. и явственно вплоть до конца X в. Богатые захоронения элитарного характера с элементами скандинавской культуры тяготеют, в основном, к бассейну Днепра и его притоков. Наиболее яркие из них – это курганы в Чернигове, которые историки давно уже окрестили «княжескими» (Чёрная Могила, Гульбище и др.)¹⁴¹. Выдающиеся черты этих погребений подталкивали учёных к предположениям о наличии в Чернигове каких-то особых правителей, княжеской династии и т. п. Разумнее, на мой взгляд, не пускаться здесь в гадания, а вспомнить как раз об этих «архонтах» руси¹⁴².

Раскапываются «княжеские» «могилы» в Чернигове или где-то ещё, – в данном случае важно подчеркнуть, что далеко не только в Киеве. Уместно вспомнить и о Гнёздовском археологическом комплексе – Смоленске десятого века. Здесь, помимо

¹⁴⁰ См., например: *Коваленко В., Моця А., Сытий Ю.* Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця 17–20 липня 2003 р.). Гол. ред.: П. П. Толочко. Чернігів, 2003, с. 51-83; *Коваленко В. П., Моця А. П.* Шестовица – южная «сестра» Рюрикова городища // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвошинская. СПб., 2010, особ. с. 100-101; *Коваленко В. П.* Дружинные лагеря в процессе становления древнерусской государственности на днепровском левобережье // ВЕДС. Чтения XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011, с. 114-119. В. П. Коваленко, правда, настаивает, что эти городища представляли собой «дружинные лагеря». Что такое вообще «дружинные лагеря», автор не разъясняет, а сами по себе археологические материалы ни в этом, ни в других случаях на самом деле прямых и непосредственных данных для заключений о «дружинах» и «лагерях» не дают. В литературе сегодня есть и другие интерпретации для Шестовицкого и других поселений в Подесенье. См., например: *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье; Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Отв. ред. Н. А. Макаров. М.-Вологда, 2012, с. 300-365.

¹⁴¹ Теперь, правда, археологи предпочитают другие названия. Так, богатое захоронение, открытое недавно в Шестовице, было названо уже «курганом конунга».

¹⁴² Об этом справедливо пишут Шепард и Франклин, сопоставляя сообщение Константина о людях архонтов руси и археологические данные (которым они вообще – вполне справедливо – уделяют много внимания): «Огромные, щедро наполненные инвентарём курганы – такие, как относящийся к середине X в. курган Чёрная Могила у Чернигова (со статуэткой Тора, в числе других вещей), – говорят о существовании состоятельных вельмож, которые вполне могли быть по своему статусу “знатью” или “князьями”» (*Франклин С., Шепард Дж.* Ук. соч., с. 198).

богатых захоронений со скандинавскими чертами, нашли также, например, византийские печати. Специалисты расценивают эти находки как свидетельство «прямых контактов с официальными представителями империи»¹⁴³. Этот вывод подтверждает ту интерпретацию статьи договора 944 г. о посылке «архонтами» Руси кораблей и послов в Византию, которая развивалась чуть выше. Всё это говорит против «киевоцентричного» понимания структуры государства руси в X в., которое может сложиться, если слишком прямолинейно воспринять данные Константина и договоров.

Некоторую пищу для размышлений о представительстве «архонтами» каких-то пунктов «Русской земли» дают данные о связи с определёнными городами членов семьи князя Игоря, которые тоже представили своих послов в 944 г. и тоже имели статус «архонтов», – Ольги и Святослава. О Святославе Константин сообщает в 9-й главе «De administrando imperio», что тот «сидел (ἐκάθηζετο)» – то есть, видимо, правил – в городе, который он передает по-гречески как Νεμοῦραβᾶς. Неясно, к какому именно времени надо относить это «сидение» Святослава, но учёные согласны в том, что имеется в виду Новгород на Волхове¹⁴⁴. Об Ольге говорит летопись в рассказе о покорении древлян, что треть дани, причитавшейся с них, она направила в Вышгород, «бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинь»¹⁴⁵. Трудно понять, что имел в виду автор этого указания, писавший не ранее начала-середины XI в., и в какой мере оно отражает действительность середины X в., но в нём можно увидеть намёк на то, что Ольга имела особую власть над Вышгородом (который не только относится к «Русской земле в узком смысле слова», но и является ближайшим укреплённым пунктом к Киеву). Вероятно, как «архонтисса» договора 944 г. она выступала главой Вышгорода.

Так или иначе, вне зависимости от связи с «архонтов» с локальными центрами Руси, их группа в два с лишним десятка человек не могла быть «дружинниками» киевского князя и не могла составлять один род Рюриковичей, как толкуют историки. «Мужи» на службе киевского князя и других «архонтов» представлены в договорах, но не в списке тех, кто посылал послов и купцов, а в списке самих послов. Род Рюриковичей состоял, конечно, далеко не только из тех фигур, о которых нам известно из летописи (при Ольге в Константинополе мы видим полтора десятка родственников), но статус полноценных «архонтов» имели, видимо, только избранные его представители. Если предполагать, что в списке отправивших своих послов в договоре 944 г. помимо четырёх родственников Игоря остальные люди из разных родов (а родственные связи между ними не указываются и не подразумеваются), но что, с другой стороны, каждый из отправителей послов был владельцем главой того или центра или территории, то род киевского князя получает явный перевес. Получается, что представители этого рода владеют бóльшим количеством городов/территорий, чем остальные «архонты».

¹⁴³ Пушкина Т. А., Мурашова В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Отв. ред. Н. А. Макаров. М.-Вологда, 2012, с. 273.

¹⁴⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей, с. 45, 310.

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 60; НПЛ 1950, с. 113.

Киевский князь, вероятно, имел и другие преимущества по сравнению с прочими «архонтами» (прежде всего, связанные со сбором торговых пошлин с тех, кто двигался по Днепру через Русь на юг), но всё-таки они были относительно независимыми политическими вождями руси. Об этом говорит и то, что они так же, как и киевский князь, считают ниже своего достоинства сами ездить в Византию для заключения договоров (и даже с Ольгой никто из них, кроме её «племянника», не поехал туда) и посылают вместо себя своих «мужей»-послов и купцов, и то, что они сами – каждый от себя – посылают в Византию корабли, письменно подтверждая свою ответственность за людей, отправившихся на этих кораблях.

В литературе уже высказывались мнения, что политическую организацию руси не стоит понимать как строго «монархическую» и централизованную и даже что, может быть, лучше говорить о нескольких государствах руси на территории Восточной Европы в IX–X вв. Не вдаваясь в обсуждение этих мнений¹⁴⁶, замечу только, что то политическое образование, о котором говорят данные договоров руси с греками и сочинений Константина (несравненно более надёжные и подробные, чем другие данные, которыми мы располагаем по истории Руси до конца X в.), в самом деле выступает скорее объединением «ярлов» «под рукою» киевского «конунга», как писали М. Д. Присёлков и А. В. Соловьёв, или союзом «различных харизматических кланов», как выражался О. Прицак¹⁴⁷. Отсылки к Скандинавии здесь, конечно, неслучайны – именно в этом регионе, как известно, едва ли не дольше всего в Европе (вплоть до XI–XII в.) сохранялись архаические социальные отношения, множественность политических центров и политических предводителей, относительная децентрализация и могущество родовой и местной знати (ярлов, стурманов, хёвдингов, «могучих бондов» и т. п.)¹⁴⁸.

В своё время И. П. Шаскольский писал, что «на Руси и в скандинавских странах процесс формирования государства шёл поразительно сходным путём, параллельно и в общих чертах синхронно». Сходство он видел, в частности, в том, что на раннем этапе государствообразования на территории будущего государства возникают локальные центры власти, во главе которых стояли «племенные князья». Об этих последних в скандинавских странах он писал так: «...для того чтобы различать этих племенных князей–конунгов от королей позднее возникшего государства (объединившего племенные области), тоже на скандинавских языках называвшихся “конунг”, для племенных конунгов в источниках иногда применяют термины “småkonungar”

¹⁴⁶ См. такое обсуждение в одной из недавних работ: *Горский А. А.* Русь: от славянского Расселения... с. 54 и след. Автор, правда, не соглашается со всеми этими мнениями и остаётся при традиционном для отечественной историографии взгляде, отрицая, что «в среде “росов” было несколько равноценных предводителей», и говоря лишь о «предводителях дружинных отрядов» и «служилой знати» в подчинении «киевской династии» (ср.: там же, с. 62, 73-74 и др.). Такой взгляд, как можно было уже заметить, данное исследование не поддерживает.

¹⁴⁷ *Голб Н., Прицак О.* Ук. соч., с. 92.

¹⁴⁸ См., например: *Гуревич А. Я.* Норвежское общество в раннее Средневековье // Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009, с. 289-322.

(“малые конунги”), “bygdekonungar” (“местные конунги”). Так, земля племени свеев состояла из нескольких областей, имела несколько (по данным одного источника, шесть) “малых конунгов”¹⁴⁹. Если отвлечься от употребляемых историком обозначений «племя», «племенной» и т. п., которые вызывают разные вопросы и сомнения, то не следует ли сопоставить этих «малых конунгов» с нашими «архонтами»? И не следует ли объяснить «поразительное сходство» политических процессов в первую очередь тем фактом, что во главе этих процессов в поднепровской Руси X в. стояли те же самые скандинавы?

Разумеется, нельзя представлять себе Русь середины X в. простым слепком скандинавского общества. В это политическое образование вошли массы местного славянского населения со своим социально-политическим укладом. Немаловажный фактор представляло влияние Византии – даже только по договорам видно, например, что статус «великого князя» киевского поднимался во многом в результате контактов с греками и воздействия византийских политических воззрений и практики. Эти и другие факторы – внутренний и внешний рост государства руси в течение X в., приведший к включению разных этнических и культурных элементов; широкомасштабные военные мероприятия; спад скандинавской колонизации; видимо, определённые экономические процессы и др. – привели к тому, что к началу XI в. социально-политическая структура этого государства изменилась. И одним из важнейших изменений (а может быть, и важнейшим) было исчезновение той группы местных предводителей руси, которых греки называли «архонтами», но которых, к сожалению, мы уже, видимо, никогда не сможем назвать их аутентичным именем (о нём можно только гадать – князья, бояре, конунги, ярлы, хёвдинги и т. д.). В летописных текстах XI–XII вв. от них никаких следов уже не обнаруживается, и эти тексты рисуют состав социальной верхушки Древнерусского государства уже иначе.

§ 3. Бояре в XI – начале XII в.

Итак, наблюдения над древнейшими упоминаниями слова *бо(л)ярин* в церковнославянских текстах и в договорах Руси и Византии убеждают в том, что слово было заимствовано в древнерусский язык в качестве обозначения выдающегося статусом человека, приобщённого к политической власти и к сфере принятия государственных решений (decision-making высшего государственного уровня, если пользоваться политологической терминологией). В договорах слова «бо(л)яре» и «князья» употребляются как синонимы для передачи греческого слова *ἄρχων*. Как было выяснено, под этим греческим словом скрывалась высшая знать, которой принадлежит государственная власть в Руси. Именно в том, что имелись в виду властители, выступавшие носителями «публичной» власти и политическими (а не «родоплеменными») лидерами,

¹⁴⁹ Шаскольский И. П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // ДГ: 1985 г. М., 1986, с. 97, 115.

обнаруживается важнейшая черта семантики слова *бо(л)ярин* – указание на государственно-политическую деятельность.

Однако в оригинальной древнерусской письменности, в том числе в летописи, бояре уже совсем не путаются с князьями. Очевидно, к моменту возникновения летописания на Руси, то есть к началу или середине XI в., соотношение этих терминов стабилизировалось. Князьями выступают только члены правящей династии Рюриковичей (*stirps regia*) или правители других (формально более или менее независимых) политических общностей (будь то Мал, князь древлян, или Болеслав польский и другие «князи околни»¹⁵⁰). Как увидим ниже, те бояре, которые фигурируют в летописи, даже в древнейших известиях, не обнаруживают никакой связи с «архонтами» договоров, являвшимися самостоятельными территориальными правителями. В исчезновении «архонтов» и состояла важнейшая трансформация политической организации Руси с середины X к началу XI в.

Исчезновению «архонтов руси» соответствуют и другие изменения, которые историки давно уже зафиксировали в первой половине – середине XI в. К 20-м гг. XI в., когда территория Руси, судя по всему, сильно выросла по сравнению с серединой X в., относится разделение Русской земли «в узком смысле слова» на две части между сыновьями Владимира Ярославом и Мстиславом¹⁵¹. Ясно, это разделение находилось в полном несоответствии с той политической организацией, которая представлена договорами 911 и 944 гг., – оно либо способствовало её разрушению, либо уже просто совершилось при её отсутствии.

Археология фиксирует упадок с рубежа X–XI вв. многих центров, процветавших в X в. Согласно заключению А. В. Кузы, который обобщил данные об археологически изученных городищах на территории Древней Руси, из 181 поселения, существование которого зафиксировано в IX – начале XI в., «на 104 поселениях жизнь прекратилась к началу XII в., причём на большинстве из них это случилось на рубеже X–XI вв.»¹⁵². Видимо, с этим связано явление, о котором много писали историки и археологи в последние десятилетия, – так называемые «парные центры» или «перенос городов»: возвышение новых поселений рядом с теми, которые активно развивались в X в., но забрасываются или хиреют в XI в. В основном, речь при этом идёт о процветавших в середине IX – середине XI вв. «торгово-ремесленных поселениях» типа Гнёздова или Тимерёва (на смену которым приходят, соответственно, Смоленск и Ярославль) и подобных центрах¹⁵³.

¹⁵⁰ Ср. о Владимире Святом в статье 6504 г.: «и бѣ жива съ князи околними миромъ – съ Болеславомъ Лядьскимъ и съ Стефаномъ Угрьскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 126).

¹⁵¹ См. известие ПВЛ под 6532 (1026) г.: «и раздѣлиста по Днѣпру Русьскую землю» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 149). Историческое значение этого раздела подчёркивает В. А. Кучкин: *Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным...*, с. 80.

¹⁵² Куза А. В. Древнерусские поселения: Укрепленные поселения // *Древняя Русь: Город, замок, село*. М., 1985, с. 42.

¹⁵³ См. обзор дискуссии и ценные комментарии к ней: *Носов Е. Н.* Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.*

Судя по тому, что после смерти Владимира борьба за государство, которое он возглавлял, разворачивается только между его сыновьями, последние уже вытеснили всех прочих политических лидеров. Очевидно, Владимир сознательно и целенаправленно перешёл на систему управления подчинёнными территориями посредством назначения туда своих сыновей в качестве наместников, и появление в летописи списка его сыновей с указанием, кто куда был поставлен, неслучайно¹⁵⁴. Правда, обращает на себя тот факт, что Владимир посылал сыновей только в области за пределами поднепровской Русской земли, которая, получается, оставалась нераздельной.

Таким образом, если ни в летописи, ни в других источниках XI в. нет никаких намёков на существование «архонтов», засвидетельствованных договорами, и если, с другой стороны, думать, что слово *бо(л)ярин* сохраняет на Руси в XI в. значение, присущее ему в церковнославянских текстах, надо ожидать, что обозначение «бояре» закрепляется за неким социальным слоем, представители которого причастны к сфере государственного управления, но не являются (полу-)самостоятельными главами отдельных территорий или центров ни в поднепровской Русской земле, ни где-то ещё и не представляют местные интересы каких-то центров и областей. Подтверждают ли источники XI в. это умозаключение?

3.1. Летописные данные

Как уже было выше замечено, тезис, выдвинутый С. В. Завадской и поддержанный некоторыми учёными, что слово *бо(л)ярин* не указывало на конкретную социальную группу, представляется не достаточно обоснованным. Исследовательница выдвинула в пользу этого тезиса, собственно, два аргумента: 1) слово *бо(л)ярин* в ранних древнерусских источниках (до начала XII в.) употребляется преимущественно во множественном числе и 2) оно часто упоминается в переводных памятниках, которыми могли пользоваться летописцы – например, в «Хронике (Продолжателя) Георгия Амартола» (и поэтому оно – «книжное заимствование»). Второй аргумент использует Т. Л. Вилкул, причисляя слово в ряд «книжных», «парадных и связанных с использованием хроник»¹⁵⁵.

Оба аргумента носят самый общий и даже умозрительный характер и имеют лишь относительное значение, тем более, что они у обоих авторов не опираются на исследование конкретных случаев употребления слова в соответствующих контекстах

Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя. (Новые материалы и исследования) (=Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XVIII). СПб., 2005, с. 19-22. Ср. также по этой проблеме: *Горский А. А.* Русь: от славянского Расселения..., с. 88-94.

¹⁵⁴ См. список в статье 6496 г.: НПЛ 1950, с. 159; ПСРЛ. Т. 1, стл. 121; т. 2, стл. 105. Список, видимо, в основе восходит к древнейшему летописному слою, хотя подвергался редактуре. Он сопоставлялся с перечнем сыновей Владимира в летописной статье 6488 г. в недавних работах: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004, с. 169-173; *Мухеев С. М.* «Святополкъ съде в Киевѣ по отци». Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009, с. 59-82, 143-145.

¹⁵⁵ *Вилкул Т. Л.* Ук. соч., с. 88, 92.

того или иного памятника. В том, что о боярах, в основном, говорится во множественном числе, нет ничего удивительного – большинство обозначений социальных категорий употребляется как раз для указания не на одно лицо, а на многих. Таким же образом в летописях упоминаются, например, те же отроки и гриди. Не случайно, в этих обозначениях используются часто производные с собирательным значением – подобно *гридь* и *гридьба* образуется и *болярство* (ср. в договоре 944 г.). Отдельные же примеры употребления слова *бо(л)ярин* в единственном числе встречаются (в том числе в одном из древнейших памятников древнерусской письменности – в Изборнике 1076 г.¹⁵⁶), и их указала сама же Завадская¹⁵⁷. В ПВЛ об Аскольде и Дире сказано «боярина» в двойственном числе¹⁵⁸.

Относительно «книжности» достаточно сказать, что Завадская привела лишь два примера заимствования конкретного текста со словом *бо(л)ярин* из переводных произведений в летопись¹⁵⁹. Более того, при проверке выясняется, что только в одном из этих двух примеров слово, действительно, переносится из внешнего источника в летопись. Исследовательница писала, что в ПВЛ было заимствовано из «Хроники Георгия Амартола» сообщение о крещении болгар с упоминанием бояр. Сообщение, в самом деле, является заимствованным, но, как выясняется при обращении к первоисточникам, оно не дословно, а сильно сокращено и переделано, и вместо «бояр», которых здесь упоминает составитель ПВЛ, в соответствующем контексте «Хроники» видим «вельмож»¹⁶⁰. Слово «бояре» было скопировано только в другом заимствовании в ПВЛ из «Хроники Георгия Амартола» – в рассказе об Аполлонии Тианине, который помещён в ПВЛ в статью 6420 (912) г.¹⁶¹. Рассказ этот сравнительно большой, перевод туманный, «бояре» упоминаются лишь однажды в месте второстепенном по сюжету и значению. Может ли этот один-единственный пример служить доказательством какого-то существенного влияния переводных хроник на летописи в смысле употребления слова *бо(л)ярин*, если учесть, что, например, в ПВЛ по ЛаврЛ (то есть до 1111 г.) это слово используется более 30 раз, не считая его производных и упоминаний в договорах с греками¹⁶²?

Слабость аргумента о «книжном» характере лексемы выявляется, если обратить внимание на то, в каких текстах начального летописания она упоминается. Так, в той части НЛМ, которая специально анализировалась в главе II (до конца X в.), слово *бо(л)ярин* употребляется в общей сложности 16 раз в статьях 6477, 6479, 6491, 6494,

¹⁵⁶ Изборник 1076 года. Т. 1, с. 424. Ср. выше.

¹⁵⁷ Завадская С. В. «Болярин»–«боярин»..., с. 93.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1, стл. 20; т. 2, стл. 15.

¹⁵⁹ Завадская С. В. «Болярин»–«боярин»..., с. 92. Вилкул собственных примеров не приводит.

¹⁶⁰ Ср.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 19; Истрин В. М. Книги времени и образныя Георгия Мниха... Т. I, с. 508.

¹⁶¹ Ср.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 39; т. 2, стл. 30; В. М. Книги времени и образныя Георгия Мниха... Т. I, с. 305-306.

¹⁶² Ср. в словоуказателе по ПВЛ: Творогов О. В. Лексический состав «Повести временных лет». (Словоуказатели и частотный словник). Киев, 1984.

6495, 6496 и 6504 гг. Напомню, что эта часть представляет собой, в общем (за исключением нескольких позднейших вставок и поверхностного редакционного вмешательства), довольно точное отражение свода середины 1090-х гг., который предшествовал ПВЛ (НС). В ряде случаев упоминания слова происходят из тех известий, которые, вслед за А. А. Шахматовым, надо относить к ещё более древним пластам начального летописания (например, рассказ о войнах Святослава в Болгарии в статье 6479 г. или сообщение о пирах Владимира в статье 6504 г. – по шахматовской схеме, восходящие к «Древнейшему Киевскому своду» 1039 г.). С другой стороны, слово присутствует и в произведениях нелетописного характера – в «Речи Философа» и «Сказании о варягах-мучениках». В части за XI в. НС, как известно, отразился в НІЛм лишь частично – видимо, отчасти в статьях 6522-6524 (1014-1016) гг., и непосредственно в статьях 6562-6582 (1054-1074) гг. Но и в этих статьях находим два упоминания бояр¹⁶³. В ПВЛ бояре появляются в целом ряде статей, дополнительных по отношению к НІЛм, то есть принадлежащих творчеству составителя (или точнее, составителей) ПВЛ – как в части за X в., так и за XI – начало XII в. В части за X в. – например, в упомянутой статье об Аскольде и Дире или в летописных обрамлениях к договорам руси и греков¹⁶⁴. В части за XI в. – например, в статьях 6526 (1018), 6538 (1030), 6594 (1086), 6601 (1093) гг.¹⁶⁵. В части за начало XII в. – в статьях 6620-6621 (1112-1113), 6623 (1115) гг.¹⁶⁶.

Выходит, что слово *бо(л)ярин* присутствует практически в каждом «пласте» и в каждой части (оригинальной или вставной по отношению к собственно летописным известиям) начального летописания XI – начала XII в., а значит, его использовал едва ли ни каждый автор или редактор, так или иначе причастный к составлению или обработке летописи. Такая ситуация отражает совсем не «книжные заимствования», а живое словоупотребление.

Относительно значения слова в летописи тоже едва ли могут быть какие-то сомнения. Летописание представляет бояр высшим социальным слоем (разумеется, после князей), который наиболее активно участвует в политических событиях и подаёт свой голос при принятии важнейших военных и политических решений. Это очевидно из целого ряда примеров, неоднократно приводившихся в литературе. Достаточно напомнить несколько примеров из уже разобранных текстов, относящихся к известиям за X в. и читающихся как в списках ПВЛ, так и в НІЛм (см. в главе III): бояре фигурируют на первом месте среди «людей своих» в рассказе о пирах Владимира, они же выступают главными советниками вместе со старцами в рассказе об испытании вер и главной опорой Святослава в его балканских предприятиях и т. д.

В известиях ПВЛ за XI в. такое «государственно-политическое» значение бояр очевидно, например, из известия 6526 (1018) г., в котором говорится, что польский

¹⁶³ НПЛ 1950, с. 169, 197.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. 1, стл. 20, 46.

¹⁶⁵ Там же, стл. 143, 149, 206, 217.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. 2, стл. 274, 276, 280, 282.

князь Болеслав взял в качестве заложников бояр Ярослава вместе с княжнами – его сёстрами, или из рассказа о торжественном перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 г., в котором участвовали три брата Ярославича Изяслав, Святослав и Всеволод «каждо с бояры своими»¹⁶⁷. В рассказе об ослеплении Василька Тербовльского упоминается, что Святополк, князь киевский, для решения судьбы пленённого Василька «созва боляръ и кыянъ» и выслушал их совет: «и рѣша боляре и людье...» и т. д.¹⁶⁸ Принятие важнейшего политического решения в данном случае происходит примерно по той же схеме, что и в рассказе о крещении Руси при Владимире, и бояре выступают лицами, в первую очередь ответственными за это решение.

В нескольких известиях, относящихся к XI в., бояре выступают вне политического или военного контекста. Например, в известиях о смерти тех или иных князей: после смерти Владимира Святославича «плакашася по немь боляре и акы заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя»¹⁶⁹; тело убитого в 1086 или 1087 г. Ярополка Изяславича встречали, выйдя из Киева, князья «и вси боляре и бл(а)ж(е)нии митрополить Иоан с черноризци и с прозвутеры и вси кияне»¹⁷⁰.

В такого рода контекстах отличие бояр чисто социального характера – они просто как люди более выдающиеся отличаются от «убозих» и «киян». Но это совершенно не мешает выступать тем же людям группой, претендовавшей на ведущую военнополитическую роль и тесно связанной с правителем. Укажу на один яркий пример в летописной статье, которая разбиралась выше (в главах III и IV), – под 6601 (1093) г., где рассказывается о смерти Всеволода Ярославича, вокняжении в Киеве Святополка Изяславича и борьбе с половцами. В сообщении о смерти Всеволода видим тот же трафарет о «народной» скорби – «собрашася еп(и)с(ко)пи и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и прости людье...» и т. д. Здесь «боярами» обозначены люди, отличающиеся от «простых». Чуть ниже меняется контекст, речь идёт о военном походе, и о боярах уже сказано иначе: после поражения от половцев «Володимеръ же п[р]ебрѣдъ рѣку с малою дружиною – мнози бо падоша от полка его, и боляре его ту падоша... и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ свое...»¹⁷¹. Бояре здесь числятся в «полку»/«дружине» (очевидно, здесь это синонимы) и связываются с князем – «боляре его».

Внутри одной статьи, вышедшей, судя по всему, из-под пера одного автора, под боярами имеется в виду и группа, отличная по социальным признакам, и группа, выдающаяся в военном плане и связанная с князем. Разумеется, это не свидетельство какой-то неконкретности или «книжности» слова – это просто отражение того факта, что бояре составляли такой слой или такую группу, которая с о в м е щ а л а в себе черты социальной элиты и военной. Естественно, нет ничего удивительного и в том,

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 144.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1, стл. 259-260.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 130; НПЛ 1950, с. 169.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 1, стл. 206; т. 2, стл. 198.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 217, 220.

что в той же самой статье 6601 (1093) г., как уже говорилось выше в её специальном анализе, те же люди – высший слой общества и важнейшие княжеские советники – обозначены и другими (более широкими по смыслу) словами – «мужи» или «дружина» (иногда с теми или иными уточняющими определениями – например, «мужи смыслении» или «дружина первая» и т. п.). В этом-то выборе разных слов, семантика которых пересекалась, и сказывалась специфика летописи как литературного произведения, где играют роль жанровые установки, предпочтения того или иного автора и тому подобные факторы.

А. А. Горский, безусловно, прав, подчёркивая, что словом *бо(л)ярин* обозначались представители не просто *какой-то* элиты ('некие богатые и знатные'), а именно той, которая стояла у кормила власти древнерусского государства. Однако, как уже отмечалось выше, в его рассуждениях присутствует совершенно излишняя тенденция тесно увязать и само слово, и тот слой, который им обозначался, с «дружиной». Его понимание бояр оказывается производным от попыток, с одной стороны, представить дружину как институт или организацию или даже корпорацию, которая соответствовала определённому этапу развития древнерусского государства (X – середина XII в.), а с другой – разглядеть в летописных упоминаниях «дружины» указания на этот институт. Более того, говорить о «разложении» самого «института дружины» Горскому позволяет как раз изменения в положении боярства, которые он относит к концу XI – середине XII в., а именно – «возникает боярское вотчинное землевладение, в результате чего ослабевает связь бояр с князем, и бояре, оставаясь служилым слоем, всё более “привязываются” к территориям, на которых расположены их вотчинные владения». Бояре, «став вотчинниками, превратились в поземельных вассалов князя: они остались военно-служилой знатью, но перестали быть знатью дружинной»¹⁷².

Логика и уже представленные выше результаты данного исследования не поддерживает эту схему. На мой взгляд, в ней слишком сильно сказывается стремление примирить представления (наиболее ярко выраженные у А. Е. Преснякова) о «княжьем праве» и «дружине», из которых якобы выросли все структуры и механизмы власти и господства, и тезис, развитый в советской историографии, о решающем историческом значении боярского сеньориального землевладения.

Летописное понятие *дружина*, как следует из выводов, сформулированных в главе III, было крайне общим и расплывчатым и обозначало просто вообще всех людей, связанных с князем и пребывающих в его окружении в тот или иной момент, хотя преимущественно употреблялось для описания военных предприятий и указывало, соответственно, на людей, занятых военным делом.

Ничто не заставляет думать, что «дружина» была организацией или корпорацией. «Дружиной» обозначались, в том числе, например, отроки боярские и отроки княжеские, но никакие организационно-институциональные связи между ними самими или, например, между ними и теми же боярами не прослеживаются (за исключением,

¹⁷² Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 48, 85.

разумеется, того, что в военном походе они могли выступать все вместе одной армией). В статье ПВЛ 6601 (1093) г., как мы помним, киевские бояре, скептически оценивая военные способности княжеских отроков, рассматривают их как группу им, боярам, чуждую. И это совершенно не мешает тому, что в известии о пирах Владимира бояре оказываются в числе «дружины» с теми же гридями – эта «дружина» здесь имеет в виду просто людей, связанных с князем какими-то общими делами, но совсем не обязательно институционально (и поэтому тут кроме бояр и гридей появляются ещё и сотские с десятскими, и нарочитые мужи – см. об этом ниже). Если отталкиваться от общепринятого в современной литературе понимания дружины как архаического (догосударственного) «домашнего» объединения, в котором эгалитарные и иерархические тенденции («братские» и «клиентельные») были ещё нераздельны слиты (см. в главе II), то преемником такой дружины в Древней Руси можно рассматривать (и то с оговорками) корпус княжеских гридей-отроков («большую дружину») и, вероятно, боярские «дружины» (хотя об их составе и устройстве у нас мало данных – ср. ниже).

Как показывают хотя бы выше приведённые упоминания бояр в описании «народной скорби» по умершим князьям, бояре в летописи вообще далеко не всегда упоминаются в числе «дружины» или в связи с ней. А. А. Горский зато указывает на то, что в начальном летописании бояре преимущественно упоминаются с князьями, а в нескольких случаях о боярах, сопровождающих того или иного князя, сказано как о «своих» для князя или «его», княжеских (ср., например, выше в сообщении о гибели бояр Мономаха)¹⁷³. Он противопоставляет эту ситуацию позднейшей, когда в летописании XII в. более или менее регулярно появляются определения бояр по местности – киевские, ростовские и т. п.¹⁷⁴. Таким образом, ранее, до XII в., бояре – «свои» для князей и входят в их «дружины», а с XII в. они «привязываются» к территориям, на которых расположены их вотчинные владения».

Однако тезис об «институте дружины» и его распаде в XII в. эти наблюдения не могут подкрепить. Во-первых, в этих определениях летописцев позднейшего времени привязка к местности не должна рассматриваться как какой-то решающий признак – вполне возможно было альтернативное обозначение. Так, в одном и том же рассказе, который дошёл до нас в двух древних обработках (XII в.), об одних и тех же людях говорится по-разному. В Ипатьевской летописи: «галичский же мужи почаша молвити кн(я)зю своему Ярославу»; в Лаврентьевской: «здумаша боляре Володимерковича и рѣша князю своему»¹⁷⁵. Очевидно, оба словосочетания – «галичские мужи» и «боляре Володимерковича» – обозначали одно и то же: знатных людей на службе галицкого князя Ярослава Владимировича. Летописцы используют их равноправно, и это настолько же естественно, насколько естественно назвать князя двумя разными способами – по имени или по отчеству.

¹⁷³ Ср. также: ПСРЛ. Т. 1, стл. 106, 125, 182.

¹⁷⁴ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 45; *Он же*. Русь: от славянского Расселения..., с. 107.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 340; т. 2, стл. 466.

Во-вторых, всё-таки обозначения по местности попадают и в начальном летописании, по крайней мере одно – «вышегородскыѣ боярьцѣ»¹⁷⁶. Это упоминание происходит из «Повести о убиении» Бориса, присутствующей как в ПВЛ, так и в НІЛм, а значит, восходящей, как минимум, к НС. А. А. Шахматов, впрочем, считал возможным отнести создание этого текста «ко второй четверти XI в.»¹⁷⁷, а в недавнем исследовании он отнесён к творчеству летописцев 1070-х гг.¹⁷⁸.

В-третьих, не надо забывать, что для XII–XIII вв. мы имеем дело с разными локальными летописными традициями, а для XI в. располагаем только киевской (и НС, и ПВЛ – это киевское летописание). Отсутствие обозначения бояр по местности может быть связано просто с тем, что речь шла в основном о киевских боярах, и летописец не воспринимал их как некий отдельный или чуждый элемент и не считал нужным определять их по территориальной принадлежности.

Само по себе определение «свои» не говорит ни о чём, кроме того, что те или иные бояре служат тому или иному князю или поддерживают его в тот или иной момент. В летописании XII–XIII вв. тоже нередко встречаются замечания о боярах как «своих» для того или иного князя¹⁷⁹. Но определений в каких-то случаях бояр как «своих» для какого-либо князя или упоминаний их в качестве или в составе «дружины» вокруг князя совершенно недостаточно для характеристики их как «дружинной знати». Ещё В. В. Сергеевич отмечал, что и в летописях XIV–XV вв. бояре упоминаются и с указанием князя, которому служат, и по территориально-географической принадлежности, и призывал не придавать этому значения¹⁸⁰.

Местоимение *свой* для определения отношения к князю не должно обязательно подразумевать какую-то «дружинную» или «служилую» связь и просто потому, что употребляется далеко не только применительно к боярам или каким-то другим людям, состоящим на княжеской службе. Так, в договорах Смоленска с Ригой и Готским берегом XIII в., заключённых формально от имени того или иного князя, неоднократно упоминаются равноправно «свои мужи» и «свои смоляне», а в договоре 1229 г. фигурирует «свой лучший поп Еремей», которого князь Мстислав Давыдович послал для заключения соглашения. Эти «свои мужи» в договорах – вообще все горожане, включая купцов, бояр и княжеских людей (например, тиунов)¹⁸¹. Разумеется, ни о каком «институте дружины» тут говорить не приходится, и уж во всяком случае священник к нему точно никакого отношения иметь не может.

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. 1, стл. 132; НПЛ 1950, с. 170.

¹⁷⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 1. СПб., 2002, с. 80.

¹⁷⁸ См.: Михеев С. М. Ук. соч., с. 147, 150.

¹⁷⁹ См., например: ПСРЛ. Т. 1, стл. 314, 347, 440; т. 2, стл. 380, 487, 877 и др.

¹⁸⁰ Сергеевич В. И. Вольные и невольные слуги московских государей // Наблюдатель. 1887. № 2, с. 48-49.

¹⁸¹ Смоленские грамоты XIII–XV вв. Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963, с. 10, 13, 20-22 и др.

Наконец, выше уже отмечалось, что в памятниках древнерусской литературы боярами обозначалась знать самых разных народов и разных времён. И летопись не представляла здесь исключения. Так, например, в части Н1Лм до конца X в., которая анализировалась в главе III, боярами обозначена знать не только киевского князя, но и византийского императора и египетского «царя» (фараона)¹⁸². В оригинальных известиях ПВЛ, не имеющих соответствия в Н1Лм, слово «бо(л)яре» употребляется также для обозначения болгарской знати¹⁸³, польской¹⁸⁴ и венгерской¹⁸⁵. Причём о польской знати сказано тоже с определением «свои», но только это местоимение имеет в виду совсем не правителя: во время «мятежа» в Польше «вставше людьє избиша еп(и)с(ко)пы и попы и бояры своя». «Бояры» здесь «своими» оказываются для поляков в целом.

Если бы слово *бо(л)ярин* имело узкоспециальное значение служилых людей, состоящих в особой организации «дружины» киевских князей, таких обозначений в летописных рассказах не появилось бы. Летописцы должны были сознавать, что социальное устройство и характер знати в других странах так или иначе, а особенно кардинально в Византии, отличались от Руси. Очевидно, они исходили из одного смысла слова – представитель социальной и правящей (политической) элиты, – и в этом смысле древнерусская знать не отличалась принципиально от знати других стран и государств.

Трудно согласиться и с тем, какое значение А. А. Горский придаёт формированию «боярского вотчинного землевладения». Хотя историк отказался от тезиса, который развивали Б. Д. Греков и С. В. Юшков, о раннем зарождении сеньориального землевладения на Руси (чуть ли не в VIII–IX вв.), он удержал главную идею, с которой этот тезис был связан, – что само это землевладение коренным образом изменяет общественный строй, означая наступление феодализма. Если «организация дружины», не предполагая частного землевладения её членов, соответствовала «раннефеодальной монархии», то с её распадом и появлением боярских вотчин в XII–XIII в. наступает «развитый феодализм»¹⁸⁶.

Не вдаваясь здесь в дискуссию о феодализме, отмечу только, что в современной медиевистике и роль крупного (сеньориального) землевладения, и его связь с феодальными отношениями видятся далеко не такими однозначными, как их пытались когда-то представить советские учёные. Ещё тогда, когда С. В. Юшков и Б. Д.

¹⁸² НПЛ 1950, с. 122-123, 139.

¹⁸³ В сообщении о крещении болгар (из «Хроники Георгия Амартола»): ПСРЛ. Т. 1, стл. 19.

¹⁸⁴ В известии о «мятеже» в Польше: ПСРЛ. Т. 1, стл. 150.

¹⁸⁵ В рассказе «Повести об ослеплении Василька Теробовльского» о битве с венграми у Перемышля в 1099 г.: в битве «убиша» многих венгров «и от боляръ многы» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 271).

¹⁸⁶ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 85-87. Позднее Горский изменил своё понимание феодализма, отказавшись от его неперменной связи с крупным землевладением и понятий «раннефеодальная монархия» и «развитой феодализм» (см.: Горский А. А. О «феодализме»: «русском» и не только // СВ. Вып. 69 (4). М., 2008, с. 9-26). Но тогда историку следовало бы изменить и своё понимание «дружины» и тезиса о её «разложении» в результате обзаведения боярами вотчинами – однако от этих идей он не отказывается.

Греков создавали свою концепцию древнерусской истории, М. Блок в заключении к синтетическому труду «Феодальное общество» написал слова, которые в полной мере сохраняют значение и сегодня: «Сеньория, важнейший элемент феодального общества, была сама по себе древнее него; и существовала значительно дольше него. Эти два понятия должны быть разведены для того, чтобы можно было ими пользоваться»¹⁸⁷. К этим словам надо добавить, что понятие сеньории должно быть разведено и с понятием господства или, если угодно, классового господства. Как убеждают современные исследования раннесредневекового общества, доминирующее положение знати могло складываться далеко не только вследствие обладания землёй, но и в силу массы других факторов¹⁸⁸. Выдающееся значение знати прослеживается ещё у древних германцев¹⁸⁹ или, например, в древних Скандинавии и Англии задолго до образования сеньорий, хотя в то же время частное землевладение было известно уже и тогда – только не сеньориального типа, а скорее, крестьянско-хуторское, включённое в родовые отношения, с использованием наёмного или рабского труда¹⁹⁰. О том, что материальный достаток и политическое влияние в ранний период совсем необязательно должны были быть связаны с землевладением, писал, например, Х. Ловмянский, опираясь на обширные сравнительно-исторические материалы¹⁹¹.

Древнейшие летописные упоминания «сёл» и «жизней» бояр или каких-то людей из числа «дружины» того или иного князя, действительно, восходят к известиям, относящимся к середине XII в.¹⁹² Однако, этим упоминаниям по целому ряду причин нельзя придавать решающее значение.

Во-первых, мы просто не знаем, что представляли собой эти «сёла» и «жизни» – каков был их размер, юридический статус, кто в них жил и трудился, каковы были их происхождение и дальнейшая судьба. Какие-либо ретроспекции здесь практически невозможны – ни в одном регионе, входившем в состав Древней Руси, невозможно проследить преемственность землевладельческих комплексов, известных по источникам XIV–XV вв., с домонгольским временем, за одним-двумя исключениями в Новгородской земле. По некоторым данным (вкладная грамота Варлаама Хутынского, краткие упоминания Русской Правды и некоторых нарративных источников) можно думать, что в частных имениях трудились, в основном, холопы, рядовичи и наёмные

¹⁸⁷ «Élément essentiel de la société féodale, la seigneurie, en elle-même, était plus ancienne; et elle devait être beaucoup plus durable. Il importe à une saine nomenclature que les deux notions demeurent clairement distinctes» (*Bloch M. La société féodale. Paris, 1968 (1-е изд.: 1939-1940 гг.), p. 605*). Ср.: *Блок М. Феодалное общество. М., 2003, с. 430*.

¹⁸⁸ См., например: *Reuter T. Nobles and Others: The Social and Cultural Expression of Power Relations in the Middle Ages // Nobles and Nobility in Medieval Europe. Concepts, Origins, Transformations. Ed. by A. J. Duggan. Woodbridge, 2000, p. 85-100*.

¹⁸⁹ В русской историографии это подчёркивал А. И. Неусыхин, предвосхищая основные тезисы теории «господства знати», см.: *Неусыхин А. И. Общественный строй древних германцев. М., 2001 (1-е изд.: 1929)*.

¹⁹⁰ См., например, о Скандинавии: *Гуревич А. Я. Норвежское общество..., с. 177 и след.*

¹⁹¹ *Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. IV. Warszawa, 1970, s. 129-150; Ловмянский Х. О происхождении русского боярства..., с. 95-96.*

¹⁹² Эти известия приводит Горский: *Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 45, 75-76.*

работники. Известно также, что у бояр в их сельских имениях могли быть церкви¹⁹³. Вероятно, некоторые имения были более или менее обширны и населены, и там жили более или менее постоянно. В одном случае мы знаем, что сельское владение с родовым монастырьком сохранялось за боярским родом на протяжении нескольких поколений. По данным «Сказания о чудесах Владимирской иконы Богородицы» выясняется, что в конце XII в. селом, которое основал в окрестностях Переяславля боярин Славята, упомянутый в статье ПВЛ 6603 (1095) г., владели его потомки, один из которых – Борис Жидиславич – служил Андрею Боголюбскому¹⁹⁴. Сопоставляя это свидетельство с грамотой Варлаама Хутынского (новгородского боярина Алексы Михайловича), который распоряжается собственным селом¹⁹⁵, и имея в виду данные XIV–XV вв., можно предполагать, что бояре владели сёлами на вотчинном праве. Никаких намёков на условное землевладение в домонгольских источниках нет, и характеристика бояр или кого бы то ни было как «поземельных вассалов князей» не уместна. Связи службы и землевладения не прослеживается, и об условном землевладении в сколько-нибудь заметных масштабах можно говорить фактически только с момента складывания поместного землевладения в Московском государстве с конца XV в.

Во-вторых, частное землевладение фиксируется и задолго до XII в. О нём упоминает один из древнейших памятников литературы Руси – Житие Феодосия Печерского, которое написал знаменитый Нестор, монах Киево-Печерского монастыря и выдающийся писатель. О том, когда именно работал Нестор над житием, в науке спорят. Самые поздние датировки относят создание текста ко времени около 1110 г., но по авторитетному мнению А. А. Шахматова, поддержанному недавно А. Поппэ, текст восходит к 1080-м гг.¹⁹⁶

В Житии рассказывается, что в юности Феодосий жил с матерью в Курске и мать Феодосия располагала неким «селом» за городом, куда Феодосий ходил «съ рабы» «дѣлати съ всякымъ съмѣрениемъ», а мать его удерживала от этого, «моляше ѿ паки облачитися въ одежду св[ѣ]тлы и тако исходити ему съ съвѣрьстныкы своими на игры»¹⁹⁷. Юность Феодосия в Курске надо относить приблизительно к 1030-м гг. Нестор не пишет, из какого социального слоя происходил Феодосий и кто был его отец. Он упоминает лишь, что его родители переселились из некоего города (по позд-

¹⁹³ См.: Стефанович П. С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Церковно-исторический вестник. 2007. № 1, с. 121-122, 127.

¹⁹⁴ Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богородицы. Публ. В. А. Кучкина и Т. А. Сумниковой // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996, с. 506–507. Ср. в главе VI.

¹⁹⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Подготовили В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыздзевская. Под ред. С. Н. Валка. М.-Л., 1949, с. 161-62. Боярин вкладывает в монастырь «землю Хутинскую» «съ челядию и съ скотиною», а также какое-то «село на Слудици».

¹⁹⁶ Поппэ А. Студиты Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря // Ruthenica. Supplementum 3. Київ, 2011, с. 68-84, 99-100.

¹⁹⁷ Успенский сборник XII–XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971, с. 75. Ср. русский перевод: Житие Феодосия Печерского. Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова // БЛДР. Т. 1. СПб., 1997, с. 356-357.

нейшим спискам Жития – из Василева) в Курск, «князю тако повелѣвъшю», а Феодосий служил «отроком» у «властелина града того» – видимо, посадника (Нестор ещё называет его и «судией»). Вероятно, семья Феодосия относилась к относительно богатым горожанам, и его отец или кто-то из родственников имел отношение к структурам управления города. Если, таким образом, в 1030-х гг. горожане не-стольного города имели в распоряжении село с зависимыми людьми, то неужели в это время бояре, а особенно киевские бояре, не имели земельных владений и всё ещё жили с князем одним «огнищем», как выражался А. Е. Пресняков? Едва ли. Сѣла у бояр, конечно, уже были, и об этом Нестор прямо и говорит в другом месте, когда упоминает, что позднее, в то время, когда монашеский подвиг прославил Феодосия и он возглавил Печерский монастырь, «князи и боляре» приносили в монастырь «отъ имѣнии своихъ на утѣшение братии, на състроение манастырю своему», а «друзии же и села въдаваюче на попечение имъ» (по относительной хронологии житийного повествования это сообщение надо относить к концу 1060-х гг.)¹⁹⁸.

В-третьих, совершенно непонятно, почему те определения бояр «по территории», на которые указывает А. А. Горский и которые чаще встречаются в летописании XII в., надо увязывать с каким-то «боярским вотчинным землевладением». Все эти определения даются по г о р о д о в о й принадлежности бояр, а не по сельской: «вышегородскыѣ болярьцѣ» – значит, из Вышгорода, «галичскыйи мужи» – значит, из города Галича, ростовские бояре – значит, из Ростова и т. д. Так понимая эти определения, никакого рубежа в положении боярства в XII в. усмотреть невозможно. Бояре были теснейшим образом связаны с городской жизнью на протяжении всего домонгольского времени (и на это ещё будет обращено внимание ниже), в том числе и в XI в., а может быть, и в более ранний период.

О связи бояр с городом лучше всего свидетельствуют неоднократные упоминания городских усадеб («дворов») бояр. В известиях, восходящих к НС или даже, как считал А. А. Шахматов, к летописному своду 70-х гг. XI в., усадьбы киевских бояр часто служат топографическим ориентиром – упоминаются дворы неких Олмы и Воротислава, а также Чудина¹⁹⁹. Чудин и его брат Туки известны также по летописным известиям и по другим источникам, относящимся к 1060-1070-х гг. (см. в следующей главе). Двор как городская усадьба упоминается также в «Сказании» о варяге-христианине и его сыне, убитых в языческий период правления Владимира (статья 6491 (983) г.)²⁰⁰. Как увидим ниже, о проживании бояр в их собственных городских дворах пишет Нестор в Житии Феодосия. Живут в городах бояре и в XII в., и тоже упоминаются их городские усадьбы²⁰¹ (хотя это не мешает им владеть какими-то сельскими имениями). Как хорошо известно, в Новгороде удаётся проследить преемственность боярских усадеб на протяжении нескольких веков с самого древнейшего

¹⁹⁸ Успенский сборник XII–XIII вв. ..., с. 93. Ср.: Житие Феодосия Печерского. ..., с. 384-385.

¹⁹⁹ НПЛ 1950, с. 107, 111.

²⁰⁰ НПЛ 1950, с. 130-131; ПСРЛ. Т. 1, стл. 82.

²⁰¹ См., например: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956, с. 161-168, 254.

времени, то есть с рубежа X–XI вв.²⁰² По другим городам археологические материалы не так показательны, но на фоне данных письменных источников вряд ли можно говорить о какой-то специфике Новгорода в этом отношении. Более частые упоминания бояр по их «территориальной» принадлежности в XII в. надо связывать просто с тем, что на Руси в это время появилось больше самостоятельных политических центров, а не с ростом «феодалного землевладения».

Наконец, в-четвёртых, невозможно оценить реальное значение доходов, которые давало землевладение боярам, по сравнению с доходами, которые им доставляло исправление должностей по суду и управлению, а также торговля и военная добыча²⁰³. О «прибытках» по разным статьям мы судить не можем, и лишь относительно доходов от «государственной службы» можно довольно уверенно сказать, что они были немалые. О значении этих доходов для знати ясно говорит тот конфликт, который развернулся из-за права сбора дани с древлян при Игоре в 40-х гг. X в. и который в конце концов стоил жизни князю. В литературе с летописным рассказом о древлянской дани и описанием полюдья «росов» у Константина Багрянородного справедливо сопоставляется сообщение ПВЛ о сборе дани Янем Вышатичем на Белоозере²⁰⁴. Уместно вспомнить знаменитые новгородские бирки конца X – начала XII в., которыми запечатывались мешки с мехами, собранными в качестве дани²⁰⁵. Вне сомнения, этот сбор дани генетически связан с системой кормлений, хорошо известной по источникам XIV–XV вв.²⁰⁶

Некоторые современные учёные считают, что основу могущества боярства в течение всего Средневековья составляли именно доходы от службы, в том числе просто часть государственных налогов. Хотя, возможно, удельный вес доходов знати от кормлений-должностей и несколько сокращался, но даже и в XVI в. вотчинное землевладение, основанное на труде зависимых людей, не стало ещё основной формой землевладения в Московском государстве и главной опорой знати. Б. Н. Флоря, например, в этом видит важное отличие России от Польши и Великого княжества Литовского²⁰⁷. Но в любом случае, оба источника доходов боярства – от исполнения публичных должностей и своего (частного) землевладения – не перекрывали и не сменяли друг друга, а сосуществовали практически на протяжении всего Средневековья.

²⁰² Янин В. Л. Древнее славянство и археология Новгорода // ВИ. 1992. № 10, с. 43-44; *Он же*. Раскопки в Новгороде // *Он же*. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004, с. 63.

²⁰³ На двух последних видах доходов знати современные учёные делают особый акцент применительно к домонгольскому времени. Ср., например: *Rieß H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9–17 Jh. Köln, Weimar, Wien, 1994, с. 95-106.*

²⁰⁴ См., например: *Присёлков М. Д. Киевское государство второй половины X в. ..., с. 233-238.*

²⁰⁵ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001, с. 31 и след.

²⁰⁶ Об этом справедливо писал И. Я. Фроянов: *Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999, с. 166-178.*

²⁰⁷ Флоря Б. Н. Два пути формирования общегосударственной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV–XVI вв.) // ВЕДС. Чтения XXIII: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. М., 2011, с. 297-300.

Все эти соображения говорят против противопоставления применительно к роли и положению бояр в древнерусском обществе периоды предшествующий концу XI или середине XII в. и последующий. Разумеется, какие-то изменения происходили всё время на протяжении домонгольского периода, и важнейшие были, видимо, связаны с постепенным распадом того государства, которое в начале XI в. держал «под своею рукою» Владимир Святославич, и образованием к началу XIII в. ряда политических центров, в каждом из которых сформировались свои группы боярства. Но для описания и объяснения этих изменений нет смысла выделять какую-то особую «дружинную знать», признавая в то же время, что в течение всего Средневековья бояре оставались «военно-служилой знатью». Бояре в XI в. точно так же выделялись из массы «простых» людей, служили князьям на войне и в мирное время, получали от этой службы доходы, обзаводились сёлами и «имениями», как и в XII-м, и в последующие века.

3.2. Несторово Житие Феодосия Печерского

Как уже говорилось в Введении и главе I, во многом наше восприятие древнерусского общества зависит от летописи, и чтобы преодолеть это «летописецентричное» восприятие прошлого, необходимо корректировать его по другим источникам. Такого рода корректировку суждений о содержании термина *бо(л)ярин* и связи его с другими понятиями (например, с «дружиной») позволяет сделать источник, сопоставимый с летописью, но иного жанра. Выше уже использовались данные Жития Феодосия Печерского – агиографического произведения, создание которого относится примерно к той же эпохе, от которой до нас дошли древнейшие сохранившиеся летописные своды – НС и ПВЛ. Более того, Нестору, монаху Киево-Печерского монастыря и автору Жития, в средневековой историографической традиции приписывалось и составление ПВЛ. В научной литературе причастность Нестора к работе над летописью ставилась под сомнение²⁰⁸. Надёжных данных нет, и вопрос приходится оставить открытым. Но в то же время ясно, что литературная и идейная среда, из которой вышли киевское летописание конца XI – начала XII в. и Житие, примерно одна и та же, и тем важнее и интереснее их сопоставление. С литературной точки зрения Житие – выдающийся памятник, искусно сочетающий следование канонам и топосам агиографии, умеренность риторики, динамичность сюжета и реалистичность. Житие сохранилось в древнем и довольно исправном списке (имеющем лишь небольшие погрешности и пропуски) в знаменитом Успенском сборнике середины XII – первой половины XIII в., который имеет научное издание с полным словоуказателем.

Обращение к Житию Феодосию обнаруживает, прежде всего, одно любопытное обстоятельство – слово *дружина* в произведении не употребляется ни разу ни в каких

²⁰⁸ См., например, из относительно недавних работ: Милов Л. В. Кто был автором «Повести временных лет»? // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. Авт. коллектив: Л. В. Милов (руководитель), Л. И. Бородкин, Т. В. Иванова, Е. В. Неберекутина и др. М., 1994, с. 40-69.; Толочко А. П. О заглавии *Повести временных лет* // Ruthenica. Т. V. Київ, 2006, с. 248-251.

смыслах, а слово *бо(л)ярин* и его производные – более 20 раз²⁰⁹. Вполне вероятно, в отсутствии слова *дружина* в Житии сказываются литературные установки Нестора, на которые уже указывалось в литературе. Автор явно старался по возможности повысить тон повествования, вписав религиозный подвиг Феодосия в образцы, сохранённые византийской агиографической традицией, и по этой причине в ряде случаев избегал слов и обозначений «разговорных», но использовал более или менее «литературного» и даже возможно, как выражаются некоторые историки, «книжного» характера. Так, например, рассказывая о юности Феодосия в Курске, он называет посадника, у которого Феодосий служил отроком, «властелином града того» или «судией». Вместе с тем, ориентация Нестора на книжные образцы не стоит преувеличивать – она не мешала ему приводить всякого рода бытовые подробности и не отрывала текст полностью от реальности – тогда, когда от этого зависел смысл текста и его правильное понимание, Нестор указывает все необходимые детали. Так, в рассказывая о том, как Феодосий юношей смиренно трудился в селе, он указывает, что работал будущий святой «с рабы»; рассказывая, как Феодосий из Курска добрался в Киев, Нестор объясняет, что путь тот нашёл, следуя за «купцами», и т. д.

С. В. Завадская считает, что слово *болярин* Нестор использует как «книжное» в «широком» и «собирательном» значении ‘знать’²¹⁰. Это мнение требует существенной корректировки. Верно, что имеется в виду знать. Но следов «книжного» происхождения слова (то есть конкретные заимствования текстов) исследовательница не продемонстрировала, и их на самом деле нет. Никакой особой «широты» и «собирательности» значения тоже не прослеживается. Во всех случаях, когда Нестор использует это слово, оно обозначает вполне конкретную группу людей – придворную аристократию Киева. Эти люди явно выдаются статусом по сравнению с остальными, живут в Киеве или связаны с ним так или иначе, и, наконец, в большинстве случаев указывается или подразумевается, что они служат киевским князьям. Продемонстрирую это примерами.

Впервые в Житии слово *бо(л)ярин* употребляется по отношению к отцу Варлаама – монаха, постригшегося в Печерском монастыре, а позднее возглавившего Дмитриевский монастырь в Киеве. Пострижение Варлаама описывается как громкое, едва ли не скандальное, событие, заставившее даже вмешаться в дело, причём неудачно, тогдашнего киевского князя Изяслава. Рассказ об этом событии (относящемся, как считал Шахматов²¹¹, к зиме 1060/1061 гг. или, во всяком случае, к началу 1060-х гг.) начинается именно с указания о том, что Варлаам, который ходил в монастырь на беседы со старцами, был весьма высокого происхождения – его отец был «пръвыи у князя въ болярѣхъ имьньмь Иоан»²¹². Далее из рассказа совершенно ясно, что Иоанн не просто какой-то богатей, известный при дворе Изяслава, а именно со-

²⁰⁹ См. по словоуказателю: Успенский сборник XII–XIII вв..., с. 514.

²¹⁰ Завадская С. В. «Болярин»–«боярин»..., с. 93.

²¹¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах..., с. 293.

²¹² Успенский сборник XII–XIII вв..., с. 83.

стоит на княжеской службе – боярин жалуется князю на монахов, что они постригли его сына, и князь пытается воздействовать на них. Недовольство Изяслава усугублялось тем, что в монастырь постригся (под именем Ефрема) и его слуга – некий «каженик» (скопец), «иже бѣ любим князем и предрѣжа у него вся» (то есть, видимо, ответственный за дом или хозяйство – возможно, тиун или огнищанин). Вызвав Никона, одного из Печерских старцев, князь «со гневом» спрашивает: «ты ли еси остригыи болярина и каженика без повелѣния моего?»²¹³. Формулировка вопроса подразумевает, что как княжеского «любимого» слугу, так и боярина нельзя «остригать» без согласования с князем.

Конечно, нельзя утверждать на основании одного этого примера, что уход в монастырь не только для княжеских слуг, но и для бояр должен был всегда происходить с княжеского «повеления». Вполне вероятно, что в данном случае князь озабочился судьбой боярского отпрыска из-за специальной жалобы своего боярина и из-за того, что пострижение Варлаама совпало с уходом Ефрема. К тому же, в конце концов князю всё-таки пришлось смириться с тем, что призвание «на таковыи подвигъ» может происходить и помимо его воли «повелѣнием небеснаго царя и призвавшаго их Иуса Христа», как выразился Никон²¹⁴. Но всё-таки весьма показательно, что князь считает себя вправе контролировать судьбу не только своего слуги, но и сына своего боярина.

В дальнейшем повествовании о Феодосии ещё несколько раз упоминаются бояре при Изяславе, причём дважды в весьма характерном контексте. Сначала говорится, как Изяслав, уже помирившись с Печерскими старцами, стал часто приходить в монастырь для встречи с Феодосием, чтобы «насытиться» его «духовных словес». Нестор при этом упоминает, что у князя был «обычай» приходить в монастырь в сопровождении немногих слуг: «егда хотяше поѣхати къ бл(а)женууму, тѣгда распустяше вся боляры въ дома своя, нѣ тѣкмо съ шестию или съ пятию отрокъ прихожааше къ нему»²¹⁵.

Из этих слов видно, кто собственно состоял при князе постоянно – бояре и отроки, то есть те (первые), чья служба князю была частью сложного комплекса их отношений со взаимными обязательствами (см. в главе VI), и (вторые) просто личные княжеские слуги. Разумеется, ничто не обязывает считать, что все бояре должны были все время обязательно находиться при князе, но какая-то часть из них – может быть, виднейшие бояре, может быть, занятые на важнейших должностях (что, впрочем, скорее всего совпадало) – в самом деле была более или менее постоянно с князем, раз они должны были получать специальное разрешение от него идти «в дома своя». А в те минуты, когда князь хотел забыть о мирских заботах и подумать о

²¹³ Здесь в Успенском сборнике пропуск в тексте Жития из-за утраты одного листа, и текст приводится по списку Жития в составе «Киево-Печерского патерика»: Киево-Печерський Патерик. Д. І. Абрамович – вступ. текст, примітки. Київ, 1930, с. 33.

²¹⁴ Там же, с. 33.

²¹⁵ Успенский сборник XII–XIII вв..., с. 93-94.

спасении души, при нём оставались только лично преданные ему слуги, обеспечивавшие, видимо, прежде всего, его охрану. Заметно, таким образом, пускай элементарное, но всё же вполне отчётливое разделение сфер «публичной»-«служебной» и «личной»-«интимной». Бояре принадлежат скорее первой, отроки – скорее второй. Бояр можно охарактеризовать как вассалов (в широком смысле слова), но никакой «дружинной» «общности очага и хлеба» или «домашней солидарности», где эти две сферы должны бы быть слиты до неразличимости, мы не видим.

В другой раз уже Феодосий отправился на встречу с Изяславом. Князь был где-то «далече отъ града» (то есть Киева), старец задержался у него там допоздна и уже в ночь поехал обратно в монастырь на телеге в сопровождении возницы. Когда начало светать, Феодосию и сопровождавшему его отроку стали попадаться на пути «вельможи», которые ехали «къ князю» – очевидно, в направлении противоположном тому, куда двигались игумен со слугой. Эти вельможи, «сърѣдъше съ конь», кланялись Феодосию. Рассказав о смирении Феодосия, уступившего своё место на телеге отроку, и удивлении последнего, когда он увидел уважение, которое оказывается старцу, Нестор возвращается к этой картине: игумен двигается от князя, а навстречу ему особо выдающиеся люди, которые спешиваются и кланяются. Но только теперь тех же самых людей он называет уже не вельможами, а боярами: «вси же боляре, сърѣдъше, покланяху ся ему»²¹⁶. Показательны здесь не только синонимичность слов *болярин* и *вельможа*, но и контекст упоминания: эти вельможи-бояре собираются утром из своих «домов» к князю, – очевидно, на службу (в военный поход или на другое дело).

Пожалуй, как раз слово *вельможа* выступает у Нестора в самом деле как «книжно-собирающее». Если в последнем примере оно обозначает придворную элиту, то в других случаях может указывать и на лиц, явно не такого выдающегося положения и не связанных прямо с князем. Так, в описании юности Феодосия в Курске Нестор использует его в сообщении о том, как будущий святой прислуживал на пире у посадника. На пире, по словам Жития, собрались «все града того вельможи»²¹⁷ – очевидно, просто городская верхушка.

В Житии упоминаются и ещё бояре Изяслава, причём дважды не обобщённо, а в качестве отдельных лиц – оба раза в связи с вкладами, которые они сделали в монастырь. Одного из этих двух бояр звали Климент, и он сделал особый вклад в монастырь – две гривны золота – по обету, данному перед некоей битвой, в которой многие пали, а он спасся. Этот же боярин потом пожертвовал в монастырь ещё Евангелие с окладом, а затем три «возы брашна» (телеги со съестными припасами)²¹⁸. Обращают на себя внимание военная занятость боярина и его богатство.

В иных случаях бояре упоминаются в Житии в окружении Святослава, который сменил на киевском «столе» своего брата Изяслава. В момент размолвки Феодосия с

²¹⁶ Успенский сборник XII–XIII вв..., с. 98-99.

²¹⁷ Там же, с. 78-79.

²¹⁸ Там же, с. 105-106, 109. Об этом Клименте см. в след. главе.

Святославом «от боярь мьнози» рассказывают Феодосию о гневѣ князя²¹⁹ – то есть выступают своего рода информаторами и посредниками между княжеским двором и монастырѣм. Очевидно, эти бояре хорошо знали Феодосия и братию Печерской обители. Из этих сообщений надо заключить, что при сменѣ князей в Киеве многие бояре остались в городе и сохранили своё высокое положение при княжеском дворе, а значит, такого рода сменѣ не обязательно должны были вести к полному обновлению круга лиц на службѣ князей, и бояре сохраняли свою «территориальную привязанность», как выражаются некоторые историки.

Наконец, стоит привести одно свидетельство из сообщений о посмертных чудесах святого, которые в Успенском сборнике приложены к Житию, хотя, возможно, восходят к творчеству не Нестора, а кого-то из его младших современников, подвижавшихся в монастыре. Вторым в перечне чудес рассказывается о чудесной помощи Феодосия некоему боярину, который попал в княжескую опалу: «боярину нѣкоему въ гнѣвѣ велицѣ сущу от князя», – начинается рассказ с оборота *Dativus absolutus*. Князь грозился боярину «на поточение посылати», но после того, как боярин помолился Феодосию, тот ему явился во сне и обещал, что утром князь призовет его, «не имьи гнѣва ни единого же на тя, нѣ и паки въ свое мѣсто устроить тя», что и исполнилось²²⁰. Очевидно, боярин состоял на службѣ князя и имел своё «место» при дворе. Указание, что князь мог «в гневѣ» наказать боярина ссылкой, коррелирует с упоминанием Нестора о «гневѣ» князя на монахов, что они без его «повеления» постригли его слугу и сына его боярина, – значит, князь располагал определённой властью на служившими ему боярами и мог применять к ним довольно сильные меры воздействия.

Слово *бо(л)ярин*, таким образом, фигурирует в Житии Феодосия, написанном Нестором, как точное и конкретное обозначение. Некоторая литературно-отвлечённая тенденция в терминологии Жития проглядывает, но не обнаруживает влияния в отношении именно этого слова. Очевидно, слово было в живом употреблении, и Нестор его применял, имея в виду вполне определённое реальное явление, бывшее у него перед глазами и понятное его читателям. В этом смысле употребление слова вполне соответствует тому, как используется слово *отрок* – тоже для обозначения конкретной социальной категории: слуг. Бояре и (княжеские) отроки – это те группы, которые в основном и составляли придворные круги, служили князю и в первую очередь были заняты в военной и политической жизни государства (хотя каждая, конечно, в разных степени и формах).

В заключение разбора данных Жития стоит ещё остановиться несколько подробнее на эпизоде пострижения Варлаама, сына киевского боярина. Этот эпизод, богатый на яркие индивидуальные черты и бытовые подробности, помогает понять, что для самих современников означал «боярский сан» и что собственно отличало бояр от «простых людей». Рассказ о Варлааме, как уже говорилось, начинается с сообще-

²¹⁹ Успенский сборник XII–XIII вв..., с. 122.

²²⁰ Там же, с. 131–132.

ния, что человек боярского происхождения почувствовал влечение к иноческому образу жизни, захотел жить со старцами в Печерском монастыре «и вся пръзрѣти въ житии семь, славу и б(ог)атство ни въ что же положивъ»²²¹.

Указав, что положение боярина связано со «славой и богатством», Нестор далее рассказывает о приезде Варлаама в монастырь, детально уточняя, чем же приходится жертвовать боярину ради монашеской жизни. Варлаам поехал, «одѣвъся въ одежду свѣтлы и славну и тако въсѣдъ на конь»²²². Не суть важно, таким ли в действительности был приезд боярского сына или Нестор здесь дал волю литературному воображению; показательна сама картина боярского выезда во всем блеске (так сказать, при полном параде) под пером писателя XI в. «И отроци бѣша окрестъ его едуще и другыя коня въ утвари вѣдуще пред ним. И тако в славѣ велицѣ приеха къ печерѣ отецъ тѣх. Онѣмъ же изшедшим и поклонившимся ему, яко же есть лѣпо велможам». Красивая одежда, прислуга, кони в полной упряжи, знаки уважения со стороны простых людей – вот черты, присущие знати. Печерские старцы во главе с Антонием лично выходят встретить знатного человека.

«Он же паки поклонися имъ до земли, – продолжает Нестор, – потомъ же снемъ съ себе одежду болярскую и положи ю пред старцемъ и також коня, суцаа въ ютвари, постави пред нимъ, глаголя: се вся, отче, красънаа прельсть мира сего суть, и якоже хощещи, тако сътвори о них, аз бо уже вся си прѣзрѣх и хощу мних быти и с вами жити в печерѣ сеи, и к тому не имамъ възвратитися в дом свои». Несмотря на предупреждение Антония: «но егда како отецъ твои, пришедъ съ многою властью, и изведетъ тя отсюду, намъ же не могушимъ помощи ти», – Варлаам остался в «печере»²²³.

Поскольку жалоба боярина Иоанна князю Изяславу не имела последствий и князь решил не ссориться с монахами, отец Варлаама решил действовать сам и, как и предсказал Антоний, явился в монастырь «с многою властью». Боярин «раждьгъ ся на ня гнѣвъмъ с(ы)на ради своего, и поимъ отроки многы, и иде на с(вя)тое стадо, иже и распудивъ я». Отец забрал сына из «пещеры» и первым делом сбросил с него «с(вя)тую мантию» и «шлѣмъ сп(а)сения» (клобук) и заставил его надеть «одежду славну и свѣтлы, яко же е лѣпо боляромъ». Затем боярин заставил сына в таком виде – очевидно, демонстративно – идти «сквозѣ градъ въ домъ свои». Дóма – очевидно, в их усадьбе в Киеве – он заставлял Варлаама сидеть «съ нимъ на трапѣзѣ», а затем жить в доме с женой, «приставивъ отроки блюсти, да не отъидеть». Однако все усилия отца оказались напрасны. Варлаам отказался облечься «въ одежду» боярскую, «вкушать брашна», лечь «на одре» с женой и принимать услуги рабов и отроков²²⁴. В итоге отцу пришлось отпустить сына в монастырь, и эпизод завершается картиной

²²¹ Там же, с. 83.

²²² Там же, с. 84. Далее, как уже указывалось, в Успенском сборнике утерян лист, и Житие цитируется по «Киево-Печерскому патерику».

²²³ Киево-Печерський Патерик..., с. 32-33.

²²⁴ Успенский сборник XII–XIII вв..., с. 84–85.

горя, охватившего родственников и домочадцев, – они рыдали подобно матерям, плакавшим «аки по мертвецы» по своим «чадам», которых Владимир, крестив Русь, отдал на ученье книжное²²⁵. «Бы же тѣгда вещь пречюдѣна и плачь великъ, яко и по мрътвѣмь. Раби и рабыня плакахуть ся г(осподи)на своего и яко отъхожааше отъ нихъ, иде жена, мужа лишаящи ся, плакаше ся, о(тъ)ць и м(а)ти с(ы)на своего плакаста ся, яко отлучаше ся отъ нихъ, и тако съ плачьмь великъмь провожахути ѿ»²²⁶.

Этот любопытный рассказ почему-то редко привлекал внимание учёных, занимающихся социальной историей Древней Руси, а между тем, в нём очень наглядно представлен взгляд самих современников на общественную иерархию. Безусловно, мы имеем дело с литературным произведением, и весь эпизод не лишён условности, шаблонных образов и сюжетов, вероятно, где-то даже и вымысла, но, во-первых, нельзя сомневаться в достоверности самих фактов боярского происхождения Варлаама и его пострижения в Печерском монастыре, а во-вторых, литературные приёмы и стереотипные черты для данного исследования не являются помехой – напротив, они даже помогают представить боярский статус и облик в условно-типизированном виде.

Итак, сущность того, что выделяет боярство из массы «простых» людей, Нестор выражает в словосочетании «слава и богатство», где богатство указывает на имущественный достаток, а слава – на внешний почёт и известность. Всё остальное – это лишь «красная прелесть мира сего», которая служит внешним признаком этих сущностных черт («яко лепо боляром») – «светлая» одежда, отроки (слуги) и рабы, сопровождающие боярина «в славе велицеи» и прислуживающие ему, конь в богатой «утвари», особые «брашна» и т. д.

Одежда, еда, упряжь и пр. – это важные социальные маркеры, не менее действенные в Западной Европе в Средневековье, чем на Руси в XI в. Не случайно, что боярин Иоанн заставляет своего сына идти через весь город «при полном параде» – важно было не просто обладать всей этой «красной прелестью», а п о к а з а т ь о к р у ж а ю щ и м , что ты ею обладаешь. Весь город должен был знать, что Варлаам принадлежит не к какой-то монашеской братии, а к высшему разряду общества.

Особый акцент Нестор делает на «светлой одежде», которую «лепо» носить боярам. В Средневековье именно одежда всегда выполняла важную знаковую функцию. Для стороннего глаза богатая и чистая одежда служила первичным социальным маркером, указывая на особый статус её обладателя. Об этом специально пишет Т. Рейтер, рассуждая о тех факторах, которые создавали «господство знати» в раннее Средневековье²²⁷. То, что Нестор подчёркивает «светлость», то есть блеск и чистоту, одежды, конечно, не случайно – блестели только дорогие ткани (прежде всего, шёлк), а чистая одежда обозначала и то, что у её обладателя есть слуги, которые её чистят, и

²²⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 118–119.

²²⁶ Успенский сборник XII–XIII вв. ..., с. 85.

²²⁷ Reuter T. Nobles and Others: The Social and Cultural Expression of Power Relations in the Middle Ages // Nobles and Nobility in Medieval Europe. Concepts, Origins, Transformations. Ed. by A. J. Duggan. Woodbridge, 2000, p. 91-93.

то, что он её не пачкает, то есть не трудится и передвигается не на своих двоих. Чистота одежды – это единственное, что отличало князя Святослава от его сопровождения, когда он явился на переговоры с византийским императором для заключения мирного договора в 971 г., согласно известному описанию болгарского похода Иоанна Цимисхия греческим хронистом²²⁸.

В словосочетании «слава и богатство», с точки зрения современной социологии, мы имеем дело с прямым и непосредственным выражением двух признаков элиты – престиж (авторитет) и капитал (имущество) (см. во «Введении»). Первый признак, который бывает трудно уловить и который в более позднее время отливался в юридические нормы, выражен здесь совершенно в архаическом, «до-модерном» духе – через понятие славы, которое, имея в виду известность личности, указывало на её общественное признание и её «образцовый» характер²²⁹. Ведь авторитетный статус – это всегда уважение со стороны других людей, а не некая материальная ценность или внутреннее состояние человека. Юридическая форма статуса – дело вторичное; и такого рода формы складываются лишь в позднее Средневековье (а в Новое время постепенно отмирают). В основе же, в сути престижа – это общественное уважение, почёт, известность, которые подразумевают стремление остальных подражать образцу. На это указывает даже этимология самого слова *знать*: от глагола *знать*, ‘иметь знание о чём-либо’, то есть *знатный* в собственном, первоначальном смысле – ‘известный, славный’.

Третий признак элиты – власть – не упомянут Нестором в его двучастной формуле, но на самом деле тоже присутствует в рассказе. Ведь Антоний, предупреждая Варлаама о своём бессилии перед его отцом, говорит, что тот обладает «властью многою». Эта власть выражается, прежде всего, в том, что в распоряжении боярина много людей – слуг, рабов и домочадцев. Но, с другой стороны, эта власть выражается и в доступе боярина к институтам государственного управления. Недаром, конечно, Нестор рассказывает о жалобе боярина Иоанна князю Изяславу – ему важно показать, что Печерские старцы не только противостоят «красной прелести мира сего», но и живут не по «повелениям» здешней власти, а вне установленных в «мире сем» структур господства.

Таким образом, сопоставление летописных данных со сравнительно подробными и выразительными, а главное – надёжными свидетельствами Жития Феодосия позволяют, на мой взгляд, снять вопрос о содержании древнерусского термина *бо(л)ярин*. Этот термин указывал на определённый социальный слой древнерусского общества, который обладал рядом признаков и выполнял ряд функций, присущих

²²⁸ *Лев Диакон*. История. Перевод М. М. Копыленко, комментарии М. М. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988, с. 83 (*Leo Diaconus*, *Historia*, IX, 11).

²²⁹ Специально о древнерусском понятии слава: *Стефанович П. С.* К характеристике мировоззрения автора «Слова о полку Игореве»: понятие «слава» // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005, с. 91-116. Не случайно, конечно, что это понятие пересекалось во многом с понятием чести, которое со временем стало специально применяться для обозначения социального статуса (в рамках системы возмещения ущерба по «бесчестью»).

преимущественно или исключительно ему. Просто следуя упоминаниям этого слова в источниках, мы видим, что боярами обозначались люди, наиболее выдающиеся по сравнению с остальными и в то же время занимающие подчинённое положение по отношению к князьям, которые на Руси в XI в. могут быть только из рода Рюриковичей и власть которых как правителей признаётся единственно легитимной. По этим упоминаниям можно нащупать критерии этого выдающегося положения боярства. Ясно, что это люди богатые, что многие из них, если не все, служат князьям на войне и в управлении, участвуя в принятии важнейших военно-политических решений, что у них есть власть над другими людьми и что просто в силу своего положения (а не личных качеств) они пользуются особым уважением в обществе. Нестор определяет эти критерии как «слава и богатство», но упоминает также в качестве такого критерия обладание «властью».

Признавая, таким образом, что этот слой выделялся по социальным, политическим и экономическим признакам и имея в виду позднейшие данные о боярстве, о боярах XI в. можно уже говорить не просто как о правящей или социальной элите, но как о знати или аристократии. Эта знать принципиально отличается от тех «архонтов», о которых говорят договоры руси и греков и трактаты Константина Багрянородного, потому что бояре XI в. не составляют конкуренцию правящей династии в качестве глав каких-то территорий. Скорее, этих бояр как социальный слой надо возводить к той социальной группе, из которой происходили «послы» договора 944 г. и описания приёмов Ольги в «De ceremoniis». Название, таким образом, переместилось с узкого высшего правящего слоя на относительно более широкий и относительно менее политически самостоятельный слой. Но учитывая, что этот узкий слой «архонтов», судя по всему, в XI в. уже практически исчез, такое перемещение в обозначении не должно удивлять. Главное содержание – обозначение элиты, причастной к сфере важнейших политических решений, – сохранилось за словом и в XI в. Вместе с тем, определение боярства как знати пока может быть принято только как предварительное, потому что облик боярства как социального слоя ясен далеко не во всех подробностях, а главное – не определено его отношение к некоторым другим слоям, которые, как можно подозревать, в том или ином аспекте тоже составляли некую элиту.

3.3. Боярские военные слуги: отроки

В заключение данного раздела стоит обратить внимание ещё на одно явление, которое служит важным признаком господствующего положения боярства. Нестор в Житии Феодосия неоднократно упоминает, что у бояр есть свои отроки, то есть слуги. Явление Варлаама в сопровождении отроков – это не менее важный элемент «славы велицей» боярина, чем, например, «светлая одежда». Наличие слуг, причём, судя по всему, довольно многочисленных – это свидетельство в л а с т и н а д л ю д ь м и, которой располагали бояре. В источниках XII в. (а также, разумеется, позднейшего времени) упоминаются зависимые и несвободные люди, которых имели бояре. Напри-

мер, в «Пространной редакции» «Русской Правды» упоминаются боярские тиуны, рядовичи и холопы²³⁰. В литературе обычно обращается внимание именно на эти категории людей для иллюстрации развития «господского хозяйства». Однако не менее важно указать на те категории боярских слуг, которые были связаны не столько с хозяйственной деятельностью, сколько с военной и административной. Такими слугами и были отроки, упомянутые Нестором. О них есть и другие свидетельства.

Отроки при боярах упоминаются в летописи – как в известиях за X–XI вв., так и в позднейшее время. Отошлю к собранию данных из летописей, а также некоторых других источников, за XII–XIII вв. к старой работе, не потерявшей значения и сегодня²³¹, а здесь приведу упоминания до 1132 г. В главе III разбирались известие о гибели князя Игоря в походе за древлянскую данью с упоминанием отроков воеводы Свенельда и рассказ ПВЛ с указанием об отроках Ратибора, боярина князя Владимира Мономаха²³². И в этом, и в другом известии отроки упоминаются с «оружьем», из чего ясно следует, что боярские отроки могли выполнять военные функции. Отроки Свенельда получают от него оружие и «порты», то есть одежду, причём средства на экипировку берутся, очевидно, из тех доходов, которые Свенельд получает в виде «дани» с древлян.

В качестве военных слуг выступают и отроки киевского боярина Яня Вышатича в известном рассказе о его столкновении с волхвами на Белоозере в начале 1070-х гг.²³³ Это летописное известие важно тем, что указывается точное число отроков, сопровождавших боярина в поездке за сбором дани, – их было 12 человек. О них сказано – «отроци его», значит, речь шла именно о собственных слугах боярина, а не княжеских. В более позднее время бояре-кормленщики отправлялись на свои кормления судить и рядить местное население в сопровождении именно и только своих личных слуг. Доходы, которые собирались с местного населения, шли частично и на обеспечение боярских слуг. Угроза, которую высказывает Янь Вышатич белозерцам: «аще не имате волхву сею, не иду от васъ и за лѣто», была серьёзна как раз по той причине, что жителям пришлось бы содержать целый год не только самого киевского боярина, но и отряд его слуг. К сожалению, сообщение об отроках Яня – единственное свидетельство за домонгольский период, в котором указывается численность боярских «дружин». В XIV–XVI вв. в землях, вошедших в Московское государство, в составе «дворов» виднейших бояр насчитывалось обычно два-три десятка военных слуг, называвшихся в это время также послужильцами²³⁴.

²³⁰ Статьи 1, 14, 46, 66, согласно научному разбиению текста. См.: Правда Русская. Под ред. Б. Д. Грекова. Т. I: Тексты. М.-Л., 1940, с. 104-105, 109, 112, ср. с. 402-403, 408-409, 420-421, 432-433.

²³¹ См.: Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. Вып. 2: Текст Русской правды с объяснением отдельных слов. М., 1885, с. 223-226. О самом слове *отрок* см. выше в главе IV, § 2.2.

²³² ПСРЛ. Т. 1, стл. 227; т. 2, стл. 217-218.

²³³ ПСРЛ. Т. 1, стл. 175-176; т. 2, стл. 165.

²³⁴ См., например: Бочков В. Н. Послужильцы // Историческая генеалогия. Вып. 6. Екатеринбург-Нью Йорк, 1995, с. 43-54. Здесь же см. специальную литературу.

В ПВЛ в статье 6606 (1096) помещён рассказ о северных народах со слов новгородца Гюряты Роговича (вероятно, посадника). Гюрята же передавал сведения, которые ему сообщил «отрок свои», которого новгородский боярин послал для сбора дани «в Печеру» и «в Югру»²³⁵.

В летописном рассказе о походе киевского князя Мстислава Владимировича и коалиции князей под его началом на полоцких князей в 1127 г. описывается, как был взят город Изяславль. Осаждавшие город князья дали обещание горожанам, если те покорятся, не брать город «на щит», то есть не грабить его по праву военных победителей. Однако в ночь после дня, когда были достигнуты договорённости, бояре-тысяцкие двух главнейших князей из коалиции – Вячеслава и Андрея Владимировичей – «въсласта отроки своѣ в городъ» для грабежа, и дело кончилось полным разграблением города²³⁶. Значит, у бояр были свои отроки, которые не просто сопровождают в военном походе своих бояр, но и – очевидно, с оружием в руках – занимаются сбором военной добычи.

К приведённым летописным известиям можно добавить свидетельства из источников иностранного происхождения, которые не настолько выразительны, как летописные, но зато восходят к древнейшему периоду существования государства руси. Выше отмечалось, что, согласно описанию приёмов Ольги в Константинополе в «De seremoniis» Константина Багрянородного, на первом приёме с некоторыми из «послов» «архонтов руси» были их («послов») «люди». Очевидно, эти «люди» были личными слугами (возможно, военными) «послов», статус которых, как говорилось, был близок статусу бояр XI в.

В главе IV уже привлекались данные из другой главы этого же трактата Константина о наёмниках «россах» в составе византийского войска в кампаниях первой половины X в. Любопытны сообщения Константина указанием на внутреннюю дифференциацию в этом корпусе «росов». Так, в главе 45 трактата приводится перечень военных сил, задействованных в походе на Крит в 949 г., и указывается, что «росов» всего участвовало 629 «мужей» (ἄνδρες), из которых, однако, как тут же сообщается, собственно «мужей» было 584, а остальные 45 были «юношами/слугами» (παῖδια)²³⁷. О. Филипчук, который недавно обратил внимание на эту деталь, вспоминает в связи с этими ἄνδρες и παῖδια о летописных «боярах», «гридях», «отроках» и «старшей» и «младшей дружине»²³⁸. Ход мысли исследователя, в принципе, верен, но тут требуются уточнения.

²³⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 234-235; т. 2, стл. 224-225.

²³⁶ ПСРЛ. Т. 1, стл. 298; т. 2, стл. 292-293.

²³⁷ Constantini Porphyrogeniti De serimoniis..., p. 664.

²³⁸ Филипчук О. [М.] Скільки коштував руський найманець у Візантії в X ст.? // Ruthenica. Випуск VII. Київ, 2008, с. 17-19. Автор предполагает, что «юноши» получали жалованье меньше, чем «мужи». Само по себе это вполне вероятно, однако попытки точно высчитать, насколько именно меньше, не представляются убедительными, потому что в трактате Константина указываются только общие суммы выплат всем «росам» скопом без какой-либо дифференциации.

Трудно судить, какой статус на Руси имели бы эти *ἄνδρες* и как их называли (вероятно, в качестве военных слуг-наёмников они скорее вошли бы в состав гридей), а вот с *παίδία* дело проще. Очевидно, с частью наёмников-«мужей» оказались их личные слуги – те, кто были способны воевать, в походе сопровождали своих господ в качестве служебно-вспомогательных сил. На Руси этих слуг называли бы отроками. Греки называли *παῖς* (или *παῖδιον*) – словом, которое по-латыни в Средние века передавали как *puer* и от которого происходит слово *паж* (франц. *page* от итал. *raggio*), вошедшее в современный русский язык. В древнерусских переводах с греческого, в частности, в переводе «Хроники Георгия Амартола», греческое *παῖς* в значении «(военный) слуга» часто передаётся именно как *отрок*²³⁹.

Личных слуг такого рода можно разглядеть в знаменитом рассказе ибн Фадлана о похоронах некоего богатого человека из руси (ср. в главе IV о сообщении ибн Фадлана, следующем после этого рассказа). В окружении этого человека упоминаются «отроки» – так по русскому переводу. А. П. Ковалевский в переводе сочинения ибн Фадлана на русский язык словом *отрок* передаёт арабское слово *гулям*, которое обозначало изначально военных слуг из рабов или вольноотпущенников (в IX в. в арабском Халифате было создано особое военное подразделение из гулямов – нечто вроде конной гвардии; позднее их стали также называть мамлюками). Разумеется, перевод этот условен²⁴⁰. Слово *гулям* ибн Фадлан использует для обозначения и каких-то слуг у тюрок-огузов, и доверенного посланника болгарского правителя к халифу, и наконец, неких слуг богатых и знатных «русов»²⁴¹. В последнем случае имеются в виду слуги, которые тогда, видимо, были ещё включены в кланово-родственные группы или тесно связаны с ними. Господ отроков-гулямов из руси ибн Фадлан называл словом *реис* (буквально – ‘главарь, предводитель, знатный’), которым он в других случаях, как отметил Ковалевский, обозначал «вообще аристократию»²⁴².

Как следует из замечаний арабского писателя, эти знатные «руссы» отличались богатством (выраженном прежде всего в количестве дирхемов), а также тем, что имели «толпу родственников и слуг». В описании похорон «одного выдающегося мужа из числа» тех «руссов», которые оказались в Булгарии в то время, когда там был ибн Фадлан, арабский писатель различает, однако, собственно семью умершего и его слуг: «Если умрёт главарь (реис), то его семья скажет его девушкам и его отрокам: “Кто из вас умрёт вместе с ним?” Говорит кто-либо из них: “Я”. И если он сказал это,

²³⁹ *Истрин В. М. Книги времени и образныя Георгия Мниха...* Т. I, с. 171 и др. Ср.: СДРЯ. Т. 6, с. 209.

²⁴⁰ Условность перевода хорошо осознавал сам А. П. Ковалевский (*Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956, с. 212, примечание 520-521). Недавно это обстоятельство ещё раз подчеркнул О. Г. Большаков: *Большаков О. Г.* Уточнения к переводу «Записки» Ибн Фадлана // ДГ: 1998 г. М., 2000, с. 54. Ср. также замечания Т. М. Калининой: *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия.* Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. Составители: Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009, с. 72, прим. 27.

²⁴¹ *Ковалевский А. П.* Ук. соч., с. 128, 133, 143.

²⁴² Там же, с. 244.

то [это] уже обязательно – ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. Большинство из тех, кто это делает, – девушки»²⁴³.

Отроки-гулямы стоят в одном ряду с «девушками»-наложницами, и они могут добровольно умирать для сопровождения господина в мир иной (хотя в большинстве случаев вместе с господином умирает всё-таки одна из наложниц). Тот факт, что слуги могли идти на смерть вслед за господином и быть захороненными вместе с ним, подтверждает и ибн Мискавейх – арабский писатель XI в., который оставил подробное описание нападения «русов» на Берда‘а в 944/945 гг., восходящее, по всей вероятности, к какому-то раннему источнику, написанному по горячим следам событий. Ибн Мискавейх писал: «Когда умирал у них («русов» – П. С.) человек, погребали с ним его оружие, снаряжение, жену или другую женщину, слугу, если он любил его, по обычаю»²⁴⁴. Археологи иногда находят на территории Восточной Европы захоронения слуг с господами (в так называемых камерных погребениях)²⁴⁵.

Из этих сообщений ясно вырисовывается клиента частнопровового характера – мужчины или молодые люди какого-то зависимого статуса, слуги, не просто подчинявшиеся своему господину, но нередко связанные с ним особо близкими или доверенными отношениями. Охрана и поддержка своего господина в случае военных действий, естественно, входили в число их первейших обязанностей. Они вместе с рабами и наложницами, с одной стороны, и родственниками их господина, с другой, вместе составляли клан, на который опирался тот или иной «реис» из руси («толпа родственников и слуг», по выражению ибн Фадлана). К сожалению, ничего конкретного нельзя сказать об этих «реисах». Ибн Фадлан упоминает только, что на кургане, насыпанном над могилой умершего, поставили столб, написав на нём имя умершего и имя «царя русов»²⁴⁶. Что это за «царь русов» и в чём именно был смысл указания его имени на «надгробном» столбе, а также кто и каким образом (на каком языке) сделал саму надпись, остаётся только гадать.

«Частные» боярские дружины–клиенты продолжали существовать и в XI–XIII вв., и в последующее время в Северо-Восточной Руси и Великом княжестве Литовском, хотя, конечно, в трансформированном виде. В военном отношении они имели немалое значение (ср. приведённые выше упоминания боярских «полков» в XII–XIII вв.). С полным основанием писал в своё время М. А. Дьяконов, что в Древней Руси боярин у князя «ценился не только по его личной боевой годности и опытности; но особенно по той силе, какая стояла за ним в лице его собственной боярской дружины»²⁴⁷. Военные слуги составляли вместе с зависимыми людьми, занятыми в хозяйстве, своего рода «дворовые корпорации», в сущности аналогичные людям, слу-

²⁴³ Там же, с. 143. Характерно, как передаются в датском переводе Гольмбо (правильность которого отмечает Ковалевский) слова «его девушкам и отрокам»: hans piger og karle (karl=отрок).

²⁴⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников... Т. III, с. 104. Перевод Т. М. Калининой.

²⁴⁵ См., например: *Бліфельд Д. І.* Давньоруський могильник в Чернігові // *Археологія*. Т. XVIII. Київ, 1965, с. 130-131, 134–135.

²⁴⁶ *Ковалевский А. П.* Ук. соч., с. 146.

²⁴⁷ *Дьяконов М. А.* Ук. соч., с. 78. Ср. так же: *Греков Б. Д.* Киевская Русь..., с. 159-160.

жившим князьям. Опираясь на материалы XIV–XVI вв., В. И. Сергеевич так писал о принципиальном тождестве в устройстве княжеских и боярских дворов (выделяя, правда, хозяйственно-административные функции боярских «дворовых»): «Эти (земельные – П. С.) владельцы-собственники имели свои дворы, в которых встречаются те же элементы, что и во дворах княжеских, только в меньших размерах. У них были свои ключники, прикащики, повара, конюхи, стряпчие, дворяне и пр., рабы и свободные. К богатым людям во двор поступали даже дети боярские, конечно, бедные... Двор этот, имея прежде всего хозяйственное значение, сопровождал своих господ и в походах, в качестве войска. Если же господа получали должности в кормление, то дворовые их люди выступали и в качестве судебных органов. При кормленщиках разные судебные действия совершались их тиунами и дворянами»²⁴⁸.

Разумеется, как и княжеские, так и боярские «дружины» и «дворы» претерпевали существенные изменения от раннего Средневековья до раннего Нового времени. Но с точки зрения социальной стратификации важно отметить их устойчивое существование как структурных элементов древнерусского общества. Важнейший признак боярства как господствующего класса проявлялся именно во власти над людьми, состоявшими у них в услужении.

§ 4. Бояре – часть элиты древнерусского общества

4.1. Бояре и городская верхушка

В главе III цитировался рассказ летописи о пирах князя Владимира (Святого) в летописной статье под 6504 (996) г. Ценность этого рассказа для данного исследования состоит в перечислении категорий людей, которые обозначаются как «люди свои» для князя или его «дружины» (в широком значении вообще всех служащих князю людей). Прочитав ещё раз фразу с этим перечислением: «Се же паки творяше людем своимъ, по вся недѣля: устави на дворѣ въ гридьницѣ пирь творити и приходити боляром и гридем и съцьскимъ и десяцьским и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя»²⁴⁹. Возвращаясь теперь к этому летописному известию, можно подробнее охарактеризовать каждую из этих категорий.

Как показывает анализ, проведённый в данной главе, бояре в XI в. выступают как знать – люди, участвующие в политическом управлении на высшем уровне и выдающиеся в социально-экономическом плане. В главе IV шла речь о гридях, и было предложено видеть в них воинов на содержании князя и в прямой зависимости от него. Что можно сказать о других людях, которые приходили на княжеские пиры?

В политической организации руси в том виде, в каком она предстаёт в договорах руси с греками и в сочинениях Константина Багрянородного, важная роль отводилась помимо «архонтов» и «послов» также купцам. Договор 944 г. обязывал «архонтов» писать грамоты с указанием количества кораблей, посланных в Византию.

²⁴⁸ Сергеевич В. И. Ук. Соч. // Наблюдатель. 1887. № 2, с. 46.

²⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 126; Ср.: ПСРЛ. Т. 2, стл. 110–111; НПЛ 1950, с. 167.

Очевидно, на кораблях плыли не только послы с их людьми, но и купцы, которые тоже, находясь под покровительством «архонтов», выступали их агентами. Хотя купцы отвечали преимущественно за торговые дела, ясно, что они состояли в тесной связи с военно-политической элитой государства руси – ведь политические и коммерческие интересы и вопросы были в тех условиях переплетены и неразсторжимы. В тех же договорах, по метким словам М. М. Грушевского, «торговельні вигоди становлять головний предмет і зміст, альфу і омегу дипломатичних зносин», а в описании Константина предводители руси выступают «заразом правительство і купецькі підприємці»²⁵⁰. И это было вполне естественно для народов «варварской Европы» той эпохи, когда между воином и торговцем грань была условна или вообще отсутствовала. В этом смысле тезис В. О. Ключевского о едином «военно-промышленном классе», который стоял у истоков древнерусского государства²⁵¹, представляется более правильным, чем схема А. Е. Преснякова, которая предполагает в древнейшее время резкое выделение «дружины» под покровом «княжого права» от остальной массы населения и лишь постепенное (к XII–XIII вв.) вовлечение боярства в «городскую стихию».

После Ключевского идея торговых городов-областей, стоявших у истоков Киевской Руси, получила развитие в работах некоторых эмигрантских и западных историков, особенно Г. В. Вернадского. В последнее время концепция Ключевского находит сочувствие у археологов, которые тоже фиксируют эту связь военного начала с торгово-экономическим²⁵². Те погребальные памятники на территории Восточной Европы конца IX – начала XI в., которые известны в русскоязычной литературе под неудачным названием «дружинные курганы» (ср. в главе II), вместе с оружием часто содержат гирьки и другие атрибуты торгово-коммерческих занятий. Недавнее обобщение данных, полученных из раскопок этих памятников, носит характерное название «Весы и меч»²⁵³. Весьма показательны и расположение курганных комплексов: они связаны не столько с центрами княжеской власти, сколько с торговыми путями и центрами – эмпориями. И самый большой и яркий археологический комплекс в Гнёздово представлял, несомненно, такого рода торговый центр, где следы каких-то властных структур слабо прослеживаются²⁵⁴. Попытки представить этот и подобные ему

²⁵⁰ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. I, с. 423.

²⁵¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть I // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Под ред. В. Л. Янина. Т. I. М., 1987 (1-е изд.: 1904 г.), с. 147 и след.

²⁵² Ср. высокую оценку идей Ключевского (разумеется, с учётом, что с момента выдвижения этих идей прошло более столетия): Носов Е. Н. Новгородское городище..., особ. с. 1-17.

²⁵³ Перхавко В. Б. Ук. соч., с. 80-89.

²⁵⁴ Ср., например: Jansson I. Warfare, trade or colonisation? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the viking period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19-20 October 1996 in the manor of Karlslund, Örebro. Lectures. Edited by Pär Hansson. Örebro, 1997, p. 9-64; Пушкина Т. А., Мурашѣва В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Отв. ред. Н. А. Макаров. М.-Вологда, 2012, с. 242-273.

комплексы как некие (неизвестные письменным источникам) «дружинные погосты» натолкнулись на вполне справедливую критику²⁵⁵.

Невозможно допустить, что к началу XI в. роль купцов кардинально снизилась или что они перестали выполнять княжеские поручения. Данные о купцах в более поздних источниках XI–XIII вв. свидетельствуют о том, что связь между властью и капиталом сохранялась весьма тесная. Выше в главе IV об этом уже шла речь, и указывалось на 1-ю статью «Древнейшей редакции» «Русской Правды», где купец перечислен в ряду людей, находящихся под покровительством князя. Уместно будет вспомнить здесь и повышенное внимание «Пространной Правды» к финансовым и торговым операциям, которое надо объяснять не только следствием восстания киевлян 1113 г., но и княжескими интересами.

Имея в виду эти данные, можно думать, что в перечне «людей своих» в летописном известии о пирах Владимира те люди, который были обозначены как «гости» или «купцы» в договоре 944 г., тоже присутствовали. Просто в этом перечне они имелись в виду не под этими обозначениями общего характера, а были представлены должностными лицами из их среды – сотскими и десятскими.

Выше уже говорилось о несомненной причастности купцов к сотенной организации в древнерусских городах. По крайней мере, в Новгороде это не подлежит сомнению²⁵⁶. Какие именно круги населения охватывала децимальная организация, в науке спорят, но очевидно, что по крайней мере в домонгольское время это было преимущественно городское население. Вполне вероятно, что сотские и десятские представляли не только собственно купцов как профессиональную группу, но и вообще городское население как социальный класс. Горожане, занимавшиеся ремёслами и промыслами, тоже, конечно, были связаны с княжеской властью – прежде всего, фискальными обязательствами и заказами на продукты и изделия, которые они производили или доставляли. Так можно объяснить присутствие в перечне неких «нарочитых людей», примыкающих к сотским и десятским – это были наиболее авторитетные и зажиточные люди из городской среды, наделённые какими-то (может быть, даже мелкими и временными) налоговыми и административными поручениями или обязанностями. В классической книге «Древнерусские города» М. Н. Тихомиров именно в таком духе оценивал перечень лиц, которых Владимир приглашал на пиры²⁵⁷.

Присутствие представителей торговой городской среды в «дружине» на пирах Владимира объясняется не только их связью с князем, но и их связью с боярством. Эти два слоя имели много общего и, прежде всего, местожительство – они жили главным образом внутри городских стен. Выше уже приводились летописные данные о

²⁵⁵ Ср. тезис о «дружинных погостах»: *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4, с. 100-112; *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // ДГ: 1985 г. М., 1986, с. 99-108, и возражения: *Носов Е. Н.* Новгородское городище..., с. 20; *Назаренко А. В.* «Слы и гостие»..., с. 170-171.

²⁵⁶ См.: *Флоря Б. Н.* «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // СР. Вып. 6. М., 2006, с. 66-79.

²⁵⁷ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 160-161.

городских боярских усадьбах. В ценной работе П. Бушкович, сопоставляя свидетельства письменных источников с данными археологии по трём землям Руси (Киевской, Смоленской и Новгородской), приходит к выводу о преимущественно городском образе жизни боярства в XI–XII вв.²⁵⁸ «Городскую оседлость» как традиционную черту русской знати справедливо подчёркивает Х. Рюсс, указывая на её отличие в этом смысле от знати западноевропейской²⁵⁹.

Каждому из двух слоёв совсем не чужды были занятия другого – бояре занимались торговыми и финансовыми операциями, а купцы готовы были взяться за оружие. М. Н. Тихомиров, опираясь на летописные и актовые источники, писал о боярах, что они «играли видную роль как в экономической, так и в политической жизни города» и что «участие в торговле и ростовщичестве тесно связывало бояр с широкими кругами городского населения, в особенности с купеческой верхушкой»²⁶⁰. Учёный ещё не располагал новгородскими берестяными грамотами, первые из которых были только-только открыты на момент публикации его книги вторым изданием. Между тем, они служат одним из наиболее ярких свидетельств коммерческих занятий боярства; в них мы находим рядом с упоминанием лиц высшей новгородской знати списки должников и отданных в рост сумм, перечни товаров и продуктов ремесленного производства, отчёты о торговых операциях и т. д. Данные такого рода бросаются в глаза, хотя иногда интерпретируются как специфически новгородское явление²⁶¹. С этим трудно согласиться. Коммерческие занятия боярства прослеживаются и в других землях Древней Руси, и о них как общерусском явлении говорил тот же Тихомиров, который ссылаясь, например, на свидетельства «Русской Правды» и внешнеторговых договоров Смоленска XIII в. Исключительность Новгорода состоит лишь в том, что данные, происходящие из него, более обильны и показательны по сравнению с отрывочными упоминаниями из других регионов.

Из берестяных грамот как XI-го, так и всех последующих веков вплоть до XV в., следует, что бояре пускали в коммерческий оборот ту часть налоговых поступлений, которая шла в их пользу при исполнении судебно-административных функций²⁶², – подобно тому, как поступали «росы», которые, согласно «De administrando imperio» Константина Багрянородного, собрав дань в полудьях, отправляли затем полученные продукты на продажу в Византию. Формы несколько меняются, но механизм остаётся в сущности прежним.

Те же новгородские данные прямо говорят о военных занятиях купцов. В главе IV, § 2.2 приводились летописные известия о том, что купцы воюют вместе с гридь-

²⁵⁸ *Bushkovitch P.* Towns and Castles in Kievan Rus': Boiar Residence and Landownership in the 11th. and 12th. Centuries // *RH*. Vol. 7, No. 1-2 (1980), p. 251-264.

²⁵⁹ *Rüß H.* Herren und Diener..., S. 376-389; *Рюсс Х.* Городская оседлость русской знати // Сословия и государственная власть в России. XV–XIX вв. Международная конференция – Чтения памяти академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. I-II. М., 1994, с. 253-262.

²⁶⁰ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 165.

²⁶¹ Ср.: *Янин В. Л.* Раскопки в Новгороде..., с. 61-67.

²⁶² *Янин В. Л.* Древнее славянство..., с. 47.

бой и огнищанами. К этим известиям XII–XIII вв. можно присовокупить те, которые говорят о том, как в случае военных действий и отсутствия князя в городе новгородцы собирали средства «крутиться на воину» именно купцам²⁶³. Судя по всему, к XIII в. грань между знатным воином и купцом по сравнению с X в. обозначилась резче, но она всё-таки не была непроходимой.

Конечно, не случайно, что между знатью и виднейшими представителями городской среды часто возникают политические союзы, особенно тогда, когда их объединяло противостояние княжеской власти. Некоторые историки считают, что боярство либо с самого начала доминировало в этом союзе, либо со временем перехватывает политическую инициативу у горожан и совершенно подавляет их голос на вече²⁶⁴. По всей видимости, такие оценки страдают некоторым преувеличением – в действительности демократическое начало в «вечевой стихии» жило всегда вплоть до её затухания в XIV–XV вв.²⁶⁵ Но в данном случае главное зафиксировать не перевес на вече той или иной социальной группы в тот или иной момент и в том или ином месте, а сам факт совместного участия боярства и горожан или, по крайней мере, городской верхушки в политической жизни. Задавшись вопросом о том, как в известиях XII в. летописцы оценивают общественную роль и действия знати, Б. Н. Флоря пришёл к убедительному выводу, что «в общественном сознании» существовала «тесная связь между “боярством” и населением главного центра “земли”. Они выступают совместно, в некоторых случаях “бояре” выступают как люди, организующие и направляющие действия городской общины, в других случаях в изображении летописца знать с этой общиной сливается и растворяется в этом общем понятии»²⁶⁶. Как показывают некоторые летописные данные, приводимые ниже, совместное участие бояр и горожан в политической жизни фиксируется уже в начале XI в.

Важным показателем общих интересов и совместной деятельности знати и горожан является возникновение как раз в XI в. должности тысяцкого, которая, разумеется, была связана с децимальной организацией. Первые упоминания этой должности относятся к концу XI – началу XII в. В статье ПВЛ под 6597 (1089) г. сообщается, что Успенский собор в Печерском монастыре был освящён «при бл(а)городнѣмъ князи Всеволодѣ», «воеводство держащю кыевскыя тысяща Яневи»²⁶⁷. Упомянутый здесь Янь – по всей видимости, известный киевский боярин Янь Вышатич, неоднократно упомянутый в летописи. В рассказе о смерти киевского князя Святополка Изя-

²⁶³ НПЛ 1950, с. 25 (статья 6645 (1137) г.).

²⁶⁴ См., например: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939, с. 197 и след.; Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003, с. 8-9; Голочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987, с. 224 и след.

²⁶⁵ Ср.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 217 и след.; Лукин П. В. Вече: социальный состав // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. Отв. ред. А. А. Горский и В. А. Кучкин. М., 2008, с. 44 и след., 145.

²⁶⁶ Флоря Б. Н. Правитель и знать в древнерусском летописании XII века // СР. Вып. 8. М., 2009, с. 80.

²⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 208.

славича в 1113 г. и волнениях в Киеве, возникших после неё, тысяцким в городе упомянут Путята, который, вероятно, был братом Яня²⁶⁸.

Анализ существующих данных о тысяцких в Древней Руси приводит исследователей к выводу, что эту должность занимали виднейшие бояре и в их компетенцию входили военная организация городского населения, а также вопросы городского управления и фиска, особенно в сфере торговли²⁶⁹. Тихомиров делал вывод, что тысяцкие «утверждаются как начальники над городским населением» и «хотя и назначаются князем, но становятся представителями городского населения»²⁷⁰. Он подчёркивал их роль как своего рода связующего звена между княжеской администрацией и городской средой. В создании специального должностного лица, которое координировало деятельность этих двух сфер, практическое и в то же время своего рода символическое воплощение получила экономическая и отчасти политическая общность боярства и городской верхушки. Децимальная организация – городская (или выросшая из города), а во главе неё – боярин.

Таким образом, в летописном известии о пирах Владимира мы видим три группы или даже слоя населения – бояре, гриди и городская верхушка, – которые, судя по всему, и составляли элиту Руси, если понимать под элитой людей, выделявшихся в масштабах государства по социальным, экономическим и политическим параметрам (см. во «Введении»).

Летописец, вероятно, и хотел выразить мысль, что князь объединяет все лучшие и важнейшие общественные элементы, которые вообще заслуживали приглашения «по вся неделя» на его «двор в гридьницу», и заботится о них. Каждая из этих групп была связана с князем как главой государства и важна для него, но по-разному. Собственно под покровом «княжого права» находились гриди – воины на княжеском содержании. Хотя по статусу это были люди, принадлежащие «дому» или «двору» князя, но то ли в силу своих военных качеств, то ли как княжеские слуги они, судя по порядку перечисления, рассматривались летописцем как более важные персоны, чем представители городского населения. Бояре служат князю, и от этой службы происходят их политическое влияние и какая-то часть (вероятно, даже важнейшая) доходов, но высокое положение в обществе, достаток и наличие собственных зависимых людей сообщают им известную независимость, заставляют всех, в том числе и самого князя, уважать их и с ними считаться. Наконец, купцы и прочие городские жители связаны с князем меньше остальных – главным образом, фискальными отношениями и частными заказами и поручениями. Но их можно и задействовать на разовые военные мероприятия. Они тесно взаимодействуют с боярами.

В данных, происходящих из других летописных известий или нелетописных источников, просматривается та же структура элиты, хотя не в таком целостном виде

²⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2, стл. 275–276.

²⁶⁹ Недавний пересмотр сведений о тысяцких до середины XIII в. подтвердил устоявшиеся в науке представления: *Толочко П. П.* Власть в Древней Руси. X–XIII века. СПб., 2011, с. 111–123.

²⁷⁰ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 228.

и с пропуском того или другого элемента. Примером может послужить одно из сообщений летописного рассказа о борьбе сыновей Владимира Ярослава и Святополка после его смерти, важное в разных отношениях. В летописной статье ПВЛ под 6526 (1018) г. излагается известный эпизод этой борьбы, когда Ярослав, потерпев поражение от объединённых сил Святополка и Болеслава, польского князя, бежал из Киева в Новгород «съ 4ми мужи». Из Новгорода Ярослав хотел «бѣжати за море», но новгородцы во главе с посадником воспротивились его намерению: «и посадникъ Коснятинъ, с(ы)нь Добрынь, с новгородьци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ рекуще: хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ С(вя)тополкомъ. Начаша скоть събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от боярь по 18 гривен, и приведоша варягы, вдаша имъ скоть, и совокупи Ярославъ воя многы»²⁷¹.

Этот текст восходит, видимо, к тому же древнейшим пластам летописания, вполне вероятно, к тому же, что и рассказ о пирах Владимира²⁷². РадзЛ и ИпатЛ дают несколько иные цифры в указаниях о суммах, которые собирались с новгородцев²⁷³, но вариант ЛаврЛ поддерживается большинством других летописей, содержащих ПВЛ (в том числе летописями группы НовСофС), поэтому Шахматов и большинство учёных принимают как правильный именно его²⁷⁴. Учитывая очень большую разницу в ценности между куной и гривной – согласно счёту «Краткой Русской Правды», в 1 гривне было 25 кун, – можно предполагать, что упоминание о 4 кунах «от мужа» является ошибкой протографа ПВЛ, а на самом деле имелись в виду тоже гривны. Так или иначе, в данном случае для меня не столько важны конкретные цифры собранных сумм, сколько соотношение ставок сбора в соответствии с разными категориями населения. 4 куны или 4 гривны – это всё равно меньше, чем 10 гривен, и «иерархия» не нарушается. Социальных групп здесь указано три, и две из них вполне понятны: «мужи» – это, очевидно, рядовое свободное население, а бояре – знать. Но кто имелся в виду в тексте под «старостами»?

В начальном летописании «старосты» упоминаются ещё только один раз, причём тоже в изложении событий после смерти Владимира, тоже применительно к новгородцам и тоже в тексте, который, судя по всему, восходит к древнейшему летописному слою. Правда, это упоминание находится не в ПВЛ, а в Н1Л(м и с), но оно несомненно восходит к НС, а в ПВЛ было сокращено в результате правки текста²⁷⁵. Согласно Н1Л, Ярослав после победы над Святополком в Любечской битве (отнесённой в летописи к 6524 (1016) г.) разделил добычу между «воями своими»: «старостамъ по

²⁷¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 143.

²⁷² Шахматов А. А. Разыскания..., с. 397. Ср.: Михеев С. М. Ук. соч., с. 138-140. На этом отрезке начального летописания первоначальный текст приходится восстанавливать только по ПВЛ, так как в Н1Л отсутствует параллельный текст, что сильно затрудняет реконструкции.

²⁷³ Ср.: ПСРЛ. Т. 2, стл. 131; т. 38, с. 62.

²⁷⁴ Шахматов А. А. Повесть временных лет..., с. 760.

²⁷⁵ Так полагал Шахматов, и новейшие исследования подтвердили его вывод – см. подробнее о всём отрезке летописного текста, внутри которого находится это упоминание: Лукин П. В. События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // ОИ. 2007. № 4, с. 3–20.

10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новъгородъчемъ по 10 всѣмъ»²⁷⁶. Судя по полученной сумме, здесь старосты приравниваются к свободным горожанам – новгородцам. Само слово *староста* стоит в ряду подобных ему *старец*, *старейшина*, *старейший* и т. п., и в древнейших его упоминаниях нет основания всегда и непременно усматривать привычное нам значение должностного лица, которое оно получило позднее в Великом княжестве Литовском и России²⁷⁷. В «Правде Ярославичей» упоминаются «сельский» и «ратайный» «старосты княжие» в качестве княжеских агентов²⁷⁸, но должность обозначается здесь не самим словом «староста», а словосочетанием с двумя уточняющими определениями к этому слову.

На мой взгляд, в этих новгородских «старостах» надо видеть тех же людей, которые несколько иначе были обозначены в летописном известии о пирах Владимира как «сотские, десятские и нарочитые мужи» и которые выше были определены как верхушка городского населения, облечённая некими властными полномочиями в сфере городских финансов и производства. Соединение двух черт – повышенный социальный статус и исполнение должностных обязанностей – характерно как раз для той семантики, которая позднее фиксируется за словом *староста*²⁷⁹. Очевидно, оно позволяло выразить одновременно эти две черты, которые в сообщении о пирах Владимира были как бы распределены между собственно названиями должностей (сотские и десятские) и обозначением общего характера («нарочитые мужи»). Тогда становится понятно, что в одном случае старосты могли идти «под одну гребёнку» с прочими городскими жителями – когда делилась военная добыча, – а в другом – когда собирались средства на войну – они довольно резко отделяются от прочих горожан. В первом случае определяющим, видимо, был сам статус свободного полноправного «гражданина», а во втором принималось во внимание прежде всего фактическое имущественное состояние, и по этому-то показателю виднейшие городские предприниматели стояли несравненно ближе к боярам, чем к остальному населению (4 куны относятся к 10 гривнам как 1:62,5, а 10 гривен к 18 как 1:1,8).

Скорее всего, эти старосты составляли целиком или в основном ту группу, которая в другом месте рассказа НЛМ о борьбе Ярослава и Святополка обозначены как «вои славны тысяча». Это последнее выражение просто имеет в виду военный отряд, но люди-то те же самые²⁸⁰. И неслучайно, что при переработке этого рассказа составитель ПВЛ заменил это выражение на «нарочитые мужи»²⁸¹ – по всей видимости, он догадывался, о каких людях приблизительно идёт речь, и применил те слова, которыми они именовались в известии о пирах Владимира.

²⁷⁶ НПЛ 1950, с. 15, 175.

²⁷⁷ См. так: Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 185.

²⁷⁸ Статья 24 «Краткой редакции» «Русской Правды», согласно научному разбиению текста: Правда Русская. Т. I, с. 71-72, 398.

²⁷⁹ Ср.: СРЯ. Вып. 28, с.11-14.

²⁸⁰ Ср. вывод П. В. Лукина, что «вои славны тысяча» составляли «отборный отряд городских “воев”»: Лукин П. В. События 1015 г. в Новгороде..., с. 15-16.

²⁸¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 140.

Более того, можно думать, что слова, этимологически связанные со словом *староста*, тоже в каких-то случаях могут обозначать тех же людей. В своё время В. О. Ключевский высказывал мнение, что под летописными обозначениями «старцы градские» и «старѣишины по всем градомъ» скрывается «образовавшаяся из купечества военно-правительственная старшина торгового города»²⁸². Главными должностными лицами этой городской «старшины» он, опираясь на известие о пирах Владимира, считал десятских, сотских и тысяцких и определял их функции как военные. Современные исследования показывают, что функции должностных лиц децимальной организации лежали скорее в административно-хозяйственной сфере, а не военной²⁸³, хотя упоминание «воев славных тысячи», приведённое выше, говорит, что военные функции этой организации всё-таки не были вовсе чужды. Так или иначе, в любом случае нет причин отказываться от тезиса Ключевского о тождественности «старцев градских», «старейшин по градом» и тех сотских, десятских и нарочитых мужей, которые упоминаются в известии о пирах Владимира. На мой взгляд, в пользу этого тезиса говорит, прежде всего, то, что эти обозначения встречаются только в статьях из времени правления Владимира Святого, причём «старейшины по градом» как раз в той же статье 6504 (996) г., где сообщается о пирах Владимира, – сначала о пирах на Преображенье в Василеве (здесь о старейшинах), а затем киевских пирах для всей «дружины» (здесь о сотских и прочих). Все эти статьи присутствуют и в списках ПВЛ, и в Н1Лм (=НС) и восходят, скорее всего, к древнейшему слою летописания²⁸⁴.

Таким образом, в сообщении о сборе средств для найма варягов Ярославу мы видим те же два элемента общественной элиты, которые указаны в рассказе о пирах Владимира, – знать (боярство) и городская верхушка. О гридях Ярослава не сказано, возможно, потому, что из них у Ярослава в тот момент просто никого не осталось (он прибежал в Новгород, как сообщает сама летопись, только сам-четыре), но скорее потому, что как «люди дома» князя они не могли и не должны были участвовать в общегородском сборе средств; они получали жалованье от князя, и их деньги были фактически княжеские. Здесь пролегалла принципиальная грань между гридями и боярами – одни были людьми «княжого права» или дружиной в собственном (научном) смысле этого слова, другие – люди, вступавшие в некоторые отношения с князем (которые можно назвать вассально-договорными), но в принципе независимые от него и тесно связанные в бытовом и практическом смыслах с городской средой.

Сопоставление перечней социальных категорий людей в летописных сообщениях весьма показательным тем, насколько могут расходиться указания, обозначения и

²⁸² Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. М., 1902, с. 31; Ключевский В. О. Терминология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Под ред. В. Л. Янина. Т. VI. М., 1988 (написано в 1880-е гг.), с. 114-115.

²⁸³ Кучкин В. А. Десятские и сотские Древней Руси // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь..., с. 328, 423-425.

²⁸⁴ «Старцы градские» упоминаются в статьях 6495 и 6504 гг. (ПСРЛ. Т. 1, стл. 106, 124; т. 2, стл. 93, 109; НПЛ 1950, с. 148, 166), а «старейшины по градом» в статье 6504 г. (ПСРЛ. Т. 1, стл. 125; т. 2, стл. 109; НПЛ 1950, с. 166). Ср. о них выше в главе III.

умолчания в разных текстах, говорящих на самом деле примерно об одном и том же. Гриди в одном случае присутствуют, в другом – нет; один и тот же социальный класс в одном случае обозначен так, в другом – иначе. Эти примеры ярко демонстрируют ущербность подхода, который во «Введении» был определён как «терминологический фетишизм».

Показательно также сравнение структуры элиты Руси по древнейшим данным и по более поздним. Тот взгляд на древнерусскую элиту, который развивается в настоящей работе, предполагает, что принципиальных изменений с начала XI в. до конца домонгольского периода не должно быть, так как и бояре, и торгово-финансовая верхушка города, и даже княжеские слуги (хотя в меньшей степени) сохранялись как главные элементы верхней части социальной «пирамиды» Руси. И действительно, источники свидетельствуют о сохранении той же структуры. Прекрасной иллюстрацией может служить известие Московского летописного свода конца XV в. в статье 6719 (1211) г., которое восходит, как убедительно доказал А. Н. Насонов, к владимирскому своду 1220-х гг.²⁸⁵ В этой летописной статье рассказывается о конфликте Всеволода Юрьевича, владимирского князя, со своим сыном Константином. Чтобы определить новый порядок престолонаследия в пользу другого своего сына (Юрия), престарелый Всеволод созвал представительное собрание. На это собрание он «созва всѣх боярь своихъ с городовъ и съ волостей, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцѣ, и дворяны, и вси люди»²⁸⁶.

Если оставить в стороне представителей духовенства, то социальная иерархия выстраивается здесь следующим образом (сверху вниз): бояре – купцы – дворяне – «вси люди». В сущности, мы видим примерно те же элементы, что и в рассказе о пирах Владимира, лишь с некоторой перегруппировкой. Бояре остаются на своём месте, купцы и «вси люди», очевидно, представляют городское население (или преимущественно городское) и соответствуют «сотским, десятским и нарочитым мужам», а дворяне заменили гридь. Замена гриди на дворянство вполне понятна ввиду того исследования, которое было представлено выше в главе III, – гридь как «большая дружина» теряет своё значение в XII в. и трансформируется, а в ряду княжеских слуг дворяне занимают важнейшее место, и в XIII в. уже слова *дворяне* и *слуги* выступают в ряде случаев синонимами²⁸⁷. Однако, показательно, что купцы в иерархии оторвались от «всех людей» и потеснили со второго места княжеских слуг – это надо объяснять, прежде всего, как раз исчезновением или радикальным сокращением корпусов профессиональных воинов на княжеском содержании, а с другой стороны, возросшим значением городских «олигархов».

²⁸⁵ Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 210 и след.

²⁸⁶ ПСРЛ. Т. 25, с. 108.

²⁸⁷ См.: Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 113-114.

4.2. Местная знать?

Как было замечено чуть выше, летописное сообщение о Ярославе, Константине Добрыниче и новгородцах содержит информацию важную в разных отношениях. Помимо отражения социальной стратификации историки находят в нём также указания, позволяющие им так или иначе определять сущность боярства как социального слоя. В начале этой главы уже говорилось, что за разным пониманием термина *бо(л)ярин* стоят разные исторические концепции. Это сообщение заставляет вернуться к обсуждению этих концепций.

В историографии с середины XIX в. существует представление, что в домонгольской Руси была некая «местная» знать, связанная происхождением и интересами с локальными центрами (см. во «Введении»). Разные авторы придавали разное значение этой местной знати и видели в ней разных лиц. Раньше их называли «земскими боярами», но А. А. Горский справедливо подчёркивает, что этот термин не встречается в домонгольское время. Он считает, что за этим выражением как научным понятием стоят ложные представления, а на самом деле знать была только «дружинная»/«военно-служилая»²⁸⁸. Среди современных авторов фактически противоположной точки зрения придерживается И. Я. Фроянов, который характеризует строй Руси как «общинность без первобытности»²⁸⁹ и считает, что бояре были «общинными лидерами» – людьми, в силу личных качеств возглавившими в тот или иной момент некую местную общину. В более ранних работах он употреблял выражение «земские бояре», хотя оговаривался об условности разделения бояр на земских и служилых²⁹⁰. Позднее он писал просто о «знати», но вкладывал в это слово лишь смысл лидерства, не признавая существования в домонгольской Руси знати как правящего или господствующего класса²⁹¹.

Обе точки зрения – и Горского, и Фроянова – порывают с центральной идеей советской историографии, что бояре с древнейшего времени являлись землевладельцами-вотчинниками и фактически выступали «местной знатью», хотя и вступавшей в «вассальные» отношения с князьями. Горский, ставя во главу угла «дружину», обращается к теории Преснякова о «княжом праве», а Фроянов отчасти опирается на славянофильские интерпретации, отчасти прибегает к теориям этнологов (антропологов) об устройстве догосударственных общностей. В то же время некоторые идеи этих авторов связывают их с представлениями, принятыми в советское время. Так, Фроянов исходит из марксистской теории классовых противоречий и смен формаций. Горский,

²⁸⁸ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 42-48; *Он же*. Русь: от славянского Расселения..., с. 95-114.

²⁸⁹ Само это выражение принадлежит А. И. Неусыхину, который пытался как-то обозначить период в развитии германских народов, когда они вступили в тесные контакты с античной цивилизацией, но до того, как у них сложились классовые отношения (в марксистском смысле слова) и полноценные государственные структуры.

²⁹⁰ Фроянов И. Я. Киевская Русь..., с. 84.

²⁹¹ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992, с. 150 и след., 187 и др.

сходясь с Пресняковым в том, что лишь в XII в. знать приобретает заметную политическую самостоятельность, расходится в понимании основ этой самостоятельности: Пресняков указывал на связь «влиятельного боярского класса» с «городской вечевой стихией», а Горский, согласно с пониманием феодализма в марксизме, считает основой боярского могущества развитие сеньориального землевладения.

В последнем пункте с Горским солидарен М. Б. Свердлов, который тоже видит причину образования боярского «привилегированного сословия» в XII в. в развитии его землевладения. Он тоже не ставит под сомнение наличие государственных структур и социальной иерархии на Руси в X–XI вв. Однако в отличие от Горского Свердлов допускает существование в X–XI вв. некоей «местной знати», отличной от «служилой»²⁹². Такой подход укладывается в русло воззрений, общепринятых в конце XIX – начале XX в., но он не решает свойственных им неясностей и противоречий, которые, собственно, и заставляют других учёных как-то уходить от этого тезиса о двойственности знати. Главная проблема заключается в том, что для этой «местной знати» в источниках не удаётся отыскать никакого специального обозначения, и историкам приходится выдвигать надуманные и искусственные объяснения для этого обстоятельства. Так, Свердлов, прибегая к идее, что термин *бо(л)ярин* имел широкое и неопределённое значение, полагает, что он и мог в том или ином случае в X–XI в. обозначать эту «местную знать». Однако, как мы видели, эта идея не выдерживает критики – этим словом обозначалась не вообще какие-то выдающиеся люди в рамках той или иной отдельно взятой общности (местной, например), а вполне определённый социальный слой – придворная знать, фактически составлявшая правящую элиту Древнерусского государства.

Данное исследование, таким образом, не поддерживает тезис о двойственности знати в Древней Руси, то есть параллельном существовании «служилых» и «местных/земских» бояр. Сам этот тезис был сформулирован в ходе дискуссий, развернувшихся в русской науке середины XIX в., когда было актуально противопоставление *власти и народа* – дворянско-бюрократических структур и земско-общинных. Эти представления эпохи Великих реформ, естественно, мало соответствуют устройству средневекового общества, группам внутри него, отношениям или противоречиям между ними, и надо отметить, что уже в XIX в. раздавались голоса против такого противопоставления. Так, В. И. Сергеевич (опираясь, правда, на материалы XIV–XVI вв.) писал, что у мифических «земских» бояр не обнаруживается никакой организации, а служили князьям фактически все бояре, но не потому что их к этому обязывали какие-то абстрактные идеи и принципы (теоретически можно было и не служить), а потому что это было выгодно – доступ к власти давал доход, и лояльность власти гарантировала сохранность нажитого имущества²⁹³.

²⁹² Свердлов М. Б. Домонгольская Русь..., с. 175-178, 270, 411-419, 535-540.

²⁹³ Сергеевич В. И. Вольные и невольные слуги... // Наблюдатель. 1887. № 3, с. 28.

Однако, подход Сергеевича, который пытался понять движущие мотивы и интересы людей, принадлежавших тем или иным социальным группам или слоям, не нашёл последователей. Попытки опровергнуть тезис о двойственности знати, принятые в литературе, исходили скорее из абстрактных схем, и поэтому они тоже не представляются убедительными.

В самом деле, было бы странно, например, говорить о каком-то «общинном лидерстве» боярина Иоанна, о котором рассказывает Нестор в Житии Феодосия. Он, «пръвыи у князя въ болярехъ», не просто является во всём блеске «славы и богатства» и «с властью велию», но весь рассказ (конфликт монастыря с обществом и князем) выставляет его элементом иерархизированного общества, которое обладает структурой власти и управления, отчуждёнными от местных общин (признаков которых в Житии вообще не заметно). Высшая власть для бояр – не какие-то общинные структуры (вече и т. п.), а князь, который призывает на службу, может «в гневе» наказать и т. д. Но, с другой стороны, нет необходимости причислять бояр к неким структурам типа «княжого права» или «института дружины», чтобы признать тот простой факт, что бояре (и другие люди) служили князю и несли ответственность эту службу. Сконструированные историками структуры такого рода предполагают резкие разграничительные линии между боярами и остальным обществом, которые в источниках не прослеживаются. По крайней мере, как мы видели, связь боярства с городской средой была весьма тесной, а с другой стороны, и представители этой среды могли выполнять какие-то службы для князя и претендовать на некоторое «политическое участие», по выражению современной политологии.

Неубедительность как тезиса о двух видах знати, так и предложенных попыток его преодоления хорошо видна как раз на примере сообщения о Ярославе и новгородцах. В летописи сообщалось о бегстве Ярослава в Новгород с четырьмя «мужами» и решении новгородцев продолжить борьбу со Святополком и Болеславом – заставив Ярослава остаться в городе, они стали собирать «скот» (деньги) с «мужей», «старост» и «бояр» для военного похода. К этому сообщению надо прибавить упоминание чуть ниже, что пока Ярославу новгородцы собирали деньги, Болеслав ушёл из Киева, «възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его...»²⁹⁴, из чего следует, что в Киеве были ещё некие другие бояре Ярослава.

Историки видят в летописных «новгородцах» представителей местной (городской) общины. В этом случае бояре, с которых собираются средства, оказываются в числе этой общины и выступают, таким образом, именно той самой «местной знатью» или «земскими боярами»²⁹⁵. Более того, новгородского посадника Константина Добрынича, который возглавил новгородцев в их намерении «еще бити ся», можно

²⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1, стл. 144.

²⁹⁵ См., например: Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 127. М. Б. Свердлов тоже признаёт «Новгород как особый экономический, социальный, политический и идеологический коллектив» со своей «знатью», хотя подчёркивает, что в данном случае новгородцы «были заинтересованы в восстановлении вертикали власти, возглавляемой князем» (Свердлов М. Б. Домонгольская Русь..., с. 342-343).

представить и «политическим вождём новгородского боярства» («местного») ²⁹⁶, и «признанным лидером новгородской общины» ²⁹⁷ – политиком, стоявшим у истоков независимого новгородского управления через институт выборного посадника.

Исходный посыл этих рассуждений совершенно верен – о боярах говорится как части новгородского населения, а посадник выступает предводителем «новгородцев». Однако стремление увидеть какие-то местные и/или антицентрализаторские (антикняжеские) интересы приводит к явным преувеличениям. Не надо забывать, что новгородцы не изгнали Ярослава, а поддержали его, и никто не ставил под вопрос ни его статус правителя, ни его предводительство в данной конкретной кампании. Собравшись в поход под его знамёнами, они в сущности поступили к нему на службу, и для кого-то из них она, наверняка, продолжилась и после победы над Святополком и вокняжения Ярослава в Киеве.

Роль Константина была тоже далеко не так проста. Он был сыном Добрыни, который был не только известным сподвижником и ближайшим советником князя Владимира Святославича, но и дядей (по матери) последнего – таким образом, Константин состоял в родстве, причём довольно близком, с Ярославом. По всей видимости, он посадничал в Новгороде всё время, пока Ярослав был в Киеве, и следовательно, выступал доверенным лицом князя в важнейшем после Киева центре Руси. Совершенно очевидно, что посадник преследовал и собственные интересы – поражение Ярослава означало конец его собственной политической карьеры ²⁹⁸. Ярослав мог бежать «за море», а что же оставалось делать ему?

Насколько тесными были связи Константина с городской общиной Новгорода, судить у нас нет возможности из-за отсутствия данных. Но надо учесть, что его постигла опала через несколько лет после окончания борьбы Ярослава и Святополка. Ярослав, посадив в Новгороде своего сына, сначала сослал Константина в Ростов, а затем «повѣле убити ѿ» в Муроме ²⁹⁹. Ни новгородское «местное» боярство, ни «община» за своего «вождя» или «лидера» не вступились. Наконец, Константина нельзя считать основателем независимого новгородского посадничества. В XI в. посадники в Новгороде назначались князьями из Киева и только на то время, когда князья не могли или не хотели держать там своих сыновей-княжичей. Как показало исследование В. Л. Янина, посадники, которые исправляли свою должность вместе с князем, княжившим в Новгороде (то есть как бы параллельно ему), появляются в городе только в конце XI в. Янин не видит оснований рассматривать столкновение Константина и Ярослава «как борьбу города и князя» ³⁰⁰.

²⁹⁶ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 203.

²⁹⁷ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород..., с. 159.

²⁹⁸ На это справедливо обращает внимание Свердлов: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь..., с. 342.

²⁹⁹ Сообщение о судьбе Константина содержится в НІЛМ (НПЛ 1950, с. 161, 470) и в летописях НовСофС в статье 6528 (1020) г. (ПСРЛ. Т. 42, с. 62). См. о нём в следующей главе.

³⁰⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники..., с. 80.

Но с другой стороны, не убедительно выглядит и попытка А. А. Горского представить упомянутых в сообщении бояр «дружинной» знатью, исключенной из местной среды. Историк признаёт, что у Ярослава были свои бояре (которых пленил Болеслав в Киеве), но при этом в новгородских бояр всё равно отказывается видеть «местную знать». «Новгородское боярство, – утверждает он, – происходит от верхушки дружинной знати Северной Руси и южнорусских дружинников, оседавших в Новгороде в течение X в.»³⁰¹. В подтверждение этого мнения историк может предложить только некие общие соображения о путях складывания древнерусской государственности, потому что данных о происхождении кого бы то ни было из жителей Новгорода в X – первой половине XI в. нет, и даже о Константине мы знаем слишком мало. Отсутствие данных позволяет выдвигать и другие теории. Так, Янин возводит новгородское боярство к «родоплеменной знати»³⁰².

На мой взгляд, обсуждать происхождение новгородских бояр нет смысла; оно нам неизвестно. Исторические дискуссии такого рода Марк Блок называл «идолом истоков» или «манией происхождения»³⁰³. Излишнее внимание к тому, что предшествовало явлению (и что часто нам плохо известно или вообще не известно), лишь затуманивает ключевой вопрос о сути самого явления, которое принадлежит прежде всего своему времени и порождено современными ему условиями. Кто бы ни были новгородские бояре – потомки «дружинников» или «родоплеменных старейшин», – в 1018 г. они выступили вместе с горожанами, организовав поход «в складчину» с ними, а не с князем, у которого в тот момент не было ни средств, ни людей. То обстоятельство, что Константин был посадником, правившим от имени Ярослава, совсем не значит автоматически, что первый, состоя на службе у второго, был лишь его каким-то послушным орудием и выступал только в защиту его интересов. Служба службой, но боярин и думал о своей выгоде, и был связан с той средой, в которой жил и которой управлял. Тогда, в 1018 г., он выразил интересы горожан и лично принудил князя изменить свои планы.

В оценке этого текста и событий, им описанных, надо исходить из того, что, с одной стороны, под боярами имелся в виду один социальный слой, а с другой – что у них как представителей такого слоя были собственные интересы, пересекавшиеся с интересами князей или горожан, но не совпадавшие с ними полностью. Нет оснований противопоставлять бояр, собиравших деньги на поход Ярослава вместе с новгородцами, и «бояр Ярославлих», который остались в Киеве. Пленение неких бояр в Киеве, которые сражались на стороне Ярослава в борьбе с Болеславом и Святополком, совсем не исключает того, что какие-то другие бояре, тоже признававшие власть Ярослава, могли находиться во время этой борьбы в Новгороде – ведь оставался там тот же Константин Добрынич. Это был один и тот же социальный слой, обозначен-

³⁰¹ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 43.

³⁰² Янин В. Л. Древнее славянство..., с. 53-54.

³⁰³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Перевод Е. М. Лысенко, примечания и статья А. Я. Гуревича. М., 1986 (1-е изд. на французском языке: 1949 г.), с. 19-23

ный одним и тем же словом, и не надо думать, что как-то различались отношения с князем бояр, пленённых в Киеве (происхождение которых, кстати, неизвестно – может быть, среди них были те же новгородцы), и тех, что собирали деньги для Ярослава в Новгороде (туда к новгородцам, с другой стороны, могли придти и сторонники князя из других областей).

Нет также причин противопоставлять служебную связь бояр с князем и их связи с городской («местной») средой, – особенно тогда, когда у нас нет данных для этого. Мы не можем точно судить о карьере и положении даже Константина Добрынича, единственного из бояр Ярослава, упомянутого по имени. Его отец был с отцом Ярослава, князем Владимиром, ещё тогда, когда тот жил в Киеве, но потом Добрыня с Владимиром вместе, если верить летописи, ушли в Новгород и долго жили там; позднее Добрыня вернулся с Владимиром в Киев. Где и когда родился Константин, неизвестно. Теоретически он мог родиться в Киеве и там оставаться до того момента, как Ярослав сделал его посадником в Новгороде, а мог вырасти в Новгороде, потом жить с отцом в Киеве, а затем вернуться в Новгород. Могло быть так, могло иначе, могло быть как-то ещё, но при тогдашних условиях жизни (главное, при относительно незначительной роли частного землевладения) это не имело принципиального значения. Где бы боярин ни жил, он был связан и с князем, исправляя те или иные должности суда и управления, и с местной городской средой, поскольку собирал налоги или судил местное население, а также осуществлял свои частные коммерческие операции. Откуда он происходил – географически и социально – было важно только с точки зрения тех условий, в которых боярин начинал свою карьеру (её «плацдарма»): близость к князю благоприятствовала более быстрому и прямому доступу к власти, а связь с местной средой облегчала исправление должностных обязанностей и ведение собственных дел, – но само по себе ни то, ни другое не было ни обязательно, ни достаточно для карьеры.

То, что в Новгороде жили (или собрались) какие-то бояре, которые вместе с новгородцами стали собирать средства на продолжение войны с Киевом, никак не противоречило тому, что они ему служили (а Константин был собственно княжеским посадником). И наоборот, тот факт, что бояре служили Ярославу, нисколько не мешал тому, что они проявили самостоятельность, отказались отпустить его «за море» и заставили продолжать борьбу со Святополком. То, что боярин мог происходить из Новгорода, но попасть в плен в Киеве, совсем не исключало того, что какой-то киевлянин оказался по своим делам или с княжеским поручением в Новгороде и там стал со всеми собирать деньги на новый поход. Бояр можно назвать в каком-то смысле и «служилыми», и «местными», но эти характеристики не точно и не полно обозначают их положение как представителей знати, которая, как было выяснено выше, обладала не одним, а рядом признаков.

Таким образом, никакой «альтернативной» боярству знати – «местной», «земской» или какой бы то ни было ещё – в источниках мы не видим. Боярство и было

знатью, а вместе с городской верхушкой и княжескими военными слугами (гридью) оно в XI в. составляло общественную (светскую) элиту. С гридью боярство объединяли военные занятия, с городскими «олигархами» – торгово-экономические предприятия. Преимущественно боярским «уделом» было государственное управление и политика. В то же время, война и политика не были чужды в какой-то мере и горожанам, по крайней мере, виднейшим из них. Можно предположить, что некоторую политическую роль играла и гридь, хотя данных по этому поводу нет.

Боярство было связано с городской средой, и в этом смысле не лишено «местных» интересов. Чтобы иметь доступ к государственному управлению и соответствующие доходы, бояре должны были состоять на службе князю. В этом смысле их можно назвать «служилой знатью». Однако служебный характер боярства и подчинение его княжеским интересам не надо преувеличивать – его положение было достаточно самостоятельно, и в случае необходимости оно могло занять и сформулировать собственную позицию. Определённой боярской «политической программы» мы в источниках не находим, но в некоторых случаях боярство оказывается способным диктовать свою волю князьям – касалось ли то распределения дани с древлян (когда желание «дружины» был вынужден исполнять Игорь) или продолжения борьбы за Киев (когда воли новгородцев во главе с боярами должен был следовать Ярослав), или противостояния половецкой угрозе (когда Святополк разошёлся с боярами в оценке ситуации, но был вынужден следовать их совету). То же самое наблюдают исследователи и в XII в.: нет данных, что знать «пыталась отстаивать какие-то свои особые интересы, отличные от интересов княжеской власти» (то есть имела некие «сословные» устремления), но в то же время фактически в ряде случаев, когда князья отступают от сложившегося *status quo* в распределении властных полномочий и доходов, знать «выступает как сила, самостоятельная по отношению к институту княжеской власти, стремящаяся подчинить князя своему руководству и контролю»³⁰⁴.

4.3. Вопрос о привилегиях боярства и «Русская Правда»

Если определять бояр как знать Древнерусского государства в XI – начале XII в., встаёт вопрос об их юридическом статусе. Фактически, как было показано в этой главе, боярство выделял ряд признаков, каждый из которых, возможно, не был присущ исключительно ему, но сочетание всех их делало его особым (высшим) социальным слоем. Но существовали ли какие-то правовые гарантии этого фактического положения бояр?

В литературе иногда используется понятие *сословие* для характеристики боярства домонгольского времени. В узком терминологическом смысле под сословиями подразумевают общественные слои, права и обязанности которых определены законом (юридически) и передаются по наследству. Население если не всех, то большинства европейских государств оказалось разделено на такие слои в позднее Средневе-

³⁰⁴ Флоря Б. Н. Правитель и знать..., с. 74, 80.

ковье. На Руси юридическое размежевание групп населения, в общем, не было отчётливым и строгим вплоть до XVIII в., и общество было достаточно «открытым» в смысле наличия каналов социальной мобильности³⁰⁵. В то же время в источниках уже в домонгольское время фиксируются и некие представления о стратификации общества, и некоторые фактические, иногда даже юридические, привилегии за отдельными группами населения, и наследственность в передаче если не статуса, то по крайней мере занятий, и другие факторы социальной дифференциации³⁰⁶.

О наследственности боярского статуса на Руси уже в XI в. говорят данные, которые приводились выше, – например, сохранение высокого положения при княжеском дворе сыном Добрыни Константином или принадлежность к боярству Варлаама, оставившего своего отца Ионна и всю семью ради монашеского призвания. Другие данные того же рода будут приведены ещё в следующей главе в связи с проблемой преемственности в отношениях бояр и князей. Здесь речь пойдёт именно о юридическом статусе бояр. С этим вопросом следует обратиться к памятникам права и законодательства, из которых первостепенное значение имеет «Русская Правда».

В историографии данные «Русской Правды» обычно расцениваются как важнейшие для суждений о стратификации древнерусского общества в домонгольскую эпоху. Вместе с тем, они очень трудны для интерпретации и сами по себе вызывают не меньше споров, чем проблемы общественного строя. Разумеется, в юридическом кодексе, касающемся разных слоёв общества, историки ожидают увидеть правовые нормы, определяющие, хотя бы косвенно, статус этих слоёв. Однако, эти ожидания далеко не всегда оправдываются, и в этом случае исследователи нередко «вчитывают» в текст то, чего там нет.

Что касается бояр, то озадачивает почти полное отсутствие упоминаний о них в «Русской Правде». Непонятно, почему главный законодательный памятник Древней Руси упоминает и гридей, и купцов, и смердов, и холопов, и разные другие социальные, юридические, профессиональные группы, а также разных должностных лиц, – более того, знает даже боярских тиуна, рядовича и холопа, – но при этом самих бояр в «Краткой редакции» вообще нет, а в «Пространной редакции» они появляются лишь в одной из последних статей, трактующей вопросы наследования, – в статье под заглавием, согласно древнейшим спискам, «О задницѣ боярствѣ и о дружнѣи» (то есть: «о наследстве бояр и людей из дружины») (ст. 91)³⁰⁷.

³⁰⁵ Ср. о разного рода трудностях, с которыми сталкиваются учёные, пытаясь применить понятие сословия к допетровской Руси: *Ключевский В. О.* История сословий в России // *Он же.* Сочинения в девяти томах. Т. VI. М., 1988, с. 367 и след. Ср. об «открытости» общества до-петровской России на примере знати XVI–XVII вв.: *Berelowitch A.* La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d’Ancien Régime, XVIe–XVIIe siècles. Paris, 2001, особ. с. 265-266, 291, 405-407. Автор не говорит о сословиях.

³⁰⁶ Ср., например, применительно к высшим социальным слоям по данным правовых памятников: *Флоря Б. Н.* Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за «бесчестье») // ИСССР. 1983. № 1, с. 62-66.

³⁰⁷ Правда Русская. Под ред. Б. Д. Грекова. Т. I: Тексты. М.-Л., 1940, с. 114, ср. с. 442. Далее в обсуждении данных «Русской Правды», если не приводится специальная ссылка, подразумевается использование этого издания. Комментарии к отдельным статьям см. во 2-м томе этого издания (М.-Л.,

В литературе давно уже пытались объяснить это обстоятельство с помощью теории «земских бояр»/«местной знати». Если исходить из того, что «Русская Правда», по крайней мере первоначально и преимущественно, является законом, исходящим от князя, то можно допустить, что этот закон мало интересуется тем населением, которое не входит в число княжеских людей («земством»), и поэтому о нём, в основном, умалчивает. В той или иной мере этот взгляд свойственен многим историкам, но, пожалуй, наиболее последовательное применение он нашёл в схеме В. О. Ключевского, который предлагал видеть две параллельных иерархии в «Русской Правде» – по политическим признакам (сословия) и экономическим (классы)³⁰⁸. Первая иерархия отражена в кодексе прямо и непосредственно в нормах, защищающих людей, важных для князя, а вторая – лишь опосредованно, случайно. «Политические сословия создавались князем, княжеской властью, – писал он, – экономические классы творились капиталом, имущественным неравенством людей». Высшим классом по политическим признакам у него выступали «княжие мужи», которых несколько раз упоминает «Пространная редакция», а по экономическим – бояре, «класс частных привилегированных земельных собственников».

В общем, примерно такого же подхода придерживается сегодня М. Б. Свердлов, хотя он больше делает акцент на политико-юридическом делении общества на «сословия», беря за основу этого деления нормы виры за убийство человека, предусмотренные «Пространной редакцией» (Ключевский фактически уходил от вопроса об отношении шкалы вир к статусу «сословий»). Экономические различия учёный учитывает, но вписывает их в юридическую иерархию. По схеме Свердлова «высшее сословие» составляли «высшие должностные лица княжеского государственного и домениального аппарата» («княжие мужи»), за которых платилась 80-гривенная вира. Отдельно стояло «особое сословие» духовенства. «Третьим в иерархии сословий стояло лично свободное население», включая «местную знать». Оно защищалось вирой в 40 гривен. «Низший слой служилых князю людей» («младшую дружину») историк уравнивает по вине в 40 гривен со свободными, но при этом всё равно относит к «высшему привилегированному сословию» «княжих мужей». Внизу иерархии – «четвёртое сословие», которое «представляло собой разные категории зависимых людей, находящихся в составе господского хозяйства» (смерды, рядовичи, холопы и др.)³⁰⁹. Таким образом, Свердлов разводит «княжих мужей» и «местную знать» в разные «сословия», хотя отмечает, что экономически *de facto* эта «местная знать» могла выделяться среди прочих свободных. Для «местной знати» историк не находит в «Русской Правде» специального обозначения.

Иное решение проблемы предложил А. А. Горский. Он также берёт за основу шкалу вир «Пространной редакции», признавая, что 40-гривенным штрафом защища-

1947), а также в издании: Российское законодательство X–XX веков. Под общей редакцией О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси. Ответственный редактор: В. Л. Янин. М., 1984.

³⁰⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть I, с. 250-251.

³⁰⁹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь..., с. 268-269, 408-419, особ. с. 417-419.

лись свободные люди. Поскольку, с точки зрения историка, иной знати, кроме «дружинной» («служилой»), на Руси в эпоху «Русской Правды» не было, значит, она и являлась теми лицами, чья жизнь защищалась 80-гривенной вирой, и составляла тем самым «господствующий слой раннефеодального общества», который получает соответствующую «правовую защиту». Однако, эти «80-гривенные лица» нигде в «Русской Правде» не называются «боярами» – словом, которым, как признаёт Горский, обозначался этот «господствующий слой». Историк считает, что в «Правде Ярославичей», вошедшей в состав «Краткой редакции», бояре скрываются под именем огнищан (по его мнению – «новгородское обозначение», соответствующее южному *бо(л)ярин*), а также под должностными обозначениями – тиун, подъездной, старший конюх (у всех них вира в 80 гривен). В «Пространной редакции», по его мнению, для обозначения бояр используется выражение «князь муж»³¹⁰.

Общим для подходов Свердлова и Горского является стремление обозначить некоторую динамику в дифференциации общества по данным «Русской Правды» и других правовых памятников Древней Руси. Так, для историков установление в «Древнейшей Правде» нормы виры в 40 гривен как общей и единственной для всех свободных служит свидетельством отсутствия «привилегированных слоёв» в обществе того времени, когда была создана «Древнейшая Правда» (то есть первой половины XI в.). Появление двойной 80-гривенной виры в «Правде Ярославичей» и закрепление её в «Пространной редакции» рассматривается как показатель «сословного» расслоения. Во время после составления «Пространной редакции» «Русской Правды» Свердлов видит дальнейшее развитие «юридической стратификации общества по уровню знатности»: в XII в. «княжьи мужи и местная неслужилая знать консолидировались в сословие бояр», а привилегии этого «сословия» автор усматривает в шкале штрафов «Церковного устава Ярослава»³¹¹. Вольно или невольно, эксплицитно или имплицитно авторы имеют в виду, что общество Руси развивалось в X–XII вв. от «бессословного» к дифференцированному, причём в конце концов в XII в., несмотря на почти полное молчание «Русской Правды» о боярах, высшим слоем общества оказывается всё-таки боярство.

В обоих подходах есть недостатки, которые становятся особенно явными в свете тех результатов, к которым уже привёл проведенный в данной работе анализ. Укажу наиболее очевидные из них. Так, в схеме Свердлова странным кажется разделение на два разных «сословия» «княжьи мужей» и «местной знати» – если последняя оказывается в менее «привилегированном сословии», то какая же это знать? Никак не объясняет эта схема отсутствие всякого обозначения для этой «местной знати» в «Русской Правде». Удивляет также смена названия «высшего сословия» от XI-го к XII в.: сначала «княжьи мужи», потом «бояре». Перемены обозначения важнейших социальных слоёв и групп если и происходят, то обычно вследствие каких-то карди-

³¹⁰ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 44, 49, 72-74.

³¹¹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь..., с. 539-540, 589.

нальных социальных сдвигов или реформ. Источники нам не сообщают о такого рода сдвигах, а Свердлов пишет лишь об «интеграции служилой и земской знати», начало которой он относит уже к зарождению древнерусского государства (конец IX в.) и которая всё никак не может закончиться вплоть до конца XII в.³¹²

Очевидны проблемы в интерпретации «Краткой редакции», где нет не только «бояр», но и «княжих мужей». Прежде всего, нельзя ставить знак равенства между огнищанами и боярами. Огнищане – это княжеские слуги, занятые, вероятно, в его хозяйстве (об этом подробно говорилось выше в главе IV, § 2.2), а бояре – это знать. Кроме того, если, вслед большинству историков, придерживаться логики юридической иерархии, странно выглядит, что в «Правде Ярославичей» среди «80-гривенных лиц» перечислены, помимо огнищанина, только тиун, подъездной и старший конюх. А где же те должности, которые прежде всего занимали самые выдающиеся лица древнерусского общества (как бы мы их ни называли – боярами, «старшей дружиной» и пр.), – посадник, воевода, тысяцкий? Огнищанин, тиун и конюх – это все должности, относящиеся к собственному княжескому хозяйству – той сфере, которую позднее стали называть дворцовым ведомством. Подъездной – вероятно, обозначение для чиновника, занятого судом или даже точнее, сбором судебных пошлин (очевидно, в пользу князя). Особенно странно выглядит утверждение Горского, что «княжь тиун», который появляется в 1-й статье «Пространной редакции» рядом с «княжим мужем», – это «боярин–управитель домениального хозяйства»³¹³. Бояре никогда сами тиунами не были, а вот у них тиуны служили. В самой «Пространной редакции» говорится не только о боярских тиунах (40 гривен виры по ст. 1), но и вообще подразумевается низкий статус этой должности – княжеские тиуны могут быть и «сельские» (12 гривен виры по ст. 12), а, согласно известной статье 110, «тивуньство без ряду» приводит к холопству.

Напрасно оба автора (впрочем, следуя распространённому в историографии словоупотреблению) понимают выражение «княжь муж» в точном социально-правовом значении. Горский приравнивает его к термину *бо(л)ярин* как обозначение знати, а Свердлов пишет, что «княжие мужи» – это «высшее после князей сословие» на Руси X–XI вв.³¹⁴. Это выражение появляется в «Пространной редакции» трижды. Два упоминания в статьях 1 и 3. В статье 1 устанавливаются 80-гривенная вира для «княжа мужа» и «княжа тиуна» и 40-гривенная – для «русина», «словенина», гриди, купцов, мечника, изгоя (то есть всех тех, кто защищался 40-гривенной вирой в статье 1 «Краткой редакции»), а также для боярского тиуна. В статье 3 говорится о выплате виры вервью – «княжь муж» снова выступает как «80-гривенное» лицо, а как «40-гривенное лицо» фигурирует «людин»³¹⁵.

³¹² Там же, с. 176, 589.

³¹³ Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 73.

³¹⁴ Там же, с. 73, 74; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь..., с. 268-269, 417.

³¹⁵ Правда Русская... Т. I, с. 70, 104, 397, 402-405.

Для объяснения этих двух упоминаний надо учитывать, что «Русская Правда» в «Пространной редакции» – это памятник сводного характера, объединивший самые разные законодательные тексты, часто даже противоречащие друг другу³¹⁶. Совершенно очевидно, что составитель, сводивший эти тексты в один, «подлаживая» их друг к другу, так или иначе искал в них соответствия и пытался сгладить «нестыковки». Пример такого сводного характера труда и представляют статьи 1-3, где сначала цитируется постановление «Краткой редакции» о праве мести (как будто бы действующее), а потом говорится о его отмене Ярославичами. «Княжь муж» – это слова, которые нашёл сводчик для того, чтобы обобщить одним названием разных княжеских людей, упомянутых в «Краткой редакции», и совсем неслучайно, что это выражение появляется как раз в этих первых статьях, пересказывающих постановления «Древнейшей Правды» и «Правды Ярославичей».

«Княжие мужи» «Пространной Правды» – это такое же общее и довольно расплывчатое определение, как «свои люди» в летописном известии о пирах Владимира, имеющее в виду просто людей, состоящих в окружении князя и на службе ему, то есть княжеских агентов. Оно совсем не является каким-то устоявшимся термином.

В «Русской Правде» выражение «княжь муж» используется ещё только однажды – в заголовке статьи 11 «Пространной редакции». Вот как выглядит эта статья по древнейшему списку, который признаётся в данном случае вернейшим и лучшим: «О княжи мужѣ. Аже въ княжи отроци или в конюсѣ или в поварѣ, то 40 гривен»³¹⁷. Назначается 40-гривенная вира за княжеских отроков, конюхов и поваров, и вот эти-то люди и названы здесь «княжими мужами». «Княжие мужи» – таким образом, это и те, за кого полагается 80-гривенная вира (ст. 1), и те, за кого платят 40 гривен (ст. 11). О каком же «сословии» здесь может идти речь, если мы придерживаемся градаций по нормам вир? М. Б. Свердлов пытается обосновать принадлежность «40-гривенных» «княжих мужей» к «высшему сословию» тем, что они получали «натурально-денежное обеспечение» от князя и были, «вероятно, неподатными»³¹⁸. «Обеспечение» от князя – это не политико-юридический признак, которым определяются «сословия», а насчёт «податей» и освобождения от них источники эпохи «Русской Правды» нам, к сожалению, ничего не говорят – кто был «неподатной» и в какой мере, и было ли вообще важно это обстоятельство современникам, просто неизвестно.

О нетерминологичности выражения «княжие мужи» свидетельствует один простой факт – его уникальность. И это, конечно, весьма странно для того «сословного» смысла, который за ним предполагают историки. Ни в каких других источниках, за одним исключением, это выражение не встречается. Во всяком случае, поиск по летописям, опубликованным в «Полном собрании русских летописей», и НЛЛ результата не дал. Мне не встречалось это выражение и в других текстах, связанных происхо-

³¹⁶ См. о сводном характере кодекса: *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.-Л., 1941, с. 79 и след.

³¹⁷ Правда Русская... Т. I, с. 105, ср. с. 406-407.

³¹⁸ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь..., с. 417.

ждением с домонгольской Русью. Лишь однажды оно попадает среди текстов в корпусе берестяных грамот.

В грамоте № 109 начала XII в. автор пишет о судебном деле, в которое он оказался вовлечён: для него купили рабыню, – как выяснилось, беглую или краденую, – и ему нужно разыскать её бывших владельцев, то есть идти «на свод», согласно древнерусской юридической терминологии. О намерении идти «на свод» автор сообщает так: «а се ти хочу, коне купивъ и кнѣжъ мужъ вьсадивъ, та на съводы»³¹⁹. Очевидно, «кнѣжъ мужъ» в данном случае – судебный чиновник, который должен участвовать в процедуре следствия. Едва ли по контексту послания можно предполагать какое-то «сословное» обозначение за этим выражением, и во всяком случае участие представителей высшей знати в «сводах», посвящённых поиску беглой рабыни, нельзя предполагать. В данном свидетельстве мы находим подтверждение мысли, что и в «Русской Правде» выражение «кнѣжъ мужъ» имеет в виду человека, выполняющего какую-то службу или поручение для князя, то есть княжеского чиновника или агента. Стоит отметить близость датировки грамоты времени составления «Пространной редакции» «Русской Правды» (середина – вторая половина XII в.).

Мне кажется, многие недоразумения в интерпретации данных «Русской правды» (или наоборот отсутствия каких-то данных, которые, с современной точки зрения, должны были бы там присутствовать) происходят из-за одной ошибочной предпосылки, от которой историки отталкиваются в оценке этих данных. Историки принимают как исходный постулат, что нормы «Русской Правды» (да и вообще юридических памятников Средневековья), а особенно её шкала вир, напрямую отражают юридическую («сословную») стратификацию общества.

Разумеется, «Русская Правда» отражала социальные градации. Но это отражение было не прямым, а преломлённым через видение общества составителями этого кодекса, которые преследовали свои задачи, отличные от задач, например, летописцев, и пользовались терминологией, которая тоже могла не совпадать с летописной лексикой. Так, уже было отмечено, что летопись имеет в виду под «старостами» целый социальный слой, а «Русская Правда» говорит о них в связи с конкретными должностями. Летопись говорит постоянно о «дружине» в самом общем смысле как войске, всех княжеских людях или просто совокупности «передних мужей», а «Русская Правда» использует это слово только несколько раз в «Пространной редакции», причём лишь однажды в собственно юридическом контексте. Характерно, что в этом случае слово выступает в максимально узком значении людей, тесно связанных с князем служебными отношениями, отдельно от бояр (91-я статья «Пространной редакции» о наследстве – см. ниже).

Как ни странно может показаться на наш сегодняшний взгляд, в летописи – историко-литературном произведении – мы чаще столкнёмся с обобщениями и абстрактными понятиями, чем в «Русской Правде» – кодексе права. И причина этого, ко-

³¹⁹ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004, с. 257.

нечно, в особенностях средневекового правового мышления – прецедентного и образно-конкретного, а не абстрактно-систематического. В отличие от современных юридических кодексов, которые идут от общего к конкретному, стараясь типизировать частные случаи, средневековые кодексы, наоборот, нацелены на максимальную конкретность в определениях, стараясь дать решение для каждого конкретного случая, а часто и отталкиваясь в установлении нормы от одного какого-то случая (как установление 80-гривенной виры для «конюха старого» в статье 23 «Краткой Правды» отталкивается от убийства конюха князя Изяслава жителями Дорогобужа).

Выше в главе IV уже заходила речь о шкале вир «Русской Правды» в связи с гридями, и был сделан вывод, что эта шкала нацелена вовсе не на то, чтобы определить применительно ко всем общественным группам и слоям соответствующую норму штрафа, а прежде всего на то, чтобы защитить людей, выполняющих важные для князя функции, – и главным образом, его слуг. О вирах для других категорий населения заходила речь только постольку, поскольку это требовало разъяснения либо в той или иной конкретно-исторической ситуации, либо в связи с указанной главной целью составителя.

Так, в «Древнейшей Правде» мы видим уравнение в правах (относительно штрафов) «русина» и «словенина» – очевидно, решение вопроса, актуального в первой половине XI в., – а затем специальную защиту тех людей, упомянуть которых, видимо, было важно самому князю – гридин, купец и пр. «Правда Ярославичей» лишь повышает штраф за убийство княжеских людей, добавляя к ним лиц, занятых в хозяйстве (следствие процесса «окняжения земли»), причём тоже перечисляет их конкретно – каждого по должности: огнищанин, подъездной и пр. Сводчик «Пространной редакции» в разделе вир уже разрабатывал вопросы процедур назначения и выплаты виры – очевидно, в этой сфере проблемы возникли в условиях злоупотреблений штрафами, о которых говорило «Предисловие» к НС, а также развития индивидуальной правовой ответственности. Относительно размеров штрафа и категорий людей он, только кое-что уточнив, в основном просто обобщил нормы, зафиксированные ранее. Так у него появились «княжие мужи» для указания вообще на всех, кто выступает с каким-то полномочиями от князя, и с другой стороны – «людин» как обобщённое название «40-гривенного лица».

Нельзя, конечно, исключать, что в качестве «княжа мужа» фактически, в реальности, мог выступать в том или ином случае боярин. Так, в «Русской Правде», как можно было уже заметить из приведённых данных, фигурируют конюхи. В «Правде Ярославичей» (ст. 23 «Краткой редакции») устанавливается 80-гривенная вира за «конюха старого». В «Пространной редакции» не упоминается «конюх старый», но в статье 11 в числе «княжих мужей» указан просто конюх (40 гривен виры), а в статье 12 – тиун «огнищный» и тиун «конюший». Очевидно, княжеских конюхов можно было назвать «княжими мужами», и в их среде была иерархия – были просто конюхи, а был некий старший над ними, которого можно было назвать просто «старым» или

«тиуном». Позднее, в Москве XV в., до введения в конце XV в. чина боярина и конюшего, конюшие «занимали невысокое место на лестнице московских чинов»³²⁰. «Киевский свод конца XII в.» – текст, вошедший в состав Ипатьевской летописи – упоминает в одном из известий конца 1160-х гг. киевских бояр Петра и Нестера Бориславичей, которые имели доступ к стаду князя Мстислава Изяславича и, видимо, занимались как раз конюшей службой³²¹. Вероятно, в XI в. должность начальника княжеской конюшни была не самой высокой и доходной, но всё-таки можно допустить, что её мог возглавлять боярин. В «Повести об ослеплении Василька Теробовльского», вошедшей в состав ПВЛ, упоминается, что должность конюха у киевского князя Святополка Изяславича исполнял некий Сновид Изечевич³²². Как подразумевает отчество на *-вич*, он, вероятно, был боярином или, по крайней мере, человеком высокого статуса. Таким образом, в «Русской Правде» все княжие конюхи числятся «княжими мужами», а в летописи главнейшие из них (конюшие) выступают как бояре.

Однако, из факта, что боярин мог выступать «княжим мужем», не следует, что эти два понятия (и явления) тождественны. *Бо(л)ярин* – это, как мы видели, социальный термин в настоящем смысле слова, то есть обозначение представителя определённого социального слоя – знати. *Князь муж* – это не обозначение социального слоя, а указание на служебно-должностную функцию, то есть подразумевался человек, исполняющий княжескую службу, княжеский агент. Очевидно, «княжим мужем» мог быть человек разного социального происхождения и состояния, и нахождение на службе князя не сообщало само по себе боярского статуса. В то же время вполне естественно, что какую-то часть «княжих мужей» составляли бояре, которые служили князьям.

При таком подходе отсутствие упоминания бояр в «Русской Правде» в шкале *вир* надо объяснять просто тем, что в таком упоминании не было необходимости. Ведь не говорит же «Русская правда», например, о защите достоинства князей и наказании за их убийство. Теоретически могла бы – определённый *вергельд* за убийство короля предусматривается, например, некоторыми англо-саксонскими законами³²³. Об оскорблении князей упоминает «Правосудье митрополичье», правовой кодекс

³²⁰ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1, с. 504.

³²¹ ПСРЛ. Т. 2, стл. 541–542. Об этом известии см. подробнее: Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь..., с. 214.

³²² ПСРЛ. Т. 1, стл. 260.

³²³ *Вергельд* в 30 тысяч монет за короля упоминается в двух судебныхниках, восходящих к середине-концу IX в. и сохранившихся в одной компиляции XI в. Эта сумма была, видимо, приблизительно равна 7200 шиллингам, а в 1200 шиллингов, то есть в 6 раз меньше, был установлен *вергельд* за *тэна* (*thegn*), и в 200 шиллингов, ещё в 6 раз меньше – за *кэрла* (*ceorl*). См.: Hudson J. The Oxford History of the Laws of England. Vol. II: 871-1216. Oxford, 2012, p. 201. Разумеется, в большинстве англо-саксонских судебныхников *вергельды* за короля не упоминаются, но весьма характерно, что отсутствуют такие упоминания и для *элдерманов* (*ealdormen*) – высших должностных лиц, которых можно сравнить с графами франкского государства.

XIV–XV вв., и предусматривает за него смертную казнь («главу снять») ³²⁴. Значит, назначение наказания за убийство боярина регулировалось обычным правом, нормы которого были и так всем понятны и известны. Может быть, за такое преступление «по умолчанию» подразумевалась смертная казнь. Но, вероятно, практика знала разные способы урегулировать конфликт, возникавший после убийства, – и прежде всего откупом. Собственно, упоминание об установлении 80-гривенной виры Изяславом за убийство его «старого конюха» (может быть, даже боярина) об этом и говорит.

Каковы были эти способы и как именно приходили к точным суммам выкупа, мы из древних источников не знаем, но об общих правилах, которых здесь придерживались, можно догадываться из позднейших известий. Так, в особой статье под названием «О муже кроваве», которая присутствует в списках «Пространной Правды» «Синодально-Троицкой» группы (отразившей древнейший вид Пространной редакции), сказано, что бесчестие определяется «по пути» оскорблённого ³²⁵. В «Пушкинской» группе списков «Пространной редакции» (тоже близкой к архетипу) в конце помещена статья «А се бещестие», где штраф за оскорбление определялся в зависимости от того, была ли «баба в золоте и мати», то есть ли носили бабушка и мать потерпевшего золотые украшения ³²⁶. Эти статьи, дополнительные к основному тексту «Русской Правды», учёные относят приблизительно к XII–XIII в. А вот любопытное пояснение одного позднейшего книжника, правившего «Русскую Правду». В так называемой «Сокращённой редакции» Правды, известной по спискам XVII в., 1-я статья сильно сокращена и вместо указаний о всяких категориях людей, за кого сколько надо платить, здесь сказано просто: «...оже ли не будет кто его мстя, то положити за голову 80 гривен, любо разсудити по муже смотря» ³²⁷. По «Правосудью митрополичью» штрафы за бесчестие разных категорий людей (кроме князей) надо присуждать «по житию по службе».

Очевидно, вот так, по внешним бытовым признакам богатства, происхождения и занимаемым должностям («по муже смотря», «по пути», «по житию–по службе»), и могли определить не только штрафы за оскорбление, но и виру за убийство того или иного человека, если он был не простой «40-гривенный» «людин». Относительно бояр решающим было, вероятно, слово князя, который определял, как должна была искупаться смерть его боярина, вероятно, принимая во внимание все обстоятельства дела, в первую очередь, конечно, интересы родственников, но также, например, и политические условия – ведь виднейшие бояре были и политическими фигурами. Если Изяслав в своё время «явочным порядком» назначил за своего «конюха старого» двойную виру, отталкиваясь от нормы в 40 гривен, то вполне возможно, что позднее, когда 80-гривенная вира установилась как норма, за тех или иных своих бояр князь, если речь заходила именно от откупе, могли назначать (или поддерживать соответ-

³²⁴ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Подг. Я. Н. Щапов. М., 1976, с. 209.

³²⁵ Правда Русская... Т. I, с. 231, 262–263.

³²⁶ Там же, с. 316.

³²⁷ Там же, с. 269.

вующие требования рода) двойную или даже ещё более высокую виру, исходя уже из этой 80-гривенной виры.

Отсутствие бояр в шкале вир «Русской Правды» не должно удивлять, если обратиться к аналогичным постановлениям европейских «варварских правд». Выше было замечено (сноска 324), что не предусматривались, как правило, вергельды для англо-саксонских элдерманов. В «Салической Правде», о которой уже говорилось в главе IV, знать как особый слой не упоминается, и для её представителей вергельд не предусматривается. О вергельдах в ней заходит речь вообще как о более или менее второстепенном деле в двух совершенно разных главах (LXI и LIV, согласно делению по древнейшему виду)³²⁸. Их иерархия выстраивается таким образом: 600 солидов искупали жизнь антрустионов, графов и сацебаронов (главы LXI и LIV), 300 солидов – римлянина-королевского «сотрапезника» (гл. LXI, § 5), а также сацебарона или «вице-графа», которые были королевскими слугами («qui puer regius fuerit») (гл. LIV, § 2), 200 солидов – свободного франка (гл. LXI, § 1); ещё ниже оценивалась жизнь галло-римлян, литов и рабов. Таким образом, повышенный вергельд – по сравнению с нормой в 200 солидов – предусматривался только для тех людей, которые исполняли ту или иную должность или службу для короля (держали графства, служили в *trustis regis* и т. д.), то есть он определялся, как и повышенная вира в «Русской Правде», не по социальному статусу, а по служебно-должностной функции.

Вопрос о том, почему «Салическая Правда» не упоминает о нобилитете, много обсуждался в медиевистике, и выдвигались идеи, что знать ещё не выделилась или что королевская власть её подавляла, покровительствуя «служилой знати». Немецкий историк Ф. Ирзиглер, один из представителей «Фрайбургской школы» (учеников Г. Телленбаха, которые занимались историей раннесредневековой знати), в специальном исследовании о франкской знати пришёл к заключению, что это молчание нельзя принимать как доказательство отсутствия знати или свидетельство попыток королевской власти ограничить её привилегии. В умолчании об особом вергельде была заинтересована сама знать, которая «резервировала за собой право устанавливать цену за жизнь члена знатного рода в соответствии с рангом погибшего»³²⁹. И есть данные, что в действительности за людей, так или иначе выдающихся из массы «свободных франков», назначались повышенные виры. Такую практику подтверждают аналогии в разных регионах средневековой Европы – в законодательстве особые штрафы за оскорбление или убийство представителя знати не предусмотрены, а нарративные источники сообщают, что такие штрафы назначались и взимались³³⁰. Сегодня, вне зави-

³²⁸ Pactus Legis Salicae. Hrsg. von K. A. Eckhardt // MGH. LL nat. Germ. T. 4. Pars 1. Hannover, 1962, p. 154-157, 203-204. Ср.: Салическая правда. Перевод Н. П. Грацианского М., 1950, с. 41-42, 52.

³²⁹ Irzinger F. On the Aristocratic Character of Early Frankish Society // The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century. Edited and translated by T. Reuter. Amsterdam, New York, Oxford, 1979, с. 124.

³³⁰ См. в статье Т. Рейтера со ссылкой на работу К. Вюрера (K. Wührer) по истории средневековой Скандинавии: Reuter T. Introduction // The Medieval Nobility. Studies..., p. 11. Ср. также: Reuter T. The

симости от тех или иных соображений, высказанных в историографии по поводу отсутствия в «Салической правде» вергельдов для нобилитета, большинство историков не рассматривают этот факт «как достаточный показатель в пользу тезиса, что в ранней франкской империи не было вообще знати»³³¹. Очевидно, юридические кодексы смотрели на социальную реальность и отражали её под своим, весьма специфическим, углом зрения, а прямая проекция правовых установлений и идеалов на эту реальность приводит ко всякого рода недоразумениям.

Итак, установление размеров *вир* для княжеских людей в «Русской Правде» имело в виду защитить не социальный слой, который выделился рядом признаков (социальных, экономических и политических), а группу, принадлежность к которой была обусловлена только функционально (через исправление неких задач по поручению князя). В этой группе фактически могли состоять те, чья честь и жизнь и так были юридически защищены в силу обычного права (бояре), но в неё попадали и те, кто по рождению не принадлежал боярству и кого выдвигал из массы простого населения княжеский патронаж, – и вот этих-то людей и должна была защитить повышенная *вира*, которую князьям важно было закрепить законодательно.

Такое понимание норм «Русской Правды» заставляет также поставить под вопрос представление о развитии древнерусского общества от «бессловности» к большей стратификации и связанную с ним идею, что особый слой боярства формируется только постепенно и складывается лишь в эпоху после «Русской Правды». Вообще тезис, что общество Руси X – первой половины XI в. было каким-то «общинно»-аморфным и слабо стратифицированным, конечно, неоправдан. Например, тот же договор руси и греков 944 г., данные которого подробно разбирались выше, свидетельствует, по крайней мере, о нескольких слоях в обществе руси того времени – слой *quasi*-правителей («архонты»), слой людей, им служащих («послы»), слой купечества, некая масса «всей руси», о которой говорят формульные фразы договора (очевидно, свободные люди) и, наконец, холопы, о которых упоминается в постановлениях договора. Кстати, этот договор ярко подтверждает мысль о том, что правовые памятники давали лишь особый срез социальной реальности, но далеко не отражали её полностью. В самих постановлениях договора, регулирующих положение руси в Константинополе и возможные конфликты с греками, единственное социальное деление руси, которое можно обнаружить, – это между «имовитыми» и «неимовитыми» (не считая рабов)³³². Опираясь на эти данные, надо было бы и в самом деле говорить о какой-то «общинности без первобытности». Но списки «архонтов», послов и купцов отражают реальность с другого ракурса, и общая картина выглядит уже совершенно иначе.

Medieval Nobility in Twentieth-Century Historiography // Companion to Historiography. Ed. by M. Bentley. London, New-York, 1997, p. 179-180.

³³¹ *Hechberger W.* Adel im fränkisch-deutschen Mittelalter. Zur Anatomie eines Forschungsproblems. Ostfildern, 2005, S. 161.

³³² ПСРЛ. Т. 1, стл. 51-52. Статья об убийстве, которая повторяет аналогичную статью в договоре 911 г. (там же, стл. 34).

Если не абсолютизировать установление «Древнейшей Правды» о 40-гривенной вире и допускать, что обычное право предполагало повышение виры для людей выдающихся («по муже смотря»), то и общество первой половины XI в. надо рассматривать как достаточно сложное и дифференцированное. Во всяком случае, летописные известия 1016-1018 гг., которые описывают события, непосредственно предшествующие принятию «Древнейшей Правды», говорят об этом обществе как социально стратифицированном. В одном известии, как отмечалось выше, упоминаются старосты, новгородцы и смерды, в другом – бояре, старосты и мужи. И дифференциация между этими слоями выражена по тому же принципу, по которому построена шкала вир, – в денежных ставках.

С другой стороны, если умолчание «Русской Правды» о боярах не проецировать прямо на общественную реальность, то снимается противоречие между этим умолчанием и показаниями нарративных источников, разобранными выше, которые ясно и однозначно говорят, что боярство как особый социальный слой (знать) существовало уже в XI в. В этом случае нет необходимости в сложных и шатких конструкциях, предполагающих различие между «служилой» и «местной знатью», смену названия «высшего сословия» от XI к XII в. (вместо «княжих мужей» боярство) и т. п. Боярство оформилось, видимо, уже к началу XI в. как высший социальный слой и оставалось таким на протяжении XI–XII вв., и никаких принципиальных изменений в этом смысле не происходило ни в XI-м, ни в XII-м, ни в последующие столетия.

Положения «Церковного устава Ярослава», на которые ссылается М. Б. Свердлов, едва ли могут доказывать предполагаемую им «консолидацию» боярского сословия в XII в. Текст этого правового памятника дошёл до нас в переработках XIII–XIV вв., но Я. Н. Щапов доказывал, что архетип восходит ко времени правления Ярослава Владимировича (поскольку в «Уставе» упоминается митрополит Иларион, надо вести речь о последних годах правления князя). Точный вид этого архетипа и, в частности, его терминология не восстанавливаются, хотя большую часть текста (общую для позднейших переработок, ходивших в XIV–XV вв. в разных землях Северо-Восточной и Северо-Западной Руси и Великого княжества Литовского) можно возводить к домонгольскому времени. Однако, даже если иметь в виду именно эту часть, методологически некорректно рассматривать данные, в ней содержащиеся, как свидетельство о неких (причём весьма существенных) изменениях, имевших место в какой-то определённый момент между созданием «Устава» в середине XI в. и монгольским нашествием в середине XIII в. Историки, конечно, пытаются датировать эти данные, сравнивая их с другими источниками домонгольского времени, прежде всего, «Русской Правдой». Но почва для такого сравнения шаткая, и какую-то динамику трудно уловить, потому что, с одной стороны, сама «Русская Правда» применялась на практике как действующий правовой кодекс не только в XI–XII вв., но и гораздо позднее, вплоть до XV–XVI вв., а с другой – в ряде памятников XII–XIV вв. (например, дого-

ворах Новгорода и Смоленска с немцами) отражаются «архаические» нормы, вполне соответствующие «Русской Правде»³³³.

Во всяком случае, если отрешиться от указанного абстрактного допущения о какой-то «бессловности» общества X–XI вв., а также ложной оценки шкалы вир «Русской Правды» как прямого отражении социальной иерархии, то ничто не мешает признать, что статьи «Церковного Устава Ярослава», общие для двух его редакций (Краткой и Пространной), восходят к архетипу, то есть к середине XI в. Социальная лестница, которая выстраивается по шкале штрафов, установленных в «Уставе», действительно, не соответствует иерархии «Русской Правде», но она вполне укладывается в ту схему, которая была предложена мной выше на основе анализа нарративных источников XI в.

На верху иерархии, согласно статьям 2-4 «Устава», находятся бояре, которые разделяются на «великих» и «меньших», за ними стоят «добрые» или «нарочитые» люди, а ещё ниже статусом «простая чадь» (так и в Краткой редакции, и в Пространной). В другой статье (в которой как раз можно подозревать позднейшую правку) этим «добрым» или «нарочитым» соответствуют «городцкие люди», а «простой чади» – «сельские люди» или «селенци» (ст. 25 Краткой редакции, ст. 30 Пространной)³³⁴. Высшие элементы этой иерархии (бояре и нарочитые люди) вполне соответствуют элите, представленной выше по летописным данным, которая состояла из двух главных слоёв – боярства и городской верхушки. В разделении бояр на «великих» и «меньших» не надо видеть признак какой-то особо «развитой дифференциации», невозможной в XI в. На дифференциацию в среде боярства в это время намекает именование знати Вышгорода в «Повести о убиении» Бориса, восходящей к XI в., с уменьшительным суффиксом как «вышегородских боярцев» – очевидно, имелись в виду какие-то представители знати, менее значительные по сравнению с боярами в полном смысле слова³³⁵.

* * *

Закljučая этот раздел о данных «Русской Правды», осталось коснуться единственного упоминания бояр в статье 91 «Пространной редакции». Статья выглядит следующим образом: «О задницѣ бояръстѣи и о дружнѣи. Аже в боярехъ либо в дружинѣ, то за князя задница не идетъ, но оже не будетъ сыновъ, а дчери возмутъ»³³⁶. В статье устанавливается, что наследство («задница»), оставшееся после смерти боя-

³³³ Эти обстоятельства недостаточно учёл Б. Н. Флоря, который, сравнивая статьи о наказаниях и возмещениях за оскорбление («бесчестье») разных лиц в «Уставе» и других законодательных памятниках, заключил, что эти статьи «Устава» отражают якобы более дифференцированную «словную» организацию общества по сравнению с архаичным «социальным единством», отражённым в «Русской Правде» (Флоря Б. Н. Формирование сословного статуса..., с. 62-66).

³³⁴ Древнерусские княжеские уставы..., с. 86-88 (Пространная редакция), 110-113 (Краткая). См. с комментариями: Российское законодательство... Т. 1, с. 168-169 (Краткая редакция), 189-190 (Пространная).

³³⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 132; НПЛ 1950, с. 170.

³³⁶ Правда Русская... Т. I, с. 114.

рина или кого-то из «дружины» (имеются в виду, очевидно, разные княжеские слуги), не уходит к князю, а в случае, если у умершего не было сыновей, наследство достаётся дочерям.

В литературе это постановление вызывало споры, в частности, из-за того, что в позднейших редакциях в него вносились поправки, существенно меняющие смысл³³⁷. В настоящее время, прежде всего, в силу установленной текстологической эволюции версий «Русской Правды», нельзя сомневаться, что именно приведённый текст является древнейшим. Спорным остаётся, однако, его содержание и направленность. Формулировка текста такова, что оставляет целый ряд неясностей: например, было ли это постановление новацией или подтверждением старого, общепринятого порядка, распространяется ли установленная норма на все случаи или подразумеваются исключения (в случае, если умерший оставил завещание, или если наследство оказывается выморочным), почему сказано о дочерях, а не говорится о вдове или других родственниках и т. д.³³⁸

А. Е. Пресняков, исходя из теории «княжого права», высказал мнение, что статья отменяет древнее право князя на наследство, оставшееся после его «дружинника», и что отмена стоит в связи с «разложением» «дружинного единства» и появлением собственных владений (прежде всего, земельных) и интересов у княжеских людей. «Вижу тут, – писал историк, – смягчение в пользу дружины, ставшей боярством, древнего права, не знавшего имущественной самостоятельности княжих мужей-огнищан»³³⁹. Эта трактовка получила распространение в литературе³⁴⁰. Однако, строго говоря, ничто, кроме самой теории «княжого двора-огнища», к такой трактовке не обязывает.

Мысль, что имущество, полученное или нажитое во время исполнения службы господину или правителю, должно, по крайней мере частично, вернуться к этому господину, является, в самом деле, логичной, и её применение можно найти во многих памятниках средневекового права Европы. Неясно только, почему «Русская Правда» – памятник, составившийся с первоочередным учётом интересов князя – должна был как-то противодействовать этой мысли. Отмена права князя на имущество, оставшееся после смерти не просто какого-то его слуги, а боярина, – это было бы очень сильным ущемлением интересов князя. Ни текст самой «Русской Правды», ни исторические условия и обстоятельства, при которых эта статья могла бы быть принята в начале или середине XII в., не дают никаких намёков на то, почему бы и каким образом князь вдруг пошел на такое «смягчение». Предположение, что к нему привело развитие вотчинного землевладения, «когда дружинник окреп на земле и бенефиций

³³⁷ Ср.: Там же, с. 442-443.

³³⁸ См.: Правда Русская... Т. II, с. 626-632; Российское законодательство... Т. 1, с. 70.

³³⁹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси..., с. 226.

³⁴⁰ Среди современных учёных её придерживаются М. Б. Свердлов и А. А. Горский: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь..., с. 517-518; Горский А. А. Древнерусская дружина, с. 73.

превратился в феоде»³⁴¹, ни на чём не основано. В самой статье говорится не о землевладении, а вообще о наследстве («заднице»). Насколько велика в домонгольское время была роль землевладения для бояр и тем более княжеских слуг, обозначенных в тексте общим понятием «дружина», источники не позволяют судить; формы и условия этого землевладения вырисовываются лишь очень приблизительно (см. выше в § 3.1). Ясно только, что какими-то землями бояре располагали как до появления «Пространной Правды», так и после.

Так или иначе, представление, которое лежит в основе тезиса Преснякова, о некоем «древнем праве, не знавшем имущественной самостоятельности княжих мужей-огнищан», выглядит просто абсурдным в виду всех тех данных, которыми мы располагаем относительно бояр в XI в. В том же Житии Феодосия всё говорит против этого представления. Бояре располагают ценными вещами и имуществами, Варлаам, желая постричься в монастыре, приносит туда свои «болярскую» одежду и коней (очевидно, в качестве вклада) и т. д. А как могли бы вообще новгородские бояре в 1018 г. собирать деньги (причём по довольно высокой ставке) на поход против Святополка и Болеслава, если у них не было «имущественной самостоятельности»?

В какой-то мере такого рода «древнее право» можно предполагать относительно тех княжеских слуг, которые находились на его полном содержании. В частности, описание Ибрагимом ибн Якубом «заботы» польского князя Мешка о его «мужах, закованных в броню» (см. выше в главе IV, § 1.1), подразумевает, что и «имущественная самостоятельность» этих «мужей», и их воля в передаче наследства детям были весьма ограничены. Вполне возможно, что похожие ограничения действовали и относительно гридей и отроков князей Руси в XI в. С конца XI в., как доказывалось в главе IV, эти корпуса княжеских военных слуг деградируют. Не связано ли появление статьи 91 в «Пространной Правде» именно с этим процессом? В таком случае «смягчение» «древнего права» надо относить именно к княжеским слугам XII в., которые уже не состояли полностью на довольствии князя и которые добились уравнивания своих прав в смысле передачи имущества по наследству с боярами. Впрочем, это – лишь одна из возможных трактовок этой статьи. Не исключено, что постановление «за князя задница не идет» является вообще не новацией (ни по отношению к боярам, ни по отношению к «дружине»), а лишь подтверждением общепринятой нормы. Такого рода подтверждение со специальным упоминанием дочерей могло быть вызвано просто каким-то частным случаем, например, попыткой кого-то из князей XII в. присвоить себе имущество одного из своих людей, оставившего после смерти лишь дочерей.

Для целей данного исследования, в общем, не так важно остановиться на какой-то одной интерпретации 91-й статьи. Главное указать на то, что интерпретация Преснякова в духе теории «княжого права» не может относиться к боярам.

Таким образом, умолчание в шкале вир «Русской Правды» о боярстве не может служить свидетельством против того, что оно составляло высший социальный слой в

³⁴¹ Греков Б. Д. Киевская Русь, с. 343.

XI в. Эта шкала не отражала прямо и непосредственно социальную иерархию и была направлена, прежде всего, на защиту княжеских людей (для обобщённого обозначения которых составитель «Пространной редакции» использовал выражение «княжие мужи»). Бояре были знатью, и нет оснований подвергать сомнению данные нарративных источников. Другое дело, что юридические привилегии, связанные с боярским статусом, ещё не были последовательно закреплены в письменном законодательстве, которое не имело характера всеобщей «конституции» и регулировало лишь отдельные вопросы. Можно с достаточным основанием предполагать, что эти привилегии коренились в древнем обычном праве и выражались, прежде всего, в правах на повышенную компенсацию за убийство и оскорбление боярина. Об этих правах не говорит «Русская Правда», но о повышенной компенсации за оскорбление («бесчестье») упоминает «Церковный устав Ярослава» (постановления которого, правда, трудно датировать).

§ 5. О численности боярства

История средневековой Руси с демографической точки зрения исследовалась слабо и недостаточно. В частности, в литературе можно встретить сколь различные, столь и малообоснованные суждения о численности населения Руси в целом и отдельных слоёв древнерусского общества. Были попытки определить численность людей, составлявших княжеские «дружины» или «дворы», то есть всех вместе людей, находившихся на княжеской службе, в XII–XV вв.³⁴² Они основывались на более или менее случайных данных, в основном, из летописных сообщений о составе войск, участвовавших в той или иной битве. Но из этих указаний о тысячах, а иногда десятках и даже сотен тысяч воинов, задействованных в каких-либо военных кампаниях, трудно вычислить, сколько людей составляли знать и военные слуги, а сколько – остальные слои и группы. И вообще такого рода данные в нарративных источниках редко когда можно рассматривать как достоверные и надёжные. Приводимые цифры чаще всего сильно преувеличены или преуменьшены, да и просто представляют собой некие абстрактно-риторические упражнения³⁴³.

Между тем, некоторые более надёжные сведения (хотя, конечно, далеко не точные и исчерпывающие) в источниках всё же имеются. Они происходят из времени с X до XIV вв. и далеко выходят за хронологические рамки данного исследования. Но с их помощью можно представить и ситуацию именно в X–XI вв. С другой стороны, некоторые важные данные для подсчёта численности групп, выдающихся в военном и политическом планах на Руси в эту эпоху, были получены в ходе настоящего исследова-

³⁴² См., например: Греков Б. Д. Социально-экономический строй и политический строй феодальных княжеств XII–XIII вв. // Очерки по истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Ч. 1, с. 307.

³⁴³ См. сравнительно-исторический обзор данных такого рода: Лукин П. В. Существовало ли в Древней Руси народное ополчение? Некоторые сравнительно-исторические наблюдения // СР. Вып. 9. М., 2011, с. 54 и след.

дования. Обобщение этих сведений и данных представляется небесполезным и уместным в данной работе.

Некоторые данные из источников, относящихся к древнейшему времени, не говорят прямо о боярстве, но с их помощью можно составить некоторое представление и о его численности. Речь идёт не о точных цифрах, а скорее о некоторых параметрах, от которых можно отталкиваться в дальнейших рассуждениях.

Можно указать на сообщение древних арабских писателей о количестве людей, которые ходили в полюдье. Это сообщение, восходящее, вероятно, к сочинениям IX в., сохранилось в труде персидского историка середины XI в. Гардизи. Приводя сведения о разных народах, Гардизи пишет и о руси, и, среди прочего, рассказывает о них следующее: «Всегда 100–200 из них (руси – П. С.) ходят к славянам и насильно берут с них на своё содержание, пока там находятся»³⁴⁴. Несмотря на краткость этого сообщения, А. П. Новосельцев увидел в нём – и совершенно справедливо – свидетельство о полюдье³⁴⁵.

Сто или двести человек в полюдье, о которых упоминает Гардизи, – это число близко к цифре «дружинников царя русов», которую называет ибн Фадлан (400 человек), и приблизительно соответствует количеству «гридей» Ярослава, которое было вычислено в главе IV (§ 2.1) по известию начальной летописи под 6522 (1014) г. Это соответствие было бы соблазнительно объяснить мыслью о содержании княжеских военных слуг в полюдье, примерно в том духе, как рассуждал в своё время М. Д. Присёлков³⁴⁶. Действительно, если киевские князья (а вероятно, и другие «архонты росов») в X в. и держали у себя на службе неких военных слуг, то полюдье было бы наиболее естественным способом их «прокормления». В таком случае большинство той «дружины», которая заставила Игоря отобрать древлянскую дань у Свенельда, должны были составлять как раз те люди, о которых позднее летопись сообщает под именем *гридь*. Однако, надо учитывать, что с Игорем были и такие «мужи», которые имели, подобно Свенельду, собственных слуг (отроков) и обладали более или менее самостоятельным положением.

Кроме того, какой бы естественной ни казалась мысль Присёлкова, всё-таки в XI в. гриди содержались, судя по всему, преимущественно прямыми денежными выплатами. В XI в. эти люди – военные слуги князя – выделались в специальную категорию, отдельную от бояр и городской верхушки. Эта ситуация предполагает довольно развитые «коммерциализацию» отношений князя и его людей и, с другой стороны, дифференциацию среди этих людей, которые трудно предполагать для более раннего времени. Из сообщений Константина Багрянородного и летописи следует, что в полюдье ходили и сами «архонты», и их слуги, и самостоятельные «мужи», признавав-

³⁴⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ: 1998. М., 2000, с. 295, 305.

³⁴⁵ Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX в. – первой половины X в. (полюдье) // ДГ: 1998. М., 2000, с. 404.

³⁴⁶ Присёлков М. Д. Киевское государство..., с. 233. Ср. выше в этой главе, § 1.

шие их власть, со своими слугами. Доходы, полученные от сбора дани, делились более или менее уравнилельно (ср. недовольство «дружины» обогащением Свенельда). В этой системе разница между более выдающимися «княжими мужами» типа Свенельда, составившими позднее боярство, и рядовыми, которые составили позднее гридь, а частично, может быть, и городских «нарочитых мужей», ещё не обозначилась достаточно резко и ясно. Но сам факт, что независимые данные говорят приблизительно об одной и той же численности людей, прямо связанных с князем в материальном отношении (будь то «кормление» в полюдье или жалованье), свидетельствует о несомненной преемственности принципов социально-экономической организации в государстве руси в течение X–XI вв.

Сообщение арабского писателя X в. Гардизи о том, что в полюдье русь ходит группами по 100-200 человек, можно сопоставить с другой цифрой – той, которая была получена в результате сопоставления договора 944 г. и данных трактата «De Ceremoniis» Константина Багрянородного. Исследование этих данных показало, что правящую верхушку руси в середине X в. составляли 25 «архонтов» – главы неких полунезависимых территориальных образований, признающие верховную власть киевского князя. Умножив 25 на 100 или 200, можно думать, что мы получим приблизительное представление о численности военного класса Руси в середине X в., включая как «мужей», которые служили «архонтам», так и военных слуг тех и других. Этот класс, получается, насчитывал несколько тысяч человек, и, очевидно, бóльшую его часть составляли военные слуги, а меньшую (вероятно, несколько сотен или, во всяком случае, существенно менее тысячи человек) – те люди («мужи»), которые позднее составили слой боярства.

В главе IV настоящей работы были представлены количественные данные о корпусах профессиональных воинов, которые содержали князь Руси в X–XI вв. Эти корпуса насчитывали на Руси, вероятно, приблизительно до тысячи человек или даже несколько больше в начале XI в. и до 800 человек в конце этого столетия. Эти «большие дружины» рассматривались современниками как нечто выдающееся по размеру, а значит, можно думать, что по тогдашним меркам несколько сот хорошо вооружённых воинов, для которых военная деятельность представляла основное занятие, – это уже много. Кроме княжеских отроков-гридей такими воинами могли быть только бояре и, возможно, некоторые из военных слуг виднейших бояр. Надо думать, что в 1093 г., когда у киевского князя было 800 своих отроков, киевских бояр было значительно меньше.

Относительно самих бояр более или менее достоверные данные происходят из времени позднейшего.

Большое значение имеет сообщение Галицко-Волынской летописи (в составе ИпатЛ) об уничтожении верхушки Галицкой земли несколькими черниговскими князьями, которые на короткое время вокняжились в Галиче и пытались укрепить там свою власть. Сообщение в ИпатЛ датировано 6716 (1208) г., но реально события про-

изошли в 1211 г. По летописи, черниговские князья, братья Игоревичи, «свѣтъ же створиша на бояре галичкыи, да избьють и[x]. По прилучаю избьени быша. И убень же быс(ть) Юрьи Витановичъ, Илия Щепановичъ, инии велиции бояре. Убьено же быс(ть) ихъ числомъ 500, а инии разбѣгошася»³⁴⁷.

Если понимать этот текст прямо (и не предполагать ошибок в передаче цифр), то надо сделать вывод, что в Галиче было более пяти сотен бояр – пятьсот были убиты по приказу князей, а ещё некоторые другие убежали. Однако, вряд ли такое понимание оправдано. Во-первых, подозрения вызывает сама цифра – слишком она круглая. Во-вторых, 500 человек представителей высшего социального слоя – это всё-таки кажется слишком много даже для такой большой и экономически развитой территории, как Галицкая земля. В-третьих, автор текста специально выделяет среди убитых двух по именам и определяет их вместе с некоторыми другими как «великих бояр». Значит, среди убитых были довольно существенные различия, чтобы некоторых из них определить как особо выдающихся («великих») – другие, очевидно, были менее богатые, знатные и т. д. И являлись ли на самом деле все пять сотен убитых людей «боярами галичскими», можно усомниться. Возможно, что кроме бояр пострадали и их слуги-отроки (особенно, если кто-то из бояр попытался оказать сопротивление), и богатейшие горожане. Обычно в Средние века политические репрессии затрагивали не одного человека, а всю его семью и даже дальних родственников (кланы).

Так или иначе, цифру 500 надо воспринимать лишь как самый верхний допустимый, мыслимый и правдоподобный для современников, предел количества относительно повышенных социальных слоёв Галицкой земли. В действительности, «бояр галичских» в смысле людей знатных, богатых, влиятельных и имеющих доступ к центральной власти было в Галиче скорее всего гораздо меньше. Как и во многих других свидетельствах средневековых источников (ср., например, выше в главе IV о численности «больших дружин»), здесь достоверной надо воспринимать не столько конкретную цифру, сколько её порядок – в данном случае сотни.

Тем не менее, цифра эта не была взята с потолка, и тот факт, что счёт бояр в крупнейших землях-княжествах Руси XII–XV вв. должен был вестись в самом деле на сотни, подтверждает одно более позднее свидетельство. Оно относится к Новгороду первой половины XIV в., когда этот город был, вероятно, самым большим и богатым среди всех древнерусских городов, однако, не настолько огромным, чтобы его нельзя было сопоставить с тем же Галичем или другими большими городами начала XIII в., до монгольского разгрома и установления зависимости от Орды.

В 1331 г. в Новгороде произошёл конфликт между горожанами и немецкими купцами, и последние подробно написали о ходе и разрешении этого конфликта в специальном послании в Ригу. В этом послании, составленном по горячим следам, описывается, как в ходе улаживания споров немцам пришлось иметь дело с новгородским вечем и отдельными представителями как веча, так и разных групп горожан. В

³⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2, стб. 723-724.

частности, упоминается и посланник от каких-то «300 золотых поясов» (ССС *guldene gordele*)³⁴⁸.

В историографии высказывались различные мнения по поводу того, что за люди в Новгороде могли скрываться за обозначением «золотые пояса». Наиболее убедительной представляется мысль А. И. Никитского, подкреплённая новым переводом немецкого документа и исследованием П. В. Лукина, что немцы в данном случае общались с олигархической верхушкой города³⁴⁹. Формально Новгород представляло вече, в котором участвовали широкие круги городского населения, но практически во многом политику и внутригородскую жизнь определяло неформальное руководство богатейших и влиятельнейших лиц города – новгородских бояр. Их автор послания и назвал «золотыми поясами», а было их, получается, всего около 300 человек.

Этой цифре можно найти косвенное подтверждение в подсчётах населения и размеров землевладения, которые делаются на основе изучения новгородских писцовых книг конца XV – первой половины XVI в. Так, население Новгорода в конце XV в. оценивается в 32 с лишним тысячи человек³⁵⁰. По оценкам К. Гёрке, основанным на летописных и археологических данных в сравнительно-историческом контексте, численность Новгорода в конце XIV в. составляла около 25 тысяч человек³⁵¹. Городская община в 20-25 тысяч человек вполне могла иметь верхний социальной слой численностью около или несколько больше 1 тысячи человек (если считать этих трёхсот бояр с их семьями). С другой стороны, известно, что до конфликта с Москвой и «выводов» в конце XV в. в Новгородской земле насчитывалось немногим более 2 тысяч светских землевладельцев. Из них 43 человека имели владения размером свыше 500 коробей, а 244 (включая этих 43) – свыше 100 коробей, причём количество тех, кто владел менее 100 коробей, резко увеличивается – то есть где-то здесь лежит явный водораздел между крупным землевладением и средним-мелким³⁵². Исходя из этих категорий землевладения (полученных, конечно, более или менее условным разделением по сотням коробей), можно предположить, что к первой категории принадлежали виднейшие бояре, «правлящая верхушка» Новгорода («великие бояре» по терминологии галицкого летописца)³⁵³, а все, кого можно было бы вообще назвать боярами, были владельцами имений размерами более 100 коробей. Случайно ли, что цифра в 244 оказывается очень близка к 300?

³⁴⁸ *Napiersky K. E. Russisch-livländische Urkunden* (= Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским). СПб., 1868, с. 55-61.

³⁴⁹ См.: *Лукин П. В. 300 золотых поясов и вече. Немецкий документ 1331 г. о политическом строе Великого Новгорода* [с публикацией перевода документа] // СВ. Вып. 71(3-4). М., 2010, с. 266-291.

³⁵⁰ *Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV начало XVI в.* Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1971, с. 322.

³⁵¹ *Goehrke C. Einwohnerzahl und Bevölkerungsdichte altrussischer Städte – methodische Möglichkeiten und vorläufige Ergebnisse* // FOG. Bd. 18 (1973), S. 25-53, с. 43-44.

³⁵² *Аграрная история Северо-Запада России...*, с. 329.

³⁵³ Ср. мнение В. Н. Бернадского, который писал, что около 50 человек новгородских бояр «сосредоточили в своих руках большую часть новгородских светских вотчин» (*Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке*. М.-Л., 1961, с. 315).

Поскольку Галич в начале XIII в. структурно был подобен Новгороду середины XIV в. и только, вероятно, по численности населения уступал ему, то вполне обоснованным было бы предположение, что слой галицкого боярства формировался по тем же принципам, что и в Новгороде, в том числе и что касается его численности, и следовательно, эту последнюю можно определить в 100-200 человек. Вполне можно представить себе, что автор выше приведённого известия Галицко-Волынской летописи, указав круглую цифру в пять сотен, отталкивался от реальной численности бояр примерно в сотню или несколько больше. Примерно такие же цифры надо предполагать и для самого Новгорода начала XIII в. Разумеется, надо учитывать, что и Галич в 1211 г., и Новгород в XIII–XIV вв. были центрами земель, не разделённых на уделы, то есть и в том, и в другом случае речь идёт о боярстве в с е й земли.

Новгород, Галич, Киев, Чернигов, Смоленск, Владимир, Полоцк и Переяславль Южный были крупнейшими городами Руси в эпоху, предшествующую татаро-монгольскому нашествию. Если в каждой из земель, столицами которых они были (если брать именно всю территорию каждой из земель без учёта их раздробления на уделы), предполагать количество бояр от нескольких десятков до двух сотен, то общую численность этого слоя мы получим около 1000-1300 человек. Сравнительно крупные и относительно независимые политические образования к середине XIII в. составляли также Муромское, Рязанское, Турово-Пинское, Владимиро-Волынское княжества и Псковская земля. Учитывая бояр этих земель, общую численность боярского класса Руси перед монгольским нашествием можно довести, наверное, до 1500 человек (разумеется, без семей). Но поскольку внутри этого класса было расслоение, надо думать, что основные рычаги власти были сосредоточены в руках совсем узкой группы лиц («великих бояр»).

Правдоподобность и этих подсчётов, и этого последнего вывода подтверждается, если обратиться к некоторым сравнительно-историческим данным. Подбор этих данных, который предлагается ниже, более или менее случаен, совсем не претендует на полноту и служит скорее иллюстративным целям, чтобы создать некий фон или задать общие параметры для выводов, сформулированных применительно к домонгольской Руси в приблизительном ключе. Показательность этих сравнительных данных относительна, так как слишком различались общие политические и социально-экономические условия в разных регионах средневековой Европы. Да и не так много такого рода данных из сопоставимых с Русью регионов.

Одно из свидетельств в этом ряду уже приводилось выше в главе IV, когда шла речь о складывании королевской *hirð* в Норвегии в XIII–XIV вв. Высший слой *hirð* составляли лица, облечённые званиями лендерманов (*lendirmenn*) и сюслуманов (*sýslumenn*). Они фактически и составляли ту социальную категорию, которую можно

назвать норвежской знатью, если не всю, то подавляющее её большинство. Первых насчитывалось 12-15 человек, вторых – около 40-50, вместе – не более 60-70³⁵⁴.

В королевстве вестготов в VII в. «насчитывалось несколько сотен значимых в социальном и экономическом отношениях семейств», но реальной политической властью обладала «в высшей степени узкая “правлящая верхушка” внутри самой знати»³⁵⁵.

В империи Карла Великого образовался слой высшей знати, который в немецкой медиевистике получил название *Reichsaristokratie* – «имперская аристократия», то есть магнаты при дворе императора, его ближайшие советники и сподвижники. Это были элементы, которые выдвинулись из элит отдельных областей, вошедших в состав Империи, благодаря королевскому (императорскому) покровительству. Оценивать численность этих «местных» нобилитетов из-за отсутствия сколько-нибудь надёжных данных историки не решаются, но состав «имперской аристократии» поддаётся приблизительной оценке. Г. Телленбах составил список 111 человек в её составе, представлявших 42 рода³⁵⁶. Выводы Телленбаха, который собственно и «открыл» *Reichsaristokratie*, получили признание³⁵⁷. Цифру 111 человек нельзя воспринимать как точный показатель численности этого слоя, но считается вполне возможным исходить из округлённого числа в 100-150 человек.

Приблизительные выкладки возможны для подсчёта численности слоя знати в некоторых государствах-наследниках каролингской Империи. Так, в оттоновской Германии X–XI вв. слой людей, которые имели влияние на государственную политику (то есть высшая знать, имевшая доступ ко двору), оценивается приблизительно в 150-200 человек, включая королей и их родственников, в том числе взрослых женщин из королевской семьи³⁵⁸.

Для стран, ближе расположенных к Руси, мы располагаем только некоторыми случайными известиями, надёжность которых не очень высока. Автор «Чешской хроники» Козьма Пражский при описании борьбы князей Борживоя и Владислава за пражский престол (1109 г.) вкладывает в уста одного из участников этой смуты сетования о горестной судьбе Чехии, которая «подвластна многим господам (*dominis multis*)». Далее в этой же речи уточняется, что этих «господчиков» два десятка («iam sunt

³⁵⁴ См.: *Imsen S.* King Magnus and his Liegemen's 'Hirdskrå': A Portrait of the Norwegian Nobility in the 1270s // *Nobles and Nobility in Medieval Europe. Concepts, Origins, Transformations.* Ed. by A. J. Duggan. Woodbridge, 2000, p. 214.

³⁵⁵ *Клауде Д.* История вестготов. Перевод с немецкого С. В. Иванова. СПб., 2002, с. 186.

³⁵⁶ *Tellenbach G.* Königtum und Stämme in der Werdezeit des Deutschen Reiches. Weimar, 1939, S.41-59.

³⁵⁷ Ср., например: *Airlie S.* The Aristocracy // *The New Cambridge Medieval History.* Edited by R. McKitterick. Vol. II: с. 500-с. 700. Cambridge, 1995, p. 433-434.

³⁵⁸ *Reuter T.* King, nobles, others: 'base' and 'superstructure' in the Ottonian period // *Reuter T.* Medieval Politics and Modern Mentalities. Edited by Janet L. Nelson. Cambridge, 2006, p. 310 (со ссылкой на работы J. Ehlers по истории древней Саксонии).

bis deni, nisi fallor ego, dominelli») ³⁵⁹. Среди историков ведутся споры, кого следует понимать под этими двумя десятками «dominelli» – членов правящей династии Пшемисловцев или представителей высокородной знати ³⁶⁰. Так как первых в начале XII в. никак не набирается два десятка, более вероятной выглядит точка зрения, что имеются в виду двадцать родов высшей знати, каждый из которых возглавлялся старшим в роду – и эти главы родов и были обозначены как «dominelli». В тот или иной определённый момент эти двадцать родов могли быть представлены несколькими десятками совершеннолетних мужчин (40-60 человек).

Численность венгерской знати часто оценивают, исходя из известного сообщения Шимона Кезаи, писавшего около 1285 г., что благородных родов, восходящих к древним корням, в Венгрии насчитывается 108 ³⁶¹. Это значит, что в конце XIII в. знать Венгерского королевства составляли 2-3 сотни мужчин.

Есть одно любопытное сообщение Бертинских анналов о восстании болгар в 865/866 гг. после крещения хана Бориса-Михаила (864 (скорее) или 865 г.). Автор (Хинкмар Реймский) пишет, что некие знатные люди в окружении хана (proceres sui) подняли мятеж, возмутив народ, и собрались около царского дворца. Борис вышел со своими людьми и духовенством и чудесным образом умирил народ. Людей у него было 48 – «cum quadraginta tantum octo hominibus». После усмирения народа хан казнил 52 человек «ex proceribus», а остальных отпустил. В известных ответах папы Николая на вопросы болгарского хана уточняется, что казни подверглись мятежники «со всем своим родом (cum omni prole sua)». Потом было послано посольство к Людовику немецкому (август 866 г.) с просьбой о епископе, а тот послал весть Карлу Лысому (очевидно, от послов и известны детали анналисту) ³⁶². Восстание было, видимо, мощным, имело значение и для политического развития ханства, и его международных отношений. Как бы ни расценивать ход событий и кем бы ни считать этих «знатных» (proceres) и ханских «людей» (homines) ³⁶³, ясно, что речь идёт скорее о десятках людей в элите болгарского ханства, чем о сотнях и во всяком случае не о тысячах.

Таким образом, из этих разрозненных данных следует, что для большинства государств IX–XIII вв. Центральной Европы численность знати не должна была быть

³⁵⁹ Cosmae Pragensis Chronica boemorum. Hrsg. von B. Bretholz // MGH. SS rer. Germ. N. S. T. 2. Berlin, 1923, p. 198; *Козьма Пражский*. Чешская хроника. Вступительная статья, перевод и комментарии Г. Э. Санчука. М., 1962, с. 206 (III, 29).

³⁶⁰ Первая точка зрения: *Žemlička J.* “Dvacet pánů” české země. K vymezení panujícího rodu v 11. a 12. století // *Časopis Matice moravské*. Vol. 17 (1998), s. 293-309. Вторая: *Wihoda M.* Kníže a jeho věrní. Kosmas o světě předáků a urozených // *Šlechta, moc a reprezentace ve středověku*. Ed. M. Nodl, M. Wihoda (=Colloquia mediaevalia Pragensia 9). Praha, 2007, s. 26.

³⁶¹ *Engel P.* The Realm of St. Stephen. A History of Medieval Hungary, 895-1526. Translated by T. Pálófalvi, English edition edited by A. Ayton. London-New York, 2001, p. 85-87.

³⁶² *Annales Bertiniani* // MGH. SS us. sch. T. 5. Recensuit G. Waitz. Hannover, 1883, p. 85; *Responsa Nicolai ad consulta Bulgarorum* // *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series Latina. T. CXIX. Paris, 1852, col. 988.

³⁶³ См. последнюю работу по этому поводу с обзором литературы: *Ziemann D.* The Rebellion of the Nobles against the Baptism of Khan Boris (865-866) // *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. Vol. 2: Byzantium, Pliska, and the Balkans. Ed. by J. Hennig. Berlin, NY, 2007, p. 615-616.

большой – от несколько десятков совершеннолетних мужчин до нескольких сотен (в зависимости от социально-политической ситуации, экономического развития и т. д.), но не более того. При этом обычно явно прослеживается отличие между основной массой знатных людей и узким кругом лиц, который располагал важнейшими рычагами политического decision-making – некоей «правлящей верхушкой» (обычно несколько десятков человек). В более крупных политических образованиях типа империи Карла Великого общая численность элиты естественным образом возростала (за счёт объединения разных quasi-государственных образований), но слой людей, имевший преимущественный доступ к центральным власти и финансовым «потокам» (то есть «государственная элита»), оставался, видимо, сравнительно узким – те же несколько десятков или около сотни людей.

На этом фоне результаты, полученные на основе древнерусских источников, совсем не выглядят чем-то исключительным. В каждой из «земель» Руси XII – начала XIII в., которые политически были фактически независимы, слой собственно знати (боярства) составлял от нескольких десятков до примерно двух сотен человек, но из этих людей лишь немногие (вероятно, от одного до нескольких десятков человек) участвовали в принятии важнейших политических решений. Не будет большой смелостью предположить, что именно эти последние именовались «великими» или «лучшими» боярами и что именно они были главными советниками князей – «боярами думающими» или «думцами», как писали летописцы³⁶⁴.

В конце XI – начале XII в. было меньше независимых земель-княжеств, меньше бояр, зато более многочисленны были контингенты княжеских военных слуг или, по крайней мере, киевского князя – недаром киевский князь был в состоянии контролировать почти всю Русь. Для XI в. надо предполагать значительно бóльшую концентрацию знати и военных сил по нескольким политическим центрам. В Киеве XI в. бояр, вероятно, было несколько больше, чем в отдельных «землях» XII – начала XIII в. Правдоподобной выглядит цифра в три-четыре сотни человек, если учитывать приведённые в начале этого раздела данные о численности людей, ходивших в полюдье, и княжеских гридях-отроках. Общее число бояр на Руси в начале XII в. едва ли превышало тысячу, а вместе бояре и княжеские военные слуги (отроки-гриди) насчитывали, таким образом, несколько тысяч человек, вряд ли более трёх тысяч. Это и была военно-политическая элита Руси.

Это, конечно, очень приблизительные оценки, ориентировочные и условные. Для «социологических» задач данного исследования важнее даже, может быть, не столько общее количество людей в тех или иных группах и слоях, сколько их соотношение между собой – главное, перевес гридей над боярством в XI в., и перевес боярства над «осколками» «большой дружины» в XII–XIII вв.

³⁶⁴ Ср., например, в летописном рассказе о походе Игоря Святославича на половцев: ПСРЛ. Т. 2, стл. 643, 650.

§ 6. Выводы

Сравнительно со многими другими странами раннесредневековой Европы на Руси знать относительно вскоре после образования государства обрела собственное название – бояре. Для обозначения человека, выдающегося по социальному положению и приобщённого к высшей политической власти, слово *бо(л)ярин* употребляется в источниках, созданных на Руси в XI в. Это слово, заимствованное в древнерусский язык, укоренилось, вполне вероятно, потому, что в этом языке не было оригинального славянского слова, подходящего для обозначения новой социальной реальности. В этом смысле данное заимствование можно сопоставить со словом *гридь*, которое вошло в древнерусский язык тоже как обозначение специфического явления, образовавшегося в особых исторических условиях. Но в отличие от *гридь* слову *боярин* была суждена гораздо более долгая и важная история в восточнославянских языках – в соответствии с историческим значением того явления, на которое оно указывало.

В договорах руси и греков 911 и 944 гг. слово *бояре* употребляется наравне со словом *князья* для перевода одного греческого слова *ἄρχοντες* и обозначает лишь очень узкий правящий слой руси – неких предводителей или quasi-правителей, возглавлявших какие-то территории в составе «Русской земли» и признававших верховную власть киевского князя. В середине X в. их было 24 человека (не считая киевского князя). В эту эпоху употребление слова *бо(л)ярин* ещё не устоялось, и его содержание не вполне определилось. В договоре 944 г. те, кого позднее стали называть боярами, выступают как посланники («слы») князей-бояр/«архонтов». В оригинальных древнерусских источниках никаких намёков на существование этих «архонтов» не обнаруживается. Видимо, в правление Владимира Святославича устанавливается социально-политическая структура, сохранявшаяся очень долго, – князья одного рода выступают правителями «под рукой» «старейшего» в роду, но фактически (полу-)независимо, а опираются на элиты, которые концентрировались в ряде городских центров. В XI в. крупнейшим таким центром был Киев.

Эти элиты, на которые опирались князья в XI в., состояли из трёх главных элементов – знати (боярства), городской верхушки (купцов/гостей) и воинов на содержании князей (гридей/отроков). Место последних в элите было обусловлено только их особым военным значением и относительной многочисленностью, и позднее они теряют это место. Князья хотели выдвинуть, поощрить и защитить своих слуг, поэтому мы видим в «Русской Правде» особые виры для них. Городская верхушка выделялась главным образом своей экономической ролью, и лишь в кризисные моменты, в ситуации вакуума власти, она, вставая во главе городского веча, могла выступать и политически значимой силой. Значение боярства было заметно по разным параметрам – и в экономическом плане, и в военном, и, главное, в политическом. Выделяясь в разных отношениях, боярство фактически представляло собой высший социальный слой, и к его представителям наиболее подходящими были определения *славный* и *честный*, указывавшие на почёт и авторитет, которыми они пользовались в обществе.

Надо подчеркнуть, что разные признаки, выделявшие боярство в особо выдающийся слой, были неразрывно связаны между собой. В историографии предпринимались попытки выделять по этим признакам – прежде всего, разделяя политическую роль и материальный достаток, – группы внутри этого слоя или даже предполагать два «параллельных» слоя знати, но эти попытки не представляются убедительными. У бояр домонгольской эпохи политическое значение, то есть доступ к доходным должностям, было неразрывно связано с экономическим положением (богатством) – одно было одновременно условием и следствием другого. Виры, которые упоминаются в «Русской Правды», и умолчание её о боярах не могут служить основанием для каких-либо социально-юридических построений. «Русская Правда» упоминает о повышенных вирах, в основном, для тех категорий населения, которых хотели специально защитить князья; бояре же и так были защищены «обычным правом».

Противопоставление бояр на «земских/местных» и «служилых/дружинных», принятое в историографии, не подтверждается источниками. Никаких местных вождей или общинных лидеров ни под именем бояр, ни под другими обозначениями мы не видим. Те представители знати, которые упоминаются по именам, все указываются в источниках как состоящие на службе князьям – от Свенельда до Яня Вышатича или Ивора, посланного в 944 г. князем Игорем в Византию, до тех «мужей», которые вместе с князьями участвовали в принятии законов, вошедших в состав «Русской Правды» (см. об этих боярах в следующей главе). Вместе с тем, не следует абсолютизировать служебные отношения бояр с князем, отрицая, например, что у них могли возникать какие-либо привязанности к той местности, где они жили. В рассказе ПВЛ о событиях 1018 г. в Новгороде фигурируют бояре, выступающие как часть городской общины. Связь бояр с определёнными городами и местностями увидим в следующей главе, где разбираются некоторые боярские «карьеры» и рода.

Под именем боярства уже в XI в. выступает слой, который по основным внешним параметрам вполне соответствует знати (нобилитету) раннесредневековых государств Европы до эпохи складывания рыцарского сословия. Нет оснований говорить о принципиальных разрывах или переломах в эволюции этого слоя в конце XI в. или в XII в. или вообще в какой-то момент до монгольского нашествия. Скорее надо вести о речь о том, что уже в XI – первой половине XII в. на Руси обозначились признаки тех главных процессов, которые связываются с эволюцией этого слоя в Средневековье, – перерастание фактической обособленности социального слоя в письменно закреплённые привилегии, формирование слоя низшей знати и развитие крупного землевладения, основанного на труде зависимых крестьян. Не следует искать корни своеобразных черт, присущих знати Московского государства XVI–XVII вв. и отличавших её от знати других европейских стран, в древнерусской истории ранее середины XIII в. Они являются, очевидно, продуктом процессов, которые начали развиваться лишь в условиях монгольского ига или даже в ходе освобождения от него.

ГЛАВА VI. ОТНОШЕНИЯ БОЯР И КНЯЗЕЙ

Оценить участие бояр в политической жизни Древнерусского государства и их политическое значение невозможно вне картины их отношений с формальным главой этого государства – князем. Эти отношения влияли и на социальное положение боярства, потому что они определяли доступ к доходным должностям, служившим ресурсом власти и авторитета (господства).

Об отношениях князя и знати заходила уже речь выше, главным образом, в связи с летописными рассказами о несчастном походе князя Игоря к древлянам, о событиях в 1018 г. в Новгороде, когда новгородцы заставили Ярослава продолжать борьбу со Святополком, и о борьбе другого Святополка (Изяславича) в 1093 г. против половцев. Анализ этих рассказов показал, что знать, хотя вполне признавала особые прерогативы князя как политического лидера и главы государства, могла иметь свои мнения или интересы по тем или иным вопросам. Князья, конечно, преследовали свои цели, стремясь к большому власти и могуществу, но для достижения этих целей они нуждались в поддержке знати. Следовательно, речь идёт о некоем союзе двух ведущих сил древнерусского общества – княжеской власти и знати.

На каких принципах был основан этот союз, насколько прочным был (мыслился), в каких идейных, символических и ритуальных формах выражался и как влиял на положение (статус) боярства как социальной группы – это вопросы, на решение которых направлено исследование в этой главе.

В историографии эта взаимная заинтересованность князя и знати объяснялась по-разному. В XIX в. её скорее «архаизировали», осмысляя как «дружинное» «душевное товарищество». В XX в. более распространённой стала «феодальная» модель – отношения князя и знати представлялись как вассально-ленные, построенные на определённом порядке владения и пользования землёй. Как уже отмечалось в историографическом обзоре в главе I, обе трактовки вызвали разного рода сомнения и возражения. Исследование, представленное выше в главах III–V данной работы, аргументов в пользу обеих трактовок не прибавило. Архаическая дружина, основанная на принципах товарищества, серьёзной роли в общественно-политическом строе Руси в X–XII вв. не играла; летописное понятие *дружина* к ней если и имеет отношение, то только весьма косвенное. Ни военные корпуса на княжеской службе, ни знать не обнаруживают специфических феодальных черт.

Суждения, не вписывающиеся в эти трактовки, высказывали В. И. Сергеевич и С. Б. Веселовский, хотя их высказывания не сложились в какую-либо целостную модель отношений правителя и знати в средневековой Руси. Сергеевич, признавая боярство особым классом древнерусского общества, обращал внимание более всего на «вольный» характер службы бояр, подчёркивая их право на свободный выбор князя как адресата службы – так называемое право отъезда. Веселовский тоже делал упор на договорном принципе отношений князей и бояр, но, в отличие от Сергеевича, при-

звал не преувеличивать значение «права отъезда» и отбросить представление о «бродячих дружинах», кочующих от одного князя к другому; по его мнению, служба боярства и придворная иерархия складывались на протяжении многих поколений¹.

Современный немецкий историк Х. Рюсс, развивая скорее суждения Веселовского, для описания отношений правителя и знати на Руси прибегнул к формуле, предложенной в западной медиевистике, – «сотрудничество и напряжение». Формула подразумевает, что в монархических режимах средневековой Европы политические интересы правителя и знати могли расходиться, но их объединяло господство, понимаемое широко – от экономической эксплуатации производящих слоёв населения до элитного культурно-символического контекста власти. В основном, правитель и знать были настроены на сотрудничество, а для урегулирования конфликтов («напряжения») существовали специальные механизмы. Вместе с тем, по мнению Рюсса, на Руси вплоть до позднего Средневековья сохранялся архаический, восходящий к «дружинному товариществу», этос отношений верности между князьями и боярством. Эта верность цементировала «сотрудничество» правителя и знати на Руси².

Свои мысли все три названных автора развивали преимущественно на источниках, происходящих из Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. Не очень понятно, насколько эти интересные мысли применимы к материалам домонгольского времени и, тем более, до второй четверти XII в., хотя каждый из авторов подчёркивает «традиционный» или даже «архаический», то есть восходящий к седой древности, характер отношений князя и знати.

Попытка Рюсса связать порядок отношений князя и знати с некими идеями и идеалами выглядит вполне логично, но его рассуждения о «дружинной верности» выглядят более или менее гипотетическими. Странным образом немецкий историк, в других случаях прибегающий к сравнению Руси и Европы, здесь никак не вспомнил об историографии, посвящённой «германской верности» (см. в главе II настоящей работы). Между тем, она весьма поучительна в том смысле, что как раз поставила под сомнение наличие в до- или предгосударственную эпоху особого принципа верности; большинство исследователей склонилось, в конце концов, в пользу того, что верность стала пониматься как идеал или абстрактный принцип только под влиянием христианских политических теорий, которые требовали от подданных верности правителю, придерживающемуся ортодоксального вероучения. В своё время В. И. Сергеевич и его ученик М. А. Дьяконов подчёркивали как раз влияние христианской идеологии на складывание представлений о верности дружинника князю. Дьяконов писал, например, что исконным был принцип «вольной службы» в отношениях князя и дружины в Древней Руси, а идея верной службы, не обусловленной материальным содержанием,

¹ См.: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 1. М., 2007; *Веселовский С. Б.* Очерк образования московского боярства // *Он же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. Ср. в главе I.

² См.: *Rieß H.* Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9–17 Jh. Köln, Weimar, Wien, 1994. Ср. в главе I.

пришла только с теми «поучениями и правилами церкви, проповедовавшей начала неизменной верности своему князю», которые он находил в некоторых сочинениях XIV–XV вв. и связывал со становлением московского единогодержавия³.

В данной работе сначала будет разобран вопрос о верности в отношениях князя и знати на Руси, а потом рассмотрены некоторые конкретные боярские «карьеры» и судьбы боярских родов для проверки тезисов о «вольности» боярской службы или, наоборот, её постоянстве, а также вообще для выявления факторов взаимовлияния службы и боярского статуса. В литературе есть точка зрения, что боярский статус являлся производным от службы князю (членства в «дружине»). Хотя эта точка зрения была поставлена под сомнение в предыдущей главе, но вопрос о влиянии князей на «служебные карьеры» бояр требует специального рассмотрения. Неясным остаётся, насколько принятой и естественной была преемственность в передаче боярского статуса (наследственность), а с другой стороны – насколько закрыт был этот слой и каковы были факторы, которые влияли на ротацию и мобильность внутри него.

§ 1. Верность

Х. Рюсс был, конечно, далеко не единственным исследователем, который писал о верности в отношениях князя и «дружинников» на Руси. В ряде недавних работ на «дружинную» верность неоднократно ссылается Б. Н. Флоря⁴. В литературе вообще часто говорится как о само собой разумеющемся, что в средневековой Руси служилые, в том числе знатные, люди обязаны были *верной службой* своему князю.

О верности часто упоминали историки XIX в., описывая «дружинное братство» или «товарищество». Историки, которые отстаивали «феодалную» модель Древней Руси, писали о «вассальной верности». Есть попытки связать две верности – «дружинную» и «вассальную», – установив между ними континуитет. Например, М. Б. Свердлов пишет о «верной службе» дружины вождю уже в славянском обществе VI–VII вв., а затем сравнивает древнерусских «дружинников» с западноевропейскими вассалами и, указывая, что соответствующим их латинским обозначением был термин *fidelis*, делает вывод: «...русская дружина X – первой половины XI в. – это “верные” князю люди, которые служили ему на принципах дружбы-службы с материальным обеспечением за эту службу». При этом историк опирается на старые немецкие работы о «германской верности», в которой видели зародыш средневековых вассально-ленных отношений (см. выше в главе II)⁵.

³ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005 (1-е изд.: 1907 г.), с. 195.

⁴ См., например: Флоря Б. Н., Турилов А. А. Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2009, с. 42-43, 54.

⁵ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003, с. 75-78, 264.

Между тем, справедливость расхожих суждений далеко не очевидна. Ссылки на общие схемы и какие-то исторические аналогии повисают в воздухе, потому что, строго говоря, собственно о верности кого бы то ни было из людей на службе князьям источники вплоть до конца XII в. просто вообще не упоминают.

Слова *верность* и *неверность* относительно позднего происхождения. Древнейшие упоминания первого из них относятся только к концу XIV в., второго – к ещё более позднему времени⁶. В старославянских и древнерусских памятниках письменности значения этих позднейших слов входили в довольно широкое семантическое поле лексем *вѣра* и *невѣрие* (или *невѣрствие*). Прилагательное *вѣрные* обозначало как ‘христианский’, ‘верующий’, так и ‘преданный’, ‘надёжный’; а *невѣрные*, соответственно, – ‘нехристианский’ (‘безбожный’), ‘неверующий’, а также ‘изменнический’ (‘предательский’), ‘ненадёжный’. *Вѣрные* / *невѣрные* имели и другие значения: например, ‘достоверный’ / ‘недостоверный’. В текстах Священного писания эти прилагательные оказываются в синонимическом ряду со словами *правдѣными* (или *правдѣвыми*) и *неправдѣными*⁷. Естественно, что в христианском контексте лексемы *вѣра* / *невѣрие* и *вѣрные* / *невѣрные*, объединяя, таким образом, целый ряд значений, тем не менее всегда сохраняли определённые религиозные оттенки.

В переводных памятниках литературы домонгольской Руси эти слова могли употребляться в разных значениях и в разных контекстах, в том числе религиозно индифферентных и так или иначе относящихся к рассматриваемой теме (например, верность/неверность слуги господину или воинов военачальнику и т. п.). Однако в оригинальных произведениях древнерусской литературы – прежде всего, в древнейшем летописании – в контексте описания отношений правителя и его знатного или незнатного окружения указанные слова не встречаются вплоть до конца XII в. Причём тогда, когда они начинают употребляться в этом контексте, они имеют довольно ярко выраженные религиозные коннотации⁸.

В ПВЛ и в южном и северо-восточном летописании, вошедшем в состав ИпатЛ и ЛаврЛ, до конца XII в. слова *вѣрные* / *невѣрные* используются всегда в значении ‘верующий’, ‘благоверный’ / ‘неверующий’, ‘языческий’⁹. В ПВЛ, например, в рассказе о том, как княгиня Ольга призывала Святослава креститься, «неверные» обозначают язычников: «невѣрнымъ бо вѣра хре(сть)янъска уродство есть», – объясняет летописец неприятие христианства дружинниками Святослава. В другом месте говорится о гибели дьявола в «Русьской земле», приобщившейся к христианству: отныне, по мысли летописца, демоны будут «проклинаеми от бл(а)говѣрныхъ мужъ и от

⁶ СРЯ. Вып. 2, с. 90–92; вып. 11, с. 36–39.

⁷ См.: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994, с. 165, 361; СДРЯ. Т. II, с. 299–303; т. V, с. 244–246.

⁸ См. подробнее: Стефанович П. С. Понятие верности в отношениях князя и дружины на Руси в XII–XIII в. // ДР. 2008. № 1 (31), с. 72–82.

⁹ Ср. словоуказатель к ПВЛ: Творогов О. В. Лексический состав «Повести временных лет». (Словоуказатели и частотный словник). Киев, 1984.

вѣрныхъ женъ, иже прияли суть крещенье и покаянье въ отпущенье грѣховъ...»¹⁰ Неоднократно упоминаются «верные человеци» или «верные люди», но обозначают они совсем не княжеских «дружинников» или вассалов (*fideles*), а тех, кто «с верою» относится к христианским святым, признаёт спасительную силу креста и т. д., то есть истинно верующих христиан¹¹.

Впервые о верности князьям упоминается в известиях, описывающих события 1160-1170-х гг. и восходящих к южному и северо-восточному летописанию. В рассказах о взаимоотношениях князей с новгородцами последние дважды названы «неверными», потому что изменяют условиям договоров (с теми или иными князьями), скреплённых крестоцелованием¹². В «Повести об убиении Андрея Боголюбского», дошедшей до нас в двух версиях (в ИпатЛ и ЛаврЛ), «неверными», «оканьними» и другими подобными отрицательными эпитетами охарактеризованы убийцы, поднявшие руку на благоверного князя¹³.

Однако и эти известия не имеют в виду собственно верность князю людей на его службе – речь идёт о новгородцах как представителях определённой территории (земли), а с другой стороны – не просто предателях, а убийцах князя, к тому же разного социального происхождения (среди убийц были и бояре, и слуги князя). Указания о «неверных» людях сформулированы в негативном плане – то есть подразумевают не некий абстрактный положительный идеал, а имеют в виду только осуждение «лести» (обмана) в отношении князя. В подавляющем большинстве других упоминаний конца XII–XIII в. о людях, «неверных» князьям, только из выражений осуждения и упрёка и можно догадаться о наличии некоего убеждения, что вообще-то по отношению к князю надо выказывать преданность. Каким образом обосновывалась преданность князю (то есть почему, собственно, надо быть верным ему), по этим упоминаниям судить невозможно. Лишь автор «Летописца Даниила Галицкого» (в составе Галицко-Волынской летописи) в одном–двух случаях высказывается в том смысле, что князю надо быть верным потому, что его власть – богоданная¹⁴.

Эти факты ставят нас перед вопросом: существовали ли вообще до конца XII в. представления об обязанности людей, исполняющих службу для князя, быть преданными (верными) ему, и если да, то только ли в рамках христианских воззрений (или в связи с ними)?

Очевидно, анализ с помощью метода простого следования упоминаниям тех или иных слов / терминов (терминологический анализ) в данной ситуации не возможен – соответствующие слова (*вѣрными* / *невѣрными* и пр.) в источниках не используются в соответствующем смысле. Однако, как уже не раз отмечалось в настоящей работе, если не употребляется какое-то слово, это не значит, что не было явления,

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1, стл. 63, 121.

¹¹ Там же, стл. 137–138, 172, 174; т. 2, стл. 270.

¹² ПСРЛ. Т. 2, стл. 537, 561.

¹³ ПСРЛ. Т. 1, стл. 369-370; т. 2, стл. 585-587, 590.

¹⁴ См.: Стефанович П. С. Ук. соч., с. 77-80.

обозначение которого именно этим словом мы ожидаем. Искомое явление может обнаруживать себя и под другими словами или просто подразумеваться из общего смысла или контекста того или иного сообщения или той или иной информации.

В данном случае для фиксации представлений о преданности (верности) князю предлагается следующая методика. Как демонстрируют хотя бы даже упомянутые выше летописные рассказы о гибели князя Игоря, Ярославе в Новгороде и отношениях Святополка с киевскими боярами, далеко не из каждого летописного известия, сообщающего нечто (пускай и сравнительно подробно) о тех или иных знатных людях и их взаимодействии с князьями, можно почерпнуть какую-то информацию именно по интересующему меня в данном случае аспекту. По этой причине, имея в виду цели исследования, я отбираю только известия, в которых говорится о **п о с т у п л е н и и** (**з н а т н ы х**) **л ю д е й** на службу князьям и **о р а з р ы в е** отношений между ними.

Эти моменты были ключевыми в отношениях между князьями и знатью. И не случайно, что именно с этими моментами связаны и ключевые вопросы историографической дискуссии о боярской службе – обязывались ли бояре верностью князю (если такое обязательство давалось, очевидно, это должно было происходить, прежде всего, в момент фиксации взаимных отношений) и насколько «вольной» была их служба (если могли просто уйти со службы, значит, применялось «право отъезда»).

В литературе ставился также вопрос о сопоставимости западноевропейских вассальных обрядов с древнерусскими ритуалами поступления людей на княжескую службу и ухода с неё (см. в главе I о работах Н. П. Павлова-Сильванского и В. Т. Пашуто). Особенно важно, приносилась ли формальная клятва князьям, потому что её наличие предполагает применение религиозной санкции в отношениях князей и знати. Обычно такая клятва упоминается в литературе как сама собой разумеющаяся, но, как увидим, действительные показания источников далеко не однозначны.

1.1. Князь и «муж»: установление отношений и разрыв

Следуя хронологии ПВЛ, впервые встречаем упоминание о разрыве отношений между князем и его «мужами» в сообщении об уходе Аскольда и Дира от Рюрика, о котором говорится под 6370 (862) г. после рассказа о «призвании варягов» и установлении власти Рюрика.

В древнейших летописях, сохранивших текст ПВЛ, это сообщение передано с одним разногласием. В ЛаврЛ говорится так: «и бяста у него (Рюрика – П. С.) 2 мужа не племени его, ни боярина, и та испросистася ко Ц(еса)рюгороду с родомъ своимъ». Далее сообщается о том, что эти два мужа обосновались в Киеве и что их звали Аскольд и Дир¹⁵. Так же читалось и в ТрЛ (которая, напомним, наиболее надёжно рекон-

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 20–21.

струируется именно в начальной части)¹⁶. Однако, в РадзЛ, МосАкЛ и ИпатЛ вместо «ни боярина» стоит «но боярина»¹⁷.

Нельзя сомневаться, что данное сообщение является более или менее правдоподобной реконструкцией летописца начала XII в., который, руководствуясь определёнными историко-политическими соображениями, перерабатывал свои источники, прежде всего, НС – летопись, которая, напомним, восстанавливается в основных чертах по Н1Лм. В Н1Лм в статье 6362 г. говорится о приходе Аскольда и Дира в Киев независимо от призвания варягов в Новгород, и они предстают самостоятельными князьями¹⁸. Анализируя летописную концепцию и саму логику рассказа, А. А. Шахматов считал, что составитель ПВЛ сознательно превратил Аскольда и Дира именно в бояр Рюрика, и принимал чтение РадзЛ, МосАкЛ и ИпатЛ¹⁹. Принять это чтение как первоначальное нисколько не мешает то, что Аскольд и Дир в таком случае именуется одновременно и «мужами», и «боярами»: «мужами» могли характеризоваться представители разных социальных групп, в том числе и бояре²⁰.

Таким образом, мы имеем дело с представлениями книжника, писавшего более чем через два столетия после излагаемых им событий, о том, как бояре могли в п р и н ц и п е уходить от своего князя. Он описал разрыв их отношений с помощью слова «испросистася». Глагол «испросити(ся)», который несколько раз используется, в частности, в Киевском своде конца XII в. (в составе ИпатЛ) для описания того, как «младшие» князья выпрашивают нечто у «старших» или отпрашиваются у них куда-либо, ни сам по себе, ни по контексту его употребления не обнаруживает какого-либо специального правового или социального содержания²¹. Очевидно, для летописца за отъездом Аскольда и Дира от Рюрика не стояло ничего больше как просьба бояр, которая была обращена к князю и удовлетворена им. Уход бояр с княжеской службы подаётся как нечто вполне естественное, но непонятно, стояли ли за ним какие-либо теоретические или правовые представления. Из указания, что оба боярина покинули Новгород «с родом своим», можно заключить, что уход мыслился как окончательный и никаких связей с князем и городом, где он княжил, отъехавшие не оставляли.

Следующий эпизод разрыва отношений между князем и его «мужем» изложен внутри более обширного рассказа, из которого можно также узнать о том, как устанавливалась первоначальная связь между князем и человеком, желавшим вступить к нему на службу. Это – рассказ о борьбе братьев Владимира и Ярополка Святославичей за киевский престол, изложенный в НС и ПВЛ под 6488 (980) г.

¹⁶ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002, с. 58.

¹⁷ Ср.: ПСРЛ. Т. 2, стл. 15.

¹⁸ НПЛ 1950, с. 106–107.

¹⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 1. СПб., 2002, с. 204–205; Шахматов А. А. Повесть временных лет // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003, с. 599.

²⁰ Ср.: Schmidt K. R. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters. Kopenhagen, 1964, S. 470–472, 491–495; Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989, с. 48–49.

²¹ СДРЯ. Т. IV, с. 76. Здесь приведены и примеры из ИпатЛ.

Победить брата и взять Киев помог Владимиру воевода Ярополка по имени Блуд. О том, как будущему крестителю Руси удалось переманить на свою сторону видного представителя знати, возглавившего оборону Киева, летописец рассказывает следующим образом: «Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью, г(лаго)ля: поприяи ми, аще убью брата своего, имѣти ты хочю во о(т)ца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене, не азъ бо почаль братью бити, но онъ, азъ же того убоявься придохъ на нь. И реч(е) Блудъ къ посломъ Володимеримъ: азъ буду тобѣ въ с(е)р(д)це и въ приязньство»²².

Летописец далее описывает поведение воеводы, который продолжал находиться при своём князе, «лстя ему», и в конце концов коварно подстроил его убийство, но не говорит, как складывались отношения Владимира и Блуда позднее, после вокняжения в Киеве победителя, и вообще больше не упоминает Блуда.

Правда, некоторые летописи приводят имя Блуда в сообщении под 6526 (1018) г. о битве между Ярославом Владимировичем и Болеславом польским, который поддерживал Святополка в борьбе с Ярославом за Киев, разгоревшейся после смерти Владимира. Это сообщение в более кратком виде содержится в летописях, передающих ПВЛ, и в несколько распространённом – в летописях, отразивших так называемый НовСофС. В большинстве летописей – во всех, содержащих вариант сообщения по ПВЛ, и в части тех, которые восходят к НовСофС – в сообщении говорится об участии в битве воеводы и кормильца князя Ярослава Владимировича по имени Буды или Будыи²³. И только в С1Л, Тверском сборнике, Ермолинской и некоторых других летописях вместо Буды говорится о Блуде²⁴. Это – явная ошибка переписчиков, возникшая, по-видимому, на позднейших этапах летописания и вполне объяснимая фонетической близостью имён. В первоначальном тексте, вошедшем в состав ПВЛ, говорилось о Буды как о совершенно другом человеке²⁵. Отождествление Блуда и Буды, принятое в именных указателях к ЛаврЛ и ИпатЛ в «Полном собрании русских летописей», следует признать безосновательным²⁶.

Давал ли позднее Блуд какие-то клятвы и обещания Владимиру, вокняжившемуся в Киеве, мы не знаем. Летописный текст твёрдо утверждать позволяет лишь следующее: для Блуда формальным признанием Владимира как своего князя и началом для действий в его пользу была фраза «аз буду тебе в сердце и в приязньство».

Летописный рассказ о победе Владимира содержит ещё одно интересное известие. В конце рассказа упоминается некий Варяжко, видимо, приближённый Ярополка, оставшийся верным своему князю. Летопись сообщает, что после убийства Ярополка

²² ПСРЛ. Т. 1, стл. 76.

²³ См., например: ПСРЛ. Т. 1, стл. 143; т. 4. Ч. 1. Вып. 1, с. 108; т. 42, с. 61. Н4Л, НовКЛ и ЛаврЛ дают вариант *Буды*. *Будыи* – в РадзЛ, МосАкЛ и ИпатЛ.

²⁴ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1, с. 88; т. 15. СПб., 1863, стл. 136–137; т. 23. СПб., 1910. С. 18.

²⁵ Так и в шахматовской реконструкции ПВЛ: *Шахматов А. А. Повесть временных лет...*, с. 760.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1, с. 542–543; ПСРЛ. Т. 2. М., 1998 (репринт изд. 1908 г.), «Именной указатель», с. VII–VIII (автор указателя – Л. Л. Муравьёва).

он бежал «в Печенѣги и многа воева Володимера с печенѣгы, – одва приваби ѿ, заходивъ к нему ротѣ»²⁷. Из этого известия следует, что между Владимиром и Варяжком состоялась некая клятва – «рота». Нельзя считать, что подразумевается присяга верности «дружинника» князю. Из самой формулировки явствует, что не Варяжко присягал на верность Владимиру, но наоборот, сам князь клялся в чём-то своему заклятому врагу («заходив к нему роте»), которого едва удалось приманить («приваби») на заключение мира. Предполагать, что Варяжко перешёл на службу к Владимиру, источник никаких оснований не даёт. Следует также учесть, что термин *рота* использовался в договорах руси и греков, в ПВЛ и позднейшем летописании для обозначения клятв, скреплявших международные договоры и соглашения князей, преимущественно договоры с нехристианскими народами. Это говорит в пользу того, что «рота» между Владимиром и Варяжком скрепляла скорее соглашение между ними как бы «международного» характера – ведь Варяжко воевал против Владимира с печенегами.

Блуд перешёл на сторону Владимира, соблазнённый «многую честью», которую тот ему обещал. Очевидно, этот переход не был реализацией какого-либо особого права боярина на «отъезд». Воевода предал Ярополка, ничего не сказав о договоре с Владимиром и подстроив убийство своего князя.

Интересно, как оценивает случившееся летописец. С его точки зрения, это – очевидная «лесть». Резко осуждая поступок Блуда, летописец повторяет это слово довольно настойчиво (в рассказе, поместившемся на одном рукописном листе, – 10 раз). Комментарий такой: «О злая лєсть ч(е)л(о)в(е)ч(е)ска! Якоже Д(а)в(ы)дѣ гл(а)го-л(е)ть: “Ядыи хлѣбъ мои възвеличилъ естѣ на мя лєсть”. Се бо лукавствоваше на князя своего лєстью. И паки: “Языки своими лєстяхуся. Суди им, Б(о)ж(е), да отпадутъ от мыслии своих, по множеству нечестья их изрѣн[и я], яко прогнѣваша тя, Г(о)с(под)и”. И паки то[и] же реч(е) Д(а)в(ы)дѣ: “мужъ въ крови лєстивъ не приплотивъ днии своих”. Се естѣ свѣтъ золь, иже свѣщеваютъ на кровопролитѣе. То суть неистовии, иже приемше от князя или от госп(о)д(и)на своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на пагубленѣе. Горьше суть бѣсовъ таковии. Якоже Блудъ преда князя своего, и приимъ от него чѣти многи, се бо б(ы)с(т)ъ повиненъ крови тои».

Летописец, таким образом, отгалкиваясь от одного случая, делает некоторые обобщения о подобного рода «лести» со ссылкой на Библию (Пс. 40.10; 108.2). Он считает, что те, кто предают «на пагубленѣе» своего князя или господина, будучи обласканы им, виновны в его смерти, хотя бы своих рук они и не обагрили кровью. Их замыслы – злы, они сами – «неистовии» и хуже бесов, и судя по цитате из псалмов, такие люди, по мнению автора рассказа, прогневив бога, заслуживают быть «изринутыми» от него. Книжник как будто старается придать понятию *лєсть* особое значение, ставя его в контекст Священного писания (не просто обман, а Обман), но никакого специального идейного наполнения оно так и не получает.

²⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 78. Слова «многа воева Володимера с печенѣгы» пропущены в ЛаврЛ и восстанавливаются по РадзЛ, ИпатЛ и другим летописям.

И летописец не говорит эксплицитно об обязанности Блуда и вообще княжеских людей быть верными князю. Для его трактовки происшедшего, видимо, не имело значения, что речь идет именно о князе и боярине, а не вообще о правителе и приближенном, господине и слуге и т. п. И осуждается Блуд, собственно, не за то, что он нарушил эту или какие-либо подобные обязанности, а только за то, что «преда князя своего», приняв «от него чъти многи». Ссылки на библейские тексты иллюстрируют лишь, так сказать, общечеловеческие нравственные законы, которые оказались попораны предательством и «кровью» (убийством). Летописцу, в сущности, не в чем обвинить Блуда, кроме неблагодарности, то есть нарушения простых неписанных правил взаимности – в данном случае в «формате» ‘услуги (служба) за «чъти многи»’.

Как оценивался поступок Блуда самими участниками тех событий, остаётся неясным. Конечно, явно с дидактическими целями летописец рассказывает о Варяжке, который был до конца верен своему князю и предупреждал его о предательстве. Если до летописца дошли сведения о Варяжке, значит, его поведение расценивалось «общественным мнением» той эпохи как достойное. Но мы ведь не знаем всех мотивов, которыми руководствовался Варяжко, отказавшись признать власть Владимира, – возможно, среди них были и далеко не идеалистические. К тому же, о каком-то последующем наказании Блуда летописец ничего не говорит, хотя, если таковое последовало, он бы не преминул о нём упомянуть. Видимо, Блуд получил от Владимира обещанное и не стал «изгоем общества».

Таким образом, в древнейшее время в принципе были возможны два варианта поведения – «прагматический» (Блуда) и «идеалистический» (Варяжки), – но с точки зрения книжника первый вариант был неприемлем, а переход от одного князя к другому во время войны между ними расценивался как измена. Вместе с тем, эта измена осуждалась не с точки зрения некоей специальной «дружинной» или «вассальной» или какой бы то ни было верности, а как нарушение элементарных законов человеческого общения и общежития.

Рассказ о другом убийстве представителя княжеского рода позволяет развить сделанные наблюдения как о порядке вступления на княжескую службу, так и логике летописца в оценке отношений князя и служащих ему людей.

В ПВЛ вставлен рассказ под заглавием «О убьеньи Борисовѣ», где описывается первоначальное вокняжение Святополка в Киеве после смерти Владимира в 1015 г. и его первые действия с целью устранить брата Бориса – главного на тот момент конкурента в предстоящей борьбе за киевский престол. О вокняжении Святополка говорится так: «Святополкъ же сѣде Кыевѣ по о(т)ци своемъ и съзва кыяны и нача даяти имъ имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ с(е)рдце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ». Действительно, автор рассказа тут же сообщает, что часть киевлян – «отня дружина» и «вои» – находились тогда с Борисом, который возвращался из похода на печенегов. Эти киевляне, узнав о смерти Владимира, предложили Борису свою помощь в овладении Киевом. «Рѣша же ему дружина отня: “Се дружина у тебе отня и

вои. Поиди, сяди Киевѣ на столѣ отни”. Онъ же реч(е): “Не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣишаго. Аще и о(те)ць ми умре, то съ ми буди в о(т)ца место”. И се слышавше, вои разидошася от него». Борис остался только со своими личными, судя по дальнейшему рассказу, очень немногочисленными, слугами (отроками)²⁸.

Обращает на себя внимание, в каком само собой разумеющемся тоне летописец сообщает, что «вои разидошася» от Бориса. Собственно, требования «верной службы», о которой часто пишут историки, подразумевали бы, что «отня дружина», среди которой, наверняка, были бояре, должна была бы остаться с князем вне зависимости от его намерений воевать со Святополком или нет. Между тем, все просто «расходятся», и летописец не только никого за это не порицает, но и даже никак не намекает, что у кого-то было какое-то особое право на это («право отъезда» и т. п.). Для него уход войска от Бориса такое же естественное дело, как и уход «бояр» Аскольда и Дира от Рюрика.

Очень интересен следующий эпизод рассказа, где описывается, как Святополк тем временем набирал себе помощников для борьбы. Обещая Борису «любовь имѣти», «а лъстя под нимь», как замечает летописец, Святополк «приде ночью Вышегороду отаи, призва Путшу и вышегородскыѣ болярцѣ и реч(е) имь: прияете ли ми всѣмь с(е)рдцемь? Реч(е) же Путьша с вышегородьци: можемь главы своя сложити за тя. Онъ же реч(е) имь: не повѣдуче никомуже, шедше, убиите брата моего Бориса. Они же вскорѣ обѣщашася ему се створити».

Это описание очень похоже на изложение переговоров Владимира с Блудом, и речь также идёт об установлении особых отношений между князем и мужами-воинами более или менее повышенного социального статуса перед каким-то ответственным мероприятием, в котором князю нужны помощники и соратники. В сущности, данный эпизод можно было бы трактовать просто как поступление «болярцев» на службу Святополка, если бы была уверенность, что у князя до того никаких контактов с ними не было. Однако такие контакты скорее следует предполагать: как понятно из рассказа, Святополк явно знал уже заранее, к кому обращаться с важным поручением. Из сообщений Титмара Мерзебургского известно, что последние годы перед смертью Владимира Святополк находился в заключении, и правдоподобным выглядит предположение, что его держали именно в Вышгороде²⁹. Из Вышгорода Святополк мог быстро добраться до Киева, узнав о смерти Владимира, и там он мог уже заранее обзавестись сторонниками.

Так или иначе, слова, с которыми Святополк обратился к «болярцам», почти дословно совпадают со словами, которыми обменивались в своё время Владимир и Блуд: «прияете ли ми всем сердцем?», – спросил Святополк Путшу и его сообщников. Совпадение не было случайным. Неслучаен также ответ вышегородцев князю, хотя

²⁸ ПСРЛ. Т. 1, стл. 132. В НІЛм, отразивший рассказ в несколько иной редакции, в цитируемых местах текст практически совпадает (НІЛ 1950, с. 169–170).

²⁹ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993, с. 140–141.

они говорят не так, как Блуд, но используют другое образное выражение: «можем главы своя сложити за тя». Оба выражения встречаются ещё неоднократно в летописании (см. ниже). Отдельно от обмена репликами летописец сообщает о конкретном поручении Святополка и новом ответе «болярцев»: он приказывает им убить Бориса, а они «вскоре» (но не сразу после первого разговора!) «обещают» выполнить приказ.

В изложении того же эпизода в «Сказании и страсти и похвале святуу мученику Бориса и Глеба», в общем близком к летописной повести³⁰, разрыв между первоначальным формальным вступлением в «приятельство» и конкретным поручением ещё более нагляден. После первого вопроса Святополка и ответа Путши и «вышегородских мужей» (так они названы в этом произведении), которые изложены с небольшими отличиями³¹, автор двумя фразами комментирует злодейские замыслы «въторааго Каина», и только потом передаёт приказ князя: «тъгда призва къ себе оканьнии трьклятии С(вя)топлькъ съвѣтникиы всему злу и началники всеи неправдыѣ и отвързь пресквѣрньная уста рече, испусти злыи гласъ Путьшинѣ чади: аще убо главы своя обѣщастеся положити за мя, шедъше убо, братия моя, отаи, къде обрящете брата моего Бориса, съмотръше время, убиите и. И обѣщашася ему тако створити»³².

Таким образом, разговор о задании, выполнить которое предстояло «Путьшиной чади», и некое общее соглашение о «сотрудничестве» чётко отделяются в изложении обоих сочинений. Выполнить конкретное задание можно было просто «обещать», но вступить в близкие отношения с князем, войти в круг его доверенных лиц – для этого надо было сказать определённые слова, предназначенные для такого случая.

В эпизоде с «Путьшиной чадью» очень интересно также различие между оценками летописца и мотивами поведения участников тех событий. Летописец, конечно, всячески осуждает и Святополка «оканьного», который сравнивается с Каином, и его подручных, оказавшихся готовыми «пролити кровь бес правды». Причём по сути слова и тон этого осуждения схожи с комментарием по поводу предательства Блуда, хотя и более резки. Для описания действий Святополка опять несколько раз употребляется слово *лесть*. Также находим ссылки на Ветхий Завет, в этот раз, однако, на Книгу притчей. Убийцы Бориса называются «оканьными», «беззаконьницами», «законопреступниками», «злыми чловецами», которые сравниваются с бесами³³.

³⁰ Большинство учёных считают первичным летописный рассказ, а версию «Сказания» – его житейной переработкой. Впрочем, соотношение памятников «Борисоглебского цикла» – весьма сложная и запутанная проблема. См.: Назаренко А. В. Борис и Глеб // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003, с. 44–49, а также материалы в сборнике: Борисо-Глебский сборник/Collectanea Borisoglebica. Ред. К. Цукерман. Вып. 1. Paris, 2009.

³¹ Святополк сказал: «повѣдите ми по истинѣ, приятельство имѣете ли къ мнѣ», и получил такой ответ: «въси можемъ главы своя положити за тя».

³² Успенский сборник XII–XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971, с. 46.

³³ В «Сказании о Борисе и Глебе» и «Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба» примерно в тех же выражениях прославляется смирение и «нелицемерная любовь» Бориса и осуждаются «злы ради чловеци» (Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Подг. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916, с. 9, 32).

Но в то же время летописец как бы проговаривается, когда сообщает, что, убив Бориса, Путьша и его люди возвращаются к Святополку, «аки хвалу имуще»³⁴. Очевидно, в своих глазах и в глазах своих современников они не только не совершили ничего плохого, но, напротив, должны были, приняв как почётное предложение князя вступить к нему «в приязньство» и выполнив ответственное задание (устранение опасного соперника в борьбе за власть), получить «хвалу» и награду. Едва ли кто-то из современников осуждал «болярцев». Осуждение пришло позднее, когда начал складываться культ князей-страстотерпцев и соответствующим образом стали пересматриваться события после смерти Владимира. Мы видим, как позднейшая, уже религиозно окрашенная оценка событий явно расходится с нормами политической жизни того времени, о котором рассказывается.

В данном случае самое важное, что эта оценка совершенно иррелеванта к каким-либо идеям о верности знати правителю. Летописец концентрирует внимание на идеях «братолюбия» и «старейшинства», а также на самом мученическом подвиге Бориса и Глеба, а среди людей на княжеской службе осуждает только вышегородских «болярцев» собственно за убийство благоверного князя. Из самого рассказа о событиях можно заключить, что современники не видели ничего плохого в том, что воины покинули князя Бориса в разгар политической борьбы, а действия «болярцев» расценивались как правильные и достойные – они-то как раз и выполнили свои обязательства перед князем, которому обещали «главы своя сложити за тя».

В произведениях «борисоглебского цикла» есть ещё два эпизода, которые иногда фигурируют в литературе в связи с проблемой отношений князя и «дружины». Эти два эпизода древней повести об убийстве Бориса и Глеба претерпевают некоторую трансформацию под пером позднейших книжников, определённым образом переосмысливших события и тексты прошлого. Эта трансформация является, конечно, следствием сложения культа князей и позднейшего пересмотра событий и лиц, с ним связанных. И она показательна как раз для интересующей меня проблемы верности.

Первый эпизод связан с одним из слуг-отроков Бориса, который сознательно пошёл на смерть со своим господином, по имени Георгий. В летописной повести, древнейшем тексте «борисоглебского цикла», о нём сказано, что его убила «Путьшина чадь» вместе с Борисом, причём ему отрезали голову, чтобы снять золотую гривну, которую ему «възложилъ» сам князь, любивший Георгия «повелику»³⁵. Эта краткая информация значительно распространяется в «Сказании и страсти и похвале святуго мученику Бориса и Глеба», где в уста Георгия вкладывается целая речь. Когда Бориса убили, – пишет автор «Сказания», – «видѣвъ же, отрокъ его върже ся на тѣло блаженнааго рекыи: да не остану тебе, г(осподи)не мои драгыи, да идеже красота тѣла твоего увядаеть, ту и азъ съподоблень буду съконьчати животь свои. Бяше же съ родъмь

³⁴ Так по РадзЛ, МосАкЛ и ИпатЛ. В ЛаврЛ «аки хулу», что явно не имеет смысла (ПСРЛ. Т. 1, стл. 135; т. 2, стл. 121).

³⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 134.

угринь имьньмъ же Георгии, и бѣаше възложилъ на нь гривьну злату и бѣ любимъ Борисъмъ паче мѣры. И ту же ѿ пронъзоша»³⁶.

В «Сказании» мы видим уже не только осуждение тех, кто плохо поступал (как в летописной «Повести»), но пример Георгия служит для прославления лица, ведшего себя достойно, – то есть выдвигается некий положительный идеал поведения. Смерть Георгия представляется как сознательный акт княжеского слуги, который не мыслит своей жизни без «господина драгого». В рассказе о посмертных чудесах Бориса и Глеба, приложенном к «Сказанию», Георгий выступает в сопровождении князей, являвшихся больным, неся свечу³⁷. Позднее складывается его собственный культ как мученика. Эксплицитно о верности или преданности Георгия в «Сказании» не говорится, но она, очевидно, подразумевается, как в летописном рассказе о Варяжке.

Другой эпизод касается другой пары – князя Глеба и его слуги повара Торчина, и схема такая же. В летописи говорится лишь, что Торчин непосредственно убил (за-резал) Глеба по приказу людей, подосланных Святополком³⁸. В «Сказании» эпизод повторяется вслед летописи. Зато в «Чтении о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» пера Нестора Торчин сравнивается с Иудой Искариотом и прямо противопоставляется верному Георгию: «оканьныи же поваръ не поревноваше оному, иже бѣ палъ на святомъ Борисѣ, нь уподобися Июдѣ предателю...»³⁹. И здесь поведение Георгия выставляется как правильное. Роль Торчина-«предателя» соотносится с архетипическим библейским образом подобно тому, как на Псалтырь ссылался летописец в рассказе о Блуде.

Таким образом, мы видим, как в связи и, очевидно, под влиянием складывающегося культа князей-мучеников актуализируется представление о правильном, должном поведении и тех, кто их окружал. Это поведение подразумевало личную преданность своему князю. Христианские представления или идеи не обосновывают эту преданность в связи с высшими сакральными ценностями, но уже служат, по крайней мере, неким фоном или архетипом, задающим параметры оценок поведения.

* * *

Рассмотренными известиями, в общем-то, исчерпывается материал, доступный для времени до второй трети XII в., который позволял бы судить о порядке поступления людей на княжескую службу и ухода с неё. Можно добавить несколько свидетельств о том, как бояре уходили с княжеской службы, в том числе коллективно, не по своей воле, а под принуждением внешних обстоятельств либо из-за недовольства ими князем. В сущности, обе ситуации являются тоже разрывом отношений князя и знатного человека, хотя, насколько мы знаем из данных XIV–XV вв., они не могли предполагать применения ничего подобного «праву отъезда».

³⁶ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971, с. 48.

³⁷ Там, с. 61.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1, стл. 136.

³⁹ Жития святых мучеников Бориса и Глеба..., с. 13.

О коллективном уходе бояр от своего князя мы имеем для времени до 1132 г. только одно известие – летописное сообщение, что от Ярослава Святополчича, князя владимирского, «отступиша» его бояре в 1118 г. Это событие требует некоторого комментария, потому что о нём сообщают не только летописи, но и один иностранный источник.

Ярослав Святополчич в тот момент находился в конфликте с киевским князем Владимиром Всеволодичем (Мономахом). В основе конфликта лежали претензии Ярослава на киевский престол, он имел некоторую предысторию и закончился только с гибелью Ярослава в 1123 г.⁴⁰ Женитьба Ярослава на внучке Мономаха была, видимо, попыткой уладить отношения между князьями, но она успехом не увенчалась. В 1117 г. Мономаху пришлось ходить походом на Ярослава к Владимиру-Волынскому. Но «мир» оказался непрочен, и в 1118 г. Ярослав бежал из Владимира. Об этом и о дальнейших событиях сообщают и ЛаврЛ, и ИпатЛ с несколько расходящимися сведениями, но интересующее меня сообщение об боярах есть только в ИпатЛ, причём с более правильной датировкой⁴¹.

В ИпатЛ читается: «Выбѣже Ярославъ С(вя)тополчичъ из Володимера Угры, и бояре его и отступиша от него»⁴². Московский летописный свод конца XV в. добавляет одну фразу к сообщению: «Ярославць Святополчич отсла от себе жену свою, дщерь Мъстиславлю, внуку Володимерю. Володимеръ же слышевъ се и совокупи воя поиде на нь. И выбѣже Ярославъ Святополчич из Володимеря въ Угры, и бояре его отступиша от него»⁴³. По А. Н. Насонову, это известие Московского свода восходит к особой редакции Киевского свода конца XII в., и его надо считать достоверным⁴⁴.

Очевидно, причиной бегства Ярослава стали его раздоры с Мономахом, заложницей которых стала Ярославова жена. Со стороны киевского князя вновь возникла военная угроза, и в этой ситуации владимирскому князю надо было искать союзников вне Руси, подконтрольной тогда Мономаху. Такое объяснение фактов, приведённых в процитированном летописных сообщениях, находит подтверждение ещё в одном источнике, который, однако, даёт дополнительные подробности о поведении бояр Ярослава и Владимира.

⁴⁰ Наиболее обстоятельный комментарий к событиям, связанным с Ярославом, с раскрытием их подоплёки см.: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. II. Київ, 1992, с. 110–112.

⁴¹ См.: *Бережков Н. Г.* Хронологія руского летописання. М., 1963, с. 127–128.

⁴² ПСРЛ. Т. 2, стл. 285. Хлебниковский и Погодинский списки ИпатЛ опускают лишнее «и»: «и бояре его отступиша от него». Ср. в ЛаврЛ: ПСРЛ. Т. 1, стл. 292.

⁴³ ПСРЛ. Т. 25, с. 28. Ср.: т. 15, стл. 192.

⁴⁴ *Насонов А. Н.* История руского летописання XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969, с. 289. В Никоновской летописи то же сообщение, только вместо бояр – «воя» (ПСРЛ. Т. 9, с. 150). Типографская летопись даёт известие, как в Московском своде, но с явно более поздним «разъясняющим» добавлением в конце: «Бѣжа же, княгини своеи не любячи и хотя пустити ю. Володимер же Мономахъ не повелѣ ему, бѣ бо ему внука, а Мстиславля дочи. И про то ходя Володимеръ на него многажды» (ПСРЛ. Т. 24, с. 73). Два из трёх списков Воскресенской летописи приводят сообщение в таком же виде, как в Московском своде, а один – как в Типографской: ПСРЛ. Т. 7, с. 24.

Речь идёт об известии в «Анналах» Яна Длугоша – исторической хронике польского историографа конца XV в. Как известно, Длугош пользовался русскими летописями в своей работе, в которой есть немало сведений, неизвестных по древнерусским источникам. Достоверность этих сведений надо оценивать в разных случаях по-разному, но как раз в части своего труда, посвящённой истории 1110-1130-х гг., Длугош опирался, видимо, на какую-то летопись, изложение событий в которой было близко ИпатЛ, но в некоторых деталях пространнее и несколько иначе. Именно к такому выводу привело специальное исследование известий Длугоша, проведённое Ю. А. Лимоновым⁴⁵; этот вывод поддержали также А. В. Назаренко и Б. М. Клосс, принявшие участие в недавней публикации русского перевода известий Длугоша, относящихся к Древней Руси⁴⁶.

Известие о конфликте Владимира и Ярослава в 1118 г. выглядит у Длугоша следующим образом⁴⁷: «Киевский князь Владимир, проникшись вследствие уверений множества недоброжелателей тяжёлым [...⁴⁸] на своего племянника владимирского князя Ярослава, который будто бы замышлял его убийство и изгнание с киевского стола, вызывает его письмами и через послов в Киев. Тот объявляет, что придет не иначе, как только если Владимир поклянется не причинять ему никакого зла. И хотя Владимир ради вящей уверенности Ярослава дал такого рода обещание, но Ярослав, которому советники и воины (*consiliariis et militibus*) Владимира Киевского сообщили – неясно, искренне ли, или со злым умыслом – об опасной ловушке, подстерегавшей его в Киеве, отказался прибыть в Киев. Потом, сбитый с толку уговорами и лживыми и коварными советами своих воинов (*falso et vafro consilio suorum militum*), он с женой, сыновьями и всем имуществом, поручив владимирскую крепость воинам (*militibus comendato*), бежит в Польшу к польскому князю Болеславу, некогда супругу его сестры Сбыславы, где был ласково и благосклонно принят польским князем Болеславом и пробыл там четыре года, получая от польского князя Болеслава все необходимое. Тем временем воины Ярослава сдали (*per milites Iaroslai deditum est*) владимирскую крепость Владимиру Киевскому, ибо русские опасались, что ей завладеют поляки».

По общим смыслу и стилистике известие Длугоша вполне объяснимо как пересказ известия древнерусской летописи. Хорошо укладывается в традиционную стилистику русских летописцев указание в качестве причины ссор князей на наветы лиц, их окружавших. Предупреждение князю, исходящее от его доброхотов, о намерении врагов его «ять», заманив к себе, также часто встречается в летописных рассказах (ср., например, в «Повести об ослеплении Василька Теробовльского»). Просматрива-

⁴⁵ Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978, с. 40–42.

⁴⁶ Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). Ред. А. В. Назаренко. М., 2004, с. 48–49, 414–415.

⁴⁷ Там же, с. 148–149, 300–301.

⁴⁸ Здесь в оригинале пропущено слово, которое в позднейших списках восполняется словами *ira* или *indignatione*, то есть «гневом, злобой» или «недовольством».

ются типичные для летописцев идеи «братней любви» и покорности «младшего» князя «старейшему», но также и явная тенденциозность: автор оригинального текста стоит на стороне Мономаха и осуждает отказ Ярослава явиться с повинной к Владимиру, называя совет его окружения («воины–рыцари» / *milites* у Длугоша, весьма вероятно имевшего в русском оригинале традиционное «мужи») искать союзников «лживым» (*falso et vafro* у Длугоша – вероятно, «льстивый» в оригинале). Очевидно, в распоряжении польского хрониста была какая-то версия того же Киевского свода конца XII в., который отразился в ИпатЛ и Московском летописном своде конца XV в., потому что в сообщениях этих летописей о Ярославе сочувствие автора Мономаху совершенно очевидно: Ярослав прямо осуждается за «великую гордость», а «благочестивый князь» Владимир прославляется за «смирение» и «честное житье»⁴⁹.

Сомнительно, однако, объяснение, предложенное Длугошем, по поводу того, почему Владимир был сдан Мономаху: якобы «русские опасались», что городом «завладеют поляки». Похоже, это – комментарий, который добавил уже в конце рассказа сам польский хронист, убеждённый в изначальном могуществе и военном превосходстве поляков над русскими и не сомневавшийся, что и сами русские – открыто или в глубине души – всегда признавали это превосходство и были вечно в страхе перед могущественным соседом. Несколько странно выглядит сообщение, что Ярослав бежал в Польшу «с женой» – ведь из летописи мы знаем, что свою жену Ярослав «отослал» к Владимиру. Либо это – амплификация оригинального летописного текста, либо надо предполагать, что Ярослав взял с собой какую-то другую женщину.

Причиной «отступления» владимири-волинских бояр от своего князя было просто осознание ими того, что им грозит война с могущественным киевским князем. Ярослав не смог добыть и привести вовремя подкреплений из-за рубежа, и Мономах взял город, защитники которого, не надеясь на помощь, не стали сопротивляться. Попытки поддержки за рубежом – это обычное дело для князей в ту эпоху. Достаточно вспомнить события 1018 г. в Новгороде, о которых шла речь в предыдущей главе и пойдёт речь ещё ниже. Тогда Ярослав, сын Владимира Святого, тоже собирался «за море», только его не отпустили новгородцы, найдя силы для продолжения борьбы. В других случаях князья всё-таки уходили, а знать и горожане в их отсутствие, не ожидая скорой помощи, вынуждены были сдавать город. Именно так произошло, например, с дедом Ярослава Святополчича Изяславом Ярославичем, который в 1068 г. оставил Киев, и его дядей Ярополком Изяславичем, которому пришлось в 1085 г. покинуть тот же Владимир-Волинский. Далее события могли развиваться по-разному: князья-«отчичи» могли и вернуться, получив внешнюю поддержку или дождавшись благоприятных обстоятельств, но захват их «отчин» мог привести и к долговременному обоснованию новой власти, как и произошло с Владимиром-Волинским после 1118 г. Видимо, Мономаху, тонкому и опытному политику, удалось договориться с волинскими боярами, и они, или некоторые из них, относительно безболезненно при-

⁴⁹ См. в сообщении о гибели Ярослава: ПСРЛ. Т. 2, стл. 287–288.

способились к новому положению вещей. Лишь в 1123 г. Ярослав вернулся отвоевывать свой Владимир, но погиб под стенами города, который так и остался за потомками Мономаха.

Таким образом, характеризовать сдачу Владимира боярами Ярослава (а именно от них, составлявших основную военную силу, прежде всего зависела судьба города) как «измену» или «мятеж» ошибочно⁵⁰. С другой стороны, нет никаких оснований видеть в этом событии проявление равнодушия «владимирской общины» к Ярославу как представителю династии Изяслава⁵¹. Речь идёт о совсем другом явлении: переходе локальной группы знати, оставшейся без своего князя, под власть другого князя, с которым волей-неволей приходилось как-то договариваться. Бояре – по крайней мере, их большинство – не могли бежать вместе с князем в чужие края, а сил для сопротивления не хватало.

Нет никаких намёков, что кто-то ожидал от бояр борьбы «до последней капли крови» во имя каких-то идеалов. Если автор повести «О убыньи Борисовѣ» никак не дал понять, что «отня дружина» и «вои» поступили плохо, когда они в самый ответственный момент покинули князя («разидошася»), то бояр Ярослава тем более не следует осуждать и клеймить за «измену». Вероятно, Ярослав, уходя из города, мог рассчитывать на то, что кто-то будет с надеждой ждать его возвращения. Но всем должно было быть понятно, что с течением времени жизнь берёт своё, надежды теряются и самые громкие обещания (даже если они давались) забываются. Все стороны, вовлечённые в конфликт, действовали более или менее прагматично. В этом смысле говорить о каких-то высоких принципах верности не приходится, но их, очевидно, никто и не проповедовал. Автор того летописного текста, которой, по всей видимости, отразился в хронике Длугоша, однозначно симпатизируя Мономаху, осуждает владимирских бояр вовсе не за «измену» или «мятеж», а за то, что они дали «лживый» совет Ярославу, то есть вполне в традиционном духе летописи представляет их «злыми советниками», толкающими князей на дурное – как правило (как и в данном случае), имеется в виду нарушение «братней любви».

Яркий пример разрыва отношений князя и боярина в результате недовольства князя относится к уже знакомому нам персонажу – новгородский посадник Константин Добрынич вызвал «гнев» князя Ярослава Владимировича, и этот «гнев» обернулся для боярина ссылкой и гибелью. Более краткое сообщение об этом содержит Н1Лм в перечне новгородских князей в статье 6497 (989) г., а чуть подробнее сообщают летописи, восходящие к НовСофС, – в статье 6528 (1020) г. Согласно выводам А. А. Шахматова, подтверждённым современными исследованиями, составление перечня в Н1Лм надо относить к новгородскому владычному своду 1167 г. или конца 1160-х гг.

⁵⁰ См., например: *Андріяшев А. М.* Очерк истории Волынской земли до кон. XIV столетия. Киев, 1887, с. 116–117; *Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. I: Русь и Польша до конца XII века. Киев, 1884, с. 142; *Пауто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // *Древнерусское государство и его международное значение.* М., 1965, с. 68.

⁵¹ *Грушевський М. С.* История... Т. II, с. 396.

⁵² Однако сведения, отражённые в этом перечне, восходят к более раннему летописанию. Видимо, летописи группы НовСофС и отразили сообщение о гибели Константина Добрынича так, как оно читалось в некоей древней летописи. Шахматов считал, что этой древней летописью был некий новгородский свод середины или конца XI в. Сегодня исследователи сомневаются в существовании независимого новгородского летописания в XI в., но ряд уникальных известий НовСофС за это время возводят к каким-то этапам киевского летописания, предшествовавшим ПВЛ – то ли НС ⁵³, то ли ещё более ранним ⁵⁴.

Так или иначе, сообщение надо расценивать как восходящее к древнейшим слоям древнерусского летописания. В НПЛ оно выглядит так: «И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новѣгородѣ, и умре. И потомъ разгнѣвася Ярославъ на Коснятина и заточи ѝ, а сына своего Володимира посади в Новѣгородѣ» ⁵⁵. В летописях группы НовСофС говорится дополнительно о казни боярина. Так, например, по Н4Л: «Костянтинъ же тогда бѣше в Новѣгородѣ, и раз[г]нѣвася на нь Ярославъ и поточи ѝ Ростову, на 3 лѣто повѣле убити ѝ в Муромѣ на Оцѣ рецѣ» ⁵⁶.

О причинах опалы Константина историкам приходится строить лишь более или менее вероятные догадки – может быть, Ярослав не простил своему посаднику самостоятельности, проявленной во время событий 1018 г. в Новгороде (см. об этом выше в главе V, § 4.2), а может быть, дело было в смерти сына Ярослава Ильи, которого князь оставил в Новгороде, вероятно, под попечением Константина. Трудно также точно датировать время падения Константина (вероятно, начало 1020-х гг.) ⁵⁷. В данном исследовании важно отметить, что князья не только могли высказывать недовольство службой или поведением своих бояр – это обозначалось словом *гнев*, – но в каких-то случаях это недовольство могло привести и к ссылке и даже смертной казни.

О княжеском «гневе» упоминает ещё один древний источник. В цитированном выше (в главе V, § 3.2) рассказе об одном из посмертных чудес Феодосия Печерского (рассказ приложен к Житию святого) говорится о некоем боярине, который был «въ гнѣвѣ велицѣ от князя». Князь грозился боярину «на поточение посълати», но после того, как боярин помолился Феодосию, тот ему явился во сне и обещал, что утром князь призовет его, «не имьи гнѣва ни единого же на тя, нь и паки въ свое мѣсто

⁵² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах..., с. 157, 179–181; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской Первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997, с. 58–59.

⁵³ Гимон Т. В. События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ: 2010. М., 2012, с. 658–659, 676.

⁵⁴ Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Отв. ред. Н. А. Макаров. М.-Вологда, 2012, с. 61.

⁵⁵ НПЛ 1950, с. 161, 470.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1, с. 110. Ср. так же в НовКЛ: ПСРЛ. Т. 42, с. 62.

⁵⁷ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003, с. 69; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001, с. 484–489.

устроить тя», что и исполнилось⁵⁸. Из этого следует, что в результате опалы знатный человек мог лишиться и «места» в составе княжеского двора, и личной свободы.

Вместе с тем, нельзя представлять себе княжеский «гнев» как выражение монаршего своеволия или произвола. На основании одного короткого сообщения Киево-Печерского Патерика можно сделать вывод, что без доказанной «вины» силовые действия князя в отношении боярства считались неоправданными. Автор рассказа «О Прохоре черноризци» осудил Святополка Изяславича, который «много насилия людемь сътвори» в Киеве, «домы силныхъ до основаниа **без вины** искоренивъ, имѣннѣя многихъ отъемь»⁵⁹.

В более позднее время, выходящее за хронологические рамки работы, мы видим похожие осуждения князей за наказания бояр без доказательств их оплошности или провинности. Так, летописец обвиняет Андрея Боголюбского в «самовластии», сообщая, что тот «погна» из Суздаля не только своих братьев и племянников (претендентов на уделы в Ростово-Суздальском княжестве), но и «мужи от(ь)ца своего переднии» (известие Киевского свода конца XII в. под 6670 (1162) г.)⁶⁰. В других случаях сообщается, что князья выгоняют со своей службы бояр, но всегда точно указывается, что это произошло за доказанную «вину». Так, за хищение княжеского имущества (коней из княжеского стада) киевский князь Мстислав Изяславич «отпустилъ от себе» бояр Петра и Нестера Бориславичей (сообщение ИпатЛ в статье под 6678 г., рассказывающей о событиях в 1168 г.)⁶¹. В Галицко-Волынской летописи под 6734 (1226) г. рассказывается, что князю Мстиславу Мстиславичу пришлось оправдываться перед галицкими боярами от наветов боярина Жирослава и только после публичного «обличения» князь смог «изгнать» «от себе» этого боярина, который тут же перешёл к другому князю⁶².

Все эти данные позволяют связать практику отношений князя и боярина в древнейшее время с тем, что в своё время описывал С. Б. Веселовский на материалах XIV–XV вв.: служебная связь бояр и князя теоретически не мыслилась абсолютной и на практике могла быть разорвана, но обе стороны несли весьма серьёзную ответственность за свои поступки в отношении друг друга – князь имел право «гневаться», но только за «вину», боярин мог «отъехать», но только при определённых условиях – не в момент «размирья», с согласия князя и т. д.⁶³

Сопоставление с более поздними материалами помогает разобраться и с порядком первоначального установления связи между князем и боярином. Согласно разобраным выше летописным рассказам, люди, поступавшие на княжескую службу, произносили определённые слова, обозначающие их намерение быть с князем, и этого

⁵⁸ Успенский сборник XII–XIII вв..., с. 131–132.

⁵⁹ Патерик Киевского Печерского монастыря. Подг. Д. И. Абрамович. СПб., 1911, с. 106.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2, стл. 520.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 2, стл. 541–542.

⁶² ПСРЛ. Т. 2, стл. 747–748.

⁶³ Веселовский С. Б. Ук. соч., с. 466 и след. См. подробнее в главе I.

как будто было достаточно. В чём был смысл этих слов и можно ли их рассматривать как своего рода обязательные (сакраментальные) формулы?

* * *

Смысл выражения «приятъ в сердце», фигурирующего в рассказах и о Блуде, и о «Путьшиной чади», раскроется, если учесть, какие ассоциации связывались в древности с сердцем, что оно символизировало и какими функциями в представлении средневековых людей обладало.

Словари старославянского и древнерусского языка дают вторым значением слова *сръдѣце* (помимо основного естественного значения как внутреннего человеческого органа) ‘сердце как средоточие чувств, переживаний, настроений’⁶⁴ или ‘сердце как символ души, внутреннего мира человека, его переживаний, мыслей и чувств’⁶⁵. Второе определение представляется более точным, потому что сердце, действительно, мыслилось средоточием не только чувств и настроений, но и мысли, интеллекта. В подтверждение можно привести множество примеров из разных древнерусских – переводных и оригинальных – источников. Такие выражения как «сръдѣцемъ разумѣють», «умъ сръдечънии», «обратилъ еси с(е)рдце в разум», «насъѣ книжными словесы с(е)рдца въѣрных люди», «ино помышленье в сердци моем не было» и т. п., взятые только из славянского перевода Евангелия и ПВЛ⁶⁶, говорят сами за себя.

В таком переносном значении центра чувственных переживаний и интеллектуальной воли человека слово *сердце* входит в состав более или менее устойчивых словосочетаний и приобретает в разных контекстах дополнительную, порой неожиданную, смысловую нагрузку⁶⁷. Только в ПВЛ по несколько раз употребляются такие выражения, как «бог вложи в сердце» (для обозначения божественного происхождения той или иной мысли или намерения), «ужасеся сердцем», «вознесеся сердцем», «положи на сердци» и др.⁶⁸ Например, в военно-героическом контексте сердце может вписываться в образ закалённой, «булатной» души. Такие примеры находят в русском фольклоре, а в домонгольской литературе яркие образы даёт «Слово о полку Игореве». «Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена», – говорится о доблести князей Игоря и Всеволода. «Иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ», – описывается устремление Игоря к военным

⁶⁴ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)..., с. 621.

⁶⁵ СРЯ. Вып. 24, с. 78–79.

⁶⁶ Примеры из Евангелия см. в статье «Сръдѣце» «Старославянского словаря»; из ПВЛ: ПСРЛ. Т. 1, стл. 124, 152, 266.

⁶⁷ Вопрос о происхождении этого значения слова, который заслуживает специального исследования, здесь не ставится. На мой взгляд, следует предполагать сложное взаимодействие архаических представлений с библейско-христианской традицией.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1, стл. 64, 106, 137, 156, 207, 277, 283; т. 2, стл. 264, 268, 283.

подвигам⁶⁹. Комментатор этого места справедливо заключает: «Выступление Игоря в поход изображено как “заострение” сердца, то есть уподобляется заточке оружия»⁷⁰.

Понятие сердца в образно-символическом преломлении совсем не чуждо риторике взаимоотношений Рюриковичей. Например, на Любечском съезде князья призывают друг друга: «отселе имемся въ едино с(е)рдце и блюдем Рускыѣ земли». Более чем через полвека дорогобужский князь Владимир Андреевич заслуживает похвалы летописца за то, что «не ступи хр(е)стьяного цѣлования к Ростиславу, но всяко яся по Ростислава всимъ с(е)рдцемъ»⁷¹. В этом контексте через образ или понятие сердца, с одной стороны, выражаются идеи братолюбия и единения, а с другой – обозначается и политический союз. Этот последний «прагматический» смысл слова остаётся единственным, когда речь идёт о политических договорённостях между сторонами, которых никакие родственные симпатии связывать не могли, – как, например, в приведённом выше описании одаривании киевлян Святополком («не бе сердце их с ним»).

Таким образом, в политической культуре Древней Руси «сердечная» привязанность была связана не с личными симпатиями и эмоциональными склонностями, а обозначала союз, основанный на вполне рациональных соображениях. В данном случае хорошо видно, как политико-юридическое понятие вырастает из выражения, имевшего первоначально самый общий нравственно-бытовой смысл (что вообще весьма характерно для политической культуры Древней Руси).

Это позволяет характеризовать выражение «прियाсть в сердце» в тех примерах, от которых мы отталкивались, как формальный призыв к союзу или – в зависимости от формулировки и контекста – заверение в союзе, подразумевавшем единомыслие и единство восприятия и намерений, то есть, говоря позднейшим языком, «одиначество»⁷². Однако такой призыв (заверение) не был клятвой в собственном смысле слова и не мог заменить религиозного скрепления соглашений, поэтому с распространением в среде Рюриковичей крестоцелования и других видов клятв выражения «сердечной» привязанности стали тяготеть к идейно-символической плоскости осмысления их взаимоотношений.

В отношениях князей с дружиной такого рода выражения больше не упоминаются. Правда, несколько более устойчивым, чем понятие «сердце», оказалось в этой сфере понятие «приязнь». В древнейшем летописании до начала XII в., а также и в позднейшем, и в источниках XIV–XV в. неоднократно упоминаются мужи «во приязнь» тому или иному князю или просто его «приятели»⁷³. Обозначаются таким образом всегда сторонники князя в стане врага или в тех землях и городах, где противо-

⁶⁹ Ироическая песнь о походе на Половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800, с. 5, 26.

⁷⁰ Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000, с. 129.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 256; т. 2, стл. 520.

⁷² Ср. «переходное» выражение «за одно сердце» в Галицко-Волынской летописи под 6789 (1281) г. (ПСРЛ. Т. 2, стл. 885).

⁷³ См., например: НПЛ 1950, с. 175, 210; ПСРЛ. Т. 2, стл. 307 и мн. др.

борствуют «партии», сочувствующие разным князьям. В сущности, имеются в виду отношения симпатии, дружественного союза, основанного на преданности в обмен на «чести многи», то есть покровительство, дары, милости и пожалования.

Сами бояре для выражения своей готовности служить князю предпочитали, видимо, другую формулу, в летописании впервые встречающуюся в речи вышегородских «болярцев» – «голову сложити за кого-либо или за что-либо». Это выражение было настолько употребительным, что в словарях приводится как фразеологический оборот ⁷⁴. Метафорический смысл его очевиден – отдать свою жизнь (на поле брани, как подразумевается прежде всего). Происхождение тоже ясно: если сердце считалось в древности средоточием чувств и мыслей человека, то голова – средоточием его жизненной энергии. Именно этим объясняются некоторые странные для современного человека факты нашей древней истории: изготовление из черепа убитого Святослава кубка для печенежского князя Кури (вера, что доблесть героя перейдёт к тому, кто пьёт из кубка), отрезание головы поверженного врага (не только в качестве трофея, но и для демонстрации его необратимой кончины) и т. п.

Голова как символ человеческой жизни фигурирует в устойчивых выражениях: «за голову» платится вира («Русская Правда»), человеку следует «блюсти головы своей», он рискует «головою своею» и т. п. Сложной образностью, связанной прежде всего с гибелью и смертью, обрастает этот символ в поэтике «Слова о полку Игореве». Вместе с другими символами и образами он составляет сложную «смысловую контаминацию»: «отделение головы от тела, отлетание души, исторгание главы (“головой”) земли и войска (князя Игоря, хана Кобяка)», уподобление головы «расщеплённым аварским шлемам, а также раскрытым доскам княжеского терема» ⁷⁵.

Выражение «сложить голову» было более уместно, разумеется, в военно-героическом контексте. Например, героический пафос создаётся с помощью этого выражения в рассказе ПВЛ о подвигах Святослава Игоревича и его дружины. Святослав в знаменитой речи перед битвой, призывая своих мужей «не посрамить землѣ Руськиѣ», говорит: «азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». Ответ его дружины также преисполнен доблестной решимости, а также, что важно в данном случае, преданности своему вождю: «и рѣша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ» ⁷⁶.

Но вообще это выражение не имело социальной или юридической специфики: его произносили и сами князья, и представители разных социальных слоёв в разных ситуациях, имея в виду разные цели и идеалы. Летописцы, например, часто говорят о

⁷⁴ См., например, статьи «глава» и «голова» в СДРЯ: Т. 2, с. 319–320, 348–349.

⁷⁵ Гаспаров Б. М. Ук. соч., с. 312. Характерно, как в «Слове» переосмыслен традиционный образ «князь – глава земли»: князь представляется не как высшая власть, а как жизненный центр (глава как «мыслительный центр» – это, конечно, образ, связанный с современными представлениями, что интеллект человека сосредоточен в его голове, или даже точнее – в мозге). Ср. также: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1. Л., 1965, с. 155.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 1, стл. 70.

готовности князей и их дружин «сложить» свои головы за «Русскую землю» или православную веру в борьбе с «погаными»⁷⁷. У князей Рюриковичей были свои идеальные цели: каждый из них был готов сложить голову за свою «волю»⁷⁸. Они могли использовать это выражение при заключении родственно-«вассальных» договоров в своей среде⁷⁹. Летописцы вкладывают выражение в уста представителей городских общин, других народов, обращающихся к руси, и т. д.

Выражение употребительно в политической сфере вплоть до XV–XVI вв. И только уже в это время оно начинает вытесняться другой формулой – «служить животом». Метафора с использованием образа головы сменилась прямым обозначением жизни (*живот*) и точным указанием на осуществляемую деятельность (*служить*)⁸⁰.

Важно отметить, что как и в древнейшее время до начала XII в., так и тоже вплоть до XV–XVI вв. нет никаких данных о том, что бояре или кто бы то ни было ещё приносили клятву при поступлении на княжескую службу. В сущности, впервые клятва с представителей знати, взимавшаяся в индивидуальном порядке, упоминается лишь в так называемых крестоцеловальных записях, практику составления которых можно возводить к концу XIV в.⁸¹ На эти записи С. Б. Веселовский и другие учёные ссылались как на отражение якобы некоего древнего обычая приносить клятву князю (ср. в историографическом обзоре в главе I данной работы). На самом деле, как мы видим, в древности от человека, вступающего на княжескую службу, ничего не требовалось, кроме определённых слов с общим выражением преданности.

Другое дело, что бояре и другие группы людей, так или иначе связанных с князем, могли привлекаться им к коллективной присяге, если ему надо было заручиться их обещанием признавать его власть или власть его преемников. Такие присяги осуществлялись обычно в виде крестоцелования, которое вошло ещё в XI в. в практику взаимоотношений Рюриковичей и преимущественно применялось для скрепления разного рода политических соглашений⁸². Впервые о такого рода присяге упоминается в 1118 г., когда целовали крест новгородские бояре Владимиру Мономаху.

Вот как выглядит сообщение об этом в новгородской летописи: «...приведе Володимиръ съ Мъстиславомъ вся бояры новгородскыя Киеву и заводи я къ честному хресту и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся»⁸³. Как предполага-

⁷⁷ Обзор «патриотических формул», многие из которых включают выражение «главу положить», с систематизацией по хронологии и содержанию см.: Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская». Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001, с. 62–78.

⁷⁸ См., например: ПСРЛ. Т. 2, стл. 452, 462.

⁷⁹ См., например: ПСРЛ. Т. 1, стл. 403.

⁸⁰ См. подробнее: Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008, с. 176–182.

⁸¹ См. подробнее: Там же, с. 182–198.

⁸² См. подробнее: Стефанович П. С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // СР. Вып. 5. М., 2004, с. 86–113.

⁸³ НПЛ 1950, с. 21.

ют историки, в договоре Владимира и его сына Мстислава с новгородцами речь шла как раз о порядке наследования новгородского «стола» – видимо, Мономах хотел обеспечить принадлежность его своим потомкам. Вероятно, после того как Мстислав ушёл из Новгорода и должен был занять киевский престол, новгородцы хотели себя чувствовать свободнее в выборе правителя, и это заставило Владимира навязать им договор, а затем вызвало его «гнев», когда в Новгороде население проявило недовольство то ли этим договором, то ли правлением доверенных лиц князя⁸⁴.

Эту присягу нельзя назвать вассальной в собственном смысле слова. Новгородские бояре представляли не себя лично, а свой город, и они не поступали на службу к князю, а заключали политическое соглашение с князем от имени всей «земли». Кроме того, и подоплёка этого соглашения, и форма сообщения о нём летописцем говорят о том, что оно не было равноправным и добровольным, каким теоретически должен был быть договор сюзерена и вассала.

Такие клятвы, скреплявшие соглашения между князьями и населением той или иной «земли» – или точнее, лучшими представителями этого населения: боярами и виднейшими горожанами – получили в эпоху «раздробленности» Руси широкое распространение. Не случайно, конечно, что о первом таком соглашении упоминается применительно к Новгороду – именно там тенденции к обособлению и независимости от власти киевского князя обозначились раньше и сильнее всего. Обычно эти соглашения заключались тогда, когда грозила или предстояла смена князей на «столе» в том или ином городе. Либо «к кресту» знать и/или горожан приводит правящий в городе князь, пытаясь обеспечить после своей смерти определённый порядок престолонаследия (как правило, отличающийся от традиционного), либо крестоцелованием с ними укрепляется новый князь.

В любом случае, по самой своей сути эти договорённости принципиально отличаются от тех, какие заключались лично между князем и боярином, желавшем ему служить. В первом случае – это были коллективные договоры как бы «государственно-публичного» и формально-отчуждённого характера, во втором – устанавливалась неформальная связь двух или, в крайнем случае, нескольких лиц (как в случае с «Путьшиной чадью»). Нет ничего удивительного, что религиозная санкция в виде клятвы употребляется именно в коллективных «безличных» соглашениях, а в «интимных» «задушевных», как сказали бы историки XIX в., отношениях князя и его боярина достаточно было устных заверений в своей преданности. Из этих коллективных клятв населения князьям позднее выросла присяга подданных – совсем другой тип клятвы.

В заключение этого параграфа следует остановиться на одном летописном известии, в котором в концентрированном виде – как в капле воды – отразились те нор-

⁸⁴ О договоре Мономаха и Мстислава с новгородцами и сопровождавших его событиях см., например: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955, с. 180; *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992, с. 188–189; *Янин В. Л.* Ук. соч., с. 91 и след.

мы и обычаи, связанные с установлением и разрывом отношений между князем и боярством, которые были разобраны выше. Это – рассказ о событиях 1146 г. в Киеве, когда после смерти Всеволода Ольговича, князя из линии черниговских «Ольговичей» (то есть потомков Олега, сына Святослава, внука Ярослава «Мудрого»), занявшего в конце жизни киевский престол, этот престол перешёл снова в руки «Мономахова племени» (потомков Владимира Всеволодича Мономаха, двоюродного брата Олега). Хотя это известие формально выпадает из хронологических рамок данного исследования (до 1132 г.), но, во-первых, временной разрыв совсем небольшой (14 лет), во-вторых, большинство персонажей летописного рассказа действовали и упоминались в источниках ещё и до 1132 г., и в-третьих, явления, которые обнаруживаются этим рассказом, во многом восходят к более древней практике.

Перед смертью Всеволод Ольгович, желая сохранить Киев за своим братом Игорем, взял клятву (в виде крестоцелования) с киевлян и вышгородцев, что они примут Игоря в качестве киевского князя. Однако, после смерти Всеволода на киевский престол заявил права Изяслав Мстиславич, внук Мономаха, тогда князь владимирово-волынский. Чувствуя себя неуверенно в этой ситуации, Игорь и его младший брат Святослав дважды клятвенно подтвердили свой союз с киевлянами.

Важно, что о каких-либо присягах с киевскими боярами, которые служили Всеволоду и должны были перейти «по наследству» на службу Игорю, летописец не говорит. О том, как были установлены отношения между ними и Игорю, рассказывается так. Согласно летописи, Игорь «по[зв]а» двух бояр – Улеба и Ивана Воитишича – «и реч(е) има: како еста была у брата моего, тако же будете у мене, а Улѣбови реч(е): держи ты тысячу, какъ е[с]и у брата моего держалъ»⁸⁵. По само собой разумеющемуся тону повествования надо понимать, что этой фразы было достаточно, чтобы оформить вступление бояр на службу к Игорю и занятие ими важнейших должностей. Получается, в принципе установление отношений между князем и боярином устно без специальных обрядов было более или менее в порядке вещей. Любопытно, что летописец, передавая слова Игоря, умалчивает об ответе бояр, хотя какие-то из тех сакраментальных фраз, которые упоминались в разобранных выше свидетельствах, были бы в этой ситуации вполне уместны. Вероятно, даже произнесение этих фраз не считалось обязательной частью процедуры поступления на княжескую службу.

Далее в летописи рассказывается, как киевские бояре и горожане предали Игоря, переметнувшись на сторону подошедшего к городу с войском Изяслава. Автор рассказа, сочувствующий скорее «Ольговичам», однозначно осуждает поведение бояр и горожан как предательство. Он не даёт никаких намёков на легитимность «перехода» бояр от Игоря к Изяславу, не позволяя предполагать, что в данном случае были применены какие-то юридические нормы типа «права отъезда». Отмечая, что киевляне «яшася льстью» за Игоря, летописец, очевидно, осуждает их поведение, но значительно бóльший его гнев вызывают бояре. «Всекознении же дьяволъ, не хотя любви

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 2, стл. 324.

межю братьею, и вложи [в] с(е)рдце злымъ свѣтъ[ни]ком Улѣбови тысячьскому, Иванови Воитишичу, иже свѣщаста свѣтъ золь съ кияны на князя своего, и почаства слати къ Изяславу Мъстислаличю...» Тут же даётся такой комментарий к действиям бояр: «иже бяху велику ч(е)сть приимали от Всеволода и от брата его, ти же почаща лестити подь кн(я)земь своимъ». Далее летописец, описывая в деталях, как бояре сговорились с горожанами «перельстити князя своего», уточняет список «началницев свѣту злomu тому», указывая не только бояр Игоря, но и ещё нескольких человек («въ С(вя)тослави полку»). О том, что бояре как-то информировали князя Игоря о своём переходе к Изяславу, не говорится. Похоже, что никакого «официального уведомления» и не было. Согласно летописи, перед решительным столкновением противоборствующих сил Игорь посылает Улеба и Ивана Воитишича «въ своя полкы», очевидно, рассматривая их как людей, преданных ему, но затем, как только бояре прибыли к своим людям, каждый из них «поверга стягы и поскочи» к войскам Изяслава. Увидев это, Игорь и Святослав поняли, что бояре их предали⁸⁶.

Многое связывает этот летописный рассказ с рассмотренными выше известиями ПВЛ: и неоднократное указание на «лесть», сотворённую в отношении князя (как в рассказе о Блуде), и торжественное поимённое перечисление предателей (как в повести «О убиении Бориса» перечисление товарищей Путши). Но главное – то же обоснование осуждения предателей: главная вина киевских бояр, как и Блуда полтора года назад, состояла в том, что они составили «совет зол» на «своего князя», от которого ранее были удостоены «великой чести». О верности как таковой, то есть о верности в силу некоего императива, летописец снова не говорит, упирая только на принцип «за награды – служба».

Насколько эти представления были актуальны для самих участников описанных событий, судить по летописному тексту трудно. Точка зрения обвиняемых, которые, как можно было бы теоретически допустить, могли бы сослаться на какие-то свои права или извиняющие обстоятельства, остаётся совершенно неизвестной. Можно отметить только, что Улеб, предавший Игоря, служил позднее в дружине Изяслава Мстиславича⁸⁷, следовательно, Изяслав рассматривал переход к нему боярина, совершившего «лесть», скорее с прагматических позиций. В реальности, как мы снова убеждаемся, суждения летописца далеко не всегда и не у всех находили отклик.

Таким образом, летописное известие о событиях в Киеве в 1146 г., донесённое до нас Киевским сводом конца XII в. в составе ИпатЛ, демонстрирует сохранение и в середине XII в. тех же общих правил и представлений о порядке отношений князя и знатных людей, которые мы видели в более ранних свидетельствах. Поступление на княжескую службу фиксируется лишь устными договорённостями князя и боярина (хотя клятвы хорошо известны и широко применяются в других случаях и ситуациях политической практики), разрыв в принципе возможен и как таковой не осуждается,

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 2, стл. 324–326.

⁸⁷ Там же, стл. 344–345.

но переход к противнику в момент борьбы летописцы клеймят как «лесть» и «злой совет». Летописцы исходят из того, что бояре должны быть благодарны князьям за награды и милости, им оказанные, но эксплицитно о верности не говорят и о религиозной санкции собственно за измену не упоминают. На практике, как видно из фактов, изложенных самими же летописцами, такого рода благодарность имела далеко не абсолютное значение и не препятствовала переменам лояльности, хотя нельзя говорить и о совершенной «вольности» в смысле полной безответственности в отношениях князей и бояр.

* * *

Есть два известия из источников иностранного происхождения, написанных на латыни, которые упоминают о применении неких обрядов при установлении служебных отношений между князьями и их людьми на Руси. Несмотря на их краткость и некоторую неопределённость, они заслуживают специального разбора.

Первое из этих упоминаний содержится в известии «Хроники» Титмара Мерзебургского о вокняжении в 1018 г. в Киеве Святополка Владимировича при поддержке польского князя Болеслава Великого. Титмар пишет, что кроме поляков утвердиться в Киеве Святополку помогли в качестве «вспомогательных сил» немцы, венгры и печенеги, и говорит о действиях нового князя: «omnes hii tunc domum remittebantur, cum indigenas adventare, fideles sibi apparere senior prefatus letabatur» (VIII, 32)⁸⁸. В русском переводе А. В. Назаренко эта фраза выглядит так: «все они (поляки, немцы, венгры и печенеги – П. С.) были отпущены по домам, когда вышеупомянутый сеньор (Святополк – П. С.) с радостью [стал принимать] местных жителей, приходивших к нему с изъявлением покорности»⁸⁹. Недавно на это место «Хроники» обратил внимание П. В. Лукин, который исправил русский перевод (вместо «покорности» он справедливо предложил переводить «верности») и, подробно разобрав сообщение Титмара, пришёл к выводу, что между Святополком и киевлянами были установлены «договорные отношения» и скреплены «какой-то присягой (вероятно, “ротой” или крестным целованием)»⁹⁰.

Эта фраза Титмара важна тем, что описывает момент установления отношений между только что утвердившемся на престоле князем и «местными жителями». Под последними надо понимать прежде всего и преимущественно киевлян – как горожан, так и знать. Хотя описанное событие не является в точном смысле установлением служебных отношений между князем и боярином, можно, не относясь к делу форма-

⁸⁸ Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung. Hrsg. von Robert Holtzmann // MGH. SS rer. Germ. N. S. T. IX. Berlin, 1935, S. 530–531.

⁸⁹ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993, с. 215. Ср. немецкий перевод В. Трильмиха: «Sie alle wurden nun nach Hause entlassen, da der Landesherr mit Freude sah, wie ihm die Bevölkerung zufiel und sich ihm als treu erwies» (Thietmar von Merseburg. Chronik, übertragen und erläutert von W. Trillmich. Darmstadt, 1962, S. 475).

⁹⁰ Лукин П. В. Киевляне XI века в русских источниках и «Хронике» Титмара Мерзебургского // ДР. 2003. № 4 (14), с. 99.

листически, «экстраполировать» применённые в данном случае символические действия и на эту ситуацию.

Для понимания сути этих действий ключевым представляется объяснение использованного Титмаром выражения *fideles sibi apparere*. Вполне обоснованная констатация того факта, что отношения между Святополком и горожанами строились на некоей «договорной» основе, не должна, однако, автоматически вести к заключению, что эти отношения должны были непременно скрепляться клятвой.

Предлагая видеть в словах *fideles sibi apparere* указание на присягу, П. В. Лукин ссылается на исследование Ф. Шрёдером понятия *fides* ('вера') у Титмара и Видукинда Корвейского. Немецкий исследователь, действительно, заметил мельком, что в повествовании Титмара отношения между людьми, «в чьих чертах и действиях проявляется» *fides*, «скрепляются клятвой»⁹¹. Однако Шрёдер специально не изучал вопрос о формах скрепления отношений верности у славян вообще и в изображении двух названных историографов в частности, и его главной целью было показать религиозную подоплёку понятия *fides*, а именно то, что отношения верности между христианами мыслились у Титмара и Видукинда как частный случай или отражение общего единения христиан в вере, причём в политическом смысле это единение представлялось единственно возможным под эгидой немецкого императора. Говоря о клятве, Шрёдер в глухой ссылке указывал места в «Хронике», где она упоминается, но историк не отметил, что Титмар в этих местах, в самом деле описывая отношения между людьми, которых объединяет *fides*, называет клятву термином *sacramentum*, обозначавшим в средневековой латыни именно клятву верности, в частности вассальную. Например, этот термин используется Титмаром в описании вассальной присяги Болеслава Генриху, которое как раз имеется и в русском переводе (VI, 91): «в Троицын день по возложении рук (*manibus applicatis*) он становится вассалом (*miles*) [короля] и после присяги (*post sacramenta*) сопровождает короля, [когда тот] в торжественном облачении направляется в церковь, в качестве оруженосца»⁹².

Таким образом, Титмар, используя слово *fideles*, совершенно необязательно имел в виду какую-то клятву или присягу. И это вполне понятно, поскольку слова *fides*, *fideles* в средневековой латыни имели самое широкое значение (как и, например, слова *вера*, *верный* в (древне)русском языке), прямо не связанное с понятием клятвы и терминами, её обозначающими⁹³. Разумеется, в том случае, если в произведении средневековой латиноязычной литературы говорилось вообще об отношениях верности, логично было бы предположить, что в реальности они скреплялись какой-то клятвой (как это фактически, наверное, и было в большинстве случаев). Однако при-

⁹¹ Schröder F. J. Völker und Herrscher des östlichen Europas im Weltbild Widukinds von Korvei und Thietmars von Merseburg. Münster, 1977, S. 83.

⁹² Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 211.

⁹³ См., напр.: Niermeyer J. F., Van de Kieft C. Mediae Latinitatis Lexicon Minus. Revised by J. W. J. Burgers. Leiden, Darmstadt, 2002. Vol. I; Du Cange Ch. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Ed. L. Favre. T. III. Leiden, 1937. Ср. также в этих словарях и в словаре «Thesaurus Linguae Latinae» (Lipsiae, 1900-) значения слова *sacramentum*.

менительно к Древней Руси такое предположение оказывается как раз далеко не всегда оправданным – как мы видели, здесь в древнейший период признание власти князя оформлялось скорее не с помощью клятв, а произнесением определённых формул («приятъ в сердце», «голову сложить» и др.).

Что именно делали или говорили киевляне, признавая Святополка своим князем, остаётся только гадать. На мой взгляд, скорее следует предполагать совершение неких ритуалов встречи князя «с честью и славой», «прославления» его или «посажения» на «столе». Именно о них упоминается в позднейшем летописании при описании утверждения князя в том или ином городе. Но как бы то ни было, важно отметить, что для стороннего наблюдателя в принципе было вполне естественным выразить словом *fideles* отношения между князем и признавшим его населением, во главе которого, очевидно, стояла знать.

Второе известие тоже происходит из немецкого источника, но его информация более определённа. Речь идёт о рассказе из «Хроники» Ортлиба Цвифальтенского о пребывании польского вельможи Петра Влостовича на службе у перемышльского князя Володаря Ростиславича. Этот любопытный эпизод русско-польских отношений относится к 1118–1122 гг.⁹⁴ Пётр Влостович был одним из виднейших сановников при Болеславе Кривоустом, но, поссорившись с ним, перешёл на службу к Володарю, который много враждовал с поляками. В 1122 г. Володарь попал в плен к Болеславу, и, по всей видимости, это пленение произошло при прямом участии Петра, который вернулся в Польшу, заняв прежнее место при дворе Болеслава.

Ортлиб закончил «Хронику» в 1138 г., но в начале 40-х годов один из монахов Цвифальтенского монастыря (в Швабии), ездивший в Польшу в 1140–1141 гг. по приглашению Саломеи, вдовы Болеслава Кривоустого, внёс в текст «Хроники» несколько дополнений, в том числе сведения о Петре Влостовиче, которые он, видимо, получил именно от Саломеи. В частности, о польском вельможе рассказывается, что он оказался виновен в «грехе величайшего вероломства (*maximae perfidiae veneno*)», и под этим грехом имеется в виду предательство Петром Володаря перемышльского. Поляк, – говорится в «Хронике», – «обошёл коварством некоего русского князя, враждовавшего с герцогом польским». Пётр покинул Болеслава, своего «господина», и ушёл в Русь; «и после того, как дал ему (русскому князю – *П. С.*) клятву верности (*fidem iusiurandi fecerat*), после того, как перешёл к нему на службу (*se in dominium ipsius tradiderat*), после того, как стал приемником его сына, его же, не подозревавшего злого умысла, выдал в руки врагов (то есть поляков – *П. С.*), которые его заточили и приговорили к выдаче за огромные сокровища»⁹⁵.

⁹⁴ См. подробнее: *Стефанович П. С.* Володарь перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел. Часть первая // ДР. 2006, № 3 (25), с. 56-74; Часть вторая // ДР. 2006, № 4 (26), с. 78-89.

⁹⁵ Оригинал и перевод на немецкий язык см.: *Die Zwiefalter Chroniken Ortliebs und Bertholds*. Hrsg., übersetzt und erläutert von L. Wallbach, E. König und K. D. Müller. Sigmaringen, 1978, S. 124–127. Рус-

Данные этого дополнения к «Хронике» Ортлиба о Петре Влостовиче в целом и в частности не вызывают сомнений, и некоторые из них находят соответствия в других источниках. Видимо, детали «перехода» польского вельможи к русскому князю переданы довольно точно, и упоминание о клятве верности, которую принёс поляк Володарю, можно принять как достоверное. О том, какой именно была эта клятва, употреблённые автором сообщения слова не позволяют судить: выражение *fidem iusiurandi* не означает ничего более чем просто некая клятва верности, а более специальная терминология (например, слово *sacramentum*, которым обычно обозначалась вассальная клятва) отсутствует.

Тем не менее, на фоне древнерусских источников, которые не фиксируют присягу верности человека, поступающего на службу к князю, это свидетельство является уникальным для Руси. Оно позволяет сделать вывод, что, по крайней мере, в западных русских землях с таким обычаем должны были быть знакомы. Поскольку в дальнейшем способы применения клятвы в Галицкой и Волынской землях соответствуют традициям, принятым и в других русских землях, надо признать исключительность данного случая. Возможно, сказалось «западное» влияние традиций вассалитета, переданное через польское посредство, но вероятней представляется, что сыграли свою роль особые обстоятельства «перехода», главным из которых было его политическое значение в международном контексте: отношение к перебежчику самого высокого ранга из государства с иными культурно-религиозными и политическими традициями должно было быть всё-таки другим, нежели к русскому боярину, переходившему от одного Рюриковича к другому.

1.2. Сравнение со средневековой Европой

По существу единственная попытка сравнения обрядов поступления на княжескую службу и ухода с неё, известных на Руси, с аналогичными обрядами в других странах была сделана Н. П. Павловым-Сильванским. Он пытался обосновать принципиальное сходство и даже тождественность русских ритуалов с западноевропейскими вассальными (см. выше в главе I). При этом он опирался почти исключительно на материалы, происходящие из земель Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. Эти материалы упоминают о применении в отношениях князя и знати крестоцелования и челобитья, и именно эти обряды Павлов-Сильванский рассматривал как аналогии западноевропейским оммажу и клятве на священных предметах – ритуалам, которые применялись при оформлении вассального договора.

Однако относительно оформления разрыва отношений между князем и боярином древнерусские источники ни эпохи XIV–XVI вв., ни более ранней, не дают свидетельств о каких-либо ритуалах, даже в тех случаях, когда говорится о применении «права отъезда». Павлову-Сильванскому приходилось, вслед В. И. Сергеевичу, опи-

ский перевод: Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. I: Русь и Польша до конца XII века. Киев, 1884, с. 67–68; Приложение, с. 2.

раться на уникальное летописное известие о разрыве отношений между боярством Нижнего Новгорода и нижегородским князем Борисом Константиновичем в 1392 г. Этот разрыв произошёл в условиях борьбы суздальско-нижегородских князей, Москвы и татар за Нижний Новгород, и местное боярство в конце концов высказалось в пользу великого князя московского. В решающий момент противостояния бояре, по летописи, объявили своему князю Борису об отказе ему служить в следующих словах: «княже, не надѣйся на насъ, нѣсть есмы съ тобою, но на тя есмы»⁹⁶.

И Сергеевич, и Павлов-Сильванский предполагали (без аргументации), что отказ от службы в такой форме отражает древнюю традицию⁹⁷. Более ранние источники не дают никаких данных за или против этого предположения, но рассмотренные выше свидетельства о поступлении знатных людей на княжескую службу подтверждают его – если, как выясняется, при поступлении на службу достаточно было устных договорённостей и произнесения нескольких слов общего характера, то, вероятно, соответствующим должен был быть и порядок ухода от князя. Павлов-Сильванский, ссылаясь на формулы, которыми западноевропейские вассалы сообщали о прекращении своего договора с сюзереном, заключал, что и разрыв отношений между князем и боярином на Руси был аналогичен западноевропейским порядкам⁹⁸.

Но при ближайшем рассмотрении в компаративных сопоставлениях Павлова-Сильванского обнаруживаются явные изъяны. Начну с одной из главных проблем, которую осознавал и сам историк, но решить которую не смог. Если западноевропейским оммажу и клятве он находил соответствия в русском челобитье и крестоцеловании, то для инвеституры – вводу во владение феодалом или леном (третьему обязательному элементу обряда вступления в вассальную зависимость) – никаких, даже самых отдаленных, аналогий не отыскивалось.

Историк, отмечая эту проблему, призвал сравнивать исторические явления, опираясь «не на схему, а на действительность», и стал настаивать на принципиальном различии двух разных по происхождению явлений: «вассальства и бенефиция» – то есть собственно вассальной зависимости и земельной дачи. По его мнению, «феодальный договор» «слагался из двух особых актов: акта вступления в вассальную службу и акта пожалования земли», и оба эти акта «соединяются в нечто целое» в западном вассалитете чисто «формально»⁹⁹. Такой подход позволял историку вообще вынести за рамки своего компаративного поиска вопрос о ленах и не считаться с тем, что на Руси до сложения поместной системы (то есть фактически до конца XV в.)

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 15, стл. 162-163. Известие приводится по древнейшему варианту в Рогожском летописце. Сергеевич и Павлов-Сильванский использовали известие по существенно расширенной и изменённой версии Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 11, с. 147-148). См. анализ обеих версий с точки зрения отношений боярства и князя: *Стефанович П. С.* Князь и бояре..., с. 187-192.

⁹⁷ *Сергеевич В. И.* Ук. соч., с. 385; *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси // *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988, с. 102.

⁹⁸ *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси // *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988, с. 441.

⁹⁹ *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси..., с. 96-97.

служба князю бояр или других людей не связывалась с земельными пожалованиями. Хотя Павлов-Сильванский опирался на труды французских и немецких историков конца XIX – начала XX вв., естественно, отличавших разные элементы в сложении вассально-ленной системы, но такое разведение в разные стороны составных частей самого ритуала вассального договора было его собственной новацией.

Отдавая должное исследовательской смелости русского историка в постановке новых вопросов, на современном уровне науки с такой методикой нельзя согласиться. Достаточно ознакомиться с описанием вступления в вассальную зависимость, которое предпринял современный французский историк Жак Ле Гофф и которое стало уже классическим. Ле Гофф, отчасти отталкиваясь от этнологических (культурно-антропологических) исследований «примитивных» обществ, пытался постичь символику и логику средневекового ритуала. Одновременно исходным принципом и одним из конечных итогов его исследования был постулат, что смысл обрядности вассалитета невозможно понять, если не учитывать её целостности и взаимосвязанности каждого её этапа¹⁰⁰. Эти этапы в строгом порядке следуют один за другим, имеют своё значение и предполагают определённые предыдущие и последующие ритуальные действия, которые предпринимаются с помощью слов, жестов и предметов. Началом служит устное заявление о желании стать вассалом, затем совершается оммаж (обычная его форма: коленопреклоненный вассал вкладывает свои руки в руки сеньора), сопровождаемый символическим поцелуем сеньора и вассала, потом следуют клятва верности и инвеститура. Ле Гофф специально подчёркивает, что «инвеститура образует с оммажем и клятвой верности юридически (и, осмелюсь сказать, символически) нерасторжимое целое»¹⁰¹.

С ритуалом вступления в вассальные отношения сущностно связан обряд их разрыва – так называемое *exfestucatio*, когда желающий разорвать вассальную связь ломал и выбрасывал палку или несколько палочек (соломин и т. п.) (от *festuca* – жезл, палка). Истоки этого обряда Ле Гофф находит в обычае древних германцев посредством определённых действий с палками устанавливать или разрывать родственные отношения и на этом основании делает вывод, что «символическая система вассалитета» ориентировалась на «модель родства». Ставя общий вопрос о методике исследования средневековых ритуалов, он отмечает: «символика ритуала, призванного установить социальную связь, понятна полностью только тогда, когда она рассмотрена одновременно в создании и разрушении связи, даже если это последнее случается лишь изредка»¹⁰².

¹⁰⁰ «Цельность обрядов и символических жестов вассалитета образует не только церемониал, ритуал, но систему, то есть то, что функционально только тогда, когда ни один существенный элемент из нее не выпадает, и то, что обладает своим значением и своей силой действия только благодаря каждому из элементов, смысл которых выявляется только в отношении целостности», см.: *Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета // Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000, с. 222 (впервые опубликовано в 1976 г.)*.

¹⁰¹ Там же, с. 232.

¹⁰² Там же, с. 220, 233.

Таким образом, методика, которой пользовался Павлов-Сильванский, обнаруживает себя неадекватной не только в сопоставлении «дружинной организации» на Руси и в Западной Европе (см. в главе II), но и применительно к анализу ритуалов установления служебных отношений в Средние века. Объекты сравнения выбирались произвольно, а само сравнение получалось схематическим, а не аналитическим. Если сравнивать вассальные ритуалы по их смыслу и содержанию (воплощённым во внешней форме – словах, жестах и т. д.), то надо воспринимать их обязательно в целом, а не по частям.

Но даже и в сравнении отдельных элементов обрядности, оформлявшей отношения сюзерена (господина) и вассала (служилого человека), Павлов-Сильванский допускает ошибки и натяжки. Помимо отсутствия на Руси аналогии инвеституры важно отметить, что аналогии не находит и другая важнейшая часть этой обрядности – *exfestucatio* (символический разлом соломы или палок). Павлов-Сильванский приводил лишь формулы сообщения о расторжении вассального договора. Эти формулы, действительно, близки по смыслу словам нижегородских бояр, но в этом ничего удивительного и нет – смысл этих сообщений был самый общий и естественный: просто указывалось, что такой-то человек слагает с себя верность такому-то сюзерену¹⁰³. Но ведь в западноевропейском вассальном ритуале центр тяжести лежал вовсе не в этих сообщениях, а именно в обряде *exfestucatio*. Это русский историк проигнорировал.

В целом, с выводами Павлова-Сильванского об исторических аналогиях «между Востоком и Западом» нельзя согласиться. Древнерусская архаическая традиция подразумевала, что как при приёме на службу, так и при уходе достаточно было устного заявления о намерениях. И этот порядок принципиально отличался от того, что мы видим в развитой вассальной культуре Западной Европы. Смысл древнейших из этих устных заявлений – «прियाсть в сердце» и «сложить голову» – сводился к обозначению верного союза или преданной дружбы. Если интерпретировать слова нижегородских бояр, обращённые в 1392 г. в адрес их князя, «нести есмы с тобою, но на тя есмы» в связи с этими формулами (подобно тому, как Ле Гофф связывает обряд вступления в вассалитет с *exfestucatio*), то ещё ярче высветится их союзно-договорное содержание. Позднее в выражениях «служить до живота» или подобных стал акцентироваться служебный характер связи дружинника (служилого человека) с князем. В западноевропейских вассальных ритуальных действиях не употреблялись скольконибудь похожие выражения, и общий смысл этих действий («породнение») был иной. Присяги, к которым князья стали приводить бояр и горожан (обычно в виде крестоцелования) явно не имеют отношения к сфере вассально-ленных отношений. Это была клятва, скрепляющая не частный договор, а публично-правовое соглашение «государственного» значения. Постепенно, к XIV–XV вв., она перерастала в своего рода при-

¹⁰³ Один пример такого рода сообщения приведён у Павлова-Сильванского: «jam non ero tibi fidelis neque serviam tibi et fidelitatem te non portem (больше я тебе не буду верен, и не буду нести ни службы, ни верности)» (Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси..., с. 441).

сягу подданных, а присяга подданных – совсем другой тип клятвы, который всегда выделяется как отдельный в юридических теории и практике ¹⁰⁴.

Разумеется, некоторые аналогии можно найти в древнерусских и западноевропейских обычаях в том случае, если посмотреть на них в самом общем плане с точки зрения их *функции*. Понятно, что главной функцией как русских словесных формул, так и западных ритуалов было установление личной связи договорно-служебного характера. С этой точки зрения сопоставимы выражение «прियाсть в сердце» и вассальный поцелуй, так как целью поцелуя было – так же, как и этого выражения – утверждение особой связи и даже, как заявляет Ле Гофф, в каком-то смысле равенства между сеньором и вассалом. Отчасти оправданно также сравнение оммажа и челобитья ¹⁰⁵, на что обратил внимание Павлов-Сильванский: функцией и того, и другого было признание одной стороной подчинённого, более низкого положения (другое дело, что челобитье в такой функции фиксируется только в межкняжеских договорах с конца XIV в. и вообще этот обряд не был специально предназначен для оформления служебных отношений, а имел самое широкое хождение).

Внимания заслуживает и ещё одна параллель. Анализируя роль клятвы (*foi*) в вассальном ритуале, Ле Гофф, с одной стороны, отмечает естественность «печати господствующей идеологии» в средневековом церемониале, но с другой стороны, подчёркивает «по-настоящему не христианизированный» характер этого ритуала: в нём «христианство, в противоположность тому, что происходит при посвящении в рыцари, даёт лишь обрамление, аксессуары – какой бы важности они ни были, – но не материал, не символику» ¹⁰⁶.

Между тем, на Руси религиозная санкция (в виде крестоцелования) пришла в сферу отношений князя и служащей ему знати далеко не сразу с христианизацией, и к ней прибегали не для установления личных отношений князя и боярина, а для скрепления договоров князя и представителей города (земли) и позднее для приведения населения к «присяге подданных». Вплоть до внедрения государственной и должностной присяги в XVI в. процедура поступления на службу князю (как, видимо, и ухода с неё) на Руси была лишена и того христианского «обрамления», которое присутствовало в вассальном ритуале. На мой взгляд, вторичность (или даже отсутствие) религиозной санкции (клятвы в собственном смысле слова) в ритуалах, оформлявших личные служебно-договорные отношения на Руси и Западной Европе, не случайна и

¹⁰⁴ См., например, в контексте немецкой юридической школы разделение *Untertaneneid* (присяги подданных) и *Vassaleneid* или *Lehnseid* (вассальной клятвы верности) (Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Bd. 1. Berlin, 1964, S. 861–872). Ср. также разделение клятвы верности частного характера (в том числе вассальной клятвы) и присяги подданных в истории политической клятвы в Западной Европе до раннего Нового времени: Prodi P. Das Sakrament der Herrschaft: der politische Eid in der Verfassungsgeschichte des Okzidents. Berlin, 1997, S. 57 et seq.

¹⁰⁵ Об оммаже: Там же, с. 224–225. С точки зрения Ле Гоффа, символический поцелуй призван был как раз уравновесить идею социального неравенства, воплощённую оммажем, а инвеститура воплощала в конце концов принцип взаимности в вассалитете.

¹⁰⁶ Там же, с. 256–257.

объясняется тем, что она «накладывалась» в относительно позднее время на уже существующие традиции такого рода ритуалов древнего происхождения. На Руси это более очевидно в силу сохранения архаичных черт до позднего средневековья; в Западной Европе – не так очевидно, потому что во тьме теряются корни системы вассалитета и неясно, какие институты ей предшествовали.

Вопрос о происхождении вассалитета является одним из самых старых и спорных в медиевистике. В историографии есть давняя тенденция связывать и его, и клятву верности как его часть с дружинным строем германцев. Об этом уже говорилось в главе II, но в данном случае важно отметить, что пересмотр старых воззрений, предпринятый в последние десятилетия, привёл и к новому взгляду на предысторию вассальной клятвы верности.

В старой литературе, представлявшей специфически «германскую верность» опорой «германской дружины», одним из главных символов и механизмов этой верности выставлялась клятва верности дружинников вождям (правителям). Полагали, что именно германская верность легла в основу вассалитета, а в клятве дружинников видели происхождение вассальной клятвы. В настоящее время дружинные отношения у германцев не сводят к одной модели, а говорят об их разнообразии в зависимости от конкретно-исторических условий. Не признаётся, что у германцев было какое-то особое понятие верности. Относительно этоса древнейших дружинных объединений высказываются крайне осторожно, указывая, что эксплицитно выраженное понятие верности приходит только с христианством (см., прежде всего, в работах Франтишека Грауса и Карла Крёшелля). При таком подходе аналогии дружинам у германских народов легко найти и у славян, и у многих других народов, а происхождение вассалитета видится уже в самой широкой перспективе (учитывается и кельтская служебная традиция, и римская клиентельная и др.), и о непосредственной преемственности «дружина–вассалитет» речи быть не может.

Раньше клятву верности историки считали необходимой частью отношений вождя и дружинников, *потому что* она была необходимой частью вассального ритуала (так, например, у Г. Бруннера – см. тоже выше в главе II). Между тем, с точки зрения логики и символики вассального ритуала оказывается, что на самом деле в вассалитете она имела второстепенное значение (только как «аксессуар», по выражению Ле Гоффа). Более того, в результате специальных исследований выясняется, что и источники по истории древних германцев не дают бесспорных свидетельств о клятве верности, которую окружение должно было приносить своему вождю (правителю).

Классическое описание германской дружины, данное Тацитом и цитированное выше в главе II, содержит одно упоминание слова *sacramentum*, которое, как можно было уже заметить из приведённых выше примеров, обозначало клятву. В некоторых старых работах на это место ссылались как на доказательство традиции присягать на

верность вождю¹⁰⁷, однако, в настоящее время общепризнано, что такого рода ссылки не правомерны. Это латинское слово было очень многозначно, и в данном случае контекст упоминания не позволяет говорить именно о клятве. В этом месте Тацит описывает отношение дружинников к вождю: «Но если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, – бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, – первейшая их обязанность (*illum defendere, tueri, sua quoque fortia facta gloriae eius assignare praecipium sacramentum est*): вожди сражаются ради победы, дружинники – за своего вождя»¹⁰⁸. В данном контексте *sacramentum* обозначало явно нечто другое, чем только и именно ‘клятва’, и неслучайно в русском переводе ему соответствует более общее выражение «первейшая их обязанность»¹⁰⁹.

Немецкие историки, пытавшиеся восстановить одну всеобщую модель германской дружины, для подтверждения дружинной клятвы часто ссылались на скандинавские источники¹¹⁰. Однако древнейшие из этих источников (рунические надписи или скальдическая поэзия) данных о дружинной клятве не дают, а те упоминания, которые есть, во-первых, сами по себе далеко не бесспорны, и во-вторых, позднего происхождения. С одной стороны, в них не всегда можно различить присягу человека, вступающего в дружину (на службу) конунга, от клятвы, скрепляющей договор о мире и взаимопомощи между знатными людьми или знатным человеком и конунгом. С другой стороны, что ещё важнее, они происходят или из законодательных памятников, самые ранние из которых датируются концом XIII в., или из исландских саг, которые записывались значительно позднее описываемых событий (не ранее XIII в.). Г. Кун, специально останавливаясь на вопросе о дружинной клятве, замечал: «источники периода расцвета скандинавской дружины ничего не знают» о ней¹¹¹.

К XIII в. в скандинавских странах уже было очень значительно влияние континентальной вассально-рыцарской культуры. Указание на клятву верности может быть ретроспективным осмыслением давних событий писателем или рассказчиком, который такую клятву расценивал как явление обычное, не принимая в расчёт, что она стала обычаем лишь относительно недавно, будучи заимствована с континента как один из элементов системы вассалитета. Кроме того, на самом деле такого рода прямых или косвенных указаний в сагах не так много, а во многих случаях при описании

¹⁰⁷ См., например: *Schlesinger W.* Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte // *Schlesinger W.* Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Bd. I: Germanen, Franken, Deutsche. Göttingen, 1963, S. 18.

¹⁰⁸ *Тацит Корнелий Публий.* О происхождении германцев и местоположении Германии. Перевод и комментарии А. С. Бобовича под ред. М. Е. Сергеевко // *Тацит Корнелий Публий.* Анналы. Малые произведения. История. М., 2001, с. 465.

¹⁰⁹ Ср. в современном немецком переводе: «ihre vornehmlichste Verpflichtung»: *Tacitus.* Germania. Hrsg. von Gerhard Perl. Berlin, 1990, S. 94–95.

¹¹⁰ См., например: *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Auflage. Bd. 1. Leipzig, 1906, S. 190.

¹¹¹ *Kuhn H.* Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung.* Bd. LXXIII (1956), S. 7.

вступления вольного человека на службу конунгу передаются лишь их речи и взаимные обещания, но никаких ритуалов или клятв не упоминается¹¹². Для законодательных памятников показательными являются статьи норвежского «дружинного» устава конца XIII в. «Хирдскра», где в принципе просматриваются некоторые древние традиции дружинного строя, но клятва верности упоминается, во-первых, как присяга всего населения королю (ст. 1, 4–5), и во-вторых, вместе с оммажем как часть ритуала вступления в вассальную зависимость по континентальному образцу (ст. 26)¹¹³. В обоих случаях это клятвы однозначно христианские, следов каких-либо древних дружинных клятв или обетов верности нет.

В раннесредневековых источниках, касающихся германских королевств, часто упоминаются клятвы верности, но это были клятвы, которые скрепляли договоры между правителями (*amicitiae*), или присяги, которые короли требовали с населения (особенно только что подчинённого) по разным поводам¹¹⁴. Только однажды упоминается клятва, которую надо было приносить именно при поступлении на службу королю. Это упоминание относится к тому военному объединению эпохи Меровингов *antrustio*, о котором уже заходила речь в главах IV и V данной работы. Члены *antrustio* должны были приносить королю присягу, обозначенную в королевском постановлении середины VII в. словами *trustem et fidelitatem*¹¹⁵. Эта присяга приносилась с оружием, и военно-дружинный характер самого объединения позволял историкам старой школы предполагать древнее происхождение и присяги (хотя ссылка в тексте на «Deo propitio» указывает, что по форме это была уже христианская клятва)¹¹⁶. Од-

¹¹² Например, в «Саге об Олаве святом» в некоторых случаях о клятве упоминается (хотя никак не уточняется, в какой форме она совершалась), а в других сообщается только об обещании дружинника не покидать конунга до самой смерти (гл. 85, 127, 138, 170, 186, 208, см.: *Снорри Стурлусон. Круг Земной*. Издание подготовили А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1995). В то же время, в «Саге об Эгиле», возможно, записанной тоже Снорри Стурлусоном, тогда, когда упоминается приём в дружину норвежских конунгов, о клятве верности вообще не говорится (гл. 6, 8 и др., см.: *Исландские саги*. Под ред. О. А. Смирницкой. Т. 1. СПб., 1999). Ни о каких ритуалах вступления в дружину и тем более клятве верности не упоминается в «Саге о йомсвикингах». Нередко вступление знатного человека в дружину конунга обозначается стереотипным выражением *ganga til handa (a hönd)*, которое можно буквально перевести как «идти в руку» (см., например, в той же «Саге об Эгиле» в гл. 6 в словах Квельдурльва: там же, с. 30). Если даже предположить, что за этим выражением (очевидно, связанным с древним обозначением дружинников как *handgenginna manna*) стоял какой-то древний обряд, то ко времени своей фиксации оно явно не подразумевало никакой клятвы в собственном смысле слова.

¹¹³ *Hirdskræen: hirdloven til Norges konge og hans håndgange menn, etter AM 322 fol, ved Steinar Imesen, Oslo, 2000, s. 64, 70, 120–122.*

¹¹⁴ См., например, обзор данных о клятвах в меровингской Франции: *Eckardt U. Untersuchungen zu Form und Funktion der Treueidleistung im merowingischen Frankreich*. Marburg, 1974.

¹¹⁵ В тексте постановления о членах *antrustio* говорится, что они «обещают нерушимую верность» королю (*fidem pollicentur inlesam*), а затем уточняется, что желающий войти в это объединение должен поклясться, «придя в наш (то есть короля – П. С.) дворец, со своим оружием у нашей руки в преданности и верности» (*veniens ibi in palatio nostro una cum arma sua in manu nostra trustem et fidelitatem*): *Formulae Merovingici et Karolini Aevi*, edidit K. Zeumer // *MGH, Legum Sectio V. Formulae Hannoverae*, 1886, nr. 18, p. 55.

¹¹⁶ См., например: *Kienast W. Die fränkische Vassalität: von den Hausmeiern bis zu Ludwig dem Kind und Karl dem Einfältigen*. Hrsg. von P. Herde. Frankfurt-am-Main, 1990, S. 11–24, 51–73.

нако в новейших исследованиях франкскую традицию военной присяги, в том числе и клятву *antrustiones*, связывают скорее с влиянием военного права римлян, а выраженную в ней идею верности – с влиянием христианских идей¹¹⁷. Так, утверждается, что корни франкского «обычая принесения клятвы верности не в дружинном строе германцев, а в римской армии поздней античности» (в которой, как известно, служило уже немало германцев)¹¹⁸.

Таким образом, пересмотр концепции германской дружины как института, основанного на (специфически германской) верности и легшего в основу вассалитета, приводит, в частности, и к пересмотру истории клятвы верности. Вступление в дружину и установление личной служебно-договорной связи между вождём и дружинником не подразумевало у древних германцев принесения специальной клятвы, и, во всяком случае, даже если какие-то клятвы и произносились (совершались), это не было обязательным и необходимым условием дружинного строя¹¹⁹. И как раз этому факту прекрасные аналогии дают древнерусские материалы, которые свидетельствуют, что при поступлении на службу князю не требовались какие-либо формализованные процедуры, а достаточно было лишь устного обещания.

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что и у германских народов фиксируются похожие формулы обещаний верности, которые произносятся именно в той же ситуации. Так, нередко в уста героев исландских саг вкладывается обещание с обязательством не расставаться с конунгом до смерти¹²⁰. Согласно рассказу Аммиана Марцеллина, в 361 г. варвары (кельты и германцы) в войске будущего императора Юлиана присягали ему в верности, обязуясь «переносить за него всякие беды до последнего издыхания, если того потребует необходимость»¹²¹. К сожалению

¹¹⁷ *Becher M.* Eid und Herrschaft: Untersuchungen zum Herrscherethos Karls des Grossen, Sigmaringen, 1993, S. 101–111; *Bachrach B. S.* Early Carolingian Warfare. Prelude to Empire, Philadelphia, 2001, p. 68–71. Ср. также в более ранней работе: *Magnou-Nortier E.* Foi et fidélité. Recherches sur l'évolution des liens personnels chez les Francs du VIIe au IXe siècle. Toulouse, 1976.

¹¹⁸ *Esders S.* Treueidleistung und Rechtsveränderung im früheren Mittelalter // Rechtsveränderung im politischen und sozialen Kontext mittelalterlicher Rechtsvielfalt. Hrsg. S. Esders, Ch. Reinle. Münster, 2005, S. 28, 59.

¹¹⁹ Ср. рассуждения по этому поводу Райнхарда Венкуса, который признавал, что «клятва при вступлении в дружину, описанную Тацитом, трудно доказуема», но скорее из общих соображений не хотел «просто исключить» её существование. В то же время, давая своё определение сути дружинного строя, Венкус говорит в самом общем смысле об «эмоционально окрашенном отношении» вождя и дружинника, но о клятве верности как таковой вообще не упоминает: *Wenskus R.* Die neuere Diskussion um Gefolgschaft und Herrschaft im Tacitus' Germania // Beiträge zum Verständnis der Germania des Tacitus. Teil II. Göttingen, 1992, S. 319–323, 330.

¹²⁰ См., например, несколько раз в «Саге об Олаве святом», особенно в главах 186 и 208. В последнем случае слова скальда Тормода о верности Олаву, переданные рассказчиком (Снорри Стурлусоном), сопровождаются цитатой висы, где скальд сообщает о своём решении остаться с Олавом. В отличие от прозаического рассказа, стихотворное произведение может рассматриваться как источник древний и аутентичный (потому что стихотворная форма была слабо подвержена изменениям со временем), и характерно, что в данном случае этот источник даёт соответствие более позднему тексту.

¹²¹ Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994, с. 220 (перевод 1906–1908 гг. Ю. Кулаковско-го при участии А. Сонни). Латинский текст см.: *Ammiani Marcellini rerum gestarum etc.* Hrsg. W. Seyfart. Leipzig, 1978 (XXI. 5. 9–10). Замечу, кстати, что присяга, о которой здесь идёт речь, приносилась

нию, мне не известны специальные исследования, обобщающие данные о такого рода обещаниях верности в Средневековье, и трудно сказать, насколько они были разнообразны. Но очевидно, что общий их смысл совпадал с наиболее употребительным на Руси заявлением о готовности «сложить голову» за князя.

Таким образом, в отличие от Западной Европы, где в результате уникальной конstellляции факторов сложилась своеобразная система вассалитета (в связи с ленными отношениями и рыцарской культурой), на Руси довольно долго сохранялась архаическая традиция устного оформления служебно-договорной связи, в древности, видимо, свойственная и другим народам Европы. Эта традиция существует параллельно с обычаем скреплять политические договорённости крестоцелованием, а затем с постепенно складывающейся практикой «присяги подданных». С образованием единого Русского государства в XV в. эта последняя, подкреплённая практикой взимания крестоцеловальных записей, становится главным средством и механизмом обеспечения верности служилых людей государю; одних слов и обещаний уже недостаточно, и основное значение придаётся религиозной санкции.

* * *

В сравнительно-исторической перспективе заслуживает внимания и вопрос о «вольности» боярской службы. Оформление отношений князя и знати – это одна сторона дела. Посредством этого оформления выражались определённые идеи, лежавшие в основе этих отношений. Но, как мы видели даже из тех скудных данных, которые даёт ПВЛ, с практикой эти идеи соотносились далеко не однозначно. Очевидна проблема, которая была здесь заложена, – одни факторы действовали в пользу стабилизации и укрепления связи правителя и служащих ему людей, другие, напротив, поощряли мобильность как одной стороны, так и другой, которая неизбежно вела к переменам лояльности. Исходить надо из того, что в раннесредневековой Европе право вольного человека выбирать условия и адресат службы было естественным, но что это право должно было иметь какие-то ограничения, которые с развитием государственного начала скорее усиливались. Каким образом «естественные» права и их ограничения соотносились и какую динамику претерпевали в течение Средних веков в разных европейских странах – это предмет специальных, видимо, обширных исследований. Я рассмотрю одну параллель между древнерусскими и древнескандинавскими порядками, которые вообще, как можно было заметить хотя бы и из данного исследования, обнаруживают структурно-типологические аналогии. Как уже давно отмечал М. П. Погодин¹²², в скандинавских странах так же, как и на Руси, свободные люди могли покинуть службу знатного человека или конунга.

по образцу римской военной, но с некоторыми «варварскими» элементами – прежде всего, с заклитием о смерти от собственного оружия, что находит параллель в русско-византийских договорах X в. См.: *Стефанович П. С. Древнерусская клятва по русско-византийским договорам X века // Древнейшие государства Восточной Европы: Политические институты Древней Руси. М., 2006, с. 383-403.*

¹²² *Погодин М. П. Древняя русская история до Монгольского ига. Т. 2. М., 1871, с. 415-416.*

В исландских сагах, посвящённых истории Норвегии, очень часто упоминается о том, что какой-то знатный человек пришёл в дружину того или иного конунга или ушёл от него. Очень распространено, особенно в эпоху викингов, было наёмничество, которое в принципе подразумевает свободные договорные отношения. Однако, те же самые саги сообщают, во-первых, о случаях, когда конунг не отпускал человека, заявившем о своём желании уйти, и во-вторых, о некоторых ограничениях «переходов» – например, сложить с себя обязательства по службе или поступить на службу конунгу можно было, как правило, только в определённое время – во время зимнего праздника йоля (скандинавский языческий Новый год, который с христианизацией был приурочен к Рождеству), а для временной отлучки надо было получить у конунга разрешение на «отпуск»¹²³.

Трудно сказать, идёт ли речь здесь об исконных обычаях или о ретроспективном описании, сделанном уже людьми другой эпохи. Саги, дошедшие до нас и описывающие события X–XI вв., были записаны не ранее рубежа XII–XIII вв., когда в скандинавских странах уже было очень значительно влияние континентальной вассально-рыцарской культуры. Традиция собрания дружины и решения внутренних вопросов во время йоля не может подлежать сомнению. Но, например, разрешение на временную отлучку – это очень похоже на позднюю практику, зафиксированную в «Хирдскра», – когда служба знати приобрела более организованный и «государственный» характер¹²⁴. С другой стороны, чисто теоретически можно допустить, что норвежские конунги, о которых повествуют «королевские саги», могли бороться за власть и единство подчинённой территории, либо опираясь на какие-то обычаи, либо же волонтаристски противостоя «праву отъезда».

Более архаическим выглядит датское законодательство – так называемый «Vederlov» или, в латинской передаче, «Lex Castrensis», устав датской «дружины», который старше норвежского как минимум на столетие (его данные уже использовались выше в главе IV). Создание его приписано Кнуду I Великому, королю датскому, английскому и норвежскому (ок. 995–1035 гг.), который пытался установить порядок в большой и разномастной дружине, собравшейся у него в Англии (где он большей частью находился). Однако текст был записан в начале или середине 1180-х в окружении и по инициативе короля Кнуда VI и Абсалона, архиепископа Лундского. Восходит ли что-то в этом тексте, действительно, к временам Кнуда Великого, и если да, то что именно, – предмет дискуссий в историографии. Дело осложняется тем, что памятник сохранился в нескольких редакциях, и неясно, какая из них ближе оригинальной. Из двух обработок текста на латыни ранняя редакция датского историка конца XII в. Свена Аггесена признаётся в целом более аутентичной по сравнению с более поздней и распространённой версией знаменитого историка Саксона Грамматика. Со-

¹²³ См., например, в «Саге об Олаве святом» (гл. 42-46: Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980) и в «Саге об Эгиле» (гл. 22: Исландские саги. Т. 1).

¹²⁴ Об отлучках говорится в главе 29 (34) сборника, см.: Hirdskræn..., s. 126–128.

хранилась редакция и на датском языке, близкая к версии Аггесена, которая восходит, вероятно, к XIII в., но неясно, отражает ли она оригинал или основана на тексте Аггесена. Осторожный подход заставляет признать следы политической программы королевской власти конца XII в., но в то же время большинство историков сходятся в том, что в памятнике отразилось некое историческое ядро¹²⁵.

Два постановления «Vederlov» находят явные аналогии с фактами древнерусской истории. Первое короткое, приводится во всех редакциях с минимальными различиями, не меняющими смысла, и по своему содержанию едва ли соответствует эпохе конца XII в., поэтому естественно отнести его именно к этому ядру. Привожу текст по датской версии (статья 5-я из всех девяти): «Если кто-то захочет покинуть службу своего господина, тогда он должен на восьмой день после йоля в присутствии двух членов дружины объявить о своём уходе (*latæ after sigia thiæneste sin meth twa witherlaghæ mæn*). После этого он может служить другому господину»¹²⁶.

Смысл этого короткого постановления вполне прозрачен: дружину может покинуть всякий, выполнив два условия – во-первых, объявить об этом в определённый день (на восьмой день после йоля), во-вторых, представить двух дружинников, видимо, в качестве свидетелей и гарантов того, что за ним не числится никаких долгов и проступков. Условия эти вполне естественны и едва ли были обременительны. Понятны и причины, которые могли заставить Кнуда Великого зафиксировать эту норму: в большой и разнородной армии, которая образовалась у него при дворе в ходе и в результате образования его огромной империи, королю трудно было сохранить личную связь с каждым из его «мужей» и самому контролировать внутренние отношения, и именно законодательная инициатива должна была компенсировать этот вакуум коммуникации и контроля и сгладить последствия отчуждения между вождём-правителем и дружиной. Поскольку король мог и не знать всех обстоятельств судьбы и службы человека, заявившего о своём уходе, естественно, что требовалось свидетельство двух дружинников, бывших в курсе дела.

Если признать древность и традиционность этой статьи «Vederlov», следует считать, что среди скандинавов X–XII вв., а значит, и в среде варяжских «находников» на Руси «право отъезда» было общепризнанной нормой. Это вполне соответствует предложенному выше тезису, что на Руси право выбора адресата службы считалось само собой разумеющимся. Так же, как на Руси, в северной Европе не предпола-

¹²⁵ См. обсуждение проблемы: *Jørgensen P. J. Dansk Retshistorie: Retskildernes og forfatningsrettens historie indtil sidste halvdel af det 17. aarhundrede. 4. oplag. København, 1969, s. 56–64; Christiansen A. E. Kongemagt og Aristokrati. Epoker I: Middelalderlig Dansk Statsopfattelse indtil Unionstiden. København, 1976, s. 31, 46 (1-е изд.: 1946 г.). Наиболее скептический взгляд по поводу древности законов выражен в работе: *Christiansen E. The Works of Sven Aggesen Twelfth-century Danish historian. London, 1992.* Здесь же дан перевод на английский язык текста памятника в версиях Аггесена и датской.*

¹²⁶ *Den Danske Rigslovgivning indtil 1400. Udgivet ved E. Kroman. København, 1971, s. 3.* Здесь же опубликованы тексты Аггесена и Саксона. Ср. также немецкий перевод устава с историческим комментарием: *Dänische Rechte. Übersetzt von C. von Schwerin. Weimar, 1938.*

галось специальных ритуалов для оформления ухода со службы конунгу – достаточно было устного заявления, сделанного публично.

Любопытная аналогия заметна также, если посмотреть на то, в каком политическом контексте происходит актуализация старинного права свободного ухода с княжеской (королевской) службы. На Руси «право отъезда», как и другие нормы боярской службы, юридически закрепляются и вводятся в «политический дискурс» довольно поздно – только в XIV в. (в известных формулах межкняжеских договоров «а боярам и слугам межи нас вольным воля»), а до этого они существовали в плоскости обычного права. По-видимому, фиксацию в этих формулах прав служащей знати следует связывать с более ожесточённой борьбой князей за служилых людей, более сильным давлением обязанностей государственной службы и идеологических требований верности; с повышением роли боярского землевладения возникла также необходимость регулировать его статус при отъезде.

В Дании сборник традиционных норм дружинного права хотя и, вероятно, существовал с начала XI в., но позднее был, видимо, забыт, и вернулся снова в обиход только в 1180-е годы. Как показывают специальные исследования обработки этого устава и комментариев к нему у Аггесена и Саксона, актуализация его в это время тоже не была случайной, а отражала трансформацию отношений короля и знати. В объединённом королевстве конца XII в. королевская власть стремилась привести к единству и покорности или по крайней мере предсказуемости служилую знать. Именно этой цели должно было служить в целом законодательство «Vederlov». Часть постановлений акцентировала обязанности знати, а часть призвана была признать традиционные обычаи и привилегии. В этой последней части и было повторено старинное «право отъезда», хотя в реальности, как отмечается в специальных исследованиях, объявление этого права носило, видимо, декларативный характер. На практике в этой норме не было уже такой нужды – в условиях единого государства и развития частного землевладения служить можно было фактически только при королевском дворе. Уходить было некуда и не зачем, независимость знати обеспечивалась уже на других основаниях – с помощью развития сословных привилегий. Неслучайно больше эта норма никогда в Дании не упоминается¹²⁷.

Более пространна 4-я статья датской версии «Vederlov», которая тоже касается ухода из дружины, но регулирует другой случай: не добровольный уход, а изгнание за провинность. Она примыкает к статье о преступлении против короля, и поскольку обе статьи по содержанию связаны, а в латинских версиях они и пересказываются в одних пассажах, то стоит процитировать их вместе. «[3]. Если кто-то оказался бесстыдным и подлым предателем и замыслил подобно Иуде злое дело против своего господина, – постановляет закон, – то он лишён своей жизни и всего, что имеет. [4].

¹²⁷ Riis Th. *Les Institutions Politiques Centrales du Danemark 1100–1332*. Odense, 1977, p. 232–235; *Gelting M. H. Military organization, social power and state formation in Denmark, 11th. -13th. century // Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1-1300*. Edited by A. N. Jørgensen and B. L. Clausen. Copenhagen, 1997, pp. 48-54.

Если король хочет выгнать кого-то из дружины, тогда он должен сперва, послав двух дружинников к тому на двор, объявить ему в присутствии его товарищей и в его «квартале» (*i sin sveet oc i sin fiarthing* ¹²⁸) о приглашении на дружинную сходку (*huskarlastefna* – собрание всей дружины) и назначить место и день. Если он не придёт на сходку, король должен послать к нему домой и второй раз позвать его, назначив место и день. Если он снова не придёт, то король должен в третий раз его пригласить, у него дома, и сказать ему, когда и куда он должен придти. Если он не придёт на сходку, то да будет он осуждён и покинет страну, а король возьмёт всё, чем он обладал. Если же он придёт на сходку и король, заручившись свидетельством двух дружинников и принеся святую клятву, сможет доказать, что тот замышлял против его жизни и против страны, тогда он лишён места в дружине и своей жизни. Если дружинники не решаются подтвердить это (то есть вину обвиняемого – *П. С.*) и принести клятву, то должен он божьим судом либо пропасть, либо быть ограждён, а именно [через проверку] калёным железом (имеются в виду ордалии – *П. С.*), согласно законам, которые дал Кнуд Старый» ¹²⁹.

Авторы латинских версий «*Vederlov*» («*Lex Castrensis*») более многословны в пересказе этих статей и сообщают дополнительные детали, касающиеся главным образом самой процедуры суда обвиняемого и порядка его изгнания ¹³⁰. В главных пунктах версия Аггесена (в тексте которого, впрочем, есть лакуна, приходящаяся на большую часть статьи о порядке суда над обвинённым) ближе к датской, чем версия Саксона. Последний ставит предательство короля в один ряд с другими преступлениями – в основном, оскорбления и другие действия против других дружинников – и для всех них предусматривает судебное разбирательство. Кроме того, он не говорит эксплицитно о конфискации всего имущества предателя или осуждённого на изгнание. Это умолчание учёные связывают с реальными условиями конца XII в., когда королевская власть не могла открыто заявить о такого рода претензиях ¹³¹. Текст устава в пересказе Саксона, видимо, вообще больше модернизирован, и в данном случае более аутентичными надо считать две другие версии.

Общий смысл статей в датском тексте и в латинском изложении Аггесена сводится, очевидно, к следующему. Различаются два вида преступлений людей на королевской службе. Одно – предательство короля или козни против него – карается «без суда и следствия» по прямому указанию короля. Для всех других провинностей – к сожалению, датский текст не уточняет, каких именно, а у Аггесена здесь лакуна – предусматривается определённая юридическая процедура доказательства вины и осуждения, причём весь процесс имеет публичный характер. Это постановление очень напоминает цитированное выше известие Галицко-Волынской летописи об из-

¹²⁸ См. догадку о том, что имеется в виду под этими кварталами в сравнительном исследовании «большой дружины» в главе IV.

¹²⁹ *Den Danske Rigslovgivning...*, s. 2–3.

¹³⁰ *Ibidem*, s. 22–24, 37–39.

¹³¹ *Gelting M. H. Op. cit.*, p. 49–50.

гнании князем Мстиславом боярина Жирослава после публичного, перед лицом всех остальных бояр, обличения¹³². Это обличение князь должен был произвести, очевидно, именно потому, что Жирослав обвинялся не в предательстве князя как таковом, а только в том, что приписал Мстиславу какие-то недобрые замыслы против остальных галицких бояр. С другой стороны, в тех случаях, когда сообщается о «казни» бояр (например, о смерти новгородского посадника Константина), данные «Vederlov» заставляют предполагать обвинения в предательстве и, соответственно, наказание по прямому «княжу слову». Эти нормы, которые в датском законодательстве получили юридическое оформление, а действие которых в средневековой Руси надо предполагать в обычном праве, безусловно влияли на порядок ухода людей с княжеской службы, а значит, этот порядок определялся далеко не только «правом отъезда» и был значительно сложнее, чем предполагает идея неограниченной «боярской вольности».

1.3. Верность: условная и безусловная

Вернёмся к вопросу, поставленному в начале этого параграфа – можно ли говорить о некоей верности в отношениях князя и знати в Древнерусском государстве?

Этот вопрос имел бы вполне ясный ответ, если бы на Руси существовала традиция присягать (клясться) на верность князю. Однако, как мы видели, такой традиции не сложилось. На Руси вплоть до позднего Средневековья сохранялся порядок, когда для установления отношений службы и/или сотрудничества между вождем/правителем и неким свободным человеком достаточно было определённого устного заявления (вероятно, публичного). Основываясь на более поздних данных (летописное известие о нижегородских боярах в 1392 г.) и на скандинавских параллелях (данные датского «Vederlov»), можно думать, что и для разрыва отношений требовалось лишь устное объявление со стороны желающего «отъехать». Было выдвинуто предположение, что этот, очевидно, архаический порядок был принят у многих «варварских» народов раннесредневековой Европы до влияния античной цивилизации и складывания государства. По-видимому, он был естественен для архаических военных образований (дружин), в которых отношения между членами строились на личных связях, скорее дружеско-товарищеского характера, и в которых применение религиозной санкции (которую обеспечивала клятва) не было необходимо (хотя и не исключалось в принципе).

Клятва проникает в политическую практику Древнерусского государства. В отношениях князей и знати она впервые фиксируется в 1118 г. (присяга новгородских бояр Мономаху). Однако целью присяг, к которым князь приводил знать, было обеспечение не их верной службы, а сохранения того или иного «стола» за князем и/или его потомками. Знать при этом выступала коллективно как представители той или

¹³² В этот же ряд надо поставить известия источников XIV–XV вв. об «исправе», которую должен провести князь, подозревающий провинность за кем-то из служащих ему бояр, см.: *Веселовский С. Б. Ук. соч.*, с. 476–477.

иной земли (города), часто вместе с горожанами. Клялись собственно не в том, чтобы быть верными князю, а в том, чтобы признавать власть его и его детей как правителей в данной области. Вассальными эти клятвы назвать нельзя. Из них позднее выросла присяга подданных – совсем другой тип клятвы.

Устные заявления о поддержке князя или готовности ему служить, которые давали представители знати, не скрепляли отношений между ними с формально-правовой стороны. С их помощью формулировался лишь базовый принцип этих отношений – «приянь», то есть дружба-союз. Более общий характер соглашения о союзе носило выражение «приятъ в сердце», но, видимо, как раз из-за слишком общего смысла оно не утвердилось на Руси как формула, описывающая вступление на княжескую службу. В военной среде часто использовалось выражение «сложить голову» или подобные ему. Эти слова не отсылали к неким «договорам о службе». Такого рода обещания и заверения могли произноситься и не только при поступлении на службу, но и вообще в ответственный момент – например, перед битвой, – когда требовалось напомнить о данных когда-то и затем больше подразумеваемых «по умолчанию» обязательствах.

Конечно, в основе этой «приязни» лежала верность. И в этом смысле можно согласиться с теми (многочисленными) историками, которые пишут о верности в отношениях князя и знати («дружины») в средневековой Руси. Но, вместе с тем, важно уточнить, к а к о г о р о д а была эта верность, прежде всего, что она кардинально отличалась от позднейших представлений о безусловной преданности правителю и службе ему «верой и правдой». В этих словах о вступлении «в приянь» к князю или принятии его к себе «в сердце», а также о готовности сложить за него голову, выражался совсем другой принцип отношений – договорной, обоюдный, обусловленный взаимными обязательствами: князь обязывался жаловать «честью», а за это мог рассчитывать на поддержку и услуги и совместную борьбу за некие общие цели и даже идеалы (типа защиты «Русской земли»).

Но констатация «взаимно-договорного» характера отношений князя и знати не раскрывает полностью их суть. Разумеется, верность такого рода опиралась во многом (если не преимущественно) на расчёт и материальную заинтересованность. Обязанности служить кому бы то ни было, в том числе и князю, не было. Служили потому, что это было необходимо для поддержания статуса и просто выгодно, причём до тех пор, пока некие альтернативные потенциальные выгоды не перевешивали наличные. В летописных рассказах о «лести», совершённой в отношении того или иного князя, хорошо видно, что летописцы, осуждая предателей, иногда как бы подспудно, а иногда и явственно утверждают свою позицию в противовес другой – той, которая выше была обозначена как «прагматическая», то есть имеющая в виду практические интересы и конкретные выгоды и игнорирующая нравственные мотивы. Судя по тому, что осуждённые книжниками «предатели» потом в обычном порядке исполняют свою службу другим князьям и не подвергаются общественному ostracismu, в обще-

стве того времени такое поведение рассматривалось как если не нормальное, то, по крайней мере, приемлемое.

Вместе с тем, взгляд, который отстаивали летописцы, явно не был и «гласом вопиющего в пустыне». Недаром до позднейшего писателя дошла память о Варяжке, сохранявшем преданность своему князю не только до его смерти, но и после. По-видимому, в обществе ценилось такое поведение. Значит, отношения князя и служащим ему людей не были всегда и везде рациональны и основаны на чистом расчёте, им была присуща и некоторая, так сказать, возвышенность или идеалистичность. Откуда же она происходила, если религиозной подоплёки, способной привнести в эти отношения иррациональный элемент, в них не заметно? На источник, откуда берётся этот элемент, прямо указывают сами же летописцы – они пишут, что особые, дополнительные и не поддающиеся точной калькуляции, обязательства накладывает чувство б л а г о д а р н о с т и. Хотя летописцы при этом приводят библейские цитаты (характерно, однако, что из Ветхого Завета), ясно, что происхождение этого взгляда дохристианское. В сущности, речь идёт о комплексе представлений, связанных с даром и дарообменом.

Не углубляясь в дискуссии о роли дара в догосударственном обществе, начатые классическим трудом Марселя Мосса «Этюд о даре» (об этом говорилось выше в главе II), отмечу в данном случае архаическое происхождение той верности, которая просматривается в отношениях князя и знати на Руси в X–XII вв. Очевидно, она происходит из той эпохи, когда механизмов, регулирующих и гарантирующих соблюдение неких обязательств между людьми, было крайне мало. В отсутствие или в условиях слабости внешнего принуждения, исходящего от коллектива или государства, некий минимальный уровень доверия, необходимый для функционирования общества, обеспечивали такого рода элементарные базовые нормы, как ответ на дар, гостеприимство и т. п. Вот из этого *доверия* происходит и та *верность*, о которой прямо, эксплицитно, не пишут летописцы в рассмотренных выше известиях, но, указывая на необходимость быть благодарными за благодеяния, подразумевают её.

Эта верность, очевидно, не может иметь строгого и последовательного идеологического обоснования и предполагать некую обязательность и безусловность. Она скорее житейско-бытового характера. Характерным для неё является тесная связь с конкретными условиями и обстоятельствами взаимоотношений тех или иных людей. Благодарность всегда конкретна и даже материальна. В этом смысле она всё время как бы возвращается к отмеченным выше «договорно-расчётливым» чертам отношений князя и знати. Очень показательным является один летописный эпизод, который хотя и происходит из времени, несколько более позднем по сравнению с выбранными хронологическими рамками исследования, но отражает эту древнюю верность.

Через посредство киевского и владимирского летописания до нас дошло известие XII в., описывающее борьбу галицкого и киевского князей зимой 1154 г. В известии передаётся речь галицких бояр, обращающихся к молодому князю Ярославу пе-

ред решающей битвой. Бояре заверяют Ярослава, год назад взошедшего на галицкий престол после смерти отца, в поддержке: «како ны будеть о(те)ць твои кормиль и любиль, а хочемъ за отца твоег(о) ч(е)сть и за твою головы своя сложити..., ты еси у нас кн(я)зь один, оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти...»¹³³

Знакомым нам выражением («голову сложить») бояре обещают князю верность, но замечательно, какие её основания они указывают – во-первых, заботы его отца (князя Владимира Володаревича) об их благополучии и, во-вторых, тот факт, что у Ярослава не было братьев (а значит, он был единственный законный совершеннолетний «властель» Галича). Чувство благодарности здесь поразительным, но естественным и непротиворечивым, образом сочетается с политическим расчётом и интересами материального свойства – ведь потеряв своего единственного князя, бояре вынуждены были бы принять какого-то князя извне, который привёл бы своих людей, и были бы неизбежны передел кормлений и перегруппировка знати. Такое даже несколько наивное, на наш современный взгляд, сочетание прагматизма и человеческих чувств, по-видимому, нисколько не задевает летописца, излагающего весь эпизод в совершенно само собой разумеющемся тоне.

Отмечая этот условно-договорной и бытовой характер верности древнейшей поры, можно также предположить, что она не касалась исключительно лишь сферы отношений князя и знати и даже вообще людей у него на службе. Во всяком случае, в свете этой верности оцениваются поступки и воеводы Блуда (видного сановника, боярина), и слуги-отрока Георгия – людей, принадлежащих разным социальным группам. И ведь неслучайно летописцы пишут вообще о господине и слуге, а не специально о князе и его «мужах». Верность такого рода, как и выражавшие её фразы «приятъ в сердце» или «сложить голову», могла находить применение в самых разных жизненных ситуациях. По этой причине было бы неправильно обозначать её как «дружинную» или «вассальную» и противопоставлять принципам отношений в других социальных средах и группах.

Именно в этом контексте надо понимать те упоминания «любви» князя, которые мы встречаем иногда в описаниях отношений князей и из людей («дружин»). Неслучайно само это используемое понятие – оно тоже «нравственно-бытового» происхождения и стоит в том же ряду, что и выражения «приятъ в сердце» и т. п. И оно тоже может относиться к разным людям в окружении князя. Галицкие бояре говорят о том, что их «кормил и любил» князь Владимир Володаревич. Святой князь Борис «любляше повелику» своего отрока Георгия. В цитировавшемся выше несколько раз летописном рассказе о пирах князя Владимира тоже говорится, что он «бѣ любя дружинну», то есть всех «людей своих», среди которых указаны и бояре, и гридь (отроки), и городская верхушка.

Кардинальную трансформацию древняя верность претерпевает не тогда, когда меняется социальная среда, а когда меняется её идейное содержание. Это происходит

¹³³ ПСРЛ. Т. 2, стл. 466–467. Ср. в ЛаврЛ с небольшими отличиями: ПСРЛ. Т. 1, стл. 340.

с наполнением понятия верности религиозной идеологией, и на это справедливо обращалось внимание в западной медиевистике в дискуссиях вокруг проблемы «германской верности». На Руси мы видим тот же самый процесс, и, как уже отмечалось в начале этого параграфа, его начало относится к 60-70-м годам XII в. В это время в летописи появляются известия, в которых люди, не соблюдающие те или иные обязательства перед князьями, осуждаются как «неверные» с религиозной точки зрения. Особенно ярко обнаруживает эту трансформацию понятия верности повесть об убийстве Андрея Боголюбского, в которой мы видим отражение и старого, архаического, понимания верности и новых взглядов.

Более явно и даже нарочито религиозное настроение автора повести. Хотя повесть дошла до нас в двух вариантах в ЛаврЛ и ИпатЛ (которые надо, видимо, рассматривать как равноправные в смысле древности и аутентичности и имевшие общий протограф¹³⁴), но по обоим ясно видно, что автор первоначального текста был духовным лицом, поставившим себе целью прославление князя-страстотерпца, «воследовавшего» своим «братома благоумными» Борису и Глебу.

«Неверные» – это лишь один из эпитетов, используемых вместе с другими выразительными средствами и характеристиками ради одной цели – осуждения заговорщиков. Это осуждение ясно обозначено в более краткой версии ЛаврЛ, где убийцы князя сравниваются со «зверьем дивным» и называются «оканьными»¹³⁵. Но ещё более сильные слова находим в пространной редакции ИпатЛ, где замысел заговорщиков характеризуется как «свѣтъ лукавыи пагубоубиистьвенныи», а они сами как «злые свѣтники», действовавшие «дьяволимь научениемь».

В варианте ИпатЛ подчёркивается неблагодарность «возлюбленного слуги», предавшего своего князя, – Якима Кучковича, который сравнивается с Иудой: он побегал к остальным «оканьным» заговорщикам, «якоже Июда къ Жидомь, тьсняся угодити о(т)цю своему сотонѣ». Андрею, когда на него уже напали, приписываются такие слова: «О горе вам, неч(е)стивии, что уподобистесь Горясѣру (убийце Глеба – П. С.). Что вы зло учинихъ? Аще кров(ь) мою прольясте на землѣ, да Б(ог)ъ отмститъ вы и мои хлѣбъ»¹³⁶.

В рассказе о некоем Кузмище Киянине, который пришёл в Боголюбово и нашёл тело убитого князя (эпизод, очевидно, записан с его же слов), экспрессия осуждения ещё возрастает. С «плачем» Кузмище обращается к Андрею: «Г(о)с(поди)не мои, како еси не очютиль сквѣрныхъ и неч(е)стивыхъ пагубоубиистьвенныхъ ворожьбитъ своихъ, идущихъ к тобѣ?» У подошедшего Амбала ясина, ключника Андрея, Кузмище просит ковёр, чтобы прикрыть тело князя, и называет ключника «вороже», а затем, когда тот говорит, что хочет «выверечи» тело псам, киевлянин произносит гневную

¹³⁴ См.: Насонов А. Н. Ук. соч., с. 149–158.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 369–370.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 2, стл. 585–587.

речь: «О, еретиче! Уже псомъ выверечи! Помнишь ли, жидовине, въ которыхъ порѣтъхъ пришелъ бѣшеть? – ты нынѣ в оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежить...»¹³⁷

В этой части повести, которая присутствует только в ИпатЛ, в словах князя, гневно укоряющего предателей, и в словах Кузмищи, клеймящего княжеского ключника, звучит мотив, который условно можно назвать «темой неблагодарности». Андрей ссылается на то, что не причинял нападшим на него никакого «зла», а наоборот – они ему обязаны за его «хлеб». Киевлянин также образно (через сравнение того, как был одет ключник до приёма на службу к князю и после гибели последнего) напоминает Амбалу, что своим положением он обязан князю.

Однако затем развивается религиозное осуждение заговорщиков, и оно обосновывается с помощью так называемой теории богоустановленности власти. Это обоснование находим в словах, которые присутствуют в обоих летописях и, видимо, были в их протографе (изначально во владимирском летописании)¹³⁸. Теория богоустановленности власти имеет истоки в Новом завете (например: Рим., XIII, 1-6), развивалась богословами как Восточной, так и Западной церквей¹³⁹, на Руси была известна по церковной литературе, «четым» книгам, отразилась она и в летописях¹⁴⁰. В повести об убиении Андрея Боголюбского приведены соответствующие ссылки: «И паки Павелъ ап(о)с(то)ль г(лаго)леть: всяка д(у)ша властелемъ (РА: властемъ) повинуется. Власти бо от б(ог)а учинени сут(ь). Естъствомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому ч(е)л(о)в(е)ку ц(е)с(а)рь, властью же сана яко б(ог)ъ. Вѣща бо великыи Златоустецъ: тѣмже противятся волости, противятся закону Б(о)жью. Князь бо не туне мечъ носить, б(о)жии бо слуга есть»¹⁴¹. Убийцы и предатели князя осуждаются за то, что они покусились на помазанника Божия.

Таким образом, мы видим две тенденции в осуждении убийц-предателей князя – тема неблагодарности, которая отражала архаическое мировоззрение, предполагавшее взаимность в услугах и дарах, и новая для летописи идея подчинения князю как носителю богоустановленной власти. Эта идея проведена более отчётливо и пространно в обеих редакциях текста. Позднее она ещё сильнее была развита в «Летописце Даниила Галицкого» и со временем стала господствующей в рассуждениях книжников о власти и значении княжеского сана.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 2, стл. 590–591. Из благочестивых речей Кузмищи, к сожалению, не ясно, кто он, собственно, был. Обращение к Андрею «господине мой», возможно, говорит о том, что он входил в окружение погибшего князя.

¹³⁸ Насонов считал эти слова вставкой, сделанной владимирским летописцем при включении первоначальной повести в «официальный великокняжеский свод» (который уже послужил протографом для ИпатЛ и ЛаврЛ): *Насонов А. Н.* Ук. соч. С. 155–156.

¹³⁹ См. подробнее: *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. М., 1889, с. 31 и след.

¹⁴⁰ См.: *Лаушкин А. В.* Идея богоустановленности княжеской власти в летописании Северо-Восточной Руси второй половины XII – начала XIII в. // *Русское средневековье. Общество и церковь.* 1997. М., 1997, с. 30 и след.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 370. Ср.: т. 2, стл. 592–593. Сравнение авторитета царского «сана» с божественным – это цитата из сочинения византийского писателя VI в. Агапита, отрывки из которого нередко приводились в «четьих» сборниках, бытовавших на Руси.

На мой взгляд, именно эта переменная в понятии верности является решающей. Фактически это два разных типа представлений: одно, выросшее из «общечеловеческих» нравственных императивов, так сказать, естественно-бытовым путём, а другое – идеология, разработанная специально для укрепления власти и авторитета правителя, с опорой на определённую политическую теорию. Одна верность условная, основанная на взаимности и благодарности; отношения сторон мыслятся как более или менее равноправные или, во всяком случае, ожидания и обязательства не односторонние. Другая верность безусловная, за которой стоит сакральная ценность, освящающая институт монархии; обязательства подчёркиваются именно по отношению к правителю, а не с его стороны.

На то, что следует различать эти два типа верности, обращается внимание в некоторых современных работах, посвящённых изучению институтов и идеологии власти в Средние века. Например, современный норвежский историк Х. Я. Орнинг в исследовании политической культуры и механизмов власти в Норвегии в XII – XIII вв. (главным образом, по исландским сагам) предложил различать верность контекстуальную и абсолютную¹⁴². Первая – это та, которая ожидается и подразумевается в отношениях конунга и знати или его слуг на практике и которая всегда ориентируется на конкретные условия и политический контекст. Вторая – это идеология верности подданных королю как помазаннику божию, которая развивалась в религиозной и придворной литературе, отталкивавшейся от континентальных образцов.

Разумеется, не надо понимать смену двух типов верности как механический и быстрый процесс. Они сосуществовали на протяжении долгого времени и в Средние века, и в Новое время (и даже существуют в каких-то отголосках в современной жизни). Хотя идея абсолютной верности богоустановленной власти фиксируется в практике отношений князя и его окружения лишь в последние десятилетия XII в., её применение было подготовлено влиянием христианских представлений на осмысление этих отношений в предшествующий период. В разобранных выше примерах мы видели, что уже в изложении полулегендарных событий языческого прошлого Руси (конфликт Ярополка и Владимира Святославичей с участием Блуда) летописцы ссылались на Библию. Нестор сравнивал Торчина, повара князя Глеба, с Иудой. Такого рода отсылки к Священному писанию создавали тот фон, на котором следовало оценивать общественную жизнь и с которым следовало соизмерять поступки политических деятелей. На этом фоне внедрение христианской теории богоустановленности власти в политический «дискурс» Руси прошло, по-видимому, гладко, не вызвав отторжения у современников и не заставив обратить на себя внимания и современных историков, которые часто говорят о верности в о о б щ е, не дифференцируя разные эпохи, представления и течения мысли.

¹⁴² *Orning H. J. Unpredictability and Presence. Norwegian Kingship in the High Middle Ages. Leiden-Boston, 2008. См. особенно с. 311-314.*

Предложенное понимание древней архаической верности позволяет оценить тезис, популярный в историографии, о «боярской вольности». Конечно, если иметь в виду договорно-прагматическую сторону отношений князя и его окружения, а также то обстоятельство, что право покинуть княжескую службу в принципе никогда в рассматриваемый период (да и позднее) не ставилось под сомнение, можно говорить и о вольности. Но такой взгляд, как убеждает данное исследование, был бы односторонним. Эта «вольность» имела такие ограничения, которые заставляют всё-таки отвергнуть само это понятие как неадекватное для описания отношений князя и знати.

Ограничения эти были трёх видов. Во-первых, на свободу переходов свободных «мужей» от князя к князю накладывало указанное представление о необходимости быть со своим князем за оказанные им «чести» и «любовь». Обязательства, наложенные дарами, – то есть в силу благодарности – имели не абсолютное значение, но в каких-то случаях играли свою роль. В речи галицких бояр, обращённой к князю Ярославу, этот фактор обозначен вполне чётко и ясно. Во-вторых, не надо забывать, что эти «переходы» не были, собственно, свободными или «вольными», а вероятно, были обставлены целым рядом условий. Древнерусские источники не описывают формальной процедуры ухода со службы так, как она описана, например, в датском «Vederlov», и не говорят эксплицитно об этих условиях. Но отрывочные упоминания о княжеском «гневе» и «вине», которая могла быть за боярином, свидетельствуют, что такие условия были. Не говоря уже о том, что переход во время «розмирья» в стан врага однозначно расценивался как «лесть», эти упоминания указывают на определённый порядок обязательств между человеком на службе князя и князем. Без решения всех вопросов, связанных с этими обязательствами, переход не мог рассматриваться как легальный. Да и ведь, в конце концов, князь располагал существенно большей силой, чем отдельно взятый боярин, и если были подозрения, что за последним числится какая-то «вина», то несмотря на всю «вольность» княжий «гнев» мог привести к «казни», как это случилось даже с таким могущественным вельможей, как новгородский посадник Константин Добрынич.

Наконец, в-третьих, в практических условиях той эпохи едва ли частые и лёгкие перемены лояльности были в интересах самой знати. На практике разрыв боярина (как и вообще всякого служилого человека) с князем должен был быть скорее событием нежелательным и связанным со многими осложнениями для обеих сторон, нежели легко осуществимой стандартной процедурой. Лишение своего «места» при князе, подразумевающего право на определённые должности с соответствующими доходами, – это была катастрофа, от которой могло спасти только заступничество святого (ср. выше посмертное чудо Феодосия Печерского). Пойти на это можно было только в исключительных обстоятельствах.

Другое дело, если по независящим от бояр обстоятельствам со сменой одного князя другим они оказывалась перед выбором – уходить со своим «старым» или оставаться с «новым». Сложность в том, что за скупыми сообщениями летописи, лишь

констатирующей факт, трудно разглядеть мотивы, которыми руководствовались бояре, принимая то или иное решение, и понять, были ли какие-то традиции и нормы, регулировавшие преемственность власти и элиты. «Нормальным» следует признать тот порядок, когда смена власти происходила естественным образом – после смерти отца к сыну или по межкняжескому соглашению – и дружина сохраняла положение, приобретённое при прошлом князе, и при его преемнике. На такой нормальный порядок, видимо, очень рассчитывал в 1146 г. Игорь Ольгович, когда предлагал виднейшим киевским боярам сохранить за ними те места, которые они занимали при его старшем брате. Расчёт Игоря, однако, не оправдался, и бояре предпочли ему другого князя.

В случае, если между князьями, претендующими на тот или иной стол, был конфликт и одному из князей приходилось уходить, люди, связанные с ним служебными обязательствами, не обязательно должны были уходить с ним в полном составе. Как рассказывает летопись о том же конфликте вокруг Киева, зимой 1146–1147 гг. князь Святослав Ольгович вынужден был бежать из своего Новгород-Северского, «дружина же его – о́ни по нем идоша, а друзии осташа его...»¹⁴³

У князей часто упоминаются «приятели» в тех городах, в которых они когда-то сидели и/или на которые претендовали. Зачастую дружина только и ждёт возвращения князя в свою «отчину» и готова оказать ему поддержку, потому что установление власти князя, пришедшего извне, как правило, не значило ничего хорошего для неё – ведь с новым князем приходили его бояре, и предстояла перегруппировка знати и передел кормлений. Разумеется, всегда был риск, что бояре ушедшего князя договорятся на устраивающих их условиях с новым князем и не поддержат вернувшегося старого князя. Например, так произошло с Ярославом Святополчицем, когда в 1118 г. «бояры его отступиша от него» и он, как выяснилось позднее, навсегда покинул свой отчинный Владимир-Волынский. Но у нового князя могли и не сложиться отношения со старой «дружиной». Как выше уже говорилось, явные трения с киевской знатью были у Всеволода Ярославича в последние годы его правления в Киеве (статья ПВЛ 1096 г.), а затем пришедшего в Киев из Турова Святополка Изяславича.

Эту ситуацию, очевидно, нельзя назвать «отъездом» в том смысле, какой вкладывают в это слово историки, опирающиеся на данные XIV–XV вв. Уход знати, не сумевшей договориться с новым князем, или расставание уходящего князя и остающегося в своей родной земле боярства – такого рода перемены служебных отношений являются вынужденными, по необходимости, а не по какому-либо праву. К тому же, во всех этих случаях перемена лояльности осуществляется не отдельными представителями знати, а коллективно – либо всеми, либо большинством. Конечно, надо допускать, что при смене князей на столе, когда бояре должны были заново выстраивать отношения с преемником предыдущего князя, кто-то из них принимал новые условия, а кто-то – иногда один или несколько бояр – оставались недовольны. Это недовольство тоже могло вести к «переходу». Так можно объяснить примеры, когда один боярин

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 2, стл. 334.

или представители разных поколений одного боярского рода оказываются на службе у князей разных ветвей рода Рюриковичей. Эти примеры рассматриваются в следующем параграфе.

§ 2. Боярские «карьеры» и «генеалогии»

Свидетельства о том, как происходили «переходы» (перемены лояльности) бояр, за всё домонгольское время и, тем более, за период до 1132 г., как мы видели, крайне скудны. Сами по себе они не позволяют ответить на такие вопросы, какова была ротация в слое боярства, насколько сильна была его мобильность, как складывались служебные карьеры его представителей, была ли преемственность в службе из поколения в поколение и т. д. Тем не менее, в сопоставлении с этими свидетельствами некоторые другие данные помогают, хотя бы отчасти и в некотором приближении, осветить эти вопросы. Этими данными являются упоминания имён отдельных бояр в летописях и других источниках, сопоставляя которые можно попытаться проследить перемены в служебных «карьерах» этих бояр и в судьбах родов, которые они представляли.

В литературе уже делались неоднократные попытки установить связи между лицами, отмеченными в летописи и других источниках, на основании их имён, отчеств, принадлежности к «дружине» того или иного князя, к тому или иному городу и т. д. Первые попытки такого рода предприняли практически одновременно М. П. Погодин и С. М. Соловьёв¹⁴⁴. Как уже говорилось в главе I, выводы, к которым они пришли, кардинально расходились. Погодин склонялся в пользу как преемственности в службе бояр одному князю или одной княжеской ветви, так и переходе этих служебных отношений по наследству из поколения в поколение. Соловьёв настаивал на «вольности» и «неосёдлости» бояр, которые свободно и постоянно переходили от князя к князю, из земли в землю. В дальнейшем С. Б. Веселовский и М. Б. Свердлов скорее поддержали позицию Погодина. Однако со времён статьи Свердлова, посвящённой генеалогиям боярских родов домонгольского времени¹⁴⁵, прошло немало времени, и изучение истории Древнерусского государства в разных отношениях продвинулось вперёд. Ряд деталей им не были или недостаточно освещены, некоторые наблюдения нуждаются в уточнении, и в целом, необходим новый пересмотр как упоминаний бояр, так и возможных связей между упомянутыми в источниках лицами. Фиксируя случаи, когда один и тот же боярин или представитель одного боярского рода оказывается у разных князей, или же примеры преемственности в боярской службе, я оцениваю достоверность возможных «увязок» и сближений в упоминаниях разных лиц и «генеалогических» построений, учитывая разные параметры (антропо-

¹⁴⁴ См.: Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VII. М., 1856, с. 76, 139; Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Т. 3 // *Он же*. Сочинения. Кн. II. М., 1988 (1-е изд.: 1852 г.), с. 16–20, 305.

¹⁴⁵ Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI–XIII вв. // ВИД. Т. XI. Л., 1979, с. 222–237.

нимику, летописную текстологию и др.), но главной для меня является оценка вероятности в зависимости от конкретных исторических условий и обстоятельств. В целом, я придерживаюсь хронологических рамок исследования, лишь в нескольких случаях выходя за них и привлекая данные середины-третьей четверти XII в.

Первые представители русской знати, о которых известно, что они служили разным князьям династии Рюриковичей, упоминаются уже в X в. Боярин Владимира по имени Волчий Хвост упомянут в качестве воеводы под 6492 (984) г., а затем в описании Любечской битвы между Ярославом и Святополком под 6524 (1016) г. его указывает Н1Лм воеводой Святополка¹⁴⁶. ПВЛ содержит ту же фразу с упоминанием воеводы Святополка, но он у неё безымянный¹⁴⁷. Надо думать, имя, указанное в НС и сохранённое в Н1Лм, было умышленно опущено составителем ПВЛ¹⁴⁸ – вероятнее всего, как считает С. М. Михеев, потому, что он «не хотел создавать у своего читателя представления о преемственности власти Святополка по отношению к Владимиру»¹⁴⁹. Очевидно, видный сановник киевского князя перешёл на службу к его сыну-преемнику на престоле, сохранив своё высокое положение.

Более многочисленны сведения о Свенельде, воеводе киевских князей, предшественников князя Владимира. В древнейших летописных списках это имя фигурирует в вариантах Свѣнел(ь)дь/Свѣндел(ь)дь/Свѣнгельдь/Свинтелдь, и Свенельд – это просто форма, принятая в историографии. Впервые упоминание о нём встречается в Н1Лм в статье 6430 (922) г., в ПВЛ – под 6453 (945) г.; последний раз – в обеих летописях в статьях 6485 (977) г., то есть в годы правления князей Игоря, Святослава и Ярополка (согласно летописной хронологии)¹⁵⁰.

Разные формы имени и хронологический разброс сведений о Свенельде в Н1Лм дали основание некоторым учёным XVIII–XX в. сомневаться в том, что речь идёт об одном и том же лице. Но А. А. Шахматов показал, что упоминания о Свенельде под 6430 (922), 6448 (940) и 6450 (942) гг. в этой летописи явились результатом переработки составителем НС более древних сводов: прежде всего вследствие вставки хронологической сетки эти упоминания в тексте, первоначально не имевшем абсолютной хронологии, оказались дублированы и разнесены в разные годовые статьи¹⁵¹. Выкладки Шахматова подтвердились позднейшими исследованиями¹⁵². Менее убедительным представляется его утверждение, что последние упоминания Свенельда в статьях 6483 и 6485 гг. (в связи с судьбой его сына Люта) не аутентичны (см. ниже).

¹⁴⁶ НПЛ 1950, с. 175.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 141–142.

¹⁴⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах..., с. 334.

¹⁴⁹ Михеев С. М. «Святополкъ свѣде в Киевѣ по отци». Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009, с. 36.

¹⁵⁰ НПЛ 1950, с. 109–110, 113, 124–125; ПСРЛ. Т. 1, стл. 54–55, 72–75.

¹⁵¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах..., с. 83 и след.

¹⁵² Гинтиус А. А. Рекоша дружина Игореву... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25, No. 2 (2001), p. 156 et seq.

Вместе с тем, проблема разнобоя в формах имени пока не получила убедительного разрешения. Дело осложняется тем, что в независимых от летописи источниках греческого происхождения мы сталкиваемся тоже с противоречиями. Как уже говорилось выше в главе V, в договоре Святослава с греками 971 г. как лицо, второе по значимости после князя, фигурирует **Свѣнальдъ**¹⁵³. Однако византийские хронисты Иоанн Скилица и Лев Диакон в описании войны Святослава и Иоанна Цимисхия (использовавшие, по-видимому, общий источник) вторым или третьим лицом по значению после князя указывают некоего Σφέυκελος и, более того, говорят, что он погиб под Доростолом до заключения мирного договора¹⁵⁴. С лингвистической точки зрения формы Σφέυκελος и **Свѣнальдъ** должны передавать разные имена (хотя, по-видимому, оба скандинавского происхождения)¹⁵⁵. В каком отношении тогда должны находиться носители этих имён к персонажу (или персонажам) летописи, остаётся неясным. Вопрос этот настолько сложный и запутанный, что автор недавней работы, приведя обзор соответствующей литературы, отнёс его «к разряду неразрешимых»¹⁵⁶.

Так или иначе, учитывая результаты исследований как Шахматова, так и современных учёных, следует признать достоверность сообщений летописи, что тот Свенельд, который сначала упоминается воеводой князя Игоря, затем стал воеводой его сына Святослава. Едва ли также можно сомневаться, что тот Свенельд (**Свѣнальдъ**), который упоминается в договоре Святослава 971 г., стал затем ближайшим советником его сына Ярополка. Может быть, в действительности это были два разных лица. Но, без сомнения, позднейшими летописцами они уже воспринимались как одно, а значит, для них ничего странного и невозможного не было в том, что один человек служил сначала деду (Игорю), потом сыну (Святославу) и внуку (Ярополку).

Из этого следует, что один и тот же знатный человек (по терминологии XI–XII вв. – боярин) мог служить последовательно двум и даже трём поколениям князей одной династии. При этом во всех летописных сообщениях он фигурирует в связи с Киевом, и тогда, когда в третьем поколении государство Русь было разделено между тремя братьями (Ярополком, Олегом и Владимиром), Свенельд остался со старшим в Киеве. Тем самым мы наблюдаем такой порядок преемственности боярской службы: от отца к (старшему) сыну, получающему стольный город. Этого порядка придерживался, очевидно, и Волчий Хвост.

В летописи упоминаются два сына Свенельда, которые, как можно предположить, должны были также нести службу киевским князьям. Во всяком случае, об одном из них говорится именно в связи с Киевом (в статье 6483 (975) г.): «Ловъ дѣюще

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 1, стл. 72.

¹⁵⁴ Лев Диакон. История. Перевод М. М. Копыленко, комментарии М. М. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988, с. 71, 76.

¹⁵⁵ Томсен В. Начало русского государства // Из истории русской культуры. Том II, книга 1: Киевская и Московская Русь. Составители А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002, с. 224 (1-е изд.: 1877 г.). Ср. также: Гедеонов С. А. Варяги и Русь. Историческое исследование. М., 2005 (1-е изд.: 1876 г.), с. 195–199.

¹⁵⁶ Королёв А. С. Святослав (=«ЖЗЛ»). М., 2011, с. 247.

Свѣналдичю именемъ Лють, ишедь бо ис Киева, гна по звѣри в лѣсѣ...». Во время этой охоты Лют был убит князем Олегом, братом Ярополка, и это убийство послужило, согласно летописи, поводом для войны между братьями, потому что Свенельд хотел «отмстить с(ы)ну своему»¹⁵⁷. Упоминание второго сына Свенельда довольно загадочно. Оно сделано мельком в рассказе о смерти князя Игоря и мщении княгини Ольги, – сообщая, с кем осталась Ольга в Киеве после гибели мужа, летописец замечает: «воевода бѣ Свѣнелдъ, тоже о(те)ць Мистишинь»¹⁵⁸.

Молчание как летописи на протяжении всего дальнейшего изложения, так и других источников об этом М(и)стише заставляло исследователей искать разные способы объяснения, почему этот персонаж был здесь специально упомянут. Наиболее известная и оригинальная попытка такого объяснения была предпринята А. А. Шахматовым¹⁵⁹. Исходным звеном его построений послужили два факта: во-первых, польский хронист XV в. Ян Длугош, передавая рассказ ПВЛ о гибели Игоря и войне Ольги с древлянами, называет древлянского князя, известного по летописи как Мал, Мискиной, во-вторых, в некоторых русских источниках и позднейших былинах князь Мстислав Владимирович (сын Владимира Святого) именовался «лютым». Сочетая эти факты с собственными текстологическими изысканиями, Шахматов идентифицировал как одно лицо Мистишу, Люта Свенельдича, древлянского князя Мала, а также Малка Любечанина, которого ПВЛ указывает как отца Малуши и Добрыни (соответственно, матери князя Владимира Святославича и его «уя», то есть дяди по матери¹⁶⁰). Этот вывод стал подтверждением идеи Шахматова, что те рассказы о гибели Игоря и о Свенельде, которые читаются ныне в ПВЛ и Н1Лмл, являются результатом радикальной переработки первоначального сказания в составе выделенного им «Древнейшего Киевского свода». По мнению учёного, на самом деле, согласно этому сказанию, Игорь воевал из-за древлянской дани не с самими древлянами, а со Свенельдом, и был убит не ими, а сыном последнего Мистишей-Лютом-Малом.

Не буду углубляться в весьма сложную и пространную аргументацию Шахматова и отмечу лишь, что его неожиданные и даже парадоксальные выводы позднее были подвергнуты серьёзной, разносторонней и вполне убедительной критике¹⁶¹. По

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 74. Академический список Н1Лм и ИпатЛ дают в первой фразе грамматически более правильное чтение: «дѣющю» (НПЛ 1950, с. 124; ПСРЛ. Т. 2, стл. 62). В тексте известия есть сбои, возможно, есть и некоторая несогласованность его с летописным контекстом. Это заставило Шахматова, а вслед за ним и других исследователей (ср.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях... С. 364–365), говорить о том, что это вставка. Однако, даже если признать сложный состав известия, для того, чтобы отрицать полностью достоверность сообщения о Люте (восходящего к НС), аргументов недостаточно.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1, стл. 55. РадзЛ и МосАкЛ дают чтение: Мистишинь.

¹⁵⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах..., с. 84-90, 234-257, 364; *Он же*. Мстислав Лютый в русской поэзии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XVIII. Харьков, 1909, с. 82-91.

¹⁶⁰ «Володимеръ бо бѣ отъ Малуши ключницѣ Ользины, сестра же бѣ Добрыня. О(те)ць же бѣ има Малкъ Любечанинъ. [И] бѣ Добрыня уи Володимеру» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 69).

¹⁶¹ Неприятие этих (ре)конструкций Шахматова выразили, в частности, А. Е. Пресняков (*Пресняков А. Е. Лекции по русской истории // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории*

вопросу о том, кем был загадочный Мистиша, наиболее простым и естественным представляется вывод, сделанный А. В. Соловьёвым. Тщательно пересмотрев доводы Шахматова, историк вернулся к мнению, что Мистиша был упомянут летописцем как лицо известное его современникам, не нуждавшихся в специальных комментариях. В летописях отсылки к лицам и реалиям, хорошо известным в то время, когда жил летописец, нередки. Правда, такого рода отсылки в ПВЛ принадлежат, в основном, летописцу, писавшему в конце XI – начале XII вв., и тогда не совсем понятно, почему Мистиша, если он был действительно сыном Свенельда, был так хорошо известен в то время, хотя должен был умереть не менее, чем за тридцать-сорок лет до того (если допустить, что он родился в 70-е годы X в.). На это обстоятельство обратил внимание А. Поппэ и попытался объяснить упоминание Мистиши как порчу (а затем переосмысление) текста, возникшую где-то на раннем этапе бытования летописного текста: по его мнению, «тоже о(те)ць М(и)стишинь» получилось из первоначальных слов «т же отец мсти сии», которые имели в виду, что Свенельду принадлежали замысел и инициатива в мщении древлянам за Игоря¹⁶².

Оставляя в стороне в высшей степени гипотетические построения А.А. Шахматова, но не берясь выносить окончательного суждения по поводу того, насколько реален летописный Мистиша, отмечу только один пункт в рассуждениях исследователя. Отождествляя Мистишу с Малом, древлянским князем, и Малком Любечанином, учёный тем самым привязывал Свенельда и его сына звеньями к одной генеалогической цепочке, выявленной Д. И. Прозоровским по летописным и внелетописным свидетельствам ещё в 1864 г.¹⁶³

Прозоровский обратил внимание на то, что в известной приписке дьякона Григория (писца) к Остромирову евангелию (1057 г.) заказчик рукописи Остромир («въ кр(е)щении Иосифъ») назван не только лицом, которому князь Изяслав Ярославич «поручи правити» новгородский «столь», но и «близоком», то есть свойственником

X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. Подготовка текста, статьи и примечания М. Б. Свердлова. М., 1993, с. 333-335), А. Н. Насонов (*Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2002, с. 60) и Б. А. Рыбаков (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 194–196). Наиболее последовательной критике гипотеза о Мстише Свенельдиче подверглась в работе: *Соловьёв А. В.* Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 16–17. Белград, 1941, с. 37-64.

¹⁶² *Поппэ А.* Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с. 64-91.

¹⁶³ *Прозоровский Д. [И.]* О родстве святого Владимира по матери // Записки имп. Академии наук. Т. 5. Кн. I. СПб., 1864, с. 17–26. Мысль о тождественности Малка Любечанина и Мала, древлянского князя, Шахматов взял у Прозоровского. При этом Шахматову пришлось обосновывать её дополнительно, потому что аргументы, приведённые в пользу этой идентификации Прозоровским, были достаточно убедительно опровергнуты в ответной статье И.И. Срезневского «О Малуше, милостнице великой княгини Ольги, матери великого князя Владимира», опубликованной в той же книжке «Записок», см.: Там же. С. 27–33.

самого князя ¹⁶⁴. Так как по ПВЛ известно, что Добрыня был дядей Владимира Свято-славича Святого, а при Ярославе в Новгороде действовал «посадникъ Коснятинъ, с(ы)нь Добрынь» ¹⁶⁵, Прозоровский выдвинул предположение, что Остромир был сыном Константина (тем более что оба упоминаются как княжеские посадники в Новгороде), и тогда он, действительно, оказывается родственником (троюродным дядей) князя Изяслава. Стоит сразу заметить, что в записи Григория упоминается также о семье Остромира: писец желает «мънога лѣт(а)» не только самому боярину, но и «подружию его Феофанѣ, и чядомъ ею, и подружием чядь ею».

От Остромира Прозоровский, вслед за М. П. Погодиным ¹⁶⁶, тянул цепочку к Вышате, о котором в ПВЛ есть упоминания под 6551 (1043) и 6572 (1064) гг. В первом случае говорится, что Ярослав Владимирович во главе войска, отправленного на Византию, поставил сына своего Владимира, а «воеводство поручи Вышатѣ, о(т)цю Яневу» ¹⁶⁷; во втором – сообщается, что князь Ростислав Владимирович (внук Ярослава и сын этого Владимира) «бѣжа» в Тмутаракань, причём в Н1Лмл и ИпатЛ добавляется, что вместе «с нимъ бѣжа Порей и Вышата, с(ы)нь Остромиръ, воеводы Новгородского» ¹⁶⁸. Подразумевая, что речь идёт об одном и том же лице, Прозоровский и Погодин признавали Вышату сыном Остромира и отцом Яня. О каком Яне шла речь, для них никаких сомнений не было: это был известный Янь Вышатич, который несколько раз упоминается в летописи и на которого как на своего информатора ссылается составитель ПВЛ в сообщении под 6614 (1106) г. о его смерти. Погодин и Прозоровский также не только верили сообщению С1Л и Н4Л, что Путята, киевский воевода и тысяцкий, упоминаемый в ПВЛ, был братом Яня, но и допускали, что Янь тождествен Иоанну, боярину князя Изяслава Ярославича, которого Нестор в Житии Феодосия Печерского называет отцом Варлаама, постриженника Киево-Печерского монастыря, ставшего впоследствии игуменом киевского Дмитриевского монастыря (см. ниже).

Таким образом, усилиями Погодина и Прозоровского (частично, впрочем, опиравшихся на предшествующую историографию) была выявлена видная боярская династия, которая насчитывала семь поколений и находилась в родственных отношениях с правящим домом Рюриковичей. При отождествлении Малка Любечанина (отца Добрыни и Малуши) с Мистишей выходило, что основателем этой династии был Свенельд, и тем самым она удревнялась ещё на два поколения, а бояре–потомки Све-

¹⁶⁴ Остромирово евангелие, 1056–1057. Л.-М., 1988. Лл. 294–294об. Ср. исторический комментарий к записи: *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000, с. 14.

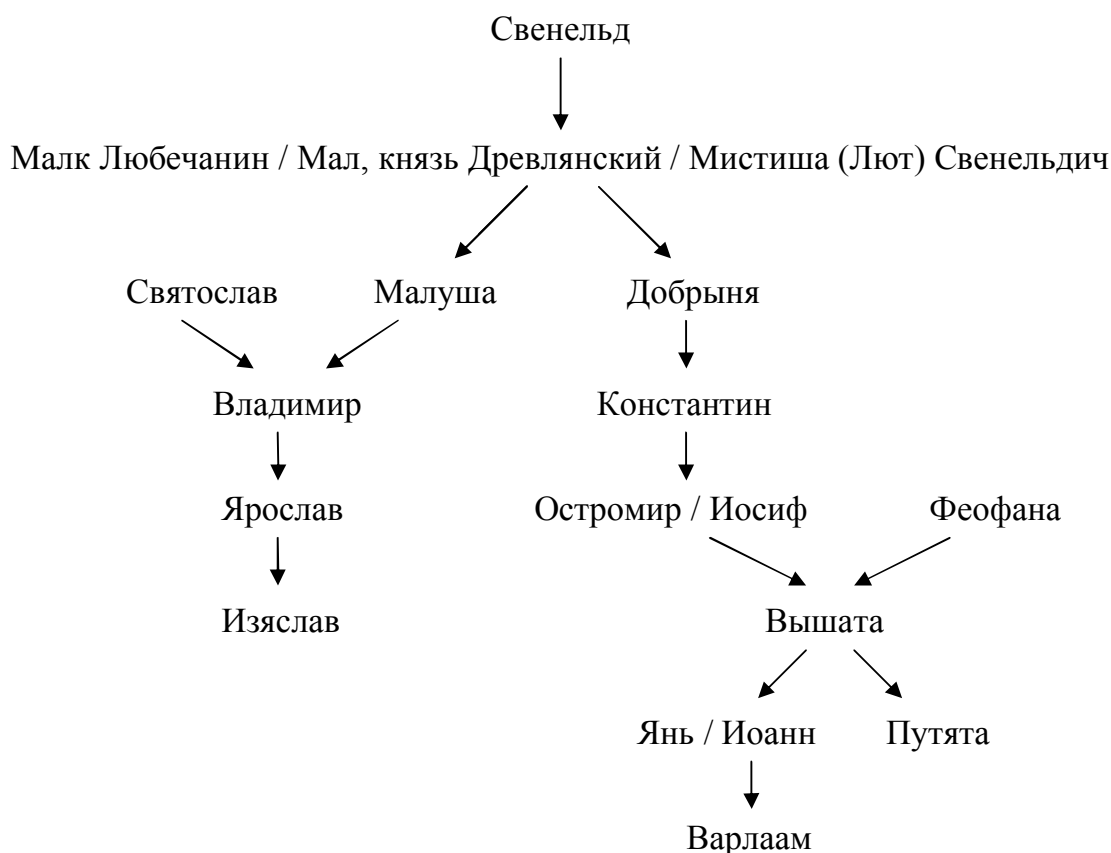
¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 143 (6526 (1018) г.).

¹⁶⁶ *Погодин М. П.* О наследственности древних санов (1054 – 1240) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Изд. Н. В. Калачов. Кн. I. М., 1850. Отделение I, с. 78.

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 154. Как отец Яня Вышата ещё упоминается в рассказе о столкновении Яня с волхвами в Белоозере (см. ниже).

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2, стл. 152; НПЛ 1950, с. 184. Ср.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 163.

нелда оказывались в родстве с Рюриковичами. Генеалогическое «древо» можно представить следующим образом:

Несмотря на критику построений Шахматова и некоторые спорные моменты в отдельных звеньях этой генеалогии, она в целом была принята авторитетными учёными (иногда с указанием о наличии доли гипотетичности в этих спорных моментах, иногда и без него)¹⁶⁹. Некоторые используют её для подтверждения своих тезисов и идей. Например, Д. С. Лихачёв с её помощью обосновывал идею о «своеобразной устной летописи семи поколений», которая со слов Яня Вышатича была записана печерскими летописцами и вошла в состав ПВЛ¹⁷⁰. Б. Д. Греков считал гипотезу Шахматова «вероятной» и думал, что Свенельд «мог бы стать родоначальником новой династии князей киевских, если бы ему удалось одолеть Рюриковичей» (подобно Пипину Короткому, «одолевшему» Меровингов)¹⁷¹.

¹⁶⁹ См., например, в новейших работах: *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов..., с. 223–226; *Горский А. А.* Древнерусская дружина, с. 65.

¹⁷⁰ *Лихачёв Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947, с. 113. Ср. там же: «...устный источник летописцев – это родовые предания их друзей Яня и Вышаты». Лихачёв опирался на исследования Шахматова, который считал, что Янь был информатором Печерских летописцев Никона и Нестора, и признавал тождество Вышат разных летописных известий (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах, с. 306–307).

¹⁷¹ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953, с. 305.

Важно выявить все сомнительные пункты этой генеалогической конструкции, чтобы выводы относительно того, как складывались судьбы и карьеры бояр конца X – начала XI вв., выглядели максимально надёжными.

Отвергая идею Шахматова о тождественности Мистиши/Мала/Малка, из-за лапидарности летописных сообщений приходится отказаться от объяснения, кем был на самом деле Малк Любечанин, дети которого оказались в столь тесной связи с Рюриковичами. Однако едва ли может подлежать сомнению, что Добрыня занимал одно из виднейших мест при дворе Владимира Святославича ¹⁷², а его сын Константин – одного из старших сыновей Владимира Ярослав. О судьбе Константина говорилось выше; его «карьера» кончилась опалой и казнью.

Таким образом, эти данные свидетельствуют о преемственности службы бояр киевским князьям на протяжении двух поколений. На примере Константина хорошо видна зависимость карьеры, даже самой жизни боярина от князя, хотя угадывается и связь его с тем городом, который был для него, по-видимому, родным или, во всяком случае, наиболее близким.

Однако продолжить преемственность от Константина к Остромиру было бы не осторожно. Хотя запись дьякона Григория без сомнения говорит о родстве Остромира и князя Изяслава, но это родство совсем не обязательно надо возводить к роду Добрыни – оно могло образоваться и какими-то другими путями. Именно так поставил вопрос А. Поппэ, обратив внимание на редкое имя «подружия», то есть супруги, Остромира – Феофана. Польский историк указывает, что под словом «близок» могло иметься в виду родство не по крови, а по браку, и, выдвигая серьёзные доводы, предполагает, что женой Остромира была дочь Владимира и царевны Анны ¹⁷³.

Не вдаваясь в аргументацию А. Поппэ (не относящуюся сейчас к делу), замечу только, что пока вопрос о происхождении Остромира и его родственных связях с Рюриковичами продолжает оставаться открытым. Имея в виду этот вопрос, стоит также отметить, что опала Константина и смерть его в заточении должны были так или иначе сказаться и на его потомках. По материалам XIV–XV вв. известно, что отстранение боярина от службы «за гнев» князя или «за вину» перед ним означало для ближайших родственников и особенно потомков опального потерю статуса при дворе («места»). Восстановить этот статус было трудно, и удавалось это немногим ¹⁷⁴. В этом случае трудно представить, как могло получиться, что сын опального и казнённого боярина уже в относительно скором времени после смерти отца мог занять его должность.

О самом Остромире известно немного. В летописях, отразивших НовСофС, сообщается о его гибели во время похода на чудь (с неправильной датировкой) ¹⁷⁵. В

¹⁷² Летопись упоминает Добрыню в качестве воеводы и ближайшего советника Владимира, а также посадника в Новгороде: ПСРЛ. Т. 1, стл. 69, 79, 84, 299–300.

¹⁷³ Поппэ А. Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997, с. 102–120.

¹⁷⁴ См.: Веселовский С. Б. Ук. соч., с. 468–469.

¹⁷⁵ См., например: ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1, с. 118.

ИпатЛ и НІЛм в уже цитированном известии о бегстве князя Ростислава, Вышаты и Порей в Тмутаракань (1064 г.) он представлен новгородским воеводой и отцом этого Вышаты. В общем, деятельность Остромира связана с Новгородом и с князем Изяславом Ярославичем (возможно также с сыном Изяслава Мстиславом, который управлял Новгородом какое-то время между 1057 и 1067 гг. и при котором боярин мог быть воеводой ¹⁷⁶). Сын Остромира указан в окружении не Изяслава или его детей (как следовало бы ожидать), а его племянника Ростислава Владимировича. Это – первый достоверный факт нарушения преемственности боярской службы от князя-отца к сыну. К сожалению, так как неясно, откуда «бежа» Ростислав с боярами и по каким причинам ¹⁷⁷, невозможно и объяснить, почему произошло это нарушение.

Ростислав умер 3 февраля 1067 г. ¹⁷⁸ Как складывалась судьба членов его «дружины» (она упомянута летописью при князе), неизвестно. Вплоть до 1081 г. неизвестна и судьба сыновей Ростислава (укрепившихся в конце концов в южноволынских княжествах – Перемышльском и Теробовльском). Порей упоминается в рассказе о битве на Сожице (1078 г.) среди погибших, по-видимому, в войске Всеволода Ярославича, тогда княжившего в Чернигове ¹⁷⁹. Каким образом Порей оказался в дружине Всеволода, непонятно ¹⁸⁰.

С Вышатой дело обстоит не намного яснее. В ПВЛ Вышата дважды упоминается как отец Яня. Первый раз – в рассказе о походе русских на Византию под 6551 (1043) г. (см. выше), где специально сообщаются подробности о героическом поведении Вышаты после бури, разметавшей русские корабли, и о его возвращении на Русь после заключения мира («по трехъ лѣтъѣхъ») ¹⁸¹. Второе упоминание содержится в первой фразе известного рассказа о столкновении Яня с волхвами в Белоозере, помещенного под 6579 (1071) г.: «В се же время приключися прити от С(вя)тослава дань емлющую Яневи, с(ы)ну Вышатину...» ¹⁸²

М. П. Погодин, а вслед за ним Д. И. Прозоровский и многие другие исследователи, определяли Вышату, сына Остромира, бежавшего в Тмутаракань, и этого Вышату, отца Яня, как одно лицо. Помимо совпадения имени, в пользу этого отождествления говорит тот факт, что в походе 1043 г. Вышата действует под командованием

¹⁷⁶ Янин В. Л. Ук. соч., с. 70–71.

¹⁷⁷ См. обсуждение всех возможностей: Соловьёв С. М. Ук. соч. Т. 1 // Он же. Сочинения. Кн. I. М., 1988, с. 340–342, 671; Грушевский М. С. Ук. соч. Т. II, с. 46, 75.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. 1, стл. 166.

¹⁷⁹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 200. В ЛаврЛ имя Порей передано в испорченном виде, более правильные чтения дают РадзЛ, МосАкЛ и ИпатЛ (ПСРЛ. Т. 2, стл. 191).

¹⁸⁰ Перемены в статусе Тмутаракани также едва ли помогут вычислить «переходы» Порей. Известно только, что в 1077 г. в Тмутаракани сидел Роман, сын Святослава Ярославича, затем к нему туда пришли Олег Святославич и Борис Вячеславич (недовольные племянники Ярославичей). После смерти в 1079 г. Романа город переходил несколько раз из рук в руки разных князей (ПСРЛ. Т. 1, стл. 199, 204–205).

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 154.

¹⁸² ПСРЛ. Т. 1, стл. 175.

Владимира Ярославича, а в 1064 г. бежит в Тмутаракань с сыном этого князя Ростиславом. Но есть и показания против этого отождествления.

Против говорит то, что в этих двух случаях Вышата упоминается с разными дополнительными обозначениями: то как «отец Янев», то как «сын Остромир». Этот факт казался решающим, например, Н. М. Карамзину, С. М. Соловьёву и М. А. Присёлкову, которые говорили о двух разных боярах, носивших одно имя *Вышата*¹⁸³. Позднее были приведены и другие доводы против этого отождествления.

Было указано на хронологические несообразности, возникающие при учёте известия ПВЛ, что Янь умер в июне 1106 г., «живъ лѣтъ 90»¹⁸⁴. Если верить этому известию, выходит, что Янь должен был родиться в 1017 г. Следовательно, его отец должен был родиться не позже первых лет XI в., а дед – никак не позже начала 980-х годов. В таком случае получается, что мы имеем дело с родом долгожителей, каждый из которых ведёт активную деятельность в весьма преклонных летах: Вышата в возрасте более 60-ти лет устремляется в Тмутаракань, а Остромир в 1056/1057 гг. (время создания Остромирова евангелия) в возрасте не менее семидесяти пяти лет ещё посадничал в Новгороде, а потом и предпринял поход на чудь, в котором нашёл свою гибель. Кроме того, Л. Мюллер обратил внимание на то, что пожелания долголетия, которые оставил в Остромировом евангелии дьякон Григорий, обращены в адрес посадника, его жены и их «чад» с «подружиями». По его мнению, под «чадами» надо понимать детей Остромира, но не внуков, и тогда заключить, что этих последних на тот момент (1057 г.) ещё не было на свете¹⁸⁵. Правда, все эти доводы не обладают абсолютной силой: «долгожительство» представителей одного рода, пусть и с натяжкой, всё же допустимо; разные обозначения Вышаты в разных летописных известиях можно объяснить тем, что авторы этих известий, позднее попавших в один свод, были разные; наконец, «чада» можно понимать и в более общем смысле – не как дети, а как потомки¹⁸⁶. Но всё-таки вместе с другими несообразностями, которые возникают при отождествлении двух Вышат¹⁸⁷, все эти доводы склоняют скорее против неё.

¹⁸³ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. II. М., 1990, с. 244; Соловьёв С. М. Ук. соч. Т. I // Он же. Сочинения. Кн. I. С. 358; Присёлков М. А. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996, с. 51.

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. I, стл. 281. См. текст всего летописного известия ниже.

¹⁸⁵ Подробнее см.: Stender-Petersen A. Остромир – Вышата – Янь: генеалогическая заметка // For Roman Jacobson: Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday. The Hague, 1956, p. 530-539; Müller L. War Jan Vyšatič ein Enkel des Ostromir? // Die Welt der Slawen. Jhrg. III (1958), Heft 3, S. 253-256. Немаловажное место в спорах вокруг Вышаты и Яня занимают вопросы истории текста ПВЛ, поскольку Янь указан летописцем как его информатор, а в Вышате поставщика сведений летописцам предположил Шахматов. Вопросы текстологии и связь конкретных лиц с историей создания древнейших летописей здесь не обсуждаются. Ср. из недавних работ по этому поводу: Гимон Т. В. Янь Вышатич и его предки // ВЕДС. Чтения XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010, с. 60-66, а также указанную ниже статью А. Поппэ.

¹⁸⁶ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. Последний «контрдовод» высказал А. А. Гиппиус (устное сообщение).

¹⁸⁷ См. Поппэ А. А. Шахматов и спорные начала русского летописания // ДР. 2008. № 3, с. 81-82.

Таким образом, если не относить все известия ПВЛ о Вышате к одному лицу, то цепь поколений, показанная выше в схеме, обрывается ещё в одном звене. Однако, в любом случае бесспорной остаётся связь между Вышатой, воеводой похода 1043 г., и Янем, боярином Святослава, упомянутым под 6579 (1071) г.

В известии о походе «на грькы» Вышата выступает однозначно боярином князя Ярослава: именно Ярослав «воеводство поручи» Вышате, и тот именно «къ Ярославу» возвращается из византийского плена¹⁸⁸. Очевидно, Вышата служил Ярославу и жил в Киеве (по крайней мере, в 40-е годы XI в.). С Киевом также связывают и Яня первые известия, которые можно более или менее точно датировать. В «Сказании о перенесении мощей святого Феодосия» Нестор рассказывает, что в то время, когда Феодосий уже был игуменом в Печерском монастыре (настоятелем Феодосий стал в начале 60-х годов, но вероятнее около 1062 г.), среди его «духовных сынов» был и Янь. Феодосий заходил и «въ домъ къ Янови и къ подружию (то есть жене – П. С.) его Марии». Мария была даже удостоена «прореченья» – святой предрёк, что её похоронят рядом с ним¹⁸⁹. Феодосий умер в 1074 г., значит, до этого времени Янь жил с семьёй в Киеве.

Рассказ о волхвах в Белоозере, хотя и помещён в статью 6579 (1071) г., не имеет строгих хронологических указаний. В литературе предлагались разные варианты датировки описанных в рассказе событий, но согласно последним предложениям, подкреплённым данными дендрохронологии, они имели место либо осенью 1073 – весной 1074 гг., либо осенью 1076 г.¹⁹⁰ В эти годы Святослав, от имени которого действовал Янь, сидел как раз в Киеве. Принимая эту датировку, получаем ещё одно свидетельство связи Яня с Киевом¹⁹¹.

Другие известия также показывают Яня в Киеве: под 6597 (1089) г. сообщается, что собор в Печерском монастыре был освящён «при бл(а)городьнѣмъ князи Всеволодѣ», «воеводство держащю кыевьскыя тысяща Яневи»; под 6601 (1093) г. Янь упоминается среди «смысленых мужей» в дружине нового киевского князя Святополка Изяславича¹⁹². Наконец, в статье 6614 (1106) г. находим сразу два отдельных известия о Яне. Из-за того, что они трактуются в науке неоднозначно, приведу их целиком:

«В лѣт(о) 6614. Воеваша половци около Зарѣчьска и посла по них С(вя)тополкъ Яня {Вышатича и брата его Путятю} и Иванка Захарыча Козарина и

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 1, стл. 154.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 212. Ср.: Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 61.

¹⁹⁰ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984, с. 63–64.

¹⁹¹ Если принималась более ранняя датировка поездки Яня в Белоозеро, то выходило, что он должен был быть черниговским боярином, поскольку Святослав сел в Киеве только в 1073 г., а до этого княжил в Чернигове (см., например: Присёлков М. А. Ук. соч., с. 51, 53). Однако, такой ход рассуждений не учитывает то, что Яня связывали близкие отношения с Феодосием, по-видимому, задолго до смерти последнего; и если Феодосий заходил в «дом» к Яню, надо думать, что этот дом боярина находился именно в Киеве.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 1, стл. 208, 219.

угониша половцѣ [до Дуная] и полонь отяша, а половцѣ {исъсѣкоша}. В се же лѣт(о) преставися Янь старецъ добрый живъ лѣт 90 в старости маститѣ живъ по закону Б(ож)ью не хужии бѣ первых праведник. От него же и азъ многа словеса слышах [яже вписахъ в лѣтописиць]. Бѣ бо мужъ бл(а)гъ и кротокъ и смѣренъ, огрѣбаяся всякая вещи. Егоже и гробъ ес(ть) в Печерском монастыри в притворѣ, идеже лежить тѣло его положено м(е)с(я)ца иуния въ 24...» (далее годовая статья продолжается другими известиями) ¹⁹³.

Текст приведён по ЛаврЛ. Слова, заключённые в квадратные скобки, взяты из ИпатЛ ¹⁹⁴. Слова в фигурных скобках в рукописи ИпатЛ приписаны над строкой или – те, что выделены курсивом – на полях. Эти слова присутствуют также в летописях группы НовСофС ¹⁹⁵.

При первом взгляде на эти сообщения возникают уже знакомые сомнения: идёт ли речь в них об одном и том же человеке или же это два разных Яня. Н. М. Карамзин, судя по его описанию деятельности Яня Вышатича, думал, что в статье имеются в виду разные люди ¹⁹⁶. М. П. Погодин ясно высказался в том смысле, что киевский боярин Янь Вышатич первого известия не имеет никакого отношения к Яню, которому исполнилось в 1106 г. девяносто лет ¹⁹⁷. С. М. Соловьёв только высказал сомнения по этому поводу, однако разрешить их не сумел ¹⁹⁸.

После Соловьёва в науке возобладал взгляд, что имеется в виду одно лицо. В частности, этого взгляда придерживался А. А. Шахматов. Дополнительные данные ИпатЛ, заключённые здесь в фигурные скобки, он, отмечая их наличие в Н4Л и С1Л, относил к выделенной им 3-й редакции ПВЛ (1118 г.) ¹⁹⁹. Сомнения относительно того, как мог человек в возрасте 90 лет предпринять тяжёлый поход «до Дуная», попытался рассеять Д. С. Лихачёв. Он посчитал, что указание на возраст Яня является здесь «эпическим определением преклонного возраста», и привёл несколько параллелей из былин ²⁰⁰.

И всё же сомнения остаются даже несмотря на убедительность вывода Шахматова, что сведения о Вышате, участнике похода 1043 г., и Яне, его сыне, были сообщены печерским летописцам именно тем Янем, некролог о котором помещён под 6614 г. Например, А. Поппэ, на чьи работы, касающиеся генеалогического древа «от Свенельда до Яня», мне уже не раз приходилось ссылаться, решительно отверг мне-

¹⁹³ ПСРЛ. Т. 1, стл. 281.

¹⁹⁴ См.: ПСРЛ. Т. 2, стл. 257.

¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. 4. Часть 1, с. 140; т. 6. Вып. 1, с. 218; т. 42, с. 99.

¹⁹⁶ Карамзин Н. М. Ук. соч. Т. II, с. 274.

¹⁹⁷ Погодин М. П. О наследственности древних санов..., с. 80.

¹⁹⁸ Соловьёв С. М. Ук. соч. Т. 1 // Он же. Сочинения. Кн. I, с. 396–397.

¹⁹⁹ Шахматов А. А. Повесть временных лет..., с. 905–906.

²⁰⁰ Лихачёв Д. С. Ук. соч., с. 102–103.

ние о тождественности двух Яней в этой статье ПВЛ²⁰¹. Он предположил, что в сообщении о смерти и похоронах Яня речь идёт о монахе («старец добрый» – ср. греч. καλόγηρος, др.-русс. «кало(у)гер»²⁰²)²⁰³. Это предположение не лишено логики: киевский боярин, чьи рассказы были явно использованы печерскими летописцами, завершив светскую карьеру, отправился на покой в тот самый монастырь, с которым был давно и тесно связан (там же была похоронена и его жена в 1091 г.). В первом же известии годовой статьи 6614 г. речь идёт о каком-то другом Яне, возможно, брате Иванка, потому что «Захарьича Козарина» можно понять и как двойственное число (если читать по тексту ЛаврЛ). Вставку отчества «Вышатич» и ссылки на Путятю теоретически можно объяснить как пояснение позднейшего летописца, «поправлявшего» оригинальный текст. Легко отвести довод Д. С. Лихачёва: вряд ли корректно сравнивать с былинами данное летописное место, где мы имеем погодную запись с точной хронологией в сочетании с церковным некрологом и где «эпические определения» явно неуместны.

С другой стороны, сам факт участия престарелого боярина в военном походе не кажется совершенно невозможным в свете других данных. Во всяком случае, летопись сообщает именно о таком факте несколько позднее: в статье 6655 (1147) г. сообщается о боярине Святослава Ольговича, что он умер во время похода: «и ту преставися добрый старецъ Петръ Ильичъ, иже бѣ отца его мужъ, уже бо от старости не можаше ни на конь всѣсти, бѣ ему лѣтъ 90»²⁰⁴. Правда, старость боярина отмечается здесь как нечто исключительное, и указывается к тому же, что она не позволяла ему даже сесть на коня, то есть полноценно исполнять службу, по крайней мере, военную он уже не мог. В этом сообщении обращает на себя внимание характеристика Петра Ильича как «доброто старца» – очевидно, эти слова не обязательно должны были иметь в виду именно «калугера»-монаха. Кроме того, важно замечание летописца, что боярин служил ещё отцу Святослава – это пример преемственности службы одного боярина князьям одной линии.

Так или иначе, совпадение того пояснения, которое содержится в исправлениях и маргиналиях ИпатЛ и в летописях, отразивших НовСофС, ввиду шахматовской схемы летописания, в целом выдержавшей проверку временем, говорит скорее о достоверности этой информации. Трудно тогда представить себе, какой другой Янь, кроме упомянутого Яня Вышатича, мог иметься в виду в некрологе, где летописец сообщает, что умерший удостоился гробницы в Печерском монастыре и в своё время рассказывал «многа словеса», записанные в летопись. Во всяком случае, признание род-

²⁰¹ Poppe A. Opowieść latopisarska o wyprawie “na Greków” w r. 1043 // *Slavia Orientalis*, 16, 1967, z. 4, s. 354, 356–357 (частично опубликовано на русском языке: *Поппе А.* К чтению одного места в «Повести временных лет» // *ТОДРЛ*. Т. XXIV. Л., 1969, с. 54–57).

²⁰² СДРЯ. Т. IV, с. 195.

²⁰³ Впервые эта мысль была мельком высказана ещё митр. Евгением (Болховитиновым): *Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви*. Изд. 2-е. Т. II. СПб., 1827, с. 91.

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. 2, стл. 340.

ственных отношений между Янем Вышатичем и Путятюй ни в чём не противоречит тем данным, которые летопись сообщает о них. О Путяте известно, что он был «мужем» и воеводой у Святополка Изяславича в 1099 г.²⁰⁵, в 1100 и 1104 гг., а на момент смерти последнего (1113 г.) был киевским тысяцким и имел двор в Киеве²⁰⁶. При признании родственной связи Яня и Путяты выходит, что должность киевского тысяцкого последовательно держали лица одной семьи.

Наименее надёжным представляется другое отождествление, распространённое в историографии: Яня, сына Вышаты, с боярином Иоанном, отцом Варлаама, игумена киевского Дмитриевского монастыря. В красочном рассказе Нестора в Житии Феодосия о пострижении Варлаама в Печерском монастыре, который уже анализировался в главе V, Иоанн назван «первым» боярином князя Изяслава²⁰⁷.

Идентификация Яня и Иоанна была произведена публикаторами печатного Патерика 1661 г. Это издание, как известно, готовилось радением Иннокентия Гизеля в Киево-Печерском монастыре, где интересовались и ранним русским летописанием. Публикаторы, по всей видимости, обратили внимание на данные в Патерике и в летописи, свидетельствующие о близости Яня Вышатича Феодосию и Печерскому монастырю, и, с другой стороны, сопоставили летописные упоминания Яня (можно сказать, обильные по сравнению с единичными упоминаниями других бояр) с замечанием, что отец Варлаама был «первый» при дворе Изяслава. Кроме того, на публикаторов должно было оказать влияние первое печатное издание Патерика Сильвестра Коссова, где хотя и не было ещё этой идентификации, но во всех случаях имя «Иоаннь» передавалось как «Jan»²⁰⁸. Естественно, на Украине в XVII в. было само собой разумеющимся, что формы «Янь» и «Иоаннь» представляют собой вариации одного и того же имени. В итоге был сделан вывод, что Янь и был отцом Варлаама²⁰⁹.

²⁰⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 272. Это сообщение содержится в «Повести об ослеплении Василька Теробовльского» в статье под 6605 (1097) г., но описанные в нём события относятся к 1099 г.

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 1, стл. 274, 280; Т. 2, стл. 275–276.

²⁰⁷ «Иже бѣ прьвыи у князя въ болярѣхъ имьньмь Иоан» (Успенский сборник..., с. 83).

²⁰⁸ Патерикон abo Żywoty ss. oyców pieczarskich... przez Silvestra Kossowa. W Kiiowie, 1635, str. 38, 72, 87, 89, 109.

²⁰⁹ «Блаженный сей Варлаам, иже бысть от благородных и христолюбивых родителей рожден, сын Иоанна перваго в Болярех Князя Изяслава и матери Марии, внук Вышаты славнаго и храбраго, правнук Острамира воеводовый...» (Патерик, или Отечник Печерский..., повелением Иннокентия Гизеля исправлен и типом изображен. Киево-Печерская Лавра, 1661, л. 132). Как видно, был сделан и другой вывод – что Янь был не только сыном Вышаты, но и внуком Остромира. Основой послужили летописные данные. В Патерик был даже помещён летописный некролог Яню с соответствующими добавлениями об Остромире и пр. (там же, л. 91 об.). Этим было положено начало конструкции боярской династии семи поколений. Отмечу ещё, что вслед поздней рукописной традиции было принято ошибочное чтение в одном месте Жития Феодосия с мнимым указанием на Иоанна/Яня. В Житии рассказывается о пожертвовании одним боярином трёх возов хлеба и всяческой снеди в Печерский монастырь. В оригинале сказано, что это сделал «прѣже речении онъ боляринь» – то есть «оный, тот боярин» (имелся в виду незадолго до того упомянутый боярин Климент) (Успенский сборник..., с. 109), а позднее эти слова были поняты как указание на боярина Иоанна: «прежереченный Иоанъ боляринь...» (Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 41; Патерикон abo Żywoty..., str. 38; Патерик, или Отечник..., л. 69).

Удивительно, насколько популярной и живучей среди историков оказалась эта мысль, для которой, на самом деле, аутентичные источники не дают ровно никаких оснований²¹⁰. В этих источниках нет и намёка на связь Яня с Варлаамом или с Дмитриевским монастырём, а рассказ Жития Феодосия о появлении Варлаама в монастыре специально подчёркивает недовольство его родителей пострижением их сына и их враждебность по отношению к печерским старцам и не говорит, – хотя это было бы вполне уместно, – что позднее эта враждебность сменилась доброжелательностью. В то же время в летописи фигурируют и другие лица, вполне подходящие для отождествления с боярином Иоанном, упомянутым в «Житии»: например, воевода Ярослава Иван Творимирич (участник похода 1043 г.), или Иван Жирославич, погибший в битве на Сожице (1078 г.)²¹¹.

Нельзя также не обратить внимания на то, что Янь Вышатич ни в летописи, ни в «Сказании о перенесении мощей Феодосия» не называется Иоанном или Иваном, а в известии 6614 г. «Янь» и «Иванко» приводятся рядом друг с другом как два разных имени. Более того, в ЛаврЛ и в большинстве случаев в ИпатЛ имя боярина последовательно передаётся с мягкой «н» (Янь, Янев, Яневая и т. п.)²¹². Если считать, что это имя было формой христианского (еврейского по происхождению) имени *Иоаннь*, то на конце его следовало бы ожидать букву «ер» (ъ)²¹³. Возможно, это говорит о том, что эти имена вообще никак не связаны. Оставляя решение этой проблемы лингвистам и специалистам по ономастике, замечу только, что, как показывают специальные исследования, ряд коротких (односложных) древнерусских имён, оканчивающихся на «ер» или «ерь», представляли собой первые части древних славянских двусоставных имён²¹⁴. Если, например, *Хоть* возводится к первоначальному *Хотьмысль* или *Хотимирь*, то нельзя ли возвести *Янь* к *Янислав* или чему-то подобному²¹⁵? Как бы то ни было с происхождением имени, отождествление бояр Яня Вышатича и Иоанна, отца Варлаама нельзя признать убедительным²¹⁶.

²¹⁰ См., например, помимо указанных работ Погодина и Прозоровского: Карамзин Н. М. Ук. соч., с. 244; Бутков П. Г. Оборона летописи Русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840, с. 203, 417; Кучкин В. А. Ук. соч., с. 64.

²¹¹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 154, 200.

²¹² На это обстоятельство внимание обратил А. Поппэ (устное сообщение).

²¹³ Стяжение «иоа» в «я» находит аналогии: например, др.-русс. Янька из Иоанна или Яким из Иоаким (см., например: ПСРЛ. Т. III. М., 2000. Репринт изд. НПЛ 1950 с приложениями. Указатель личных имён, с. 645–646, особенно примечание А. А. Гиппиуса на с. 646).

²¹⁴ Гинкен Г. Г. Древнейшие русские двусоставные личные имена и их уменьшительные // Живая старина. Год 3-й (1893). Вып. IV, с. 450–454.

²¹⁵ Имя *Янислав* (*Ianislavus*) известно в польских источниках с начала XIV в. (*Słownik staropolskich nazw osobowych*. Т. II. Wrocław etc., 1968, s. 403–409, 418; *Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych*. Cz. 2: Nazwy osobowe pochodzenia chrześcijańskiego. Kraków, 1995, s. 59–62). Это имя и ещё ряд двусоставных имён с первой основой *Ян* существует в болгарском языке (*Ковачев Н. Честотно-этимологичен речник на личните имена в съвременната българска антропонимия*. Вел. Търново, 1995, с. 577–579). Однако авторы словарей связывают все эти имена с христианским *Иоанн*.

²¹⁶ В литературе встречаются и другие идентификации и «увязки» Яня Вышатича с лицами, известными из истории домонгольской Руси. Например, до сих пор имеет сторонников давняя догадка А. Ф. Вельтмана, что Янь – это поэт Боян из «Слова о полку Игореве» (*Вельтман А. Ф. Упомянутый «бо*

Недавно А. А. Гиппиус предложил иную версию происхождения Варлама. Он обратил внимание на граффити, которое оставил на стене Киевского Софийского собора некий отрок Безуй и которое уже цитировалось выше в конце главы III. В надписи Безуй сообщает имя своего господина – Иван Добрынич²¹⁷. Поскольку надпись надо датировать приблизительно серединой XI в., Гиппиус предположил, что упомянутый Иван Добрынич является сыном того самого Добрыни, о котором выше шла речь, и братом Константина, новгородского посадника. В качестве представителя видного боярского рода и жителя Киева он подошёл бы на роль Иоанна, отца Варлама и «первого боярина» князя Изяслава²¹⁸. Это – интересная догадка, которая дополняет текстологические построения учёного относительно этапов начального летописания в XI в. Признавая убедительность собственно текстологических аргументов Гиппиуса, отмечу только, что сама по себе догадка о том, кто такой мог быть этот боярин Иоанн, видимо, обречена оставаться не более чем догадкой. Отождествление лица, упомянутого в приблизительно датированном граффити, и персонажа агиографического произведения, увязанное с попыткой найти логику в упоминании определённых летописных героев, не может не быть гипотетическим. Достаточно напомнить вывод, сделанный в предыдущей главе, что численность киевского боярства в конце XI в. составляла три-четыре сотни человек. Вероятно, среди нескольких сотен киевских бояр, чьи отроки бывали в Софийском соборе, могли быть не один и не два Иоанна и Добрыни, и кто знает, кто именно из них был упомянут в надписи Безуя.

Обобщение тех данных о Яне, сыне Вышаты, которые представляются более или менее достоверными, приводит к выводу, что на протяжении своей карьеры он служил по крайней мере трём князьям: Святославу и Всеволоду Ярославичам и Святотополку Изяславичу, причём именно в то время, когда они правили в Киеве. Выходит, князья в Киеве менялись, а боярин там оставался, переходя от одного князя к другому. Нет достоверных сведений, служил ли он Изяславу (правившему в Киеве в 1054–1068, 1069–1073 и 1077–1078 гг.), но это представляется вполне вероятным, тем более что отец Яня Вышата служил Ярославу, а значит его сын, оставаясь в родном городе, скорее всего должен был продолжить службу у старшего сына Ярослава, занявшего после смерти князя Киев (напомню, что в 1054 г. Яню было 37 лет). Можно допустить, что Янь с самого начала попал на службу Святослава Ярославича, но сохранял связи с Киевом и, оказавшись в городе со Святославом (весна 1073 г.), так и осел там.

Янь» в «Слове о полку Игореве» есть старец Ян, упоминаемый Нестором // Москвитянин. 1842. № 1, с. 213-215; Подлипчук Ю. В. «Слово о полку Игореве»: научный перевод и комментарии. М., 2004, с. 294–295). Такого рода гипотезы имеют под собой слишком мало реальных оснований, чтобы их всерьёз обсуждать.

²¹⁷ «Г(оспод)и, помози рабу своему Безуеви Иванж отроку Дьбрынича, и Мареви съ нимъ» (*Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976, с. 25-30).* «Иванж» здесь – дательный падеж не имени *Иван*, а притяжательного прилагательного *Ивань*.

²¹⁸ *Гиппиус А. А. «Нъсть се Олегъ, но святыи Димитрии...»: к атрибуции летописного свода 1060-х годов // ВЕДС. Чтения XXV. М., 2013, с. 65-67.*

Но это допущение плохо вяжется с сообщением Нестора, что Янь с женой Марией тесно и, видимо, в течение долгого времени общались с Феодосием, который умер уже в мае 1074 г.

Каким именно образом происходили перемены в службе Яня и оформлялись его «переходы», судить нельзя. Тот факт, что Яню удалось сохранить одно из видных мест в киевской знати в течение правления по крайней мере трёх князей, можно объяснить только тем, что смены на киевском престоле происходили каждый раз (не считая вокняжения в 1068 г. Всеслава полоцкого) без военных действий, а в большинстве случаев по соглашению Ярославичей или их детей, и при этом киевские «мужи» переходили, так сказать, по наследству от отца к сыну, от брата к брату или от дяди к племяннику. В этом плане очень показательны упоминания летописи в двух статьях 1090-х годов о том, что у внуков Ярослава служили бояре Ярославичей, причём в одном случае как раз в связи с Янем. К одному упоминанию в статье ПВЛ под 6601 (1093) г., где рассказывается, как Святополк Изяславич, недавно вокняжившийся в Киеве после смерти Всеволода, допустил ряд ошибок в отношениях с половцами, я уже неоднократно обращался. Там говорится, что Святополк советовался с теми боярами, которые пришли с ним из Турова («свѣтъ створи с пришедшими с нимъ»), а не с боярами его отца Изяслава и его дяди Всеволода («с болшею дружиною отнею и строя своего»), которые, выходит, остались в Киеве. Далее среди «смысленных мужей» этой «большей дружины» упоминается как раз Янь Вышатич. Под 6604 (1096) г. передаётся призыв Святополка и Владимира Всеволодовича Мономаха, обращённый к их двоюродному брату Олегу Святославичу, положить «порядь» «пред мужи отець нашихъ» – очевидно, у всех трёх братьев в дружинах состояли бояре их отцов²¹⁹.

Судьба Яня свидетельствует о крепости связей бояр с тем городом, где из поколения в поколение осуществлялась их служба и частная деятельность и где находилась их собственность (усадыбы). Новым или традиционным было это явление, судить трудно. Как можно было заметить, некоторая связь с Киевом прослеживается в судьбе Свенельда. Связь с Новгородом демонстрирует преемственность в исполнении должности тамошнего посадника от Добрыни к его сыну Константину. Однако, фиксируются и смены «дислокации» бояр (Порей и Вышата, сын Остромира).

Делать какие-либо выводы о роде Яня в настоящее время трудно. Его генеалогическое «древо» в том виде, в каком оно было представлено выше, является гипотетической конструкцией, построенной с помощью ряда малообоснованных допущений и предположений. Достоверными можно признать только родственные отношения между: 1) Свенельдом, Лютом и Мистишей, 2) Добрыней и Константином, 3) Остромиром и Вышатой, бежавшим в 1064 г. в Тмутаракань, 4) Вышатой, участником похода 1043 г. и Янем, связанным с Киево-Печерским монастырём, а также, вероятно, Путятой, киевским тысяцким в 1113 г.

²¹⁹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 218, 229–230.

Более достоверной выглядит другая родословная – та, о которой сообщается в Киево-Печерском Патерике в рассказе о строительстве Успенской церкви в Печерском монастыре, по-видимому, принадлежащем перу епископа Симона (начало XIII в.). Здесь говорится об особенной «любви к святому тому месту» варяга Шимона, который был сыном некоего Африкана и племянником Якуна – варяга, который, согласно ПВЛ, участвовал в Ливонской битве (1024 г.) на стороне Ярослава²²⁰. Шимон, изгнанный из родной земли, тоже пришёл к Ярославу, который «его же примь въ чести имяше и дасть его сынови своему Всеволоду, да будет старей у него». Когда точно это произошло, неизвестно, но в Патерике рассказывается, что Шимон, будучи в дружине Всеволода, участвовал в битве на Альте (1068 г.). Сын Шимона Георгий служил Владимиру Мономаху и был «послан» им в Суздальскую землю, причём князь «дасть же ему на руцѣ и сына своего Георгия», то есть Юрия Владимировича «Долгорукого»; «по лѣтех же мнозѣх сѣдѣ Георгий Владимировичъ въ Киевѣ, – продолжает далее автор патерикового рассказа, имея в виду княжение Юрия в Киеве (1149–1151, 1154–1157 гг.), – тысяцькому жь своему Георгиеви, яко отцу, предасть землю Суждальскую»²²¹. Отдельный рассказ посвящён ещё «окованию» раки Феодосия на средства Георгия, причём упоминаются и другие его пожертвования в монастырь и даже приводится текст вкладной грамоты («епистоли») тысяцкого²²². В конце этого рассказа епископ Симон замечает, что «правнуци» тысяцкого «любовь имѣють къ святому Дмитрею, ту бо имѣють мѣсто свое въ немъ», подразумевая, видимо, Дмитриевскую церковь в Суздале, бывшую, видимо, подворьем Киево-Печерского монастыря²²³.

В этом случае видна не только преемственность боярской службы, но выясняется также, что бояре могут оказаться на службе князя-сына по приказу князя-отца: так Ярослав «дасть» Шимона своему (не старшему) сыну Всеволоду, а Владимир Всеволодович послал Георгия Шимоновича с Юрием, также не старшим среди его сыновей. Очевидно, не было жёстких правил относительно того, на службе дружине которого из сыновей правящего (или умершего) князя могли оказаться его бояре. «Правнуци» Георгия, осевшие в Суздальской земле, были известны – очевидно, как люди состоятельные (вкладчики церкви) – ещё в начале XIII в.

Рассмотрим данные ПВЛ и современных ей источников о других лицах из боярского слоя, которые сами или представители родов которых служили разным князьям или же, напротив, соблюдали преемственность в службе.

²²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стл. 148.

²²¹ Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 3, 5.

²²² Там же, с. 62–64. В «епистоли» Георгий рассказывает о чуде, которому он был свидетелем, когда приходил во время конфликта Юрия суздальского с Изяславом Мстиславичем к Киеву «с половецци», имея в виду, по-видимому, поход Юрия 1149 г. Данные Патерика подтверждаются, в частности, известием ИпатЛ под 6638 (1130) г.: «Георгии ростовьскыи (ХП добавляють: Шимонович) и тысячкою окова гробъ Федосьевъ игумена Печерьскаго...» (ПСРЛ. Т. 2, стл. 293).

²²³ Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 64.

ПВЛ известен Ратибор как посадник князя Всеволода в Тмутаракани (в 1079–1081 гг., когда Всеволод сидел в Киеве), а затем соратник Владимира, сына Всеволода, в Переяславле (1095 г.) и его доверенное лицо на съезде в Уветичах (1100 г.)²²⁴. В «Русской Правде» Пространной редакции Ратибор выступает как тысяцкий Владимира Всеволодича Мономаха, вокняжившегося в Киеве, при принятии «Устава о резах» (1113 г.) (см. ниже). Известны его сыновья: Ольбег, который был вместе с отцом в 1095 г.²²⁵, и Фома (не исключено, впрочем, что это два имени одного лица). Фома Ратиборич в 1116 г. предпринял поход на Дунай с сыном Владимира Вячеславом, а в 1121 г. был посадником в Червене, когда город пытался взять Ярослав Святополчич с поляками²²⁶. Так как Червен входил во Владимиро-Волынское княжество, а в это время там княжил Андрей, другой сын Мономаха, надо заключить, что Фома посадничал в этом городе от имени Андрея. Эта «династия» демонстрирует прямую зависимость от тех князей, кому служили её представители: Ратибор перемещается из Киева в Переяславль и снова в Киев вместе с князем-отцом (Всеволодом) и князем-старшим сыном (Мономахом), а Фома Ратиборич служит младшим сыновьям последнего (весьма вероятно, что Фома был боярином Мономаха, который посылал его в разные места как опытного воеводу с молодыми княжичами).

Известно несколько печатей с надписью «от Ратибора» и изображением на другой стороне св. Климента. Печати приписываются боярину Всеволода и Владимира на основании их «хронологической последовательности в сочетании с топографией их находок» (скорее всего, Ратибор ими запечатывал свою корреспонденцию). Сомнительным выглядит, правда, отождествление, которое В. Л. Янин предлагает, отталкиваясь от изображения св. Климента. Ратибор, по его мнению, это одно лицо с боярином князя Изяслава Климентом, о котором рассказывается в Житии Феодосия как о духовном сыне Феодосия и вкладчике Печерского монастыря²²⁷. Никаких оснований для этой идентификации нет (например, указаний в Житии о связи Климента с Переяславлем или свидетельств в летописи о связи Ратибора или его сыновей с Печерским монастырём и т. п.), кроме совпадения имён. Но одного этого совпадения недостаточно для достоверного заключения, тем более что позднейшие списки Жития Феодосия в составе Киево-Печерского Патерика называют совсем другое мирское имя Климента, почитателя Феодосия, – Здеслав Ггеуевич²²⁸.

Более или менее надёжно восстанавливаются несколько поколений потомства братьев Чудина и Туки²²⁹. В ПВЛ Чудин упоминается как владелец двора в Киеве, который послужил топографическим ориентиром летописцу-автору рассказа о мести

²²⁴ ПСРЛ. Т. 1, стл. 204, 227–228, 274.

²²⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 228. ИпатЛ даёт его имя как «Ельбѣхъ», а Хлебниковский и Погодинский списки – «Елбѣгъ» (ПСРЛ. Т. 2, стл. 218).

²²⁶ ПСРЛ. Т. 2, стл. 284, 286.

²²⁷ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970, с. 60–64.

²²⁸ «Ггеуевичъ Здеславъ – сице бо прежде имя ему» (Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 39. Ср.: Успенский сборник..., с. 105).

²²⁹ Впервые замечены Погодиным: Погодин М. П. О наследственности древних санов..., с. 78.

Ольги древлянам (писавшему, видимо, в конце XI в.), а также как боярин, который «держал» Вышгород в 1072 г. (тогда, когда в Киеве княжил Изяслав)²³⁰. Он же фигурирует среди тех бояр, которые вместе с тремя Ярославичами (Изяславом, Святославом и Всеволодом) – очевидно, в качестве их доверенных лиц – принимали дополнения к «Русской Правде» (так называемая «Правда Ярославичей» или «Домениальный устав»). После статьи 18 «Краткой редакции» «Русской Правды» в заголовке следующего раздела князя с боярами перечислены следующим образом: «Правда уставлена Руськой земли егда ся съвокупилъ Изяславъ Всеволодь Святославъ Коснячко Перенѣгъ Микыфоръ Кыянинъ Чюдинъ Микула»²³¹.

В литературе нет согласия относительно того, когда и где именно собирались Ярославичи для издания законов (есть даже мнение, что было два законодательных съезда братьев). Более распространённым и, с моей точки зрения, более убедительным является мнение, что они собирались после смерти Ярослава в правление Изяслава, скорее всего, в 1072 г. в Вышгороде (когда они оказались там в связи с перенесением мощей Бориса и Глеба)²³². Принимая это мнение и учитывая, что Коснячко и Никифор упоминаются в летописи как киевские бояре²³³, надо рассматривать появление имени Чудина в перечислении бояр как вполне естественное (в качестве вышегородского посадника).

Не совсем ясно, следует ли из этого перечисления (процитированного намеренно без орфографических знаков) заключить, что Чудин и Микула – это разные лица, или же – это один человек, поименованный его мирским и христианским именами. Более вероятным выглядит всё-таки первый вариант прочтения, на котором настаивал М. Н. Тихомиров и в пользу которого позднее М. Б. Свердлов привёл некоторые дополнительные аргументы²³⁴. Правда, А. А. Медынцева принимает второй вариант²³⁵, и отождествление Чудина и Микулы позволяет ей идентифицировать принадлежность надписи на лестнице или хорах новгородского Софийского собора, автор которой обращался к святой Софии, как считает исследовательница, 1 ноября 1052 г. и просил

²³⁰ ПСРЛ. Т. 1, стл. 55, 182.

²³¹ Правда Русская. Т. I: тексты. М.-Л., 1940, с. 71, 398.

²³² Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: происхождение текстов. М.-Л., 1941, с. 47, 63–65, 75, 78, 198. Ср.: Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 21–30; Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999, с. 123, 193–195.

²³³ Коснячко в 1068 г. был воеводой Изяслава. Двор Никифора в Киеве указан, как и двор Чудина, топографическим ориентиром в рассказе о местах Ольги (ПСРЛ. Т. 1, стл. 55, 171). О Перенеге данных нет.

²³⁴ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде..., с. 63–65; Свердлов М. Б. От Закона Русского..., с. 22–23. Тихомиров отождествлял Микулу с вышегородским огородником Жданом, известным из «Сказания чудес Романа и Давыда»: «старѣишина огородникомъ, зовом же бяше Жданъ по мирьскууму, а въ хрещении Никола» (Успенский сборник..., с. 63).

²³⁵ Его считал правильным и Зимин, который относил заголовок «Правды Ярославичей» в «Краткой редакции» к первому съезду Ярославичей при жизни Ярослава, а к 1072 г. относил только постановление Ярославичей об отмене кровной мести, которое сопровождается другим заголовком в Пространной редакции (Зимин А. А. Ук. соч., с. 123, 193). Построения Зимина явно искусственны и базируются на целом ряде натяжек.

помиловать некоего «Нико[ло]у пр(и)шъльца ис Кы(е)ва града [от с](в)оего кън(я)зя Ъ(р)ослава». По мнению Медынцевой, этим «пришлецом» был Чудин, которого послал управлять Новгородом Ярослав после смерти своего сына Владимира²³⁶. Хотя датировка надписи и указание тех причин, по которым она могла быть составлена, выглядят достаточно убедительно, но идентификация Николы именно с Чудином не может быть доказана хотя бы просто потому, что мы знаем слишком мало бояр середины – второй половины XI в. по именам и, особенно, по их христианским именам. Отождествления такого рода всегда будут гипотетичны (ср. выше о гипотезе А. А. Гиппиуса, тоже основанной на отождествлении имени из граффити с именем, известным из других источников).

Согласно ПВЛ братом Чудина был Туки. Он упоминается в рассказе о восстании в Киеве в 1068 г., когда после поражения от половцев туда прибежали Изяслав и Всеволод. Рассказав о вече, созванном киевлянами, летописец описывает, что происходило на «княже дворе»: «Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ стояще долѣ, князю же из оконця зрящю и дружинѣ стоящю у князя, реч(е) Туки, братъ Чюдинъ, Изяславу...» и т. д.²³⁷ Хотя С. М. Соловьёв допускал, что Туки мог входить в число людей прибежавшего в Киев Всеволода²³⁸, упоминание в процитированных словах летописи «своей дружины» при Изяславе однозначно указывает на Туки как на боярина старшего Ярославича.

Второй раз в ПВЛ Туки отмечен в числе погибших в битве на Сожице (1078 г.), где встретились полки Всеволода, вышедшего из Чернигова, с одной стороны, и Олега Святославича и Бориса Вячеславича, шедшими с половцами из Тмутаракани, с другой²³⁹. Поражение в битве потерпел Всеволод, и, видимо, следует полагать, что Туки был именно в войске Всеволода. Таким образом, в то время, как тот князь, на службе которого Туки состоял десять лет назад, был ещё жив, боярин оказывается у его брата. Когда и при каких обстоятельствах произошёл этот переход, можно только гадать; возможно, это случилось тогда, когда Изяслав уходил в Польшу (в 1069 и 1073 гг.), а может быть, и в 1077 г., когда Всеволод в течение нескольких месяцев по смерти Святослава и до прихода из-за рубежа Изяслава сидел в Киеве²⁴⁰. Однако, важно отметить сам факт перехода, сопоставимого с бегством Вышаты, сына Остромира, в Тмутаракань.

В составе «Пространной редакции» «Русской Правды» присутствует так называемый «Устав о резах», принятие которого приписывается Владимиру Мономаху и который вводится следующим заголовком: «Володимѣрь Всеволодичъ по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовѣмь, Ратибора киевского тысячьского,

²³⁶ Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века. М., 1978, с. 114–124.

²³⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 171.

²³⁸ Соловьёв С. М. Ук. соч. Т. 1 // Он же. Сочинения. Кн. I, с. 359.

²³⁹ ПСРЛ. Т. 1, стл. 200.

²⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1, стл. 199.

Прокопью бѣлогородьского тысячьского, Станислава переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и уставили до третьяго рѣза» и т. д.²⁴¹

Список бояр упоминает, помимо уже знакомого нам Ратибора, некоего Иванка Чудиновича, которого хотелось бы связать с Чудином, боярином Изяслава. Правда, это упоминание, а следовательно и сближение Иванка и Чудина, требует некоторых объяснений. Дело в том, что не очень понятно, как Иванко, «Ольгов муж», то есть боярин князя Олега Святославича (другого князя с именем Олег не известно во времена Мономаха), мог оказаться в составе этого «законодательного собрания» Владимира с «дружиной своей», то есть боярами, которые служили Мономаху.

Некоторые исследователи допускают, что Иванко в момент принятия «устава о резах» состоял на самом деле на службе у Владимира, но был поименован «мужем» Олега потому, что служил тому ранее²⁴². Такое допущение предполагает, что Иванко перешёл к Владимиру, выступающему в заголовке «Устава» киевским князем, после смерти Олега 1 августа 1115 г. Но тогда ко времени после 1 августа 1115 г. надо относить и съезд «дружины». Между тем, принятие «Устава» вполне обоснованно связывается с более ранним временем, а именно с киевским восстанием после смерти Святополка, которое прекратилось с вокняжением в Киеве Владимира (апрель–май 1113 г.) и которое и привело к урегулированию процентных ставок («резов»)²⁴³. В этом случае надо понимать указание на связь Иванка с Олегом прямо, то есть как на действительные в тот момент служебные отношения, и искать объяснение тому, почему «Ольгов муж» оказался на собрании дружины Мономаха.

Объяснить это можно, если принять предположение В. А. Кучкина, что последние годы перед смертью Олег княжил в Вышгороде и рассматривался как следующий после Владимира претендент на киевский «стол»²⁴⁴. В самом деле, Мономах вёл тогда согласованную политику с Олегом и Давыдом Святославичами, и посылка старшим из братьев, сидевшим в Вышгороде, своего представителя в Берестово для принятия мер по умиротворению Киевской земли, выглядит вполне естественно. Не менее естественной в этом случае является и связь Иванка, представлявшего вышгородского князя, с Чудином, посадничавшим в Вышгороде в своё время от имени Изяслава Ярославича. Нет возможности судить, каким именно образом получилось так, что сын боярина, состоявшего в дружине Изяслава, и племянник боярина, перешедшего в дружину Всеволода, оказался на службе сына Святослава, третьего Ярославича. Но в принципе ничего удивительного в этом нет, поскольку каждый из «триумвиров» успел посидеть в Киеве, а связь бояр с определённым городом была в то время, как мы видели на примере Яня Вышатича, нормальным явлением.

²⁴¹ Правда Русская. Т. I, с. 110, 424–425.

²⁴² См., например: *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов..., с. 227.

²⁴³ См., например: *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде..., с. 209.

²⁴⁴ *Кучкин В. А.* Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // ОИ. 2003. № 3, с. 75.

Имена других бояр в заголовке «Устава о резах», к сожалению, трудно увязать с именами, упоминаемыми в летописи. Некоторые основания для определённой «увязки» есть только в отношении Станислава, переяславского тысяцкого. В летописном рассказе о распре в 1135 г. «Володимиричей», то есть сыновей Владимира Мономаха, во главе с Ярополком киевским и «Ольговичей», то есть сыновей Олега Святославича, говорится о многих «боярах киевских», которых Ольговичи «изъимаша» в битве на Супое. Сказано, что среди прочих взяли в плен и «Станислава Доброго Тудьковича» или, по Хлебниковскому списку, – «Туковича»²⁴⁵. Поскольку имя *Тудько* в Древней Руси не зафиксировано²⁴⁶, а Хлебниковский список даёт и другие уникальные чтения, которые не обязательно могут быть ошибочными, можно признать этого киевского боярина сыном Туки²⁴⁷.

В этом случае Станислав оказывается двоюродным братом Иванки Чудиновича, и этот факт позволяет думать, что два этих боярина неслучайно оказались вместе на съезде, принявшем «Устав о резах». Если в 1113 г. Станислав был боярином Мономаха, то вполне естественно увидеть его в 1135 г. на службе у Ярополка, на тот момент старшего из сыновей Владимира. Признавая эту связь, следует констатировать, что сложности родственных отношений Рюриковичей проецировались на отношения служащей им знати: в данном случае мы видим, что двоюродные братья состояли на службе князей, которые хотя и приходились друг другу также двоюродными братьями, но стали основателями двух княжеских ветвей, борьба между которыми пройдёт красной нитью через дальнейшую историю домонгольской Руси.

Присутствие Станислава в окружении Мономаха выглядит логичным ещё и потому, что его отец, Туки, погиб, служа отцу Мономаха Всеволоду. В этом случае мы наблюдаем преемственность службы – от князя-отца к старшему княжичу. Опять есть некоторые, хотя и далеко небесспорные, основания эту преемственность продолжить ещё дальше. Под 6656 (1148) г. сообщается, что среди людей сына Юрия Владимировича суздальского Глеба, которого отец послал в Южную Русь на помощь Ольговичам и который пытался вокняжиться в Переяславле Южном, был некий Станиславич. Тогда, в 1148 г., Глеб пытался взять Переяславль, где сидел в тот момент Мстислав,

²⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2, стл. 298. В ЛаврЛ также «Тудьковича», а РадзЛ и МосАкЛ дают другие варианты: «Тютюковича» и «Тютюковича» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 304). Текст ИпатЛ в этом известии первичен по сравнению с ЛаврЛ (*Насонов А. Н.* История русского летописания..., с. 88–89). В Московском летописном своде конца XV в. явно испорченное «Дутковича» (ПСРЛ. Т. 25, с. 33).

²⁴⁶ *Тушков Н. М.* Словарь древнерусских собственных имён. С приложениями. М., 2005, с. 460, ср. с. 846–847 (1-е изд.: СПб., 1903). В ЛаврЛ и ИпатЛ в списке русских послов русско-византийского договора 944 г. упоминается «Кары Тудковъ» (ПСРЛ. Т. 1, стл. 46; Т. 2, стл. 35). Однако, это, по всей видимости, ошибка, а правильным является чтение РадзЛ и МосАкЛ «Студековъ», которое возводится к скандинавскому имени (*Томсен В.* Ук. соч., с. 224). Теоретически можно было бы предположить, что *Тудько* – это гипокористика от *Тудоръ* (подобно тому, как образовано *Федко* от *Фёдор*). Однако от этого имени, распространённого в Древней Руси, зафиксирована только одна уменьшительная форма – *Тудорько*.

²⁴⁷ Таким же образом рассуждает П. В. Лукин: *Лукин П. В.* «Нам неволя: зажегше град свои, ступим в Гречьску землю». К интерпретации статьи Повести временных лет под 6577 г. // *Rossica Antiqua*. Вып. 1. СПб., 2006, с. 245.

сын киевского князя Изяслава Мстиславича, уже во второй раз. В первый раз, ещё в 1147 г. Глеба звал туда один из его бояр, который говорил: «пойди Переяславлю, хотя тебе переяславци». Второй раз Глеб уже сам «свѣщався с переяславци». Оба раза Мстислав отстоял город, и во второй раз Глеб уже догадался, что его переяславцы «прельстили». Вторую атаку Глеба Мстислав отбил с «полком своимъ с переяславци»: они Глебову дружину, «постигающе», «изоимаша, а другыя избиша, и Станиславич(а) ту яша и казниша казнью злою...»²⁴⁸

Последнее замечание о казни дружинника «казнью злою» заставляет предположить, что с ним у Мстислава и переяславцев были какие-то свои особенные счёты. Легче всего объяснить их тем, что Станиславич происходил из Переяславля, но по каким-то причинам не поладил с Мстиславом и пытался привести в город Глеба Юрьевича (Глеб как внук Мономаха имел теоретически такие же права на Переяславль, что и его двоюродный брат Изяслав Мстиславич, – для них это была общая «отчина»). В этом случае обнаруживается связь между этим Станиславичем и тем Станиславом, который был когда-то переяславским тысяцким. Таким образом, оставляя под вопросом связь Туки и Станислава, гипотетически можно восстановить историю службы трёх поколений бояр четырём поколениям князей: Туки – Всеволоду, Станислав – Владимиру и Ярополку, Станиславич – Глебу Юрьевичу. Причём два младших поколения этого боярского рода, связь которых между собой как раз более вероятна, обнаруживают тяготение к одному городу – Переяславлю. Последний представитель рода завершил собственную (и, видимо, родовую) служебную карьеру крайне неудачно: его стремление сместить со «стола» в родном городе одного князя и посадить другого было расценено, очевидно, как измена, и за это его постигло суровое наказание.

Возвращаясь к списку бояр «Пространной редакции» «Русской Правды», отмечу, что в литературе делались попытки либо идентифицировать некоторых лиц, упомянутых позднее в летописи, с Прокопием, Нажиром и Мирославом, указанными в этом списке, либо выявить их потомков. Возможности для такого рода идентификаций для времени с начала XII в. увеличиваются, поскольку возрастает объём и детальность летописного текста, упоминается и больше имён, а с другой стороны, в XII в. с ростом количества князей и княжеств растёт численность знати. Однако, как показано в моём исследовании боярских «карьер» «генеалогий» за весь домонгольский период²⁴⁹, – большинство этих сближений и идентификаций более или менее гипотетичны, и на них сложно строить какие-либо доводы относительно преемственности в службе бояр или же их переходов. К тому же, данные, которые привлекаются здесь, уже выходят за хронологические рамки настоящего исследования.

Из тех судеб бояр и боярских «генеалогий», которые оказываются частично в выбранных хронологических рамках, а частично выходят за них, несколько заслуживают упоминания в данном случае.

²⁴⁸ ПСРЛ. Т. 2, стл. 359–360, 363–364. Ср.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 319.

²⁴⁹ Стефанович П. С. Князь и бояре..., с. 218–261.

В работах, где затрагивалась история боярства домонгольского времени, довольно заметной фигурой является воевода Андрея Боголюбского Борис Жидиславич²⁵⁰. Попытки М. П. Погодина и других учёных, основанные на гипотетических сближениях тех или иных имён, упомянутых в летописи, выстроить его родовое происхождение представляются малоудачными. Однако благодаря источнику, независимому от летописи, предки этого боярина всё-таки отыскиваются. Не так давно был опубликован древнейший исправный текст «Сказания о чудесах Владимирской иконы Богородицы», и там как раз содержится важная в данном случае информация. В качестве седьмого чуда иконы в «Сказании» рассказывается о прозрении некоей Марии, «Жидиславли дщи», которая постриглась и стала игуменьей «в Руском Переяславле въ Славятине монастыри» – «въ своего еи деда монастыри»²⁵¹. В рассказе упоминается брат Марии Борис, который жил во Владимире и прислал ей воду от иконы (благодаря которой она исцелилась). Очевидно, речь идёт о том самом Борисе Жидиславиче – воеводе Андрея Боголюбского (действие рассказа происходит, видимо, в правление этого князя). Согласно процитированному месту «Сказания», в Переяславле Южном находился родовой монастырь Бориса и Марии. Судя по его названию и указанию, что он был основан дедом брата и сестры, логично предположить, что основателем был Славята, который упоминается в ПВЛ в качестве боярина Святополка Изяславича: последний посылает боярина в 1095 г. из Киева в Переяславль к Владимиру Мономаху «на нѣкое орудие»²⁵².

Борис Жидиславич представляет собой ещё один пример (наряду с Георгием Шимоновичем) южного по происхождению боярства, переместившегося вместе с князьями на северо-восток Руси. Между первым и третьим поколением этого боярского рода произошла смена линий рода Рюриковичей, которым служили дед и внук. Скорее всего, эту смену следует объяснить переходом Славяты (или его сына Жидислава) после смерти Святополка к Владимиру Мономаху.

Стоит остановиться на судьбе тех бояр, которые упоминаются в разбиравшемся выше летописном описании событий в Киеве в 1146 г. после смерти Всеволода Ольговича, – Улеба, Ивана Воитишича и Лазаря. Как говорилось, первые двое из этих бояр получили от Игоря Ольговича (севшего на киевский стол по соглашению князей друг с другом и согласно крестоцелованию с киевлянами) те же должности, что держали при его брате Всеволоде, но затем вместе с Лазарем предали Игоря и перешли на сторону Изяслава Мстиславича.

Улеба уже в следующем, 1147-м, году видим послом и доверенным лицом при «князе своем» Изяславе²⁵³. Про Ивана Воитишича известно, что до 1146 г. он после-

²⁵⁰ См.: *Погодин М. П.* О наследственности древних санов..., с. 75-77; *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов..., с. 230-231.

²⁵¹ Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богородицы. Публ. В. А. Кучкина и Т. А. Сумниковой // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996, с. 506–507.

²⁵² ПСРЛ. Т. 1, стл. 227.

²⁵³ ПСРЛ. Т. 2, стл. 344–345. В этом месте киевский источник, сочувственный Изяславу.

довательно был воеводой у Владимира Мономаха, затем Мстислава Владимировича, а потом служил Всеволоду Ольговичу, причём все три упоминания имеют в виду, что он посылается из Киева²⁵⁴. Лазарь Саковский упоминается как воевода Всеволода Ольговича, причём князь посылает его из Киева воевать к Переяславлю²⁵⁵. Последнее обстоятельство, видимо, нельзя считать случайным, так как прозвище Лазаря указывает на его связь с Переяславлем (Саков – город в Переяславской земле). Весьма вероятно, что о том же самом человеке речь идёт в рассказе об убийстве Игоря Ольговича в 1147 г. в Киеве: киевским тысяцким, который управляет городом в отсутствие Изяслава, указан Лазарь (без прозвища или отчества)²⁵⁶. Если верна эта идентификация, значит Лазарь Саковский, как и Улеб, занял у Изяслава видный пост.

Таким образом, Иван Воитишич переходил после смерти одного киевского князя на службу следующему, причём не только от отца к сыну, но и от князя одной ветви к представителю другой (хотя в этом случае – то есть когда Киев занял Всеволод Ольгович – передача власти состоялась без военного противостояния по многостороннему соглашению князей). Из того, что и он, и Улеб, и, по всей видимости, Лазарь Саковский в 1146 г. согласились сначала служить Игорю, явствует как будто, что в принципе такое согласие в ситуации мирной передачи власти и на условиях сохранения своего прежнего почётного положения рассматривалось как дело вполне естественное и закономерное. Разумеется, это не значит, что должность автоматически оставалась за боярином при смене князя. В принципе, решение, оставить ли Улеба и Ивана Воитишича на прежних должностях или нет, оставалось прерогативой Игоря. Другое дело, что князь, видимо, не хотел обижать влиятельных бояр и готов был ради их лояльности пожертвовать интересами собственных дружинников. Правда, готовность к компромиссам в данном случае не помогла Игорю, и он проиграл битву за Киев Изяславу.

Это не была ситуация «нормальной» преемственности власти (от отца к сыну или по межкняжескому договору). И речь не может идти о применении «права отъезда»: бояре не предупреждали Игоря о своём «переходе», а бросили его во время военных действий. Для черниговского летописца было очевидно, что переход бояр от Игоря к Изяславу был изменой, достойной всяческого осуждения. Между тем, для Изяслава, которого киевский летописец выставляет благочестивым христианином и «братолюбцем», было вполне естественно наградить бояр за проявленные по отношению к нему симпатии – только так можно объяснить тот факт, что вскоре мы видим Улеба доверенным лицом при Изяславе, а Лазаря на важнейшей должности киевского тысяцкого. Сложнее всего сказать, какими интересами руководствовались сами бояре и в каких категориях они оценивали своё поведение. Можно только с высокой степенью вероятности предполагать, что на их «переход» повлияли горожане, враждебно

²⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2, стл. 284, 292, 302.

²⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2, стл. 311.

²⁵⁶ ПСРЛ. Т. 2, стл. 347–349, 353. Ср.: ПСРЛ. Т. 1, стл. 316–318.

настроенные к Ольговичам, и, кроме того, заметно, что бояре дорожили двумя вещами: сохранением за собой высокого места в княжеской дружине, что давало доступ к власти и доходам, а также, видимо, пребыванием в Киеве, богатейшем на тот момент городе Руси.

Приведёнными данными исчерпывается корпус сведений, позволяющих судить о боярских «карьерях» и «генеалогиях» при княжеских дворах, образовавшихся в землях Древнерусского государства приблизительно до середины XII в. Не случайно, что в этом корпусе практически отсутствуют упоминания о передвижениях представителей знати Новгородской земли, где с конца XI в. нарастают «республиканские» или «олигархические» тенденции. Добавлю, что позднее – во второй половине XII–XIII в. – и боярство Галицкой земли никак не проявляет себя в переходах в другие земли. Боярство в каждой из этих земель сложилось в более или менее замкнутые и независимые корпорации, место в которых для их членов было привлекательнее, чем служба князьям, перемещавшимся со «стола» на «стол». Напротив, между остальными русскими землями фиксируются перемещения знати. Важно правильно понять контекст и причины этих перемещений.

Такие ситуации, когда был возможен уход со службы одного господина и переход к другому, в условиях «расщеплённости» верховной власти должны были возникать регулярно. Практически в течение всего рассмотренного периода у любого лично свободного человека была возможность выбора в адресате службы в пределах Руси. Даже в относительно кратковременный период объединения всей территории расселения восточных славян под властью одного князя (в сущности, вся эта территория была объединена лишь в правление Владимира Святославича в 980(978)–1015 гг.) оставалась возможность уйти служить правителю другого государства. В условиях тесных связей с Византией (где всегда был спрос на наёмников), интернациональности службы (о чём свидетельствует наличие среди бояр X–XI вв. многих имён неславянского происхождения) и постоянной борьбы князей Рюриковичей за волости надо исходить в принципе из свободно-договорного характера отношений князя и членов его дружины. Не стоит также забывать, что правовые нормы той эпохи предусматривали ограничения свободы человека только для лично несвободных лиц или по служебным договорам («рядовичи» и пр.), которые явно не распространялись на сферу отношений князей и знати. Уход Аскольда и Дира от Рюрика – конечно, позднейшая реконструкция, но она показывает, что с точки зрения летописца конца XI – начала XII вв. уход бояр от князя был само собой разумеющимся, и ничего специально пояснять или оговаривать не было нужды.

С этой точки зрения случаи, когда боярин или представители одного боярского рода оказываются на службе у разных князей, не принадлежащих одной ветви, надо расценивать как вполне естественные. Не менее естественным надо считать и то, что в источниках домонгольского времени не упоминаются термины «отъезд» и «переход»: если сам выбор свободного человека, кому и на каких условиях служить, не

ставился под сомнение, то, очевидно, в условиях отсутствия систематического права и преобладания обычной или прецедентной юридической традиции специально фиксировать это право выбора не было необходимости. Осмыслению и формулировке должно было подвергаться не это «естественное право», а о г р а н и ч е н и я этого права – то, что было по-настоящему важно и актуально для той стороны, которой принадлежала политическая инициатива и которая опиралась на идеологическую поддержку книжно-церковной традиции, то есть для князей, по понятным причинам тяготившихся независимостью служащих им людей.

Не случайно, что эти ограничения и отражены в источниках – это, прежде всего, представления об измене («лести»), а также о «вине» боярина перед князем, за которую боярин подвергается «гневу» и подвергается «казни». В то же время другие понятия, которые эксплицитно формулируются для описания дружинных отношений в более позднее время – «обида» боярина, «исправа», которую ему должен дать князь и др. – так же, как и «отъезд», отсутствуют в древних памятниках. Учитывая логику средневекового права, в данном случае надо предполагать, что фиксировались не те нормы, которые фактически преобладали, а те, которые стремились целенаправленно поддержать, осознавая, что в реальности они ущемляются или их недостаточно последовательно придерживаются. Если позднее в Северо-Восточной Руси начали оговаривать традиционные и естественные права бояр, то в домонгольское время акцент делался именно на сдерживании независимости служилых людей, подчинённых князю, и подчёркивались его прерогативы, а их обязанности перед ним.

Видимо, бывали случаи, когда угроза «высшей меры» наказания воплощалась в реальных действиях. Например, Ярослав расправился с Константином Добрыничем, а «казнью злою» был казнён переяславский Станиславич. Однако всё-таки скорее надо предполагать, что на практике эта угроза была больше своеобразным предупреждением, напоминанием о крепости служебных отношений на случай, если предстояли испытания этих отношений на прочность. Казнь, видимо, могла применяться только тогда, когда «вина» была очевидна или доказана. Тяжбы и разбирательства, посвящённые выяснению, кто перед кем и в чём «повинен», известны в среде Рюриковичей, но нечто подобное следует предполагать и для отношений княжеско-боярских.

Как бы ни подчёркивались обязанности знати и её ответственность, практические обстоятельства и здравый смысл должны были подсказывать князьям более мягкое отношение к своим «мужам». Суровые кары могли привести к раздражению и даже открытому возмущению. Именно за «гордость» и непредсказуемость в отношении к своим приближённым поплатился Андрей Боголюбский. Напротив, готовность к прощению провинившихся (то есть изменивших в верности) шла на пользу князю, привлекая к нему людей.

Ригоризм и строгость не могли быть ведущими принципами в отношении князей к знати в условиях, когда князья меняли волости и столы, а их люди могли остаться в волости, где прижились, или когда князьям приходилось, заняв город, принимать

бояр ушедшего или умершего князя. Уже во времена после смерти Ярослава Мудрого видно, что в окружение князей, по крайней мере правящих в Киеве, входили не только их собственные бояре, но и бояре их отцов и родственников, и что, в то же время, положение как князя, так и бояр зависело всегда от довольно сложного и неустойчивого баланса сил. Князь полагался, конечно, в первую очередь, на своих людей, но не только на них – он был связан также с самыми разными «приятелями» в местах, где он преследовал какие-то свои интересы или где просто когда-то жил и правил.

Со стороны знати тоже наблюдается некоторая двойственность. Вплоть до монгольского нашествия у знати сохранялся устойчивый интерес вполне материального свойства к княжеской службе. Эта служба приносила доступ к власти и гарантированный доход, что было в целом привлекательнее, чем предприятия на свой страх и риск. От князей, конечно, ожидалось разного рода «чести», «милости» и «жалования» за верную службу. Это привязывало к князю и обеспечивало верность. Неудивительно, что с древнейших времён (начиная, собственно, со Свенельда) сохраняется верная служба бояр князьям: есть примеры и переходов бояр из земли в землю с князем, и преемственности службы от князя-отца к сыну или наследственной службы боярского рода одной княжеской ветви. В случае рода Славяты–Бориса Жидиславича видим, что бояре могли перемещаться с князьями, оставляя даже сёла с родовыми «богомолниями» (в этом случае, кстати, видно, что, если перемещение состоялось не во время княжеского «размирья», то имущества сохранялись за хозяевами).

В то же время параллельно этим интересам у знати должно было проявляться стремление к закреплению где-то в одном месте. Обычно это называют «оседанием дружины», которое связывается с развитием боярского землевладения. Мне этот термин представляется не слишком удачным, так как он подразумевает, что когда-то дружина была «бродячей» и «неоседлой» (выражаясь словами С. М. Соловьёва) и только в какой-то момент начала «оседать» (как правило, добавляется: «на землю»). На самом деле, желание иметь свой дом и семью в одном месте, сохранять связи с родным городом или селением и т. д. надо признать вполне естественным для любого нормального человека. Бояре X в., наверняка, точно так же хотели «осесть», как и бояре XII-го или всякого другого последующего столетия. Другое дело, что сделать это не всегда позволяли разного рода жизненные обстоятельства, прежде всего политические. Сила действия этих обстоятельств была в разные исторические периоды разной, но с тех пор, как князья Рюриковичи обосновались в Киеве, знать на их службе никогда не была – и не могла быть – в настоящем смысле слова «неоседлой».

Для X в. у нас нет данных, чтобы рассуждать об оседлости боярства, но в XI в. преемственность в местонахождении демонстрируют Янь Вышатич и Чудин с сыном Иванкой. В XII в. тоже были примеры, когда бояре предпочитали остаться в городе, не связывая свою судьбу с определённым князем: Иван Воитишич, Улеб и Лазарь в 1146 г. Собственно говоря, схема, предполагающая, что в более ранний период было больше «неоседлой вольности», а позднее «дружины» «оседают на землю» и не хотят

«бродить» с князьями, в источниках никак не прослеживается. Напротив, в рассмотренный период перемещения бояр из области в область фиксируются только вместе с переходившим с одного «стола» на другой князем. О самостоятельных переходах бояр от одного князя к другому появляются известия только с середины XII в. (и то редкие). Но в это время есть и примеры перемещений вслед за князьями. Короче говоря, как в древности, так и в позднее Средневековье были перемещения, но, в основном, люди предпочитали держаться насиженных гнёзд. Попытки уловить здесь какую-то динамику – в какой-то момент больше мобильности, в какой-то меньше – не представляются убедительными.

Конечно, бояре могли оказаться заложниками межкняжеских отношений, логика и ход которых оказались сильнее их желаний. Сложное развитие этих отношений накладывало свой отпечаток на судьбы бояр и боярских родов – можно сослаться на пример братьев Чудина и Туки и их сыновей Иванки и Станислава (если признавать отчество последнего как «Тукович»), которые оказались у князей, представлявших разные ветви рода Рюриковичей. Разумеется, надо предполагать, что перегруппировки знати при смене князей так или иначе кого-то сдвигали с насиженных мест и вовлекали в перемещения из земли в землю. В этих случаях преемственность в службе и в местонахождении противоречили друг другу.

Эти противоречия и сложности межкняжеских отношений и были, очевидно, главной причиной нарушений в преемственности родовой службы и перемен лояльности («переходов»). В XI в. фиксируются уже переходы при жизни князя, которого боярин покидает, или после смерти князя, но не в согласии с «нормальным» порядком перехода к его наследнику (Порей и Вышата, сын Остромира, а также, вероятно, Туки). В XII в. такого рода переходы бояр между князьями разных родовых линий фиксируются чаще.

В то же время с древнейшей поры существовало, видимо, некое представление о нормальном порядке преемственности служебных отношений – от князя-отца к князю-сыну и с сохранением проживания в том же городе (или той же земле). Такой порядок видим уже на примере Свенельда, который после смерти Святослава остался в дружине его старшего сына в Киеве. Если преемственность власти и местонахождения совпадали и протекали в мирном ключе, то это был наиболее желательный и спокойный вариант для знати, и в этом случае могла осуществляться передача из поколения в поколение не только места в княжеской дружине, но и определённой должности (киевская тысяча у Яня и Путяты, вышегородское посадничество или тысяча у Чудина и Иванки, воеводство и тысяча у Улеба и Ивана Воитишича в 1146 г.). Именно такой «нормальный» порядок удовлетворял обе стороны интересов знати – и крепость месту, и доступ к власти.

В этой картине реальных (если угодно, «классовых») интересов знати «право отъезда» присутствует только где-то на заднем фоне. На практике собственно «отъезды», то есть добровольный уход боярина в индивидуальном порядке со службы при

жизни князя, должны были быть крайне редким явлением. Такого рода уход был не только не в интересах князя, терявшего опору и инструмент власти, но и не в интересах боярина, который одновременно и терял доступ к власти, и крайне осложнял себе жизнь и деятельность в той земле, где оставался покинутый им князь, а если он уходил к враждебному князю, то подвергал себя риску «злой казни» за измену (не говоря уже о том, что безусловно терял всю собственность, которая конфисковывалась в пользу князя). Случайно ли, что, если не считать естественных перегруппировок знати при смене князей на том или ином «столе», при перемещении их из земли в землю или после их смерти, о таких «отъездах» источники домонгольского времени и не дают никаких данных?

Поскольку возможность выбора адресата службы не ставилась никем под вопрос и была принята по «старине» и в силу порядка политической «раздробленности», то о ней не говорилось специально. Естественным и само собой разумеющимся было право свободного «мужа» решать свою судьбу, в том числе определять условия и адресат службы, самостоятельно. Можно называть это вольностью или свободой, но совершенно ошибочно считать это исключительной особенностью боярского статуса. Выражением этого права было, например, и право крестьянского «выхода», которое в чётких формах фиксируется приблизительно тогда же, когда отливается в формулу княжеских докончаний и боярское право отъезда, то есть к XIV–XV вв. Дифференциация этого права на «выход» и «отъезд», фиксация и повторение его связаны уже с новыми условиями, в которых проходило объединение Северо-Восточной Руси под властью Москвы, и было бы неправильно проецировать эти условия на более раннее время. Право на перемену лояльности было естественным и признавалось «по умолчанию» на протяжении всего Средневековья, но просто позднее на нём был сделан акцент, потому что оно начало осознаваться как некая проблема. Причины тому были разные, но главную роль, на мой взгляд, сыграли усиление княжеской власти и развитие вотчинного, а затем и поместного, землевладения. В домонгольское время «проблемными» осознавались другие вопросы во взаимоотношениях князя и служилой знати – прежде всего, как обеспечить выполнение тех обязанностей, которые лежали на каждой из сторон. Настаивать на праве отъезда как *институте*, служившим фундаментом «вольной» боярской службы, ошибочно. Такая логика ведёт в конечном итоге к представлению о «бродячих» дружинах и «вольных» «вассалах», поступающих по договору найма на службу к князьям и блюдущих своё «конституционное» право в любой момент покинуть её, которое С. Б. Веселовский считал неверным для XIV–XV вв. и которое нельзя признать адекватным и для X–XIII вв.

§ 3. Выводы: служба, преемственность и статус

В предыдущей главе, прежде всего, в разделе о «Русской Правде», был поставлен вопрос о том, как приобретался боярский статус и наследовался ли он. Прямого и ясного ответа на этот вопрос источники X–XI вв. не дают, прежде всего, из-за равно-

душия законодательной инициативы по отношению к боярам. В нарративных памятниках можно найти указания на внешние признаки боярства (богатство, власть и пр.), но перед их авторами не стояла, естественно, задача дать ответ на вопрос, как приобретались эти признаки, то есть кто и как становился боярином. Теоретически надо предполагать большое значение в этом отношении служебной связи с князем как главным институтом власти. Но наследственность в передаче статуса, очевидно, должна была складываться и естественным, бытовым путём. Приведённые в этой главе данные о боярских службе и наследственности в сопоставлении с данными, разобранными в главе V, дают свидетельства – хотя бы и косвенные – для решения этого вопроса, но их можно дополнить также некоторыми сравнительно-историческими аналогиями. Это приведёт нас к общей оценке отношений князя и знати в Древнерусском государстве.

В историографии, как мы видели, влиятельными остаются две теории: «дружинная/служилая» и «общинная/местная». Первая объясняет приобретение боярского статуса только через службу князю, вторая либо вообще не предполагает существования такого статуса в условиях «общинности», либо видит в нём не социально-правовое содержание, а лишь отражение имущественного расслоения или личных «лидерских» качеств. На мой взгляд, хотя каждая из двух теорий опирается на реальные факты, в итоге выводы получаются упрощёнными и односторонними.

«Бессословности», на которой делает акцент «общинная теория», на Руси в X–XI вв. не было, и о ней можно говорить лишь в том смысле, что статусные позиции в раннее Средневековье приобретались и терялись скорее практическим путём, в силу наличия/отсутствия фактической власти и авторитета, не предполагая обязательного правового оформления (см. во «Введении» и в главе V). Нельзя не признать действительность такого механизма социального продвижения, как протекция правителя, но с другой стороны, едва ли стоит абсолютизировать его значение. В любом обществе и особенно таком юридически слабо иерархизированном, как раннесредневековое, надо предполагать одновременное действие разных факторов – одни поддерживают социальную мобильность, другие, напротив, укрепляют общественную стратификацию. Причём один и тот же фактор может в разных случаях (условиях) работать и в ту, и в другую сторону – то есть и в пользу статусных разграничений, и в пользу их преодоления или размывания.

Показательны в этом плане данные Жития Феодосия. С одной стороны, они подтверждают наличие в среде боярства двух институтов, совокупное действие которых поддерживают в любом обществе социальные статус и доминирование, – частная собственность и наследство. Поскольку, как говорилось в разделе о «Русской Правде», нет оснований предполагать какое-либо «древнее право», отрицавшее за боярами «имущественную самостоятельность», надо думать, что бояре, располагая капиталом и имуществом, передавали его своим потомкам, создавая тем самым для детей изначально более выгодные условия и для поддержания социального статуса, и для карье-

ры. Очевидно, это и хотел сделать боярин Иоанн, отец Варлаама, когда пытался от-
вратить того от пострижения в монахи – отец видел в сыне своего наследника.

Но, с другой стороны, частнособственнические устремления были не единст-
венным стимулом для поддержания наследственности. Важно, что боярин Иоанн, же-
лая укрепить положение своего потомства, действовал не один, но ему удалось под-
ключить к делу князя. Очевидно, князь не хотел терять человека, который смог бы в
будущем ему служить (боярского сына), и готов был поддержать эти устремления
своего боярина. Такая поддержка со стороны князя фактически означала, что госу-
дарственная власть содействовала передаче боярского статуса по наследству. Таким
образом, наследственность укреплялась не только вследствие естественного желания
передать своё достояние детям, но и в силу служебно-политических интересов княже-
ской власти.

Но такой «служебный» интерес, наверняка, имели со своей стороны и сами
бояре, потому что они хотели передавать своим детям не только имущество и деньги,
но и свою должность при дворе. В описании посмертного чуда Феодосия, разбирав-
шемся выше, говорилось, что некий боярин сначала попал у князя в опалу, а потом,
благодаря вмешательству святого, получил обратно своё «место» при дворе. Как хо-
рошо известно из источников позднейшего времени, «место» означало позицию в
придворной иерархии, дававшую право занимать определённые должности. Сохра-
нение достигнутого «места» было очень важно для бояр, потому что соответствующие
должности как бы резервировались за их детьми, а потеря «места» означала «поруху»
роду (в этом и был смысл «местничества»). Это упоминание в описании чуда, прило-
женном к Житию Феодосия, делает вполне вероятным, что такого рода представления
начали складываться уже в XI в.

Из показаний Жития Феодосия ясно видно, что и сам боярский статус зависел
не только от богатства, и передача его по наследству подразумевала не только сохра-
нение богатства. «Фактор службы» играл не менее важную роль, чем «фактор имуще-
ства». Вместе с тем, не надо думать, что этот «фактор службы» имел всегда однона-
правленное действие. В примере с боярином Иоанном он направлен на поддержание
достигнутого положения при дворе от поколения к поколению. Однако в других слу-
чаях он действовал ровно в противоположном направлении – то есть усиливая соци-
альную мобильность и ротацию в слое знати. На эти случаи обычно и ссылаются сто-
ронники теории «служилой» знати, подчёркивая решающее значение княжеской про-
текции в продвижении по социальной лестнице.

Действительно, значение княжеской протекции трудно переоценить. О её зна-
чении свидетельствует хотя бы, например, защита княжеских людей в «Русской
Правде». Вполне вероятным выглядит предположение, что покровительство со сто-
роны князя обеспечивало или, по крайней мере, сильно облегчало вступление в выс-
ший слой общества. Прямых подтверждений «обояривания» княжеским указом мы не
найдем, но всё-таки князь явно располагал рычагами для возвышения избранных лиц.

Во всяком случае, летописец начала XII в. такого рода возвышение рассматривал как само собой разумеющееся, хотя и относил его к далёким временам. В легендарном рассказе ПВЛ об основании Переяславля, помещённом в статью 6500 (992) г., рассказывается, что после победы над печенегами князь Владимир «великимь мужемь створи» некоего юношу, победившего в единоборстве печенега (а заодно и отца этого юноши)²⁵⁷.

Более достоверным выглядит другой пример успешной карьеры благодаря сочетанию протекции князя, случая и личных способностей. Это – судьба Добрыни, сподвижника того же князя Владимира Святославича, который, как говорилось выше, приходился ему племянником по материнской линии. Малуша, сестра Добрыни и мать Владимира, была рабыней, «ключницей» княгини Ольги. Происхождением от рабыни, как известно, Владимира попрекала Рогнеда²⁵⁸. Вряд ли холопом был сам Добрыня, потому что летопись сообщает об их с Малушей отце – Малке Любечанине – как о лице свободном, но во всяком случае о Добрыне можно сказать, что он, получив в конце концов должность посадника в Новгороде, сделал карьеру, что называется, «из грязи в князи».

Но личная предприимчивость и княжеское покровительство имели пределы. Фаворитизм – явление, сопровождающие все монархические режимы в истории человечества. Однако из истории также хорошо известно, что те, кто уже имеют власть и, тем более, считают, что они пользуются ею на законных основаниях, не хотят делиться ею с «высочками»²⁵⁹. В статье ПВЛ 6601 (1093) г. мы видели столкновение интересов разных групп внутри знати – «первая дружина» и некие «уные» в окружении князя Всеволода Ярославича, «смыслении бояре» во главе с Янем Вышатичем и люди, пришедшие в Киев со Святополком из Турова. Те, кто успел укорениться в среде киевской знати и вкушать власть, недовольны возвышением новых элементов и сопротивляются. И симпатии летописцев скорее на стороне «старых» элементов, а не «новых». Справедливо пишет Б. Н. Флоря в связи с этими летописными данными, ссылаясь на аналогии в более позднее время: с приходом новых людей «неизбежно должен был вставать вопрос о распределении посадничеств, о том, кому, местным или пришлым достанутся наиболее богатые и доходные кормления»²⁶⁰.

Один пример из середины XII в. показывает, что покровительство князя далеко не всегда могло решить вопрос о принадлежности того или иного лица к боярству. Согласно «Киевскому своду конца XII в.», в 1167 г. Владимир Мстиславич, тогда князь владимиристо-волинский, «переступи крестъ» своему племяннику Мстиславу Изяславичу, занявшему киевский престол. Сам имея права и виды на киевское княжение,

²⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1, стл. 124.

²⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1, стл. 69, 76.

²⁵⁹ Ср. о фаворитизме как «системно-имманентном признаке» знати в Древней Руси и в России XVI–XVII в.: *Ruß H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9–17 Jh.* Köln, Weimar, Wien, 1994, S. 359–376.

²⁶⁰ Флоря Б. Н. Правитель и знать в древнерусском летописании XII века // СР. Вып. 8. М., 2009, с. 75.

Владимир Мстиславич не хотел отказываться от борьбы за него и сговорился против племянника с берендичами, подчинявшимися Киеву. Заручившись их поддержкой, князь обратился к своим боярам: «посла к Рагуилови Добрыничю и къ Михалеви и къ Завидови, являя имъ думу свою», - однако, те отказались участвовать в его замыслах: «и рекоша ему дружина его, а собѣ еси, кн(я)же, замыслиль, а не ѿдем по тобѣ, мы того не вѣдали». Разгневавшись на них, князь решил произвести в бояр своих «детских», то есть слуг: «реч(е), възрѣвъ на дѣцкыя: а се будутъ мои бояре». Однако, затем летопись сообщает о полном провале планов Владимира. В частности, поддержать его отказались, в конце концов, и берендечи, узнав, что он не сумел привлечь на свою сторону других князей, и увидев, что он ездит «одинъ и без мужи своих»²⁶¹.

Без бояр князь оказывается бессилён, а одним своим повелением превратить своих слуг в бояр он не может. Очевидно, для приобретения боярского статуса княжеской протекции оказалось недостаточно, и вся эта история показала, что доступ в ряды боярства был позволен далеко не каждому, кто бы его ни поддерживал.

Представления о том, что знатность является привилегией не многих и приобретение её не может произойти одним лишь княжеским указом, подразумевают наследственность статуса, которая противостоит социальной мобильности. К сожалению, как мы видели, возможности судить о складывании наследственности в среде боярства очень ограничены. Тем не менее, по тем обрывочным упоминаниям в летописях и некоторых других источниках некоторых лиц из числа знати, которые были приведены выше, можно сделать вывод, что наследственность в принадлежности к боярству была уже в XI в. Так, летописец XI в. ссылаясь на сына Свенельда Мъстишу как на человека, известного его современникам и, очевидно, сохранившего высокое положение своего отца. Важнейшие государственные должности наследуют Константин Добрынич от своего отца и Янь Вышатич от своего.

Однако, если критически относиться к генеалогическому «древу» от Свенельда до Яня, надёжно установить хотя бы один случай наследственности на протяжении более чем двух поколений в XI в. не удаётся. Боярские рода, представители которых упоминаются на протяжении трёх-четырёх поколений, фиксируются только начиная с конца этого века. Первые такие рода (хотя связи тоже не абсолютно надёжны) – от Туки к Станиславу и Станиславичу и от Славяты к Борису Жидиславичу. Вероятно, всё-таки в XI в. ротация внутри элиты и, в частности, в среде знати была сильнее, чем позднее, и княжеская воля значила больше. Во всяком случае, именно такую ситуацию надо скорее предполагать из известных нам условий того времени: и наличие специальных военных контингентов в распоряжении князя, и постоянный приток наёмников (скандинавы при Ярославе), и военные предприятия широкого размаха, а значит, с большими людскими потерями (ещё в 1043 г. был предпринят масштабный поход на Византию, крупными были столкновения с печенегами, а позднее половцами). В этих условиях боярам, возможно, было труднее проявлять такую самостоя-

²⁶¹ ПСРЛ. Т. 2, стл. 536-537.

тельность, какую проявили бояре Владимира Мстиславича, отказавшись поддержать его в 1167 г. Но сущность проявившихся в этом эпизоде условно-договорных отношений, которые связывали князя и бояр и которые подразумевали самоценность боярского статуса, надо, без сомнения, возводить к XI в.

Конечно, применительно к домонгольскому времени можно говорить только о фактической наследственности, то есть такой, которая складывалась практическим, бытовым путём, но не была закреплена юридическими документами. Именно об этом говорят те формулировки определения статуса человека для установления штрафа, которые содержали отдельные юридические памятники и которые цитировались в предыдущей главе – «по пути», «по муже смотря» и т. п. В них не юридическая норма определяет положение человека, а наоборот – фактическое (бытовое) положение человека становится определяющим для судебного решения. Фактическое же положение знатного человека предполагало, как мы видели, наличие не одного, а ряда признаков. И нет оснований выдвигать только один какой-то решающий фактор в определении боярского статуса – например, служба князю или богатство благодаря связям с «местными» общинами.

Эта картина сочетания разных факторов, действовавших на служебные «карьеры» боярства и приобретение или сохранение высокого (знатного) статуса, очень хорошо сочетается с теми договорно-условными принципами отношений князя и служащих ему людей, которые были выявлены в первом параграфе данной главы.

Эти отношения выглядят на протяжении всего рассматриваемого периода (и даже позже – фактически вплоть до XIV–XV вв.) как довольно свободные, прагматически ориентированные. Связь между князем и человеком, вступавшим на его службу, не рассматривалась как абсолютная и неразрывная и не имела религиозных обоснований и санкции. Идея абсолютной верности князю как представителю богоустановленной власти фиксируется на Руси лишь к концу XII в., а клятвы, к которым привлекается знать, хотя упоминаются несколько раньше (в начале XII в.), но они скрепляют не личные отношения «сюзерена» и «вассала», а соглашения правителя с населением о признании его власти. Такого рода отношения подразумевают самоценность боярского статуса и его известную независимость от княжеской воли.

Вместе с тем, «вольность» этих отношений не следует преувеличивать. Она имела разные ограничения – как нравственного характера (в силу эмоциональной связи – «любви», которая устанавливалась в ходе личных контактов и обмена дарами/услугами), так и вполне практического (заинтересованность боярства в войне и исполнении государственных должностей – тех сферах, где князь был главным лицом). В большинстве случаев бояре, видимо, начинали свою службу, «наследуя» уже установившиеся служебные отношения между их отцами и определёнными или князьями одной ветви Рюриковичей. Сами князья в то же время имели в распоряжении рычаги и ресурсы – как материальные, так и идеологические – для выдвижения отдельных лиц и укрепления их связи с ними, князьями, лично и с их окружением.

Вне сомнения, княжеское покровительство было мощным фактором продвижения по социальной лестнице. Но князья не должны были, да и не могли, иметь ничего против передачи боярского статуса по наследству. Применительно ни к XI в., ни вообще к домонгольской эпохе нельзя говорить о прирождённых правах боярства или боярстве как сословию, но *de facto* принадлежность к этому слою передавалась, видимо, преимущественно по наследству. Во всяком случае, в рассказе Жития Феодосия о боярине Иоанне и его сыне, принявшем иноческий образ под именем Варлаама, такая наследственность подразумевается как нечто естественное. Как явствует из рассказа о Владимире Мстиславиче и его боярах, в середине XII в. звание боярина подразумевает уже целый набор признаков, приобрести которые на практике было сложно, фактически едва ли только не унаследовав их. Сообщение о провале попыток князя произвести в бояр своих детских приводится в летописи в таком само собой разумеющемся тоне, что складывание ограничений доступа в боярский слой надо относить к гораздо более раннему времени.

* * *

В современной медиевистике вопрос о разных признаках знати в раннее Средневековье и факторах, определявших принадлежность к ней, довольно активно обсуждается в последние десятилетия. Но вопрос этот ставится теперь иначе, чем в историографии XIX в. С одной стороны, понятие *знать* тесно связывается с господством над другими людьми и политическим доминированием, а имущественное расслоение рассматривается как признак, позволяющий говорить лишь о некоей самой элементарной стратификации. С другой стороны, знать рассматривается скорее как более или менее единый слой или класс (без разделений на принципиально разные группы типа «дружинно-служилой» или «местной»), в котором можно выделять разные слои в тот или иной момент или в тех или иных конкретно-исторических условиях.

Некоторые историки различают представителей знати в зависимости от их происхождения и «карьер» по двум категориям – знать «по рождению» и «по службе» (нем. *Geburtsadel* или *Geblütsadel* и *Dienstadel*, англ. *nobility of birth* и *nobility of service* и т. д.), – но отношения этих двух видов знати мыслятся скорее как конкуренция или взаимодополнение внутри одной политической системы и одного социального слоя²⁶². Можно условно поставить на одну сторону тех, кто получили материальные средства и повышенный статус по наследству, а на другую – тех, кто продвигался благодаря королевскому патронату. Но при этом и те, и другие сделать карьеру всё равно не могли без лично-доверительных отношений с правителем и доступа к власти, а в то же время, как бы не складывались их личные судьбы, общим для них было вполне ес-

²⁶² См., например: *Reuter T. Introduction // The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century. Edited and translated by T. Reuter. Amsterdam, New York, Oxford, 1979, p. 4-13; Reuter T. The Medieval Nobility in Twentieth-Century Historiography // Companion to Historiography. Ed. by M. Bentley. London, New-York, 1997, p. 181-184; Airlie S. The Aristocracy in the Service of the State in the Carolingian Period // Staat im frühen Mittelalter. Hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006, S. 94-97.*

тественное («общечеловеческое») желание, получив дары, доходные должности и земли, в конечном счёте обзавестись своими домом и хозяйством, а значит, собственной персоной и в лице своих потомков укрепить своё место в классе знати. Правитель хотел иметь верных людей и надёжных исполнителей его приказов, но за это он должен был их награждать жалованьем и привилегиями, которые сообщали им известную независимость. С другой стороны, родовая знать имела постоянную тенденцию к расширению (хотя бы и просто в силу естественного размножения), некоторые рода мельчали, и их менее удачливые отпрыски либо покидали этот слой, либо должны были выслуживаться перед правителем. Это вело к постоянному взаимодействию и ротации между двумя видами знати, хотя само разделение на эти два вида можно проследить на протяжении веков, пусть и условно, и с временными преобладаниями той или иной стороны ²⁶³.

В силу такой текучести неудивительно, что с течением времени могла меняться и терминология – определения разных видов знати могли менять смысл и постоянно появлялись новые обозначения для лиц из *nobility by service*, стремившихся к выдвиганию благодаря протекции правителя. Так, в англо-саксонской Англии гезитов (*gesith*) сменяют тэны (*thegn*). Изначально обоими словами обозначались приблизительно одни и те же лица – королевские слуги. *Gesith* – более древнее обозначение (VII–IX вв.), оно исчезает тогда, когда складывается землевладельческая знать, а слой людей, зависимых от милостей правителя, стал обозначаться относительно более новым термином *thegn* («слуга», этимологически родственное древнерусскому *тиун*). Постепенно тэнами стали называть вообще знатных людей, а ещё позже, к XII в., тэны становятся частью класса рыцарей, для обозначения которых входит в употребление термин *knight* (родственное с немецким *Knecht* – «слуга») ²⁶⁴.

Похожие смены одних обозначений другими мы видим и на Руси, и наиболее характерный пример в этом смысле представляет слово *дворянин*, сначала обозначавшее слугу (причём, по-видимому, не только княжеского, но и боярского), а позднее ставшее обозначением всего класса знати ²⁶⁵.

В немецкой медиевистике существует специальный термин, который ввёл в научный оборот Г. Телленбах, – *Königsnähe*: «близость к королю». Имеются в виду раз-

²⁶³ Ср. в обобщающей статье Л. Женико: *Genicot L. Recent Research on the Medieval Nobility // The Medieval Nobility: Studies...*, p. 20.

²⁶⁴ См.: *Loyn H. R. Gesiths and Thegns in Anglo-Saxon England from the Seventh to the Tenth Century // EHR. Vol. 70, No. 277 (October 1955), p. 529-549; Stenton F. M. Anglo-Saxon England. Oxford, 1971, p. 302-307, 412-413.*

²⁶⁵ См. о дворянах в XII–XIII вв.: *Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 104-123; Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987, с. 150 и след.; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть..., с. 593. Об эволюции термина в XV–XVI вв.: *Назаров В. Д. «Дворянин» в актах и грамотах Северо-Восточной Руси и Новгорода XIV–XV вв. // RH. Vol. 34 (2007). Nos. 1-4, p. 131-147; Назаров В. Д. Между Москвой и Вильно: «дворяне» на листах посольских документов (конец XV – первая треть XVI в.) // Государство и общество в России XV – начала XX века. Сборник памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007, с. 82-93.**

ного рода способы поддержки со стороны правителя, которые помогали сделать карьеру при дворе, а также и сам результат этой поддержки – то есть высокое место в политической элите и тот ореол власти, который окружал людей, выступавших от имени короля, и придавал им авторитет в глазах «простых смертных». Применительно к раннесредневековым государствам этот термин удачно описывает совокупность формальных и неформальных механизмов служебно-политического продвижения к «командным высотам». Кроме того, он позволяет избежать противопоставления «служебной» и «родовой» знати, потому что *Königsnähe* предполагается необходимым элементом карьеры для всякого желающего пробиться к этим высотам вне зависимости от его происхождения²⁶⁶. Без этой «близости к королю» сохранить высокий социальный статус на протяжении хотя бы двух-трёх поколений было практически невозможно, потому что только она давала доступ к *honores* – важнейшим прибыльным должностям государственных управления и суда. А доходы от участия в «публичной» сфере управления имели существенно большее значение по сравнению с доходами от частного землевладения ещё в IX–X вв.²⁶⁷ и играли большую роль и позднее.

Для некоторых *Königsnähe* была важнейшим и даже, может быть, единственным фактором карьеры. Однако для других играли роль и другие факторы – наследство, родственные связи, удачный брак и т. п. Благородное рождение не было достаточно само по себе для карьеры и нахождения в составе слоя знати, но всё-таки именно оно давало ту «стартовую площадку», с которой начиналась карьера большинства представителей знати. И разумеется, оно ценилось в глазах современников. Об этом источники дают недвусмысленные свидетельства, из которых можно привести одно из самых известных и многократно цитируемых.

Франкский историк IX в. Теган в жизнеописании Людовика Благочестивого, обрушивая резкую критику на архиепископа Реймского Эббона, обвиняет того в предательстве и неблагодарности по отношению к Людовику. По утверждению Тегана, Эббон происходил из лично зависимых крестьян и был вознесён благодаря протекции Людовика. Упрёк в неблагодарности Теган сочетает с издёвкой относительно низкого происхождения Эббона и выражается следующим образом: «О, как ты отблагодарил его! Он сделал тебя свободным, (но) не благородным, ибо это невозможно (*fecit te liberum, non nobilem, quod impossibile est*)»²⁶⁸. Хотя эти слова допускают разные трак-

²⁶⁶ Ср.: *Irsigler F. On the Aristocratic Character of Early Frankish Society // The Medieval Nobility: Studies...*, p. 123.

²⁶⁷ См., например, о *honores* и *Königsnähe* и пр. в каролингской империи: *Airlie S. The Aristocracy // The New Cambridge Medieval History. Edited by R. McKitterick. Vol. II: c. 500–c. 700. Cambridge, 1995, p. 432–447.*

²⁶⁸ *Theganus. Gesta Hludowici Imperatoris / Thegan. Die Taten Kaiser Ludwigs. Hrsg. und übersetzt von Ernst Tremp // MGH, SS rer. Germ. T. 64. Hannover, 1995, S. 232.* Русский перевод: *Теган. Деяния императора Людовика. Перевод А. И. Сидорова. СПб., 2003, с. 60.* Низкое происхождение Эббона подтверждается независимыми источниками, хотя Теган был не точен, приписывая его освобождение Людовику, – на самом деле, Эббон избавился от несвободного статуса благодаря отцу Людовика Карлу Великому.

товки ²⁶⁹, но всё-таки главный смысл в них очевиден – автор считает, что сделать человека *nobilis* (знатным) было невозможно в силу одного лишь повеления короля. Очевидно, благородный статус предусматривал нечто большее – знатным надо было родиться, или, во всяком случае, чтобы называться *nobilis*, надо было обладать целым рядом свойств, которых Эббон, хотя бы и вознесённый на высокие должности королевской протекцией, не имел.

Таким образом, были разные факторы, которые поддерживали и укрепляли знатный статус, но в раннее Средневековье важнейшими среди них были два – рождение в семье, уже имеющей такой статус, и доступ к центральной политической власти. В соответствии с этими факторами можно условно разделять знать на «родовую» и «служебную», но надо понимать, что оба фактора действовали одновременно и взаимодействие двух видов знати никогда не превращалось в полное подавление одного другим. В европейских государствах раннего Средневековья неизвестны примеры, когда бы знать родовая превращалась в своего рода касту, лишая правителя возможности продвигать своих слуг, или, наоборот, все представители высшего социального слоя превращались в его служебников. В позднее Средневековье знать обретает более устойчивые формы и больше единства (прежде всего, благодаря юридическому оформлению привилегий), а стремление монархии обеспечить себя послушными исполнителями и проводниками своей воли находит новые формы (развитие бюрократии и др.) и наталкивается уже на иные препятствия (знать борется за свою независимость на сословных началах). В любом случае, при всём разнообразии отношений правителя и знати в Средние века в разных регионах Европы, знать, с одной стороны, всегда оставалась приобщённой в той или иной мере к публичным институтам власти во главе с правителем и к «придворной» жизни, а с другой – никогда не оказывалась подчинённой правителю в положении лишь инструмента власти и проводника указов, спущенных сверху.

Попытки историков найти некую общую парадигму этих отношений приводят их в конечном итоге к мысли, что они строились на внеинституциональной договорно-согласительной основе в постоянном поиске компромисса и баланса различных интересов. Раннесредневековые политии представляются, по выражению Т. Рейтера, как «правление олигархий, нацеленных преимущественно на сотрудничество (*kingdoms governed by largely co-operative oligarchies*)» ²⁷⁰.

Смысл политического процесса заключался не в том, что «сильный правитель» должен был сломить сопротивление знати или, наоборот, «реакционная феодальная» знать должна была подчинить его своей воле, а в том, что политическая элита старалась скоординировать разные интересы и устремления в своей среде, снизив вероятность конфликта. Эти усилия протекали не столько по неким установленным нормам и в рамках неких институтов, сколько по неписанным правилам, которые диктовались

²⁶⁹ Ср.: Reuter T. The Medieval Nobility in Twentieth-Century Historiography, p. 180-181.

²⁷⁰ Reuter T. The Medieval Nobility in Twentieth-Century Historiography, p. 183.

обычаем и практикой (в широком смысле этого слова) и выражались часто в специфических формах «символической коммуникации» (термин Г. Альтхоффа). Силы, которые блюли свои интересы, но были в то же время взаимозависимы, должны были постоянно договариваться о некоем *modus vivendi* и соблюдать «правила игры». В такой системе отношений, конечно, нередко были трения и разногласия, но общие («классовые») интересы и понимание необходимости стабильности заставляли в целом сохранять мир. Правитель выступал не только символом общественного согласия, но и фактически главная его задача заключалась в урегулировании интересов различных политических сил, ведомых, как правило, теми или иными представителями знати. Важнейший инструмент, который был в его руках для влияния и давления на знать, – это манипулирование разными кланами, группировками и группами в её среде и протекция отдельным доверенным лицам (часто низкого социального происхождения).

Эти идеи в том или ином виде или аспекте находят применение в последние годы в разных историографических традициях²⁷¹. В немецкой медиевистике было даже предложено понятие «договорное господство» (*konsensuale Herrschaft*) – явно в пандан к теории «господства знати» (*Adelsherrschaft*)²⁷². Некоторые медиевисты (Г. Миттайс, К. Шмид и др.) сущность отношений правителя и знати в Средневековье определяли как «сотрудничество и напряжение (*Kooperation und Spannung*)»²⁷³. Х. Рюсс попытался под таким углом трактовать отношения правителя и знати на Руси с древнейшего Киевского периода до Московского XVI–XVII вв.²⁷⁴. Многие его наблюдения и интерпретации выглядят вполне убедительно.

Конечно, правы те историки, которые пишут, что в Древней Руси не было никаких «земских бояр». Но, с другой стороны, не выглядит убедительной и идея о поглощении знати «княжим правом» и её исключительно «дружинно-служилом» характере. На фоне сравнительно-исторических данных, в том числе скандинавских и центрально-европейских, такое «поглощение» было бы исключением крайне своеобразным (а между тем, как мы уже видели, многое находит параллели – например, та же «большая дружина»). Везде, конечно, знать участвовала в суде и управлении, которые

²⁷¹ См., например, работы Г. Альтхоффа (*Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter. Kommunikation in Frieden und Fehde. Darmstadt, 1997, S. 157-184*) и Т. Рейтера (*Reuter T. Medieval Politics and Modern Mentalities. Edited by Janet L. Nelson. Cambridge, 2006*) о средневековой Германии, Х. Орнинга о Скандинавии (*Orning H. J. Op. cit.*) и З. Далевского о древней Польше (*Dalewski Z. Władca i możni w Kronice Galla Anonima // Šlechta, moc a reprezentace ve středověku. Ed. M. Nodl, M. Wihoda. Praha, 2007, s. 31-44; Dalewski Z. Ritual and Politics. Writing the History of a Dynastic Conflict in Medieval Poland. Leiden, Boston, 2008*). Ср. также: *Nelson J. L. Kingship and royal government // The New Cambridge Medieval History. Vol. II, p. 383-430*, и в ряде статей сборника: *Der frühmittelalterliche Staat – Europäische Perspektiven. Hrsg. von W. Pohl und V. Wieser. Wien, 2009*.

²⁷² См.: *Schneidmüller B. Von der deutschen Verfassungsgeschichte zur Geschichte politischer Ordnungen und Identitäten im europäischen Mittelalter // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Bd. 53 (2005), S. 485-500*.

²⁷³ См., например: *Schmid K. The Structure of the Nobility in the earlier Middle Ages // The Medieval Nobility: Studies. ..., p. 37, 52-56*.

²⁷⁴ *Rüß H. Op. cit., bes. S. 16, 472-473*.

выстраивались по властной вертикали, имеющей своей вершиной правителя (иногда больше формально-символически, иногда и фактически), и вступала с ним в отношения службы. Но эти отношения никогда не мыслились абсолютными, неразрывными и односторонними, а главное, социально-правовой статус знати прямо от них не зависел – знатный человек оставался знатым, даже если в какой-то момент по тем или иным причинам оказывался выключенным из отношений с правителем (а такие моменты бывали часто и могли быть довольно продолжительными, учитывая политические конфликты) – во всяком случае, пока не лишался поддержки знатных родичей и своего богатства (что, конечно, уже могло зависеть во многом фактически именно от причастности к двору правителя и исправления делегированной им власти). Эпизод с боярами и детскими князя Владимира Мстиславича, который вполне можно сопоставить с примером из сочинения Тегана, прекрасно иллюстрирует эту мысль. «Княжого права» в том смысле, как о нём говорил А. Е. Пресняков, нигде никогда не было.

В своё время Х. Ловмяньский совершенно справедливо возражал против тезиса об исключительно служебной роли древнерусского боярства и говорил о его самостоятельности уже с самого момента его фиксации как особого социального слоя, то есть с конца X – начала XI в. «Знать служила князю, – писал он, – но в сущности действовала в собственных интересах как формирующийся феодальный класс. Так было в других славянских странах, и нет оснований утверждать, что развитие Руси происходило другим путём»²⁷⁵. Можно спорить, насколько здесь уместно определение «феодальный», но с историком, конечно, нужно согласиться в характеристике отношений бояр с князьями скорее как вассально-договорных, чем каких-то «дружинных» или «общинных».

Собственные («классовые») интересы, вассально-договорные отношения с князьями – эти черты подразумевают определённую обособленность боярства как социальной группы. Вряд ли можно говорить об этой группе как о сословии в собственном (классическом) смысле слова, так как принадлежность к этой группе, а также права и привилегии её членов не были определены и письменно закреплены в нормативном порядке (законодательно). Солидарность интересов членов этой группы проявлялась лишь в кризисные моменты, когда речь заходила о сугубо материально-практических вопросах. Боярский статус определялся фактическим состоянием человека, которое оценивалось по ряду признаков. К сожалению, у нас слишком мало данных, чтобы судить о том, как можно было приобрести этот статус, но судя по всему, правила и ограничения диктовались здесь только общепринятыми («обычноправовыми») воззрениями и конкретными обстоятельствами, среди которых важнейшим была реальная власть, бывшая в распоряжении соответствующего лица. Всё это, в общем, соответствует положению знати в раннесредневековых государствах Европы, которая составляла особый слой, но не была ещё сословием.

²⁷⁵ Ловмяньский Х. О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 97, 99 прим. 23.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Популярная в средневековой Европе «социологическая модель», разделявшая общество на *oratores*, *bellatores*, *laboratores* («молящихся», «воюющих» и «трудящихся (пахущих)») ¹, была известна и на Руси. Последовательного развития в древнерусской книжности она не нашла, но имплицитно знание о ней или намёки на неё можно обнаружить в некоторых древнерусских произведениях – как оригинальных, так и основанных на переводных сочинениях. Например, в одном из постановлений Стоглавого собора (1551 г.) пересказывается некое толкование на 23-е правило VI-го Вселенского собора, и говорится о доходах духовенства в сравнении со светским обществом: «...все бо дают, и богатии, и убозии, и нищия, своего ради спасения, священнии же и пищу, и прочая потребы от сих себе имеют, якоже и земледелатели от плода вкушают труда своего и якоже воины воинствующей оброки своими довлеются...» ². «Священнии», «земледелатели» и «воины» здесь прямо соответствуют *oratores*, *laboratores* и *bellatores*.

В одном из древнейших текстов, созданных на Руси, «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова Мниха (середина – третья четверть XI в.) в рассказе о щедрости Владимира Святого тоже можно увидеть отражение этой трёхчастной модели. Среди прочего Иаков упоминает о пирах, которые устраивал князь: «Три трапезы поставляше, первую митрополиту съ епископы, и съ черноризцѣ, и с попы, вторую нищимъ и убогимъ, третьюю собѣ и бояромъ своимъ и всимъ мужемъ своимъ...» ³. В устройстве разных «трапез» сказывались, очевидно, представления о разделении в обществе: один круг людей составляет духовенство, другой – нищие и убогие, третий – князь со своими «мужами».

Это самое элементарное социально-функциональное деление, и, конечно, современные подходы к общественной дифференциации едва ли принимают его в расчёт. Такого рода упоминания ценны не столько фактической информацией о социальных группах, сколько как свидетельства о «представлениях общества о самом себе». Эти известия из древнерусских источников показывают, что сами современники признавали определённые различия в их обществе как принятые и «нормальные», и, в частности, таким общепринятым было выделение в обществе неких лиц, которые ничего не производят, но в праве претендовать на плоды чужого труда. Одного этого сознания «легитимности» социальных различий достаточно, чтобы не рассматривать раннесредневековое общество как некую «общинность».

¹ См.: Дюби Ж. Трёхчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. Пер. с французского Ю. А. Гинзбург. М., 2000.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985, с. 316.

³ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008, с. 421-422.

Свидетельство «Памяти и похвалы» важно также тем, что составляет параллель древнему летописному известию, которое читается и в «Начальном Своде», и в «Повести временных лет» и которое несколько раз цитировалось в данной работе. В летописном известии тоже речь идёт о пирах Владимира и говорится о регулярных угощениях от имени князя для «людей своих». Указывая, как и «Память и похвала», среди этих людей боярство, летопись раскрывает их состав точнее и конкретнее – она ещё упоминает гридей, а также сотских, десятских и «нарочитых мужей».

В данном исследовании доказывается, что боярами называлась знать, гридями – профессиональные воины, состоявшие на содержании (жалованье) у князя, а в остальных категориях надо видеть представителей городской верхушки. Все вместе они – лучшие, наиболее выдающиеся представители общества, и совместно с князем они управляют этим обществом. Их можно обозначить *элитой*, имея в виду те три признака, которые предлагаются в современной медиевистике и которые были обозначены во «Введении» к настоящей работе: власть, богатство и престиж. Распоряжение разного рода зависимыми людьми (власть в «частноправовом» порядке), имущественный достаток и общественное признание – эти черты были свойственны в той или иной степени всем трём указанным социальным группам. Но военные функции выполняли, главным образом, бояре и гриди, а политические – преимущественно одни только бояре. Участие в принятии важнейших политических решений и главная роль в исправлении публичной власти – это тот важнейший признак, который выделяет бояр в качестве *знати* (аристократии)⁴.

В летописном известии о пирах Владимира все эти люди, которые приглашались на княжеский двор, названы также «дружиной». В главе III приводились и другие летописные известия, в которых использовалось слово *дружина* в таком же смысле, указывая на людей, причастных к центральной власти и выделявшихся в социальном плане, то есть общественную элиту (иногда во главе с князем, иногда и без него). Но основным значением слова в летописи было ‘княжеские люди/княжеское войско’. И в этом значении оно не указывало на конкретные устойчивые структуры, институты, организации или корпорации. Имелись в виду разные люди, так или иначе связанные с князем или оказавшиеся с ним в тот или иной момент, причём иногда – они все вместе или их большинство (как в известии о пирах Владимира), а иногда какие-то отдельные, каждый раз случайные, их части и группы. Понять, кто конкретно подразумевался в том или ином упоминании под «дружиной», можно только по контексту этого упоминания, и в разных случаях это могут быть очень разные люди.

Но даже и это значение не закрепилось за словом *дружина* как устойчивое. В разных контекстах слово приобретало разные смыслы, постоянно как бы отталкиваясь от двух своих основных значений ‘спутники, товарищи’ и ‘войско, отряд’, но сно-

⁴ Повторю оговорку, сделанную во «Введении», что речь идёт о светской элите, а не церковной. Эта последняя стояла особняком в древнерусском обществе X–XII вв., тем более что в значительной своей части она состояла из греков – представителей другого этноса и людей, «цивилизационно» чуждых этому обществу.

ва возвращаясь к ним. Дополнительные определения и пояснения к этому слову, которые можно найти в летописи, не придавали ему каких-либо устойчивых специфических значений, то есть не сообщали терминологичности. Такая семантика слова и манера его употребления делают использование его в качестве научного термина проблематичным применительно к древнерусскому обществу X–XII вв. Во всяком случае, его содержание в таком качестве должно специально определяться.

Представления, которые существуют в историографии вокруг понятия *дружина*, восходят к историографии XIX в. и связаны во многом с прямолинейным восприятием летописи учёными того времени. Историки, начиная с Н. М. Карамзина, обращали внимание на упоминания «любви» князей к их «дружинам», нередко встречающиеся в летописях домонгольской поры. Одним из древнейших является то же летописное известие о пирах Владимира, где говорится, что князь был щедр к своим людям, «любя дружину», и не только устраивал пиры для них, но и, например, велел выковать для них серебряные ложки⁵. Эти упоминания считались отражением «дружинного быта», и, отталкиваясь от них, историки писали о тесной «домашней» связи князя и «дружинников», «общности очага и хлеба» и, в конечном итоге, некоем «княжом праве». Однако благодаря исследованиям, которые предпринимались с конца XIX в. и вплоть до настоящего времени, стало ясно, что реальность была гораздо сложнее этих летописных образов. Например, в этом рассказе о серебряных ложках для «дружины» Владимира, как выясняется, присутствуют явные фольклорно-поэтические черты, в том числе, по-видимому, очень далёкие по происхождению от той среды, к которой они применены⁶. Современные учёные видят в нём скорее символическое содержание, весьма условно отразившее действительность⁷.

Один из главных выводов данного исследования сводится к тому, что общество эпохи князя Владимира представляло собой сложную и в то же время цельную иерархичную систему, совсем не похожую на модели, которые исходят из представлений, распространённых в науке XIX в., о неких «бродячих дружинах», скользящих по поверхности «земской» или «родоплеменной» «толщи народной». Хотя о слоях этого общества нельзя говорить как о сословиях в полном смысле слова, но некоторые из них – прежде всего, знать – уже в XI в. обрели устойчивость, пусть даже пока большей частью *de facto*, а не *de jure*.

Термин *дружина*, если отталкиваться от принятого в мировой исторической науке словоупотребления и сравнительно-исторических аналогий, подходит скорее для обозначения архаических военизированных объединений в до- и предгосударственную эпоху, в которых иерархические отношения лишь намечались, но ещё не ста-

⁵ ПСРЛ. Т. 1, стл. 126.

⁶ Литвина А. Ф., Успенский Б. А. Панегирические формулы щедрости правителя на пути из Варяг в Греки // ДГ: 2006 г.: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010, с. 173 и след.

⁷ Ср. Мельникова Е. А. «Дружиною налѣзу сребро и злато»: военно-торговая экономика древнерусской элиты X в. // ВЕДС. Чтения XXIV: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012, с. 181-188.

билизировались. Он может использоваться ещё в словосочетании «большая дружина», указывая на специфическую форму военной организации, которая выросла из древних «частных» или «домашних» дружин, но приобрела особые черты в условиях раннегосударственных «трибутарных» отношений. В данной работе доказывалось, что корпуса военных слуг на содержании правителя были распространены в разных регионах средневековой Европы. *Гридь* был специальным *terminus technicus*, который использовался для их обозначения в Древней Руси.

Отказ от понятия *дружина* в западной литературе и, напротив, взгляд на дружину в русскоязычной историографии как на какую-то организацию, охватывающую то ли весь господствующий класс, то ли всё сословие знати, – это две крайности. С одной стороны, это понятие, как выясняется, сохраняет значение как рабочий инструмент. С его помощью можно удобно и понятно описать такое явление, как «большая дружина» (хотя, разумеется, с определёнными уточнениями и разъяснениями). Принимая во внимание это явление, можно понять ту эволюцию, которую претерпевает архаическая дружина в условиях становления властно-иерархических структур, и снять многие недоумения современных историков, которые, конечно, вправе брать в кавычки слово *Gefolgschaft*, но не могут объяснить миграцией литературных топонимов бросающиеся в глаза аналогии между тацитовским описанием *comitatus* и многочисленными данными из истории средневековой Европы о воинах на службе всякого рода знатных и выдающихся людей.

С другой стороны, на примерах тацитовского *comitatus* или корпусов воинов-профессионалов в странах северной, центральной и восточной Европы в X–XI вв. также видно, что речь идёт о вполне определённых институтах и социальных формах, с ясными очертаниями и границами. Нет оснований расширять понятие дружины, включая в него вообще всю знать, вообще всех людей на службе правителя и т. д., и превращать его в универсально-генерализующий *Grundbegriff* («базовое понятие»). Институт дружины занимал своё место в догосударственных обществах «варварской Европы», и на этапе их трансформации в раннегосударственные политии он, уже в сильно преобразённом виде, получил существенный вес и значение в форме «большой дружины», но на этом его историческая роль в общем-то закончилась, и преувеличивать её не стоит.

Таким образом, чтобы получить более ясное представление об элите древнерусского государства, приходится не столько следовать употреблению в летописи слова *дружина*, сколько обращать внимание на более точные термины – *бояре*, *гридь*, *купцы*, *старцы* и т. п., и анализировать летописные сообщения в сопоставлении с летописными источниками или даже свидетельствами иностранного происхождения.

Схематически структуру светской элиты Древней Руси можно представить в двух срезах – на середину X в. и середину XI в. (см. ниже на стр. 514–515). В этих схемах понятие *дружина* не используется. Схемы, которые предлагались ранее в литературе, отталкивались от представления о «старшей» и «младшей» дружине, которое,

как было показано в главе III, не находит опоры в источниках и неадекватно отражает социальную иерархию Древней Руси⁸.

В XI в. в элиту государства входили, разумеется, прежде всего князья рода Рюриковичей, мужские представители которого рассматривались как единственно легитимные правители Руси. Кроме них в элиту надо зачислить бояр, составлявших слой знати, гридей (отроков) – военных слуг князей, и наиболее выдающихся горожан, которых могли обозначать по-разному. Торгово-экономические функции были в наибольшей степени свойственны последнему элементу (горожанам). Бояре и гридь, которым, собственно, посвящено данное исследование, составляли военно-политическую элиту государства руси.

Труднее реконструировать состав элиты этого государства в X в. Летописные известия, описывающие это время, составлены *ex post* и излагают события в более или менее легендарном ключе. Надёжнее договоры руси и греков 911, 944 и 971 г. и иностранные свидетельства. Их анализ показывает, что высший правящий слой Руси составляли некие вожди или *quasi*-правители, которых греки называли «архонтами». В середине X в. их было 25 человек, включая киевского князя, высший авторитет которого признавался остальными. В договорах по отношению к «архонтам» применялось не только слово *князь*, но и слово *бо(л)ярин*. Однако группой, из которой прежде всего сложилось позднее боярство, были люди типа Свенельда и Асмуда, упомянутые летописью в рассказе о гибели князя Игоря, и те «слы», которых «архонты» послали заключать мир с Византией и которые поименно перечислены в договоре 944 г.

И относительно X, и относительно XI–XII вв. есть данные, что в распоряжении не только князей, но и бояр были личные слуги, в том числе военные. Наверняка, слуги были вообще у разных людей – вообще у всех тех, кто мог себе это позволить, – и их господа в случае необходимости могли их вооружить (если располагали соответствующими средствами). Вероятно, военные слуги киевского князя составляли уже в X в. особый военный корпус, но насколько «элитный» характер они имели, трудно судить. Скорее надо предполагать возвышение этой группы к концу X в., и вполне вероятно, что оно не случайно совпало с исчезновением архонтов.

В XII в. численность и значение княжеских военных слуг падает, зато появляются упоминания боярских «полков». В это время из «осколков» «большой дружины», менее значительных нобилей («меньших бояр»), а также, возможно, наиболее удачливых боярских слуг складывается слой мелкой («низшей») знати, занявшей на иерархической лестнице ступень, следующую после боярства. Этот слой называли в домонгольское время *слуги* или *дворяне*, позднее появился термин *дети боярские*.

Боярство как слой знати распознаётся в источниках с рубежа X–XI вв. Его значение растёт на протяжении всего рассматриваемого периода. В XI–XII вв. с ростом

⁸ Ср., например, схемы конца XIX и конца XX в.: *Загоскин Н.[П.]* Очерки организации и происхождения служилого сословия в до-петровской России. Казань, 1875, с. 56; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989, с. 87-88.

числа локальных центров в Древнерусском государстве, которые рано или поздно приобретают самостоятельное политическое значение, количественно растёт и боярство. На рубеже XI–XII вв. его численность составляла около тысячи человек. Заметна и внутренняя дифференциация этого слоя. Юридических, письменно закреплённых привилегий бояре не имели, но их преимущества коренились в обычном праве и фактическом могуществе. «Русская Правда» отражает заботу князей о привилегиях для тех групп людей, которые им служили (гриды, огнищане, тиуны и др.), тем самым князья пытались «подтянуть» их к высокому статусу, который *de facto* имели бояре.

Дискуссия о том, была ли знать «дружинной» («служилой») или «земской» («местной») или существовали ли две разные знати, не представляется продуктивной. Слой знати был один, но его представители были связаны и с князем (служебными отношениями), и с местной, преимущественно городской, средой (разного рода административными, экономическими и бытовыми контактами).

Разумеется, связь с князем как главой светской власти имела для боярина первостепенное значение. Служба князю давала доступ к доходными должностям и возможность участвовать в крупных военных мероприятиях (что тоже приносило доход). Княжеская протекция предоставляла шанс небогатым и незнатным людям продвигаться в верхи общества. Как показывают данные о службе отдельных бояр и о преемственности службы отдельных боярских родов и князей какой-либо ветви Рюриковичей, обе стороны – и князья, и бояре – были заинтересованы в стабильности взаимоотношений.

Перемены лояльности (адресата службы) происходили, но, вероятно, в основном, под давлением внешних обстоятельств. Теоретически право свободного человека служить господину по собственному выбору не ставилось под сомнение. Но на практике это право имело разного рода ограничения – как идеологические, так и материально-практического свойства, – и применялось редко. В этом смысле порядки X–XII вв. не отличались принципиально от порядков, описанных В. И. Сергеевичем, С. Б. Веселовским и другими историками по материалам XIV–XV вв. Отношения бояр и князей можно назвать условно-договорными, но было бы неправильно говорить о «боярской вольности», как выражались некоторые историки XIX–XX вв.

Князей и служащих им людей, в том числе и знать, связывало представление о взаимной верности. За «любовь» и «честь» со стороны князя его человек давал обязательство «сложить голову» и, судя по некоторым примерам, эти слова не были пустым звуком. Но за этой верностью не стояли какие-то специфические представления или императивы (типа «германской верности», о которой много писали немецкие историки XIX – первой половины XX в.). В ней можно увидеть только некоторое идеальное содержание, происходившее из чувства благодарности и обязанностей, которые накладывали услуги или благодеяния. Древние писатели всячески пытались возвысить это содержание (толкая его, естественно, в пользу князей) и опирались на «архетипические» образы и тексты Библии. Однако идея о том, что надо быть верным

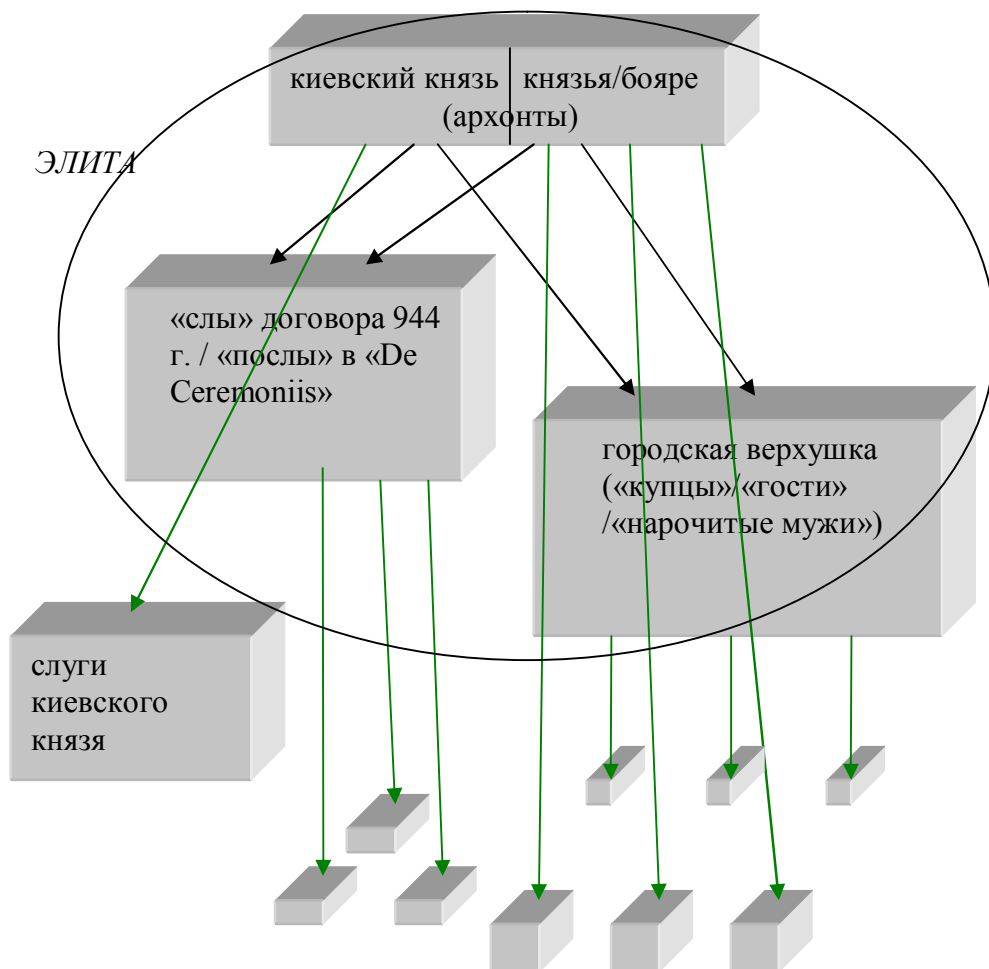
князю просто потому, что он князь, появляется в общественно-политической мысли Руси относительно поздно – лишь к концу XII в., уже за хронологическими рамками данного исследования. Она обосновывается с помощью христианской теории богоустановленности власти; и с соотношением власти правителя с сакральными ценностями верность из условной превращается в безусловную (по крайней мере, в понимании придворных книжников).

Те аспекты формирования и общественной роли знати и группы княжеских военных слуг, которые были освещены в данной работе, демонстрируют аналогии с раннесредневековыми обществами Европы. В этом отношении требуются широкомасштабные углублённые исследования, но в качестве предварительной гипотезы можно утверждать сходство боярства с тем классом знати, который предполагает «среднеевропейская модель», разработанная чешскими, польскими и венгерскими историками применительно к древним Чехии, Польше и Венгрии. Его представители живут, главным образом, за счёт исполнения государственных должностей и считают это своим законным правом. Роль частного землевладения в это время незначительная. Более уверенно можно утверждать, что для Руси, этих стран, а также скандинавско-североморского региона общим был институт профессиональных воинов на содержании правителя («большая дружина»), сыгравший важную роль в подъёме центральной (государственной) власти.

На общеевропейском фоне отношения князей и бояр в Древнерусском государстве, в целом, укладываются в модель «консенсуального господства» или «сотрудничества–напряжения», которая развивается в современной медиевистике применительно к отношениям правителя и знати в Европе раннего и высокого Средневековья. Эта модель предполагает, что конфликты и кризисы, которые происходили между этими и другими элементами общественной элиты, преодолевались в силу социальной динамики, создаваемой ротацией и мобильностью, свойственными этой среде, а также осознания представителями элиты общности интересов и включённости в общий «контекст господства».

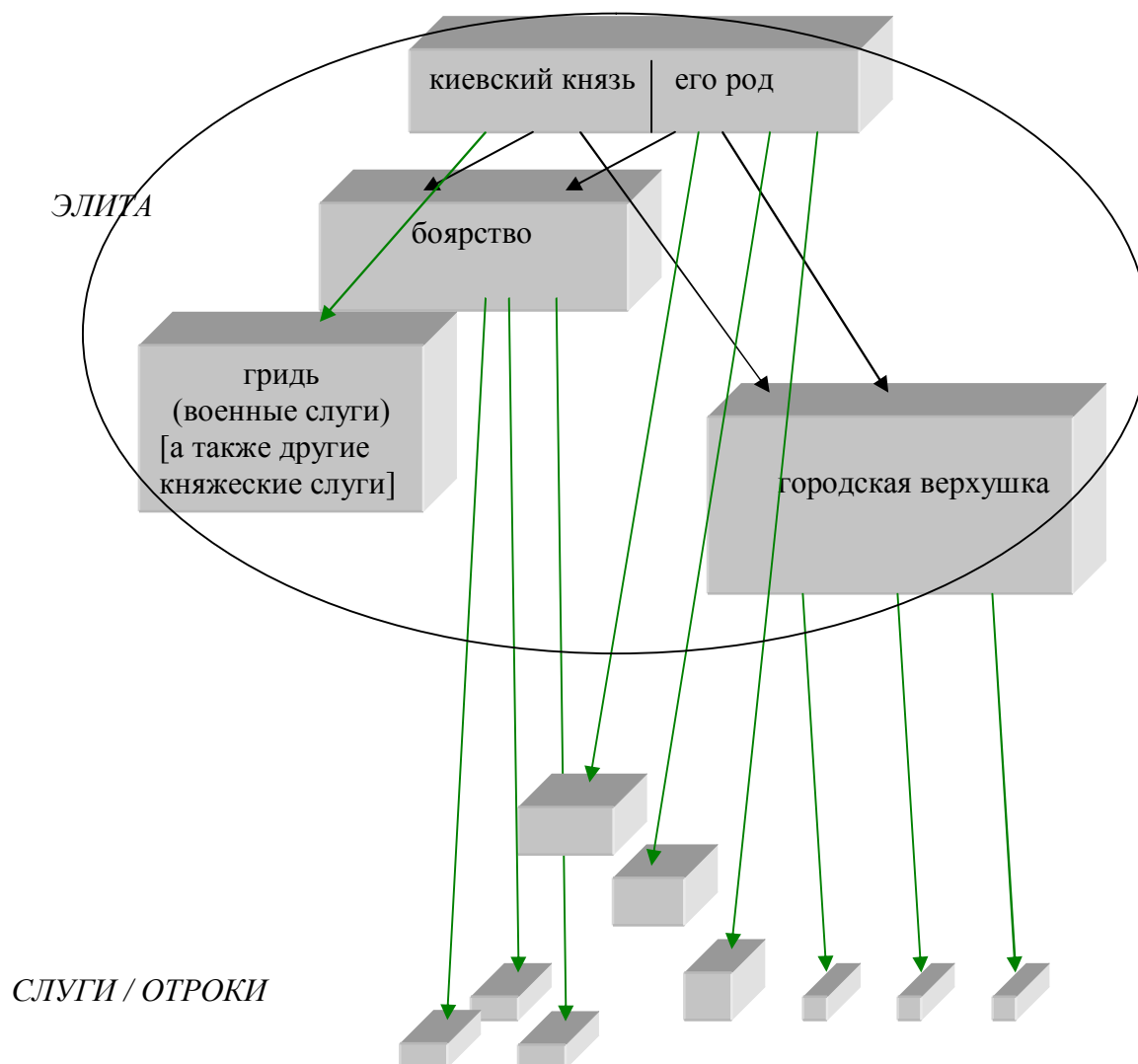
Эти сходства устанавливаются вне «феодальных» моделей, которые использовались ранее в историографии для включения социальной истории средневековой Руси в европейский контекст. Явления, сущностные для феодализма (в каком бы то ни было его понимании) – сеньориальное землевладение и вассалитет, основанный на ленах, – на Руси и до середины XII в., и на протяжении всего домонгольского периода не получили полноценного развития. Специальный анализ вассальных ритуалов, предпринятый в данной работе, показал, что их суть и детали различались на Руси и в Западной Европе, хотя самое общее содержание – установление договорных отношений между господином и человеком, поступающим к нему на службу, – было, конечно, аналогичным. В этом (самом широком) смысле слова можно говорить о вассальных отношениях в среде древнерусской элиты.

1. Элита государства руси в середине X в.

СЛУГИ / ОТРОКИ

2. Элита государства руси в середине XI в.

БИБЛИОГРАФИЯ

Список источников и литературы, использованных в работе

Источники

1. *Аммиан Марцеллин*. Римская история. Перевод Ю. Кулаковского при участии А. Сонни. СПб., 1994.
2. Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. II: Европа V–XVII вв. М., 1999.
3. *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.-Л., 1965.
4. *Бегунов Ю. К.* Козьма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973.
5. *Бенеманский М. [И.]* 'Ο ΠΡΟΧΕΙΡΟΣ ΝΟΜΟΣ императора Василия Македонянина («**Законы градскаго главы различны в четырехдесятныхъ гранѣхъ**» – **МИ-ага глава II-й части Печатной Кормчей**). Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Вып. 1. Сергиев Посад, 1906.
6. Беовульф. Переводчик В. Г. Тихомиров // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975, с. 27-180.
7. Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. Отв. ред. О. В. Ауров, А. В. Марей. М., 2012.
8. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.
9. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976.
10. *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. Перевод Л. М. Поповой. М., 1961.
11. *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. Перевод В. Л. Вихновича, редакция, послесловие и комментарии В. Я. Петрухина. Иерусалим, М., 2003 (1-е изд. на английском языке: 1982 г., 1-е изд. на русском: 1997 г.).
12. *Гошев И.* Рилски глаголически листове. София, 1956.
13. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Подготовили В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев, Г. Е. Кочин, Р. Б. Мюллер и Е. А. Рыздзевская. Под ред. С. Н. Валка. М.-Л., 1949.
14. Древнеанглийская поэзия. Подготовили О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров. М., 1982.
15. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. Публикация В. А. Кучкина и Т. А. Сумниковой // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996, с. 476–509.
16. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Подг. Я. Н. Щапов. М., 1976.
17. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Под ред. Т. Н. Джексон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. Составители: Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009.
18. Житие Вячеслава Чешского. Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Турилова // БЛДР. Т. 2. СПб., 1999, с. 168-175, 523-527.
19. Житие Константина-Кирилла. Подготовка текста и перевод Л. В. Мошковой и А. А. Турилова, комментарии Б. Н. Флори // БЛДР. Т. 2. СПб., 1999, с. 22-65, 492-500.
20. Житие Мефодия. Подготовка текста и перевод О. А. Князевской, комментарии А. А. Алексеева // БЛДР. Т. 2. СПб., 1999, с. 66-81, 500-502.
21. Житие Феодосия Печерского. Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова // БЛДР. Т. 1. СПб., 1997, с. 352-433, 532-534.

22. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Подготовил к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916.
23. Закон Судный людем краткой редакци. Подготовили М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961.
24. Закон Судный людем пространной и сводной редакций. Подготовили М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961.
25. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004 (1-е изд.: 1995 г.).
26. *Златанова Р.* Книга на дванадесетте пророци с тълкования (=Старобългарският превод на Стария завет. Под общ. ред. Св. Николова. Т. 1). София, 1998.
27. *Златанова Р.* Книгата на пророк Йона и реконструкцията на първоначалния ѝ пълнен превод // Медиевистика и културна антропология. София, 1998, с. 470-501.
28. Изборник 1076 года. 2-е издание, переработанное и дополненное. Подготовили М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко. Под редакцией А. М. Молдована. Тома I–II. М., 2009.
29. *Ильинский Г. А.* **Слѣпченскій апостолъ XII вѣка.** М., 1912.
30. Ироическая песнь о походе на Половцов удельнаго князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800.
31. Исландские саги. Под ред. О. А. Смирницкой. Т. 1. СПб., 1999.
32. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Подготовили А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I–II. М., 2004.
33. *Истрин В. М.* **Книги временныя и образныя Георгия Мниха.** Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг., 1920; т. II: а) Греческий текст «Продолжения Амартола»; б) Исследование. Пг., 1922; т. III: Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Л., 1930.
34. Киево-Печерський Патерик. Д. I. Абрамович – вступ. текст, примітки. Київ, 1930.
35. *Климент Охридски.* Събрани съчинения. Тома 1-2. София, 1970–1977.
36. Книги XII малых пророков с токованиями в древнеславянском переводе. Подготовил Н. Л. Туницкий. Вып. I: Книги Осии, Иоила, Амоса, Авдия и Ионы. Сергиев Посад, 1918.
37. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.
38. *Козьма Пражский.* Чешская хроника. Вступительная статья, перевод и комментарии Г. Э. Санчука. М., 1962.
39. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991 (1-е изд.: 1989 г.).
40. *Кульбакин С. М.* Охридская рукопись Апостола конца XII века. София, 1907.
41. *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности (=Труды славянской комиссии АН СССР. Т. I). Л., 1930.
42. *Лев Диакон.* История. Перевод М. М. Копыленко, комментарии М. М. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988.
43. *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI–XIV вв. М., 1978.
44. *Мельникова Е. А.* «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого. Перевод фрагментов из «Саги об Эймунде» // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 294-295.
45. *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации: тексты, перевод, комментарий. М., 2001.
46. *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008 («Тексты»: с. 411–512).

47. *Мирчев К., Кодов Хр.* Енински Апостол. Старобългарски паметник от XI в. София, 1965.
48. Младшая Эдда. Издание подготовили О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. СПб., 2006 (репринт издания: Л., 1970).
49. *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993.
50. *Никольский Н. [К.]* Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переводе (= Памятники древней письменности и искусства. Т. CLXXIV). СПб., 1909.
51. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
52. *Новиков Н. Е.* Константин Багрянородный, «О церемониях», кн. II, гл. 15 (перевод, комментарий) // KANISKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. Ред. М. В. Грацианский, П. В. Кузенков. М., 2006, с. 318-363.
53. *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ: 1998. М., 2000, с. 264-323 (1-е изд.: 1965 г.).
54. Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А. Х. Востокова. М., 2007.
55. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XIII вв. Составитель А. А. Зимин. М., 1952.
56. Патерик, или Отечник Печерский..., повелением Иннокентия Гизеля исправлен и типом изображен. Киево-Печерская Лавра, 1661.
57. *Пичхадзе А. А.* Книга Исход с древнеславянском паримейнике // Учёные записки Российского православного университета св. Иоанна Богослова. Т. 4. М., 1998, с. 5-60.
58. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва, под ред. В. А. Адриановой-Перетц. 2-е изд., исправл. и дополн. Подготовка М. Б. Свердлова. СПб., 1996 (1-е изд.: т. 1–2, М.–Л., 1950).
59. Полное собрание русских летописей. Т. 1–42. СПб./Пг./Л./М., 1841–2002 (репринт отдельных томов: М., 1997–2011).
 - Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. / Е. Ф. Карский. Л., 1926;
 - Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / А. А. Шахматов. СПб., 1908;
 - Т. 4. Часть 1. Новгородская 4-я летопись. Вып. 1-3. Пг.-Л., 1915-1929;
 - Т. 5. Вып. 1. Софийская первая летопись [младшего извода]. 2-е изд. Л., 1925;
 - Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000;
 - Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856;
 - Т. 9–11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862–1897;
 - Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. Издание 3-е. М., 1965 (фотомеханическое воспроизведение изданий «Тверского сборника» в 1863 г. и «Рогожского летописца» в 1922 г.);
 - Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910;
 - Т. 24. Летопись по Типографскому списку. Пг., 1921;
 - Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 1949;
 - Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989;
 - Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
60. Правда Русская. Под ред. Б. Д. Грекова. Т. I: Тексты. М.-Л., 1940; т. II: Комментарии. М.-Л., 1947.
61. Пространное Житие Климента Охридского. Введение и перевод С. А. Иванова, комментарии С. А. Иванова и Б. Н. Флори // *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2004, с. 163-268.

62. Пространные или так называемые Паннонские жития святых Кирилла и Мефодия в переводе П. А. Лаврова // *Тахиаос А.-Э. Н.* Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад, 2005 (1-е изд. перевода Лаврова: 1898 г.).
63. «Пчела». Древнерусский перевод. Издание подготовили А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Тома I–II. М., 2008.
64. *Рибарова З., Хауптова З.* Григоровичев паримејник. Скопје, 1998.
65. Российское законодательство X–XX веков. Под общей редакцией О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси. Ответственный редактор: В. Л. Янин. М., 1984; т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Ответственный редактор: А. Д. Горский. М., 1985.
66. Русский феодальный архив. Ч. 1. М., 1986; Ч. 5. М., 1992.
67. Савина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Подготовили О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. Ч. 1. М., 1999.
68. Салическая правда. Перевод Н. П. Грацианского М., 1950 (=МГПИ им. Ленина. Учёные записки. Т. LXII).
69. Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Тома 1-2. София, 1991-1993.
70. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. Предисловие, комментарии и перевод А. И. Рогова. М., 1970.
71. Смоленские грамоты XIII–XV вв. Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
72. *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. Издание подготовили А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1995 (1-е изд.: 1980 г.).
73. *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000.
74. Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1–2. София, 1982–1983.
75. *Тацит Корнелий Публий.* О происхождении германцев и местоположении Германии. Перевод и комм. А. С. Бобовича под ред. М. Е. Сергеенко // *Тацит Корнелий Публий.* Анналы. Малые произведения. История. М., 2001 (1-е изд.: 1969 г.), с. 458-483.
76. *Теган.* Деяния императора Людовика. Перевод А. И. Сидорова. СПб., 2003.
77. Успенский сборник XII–XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Япон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.
78. *Шервуд Е. А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992.
79. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция. Подготовила Г. С. Баранкова. М., 1998.
80. *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). Ред. А. В. Назаренко. М., 2004.
81. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Перевод Е. Э. Липшиц. М., 1965.
82. *Ягич И. В.* Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.
83. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970.
84. *Ammiani Marcellini rerum gestarum etc.* Hrsg. W. Seyfart. Leipzig, 1978.
85. *Annales Bertiniani* // MGH. SS us. sch. T. 5. Recensuit G. Waitz. Hannover, 1883.
86. *Capitularia regum Francorum* // MGH. LL. T. 1. Hannover, 1883.
87. *Christiansen E.* The Works of Sven Aggesen Twelfth-century Danish Historian. London, 1992.

88. *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio. Vol. I: Greek text ed. by G. Moravcsik, English translation by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967; vol. II: Commentary by F. Dvornik, R. J. H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. Edited by R. J. H. Jenkins. London, 1962.
89. *Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo*. Rec. J. J. Reiske. Vol. I. Bonn, 1829.
90. *Cosmae Pragensis Chronica boemorum*. Hrsg. von B. Bretholz // MGH. SS rer. Germ. N. S. T. 2. Berlin, 1923.
91. Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na Evangelia v českocírkevněslovanském překladu. K vydání připravil V. Konzal. Díl I. Homilie I–XXIV. Praha, 2005. Díl II. Homilie XXV–XL. Praha, 2006.
92. Dänische Rechte. Übersetzt von C. von Schwerin. Weimar, 1938.
93. Den Danske Rigslovgivning indtil 1400. Udgivet ved E. Kroman. København, 1971.
94. Edda *Snorra Sturlusonar*. Nafnaþulur og Skáldatal. Bjó til prentunar Guðni Jónsson. [Reykjavík]: Íslendingasagnaútgáfan, 1954.
95. L'Évangile de Nicodème. Texte slave et texte latin. Éd. André Vaillant. Genève–Paris, 1968.
96. Formulae Merovingici et Karolini Aevi, edidit K. Zeumer // MGH. Legum Sectio V. Formulae. Hannoverae, 1886.
97. *Frček J.* Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction français // Patrologia Orientalis. T. XXIV, fascicule 5. Paris, 1933, p. 605-802; t. XXV, fascicule 3. Paris, 1939, p. 489-617.
98. *Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum*, ed. K. Maleczyński // Pomniki/MPH. Seria II. T. II. Warszawa, 1952.
99. Gumpoldův život Václava knížete českého // Prameny dějin českých/Fontes rerum bohemicarum. Díl I: Životy svatých a některých jiných osob nábožných. Sv. 2. Praha, 1873, s. 146-166.
100. Hirdskræen: hirdloven til Norges konge og hans håndgangne menn, etter AM 322 fol. Ved Steinar Imsen. Oslo, 2000.
101. I tratatti dell'antica Russia con l'Impero romano d'Oriente. A cura di A. Carile e A. N. Sacharov. Roma, 2011.
102. *Lamperti monachi Hersfeldensis Opera*. Hrsg. von O. Holder-Egger // MGH. SS rer. Germ. T. 38. Hannover, Leipzig, 1894.
103. *Napiersky K. E.* Russisch-livländische Urkunden (= Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским). СПб., 1868.
104. Pactus Legis Salicae. Hrsg. von K. A. Eckhardt // MGH. LL nat. Germ. T. 4. Pars 1. Hannover, 1962.
105. Патерикон або Жывоты ss. оуцѡвъ pieczarskich... przez Silvestra Kossowa. W Kiiowie, 1635.
106. Quattuor evangeliorum. Codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Ed. V. Jagič. Berolini, 1879.
107. Relacja Ibrāhīma Ibn Ja'kūba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekrīego, wydał T. Kowalski // Pomniki/MPH. Seria II. T. I. Kraków, 1946.
108. Responsa Nicolai ad consulta Bulgarorum // *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series Latina. T. CXIX. Paris, 1852, col. 978-1016.
109. The Russian Primary Chronicle. Laurentian Text. Translated and edited by S. H. Cross and O. P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge MA, 1953.
110. *Saxo Grammaticus*. Gesta Danorum=Danmarkshistorien. Latinsk tekst udg. af Karsten Friis-Jensen, dansk oversættelse ved Peter Zeeberg. Bd. 1-2. København, 2005.
111. Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmile. Uspořádal J. Vajs. Praha, 1929.
112. Scriptorum rerum Hungaricarum. Ed. E. Szentpétery et al. T. 2. Budapest, 1938.

113. *Snorri Sturluson*. Heimskringla, Bjarni Aðalbjarnarson gaf út, 1–3 // Íslenzk fornrit, 26–28. Reykjavík, 1941–1951.
114. *Tacitus*. Germania. Interpretiert, herausgegeben, übertragen, kommentiert und mit einer Bibliographie versehen von Allan A. Lund. Heidelberg, 1988.
115. *Tacitus*. Germania. Hrsg. von Gerhard Perl. Berlin, 1990.
116. *Theganus*. Gesta Hludowici Imperatoris / *Thegan*. Die Taten Kaiser Ludwigs. Hrsg. und übersetzt von Ernst Tremp // MGH, SS rer. Germ. T. 64. Hannover, 1995.
117. *Thietmar von Merseburg*. Chronik, übertragen und erläutert von W. Trillmich. Darmstadt, 1962 (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. IX) (1-е изд.: 1957 г.).
118. *Thietmari Merseburgensis* episcopi chronicon / Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung. Hrsg. von R. Holtzmann // MGH. SS rer. Germ. N. S. T. IX. Berlin, 1935.
119. *Vaněček V*. Prameny k dějinám státu a práva v Československu (chrestomatie). Část I. Praha, 1957.
120. *Vita Sancti Methodii* russico-slovenice et latine. Edidit Fr. Miklosich. Vindobonae, 1870.
121. Die Zwiefalter Chroniken Ortliebs und Bertholds. Hrsg., übersetzt und erläutert von L. Wallbach, E. König und K. D. Müller. Sigmaringen, 1978 (1-е изд.: 1941 г.).

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV начало XVI в. Руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1971.
2. *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
3. *Алешковский М. Х.* Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. 1960. № 1, с. 73-90.
4. *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.
5. *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // СА. 1974. № 3, с. 100-111.
6. *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. М., 1988.
7. *Андріяшев А. М.* Очерк истории Волынской земли до кон. XIV столетия. Киев, 1887.
8. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
9. *Арциховский А. В.* Русская дружина по археологическим данным // ИМ. 1939. № 1, с. 193-195.
10. *Баловнев Д. А.* Сказание «о первоначальном распространении христианства на Руси». Опыт критического анализа // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000, с. 5–46.
11. *Балушок В. Г.* Исцеление Ильи Муромца: древнерусский ритуал в былине // СЭ. 1991. № 5, с. 20-26.
12. *Балушок В. Г.* Инициации древних славян // ЭО. 1993. № 4, с. 57-66.
13. *Балушок В. Г.* Инициации древнерусских дружинников // ЭО. 1995. № 1, с. 35-44.
14. *Балушок В. Г.* Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // ЭО. 1996. № 3, с. 92-98.
15. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891.
16. *Бахрушин С. В.* К вопросу о русском феодализме // Книга и пролетарская революция. 1936. № 6, с. 44-47.
17. *Бахрушин С. В.* Некоторые вопросы истории Киевской Руси. [Обсуждение книги:] Греков Б. Д. «Феодальные отношения в Киевском государстве» // ИМ. 1937. № 3, с. 165-175.
18. *Белов Е. А.* Об историческом значении русского боярства до конца XVII в. СПб., 1886 (то же: ЖМНП. 1886, январь-март).
19. *Беляев И. Д.* О дружине и земщине в Московском государстве // Временник Общества истории и древностей Российских. Кн. 1. М., 1849, с. 1-22.
20. *Беляев И. Д.* Русская земля перед прибытием Рюрика // Временник Общества истории и древностей Российских. Кн. 8. М., 1850, с. 1-102.
21. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
22. *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.-Л., 1961.
23. *Благова Э.* Гомилии Супрасльского и Успенского сборников // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 77-87.
24. *Благова Э.* Лексика Супрасльской рукописи и лексика Иоанна Экзарха // Проування върху Супрасльския сборник, старобългарски паметник от X век. Доклады и разисквания пред Първи международен симпозиум за Супрасльския сборник, 28–30 септември 1977, Шумен. София, 1980, с. 117-126.
25. *Благова Э., Икономова Ж.* Лексические совпадения Бесед Григория Двоеслова и Второго Жития Вячеслава с лексикой Иоанна Экзарха // Palaeobulgarica/ Старобългаристика. Т. XVII. № 3. София, 1993, с. 13-26.
26. *Бліфельд Д. І.* Давньоруський могильник в Чернігові // Археологія. Т. XVIII. Київ, 1965, с. 105-138.

27. *Блок М.* Феодальное общество. М., 2003 (1-е изд. на французском яз. в двух томах: 1939-1940 гг.).
28. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. Перевод Е. М. Лысенко, примечания и статья А. Я. Гуревича. М., 1986 (1-е изд. на французском: 1949 г.).
29. *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.
30. *Болтин И. Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. 1—2. СПб., 1788.
31. *Болтин И. Н.* Ответ на письмо князя Щербатова, сочинителя «Российской истории». Изд. 2-е. СПб., 1793 (1-е изд.: 1789 г.).
32. *Большаков О. Г.* Уточнения к переводу «Записки» Ибн Фадлана // ДГ: 1998 г. М., 2000, с. 54-63.
33. *Бочков В. Н.* Послужильцы // Историческая генеалогия. Вып. 6. Екатеринбург-Нью Йорк, 1995, с. 43-54 (работа написана в 1969 г.).
34. *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978.
35. *Буров В. А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.
36. *Бутков П. Г.* Оборона летописи Русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840.
37. *Вашица Й.* Кирилло-Мефодиевские юридические памятники // Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М., 1963, с. 12-33.
38. *Вельтман А. Ф.* Упоминаемый «бо Янь» в «Слове о полку Игореве» есть старец Ян, упоминаемый Нестором // Москвитянин. 1842. № 1, с. 213-215.
39. *Вернадский Г. В.* Киевская Русь. Тверь-Москва, 1996.
40. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
41. *Вестберг Ф.* Комментарий на записку Ибрагима ибн Якуба о славянах. СПб., 1903.
42. *Вилкул Т.* Новгородская первая летопись и Начальный Свод // Palaeoslavica. Vol. 11 (2003), p. 5-35.
43. *Вилкул Т. Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009 (1-е изд.: «Людье» и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв. Киев, 2007).
44. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991 (1-е изд. на немецком языке: 1980 г.).
45. *Востоков А. Х.* Сказание об убиении св. Вячеслава кн. Чешскаго с примечаниями // *Востоков А. Х.* Филологические наблюдения. Издал И. Срезневский. СПб., 1865. [Отдел IV, с. 95-97, 98-114].
46. *Восточная Европа в древности и средневековье.* Сборник статей. М., 1978.
47. *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000 (1-е изд.: 1984 г.).
48. *Гедеонов С. А.* Варяги и Русь. Историческое исследование. М., 2005 (1-е изд.: 1876 г.).
49. *Гимон Т. В.* Янь Вышатич и его предки // ВЕДС. Чтения XXII: Устная традиция в письменном тексте. М., 2010, с. 60-66.
50. *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012.
51. *Гимон Т. В.* События XI – начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ: 2010. М., 2012, с. 584-703.
52. *Гинкен Г. Г.* Древнейшие русские двусловные личные имена и их уменьшительные // Живая старина. Год 3-й (1893). Вып. IV, с. 440-461.
53. *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 [16]. СПб., 1997, с. 3-72.
54. *Гиппиус А. А.* **Рекоша дроужина Игоревн...** К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25 (2001), No. 2, p. 147–181.

55. *Гиппиус А. А.* О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics*. Vol. 26 (2002), No. 1, p. 63–126.
56. *Гиппиус А. А.* К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // *Славяноведение*. 2005. № 4, с. 9–24.
57. *Гиппиус А. А.* Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер*. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006, с. 56-96.
58. *Гиппиус А. А.* Новгородская владычная летопись и её авторы XII–XIV вв. (История и структура текста в лингвистическом освещении) // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2004–2005. М., 2006, с. 114–251
59. *Гиппиус А. А.* К проблеме редакций Повести временных лет. I // *Славяноведение*. 2007. № 5, с. 20–44; К проблеме редакций Повести временных лет. II // *Славяноведение*. 2008. № 2, с. 3–24.
60. *Гиппиус А. А.* Крещение Руси в Повести временных лет: К стратификации текста // *ДР*. 2008. № 3 (33), с. 20–23.
61. *Гиппиус А. А.* **Рєкоша дружина Игорєви...**–3. Ответ О. Б. Страховой (Ещё раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. Vol. XVII, No. 2 (2009), с. 248–287.
62. *Гиппиус А. А.* Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // *Русский язык в научном освещении*. 2010, № 2 (20), с. 143–199.
63. *Гиппиус А. А.* «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // *ДР*. 2011. № 1 (43), с. 18–30.
64. *Гиппиус А. А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. Отв. ред. Н. А. Макаров. М.-Вологда, 2012, с. 37–63
65. *Гиппиус А. А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // *Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств*. Материалы конференции. М., 2012, с. 41–50.
66. *Гиппиус А. А.* «Нѣсть се Олегъ, но святии Димитрии...»: к атрибуции летописного свода 1060-х годов // *ВЕДС. Чтения XXV*. М., 2013, с. 62–68.
67. *Голден П. Б.* Государство и государственная власть у хазар: власть хазарских каганов // *Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти*. М., 1993, с. 211–233.
68. *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989.
69. *Горский А. А.* Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // *Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е.* Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. М., 1999, с. 156–221.
70. *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля Русская». Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001.
71. *Горский А. А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
72. *Горский А. А.* Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 г.» // *Ad fontem / У источника: Сб. ст. в честь С. М. Каштанова*. М., 2005, с. 147–152.
73. *Горский А. А.* Древнерусская дружинная терминология в свете международных связей Руси // *Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Матеріали міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів—Шестовиця, 20–23 липня 2006 р.)*. Чернігів, 2006, с. 53–56.
74. *Горский А. А.* О «феодализме»: «русском» и не только // *СВ*. Вып. 69 (4). М., 2008, с. 9–26.
75. *Горский А. А.* Об упоминании Переяславля в русско-византийских договорах X в. // *ВЕДС. Чтения XXI: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация*. М., 2009, с. 82–86.

76. Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. Отв. ред. А. А. Горский и В. А. Кучкин. М., 2008.
77. Греков Б. Д. Киевская Русь. Отв. редактор Л. В. Черепнин. [6-е изд.] М., 1953 (1-е изд.: 1939 г.).
78. Греков Б. Д. Образование древнерусского государства и происхождение термина «русь»; Социально-экономический строй и политический строй феодальных княжеств XII–XIII вв. // Очерки по истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Ч. 1: IX–XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. М., 1953, с. 69-79, 275-309.
79. Гринёв Н. Н. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской 1-й летописи) // История и культура древнерусского города. М., 1989, с. 31-43.
80. Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. I. Київ, 1991 (репринт 3-го, исправленного и дополненного издания: Київ, 1913; 1-е изд.: Львів, 1898); т. II. К., 1992 (репринт 2-го изд.: 1905 г.); т. III. К., 1993 (репринт 2-го изд.: 1905 г.).
81. Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.
82. Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее Средневековье // Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009, с. 151-368.
83. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998.
84. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004.
85. Добродомов И. Г. Ещё раз: *курање сведоми кѣмети* «Слова о полку Игореве» // Вопросы языкознания. 1997. № 3, с. 53-62.
86. Довнар-Запольский М. В. Дружина и боярство // Русская история в очерках и статьях. Т. 1. СПб., 1904, с. 290-311.
87. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
88. Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця 17–20 липня 2003 р.). Гол. ред.: П. П. Толочко. Чернігів, 2003.
89. Дрэгер Л. Дружина // Свод этнографических понятий и терминов. [Вып. 1:] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986, с. 52-53.
90. Дука А. В. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. № 1 (62). М., 2009, с. 136-153.
91. Дьяконов М. А. Власть московских государей. М., 1889.
92. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005 (1-е изд.: 1907 г.).
93. Дюби Ж. Трёхчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. Пер. с французского Ю. А. Гинзбург. М., 2000 (1-е изд. на франц.: 1978 г.).
94. Дюмон Л. Ното *hierarchicus*: опыт описания системы каст. М., 2001 (впервые на французском языке: 1971 г.).
95. Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви. Изд. 2-е. Т. II. СПб., 1827.
96. Жемличка Й., Марсина Р. Возникновение и развитие раннефеодальных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991, с. 167-189.
97. Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Из истории русской культуры. Том II. Книга 1: Киевская и Московская Русь. Составители А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002, с. 652-738.
98. Завадская С. В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 101-103.

99. *Завадская С. В.* «Болярин»–«боярин» в древнерусских письменных источниках // ДГ: 1985 год. М., 1986, с. 89-94.
100. *Завадская С. В.* Термин «боярин» в переводных памятниках древнерусского периода // ВЕДС. Чтения VIII: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996, с. 28-30.
101. *Загоскин Н.[П.]* Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской России. Казань, 1875.
102. *Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999.
103. *Ивина Л. И.* Правящая элита Русского государства конца XIV – первой половины XVI вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории. Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006, с. 99-201.
104. Из истории русской культуры. Том I (Древняя Русь). Составители А. Д. Кошелев, В. Я. Петрухин. М., 2000; Том II, книга 1: Киевская и Московская Русь. Составители А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002.
105. *Истрин В. М.* Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова в области древне-русской летописи. Разделы I-IV // ИОРЯС. Т. 26 (1921). Пг., 1923, с. 45-102; Разделы V-VII // Там же. Т. 27 (1922). Л., 1924, с. 207-251.
106. *Истрин В. М.* Договоры русских с греками X в. // ИОРЯС. Т. 29 (1924). Л., 1925, с. 383-393.
107. *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт древней России // *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 1: Монографии по русской истории. СПб., 1897, с. 5-66 (1-е изд.: 1847 г.).
108. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Том 1–6. М., 1989–1999 (1-е изд.: СПб., 1816-1817).
109. *Кареев Н. И.* В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб., 1910.
110. *Карпов А. А.* Владимир Святой. М., 1997 (=«ЖЗЛ». Вып. 738).
111. *Каиштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996.
112. *Каиштанов С. М.* К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // ВЕДС VIII: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996, с. 39-42.
113. *Клауде Д.* История вестготов. Перевод с немецкого С. В. Иванова. СПб., 2002 (1-е изд. на немецком: 1970 г.).
114. *Клейнер Ю. А.* Боярин: барин – дворянин // ВЕДС. Чтения XIX: политические институты и верховная власть. М., 2007, с. 103-109.
115. *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. М., 1902 (1е изд.: 1882 г.).
116. *Ключевский В. О.* Терминология русской истории // *Ключевский В. О.* Сочинения в девяти томах. Под ред. В. Л. Янина. Т. VI. М., 1988 (написано в 1880-е гг.; 1-е изд.: 1959 г.), с. 94-224.
117. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Часть I // *Ключевский В. О.* Сочинения в девяти томах. Под ред. В. Л. Янина. Т. I. М., 1987 (1-е изд.: 1904 г.).
118. *Ключевский В. О.* История сословий в России // *Ключевский В. О.* Сочинения в девяти томах. Под ред. В. Л. Янина. Т. VI. М., 1988, с. 225-391 (1-е изд.: 1913 г.).
119. *Коваленко В. П.* Дружинные лагеря в процессе становления древнерусской государственности на днепровском левобережье // ВЕДС. Чтения XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011, с. 114-119.
120. *Коваленко В. П., Моця А. П.* Шестовица – южная «сестра» Рюрикова городища // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвоцинская. СПб., 2010, с. 91-102.

121. Коваленко В., Моця А., Сытый Ю. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця 17–20 липня 2003 р.). Гол. ред.: П. П. Толочко. Чернігів, 2003, с. 51-83.
122. Ковачев Н. Честотно-этимологичен речник на личните имена в съвременната българска антропонимия. Вел. Търново, 1995.
123. Колибенко А. В. До питання про час виникнення Переяслава Руського // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. Київ, 2004, с. 153-158.
124. Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье; Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Отв. ред. Н. А. Макаров. М.-Вологда, 2012, с. 300-365.
125. Копосов Н. Е. Как думают историки. М. 2001.
126. Коптев А. [В.] Fornicator immensus – о «гареме» киевского князя Владимира Святославича // РН. Vol. 31 (2004), Nos. 1-2, p. 1-37.
127. Королёв А. С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е–70-е годы X в. М., 2000.
128. Королёв А. С. Святослав (=«ЖЗЛ»). Вып. 1484 (1284). М., 2011.
129. Корсунский А. Р. Готская Испания. Очерки социально-экономической и политической истории. М., 1969.
130. Корьев А. А. Наёмная гвардия хускерлов короля Кнута Великого (к вопросу о структуре англосаксонской знати в первой половине XI в.) // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып. 3, с. 21-26.
131. Котляр Н. Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в. // ДГ: 1992-1993 гг. М., 1995, с. 33-49.
132. Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.
133. Котляр М. Ф. Княжа служба в Київській Русі. Київ, 2009.
134. Котляр М. Ф., Ричка В. М. Княжий двір Південної Русі X–XIII ст. Київ, 2008.
135. Крадин Н. Н. Политическая антропология. Изд. 2-е. М., 2004 (1-е изд.: 2001 г.).
136. Куза А. В. Древнерусские поселения: Укрепленные поселения // Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985, с. 39-51.
137. Кулаковский Ю. А. Друнг и друнгарий // ВВ. Т. 9. Вып. 1-2, с. 1-30.
138. Кулаковский Ю. А. Византийский *δρόγγος* и славянская дружина // Чтения в Историческом Обществе Нестора летописца. Кн. 15. Вып. 4. Киев, 1902, с. 82-85.
139. [Куник А. А., Розен В. Р.] Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах. Ч. 1 (статьи и разыскания А. [А.] Куника и барона В. [Р.] Розена) // ЗАН. Т. XXXII, 1878. Приложение № 2.
140. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
141. Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. Вып. 1. М., 1990, с. 15-69.
142. Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГ: 1992-1993 гг. М., 1995, с. 74-100.
143. Кучкин В. А. «Съ тоя же Каялы Святоплькъ...» // *Russia mediaevalis*, t. VIII, 1, München 1995, с. 87-113.
144. Кучкин В. А. О термине «дети боярские» в Задонщине // ТОДРЛ. Т. 50 (1996), с. 347-358.
145. Кучкин В. А. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // ОИ. 2003. № 3, с. 71-79.
146. Кучкин В. А. Десятские и сотские Древней Руси // Горский А. А., Кучкин В. А., Луккин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008, с. 270-425.

147. Кучкин В. А. Александр Невский – правитель и полководец // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010, с. 101-128.
148. Кучкин В. А. О времени существования Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012, с. 126-132.
149. Лавровский Н. [А.] О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.
150. Лаушкин А. В. Идея богоустановленности княжеской власти в летописании Северо-Восточной Руси второй половины XII – начала XIII в. // Русское средневековье. Общество и церковь. 1997. М., 1997, с. 28-39.
151. Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета // Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000, с. 211-262 (впервые опубликовано под заглавием «Les gestes symboliques dans la vie sociale. Les gestes de la vassalité» в книге: *Simboli e simbologia nell'alto Medio Evo. Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo*, XXIII. Spoleto, 3-9 aprile 1975. Spoleto, 1976, p. 679–788.
152. Леонтович Ф. И. Бояре и служилые люди в литовско-русском государстве // Журнал Министерства юстиции. Год 13-й. 1907. [Часть 1:] № 5, с. 221-292; [Часть 2:] № 6, с. 192-264.
153. Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978.
154. Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987.
155. Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. I: Русь и Польша до конца XII века. Киев, 1884.
156. Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969.
157. Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // ВВ. Т. 42 (1981), с. 35-48.
158. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
159. Литвина А. Ф., Успенский Б. А. Панегирические формулы щедрости правителя на пути из Варяг в Греки // ДГ: 2006 г.: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010, с. 172-187.
160. Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л. 1947.
161. Ловмянский Х. О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 93-100.
162. Ловмянский Х. Русь и норманны. Перевод М. Е. Бычковой. Под ред. В. Т. Пашуто, В. Л. Янина, Е. А. Мельниковой. М., 1985 (перевод оригинального издания: *Łowmiański H. Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowińskich*. Warszawa, 1957).
163. Лукин П. В. «Нам неволя: зажегше град свои, ступим в Гречьску землю». К интерпретации статьи Повести временных лет под 6577 г. // *Rossica Antiqua*. Вып. 1. СПб., 2006, с. 229-259.
164. Лукин П. В. Киевляне XI века в русских источниках и «Хронике» Титмара Мерзбургского // ДР. 2003. № 4 (14), с. 94-99.
165. Лукин П. В. События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // ОИ. 2007. № 4, с. 3–20.
166. Лукин П. В. Вече: социальный состав // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. Отв. ред. А. А. Горский и В. А. Кучкин. М., 2008, с. 33-147.

167. *Лукин П. В.* Деконструкция деконструкции. О книге Т. Л. Вилкул по истории древнерусского вече // *Scrinium*. Т. 4: *Patrologia Pacifica*. Selected papers presented to the Western Pacific Rim Patristics Society 3rd Annual Conference (Nagoya, Japan, September 29–October 1, 2006) and other patristic studies. Edited by V. Baranov and B. Lourié. СПб., 2008, с. 403-434.
168. *Лукин П. В.* Терминологический анализ: плюсы и минусы (по поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // *СР*. Вып. 6. М., 2009, с. 217-243.
169. *Лукин П. В.* «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // *Славяноведение*. 2010. № 2, с. 12-30.
170. *Лукин П. В.* 300 золотых поясов и вече. Немецкий документ 1331 г. о политическом строе Великого Новгорода [с публикацией перевода документа] // *СВ*. Вып. 71(3-4). М., 2010, с. 266-291.
171. *Лукин П. В.* Существовало ли в Древней Руси народное ополчение? Некоторые сравнительно-исторические наблюдения // *СР*. Вып. 9. М., 2011, с. 47-98.
172. *Лукин П. В., Стефанович П. С.* Рецензия на: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. СПб., 2003 // *СР*. Вып. 6. М., 2006, с. 371-402.
173. *Лукина Г. Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990.
174. *Лурье Я. С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // *Источниковедение отечественной истории*. Сборник статей. 1975. М., 1976, с. 87-107.
175. *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // *ТОДРЛ*. Т. 40. Л., 1985, с. 190-205.
176. *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975.
177. *Макаров Н. А.* Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. Отв. ред. Н. А. Макаров. М.-Вологда, 2012, с. 448-459.
178. *Максимов В. И.* Суффиксальное словообразование имён существительных в русском языке. М., 1975.
179. *Максимович К. А.* **Законъ соудьныи людьмъ**. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.
180. *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в свете дипломатики. [Часть 1] // *ВВ*. Т. 56 (81), 1996, с. 68-91, перевод Т. Ю. Бородай; [Часть 2] // *ВВ*. Т. 57 (82), 1997, с. 58-87, перевод Д. А. Коробейникова (перевод книги: *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhs. aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994).
181. *Мельникова Е. А.* «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // *Восточная Европа в древности и средневековье*. Сборник статей. М., 1978, с. 289-295.
182. *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-восточной Европе (Постановка проблемы) // *ДГ*: 1992-1993 гг. М., 1995, с. 16-33.
183. *Мельникова Е. А.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI – начала XII в. // *ДГ*: 2005 г.: Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008, с. 47-75.
184. *Мельникова Е. А.* «Дружиною налѣзу сребро и злато»: военно-торговая экономика древнерусской элиты X в. // *ВЕДС*. Чтения XXIV: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012, с. 181-188.
185. *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // *ДГ*: 1985 г. М., 1986, с. 99-108.
186. *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Название *русь* в этнокультурной истории древнерусского государства (IX–X вв.) // *ВИ*. 1989, № 8, с. 24-38.
187. *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // *ДГ*: 1990 г. М., 1991, с. 219-229.

188. *Миллер Г. Ф.* Известие о дворянх [российских] // *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России. Избранное. Составление, статья А. Б. Каменского, примечания А. Б. Каменского и О. М. Медушевской. М., 1996, с. 180-225 (написано в 1776 г., впервые издано в 1790 г.).
189. *Милов Л. В.* Кто был автором «Повести временных лет»? // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. Авт. коллектив: Л. В. Милов (руководитель), Л. И. Бородин, Т. В. Иванова, Е. В. Неберекутина и др. Под ред. Л. В. Милова. М., 1994, с. 40-69.
190. *Милов Л. В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право = Jus Antiquum. 1996, № 1, с. 201-218.
191. *Милютенко Н. И.* Новгородский свод 1078 г. в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Т. LVIII. СПб., 2007, с. 586-606.
192. *Милютенко Н. И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008 (Исследование на с. 5-410).
193. *Милютенко Н. И.* Южнорусская летопись в общерусском летописании начала XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2008. М.-СПб., 2008, с. 11-51.
194. *Мининкова Л. В.* Отношения сюзеренитета-вассалитета домонгольской Руси: Историография. Источники. Право. Социокультурный феномен. Ростов-на-Дону, 2005.
195. *Михайлин В. М.* Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005.
196. *Михеев С. М.* «Святополкъ съде в Киевѣ по отци». Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009.
197. *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
198. *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.
199. *Мосс М.* Очерк о даре // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996 (1-е изд. на французском языке: 1925 г.), с. 83-222.
200. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Исследования о Русской Правде. Вып. 1: Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской правды. М., 1881; вып. 2: Текст Русской правды с объяснением отдельных слов. М., 1885; Приложение ко второму выпуску. М., 1886.
201. *Мусин А. Е.* К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 16. Великий Новгород, 2002, с. 82-92.
202. *Мюллер Л.* Рассказ «Повести временных лет» о крещении Владимира Святославича // *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000 (1-е изд.: 1985 г.), с. 60-70.
203. *Мюллер Л.* Рассказ «Повести временных лет» 955 г. о крещении Ольги // *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000 (1-е изд.: 1988 г.), с. 43-59.
204. *Назаренко А. В.* Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // ВЕДС. Чтения VIII: Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996, с. 58-63.
205. *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
206. *Назаренко А. В.* Борис и Глеб // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003, с. 44–49.
207. *Назаренко А. В.* «Слы и гостие»: о структуре политической элиты Древней Руси в первой половине – середине X века // ВЕДС. Чтения XIX: Политические институты и верховная власть. М., 2007, с. 169-174.
208. *Назаренко А. В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение

- русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14—18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009 (=Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX), с. 411-425.
209. Назаренко А. В. Русь IX в.: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Отв. ред. Н. А. Макаров. М.-Вологда, 2012, с. 12-35.
 210. Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978, с. 104-123.
 211. Назаров В. Д. К методике анализа новгородских источников XII–XIII вв. (О стратификации общества Новгородской республики) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва. 18-20 апреля 1990 г. М., 1990, с. 92-96.
 212. Назаров В. Д. О статусе «слуг» в средневековой Руси // [ВЕДС]. Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Тезисы докладов. М., 1992, с. 49-52.
 213. Назаров В. Д. Бояре // БРЭ. Т. 4. М., 2004, с. 112-113.
 214. Назаров В. Д. Государев Двор // БРЭ. Т. 7. М., 2007, с. 513-515.
 215. Назаров В. Д. «Дворянин» в актах и грамотах Северо-Восточной Руси и Новгорода XIV–XV вв. // РН. Vol. 34 (2007). Nos. 1-4, p. 131-147.
 216. Назаров В. Д. Между Москвой и Вильно: «дворяне» на листах посольских документов (конец XV – первая треть XVI в.) // Государство и общество в России XV – начала XX века. Сборник памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007, с. 82-93.
 217. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Изд. под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907 (1-е изд.: 1767 г.)
 218. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2002, с. 5-211 (1-е изд.: 1951 г.).
 219. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
 220. Наумов Е. П. К истории феодальной сословной терминологии Древней Руси и южнославянских стран // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья: Киевская Русь и её славянские соседи. М., 1972, с. 223-236.
 221. Неусыхин А. И. Общественный строй древних германцев. М., 2001 (1-е изд.: 1929).
 222. Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
 223. Неусыхин А. И. Собственность и свобода в варварских правах (очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V–VIII вв.) // Неусыхин А. И., Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974, с. 35-211 (докторская диссертация, защищённая в 1946 г.)
 224. Нидерле Л. Славянские древности. Перевод с чешского: Т. Ковалёва, М. Хазанов. Под ред. А. Л. Монгайта. М., 2000 (1-е изд.: М., 1956; перевод с оригинального издания: *Niederle L. Slovanské starožitnosti*, t. 1-4, Praha, 1902—1934; *Život starých slovanů*, t. 1-2, Praha, 1911—1925).
 225. Никольский С. Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // СР. Вып. 4. М., 2004, с. 5-48.
 226. Никольский С. Л. «Древнейшая Правда» Ярослава: дружинное право в становлении государственного законодательства // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008, с. 55-67.

227. *Новосельцев А. П.* Арабские источники об общественном строе восточных славян IX в. – первой половины X в. (полюдые) // ДГ: 1998. М., 2000, с. 400-404 (1-е изд.: 1980 г.).
228. *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
229. *Носов Е. Н.* Огнищане и проблема формирования новгородского боярства // История и культура древнерусского города. М., 1989, с. 44-52.
230. *Носов Е. Н.* Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. (Новые материалы и исследования) (=Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XVIII). СПб., 2005, с. 8-32.
231. *Обнорский С. П.* Язык договоров русских с греками // *Обнорский С. П.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960, с. 99-120 (1-е изд.: 1936 г.).
232. *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. М., 2001 (1-е изд.: 1898 г.).
233. *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси // *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988, с. 4-149 (1-е изд.: 1907 г.).
234. *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси // *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988, с. 152-542 (1-е изд.: 1910 г.).
235. *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
236. *Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 11-76.
237. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
238. *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006.
239. *Перишц А. И.* Данничество // Свод этнографических понятий и терминов. [Вып. 1:] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986, с. 45-46.
240. *Перишц А. И.* Демократия военная // Свод этнографических понятий и терминов. [Вып. 1:] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986, с. 47-48.
241. *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Том I (Древняя Русь). Составители А. Д. Кошелев, В. Я. Петрухин. М., 2000, с. 13-410.
242. *Петрухин В. Я.* «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей. Историко-археологические очерки. М., 2011.
243. *Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* К предыстории древнерусского города // ИСССР. 1979. № 4, с. 100-112.
244. *Пичхадзе А. А.* К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991, с. 147-173.
245. *Пичхадзе А. А.* О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2001. М., 2002, с. 232–249.
246. *Платонова Н. И.* Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // ВЕДС. Чтения IX: Международная договорная практика Древней Руси. М., 1997, с. 69-73.
247. *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. III [М., 1846]; Т. VII. М., 1856.
248. *Погодин М. П.* Древняя русская история до Монгольского ига. Т. I-II. М., 1871.
249. *Погодин М. П.* О наследственности древних санов (1054–1240) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Изд. Н. В. Калачов. Кн. I. М., 1850. Отделение I, с. 73-96.

250. *Погорелов В.* На каком языке были написаны так называемые Паннонские жития? // BSl. Ročník IV. Praha, 1932, s. 13–21.
251. *Подлипчук Ю. В.* «Слово о полку Игореве»: научный перевод и комментарии. М., 2004.
252. *Попов А. Н.* Библиографические материалы. № 20. Ч. VI // ЧОИДР. 1880. Кн. 3, с. 1-316.
253. *Поппэ А.* К чтению одного места в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. Т. XXIV. Л., 1969, с. 54–57.
254. *Поппэ А.* Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с. 64–91.
255. *Поппэ А.* Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997, с. 102–120.
256. *Поппэ А. А. А.* Шахматов и спорные начала русского летописания // ДР. 2008. № 3, с. 76-85.
257. *Поппэ А.* Студиты Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря // Ruthenica. Supplementum 3. Київ, 2011.
258. *Порай-Кошиц И. А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII в. 862-1796. СПб., 1874.
259. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории. Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006.
260. *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий // *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. Подготовка текста, статьи и примечания М. Б. Свердлова. М., 1993, с. 3-254 (1-е изд.: 1909 г.).
261. *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории // *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. Подготовка текста, статьи и примечания М. Б. Свердлова. М., 1993, с. 255-505 (1-е изд.: 1938 г.).
262. *Присёлков М. Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учёные записки Ленинградского государственного университета. № 73 (1940). Серия исторических наук. Вып. 8. Л., 1941, с. 215-246.
263. *Присёлков М. А.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996 (1-е изд.: Л., 1940).
264. *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002 (1-е изд.: 1956 г.).
265. *Прозоровский Д. [И.]* О родстве святого Владимира по матери // Записки имп. Академии наук. Т. 5. Кн. I. СПб., 1864, с. 17–26.
266. *Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.
267. *Пушкина Т. А., Мурашёва В. В., Енисосова Н. В.* Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Отв. ред. Н. А. Макаров. М.-Вологда, 2012, с. 242-273.
268. *Русинов В. Н.* Летописные статьи 1051–1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия История. 2003. Вып. 1 (2), с. 111-147.
269. Русь в IX–X веках: археологическая панорама. Отв. ред. Н. А. Макаров. М.-Вологда, 2012.
270. *Рыбаков Б. А.* Боярин-летописец XII в. // ИСССР. 1959. № 5, с. 56-79.
271. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
272. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь; Русь в эпоху «Слова о полку Игореве». Обособление самостоятельных русских княжеств в XII – начале XIII в. // История СССР с древнейших времён до наших дней. В двух сериях в двенадцати томах. Первая серия.

- Тома I–VI: с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. I: Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь (до начала XIII в.). Ред.: С. А. Плетнёва, Б. А. Рыбаков. М., 1966, с. 476-639.
273. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
274. *Рюсс Х.* Городская оседлость русской знати // Сословия и государственная власть в России. XV–XIX вв. Международная конференция – Чтения памяти академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. I–II. М., 1994, с. 253-262.
275. *Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия. Л., 1977.
276. *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
277. *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI–XIII вв. // ВИД. Т. XI. Л., 1979, с. 222-237.
278. *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
279. *Свердлов М. Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.
280. *Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996.
281. *Свердлов М. Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.
282. *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
283. *Свердлов М. Б.* Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории. Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006, с. 10-98.
284. Свод этнографических понятий и терминов. [Вып. 1:] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
285. *Седов В. В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
286. *Семёнов Ю. И.* Союз мужской // Свод этнографических понятий и терминов. [Вып. 1:] Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986, с. 192.
287. *Сергеевич В. И.* Вольные и невольные слуги московских государей // Наблюдатель. 1887. № 1, с. 58-89; № 2, с. 40-67; № 3, с. 17-38.
288. *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 1-3. М.: ГПИБ России, 2007 (напечатано по 2-му и 3-му изданиям; 1-е издание: 1890-1903 гг., причём первые два тома под заглавием «Русские юридические древности»).
289. *Середонин С. М.* Историческая география. Лекции. Пг., 1916.
290. *Славова Т.* Неизвестен старобългарски сан // *Palaeobulgarica/Старобългаристика*. Т. XXXIII (2009), 1, с. 3-15.
291. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1-6. Л., 1965-1984.
292. *Соболевский А. И.* Словарный материал, извлечённый из Бесед Григория Двоесловца // *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 54-81 (1-е изд.: 1900 г.).
293. *Соболевский А. И.* Жития святых в древнем переводе на церковно-славянский с латинского языка. СПб., 1904 (оттиск из: ИОРЯС. Т. VIII (1903). Кн. 1, 2, 4).
294. *Соловьёв А. В.* Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 16–17. Белград, 1941, с. 37-64.
295. *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. 1-4 // *Соловьёв С. М.* Сочинения. Кн. I, II. М., 1988 (1-е изд.: 1851-1852 г.).
296. *Соловьёв С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома // *Соловьёв С. М.* Сочинения. Кн. XIX. Дополнительная. М., 1996, с. 5-338 (1-е изд.: 1847 г.).

297. *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). М., 2009 (1-е изд.: 1970 г.).
298. *Сперанский М. Н.* Славянские апокрифические евангелия (общий обзор). М., 1895.
299. *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты. М., 1904.
300. *Срезневский И. И.* О Малуше, милостнице великой княгини Ольги, матери великого князя Владимира // Записки имп. Академии наук. Т. 5. Кн. I. СПб., 1864, с. 27–33.
301. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III, Дополнения. СПб., 1890–1912.
302. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
303. *Стефанович П. С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // СР. Вып. 5. М., 2004, с. 86–113.
304. *Стефанович П. С.* К характеристике мировоззрения автора «Слова о полку Игореве»: понятие «слава» // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005, с. 91–116.
305. *Стефанович П. С.* Древнерусская клятва по русско-византийским договорам X века // ДГ: 2004 г.: Политические институты Древней Руси. М., 2006, с. 383–403.
306. *Стефанович П. С.* Володарь перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел. Часть первая // ДР. 2006, № 3 (25), с. 56–74; Часть вторая // ДР. 2006, № 4 (26), с. 78–89.
307. *Стефанович П. С.* Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Церковно-исторический вестник. 2007. № 1, с. 117–133.
308. *Стефанович П. С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008, с. 148–269.
309. *Стефанович П. С.* Понятие верности в отношениях князя и дружины на Руси в XII–XIII в. // ДР. 2008. № 1 (31), с. 72–82.
310. *Стефанович П. С.* «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?* // ДГ: 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012, с. 513–582.
311. *Стринггольм А.* Походы викингов. Пер. с немецкого языка А. Шемякина. Прил. и прим. К. Фриша. Предисл., комм. А. Хлевова. М., 2002 (1-е изд. на шведском языке 1835 г., на русском – 1861 г.).
312. *Строев В. Н.* По вопросу о «старцах градских» русской летописи // ИОРЯС. Т. XXIII. Кн. 1. Пг., 1919, с. 63–64.
313. *Струве П. Б.* Социальная и экономическая история России. Париж, 1952.
314. *Татаринцев Б. И.* Тюркский титул *bujla* (К вопросу об этимологии) // Этимология. 1991–1993. М., 1994, с. 166–171.
315. *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Т. XXX (1976): Историческое повествование Древней Руси, с. 3–26.
316. *Творогов О. В.* Лексический состав «Повести временных лет». (Словоуказатели и частотный словарь). Киев, 1984.
317. *Творогов О. В.* Изборник 1076 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI–первая половина XIV вв.). Л., 1987, с. 196–198.
318. *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.-Л., 1941.
319. *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953 (1-е изд.: 1941 г.).

320. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955.
321. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. М., 1956 (1-е изд.: 1946 г.).
322. Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, с. 46-65 (1-е изд.: 1960 г.).
323. Толочко А. П. О заглавии *Повести временных лет* // Ruthenica. Т. V. Київ, 2006, с. 248-251.
324. Толочко А. П. Краткая редакция *Правды Руской*: происхождение текста. Київ, 2009 (=Ruthenica. Supplementum 2).
325. Толочко О. П., Толочко П. П. Київська Русь. Київ, 1998.
326. Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
327. Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.
328. Толочко П. П. Власть в Древней Руси. X–XIII века. СПб., 2011.
329. Томсен В. Начало русского государства // Из истории русской культуры. Том II, книга 1: Киевская и Московская Русь. Составители А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002, с. 143-226 (1-е изд.: ЧОИДР. 1891 год. Кн. 1 (156). М., 1891, с. 1-136 (Отдел «Материалы иностранные»). Перевод Н. Аммона с немецкого издания 1879 г.; оригинальное издание: *Thomsen V. The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State. Oxford and London, 1877*).
330. Тржешитик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. Отв. ред.: Г. Г. Литаврин. М., 1987, с. 124-133.
331. Тупилов Н. М. Словарь древнерусских собственных имён. С приложениями. М., 2005 (1-е изд.: СПб., 1903).
332. Турилов А. А. После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X – первой половине XIII в.) // Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2004, с. 76-162.
333. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырёх томах. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачёва. Т. 1–4. М., 2007 (1-е издание: М., 1964–1973; 1-е изд. на немецком яз.: 1950–1958 гг.).
334. Феодализм: понятие и реалии. Под ред. А. Я. Гуревича, С. И. Лучицкой, П. Ю. Уварова. М., 2008.
335. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
336. Филипчук О. [М.] Скільки коштував руський найманець у Візантії в X ст.? // Ruthenica. Випуск VII. Київ, 2008, с. 7-29.
337. Флоря Б. Н. Кормленные грамоты XV–XVI вв. как исторический источник // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971, с. 109-126.
338. Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2000 (1-е изд.: М., 1981).
339. Флоря Б. Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за «бесчестье») // ИСССР. 1983. №1, с. 61-74.
340. Флоря Б. Н. «Служебная организация» и её роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // ОИ. 1992. № 2, с. 56-74.
341. Флоря Б. Н. «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // СР. Вып. 6. М., 2006, с. 66-79.
342. Флоря Б. Н., Турилов А. А. Общественная мысль Древней Руси в эпоху раннего средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2009, с. 31-80.

343. *Флоря Б. Н.* Правитель и знать в древнерусском летописании XII века // СР. Вып. 8. М., 2009, с. 64-84.
344. *Флоря Б. Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты (на материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV–XVI вв.) // ВЕДС. Чтения XXIII: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. М., 2011, с. 297-300.
345. *Флоря Б. Н.* Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII в.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2012, с. 9-94.
346. *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси: 750-1200. Перевод Д. М. Буланина и Н. Л. Лужецкой. СПб., 2009 (1-е изд. на английском языке: 1996 г.; 1-е на русском: 2000 г.).
347. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999 (та же книга в сокращённом виде выходила в 1974 г. под заглавием «Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории»).
348. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
349. *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992.
350. *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.-СПб., 1995.
351. *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996.
352. *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
353. *Фюстель де Куланж Н. Д.* История общественного строя древней Франции. Т. 5: Начала феодального строя (бенефиций и патронат в Меровингскую эпоху). СПб., 1910 (русский перевод оригинального издания 1875—1892 гг. в 6 томах: *Fustel de Coulanges N. D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*).
354. *Хелимский Е. [А.]* Язык(и) аваров: тунгусо-маньчжурский аспект // *Studia in Honorem Stanislai Stachowski Dicata (= Folia Orientalia XXXVI)*. Kraków, 2000, s. 135-148.
355. *Хлебников Н. И.* Общество и государство в до-монгольский период русской истории. СПб., 1872.
356. *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X–XI веков. София, 1986.
357. *Цейтлин Р. М.* Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы. М., 1996.
358. *Цукерман К.* О введении русско-византийских договоров в текст Начального свода и возникновение Повести временных лет // ДР. 2008. № 3 (33), с. 69-70.
359. *Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сборник/Collectanea Borisoglebica. Ред. К. Цукерман. Вып. 1. Paris, 2009, с. 183-306.
360. *Шайкин А. А.* Олег и Игорь в Новгородской первой летописи и «Повести временных лет» // ТОДРЛ. Т. LVIII (2008), с. 607-626.
361. *Шаскольский И. П.* Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // ДГ: 1985 г. М., 1986, с. 95-99.
362. *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 1. СПб.: «Наука», 2002; Т. I. Кн. 2. СПб.: «Наука», 2003; Т. II. СПб., 2011.
363. *Шахматов А. А.* О Начальном Киевском летописном своде // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 2, с. 31-70 (1-е изд.: 1897 г.).
364. *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 2, с. 185-231 (1-е изд.: 1904 г.).
365. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 1 (1-е изд.: 1908 г.).

366. *Шахматов А. А.* Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 2, с. 380-412 (1-е изд.: 1909 г.).
367. *Шахматов А. А.* Мстислав Лютый в русской поэзии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XVIII. Харьков, 1909, с. 82-91.
368. *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки Неофилологического общества при имп. Петроградском университете. Вып. VIII: Сборник в честь профессора Ф. А. Брауна. Пг., 1915, с. 385-407.
369. *Шахматов А. А.* Киевский Начальный свод 1095 г. [I Начальный свод] // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 2, с. 428-464 (написано в 1916-1920 гг.; 1-е изд.: 1947 г.).
370. *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 2, с. 527-977 (1-е изд.: 1916 г.).
371. *Шахматов А. А.* Обзорение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. II (1-е изд. под заглавием «Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв.»: 1938 г.).
372. *Шинаков Е. А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009 (1-е изд.: 2003 г.).
373. *Шушарин В. П.* Ранний феодализм // История Венгрии в 3-х томах. Т. 1. М., 1971, с. 97–148.
374. *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. 1: От начала до кончины великаго князя Ярослава Владимировича. СПб., 1770.
375. *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л., 1939.
376. *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства (=Курс истории государства и права СССР. Т. I). М., 1949.
377. *Яблочков М. [Т.]* История дворянского сословия в России. СПб., 1876.
378. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. 2-е изд., переработанное и дополненное. М., 2003 (1-е изд.: 1962 г.).
379. *Янин В. Л.* Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце (О новгородском источнике Жития Алекснадра Невского) // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004, с. 245-253 (1-е изд.: 1974 г.).
380. *Янин В. Л.* Древнее славянство и археология Новгорода // ВИ. 1992. № 10, с. 37-65.
381. *Янин В. Л.* Раскопки в Новгороде // *Янин В. Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004, с. 54-89 (1-е изд.: 1999 г.).
382. *Янин В. Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
383. *Янин В. Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004.
384. *Airlie S.* The Aristocracy // The New Cambridge Medieval History. Edited by R. McKitterick. Vol. II: с. 500–с. 700. Cambridge, 1995, p. 431-450.
385. *Airlie S.* The Aristocracy in the Service of the State in the Carolingian Period // Staat im frühen Mittelalter. Hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006, S. 93-112.
386. *Alef G.* Das Erlöschen des Abzugsrechtes der Moskauer Bojaren // FOG. Bd. 10. Berlin, 1965, S. 7–74.
387. *Althoff G.* Verwandte, Freunde und Getreue. Zum politischen Stellenwert der Gruppenbindungen im früheren Mittelalter. Darmstadt, 1990.
388. *Althoff G.* Spielregeln der Politik im Mittelalter. Kommunikation in Frieden und Fehde. Darmstadt, 1997.
389. *Andersen S. W.* Trelleborg // RGA. Bd. XXXI (2006), S. 157–160.
390. Anglo-Norman Warfare. Studies in Late Anglo-Saxon and Anglo-Norman Military Organization and Warfare. Ed. by Matthew Strickland. Woodbridge, 2000.

391. *Arbman H.* Aggersborg // RGA. Bd. I (1973), S. 95-96.
392. *Bachrach B. S.* Early Carolingian Warfare. Prelude to Empire. Philadelphia, 2001.
393. *Bagge S.* Hirð // Medieval Scandinavia. En Encyclopedia. NY-London, 1993, p. 284.
394. *Bagge S.* From Viking Stronghold to Christian Kingdom: State Formation in Norway, c. 900-1350. Copenhagen, 2010.
395. *Baranowski G.* Die *Russkaja Pravda* – ein mittelalterliches Rechtsdenkmal. Frankfurt-a.-M. etc., 2005.
396. *Bardach J.* L'État polonais aux Xe et XIe siècles // L'Europe aux IXe–XIe siècle: Aux origines des États nationaux. Sous la direction de T. Manteuffel et A. Gieysztor. Varsovie, 1968, p. 279-319.
397. *Barnat R.* Siły zbrojne Bolesława Chrobrego w świetle relacji Galla Anonima // PH. T. 88 (1997), z. 2, s. 223-235.
398. *Bazelmans J.* Conceptualising early Germanic political structure: a review of the use of the concept of *Gefolgschaft* // Images of the Past. Studies on Ancient Societies in Northwestern Europe. Eds. N. Roymans, F. Theuws. Amsterdam, 1991, p. 91-130.
399. *Bazelmans J.* By Weapons Made Worthy. Lords, Retainers and Their Relationship in Beowulf. Amsterdam, 1999 (перевод на английский диссертации: Eén voor allen, allen voor één. Tacitus' *Germania*, de Oudengelse *Beowulf* en het ritueel-kosmologische karakter van de relatie tussen heer en krijger-volging in Germaanse samenlevingen. Amsterdam, 1996).
400. *Becher M.* Eid und Herrschaft: Untersuchungen zum Herrscherethos Karls des Grossen. Sigmaringen, 1993.
401. *Behrends O.* Buccelarius // RGA. Bd. IV (1981), S. 28-31.
402. Beiträge zum Verständnis der Germania des Tacitus. Bericht über die Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Nord- und Mitteleuropas im Jahr 1986 und 1987. Hrsg. von H. Jankuhn und D. Timpe. Teil II. Göttingen, 1992.
403. *Berelowitch A.* La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime, XVIe–XVIIe siècles. Paris, 2001.
404. *Béteille A.* Inequality and equality // Companion Encyclopedia of Anthropology. Ed. by T. Ingold. London-NY, 1994, p. 1010-1038.
405. *Birnbaum H.* Zur Sprache der Methodvita // Cyrillo-methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863–1963. Hrsg. von M. Hellmann, R. Olesch, B. Stasiowski, F. Zagiba. Köln–Graz, 1964, S. 328–361.
406. *Bláhová E.* Lexikální specifika staroslověnského parimejníku // Slavia. Ročník 68, seš. 2, 1999, s. 235-249.
407. *Bláhová E.* Literární vztahy Sázkavy a Kyjevské Rusi // Svatý Prokop, Čechy a střední Evropa. Ed. P. Sommer. Praha, 2006, s. 219-234.
408. *Bláhová M., Frolík J., Profantová N.* Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. I. Praha, 1999.
409. *Bloch M.* La société féodale. Paris, 1968 (1-е изд.: 1939-1940 гг.).
410. *Blöndal S.* The Varangians of Byzantium. An Aspect of Byzantine Military History. Translated, revised and rewritten by Benedikt S. Benediktz. Cambridge, 1978.
411. *Bøe A.* Grið // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. Band 5. Malmö, 1960, s. 463-464.
412. *Bogacki M.* Przemiany w wojskowości polskiej od połowy X wieku do 1138 roku. Kształt i organizacja armii. Toruń, 2007.
413. *Bogucki A.* Termin “kміє” w źródłach polskich XIII i XIV wieku // Społeczeństwo Polski Średniowiecznej. Zbiór studiów. T. VIII. Warszawa, 1999, s. 131-154.
414. *Borgolte M.* Comitatus // Lexikon des Mittelalters. Bd. 3. München 2002, Splt. 78-79.
415. *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Auflage. Bd. 1. Leipzig, 1906 (1-е издание: 1892 г.).

416. *Bushkovitch P.* Towns and Castles in Kievan Rus': Boiar Residence and Landownership in the 11th. and 12th. Centuries // RH. Vol. 7, No. 1-2 (1980), p. 251-264.
417. The Cambridge History of Scandinavia. Vol. I: Prehistory to 1520. Ed. by Knut Helle. Cambridge, 2003.
418. Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997. Éd. M. Kazanski, A. Nersessian et C. Zuckerman. Paris, 2000 (=Réalités byzantines 7).
419. *Chadwick H. M.* Studies on Anglo-Saxon Institutions. Cambridge, 1905.
420. *Chadwick H. M.* The Heroic Age. Cambridge, 1912.
421. *Cherniss M. D.* Ingeld and Christ: Heroic Concepts and Values in Old English Christian Poetry. The Hague: Mouton, 1972.
422. *Chibnall M.* Mercenaries and the *familia regis* under Henry I // Anglo-Norman Warfare. Studies in Late Anglo-Saxon and Anglo-Norman Military Organization and Warfare. Ed. by Matthew Strickland. Woodbridge, 2000, p. 84-92 (1-е изд.: 1977 г.).
423. *Christiansen A. E.* Kongemagt og Aristokrati. Epoker I: Middelalderlig Dansk Statssopfattelse indtil Unionstiden. København, 1976.
424. *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983.
425. La culture du haut moyen âge, une question d'élites? Ed. par F. Bougard, R. Le Jan, R. McKitterick. Turnhout: «Brepols», 2009.
426. *Dalewski Z.* Władca i możni w *Kronice* Galla Anonima // Šlechta, moc a reprezentace ve středověku. Ed. M. Nodl, M. Wihoda (=Colloquia mediaevalia Pragensia 9). Praha, 2007, s. 31-44.
427. *Dalewski Z.* Ritual and Politics. Writing the History of a Dynastic Conflict in Medieval Poland. Leiden, Boston, 2008.
428. *Dannenbauer H.* Adel, Burg, und Herrschaft bei den Germanen // Historisches Jahrbuch. Bd. 61 (1941), S. 1-50.
429. *Depreux Ph.* L'historiographie des élites politiques // L'historiographie des élites dans le Haut Moyen Âge, 2003 (<http://lamop.univ-paris1.fr/IMG/pdf/deproux.pdf>, дата обращения: 15.03.2013)
430. *Dick S.* Der Mythos vom „germanischen“ Königtum : Studien zur Herrschaftsorganisation bei den germanischsprachigen Barbaren bis zum Beginn der Völkerwanderungszeit. Berlin, New York, 2008 (=Reallexikon der Germanischen Altertumskunde–Ergänzungsbände; Bd. 60).
431. *Du Cange Ch.* Glossarium mediae et infimae latinitatis. Ed. L. Favre. T. I–X. Leiden, 1937.
432. *Duby G.* Guerriers et paysants. VIIe-XIIe siècle. Paris, 1973.
433. *Dvornik F.* Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Prague, 1933.
434. *Eckardt U.* Untersuchungen zu Form und Funktion der Treueidleistung im merowingischen Frankreich. Marburg, 1974.
435. *Eggers M., Ebel E.* Kriegerbünde // RGA. Bd. XVII (2001), S. 343-348.
436. *Eisenstadt S. N., Roniger L.* Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge, 1984.
437. Les élites au haut moyen âge. Crises et renouvellements. Ed. par F. Bougard, L. Feller, R. Le Jan. Turnhout: «Brepols», 2006.
438. Les élites et la richesse au Haut Moyen Âge. Ed. par J.-P. Devroey, L. Feller, R. Le Jan. Turnhout: «Brepols», 2011.
439. Les élites et leurs espaces. Mobilité, rayonnement, domination (du VIe au XIe siècle). Ed. par P. Depreux, F. Bougard, R. Le Jan. Turnhout: «Brepols», 2007.
440. *Engel P.* The Realm of St. Stephen. A History of Medieval Hungary, 895-1526. Translated by T. Pálosfalvi, English edition edited by A. Ayton. London-New York, 2001.

441. *Enright M. J.* Lady with a Mead Cup: Ritual, Prophecy and Lordship in the European Warband from La Tène to the Viking Age. Dublin, Portland, 1996.
442. *Esders S.* Treueidleistung und Rechtsveränderung im früheren Mittelalter // Rechtsveränderung im politischen und sozialen Kontext mittelalterlicher Rechtsvielfalt. Hrsg. S. Esders, Ch. Reinle. Münster, 2005, S. 25-62.
443. L'Europe aux IXe–XIe siècle: Aux origines des États nationaux. Sous la direction de T. Manteuffel et A. Gieysztor. Varsovie, 1968.
444. *Evans S. S.* The Lords of Battle: Image and Reality of the Comitatus in Dark Age Britain. Woodbridge, 1997.
445. *Fanning S.* Tacitus, *Beowulf*, and the *Comitatus* // The Haskins Society journal: studies in medieval history. Vol. 9. Woodbridge, 1997, p. 17-38.
446. *Featherstone J. M.* Olga's Visit to Constantinople // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 14 (1990), p. 297–305.
447. *Featherstone [J.] M.* Olga's Visit to Constantinople in De Cerimoniis // RÉB. T. 61 (2003), p. 241-251.
448. *Featherstone J. M.* DI' ENDEIXIN: Display in Court Ceremonial (*De Cerimoniis* II, 15) // The Material and the Ideal: Essays in Mediaeval Art and Archaeology in Honour of Jean-Michel Spieser. Ed. A. Cutler and A. Papaconstantinou. Leiden, 2008, p. 75-112.
449. *Feldbrugge F.* Law in Medieval Russia. Leiden, Boston 2009.
450. *Feller L.* Introduction. Crises et renouvellements des élites au haut Moyen Âge: mutations ou ajustements des structures? // Les Élités au haut Moyen Âge. Crises et renouvellements. Sous la direction de F. Bougard, L. Feller et R. Le Jan. Turnhout, 2006, p. 5-22.
451. *Franklyn S., Shepard J.* The Emergence of Rus: 750–1200. London, New York, 1996.
452. Der frühmittelalterliche Staat – Europäische Perspektiven. Hrsg. von W. Pohl und V. Wieser. Wien, 2009.
453. *Gebauer J.* Slovník staročeský. Díl I-II. Praha, 1970 (1-е изд.: 1900-1916 гг.).
454. *Gelting M. H.* Military organization, social power and state formation in Denmark, 11th-13th century // Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1-1300: Papers from an International Research Seminar at the Danish National Museum, Copenhagen, 2-4 May 1996. Edited by A. N. Jørgensen and B. L. Clausen. Copenhagen, 1997, p. 48-54.
455. *Genicot L.* Recent Research on the Medieval Nobility // The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century. Edited and translated by T. Reuter. Amsterdam, New York, Oxford, 1979, p. 17-35 (1-е изд. в 1975 г. на французском языке).
456. Geschichtliche Grundbegriffe: historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bde. 1-8. Stuttgart 1972-1997.
457. *Ginter K.* Problem družyny wczesnośredniowiecznej w Polsce // Kopijnicy, szyprowie, tenutariusze. Red. B. Śliwiński (=Gdańskie Studia z Dziejów Średniowiecza, Nr 8, 2002). Gdańsk, 2002, s. 51-74.
458. *Goehrke C.* Einwohnerzahl und Bevölkerungsdichte altrussischer Städte – methodische Möglichkeiten und vorläufige Ergebnisse // FOG. Bd. 18 (1973), S. 25-53.
459. *Goetz H.-W.* Social and Military Institutions // The New Cambridge Medieval History. Edited by R. McKitterick. Vol. II: c. 500-c.700. Cambridge, 1995, p. 451-480.
460. *Graus F.* Über die sogenannte germanische Treue // Historica. T. I (1959), s. 71-121.
461. *Graus F.* Deutsche und slawische Verfassungsgeschichte // HZ. Bd. 197 (1963), S. 265-317.
462. *Graus F.* Raně středověké družiny a jejich význam při vzniku států ve střední Evropě // ČČH. Roč. XIII (1965), číslo 1, s. 1–18.
463. *Graus F.* Die Entstehung der mittelalterlichen Staaten in Mitteleuropa // Historica. T. X (1965), s. 5-65.

464. *Graus F.* Herrschaft und Treue // *Historica*. T. XII (1966), s. 5-44.
465. *Graus F.* À propos de l'évolution de la noblesse en Bohême du IXe au XIIIe siècle // *L'Europe aux IXe–XIe siècle: Aux origines des États nationaux*. Sous la direction de T. Manteuffel et A. Gieysztor. Varsovie, 1968, p. 205-210.
466. *Green D. H.* The Carolingian lord: semantic studies on four Old High German words: balder, frô, truhtin, hêrro. Cambridge 1965.
467. *Green D. H.* Language and History in the Early Germanic World. Cambridge 1998.
468. *Green J. A.* The last century of Danegeld // *EHR*. No. CCCLXXIX (April 1981), p. 241-258.
469. *Guilhiermoz P.* Essai sur l'origine de la noblesse en France au Moyen Âge. Paris, 1902.
470. *Halbach U.* Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert: eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Ruß. Stuttgart, 1985.
471. *Halsall G.* Warfare and Battle in the Barbarian West 450-900. London, 2003.
472. Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Bd. 1. Berlin, 1964.
473. *Harris J.* Love and Death in the *Männerbund*: An Essay with Special Reference to the *Bjarkamál* and *The Battle of Maldon* // *Heroic Poetry in the Anglo-Saxon Period: Studies in Honor of Jess B. Bessinger Jr.* Ed. by Helen Danico and John Leyerle. Kalamazoo, MI, 1993, p. 77-114.
474. *Hasenfratz H. P.* Der indogermanische „Männerbund“: Anmerkungen zur religiösen und sozialen Bedeutung des Jugendalters // *Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte*. Bd. 34 (1982), S. 148-163.
475. *Hauptová Z.* Církevněslovanské písemnictví v přemyslovských Čechách // *Jazyk a literatura v historické perspektivě*. Ústí n. L., 1998, s. 5–42.
476. *Havlík L.* Morava v 9.-10. století. K problematice politického postavení, sociální a vládní struktury a organizace. Praha, 1978.
477. *Havlík L.* Slovanské státní útvary raného středověku. Praha, 1987.
478. *Hechberger W.* Adel, Ministerialität und Rittertum im Mittelalter. München, 2004.
479. *Hechberger W.* Adel im fränkisch-deutschen Mittelalter. Zur Anatomie eines Forschungsproblems. Ostfildern, 2005.
480. *Helle K.* The Norwegian Kingdom: succession disputes and consolidation // *The Cambridge History of Scandinavia*. Vol. I: Prehistory to 1520. Ed. by Knut Helle. Cambridge, 2003, p. 369-391.
481. *Heller K.* Russische Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Bd. 1: Die Kiewer und die Moskauer Periode (9.–17. Jahrhundert). Darmstadt, 1987.
482. *Hellmann M.* Grundfragen der slawischen Verfassungsgeschichte des frühen Mittelalters // *JGO*. Bd. 2 (1954), S. 387-404.
483. *Hellmann M.* Herrschaftliche und genossenschaftliche Elemente in der mittelalterlichen Verfassungsgeschichte der Slawen // *Zeitschrift für Ostforschung*. Bd. 7 (1958), S. 321-338.
484. *Hellmann M.* Probleme des Feudalismus in Rußland // *Studien zum mittelalterlichen Lehnswesen*. Vorträge gehalten in Lindau am 10.-13. Oktober 1956 (=Vorträge und Forschungen 5). Lindau, Konstanz, 1960, S. 235-258.
485. *Hellmann M.* Die Handelsverträge des 10. Jahrhunderts zwischen Kiev und Byzanz // *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa*. Teil IV: Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit. Bericht über die Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Mittel- und Nordeuropas in den Jahren 1980 bis 1983. Hrsg. von Klaus Düwel, Herbert Jankuhn, Harald Siems, Dieter Timpe (=Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Dritte Folge. Nr. 156). Göttingen, 1987, S. 643-666.
486. *Hess H.* Die Entstehung zentraler Herrschaftsinstanzen durch die Bildung klientelärer Gefolgschaft. Zur Diskussion um die Entstehung staatlich organisierter Gesellschaften // *Kölnische Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Jg. 29 (1977), S. 762-778.

487. Hiérarchie et stratification sociale dans l'Occident médiéval (400-1100). Ed. par F. Bougard, D. Iogna-Prat, R. Le Jan. Turnhout: «Brepols», 2009.
488. *Hildermeier M.* Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München, 2013.
489. *Hill J. M.* The Anglo-Saxon Warrior Ethic: Reconstructing Lordship in Early English Literature. Gainesville etc., 2000.
490. *Hintze O.* Wesen und Verbreitung des Feudalismus. Berlin, 1929.
491. *Höfler O.* Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. Frankfurt/M, 1934.
492. *Hooper N.* The Housecarls in England in the Eleventh Century // Anglo-Norman Warfare. Studies in Late Anglo-Saxon and Anglo-Norman Military Organization and Warfare. Ed. by Matthew Strickland. Woodbridge, 2000, p. 1-16 (1-е изд.: 1985 г.)
493. *Howard-Johnston J.* The De aministrando imperio: A Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997. Éd. M. Kazanski, A. Nersessian et C. Zuckerman. Paris, 2000, p. 301-336.
494. *Hudson J.* The Oxford History of the Laws of England. Vol. II: 871-1216. Oxford, 2012.
495. *Imsen S.* King Magnus and his Liegemen's 'Hirdskrå': A Portrait of the Norwegian Nobility in the 1270s // Nobles and Nobility in Medieval Europe. Concepts, Origins, Transformations. Ed. by A. J. Duggan. Woodbridge, 2000, p. 205-222.
496. *Irsigler F.* On the Aristocratic Character of Early Frankish Society // The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century. Edited and translated by T. Reuter. Amsterdam, New York, Oxford, 1979, p. 105-136 (1-е изд. в 1969 г. на немецком языке).
497. *Jan L.* K počátkům české šlechty. Družina, beneficium, pozemkové vlastnictví // Šlechta, moc a reprezentace ve středověku. Ed. M. Nodl, M. Wihoda (=Colloquia mediaevalia Pragensia 9). Praha, 2007, s. 45-52.
498. *Jansson I.* Warfare, trade or colonisation? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the viking period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19-20 October 1996 in the manor of Karlslund, Örebro. Lectures. Edited by Pär Hansson. Örebro, 1997, p. 9-64.
499. *Jørgensen P. J.* Dansk Retshistorie: Retskildernes og forfatningsrettens historie indtil sidste halvdel af det 17. aarhundrede. 4. oplag. København, 1969 (1-е изд.: 1940 г.).
500. *Jurek T.* Geneza szlachty polskiej // Šlechta, moc a reprezentace ve středověku. Ed. M. Nodl, M. Wihoda (=Colloquia mediaevalia Pragensia 9). Praha, 2007, s. 63-140.
501. *Kalhous D.* Čeští velmoži 10. věku // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity, C, Řada historická. 52 (2005), s. 5-13.
502. *Kara M.* Siły zbrojne Mieszka I // Kronika Wielkopolski. Nr. 3 (62), r. 1992. Poznań, 1993, s. 33-47.
503. *Kara M.* Anfänge der Bildung des Piastenstaates im Lichte neuer archäologischer Ermittlungen // *QMAN*, vol. V: 10th Century: Roma, Galia, Germania, Sclavinia, 2000, p. 57-85.
504. *Kara M.* Najstarsze państwo Piastów – rezultat przełomu czy kontynuacji? Studium archeologiczne. Poznań, 2009.
505. *Kemble J. M.* The Saxons in England. Vol. I. London, 1876 (1-е изд.: 1846 г.).
506. *Kienast W.* Gefolgswesen und Patrocinium im spanischen Westgotenreich // HZ. Bd. 239 (1984), S. 24-75.
507. *Kienast W.* Die fränkische Vassalität: von den Hausmeiern bis zu Ludwig dem Kind und Karl dem Einfältigen. Hrsg. von P. Herde. Frankfurt-am-Main, 1990.
508. *Konzal V.* První slovanská legenda václavská a její "Sitz am Leben" // *Studia mediaevalia pragensia*. T. I. Praha, 1998, s. 113-127.
509. *Kristensen A. K.G.* Tacitus' germanische Gefolgschaft. København, 1983.

510. *Kroeschell K.* Haus und Herrschaft im frühen deutschen Recht // *Kroeschell K.* Studien zum frühen und mittelalterlichen deutschen Recht. Berlin, 1995 (1-е изд.: 1968 г.), S. 113-156.
511. *Kroeschell K.* Die Treue in der deutschen Rechtsgeschichte // *Kroeschell K.* Studien zum frühen und mittelalterlichen deutschen Recht. Berlin, 1995, S. 157-181 (1-е изд.: 1969 г.).
512. *Kroeschell K.* Führer, Gefolgschaft und Treue // *Kroeschell K.* Studien zum frühen und mittelalterlichen deutschen Recht. Berlin, 1995, S. 183-210 (1-е изд.: 1994 г.).
513. *Krzemieńska B.* Krize českého státu na přelomu tisíciletí // *ČČH.* Roč. 18 (1970), s. 497-532.
514. *Krzemieńska B., Třeštík D.* Wirtschaftliche Grundlagen des frühmittelalterlichen Staates in Mitteleuropa (Böhmen, Polen, Ungarn im 10.-11. Jahrhundert) // *APH.* T. 40 (1979), p. 5-31.
515. *Kubiak W.* Zagadnienie "odważników handlowych" u Ibrāhīma ibn Ja'kūba // *Slavia Antiqua.* T. 5 (1956), s. 368-375.
516. *Kuhn H.* Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung.* Bd. LXXIII (1956), S. 1-83.
517. *Kuhn H., Wenskus R.* Antrustio // *RGA.* Bd. I (1971), S. 360-361.
518. *Labuda G.* Ibrahim Ibn Jakub. Najstarsza relacja o Polsce w nowym wydaniu // *Roczniki Historyczne.* Rocznik XVI (1947), s. 100-183.
519. *Labuda G.* Pierwsze państwo polskie. Kraków, 1989.
520. *Labuda G.* Przeobrażenia w organizacji polskich sił zbrojnych w XI wieku // *Pax et bellum.* Red. K. Olejnik. Poznań, 1993, s. 87-110.
521. *Landolt Ch.* Gefolgschaft: Sprachliches // *RGA.* Bd. X (1998), S. 533-537.
522. *Larson L. M.* The King's Household In England Before The Norman Conquest. New York, 1969 (1-е изд.: 1904 г.).
523. *Le Jan-Hennebicque R.* Satellites et bandes armées dans le monde franc (VIIe-Xe siècles) // *Le combattant au moyen âge.* Paris, 1995, p. 97-110 (1-е изд.: 1991 г.).
524. *Le Jan R.* Introduction // *L'historiographie des élites dans le Haut Moyen Âge,* 2003 (<http://lamop.univ-paris1.fr/IMG/pdf/introduction.pdf>, дата обращения: 15.03.2013).
525. *A Greek-English lexicon: With a revised supplement.* Compiled by Henry George Liddell and Robert Scott. Revised and augmented throughout by Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie and with the cooperation of many scholars. 9th ed. Oxford, 1996.
526. *Lind J. H.* The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus' // *Slavonic and East European Review.* Vol. 62 (1984). № 3, p. 362-370.
527. *Lindow J.* Comitatus, Individual and Honor: Studies in North Germanic Institutional Vocabulary. Berkeley etc., 1976.
528. *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. I-VI. Warszawa 1963-1985.
529. *Loyn H. R.* Gesiths and Thegns in Anglo-Saxon England from the Seventh to the Tenth Century // *EHR.* Vol. 70, No. 277 (October 1955), p. 529-549.
530. *Lübke Ch.* Fremde im östlichen Europa: von Gesellschaften ohne Staat zu verstaatlichten Gesellschaften (9.-11. Jahrhundert). Köln etc., 2001.
531. *Macháček J.* Středoevropský model a jeho archeologické testování // *ČČH.* Roč. 106 (2008), č. 3, s. 598-626.
532. *Magnou-Nortier E.* Foi et fidélité. Recherches sur l'évolution des liens personnelles chez les Francs du VIIe au IXe siècle. Toulouse, 1976.
533. *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10 Jhds. aus rechtshistorischer Sicht. Ein erster Deutungsversuch // *BSI.* Roč. 58 (1997), č. 2, s. 233-250.
534. *Malingoudi J.* Der rechthistorische Hintergrund einiger Verordnungen aus den russisch-byzantinischen Verträgen des 10. Jhds. // *BSI.* Roč. 59 (1998), č. 2, s. 52-64.

535. *Mareš F. V.* Církevněslovanské písemnictví v Čechách // *Mareš F. V.* Cyrilometodějská tradice a slavistika. Praha, 2000, s. 256–327 (1-е изд.: 1970 г.).
536. *Martin J.* Medieval Russia, 980–1584. Cambridge, 1995.
537. The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century. Edited and translated by T. Reuter. Amsterdam, New York, Oxford, 1979.
538. *Meier M.* Männerbund // RGA. Bd. XIX (2001), S. 105-110.
539. *Melnikova E.* The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century // *Studia anthroponymica Scandinavica*. Tidskrift för nordisk personnamnsforskning. B. 22. Uppsala, 2004, s. 5–27.
540. *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
541. Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1-1300: Papers from an International Research Seminar at the Danish National Museum, Copenhagen, 2-4 May 1996. Edited by A. N. Jørgensen and B. L. Clausen. Copenhagen, 1997 (=Publications from the National Museum, Studies in Archaeology & History, 2).
542. *Mishin D.* Ibrahim Ibn-Ya'qub at-Turtushi's Account of the Slavs from the Middle of the Tenth Century // *Annual of medieval studies at CEU [Central European University, Budapest]*. Vol. 2 (1996), p. 184-199.
543. *Mitteis H.* Der Staat des hohen Mittelalters. Grundlinien einer vergleichenden Verfassungsgeschichte des Lehnszeitalters. 4. Auflage. Weimar, 1953 (1-е изд.: 1940 г.).
544. *Modzelewski K.* Comites, principes, nobiles. The Structure of the Ruling Class as reflected in the Terminology Used by Gallus Anonymus // *The Polish Nobility in the Middle Ages. Anthologies*. Ed. A. Gašiorowski. Wrocław etc., 1984, s. 177-206 (впервые на польском языке в 1976 г.).
545. *Modzelewski K.* Chłopi w społeczeństwie polskim. Wrocław, 1987.
546. *Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.
547. *Mühle E.* Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus'. Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991.
548. *Müller L.* War Jan Vyšatič ein Enkel des Ostromir? // *Die Welt der Slawen*. Jhrg. III (1958), Heft 3, S. 253-256.
549. *Nadolski A.* Polskie siły zbrojne i sztuka wojenna v początkach państwa polskiego // *Początki państwa polskiego. Księga tysiąclecia*, Poznań 2002 (1-изд.: 1962 г.), с. 187-212.
550. *Nazarenko A. V.* Fürstliche Residenz und Hauptstadt in der Alten Rus' (10.-12. Jahrhundert) // *Places of Power – Orte der Herrschaft – Lieux du Pouvoir*. Hrsg. von C. Ehlers. Göttingen, 2007 (=Deutsche Königspfalzen. Beiträge zu ihrer historischen und archäologischen Erforschung. Bd. 8), S. 277-288.
551. *Nelson J. L.* Politics and Ritual in Early Medieval Europe. London 1986.
552. *Nelson J. L.* Kingship and royal government // *The New Cambridge Medieval History*. Edited by R. McKitterick. Vol. II: c. 500-c.700. Cambridge, 1995, p. 383-430.
553. Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademiceskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja und ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller // *Handbuch zur Nestorchronik*. Hrsg. von L. Müller. Bd. IV. München, 2001.
554. *The New Cambridge Medieval History*. Edited by R. McKitterick. Vol. II: c. 500-c.700. Cambridge, 1995.
555. *Niermeyer J. F., Van de Kieft C.* Mediae Latinitatis Lexicon Minus. Revised by J. W. J. Burgers. Leiden, Darmstadt, 2002.
556. *Nobles and Nobility in Medieval Europe. Concepts, Origins, Transformations*. Ed. by A. J. Duggan. Woodbridge, 2000.
557. *Olsen O.* Nonnebakken // RGA. Bd. XXI (2002), S. 267-269.

558. *Orning H. J.* Unpredictability and Presence. Norwegian Kingship in the High Middle Ages. Leiden-Boston, 2008 (перевод с норвежского: Alan Crozier).
559. *Ostrowski D.* The Načal'nyj Svod Theory and the Povest' Vremennykh let // *Russian Linguistics*. Vol. 31 (2007). № 3, p. 269-308.
560. *Platzmann J. O.* Princeps und Populus. Die Gefolgschaft im ottonischen Staatsaufbau nach den sächsischen Geschichtsschreibern des 10. Jahrhunderts. Göttingen 1954.
561. *Plezia M.* Najstarszy zabytek historiografii polskiej. Zaginiony żywot św. Wojciecha // *PH*. T. 43 (1952), z. 2, s. 532-570.
562. *Pohl W.* Die Germanen. München 2000 (=Enzyklopädie deutscher Geschichte, Bd. 57).
563. *Pohl W.* Staat und Herrschaft im Frühmittelalter: Überlegungen zum Forschungsstand // Staat im frühen Mittelalter. Hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006, S. 9-38.
564. *Poppe A.* Opowieść latopisarska o wyprawie "na Greków" w r. 1043 // *Slavia Orientalis*. T. 16 (1967), z. 4, s. 349-362.
565. *Poppe A.* Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslawen in der Zeit vom 10. bis zum 13. Jahrhundert // *Österreichische Osthefte*. Jahrgang 30 (1988), S. 457-506.
566. *Poppe A.* Words that serve the Authority. On the Title of "Grand Prince" in Kievan Rus' // *APH*. T. 60 (1989), p. 159-184.
567. *The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis*. Editor and collator Donald Ostrowski, with David Birnbaum and Horace G. Lunt. Vol. 1-3 (=Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. X, parts 1-3). Cambridge MA, 2004.
568. *Prestwich J. O.* The military household of the Norman kings // *Anglo-Norman Warfare*. Studies in Late Anglo-Saxon and Anglo-Norman Military Organization and Warfare. Ed. by Matthew Strickland. Woodbridge, 2000, p. 93-127 (1-е изд.: *EHR*, vol. 96 (1981), no. 378, p. 1-35).
569. *Prodi P.* Das Sakrament der Herrschaft: der politische Eid in der Verfassungsgeschichte des Okzidents. Berlin, 1997 (1-е изд. на итальянском языке: Bologna, 1997).
570. *Rady M. C.* Nobility, Land and Service in Medieval Hungary. New York, 2000.
571. *Rance Ph.* A Gallicism and Continuity in Late Roman Cavalry Tactics // *Phoenix*. Vol. 58 (2004), p. 96-130.
572. *Reuter T.* Introduction // *The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century*. Edited and translated by T. Reuter. Amsterdam, New York, Oxford, 1979, p. 1-16.
573. *Reuter T.* Plunder and Tribute in the Carolingian Empire // *Transactions of the Royal Historical Society*. 5th ser. Vol. 35 (1985), p. 75-94.
574. *Reuter T.* The Medieval Nobility in Twentieth-Century Historiography // *Companion to Historiography*. Ed. by M. Bentley. London, New-York, 1997, p. 177-202.
575. *Reuter T.* The Recruitment of Armies in the Early Middle Ages: what can we know? // *Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1-1300: Papers from an International Research Seminar at the Danish National Museum, Copenhagen, 2-4 May 1996*. Edited by A. N. Jørgensen and B. L. Clausen. Copenhagen, 1997, p. 32-37.
576. *Reuter T.* Nobles and Others: The Social and Cultural Expression of Power Relations in the Middle Ages // *Nobles and Nobility in Medieval Europe. Concepts, Origins, Transformations*. Ed. by A. J. Duggan. Woodbridge, 2000, p. 85-100.
577. *Reuter T.* King, nobles, others: 'base' and 'superstructure' in the Ottonian period // *Reuter T. Medieval Polities and Modern Mentalities*. Edited by Janet L. Nelson. Cambridge, 2006 (1-е изд.: 2001 г.), p. 300-324.
578. *Reuter T.* Medieval Polities and Modern Mentalities. Edited by Janet L. Nelson. Cambridge, 2006.
579. *Reynolds S.* Fiefs and vassals: the medieval evidence reinterpreted. Oxford etc., 1994.
580. *Riis Th.* Les Institutions Politiques Centrales du Danemark 1100-1332. Odense, 1977.
581. *Roesdahl E.* Fyrkat // *RGA*. Bd. X (1998), S. 295-301.

582. *Rösener W.* Adelsherrschaft als kulturhistorisches Phänomen. Paternalismus, Herrschaftssymbolik und Adelskritik // HZ. Bd. 268 (1999), S. 1-33.
583. *Rüß H.* Das Reich von Kiew // Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 1. Hrsg. von M. Hellmann, G. Schramm, K. Zernack. Stuttgart, 1981, S. 199-430.
584. *Rüß H.* Eid: Altrußland // Lexikon des Mittelalters. Bd. III. München, 1986, Splt. 1691.
585. *Rüß H.* Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9-17 Jh. Köln, Weimar, Wien, 1994.
586. *Schlesinger W.* Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte // *Schlesinger W.* Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Bd. I: Germanen, Franken, Deutsche. Göttingen, 1963, S. 9-52 (1-е изд.: 1953 г.).
587. *Schlesinger W.* Randbemerkungen zu drei Aufsätzen über Sippe, Gefolgschaft und Treue // *Schlesinger W.* Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Bd. I: Germanen, Franken, Deutsche. Göttingen, 1963, S. 286-334.
588. *Schmid K.* The Structure of the Nobility in the earlier Middle Ages // The Medieval Nobility: Studies on the Ruling Classes of France and Germany from the Sixth to the Twelfth Century. Edited and translated by T. Reuter. Amsterdam, New York, Oxford, 1979, p. 37-59 (1-е изд.: 1959 г. на немецком языке).
589. *Schmidt K. R.* Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240), aus dem Dänischen übersetzt von W. Krämer. Kopenhagen, 1964.
590. *Schmidt-Wiegand R.* Sakebaro // RGA. Bd. XXVI (2004), S. 164-166.
591. *Schneidmüller B.* Von der deutschen Verfassungsgeschichte zur Geschichte politischer Ordnungen und Identitäten im europäischen Mittelalter // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Bd. 53 (2005), S. 485-500.
592. *Schramm G.* Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 2002.
593. *Schröder F. J.* Völker und Herrscher des östlichen Europas im Weltbild Widukinds von Korvei und Thietmars von Merseburg. Münster, 1977.
594. *Schulze H. K.* Grundstrukturen der Verfassung im Mittelalter. Bd. 1: Stammesverband, Gefolgschaft, Lehnswesen, Grundherrschaft. 3. Auflage. Stuttgart etc., 1995 (1-е изд.: 1985 г.).
595. *Schurtz H.* Altersklassen und Männerbünde: Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Berlin, 1902.
596. *Skalski K.* Družyna przyboczna władców zachodniosłowiańskich // Fasciculi historici novi, II: Z dziejów średniowiecznej Europy Środkowo-wschodniej: zbiór studiów. Red. J. Tyszkiewicz. Warszawa, 1998, s. 17-34.
597. *Skalski K.* Rus' Streitkräfte im 10.-11. Jahrhundert // QMAN. Vol. XI: Arms and Armour. W., 2006, s. 305-347 (перевод с польского: D. Fałkowska).
598. *Skovgaard-Petersen I.* The Making of the Danish Kingdom; The Danish Kingdom: consolidation and disintegration // The Cambridge History of Scandinavia. Vol. I: Prehistory to 1520. Ed. by Knut Helle. Cambridge, 2003, p. 168-183, 353-368.
599. *Ślawski F.* Common Slavic *drugъ* and Its Derivatives (Methodological Observations) // *Ślawski F.* Slavica: wybrane studia z językoznawstwa słowiańskiego. Wrocław, 1989, s. 61-64 (1-е изд.: 1982 г.).
600. *Šlechta, moc a reprezentace ve středověku.* Ed. M. Nodl, M. Wihoda (=Colloquia mediaevalia Pragensia 9). Praha, 2007.
601. Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych. Cz. 2: Nazwy osobowe pochodzenia chrześcijańskiego. Kraków, 1995.
602. Słownik prasłowiański. Pod red. F. Ślawskiego. T. IV. Wrocław etc., 1981.
603. Słownik staropolskich nazw osobowych. T. II. Wrocław etc., 1968.
604. Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII, pod red. W. Kowalenki i in. T. 1-8. Wrocław etc., 1961-1996.

605. *Soloviev A. V.* L'organisation de l'État russe au Xe siècle // L'Europe aux IXe–XIe siècle: Aux origines des États nationaux. Sous la direction de T. Manteuffel et A. Gieysztor. Varsovie, 1968, p. 249-268.
606. *Sorlin I.* Les Traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (I) // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Vol. II (1961). № 3, p. 312-360; (II) // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Vol. II (1961). № 4, p. 447-475.
607. *Sorlin I.* Voies commerciales, villes et peuplement de la *Rôsia* au X siècle d'après le *De administrando imperio* de Constantin Porphyrogénète // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997. Éd. M. Kazanski, A. Nersessian et C. Zuckerman. Paris, 2000, p. 337-355.
608. Staat im frühen Mittelalter. Hrsg. von S. Airlie, W. Pohl, H. Reimitz. Wien, 2006.
609. *Stender-Petersen A.* Остромир – Вышата – Янь: генеалогическая заметка // For Roman Jacobson: Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday. The Hague, 1956, p. 530-539.
610. *Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. Oxford, 1971 (1-е изд.: 1943 г.).
611. *Steuer H.* Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa: eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials. Göttingen, 1982.
612. *Steuer H.* Interpretationsmöglichkeiten archäologischer Quellen zum Gefolgschaftsproblem // Beiträge zum Verständnis der Germania des Tacitus. Bericht über die Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Nord- und Mitteleuropas im Jahr 1986 und 1987. Hrsg. von H. Jankuhn und D. Timpe. Teil II. Göttingen, 1992, S. 203-257.
613. *Steuer H.* Gefolgschaft: Archäologisches // RGA. Bd. X (1998), S. 546-554.
614. *Steuer H.* Warrior bands, war lords and the birth of tribes and states in the first millennium AD in Middle Europe // Warfare and society: archaeological and social anthropological perspectives. Ed. by Ton Otto. Aarhus, 2006, p. 227-236.
615. *Stoekl G.* Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 3., erw. Auflage. Stuttgart, 1973.
616. *Strauch D.* Vitherlagsret // RGA. Bd. XXXII (2006), S. 461-469.
617. *Strumiński B.* Linguistic Interrelations in Early Rus': Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries). Roma, 1996.
618. *Surber-Meyer N.-L.* Gift and exchange in the Anglo-Saxon poetic corpus: a contribution towards the representation of wealth. Genève, 1994.
619. Svatý Prokop, Čechy a střední Evropa. Ed. P. Sommer. Praha, 2006.
620. *Tellenbach G.* Königtum und Stämme in der Werdezeit des Deutschen Reiches. Weimar, 1939.
621. Théorie et pratiques des élites au Haut Moyen Âge. Conception, perception et réalisation sociale. Theorie und Praxis frühmittelalterlicher Eliten. Konzepte, Wahrnehmung und soziale Umsetzung. Ed. par F. Bougard, H.-W. Goetz, R. Le Jan. Turnhout: «Brepols», 2011.
622. *Thörnqvist C.* Studien über die nordischen Lehnwörter im Russischen. Uppsala, 1948.
623. *Tiefenbach H., Claude D.* Gardingus // RGA. Bd. X (1998), S. 441-442.
624. *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2000. № 1, с. 196-218.
625. *Timpe D.* Zum politischen Charakter der Germanen in der "Germania" des Tacitus // *Timpe D.* Romano-Germanica. Gesammelte Studien zur „Germania“ des Tacitus. Stuttgart, Leipzig, 1995, S. 145-168 (1-е изд.: 1988 г.).
626. *Timpe D.* Gefolgschaft: Historisches // RGA. Bd. X (1998), S. 537-546.
627. *Timpe D.* Die *Germania* des Tacitus. Germanische Ethnographie und römische Zeitgeschichte // Feindliche Nachbarn: Rom und die Germanen. Hrsg. von H. Schneider. Köln etc., 2008, S. 167-200.

628. *Timpe D., Scheibelreiter G., Daxelmüller Ch.* Geheimbünde // RGA. Bd. X (1998), S. 558-565.
629. *Tinnefeld F.* Zum Stand der Olga-Diskussion // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur. Hrsg. von L. Hoffmann. Wiesbaden, 2005, S. 531-567.
630. *Třeštík D.* Počátky Přemyslovců. Vstup čechů do dějin (530–935). Praha, 1997.
631. *Třeštík D.* “Eine grosse Stadt der Slawen namens Prag” (Staaten und Sklaven in Mitteleuropa im 10. Jahrhundert) // Boleslav II. Der tschechische Staat um das Jahr 1000. Internationales Symposium Praha 9.-10. Februar 1999. Hrsg. von Petr Sommer. Praha, 2001 (=Colloquia mediaevalia Pragensia 2), s. 93-138.
632. *Třeštík D.* Slovanská liturgie a písemnictví v Čechách 10. století. Představy a skutečnost // Svatý Prokop, Čechy a střední Evropa. Ed. P. Sommer. Praha, 2006, s. 189–218.
633. *Třeštík D., Žemlička J.* O modelech vývoje přemyslovského státu // ČČH. Roč. 105 (2007), číslo 1, s. 122-164.
634. *Vaillant A.* Une homélie de Méthode // RÉ.S. T. 23. Fascicules 1-4. Paris, 1947, p. 34-47.
635. *van Wijk N.* Zur sprachlichen und stilistischen Würdigung der Vita Constantini // Südost-Forschungen. Bd. 6. München, 1941, S. 74–102.
636. *Vaněček V.* Les “družiny” (gardes) princières dans les débuts de l’État tchèque // CPH. T. II (1949), s. 427-448.
637. *Vaníček V.* Sociální mentalita české šlechty: urozenost, rytířství, reprezentace. Obecné souvislosti, pojetí družiny, “modernizační” trend // Šlechta, moc a reprezentace ve středověku. Ed. M. Nodl, M. Wihoda (=Colloquia mediaevalia Pragensia 9). Praha, 2007, s. 141-188.
638. *Vašica J.* Literární památky epochy velkomoravské, 863–885. Praha, 1996 (1-е изд.: 1965 г.).
639. *Vernadsky G.* Feudalism in Russia // Speculum. Vol. 14 (1939). № 3, p. 300-323.
640. *Vernadsky G.* Kievan Russia. New Haven 1948.
641. *von Olberg G.* Die Bezeichnungen für soziale Stände, Schichten und Gruppen in den Leges barbarorum. Berlin–New York, 1991.
642. *von See K.* Altnordische Rechtswörter. Philologische Studien zur Rechtsauffassung und Rechtsgesinnung der Germanen. Tübingen, 1964.
643. *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte: Die Verfassung des deutschen Volkes in ältester Zeit. Bd. 1. Darmstadt, 1953 (4-е издание последнего прижизненного, вышедшего в 1879 г.; 1-е изд.: 1844 г.).
644. *Wasilewski T.* Studia nad składem społecznym wczesnośredniowiecznych sił zbrojnych na Rusi // Studia wczesnośredniowieczne. T. IV. Wrocław-Warszawa, 1958, s. 301-389.
645. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. Studienausgabe. 5. Aufl. Tübingen, 1980 (1-е изд.: 1921-1922 гг.).
646. *Weingart M.* První česko-církevněslovanská legenda o svatém Václavu. Rozbor filologický // Svatováclavský sborník. Na památku 1000. výročí smrti knížete Václava svatého. I: Kníže Václav svatý a jeho doba. Praha, 1934, s. 863–1088.
647. *Weiser L.* Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde: ein Beitrag zur deutschen und nordischen Altertums- und Volkskunde. Bühl, 1927.
648. *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln etc., 1961.
649. *Wenskus R.* Probleme der germanisch-deutschen Verfassungs- und Sozialgeschichte im Lichte der Ethnosoziologie // Historische Forschungen für Walter Schlesinger. Hrsg. von Helmut Beumann. Köln, 1974, S. 19-46.
650. *Wenskus R.* Die neuere Diskussion um Gefolgschaft und Herrschaft im Tacitus’ Germania // Beiträge zum Verständnis der Germania des Tacitus. Bericht über die Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Nord- und Mitteleuropas im Jahr 1986 und 1987. Hrsg. von H. Jankuhn und D. Timpe. Teil II. Göttingen, 1992, S. 311-331.

651. *Werner K. F.* Adel – „Mehrzweck-Elite“ vor der Moderne? // *Werner K. F.* Einheit der Geschichte. Studien zur Historiographie. Hrsg. von W. Paravicini. Sigmaringen, 1999, S. 120-136 (1-e изд.: 1994 г.).
652. *Whitelock D.* Beginnings of English Society. Harmondsworth, 1974 (1-e изд.: 1952 г.).
653. *Wickham Ch.* The Changing Composition of Early Élites // *Théorie et pratiques des élites au Haut Moyen Âge. Conception, perception et réalisation sociale. Theorie und Praxis frühmittelalterlicher Eliten. Konzepte, Wahrnehmung und soziale Umsetzung.* Ed. par F. Bougard, H.-W. Goetz, R. Le Jan. Turnhout: «Brepols», 2011, p. 5-17.
654. *Wihoda M.* Kníže a jeho věrní. Kosmas o světě předáků a urozených // *Šlechta, moc a reprezentace ve středověku.* Ed. M. Nodl, M. Wihoda (=Colloquia mediaevalia Pragensia 9). Praha, 2007, s. 11-30.
655. *Wolverton L.* Hastening towards Prague. Power and Society in the Medieval Czech Lands. Philadelphia, 2001.
656. *Woolf R.* The Ideal of Men Dying With Their Lord in the *Germania* and in *The Battle of Maldon* // *Anglo-Saxon England.* Vol. 5. Cambridge etc., 1976, p. 63-81.
657. *Wormald P.* Celtic and Anglo-Saxon Kingship: Some Further Thoughts // *Sources of Anglo-Saxon Culture.* Ed. by P. Szarmach with V. D. Oggins. Kalamazoo, MI, 1986, p. 151-183.
658. *Wormland P.* Review: *Evans S.* Lords of Battle // *EHR.* Vol. CXIV, No. 457 (1999), p. 672-673.
659. *Wortley J., Zuckerman C.* The Relics of Our Lord's Passion in the Russian Primary Chronicle // *BB.* T. 63 (88) (2004), c. 67-75.
660. *Žemlička J.* Das Reich des böhmischen Boleslavs und die Krise an der Jahrtausendwende // *Archeologické rozhledy.* T. XLVII (1995), s. 267–278.
661. *Žemlička J.* Čechy v době knížecí (1034–1198). Praha, 1997.
662. *Žemlička J.* „Dvacet pánů“ české země. K vymezení panujícího rodu v 11. a 12. století // *Časopis Matice moravské.* Vol. 17 (1998), s. 293-309.
663. *Žemlička J.* Gemeinsame Züge der mitteleuropäischen Staaten // *Europas Mitte um 1000.* Hrsg. von Alfried Wiczorek und Hans-Martin Hinz. Bd. 1. Darmstadt, 2000, S. 830-833.
664. *Zháněl S.* Jak vznikla staročeská šlechta. Brno, 1930.
665. *Ziemann D.* The Rebellion of the Nobles against the Baptism of Khan Boris (865-866) // *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium.* Vol. 2: Byzantium, Pliska, and the Balkans. Ed. by J. Hennig. Berlin, NY, 2007, p. 612-624.
666. *Zientara B.* Społeczeństwo polskie X–XII wieku // *Ihnatowicz I., Mączak A., Zientara B., Żarnowski J.* Społeczeństwo polskie od X do XX w. Warszawa, 1988, s. 37-88.
667. *Żmudzki P.* Mieszko I i amazonki. Wspólnoty wojownicze i normy życia rodzinnego w relacji Ibrahima ibn Jakuba // *Tekst źródła – krytyka, interpretacja.* Red. B. Trelńska. Warszawa, 2005, s. 99-126.
668. *Żmudzki P.* Władca i wojownicy. Narracje o wodzach, drużynie i wojnach w najdawniejszej historiografii Polski i Rusi. Wrocław, 2009.
669. *Zuckerman C.* On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo // *Ruthenica.* T. X. Київ, 2011, c. 7-56.

Список принятых в работе сокращений для некоторых изданий

БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси. Под редакцией Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Т. 1–16. СПб., 1997—2010.
БРЭ	Большая Российская Энциклопедия. Т. 1–20. М., 2004–2012.
ВВ	Византийский временник. М.
ВЕДС	Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 1985–2012.
ВИ	Вопросы истории
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ДГ	Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР): Материалы и исследования.
ДР	Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения, Санкт-Петербург.
ЗАН	Записки императорской Академии наук, Санкт-Петербург.
ИМ	Историк-марксист. М.
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., Л.
ИСССР	см. РИ
НПЛ 1950	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
ОИ	см. РИ
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. Т. 1–42. СПб./Пг./Л./М., 1841–2002.
РА	Российская археология (до № 2 1992 г.: Советская археология). М.
РИ	Российская история (до № 2 1992 г.: История СССР; до № 1 2009 г.: Отечественная история). М.
СА	см. РА
СВ	Средние века. [Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени.] М.
СДРЯ	Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1–8. М., 1988—2008.
СР	Средневековая Русь. М.
СРЯ	Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.
СРЯ XVIII века	Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–19. Л., СПб., 1984–2011.
ССЯ	Словарь старославянского языка. [Репринт издания:] Slovník jazyka staroslověnského/Lexikon linguae palaeoslovenicae. Т. I–IV (Praha, 1958–1997). Т. 1–4. СПб., 2006.
СЭ	см. ЭО
ТОДРЛ	Труды Отдела Древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). Л., СПб.

ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.
ЭО	Этнографическое обозрение, до 1992 г. – Советская этнография (СЭ). М.
ЭССЯ	Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачёва. Вып. 1–37. М., 1974–2011.
APH	Acta Poloniae Historica. Wrocław etc.
BSI	Byzantinoslavica–Revue internationale des Études byzantines. Praha.
ČČH	Český (до 1990 г. – Československý) časopis historický. Praha
CPH	Časopismo prawno-historyczne. Poznań.
EHR	The English Historical Review. Oxford
FOG	Forschungen zur osteuropäischen Geschichte
HZ	Historische Zeitschrift. München
JGO	Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Stuttgart
MGH	Monumenta Germaniae Historica
MMFH	Magnae Moraviae fontes historici. T. 1-4. Brno, 1966-1971.
PH	Przegląd historyczny
Pomniki/MPH	Pomniki dziejowe Polski / Monumenta Poloniae historica
QMAN	Quaestiones Mediae Aevi Novae. Warszawa
RÉB	Revue des études byzantines. Paris
RÉS	Revue des études slaves. Paris
RGA	Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Hrsg. von H. Jankuhn, H. Beck u.a. Bände 1-35, 2 Registerbände. Berlin–New York, 1968/73–2008.
RH	RH/Histoire Russe

Список сокращений для летописных памятников

ИпатЛ	Ипатьевская летопись
ЛаврЛ	Лаврентьевская летопись
МосАкЛ	Московская Академическая летопись
НовКЛ	Новгородская Карамзинская летопись
НовСофС	Новгородско-Софийский свод
НС	Начальный свод
Н1Лм	Новгородская Первая летопись младшего извода
Н1Лс	Новгородская Первая летопись старшего извода
Н4Л	Новгородская Четвёртая летопись
ПВЛ	Повесть временных лет
РадзЛ	Радзивилловская летопись
С1Л	Софийская первая летопись
ТрЛ	Троицкая летопись